СОЧИНЕНИЯ

ПУШКИНА

ИЗДАНИЕ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

II. ПРИМЕЧАНИЯ К ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫМ, КРИТИЧЕСКИМ, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИМ И ПОЛЕМИЧЕСКИМ СТАТЬЯМ И ЗАМЕТКАМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Март 1929 г.
Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания *Н. К. Козмин*

Начато набором в 1912 г. — Окончено печатанием в марте 1929 г.

Тит. л. + V + 1046 стр.
Ленинградский Областлит № 15904. — 65 7/8 печ. л. — Тираж 3000
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия, 12

lib.pushkinskijdom.ru

ОГЛАВЛЕНІЕ

стр.

1815

Мои мысли о Шаховскомъ 3

1819

Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ 5

1820-е годы

О фр⟨анцузской⟩ словесности 12
[О драматическихъ произведеніяхъ] 15

1822

[О слогѣ] 17

1824

[О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности] 20
Письмо къ издателю С⟨ына⟩ О⟨течества⟩ 25

1824—1826

[О вдохновеніи и восторгѣ] 27

1825

О г-жѣ Сталь и о Г. А. М-вѣ 33
О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова. 40
[О переводчикахъ] 46
Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины. 46
[О романахъ Вальтера Скотта] 46
[Объ Андреѣ Шенье] 48
[О дѣленіи Европы на классическую и романтическую] 51
[Замѣчанія на Анналы Тацита] 52

1826

[О народности въ литературѣ] 58
О народномъ воспитаніи 61

lib.pushkinskijdom.ru

стр

1827

[О Байронѣ]..... 76
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія 82
[О смѣлости выраженій]..... 99
[Объ альманахѣ «Сѣверная Лира»] 101

1828

Въ зрѣлой словесности приходитъ время..... 108

1829

Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей..... 111
[Литературное общество] 129
[Ромео и Джюльета, Шекспира] 133

1829—1830

[Альманашникъ]..... 135

Начало 1830-х годов

[Объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь]. 145

1830

Дѣтская книжка..... 147
[Объ А. Шенье, какъ классикѣ]..... 153
[О некрологіи генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго]..... 156
[О переводѣ романа Бенжамена Констана «Адольфъ»]..... 159
Иліада Гомерова 166
[О литературной критикѣ]..... 169
Исторія Русскаго народа..... 178
Юрій Милославскій, или Русскіе въ 1612 году..... 194
[О запискахъ Самсона]..... 197
[О разговорѣ у княгини Халдиной]..... 205
[О статьяхъ князя Вяземскаго]..... 209
[О карикатурѣ въ Англіи и о Полевомъ]..... 214
[Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ]..... 219
[О гекзаметрахъ Мерзлякова]..... 225
[О запискахъ Видока]..... 235
[О личностяхъ въ критикѣ]..... 253
[О неблаговидности нападокъ на дворянство]..... 257
[О выходкахъ противъ литературной аристократіи]..... 261
[Разговоръ]..... 270

lib.pushkinskijdom.ru

стр.

1830

[Отрывки изъ разговоровъ]. 278
[О журнальной критикѣ и полемикѣ]..... 284
[Критическія замѣтки]..... 286
[О Дельвигѣ и Кирѣевскомъ] 322
[О безнравственности поэтическихъ произведеній] 327
[Грамматическія замѣчанія]..... 336
[О приличіи въ литературѣ] 339
Критика вообще. Крит‹ика› наука 347
[О драмѣ]..... 350
[Баратынскій]..... 395

1831

Дельвигъ..... 416
[О русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной]..... 425
Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme *(Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма)*. — Парижъ, 1829 (I т. въ 16 д. л.).
Les Consolations, poésies, par Sainte-Beuve *(Утѣшенія,* Стихотворенія Сентъ-Бёва). — Парижъ, 1830 (I т. въ 18 д. л.). 434
Торжество дружбы, или оправданный Александръ Аноимовичь Орловъ 443
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ..... 465
[О дворянствѣ] 471

1832

Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый anti-поэтическій. 479
[О книгѣ А. Н. Муравьева «Путешествіе ко св. мѣстамъ»]... 492

1833

[О сочиненіяхъ П. А. Катенина]..... 494

1833—1835

[Мысли на дорогѣ]..... 508

1834

[Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира]..... 579
[О книгѣ И. И. Дмитріева: Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ]..... 581
[Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ]..... 586
[О русской литературѣ съ очеркомъ французской] 614

lib.pushkinskijdom.ru

стр.

1835

[Лордъ Байронъ] 661
[О повѣстяхъ Павлова] 673

1836

[Объ Исторіи поэзіи Шевырева] 683
Собраніе сочиненій Георгія Конискаго, архіепископа Бѣлорусскаго 686
[Къ разсказу: Долина Ажитугай] 694
Вастола, или желаніе 696
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки 706
Александръ Радищевъ 710
Россійская Академія 760
Французская Академія 769
Записки Н. А. Дуровой, изданныя А. Пушкинымъ 780
Отъ редакціи 785
[Къ повѣсти «Носъ»] 791
Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной 795
Вольтеръ 806
Оракійскія элегіи 813
Джонъ Теннеръ 821
Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико ... 825
Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстночтимыхъ. 1836. СПб. 827
Новый романъ 828
[Замѣтка о статьѣ Гоголя] 830
Отъ Редакціи 832
Отъ Редакціи 834
Кавалеристъ-дѣвица 835
Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина. 838
[О комедіи Загоскина: Недовольные] 839
[Къ запискѣ о Древней и Новой Россіи] 842
[О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго Рая»] 846
Послѣдній изъ свойственниковъ Іоанны д'Аркъ 863
[Желѣзная маска] 867

lib.pushkinskijdom.ru

стр.

1822—1834

[Мелкія замѣтки разныхъ годовъ]..... 871

Новооткрытыя Пушкинскія статьи и статьи, приписываемыя Пушкину.

1830

Денница, Альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ..... 884
[О лже-критикахъ]..... 890
[Анекдотъ о Байронѣ]..... 893
Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux..... 897
La Confession, par l'auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée 901
Карелія, или заточеніе Маріы Іоан‹н›овны Романовой 907

1836

Письмо къ издателю..... 909
Дополненія и поправки къ тексту и примѣчаніямъ.. 919
Приложенія..... 986
Указатели..... 990

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИМѢЧАНІЯ.

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

1815.

1.

МОИ МЫСЛИ О ШАХОВСКОМЪ.

(Стр. 1—2).

Эта замѣтка, сохранившаяся въ бѣловомъ автографѣ Пушкина, находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 3266, л. 7. Впервые напечатана съ большими пропусками въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 23, а затѣмъ полностью—въ *Русскомъ Архивѣ*, 1899 г., в. II, стр. 349—350.

Замѣтка вызвана „Парнасской бурей", которая поднялась послѣ перваго представленія комедіи князя А. А. Шаховского „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды". Литературный старовѣръ, членъ знаменитой „Бесѣды", противникъ Карамзина, Жуковскаго и В. Л. Пушкина, наконецъ человѣкъ, по слухамъ, сыгравшій печальную роль въ жизни Озерова, князь Шаховской не стоялъ высоко въ глазахъ юнаго поэта. Въ своихъ лицейскихъ запискахъ подъ 28 ноября 1815 г. будущій „арзамасецъ" отмѣчаетъ, что Шишковъ и Бунина увѣнчали Шаховского лавровымъ вѣнкомъ, и выписываетъ сочиненную Д. В. Дашковымъ въ честь князя кантату (*Русскій Архивъ*, 1899 г., в. II, стр. 341—342). Въ посланіи „Къ Жуковскому" (1817 г.) Пушкинъ призывалъ друзей отмстить за Озерова, но затѣмъ нѣсколько измѣнилъ свои отношенія къ Шаховскому: по

lib.pushkinskijdom.ru

словамъ Анненкова, въ 1818 г. между литературными противниками, при посредствѣ П. А. Катенина, состоялось примиреніе (Сочиненія. Спб. 1855 г., т. I, стр. 51—52), и критическое отношеніе къ князю стало проявляться въ благодушной формѣ. „Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ", писалъ Пушкинъ П. Б. Мансурову 27 октября 1819 г.:„—а я въ нихъ не влюбленъ — однакоже его вызывалъ за его дурную комедію, а ее за посредственную игру". Въ другомъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 14 октября 1823 г. есть слѣдующая характеристика Шаховского: „Онъ право добрый малой, изрядный Авторъ и отличный сводникъ" (Переписка, т. I, стр. 11, 78). Наконецъ, въ XVIII строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина" Шаховской названъ „колкимъ" писателемъ:

. . . вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой.

— *(Стр. 1, строки 8 — 9).* Карамзинъ изображенъ въ видѣ сентиментальнаго путешественника графа Пронскаго, забавнаго героя комедіи „Новый Стернъ" (1807 г.).

— *(Стр. 1, строки 10—13).* Въ водевилѣ „Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ", напечатанномъ въ 1816 г., но поставленномъ на сценѣ еще въ 1814 г., захваченный прусскими вербовщиками Ломоносовъ декламируетъ въ гостинницѣ отставного капрала Ганца свои стихи, въ томъ числѣ отрывки изъ „Памятника" и изъ оды „На восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы Петровны" (1747 г.).

— *(Стр. 1, строки 14—17).* Маруся, героиня водевиля „Казакъ стихотворецъ" (1815 г.), очерчена наиболѣе удачно. Она и влюбленные въ нее казакъ Климовскій и тысяцкій Прудіусъ поютъ малорусскія пѣсни.

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 1, строки 18—19).* „Крестьяне, или встрѣча незваныхъ“ — опера-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ (1815 г.).

— *(Стр. 1, строка 20).* Ирои-комическая поэма „Расхищенныя шубы“, содержащая въ себѣ выходки противъ карамзинистовъ и пародированье стиховъ В. Л. Пушкина, напечатана въ *Чтеніяхъ* Бесѣды любителей русскаго слова 1811 г., кн. 3; 1812 г., кн. 7; 1815 г., кн. 19.—Выраженіе: „и всѣ дрожатъ“, взято изъ кантаты Д. В. Дашкова:

Всѣмъ братьямъ роздалъ свои *Шубы*,
И всѣ дрожатъ

(П. Араповъ. Лѣтопись русскаго театра, стр. 241).

— *(Стр. 1, строка 21).* Піеса „Кокетка“, повидимому, не была напечатана.

— *(Стр. 2, строки 1—7).* Упоминаемая поэтомъ комедія — „Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды“ (1815 г.). Въ концѣ послѣдняго явленія пятаго дѣйствія этой комедіи князь Холмскій говоритъ со своей теткой о вредѣ кокетства.

1819.

2.

МОИ ЗАМѢЧАНІЯ ОБЪ РУССКОМЪ ТЕАТРѢ.

(Стр. 2—7).

Автографъ этой статьи находится въ Россійской Публичной Библіотекѣ. Впервые „Мои замѣчанія“ напечатаны въ *Книжкахъ Недѣли*, 1895 г., декабрь, стр. 5—12. Въ рукописи нѣкоторыя слова зачеркнуты и замѣнены

lib.pushkinskijdom.ru

другими. Первоначальныя чтенія исправленныхъ строкъ даютъ слѣдующіе варіанты:

Стр. 3, строка 11: Часто пѣвецъ или пѣвица, заслужившіе *довѣ‹ренность›*...

» 3, » 22: Еще *одно* замѣчаніе.

» 4, » 11: Но посмотримъ достойны-ли *наши* Актеры...

» 5, » 15: *Три раза* во все продолженіе игры ея...

» 5, » 20: ... все загремѣло все *задража‹ло›*...

» 5, » 23: ... не дѣлая на это *много* замѣчаній.

» 5, » 31: Иные почитаютъ *что лучшая роль* г-жи Валберховой *есть*....

» 6, » 4—5: ...*во полѣ берёза стояла.*

» 6, » 23—24: Скромная никѣмъ незамѣчанная *наперсница* Яблочкина...

» 6, » 26: ...*равнодушной игрой, которая*...

» 7, » 17: Всѣ они *сначала были*.....

На послѣдней страницѣ рукописи есть замѣтка Н. И. Гнѣдича: „Пьеса, вообще сумасбродная, писанная А. Пушкинымъ, когда онъ привалакивался, но безполезно, за Семеновой, которая мнѣ тогда же отдала ее“.

Статья Пушкина является любопытной страницей изъ исторіи русскаго театра. Подобно герою своего любимаго романа, поэтъ, въ годы юности, былъ

Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ.

Онъ былъ „неизмѣнный“ театральный товарищъ Н. В. Всеволожскаго, „наперсникъ его шалостей“, воло-

lib.pushkinskijdom.ru

чился за Истоминой и, заброшенный волею судьбы въ Кишиневъ, тосковалъ по театрѣ, наводя о немъ справки у брата и у своихъ знакомыхъ, оставшихся въ столицѣ. „Что Всеволожскіе? что Мансуровъ? что Барковъ? что Сосницкіе? что Хмѣльницкій? что Катенинъ? что Шаховской? что Ежова? что гр. Пушкинъ? что Семеновы? что Завадовской? что весь Театръ?“ закидывалъ поэтъ вопросами Я. Н. Толстого. „Мнѣ брюхомъ хочется театра“, жаловался онъ Н. И. Гнѣдичу; „пиши мнѣ о Дидло, объ Черкешенкѣ-Истоминой“, умолялъ онъ брата. Въ другомъ письмѣ къ послѣднему Пушкинъ говоритъ: „Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц‹ . . . . ›. Но актеры, актеры! Пятистопные стихи безъ риемъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рева. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена: Господи, защити и помилуй! Но боюсь! Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми отъ Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя“ (Письма изъ Кишинева отъ 4, 26, 27 сентября 1822 г. и отъ 30 января 1823 г. Ср. письмо къ Н. В. Всеволожскому 1824 г., іюнь.—Переписка, т. I, стр. 51, 54—55, 65, 75, 120).

Въ статьѣ „Мои замѣчанія объ Русскомъ Театрѣ“ ярко отразились впечатлѣнія поэта, вынесенныя имъ отъ театральныхъ представленій къ концу 1819 г.

— *(Стр. 2, строки 10—11).* Лужническій пустынникъ — М. Т. Каченовскій, помѣстившій въ *Вѣстникѣ Европы* 1819 г. (ч. 104, № 6, стр. 115—124) „Письмо къ редактору“, съ подписью: „Житель Дѣвичьяго поля“. Въ статьѣ указаны неточности, встрѣчающіяся въ первой части „Исторіи Государства Россійскаго“, а подпись истолкована самимъ авторомъ, разъяснившимъ, что за Дѣвичьимъ полемъ находится Лужницкая слободка, или

lib.pushkinskijdom.ru

„Малые Лужники, гдѣ живетъ извѣстный *Старецъ*“ (*Вѣстникъ Европы*, 1821 г., ч. 116, № 2, стр. 100). „Лужническому пустыннику“ посвящены два стиха въ посланіи къ Чаадаеву (1821 г.):

Ораторъ Лужниковъ, никѣмъ не замѣчаемъ,
Мнѣ мало досаждалъ своимъ осиплымъ лаемъ.

— *(Стр. 2, строки 11—13)*. Н. И. Гнѣдичъ, напечатавшій въ *Сынъ Отечества* (1816 г., ч. 31, № 27, стр. 3—22) статью: „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады: „Ленора“, скрылъ свою фамилію, обозначивъ ее тремя звѣздочками, и, вмѣсто нея, указалъ свое мѣстожительство: „С.П.б. Губерніи Деревня Тентелева“. Въ упомянутой статьѣ сдѣлано сравненіе баллады Жуковскаго „Людмила“ (1808 г.) съ піесой П. А. Катенина „Ольга“ (1816 г.), при чемъ послѣдняя была подвергнута суровой критикѣ.

— *(Стр. 3, строки 2—3)*. Перечислены наиболѣе выдающіяся артистки, выступавшія на сценѣ въ 1819 г.: Екатерина Семеновна Семенова, Елена Яковлевна Сосницкая, Евгенія Ивановна Колосова и Авдотья Ильинична Истомина. Сосницкой Пушкинъ посвятилъ извѣстное четверостишіе: „Вы съединить могли съ холодностью сердечной“. . . . (т. II, стр. 17, и примѣчанія, стр. 33—35), а Истомину воспѣлъ въ XX строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина“.

— *(Стр. 3, строка 12)*. François — Adrien Boieldieu (род. въ 1775 г., ум. въ 1834 г.) и Domenico Della-Maria (род. въ 1768 г., ум. въ 1800 г.) — популярные композиторы. Изъ нихъ первый съ 1803 г. по 1811 г. былъ въ Россіи, получилъ мѣсто придворнаго капельмейстера и написалъ много оперъ, которыя шли на сценѣ, иногда съ большимъ успѣхомъ. Второй сочинилъ комическую оперу „Le prisonnier“, которая въ 1814 г. была поставлена въ Петербургѣ подъ названіемъ „Аре-

lib.pushkinskijdom.ru

стантъ“ (*П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 173, 226).

— *(Стр. 4, строка 15 — стр. 5, строка 8).* Е. С. Семенова (род. въ 1786 г., ум. въ 1849 г.), увлеченная успѣхомъ французской актрисы Жоржъ Веммеръ, рѣшила усвоить ея школу игры и много занималась подъ руководствомъ Гнѣдича. Результаты упорной работы были прекрасные: даровитая артистка не только сравнялась со своей соперницей, но даже превзошла ее, въ чемъ сознавалась сама Жоржъ, которая, по отзыву современниковъ, играла свои роли холодно, безъ вдохновенія. Семенова выступала въ переведенныхъ Катенинымъ и Лобановымъ піесахъ Корнеля и Расина: „Аріадна“, „Эсѳирь“, „Ифигенія въ Авлидѣ“, а также въ трагедіяхъ Озерова: „Эдипъ въ Аѳинахъ“, „Фингалъ“ и „Димитрій Донской“ *(В. Всеволодскій.* Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912 г., стр. 62 — 97. — *П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861 г., стр. 180, 191—192). Ея игра производила сильное впечатлѣніе на Пушкина, который въ XVIII строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина“ связалъ ея имя съ именемъ Озерова:

. . . Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ младой Семеновой дѣлилъ.

Семенова стояла значительно выше Маріи Ивановны Валберховой (род. въ 1788 г., ум. въ 1867 г.), которую старался выдвинуть расположенный къ ней князь Шаховской. Несмотря на шумный успѣхъ и похвалы поклонниковъ, воспѣвавшихъ актрису въ роли Дидоны, Валберхова не выдержала соперничества съ Семеновой и въ серединѣ 1812 г. оставила театръ; вторично она была принята на сцену въ 1815 г. (оффиціально въ 1818 г.) и выступала уже въ комическихъ роляхъ, изъ которыхъ осо-

lib.pushkinskijdom.ru

бенно хорошо выполняла роль Селимены (*В. Всеволодскій.* Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны, стр. 59—62. — *П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 183, 189, 191, 216, 238, 246—247). Упомянутыя Пушкинымъ комедіи даютъ представленіе о новомъ репертуарѣ Валберховой.

—(*Стр. 5, строка 9—стр. 6, строка 16).* Сашенька Колосова — Александра Михайловна (род. въ 1802 г., ум. въ 1880 г.), талантливая драматическая актриса, дочь танцовщицы Евгеніи Ивановны. Первый блестящій дебютъ Колосовой въ роли Антигоны былъ 16 декабря 1818 г. Затѣмъ дебютантка появилась въ роляхъ Моины и Эсѳири и вызвала одобреніе публики, хотя послѣдняя привыкла къ превосходной игрѣ Семеновой. Великій почитатель Семеновой, Пушкинъ написалъ на Колосову эпиграмму (т. II, стр. 25, и примѣчанія, стр. 60—63) и подвергъ ея игру строгой оцѣнкѣ въ своей статьѣ, набросанной, очевидно, вскорѣ послѣ бенефиса артистки, состоявшагося 8 декабря 1819 г. (ср. *П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 271—272, 289—290). Даже отмѣчая красоту Александры Михайловны, Пушкинъ счелъ нужнымъ измѣнить, и не въ ея пользу, начальный стихъ оды Горація: O matre pulchra filia pulchrior (liber I, carm. XVI). Только годъ спустя поэтъ призналъ свою неправоту въ отношеніи Колосовой, что̀ и высказалъ въ посланіи къ Катенину (1821 г.):

Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ

(т. III, стр. 18, и примѣчанія, стр. 24 — 26. — Переписка, т. I, стр. 326, 348, 355).

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 6, строки 17 — 27).* Александра Дмитріевна Каратыгина и Екатерина Ивановна Яковлева исполняли роли матерей, а Анна Львовна Яблочкина — роли наперсницъ.

— *(Стр. 6, строка 28—стр. 7, строка 15).* Извѣстный артистъ Алексѣй Семеновичъ Яковлевъ (род. въ 1773 г., ум. въ 1817 г.) много разъ выступалъ на сценѣ вмѣстѣ съ Семеновой. Современники цѣнили Яковлева и сопоставляли его съ французскимъ актеромъ Тальма *(Русская Талія* на 1825 г., стр. 51 — 52), который былъ хорошо знакомъ нашимъ соотечественникамъ, бывавшимъ въ Парижѣ (ср. *Московскій Телеграфъ*, 1827 г., № 2, стр. 48—82). Впрочемъ, не всѣ, подобно князю П. А. Вяземскому, считали послѣдняго великимъ талантомъ; М. Е. Лобановъ, прочитавшій статью Пушкина, къ словамъ: „порывы лубочнаго Тальма", сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Яковлевъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ столь высокъ, столь неподражаемъ, что едва ли Тальма могъ имѣть такія минуты". Въ концѣ жизни Яковлевъ страдалъ отъ „жестокой, изнурительной болѣзни", которая иногда рѣзко обострялась и была причиной отмѣны спектаклей *(П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 222).

Другой упомянутый поэтомъ артистъ, къ которому примѣнены не лестные для него стихи изъ басни Крылова: „Музыканты", Яковъ Григорьевичъ Брянскій (Григорьевъ) [род. въ 1790 г., ум. въ 1853 г.] исполнялъ первыя роли въ піесахъ Озерова, Корнеля и Вольтера.

— *(Стр. 7, строки 16—30).* Александръ Гавриловичъ Щениковъ, Захаръ Федоровичъ Каменогорскій, Павелъ Ивановичъ Толченовъ и Александръ Глухаревъ, оставленные Пушкинымъ „на жертву" посѣтителей бенуара,— второстепенные актеры. Что касается Ивана Петровича Борецкаго (Пустошкина), дебютировавшаго въ началѣ 1818 г., то онъ, несмотря на монотонность дикціи, глухой

lib.pushkinskijdom.ru

голосъ и принужденную игру, понравился публикѣ въ роляхъ Эдипа и Публія Горація *(П. Араповъ.* Лѣтопись русскаго театра, стр. 262).

1820-е годы.

3.

О ФР‹АНЦУЗСКОЙ› СЛОВЕСНОСТИ.

(Стр. 8).

Статья эта извѣстна въ черновомъ автографѣ, который находится въ принадлежащемъ нынѣ Россійской Академіи Наукъ Майковскомъ собраніи рукописей поэта *(Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 25, № 2) и относится къ первой половинѣ 1820-хъ годовъ.

Отмѣчая большое вліяніе французской словесности, Пушкинъ касается вопроса о подражательности нашихъ поэтовъ XVIII и начала XIX вѣка и подчеркиваетъ значеніе самобытности и оригинальности въ литературѣ. Заключительныя слова Пушкина напоминаютъ строки, написанныя В. К. Кюхельбекеромъ въ статьѣ „О направленіи нашей поэзіи“: „Вѣра праотцевъ, нравы отечественные, Лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя лучшіе, чистѣйшіе, вѣрнѣйшіе источники для нашей Словесности“ *(Мнемозина*, 1824 г., ч. II, стр. 42).

Поэтомъ отмѣчены зависимость нѣмецкой литературы XVIII вѣка, давшей образцы Ломоносову, отъ французской и влеченіе къ послѣдней Тредьяковскаго, „не хотя“ отказавшагося отъ силлабическаго стихосложенія. Далѣе слѣдуютъ отзывы о русскихъ и французскихъ писателяхъ, находящія себѣ разъясненіе въ пушкинской перепискѣ двадцатыхъ годовъ. Пушкинъ называетъ французскую

lib.pushkinskijdom.ru

поэзію „робкой и жеманной“, опасается какъ бы „Французкая болѣзнь“ не „умертвила“ нашей „отроческой“ словесности, и отдаетъ предпочтеніе англичанамъ и нѣмцамъ. „Богдановичъ причисленъ къ лику великихъ поэтовъ; Дмитріевъ также“, иронически говоритъ онъ въ маѣ—іюнѣ 1825 г. Между тѣмъ, на его взглядъ, Дмитріевъ „стократъ ниже стихотворца Карамзина“. „Жизни Дмитріева еще не видалъ. Но милый, грѣхъ тебѣ унижать нашего Крылова“, корилъ Пушкинъ князя П. А. Вяземскаго въ мартѣ 1824 г.: „и что такое Дмитріевъ? Всѣ его басни не стоятъ одной хорошей басни Крылова; всѣ его сатиры однаго изъ твоихъ посланій, а все прочее перваго стихотворенія Жуковскаго“. Взаимоотношеніе другихъ упомянутыхъ въ статьѣ писателей опредѣлено въ письмѣ къ тому же Вяземскому отъ 2 января 1822 г.: „. . . каковъ Баратынской? признайся что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова — если впредь зашагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ“. Любопытны также и замѣчанія о стилѣ П. А. Вяземскаго и П. А. Катенина, изъ которыхъ Пушкинъ особенно цѣнилъ перваго, полагая, что слогъ князя „чудесно шагнулъ впередъ“, что онъ „живой и оригинальный“ (Переписка, т. I, стр. 37, 47, 67, 74, 102, 105—106, 226, 236).

Планъ предполагаемаго очерка французской словесности, вѣроятно, заимствованъ поэтомъ изъ Лагарпова „Лицея“, надъ которымъ онъ, по собственному признанію, „часто тратилъ время“ (т. I, стр. 70). Первая глава пятаго тома „Лицея“, подъ названіемъ „De la poésie française avant et depuis Marot jusqu'à Corneille“, изложена въ той же послѣдовательности, какой хотѣлъ придержаться поэтъ, если судить по его плану. Повидимому, руководствуясь указаніемъ Лагарпа, Пушкинъ ссылается на четыре строки оды Малерба, посвященной его другу Дюперье по поводу смерти дочери послѣдняго.

lib.pushkinskijdom.ru

Elle était de ce monde, où les plus belles choses
Ont le pire destin,
Et rose, elle a vécu ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin.

(*J. F. La Harpe.* Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1818, t. V, pp. 88—89).

Стихи Буало, прославившіе Малерба, приводятся Пушкинымъ въ другой статьѣ: „О русской литературѣ, съ очеркомъ французской“ (стр. 223), и взяты изъ первой пѣсни „Art poétique“, а оцѣнка произведеній Вуатюра (род. въ 1598 г., ум. въ 1648 г.) и особенно Менара (род. въ 1582 г., ум. въ 1646 г.) сходится съ оцѣнкой Лагарпа, который пишетъ: „La diction est plus soignée dans les vers de Maynard: la langue s'y épure de plus en plus.... mais il est toujours un peu froid“ (Lycée, t. V, p. 92). О Буало Пушкинъ высказался отрицательно, какъ и въ седьмой строфѣ „Домика въ Коломнѣ“, гдѣ „Art poétique“ называется „пудреной піитикой“, что̀, впрочемъ, не помѣшало поэту впослѣдствіи признать въ Буало „человѣка, одареннаго умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ“ (рукопись Румянцовскаго Музея № 2384, л. 17). — О Жанѣ Батистѣ Руссо (род. въ 1670 г., ум. въ 1741 г.), какъ одописцѣ, Пушкинъ былъ также невысокаго мнѣнія и думалъ, что его „пахабныя эпиграммы стократъ выше одъ и гимновъ“. Сопоставленіе Руссо съ Державинымъ встрѣчается въ письмѣ поэта къ А. А. Бестужеву (1825 г.): „Мы не знаемъ что такое Крыловъ, Крыловъ который столь же вышѣ Лафонтена, какъ Держ‹авинъ› выше Ж. Б. Руссо“ (Переписка, т. I, стр. 169, 226).

Въ концѣ предполагаемой статьи поэтъ хотѣлъ подчеркнуть важное значеніе нашихъ памятниковъ древней письменности и народной поэзіи, изъ которыхъ русскіе поэты могутъ извлечь больше пользы, чѣмъ изъ иностран-

lib.pushkinskijdom.ru

ной литературы. Та же мысль повторена, лѣтъ шесть-семь спустя, въ письмѣ къ П. А. Плетневу (1831 г.): „Преданія Русскія ничуть не уступаютъ въ фантазтической поэзіи преданіямъ Ирландскимъ и Германскимъ. Если все еще его (В. А. Жуковскаго) несетъ вдохновеніемъ, то присовѣтуй ему читать Четь-Минею, особенно легенды о кіевскихъ чудотворцахъ, прелесть простоты и вымысла“ (Переписка, т. II, стр. 237).

4.

[О ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ].

(Стр. 8—9).

Эта замѣтка сохранилась въ черновомъ подлинникѣ, находящемся въ Майковской коллекціи Россійской Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 25, № 3) и относится къ половинѣ 1820-хъ годовъ, вѣроятнѣе всего къ 1825 г. Рукопись даетъ лишь одинъ первоначальный варіантъ.

Стр. 9, строки 8—9: Заговоры, *свадьбы*, изъясненія любовныя.....

Замѣтка набросана едва ли не во время работы надъ „Борисомъ Годуновымъ“ подъ вліяніемъ прочитаннаго „Курса драматической литературы“ А. В. Шлегеля, а также по ознакомленіи со статьей Ѳ. В. Булгарина: „Междудѣйствіе или Разговоръ въ Театрѣ о Драматическомъ Искусствѣ“. Въ письмахъ къ брату Льву Сергѣевичу, отправленныхъ изъ села Михайловскаго въ концѣ 1824-го и въ началѣ 1825-го года, поэтъ не разъ выражалъ желаніе получить сочиненіе Шлегеля и альманахъ *Русская Талія*, гдѣ была помѣщена булгаринская статья, представляющая собою пересказъ нѣсколькихъ страницъ изъ труда знаменитаго нѣмецкаго критика (Переписка, т. I, стр. 139,

lib.pushkinskijdom.ru

190, 202, 207. Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1825 г., №№ 3, 4, отдѣлъ: „Антикритика“).

Во французскомъ переводѣ „Курса“ Шлегеля, сдѣланномъ г-жей Necker de Saussure *(Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 331, № 1356), есть слѣдующее разсужденіе на тему, затронутую Пушкинымъ: „En général, les poètes françois et ceux qui suivent le même système de règles ont, même dans la comédie, observé l'unité de lieu d'une manière très imparfaite. La décoration n'est pas changée, il est vrai; mais on voit arriver sur la scène bien des événemens qui n'ont pas coutume de se passer dans le même lieu. Combien n'est-il pas invraisemblable que les personnages se confient leurs secrets lorsqu'ils savent que leurs ennemis sont tous près d'eux? Comment trame-t-on une conjuration contre la vie d'un Prince, dans son antichambre? etc.“ *(A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Traduit de l'Allemand. Paris, 1814, t. II, p. 139). Эти фразы пересказаны Булгаринымъ въ его альманахѣ: „Представляемое на сценѣ происшествіе должно быть въ одномъ городѣ, на одной улицѣ и нерѣдко въ одной комнатѣ, и это называется единствомъ мѣста? И такъ во Французской Трагедіи, въ одной передней чертоговъ происходятъ заговоры, любовныя объясненія, смертные приговоры, свадьбы, сны, видѣнія и жаркіе споры противниковъ. Въ одну комнату сходятся люди изъ разныхъ странъ, размышлять наединѣ, совѣтоваться съ своими друзьями и наперсниками, сѣтовать, веселиться и т. д.“ *(Русская Талія* на 1825 г., стр. 340).

О неправдоподобіи драматическихъ произведеній Пушкинъ писалъ Н. Н. Раевскому ранней осенью 1825 г.: „Les classiques et les romantiques ont tous basé leurs loix sur la vraisemblance, et c'est justement elle qu'exclut la nature du drame. Sans parler déjà du temps etc., quel diable de vraisemblance y a-t-il dans une salle coupée en deux moi-

lib.pushkinskijdom.ru

tiés, dont l'une est occupée par deux mille personnes qui sont sensés n'être pas vus par ceux qui sont sur les planches; 2) *la langue.* Par ex. le Philoctète de la Harpe dit en bon français après avoir entendu une tirade de Pyrrhus: Helas! j'entends les doux sons de la langue Grecque, etc. Voyez les anciens: leurs masques tragiques, leur double personnage — tout cela n'est-il pas une invraisemblance conventionnelle? 3) le tems, le lieu etc., etc. Les vrais génies de la tragédie ne se sont jamais soucié de la vraisemblance" (Переписка, т. I, стр. 247; т. II, стр. 89).

1822.

5.

[О СЛОГѢ].

(Стр. 9—11).

Статья эта находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2366, лл. 10 об.—12 об., и напечатана впервые въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., № 5, стр. 329—330. Автографъ—черновикъ, заключающій въ себѣ недописанныя фразы, иногда трудно поддающіяся чтенію. Вслѣдствіе этого одно крайне неразборчиво начертанное на л. 12 слово напечатано нами неправильно: вмѣсто *прекраснымъ* (стр. 10, строка 20), слѣдуетъ читать: *лучшимъ*.

Изъ первоначальныхъ варіантовъ исправленныхъ поэтомъ строкъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

Стр. 9, строки 19—20: Не *говорите мнѣ болѣе о[бъ]* Бюфонѣ...

» 9, » 20—21: Благороднѣйшимъ *завоеваніемъ было для* человѣка *когда онъ покорилъ*....

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 9, строки 26—27: ...*умномъ и опытномъ писателѣ— котораго жывыя описанія отдѣланы кистію мастерскою*...

» 10, » 4: ...сіе священное чувство *столь сильное въ душахъ* пламень *до предѣловъ самаго гроба*....

» 10, » 7: *Какія высокія истинны, какія волшебныя краски.*

» 10, » 12—13: ...*высокопарныхъ* твоихъ выраженій....,

» 10, » 22: ...изысканность *и принужденность* выраженій Фонтенеля —

» 10, » 24—25: — *ихъ сочетаніе производитъ выразительность* —

Свѣдѣнія о Бюффонѣ заимствованы Пушкинымъ изъ біографіи знаменитаго естествоиспытателя, написанной барономъ Кювье (Cuvier). Эта біографія помѣщена въ первомъ томѣ полнаго собранія сочиненій Бюффона, которое вышло въ свѣтъ въ 1822 г. и находится въ библіотекѣ поэта (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 179, № 682). По странной случайности Пушкинъ дважды ошибся, упомянувъ Лагарпа вмѣсто извѣстнаго Антонія Ривароля (род. въ 1754 г., ум. въ 1801 г.), о которомъ Кювье разсказываетъ слѣдующее: „D'Alembert, qu'on ne peut comparer à Voltaire pour le goût, et qui n'aimait point l'auteur de l'*Histoire naturelle*, disait un jour à Rivarol: „Ne me parlez pas de votre Buffon, de ce comte de Tuffière, qui, au lieu de nommer simplement *le cheval*, dit: *la plus noble conquête que l'homme ait jamais faite, est celle de ce fier et fougueux animal*, etc. — Oui, reprit Rivarol, c'est comme ce sot de J.-B. Rousseau, qui s'avise de dire:

Des bords sacrés où naît l'aurore,
Aux bords enflammés du couchant,

lib.pushkinskijdom.ru

au lieu de dire de l'*est* à l'*ouest*". La réponse est vive et plaisante; mais Rivarol ne s'apercevait pas qu'il justifiait un prosateur et un naturaliste par exemple d'un poète, et d'un poète lyrique" *(Buffon.* Oeuvres complètes. Bruxelles, 1822, t. I, pp. 9—10).

Глубокій цѣнитель простоты, Пушкинъ былъ врагъ манерности, и потому сталъ на сторону Вольтера, осмѣявшаго „изысканность тонкихъ выраженій" Фонтенеля, который изображенъ въ повѣсти „Micromégas" (1752 г.) секретаремъ академіи на планетѣ Сатурнъ. Во второй главѣ повѣсти обитатель Сатурна вступаетъ въ бесѣду съ жителемъ Сиріуса и старается поразить его цвѣтами своего краснорѣчія „Après que Son Excellence se fut couchée, et que le secrétaire se fut approché de son visage: „Il faut avouer, dit Micromégas, que la nature est bien variée.—Oui, dit le Saturnien; la nature est comme un parterre dont les fleurs...—Ah! dit l'autre, laissez là votre parterre.—Elle est, reprit le secrétaire, comme une assemblée de blondes et de brunes, dont les parures... Eh! qu'ai-je à faire de vos brunes? dit l'autre. — Elle est donc comme une galerie de peintures dont les traits... — Eh non! dit le voyageur; encore une fois, la nature est comme la nature. Pourquoi lui chercher des comparaisons? — Pour vous plaire, répondit le secrétaire" *(Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1879, t. 21, pp. 107—108).

Требованіе точности и краткости предъявлялось поэтомъ не только къ прозаикамъ, но и къ стихотворцамъ. За растянутость и многословіе Пушкинъ иногда упрекалъ и своихъ литературныхъ друзей. Прочитавъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1825 г. (стр. 297) піесу князя П. А. Вяземскаго: „Простосердечный отвѣтъ", Пушкинъ писалъ ему: „Чист‹осердечный› Отвѣтъ разтянутъ: рифмы *слёзы, розы* завели тебя. Краткость одно изъ достоинствъ сказки эпиграмматической. *Сквозь кашель* и *сквозь слезы* очень за-

lib.pushkinskijdom.ru

бавно, но вся мужнина рѣчь до *за гробомъ ревность мучитъ* разтянута и натянута. *Еще мучительнѣй вдвойнѣ* едва-ли не плеоназмъ — Вотъ тебѣ критика длиннѣе твоей піэсы“ (Переписка, т. I, стр. 169). Изъ прозаиковъ Пушкинъ считалъ лучшими Карамзина и Вяземскаго. „Да ради Христа, прозу-то не забывай“, увѣщевалъ онъ князя: „ты да Карамзинъ одни владѣютъ ею“ (Переписка, т. I, стр. 67).

1824.

6.

[О ПРИЧИНАХЪ, ЗАМЕДЛИВШИХЪ ХОДЪ НАШЕЙ СЛОВЕСНОСТИ].

(Стр. 11—12).

Автографъ этой статьи сохранился въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2369, лл. 2 об., 3. Впервые статья напечатана П. В. Анненковымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ (стр. 222— 223), а варіанты и дополненія къ тексту сообщены В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., № 6, стр. 551—552, гдѣ было отмѣчено, что Анненковъ или пользовался другимъ оригиналомъ, или плохо разобралъ музейный автографъ. Послѣдній даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ, изъ которыхъ главные приводятся нами вмѣстѣ съ варіантами анненковской редакціи, помѣченными буквою А.

Стр. 11, строка 10: . . . занимаются *словесностію литературою* . . .

» » » » . . . занимаются *сплетнями литературными* (А) . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 11, строки 15—16: ...важныхъ предметовъ для пищи умовъ...
» » » » » » » (А).
» 11, » 17: ...*игрушками поэзіи*....
» » » » ...*игрушками* (А)...
» 11, » 21: ...создавать *выраженія* для изъясненія понятій...
» » » » ...создавать обороты для понятій (А)....
» 11, » 22—24: ...на языкѣ *француз‹скомъ› въ которомъ мы находимъ все готовымъ.*
» » » » ...на языкѣ чужомъ, механическія формы *коего давно уже извѣстны* (А).
» 12, » 3—4: ...*дышутъ истинной оригинальной поэзіей*, исполнены порывами истиннаго Генія...
» » » » ...исполнены *порывами генія* (А)...
» 12, » 7—8: ...что *счастливые сподвижники Ломоносова..... что Батюшковъ сдѣлалъ* для русскаго языка (А)...
» 12, » 9—10: ...*и что наконецъ Пѣснь в‹оиновъ› Рус‹кому Царю› свѣтлана и двѣнадцать спя‹щихъ дѣвъ› дышатъ истинной поэзіей*...
» » » » ...что Жуковскаго перевели бы *на* всѣ языки (А)...
» 12, » 11: ...еслибъ онъ самъ менѣе переводилъ *и болѣе творилъ*...

Статья задумана и набросана Пушкинымъ, по всей вѣроятности, въ Одессѣ, и къ ней должны относиться слѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

дующія строки изъ письма поэта къ князю П. А. Вяземскому (1824 г.): „Читая твои критическія сочиненія и письма, я и самъ собрался съ мыслями, и думаю на дняхъ написать кое-что о нашей бѣдной словесности, о вліяніи Ломоносова, Карамзина, Дмитріева и Жуковскаго. Авось и тиснy; тогда du choc des opinions jaillira de l'argent“ (Переписка, т. I, стр. 106). „Тиснуть“ Пушкину не удалось, такъ какъ статья не была закончена и отдѣлана, но небольшой отрывокъ изъ нея, начинающійся словами: „просвѣщеніе вѣка требуетъ“.., включенъ въ другую статью: „О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова“ (см. стр. 20, строка 22), а основная мысль о пренебреженіи къ русскому языку воспроизведена въ извѣстной дополнительной строфѣ къ роману „Евгеній Онѣгинъ“:

Сокровища родного слова
Замѣтятъ важные умы
Для лепетанія чужова
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ —
Да гдѣ-жъ они? давайте ихъ.

Пушкинъ считалъ нашу словесность „младенческой“, „ни въ какомъ родѣ не представляющей никакихъ образцевъ“, и, очевидно, соглашался съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ рецензіи на поэму „Кавказскій плѣнникъ“ отрицалъ существованіе русской словесности, „достойнаго выраженія народа могущаго и мужественнаго“ (*Сынъ Отечества*, 1822 г., ч. 82, № 49, стр. 119.—Переписка, т. II, стр. 16, 21). Впослѣдствіи однородныя сужденія высказывали А. А. Бестужевъ, Д. В. Веневитиновъ, Н. И. Надеждинъ и др.

lib.pushkinskijdom.ru

Сходился поэтъ съ Вяземскимъ и въ мнѣніи о русскомъ языкѣ. Въ письмѣ изъ села Михайловскаго отъ 13 іюля 1825 г. Пушкинъ хвалитъ князя: „Ты хорошо сдѣлалъ что заступился явно за галлицизмы (см. *Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. III, № 12, стр. 254—255). Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Рускій метафизическій языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи. Дай Богъ ему когда нибудь образоваться на подобіи французкаго; (яснаго точнаго языка прозы — т. е. языка мыслей—)“ [Переписка, т. I, стр. 236].

Оцѣнка произведеній нашихъ писателей, сдѣланная Пушкинымъ, соотвѣтствуетъ тѣмъ отзывамъ, какіе онъ даетъ о нихъ въ своей перепискѣ. Признавая крупный талантъ Державина, поэтъ не закрывалъ глазъ на его недостатки. „Этотъ чудакъ“, по словамъ Пушкина, „не зналъ ни Рускій грамоты ни духа Рускаго языка. — (вотъ почему онъ и нижѣ Ломоносова)—онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи — ни даже о правилахъ стихосложенія.—Вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. — Онъ не только не выдерживаетъ оды но не можетъ выдержать и строфы... Чтожъ въ немъ: *мысли картины и движенія истинно поэтическія*; читая его, кажется, читаешь дурной, вольной переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника.... Его Геній думалъ по татарски — а рускій грамоты не зналъ за недосугомъ“ (Переписка, т. I, стр. 230). Подобно державинскимъ одамъ, невыдержанностью страдаетъ и поэма Богдановича „Душенька“, хотя „лучшая часть“ ея можетъ быть сопоставлена съ твореніями Лафонтена, который въ разбираемой статьѣ поставленъ наравнѣ съ Крыловымъ, а въ письмѣ къ А. А. Бестужеву (1825 г.) — ниже русскаго баснописца (Переписка, т. I, стр. 168, 226). Не менѣе сочувственно, чѣмъ къ Крылову, отнесся Пушкинъ къ Батюшкову, такъ какъ видѣлъ въ немъ выдающагося мастера

lib.pushkinskijdom.ru

русскаго слова и нашелъ въ немъ то, чего не было въ Державинѣ, — тонкое пониманіе гармоніи и искусство создать гибкій, звучный, мелодическій стихъ. Неудовлетворенный содержаніемъ лирики Батюшкова, Пушкинъ отдавалъ ему пальму первенства въ области художественной техники и сравнивалъ его съ Петраркой. „Сравненіе это тѣмъ удачнѣе", замѣчаетъ Л. Н. Майковъ: „что Батюшковъ дѣйствительно любилъ наслаждаться „музыкальными звуками авзонійскаго языка"; именно въ италіанской словесности искалъ онъ образцовъ для гармоніи русскаго стиха" (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 316).— Помимо Батюшкова, замѣчательнымъ стилистомъ признавалъ Пушкинъ Жуковскаго. Однако, называя слогъ послѣдняго „образцовымъ", не имѣющимъ равнаго „въ могуществѣ и разнообразіи", Пушкинъ еще въ 1822-мъ году замѣтилъ, что онъ „утратилъ первоначальную прелесть". Поэту казалось, что Жуковскій „ужъ не напишитъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ", и ему хотѣлось, чтобы талантливый переводчикъ сталъ оригинальнымъ творцомъ, „началъ создавать". Въ какомъ направленіи должно было развиваться творчество Жуковскаго, Пушкинъ указалъ девять лѣтъ спустя въ слѣдующихъ строкахъ письма къ П. А. Плетневу (1831 г.): „Дмитріевъ, думая критиковать Жуковскаго, далъ ему прездравый совѣтъ. Жук‹овскій›, говорилъ онъ, въ своей деревнѣ заставляетъ старухъ себѣ ноги гладить и разказывать сказки и потомъ переклады-ваетъ ихъ въ стихи" (Переписка, т. I, стр. 55, 168, 202, 218; т. II, стр. 237). Черпая содержаніе изъ преданій русскихъ, а не ирландскихъ и германскихъ, Жуковскій сталъ бы самобытнымъ поэтомъ, произведенія котораго, безспорно, привлекли бы вниманіе иностранцевъ.

— *(Стр. 12, строки 9 — 10).* Фраза: „Жуковскаго перевели бы всѣ языки", допускаетъ двоякое толкованіе:

lib.pushkinskijdom.ru

или 1) здѣсь пропущенъ предлогъ *на* (*на* всѣ языки), или 2) слово *языкъ* употреблено въ такомъ смыслѣ, какъ въ стихотвореніи „Памятникъ“ (1836 г.): „И назоветъ меня всякъ сущій въ ней *языкъ*“.

7.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ С‹ЫНА› О‹ТЕЧЕСТВА›.

(Стр. 12—13).

Статья эта, неизвѣстная въ рукописи, помѣщена въ *Сынѣ Отечества*, 1824 г., № 18, стр. 181—182, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 108—109.

Причиной появленія статьи была полемика, возгорѣвшаяся между княземъ П. А. Вяземскимъ и Михаиломъ Александровичемъ Дмитріевымъ (род. 23 мая 1796 г., ум. 5 сентября 1866 г.), племянникомъ баснописца, только что начинавшимъ тогда литературную дѣятельность. Предметомъ преній былъ вопросъ о романтизмѣ, который, по словамъ князя, хотя и не опредѣленъ въ точности, но является, несомнѣнно, господствующимъ въ новой литературѣ, имѣетъ начало въ природѣ, свободенъ отъ „постановленій, освященныхъ древностію и суевѣріемъ“, чуждается „указки“, носитъ „отпечатокъ народности, мѣстности“, способствуетъ улучшенію стиля, возвращая право гражданства словамъ, изъятымъ изъ употребленія безъ достаточныхъ основаній („Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевскаго Острова“. — *Кн. П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 167—173). Въ иномъ освѣщеніи представлена „новая школа“ Дмитріевымъ: онъ усматриваетъ отличительный ея признакъ въ „какой-то смѣси мрачности съ сладострастіемъ, быстроты разсказа съ неподвижностію дѣйствія, пылкости страстей съ холодностію харак-

lib.pushkinskijdom.ru

теровъ", въ разбросанности, незаконченности поэтическихъ картинъ, въ неопредѣленности чувствъ и неясности языка, зависящей отъ „несовмѣстнаго соединенія словъ уже извѣстныхъ" (*Вѣстникъ Европы*, 1824 г., № 5, стр. 49). Пушкинъ въ своей статьѣ становится на сторону Вяземскаго и считаетъ долгомъ подчеркнуть слабость противниковъ романтизма. „Сей часъ возвратился изъ Кишинева", пишетъ онъ князю въ началѣ апрѣля 1824 г. изъ Одессы: „и нахожу письма, посылки и Бахчисарай. Не знаю какъ тебя благодарить; разговоръ прелесть, какъ мысли такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы.... Знаешь ли что? твой разговоръ болѣе писанъ для Европы чемъ для Руси. Ты правъ въ отношеніи Романтической поэзіи; но старая ‹.....› классическая, на которую ты нападаешь, полно существуетъ-ли у насъ? это еще вопросъ. — Повторяю тебѣ передъ евангеліемъ и святымъ причастіемъ — что Дмитріевъ, не смотря на все старое свое вліяніе, не имѣетъ, не долженъ имѣть болѣе вѣсу, чемъ Хераскова или Дядя В‹асилій› Л‹ьвовичъ›. Развѣ онъ одинъ представляетъ въ себѣ классическую нашу словесность, какъ Мордвиновъ заключаетъ въ себѣ одномъ всю рускую оппозицію? и чемъ онъ классикъ? гдѣ его трагедіи, поэмы дидактическія или эпическія? развѣ классикъ въ посланіяхъ къ Сѣвериной, да въ эпиграммахъ, переведенныхъ изъ Гишара?—Мнѣнія *Вѣстн‹ика› Евр‹опы›* не можно почитать за мнѣнія, на *Благ‹онамѣренный›* сердиться невозможно. Гдѣ же враги романтической поэзіи? гдѣ столпы классическіе?" Да и самыя сужденія о романтизмѣ мало удовлетворяли Пушкина. Основательно ознакомившись съ „процессомъ" „лже-Дмитріева" и Вяземскаго, онъ пришелъ впослѣдствіи къ выводу, что всѣ (въ томъ числѣ и князь) „имѣютъ у насъ самое тёмное понятіе о Романтизмѣ". „Сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то", говорилъ онъ и на-

lib.pushkinskijdom.ru

зывалъ Вяземскаго писателемъ оригинальнымъ, но „не всегда правымъ“ въ сужденіяхъ (Переписка, т. I, стр. 102, 105—106, 201, 218, 308; т. II, стр. 18).

Похвальный отзывъ князя о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ показался поэту не вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ былъ помѣщенъ въ предисловіи къ поэмѣ. Даже годъ спустя, приступая къ изданію собранія своихъ стихотвореній, Пушкинъ совѣтовалъ брату быть осмотрительнымъ и осторожнымъ при составленіи предисловія: „Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ — это непристойность, и въ Бахч‹исарайскомъ› Ф‹онтанѣ› я забылъ замѣтить это Вяземскому“ (Переписка, т. I, стр. 199, 74).

Не могли льстить самолюбію Пушкина и похвалы *Вѣстника Европы*, который не пользовался его симпатіями. Поэтъ помнилъ, что въ этомъ органѣ „весьма неосновательно“ бранили поэму „Русланъ и Людмила“, и не былъ тронутъ тѣмъ, что Дмитріевъ нашелъ его новое произведеніе „прекраснымъ, исполненнымъ чувствъ живыхъ, картинъ вѣрныхъ и плѣнительныхъ“, а его слогъ—„цвѣтущимъ“, „невольно привлекающимъ“ по своей „свѣжести“ и „разнообразію“ (*Вѣстникъ Европы*, 1824 г., № 5, стр. 61.—О полемикѣ Вяземскаго съ Дмитріевымъ см. т. III, примѣчанія, стр. 290—294).

8.

[О ВДОХНОВЕНІИ И ВОСТОРГѢ].

(Стр. 13—14).

Эта замѣтка не встрѣчалась намъ въ рукописи, а въ печати появилась впервые въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 257—258.

„Строки эти“, пишетъ редакторъ изданія: „имѣютъ въ глазахъ нашихъ особенную важность, онѣ принадле-

lib.pushkinskijdom.ru

жатъ къ разряду автобіографическихъ матеріяловъ; такъ Пушкинъ выразилъ въ нихъ характеръ собственнаго таланта и даже исторію будущаго его развитія! Спокойствіе и обсужденіе, какъ условіе прекраснаго, положены имъ были въ основу многихъ собственныхъ произведеній и сроднили ихъ съ типами изящнаго, оставленными классической древностію... Въ замѣткахъ Пушкина открывается даже и то расположеніе къ эпическому роду произведеній, которому онъ подчинился уже такъ полно, не задолго до смерти своей".

Анненковъ подчеркиваетъ „значеніе труда" въ творчествѣ Пушкина, его „удивленіе передъ геніальнымъ планомъ", а также отрицаніе важности восторга, какъ „главнаго зиждителя поэзіи". Послѣднее обстоятельство даетъ поводъ Анненкову признать замѣтку поэта возраженіемъ на статью В. К. Кюхельбекера: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе". Въ этой статьѣ авторъ, отдавая предпочтеніе лирической поэзіи передъ эпической, высказалъ слѣдующій взглядъ на поэтическое вдохновеніе: „Сила, свобода, вдохновеніе необходимыя три условія всякой Поэзіи. — Лирическая Поэзія вообще не иное что, какъ необыкновенное, т. е. сильное, свободное, вдохновенное изложеніе чувствъ самаго Писателя. Изъ сего слѣдуетъ, что она тѣмъ превосходнѣе, чѣмъ болѣе возвышается надъ событіями ежедневными, надъ низкимъ языкомъ черни, незнающей вдохновенія. Всѣмъ требованіямъ, которыя предполагаетъ сіе опредѣленіе, вполнѣ удовлетворяетъ одна *Ода*, а посему безъ сомнѣнія занимаетъ первое мѣсто въ Лирической Поэзіи или, лучше сказать, одна совершенно заслуживаетъ названіе Поэзіи Лирической. Прочіе же роды стихотворческаго изложенія собственныхъ чувствъ — или подчиняютъ оныя повѣствованію, какъ-то Гимнъ, а еще болѣе Баллада и слѣдовательно

lib.pushkinskijdom.ru

переходятъ въ Поэзію Эпическую: или же ничтожностію самаго предмета налагаютъ на геній оковы, гасятъ огонь его вдохновенія. — Въ послѣднемъ случаѣ ихъ отличаетъ отъ Прозы одно только стихосложеніе; ибо прелестью и благозвучіемъ, достоинствами, которыми они по необходимости ограничиваются, наравнѣ съ ними можетъ обладать и краснорѣчіе. — Ода, увлекаясь предметами высокими, передавая вѣкамъ подвиги Героевъ и славу Отечества, воспаряя къ престолу Неизреченнаго и пророчествуя предъ благоговѣющимъ народомъ, паритъ, гремитъ, блещетъ, порабощаетъ слухъ и душу читателя". (*Мнемозина*, 1824 г., ч. II, стр. 30—31).

Помимо гипотезы Анненкова, допустимо и другое предположеніе, которое даетъ возможность иначе объяснить происхожденіе замѣтки „О вдохновеніи и восторгѣ" и отнести ее къ болѣе позднему времени. Въ маѣ — іюнѣ 1825 г. Пушкинъ перечиталъ „всего" Державина и критическіе отзывы о немъ, которыми остался не вполнѣ доволенъ. „Кумиръ Державина [полу-золотой полу-свинцовой] $^1/_4$ золотой $^3/_4$ свинцовой *донынѣ еще не оцѣненъ*[1])" сообщалъ поэтъ А. А. Бестужеву и въ томъ же письмѣ, между прочимъ, иронически отнесся къ Мерзлякову, неумѣвшему уронить Хераскова „въ общемъ мнѣніи" (Переписка, т. I, стр. 225, 230). Не надо забывать, что Мерзляковъ былъ также авторомъ статей о Державинѣ, перечитанныхъ Пушкинымъ въ Михайловскомъ и заключающихъ въ себѣ разсужденія о лирической поэзіи, о восторгѣ и вдохновеніи. Такимъ образомъ, и этого критика могъ и ровергать Пушкинъ въ своей замѣткѣ.

Приводимъ выдержки изъ статьи Мерзлякова, представляющей собою разборъ оды „На взятіе Варшавы".

---

1) Курсивъ нашъ.

lib.pushkinskijdom.ru

„Всѣ знаменитые древнихъ и новыхъ вѣковъ Писатели чувствовали и доказали, сколь многихъ талантовъ соединенныхъ, и сколь великихъ трудовъ цѣлой жизни стоило имъ достигнуть той степени совершенства, на которой основали они свое безсмертіе. — Волтеръ говорилъ о себѣ, что онъ одному языку Французскому учится шестьдесятъ лѣтъ! — Но у насъ нѣкоторые въ разсужденіи сего думаютъ иначе. Не теряя напраснаго труда убѣждать ихъ доказательствами, посмотримъ на примѣръ, такъ ли легко раждается Ода Гораціева, Ода Ломоносова, или Пѣснь Державина. Плодъ ли она единаго токмо энтузіазма, который[1]) живописуетъ все, что видитъ предъ собою, безъ выбору, безъ сохраненія отношеній, безъ плана; или имѣетъ планъ постоянной и вѣрной, въ которомъ все связано, все подкрѣпляетъ другое, все споспѣшествуетъ къ усиленію того чувства, которое хочетъ возбудить Стихотворецъ въ своемъ слушателѣ? — Случай, или глубокой и осторожной разумъ произвелъ и сложилъ, на примѣръ, слѣдующую Оду („На взятіе Варшавы“, 1794 г.), которая, по пылкости своей, кажется единственнымъ слѣдствіемъ вдохновенія?“...

Разбирая оду, Мерзляковъ говоритъ о „краткости и силѣ періодовъ“ Державина, о „Стихотворцѣ восторженномъ“, о „восторгѣ естественно и просто выраженномъ, производящемъ полное свое дѣйствіе“, и приходитъ въ восхищеніе отъ тѣхъ строфъ гдѣ изображенъ Ломоносовъ, услаждающій своими пѣснями въ „небесномъ вертоградѣ“ почившихъ царей, вождей и „блаженныхъ Россовъ“.

„Не льзя сказать“, восклицаетъ критикъ: „что болѣе высокое благоразуміе, или воображеніе изобрѣло и украсило эту картину. Вы видите по связи, что она не родилась сама собою, но приготовлена, и непремѣнно

1) *Въ оригиналѣ*: которое.

lib.pushkinskijdom.ru

должна быть прежде обдумана, измѣрена и разположена!— Не льзя изобрѣсть ничего приличнѣе, натуральнѣе!... Теперь пусть говорятъ, что отъ Оды не возможно требовать плана! Онъ долженъ быть и есть въ твореніяхъ великихъ Писателей; тѣмъ труднѣе сохранить его, что онъ скрытъ, и имѣетъ всѣ наружные признаки безпорядка, столь свойственнаго изступленному воображенію и пламеннымъ чувствамъ. Пускай говорятъ, что чувства свободны отъ всякаго плана, отъ всякаго стѣсненія; это не справедливо. Природа и въ самую бурю, когда все, кажется готово разрушит‹ь›ся, не теряетъ своей стройности, или лучше, самая буря имѣетъ свои законы, начало, переходы и конецъ; почему же недолжны имѣть сего порядка, сихъ законовъ бури сердечныя? — Въ порывахъ чувствъ есть своя система постоянная и вѣрная: ее-то долженъ открыть и исполнить Стихотворецъ"... (*Амфіонъ*, 1815 г., іюль, стр. 86—88, 95—96, 101—103).

Пушкинъ несогласенъ съ тѣми, кто высоко ставитъ оды; онъ думаетъ, что послѣднія „стоятъ на низшихъ ступеняхъ творчества", такъ какъ онѣ созданы подъ вліяніемъ восторга, непродолжительнаго, непостояннаго, „исключающаго спокойствіе — необходимое условіе *прекраснаго*". По мнѣнію Пушкина, подъ вліяніемъ вдохновенія создаются эпическія и драматическія произведенія, отличающіяся стройностью плана, требующія истиннаго творчества и занимающія высшее мѣсто въ области поэзіи. Вдохновеніе предполагаетъ полное спокойствіе и далеко не всегда нисходитъ на поэта. „Вдохновенія еще нѣтъ; покамѣсть принялся я за прозу", сообщалъ Пушкинъ барону А. А. Дельвигу 31 іюля 1827 г. Та же мысль повторена въ письмѣ къ П. А. Плетневу, отправленномъ въ октябрѣ 1835 г. изъ села Михайловскаго: „Пишу, черезъ пень колоду валю. Для вдохновенія нужно сердечное спокойствіе, а я совсѣмъ не спокоенъ" (Переписка, т. II, стр. 35; т. III, стр. 239).

lib.pushkinskijdom.ru

Отсутствіе спокойствія заставляло поэта нарушать нормальный ходъ работы при созданіи какого-либо крупнаго произведенія, и иногда послѣдующая глава или сцена являлась раньше предыдущей. Такъ было и съ драмой „Борисъ Годуновъ“: „большая часть сценъ требовала только обсужденія“, а когда Пушкинъ „приходилъ къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія“, онъ „или пережидалъ, или просто перескакивалъ черезъ нее“ (Переписка, т. I, стр. 249). Съ вдохновеніемъ неразрывно связана особо напряженная работа ума, представляющая собою тотъ поэтическій „трудъ“, о которомъ Пушкинъ не разъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ. Творческій процессъ — „минуты упоенья, неизъяснимый сердца жаръ, одушевленный трудъ и слезы вдохновенья“ („Дельвигу“, 1817 г.). „Я зналъ и трудъ, и вдохновенье“, говоритъ поэтъ въ стихотвореніи: „Ты правъ, мой другъ! напрасно я презрѣлъ“... (1821 г.). Связь труда съ вдохновеніемъ отмѣчаетъ и герой повѣсти „Египетскія ночи“ (1835 г.) Чарскій, отказывающійся понять импровизатора италіанца: „Итакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, которое предшествуетъ вдохновенію“. И въ тотъ моментъ, когда „быстрый холодъ вдохновенья власы подъемлетъ на челѣ“ („Жуковскому“, 1818 г.), поэтъ сохраняетъ полное спокойствіе, а его умъ пріобрѣтаетъ наибольшую способность „располагать частями въ отношеніи къ цѣлому“. Отсюда—стройность плана, особенно замѣтная въ драмѣ.

Иное дѣло лирика: въ ней нѣтъ достоинствъ драмы и эпоса. Лирическій поэтъ, подъ вліяніемъ наплыва чувствъ, утрачиваетъ душевное равновѣсіе; его умъ теряетъ свою силу, что̀ отражается на планѣ. Типичнымъ лирикомъ является въ глазахъ Пушкина Байронъ, который, будучи увлеченъ „восторгомъ поэзіи“, „мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о

lib.pushkinskijdom.ru

нихъ“ (см. ниже, стр. 33; Переписка, т. I, стр. 287). Между тѣмъ, именно плану придавалъ нашъ поэтъ большое значеніе: онъ былъ недоволенъ планомъ своей собственной поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“ (Переписка, т. I, стр. 40) и упрекалъ Батюшкова за отсутствіе плана въ нѣкоторыхъ его піесахъ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 299).

Замѣчаніе Пушкина о томъ, что „вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи“ (ср. стр. 38), нѣсколько напоминаетъ изреченіе д'Аламбера: „L'imagination dans un Géomètre qui crée, n'agit pas moins que dans un Poëte qui invente“. Есть нѣчто общее и въ сужденіяхъ обоихъ писателей о лирической поэзіи. Французскій философъ находилъ въ лирикѣ слабость мысли и не очень высоко ставилъ лирическій талантъ (Esprit, maximes et principes. Genève, 1789, pp. 186, 349, 405. — *Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 231, № 908).

1825.

9.

О Г-ЖѢ СТАЛЬ И О Г. А. М—ВѢ.

(Стр. 14—16).

Эта статья въ бѣловомъ автографѣ намъ неизвѣстна. Лишь начало черновика сохранилось въ тетради Румянцовскаго Музея № 2387 В., л. 2. Впервые статья появилась въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1825 г., ч. III, № 12, стр. 255—259, и затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 544—547.

Книга г-жи Сталь „Dix années d'exil“ вышла въ свѣтъ послѣ смерти автора, въ 1821-мъ году, и сразу обратила

lib.pushkinskijdom.ru

на себя вниманіе любителей литературныхъ новинокъ. Осенью того же года князь П. А. Вяземскій, находившійся въ Остафьевѣ, и А. И. Тургеневъ, жившій въ Петербургѣ, засыпаютъ другъ друга вопросами о томъ, можно ли достать это сочиненіе. Въ началѣ октября трудъ г-жи Сталь попалъ въ руки князя, который тотчасъ извѣстилъ своего пріятеля: „Читаю „Les dix années d'exil": очень любопытно и занимательно и сродно для меня ссылочнаго" (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 210, 214, 216). Заинтересовался книгой и хорошій знакомый князя, Петръ Андреевичъ Габбе, штабсъ-капитанъ л.-гв. Литовскаго полка, стоявшаго тогда въ Варшавѣ. Этотъ выдающійся по своему уму и образованію офицеръ даже выпустилъ особую брошюру подъ заглавіемъ: „Біографическое похвальное слово Г-жѣ Сталь-Гольштейнъ", гдѣ далъ слѣдующій отзывъ объ отношеніи французской писательницы къ Россіи: „Въ сихъ запискахъ (т. е. въ „Десятилѣтнемъ изгнаніи") изображаетъ Г-жа С‹таль› и Россію, на которую, правда, смотрѣла она глазами любви, но не пристрастія. Кіевъ, Москва и Петербургъ особенно обратили на себя ея вниманіе: она хвалитъ гостепріимство дворянъ, готовность прислужиться въ крестьянахъ, и тотъ духъ любви къ Отечеству, который вездѣ, особенно же въ древней Москвѣ, тогда находила" („Біографическое похвальное слово Г-жѣ Сталь-Гольштейнъ". Спб. 1822 г., стр. 35). Воспоминанія г-жи Сталь о Россіи были напечатаны А. Ѳ. Воейковымъ въ *Новостяхъ Литературы*, 1822 г., кн. I, а брошюра Габбе вызвала рецензію князя Вяземскаго, похвалившаго выборъ темы (*Сынъ Отечества*, 1822 г., ч. 79, № 29, стр. 118—125). „Литовской гвардіи офицеръ, который въ Варшавѣ, при звукѣ барабаннаго и палочнаго боя, пишетъ о г-жѣ Сталь", казался Вяземскому „удивительнѣе Невтона" (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 253. Ср. стр. 268, 271).

lib.pushkinskijdom.ru

„Для насъ, русскихъ", замѣчаетъ академикъ Н. П. Дашкевичъ: „M-me de Staël представляла особый интересъ. Если не считать пріятелей Екатерины II, Вольтера и энциклопедистовъ, M-me de Staël была начинательницею любовнаго отношенія французовъ къ намъ. Во время своихъ странствованій по Европѣ она посѣтила Россію, уловила многія особенности русской жизни, оцѣнила значеніе русскаго мужика и тепло отзывалась о многомъ русскомъ. Она являлась однимъ изъ первыхъ провозвѣстниковъ того сближенія съ Россіей, которое неоднократно было проповѣдуемо и потомъ въ одиночку иными французами.—Всѣ эти черты дѣятельности M-me de Staël не прошли безслѣдно для Пушкина. Онъ вѣдь принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые ее понимали, для которыхъ блестящее замѣчаніе, „сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны". Онъ оцѣнилъ по достоинству эту „необыкновенную, славную женщину, столь же добродушную, какъ и геніальную", ея „умъ и чувства", политическую дѣятельность, ея отстаиванье полноты правъ женщины и идеальный образъ Коринны, въ которой она воспроизвела самое себя, мечтательную, благородную искательницу невозможнаго. — Подъ вліяніемъ критическихъ сужденій де-Сталь Пушкинъ могъ вполнѣ отрѣшиться отъ узкости литературныхъ мнѣній Лагарпа, бывшихъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ учебникомъ словесности и законодательнымъ кодексомъ литературной критики, и вообще могъ замѣтить всю рутину, все ничтожество французскихъ критиковъ времени Имперіи, продолжавшихъ поддерживать преданія ложнаго изящества и исключительнаго вкуса, и педантизмъ академиковъ. Благодаря отчасти M-me de Staël онъ могъ лучше усмотрѣть незначительность французской литературы начала настоящаго (т. е. XIX) вѣка, вращавшейся въ узкомъ кругу отжившихъ литературныхъ формъ и идей, и усвоить мнѣніе о выдающемся зна-

lib.pushkinskijdom.ru

ченіи литературъ германскихъ, неоднократно повторяемое имъ съ 20-хъ годовъ. — Не остались незамѣченными и наблюденія де-Сталь надъ русскою жизнью, и Пушкинъ не разъ упоминаетъ о нихъ“ (*Н. П. Дашкевичъ*. Статьи по новой русской литературѣ. П. 1914 г., стр. 292—295).

По словамъ В. Ѳ. Ржиги, „сопоставленіе наблюденій Сталь съ мыслями и образами Пушкина производитъ впечатлѣніе удивительнаго духовнаго родства. Это не увлеченіе Пушкина книгой („Dix années d'exil“) французской писательницы; это не вліяніе, понимаемое въ обычномъ смыслѣ. Дѣло касается самой глубины пушкинскаго творчества. И если результатъ общенія поэта съ „Dix années d'exil“ необходимо выразить какимъ-нибудь однимъ словомъ, то мы опредѣлимъ его, какъ глубокое созвучіе мыслей“. Подобно Сталь, Пушкинъ отмѣтилъ въ Россіи „соединеніе поверхностной культуры съ внутренней первобытностью, отсутствіе органическаго сліянія между заимствованной цивилизаціей и природнымъ геніемъ“; онъ сходился со Сталь и въ оцѣнкѣ русскихъ пѣсенъ, представляющихъ сочетаніе веселыхъ и грустныхъ мотивовъ, съ замѣтнымъ преобладаніемъ послѣднихъ, и въ оцѣнкѣ „нравственнаго облика русскаго мужика“, и, наконецъ, въ признаніи звучности русскаго языка“. (*Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности*, 1914 г., кн. 2-ая, стр. 63—67).

Пушкинъ впервые ознакомился съ книгой „Dix années d'exil“ въ 1822 г., ссылается на нее въ „Историческихъ замѣчаніяхъ“ (1822 г.) и въ примѣчаніи къ XLII строфѣ первой главы романа „Евгеній Онѣгинъ“ (1823 г.), а въ отрывкѣ „Рославлевъ“ (1831 г.) говоритъ о томъ, что Сталь „видѣла нашъ добрый, простой народъ и понимаетъ его“. Естественно, что относившійся съ большимъ уваженіемъ къ памяти г-жи Сталь Пушкинъ былъ непріятно пораженъ тономъ статьи А. А. Муханова, помѣщенной въ

lib.pushkinskijdom.ru

Сынъ Отечества, 1825 г. (ч. CI, № 10, стр. 148—157), подъ заглавіемъ: „Отрывки Г-жи Сталь о Финляндіи, съ замѣчаніями“ [1]). Въ этой статьѣ Александръ Алексѣевичъ Мухановъ (род. въ 1802 г., ум. въ 1834 г.), состоявшій съ 1823 по 1825 г. адъютантомъ командира Финляндскаго корпуса А. А. Закревскаго, подвергъ рѣзкой критикѣ замѣтки Сталь о Финляндіи, утверждая, что мнѣнія ея „во всемъ оправдываютъ легкомысліе ея пола“.

Мухановъ не подписалъ подъ статьей своей фамиліи полностью, и этимъ ввелъ въ заблужденіе Пушкина, не обратившаго вниманія на буквы: „А. М—въ“ и не знавшаго, что авторомъ является его хорошій знакомый. Поэтъ выступилъ противъ Муханова съ возраженіями, подъ псевдонимомъ: „Старый Арзамасецъ“. „За твоей статьей“ („О разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона“), — увѣдомлялъ Пушкинъ П. А. Вяземскаго 13 іюля 1825 г.: „слѣдуетъ моя о M-d de Staël. Но не разглашай этаго: тутъ есть одно Великодушіе поставленное вопервыхъ ради Цензуры а вовторыхъ для вящшаго *анонима*“. Въ свою очередь, князь счелъ долгомъ поставить Пушкина въ извѣстность, что авторъ статьи, не понравившейся поэту,—Мухановъ: „Ты Сталью отдѣлалъ моего пріятеля, а можетъ быть и своего, Александра Муханова, бывшаго адъютанта Закревскаго. Да и по дѣломъ, хоть мнѣ его и жаль“. Узнавъ объ этомъ, самъ Пушкинъ нѣсколько огорчился: „Жалѣю, что о Staël писалъ Мухановъ (если Адъют‹антъ› Раевскаго) онъ мой приятель и я бы не тронулъ его, а все-же онъ виноватъ, M-d Staël наша — не тронь ея — Впрочемъ я пощадилъ его“. Ошибка поэта, смѣшавшаго двухъ своихъ знако-

1) Въ пушкинскомъ экземплярѣ *Сына Отечества* многія строки статьи Муханова подчеркнуты или отчеркнуты по полю чернилами (*Б. Л. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. С.-Пб. 1910 г., стр. 133, № 518).

lib.pushkinskijdom.ru

мыхъ, была разъяснена Вяземскимъ, подтвердившимъ первоначальное сообщеніе, что „Мухановъ анти-Стальскій, не Раевскаго, а Закревскаго адъютантъ, не большой рыжикъ, а маленькой рыжикъ“ (Переписка, т. I, стр. 236, 283, 289, 305.).

Пушкину особенно не понравился тонъ статьи Муханова. „Уваженъ хочешь быть, умѣй другихъ уважить“, наставительно замѣчаетъ поэтъ, нѣсколько видоизмѣняя извѣстный стихъ Вяземскаго изъ „Посланія къ М. Т. Каченовскому“ (ср. *Сынъ Отечества*, 1821 г., № 2, стр. 80). Съ мнѣніемъ Пушкина были согласны, повидимому, многія лица, причастныя литературѣ. Въ *Дамскомъ Журналѣ* выражено негодованіе по поводу замѣчаній Муханова. „Неоспоримо“, читаемъ въ изданіи князя П. И. Шаликова: „что женщина-авторъ подвергается критикѣ также, какъ и мущина-авторъ; что первая также можетъ воспользоваться ею, какъ и послѣдній, разумѣя *критику* такую, какою она должна быть. Но ничто въ свѣтѣ не освобождаетъ мущину отъ вѣжливости, отъ учтивости, когда онъ говоритъ о женщинѣ—передъ цѣлымъ свѣтомъ“. Между тѣмъ, это „рыцарское, освященное вѣками общежитія, правило“ не соблюдено А. А. Мухановымъ. „Кромѣ общаго, самаго не эстетическаго тона, господствующаго въ Замѣчаніяхъ“, „можно ли употреблять столь недостойный языкъ въ критикѣ на Сочинительницу „Коринны“ и книги „О Германіи“? „Можно ли наконецъ писать такимъ слогомъ противъ г-жи Сталь“? (*Дамскій Журналъ*, 1825 г., ч. XI, № 13, стр. 29—31).

Журнальная полемика привлекла вниманіе Н. В. Путяты, который тотчасъ подѣлился своими впечатлѣніями съ А. А. Мухановымъ. „Пробѣгая журналы наши“, сообщалъ онъ послѣднему: „видѣлъ я, что статья твоя о Финляндіи надѣлала нѣсколько шума. Дамской Журналъ, en chevalier galant, вступился за честь женщинъ; но дай

lib.pushkinskijdom.ru

имъ Богъ болѣе такихъ защитниковъ, и тогда намъ нечего будетъ опасаться о проигрышѣ процесса; другой противникъ, въ Телеграфѣ, съ большимъ искусствомъ нападаетъ на легкомысленное и оскорбительное сужденіе твое о Г-жѣ Сталь, и признаюсь откровенно, я согласенъ съ его мнѣніемъ. Не любя вообще, по какому-то предубѣжденію, женщинъ-писательницъ, исключаю изъ этого числа Г-жу Сталь, которая въ сочиненіяхъ своихъ возвысилась надъ обыкновеннымъ кругомъ дѣятельности и ума женскаго, обращающагося въ тѣсной сферѣ наблюденій надъ характерами и мѣлочными пружинами, двигающими свѣтское общество, и, отбросивъ равно приторную плаксивость и притворную любовь къ природѣ многихъ изъ нихъ, силою своихъ мыслей и глубиною чувствъ стала на ряду съ величайшими мужами нашего вѣка. Замѣчанія твои на счетъ ложнаго ея понятія о Финляндіи справедливы, но не надобно было слишкомъ увлекаться негодованіемъ“ (*Сборникъ* П. И. Щукина. М. 1902 г., т. X, стр. 418 — 419).

— (*Стр. 16, строки 23 — 24*). Объ отношеніи Наполеона къ г-жѣ Сталь говоритъ князь П. А. Вяземскій въ стихотвореніи „Библіотека“:

Коппетъ! гдѣ Неккеру, игрѣ народныхъ бурь,
Блеснула въ тишинѣ спокойствія лазурь,
И гдѣ изгнанница тревожила изъ ссылки
Деспота чуткій умъ и гнѣвъ въ порывахъ пылкій.
Въ сіяньи, онъ робѣлъ отдѣльнаго луча;
И міръ поработивъ владычеству меча,
Съ владычествомъ ума въ совмѣстничествѣ гордомъ
Онъ личнаго врага воюя въ мнѣньи твердомъ,
Державу мысли самъ невольно признавалъ.
(*Литературный Музеумъ* на 1827 г., стр. 154—155).

lib.pushkinskijdom.ru

10.

О ПРЕДИСЛОВІИ Г-НА ЛЕМОНТЕ КЪ ПЕРЕВОДУ БАСЕНЪ И. А. КРЫЛОВА.

(Стр. 16—21).

Эта статья въ рукописи намъ неизвѣстна. Впервые она напечатана въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1825 г., ч. V, № 17, стр. 40—46, и затѣмъ помѣщена въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 539—544.

Въ 1825 г. вышло въ Парижѣ двухтомное изданіе басенъ И. А. Крылова, подъ заглавіемъ: „Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi".

Изданіе было предпринято графомъ Григоріемъ Владимировичемъ Орловымъ (род. въ 1778 г., ум. въ 1826 г.), много путешествовавшимъ по Европѣ и особенно полюбившимъ Францію и Италію. Сенаторъ, камергеръ, владѣлецъ нѣсколькихъ тысячъ душъ, графъ привыкъ жить очень открыто и, по словамъ П. А. Вяземскаго, „искалъ отличія авторскаго". О парижскомъ салонѣ Орлова сохранился восторженный отзывъ италіанскаго литератора Франческо Сальфи (род. въ 1752 г., ум. въ 1832 г.). „Съ давняго времени", пишетъ послѣдній: „въ Парижѣ, гдѣ важныя Науки соединены со всѣми прелестями изящнаго, домъ Графа Орлова былъ мѣстомъ собранія образованнѣйшихъ Французовъ и Иностранцевъ. Когда онъ изъявилъ желаніе перевесть Русскія Басни на Французскій и Итальянскій языки, всѣ Литтераторы единодушно изъявили готовность быть участниками въ его предпріятіи. — Не могу умолчать здѣсь объ участіи, какое имѣла въ семъ дѣлѣ незабвенная супруга Гр‹афа› Орлова (Анна Ива-

lib.pushkinskijdom.ru

новна, рожденная графиня Салтыкова). Она была украшеніемъ ученыхъ собраній, которыя умѣла составлять у себя въ домѣ. Она умѣла одушевлять ихъ скромностію и вѣжливостью, показывавшими въ ней желаніе научиться, а не быть предметомъ похвалъ. Занимаясь Итальянскою и Французскою Литературою, она обогащалась знаніями и совѣтами людей ученыхъ, и такимъ образомъ привела въ исполненіе предпріятіе, на которое вызвалось столько отличныхъ умовъ. Гр‹афъ› Орловъ буквально перевелъ Русскія Басни во Французскую прозу; Французы и Итальянцы начали дѣлать подражанія онымъ, каждый на природномъ языкѣ. Графиня Орлова восхищалась успѣшнымъ исполненіемъ въ послѣднее время своей жизни“ (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. V, № 18, стр. 101—102).

Въ словахъ Сальфи есть небольшая неточность: прозаическій переводъ басенъ, который самъ графъ любилъ называть своимъ, въ дѣйствительности былъ исполненъ Иваномъ Ѳедоровичемъ Эйнерлингомъ, а затѣмъ восемьдесятъ шесть басенъ были разобраны для переложенія въ стихи пятьюдесятью девятью литераторами и учеными, въ томъ числѣ десятью женщинами. Одно изъ предисловій къ изданію, принадлежащее члену Французской Академіи Петру Лемонте (род. въ 1762 г., ум. въ 1826 г.), дало поводъ Пушкину написать статью, которая и была препровождена Н. А. Полевому.

Поэтъ не читалъ предисловія Лемонте въ оригиналѣ; онъ былъ знакомъ только съ переводомъ, помѣщеннымъ въ №№ 13 и 14 *Сына Отечества* за 1825 г. Переводъ былъ сдѣланъ русскимъ, жившимъ въ Парижѣ и не пожелавшимъ обнародовать свою фамилію. Расходясь во мнѣніяхъ съ Лемонте, переводчикъ счелъ нужнымъ внести отъ себя поправки въ цѣломъ рядѣ критическихъ примѣчаній, привлекшихъ вниманіе Пушкина, который также не былъ удовлетворенъ предисловіемъ Лемонте.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому проявляется шутливо-ироническое отношеніе поэта къ предпріятію графа Орлова и къ очерку Лемонте. Крыловъ, по мнѣнію Пушкина, — „преоригинальная туша“, а графъ Орловъ — „дуракъ“. „Милый мой“, читаемъ въ другомъ письмѣ: „мнѣ надоѣло тебѣ писать, потому что не могу являться тебѣ въ халатѣ, на распашку и спустя рукава. Разговоръ нашъ похожъ на предисловія Г-на Лемонте“ (Переписка, т. I, стр. 286, 301: Михайловское, осень 1825 г.).— Пушкинъ считалъ произведеніе Лемонте „очень замѣчательнымъ“, но „не совсѣмъ удовлетворительнымъ“. „Вообще тамъ, гдѣ Авторъ долженъ былъ необходимо писать по наслышкѣ, сужденія его могутъ иногда показаться ошибочными; напротивъ того, собственныя догадки и заключенія удивительно правильны“. И въ своей статьѣ Пушкинъ задался цѣлію внести поправки въ предисловіе Лемонте и высказать свои замѣчанія о русскомъ языкѣ и о Ломоносовѣ.

Пушкинъ говоритъ, что въ древности „простонародное нарѣчіе необходимо должно было отдѣлиться отъ книжнаго“, и что „въ послѣдствіи они сблизились“. Этому сближенію много способствовалъ Ломоносовъ. „Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго Славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ“. Признавая творенія Ломоносова „вѣчными памятниками Русской Словесности“, Пушкинъ отказывался найти въ нихъ поэзію и не удивлялся, что „свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова“. Онъ уважалъ въ послѣднемъ „великаго человѣка, но не великаго поэта“, и усмотрѣлъ его „главную заслугу“ въ томъ, что „онъ понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго“. Въ этомъ отношеніи Пушкинъ ставилъ его выше Державина, который „не зналъ ни Руской грамоты ни духа Рускаго

lib.pushkinskijdom.ru

языка“ (Переписка, т. I, стр. 225, 230). Въ третьей главѣ статьи: „Мысли на дорогѣ“ есть слѣдующія строки: „Въ Ломоносовѣ нѣтъ ни чувства, ни воображенія.... Ломоносовъ самъ не дорожилъ своею поэзіею, и гораздо болѣе заботился о своихъ химическихъ опытахъ, нѣжели о должностныхъ одахъ на высокоторжественный день тезоименитства и проч.“ (см. стр. 176 настоящаго тома). Пушкинъ съ большимъ одобреніемъ отзывается объ извѣстномъ стихѣ изъ эпистолы А. П. Сумарокова „О стихотворствѣ“, гдѣ Ломоносовъ названъ Малербомъ „нашихъ странъ“, и упоминаетъ о тонкихъ насмѣшкахъ Тредьяковскаго надъ „славянщизнами“ „пѣвца Елисаветы“.

Въ заключеніе Пушкинъ развиваетъ свою любимую мысль о слабой обработкѣ русской прозы.

Статья поэта была сочувственно встрѣчена П. А. Вяземскимъ, хотя послѣдній и разошелся во взглядахъ со своимъ знаменитымъ другомъ. „Твоя статья о Лемонтеѣ“, писалъ князь: „очень хороша по слогу зрѣлому, ясному и по многимъ мыслямъ блестящимъ. Но что такое за представительство Крылова? Слѣдовательно и Орловскій представитель русскаго народа. Какъ ни говори, а въ умѣ Крылова есть все что-то лакейское: лукавство, брань изъ-за угла, трусость передъ господами, все это перемѣшано вмѣстѣ. Можетъ-быть и тутъ есть черты народные (sic), но покрайней мѣрѣ не намъ признаваться въ нихъ и не намъ ими хвастаться передъ иностранцами. И <...> есть нѣкоторое представительство человѣческой природы, но смѣшно-же было-бы живописцу ее представить какъ типическую принадлежность человѣка. Назови Державина, Потемкина представителями рускаго народа, это дѣло другое; въ нихъ и золото и грязь наши par excellence; но *представительство Крылова* и въ самомъ литературномъ отношеніи есть ошибка, а въ нравственномъ, государственномъ даже и преступленіе de lèze-nation, тобою со-

lib.pushkinskijdom.ru

вершенное“ (Переписка, т. I, стр. 305: письмо отъ 16—18-го октября 1825 г.).

— *(Стр. 18, строка 34—стр. 19, строка 1).* Академикъ Георгъ-Вильгельмъ Рихманъ, повторявшій опыты Франклина, былъ убитъ молніей, во время наблюденій надъ электричествомъ, 26-го іюля 1753 г.

—*(Стр. 19, строки 30—32).* Намъ неизвѣстно, изъ какого сочиненія Тредьяковскаго заимствованы приведенныя Пушкинымъ цитаты. О славенщизнахъ вообще Тредьяковскій говоритъ въ предисловіи къ переводу произведенія Поля Тальмана (Paul Tallemant) „Ѣзда въ островъ любви“ (1730 г.), но это предисловіе не имѣетъ никакого отношенія къ Ломоносову.

— *(Стр. 20, строки 5—8).* Объ отклоненіи французской поэзіи отъ образцовъ классической древности Пушкинъ говоритъ въ очеркахъ по исторіи драматическаго искусства (см. стр. 125-ю настоящаго тома). Поэту вообще не очень нравились „Маркизы классической Поэзіи“; онъ называлъ „Art poétique“ „пудреной піитикой“, а Расина—„тонкимъ придворнымъ“ и „пѣвцомъ влюбленныхъ женщинъ и царей“. „Старый“ Корнель пользовался наибольшей симпатіей Пушкина и былъ признанъ истиннымъ и „величавымъ“ трагическимъ геніемъ („Домикъ въ Коломнѣ“, строфы VII—VIII.—„Евгеній Онѣгинъ“, глава I, строфа XVIII.—Переписка, т. I, стр. 48, 74, 247; т. II, стр. 20).

— *(Стр. 20, строки 10—11).* Маркиза дю-Деффанъ (род. въ 1697 г., ум. въ 1780 г.), графиня Буффлеръ (род. въ 1724 г., ум. въ 1800 г.) и госпожа д'Эпинэ (род. около 1725 г., ум. въ 1783 г.) находились въ общеніи со многими представителями французской литературы второй половины XVIII вѣка.

— *(Стр. 20, строки 15—20).* Слова: „Европейская общежительность“, являются переводомъ французскаго

lib.pushkinskijdom.ru

выраженія: „sociabilité européenne“ („Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff etc.“ Paris, 1825, tome I, pp. XV—XVI).

— *(Стр. 20, строки 22—30).* Приведенныя здѣсь разсужденія о русской прозѣ заимствованы Пушкинымъ изъ раньше написаннаго чернового отрывка, помѣщеннаго на стр. 11-й настоящаго тома.

— *(Стр. 21, строка 21).* Крыловъ и Альфьери приблизительно въ одномъ возрастѣ изучили греческій языкъ.

— *(Стр. 21, строки 5—9).* Говоря о недостаткахъ біографій нашихъ писателей, Пушкинъ намекаетъ на книгу Н. И. Греча: „Опытъ краткой исторіи русской литературы“. С.-Пб. 1822 г.

— *(Стр. 21, строки 21—25).* Ошибочное, съ точки зрѣнія Пушкина, сближеніе Крылова съ Карамзинымъ сдѣлано Лемонте въ такой формѣ: „Къ счастію Русскаго языка, одна и та же эпоха являетъ въ немъ Г. Карамзина и Г. Крылова, и оба они оказываютъ ему важныя и разнообразныя услуги. Первый изъ нихъ возвышаетъ ту часть сего языка, которая прилична достоинству Исторіи, второй изощряетъ въ немъ то, что способно къ списыванію нравовъ. Можно сказать, что Г. Карамзинъ даетъ избираемымъ словамъ граматы на благородство, а Г. Крыловъ надѣляетъ слова своего выбора патентами на умъ“.— Другую ошибку французскаго академика усмотрѣлъ поэтъ въ слѣдующемъ разсужденіи о неспособности русскаго языка къ метрическому стихосложенію: „Стихотворцы подчинили его (языкъ) риѳмѣ; а нѣкоторыя попытки, ограничившіяся невѣрнымъ успѣхомъ, въ составленіи на немъ стиховъ совершенно метрическихъ, заставляютъ сомнѣваться, чтобъ его можно было подвести подъ стихосложеніе Древнихъ“. (*Сынъ Отечества*, 1825 г., ч. CII, № 13, стр. 74; № 14, стр. 180—181).

---

lib.pushkinskijdom.ru

11.

[О ПЕРЕВОДЧИКАХЪ].

(Стр. 21).

Это изреченіе въ рукописи намъ не встрѣчалось. Впервые оно помѣщено въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 271, а затѣмъ перепечатывалось въ другихъ изданіяхъ.

12.

ПЕРВЫЙ ОБОЖАТЕЛЬ ВОЗБУЖДАЕТЪ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ...

(Стр. 22).

Замѣтка печатается по изданію Анненкова, т. I, стр. 272. Въ черновомъ видѣ, съ нѣкоторыми варіантами, она найдена проф. И. А. Шляпкинымъ. Вотъ полный текстъ ея въ нашемъ чтеніи: „Первый нещ‹астный› [любовникъ обращаетъ] воздыхатель возбуждаетъ на себя [все вниманіе], [всю все] чувствительность и состраданіе женщины прочіе или [ею ей] равнодушны едва замѣчены или служатъ лишь Такъ въ концѣ [1]) сраженіе (sic) первый раненый производитъ такое (?) [сильное] болѣзненное впѣчатлѣніе [и на прочихъ] и изтощаетъ состраданіе наше — “

13.

[О РОМАНАХЪ ВАЛЬТЕРА СКОТТА].

(Стр. 22).

Эта замѣтка впервые появилась въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 138, и отсюда перепечатана въ позднѣйшихъ изданіяхъ.

---

1) *Описка. Слѣдуетъ читать:* въ началѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Вальтеръ Скоттъ принадлежитъ къ числу любимыхъ писателей Пушкина. Въ Кишиневѣ (1822 г.) поэтъ читаетъ творенія шотландскаго романиста и любуется его „волшебными картинами“; въ Михайловскомъ (1824 г.) онъ называетъ эти творенія „пищей души“; наконецъ, живя въ Тригорскомъ, уже за полтора года до смерти (1835 г.), вновь просматриваетъ ихъ и восхищается ими (Переписка, т. I, стр. 41, 140; т. III, стр. 232). Пушкинъ пріобрѣтаетъ для своей библіотеки собраніе сочиненій Вальтера Скотта во французскомъ переводѣ, а также покупаетъ его отдѣльно изданныя поэмы и прозаическія сочиненія на англійскомъ языкѣ (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. С.-Пб. 1910 г., стр. 332—333).

Сопоставленіе романовъ Скотта съ произведеніями классической и сентиментальной школы могло быть подсказано нашему поэту французскими критиками, которые иногда любили проводить такія параллели, чтобы лучше оттѣнить достоинства популярнѣйшаго европейскаго писателя. „Ses romans“, пишетъ о Вальтерѣ Скоттѣ Patin въ *Lycée français* (1819, t. I, p. 404): „sont de véritables romans historiques, et je me hate d'ajouter, pour compléter l'éloge que j'en prétends faire, qu'ils n'ont rien de commun avec les ouvrages qui se multiplient sous ce titre, depuis quelques années, et dans lesquels les héros de l'histoire sont si étrangement défigurés. Les compositions de Walter Scott... participent à la gravité de l'histoire par le soin que prend l'auteur d'y représenter fidèlement les moeurs du pays, et des époques où il a coutume de placer son action“. Однородныя сужденія высказывалъ и Викторъ Гюго въ *Muse française* (1823, t. I, pp. 29—45), гдѣ, отдавая Скотту пальму первенства передъ другими писателями, замѣтилъ: „Ce n'est... point à de doucereuses galanteries, à de mesquines intrigues, à de sales aventures, que Walter Scott voue son talent“ (*L. Maigron.*

lib.pushkinskijdom.ru

Le roman historique à l'époque romantique. Paris, 1898, pp. 103, 111).

14.

[ОБЪ АНДРЕѢ ШЕНЬЕ].

(Стр. 22).

Черновой автографъ этой замѣтки находится въ рукописи Румянцовскаго Музея, № 2370, л. 65. Онъ впервые неточно напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIII, № 7, стр. 32, а затѣмъ въ неполномъ видѣ и съ нѣкоторыми разночтеніями въ настоящемъ изданіи, т. IV, примѣчанія, стр. 39.

Приводимъ полную транскрипцію замѣтки.

„A⟨ndré⟩ Ch⟨énier⟩ погибъ, [одной изъ благороднѣйшихъ] жертвою Фр⟨анцузской⟩ револ⟨юціи⟩ на 31 году отъ рожденія — [Долго онъ былъ извѣстенъ 2 или тремя отрывками въ др⟨евнемъ⟩ элегическомъ родѣ, Одою Младой Узницы и словами Шатобріана] Долго слав[а]у его состовляло [воспоминаніе о немъ] нѣск⟨олько⟩ сл⟨овъ⟩ сказан⟨ныхъ⟩ о немъ Ш⟨атобріаномъ⟩ и два или три отрывка и общее сожалѣніе объ утратѣ [его стиховъ проч⟨аго⟩] всего прочаго. — Наконецъ творенія его были отысканы [бы⟨ли⟩] и [выданы] вышли въ свѣтъ 1819 года — [читая стихи давно умершаго славного (?) и вмѣстѣ] Не льзя воздержаться отъ горестнаго чувства“.

„Самъ Шенье напечаталъ всего два стихотворенія, и то на злобу дня [„Le Jeu de Paume“ (1791 г.) и „Hymne sur l'entrée triomphale des Suisses de Chateauvieux“ (1792 г.)]; всѣ остальныя свои работы онъ, очевидно, не считалъ совершенно законченными и достойными печати. Большинство его литературнаго наслѣдія и носитъ характеръ черновыхъ, еще неотдѣланныхъ окончательно набросковъ, надъ которыми

lib.pushkinskijdom.ru

„взыскательный художникъ“, вѣроятно, проработалъ бы еще долго“ (*М. Н. Розановъ.* Ж. Ж. Руссо и литературное движеніе конца XVIII и начала XIX в. Москва, 1910 г., т. I, стр. 523).

Шатобріанъ, одинъ изъ первыхъ, воздалъ должное таланту Шенье. Въ „Духѣ христіанства“ (1802 г.) есть слѣдующія знаменательныя строки, посвященныя памяти поэта: „La Révolution nous a enlevé un homme qui promettait un rare talent dans l'églogue; c'était M. André Chénier. Nous avons vu de lui un recueil d'idylles manuscrites, où l'on trouve des choses dignes de Théocrite. Cela explique le mot de cet infortuné jeune homme sur l'échafaud; il disait en se frappant le front: „Mourir! j'avais quelque chose là!“ C'était la Muse qui lui révélait son talent au moment de la mort“ (*Chateaubriand.* Génie du Christianisme, 2-e partie, livre III, chapitre VI, en note).

Въ своихъ „Éclaircissements“ (note 15) Шатобріанъ цитируетъ на память нѣсколько отрывковъ изъ произведеній Шенье: „Accours, jeune Chromis“... и „Souvent las d'être esclave“. Въ 1811 г., послѣ смерти Мари-Жозефа Шенье, бумаги Андрея попали въ руки журналиста Дону, котораго поэтъ Шендоллэ побуждалъ опубликовать рукописи; въ 1814—1816 гг. Мильвуа въ примѣчаніяхъ къ своимъ элегіямъ и Файоль (Fayole) — въ литературномъ сборникѣ (Mélanges littéraires, 1816) опубликовываютъ неизданные стихи Шенье, и только въ 1819 г. вышло въ свѣтъ первое собраніе сочиненій поэта, предпринятое Латушемъ (Oeuvres poétiques d'André Chénier. Paris, Beaudoin frères, Foulon et C-ie, in-8) [*Paul Glachant.* André Chénier critique et critiqué. Paris, 1902, pp. 226—233].

Изданіе Латуша было пріобрѣтено Пушкинымъ и находится въ его библіотекѣ (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 192 — 193). Упомянутая поэтомъ „Ода Младой Узницы“ положена на музыку,

lib.pushkinskijdom.ru

и гравированныя ноты присоединены Латушемъ къ тексту произведеній Шенье подъ заглавіемъ: „La jeune captive, ode d'André de Chénier, mise en musique par Vernier, 1-re Harpe de l'Académie Royale de Musique, Membre de la Société des Enfants d'Apollon".

Разсказанная Шатобріаномъ легенда о Шенье весьма нравилась Пушкину, который писалъ князю П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго въ сентябрѣ 1825 г.: „Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье могу ударить себя въ голову и сказать: il y avoit quelque chose là... Извини эту поэтическую похвальбу и прозаическую хандру" (Переписка, т. I, стр. 286).

Предсмертныя слова французскаго поэта воспроизведены также въ элегіи „Андрей Шенье" (1825 г.). Стихъ:

Вотъ плаха. Онъ взошелъ. Онъ славу именуетъ,

объясненъ въ особомъ примѣчаніи: „На мѣстѣ казни онъ ударилъ себя въ голову и сказалъ: „Pourtant j'avais quelque chose là" (т. IV, стр. 38).

Печальная судьба Андрея Шенье привлекла вниманіе и П. А. Вяземскаго, который упоминаетъ о кончинѣ поэта въ стихотвореніи „Библіотека":

Андрей Шенье! пѣвецъ и мученикъ свободы,
На плаху въ жертву ты принесъ младые годы
И полное надеждъ грядущее принесъ,
Когда тирановъ серпъ, во дни гражданскихъ грозъ,
Свирѣпо пожиналъ подъ жатвою кровавой
Все, что грозило имъ иль доблестью, иль славой.
Такъ! умирая, ты сказать со вздохомъ могъ,
Что многаго еще хранилъ въ себѣ залогъ.

Въ комментаріяхъ къ этимъ стихамъ князь сообщаетъ свѣдѣнія о Шенье: „Андрей Шенье, одна изъ прекрас-

lib.pushkinskijdom.ru

нѣйшихъ жертвъ тираніи Робеспьера и Французскаго Конвента, кончилъ жизнь свою на плахѣ революціонной два дни до низверженія Робеспьера и кроваваго владычества, тяготѣвшаго надъ Франціею". Готовясь на казнь, онъ ударивъ себя въ голову, сказалъ: *Однако же тутъ было что-то!*".

(*Литературный Музеумъ* на 1827 г., стр. 151—152).

15.

[О ДѢЛЕНІИ ЕВРОПЫ НА КЛАССИЧЕСКУЮ И РОМАНТИЧЕСКУЮ].

(Стр. 22—23).

Замѣтка печатается по изданію Анненкова, т. I, стр. 258 — 259. Она включена также въ черновой текстъ письма Пушкина къ Н. Н. Раевскому (мартъ — апрѣль 1827 г.). Приводимъ отрывокъ изъ этого письма: „....наши журнальные Аристархи безъ церемоніи ставятъ на одну доску [Шексп‹ира›] Dante и Ламартина, самовластно раздѣляютъ Европу Литературную на класс‹ическую› и ром‹антическую› уступая первой языки Латинскаго Юга, и приписывая второй Германскія племена Сѣвера такъ что Dante (il gran Padre Alighieri) Аріосто, Лопецъ di Vega, Калдеронъ и Сервантесъ попались въ класическую фалангу — благодаря сей неожиданной помощи, доставленной Изд‹ателемъ› Моск‹овскаго› Телегр‹афа›, которой побѣда, кажется, будетъ несомнѣнно принадлежать" — (Переписка, т. II, стр. 18).

Замѣтка написана поэтомъ по поводу статьи, помѣщенной въ *Московскомъ Телеграфѣ* и посвященной разбору *По-*

lib.pushkinskijdom.ru

лярной Звѣзды А. А. Бестужева. Въ этой статьѣ, между прочимъ, высказано слѣдующее сужденіе: „Кажется, что классицизму и романтизму суждено раздѣлить Европу: Латинской Европѣ суждено первое, Германской и Славянской второе. У Италіянцовъ (не смотря на Данта — единственное исключеніе изъ общаго—) едва ли овладѣть романтизму Литературою; но Англичанъ, Германцовъ и— насъ, романтизмъ выкликаетъ на путь истинный“ (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. II, № 8, стр. 323). — Приведенныя строки произвели неблагопріятное впечатлѣніе на Пушкина, который совѣтовалъ князю П. А. Вяземскому учредить надзоръ за Полевымъ: „Да ты, смотри за нимъ— ради Бога! и ему случается завираться. Напримѣръ, Донъ-Кихотъ изкоренилъ въ Европѣ странствующихъ рыцарей!!! — Въ Италіи, кромѣ Dante единственно, не было Романтизма — А онъ въ Италіи то и возникъ. Что же такое Аріостъ? а предшественники его начиная отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato? какъ можно писать такъ на обумъ!“ (Переписка, т. I, стр. 219: письмо отъ 25-го мая 1825 г.).

16.

[ЗАМѢЧАНІЯ НА АННАЛЫ ТАЦИТА].

(Стр. 23—25).

Замѣчанія эти находятся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея №№ 3266 и 2367, л. 60. Пять начальныхъ отрывковъ впервые напечатаны П. В. Анненковымъ въ его книгѣ: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, С.-Пб. 1874 г., стр. 301—302; три слѣдующихъ отрывка помѣщены въ изданіи 1855 г., т. I, стр. 170—171, и, наконецъ, послѣдній отрывокъ опубликованъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., № 5, стр. 352. Анненковскіе тек-

lib.pushkinskijdom.ru

сты были сличены съ рукописью Д. И. Сапожниковымъ и вновь, къ сожалѣнію, тоже не безъ ошибокъ обнародованы въ *Русскомъ Архивѣ*, 1899 г., в. II, стр. 350—354.

Автографы поэта даютъ слѣдующіе первоначальные варіанты.

Стр. 23, строка 3: .... когда получилъ извѣстіе *объ смерти*....

» 24, » 1: Въ своемъ завѣщаніи *точно ли*[1]) *онъ* изъ единой зависти совѣтовалъ....

» 24, » 2: .... не разпространять предѣлы *Рим‹ской›* Имперіи *заключавшейся*....

» 24, » 7: *Въ* раболѣпствѣ Галла Азинія видитъ онъ....

» 24, » 19: Германикъ усмиряя бунтъ легіоновъ *обнажилъ мечь и* хотѣлъ заколоться....

» 24, » 28: *видимъ что* мать Мессалины совѣтуетъ[2])....

» 24, » 29: ....Мессалина подноситъ ножъ то къ горлу то ко груди *не въ силахъ будучи рѣшиться*...

» 25, » 2: ....*Неронъ* и проч.

» 25, » 4: Тиб‹ерій› *не*доволенъ *былъ* Германикомъ...

» 25, » 5: *Онъ* соглашается на требованія мятежниковъ, *даетъ имъ отставку*....

» 25, » 12–13: ....но сей оказалъ и *болѣе* благоразумія...

» 25, » 17: ....умираетъ *въ с‹с›ылкѣ*(?)...

» 25, » 19: Голодомъ можно заморить въ тюрьмѣ *но она не въ тюрьмѣ* (?)...

---

1) Эти слова зачеркнуты и замѣнены такъ: *могъ ли*....

2) Приведенное выраженіе измѣнено слѣдующимъ образомъ: видимъ мать Мессалины *совѣтующею*....

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 25, строка 20: ...не *мудрено* что Тацитъ....
» 25, » 22—23: ...удивительно чистосердечіе Наполеона *прямо* въ томъ признававш‹агося› *не опасаясь людей всегда* готовыхъ видѣть тутъ *отвращеніе* тирана.....
» 25, » 26: ...однажды *постав‹ивъ›*....

Лѣтомъ 1825 г., находясь въ селѣ Михайловскомъ, Пушкинъ изучалъ „Анналы“ Корнелія Тацита, въ которомъ онъ видѣлъ „великаго сатирическаго писателя“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „опаснаго декламатора“, „исполненнаго политическихъ [1]) предразсудковъ“ (записка „О народномъ воспитаніи“. — Рукопись Румянцовскаго Музея № 2368, л. 45). „Чѣмъ болѣе читаю Тацита“, сообщалъ поэтъ барону А. А. Дельвигу: „тѣмъ болѣе мирюсь съ Тиберіемъ. Онъ былъ одинъ изъ величайшихъ Государственныхъ умовъ древности“ (Переписка, т. I, стр. 241—242: письмо отъ 23-го іюля 1825 г.). Въ силу установившейся привычки, Пушкинъ, по словамъ Анненкова, „сталъ писать замѣтки о Тиберіи, слѣдя за мыслями кесаря по разсказу знаменитаго римскаго историка и выводя изъ сжатыхъ его опредѣленій тѣ поясненія, образцы которыхъ находятся у Макіавеля въ его разсужденіяхъ о книгахъ Тита Ливія“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 170). Въ этихъ замѣткахъ ярко проявилась весьма интересная полемика поэта, та „борьба съ Тацитомъ“, которая свидѣтельствуетъ о „добросовѣстныхъ усиліяхъ Пушкина попробовать себя на строго-исторической почвѣ и усвоить себѣ пріемы исторической критики“ (*П. Анненковъ.* А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, С.-Пб. 1874 г., стр. 300).

---

1) *Есть варіантъ:* латинскихъ (см. автографъ записки: „О народномъ воспитаніи“, принадлежащій графу С. Д. Шереметеву и хранящійся въ Остафьевскомъ Архивѣ).

lib.pushkinskijdom.ru

До послѣдняго времени, изслѣдователямъ было неясно, въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ читалъ Пушкинъ лѣтопись Тацита (*С. Любомудровъ*. Античный міръ въ поэзіи Пушкина. Москва, 1899 г., стр. 57 — 58. Ср. *П. Черняевъ*. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ. Казань, 1899 г., стр. 81—82); теперь этотъ вопросъ разрѣшенъ въ статьѣ Г. Г. Гельда.

Въ пушкинской библіотекѣ нашлось слѣдующее шеститомное изданіе: „*Tacite*, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, de l'Académie française. Troisième édition. Paris, 1818“ (*Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина. С.-Пб. 1910 г., стр. 345). Сличеніе упомянутаго изданія съ замѣтками поэта даетъ намъ возможность судить о работѣ Пушкина надъ Тацитомъ.

Поэтъ писалъ замѣчанія исключительно на первую книгу „Анналъ“ (см. главы: 5—8, 10—15, 35, 52—53, 80). Онъ, безспорно, просматривалъ латинскій текстъ, но наибо́льшее вниманіе сосредоточилъ на французскомъ переводѣ, что̀ особенно замѣтно въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ переводъ нѣсколько расходится съ оригиналомъ. Такъ, напримѣръ, въ восьмой главѣ слѣдующими словами характеризовано отношеніе Тиберія къ сенаторамъ, выразившимъ желаніе на своихъ плечахъ нести тѣло Августа къ костру: „Conclamant patres corpus ad rogum humeris senatorum ferendum. Remisit Caesar adroganti moderatione“. Глаголъ „remisit“ ясно указываетъ на то, что Тиберій отклонилъ ходатайство сенаторовъ, между тѣмъ какъ Lamalle усмотрѣлъ въ упомянутомъ глаголѣ выраженіе согласія кесаря и перевелъ послѣднюю фразу Тацита такъ: „Tibère y souscrivit avec une docilité insultante“, а въ примѣчаніяхъ къ этому мѣсту сдѣлана ссылка на аббата Brottier, который разъяснилъ, что слово „remisit“ употреблено здѣсь въ значеніи „permisit“ (*Tacite*. Paris, 1818,

lib.pushkinskijdom.ru

t. I, pp. 162, 292). Пушкинъ всецѣло положился на авторитетъ переводчиковъ и записалъ: „Когда Сенатъ просилъ дозволенія нести тѣло Августа на мѣсто сожженія— Тиберій позволилъ сіе *съ насмѣшливой скромностію*“. Точно также поэтъ принялъ и другое толкованіе переводчика, утверждая, что, по словамъ Тацита, дочь Августа Юлія умерла „*отъ нищеты и голода*“, тогда какъ въ пятьдесятъ третьей главѣ „Анналъ“ о поступкѣ Тиберія съ Юліей сказано: „inopia ac tabe longa peremit“, что̀ переведено по-французски такимъ образомъ: „la fit périr lentement de misère et de faim“ (*Tacite*, t. I, pp. 236—237). Между тѣмъ, очевидно, слово „tabes“ не равносильно слову „fames“ (= faim).

Встрѣчаются у Пушкина и мелкія неточности въ собственныхъ именахъ: онъ пишетъ „Постумы“ вм. „Постума“ (стр. 23, строка 6), „при Марсорск‹ихъ› селеніяхъ“ вм. „при Марсійскихъ селеніяхъ“ (стр. 25, строка 8). Въ послѣднемъ случаѣ поэтъ образовалъ прилагательное отъ родительнаго падежа множественнаго числа: „Marsorum“ (ср. vici Marsorum).

Отзывъ о Тацитѣ, какъ „бичѣ тирановъ“, едва ли не заимствованъ у Лагарпа, который замѣтилъ: „Les tyrans nous semblent punis quand il (Tacite) les peint“ (Lycée. Paris, 1818, t. IV, p. 19).

„Чрезвычайно важны“, пишетъ профессоръ М. М. Покровскій: „малооцѣненныя „Замѣтки на Анналы Тацита“ 1825 г. Пушкинъ обратилъ вниманіе, прежде всего, на то, что немедленно по вступленіи на престолъ Тиберія былъ умерщвленъ родной внукъ Августа — Агриппа Постумъ. Передъ Пушкинымъ носится мысль, что Агриппа — болѣе законный претендентъ на престолъ, чѣмъ Тиберій, пасынокъ Августа. Мысль эта характерна для поэта, занятаго сюжетомъ о законныхъ и незаконныхъ претендентахъ, но не вполнѣ основательна истори-

lib.pushkinskijdom.ru

чески: хотя Августъ и стремился къ фактическому введенію монархіи, но формально римское государство оставалось республикой, и о какомъ бы то ни было порядкѣ престолонаслѣдія не могло быть и рѣчи.

„Далѣе тацитовская характеристика Агриппы (отличавшагося „необычайной силой, дерзостью и даже простотой ума“) подсказала Пушкину (очевидно увлеченному своимъ Лжедимитріемъ) соображеніе, что люди въ родѣ Агриппы всегда могутъ имѣть большое число приверженцевъ или сдѣлаться орудіемъ хитраго мятежника.

„Тамъ же Пушкинъ отмѣтилъ для себя подавленіе бунта паннонскихъ и германскихъ легіоновъ; при этомъ отъ него, какъ отъ драматурга, не укрылась одна индивидуалистическая черточка въ описаніи бунта: Германикъ, тщетно стараясь усмирить бунтъ легіоновъ, хотѣлъ заколоться на глазахъ у воиновъ. Его удержали. Тогда одинъ изъ нихъ подалъ свой мечъ, говоря: „онъ вострѣе“.

„Пушкинъ подчеркнулъ далѣе и то, что Тиберій, прежде всего, лишилъ народъ права выбора магистратовъ и тѣмъ довершилъ уничтоженіе республики. „Народъ ропщетъ — Сенатъ охотно соглашается (Тѣнь правленія перенесена въ Сенатъ)“.

„Тѣмъ не менѣе Пушкинъ не винитъ Тиберія, но, наоборотъ, за многое хвалитъ его, какъ монарха, и защищаетъ отъ нападокъ Тацита.

„Въ одномъ случаѣ похвала Тиберію крайне своеобразна. „Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына, былъ присужденъ Римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безводномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря что человѣка, коему дарована жизнь недолжно лишать способовъ къ поддержанію жизни. Слова достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“ . . . . . Но тутъ Пушкинъ не вчитался въ разсказъ Тацита (IV, 30), изъ котораго слѣдуетъ, что Вибій осужденъ былъ непра-

lib.pushkinskijdom.ru

вильно, подъ давленіемъ злопамятства Тиберія, и Тиберій лишь для приличія ходатайствовалъ о смягченіи приговора.....

„Какъ бы то ни было, однако въ разсужденіяхъ о римской имперіи замѣтно извѣстнаго рода примиреніе съ монархизмомъ.

„Но важна и другая сторона дѣла: мы видимъ здѣсь *критика*, стремящагося къ болѣе или менѣе *объективному* пониманію исторіи и политики: многое въ дѣйствіяхъ Тиберія мудро, но кое-что и дурно.

„Какъ могъ прочесть Пушкинъ въ той-же первой книгѣ „Анналъ“ Тацита, римская монархія была не однимъ только актомъ узурпаціи, но и естественнымъ слѣдствіемъ разложенія республики и исторически развившагося политическаго индифферентизма и въ народѣ, и въ сенатѣ.

„Но если извѣстная государственная форма представляетъ собою неизбѣжное историческое явленіе, то, независимо отъ собственныхъ политическихъ симпатій объективнаго изслѣдователя, она можетъ подлежать научному анализу постольку, поскольку она приноситъ добро или зло народу. Такова, несомнѣнно, психологія Пушкина въ 1825 г., когда онъ читалъ Тацита и увлеченъ былъ Шекспиромъ“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ - Ефрона. С.-Пб. 1910 г., т. IV, стр. 5—6).

1826.

17.

[О НАРОДНОСТИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ].

(Стр. 26—27).

Эта статья сохранилась въ черновомъ автографѣ, который находится въ принадлежащемъ нынѣ Академіи

lib.pushkinskijdom.ru

Наукъ Майковскомъ собраніи рукописей поэта (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 26, № 5) и напечатанъ съ пропусками въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 260—261.

Лица, близкія Пушкину, его друзья, знакомые и литературные сподвижники часто жаловались на отсутствіе народности въ поэтическихъ произведеніяхъ. По словамъ князя П. А. Вяземскаго, наша поэзія слишкомъ долго „чуждалась природныхъ своихъ источниковъ и почерпала въ посторонніхъ родникахъ жизнь заемную, въ коей оказывалось одно искуство, но не отзывалось чувству біеніе чего-то роднаго и близкаго". Поэтому, „мы еще не имѣемъ Рускаго покроя въ литературѣ" (*Князь П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій, т. I, стр. 78, 169). Взгляды князя раздѣлялъ А. А. Бестужевъ. „Мы всосали съ молокомъ безнародность и удивленіе только къ чужому", писалъ онъ: „Къ довершенію нещастія мы выросли на одной Французской литературѣ, вовсе несходной съ нравомъ Рускаго народа, ни съ духомъ Рускаго языка" (*Полярная Звѣзда* на 1825 г., стр. 2—3). И вотъ В. К. Кюхельбекеръ начинаетъ мечтать о томъ времени, когда „создастся для славы Россіи Поэзія истинно Русская". „Лучшими, чистѣйшими, вѣрнѣйшими источниками для нашей Словесности" должны быть „Лѣтописи, пѣсни и сказанія народныя" (*Мнемозина*, 1824 г., ч. II, стр. 42). „Ни одна страна въ свѣтѣ не была столь богата разнообразными повѣрьями, преданіями и Миѳологіями, какъ Россія", заявляетъ Ор. М. Сомовъ: „Поэтъ можетъ въ ней съ роскошью выбирать то, что̀ ему нравится, и отмѣчать, что̀ не нравится" (*Ор. Сомовъ.* О романтической поэзіи. С.-Пб. 1823 г., стр. 87). Историческія „происшествія", развиваетъ ту же мысль Ѳ. В. Булгаринъ: „ожидаютъ только генія, чтобы украсившись цвѣтами Поэзіи и вымысла, появиться на Руской сценѣ, въ національномъ видѣ" (*Русская Талія* на 1825 г., стр. 351—352).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ статьяхъ современныхъ ему литераторовъ Пушкинъ не нашелъ того, что̀ считалъ самымъ главнымъ, — опредѣленія понятія о народности, и въ своей замѣткѣ постарался восполнить этотъ пробѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ счелъ долгомъ указать, что поэтъ можетъ быть народнымъ и въ тѣхъ произведеніяхъ, сюжеты которыхъ заимствованы не изъ отечественной исторіи. „Достоинства великой народности“ усмотрѣлъ Пушкинъ въ драмахъ Шекспира, гдѣ дѣйствіе происходитъ не въ Англіи, а въ Венеціи, Вѣнѣ, Даніи; въ пьесахъ Кальдерона и Лопе де-Веги, „поминутно переносящихъ (читателя) во всѣ части свѣта“; въ поэмѣ Аріосто, воспѣвавшаго Карла Великаго и Катайскую красавицу Анжелику, и, наконецъ, въ трагедіяхъ Расина, содержаніе которыхъ взято изъ Библіи и изъ твореній античныхъ писателей.

Полагая, что народность въ писателѣ есть такое „достоинство, которое можетъ быть оцѣнено одними соотечественниками“, а для другихъ „даже можетъ показаться порокомъ“, Пушкинъ упоминаетъ объ „ученомъ Нѣмцѣ“, негодующемъ на „учтивость героевъ Расина“, и о Французѣ, смѣющемся надъ кольдероновскимъ Коріоланомъ. Эти нѣмецъ и французъ—вѣроятно, Августъ-Вильгельмъ Шлегель и Симондъ де-Сисмонди.

Шлегель дѣлаетъ нѣсколько ироническихъ замѣчаній по поводу „Андромахи“ Расина: „Pyrrhus, qui, au milieu de ses protestations d'amour, menace sans cesse Andromaque de livrer Astyanax à la mort si elle ne veut pas répondre à ses voeux, est un brigand *bien élevé* qui présente le poignard *avec politesse*“ (*A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Paris, 1814, t. II, p. 199). Не менѣе отрицательно отнесся Сисмонди къ драмѣ Кальдерона „Оружіе любви“: „le caractère de Coriolan, celui du sénat, celui du peuple, tout est également travesti. Il est impossible de reconnaître un Romain à un seul des senti-

lib.pushkinskijdom.ru

mens exprimés par un seul des personnages dans toute la pièce“ *(Simonde de Sismondi.* De la littérature du Midi de l'Europe. Paris, 1819, t. IV, p. 129).

— *(Стр. 27, строка 4).* Упомянутая Пушкинымъ Ксенія — героиня въ пьесѣ Озерова „Димитрій Донской“ (1807 г.).

18.

О НАРОДНОМЪ ВОСПИТАНІИ.

(Стр 27—32).

Эта записка извѣстна въ трехъ рукописяхъ: въ двухъ черновыхъ автографахъ, изъ коихъ одинъ находится въ тетради Румянцовскаго Музея № 2368, лл. 42 об.—49, а другой—въ Остафьевскомъ Архивѣ графа С. Д. Шереметева, и въ бѣловой, окончательно редактированной копіи, сдѣланной для императора Николая I и хранящейся нынѣ въ Пушкинскомъ Домѣ. Кромѣ того, въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина нашелся черновой автографъ, содержащій небольшой отрывокъ изъ записки, именно тотъ, въ которомъ идетъ рѣчь объ экзаменахъ и законѣ Сперанскаго 1809 г. *(Б. Модзалевскій.* Описаніе рукописей Пушкина, находящихся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ. С.-Пб. 1909 г., стр. 5, № 18).

Автографъ Румянцовскаго Музея представляетъ собою конспективный набросокъ, писанный то карандашомъ, то чернилами. Тексты второго автографа и бѣловой копіи близко сходятся, но не совпадаютъ, при чемъ интересъ вызываютъ мѣста, *зачеркнутыя поэтомъ въ черновикѣ.* Впервые записка была напечатана П. И. Бартеневымъ по шереметевскому списку въ сборникѣ „Девятнадцатый вѣкъ“, кн. II, стр. 209—218, а затѣмъ была

lib.pushkinskijdom.ru

издана бѣловая копія М. И. Сухомлиновымъ въ его книгѣ: „Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію“, т. II, стр. 235 — 246.

Мы печатаемъ текстъ по бѣловой копіи, являющейся послѣдней редакціей записки. Къ сожалѣнію, мы были лишены возможности исправить орѳографію всего текста по шереметевскому списку, а потому ограничились сохраненіемъ лишь главныхъ особенностей пушкинскаго правописанія, руководствуясь музейнымъ спискомъ.

Приводимъ *важнѣйшіе* первоначальные варіанты по шереметевской и музейной рукописямъ, обозначая первую буквой Ш, а вторую — буквой Р.

Стр. 27, строка 7: Недостатокъ *истиннаго* просвѣщенія.... (Ш).

» 27, » 10—11: ....вынужденныя у другихъ народовъ долговременнымъ приготовленіемъ *но у насъ еще не требуемыя ни духомъ народа ни общимъ мнѣніемъ еще не существующимъ ни самой силою вещей были любимою мечтою молодаго поколѣнія. Нещастные представители сего буйнаго и невѣжественнаго поколѣнія погибли* (Р).

» 27, » 13: ....свѣтской *любезностію* (Ш).

» 27, » 14: Литература 15 лѣтъ тому назадъ (*тогда* столь свободная, *въ послѣдствіи столь угнѣтенная*) не имѣла никакого направленія..... (Р).

» 27, » 24: ....сіе *сильное* вліяніе на нравы .. (Р).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 27, строка 24: ....сіе вліяніе на нравы *и мысли*... (Ш).

» 27, » 26: *Необходимость воспротивиться сему чужеземному вліянію ощутительна* (Р).

» 28, » 4: ....товарищи *каторжниковъ* .... (Р).

» 28, » 6: ....простятъ въ душѣ своей *необходимость съ надеждою на великодушіе на милость Монарха, коего власть неограничена никакими законами* (Р).

» 28, » 9—10: ....со всемъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія — *какъ оградить его отъ вліянія чуждаго Европейскихъ волненій?* (Р).

» 28, » 10: *Для сего необходимо совершенно преобразовать воспитаніе рускаго юношества* (Ш).

» 29, » 3: *Россія походила бы на хаосъ; никто бы не зналъ ни что̀ онъ такое, ни что̀ другіе; долго безпорядокъ былъ-бы чрезвычайный — Должно стараться по крайнѣй мѣрѣ употребить въ пользу самое злоупотребленіе и изъ самой страсти къ чинамъ составить ограду отъ волненія революціоннаго, во вторыхъ приманку къ воспитанію обществ<нному>* (Р).

» 29, » 5: ....представить чины цѣлію и *наградою* просвѣщенія... (Ш).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 29, строки 8— 9: ....созрѣть въ тишинѣ *трудовъ*... (Ш).

» 29, » 12: ....примѣры *гнуснаго рабства*... (Р).

» 29, » 20: ....подавить воспитаніе частное *и потомъ уже заняться преобразованіемъ общественнаго*... (Ш).

» 30, » 16–17: ....не смотря на *свои заблужденія и* свой политическій фанатизмъ.... ...(Р и Ш).

» 30, » 27: ....физическаго *и нравственнаго* преобразованія...(Ш).

» 31, » 3: ....дѣло *варварское*...(Ш).

» 31, » 14–16: *Семинаріи разсадникъ всего сельскаго духовенства находятся въ совершенномъ упадкѣ, но ихъ* преобразованіе....(Ш).

» 31, » 24–25: Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются *сочиненіями,* составляютъ *литературныя* общества....(Ш).

» 31, » 34 —

» 32, » 6: ....ибо къ чему давать *какое бы то ни было* направленіе младенчествующимъ умамъ? *Оно прочно быть не можетъ и во всякомъ случаѣ дѣлаетъ ихъ не твердыми и постоянными но токмо односторонними. Именно въ семъ окончательномъ курсѣ Исторію должно будетъ явить со всѣхъ ея сторонъ — не таить отъ нихъ республиканскихъ разсужденій Тацита (великаго сатирическаго Писателя) впрочемъ опаснаго декламатора, и исполненнаго политичес-*

lib.pushkinskijdom.ru

ских предразсудковъ) но стараться съ хладнокровіемъ показать . . . (Р).

Стр. 32, строка 3: . . . . должно *стать прогматическимъ* (Ш).

» 32, » 6: . . . . республиканскихъ разсужденій Тацита великаго сатирическаго писателя, впроччемъ опаснаго декламатора, исполненнаго· *латинскихъ* предразсудковъ . . . (Ш).

» » » » . . . . убійства *Брута* . . . (Р и Ш).

» 32, » 10—12: . . . . изумили воспитанниковъ при вступленіи *ихъ* въ свѣтъ, *напротивъ он‹ъ› должны имъ быть знакомы и не имѣть* прелесть новизны (Р).

» 32, » 13—15: Исторію Рускую должно преподавать по Карам‹зину›, *она есть вѣчный памятникъ и алтарь спасенія, воздвигнутый Рускому народу* (Р).

» 32, » 17: . . . . требуютъ *особеннаго курса* . . . (Р и Ш).

» 32, » 24—26: *Чувствуя недостаточность сихъ на скоро наброшенныхъ замѣчаній* о предмѣтѣ столь важномъ какого (sic) есть народное воспитаніе *я бы, самъ отъ себя* никогда не осмѣлился представить *ихъ разсмотрѣнію* Правительства (Ш).

Въ строкѣ 28-й на страницѣ 32-й вмѣсто: понудили, слѣдуетъ читать: понудило, такъ какъ описка поэта и писца въ данномъ случаѣ несомнѣнна[1]).

1) Въ черновомъ автографѣ и въ бѣловой копіи—„понудили“, что̀ въ точности воспроизведено при печатаніи текста М. И. Сухомлиновымъ (Изслѣдованія и статьи, т. II, стр. 243).

lib.pushkinskijdom.ru

Записка „О народномъ воспитаніи“ была составлена Пушкинымъ по приказанію Николая Павловича. О волѣ императора увѣдомилъ поэта генералъ Бенкендорфъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ 30-го сентября 1826 года: „Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности Ваши на переданіе потомству славы нашего Отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предмѣтомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить вѣсь досугъ; Вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предмѣтъ сей долженъ представить Вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“ (Переписка, т. I, стр. 375).

На письмо Бенкендорфа Пушкинъ не отвѣтилъ. Поэтъ „былъ въ затрудненіи“: съ одной стороны, ему „легко было написать то, чего хотѣли“; съ другой, казалось, что „не надобно пропускать такого случая, чтобы сдѣлать добро“ (*Л. Н. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 177—178). Колебанія Пушкина были прерваны *вторымъ* письмомъ Бенкендорфа, напомнившаго ему о возложенномъ на него государемъ порученіи. Тогда Пушкину пришлось взяться за перо, и онъ набросалъ черновикъ, который представляетъ собою не вполнѣ связный, конспективный очеркъ записки, не дающій по словамъ Анненкова, „никакой ясной идеи о сочиненіи“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 166). Эта первоначальная редакція подверглась значительнымъ измѣненіямъ и дополненіямъ, а затѣмъ была изложена въ законченной и отдѣланной литературной формѣ. Записка во второй редакціи была подарена поэтомъ князю П. А. Вяземскому, который сдѣлалъ на автографѣ слѣдующую надпись: „Дано мнѣ

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинымъ. Эта записка составлена и представлена имъ Имп‹ератору› Николаю, вѣроятно по требованію Е‹го› В‹еличества› когда онъ выписанный въ Москву изъ Псковской ссылки явился Государю въ Кремлевскомъ дворцѣ вскорѣ послѣ коронаціи".

Во второй редакціи были произведены Пушкинымъ еще нѣкоторыя перемѣны, и съ этого, до насъ не дошедшаго, оригинала была снята писцомъ копія, предназначенная для императора. Копія просмотрѣна поэтомъ, который выставилъ заглавіе, подписалъ свою фамилію и сдѣлалъ на поляхъ два дополненія, именно: о Николаѣ Тургеневѣ (стр. 30, строки 15—19) и о преобразованіи семинарій (стр. 31, строки 14—16). Въ такомъ видѣ записка была вручена сначала начальнику Главнаго Штаба И. И. Дибичу, который, ознакомившись съ ея содержаніемъ, написалъ на первомъ листѣ: „Для объя‹вленія› и Г. А. Бенкендорфу". Шефъ жандармовъ направилъ записку къ Николаю Павловичу вмѣстѣ съ препроводительной бумагой такого содержанія: „Онъ (Пушкинъ) мнѣ только что прислалъ свои замѣтки на общественное воспитаніе, которыя при семъ прилагаю, — замѣтки человѣка, возвращающагося къ здравому смыслу". Получивъ бумагу, государь на ней отмѣтилъ: „Посмотрю, что это такое" *(П. Щеголевъ.* Пушкинъ. СПб., 1912 г., стр. 355); затѣмъ внимательно прочелъ записку, испещрилъ ее вопросительными знаками и вернулъ Бенкендорфу. Тогда послѣдній положилъ на ней слѣдующую резолюцію: „lui faire une réponse le remercier pour ce papier de la part de l'Empereur; en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, *que l'instruction et le génie est tout*, est un principe faux pour tous les gouvernements, et nomément celui qui a manqué le précipiter lui même dans l'abîme et qui y a jetté tant de geunes (sic) gens que le moral (sic), les services le zèle, doivent l'emporter sur l'instruction sans experiance

lib.pushkinskijdom.ru

sans moralité sans service; que c'est la base“..... Дальнѣйшихъ словъ разобрать невозможно, такъ какъ карандашъ отъ времени стерся. Эта резолюція была воспроизведена въ письмѣ Бенкендорфа къ Пушкину, отъ 23-го декабря 1826 г. „Государь Императоръ“, сообщалъ генералъ: „съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія Ваши о народномъ воспитаніи и поручилъ мнѣ изъявить Вамъ Высочайшую Свою признательность. Его Величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое Вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительно основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее Васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилѣжное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія Ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ“ (Переписка, т. I, стр. 394). — Приписывая Пушкину мысль о большомъ значеніи генія, мысль, которую нельзя усмотрѣть въ запискѣ, Бенкендорфъ хотѣлъ подчеркнуть неправильность воззрѣній поэта, котораго считалъ человѣкомъ гордымъ, самонадѣяннымъ и чрезмѣрно преувеличивающимъ силу своихъ дарованій.

Такъ закончилась исторія записки „О народномъ воспитаніи“. „Я... сказалъ“, замѣтилъ Пушкинъ А. Н. Вульфу: „что должно подавить частное воспитаніе. Не смотря на то, мнѣ вымыли голову“ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ, стр. 178).

„При оцѣнкѣ этого труда, или, точнѣе, этихъ набросокъ“, говоритъ о запискѣ М. И. Сухомлиновъ: „не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ вполнѣ сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Не смотря на то, что ему прямо указано было, въ

lib.pushkinskijdom.ru

какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, чего требовалось и чего ожидали.

„Печальными красками изображаетъ Пушкинъ современное ему воспитаніе, въ особенности домашнее. Съ малыхъ раннихъ лѣтъ, ребенокъ отдается на жертву двухъ темныхъ силъ; видитъ вокругъ себя своеволіе — съ одной стороны, и рабство — съ другой. Кругъ образованія ограничивается поверхностнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ мечты юноши стремятся къ тому, чтобы скорѣе шло производство, скорѣе дослужиться до крупнаго чина. Наши общественные порядки вовсе не таковы, чтобы могли исправить зло, вносимое въ жизнь плохимъ воспитаніемъ. Вещи по существу своему ужасныя считаются у насъ самыми обыкновенными: юноши и взрослые наказываются, и не въ мѣру строго, за поступки, совершенные ими въ отроческомъ возрастѣ. „Въ Россіи все продажно“, и педагоги берутъ взятку такъ же точно, какъ и таможенные чиновники. Для успѣха нашихъ общественныхъ учебныхъ заведеній отнюдь не должно „ограничивать идей, которыя и безъ того у насъ слишкомъ ограничены“. Преподаватель исторіи долженъ выставлять событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, т. е., не искажая республиканскихъ подвиговъ въ угоду монархическому взгляду на вещи. Для успѣшнаго хода всѣхъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ необходимо, по мнѣнію Пушкина, чтобы между правительствомъ и обществомъ существовало полное и искреннее согласіе, и чтобы они дружно стремились къ одной и той же великой цѣли — „къ улучшенію государственныхъ постановленій“.

„Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе можетъ удалить поводы къ общественнымъ

lib.pushkinskijdom.ru

волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упоминая о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ указываетъ на то обстоятельство, что „рукописные пасквили на правительство“ и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда „литература была подавлена самою своенравною цензурою“.

„Будучи убѣжденъ, что въ просвѣщеніи заключается великая нравственная сила, охраняющая и общество, и государство, и зная, что въ кругу лицъ, окружавшихъ государя, господствуютъ другіе взгляды, Пушкинъ не хотѣлъ надѣвать на себя маски, не скрывалъ своего образа мыслей, и высказалъ его со всею прямотою и искренностью. Получивъ отъ Бенкендорфа внушеніе въ томъ духѣ, что усердіе важнѣе просвѣщенія, отъ котораго нерѣдко возникали смуты и мятежи, Пушкинъ послалъ тому же самому Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что только рабъ иль льстецъ можетъ внушать государю, что „просвѣщенья плодъ — развратъ иль нѣкій духъ мятежный“; подобные навѣты на просвѣщеніе лишь „горе на царя накличутъ“. Стихотвореніе Пушкина „Друзьямъ“ можетъ служить, до нѣкоторой степени, какъ бы объясненіемъ къ запискѣ о воспитаніи“ (*М. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. С.-Пб. 1889 г., т. II, стр. 236—237).

— *(Стр. 27, строка 23 — стр. 28, строка 6)*. Рѣзкое сужденіе Пушкина о декабристахъ объясняется тѣми условіями, въ которыхъ была написана записка. Первоначальный текстъ заключалъ въ себѣ еще болѣе отрицательный отзывъ: декабристы были названы „нещастными пред-

lib.pushkinskijdom.ru

ставителями сего *буйнаго и невѣжественнаго* поколѣнія". Въ окончательной редакціи поэтъ счелъ нужнымъ смягчить свои выраженія, отмѣтивъ только „ничтожность замысловъ" заговорщиковъ. Несмотря на симпатію Пушкина къ декабристамъ, трудно утверждать, что онъ всецѣло сходился съ ними во взглядахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ общемъ сочувствовалъ ихъ идеаламъ и, подъ вліяніемъ порыва страстной натуры, могъ очутиться и на Сенатской площади, о чемъ онъ сказалъ Николаю, однако теоретически онъ едва ли нашелъ бы оправданіе такому поступку.

Изъ его шифрованнаго стихотворенія видно, что характеръ дѣятельности декабристовъ, ихъ способы осуществленія высокихъ идеаловъ казались ему недостаточно серьезными. „Сходки" происходили „за чашею вина", „за рюмкой русской водки".

Все это были разговоры
Между Лафитомъ и Клико
[За вистомъ дружескіе споры]
И не [входило] глубоко
Въ сердца мятежное [мечтанье]
[Все это было подражанье]
Бездѣлье молодыхъ умовъ,
Забавы взрослыхъ шалуновъ.

(*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 7, 11).

Въ письмахъ къ друзьямъ (1826 г.) Пушкинъ открыто признавался, что „бунтъ и революція ему никогда не нравились" и что онъ „никогда не проповѣдовалъ" „возмущеній". Онъ находилъ это вполнѣ естественнымъ, потому что раздѣлялъ мнѣніе Альфьери, считавшаго „классъ писателей" „болѣе склоннымъ къ умозрѣнію нежели къ дѣятельности". „Каковъ бы ни былъ мой образъ мыслей, политическій и религіозный", откровенно заявлялъ онъ

lib.pushkinskijdom.ru

Жуковскому въ письмѣ отъ 7-го марта 1826 г.: „я храню его про самаго себя и не намѣренъ противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“ (Переписка, т. I, стр. 326, 335, 358).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ скорбѣлъ душою о горькой участи декабристовъ, которые были дороги ему не только какъ знакомые, но и какъ люди, пострадавшіе за идею. Мысль о тяжкой карѣ, которая должна постичь ихъ, не выходила у него изъ головы. Въ черновой тетради, рядомъ съ набросками записки „О народномъ воспитаніи“, онъ дважды повторилъ одинъ и тотъ же рисунокъ: на валу крѣпости стоитъ висѣлица, а на послѣдней пять повѣшенныхъ (*Русская Старина*, 1884 г., т. XLII, № 6, стр. 550.—Тетрадь Румянцовскаго Музея № 2368, л. 38)[1]). Повѣшенные—Рылѣевъ, Пестель, С. Муравьевъ-Апостолъ, Бестужевъ-Рюминъ и Каховскій († 13-го іюля 1826 г.). Былыя надежды поэта на великодушіе молодого царя не оправдались, но онъ все еще разсчитывалъ на коронацію. „Повѣшенные повѣшены, но каторга 120 друзей, братьевъ и товарищей ужасна“, писалъ онъ князю Вяземскому 14-го августа 1826 г. (Переписка, т. I, стр. 326, 364). Однако пришлось примириться и съ каторгой.

— *(Стр. 28, строки 13—19).* Въ манифестѣ Николая I, изданномъ по поводу окончанія дѣла декабристовъ въ Верховномъ уголовномъ судѣ, сказано: „Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей.... Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія Правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ приуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ“ (*Сѣверная Пчела*, 1826 г., № 85).

— *(Стр. 29, строка 28).* Указъ объ экзаменахъ — извѣстный указъ 6-го августа 1809 г., изданный по мысли

1) См. т. IV, примѣчанія, стр. 355.

lib.pushkinskijdom.ru

Сперанскаго и запрещавшій производить въ 8-й и 5-й классы чиновниковъ, которые не имѣли университетскаго аттестата.

— *(Стр. 30, строки 15—19).* Николай Ивановичъ Тургеневъ пользовался особымъ расположеніемъ Пушкина. Въ наброскахъ изъ „Путешествія Онѣгина“ поэтъ отдаетъ ему предпочтеніе предъ другими декабристами.

Хвал‹илъ› Т‹ургеневъ› имъ внимая
И слово: рабъ неп‹ринимая›
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

(*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 10; выпускъ XVI, стр. 4). — Въ 1826 г. Пушкинъ интересовался вѣстями о Тургеневѣ „Правда ли, что Николая Т‹ургенева› привезли на кораблѣ въ П. Б.?“ тревожно запросилъ онъ 14-го августа князя Вяземскаго: „Вотъ какого море наше хваленое!“ (Переписка, т. I, стр. 364).

О пребываніи Тургенева въ Геттингенскомъ университетѣ новѣйшій изслѣдователь пишетъ: „Геттингенскій университетъ далъ Тургеневу чрезвычайно много. Пріѣхавъ въ него съ обрывками познаній и проучившись три года (1808—1811), молодой человѣкъ покинулъ его съ солидными познаніями и съ рукописью будущей книги своей о налогахъ. Взгляды его за это время, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ профессоровъ, опредѣлились и выяснились. Если и раньше.... онъ былъ другомъ народа и мечталъ объ освобожденіи его отъ крѣпостного ига, то теперь онъ еще опредѣленнѣе сталъ на этотъ путь. — Въ Геттингенѣ, очевидно, внушали русскимъ студентамъ эмансипаторскія идеи, такъ какъ мы знаемъ, что въ 1803 г. геттингенскій студентъ Фрейгангъ напечаталъ брошюрку (по-французски) объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, а въ 1806 г. другой студентъ Андрей С. Кайсаровъ напе-

lib.pushkinskijdom.ru

чаталъ по-латыни — тоже объ освобожденіи русскихъ крестьянъ“ („De manumittendis per Russiam servis“) [*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1916 г., № 10, стр. 184].

— *(Стр. 30, строки 23—25).* Ланкастерскія школы были устроены вскорѣ послѣ 1815 г. въ русскомъ корпусѣ, стоявшемъ во Франціи, и затѣмъ стали распространяться среди войскъ, находившихся въ Россіи. „Примѣненіемъ у насъ ланкастерской методы взаимнаго обученія“, по словамъ В. И. Семевскаго, „много занимался М. Ѳ. Орловъ и до того, какъ онъ вступилъ въ Союзъ Благоденствія, и въ то время, какъ онъ былъ членомъ этого общества. Ланкастерская школа была учреждена въ Кіевѣ въ 1817 г. еще до пріѣзда туда Орлова генераломъ Н. Н. Раевскимъ, но въ ней было всего 40 кантонистовъ. Въ 1819 г. Орловъ довелъ число учениковъ въ ней до 800 человѣкъ, при чемъ на ряду съ дѣтьми учились и нѣкоторые пожилые солдаты. Въ школѣ этой преподавали, кромѣ чтенія и письма, ариѳметику, черченіе, исторію, географію и законъ Божій. Мартосъ, посѣтившій школу около 1820 г., нашелъ въ ней уже до 1800 учениковъ. Обучавшіеся здѣсь учителя преподавали въ подобныхъ же школахъ въ Москвѣ, Могилевѣ и Херсони.... Ланкастерскою школою въ Кишиневѣ завѣдывалъ извѣстный пріятель Пушкина, членъ Союза Благоденствія, маіоръ В. Ѳ. Раевскій, вступившій вмѣстѣ съ нимъ въ кишиневскую масонскую ложу Овидія. Пропаганда въ школѣ и вообще среди нижнихъ чиновъ вызвала многолѣтнее слѣдствіе и тюремное заключеніе Раевскаго“ (*В. Семевскій*. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. С.-Пб. 1909 г., стр. 429, 431. Ср. *А. Пыпинъ*. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. С.-Пб. 1885 г., стр. 338—339, 440—441).

— *(Стр. 30, строка 32 — стр. 31, строка 2).* Означен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныя строки Анненковъ считаетъ „самымъ выдающимся, рельефнымъ мѣстомъ пушкинскаго документа“, такъ какъ поэтъ „призываетъ строжайшую кару правительства на переписчиковъ и распространителей возмутительныхъ рукописей“, хотя онъ самъ еще недавно принадлежалъ къ числу подобныхъ лицъ и обвинялся въ однородномъ „преступномъ“ дѣяніи въ моментъ составленія записки. Какъ извѣстно, въ сентябрѣ 1826 г. возникло дѣло о рукописи стихотворенія „Андрей Шенье“, и въ это дѣло замѣшали автора піесы. „Пушкинъ, только что успѣвшій освободиться отъ ссылки и уцѣлѣть отъ погрома, разсѣявшаго революціонную партію, къ которой стоялъ такъ близко, пришелъ въ ужасъ при мысли попасть снова въ ссылку и на этотъ разъ уже безъ всякаго блеска, какъ простой нарушитель цензурныхъ и полицейскихъ правилъ. Отсюда, для отвода всякихъ подозрѣній отъ себя, и требованія записки относительно строгихъ мѣръ противъ пропагандистовъ неблаговидныхъ сочиненій; но уловка все-таки не удалась, потому что Пушкинъ принужденъ былъ впослѣдствіи прямо отвѣчать на запросы гражданскаго суда, которому передано было дѣло, — какъ настоящій подсудимый“ (*П. Анненковъ.* А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874 г., стр. 326—327. — *П. Щеголевъ.* Пушкинъ. С.-Пб. 1912 г., стр. 266—306).

— *(Стр. 31, строки 30—31).* Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi (род. въ 1773 г., ум. въ 1842 г.) и Jean-Baptiste-Say (род. въ 1767 г., ум. въ 1832 г.) — извѣстные экономисты. Сей былъ съ 16-го іюня 1816 г. почетнымъ членомъ Петербургской Академіи Наукъ, а сочиненія его печатались въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1825 г., №№ 6, 8, 21; 1827 г., №№ 1 — 2) и интересовали князя П. А. Вяземскаго (Полное собраніе сочиненій, т. IX, стр. 41). Произведенія Сисмонди также переводились на русскій языкъ (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., №№ 19—20).

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 32, строки 14—16)*. Тотъ же самый отзывъ о трудѣ Карамзина данъ въ статьѣ: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“ (стр. 42-ая настоящаго тома).

1827.

19.

[О БАЙРОНѢ].

(Стр. 33—35).

Первая часть статьи извѣстна въ черновомъ автографѣ, находящемся въ Майковскомъ собраніи Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 26, № 8), а вторая часть сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 40 об.—42 об. Отрывокъ, входящій въ составъ Майковской коллекціи, впервые напечатанъ въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 260; отрывокъ изъ Румянцовской тетради опубликованъ В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLII, № 5, стр. 347—348.

Есть основаніе предполагать, что оба отрывка написаны не подрядъ и не представляютъ одной цѣльной статьи, но мы рѣшили соединить ихъ въ одно цѣлое, такъ какъ они относятся къ одному лицу и появились въ теченіе одного года.

Майковская (М) и музейная (Р) рукописи даютъ слѣдующіе важнѣйшіе первоначальные варіанты:

Стр. 33, строка 2: ....его поэма Корсаръ *не изключая Ch‹ild› H‹arold› и Д‹онъ›-Ж‹уана›*... (М).

» 33, » 2—3: ....не смотря на то что *сіе стихотвореніе*....(М).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 33, строка 5: ....Шильонскому Узнику въ *глубокомъ знаніи* сердца... (М).

» 33, » 20: ....нѣсколько *отдѣльныхъ* сценъ... (М).

» 33, » 21—22: ....были ему достаточны для *cette profession*.... (М).

» 33, » 23: ....чувствъ и *мнѣній*...(М).

» 33, » 27: ....его *драммы суть* вообще...(М).

» 34, » 5: ....прозой надутой и уродливой, достойной *вялыхъ*...(М).

» 34, » 14—19: Въ Manfred'ѣ онъ *слѣдовалъ за* ‹Фаустомъ›, замѣнивъ простонародныя сцены Субботы *Вѣдмъ и бѣсовъ*, *сценами которыя пологалъ онъ* благороднѣйшими. Но Фаустъ есть величайшее созданіе *18-го вѣка*, онъ служитъ *фаросомъ* новѣйшихъ *временъ*, такъ точно какъ Иліада *есть великолѣпн‹ый›* памятникъ древности — (Р).

» 34, » 23: ....относится *къ строфамъ* Чиль‹дъ-› Гарольда — (Р).

» 34, » 25: ....природу человѣческую *(кромѣ сатирическихъ выходокъ разсѣянныхъ въ его тво‹реніяхъ›)*.... (Р).

» 34, » 28: ....отнесъ онъ къ сему *Величавому*, мрачному.... (Р).

» 35, » 1—4: ....то *своимъ* дѣйств‹ующимъ› лицамъ роздалъ онъ *поодиначкѣ одну изъ чертъ составляющихъ его странное* созданіе — и такимъ образомъ *изъ единаго (?) полнаго харак‹тера› составилъ* нѣсколько лицъ *ничтожныхъ* (Р).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 35, строка 7: ....Превращенномъ Уродѣ (*неконченномъ...*) (Р).

» » » » ....*составитъ* le chef d'oeuvre. (Р).

Въ своей статьѣ Пушкинъ говоритъ преимущественно о драматическихъ твореніяхъ Байрона и оцѣниваетъ ихъ довольно строго. Его сужденія являются развитіемъ мыслей, высказанныхъ имъ въ письмѣ къ Н. Н. Раевскому, посланномъ изъ Михайловскаго въ концѣ іюля или въ началѣ августа 1825 г.: „Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega, mais quel homme que ce Sch‹akespear›? Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui! Ce Byron qui n'a jamais conçu qu'un seul caractère (les femmes n'ont pas de caractère, elles ont des passions dans leur jeunesse; et voilà pour quoi il est si facile de les peindre), ce Byron donc a partagé entre ses personnages tel et tel trait de son caractère; son orgueil à l'un; sa haine à l'autre, sa mélancolie au troisième etc., et c'est ainsi que d'un caractère plein, sombre et énergique il a fait plusieurs caractères insignifiants — ce n'est pas là de la tragédie (Переписка, т. I, стр. 248).

Въ подтвержденіе своего мнѣнія Пушкинъ ссылается на англійскихъ критиковъ, отрицавшихъ у Байрона драматическій талантъ. Изъ такихъ критиковъ извѣстны сотрудники *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, на которыхъ указывалъ Байронъ хотя бы въ письмѣ къ Мэррею отъ 17-го мая 1822 г. (Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830, t. V, p. 196), и эссеисты въ родѣ Вильяма Газлитта (род. въ 1780 г., ум. въ 1830 г.). Въ книгѣ послѣдняго „The Spirit of the Age“ Пушкинъ могъ прочитать слѣдующія строки: „Lord Byron's tragedies, „Faliero“, „Sardanapalus“, etc., are not equal to his other works. They want the essence of the drama. They abound

lib.pushkinskijdom.ru

in speeches and descriptions, such as he himself might make either to himself or others, lolling on his couch of a morning, but do not carry the reader out of the poet's mind to the scenes and events recorded. They have neither action, character, nor interest, but are a sort of *gossamer* tragedies, spun out and glittering, and spreading a flimsy veil over the face of nature. Yet he spins them on. Of all that he has done in this way, the „Heaven and Earth" (the same subject as Mr Moore's „Loves of the Angels") is the best. We prefer it even to „Manfred" (*William Hazlitt.* The Spirit of the Age; or, contemporary Portraits. Paris, 1825, vol. I, pp. 14—15. — Ср. *Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 246, № 973).

Книга Газлитта пользовалась нѣкоторой популярностью въ Россіи, и выдержки изъ нея, въ русскомъ переводѣ, были напечатаны Н. А. Полевымъ (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., ч. XXIII, № 20, стр. 459, 461 и др.).

Впослѣдствіи, критически отнесся къ драмамъ Байрона знаменитый Маколей, но его этюдомъ, написаннымъ въ 1831 г., Пушкинъ не могъ пользоваться для статьи 1827 г. (*Маколей.* Полное собраніе сочиненій. Спб. 1860 г., т. I, стр. 348, 354).

Большой интересъ проявилъ Пушкинъ и къ литературнымъ вліяніямъ, отразившимся въ произведеніяхъ Байрона. Особенное значеніе придавалъ нашъ поэтъ вліянію „Фауста" на „Манфреда" (1816—1817 г.) и „Превращеннаго Урода" („The Deformed Transformed") [1821—1823]. Въ мелкихъ замѣткахъ Пушкина есть упоминаніе о томъ, что „два раза Байронъ пытался бороться съ Великаномъ романтической поэзіи — и остался хромъ какъ Іаковъ" (Рукописи Румянцовскаго Музея № 2377 В, л. 31; № 2382, л. 24).

Самъ Байронъ въ письмахъ къ Мэррею отъ 17-го сентября 1817 г. и 7-го іюня 1820 г. не отрицалъ, что отрывки

lib.pushkinskijdom.ru

изъ „Фауста“, переведенные устно на англійскій языкъ его пріятелемъ, производили сильное впечатлѣніе и не могли пройти безслѣдно при созданіи „Манфреда“. Къ такому же заключенію пришелъ и Гете, ознакомившись съ твореніемъ Байрона (Mémoires de Lord Byron, t. III, p. 282, t. IV pp. 176—177, 180—181).

Въ другой драмѣ „Превращенный Уродъ“ одно дѣйствующее лицо, Демонъ Цезарь, является несомнѣннымъ „потомкомъ Мефистофеля“; обращаетъ на себя вниманіе и мотивъ чудеснаго превращенія, какъ будто заимствованный изъ трагедіи Гете.

Второй писатель, который, по мнѣнію Пушкина, служилъ образцомъ Байрону былъ Витторіо Альфьери. Этотъ драматургъ, сторонникъ классической трагедіи и проповѣдникъ свободы, дѣйствительно, пришелся по душѣ Байрону, который испытывалъ сильнѣйшее волненіе и даже плакалъ во время представленія піесъ „Мирра“ и „Филиппъ II“. Подобно знаменитому итальянцу, Байронъ высоко ставилъ классическіе образцы и не чуждался пресловутыхъ драматическихъ единствъ (Mémoires de Lord Byron, t. IV, pp. 17—18, 293—295).

— *(Стр. 33, строки 1—16).* Въ журналѣ Байрона, подъ 18-мъ февраля 1814 г., отмѣченъ громадный успѣхъ „Корсара“, писаннаго con amore и доставившаго полное удовлетвореніе Мэррею и публикѣ. Гобгоузъ разсказывалъ о шумныхъ толкахъ въ обществѣ по поводу того, что въ лицѣ Конрада и въ его приключеніяхъ изображены самъ авторъ и та часть его путешествій, которая хранилась въ тайнѣ. Въ отвѣтъ на подобные толки Байронъ говорилъ, что люди часто бываютъ совсѣмъ близки къ истинѣ, но никогда не могутъ постичь ее всецѣло (Mémoires de Lord Byron, t. II, pp. 278, 293).

— *(Стр. 33, строки 17—18).* Сближеніе съ Наполеономъ могло нравиться Байрону, такъ какъ онъ прекло-

lib.pushkinskijdom.ru

нялся передъ этимъ геніемъ, въ которомъ видѣлъ проявленіе мощной индивидуальности, но, съ другой стороны, поэтъ осуждалъ его деспотизмъ, завоевательныя наклонности и страсть къ кровопролитію. Въ „Мемуарахъ“ Байрона разсѣяно много замѣтокъ, свидѣтельствующихъ о томъ вниманіи, съ какимъ онъ слѣдилъ за судьбой Наполеона вплоть до крушенія его грандіозныхъ плановъ и отреченія отъ престола (Mémoires de Lord Byron, t. II, pp. 279—280, 307 etc.).

— *(Стр. 34, строки 1—9).* Валеріанъ Николаевичъ Олинъ (ум. въ 1840-хъ годахъ), весьма плодовитый, но бездарный писатель, получившій отъ Пушкина прозвище „черная мурашка“, проявилъ чрезвычайно разностороннюю дѣятельность: издавалъ журналы, переводилъ книги, писалъ критическія статьи, сочинялъ стихи и повѣсти. Его первые стихотворные опыты отражаютъ вліяніе Державина; его переводы, большею частію,—изъ Оссіана, Байрона или даже изъ Горація; его повѣсти — въ духѣ Гофмана и Вашингтона Ирвинга. Олинъ внимательно слѣдилъ за текущей литературой, усвоивалъ разныя, возникавшія на его глазахъ, направленія, „откликался на новыя вѣянія“, но дѣлалъ это неудачно. Неудачна была и его романтическая трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ „Корсеръ“, написанная въ 1826-мъ году (цензурное разрѣшеніе 18-го марта), хотя и помѣченная на обложкѣ 1827-мъ годомъ. „Своею драматическою пародіей Корсера“ Олинъ, по словамъ О. М. Сомова, „посягнулъ“ на славу Байрона (*Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., Проза, стр. 65).

— *(Стр. 34, строка 9).* Выраженіе: о miratores, употреблено ошибочно вмѣсто: о imitatores, и представляетъ собою начало 19-го стиха XIX посланія Горація изъ I книги произведеній этого рода:

О imitatores, servum pecus, ut mihi saepe
Bilem, saepe iocum vestri movere tumultus.

lib.pushkinskijdom.ru

20.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПИСЕМЪ, МЫСЛИ И ЗАМѢЧАНІЯ.

(Стр. 35—42).

Замѣтки эти сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея: № 2367, лл. 38, 40, 42 об., 46, 47 об., 56 об., 57, 58 об., 59; № 2368, лл. 30, 31; № 2369, л. 2, а также въ автографахъ, находящихся въ собраніяхъ Л. Н. Майкова и А. Ѳ. Онѣгина (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 26, № 6; выпускъ XII, стр. 22, № 54), и подъ общимъ заглавіемъ впервые напечатаны въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 г., стр. 208 — 226, съ пропусками, такъ какъ А. А. Дельвигъ „изъ скромности“ устранилъ отзывъ о своихъ идилліяхъ (*Современникъ*, 1846 г., т. 42, стр. 78. — *Русскій Архивъ*, 1877 г., т. III, стр. 370).

Замѣтки начаты Пушкинымъ въ Кишиневѣ (*П. Анненковъ*. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Спб. 1874 г., стр. 155—156), но окончательная редакція ихъ относится къ 1827 г. (Ср. *П. Щеголевъ*. Пушкинъ. Спб. 1912 г., стр. 89). Въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 31-го іюля 1827 г. поэтъ сообщаетъ, что, въ ожиданіи вдохновенія, „принялся за прозу“ (Переписка, т. II, стр. 35), — „первую прозу“, которую онъ выпустилъ въ свѣтъ. „Отрывочныя замѣтки эти“, пишетъ Анненковъ: „пройдены были публикой безъ особеннаго вниманія, но сколько въ нихъ живого ума и способности брать новую сторону всякаго предмета, теперь не трудно замѣтить. Довольно странно, что бѣглыя мысли Пушкина, набросанныя съ твердостію руки, обличающей мастера, и драгоцѣнныя по отношенію къ нему самому, пропущены были послѣднимъ, посмертнымъ изданіемъ его сочиненій, которое не обратило даже вниманія на стихи его, помѣщенные между ними“ (Изданіе Анненкова, т. I,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 198). Однако перепечатать „Отрывки“ оказалось не легко и въ 1854—1855 гг. Замѣтка о мѣстничествѣ (стр. 38, строка 25—стр. 39, строка 8) возбудила сомнѣнія въ цензорѣ Фрейгангѣ, и потребовалось особое объясненіе со стороны издателя. „Этотъ отрывокъ изъ „Мыслей“ Пушкина, напечатанныхъ въ *Сѣв‹ерныхъ› Цвѣтахъ* 1828 г.“, читаемъ въ запискѣ Анненкова, поданной въ Главный Цензурный Комитетъ: „во всемъ схожъ съ тѣмъ, что всякій ученикъ можетъ слышать отъ учителя исторіи въ гимназическомъ курсѣ. Здравомысліе Пушкина еще обнаруживается тутъ весьма замѣчательнымъ образомъ посредствомъ сравненія безумства мѣстничества съ безумствомъ какого-нибудь point d'honneur, который, несмотря на предписаніе разсудка и самаго закона, вооружаетъ людей для поединка и смертоубійства“ (*Вѣстникъ Европы*, 1881 г., № 1, стр. 38). Соображенія Анненкова были признаны удовлетворительными, и замѣтка сочтена неопасной.

Въ черновыхъ автографахъ Пушкина есть новая редакція замѣтки о равнодушіи русскихъ женщинъ къ нашей поэзіи (стр. 35, строка 16—стр. 36, строка 5) и цѣлый рядъ первоначальныхъ варіантовъ, изъ которыхъ приводимъ наиболѣе любопытные.

Стр. 35, строки 8—10: Истинный Вкусъ не *въ томъ* состоитъ *что* въ безотчетномъ отверж‹еніи› *dédaigne* такое ‹то› слово, такой то оборотъ,—но въ чувствѣ соразмѣрности *цѣлого*, и сообразности *частей* —

» 35, » 12—13: . . . . *желая быть пропов‹ѣдникомъ›*.

» 35, » 16—
» 36, » 5: *Наши писатели* жалуются на равнодушіе женщинъ къ *руской* поэзіи *и на ихъ* незнаніе отечествен‹наго› языка — *они не совсѣмъ правы* —

lib.pushkinskijdom.ru

Дама *самаго лучшаго тона, т. е. та которая всего рѣже изъясняется на своемъ языкѣ, конечно можетъ понять* стихи *Бат‹юшкова›* Жуковскаго *въ наше время* [*но* женщины вездѣ тѣже, *и*] природа одаривъ *сіи милыя созданія* тонкимъ умомъ *нѣжнѣйшей прелестью*, и *драгоцѣнными добродѣтелями*, едвали не отказала имъ въ чувствѣ *поэзіи*. *Руссо замѣтилъ уже что ни одна изъ женщинъ - писательницъ не* [*становилась выше посредственности*]. — *Онѣ вообще смѣшно судятъ о высокихъ предметахъ политики и философіи, нѣжные умы* [*ихъ*] *не способны къ мужественному напряженію; предметы изящныхъ искуствъ съ перваго взгляда кажутся ихъ достоянiемъ — но и тутъ. чемъ болѣе* вслушиваетесь въ ихъ сужденія *тѣмъ болѣе изумитесь* кривизнѣ и даже грубости ихъ понятія — *рожденныя съ* чувствительностію самой раздражительной *они (sic) холодно читаютъ краснорѣчивыя трагедіи Расина и плачутъ надъ посредств‹енными› ром‹анами› Авг‹уста› Лаф‹онтена›*[1]) [*проза имъ еще понятна*] *но* поэзія сколь-

1) *Сбоку приписано:* Кромѣ Софіи, *и еще одной*, говоритъ Руссо—разумѣя [Юлію] Новую Элоизу, которую онъ выдавалъ за невымышлен‹ное› лицо. Vitam impendere vero.

Надъ словами: посредств‹енными› ром‹анами›, *находится фраза:* онѣ плач‹утъ› — и хол‹одны›.

lib.pushkinskijdom.ru

зить по слуху ихъ не *достигая* души — Онѣ безчувственны къ гармоніи *стиховъ*. Примѣчайте какъ они поютъ модные романсы. *Они* изкажаютъ самые естественные стихи, *скрадываютъ* риѳму, *переставляютъ* [*слова*], *убавляютъ число стопъ разстроиваютъ* мѣру —

Стр. 36, строка 9: Чѣмъ болѣе мы *благоразумны*..

» 36, » 10: .... подвергаемся мы *орудію насмѣшливости*....

» 36, » 12—13: ....съ такой *нѣжною горячностію*...

» 36, » 13—15: ....думаютъ о *своихъ выгодахъ* съ такимъ *восторгомъ и сожалѣютъ* о своихъ неудовольствіяхъ съ т‹акимъ› состраданіемъ....

» 36, » 17—18: Никто болѣе [его] *n'a mis*[1]) чувства въ свои мысли, и *болѣе* вкуса въ свои чувства. *Они въ немъ нераздѣлимы.*

» 36, » 20: *Весь мужеской полъ* въ нѣкоторомъ Азіатскомъ народѣ.....

» 37, » 4— 5: ....можетъ-ли женщина называться человѣкомъ.....*Какъ будто женщина, какое-то идеальное существо, чуждое всему земному*.....

» 37, » 8—11: *Нѣкоторые писатели* выдающіе себя за *ихъ* усерднѣйшихъ *приверженцовъ* не предполагаютъ *однакоже* въ женщинахъ *силы понятія равной мужскому уму, и* выдаютъ *Исторіи* для дамъ *Астрономіи, [Географіи] въ пользу прекраснаго пола etc.* какъ

1) *Сверху написано:* не вложилъ.

lib.pushkinskijdom.ru

будто для дѣтей. *Къ стати или не къ ста‹ти› нѣк‹оторые› критики доброволь‹ные› (опекуны прекрасн‹аго› пола) разбирая сочиненія замѣчаютъ обыкновенно что такія то дамамъ читать будетъ неприлично какъ слишкомъ простонародныя низкія*[1]) *какъ будто простонародн‹ое› выраж‹еніе› какъ будто описаніе Шотландскихъ кабаковъ въ ‹романахъ› Вальт‹ера Скотта› должно непремѣн‹но› оскорблять*[2]) *тонкое чувство модной дамы и должно ужасаться простонародныхъ*[3]) *прозаическ‹ихъ› подробностей жизни*[4])!

Эта провинціальная[5]) *чопорность доказываетъ малое знаніе свѣта (и его обычаевъ) и того что въ немъ принято или нѣтъ.*

Это то по нещастію слишкомъ у насъ обыкновенно и приноситъ не малой вредъ нашей младенческой и жеманной литературѣ.

Стр. 38, строки 5— 6: *Это все равно какъ если вы скажете ‹:›* Бутылка шампанскаго лучше дурной погоды.

» 38, » 10—11: Но скептицизмъ *въ критикѣ какъ и въ философіи* есть только перв‹ый› шагъ умствованія—

---

1) *Въ рукописи:* низкое.

2) *Въ рукописи:* оскорбляетъ.

3) *Въ рукописи:* прост[ородныя]хъ.

4) *Фраза, начинающаяся словами:* и должно ужасаться...., *помѣщена въ черновомъ автографѣ послѣ слѣдующаго предложенія.*

5) *Въ рукописи:* Это провинціальное.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 38, строки 24—25: ....въ *древней Россіи* не существовало *идеи о дворянской* чести.....

» 39, » 4: Бояре *смѣло* шли *подъ кнутъ*...

» 39, » 7: ....ни *самодержецъ* Іоаннъ *Васильевичь* III.....

» 39, » 10: ....не *дорожить предками* есть постыдное малодушіе....

» 39, » 16—18: ....*противный тому* предразсудокъ, утвержденный *завистливымъ*[1]) *самолюбіемъ* нѣкоторыхъ Философовъ-*плебеянъ*, *доказываетъ* низкій эгоизмъ....

» 39, » 18—21: Безкорыстная мысль что *потомки наши* будутъ *гордиться нашимъ* именемъ есть *лучшая* надежда *благороднаго честолюбія* —

» 40, » 11—12: Сонъ Сарданапаловъ *есть* извѣстная *картина*[2]) издан‹ная› въ Варшавѣ въ.....*году*.

» 40, » 13—14: ....въ *1811* год‹у› намѣревался *онъ быть въ южной Россіи* —

» 41, » 8: *Въ молодой дѣвицѣ свойство это неприятно, въ женщинѣ пожилой смѣшнѣе хоть м‹ожетъ› бы‹ть› менѣе неприят‹но› чѣмъ въ молодой. Вообще оно доказываетъ* нечистоту воображенія, отвратительную въ женщинѣ особенно молодой — *Prude мужеск‹аго› рода не имѣетъ, но есть мужья-prudes въ отношеніи*

1) *Въ рукописи:* завистливой.

2) *Въ рукописи:* картины.

lib.pushkinskijdom.ru

своихъ женъ — животныя самыя глупыя и скучныя.

Стр. 41, строка 13: ....ни о славѣ ни о *пользѣ своего* отечества....

» 41, » 20: Уважайте глупцовъ —

» » » » *Не призира‹йте› глупцовъ* —

» » » » *Не вооружайте глупцовъ* —

— *(Стр. 35, строка 16 — стр. 36, строка 5).* Остроумный Шамфоръ въ своемъ сочиненіи „Caractères et anecdotes“ высказываетъ мысль, что женщины обдѣлены чувствомъ изящнаго: „Parmi cette classe d'hommes nés avec une imagination vive et une sensibilité délicate, qui font regarder les femmes avec un vif intérêt, plusieurs m'ont dit qu'ils avoient été frappés de voir combien peu de femmes avoient de goût pour les arts, et particulièrement pour la poésie. Un poëte, connu par des ouvrages très-agréables, me peignoit un jour la surprise qu'il avoit éprouvée en voyant une femme pleine d'esprit, de grâces, de sentiment, de goût dans sa parure, bonne musicienne et jouant de plusieurs instrumens, qui n'avoit pas l'idée de la mesure d'un vers, du mélange des rimes, qui substituoit à un mot heureux et de génie un autre mot trivial et qui même rompoit la mesure du vers. Il m'ajoutoit qu'il avoit éprouvé plusieurs fois ce qu'il appeloit un petit malheur, mais qui en étoit un très grand pour un poëte érotique, lequel avoit sollicité toute sa vie le suffrage des femmes“ (*Chamfort.* Oeuvres complètes. Paris, 1812, t. II, p. 154).

Изъ современниковъ Пушкина на равнодушіе русскихъ женщинъ къ поэзіи сѣтовалъ А. А. Бестужевъ, помѣстившій въ *Полярной Звѣздѣ* слѣдующее воззваніе къ своимъ соотечественницамъ: „...главнѣйшая причина ‹бѣдности нашей словесности› есть изгнаніе роднаго языка изъ обществъ и равнодушіе прекраснаго пола ко всему, на ономъ писанному! Чего нельзя совершить, дабы за-

lib.pushkinskijdom.ru

служить благосклонный взоръ красавицы? Въ какое прозаическое сердце не вдохнетъ онъ Поэзіи? Одна улыбка женщины милой и просвѣщенной награждаетъ всѣ труды и жертвы! У насъ почти не существуетъ сего очарованія, и вамъ, прелестныя мои соотечественницы, жалуются Музы на васъ самихъ!“ (*Полярная Звѣзда* на 1823 г., стр. 43).

Эти строки Бестужева побудили Пушкина напечатать его замѣтку, которая, въ свою очередь, вызвала стихотвореніе Анны Ивановны Готовцевой, восхвалявшей дарованія великаго поэта, но указавшей и его недостатки.

.....Но гдѣ же совершенство?
Въ лунѣ и солнцѣ пятна есть!
.....
Несправедливъ твой приговоръ;
Но порицать тебя не смѣемъ:
Мы генію простить умѣемъ —
Молчанье выразитъ укоръ.

(*Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., стр. 180—181).

Князь П. А. Вяземскій, препроводившій піесу Готовцевой въ редакцію *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* при посредствѣ Пушкина, просилъ послѣдняго въ письмѣ отъ 18-го сентября 1828 г. „скомпоновать мадригалецъ въ отвѣтъ“ (Переписка, т. II, стр. 76). Просимый мадригалецъ появился въ видѣ „Отвѣта“ (А. И. Готовцевой) [*Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., стр. 182]. Здѣсь есть слѣдующіе стихи:

Твой недосказанный упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?
О, сколько мукъ себѣ готовилъ
Красавицъ вѣтреный Зоилъ,
Когда предательски злословилъ

lib.pushkinskijdom.ru

Сей полъ, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бъ опроверженьемъ
Его печальной клеветы.

Въ письмѣ къ барону А. А. Дельвигу отъ 26-го ноября 1828 г. (Малинники) Пушкинъ задаетъ вопросъ: „Да въ чемъ она меня и впрямь упрекаетъ? Въ неучтивости ли противу прекраснаго полу, или въ пахабствахъ, или въ безпорядочномъ поведеніи? Господь ее знаетъ!“ (Переписка, т. II, стр. 81).

— *(Стр. 38, строки 1—2).* Изреченіе: „ce qui passe la géométrie nous surpasse“, находится въ трудѣ Паскаля „Pensées“ (Paris, 1829, p. 28).

— *(Стр. 38, строка 4).* „Un sonnet sans défaut vaut seul un long poème“ — стихъ изъ второй пѣсни „Art poétique“ Буало.

— *(Стр. 38, строка 7).* „Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux“ — слова Вольтера (L'enfant prodigue, comédie. Préface de l'éditeur de l'édition de 1738).

— *(Стр. 38, строки 7—13).* Въ статьѣ: „О направленіи нашей поэзіи“, В. К. Кюхельбекеръ писалъ: „Вольтеръ сказалъ, что всѣ роды сочиненій хороши, кромѣ скучнаго: — онъ не сказалъ, что всѣ равно хороши“ *(Мнемозина,* 1824 г., ч. II, стр. 32).

— *(Стр. 38, строки 14—19).* Jacques-Arsène-François-Polycarpe Ancelot (род. 9-го февраля 1794 г., ум. 8-го сентября 1854 г.), весьма плодовитый драматургъ, въ 1826 г. посѣтилъ Россію въ свитѣ представителя Франціи маршала Martont, прибывшаго на коронацію императора Николая I. Результатомъ поѣздки Ансело была книга: „Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.-B. Saintines, en 1826“. Это сочиненіе, вышедшее въ 1827 г., очень заин-

lib.pushkinskijdom.ru

тересовало парижанъ, было быстро раскуплено, а затѣмъ переиздано въ Брюсселѣ. Несмотря на успѣхъ, трудъ Ансело страдалъ многими недостатками: фактическими ошибками, поверхностными обобщеніями и выводами, свидѣтельствовавшими о легкомыслiи автора, не скрывавшаго своего пренебрежительнаго отношенія къ Россіи.

Конечно, подобная книга не могла произвести выгоднаго впечатлѣнія на нашихъ соотечественниковъ. Извѣстный Я. Н. Толстой, жившій тогда въ Парижѣ, немедленно напечаталъ брошюру подъ заглавіемъ: „Six mois suffisent-ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé „Six mois en Russie". Въ своей брошюрѣ авторъ даетъ „цѣлый рядъ опроверженій и указаній на мелкія, по большей части, ошибки, сдѣланныя Ансело", и, заканчивая разборъ, пишетъ: „Книгѣ г. Ансело недостаетъ зрѣлости, — качества, пріобрѣтаемаго благодаря долгому пребыванію въ странѣ, и это позволяетъ мнѣ сдѣлать заключеніе, что „шести мѣсяцевъ недостаточно для того, чтобы узнать какую-нибудь страну" (*Б. Модзалевскій.* Я. Н. Толстой. С.-Пб. 1899 г., стр. 31—33).

Появленіе брошюры Толстого горячо привѣтствовалъ князь П. А. Вяземскій, самъ написавшій еще раньше неодобрительную рецензію на книгу: „Six mois en Russie", а, немного спустя, выступилъ противъ Ансело П. П. Свиньинъ, обвинившій французскаго писателя въ плагіатѣ, такъ какъ послѣдній „все топографическое и историческое описаніе С.-Петербурга почерпнулъ, или, лучше сказать, *списалъ* просто *слово въ слово* изъ книги: Description des objets les plus remarquables de St.-Pétersbourg et de ses environs, par Paul Svignine (Достопамятности С.-Петербурга и его окрестностей, соч. Павла Свиньина), изданной въ 1816 — 1819 годахъ, не сказавъ ни слова объ Авторѣ, изъ коего заимствовалъ *болѣе трети*

lib.pushkinskijdom.ru

своей книги“ (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. 15, № 11, стр. 216—232; ч. 16, № 14, стр. 153—170; ч. 18, № 21, стр. 35—65).

Разсказывая объ обѣдѣ, данномъ въ честь его русскими литераторами, Ансело перечисляетъ нашихъ писателей, среди которыхъ видное мѣсто отводитъ Гречу и Булгарину. Въ отдѣлѣ, посвященномъ драматической поэзіи, есть упоминаніе о затрудненіяхъ, съ которыми сталкивается, вслѣдствіе строгости цензуры, русскій комикъ, при чемъ, можетъ быть, сдѣланъ намекъ на Грибоѣдова и его „Горе отъ ума“. Слѣдующія строки Ансело дали поводъ Пушкину набросать его ироническія замѣчанія о „забавной словесности“: „Quelques littérateurs russes ayant appris mon arrivée à Pétersbourg ont voulu me prouver que les muses sont soeurs, et je dois d'heureux moments à leur affectueuse hospitalité. L'un d'eux, M. Gretsch, un des bibliothécaires de l'empereur, savant philologue, auteur d'une grammaire qui, déjà, fait autorité en Russie, bien qu'elle n'ait pas été entièrement publiée, et propriétaire rédacteur du meilleur journal de l'empire *(L'Abeille du Nord)*, a donné hier un grand dîner où se trouvait tout ce que Pétersbourg renferme aujourd'hui d'écrivains distingués dans tous les genres....

„M. Bourgarine (sic), collaborateur de M. Gretsch, est un homme d'un esprit des plus remarquables; il s'occupe en ce moment d'un ouvrage dont quelques extraits déjà publiés ont obtenu un grand succès; il a pour titre: *Le Gil Blas russe.* Cet ouvrage est destiné à peindre les moeurs et les usages de toutes les provinces de cette nation; on attend ici avec une vive impatience, et, s'il est permis de juger ce que doit être un livre par la conversation de l'auteur, on peut affirmer d'avance que, pour l'originalité des tableaux, la finesse des aperçus, et le piquant des réflexions, celui-ci ne laissera rien à désirer“

lib.pushkinskijdom.ru

(*Ancelot.* Six mois en Russie. Paris, 1827, pp. 45—46; 380—382).

По поводу отзыва Ансело о трудахъ Греча князь П. А. Вяземскій пишетъ: „Жаль, что Грамматика Г-на Греча и Господа Русскіе Грамматики, до сей поры болѣе извѣстны Г-ну Ансело, чѣмъ намъ. Не знаемъ, что было за этимъ обѣдомъ, но мы пока судимъ еще на тощакъ, безъ Русской Грамматики Г. Греча и безъ Русскаго Грамматика“ (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. 15, № 11, стр. 221).

Грамматика Греча вышла въ 1827 г., вѣроятно, послѣ появленія въ печати статьи Вяземскаго.

— *(Стр. 38, строка 25—стр. 39, строка 8).* Замѣтка о мѣстничествѣ не понравилась Н. А. Полевому. „Нѣкоторые утверждаютъ“, напечатано въ „Новомъ Живописцѣ общества и литературы“: „что *дѣланье каррьера* есть ничто иное, какъ старинное *мѣстничество*, выродившееся и переродившееся съ вѣкомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какой-то писатель не посовѣстился сказать, что старинное мѣстничество замѣняло у предковъ нашихъ point d'honneur. Прочтите въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* сбродъ словъ, названныхъ *мыслями* (1828 г., стр. 216). Если согласиться съ этимъ, то дѣланье каррьера точно есть измѣнившееся мѣстничество“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 35, № 19, стр. 324).

— *(Стр. 39, строки 9—22).* Русская цитата взята изъ „Предисловія“ къ „Исторіи Государства Россійскаго“, а французская — изъ басни Лафонтена: „Le vieillard et les trois jeunes hommes“ (Переписка, т. I, стр. 155).

— *(Стр. 39, строка 27 — стр. 40, строка 14).* Пушкинъ, отмѣчая неточности въ описаніяхъ Байрона, ссылается на LXXIII строфу VIII пѣсни и XXIII строфу IX пѣсни „Донъ-Жуана“. Вотъ цитируемые Пушкинымъ стихи:

lib.pushkinskijdom.ru

I.

And scrambling round the rampart these same troops,
After the taking of the «Cavalier»,
Just as Koutousow's most «forlorn» of «hopes»
Took, like chameleons, some slight tinge of fear,
Opened the gate called «Kilia» to the groups
Of baffled heroes, who stood shyly near,
Sliding knee-deep in lately frozen mud,
Now thawed into a marsh of human blood.

II.

And there in a *kibitka* he rolled on,
(A cursed sort of carriage without springs,
Which on rough roads leaves scarcely a whole bone,)
Pondering on Glory, Chivalry, and Kings,
And Orders, and on all that he had done —
And wishing that post-horses had the wings
Of Pegasus, or at least poste-chaises
Had feathers, when a traveller on deep ways is.

(*Lord Byron*. The Works. London, 1903, vol. VI, pp. 352—353, 383).

Что касается сна Сарданапалова, то онъ, дѣйствительно, немного напоминаетъ одну карикатуру, впрочемъ изданную не въ Варшавѣ, а въ Лондонѣ. Объ этой картинѣ С. В. Козловъ пишетъ: „Изъ числа карикатуръ, особенно злая и несправедливая по содержанію, извѣстна подъ названіемъ „royal recreation“ или „царская забава“; она была издана въ Лондонѣ 7-го января 1795 года и изображаетъ Суворова, подносящаго Екатеринѣ II отрубленныя головы женщинъ и дѣтей, убитыхъ „послѣ капитуляціи Варшавы“, акты которой торчатъ изъ кармана Суворова“ (*С. В. Козловъ*. Суворовъ въ его изображеніяхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Спб. 1899 г., стр. 30.— Ср. *Д. Ровинскій*. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Спб. 1889 г., т. I, стр. 761, 1722). Екатерина, представленная карикатуристомъ, похожа на бабку Сарданапала, которая являлась своему внуку въ видѣ ужаснаго призрака, обагреннаго запекшейся кровью и попирающаго ногами индусскіе трупы:

. . . . And thou, ghastly Beldame!
Dripping with dusky gore, and trampling on
The carcasses of Inde —

(*Lord Byron*. Works, London, 1901, vol. V, p. 76: „Sardanapalus". Act IV, scene I).

Наконецъ, Нимвродъ и Петръ Великій могутъ быть сопоставлены, какъ основатели двухъ обширныхъ имперій: вавилонской и русской. Вѣроятно, Пушкинъ имѣлъ въ виду того мрачнаго и надменнаго гиганта, съ неподвижными, свѣтящимися глазами и длинными кудрями, спускавшимися на спину, о которомъ въ ужасѣ говоритъ байроновскій Сарданапалъ:

. . . . . .
Was ranged on my left hand a haughty, dark,
And deadly face; I could not recognise it,
Yet I had seen it, though I knew not where:
The features were a Giant's, and the eye
Was still, yet lighted; his long locks curled down
On his vast bust, whence a huge quiver rose
With shaft-heads feathered from the eagle's wing,
That peeped up bristling through his serpent hair

(*Lord Byron*. Works, vol. V, p. 76: „Sardanapalus". Act IV, scene I).

— *(Стр. 40, строка 20)*. Лордъ Мидасъ — графъ М. С. Воронцовъ (Переписка, т. II, стр. 215 — 216: письмо Н. А. Алексѣева къ Пушкину, отъ 14-го января 1831 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 41, строка 21 — стр. 42, строка 27).* Свои впечатлѣнія, вынесенныя отъ чтенія первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“, Пушкинъ почти тѣми же словами выразилъ въ другомъ произведеніи — автобіографіи. Вольнолюбивый поэтъ не сходился во взглядахъ съ Карамзинымъ (Переписка, т. I, стр. 357 — 358; т. II, стр. 220). „Любимые парадоксы“ послѣдняго наводили Пушкина на мысль, что историографъ рабство предпочитаетъ свободѣ. Таково происхожденіе эпиграммы:

Въ его Исторіи изящность, простота
Доказываютъ намъ, безъ всякаго пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута (1819 г.).

Въ 1827-мъ году Пушкинъ говорилъ А. Н. Вульфу: „Удивляюсь, какъ могъ Карамзинъ написать такъ сухо первыя части своей Исторіи, — объ Игорѣ, Святославѣ. Это героическій періодъ нашей исторіи“ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 178).

Несмотря на это, поэтъ относился съ уваженіемъ къ подвижнической работѣ Карамзина, въ которомъ видѣлъ и великаго писателя, и честнаго человѣка. Пушкину непріятно было слышать легкомысленныя сужденія объ „Исторіи“ въ великосвѣтскихъ кругахъ, и онъ иронически отзывается о мнѣніи одной „очень милой“ дамы, вѣроятно, — княгини Авдотьи Ивановны Голицыной (*Князь П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 384). Не удовлетворили Пушкина и другіе критики: ни тонкій скептикъ Каченовскій, ни пылкій полемистъ Никита Михайловичъ Муравьевъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1843 г.). Первый помѣстилъ въ *Вѣстникѣ Европы* (1819 г., ч. 103, №№ 2—4; ч. 104, №№ 5—6) статьи, которыя заключали въ себѣ разборъ двухъ французскихъ переводовъ „Предисловія“ Карамзина и указанія на неточности,

lib.pushkinskijdom.ru

встрѣчающіяся въ первыхъ томахъ „Исторіи“. Второй, несогласный съ міровоззрѣніемъ Карамзина, написалъ статью, гдѣ говорилъ, что „исторія принадлежитъ народамъ“, а не царю, и высказывался противъ самодержавія, въ которомъ, по мнѣнію историографа, исключительно состоитъ счастье и благоденствіе нашей родины (*М. Погодинъ*. Н. М. Карамзинъ. Москва, 1866 г., ч. II, стр. 198—203).

„Молодые якобинцы негодовали“, пишетъ Пушкинъ въ автобіографіи: „нѣсколько отдѣльныхъ размышленій въ пользу самодержавія, краснорѣчиво опровергнутыхъ вѣрнымъ разсказомъ событій,—казались имъ верхомъ варварства и униженія.—Они забывали, что Карамзинъ печаталъ Исторію свою въ Россіи; что Государь, освободивъ его отъ Цензуры, симъ знакомъ довѣренности, нѣкоторымъ образомъ, налагалъ на Карамзина обязанность возможной скромности и умѣренности“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1911 г., т. V, стр. 417).

Не могъ сочувствовать Пушкинъ и письму генерала Михаила Ѳедоровича Орлова (род. 25-го марта 1788 г., ум. 19-го августа 1842 г.), который требовалъ „какой-нибудь блестящей Гипотезы о произхожденіи славянъ, т. е. требовалъ Романа въ исторіи“. „Ново и смѣло!“ замѣчаетъ поэтъ.

— (*Стр. 42, строки 28 — 29*). Мысль, что французская словесность родилась въ передней, съ нѣкоторыми ограниченіями была высказана до Пушкина Ѳ. В. Булгаринымъ [1]) въ статьѣ „Междудѣйствіе или Разговоръ въ Театрѣ о Драматическомъ Искуствѣ“: „Французская Трагедія возникла въ переднихъ чертоговъ, и потому подчинилась свѣтскимъ приличіямъ, и осталась въ тѣсныхъ предѣлахъ первобытной своей колыбели“ (*Русская Талія*

1) Ср. № 71 (1834 г.), стр. 224, строки 1—2: „Нѣкто у насъ сказалъ что Фр‹анцузская› Сл‹овесность› род‹илась› въ пер‹едней› etc.“ („О русской литературѣ съ очеркомъ французской“).

lib.pushkinskijdom.ru

на 1825 г., стр. 345). Однородное разсужденіе есть и въ хорошо извѣстномъ Пушкину трудѣ А. В. Шлегеля „Cours de littérature dramatique“. „Tout se bornoit“, читаемъ въ этой книгѣ: „à des discours entre un petit nombre des personnages, et l'on soumettoit le théâtre à l'étiquette d'une antichambre. Il est vrai que c'étoit en effet une antichambre ou du moins un salon dans l'intérieur d'un palais que le théâtre représentoit le plus souvent“ (*A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Traduit de l'allemand par M-me Necker de Saussure. Paris, 1814, t. II, p. 134).

Замѣтка Пушкина не понравилась рецензенту *Московскаго Телеграфа*, который далъ о ней слѣдующій отзывъ: „Мы съ любопытствомъ прочитали еще „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“, и угадали имя Автора. Тутъ много остроумнаго, много глубокомысленнаго, но есть и парадоксы (на прим‹ѣръ,› что „Французская Словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила [1]); что есть безсмыслица отъ огромности ума и проч.). Думаемъ, что Сочинитель нарочно перемѣшалъ дѣло съ бездѣльемъ, чтобы заставить читателей угадывать, что̀ пишетъ онъ шутя и что̀ не шутя“ (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., № 1, стр. 127).

---

1) А. О. Смирнова приводитъ въ своихъ мемуарахъ разговоръ В. Ѳ. Одоевскаго съ Пушкинымъ:

Одоевскій. Объясните вашу фразу: французская литература не пошла дальше прихожей.

Пушкинъ. Это по поводу XVII и XVIII вѣковъ: я говорилъ про прихожую короля, такъ какъ литература не проникла въ народныя массы (*А. О. Смирнова.* Записки. Спб. 1895 г., ч. I, стр. 160—161).

lib.pushkinskijdom.ru

21.

[О СМѢЛОСТИ ВЫРАЖЕНІЙ].

(Стр. 43—44).

Эта замѣтка сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2367, лл. 45—46, и впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLII, № 5, стр. 349 — 350. Автографъ — черновикъ съ значительными помарками. Первоначальные варіанты не лишены нѣкотораго значенія.

Стр. 43, строка 1: ...Державинъ *сказалъ*...
» 43, » 6: Мы находимъ эти выраженія смѣлыми; *потому что оныя хотя съ перваго взгляда и кажутся несообразными*...
» 43, » 13: *Жалкая* словесность...
» 43, » 25—26: ...ибо они *щастливо* и *поэтически*...
» » » » ...ибо они *ясно* и *ново*...
» 44, » 3: ...т[ь]му *кромешную* — —

Образцы смѣлыхъ выраженій Пушкинъ приводитъ изъ одъ Державина: „На возвращеніе графа Зубова изъ Персіи“ (1797 г.) и „Водопадъ“ (1791 г.), изъ стихотворенія Жуковскаго „Пѣвецъ въ Кремлѣ“ (1816 г.) и изъ басни Крылова „Муравей“ (1819 г.).

Перелистывая сочиненія Делиля, Пушкинъ обратилъ вниманіе на похвалы, расточаемыя этимъ поэтомъ Расину за умѣлое введеніе въ литературный языкъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія. Въ предисловіи къ поэмѣ „Géorgiques“ (1770) Делиль говоритъ: „Le mot *pavé* semble être banni de la grande poésie: voyez quelle noblesse il emprunte de ces beaux vers où Racine l'a placé:

lib.pushkinskijdom.ru

Tu le vois tous les jours, devant toi prosterné,
Humilier ce front de splendeur couronné;
Et confondant l'orgueil par d'augustes exemples,
Baiser avec respect le pavé de tes temples[1]).

Эти стихи заслужили одобреніе Пушкина, который счелъ нужнымъ указать, что и самъ Делиль удачно воспользовался словомъ „vache“ въ четвертой пѣснѣ поэмы „L'homme des champs“ (1802):

La lyre du poète
Ne peut-elle du peintre égaler la palette?
Ah! soyez peintre aussi! venez; à votre voix
Les hôtes de la plaine, et des monts, et des bois,
S'en vont donner la vie au plus froid paysage:
Là, dès qu'un vent léger fait frémir le feuillage,
Aussi tremblant que lui, le timide chevreuil
Fuit, plus prompt que l'éclair, plus rapide que l'oeil;
Ici, des prés fleuris paissant l'herbe abondante,
La vache gonfle en paix sa mamelle pendante,
Et son folâtre enfant se joue à son côté.

(*J. Delille.* Oeuvres. Paris, 1824, t. II, p. XXXVI; t. VII, pp. 367—368).

Произвели впечатлѣніе на Пушкина также оригинальные стихи изъ неизвѣстной намъ піесы Кальдерона и изъ „Потеряннаго и возвращеннаго рая“ Мильтона. Приводимъ отрывокъ изъ первой пѣсни знаменитаго англійскаго произведенія, гдѣ изображено адское пламя:

At once, as far as Angels ken, he views
The dismal situation waste and wild;
A dungeon horrible on all sides round
As one great furnace flam'd, yet from those flames

1) Стихи изъ пролога къ трагедіи „Esther“ (1689).

lib.pushkinskijdom.ru

No light, but rather darkness visible,
Serv'd only to discover sights of woe,
Regions of sorrow, doleful shades, where peace
And rest can never dwell, hope never comes
That comes to all...

(*John Milton*. The poetical works. London, 1794, vol. I, p. 7: „Paradise Lost". Book I, v. 59—67).

22.

[ОБЪ АЛЬМАНАХѢ „СѢВЕРНАЯ ЛИРА"].

(Стр. 44—45).

Эта статья сохранилась въ Архивѣ С. А. Соболевскаго (Avant les voyages, № 117) и находится въ имѣніи графа С. Д. Шереметева — селѣ Михайловскомъ. По списку, сдѣланному М. Н. Лонгиновымъ, она впервые напечатана П. Е. Щеголевымъ въ изданіи *Пушкинъ и его современники*, вв. XXIII—XXIV, стр. 1—8. Черновой автографъ даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ:

Стр. 44, строка 11: ...отличаются *силою* гармоніей...
» 44, » 13: ...увидѣли мы *имя* Г-на Муравьева, (*коего отзывъ помѣщаемъ въ нынѣшней книжкѣ нашего журнала*)...
» » » » ...Г-на Муравьева ‹который› *въ первый разъ выступилъ на поприще*...
» 44, » 15: ...какъ о *наш‹емъ›* сотрудникѣ...
» 44, » 18: Предоставляемъ *Татарскимъ* Журналистамъ...
» 44, » 20: ...мы находимъ его *переводы* изрядными...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 44, строка 22: *Достоинство прозаическихъ статей...*

» 44, » 23: Въ самомъ дѣлѣ *оба* сіи великіе Мужа...

» 44, » 24: Оба *сотворили языкъ и* основали словесность...

» 44, » 25—26: .. основать свою славу *другими* занятіями...

» 45, » 1—2: Но Г-нъ Р. — *всѣмъ этимъ пренебрегъ — но онъ* глубокомысленно замѣчаетъ что Петр‹арка› *пѣлъ Лауру...*

» 45, » 6: Онъ[1]) въ *затѣйливомъ* отступленіи разсказываетъ...

» 45, » 7—8: ...такой-же старецъ (*но какой-же?*)...

Альманахъ *Сѣверная Лира* былъ изданъ московскими литераторами: Семеномъ Егоровичемъ Раичемъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1855 г.) и Дмитріемъ Петровичемъ Озно-бишинымъ (род. въ 1804 г., ум. въ 1877 г.). Оба издатѣля — поэты и переводчики, но первый изъ нихъ былъ болѣе популяренъ, чѣмъ второй. Раичъ не только писалъ стихи; онъ съ успѣхомъ выступалъ на педагогическомъ поприщѣ, и въ 1823 г. основалъ кружокъ, въ составъ котораго вошли представители московской образованной молодежи.

Къ этому „Обществу друзей“ и принадлежали сотрудники *Сѣверной Лиры*, въ числѣ которыхъ находились лица, принимавшія участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Естественно, что Пушкинъ, хорошо знавшій составъ редакціи погодинскаго журнала, заинтересовался *Сѣверной*

1) *До этой фразы въ черновикѣ читаемъ:...* Ломоносовъ латинской поэмы не написалъ, наконецъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Лирой. Было и еще одно обстоятельство, которое могло привлечь вниманіе поэта: въ альманахѣ дважды упоминалось его имя. Въ посланіи Василія Ивановича Туманскаго (род. въ 1800 г., ум. въ 1860 г.): „Одесскимъ друзьямъ“, есть нѣсколько стиховъ, имѣющихъ отношеніе къ Пушкину:

. . . . . сномъ отраднымъ
Летитъ нашъ ясный день. То внемлемъ ухомъ жаднымъ
Свободной старины завѣтную скрижаль,
То, сердцемъ погрузясь въ мечтательную даль,
Въ роскошномъ трепетѣ и радости и муки
Мы ловимъ Пушкина плѣнительные звуки.

Сонетъ того же автора: „На кончину Р.“ [1]), посвященъ Пушкину. Амалія Ризничъ, которою такъ страстно увлекался великій поэтъ въ Одессѣ, изображена Туманскимъ довольно ярко и красочно:

Ты на землѣ была любви подруга:
Твои уста дышали слаще розъ,
Въ живыхъ очахъ, не созданныхъ для слезъ,
Горѣла страсть, блистало небо Юга.
Къ твоимъ стопамъ съ горячностію друга,
Склонялся міръ — твои оковы нёсъ;
Но Гименей, какъ сѣверный морозъ,
Убилъ цвѣтокъ полуденнаго луга и т. д.

Пушкинъ набросалъ начало своей статьи вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ *Сѣверной Лиры*, т. е. въ началѣ 1827 года, такъ какъ цензурное разрѣшеніе на выпускъ альманаха было дано 1-го ноября 1826 г., а первая публикація объ этомъ изданіи напечатана во второй книжкѣ *Московскаго Вѣстника* (январь 1827 г.), для котораго предназначалась

1) Кромѣ перечисленныхъ стихотвореній, Туманскому принадлежатъ „Греческая ода“ и „Мольба“.

lib.pushkinskijdom.ru

и пушкинская рецензія, оставшаяся въ рукописи неоконченной. Вмѣсто нея, въ пятомъ номерѣ погодинскаго журнала былъ помѣщенъ отзывъ о *Сѣверной Лирѣ*, подписанный «—*нъ*», а въ третьей книжкѣ *Московскаго Телеграфа* за тотъ же 1827-й годъ напечатанъ разборъ князя П. А. Вяземскаго, нѣсколько сходный, по высказаннымъ мыслямъ, со статьей его друга.

Пушкинъ воздалъ должное произведеніямъ Е. А. Боратынскаго [1]), князя П. А. Вяземскаго [2]), Туманскаго и похвалилъ первые стихотворные опыты Андрея Николаевича Муравьева (род. въ 1806 г., ум. въ 1874 г.), впослѣдствіи извѣстнаго путешественника по св. мѣстамъ и спеціалиста по церковнымъ вопросамъ, а въ то время молодого человѣка, только что выступившаго на литературномъ поприщѣ подъ руководствомъ своего учителя Раича и подражавшаго Пушкину въ поэмѣ „Таврида“, отрывки изъ которой, подъ заглавіемъ „Бакчисарай“, находятся въ *Сѣверной Лирѣ*. Немного спустя отношеніе поэта къ Муравьеву измѣнилось, что̀ видно изъ ѣдкой эпиграммы: „Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ“... (1827 г. Ср. *Пушкинъ и его современники*, вв. XXIII—XXIV, стр. 4—5).

Не очень лестное мнѣніе высказалъ Пушкинъ о переводахъ Авраама Сергѣевича Норова (род. въ 1795 г., ум. въ 1869 г.) и Дмитрія Петровича Ознобишина, скрывавшаго иногда свою фамилію подъ псевдонимомъ „Делибюрадеръ“. Норовъ, получившій въ пятидесятыхъ годахъ постъ министра народнаго просвѣщенія, въ молодости занимался переводами съ итальянскаго, которые были такъ же неудачны, какъ и переложенія Ознобишина съ англійскаго, французскаго и арабскаго. Для *Сѣверной Лиры* Норовъ далъ три стихотворенія: два перевода изъ „Божественной Комедіи“ Данте: „Франческа Римини“ и

1) „Наяда“ и „Амуру“.
2) „Деревня“.

lib.pushkinskijdom.ru

„Жизнь древнихъ Флорентинцевъ“, и отрывокъ изъ оригинальной поэмы „Земля“. Изъ переводныхъ піесъ Ознобишина въ альманахѣ напечатаны: „She walks in beauty“ (еврейская мелодія) Байрона, „Весна“ Соути, „Неера“ А. Шенье, „Ода Гафица“ (т. е. Гафиза) и „Нама. Уаль натру мискунъ“ (съ арабскаго). Произведенія Ознобишина подверглись особенно суровой критикѣ. Выписавъ стихотвореніе „Нама“, князь П. А. Вяземскій откровенно заявляетъ: „Скажите по совѣсти: не правы-ли мы, когда сказали, что мало радости и пользы съ похищеній такого рода, хотя и добыты они издалека? Пускай это и тому подобное съ Арабскаго, на Арабскомъ языкѣ и остается“ (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 3, стр. 244—245). Остались недовольны Ознобишинымъ и рецензентъ *Московскаго Вѣстника*, и издатель альманаха *Сѣверная Звѣзда*. Одинъ изъ нихъ склоненъ „предоставить право судить о стихотвореніяхъ Делибюрадера той части нашей публики, которая вкусомъ приближается къ Арабамъ или Персамъ“; другой — ядовито замѣчаетъ: „*Сѣверная Лира* пробряцала намъ въ 1827 году нѣкоторыя пѣсенки въ Восточномъ вкусѣ; но звуки ея давно уже умерли въ нашемъ слухѣ, и, вѣроятно, болѣе не воскреснутъ“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1827 г., ч. II, № 5, стр. 88. — *Сѣверная Звѣзда*, 1829 г., стр. 279).

Изъ отдѣла „Проза“ Пушкинъ выдѣлилъ статью Р‹аича›: „Петрарка и Ломоносовъ“, и подвергъ ее безпощадному разбору. Самъ недавно сдѣлавшій блестящую оцѣнку Ломоносова (№ 10, стр. 18—19), поэтъ не могъ обойти молчаніемъ смѣшныя аналогіи, проведенныя Раичемъ между итальянскимъ гуманистомъ и „первымъ нашимъ Лирикомъ“. Ироническія слова Пушкина въ концѣ его рецензіи становятся вполнѣ понятны, если мы приведемъ полностію недописанныя поэтомъ фразы Раича. „Однажды“, разсказываетъ послѣдній: „Робертъ, Король Неа-

lib.pushkinskijdom.ru

политанскій, спросилъ у Петрарки, почему онъ, бывши въ Парижѣ, не хотѣлъ представиться Королю Филиппу Валуа?“ „По тому, отвѣчалъ Петрарка, по тому, что я не хотѣлъ быть въ тягость Государю, который и самъ неученъ и ученыхъ не любитъ, который на учителей своего сына смотритъ, какъ на враговъ“. — Заключительныя строки Пушкина относятся къ слѣдующему мѣсту въ статьѣ Раича: „Долго не понималъ я, отъ чего у нашего Холмогорца такая свѣжесть, такая сладость въ стихахъ,— не говорю уже о силѣ, которою, безъ сомнѣнія, обязанъ онъ древнимъ; но, перечитавши все, написанное имъ, я нашелъ, что онъ умѣлъ и щастливо умѣлъ перенести въ свои творенія много-очень много Италіанскаго и даже нѣкоторые, такъ называемые, concetti“...

Неудачныя аналогіи Раича не имѣли успѣха въ московскихъ журналахъ. „Въ сравненіи Петрарки и Ломоносова“, пишетъ князь Вяземскій: „нѣкоторыя главныя черты ихъ, а особливо-же перваго, означены вѣрно и живо, но признаюсь: усматриваю рѣдко точки, гдѣ эти черты сливались бы вмѣстѣ. За исключеніемъ вліянія того и другаго на современную каждому Поэзію, учености того и другаго поэта и замѣчанія, что „*Петрарка остался представителемъ Италіянской Литтературы XIV вѣка, Ломоносовъ считается представителемъ Литтературы Русской, вѣка Елисаветы*“, не понимаю: въ чемъ и какъ хотѣлъ Сочинитель сводить ихъ? Не слишкомъ-ли также увлекается онъ любовью къ Италіянской Словесности и Петраркѣ, когда радуется, какъ хорошей находкѣ, что Ломоносовъ „умѣлъ счастливо перенесть въ свои творенія много, очень много Италіянскаго и даже нѣкоторые, такъ называемые, *concetti*“. Едва-ли и *подлинные concetti* не безобразная прикраса Италіянскихъ стиховъ, а заимствованные *concetti* на Русскій ладъ и того хуже. Впрочемъ, вѣроятно въ Ломоносовѣ этотъ мишурный блескъ не подражаніе, а просто погрѣш-

lib.pushkinskijdom.ru

ность, свойственная худому вкусу, не озаренному свѣтомъ здравой критики, и насильственной игрѣ воображенія. Въ сей статьѣ встрѣчается забавная обмолвка. Авторъ говоритъ, что „изъ Понтремоли въ Неаполь пришелъ старецъ *и къ тому-же слѣпой*, чтобы *видѣть* Петрарку". Впрочемъ, за исключеніемъ основной мысли сего сравненія, которая по существу своему.... всегда сомнительна, и здѣсь, въ примѣненіи къ Петраркѣ и Ломоносову, кажется еще менѣе удовлетворительною, статья сія имѣетъ неоспоримое достоинство литтературное: въ ней замѣтны свѣдѣнія въ Италіянской Словесности, хорошій слогъ, благородныя чувства и направленіе ума благонамѣренное" (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 3, стр. 240—241).

Если князь Вяземскій еще находилъ положительныя стороны въ раичевскихъ аналогіяхъ, то другой рецензентъ, «—*нъ*», пришелъ къ болѣе грустнымъ заключеніямъ, выраженнымъ весьма кратко и рѣшительно: „Напрасно Г. Р. старался доказать намъ сходство между Ломоносовымъ и Петраркою, между Елизаветою и Лаурою: мы видимъ одно различіе" (*Московскій Вѣстникъ*, 1827 г., ч. II, № 5, стр. 87).

— *(Стр. 44, строка 13)*. Отзывъ А. Н. Муравьева, упомянутый поэтомъ въ первоначальной редакціи статьи, не былъ напечатанъ въ №№ 1—6 *Московскаго Вѣстника* 1827 г.

— *(Стр. 44, строки 14—15)*. С. П. Шевыревъ названъ „своимъ сотрудникомъ", такъ какъ принималъ участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, въ которомъ должна была появиться рецензія Пушкина. Редакторамъ *Сѣверной Лиры* Шевыревъ далъ четыре стихотворенія: „Двѣ чаши", „Созданіе Красавицы", „Торжество любви" (Гимнъ Шиллера) и „Прекрасный цвѣтъ" („Пѣснь заключеннаго рыцаря").

---

lib.pushkinskijdom.ru

1828.

23.

ВЪ ЗРѢЛОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПРИХОДИТЪ ВРЕМЯ....

(Стр. 45 — 46).

Эта статья извѣстна въ черновомъ автографѣ, находящемся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина въ Парижѣ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XII, стр. 20, № 52). Изъ первоначальныхъ варіантовъ исправленныхъ Пушкинымъ строкъ должно перечислить слѣдующіе:

Стр. 45, строка 15: Въ *образовавшейся* (?) словесности...
» 45, » 15—17: ...наскуча однообразными произведеніями искуства *и* языкомъ условленнымъ избраннымъ...
» 45, » 22: ...дышатъ *площадной* веселостію...
» 45, » 24: ...исполнены *сильныхъ карт<инъ>*...
» 45, » 25—26: ...мыслей выраженныхъ *сильнымъ* языкомъ *добраго* простолюдина...
» 46, » 2: ...написать десятокъ ямбич<ескихъ> стиховъ *правильно сочетавъ*...
» 46, » 7— 9: Мы не только не *стараемся* приблизить *напыщенность поэзіи* къ благородной простотѣ *прозы* но и прозѣ стараемся придать *оную* —
» 46, » 14—16: *Слова* убійцы къ мѣсяцу единств<енному> свидѣтелю его злодѣяніи Гляди, гляди плѣшивый—*приняты въ ихъ буквальномъ значеніи*...
» 46, » 17: ...людямъ легкомысленнымъ не *въдающимъ*...
» 46, » 20: ...отъ *Шекспировыхъ* шутокъ —

lib.pushkinskijdom.ru

На страницѣ сорокъ шестой означенной статьи допущена неточность: фраза: „Мы не только еще не подумали“..., должна быть напечатана въ строкѣ шестой, вслѣдъ за словами: „не понимаемъ“, а стихъ: „Гляди, гляди плѣшивый“, занимаетъ особую строку.

Въ письмѣ Пушкина къ Н. Н. Раевскому (мартъ — апрѣль 1827 г.) впервые проскользнула мысль, развитая позднѣе въ статьѣ. Поэтъ разсказываетъ другу о сомнѣніяхъ, какія возникали у него при чтеніи періодическихъ изданій во время его ссылки: „Читая жаркіе споры о Романтизмѣ, я вообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ намъ наскучила правильность и совершенство классической древности и блѣдныя однообразныя списки ея подражателей, что утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой народной поэзіи. Мнѣ казалось однако довольно страннымъ, что младенческая наша словесность, ни въ какомъ родѣ не представляющая никакихъ образцевъ, уже успѣла немногими опытами притупить вкусъ читающей публики; но, думалъ я, французкая словесность, всѣмъ намъ съ младенчества и такъ коротко знакомая, вѣроятно причиною сего явленія“ (Переписка, т. II, стр. 21).

Въ своей статьѣ Пушкинъ отказывается отъ прежняго взгляда: онъ полагаетъ, что *исключительно* въ зрѣлой словесности можетъ совершиться переходъ отъ изысканности и нѣкоторой напыщенности къ простотѣ и естественности. Такъ было во Франціи, гдѣ Жанъ-Жозефъ Ваде (род. въ 1720 г., ум. въ 1757 г.), изучившій „площадной языкъ“ въ пригородахъ, въ харчевняхъ и въ кабакахъ, сталъ авторомъ простонародныхъ пѣсенъ и въ узкой области проявилъ талантъ, снискалъ извѣстность; такъ было въ Англіи, гдѣ появились оригинальные поэты „озерной школы“: Самуилъ Кольриджъ (род. въ 1772 г., ум. въ

lib.pushkinskijdom.ru

1834 г.), Робертъ Соути (род. въ 1774 г., ум. въ 1843 г.) и Вильямъ Вордсвортъ (род. въ 1770 г., ум. въ 1850 г.), и „увлекли за собою мнѣніе многихъ".

Произведенія Ваде и „лэкистовъ" знакомы русскимъ писателямъ: они нашлись въ пушкинской библіотекѣ (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. Спб. 1910 г., стр. 198, №№ 760—762; стр. 340, №№ 1398—1401; стр. 353—355, №№ 1455—1470), переводились на русскій языкъ и упоминались въ тогдашнихъ журналахъ. Большая статья объ „озерныхъ поэтахъ", заимствованная изъ „Путешествія" Амедея Пишо, помѣщена въ *Литературной Газетѣ* (1830 г., т. II, № 58, стр. 175—180; № 59, стр. 183—185). Здѣсь, между прочимъ, отмѣчена характерная особенность твореній Вордсворта, о которой говоритъ Пушкинъ: „Вордсвортъ самъ объявляетъ намъ, что онъ старался при сочиненіи балладъ своихъ выбирать событія и положенія изъ жизни простонародной, и разсказывать или описывать ихъ простодушно... Языкъ сельскихъ жителей (очищенный отъ излишней грубости) былъ также принятъ Поэтомъ"... (*Литературная Газета*, 1830 г., т. II, № 59, стр. 183).

Но русская „младенческая" словесность не можетъ сравняться со „зрѣлыми" литературами: нашъ поэтическій слогъ чуждъ простоты, наша проза страдаетъ напыщенностью. Наши читатели не поняли опытовъ Жуковскаго и Катенина: переводы идиллій Іоанна-Петра Гебеля (род. въ 1760 г., ум. въ 1826 г.) и баллада „Убійца" не встрѣтили сочувственнаго отклика. Между тѣмъ несомнѣнны достоинства стихотвореній Жуковскаго: „Овсяный кисель" (1816 г.), „Деревенскій сторожъ въ полночь" (1816 г.), „Тлѣнность" (1816 г.), „Утренняя звѣзда" (1818 г.) и „Лѣтній вечеръ" (1818 г.). Не лишена высокихъ качествъ и катенинская баллада, гдѣ убійца обращается къ мѣсяцу со слѣдующими словами:

lib.pushkinskijdom.ru

«Да полно что! гляди плѣшивой!
Не побоюсь тебя;
Ты видно съ роду молчаливой:
Такъ знай же про себя».

(*Сынъ Отечества*, 1815 г., ч. 22, № 23, стр. 145).

Это произведеніе, съ точки зрѣнія Пушкина, можетъ быть сопоставлено съ лучшими балладами выдающагося члена геттингенскаго кружка поэтовъ Готфрида-Августа Бюргера (род. въ 1747 г., ум. въ 1794 г.), автора популярной „Леноры“; но, къ сожалѣнію, самые трагическіе стихи въ „Убійцѣ“, напомнившіе Пушкину знаменитую пятую сцену перваго дѣйствія въ трагедіи „Гамлетъ“, показались только смѣшными суровому цѣнителю балладъ Н. И. Гнѣдичу) *Сынъ Отечества*, 1816 г., ч. 31, № 27, стр. 1—2) [1]).

1829.

24.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

(Стр. 46 — 52).

Эта статья, извѣстная въ черновомъ автографѣ, находящемся въ Майковской коллекціи (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 27, № 11), и въ бѣловой копіи, принадлежащей Пушкинскому Дому (*Временникъ Пушкин-*

1) Любопытно, что Катенинъ усмотрѣлъ въ пушкинской балладѣ „Женихъ“ (1825 г.) заимствованія изъ „Убійцы“. „Наташа Пушкина“, писалъ онъ Н. И. Бахтину: „очень дурна, вся сшита изъ лоскутьевъ, Свѣтлана и Убійца ограблены безсовѣстно, и во всемъ нѣтъ никакого смысла“ (Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. Спб. 1911 г., стр. 100—101: письмо отъ 28-го ноября 1827 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

скаго Дома, 1914 г., стр. 12, № 35), впервые помѣщена въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1830 г., стр. 228—241, и впослѣдствіи напечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 69—74, и въ „Изслѣдованіяхъ и статьяхъ“ М. И. Сухомлинова, т. II, стр. 251—256 (полный текстъ безъ сокращеній).

Автографъ представляетъ собою черновой набросокъ съ помѣткой: „27 марта 1829. Москва“. Копія, сдѣланная писцомъ, предназначалась сначала для *Невскаго Альманаха* Е. В. Аладьина и была представлена въ С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ, а затѣмъ въ Главное Управленіе Цензуры, такъ какъ П. И. Гаевскій затруднялся одобрить статью. Начавшееся 17-го сентября дѣло было окончено лишь 8-го октября и не въ пользу Пушкина на томъ основаніи, что въ статьѣ является дѣйствующимъ лицомъ цензоръ и говорится о рѣшеніи Главнаго Управленія Цензуры (Ср. *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889 г., т. II, стр. 251). Въ октябрѣ—ноябрѣ статья была переработана поэтомъ, который произвелъ въ ней исправленія и сокращенія: первыя — по соображеніямъ чисто литературнымъ, вторыя — по требованію цензурнаго вѣдомства. Въ переработанномъ видѣ статья была разсмотрѣна К. С. Сербиновичемъ и 26-го декабря разрѣшена къ помѣщенію ея въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* (*Временникъ Пушкинскаго Дома,* 1914 г., стр. 12, № 36).

Мы печатаемъ текстъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* и возстановляемъ не дозволенныя цензурою мѣста, заключая послѣднія въ прямыя скобки.

Автографъ и копія даютъ рядъ первоначальныхъ варіантовъ, изъ которыхъ главнѣйшіе приводятся нами, съ обозначеніемъ перваго буквою М., а второй — буквою П.

Стр. 47, строки 12—14: . . . сія заботливость о Руской литературѣ, *сіе снисхожденіе тро-*

lib.pushkinskijdom.ru

гательное къ *своимъ* сотрудникамъ *конечно похвальны и достойны всякаго одобренія*... (М).

Стр. 47, строки 12—13: ...сія *скромная* снисходительность къ *своимъ* сотрудникамъ... (П).

» 47, » 16: Его глубокія *познанія*... (М).

» 47, » 21—22: Онъ не ограничитъ своихъ *Историческихъ Изысканій*... (М).

» 47, » 25: ...оцѣнитъ *систему* его разысканій... (П).

» 47, » 28—29: ...то *школьный писокъ самонадѣяннаго шалуна*... (М).

» 47, » 31—32: ...забавляться, какъ *статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами* (П).

» 48, » 3: ...въ объявленіи о подпискѣ... (П).

» 49, » 6: ...онъ примется за дѣло не на шутку. *Осуждая Г-⟨н⟩а К⟨аченовск⟩аго, Г-нъ Пол⟨евой⟩ неумышленно его хвалитъ* (М).

» 49, » 15—16: ...*благоразумнаго* молчанія... (М).

» 49, » 17: ...всегда отвѣтствовали *Ему Г. К⟨аченовскому⟩, на разныя благонамѣренныя его выходки*... (М).

» 50, » 9: ...скоро все объяснилось. [*И многочисленные*] *приятели почитатели Г. К⟨аченовскаго⟩ успокоились; всѣ съ живымъ участіемъ устремили глаза на рыцаря покрытого сѣдиною, и съ негодов⟨аніемъ⟩ на пылкаго его противника*... (М).

» 50, » 21: ...ни о качествахъ его души;

lib.pushkinskijdom.ru

виновный предъ вкусомъ Г. Ик<олевой> былъ правъ передъ Закономъ (М).

Стр. 50, строки 24—25: Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца. *Предъ изображеніемъ Царя, онъ призвалъ на себя священное покровительство законовъ Имъ утвержденныхъ во благо Его подданныхъ...* (М).

» 50, » 25—26: ...и вопреки чувству *глубочайшаго* уваженія... (М).

» 51, » 1: ...*гдѣ столь-же остроумно какъ и* дерзновенно под<т>вердилъ... (М).

» 51, » 11: ...въ своихъ критическихъ *замѣчаніяхъ*... (М).

» 51, » 28: ...старца, *потерявшагося*... (М).

» 51, » 30—31: ...обратиться къ *Руской Азбукѣ, которую всю перемѣнилъ и перепуталъ* (М).

» » » » ...обратиться къ Рускому букварю и преобразовать оный *такъ, что* свѣдѣнія Міх<аила> Трофѳ<імови>ча въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію (П).

Въ статьѣ Пушкина изображенъ довольно любопытный эпизодъ изъ исторіи нашего цензурнаго вѣдомства. Дѣло было начато М. Т. Каченовскимъ, подавшимъ 18-го декабря 1828 г. жалобу на цензора С. Н. Глинку, который далъ разрѣшеніе на выпускъ двадцатой книжки *Московскаго Телеграфа*. Цензоръ, по мнѣнію Каченовскаго, „дѣйствовалъ по пристрастію“, такъ какъ не могъ не

lib.pushkinskijdom.ru

видѣть умысла Полевого оскорбить „личную честь“ профессора и косвенно задѣть то учрежденіе, гдѣ послѣдній служитъ. Въ особой бумагѣ, написанной въ отвѣтъ на требованіе Глинки указать предосудительныя мѣста въ статьѣ Полевого, Каченовскій приводитъ рядъ фразъ и выраженій, которыя онъ считаетъ „оскорбительными“, „непристойными“, клеветническими и „относящимися до его нравственности“.

Сѣтуя на то, что и въ другихъ номерахъ *Московскаго Телеграфа* было много недостойныхъ выступленій со стороны Полевого, Каченовскій ссылается на статьи закона, нарушенныя его недоброжелателями, и, „*жестоко обиженный* передъ публикою“, проситъ принять мѣры къ огражденію его отъ подобныхъ обидъ и къ удовлетворенію его ходатайства о строгомъ наказаніи виновныхъ.

Прошенія Каченовскаго были препровождены Глинкѣ, который составилъ объяснительную записку, гдѣ, въ необычной для чиновника формѣ, не какъ цензоръ, а какъ возмущенный литераторъ, доказывалъ неправоту своего обвинителя. Глинка полагалъ, что въ статьяхъ *Московскаго Телеграфа*, „не только нѣтъ никакой клеветы на образъ жизни“ Каченовскаго, „но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи“. Наоборотъ, самъ жалобщикъ допускалъ непозволительныя выходки противъ Карамзина и современныхъ ему литераторовъ.

„Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія“, съ паѳосомъ восклицаетъ Глинка: „Переведите, если только можно перевесть на какой-нибудь языкъ выписанныя мною выраженія г. издателя *Вѣстника Европы*, переведите ихъ на нарѣчія иностранныя, и что скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ сообра-

lib.pushkinskijdom.ru

женію мыслей съ ясностью и точностью словъ; что скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Такъ и я долженъ прибавить, что если бъ у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію.

„Наконецъ, долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служитъ, самъ на него доноситъ. Всѣмъ извѣстно, что г. издатель *Вѣстника Европы*, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ Московскимъ университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова. „Распорядитель, говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ".

„Ужели университетъ ограничивалъ его *обстоятельствами?* Ужели университетъ мѣшалъ ему *далѣе видѣть?* Ужели университетъ не давалъ ему *свободы соображать* и *рѣшительнѣе дѣйствовать?*".

Глинка негодовалъ на то, что онъ безъ суда два раза преданъ суду въ прошеніи Каченовскаго, и заявлялъ, что дѣйствія его, какъ цензора, вполнѣ согласованы съ законами.

Въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ одинъ В. В. Измайловъ поддержалъ Глинку; остальные члены, равно какъ и московскіе профессора, признали жалобу Каченовскаго основательной и просили у высшаго начальства „опредѣлительнаго предписанія—пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя, что̀ и для усовершенствованія литературы полезнѣе и съ цѣлію критики сообразнѣе".

При такихъ условіяхъ Измайлову оставалось только подать особое мнѣніе.

lib.pushkinskijdom.ru

По его глубокому убѣжденію, правительство „имѣло въ виду: черезъ законъ о цензурѣ удержать книгопечатаніе въ границахъ осторожности; но, согласно съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ порабощать свободу мыслей“. Мало того, „желая совѣтоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ говорить и говорить именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ, отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ всякаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ“.

„Теперь спрашиваю“, писалъ Измайловъ: „на что можетъ цензоръ сослаться или опереться въ уставѣ, намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другого, критику, хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4-й пунктъ 3-го параграфа, гдѣ запрещается оскорблять честь какого либо лица; но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника; и если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; этотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другого. Вотъ что вопреки уставу о цензурѣ

lib.pushkinskijdom.ru

воспослѣдовало бы изъ новой требуемой строгости; наконецъ, можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою именъ и своихъ титуловъ? и можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто"?

Вслѣдствіе разногласія, происшедшаго въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ, дѣло было переслано въ Петербургъ, гдѣ высшія власти сдѣлали слѣдующее постановленіе: „Главное Управленіе Цензуры, разсмотрѣвъ вышеупомянутую статью ‹Н. А. Полевого›, признало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу г. Каченовскій, относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, Управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ, Главное Управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія"... (*М. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. II, стр. 256 — 266).

Тяжба Каченовскаго съ цензурою стала извѣстна въ литературныхъ кругахъ, и, вскорѣ по окончаніи ея, въ *Сѣверной Пчелѣ* появилось характерное описаніе происшествія, случившагося въ Китаѣ. Рѣчь идетъ о Палатѣ церемоній Сѣверной столицы, гдѣ были разрѣшены сомнѣнія, возникшія въ Палатѣ стиховъ и прозы Южной столицы. Южные литераторы перессорились другъ съ другомъ. Журналистъ Чунъ-пхунъ-жуй-ча-юань-гунъ-ши-

lib.pushkinskijdom.ru

дзы напечаталъ про своего коллегу Гай-чанъ-тунъ-пхинъ-хой-бу-бо-ли, что послѣдній ничего не знаетъ, а обиженный журналистъ оказался мандариномъ третьей степени и, какъ таковой, долженъ все знать и имѣть неоспоримое право на довѣріе публики. При разборѣ возникшаго дѣла въ Палатѣ стиховъ и прозы, одинъ изъ засѣдателей лѣвой стороны замѣтилъ, что „можно быть набитымъ невѣждою, нося золотые шарики не только на верхушкѣ шляпы, но и на концѣ носа и на оконечностяхъ всѣхъ 20 пальцевъ“... Палата церемоній признала, что въ замѣчаніяхъ, относящихся единственно къ литературнымъ занятіямъ мандарина, нѣтъ ничего оскорбительнаго для его личной чести“ (*Сѣверная Пчела*, 1829 г., № 33. — *Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVI, № 5, стр. 103 — 108).

Китайскій анекдотъ, разсказанный въ булгаринскомъ органѣ, а также толки о дѣйствіяхъ Каченовскаго въ московскихъ журнальныхъ сферахъ заинтересовали Пушкина, не долюбливавшаго редактора *Вѣстника Европы*. Поэтъ сталъ собирать матеріалы, на основаніи которыхъ можно было бы документально изучить дѣло. Все, что̀ ему удалось получить, перечислено въ его черновомъ автографѣ, подъ заглавіемъ „Pièces justificatives“: „1) Объявленіе на подписку В‹ѣстника› Е‹вропы›. 2) Замѣчанія Телегр‹афа›. Примѣч‹аніе› *Р‹е›д‹а›к‹тора›*. 3) Голосъ Измайл‹ова›. 4) Рѣчь Глинки. 5) Вторая статья Полевого. 6) Письмо Г‹линки› къ Бл‹удову›. 7) Письмо Блудова“.

Подготовляя статью для петербургскаго альманаха, Пушкинъ пожелалъ отмѣтить поступокъ Каченовскаго и въ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, написалъ злую эпиграмму и направилъ ее Н. А. Полевому, который съ большой готовностію напечаталъ ее въ своемъ журналѣ. Эта общеизвѣстная эпиграмма на-

lib.pushkinskijdom.ru

чинается словами, заимствованными изъ прошенія Каченовскаго:

Журналами *обиженный жестоко*,
Зоилъ Пахомъ печалился глубоко;
На Цензора вотъ подалъ онъ доносъ;
Но Цензоръ правъ, намъ смѣхъ, Зоилу носъ.
Иная брань, конечно, неприличность,
Не льзя писать: *Такой-то-де старикъ*
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ,
И золъ и подлъ: все это будетъ личность.
Но можете печатать, напримѣръ,
Что *Господинъ Парнасскій старовѣръ*
(Въ своихъ статьяхъ) безсмыслицы ораторъ,
Отмѣнно вялъ, отмѣнно скучноватъ,
Тяжеловатъ, и даже глуповатъ;
Тутъ не лицо, а только литераторъ.

(*Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVI, № 7, стр. 257).

Выступленіе Пушкина было чрезвычайно непріятно для Каченовскаго, который, не желая признать себя задѣтымъ въ эпиграммѣ, поручилъ Надеждину отвѣтить лишь на статью, помѣщенную въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*.

Въ рецензіи на дельвиговскій альманахъ осуждены полемическіе пріемы великаго поэта: „Pendant къ *Обозрѣнію О. М. Сомова* составляетъ *Отрывокъ изъ Литературныхъ Лѣтописей* — кого бы вы думали — *А. С. Пушкина!!* Чудная судьба великихъ геніевъ!.. Послѣ неудачнаго боя при *Полтавѣ*, *А. С. Пушкинъ*, отстрѣливаясь каррикатурами и епиграммами, отретировался мужественно съ поля литературнаго и принялся — за грифель лѣтописца! Видимъ *Наполеона* — на *островѣ С. Елены* предпріемлющаго писать Исторію, распростившись съ возможностью дѣйствовать для Исторіи... Зрѣлище по

lib.pushkinskijdom.ru

истинѣ умилительное!.. Жаль только, что нашъ развѣнчанный герой еще не довольно навыкъ въ новомъ дѣлѣ. Онъ не умѣетъ смотрѣть на описываемыя имъ событія съ тѣмъ безпристрастіемъ и самоотверженіемъ, которыя требуются отъ Историка; и посему не удивительно, что ему все еще видятся всюду—пьяные семинаристы!.." (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., ч. 170, № 2, стр. 164—165).

Раздраженіе Каченовскаго было вполнѣ естественно, такъ какъ петербургскіе враги профессора ликовали. Пересылая Пушкину его статью изъ редакціи *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, О. М. Сомовъ шутливо писалъ: „Здѣ же обрящеши и комедію отъ сложенія твоего: О Міхаилѣ Трандафилѣ (Каченовскомъ), о Николаи, рекомомъ Полевый, о Сергіи Скудельничи (Глинкѣ) и о прочихъ; въ ней же первая персона Франталпе́й[1]), сирѣчь Михаи́лъ Трандафилосъ[2]), иже тобою заушенный, злѣ пострада" (Переписка, т. II, стр. 102)[3]).

Иное отношеніе къ „Отрывку изъ литературныхъ лѣтописей" выказали московскіе журналисты. Они раздѣлились на два лагеря, при чемъ даже лица, сочувствующія поэту, не вполнѣ одобряли его поведеніе.

Н. А. Полевой, конечно, привѣтствовалъ выступленіе Пушкина противъ Каченовскаго. „А. С. Пушкинъ", сказано въ *Московскомъ Телеграфѣ*: „подарилъ Сѣверные Цвѣты прелестною шуткою: онъ описалъ забавную литтературную распрю Вѣстника Европы съ Г-мъ Бенигною, бывшую въ концѣ 1828-го года. Жаль, что статья Пушкина напеча-

---

1) Подражаніе заглавію піесы Петровскаго времени: „О Франталпеѣ, Королѣ Эпирскомъ" и пр. (*Русская Талія* на 1825 г., стр. 11).

2) См. примѣчанія къ слѣдующей статьѣ: [Литературное общество].

3) Ср. *Сѣверную Пчелу*, 1830 г., № 5: „*Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей*, соч. А. Пушкина: это полемическая статья о бывшей распрѣ съ Вѣстн‹икомъ› Европы въ М‹осковскомъ› Телеграфѣ. Остроумна ● забавна".

lib.pushkinskijdom.ru

тана съ большими выпусками. Ее можно бы дополнить статьею о распрѣ Китайскихъ Журналистовъ, описанною въ Сѣверной Пчелѣ 1829 г. (№ 33-й) и въ Телеграфѣ прошлаго года (№ 5, стр. 103). Рады, что шутливый Бенигна доставилъ А. С. Пушкину случай написать столь милую шутку, и, можетъ быть, вскорѣ Бенигна доставитъ ему новый случай къ такой-же статейкѣ, гдѣ вмѣсто Вѣстника Европы второе лицо составятъ совсѣмъ другія, и, можетъ быть, болѣе значительныя, *знаменитыя* въ Литературѣ лица. Будетъ-ли только Поэтъ такъ-же безпристрастенъ тогда, какъ теперь?“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXI, № 1, стр. 82).

Мнѣніе Полевого не было, однако, господствующимъ въ Первопрестольной: многіе москвичи придерживались другихъ воззрѣній.

Правда, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* было выражено сожалѣніе, что Пушкинъ „употребилъ“ только „пять минутъ на занятіе Лѣтописями“, но зато въ дневникѣ М. П. Погодина находятся такія любопытныя строки: „Непріятна брань Пушкина на Каченовскаго словами Полевого. Вѣдь это вѣсъ невѣждѣ въ глазахъ публики“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 3, стр. 297. — *Пушкинъ и его современники*, выпуски XXIII—XXIV, стр. 103).

„Литературная лѣтопись“ Пушкина не понравилась и С. Е. Раичу, который далъ о ней въ *Галатеѣ* неодобрительный отзывъ: „Статья эта начинается слѣдующимъ образомъ: „Распря между двумя извѣстными Журналистами надѣлала шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло sine ira et studio“. Мы съ своей стороны *постараемся изложить исторически* причины, sine ira et studio, побудившія *знаменитаго* нашего поэта написать *незнаменитую* статью для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*. Въ Вѣстникѣ Европы помѣщенъ былъ разборъ *Полтавы*, который имѣлъ несчастіе не понравиться А. С. Пушкину. Вотъ сочинитель

lib.pushkinskijdom.ru

Полтавы, оставивъ на время поэтическія занятія, принялся за (какъ говоритъ Вольтеръ) vile prose, втиснулъ ее въ *Сѣверные Цвѣты*, только не sine ira et studio относительно издателя *Вѣстника Европы*" (*Галатея*, 1830 г., ч. XII, № 8, стр. 82).

— *(Стр. 46, строка 20)*. „Tantae ne animis caelestibus irae" — одиннадцатый стихъ первой книги „Энеиды" Виргилія. Этотъ стихъ, измѣненный Пушкинымъ и напечатанный съ ошибкой въ нѣкоторыхъ экземплярахъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, вызвалъ замѣчанія со стороны *Вѣстника Европы*. Н. И. Надеждинъ, укрывшійся за буквами N. N., со свойственной ему ироніей писалъ: „Насъ удивилъ еще епиграфъ, избранный новымъ лѣтописцемъ, который гласитъ такъ: *Tantaet ne animis scholasticis irae!* Надобно либо знать языкъ, изъ котораго заимствуется епиграфъ, либо скопировывать буквы вѣрнѣе. *Tantaet* — нѣтъ слова у Латинянъ; а *tantae!*... Гдѣ жъ былъ вѣрный глазъ *О. М. Сомова*, любящаго держать строгую корректуру?.. То-то и есть-то! Чѣмъ бранить ни за что ни про что *семинаристовъ* — не лучше ли бъ было Лѣтописцу и Издателямъ посовѣтоваться съ ними и поучиться у нихъ хорошенько! Вѣдь безграмотность—худой патентъ на громкое имя!" (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., ч. 170, № 2, стр. 165—166).

— *(Стр. 47, строки 1—11)*. Цитируемыя Пушкинымъ строки заимствованы изъ объявленія: „О подпискѣ на *Вѣстникъ Европы*", помѣщеннаго въ *Вѣстникѣ Европы*, 1828 г., чч. 162 — 163, № 18, стр. 156 — 159; № 23, стр. 235 — 239. — Тѣ же выдержки изъ объявленія находятся и въ статьѣ О. М. Сомова, напечатанной въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1830 г., стр. 32 — 33.

— *(Стр. 47, строки 22 — 24)*. Подъ замѣчаніями о заглавномъ листѣ „Исторіи Государства Россійскаго" разумѣются статьи: „Отъ Кіевскаго жителя къ его другу",

lib.pushkinskijdom.ru

подписанныя буквою *Ф.*, но принадлежащія Каченовскому (*Вѣстникъ Европы*, 1819 г., чч. 102 — 103, №№ 2—6). Здѣсь—критика двухъ французскихъ переводовъ „Предисловія“ Карамзина, изъ которыхъ первый, петербургскій, исполненъ Жофре и Тома, а второй, парижскій, — Фюрси, Лесне и Жюльеномъ. — Разсужденіе о куньихъ мордкахъ — другая статья Каченовскаго: „О бѣльихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1828 г., ч. 161, № 13, стр. 17—48).

— *(Стр. 47, строки 28 — 29).* Старый педантъ — Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій; пьяный семинаристъ— Николай Ивановичъ Надеждинъ. Въ видѣ семинариста представленъ Надеждинъ и въ эпиграммѣ: „Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ“...

. . . . . .

За симъ принесъ *семинаристъ*
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу въ слухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ.

(*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., стр. 50).

— *(Стр. 48, строки 6 — 8).* Статья Н. А. Полевого носитъ названіе: „Новости и перемѣны въ русской журналистикѣ на 1829 годъ“. Авторъ, скрывшійся подъ псевдонимомъ: „И. Бенигна“, между прочимъ, пишетъ: „Извѣстно, что съ давняго времени Вѣстникъ Европы упадалъ, валился, и—нынѣшній годъ въ куньихъ мордкахъ и ученическихъ изслѣдованіяхъ объ Исторіи Русской, всѣ думали слышать послѣдній вздохъ Вѣстника Европы.

lib.pushkinskijdom.ru

Съ давняго времени не являлось въ немъ ни выходокъ на Романтизмъ, Философію и поэмы Пушкина, ни возгласовъ о быломъ, съ Латинскими цитатами, и съ тѣхъ поръ, какъ всеобщій смѣхъ не далъ Вѣстнику Европы докончить критикъ на Черную шаль и Полярную Звѣзду, онъ замолкъ, довольствуясь литтературными камешками, изъ-за угла кидаемыми" (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., ч. XXIII, № 20, стр. 490).

— *(Стр. 48, строки 33—34).* Полевой имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ объявленіи Каченовскаго „О подпискѣ на Вѣстникъ Европы": „Законы Словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики. Надобно, чтобы голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кимвала бряцающаго и мѣди звѣнящей" (*Вѣстникъ Европы*, 1828 г., № 18, стр. 156).

— *(Стр. 49, строки 8 — 9).* Стихотвореніе Пушкина: „Гляжу я безмолвно на черную шаль", переложено на музыку А. Н. Верстовскимъ. Объ этой „кантатѣ" въ журналѣ Каченовскаго данъ отзывъ, благопріятный для композитора и непріятный для поэта: „Въ пѣснѣ г-на Пушкина представляется намъ *какой-то* Молдаванинъ, убившій *какую-то* любимую имъ красавицу, которую соблазнилъ какой-то Арменинъ. Достойно ли ето того, чтобы искусный композитеръ (sic) изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобы для пѣсни тратилъ сокровища музыки? Не значитъ-ли ето воздвигнуть огромный пьедесталъ для маленькой красивой куклы, хотя бы она сдѣлана была на Севрской фабрикѣ?.. Гдѣ жъ однако же тѣ качества, которыя, по словамъ Горація, составляютъ Поета? гдѣ mens divinior? гдѣ os magna sonaturum? Малыя дѣти, забавляясь куклами, остаются довольны блестящею наружностію своихъ игрушекъ, не заботясь о прочемъ, не спрашивая, кого онѣ представляютъ, на кого походятъ, имѣютъ ли

lib.pushkinskijdom.ru

приличную выразительность, соблюдена ли соразмѣрность въ ихъ формахъ. И мы такія же дѣти, если ослѣпляемся блескомъ наружности, если остановившись надъ тѣмъ, что̀ называется *у насъ* хорошій слогъ, считаемъ уже за лишнее повѣрить все прочее на вѣсахъ здраваго вкуса и ученой критики, если наконецъ красивой бездѣлкѣ приписываемъ достоинство, ей не принадлежащее“ (*Вѣстникъ Европы*, ч. 133, № 1, стр. 70—72).

—*(Стр. 49, строка 10).* „Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Ліонѣ“,—сочиненіе Н. Ж. Леонара (род. въ 1744 г., ум. въ 1793 г.). Первое изданіе этого романа, переведеннаго на русскій языкъ Каченовскимъ и напечатаннаго въ московской университетской типографіи, вышло въ 1804 г., второе—въ 1816 г.—Лирика Леонара была источникомъ, изъ котораго юный Пушкинъ черпалъ мотивы для своихъ пьесъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXVIII, стр. 73—76).

—*(Стр. 49, строки 18—31).* Приведенная Пушкинымъ цитата взята изъ примѣчанія Каченовскаго къ статьѣ Никодима Надоумка (Н. И. Надеждина): „Отклики съ Патріаршихъ прудовъ“ (*Вѣстникъ Европы*, ч. 163, № 24, стр. 304).

—*(Стр. 50, строка 34—стр. 51, строка 25).* „Вся литературная жизнь“ Каченовскаго „разобрана по годамъ“ въ статьѣ Бенигны (Н. А. Полевого): „Литературныя опасенія кое за что“. Статья изложена въ діалогической формѣ. Бенигна доказываетъ своему гостю Желтяку (Н. И. Надеждину), что труды Каченовскаго не имѣютъ цѣнности. „Теперь скажите“, обращается Бенигна къ собесѣднику: „не уже-ли литературное достоинство всѣхъ исчисленныхъ вами, сперва въ В⟨ѣстникѣ⟩ Е⟨вропы⟩, а потомъ отдѣльно напечатанныхъ сочиненій велико въ вашемъ мнѣніи? Не уже-ли переводъ въ плохую прозу сказочекъ Жанлисъ, поэмъ Байрона съ Французской прозы, одной поэмы В⟨альтера⟩ Скотта, съ Польской

lib.pushkinskijdom.ru

прозы, и маленькой комедійки Коцебу суть заслуги, дающія права огромныя, и не правду-ли сказалъ я, что *ни одной книги, достойной вниманія,* въ теченіе 25 лѣтъ, не издано Издателемъ В‹ѣстника› Е‹вропы›?“ — Но особенно неприглядным кажется Бенигнѣ поведеніе Каченовскаго, допустившаго некорректныя выходки противъ Н. А. Полевого. „Въ 1825 году, когда явился Телеграфъ“, съ негодованіемъ говоритъ Бенигна: „Издатель Вѣстника Европы не постыдился вмѣстить въ свой журналъ, что Телеграфъ *построенъ надъ кабакомъ* (1825 г., № 21, стр. 74), и что Издатель Телеграфа *литераторъ водочнаго завода Москвы бѣлокаменной* (1825 г., № 10, стр. 152). Все это отъ того, что Издатель Телеграфа имѣетъ въ Москвѣ водочный заводъ. Издатель Вѣстника Европы не постыдился даже напечатать въ своемъ журналѣ, что кто хочетъ, чтобы Издатель Телеграфа былъ благосклоненъ къ нему, тотъ долженъ покупать у Издателя Телеграфа водку (1825 г., № 13, стр. 70 — 74); увѣрялъ, что Издатель Телеграфа потому ничего не пишетъ о Батюшковѣ, что на имя его не льзя теперь сдѣлать литературной спекуляціи (1825 г., № 6, стр. 121). Издатель Телеграфа заплатилъ за все это презрѣніемъ; но тѣмъ не менѣе такія выходки суть личности, и унижаютъ г-на Издателя Вѣстника Европы: это я скажу ему въ глаза, и заочно, печатно, письменно, гдѣ и какъ угодно“! (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., № 23, стр. 358).

Возмутившія Бенигну личности, которыя позволялъ себѣ Каченовскій, не были въ то время единичнымъ явленіемъ. Въ статьѣ князя П. А. Вяземскаго: „Письмо въ Парижъ“, напечатанной еще въ 1825-мъ году, данъ рѣзкій отпоръ всѣмъ журналистамъ, осмѣивавшимъ Н. А. Полевого за его принадлежность къ низкому сословію. Князь смѣло протестуетъ противъ безтактности писателей, охваченныхъ полемическимъ задоромъ и пред-

lib.pushkinskijdom.ru

принимавшихъ „союзные походы на *Телеграфъ*“: „...Крестовые рыцари упрекаютъ Издателя въ томъ, что онъ изъ купеческаго сословія. Да кто же, спросите вы, сіи феодальные Бароны, повитые на пергаменѣ и вскормленные на щитѣ, которые не иначе хвалятъ книгу, какъ удостовѣрившись, что она писана дворянскою рукою? Умора! Да хотя и въ самомъ дѣлѣ происхожденіе ихъ было-бы древнѣе самого Рима, то какъ не знать въ наше время, что одно изъ главнѣйшихъ правъ Издателя Телеграфа на вниманіе и благосклонность просвѣщенныхъ соотечественниковъ есть именно то, что онъ въ лицѣ своемъ служитъ доказательствомъ распространенія образованности, которая долго замыкалась у насъ въ одномъ высшемъ званіи, доказательствомъ, что мудрая попечительность Русскаго Правительства недаромъ поощряетъ развитіе просвѣщенія и открыла средства къ образованію своихъ гражданъ. Чего ожидать отъ писателей, которые въ литературныхъ прѣніяхъ употребляютъ подобныя орудія личности и не стыдятся въ 19-мъ вѣкѣ обнаруживать такія мнѣнія? Но какъ и не пожалѣть о состояніи текущей Литературы, которая вертится на подобныхъ пружинахъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. VI, № 22, стр. 178—179).

Напоминая забытыя слова князя Вяземскаго о непристойномъ поведеніи „феодальныхъ Бароновъ“, Пушкинъ на дѣлѣ доказалъ, что „повторять полезныя истины“ не худо. „Неприличность аристократическихъ выходокъ“ Каченовскаго была признана даже недоброжелателями Полевого. Въ распрѣ двухъ журналистовъ М. П. Погодинъ невольно сталъ на сторону издателя *Московскаго Телеграфа* и открыто высказалъ свое глубокое убѣжденіе, что „оскорбленія никогда не проходятъ даромъ“. „Какъ звонко отозвались нѣкоторымъ несносныя насмѣшки надъ купеческимъ званіемъ, столь же почтеннымъ и нужнымъ въ

lib.pushkinskijdom.ru

Государствѣ, какъ дворянское и крестьянское, и надъ винокуренными заводами, хотя они, по замѣчанію Пушкина, и составляютъ пятно ужасное, какъ извѣстно всему нашему Дворянству“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 3, стр. 320).

—*(Стр. 51, строки 28—31)*. Преобразованіе русскаго букваря, совершенное Каченовскимъ, выразилось въ оригинальномъ правописаніи *Вѣстника Европы*, гдѣ редакторъ „пустилъ... на раздолье буквы Θ, V“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., стр. 33), изъ которыхъ послѣдняя, давно вышедшая изъ употребленія, по словамъ Пушкина, была опрыскана живой водою.

— *(Стр. 51, строки 31 — 33)*. Въ статьѣ: „Новости и перемѣны въ русской журналистикѣ на 1829 годъ“, Н. А. Полевой пишетъ: „Самъ издатель *Вѣстника Европы* знаетъ по Гречески очень плохо: на это есть вѣрныя доказательства“ (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., ч. XXIII, № 20, стр. 493).

25.

[ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО].

(Стр. 52 — 53).

Эта статья извѣстна въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 18 — 19, и впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 348 — 349. Въ автографѣ есть рядъ зачеркнутыхъ словъ и выраженій, изъ которыхъ нѣкоторыя должны быть отмѣчены.

Стр. 52, строки 7—8: . . . рѣшились *издавать въ слѣдующимъ (sic) 1830 году критической и философической журналъ подъ названіемъ Азіатскаго рака.*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 52, строки 9—10: . . . для удержанія *дерзкихъ* насмѣшниковъ *и отступниковъ отъ класицизма* въ границахъ *почтенія* и благопристойности.

» 52, » 13—14: *Многія* сосѣдніе дамы. . . .

» 52, » 15—16: . . . Г-нъ Трандафырь *почтенный* переводчикъ однаго *польскаго* романа—

» 52, » 18—19: . . . молодой *лакей*. . .

» » » » . . . *скромный слуга*. . .

» 52, » 26: . . . *краснорѣчиво* изобразилъ. . .

» 53, » 1: . . . сказалъ онъ—*отдыхая на будущихъ лаврахъ*. . . .

» 53, » 4—5: . . . —труды безсмертные! но *конечно совер‹шенно›* недостаточные. .

» 53, » 12: . . . *стишенки* молодыхъ семинаристовъ. . . .

» 53, » 14: . . . описаніе *дѣтства*. . .

» 53, » 15—16: . . . *маленькія* проказы. . .

На страницѣ 52-ой, въ строкѣ 22-ой, слово: Срамцова, подверглось измѣненіямъ со стороны поэта и можетъ быть прочитано: Старцова.

Статья Пушкина направлена противъ М. Т. Каченовскаго (Трандафыря) и Н. И. Надеждина (Невѣждина), которые изображены въ видѣ ретроградовъ, образовавшихъ общество и создавшихъ особое періодическое изданіе для противодѣйствія всякимъ новымъ теченіямъ въ области литературы и журналистики.

Трандафырь или Трандафыринъ — искаженное Трандафель. Это прозвище Каченовскаго встрѣчается въ *Сынѣ Отечества*, въ *Московскомъ Телеграфѣ* и въ *Сѣверной Пчелѣ*. „Если бы Издатель *Вѣстника Европы*,“ читаемъ въ булгаринской газетѣ: „написалъ что либо такое, что бъ удо-

lib.pushkinskijdom.ru

стоилось перевода, то и его имя написано было бы по-Французски Michel, а не Michaïl. По счастію г. Каченовскій не подвергается этому, ибо онъ ничего не пишетъ, кромѣ браней, которыя переводятся *молью*, а не иноземными литераторами. Да впрочемъ какая нужда до именъ! Если бъ, напримѣръ, и покойный Нѣжинскій Грекъ, Трандафель, написавшій ученую диссертацію о торговлѣ порохомъ, и выдавшій за свои сочиненія выписки изъ Польскихъ Писателей, Линде, Бандтке и другихъ, взялся за изданіе Вѣстника Европы, и если бъ этотъ Журналъ былъ столь хорошъ, какъ онъ нынѣ дуренъ, то мы были бы благодарны г. Трандафелю болѣе, нежели знаменитому Г. Михаилу Трофимовичу Каченовскому, который наполняетъ Журналъ бранью и переводами съ Польскаго языка статей, увидѣвшихъ свѣтъ и умершихъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ. Бѣдный Вѣстникъ Европы! Что онъ былъ, когда его издавали Карамзинъ и Жуковскій — и что онъ нынѣ? Sic transit gloria mundi!“ (*Сѣверная Пчела*, 1829 г., № 140. — Ср. *Сынъ Отечества*, 1829 г., ч. 125, № 19, стр. 320. — *Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVIII, № 14, стр. 258).

Никодимъ Невѣждинъ — прозвище, первая часть котораго взята изъ псевдонима „Никодимъ Надоумко“, а вторая — представляетъ собой передѣлку фамиліи Надеждина, названнаго лакеемъ, какъ и въ эпиграммѣ: „Надѣясь на мое презрѣнье“..., которая оканчивается стихами:

Лакей сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ бариномъ расчетъ.

Г. Х., бывшій корректоръ, въ домѣ котораго устроили засѣданіе общества Трандафырь и Невѣждинъ, — хорошо знакомый читателямъ *Вѣстника Европы* Пахомъ Силичъ Правдивинъ, главное дѣйствующее лицо въ надеждинскихъ статьяхъ. О немъ есть упоминаніе въ концѣ

lib.pushkinskijdom.ru

пятой главы „Путешествія въ Арзрумъ“, гдѣ рѣчь идетъ о русскихъ журналахъ, прочитанныхъ Пушкинымъ во Владикавказѣ: „Первая статья, мнѣ попавшаяся, была разборъ одного изъ моихъ сочиненій. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи... Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и *корректоромъ типографіи*, Здравомысломъ этой маленькой комедіи“.

— *(Стр. 52, строки 6—7)*. См. примѣчанія къ стр. 47, стрк. 1—11, и къ стр. 48, стрк. 33—34.

— (*Стр. 52, строки 8—9*). Кургановъ, Николай Гавриловичъ (род. въ 1725 г., ум. въ 1796 г.) — профессоръ высшей математики и навигаціи, авторъ „Письмовника“, о которомъ Пушкинъ въ „Исторіи села Горюхина“ отозвался съ излишней насмѣшливостью (Ср. *А. И. Кирпичниковъ*. Очерки по исторіи новой русской литературы. Спб. 1896 г., стр. 40—41, 71). Въ стихотвореніи „Литературное извѣстіе“ (1829 г.) поэтъ пишетъ:

Кургановъ самъ надъ критикой хлопочетъ;
Блеснуть умомъ Письмовникъ снова хочетъ.

— (*Стр. 52, строка 16)*. См. примѣчанія къ стр. 49, стрк. 10.

— (*Стр. 53, строка 2*). Ширяевъ, Александръ Сергѣевичъ, — извѣстный книгопродавецъ.

— (*Стр. 53, строка 8*). Мысль назвать отсталое періодическое изданіе ракомъ впервые высказана въ „Письмѣ изъ Парижа“ Я. Н. Толстого: „Благодарю васъ за гостинецъ Россійскаго издѣлія: за кипу Московскихъ и Петербургскихъ Журналовъ... хотя, между прочими, и *Пчелу* вижу въ собраніи вашемъ, но признаюсь, не ее, а развѣ *рака* избралъ бы я эмблемою просвѣщенія нашего въ Журналахъ“ *(Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. V, № 19,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 260—261). — Слова Толстого показались Ѳ. В. Булгарину заслуживающими достойнаго отвѣта, и въ *Сѣверной Пчелѣ* была напечатана статья „Созвѣздіе Рака“, гдѣ приведены неудачныя мѣста изъ французскихъ переводовъ, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, въ подтвержденіе того, что ракъ долженъ быть „девизомъ“ исключительно Н. А. Полевого, за котораго вступился Толстой, защищавшій его отъ нападокъ разныхъ журналистовъ (*Сѣверная Пчела*, 1825 г., № 132). — Выходка Булгарина не прошла незамѣченной. Воспользовавшись тѣмъ, что его статья была украшена изображеніемъ рака, П. А. Вяземскій въ „Письмѣ въ Парижъ“ рѣзко вышутилъ Ѳаддея Венедиктовича. „Я было и забылъ вамъ сказать“, писалъ князь Толстому: „что вы не даромъ избрали рака въ эмблеммы нашихъ періодическихъ листовъ: одинъ изъ нихъ поспѣшилъ ее присвоить себѣ и вышелъ въ свѣтъ подъ этимъ знаменіемъ. Видно не на шутку Издатель объявляетъ себя великимъ Магистромъ сего ордена и для образца выпустилъ одинъ дипломъ за своимъ рукоприкладствомъ и аллегорическимъ изображеніемъ по примѣру Французскихъ книгъ, которыя теперь печатаются не иначе, какъ съ fac simile и портретомъ Автора. Духъ подражанія у насъ вездѣ изобличается“ (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. VI, № 22, стр. 184).

26.

[РОМЕО И ДЖЮЛЬЕТА, ШЕКСПИРА].

(Стр. 53 — 54).

Эта замѣтка сохранилась въ черновомъ автографѣ, входящемъ въ составъ Майковскаго собранія (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 26, № 10), и помѣщена

lib.pushkinskijdom.ru

впервые въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1830 г., стр. 108—110. Перепечатывая замѣтку въ своемъ изданіи, П. В. Анненковъ сдѣлалъ слѣдующее указаніе: „Отрывокъ этотъ сопровождался въ альманахѣ припиской на концѣ: „Извлечено изъ рукописнаго сочиненія А. С. Пушкина". *Этого рукописнаго сочиненія, однако, нѣтъ въ бумагахъ поэта*, и мы принуждены ограничиться сбереженіемъ только самого отрывка, единственнаго его остатка" (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 169). Черновой автографъ заключаетъ въ себѣ лишь два-три незначительныхъ варіанта.

Увлеченіе Пушкина Шекспиромъ, начавшееся еще въ Михайловскомъ, не ослабѣвало, а скорѣе усиливалось съ теченіемъ времени. Герои шекспировскихъ драмъ живо интересовали поэта и были для него предметомъ тщательнаго изученія. „Lisez Sch‹akespeare› [c'est mon refrain]", писалъ Пушкинъ Н. Н. Раевскому ранней осенью 1825 г.: „il ne craint jamais de compromettre son personnage, il le fait parler avec tout l'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le language de son caractère" (Переписка, т. I, стр. 249).

Знаніе англійскаго языка давало Пушкину возможность всесторонне ознакомиться съ твореніями великаго драматурга и вполнѣ понять ихъ красоты. „Въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился Англійскому языку", сообщаетъ *Московскій Телеграфъ:* „кто повѣритъ тому? —въ четыре мѣсяца! Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ, и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-Англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ" (*Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVII, № 11, стр. 390) [1]).

---

1) Пушкинъ началъ изученіе англійскаго языка въ 1820 г. на Кавказѣ, подъ руководствомъ сестеръ Раевскихъ, но усовершенствовался въ этомъ языкѣ значительно позже, въ Петербургѣ (*П. Анненковъ.* А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПб. 1874 г., стр. 151.—*Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 330).

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 53, строка 27).* Выраженіе: „исполненный concetti“, напоминаетъ оборотъ А. В. Арно: „chargé de concetti“ (*A. V. Arnault.* Oeuvres. Paris, 1825, t. IV, p. 423. — *Пушкинъ и его современники*, т. XXVIII, стр. 85).

1829—1830.

27.

[АЛЬМАНАШНИКЪ]

(Стр. 54—59).

Эта статья находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 35—39, и напечатана впервые въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 111—115. — Поправки и дополненія даны В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 353—355. Автографъ содержитъ значительное число зачеркнутыхъ словъ и предложеній. Вотъ наиболѣе важные первоначальные варіанты:

Стр. 54, строки 6—7: ... *канцелярійскимъ* начальникамъ...
» 54, » 8: ... задолжалъ, *не знаю какъ мнѣ воротиться домой* —
» 54, » 27 —
» 55, » 4: Руссо вѣроятно ни къ чему другому не былъ способенъ. *Ему не обѣщали Вице-губернаторства* — Да къ тому-же онъ *что-нибудь да зналъ*, а я учился въ *Харьковскомъ* университетѣ —
» 55, » 4: ... *издавай* журналъ —
» 55, » 7: ... нынче ихъ не *подденешь съ тѣхъ поръ какъ Олинъ не додалъ*...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 55, строка 7: ... *съ тѣхъ поръ какъ Олинъ* ихъ отучилъ...

» 55, » 8—9: ... деньги *наши* возьметъ, а журнала не даст‹ъ.› *Ох‹отa› предвидитъ себѣ судъ* изъ 35 рублей. *Къ тому-же я честный человѣкъ, и плутовать публично не намѣренъ.*

» 55, » 10—11: Ну такъ пиши *романъ* — *Романъ?* Господи Боже мой!...

» 55, » 12: ... въ четыре мѣсяца *отдерну* 4 тома...

» 55, » 14: *Ну такъ* издай Альманахъ.

» 55, » 19: Да я ни съ кѣмъ изъ *нихъ* не знакомъ.

» 55, » 22: ....впервые *являешься* на поприще славы...

» 56, » 1: Стихотвор‹ецъ›, *стуча косточками.*

» 56, » 5—6: Это кто? *Слуга входитъ.*

» 56, » 6—7: *Алексѣй Андреевичъ*, я давно желалъ имѣть щастіе представиться *тому, чья слава...*

» 56, » 14: ... сдѣлайте милость... *чортъ бы его взялъ.*

» 56, » 18: ... Какое пещастіе. *Проклятый Альманашникъ* — —

» 56, » 21: ... *Какое* нещастіе... *Несносный Альманашникъ.*

» 56, » 24: ... я надѣюсь что вы *не откажетесь...*

» 56, » 25: *Пять рукъ* проходитъ!

» 56, » 30: *Такъ:* сто рублей à prendre...

» 57, » 7—8: *Сдѣлайте милость.* Позвольте надѣяться...

» 57, » 13—14: ... *Вотъ* ремесло!

» 57, » 16: Мое, хуже. *Что еще выдумалъ!*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 57, строка 25: Гей *мальчикъ* водки.
» 57, » 27 —
» 58, » 1: *Я* съ моей стороны даю 34 *пьесы,* подъ *иными* подпишу *Пуш<кинъ>* подъ другими *Дельвигъ и подъ*[1])... к<нязь> П. В<яземскій> остальныя пущу безъ *имени*...
» 58, » 4: ... обруганы наши знаменитые *друзья* наши Аристократы...
» 58, » 9—10: ... которые съ нами не *знакомы*.....
» 58, » 12: ... ругаемъ ихъ *непрестанно*...
» 58, » 23: ... я великой *франтъ*...
» 58, » 30—31: ...подбираетъ *куски* и подаетъ.
» 59, » 6: ... онъ *сей часъ легъ почивать.*
» 59, » 7: Какъ *въ 8 часо<въ> утра* —
» 59, » 8: Онъ *сей часъ* съ бала —
» 59, » 10: *Да какъ случится, около 5-таго часу* — Да *нынче время бальное.*
» » » » *Да нынче время зимнее.*
» 59, » 13—14: ...доложи своему барину, что *имѣлъ честь* приходить *къ нему* рекомендоваться...

Альманахи, размножившіеся у насъ послѣ бестужевской *Полярной Звѣзды* (1823—1825 гг.), были злобой дня въ журнальномъ мірѣ и чаще подвергались порицанію, чѣмъ вызывали одобреніе. Въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ *Московскомъ Телеграфѣ* то и дѣло печатались статьи, направленныя противъ альманашниковъ. Органъ Булгарина содержитъ слѣдующую любопытную справку о „карманныхъ книжкахъ“: „Изданный за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, въ первый разъ въ Россіи, *Альманахъ* имѣлъ необыкновенный успѣхъ, отъ того, что это была новость, и что лучшіе наши Писатели украсили его своими произведе-

1) Далѣе въ рукописи пропускъ.

lib.pushkinskijdom.ru

ніями. Успѣхъ возбудилъ охоту къ подражанію, и книжныя лавки закиданы нынѣ Альманахами, изъ которыхъ многихъ даже нельзя взять въ руки! У насъ всего десятокъ Писателей: такъ кому же наполнять Альманахи! Но гг. подражатели думали, что главное — *заглавіе* Альманаха, и что этимъ однимъ можно привлечь читателей. Господа подражатели и охотники до авторской или, по крайней мѣрѣ, издательской славы, позабыли поговорку Суворова: дѣло мастера боится, а у крестьянина, неумѣющаго владѣть сохою, и хлѣбъ не родится. Кончилось тѣмъ, что Альманахи потеряли довѣріе публики, и что еще одинъ или два изъ нихъ обращаютъ на себя слабое вниманіе любителей мелкихъ сочиненій и отрывковъ въ стихахъ и прозѣ, изъ коихъ составляются наши Альманахи“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 155).

Самый процессъ составленія альманаха довольно ярко изображенъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*: „И вотъ предположенъ бываетъ Альманахъ; затѣйливое имя ему выбрано; но все еще остается хлопотъ бездна: споръ, шумъ, сборы, справки въ типографіяхъ, у граверовъ. Главное дѣло: достать стиховъ Пушкина, Баратынскаго, Дельвига, Кн‹язя› Вяземскаго, Ѳ. Н. Глинки. Отправляютъ письма, просятъ знакомыхъ, умоляютъ дамъ, и иногда удается, что Пушкинъ, со смѣхомъ, или съ досадой, броситъ что нибудь на голые зубы Альманачнику; тоже Князь Вяземскій; Баратынскій менѣе; Дельвигъ *почти никогда*; Ѳ. Н. Глинка *всегда*, и обыкновенно отъ 5 до 10 пьесъ, отрывковъ, прозы и стиховъ. Торжественно возятъ и носятъ Альманачники всѣ сіи дары по городу; послѣ этого стихотворцы средніе шлютъ тетради; о мѣлочи и говорить нечего; вздоры самихъ Альманачниковъ дополняютъ книжку, она является, объявляется, не продается— *и въ Лету бухъ!*“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXI, № 2, стр. 235—236).

lib.pushkinskijdom.ru

Чутко отзываясь на запросы современности, Пушкинъ также принялъ участіе въ походѣ на бездарныхъ и корыстныхъ издателей „карманныхъ книжекъ“.

О пушкинскомъ „Альманашникѣ“ было однажды сказано, что это произведеніе не статья, а наброски исторической бытовой комедіи (*Историческій Вѣстникъ*, 1910 г. № 11, стр. 751). Мы не раздѣляемъ подобной точки зрѣнія, такъ какъ передъ нами статья чисто полемическаго характера, написанная съ цѣлью уронить въ общественномъ мнѣніи одного изъ самыхъ непріятныхъ для Пушкина альманашниковъ — Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина (ум. въ 1832 г.). Въ противномъ случаѣ, пришлось бы, съ логической необходимостью, признать отрывкомъ изъ неоконченной повѣсти и статью „Литературное Общество“. Внѣшняя форма часто не имѣетъ большого значенія, и, конечно, никто не отнесетъ къ области беллетристики хотя бы надеждинскія рецензіи изъ *Вѣстника Европы*.

Въ статьѣ Пушкина рѣзко проявилась его антипатія къ альманахамъ и ихъ издателямъ. Своего недружелюбнаго чувства къ нимъ поэтъ никогда не скрывалъ, хотя самъ принималъ дѣятельное участіе въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* барона Дельвига. Узнавъ о намѣреніи М. П. Погодина выпустить въ свѣтъ *Уранію*, Пушкинъ послалъ ему письмо, полное укоризны: „Вы хотите издать Уранію!! Et tu Brute!!. Но подумайте: на что̀ это будетъ похоже? Вы, издатель Европейскаго журнала въ Азіатской Москвѣ, Вы честный литераторъ между лавочниками литературы, Вы!... Нѣтъ, вы незахотите марать себѣ рукъ Альманашной грязью“ (Переписка, т. II, стр. 42—43: письмо отъ 31-го августа 1827 г.). Эта „грязь“ представлена въ пушкинской статьѣ, гдѣ разсѣяно не мало намековъ на извѣстнаго въ свое время Аристарха Завѣтнаго, издателя *Сѣверной Звѣзды* (1829 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

Самъ Аристархъ, какъ это ни странно, не долюбливалъ альманашниковъ, на которыхъ жаловался своимъ читателямъ. „До 1823 года“, говорилъ онъ: „никому не приходило въ мысль объ Альманахахъ.... Съ наступленіемъ 1829 года готовилась разразиться Альманачная туча и угрожала гибельнымъ наводненіемъ нашей Словесности. Были печальные слухи, что число Альманаховъ, предназначавшихся къ выходу въ свѣтъ, простиралось свыше двадцати; но благодаря тѣмъ благодѣтельнымъ причинамъ, которыя побудили прочихъ остаться во мракѣ забвенія, только меньшая половина ожидавшихся Альманаховъ явилась въ разное время въ теченіи (sic) первой трети настоящаго года въ видѣ скромныхъ (хотя не дешевыхъ) подарковъ для любительницъ и любителей Словесности. Очень жаль, что правомъ изданія Альманаховъ можетъ свободно пользоваться каждый; надлежало бы предоставить оное исключительно тѣмъ, которые имѣютъ испытанныя свѣдѣнія и дарованія въ Словесности. Теперь же, такое обширное поприще предстоитъ для литературныхъ бобылей! Люди, которые ни одной запятою не прославили великаго своего имени въ печатномъ свѣтѣ, вдругъ являются на сцену Авторскаго поприща, рекомендуя себя публикѣ Альманахомъ, начиненнымъ приторными ихъ произведеніями во всѣхъ родахъ. Удивительно ли, что въ нынѣшнихъ Альманахахъ начали появляться жалкіе переводы изъ старыхъ Гамбургскихъ газетъ и нѣкоторыхъ ветхихъ Французскихъ журналовъ, издававшихся въ прошедшемъ еще столѣтіи? Дождемся и не этаго. Если же нѣкоторые изъ нашихъ Альманачныхъ витязей[1]) чувствуютъ столь странную необходимость снабжать наши карманы подарками (изъ коихъ многіе и по цѣнѣ и по формату несносны для нашихъ кармановъ), то, одарен-

1) Въ оригиналѣ опечатка: Если же изъ нѣкоторыхъ нашихъ Альманачныхъ витязей.....

lib.pushkinskijdom.ru

ные сею страстною, ничѣмъ непреодолимою охотою подвизаться на этомъ несвойственномъ для нихъ ристалищѣ, и скудные средствами къ доставленію своимъ книжкамъ литературнаго достоинства, они отличались бы хотя красотою изданія: то есть печатали бы ихъ въ приличномъ форматѣ, на лучшей бумагѣ и хорошимъ шрифтомъ, снабжали бы ихъ красивыми обертками и болѣе числомъ картинокъ, гравировки отличныхъ Художниковъ. Иностранные Альманахи, хотя въ этомъ отношеніи, могутъ служить для нихъ образцами" (*Сѣверная Звѣзда*, 1829 г., стр. 3, 5—6).

Кромѣ статьи: „Нѣчто объ Альманахахъ", Аристархъ напечаталъ еще другую, подъ названіемъ: „Мысли и замѣчанія литературнаго наблюдателя". Здѣсь онъ позволилъ себѣ рѣзко отозваться о Пушкинѣ и его друзьяхъ. Критикуя стихи:

Кругла, красна лицемъ она,
Какъ эта глупая луна
На этомъ глупомъ небосклонѣ,

Аристархъ пишетъ: „Человѣкъ, въ лихорадочномъ бреду находящійся, едва ли скажетъ что нелѣпѣе... Не взирая на все наше уваженіе къ его (Пушкина) дарованію, мы не можемъ дать симъ двумъ стихамъ другаго приличнаго эпитета, кромѣ того, который два раза употребленъ въ нихъ".

Аристархъ недоволенъ статьею П. А. Плетнева о Боратынскомъ (см. *Сѣверные Цвѣты* на 1828 г.), называетъ сужденія автора статьи „пустословіемъ" и особенно нападаетъ на барона А. А. Дельвига, похвалившаго стихи и прозу Плетнева: „Вотъ говорятъ, что въ нашемъ безнравственномъ мірѣ нѣтъ истинной дружбы: Баронъ Дельвигъ примѣромъ своимъ разрушаетъ это несправедливое мнѣніе. Имѣйте его своимъ образцемъ, друзья нынѣшняго вѣка! — Кто бы рѣшился насказать Г. Плетневу такія

lib.pushkinskijdom.ru

похвалы, какія едва ли говорены были Державину и Карамзину?... Хвала великодушному Барону! — Vive l'amitié!...".

Не сочувствуя Дельвигу, Аристархъ изо всѣхъ силъ старается набросить тѣнь на его литературную репутацію. „Есть злые люди", съ притворной грустью восклицаетъ Аристархъ: „которые, не уважая отечественныхъ дарованій, распускаютъ слухи, будто бы литературная слава знаменитаго Поэта нашего Барона Дельвига непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ Пушкинымъ и Баратынскимъ, и будто бы піитическія произведенія его не дурны болѣе потому, что одна половина ихъ (исключая, впрочемъ, гекзаметровъ, въ коихъ многіе стихи по особенному роду своему основаны на новыхъ правилахъ, вводимыхъ собственно Барономъ Дельвигомъ) принадлежитъ Пушкину, а другая Баратынскому. О клевреты людскіе!"

Свои злостныя выходки противъ членовъ пушкинскаго кружка Завѣтный заключаетъ сообщеніемъ, что между нѣкоторыми русскими литераторами „давно уже основано общество друзей взаимнаго прославленія". „Почетные члены сего блистательнаго общества пишутъ безпрестанно другъ къ другу Посланія, въ которыхъ истощаются во взаимныхъ похвалахъ. Но этаго еще мало! Они дарятъ издаваемыя ими книжечки съ надписями, приносящими особенную честь Авторской ихъ скромности. Такъ, напримѣръ, Б. Д. ‹= Баронъ Дельвигъ›, даря свое произведеніе А. П. ‹= А. Пушкину› и П. П. ‹= П. Плетневу›, надписываетъ первому: Русскому Байрону, а послѣднему: Русскому Лагарпу. А. П. отвѣчаетъ Б. Д. своимъ подаркомъ съ надписью: Русскому Горацію. — Проказники!..." (*Сѣверная Звѣзда*, 1829 г., стр. 283, 288—289).

Предавая осмѣянію великаго поэта и его литературныхъ друзей, Бестужевъ, въ то же время, откуда-то достаетъ пушкинскіе стихи, исправляетъ ихъ, помѣщаетъ

lib.pushkinskijdom.ru

безъ имени автора въ своемъ альманахѣ и въ предисловіи къ послѣднему благодаритъ нѣкоего *Ап.* за присылку означенныхъ піесъ [1]).

Неприглядное поведеніе Бестужева вызвало суровое осужденіе со стороны Пушкина какъ въ мелкихъ замѣткахъ, такъ и въ статьѣ „Альманашникъ", гдѣ подъ *Восточною Звѣздою* разумѣется *Сѣверная Звѣзда* (стр. 56). Нѣсомнѣнно къ Бестужеву относятся и слѣдующія строки: „Увидишь какъ пойдетъ нашъ Альманахъ: съ моей стороны даю 34 стихотворен‹ія›, подъ пятью подпишу А. П. [2]) подъ пятью други‹ми› Е. Б. [3]), подъ пятью еще К. П. В. [4]) остальныя пущу безъ подписи; въ предисловіи буду благодарить госпо‹дъ› поэтовъ приславшихъ намъ свои стихотворенія — Прозы у насъ вдоволь: лихое Обозрѣніе Словесности, гдѣ славно обруганы наши знаменитые писатели, наши Аристократы"... (стр. 57—58) [5]).

Статья Пушкина, предназначавшаяся для *Литературной Газеты* или для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, по неизвѣстной намъ причинѣ не была закончена и напечатана, а Бестужевъ понесъ заслуженную кару отъ О. М. Сомова, который

---

1) Въ *Сѣверной Звѣздѣ* напечатаны шесть произведеній: 1) „Къ N.N." (Любви, надежды, тихой славы...); 2) „Къ пріятелю, сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами" [Она мила — (скажу межъ нами)...]; 3) „Къ ***, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу" (О ты, который сочеталъ...); 4) „Будущая эпитафія" (Здѣсь П—нъ погребенъ!... Онъ съ Музой молодою"...); 5) „К...ну" (Забудь, любезный мой К...нъ); 6) Къ Ю...ну (Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ...).

2) Александръ Пушкинъ.

3) Евгеній Боратынскій, давшій въ *Сѣверную Звѣзду* пьесу „Увѣреніе" (Нѣтъ; обманула васъ молва...).

4) Князь Петръ Вяземскій.

5) См. *Вѣстникъ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 598: „Съ альманахами (?) „Сѣверный Меркурій" 1830—32 г. и „Сѣверная Звѣзда" 1829 г., изданія М. А. Бестужева-Рюмина — на свѣтъ впервые выступалъ *низшій* родъ журнальной quasi-демократіи, руководимой враждебнымъ чувствомъ ко всѣмъ пріобрѣтеннымъ литературнымъ положеніямъ" (слова П. В. Анненкова). Ср. *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XVI, стр. 30—37.

lib.pushkinskijdom.ru

въ очередномъ „Обозрѣніи Россійской Словесности“ сдѣлалъ слѣдующую оцѣнку *Сѣверной Звѣзды*: „Проза сего тощаго альманаха дышала только перепечатками *отрывковъ* изъ соч⟨иненій⟩ Ф⟨онъ-⟩ Визина и его же *Придворною грамматикой*, давно извѣстною по рукописямъ... Стихотвореній въ *С⟨ѣверной⟩ З⟨вѣздѣ⟩* много, хорошихъ очень мало. Подписанныя *Ап.* (которыхъ подлинный сочинитель вовсе не назначалъ въ *С⟨ѣверную⟩ З⟨вѣзду⟩*), *Увѣреніе*, соч⟨иненіе⟩ Баратынскаго и еще нѣсколько другихъ стихотвореній, могшихъ найти себѣ лучшее мѣсто здѣсь загромаждены (sic) вялыми произведеніями самого издателя и другихъ стихотворцевъ, столь же мало имѣющихъ права на извѣстность“. Плохой по своему составу, альманахъ еще хуже по своему направленію: „Прибавимъ еще, что ни издатель *С⟨ѣверной⟩ З⟨вѣзды⟩*, ни жалкій альманахъ его, ни шумливый его сотрудникъ (?) Аристархъ Завѣтный, которому руская грамота не далась въ руки — не пріобрѣли еще никакого права, выказываться въ свѣтъ съ рѣшительными приговорами, кому бы то ни было; не говоримъ уже о дерзкихъ намекахъ и вздорныхъ догадкахъ помянутаго Аристарха“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 годъ, стр. 42—43) [1]).

— *(Стр. 54, строки 23—26).* Жанъ-Жакъ-Руссо написалъ свой первый трудъ — знаменитую диссертацію, премированную Дижонской академіей, будучи тридцати восьми лѣтъ отъ роду.

— *(Стр. 55, строки 10).* „Иванъ Выжигинъ“, нрав-

1) Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1829 г., № 14, стр. 218—220: „Прочитавъ сію книжку ⟨*Сѣверную Звѣзду*⟩, мы невольно пародировали начало Руссова Эмиля: „Все прекрасно въ рукахъ писателя искуснаго, все плохо попавшись въ когти писателю бездарному!“ По праву береговому, кулачному, или какому бы то ни было праву, издатель Сѣверной Звѣзды навербовалъ себѣ довольно пьесъ весьма хорошихъ, но онъ обставилъ ихъ такъ дурно, что названіе сей книжки совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея достоинству, и Сѣверная Звѣзда едва ли будетъ звѣздою незаходимою“.

lib.pushkinskijdom.ru

ственно сатирическій романъ Ѳ. В. Булгарина, былъ напечатанъ въ 1829-мъ году, т. е. незадолго до появленія статьи „Альманашникъ“.

— *(Стр. 55, строка 13).* Орловъ, Александръ Аѳинамовичъ — авторъ многихъ бездарныхъ произведеній, умершій въ Москвѣ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

Начало 1830-хъ годовъ.

28.

[ОБЪ АББАТѢ ШАППѢ И ЕГО ОПИСАНІИ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ СИБИРЬ].

(Стр. 59).

Эта замѣтка сохранилась въ черновомъ автографѣ, находящемся въ Майковскомъ собраніи рукописей поэта (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 30, № 25), и печатается впервые. Оригиналъ даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ:

Стр. 59, строка 16: *Изъ всѣхъ путешествен‹никовъ›* посѣтившихъ Россію...

» 59, » 19: ...перехода венеры *черезъ ‹солнце›*...

» 59, » 22: ...гдѣ и оставался до — — — *Проѣхалъ до — верстъ.*

» 59, » 25: — *она сама рѣшилась опровергнуть ложь* [1]) *и написала критику — Не знаю кто перевелъ его.*

Извѣстное сочиненіе аббата Шаппа д'Отероша (Chappe d'Auteroche) „Voyage en Sibérie“, вышедшее въ 1768 г.,

1) *Далѣе слѣдуетъ:* неблагонамѣр.

lib.pushkinskijdom.ru

произвело весьма неблагопріятное впечатлѣніе на Екатерину II. Императрица была раздражена пренебрежительными отзывами аббата о Россіи, какъ о дикой и варварской странѣ, и, по справедливому замѣчанію В. А. Бильбасова, „искала лицъ, способныхъ обличить ошибки и невѣрности Шаппа“ (Исторія Екатерины Второй. Берлинъ, 1896 г., т. XII, ч. 1, стр. 77). Другъ Дидро, знаменитый Фальконетъ рекомендовалъ ей для этой цѣли жившаго въ Петербургѣ француза Жирара, но выборъ Екатерины палъ на Вильера. „Je méprise l'Abbé Chappe et son livre“, писала она Фальконету 9-го ноября 1769 г.: „et ne le crois point digne d'être réfuté parce-que les bêtises qu'il dit tomberont d'elles-mêmes; je ne connais point M-r Girard, mais l'homme que je connais très propre à détruire l'imposture si ses talents ne méritaient une meilleure tâche, c'est M-r Villiers; il est sage, a de l'esprit, et est très instruit“. (Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. XVII, стр. 95).

Переговоры съ Вильеромъ не дали результата, и опроверженіе книги Шаппа не было написано. Екатеринѣ приходилось или обратиться за содѣйствіемъ къ русскимъ ученымъ, или самой выступить противъ дерзкаго и легкомысленнаго аббата. По словамъ Пушкина, императрица поручила дѣло Герарду-Фридриху Миллеру и Ивану Никитичу Болтину, которые, насколько извѣстно, также не выполнили возложенной на нихъ задачи. Тогда Екатерина вынуждена была сама составить опроверженіе свѣдѣній Шаппа о Россіи, и въ 1770-мъ году появился „Антидотъ“. Изъ варіантовъ пушкинскаго автографа видно, что поэтъ сначала хотѣлъ отмѣтить личную работу императрицы и приписать ей „Антидотъ“ [1])

1) Объ Екатеринѣ, какъ авторѣ „Антидота“, Пушкинъ могъ получить свѣдѣнія хотя бы изъ сочиненія Жана Кастеры: „Histoire de Catherine II“ (Paris. An VIII, t. I, p. 431), „Catherine“, говоритъ Кастера: „ne

lib.pushkinskijdom.ru

(*Б. Л. Модзалевскій*. Библіотека Пушкина. Спб. 1910 г., стр. 142, № 547; стр. 189, № 726), но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе и упомянулъ о Миллерѣ и Болтинѣ.

— *(Стр. 59, строка 20)*. Прохожденіе планеты Венеры черезъ дискъ солнца совершилось 26-го мая 1761 г. (*Билярскій*. Матеріалы для біографіи Ломоносова. Спб. 1865 г., стр. 468).

— *(Стр. 59, строки 21—22)*. Аббатъ Шаппъ выѣхалъ изъ Петербурга 10-го марта и 10-го апрѣля прибылъ въ Тобольскъ, гдѣ оставался до начала іюля (*Заря*, 1869 г., кн. 6, отд. II, стр. 1 — 2. — Сочиненія императрицы Екатерины II. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1901 г., т. VII, стр. II — III).

— *(Стр. 59, строка 23)*. Первое изданіе книги „Путешествіе въ Сибирь“ напечатано въ Парижѣ въ 1768-мъ году; второе — въ Амстердамѣ въ 1769-мъ году.

1830.

29.

ДѢТСКАЯ КНИЖКА.

(Стр. 60—61).

Статья „Дѣтская книжка“, состоящая изъ трехъ разсказовъ: „Вѣтреной мальчикъ“, „Маленькій лжецъ“ и [„Исправленный забіяка“], находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 65 об. — 64. Предназначавшаяся, повидимому, для *Литературной Газеты*, статья напечатана впервые въ изданіи Аннен-

pouvoit pardonner au duc Choiseul l'Ouvrage de l'abbé Chappe, et elle s'en plaignoit encore peu de temps avant sa mort. C'est pour répondre à cet ouvrage qu'elle a composé l'Antidote“.

lib.pushkinskijdom.ru

кова, т. VII, стр. 116 — 117, подъ заглавіемъ: „Дѣтскія сказочки“. Автографъ поэта заключаетъ въ себѣ рядъ не лишенныхъ значенія варіантовъ:

Стр. 60, строка 1: Алеша *вздумалъ однажды издавать журналъ.*

» » » » Алеша былъ *самый лѣнивый ученикъ въ нашемъ пансіонѣ.*

» 60, » 1— 2: ...но *по лишней рѣзвости, никогда ничему порядочно не научился* —

» 60, » 13: *Словомъ* при всемъ своемъ умѣ...

» 60, » 14—15: ...читалъ *по складамъ* по руски...

» 60, » 16: И когда учитель *спрашивалъ у него Вокабулы у него вѣчно на языкѣ были* имена *Шлегеля*, Шеллинга, Фихте [1])...

» 60, » 18: ...имѣлъ *одинъ* большой порокъ ...

» 60, » 19: *Маменька* его въ его имян‹ины› подарила...

» 61, » 2: ...находится *поваръ*...

» 61, » 3: ...*Ванька* птичникъ...

» 61, » 3— 4: ...но *наконецъ* догадались и *стали смѣяться* —

» 61, » 6: Ванюша *въ нашей семинаріи* былъ ужасный шалунъ.

» 61, » 13—14: ...поймавъ его за вихорь *больно выдралъ его за уши и даже раза два ударилъ тросточкой* —

» 61, » 15: Старый дьячокъ *выдралъ его за уши и* сказалъ ему...

» 61, » 16—17: ...дай Богъ здоровья тому *кто потрудился проучить* тебя — *старайся изправиться.*

---

1) Помѣщено въ примѣчаніи.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 61, строки 17—18: Ванюша сталъ очень печаленъ, *съ тѣхъ поръ онъ увид‹ѣлъ› что . . . унижая себя онъ ничего не выигрываетъ . . .*

Первый разсказъ Пушкина направленъ противъ Н. А. Полевого. Поэтъ не любилъ издателя *Московскаго Телеграфа* и считалъ его бойкимъ и оборотливымъ торгашомъ, быть можетъ способнымъ, но весьма невѣжественнымъ. Въ письмахъ къ князю П. А. Вяземскому, писанныхъ Пушкинымъ изъ Михайловскаго лѣтомъ и осенью 1825 г., разсѣяно много нелестныхъ отзывовъ и замѣчаній о Полевомъ. *Телеграфъ*, по словамъ поэта,—„человѣкъ порядочный и честный, но враль и невѣжда; а вранье и невѣжество журнала дѣлится между его издателями“. „Сей часъ прочелъ Анти-критику Полевова“, сообщаетъ Пушкинъ пріятелю: „Нѣтъ, мой милый. Не то и не такъ!“ Немного спустя Пушкинъ высказываетъ князю сожалѣніе, что Полевой оставленъ безъ присмотра и потому сбился съ дороги: „Какъ мнѣ жаль что Полевой пустился безъ тебя въ Анти-критику! Онъ длиненъ и скученъ, педантъ и невѣжда — ради Бога, надѣнь на него строгой мунштукъ и выѣзжай его — на досугѣ“. (Переписка, т. I, стр. 219, 234, 259, 289). „Остренькій сиделецъ“ не удовлетворялъ основнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ издателю журнала: онъ не зналъ русской грамматики и не умѣлъ писать со смысломъ (Переписка, т. I, стр. 383; т. II, стр. 312). Впослѣдствіи, Пушкинъ сталъ оцѣнивать Полевого еще ниже, уже съ нравственной точки зрѣнія, и склоненъ былъ связывать его имя съ именемъ Ѳаддея Булгарина (Переписка, т. II, стр. 185, 277; т. III, стр. 316 и др.).

Во второмъ разсказѣ Пушкина изображенъ Павелъ Петровичъ Свиньинъ (род. въ 1788 г., ум. 9-го апрѣля 1839 г.). Его историческія сочиненія и описанія путешествій отличаются неточностями и ошибками, и современ-

lib.pushkinskijdom.ru

ники смѣялись надъ его наклонностью „сочинять“. Пріятели Свиньина „совѣтовали ему вести „исходящую“, т. е. для избѣжанія противорѣчій себѣ, записывать въ особой книгѣ все, что̀ имъ говорится“. Къ издаваемому Свиньинымъ журналу *Отечественныя Записки* литераторы примѣняли изреченіе Грибоѣдова:

Послушай: ври, да знай же мѣру.

(*Современникъ*, 1856 г., № 6, стр. 174).

А. Е. Измайловъ написалъ на Свиньина особую басню „Лжецъ“, начинающуюся стихами:

Павлушка — *мѣдный лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье...

Но самымъ рѣзкимъ обличеніемъ слабостей Свиньина является измайловская „Пѣсня“:

Пусть Павлушка — мѣдный лобъ
Дураковъ морочитъ,
Лжетъ бездѣльникъ, какъ холопъ,
Обмануть ихъ хочетъ.
Я безстыднаго лгуна,
Вора Павла Скотина
За языкъ, въ примѣръ другимъ,
На сосну повѣсилъ.

(*А. Е. Измайловъ*. Полное собраніе сочиненій. М. 1891 г., стр. 180—181, 272).

Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому Пушкинъ цитируетъ стихи Измайлова (Переписка, т. II, стр. 115), а въ эпиграммѣ „Собраніе насѣкомыхъ“ (1828 г.) называетъ Свиньина „россійскимъ жукомъ“. Упоминая о „поваренкѣ Астрономѣ“, „форрейторѣ Историкѣ“ и поэтѣ — „птичникѣ Прошкѣ“, Пушкинъ намекаетъ на слабость

lib.pushkinskijdom.ru

Свиньина открывать русскихъ самородковъ, которые не всегда оправдывали возлагаемыя на нихъ надежды (*Кс. А. Полевой.* Записки. Спб. 1888 г., стр. 68 — 69, 276—278. — *Отечественныя Записки*, 1821 г., ч. VIII, стр. 42)[1]).

Героемъ третьяго разсказа Пушкина является Н. И. Надеждинъ, взыскательный цѣнитель твореній поэта. Внимательно слѣдившій за журнальными толками, Пушкинъ не разъ досадовалъ, читая „разговоры между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи", которые „всячески бранили его и его стихи" [Путешествіе въ Арзрумъ. Глава пятая (1829 г.)]. Особенно задѣлъ его конецъ одного разговора, гдѣ „дьячокъ" заявилъ слѣдующее: „. . . Александру Сергѣевичу безусловныя похвалы вѣрно прискучили. Можетъ быть и голосъ истины будетъ ему пріятенъ—по крайней мѣрѣ для разнообразія!" . . . А „ежели пѣвцу *Полтавы* вздумается швырнуть въ меня епіграммой—то ето будетъ для меня *незаслуженное* удовольствіе" (*Вѣстникъ Европы*, 1829 г., № 9, стр. 47 — 48). Вызовъ былъ сдѣланъ въ то время, когда Пушкинъ, вѣроятно, уже составилъ нелестное мнѣніе о дарованіяхъ Надеждина, которое занесено на бумагу позднѣе. „Критики его, говоритъ поэтъ: „очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ; въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски" [Анекдоты (1830—1836 гг.). XXVIII]. Съ такимъ рецензентомъ Пушкинъ рѣшилъ не церемониться, — и въ результатѣ появилась эпиграмма: „Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ" . . . (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., стр. 50). Недовольство поэта росло; онъ не нашелъ себѣ удовлетворенія въ приведенныхъ

1) Въ дневникѣ Пушкина подъ 10-мъ апрѣля 1834 г. записано: „Вчера вечеръ у Уварова... Говоря о Свиньинѣ, предлагающемъ Россійской Академіи свои манускрипты XVI вѣка, Уваровъ сказалъ: „Надобно будетъ удостовѣриться, нѣтъ ли тутъ подлога. Пожалуй, Свиньинъ продастъ не старинныя рукописи, а тетради своихъ мальчиковъ". (Сочиненія и письма А. С. Пушкина. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 555).

lib.pushkinskijdom.ru

стихахъ. На досугѣ создавались и другія эпиграммы, которыя, почему-то, довольно долго лежали въ портфелѣ автора и не были своевременно переданы въ редакцію какого-либо журнала [„Картину разъ высматривалъ сапожникъ“ (*Современникъ*, 1836 г., № 3, стр. 204) и „Надѣясь на мое презрѣнье“. (1829 г.). Ср. *Н. Чернышевскій*. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. Спб. 1893 г., стр. 185].

— *(Стр. 60, строки 4—11)*. Слова Пушкина расходятся съ тѣмъ, что̀ говоритъ Н. А. Полевой въ автобіографіи, разсказывая о своей юности: „Изученіе языковъ повело меня въ новый міръ чтенія. Настойчивое размышленіе показало мнѣ недостатокъ системъ и образа обыкновеннаго ученія. Я рѣшился самъ для себя написать Русскую Грамматику и Русскую Исторію. Грамматика Академіи и Исторія Государства Россійскаго не удовлетворяли меня, когда я сравнивалъ первую съ ясною, точною грамматикою Латинскою, а вторую съ Тацитомъ по слогу, съ Лѣтописями по изложенію фактовъ. Изученіе Латинскаго и Греческаго языка, переводы съ Нѣмецкаго, Французскаго, переработка Русской Грамматики, критическій разборъ Русской Исторіи—вотъ что составляло теперь мои занятія. Я отказался отъ легкаго чтенія, и не писалъ уже ни стиховъ, ни прозы. Нарочно налагалъ я на себя самыя тяжкія работы: выучивалъ по триста вокабулъ въ вечеръ, выписалъ всѣ глаголы изъ Геймова Словаря, переспрягалъ каждый отдѣльно, и составилъ новыя таблицы Русскихъ спряженій (въ 1822 году, почтенный П. П. Свиньинъ представилъ ихъ въ Россійскую Академію, и мнѣ выдана была за нихъ въ награду большая серебряная медаль) [*Н. Полевой*. Очерки русской литературы. Спб. 1839 г., ч. I, стр. XXXVIII—XXXIX].

— *(Стр. 61, строки 2—3)*. Астрономъ и Историкъ, которымъ покровительствовалъ П. П. Свиньинъ, вѣроятно, —

lib.pushkinskijdom.ru

курскій купецъ-астрономъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Семеновъ (род. въ 1794 г., ум. въ 1860 г.) и Николай Алексѣевичъ Полевой (*Телескопъ*, 1832 г., ч. 10, № 13. — *Кс. Полевой.* Записки. Спб. 1888 г., стр. 68 — 69).

— *(Стр. 61, строки 11 — 12)*. Слово „нигилистъ“ впервые было употреблено Н. И. Надеждинымъ въ статьѣ: „Сонмище нигилистовъ. Сцены изъ литературнаго балагана“ (*Вѣстникъ Европы*, 1829 г., № 1, стр. 3 — 22; № 2, стр. 97 — 115). — Это слово, пишетъ А. А. Григорьевъ: „не имѣло у него (Надеждина) того значенія, какое въ наши дни придалъ ему Тургеневъ. *Нигилистами* онъ звалъ просто людей, которые *ничего* не знаютъ, *ни на чемъ* не основываются въ искусствѣ и жизни“ (*Эпоха*, 1864 г., № 3, стр. 154 — 155).

30.

[ОБЪ А. ШЕНЬЕ, КАКЪ КЛАССИКѢ].

(Стр. 62).

Эта замѣтка извѣстна по рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, л. 30 об., и впервые напечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 259. Изъ первоначальныхъ варіантовъ встрѣчающихся въ автографѣ, наиболѣе любопытны слѣдующіе:

Стр. 61, строка 19: . . . имѣютъ *донынѣ самое ошибоч‹ное›* понятіе объ романтизмѣ —

» 61, » 21: . . . печать унынія или *мистицизма* —

» 61, » 22: . . . неологизмъ *или новыя формы*. . .

» 61, » 2: . . . поэтъ напитанный *классической* древностію, коего даже *ошибки* произтекаютъ отъ желанія *наложить* на французской *стихъ* формы Греческ‹аго› стихосложенія —

lib.pushkinskijdom.ru

Французскіе критики, имѣющіе „свое понятіе“ о романтизмѣ, упомянуты на страницахъ журнала *Le Globe* (1824 — 1830), который Пушкинъ читалъ, находясь въ „Нижегородской глуши“ (Переписка, т. II, стр. 188: письмо къ князю П. А. Вяземскому изъ Болдина, отъ 5-го ноября 1830 г.). Въ одномъ изъ номеровъ этого журнала нѣкто M. D. (можетъ быть, Сисмонди) указывалъ, что отличительными чертами французскаго романтизма считаются таинственная меланхолія и необычный стиль. Останавливаясь подробнѣе на причудливости романтическаго слога, M. D. говоритъ: „Et nous le (le romantisme) vîmes dans le néologisme et l'emploi de certaines inversions ou de certaines épithètes, parce que des traductions trop littérales transportaient dans notre langue les idiotismes des écrivains romantiques étrangers“ (*Th. Ziesing.* Le Globe, de 1824 à 1830, considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich, 1881, p. 70. — Ср. настоящій томъ, стр. 217—218).—Что касается Андрея Шенье, то онъ получилъ прозвище романтика среди классиковъ (romantique parmi les classiques) отъ Виктора Гюго, проведшаго тонкую параллель между нимъ и Ламартиномъ въ статьѣ: „Sur un poète apparu en 1820“ (*P. Glachant.* André Chénier critique et critiqué. Paris, 1902, pp. 285—286. — *V. Hugo.* Oeuvres complètes. Paris, 1882, Philosophie, p. 92). Вслѣдъ за Гюго и Нодье въ *Annales de la littérature et des arts* (1823, tome X, p. 321) тѣсно связалъ зарожденіе романтизма во Франціи съ творчествомъ Андрея Шенье. Отрицая существованіе истинной поэзіи наканунѣ Революціи, Нодье пишетъ: „A. Chénier que la nature ou la société avaient fait mélancolique, fut le seul poète de ce temps dont l'âme tendre parût s'associer à l'immense tristesse de la société en deuil. Les critiques qui rapportent à l'époque de ses délicieuses compositions l'invasion de la muse romantique en France ne font guère

lib.pushkinskijdom.ru

que commenter ses dernières paroles: „Il y avait une muse là". Elle naissait en effet au pied de cet échafaud qui établissait un si vaste intervalle entre l'avenir et le passé. Les années se suivirent alors chargées de méditations sérieuses et de sombres sollicitudes" . . . (*Ch.–M. Des Granges.* La presse Littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, p. 222. — Ср. *Léon Séché.* Le Cénacle de la Muse française. Paris, 1909, p. 244).

Свое мнѣніе о Шенье Пушкинъ высказалъ въ черновомъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому изъ Одессы отъ 4-го ноября 1823 г.: „Перечитывая твои письма, беретъ меня охота спорить. Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь, что даже стихи со времени рев‹олюціи› носятъ новый образъ, и упоминаешь объ А‹ндреѣ› Ш‹енье›. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ. C'est un imitateur savant et un... Отъ него такъ и пашетъ (sic) Θеокритомъ и Анѳалогіей. Онъ освобождаетъ отъ италіанскихъ concetti и отъ французскихъ Анти thèses, но романтизма въ немъ нѣтъ еще ни капли". Однородная фраза есть и въ другомъ черновомъ письмѣ на имя того же адресата, отъ 5-го іюля 1824 г.: „Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier. — Но онъ изъ классиковъ классикъ — отъ него такъ и несетъ древней Греческой поэзіей!" (Переписка, т. I, стр. 83, 123)[1]).

---

1) Ср. *А. О. Смирнова.* Записки. СПБ. 1895 г., ч. I, стр. 152:

„*Вяземскій.* Объясни, почему ты все еще восхищаешься Шенье? Я думаю, что это у тебя пройдетъ.

Пушкинъ. Потому, что онъ единственный настоящій грекъ у французовъ. Единственный, который чувствовалъ, какъ грекъ. Если бы онъ жилъ дольше, то произвелъ бы революцію въ поэзіи".

lib.pushkinskijdom.ru

31.

[О НЕКРОЛОГІИ ГЕНЕРАЛА ОТЪ КАВАЛЕРІИ Н. Н. РАЕВСКАГО].

(Стр. 62).

Эта замѣтка сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, л. 17, и впервые напечатана въ *Литературной Газетѣ*, 1830, т. I, № 1, стр. 8.

„Некрологія“ извѣстнаго участника Отечественной войны Николая Николаевича Раевскаго (род. въ 1771 г., ум. въ 1829 г.) написана генераломъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ Орловымъ (род. 25-го марта 1788 г., ум. 19-го марта 1842 г.), который былъ съ 1817 г. по 1820 г. начальникомъ штаба 4-го армейскаго корпуса, находившагося подъ командой Раевскаго, и въ 1821 г. женился на дочери своего начальника — Екатеринѣ Николаевнѣ.

Геройскій подвигъ Раевскаго, пропущенный въ „Некрологіи“, совершенъ имъ 11-го іюля 1812 г. въ кровопролитномъ сраженіи при Салтановкѣ (или при Дашковкѣ) и описанъ его внукомъ. „Николай Николаевичъ“, разсказываетъ Н. М. Орловъ: „въ виду общаго замѣшательства въ порядкѣ семейной и общественной жизни, причиненнаго нашествіемъ и почти поголовнымъ возстаніемъ Россіи, и необходимостей своего званія и долга, дѣйствительно взялъ съ собой въ армію своихъ малолѣтнихъ дѣтей, изъ которыхъ старшему, Александру, едва минуло 16 лѣтъ, а меньшому, Николаю, недоставало нѣсколькихъ дней до 11-ти-лѣтняго возраста, и записалъ ихъ на службу въ одномъ изъ полковъ своего корпуса. Этимъ-то недоросткамъ довелось сослужить службу отечеству въ тѣ годы, когда дѣти обыкновенно сидятъ за скамьей или за указкой. Въ дѣлѣ подъ Дашковкой они были при отцѣ. Въ моментъ рѣшительной атаки на французскія батареи, Раев-

lib.pushkinskijdom.ru

скій взялъ ихъ съ собою въ головѣ колонны Смоленскаго полка, при чемъ меньшаго, Николая, онъ велъ за руку, а Александръ, схвативъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго въ одной изъ предыдущихъ атакъ нашего подпрапорщика понесъ его передъ войсками. Геройскій примѣръ командира и его дѣтей до изступленія воодушевилъ войска, замявшіяся было подъ картечью непріятеля, — они ринулись впередъ и все опрокинули передъ собою. Въ этотъ достопамятный день у Раевскаго было въ строю 10000 человѣкъ, а атакующій непріятель былъ въ составѣ 5 дивизій, т. е., по крайней мѣрѣ, вчетверо сильнѣе.... Въ заключеніе еще одно семейное преданіе. Послѣ дѣла Николай Николаевичъ спросилъ у меньшаго сына: „Знаешь ли ты, зачѣмъ я водилъ тебя съ собою въ дѣло?“ — Oui, papa, c'est pour mourir ensemble, — отвѣчалъ 11-ти лѣтній воинъ“ (*Русская Старина*, 1874 г., т. IX, стр. 765—766; ср. Архивъ Раевскихъ, т. I, стр. 159—165; *Новое Время* 1914 г., № 13616)[1]).

О геройскомъ поведеніи своихъ сыновей свидѣтельствуетъ самъ Раевскій въ письмѣ къ свояченицѣ Е. А. Константиновой отъ 22-го іюля 1812 г.: „..mon fils Alexandre s'est montré en héros, Nicolas, même dans le plus grand feu, ne faisait que plaisanter; ce dernier a eu la culotte percé d'une balle; ils ont été avancés tous les deux; je n'ai reçu qu'une contusion dans la poitrine qui à ce qui paraît n'aura pas de suites“.

---

1) Бой у Дашковки отмѣченъ также въ мемуарахъ А. П. Ермолова: „Корпусъ генералъ-лейтенанта Раевскаго при селеніи Дашковкѣ атаковалъ непріятеля. Вначалѣ силы непріятеля умѣренныя въ продолженіи сраженія умножались примѣтнымъ образомъ; силы Раевскаго напротивъ ослабѣвали. Въ такомъ положеніи употребилъ онъ и распорядительность ему свойственную и храбрость его отличавшую: взявъ знамя, онъ пошелъ въ головѣ колонны, ведя съ собою двухъ сыновей своихъ изъ коихъ одному было не болѣе одиннадцати лѣтъ. Примѣръ сей ободрилъ подчиненныхъ, и непріятель уступилъ неустрашимымъ войскамъ, любившимъ своего начальника“ (*А. П. Ермоловъ*. Записки. М. 1863 г., стр. 33)

lib.pushkinskijdom.ru

Дядя Раевскаго графъ А. Н. Самойловъ пришелъ въ восхищеніе отъ доблести племянника. „Читая въ одномъ *Сѣверной Почты* номерѣ[1]), увидѣлъ я въ оном описаніе рѣдкаго примѣра любви къ Отечеству“, пишетъ графъ: „въ сраженіи подъ Дашковымъ, гдѣ вы командовали корпусомъ Россійскихъ войскъ противу двухъ маршаловъ Французской арміи, превышающей втрое число войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоявшихъ, не удивляло меня мужество ваше, ниже искусство, съ коимъ вы оспоривали побѣду, одержанную вами напослѣдокъ надъ непріятелемъ; но до глубины сердца моего тронуло меня то, когда въ ободреніе войскъ вы поставили передъ ними двухъ сыновей вашихъ, изъ коихъ старшему 14[2]), а младшему 10 лѣтъ отъ роду считалось: какой убѣдительный примѣръ привязанности къ Отечеству; всѣ, кто и не знаетъ васъ лично, удивляются оному, но я, зная васъ отъ самыхъ юныхъ лѣтъ вашихъ, видѣвъ возрастающія постепенно въ душѣ вашей добродѣтели и, наконецъ, опытами вѣдая нѣжность вашу къ дѣтямъ, что могу я сказать о таковомъ сильномъ примѣрѣ возвышенія души вашей? Забывъ въ семъ случаѣ, что вы отецъ, помнили о томъ только, что вы сынъ отечества, и нѣжность родительская уступила тутъ долгу гражданина. Пускай всякій отецъ, любящій, какъ вы, дѣтей своихъ, спроситъ самъ себя: легко-ли сдѣлать сіе?“ (Архивъ Раевскихъ. Спб. 1908, т. I, стр. 155, 165—166).

Героизмъ Раевскихъ былъ любимой темой современныхъ имъ поэтовъ. С. Н. Глинка, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ и, наконецъ, Жуковскій воспѣли патріота-генерала и его храбрыхъ сыновей.

Раевскій, слава нашихъ дней,
Хвала! передъ рядами

1) Въ упомянутомъ изданіи нѣтъ подробнаго сообщенія о сраженіи подъ Дашковкой. Самойловъ, очевидно, ошибся.

2) Неточно: Александру Раевскому было 16 лѣтъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Онъ первый грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

(„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“.— 1812 г.).

Въ шуточной запискѣ къ Жуковскому, относящейся къ іюлю 1819 г., Пушкинъ упоминаетъ о Николаѣ Николаевичѣ Раевскомъ (младшемъ), проявившемъ отвагу въ младенческомъ возрастѣ (Переписка, т. I, стр. 8 — 9), а въ посвященіи „Кавказскаго Плѣнника“ (1821 г.) трогательными стихами характеризуетъ своего друга:

Мы въ жизни разно шли: въ объятіяхъ покоя
Едва, едва разцвѣлъ, и въ слѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, подъ тучи вражьихъ стрѣлъ,
Младенецъ избранный, ты гордо полетѣлъ;
Отечество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милую и вѣрный цвѣтъ падеждъ.

32.

[О ПЕРЕВОДѢ РОМАНА БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА „АДОЛЬФЪ“].

(Стр. 62—63).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ* 1830 г., т. I, № 1, стр. 8, и перепечатана Н. О. Лернеромъ въ изданіи *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XII, стр. 126 — 127.

Принадлежность замѣтки Пушкину удостовѣряется слѣдующимъ письмомъ О. М. Сомова къ князю В. Ѳ. Одоевскому отъ 28-го декабря 1829 г.: „Mon Prince! Monsieur Pouschkine a composé pour la Gazette Littéraire un petit article sur la traduction d'un roman de Benjamin Constant: *Adolphe*, que le Prince Wiazemsky veut faire imprimer à Moscou: mais comme notre censeur s'obstine à croire que

lib.pushkinskijdom.ru

le dit roman est à l'index sur la liste des ouvrages étrangers, et que, pour cette raison, il se refuse de signer l'article, je vous prie, mon Prince, d'avoir la bonté de me faire savoir, si le roman en question est réelement sur la liste des ouvrages défendus, et, si cela est possible, de m'écrire quelques lignes à ce sujet aujourd'hui même. Je vous en aurai mille obligations" (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 175 — 176).

Затрудненія, возникшія у цензора К. С. Сербиновича, разсматривавшаго замѣтку Пушкина, объясняются его осторожностью и опасеніемъ вызвать неудовольствіе начальства, которое несочувственно относилось къ Бенжамену Констану. Цензурныя осложненія окончились для Пушкина, впрочемъ, вполнѣ благопріятно: 30-го декабря 1829-го года Сербиновичъ далъ разрѣшеніе на выпускъ замѣтки, и поэтъ, впослѣдствіи, не поминалъ его лихомъ, отдавая ему предпочтеніе передъ другимъ цензоромъ *Литературной Газеты* — Щегловымъ (*Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 369).

Не мало препятствій пришлось преодолѣть и князю П. А. Вяземскому, когда онъ, годъ спустя послѣ описываемыхъ событій, вздумалъ печатать свой переводъ „Адольфа". Вотъ что разсказываетъ по этому поводу А. В. Никитенко: „Адольфа" перевелъ князь Вяземскій. Цензура затруднялась пропустить этотъ романъ, потому что онъ — сочиненіе Бенжамена Констана! Сколько труда стоило мнѣ доказать предсѣдателю цензурнаго комитета (К. М. Бороздину), человѣку, впрочемъ, образованному, что одно имя автора еще не есть статья, оскорбляющая правительство или грозящая Россіи революціей. Вотъ подъ вліяніемъ какихъ понятій должны мы совершенствоваться сами и совершенствовать молодое поколѣніе" (*А. В. Никитенко*. Записки и дневникъ. Спб. 1893 г., т. I, стр. 284: запись подъ 25-мъ февраля 1831 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

Переводъ „Адольфа“ былъ предпринятъ Вяземскимъ съ вѣдома Пушкина. Въ началѣ книги напечатано трогательное посвященіе:

„Александру Сергѣевичу
Пушкину.

Прими мой переводъ любимаго нашего романа. Смиренный литографъ приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника. Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что принявшись переводить его надосугѣ въ деревнѣ [1]), мысленно относился я къ суду твоему; въ борьбѣ иногда довольно трудной мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть, призывалъ въ ареопагъ свой и Баратынскаго, повергалъ вамъ свои сомнѣнія и запросы и руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. Не страшитесь однако же, ни ты, ни онъ: не налагаю на васъ отвѣтственности за худое толкованіе молчанія вашего. Иначе моя довѣренность къ вамъ была бы для васъ слишкомъ опасна, связывая васъ взаимнымъ обязательствомъ въ случайностяхъ предпріятія моего.

„Что бы ни было, даръ мною тебѣ подносимый будетъ свидѣтельствомъ пріязни нашей и уваженія моего къ дарованію, коимъ радуется дружба и гордится отечество.

К. Вяземскій“.

Въ статьѣ „Отъ переводчика“ князь повторилъ нѣкоторыя мысли Пушкина: „Характеръ Адольфа вѣрный отпечатокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльдъ-Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ. Въ этомъ отношеніи твореніе сіе не только романъ *сегоднешній* (roman du jour), подобно новѣйшимъ свѣтскимъ, или гостиннымъ романамъ, оно еще болѣе романъ вѣка сего. Говоря о

1) Въ селѣ Мещерскомъ, Саратовской губерніи.

lib.pushkinskijdom.ru

жизни своей, Адольфъ могъ бы сказать справедливо: день мой вѣкъ мой. Всѣ свойства его, хорошія и худыя, отливки совершенно современные (sic)... Нравственный недугъ, которымъ онъ одержимъ и погибаетъ, не могъ бы укорениться въ атмосферѣ прежняго общества. Тогда могли развиваться острыя болѣзни сердца; нынѣ пора хроническихъ: самое выраженіе *недугъ сердца* есть потребность и находка нашего времени... Адольфъ не идеалъ. Б. Констанъ и авторы еще *двухъ трехъ романовъ*,

Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человѣкъ,

не льстивые живописцы изучаемой ими природы".

Вяземскій высокаго мнѣнія о стилѣ Бенжамена Констана: „каждая ‹фраза› вылита, стройна какъ надпись, какъ отдѣльное изрѣченіе", а „вся книга похожа на ожерелье, нанизанное жемчугами, прекрасными по одиначкѣ, и прибранными одинъ къ другому съ удивительнымъ тщаніемъ". Плѣненный красотами оригинала, князь хотѣлъ передать всѣ его особенности; изъ двухъ способовъ переводить: „независимаго" и „подчиненнаго", онъ избралъ послѣдній, тоесть старался сохранить не только „смыслъ и духъ подлинника", но и его внѣшнія формы. „Отступленія отъ выраженій автора, часто отъ самой симметріи словъ, казались" Вяземскому „противоестественнымъ измѣненіемъ мысли его". Переводчикъ задался цѣлью, „изучивать, ощупывать языкъ нашъ, производить надъ нимъ попытки, если не пытки, и вывѣдывать, сколько можетъ онъ приблизиться къ языку иностранному, разумѣется опять, безъ увѣчья, безъ распятья на ложѣ Прокрустовомъ". Были исключены „галлицизмы словъ, такъ сказать сиктаксическіе или вещественные", но „допущены галлицизмы понятій, умозрительные, потому что они уже Европеизмы". „Независимые" *(вольные)* переводы Карамзина и Жуков-

lib.pushkinskijdom.ru

скаго не вполнѣ удовлетворяли Вяземскаго: „пересозданія“ ихъ „не отзываются почвою и климатомъ родины“. Напротивъ, ему было желательно испытать, можно ли, „не насильствуя природы нашей, сохранить въ переселеніи запахъ, отзывъ чужбины, какое-то областное выраженіе“ (*Бенжаменъ-Констанъ*. Адольфъ. Спб. 1831 г., стр. V—VI, XIV—XVI, XIX, XXII, XXV—XXVII).

Подготовивъ свой трудъ къ печати, Вяземскій повергъ его на судъ своего друга. „Сдѣлай милость“, писалъ онъ Пушкину изъ Остафьева 17-го января 1831 г.: „прочитай и перечитай съ бдительнымъ и строжайшимъ вниманіемъ посылаемое тебѣ и укажи на всѣ сомнительныя мѣста. Мнѣ хочется, покрайней мѣрѣ въ предисловіи не поддать боковъ критикѣ. Покажи послѣ и Баратынскому, да возврати поскорѣе послявъ ко мнѣ въ домъ Демиду. Нужно отослать въ Петерб‹ургъ› къ Плетневу, которому я уже писалъ о началѣ печатанія Адольфа... Надобно-ли въ замѣчаніи задрать киселемъ въ ‹....› Адольфа Полеваго, или пропустить его безъ вниманія, comme une chose non avenue?“

Въ концѣ письма явно сквозитъ тревога за судьбу своей работы, такъ какъ въ первыхъ номерахъ журнала Полевого за 1831-й годъ былъ помѣщенъ переводъ того же „Адольфа“ (*Московскій Телеграфъ*, 1831 г., №№ 1—4), и такимъ образомъ трудъ Вяземскаго утрачивалъ заманчивость новинки. При этомъ было упущено изъ виду еще одно обстоятельство: князю осталось неизвѣстнымъ, что интересующее его произведеніе было еще въ 1818 г. переведено въ Орлѣ подъ заглавіемъ: „Адольфъ и Елеонора, или опасность любовныхъ связей, истинное происшествіе“.

Пушкинъ быстро откликнулся на просьбу Вяземскаго. „Оставь Адольфа у меня“, совѣтовалъ онъ ему: „на дняхъ пришлю тебѣ нужныя замѣчанія“ (Переписка, т. II,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 217—219: письмо изъ Москвы отъ 20-го января 1831 г.).

8-го марта Вяземскій получилъ цензурное разрѣшеніе, и къ лѣту переводъ вышелъ въ свѣтъ. 11-го іюня князь вновь писалъ Пушкину: „Постарайтесь съ Плетневымъ продать моего Адольфа: если мнѣ барыша очистилось-бы отъ 2 до 3 ты‹сячъ,› то я Вамъ, публикѣ, книгопродавцамъ и самой тѣни Б. Констана, поклонился-бы въ ножки“.

Черезъ шесть дней онъ подтверждаетъ еще разъ просьбу: „Пусти-же въ свѣтъ моего Адольфа“ (Переписка, т. II, стр. 252, 254).

О своемъ трудѣ Вяземскій заблаговременно увѣдомилъ жившаго въ Парижѣ А. И. Тургенева, которому 25-го апрѣля далъ слѣдующее порученіе: „Если встрѣчаешь гдѣ-нибудь Benjamin Constant, скажи ему, что онъ скоро получитъ отъ меня переводъ мой „Адольфа“ его. Переводъ конченъ и переписывается“. Желаніе Вяземскаго было исполнено: въ письмѣ отъ 3-го іюня Тургеневъ увѣдомлялъ его: „Я уже заявилъ Бенжамену Констану о твоемъ намѣреніи прислать ему переводъ его романа. Я видѣлъ его на великолѣпномъ праздникѣ въ Palais-Royal, у Орлеанскаго, угощавшаго королей и либераловъ“... (Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. Спб. 1899 г., т. III, стр. 196, 205).

Книга Вяземскаго вызвала суровую рецензію Н. А. Полевого, отдавшаго предпочтеніе своему переводу „Адольфа“ и назвавшаго переводъ князя „тяжелымъ“ и „невѣрнымъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1831 г., № 20, стр. 531—544).

— *(Стр. 62, строки 12—23).* А. Д. Галаховъ считаетъ „несправедливымъ“ замѣчаніе Пушкина, будто „Бенжаменъ Констанъ *первый* вывелъ на сцену характеръ, въ послѣдствіи обнародованный геніемъ Лорда Байрона“. Болѣе отдаленныхъ родоначальниковъ байроновскихъ ге-

lib.pushkinskijdom.ru

роевъ изслѣдователь видитъ въ Вертерѣ Гете, въ Рене Шатобріана и въ Оберманѣ Сенанкура (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVI, № 14, стр. 297—298).

Самъ Байронъ далъ слѣдующій отзывъ о романѣ Бенжамена Констана въ письмѣ къ поэту Роджерсу: „Это произведеніе оставляетъ тягостное впечатлѣніе, но гармонируетъ съ тѣмъ состояніемъ, когда болѣе не способны любить, — состояніемъ, можетъ быть, самымъ непріятнымъ въ мірѣ, за исключеніемъ влюбленности. Я сомнѣваюсь, однако, чтобы всѣ узы подобнаго рода кончались такъ плохо, какъ связь героя и героини Бенжамена Констана“ (Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore; traduits de l'Anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830, t. III, p. 36: письмо изъ виллы Діодати, близъ Женевы, отъ 29-го іюля 1816 г.).

Стихи, въ которыхъ характеризуется Адольфъ, взяты изъ VII главы „Евгенія Онѣгина“, которая въ январѣ 1830 г. еще не была напечатана (Дѣла III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ. Спб. 1906 г., стр. 102—103).

— *(Стр. 63, строка 3).* Нѣсколько странное и необычное выраженіе „метафизическій языкъ“ встрѣчается не разъ въ статьяхъ и письмахъ поэта. „Метафизическаго языка у насъ вовсе не существуетъ“, говоритъ онъ въ очеркѣ „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“ (1824 г.). „Когда нибудь должно же въ слухъ сказать что Руской метафизической языкъ находится у насъ еще въ дикомъ состояніи“, замѣчаетъ Пушкинъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 13-го іюля 1825 г. Тотъ же оборотъ рѣчи съ небольшими измѣненіями есть и въ этюдѣ о Боратынскомъ: „. . . поэтъ нашъ создалъ совершенно новый языкъ и выразилъ на немъ всѣ оттѣнки своей метафизики“ — (Переписка, т. I, стр. 236; настоящій томъ, стр. 11, 131.—Ср. *Пушкинъ и его современники*, вып. XV, стр. 2.)

lib.pushkinskijdom.ru

33.

ИЛІАДА ГОМЕРОВА.

(Стр. 63).

Эта замѣтка, находящаяся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, л. 28, впервые появилась въ *Литературной Газетѣ* 1830 г., т. I, № 20, стр. 14—15, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 547.

Въ письмѣ Пушкина изъ Кишинева отъ 24-го марта 1821 г. помѣщено стихотвореніе, посвященное Н. И. Гнѣдичу.

Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты который воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
Гомера музу намъ явилъ
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ —
Твой гласъ достигъ уединенья
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца,
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья —
Избранникъ Ѳеба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны...

Поэтъ живо интересовался работой Гнѣдича. „Что дѣлаетъ Гомеръ?“ „Что Иліада и что Гнѣдичь?“ — вотъ вопросы, которые на протяженіи ряда лѣтъ задавалъ Пушкинъ самому переводчику и его друзьямъ и знакомымъ. „Гнѣдичь въ тишинѣ кабинета совершаетъ свой подвигъ“, пишетъ Пушкинъ Жуковскому лѣтомъ 1825 г.:

lib.pushkinskijdom.ru

„посмотримъ когда появится его Гомеръ“. „Гнѣдичь не умретъ прежде совершенія Иліады“, шутливо завѣряетъ онъ въ 1826 г. Плетнева: „или реку въ сердцѣ своемъ: нѣсть Ѳебъ“.

23-го февраля 1825 г. Пушкинъ сообщаетъ Гнѣдичу о толкахъ по поводу „Иліады“: „Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи Вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейскій подвигъ въ нашемъ Отечествѣ (чортъ возьми это Отечество). Но отдохнувъ послѣ Илліады что предпримете вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахилъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. *Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая* писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ Поэту. Когда вашъ корабль нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1-й“...

По отпечатаніи своего труда, Гнѣдичъ поднесъ его поэту съ надписью: „Александру Сергѣевичу Пушкину въ знакъ истиннаго уваженія отъ Переводчика. 1829, Дек. 23. С.П.бургъ“ (*Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина. Спб. 1910 г., стр. 29, № 95).

Въ благодарность за присланную книгу было написано письмо, въ которомъ Пушкинъ хотѣлъ подчеркнуть важное значеніе новаго произведенія. Это письмо, дошедшее до насъ въ черновикѣ, начиналось словами: „Наконецъ вышелъ въ свѣтъ такъ давно и такъ нетерпѣ‹ливо› ожида‹ем›ый Переводъ Илліады. Всѣ благомыслящіе люди чувствовали важность сего перевода и ожидали онаго съ нетерпѣніемъ“..

Повидимому, редакція письма не удовлетворила Пушкина, и оно послано не было, а взамѣнъ его была напечатана въ *Литературной Газетѣ* извѣстная замѣтка, которая

lib.pushkinskijdom.ru

побудила Гнѣдича отправить 6-го января Пушкину краткую, но выразительную записку: „Любезной Пушкинъ. Сердце мое полно; а я одинъ: прими его изліяніе. Не знаю, кѣмъ написаны во 2-мъ номерѣ Лит‹ературной› Газеты нѣсколько строкъ объ Иліадѣ; но едвали цѣлое похвальное слово, въ величину съ Плиніево Траяну, такъ бы тронуло меня, какъ эти *нѣсколько строкъ*. Едвали мнѣ въ жизни случится читать что либо о моемъ трудѣ, что было бы сказано такъ благородно и было бы мнѣ такъ утѣшительно и сладко! Это лучше царскихъ перстней. Обнимаю тебя".

Получивъ записку, Пушкинъ въ тотъ же день отвѣтилъ Гнѣдичу: „Я радуюсь, я щастливъ что нѣсколько строкъ робко набросанныхъ мною въ Газетѣ могли тронуть васъ до такой степени — Незнаніе Греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иллiады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи. Обнимаю васъ отъ сердца"... (Переписка, т. I, стр. 30, 44, 182, 226, 330—331; т. II, стр. 81, 102—106).

Помимо замѣтки, помѣщенной въ *Литературной Газетѣ*, Пушкинъ напечаталъ въ альманахѣ *Аѳіона* на 1832 г. знаменитое двустишіе:

Слышу божественный звукъ воскреснувшей Эллинской рѣчи;
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

Въ измѣненномъ видѣ произведеніе было перепечатано въ третьей части „Стихотвореній" Пушкина, вышедшей въ свѣтъ въ 1832 г. Здѣсь первый стихъ читается такъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной Эллинской рѣчи.

Новѣйшія разысканія выяснили, что первоначальный текстъ этой хвалебной пьесы представляетъ собою сатиру и даетъ возможность точно опредѣлить настоящее отношеніе Пушкина къ труду Гнѣдича:

lib.pushkinskijdom.ru

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, прелагатель слѣпова Гомера;
Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

„Такимъ образомъ", пишетъ П. О. Морозовъ: „Пушкинъ, не знавшій греческаго языка, но чутьемъ догадавшійся о томъ недостаткѣ перевода „Иліады", въ которомъ критика стала впослѣдствіи упрекать Гнѣдича — объ его напыщенности, выразившейся въ обиліи славянизмовъ, — не могъ удержаться, чтобы не кольнуть переводчика эпиграммой. Но, вѣроятно, опасаясь, что эта вспышка юмора можетъ какъ-нибудь дойти до крайне самолюбиваго Гнѣдича и испортить существовавшія между обоими поэтами добрыя отношенія, поторопился ее зачеркнуть съ особенной тщательностью и замѣнить двустишіемъ совсѣмъ иного рода". *(Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIII, стр. 13 — 14).

34.

[О ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКѢ].

(Стр. 63—64).

Эта замѣтка сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 29 об.— 30 об. и напечатана впервые въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 3, стр. 24. Изъ первоначальныхъ варіантовъ, встрѣчающихся въ черновомъ автографѣ, любопытны тѣ, которые имѣютъ отношеніе къ сотрудникамъ газеты барона А. А. Дельвига:

Стр. 64, строки 28—32: Впрочемъ *Литерат‹урная› Газета* была необходима не столько для публики сколько для нѣкотораго числа писателей не могшихъ по разнымъ *причинамъ печатать свои замѣчанія въ существующихъ журналахъ* —

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 64, строка 31: . . . . печатать *статьи, иногда необходимыя* . . . .

» » » » . . . . печатать *имя свое* . . . .

Замѣтка „О литературной критикѣ“ была написана поэтомъ по поводу статей, напечатанныхъ въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ альманахѣ М. А. Максимовича *Денница* (1830 г.).

Авторъ „Посланія Сѣверной Пчелы къ Сѣверному Муравью“ скептически относится къ русскимъ литературнымъ предпріятіямъ. „У насъ, на святой Руси“, разсуждаетъ онъ: „*четыре* Литературныя Газеты и до *десяти* Литературныхъ Журналовъ, которые обѣщаютъ строго наблюдать за ходомъ Русской Словесности, и быть безпристрастными въ критикѣ. Намѣреніе похвальное, но жаль, что несбыточное. Наша Литература есть *Литература-невидимка!* Всѣ говорятъ объ ней, а никто ея не видитъ. На одной рукѣ можно сосчитать, по пальцамъ, *всѣ* литературныя произведенія наши въ теченіе года, заслуживающія наблюденія и суда, и эти-то несчастныя выскочки подвергаются всѣмъ выстрѣламъ критики. Каждый мѣтитъ имъ прямо въ сердце, чтобъ показать свое искусство! А какъ критиковать чужое, или попросту, *бранить*, какъ дѣлается у насъ на Руси, гораздо легче, нежели самому сочинять, то — за недостаткомъ предметовъ къ разбиранію, наши литературные Журналисты мечутся другъ на друга, съ весьма похвальнымъ намѣреніемъ выполнить обѣщаніе свое, данное въ программѣ Журнала: *заниматься критикою*. Что жъ дѣлать, когда вся наша текущая Литература состоитъ изъ Журналовъ, и годовой результатъ посѣва — два, три Альманаха, а критиковать непремѣнно надобно?“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 3).

Однородная тема затронута сотрудниками альманаха *Денница* въ статьяхъ „Обозрѣніе русской словесности 1829 года“ и „Отрывокъ изъ письма А. И. Г<отовцов>ой“.

lib.pushkinskijdom.ru

Первая статья принадлежитъ И. В. Кирѣевскому; вторая— князю П. А. Вяземскому. Оба даровитыхъ писателя коснулись жгучихъ вопросовъ о состояніи нашей литературы и о недостаткахъ нашей журнальной критики.

„Будемъ безпристрастны", говоритъ Кирѣевскій: „и сознаемся, что у насъ еще нѣтъ полнаго отраженія умственной жизни народа, у насъ еще нѣтъ литературы". Поэтому, у насъ нѣтъ и критики. „Самыя перебранки нашихъ журналовъ, ихъ неприличныя критики, ихъ дикій тонъ, ихъ странныя личности, ихъ вѣжливости не городскія, —все это было похоже на нестройныя движенія распеленатаго ребенка.... Странная неприличность полемики составляла отличительный характеръ нашихъ журналовъ".... (*Денница* на 1830 г., стр. X — XI, LXXV, LXXIX).

П. А. Вяземскій всецѣло раздѣляетъ мнѣніе Кирѣевскаго о „полемическомъ изступленіи" нашихъ литературныхъ критиковъ и думаетъ, что „съ нѣкотораго времени журналы наши такъ грязны, что читать ихъ не иначе можно какъ въ перчаткахъ". По словамъ князя, „духъ критики (если можно назвать это *духомъ* и *критикою*?) нѣкоторыхъ...., журналовъ, на которые указывать не для чего, потому что бѣдственная извѣстность ихъ слишкомъ уже у всѣхъ оглашена, исторгнулся изъ границъ не только литературнаго и общежительнаго, но и нравственнаго приличія. Судить ихъ нечего: довольно и того, что остаются за ними, по силѣ печати, въ вѣчное и потомственное владѣніе, нареканія, коими они перекидывались между собою въ частыхъ своихъ схваткахъ. Въ политическихъ сношеніяхъ журнальныхъ кабинетовъ видимъ мы нерѣдко послѣ продолжительныхъ браней союзы насильственные, худо и на скорую руку по обстоятельствамъ слѣпленнаго мира: но вслѣдъ за этими мировыми сдѣлками не можетъ быть уваженія ни между примирившимися, ни со стороны, потому что оружія, употребленныя воевавшими, были

lib.pushkinskijdom.ru

недостойны образованныхъ и прямодушныхъ противниковъ. О литературномъ состояніи нашей республики письменъ говорить почти нечего; но можно и должно-бы написать обозрѣніе нравственнаго состоянія литературы нашей. Литературу называютъ выраженіемъ общества: слѣдуетъ вступиться за общество, изобличая лживость выраженія поддѣльнаго и оскорбительнаго чести ея" (*Денница* на 1830 г., стр. 131, 133 — 134).

Пушкинъ, въ 1824 году утверждавшій, что „у насъ еще нѣтъ ни словесности, ни книгъ" (настоящій томъ, стр. 11), теперь нѣсколько измѣнилъ свои взгляды и отказался признать справедливымъ мнѣніе Кирѣевскаго, что „у насъ нѣтъ литературы", хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавилъ, что хорошія литературныя произведенія представляютъ въ Россіи явленія рѣдкія. Иное дѣло критика: она, съ точки зрѣнія поэта, почти совсѣмъ отсутствуетъ, ограничиваясь „библіографическими извѣстіями", „сатирическими замѣчаніями" и „общими дружескими похвалами". Въ подтвержденіе своихъ словъ Пушкинъ ссылается на своеобразныя дополненія, сдѣланныя М. Т. Каченовскимъ къ двумъ статьямъ Н. И. Надеждина: „Откликъ съ Патріаршихъ прудовъ" и „Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ".

Въ первой статьѣ Надоумко проситъ издателя *Вѣстника Европы* „очистить въ журналѣ мѣстечко" для своей другой работы, на что̀ издатель отвѣчаетъ: „Весьма охотно и безъ малѣйшаго отлагательства". Во второй статьѣ любимый собесѣдникъ Надоумка Пахомъ Силичъ Правдивинъ, говоря о литературной полемикѣ, совѣтуетъ не увлекаться преніями съ журнальными противниками: „На пустяки пороху тратить много не слѣдуетъ"... Эти слова показались неумѣстными Каченовскому, подвергавшемуся насмѣшкамъ за статью о торговлѣ порохомъ, и онъ снабдилъ приведенныя слова Правдивина слѣдующими при-

lib.pushkinskijdom.ru

мѣчаніями: „*Порохъ, порохъ!*. Дадутъ вамъ этотъ *порохъ* опять! *Прим. Набор‹щика›*. — Продолжай набирать! Ты не знаешь прекрасныхъ стиховъ *Жуковскаго*:

Могущему пороку — брань!
Безславному — презрѣнье!

Прим. Изд‹ателя›“.

(*Вѣстникъ Европы*, 1828 г., ч. 163, № 24, стр. 304; 1829 г., ч. 169, № 23, стр. 189. — Ср. *Сынъ Отечества*, 1829 г., ч. 125, № 19, стр. 320; *Сѣверная Пчела*, 1829 г., № 140).

Вмѣсто подобныхъ „семейственныхъ шутокъ“, по глубокому убѣжденію поэта, слѣдуетъ помѣщать серьезные критическіе очерки, важные даже въ томъ случаѣ, когда въ нихъ разбираются сочиненія „сами по себѣ ничтожныя, но замѣчательныя по своему успѣху или вліянію“. Желаніемъ Пушкина создать у насъ истинную критику и вызвано его ближайшее участіе въ *Литературной Газетѣ*, основанной барономъ А. А. Дельвигомъ. „Появленіе этой газеты, совпадающее съ прекращеніемъ журнала *Московскій Вѣстникъ*“, пишетъ П. В. Анненковъ: „объясняется потребностію новаго органа для литературной дѣятельности Пушкина и друзей его, что подтвердила и сама редакція въ одномъ изъ №№, сказавъ прямо, что газета издается для тѣхъ литераторовъ, которые не могутъ участвовать ни въ одномъ изъ петербургскихъ и московскихъ журналовъ. Основная мысль ея вѣрнѣе выражена въ рукописной замѣткѣ Пушкина (настоящій томъ, стр. 97), гдѣ онъ изъясняетъ право публики, требовать уже отъ извѣстныхъ писателей: Жуковскаго, Боратынского, князя Вяземскаго и друг‹ихъ,› оцѣнки произведеній литературнаго міра. Кромѣ прямой пользы молодымъ талантамъ, они, по мнѣнію Пушкина, могли бы вырвать критику изъ рукъ судей, положившихъ въ основаніе

lib.pushkinskijdom.ru

своему призванію только собственный произволъ и личныя отношенія къ писателямъ“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 249).

Отзывъ Пушкина о *Литературной Газетѣ* вызвалъ раздраженіе среди журналистовъ. Въ *Сѣверной Пчелѣ* отъ имени нѣсколькихъ подписчиковъ былъ помѣщенъ слѣдующій „Вопросъ“, обращенный къ Булгарину и Гречу: „...объявленіе издателей Литер‹атурной› Газеты приводитъ всѣхъ Русскихъ читателей въ величайшее изумленіе, и возбуждаетъ странныя сомнѣнія!! Какъ можно издавать Газету *не для публики*, а для *нѣкотораго числа* Писателей? Кто таковы сіи Писатели, которые не могутъ являться подъ своимъ именемъ въ Журналахъ? Какъ велико ихъ нѣкоторое число? — Вотъ вопросы, которые мы никакъ не можемъ разрѣшить... Великихъ Прозаиковъ мы не знаемъ на святой Руси, которые бы *по отношеніямъ* не могли печатать своихъ сочиненій ни въ одномъ Журналѣ, кромѣ одной Литер‹атурной› Газеты. Истинный талантъ не знаетъ никакихъ *отношеній* въ *Литературѣ*, кромѣ отношенія къ публикѣ, а не во гнѣвъ сказать, въ Россіи есть Журналы не хуже Лит‹ературной› Газеты, которыхъ Издатели пріобрѣли право (своими трудами) быть посредниками между публикою и Писателями. И такъ кто жъ тѣ *великіе незнакомцы*[1]), которые хотятъ *печатно скрываться* предъ нами въ Литер‹атурной› Газетѣ? И если Газета *болье необходима* для нихъ, то есть, для желающихъ писать и печатать, нежели для насъ, требующихъ чтенія, то что намъ остается дѣлать въ этомъ случаѣ? Растолкуйте это намъ, Гг. Издатели Пчелы! Не насмѣшка ли это, не шутка ли, не мистификація ли? Трудно повѣрить, чтобъ сами

1) Вальтеръ-Скотъ, издавая свои Романы безъ подписи своего имени, былъ называемъ въ публикѣ: le grand inconnu. Въ подражаніе ему, и у насъ стали *скрываться* подъ чужими именами, *объявляя* всѣмъ и каждому *великую тайну* своего литературнаго прозванія. *Примѣчаніе автора статьи.*

lib.pushkinskijdom.ru

Издатели Журнала писали противу себя такіе манифесты!..“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 6. — *Сынъ Отечества*, 1830 г., № 16, стр. 237)[1]). — Весьма недоволенъ замѣткой Пушкина остался и М. А. Бестужевъ-Рюминъ, помѣстившій въ *Сѣверномъ Меркуріи* дерзкую сатиру на Дельвига. Баронъ изображенъ въ видѣ содержательницы лавки модныхъ товаровъ Аделаиды Антоновны Габенихтсиной. Эта особа, „подобно другимъ магазинщицамъ, пустилась на хитрости: сдѣлала приманчивую вывѣску къ своему магазину, и объявила, что она открыла его не для всей публики, но только для нѣкоторыхъ своихъ пріятельницъ, будто-бы нехотѣвшихъ выставлять на показъ въ другихъ магазинахъ свое рукодѣлье“. Въ числѣ пріятельницъ, поставлявшихъ работы Аделаидѣ Антоновнѣ, видное мѣсто занимаетъ „дорогая кумушка, знаменитая художница“ Александра Сергѣевна. Она „дѣйствительно *была прежде* изъ лучшихъ мастерицъ въ своемъ родѣ, но начавъ лѣниться, стала рукодѣльничать плохо, думая, что покупатели не разглядятъ истиннаго достоинства новой ея работы, которая, по прежнему, будетъ сходить съ рукъ удачно. Но вышло совсѣмъ иначе. Между тѣмъ, въ послѣдствіе времени, появились новыя художницы, которыя и первыми опытами своего искуства, поселили во всѣхъ пріятную и несомнѣнную надежду, что онѣ,

---

1) См. *Сѣверную Пчелу*, 1831 г., № 9: „Въ № 3 Литературной Газеты на 1830 годъ, на стр. 24, въ строкахъ 27 и 28 сказано отъ имени Гг. Издателей слѣдующее: „Литературная Газета была у насъ необходима не столько для публики, сколько для *нѣкотораго числа* Писателей“. — Событія оправдали сіе предположеніе: Литературная Газета издавалась только для *нѣкотораго числа* Писателей, и хладнокровіе публики къ сему изданію доказало, что она не имѣла въ ней необходимой надобности. — Весьма *многіе* изъ *малаго* числа читателей сей Газеты замѣчаютъ, что главная ея цѣль есть та, чтобъ выхвалять и превозносить Писателей, объявленныхъ сотрудниками сей Газеты, и унижать, по возможности, Писателей, непринадлежащихъ къ числу *нѣкоторыхъ*, для коихъ издается Литературная Газета“.

lib.pushkinskijdom.ru

въ скоромъ времени, если не перещеголяютъ Алек‹сандру› Сергѣев‹ну›, то по крайней мѣрѣ войдутъ въ счастливое съ нею соперничество. Разумѣется, что это произвело роковой ударъ для сей послѣдней, которая, бывъ *сама* чрезвычайно убѣждена въ превосходствѣ дарованія, самолюбивѣе въ этомъ отношеніи всякой кокетки“ (*Сѣверный Меркурій*, 1830 г., №№ 49, 50: „Сплетница“).

На защиту *Литературной Газеты* отъ нападокъ Ѳ. В. Булгарина и М. А. Бестужева-Рюмина выступилъ О. М. Сомовъ. „Давно уже благомыслящіе читатели журналовъ“, писалъ онъ въ своемъ „Обозрѣніи Россійской словесности“: „негодовали на односторонность мнѣній, пристрастныя сужденія, самохвальные возгласы, нелитературныя прицѣпки, коихъ вмѣстилищемъ были нѣкоторые изъ рускихъ журналовъ, самовольно принявшіе на себя обязанность говорить о литературѣ. Не похвалить вздорнаго романа, скучныхъ статей о нравахъ, или выскочекъ недоучившейся заносчивости, хвастливо изъявляющей притязанія свои на ученость, — значило накликать на себя цѣлую стаю грубыхъ личностей, оскорбительныхъ намековъ и пр., и не на писателя уже, а на гражданина и на человѣка въ частной его жизни. Таковы были полемическія замашки нѣкоторыхъ самоуправныхъ судей журнальныхъ. Къ счастію, публика, которой мнѣніемъ трудно завладѣть, была для нихъ самихъ судьею еще строжайшимъ, но за то справедливѣйшимъ. И странно было бы подумать, чтобъ люди, которыхъ она не видитъ и не замѣчаетъ въ толпѣ, люди, ни почему не заслужившіе ея довѣрія, не стяжавшіе даже себѣ уваженія отъ общества хорошими произведеніями, могли управлять мнѣніемъ общимъ! Но друзья литературы и правды желали видѣть другія, болѣе откровенныя и безпристрастныя сужденія о произведеніяхъ словесности руской, желали находить мнѣнія о литературѣ вообще, а не

lib.pushkinskijdom.ru

вывѣски отношеній личныхъ; и для сихъ-то читателей, постигающихъ истинную цѣль журнала литературнаго, издавалась *Литературная Газета*“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1831 г., стр. 63—64).

— *(Стр. 64, строки 12 — 13).* Приведенные въ статьѣ Пушкина стихи заимствованы изъ произведенія Жуковскаго „Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“ (1812 г.).

— *(Стр. 64, строки 17 — 23).* Романъ Ѳ. В. Булгарина „Иванъ Выжигинъ“, вышедшій въ свѣтъ въ 1829-мъ году, выдержавшій въ два года три изданія и переведенный почти на всѣ европейскіе языки, дѣйствительно былъ „замѣчателенъ“ по своему успѣху и вліянію. По словамъ О. М. Сомова, онъ представлялъ собою „любимое чтеніе разныхъ классовъ нашей публики“, и успѣхъ его „породилъ много подражателей или послѣдователей“, которые обѣщали „уже цѣлыя кипы *оригинальныхъ* русскихъ романовъ“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., стр. 95). Интересная оцѣнка произведенія Булгарина сдѣлана И. В. Кирѣевскимъ: „Пустота, безвкусіе, бездушность; нравственныя сентенціи, выбранныя изъ дѣтскихъ прописей, невѣрность описаній, приторность шутокъ, вотъ качества сего сочиненія, качества — которыя составляютъ его достоинство, ибо они дѣлаютъ его по плечу простому народу, и той части нашей публики, которая отъ азбуки и катихизиса приступаетъ къ повѣстямъ и путешествіямъ. Что есть люди, которые читаютъ Выжигина съ удовольствіемъ и слѣдовательно съ пользою, это доказывается тѣмъ, что Выжигинъ расходится. Но гдѣ-же эти люди? спросятъ меня. — Мы не видимъ ихъ точно также, какъ и тѣхъ, которые наслаждаются *Сонникомъ* и книгою *О клопахъ;* но они есть, ибо и *Сонникъ,* и *Выжигинъ,* и *О клопахъ* раскупаются во всѣхъ лавкахъ“ (*Денница* на 1830 г., стр. LXXIII—LXXIV).

---

lib.pushkinskijdom.ru

35.

ИСТОРІЯ РУСКАГО НАРОДА.

(Стр. 65—78).

Изъ этихъ статей только программа третьей сохранилась въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2387 Б, лл. 46—47, 51; № 2387 В, л. 1, 34 об., и въ автографахъ Майковскаго собранія (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 29, №№ 20—21, 24). Двѣ первыя статьи появились въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 4, стр. 31—32; № 12, стр. 96—98, и впослѣдствіи помѣщены въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 75—81. Программа третьей статьи напечатана въ „Матеріалахъ“, стр. 267—271, въ сочиненіи „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, стр. 95, въ книгѣ И. А. Шляпкина „Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“, стр. 56—58, въ *Вѣстникѣ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 609, и въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 567—568.

Черновики поэта написаны весьма нечетко и небрежно, съ большимъ числомъ помарокъ и исправленій; вслѣдствіе этого на стр. 71-ой, въ строкѣ 15-ой, при свѣркѣ корректуры съ оригиналомъ, нами была допущена опечатка. Вмѣсто: Тѣлохранители Королей, надо читать: Короли. Тѣлохранители.

Значительное количество первоначальныхъ варіантовъ свидѣтельствуетъ о стараніи Пушкина тщательно обработать подготовляемую имъ въ 1831 г. рецензію на второй томъ „Исторіи русскаго народа“ [1]).

Стр. 71, строка 17: *Суды*. Власть Корол‹евская›.
» 71, » 19: *Обѣдненіе*. Venalité des charges.

1) Программа рецензіи печатается по рукописямъ Румянцовскаго Музея, за исключеніемъ двухъ отрывковъ на стр. 71 (строки 24—29), 72 (строки 1—28), 76 (строки 24—27), 77 (строки 1—13). Эти послѣдніе изданы по автографамъ изъ Майковской коллекціи (№№ 21, 24).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 71, строка 26: ...Должно *разсмотрѣть* каковы были...

» 71, » 27: Феодальное правленіе, *система простая и сильная*, было основано.....

» 72, » 1—2: Слабые прибѣгнули къ покровительству сильнѣйшихъ, *условясь въ своей зависимости и Феодальная Іерархія установилась съ общаго согласія. Главные владѣльцы признавали*[1]) *первенство Короля, ими избираемаго, обязывались вспомоществовать ему во время войны; иногда прибѣгали къ его суду и если были недовольны имѣли право вести противъ него вооруженныхъ вассаловъ.*

» 72, » 4: ...соблюдая свои выгоды *или удовлетворяя своимъ прихотямъ*....

» 72, » 8—10: Со временемъ они смѣшались съ побѣжденными *посредствомъ браковъ; такимъ образомъ* установились взаимныя обязательства....

» 72, » 15: ...они созывали сеймы. *Владѣльцы съѣзжались, по своей доброй волѣ, толковали съ Королемъ о дѣлѣ общественномъ, и предпринимали мѣры большею частію времянныя.*

» 72, » 18: ... властолюбивыми *дворцовыми* Мерами....

» 72, » 21: *Народные сеймы подъ именемъ Собраній Генеральныхъ Штатовъ, составили коренное народное право францу-*

1) *Далье написано:* пхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

скаго народа. Они постановляли законы въ слѣдствіи коихъ Короли правили съ содѣйствіе‹мъ› Парламентовъ а Парламенты чинили[1]) *судопроизводство.*

Стр. 73, строка 6: . . . . народъ откупился *отъ рабства* . . .
» » » » . . . . *отъ феодальнаго рабства.*
» 73, » 8—9: . . . и явились aprivoisés въ дворцовыхъ передн*ихъ* —
» 73, » 10: Короли *обрадовались* почувствовали . . . .
» 73, » 16: . . . и сословіе *сіе стало* соперничество*вать* съ *горде‹ливымъ›* дворянствомъ . . . .
» 73, » 18—19: . . . правленіе *богатой* части народа . . .
» 73, » 24: . . . независимость *Магистратуры* —
» 73, » 25—26: Ришелье установилъ комиссаровъ, т. е. временн*ыхъ королевскихъ* dele*gués* . . . .
» 73, » 28: . . . . самовластіе Кардин‹ала› . . . .

Отрывокъ, начинающійся словами: „Прежде нѣжели приступимъ“ . . . ., сохранился еще въ видѣ краткаго конспекта[2]).

C'est l'esprit du tems qui dirige
les grands evenements du monde. *Voltaire.*

30 мая 1831. Ц‹арское› С‹ело›.

Прежде нѣжели приступимъ къ описанію Великаго преоборота низпровергшаго во Франціи старинный образъ вещей утвержденный осьмью столѣтіями, разсмотримъ каковъ былъ сей образъ вещей.

Феодальное правленіе простая и сильная система, въ

1) *Въ оригиналѣ:* вели чинили.

2) Текстъ приводится по автографу изъ собранія Л. Н. Майкова (№ 20) съ опущеніемъ зачеркнутыхъ поэтомъ словъ и предложеній.

lib.pushkinskijdom.ru

коей все опредѣлено и извѣстно: права и обязанности Власть Королевская (le domaine) власть Великихъ Владѣтелей, и феодальная іерархія отъ Пера до послѣдняго Вассала —

Постепенныя (alienations de pouvoir) между Владѣльцами и городами (общинами земщиной) и соединенія Королей съ народомъ для уничтоженія Феодализма — сосредо<то>чили наконецъ власть въ рукахъ Королей, но они ограничили ее современемъ имѣя всегдаш<нюю> нужду въ деньгахъ и сборахъ.

Ришеліе, la fronde — Лудвикъ XIV — его самодержавіе, уничиженіе парламентовъ — нещастія послѣднихъ годовъ Царствованія Лудвик<а> истощеніе казны — возрожденіе власти парламентовъ при Регентѣ — состояніе des grands vassaux — ненависть между Дворянствомъ придворнымъ, или военнымъ и дворянствомъ гражданскимъ или судебнымъ — Власть Королевская — опозиція и преданность Дворянства — опозиція Парламентовъ — le tiers état — народъ —

Стр. 74, строки 6—7: ...въ мнѣніи *безпристрастныхъ* и благоразумныхъ читателей.....

» 74, » 8—9: ...довѣренность *къ его словамъ, которую Историкъ обязанъ прежде всего внушить добросовѣстностію труда* —

» 74, » 16—17: ...походитъ болѣе на журнальныя *отдѣленія* чѣмъ на *Исторію*...

» 74, » 23—24: ...по живости *слога* хоть и неправильнаго, по *различнымъ точкамъ зрѣнія съ которыхъ правда Г. Ш<олевой> смотрѣлъ не далеко по новости взгляда* часто невѣрнаго...

» 74, » 29—30: ...гораздо менѣе противурѣчій *фило-*

lib.pushkinskijdom.ru

софической болтовни многорѣчія *пустосло‹вія›*.

Стр. 75, строка 6: Онъ *видитъ* что Россія была....

» 75, » 14: ...‹что› *въ* драка*хъ* Княж‹ескихъ› *не было* никакого *развитія*...

» 75, » 16: ....*что Удѣльныя Княже‹ства› столь-же мало походятъ на феодализмъ Евр‹опейскихъ› Бароновъ — какъ нынѣшнія Губерніи на Чингисъ-Хановы орды* —

» 75, » 19: ....*что феодализмъ образовался уже въ позднѣйшія времена*...

» 76, » 6: *Они пользовались ихъ раздорами родословными изо всей силы препятствуя имъ соединиться — Аристокра‹ція› стала могущественна — Ив‹анъ› Вас‹ильевичъ› III держ‹алъ› ее въ рукахъ при себѣ — Ив‹анъ› IV казнилъ въ Между-Царствіе она возросла до высшей ст‹епени›. Она была наслѣдственная отселѣ мѣстничество на которое до сихъ поръ привык‹ли› смотрѣть сам‹ымъ› дѣтскимъ образомъ — Не Ѳ‹еодоръ›-но Языковъ т. е. меньш‹ое› дворянство уничтожило мѣстничество и Боярство принимая сіе слово не въ смыслѣ прид‹ворнаго› чина*...

» 77, » 14: *Взглянемъ же на Европу.* Ист‹орія› древн‹яя› кончилась....

» 77, » 16: ...переворотъ нашей планеты есть *Вѣра Истинная*...

» 77, » 19—20: Горе *землѣ не входящей въ сію систему!*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 77, строка 24: ...не есть уже конецъ Рима и системы *его Единодержавія?*

» 77, » 26: Онъ обретаетъ его зородышь (sic) *обьясняетъ* развитіе...

» 77, » 28: ...*ведетъ* его сквозь [рядъ].....

» 77, » 30: *У Гизо одна мысль одно событіе, одна Алебраическая Формула и какая сила, какая ясность, какая точность.*

» 78, » 5: — *вы возклицаете*: Иначе нельзя было быть.

» 78, » 9—10: *Историкъ*, по *пословицѣ* не пророкъ, а угадчикъ, *и со всевозможнымъ остроуміемъ нельзя* ему предвидѣть случая.

» 78, » 12—13: Одинъ изъ *Фил‹ософовъ›* XVIII ст‹олѣтія›...

„Исторія русскаго народа" Полевого была встрѣчена несочувственно журналистами и учеными. Одинъ Булгаринъ отмѣтилъ ея „критическо-философическія" достоинства (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 4); Погодинъ, Надеждинъ и другіе рецензенты ожесточенно напали на автора. Причины недовольства тогдашнихъ литераторовъ и ихъ враждебное отношеніе къ труду Полевого прекрасно выяснены К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ: „Человѣкъ, призванный для борьбы, провозвѣститель новыхъ началъ, выработанныхъ другими, но имъ вносимыхъ въ жизнь, не можетъ быть человѣкомъ спокойнымъ. Все, что онъ пишетъ, отличается характеромъ полемическимъ. Такимъ характеромъ отличается и „Исторія русскаго народа". Такого свойства изложеніе повредило книгѣ во многомъ, но послужило отчасти основою нѣкоторыхъ неотъемлемыхъ достоинствъ. Тѣмъ не менѣе такой рѣзкій тонъ, замѣтный во всѣхъ статьяхъ и книгахъ Полевого; его безпокойное преслѣдо-

lib.pushkinskijdom.ru

ваніе ложныхъ авторитетовъ и всего, что онъ считалъ ложью, должны были возбудить сильную реакцію въ эпоху безусловнаго поклоненія авторитетамъ, потому еще особенно, что шли отъ человѣка, не принадлежавшаго къ цѣху ученыхъ. На „Исторію русскаго народа“ посыпались возраженія со всѣхъ сторонъ. Одинъ почтенный ученый, редакторъ одного изъ лучшихъ журналовъ того времени, началъ свою статью о книгѣ Полевого цѣликомъ въ родѣ: „наглость, нахальство и невѣжество“ и т. п. Другой объявилъ, что „Исторія русскаго народа“ „болото, идѣже гадовъ нѣсть числа“; мирная *Галатея* посвятила цѣлый особый отдѣлъ *Аргусъ* ругательнымъ статьямъ противъ этой исторіи; Руссовъ, почтенный, хотя недаровитый труженикъ, издавалъ по поводу ея цѣлыя брошюры, и т. д.

„Въ какомъ тонѣ велась эта полемика, можете судить потому, что въ одномъ журналѣ извѣщали, что Нибуръ, узнавъ о посвященіи ему „Исторіи русскаго народа“, сошелъ съ ума; въ другомъ помѣщена была слѣдующая эпиграмма:

Увы! Россійскій нашъ Леклеркъ
Упалъ, смутился и померкъ
За то, что посвятилъ Нибуру
Двѣнадцать книгъ. Чего? — Сумбуру.

(*Московское Обозрѣніе*, 1859 г., ч. I, стр. 32).

Посвященіе книги Нибуру подверглось суровому разбору и со стороны Пушкина, упрекавшаго Полевого за „излишнюю самонадѣянность“ и за чрезмѣрное самовосхваленіе[1]).

Мнѣніе поэта объ авторѣ „Исторіи русскаго народа“ было невысокое. Онъ искренно негодовалъ, когда прочелъ въ журналѣ Надеждина сравненіе себя съ Полевымъ, а въ замѣчаніяхъ на статью князя Вяземскаго писалъ:

1) Рецензія Пушкина произвела впечатлѣніе на читателей *Литературной Газеты*. Послѣ появленія первой статьи всѣ съ нетерпѣніемъ ждали обѣщаннаго продолженія (Переписка, т. II, стр. 115).

lib.pushkinskijdom.ru

„О Полевомъ не худо было напомнить и пространнѣе. Не должно забыть, что онъ сдѣланъ членомъ корреспондентомъ нашей Академіи за свою шарлатанскую книгу, писанную безъ смысла, безъ изысканій и безо всякой совѣсти, — не говорю уже о плутовствѣ подписки, что уже касается Управы Благочинія, а не Академіи Наукъ“ (Переписка, т. II, стр. 385 — 386. — Кн. *П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій. Спб. 1879 г., т. II, стр. 149).

Впрочемъ, допуская столь рѣзкія сужденія о Полевомъ среди своихъ друзей и единомышленниковъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIII—XXIV, стр. 103), поэтъ считалъ „грубыя насмѣшки и ругательства“ неумѣстными въ печати и неодобрительно отзывался о пренебрегавшихъ чувствомъ приличія ученыхъ рецензентахъ сочиненія Полевого (Переписка, т. II, стр. 114)[1]).

Пушкинъ видѣлъ въ Вальтерѣ Скоттѣ писателя, оказавшаго сильное вліяніе на французскую историческую школу, представителями которой были баронъ де Барантъ (род. въ 1782 г., ум. въ 1866 г.) и Огюстенъ Тьерри (род. въ 1795 г., ум. въ 1856 г.). Оба эти историка умѣли сочетать науку съ поэзіей, выдвинули принципъ: „scribitur ad narrandum“. Въ одно и то же время теоретики и художники исторіи, они увлекались твореніями знаменитаго шотландскаго романиста. Вальтеръ Скоттъ былъ образцомъ, которому они подражали; казался великимъ учителемъ по своей исторической проницательности. „La lecture des romans de Walter Scott“, говоритъ Тьерри: „a tourné beaucoup d'imagination vers ce moyen âge dont on s'éloignoit naguère avec une sorte de dégoût; et s'il s'opère

1) М. П. Розбергъ писалъ В. Г. Теплякову 8-го іюня 1830 г.: „Съ Полевымъ Пушкинъ въ ссорѣ, однако не дышитъ противъ него всѣмъ огнемъ журнальнаго гнѣва, хотя и не слишкомъ доволенъ первымъ томомъ Исторіи Русскаго Народа. Полевой совершенно бѣснуется, задыхается отъ желчи, бранитъ, ругаетъ все и всѣхъ“ (*Историческій Вѣстникъ*, 1887 г., № 7, стр. 19).

lib.pushkinskijdom.ru

de nos jours une révolution dans la manière de lire et d'écrire l'histoire, ces compositions, en apparence frivoles, y auront singulièrement contribué" (*A. Thierry.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1827, pp. 83 — 84.

Полевой, по справедливому указанію Пушкина, является послѣдователемъ французской школы. Поэтъ, однако, ставитъ ему въ вину фанатическую нетерпимость въ отношеніи ученыхъ, не согласныхъ съ нимъ во взглядѣ на исторію, неумѣстныя нападки на трудъ Карамзина и плохое изложеніе.

Однородныя мнѣнія были высказаны и другими рецензентами, но въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Полевой „отщипнулъ нѣсколько мыслей" отъ книгъ Тьерри, не понявъ послѣдняго; „стянулъ" настолько неудачно, что французскій изслѣдователь „съ удовольствіемъ согласится отказаться отъ своей собственности", писали Погодинъ и Надеждинъ. — Еще суровѣе отозвались тѣ же лица о полемикѣ Полевого съ Карамзинымъ и о риторическомъ вопросѣ: „Когда же думалъ Историкъ?" Этимъ вопросомъ оскорблялась память Карамзина: „это не дерзость даже, — это святотатство", возмущался Погодинъ. „Дерзкая безсмысленность" заноситъ „святотатственную руку на заповѣдныя сокровища истины", „смѣетъ поднимать носъ предъ Карамзинымъ", негодовалъ Надеждинъ: „Величіе Карамзина куплено двадцатилѣтними потовыми трудами мощнаго и дѣятельнаго таланта: можно ль было покуситься перегнать его въ три года съ одной *Рѣчью о невещественномъ капиталѣ* — въ запасѣ?.. Надлежало подняться на хитрость тамъ, гдѣ не беретъ сила: взгромоздиться на ходули и поддѣлать себѣ фальшивую рослость" (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 2, стр. 174, 177. — *Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 1, стр. 40, 53, 62).

Къ защитникамъ историографа примкнулъ и князь П. А. Вяземскій. „Въ числѣ противорѣчій междоусобныхъ", пишетъ онъ: „коимъ новая *Исторія* ‹Полевого›

lib.pushkinskijdom.ru

служитъ обширнымъ поприщемъ, можно выставить еще одно, позабытое другими Критиками. Авторъ въ предисловіи своемъ укоряетъ Карамзина за излишнюю поспѣшность въ его трудѣ и довольно забавно спрашиваетъ: *Когда же думалъ Историкъ?* На это можно было бы ему отвѣчать: *всегда,* ибо рѣшительно вся жизнь Карамзина была или приготовленіемъ къ труду, или исполненіемъ труда, или порою созрѣванія, или порою зрѣлости и жатвы. Но дѣло не въ томъ: любопытно только послѣ сей укоризны видѣть, сколько Авторъ самъ посвятилъ времени на составленіе 12-ти томовъ Исторіи, не только уже готовыхъ въ кабинетѣ Автора, но даже сдѣлавшихся уже и собственностію публики, ибо подписка на нихъ открыта и сумма за всѣ 12 томовъ заплачена подписчиками. «*Съ 1825-го года я началъ уже систематическое сочиненіе о Руской Исторіи*». Въ 1829 году появился первый томъ и 11 томовъ должны быть готовы къ напечатанію: слѣдовательно въ четыре года совершенъ трудъ, на который Карамзинъ, со всею поспѣшностію своею, употребилъ болѣе двадцати лѣтъ“ (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, №31, стр. 251—252).

Строгая оцѣнка „Исторіи Государства Россійскаго“, сдѣланная Полевымъ, была вызвана, какъ выразился Пушкинъ, „желаніемъ отличиться отъ Карамзина“. Въ противовѣсъ представителю „героическаго“ направленія исторіографіи Полевой хотѣлъ „приноровить систему новѣйшихъ историковъ къ Россіи“, но, недостаточно ясно понимая европейскую и русскую жизнь, допустилъ промахъ, изобразивъ взаимныя отношенія удѣльныхъ князей въ видѣ *семейнаго феодализма,* который будто бы развился изъ феодализма варяжскаго, возникшаго на Руси во времена Рюрика, ослабѣвшаго въ княженіе Олега, усилившагося при Игорѣ и почти совсѣмъ исчезнувшаго при Владимирѣ Святомъ („Исторія русскаго народа“, т. I,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. XLII, 72, 135, 201; т. II, стр. 37—38, 57, 84—87 и др.). Мнѣніе Полевого о варяжской аристократіи вызвало возраженіе современныхъ ему историковъ. „Когда была у насъ эта аристократія? Какія свидѣтельства остались объ ней?“ спрашивалъ Погодинъ, между тѣмъ какъ Надеждинъ писалъ: „Отдастъ ли онъ ⟨Нибуръ⟩ честь изобрѣтательности, умѣвшей начертать постепенное измѣненіе *Варяжской аристократіи* — коей самое существованіе есть уже уродливѣйшая нелѣпость — во времена недоступныя для историческаго наблюденія?“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 2, стр. 183. — *Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 1, стр. 70).

Пушкинъ сосредоточилъ бо́льшее вниманіе на удѣльномъ періодѣ и отрицалъ въ немъ наличность какихъ-либо феодальныхъ чертъ: „Удѣльныя Княже⟨ства⟩ столь-же мало походятъ на феодализмъ Евр⟨опейскихъ⟩ Бароновъ— какъ нынѣшнія Губерніи на Чингисъ-Хановы орды“. И если Полевой не понялъ, что федерація при Ярославѣ основана на родовомъ началѣ, а постепенное выдѣленіе частныхъ княжествъ—на семейномъ началѣ, то самъ поэтъ, тоже недостаточно оцѣнилъ отношенія удѣльныхъ князей къ дружинникамъ, въ чемъ новѣйшіе историки (напр. Н. П. Павловъ-Сильванскій) усмотрѣли характерные признаки феодализма.

— *(Стр. 66, строка 1)*. Belle conclusion et digne de l'exorde — стихъ изъ комедіи Расина: „Les Plaideurs“ (Acte III, scène III)[1]).

— *(Стр. 66, строки 15—17)*. „Философическая статья объ Руской Исторіи“ — рецензія Полевого на „Исторію Государства Россійскаго“ (*Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVII, № 12, стр. 467—500). Рецензія вызвала въ *Славянинѣ* появленіе язвительнаго отзыва подъ заглавіемъ: „Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи Русскаго народа

1) А. О. Смирнова указываетъ, что Пушкинъ очень любилъ „Les Plaideurs“ (Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 134).

lib.pushkinskijdom.ru

на Исторію Государства Россійскаго". Авторъ ловитъ Полевого на противорѣчіяхъ, „повѣряетъ мнѣнія рецензента съ другими его мнѣніями о тѣхъ же самыхъ предметахъ" и въ заключеніе пишетъ: „Мы бы могли наговорить здѣсь еще сто страницъ; могли бы сказать, что привыкли уже видѣть кривые, невыгодные толки о Россіи и обо всемъ хорошемъ Русскомъ въ иностранныхъ журналахъ, завидующихъ могуществу, славѣ, благоденствію нашего отечества; но чтобы Россіянинъ называлъ своихъ предковъ разбойниками, утверждалъ, что Россійская исторія началась отъ Нижегородскаго купца *Минина* въ XVII вѣкѣ (тогда, какъ Россійское Государство существуетъ съ IX), чтобы онъ ставилъ въ вину историку уваженіе къ предкамъ, вѣрность его повѣствованія съ лѣтописями, краснорѣчіе, за кои онъ увѣнчанъ Царями и народомъ....этаго, признаюсь, не могу слышать безъ досады, безъ негодованія. Но мы забыли, что *Г. Полевой* самъ смастерилъ исторію народа Русскаго и въ XII же томахъ, какъ исторія Государства Россійскаго. Подождемъ выхода въ Свѣтъ сего важнаго труда. Мы увѣрены, что сіи двенадцать (sic) томовъ будутъ самою лучшею похвалою для *Карамзина*, и самымъ сильнымъ опроверженіемъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ на знаменитаго Исторіографа безызвѣстнымъ авторомъ сказочки: *Кирдяпа* и весьма извѣстнымъ творцомъ вещественныхъ и невещественныхъ бредней" (*Славянинъ*, 1829 г., ч. XII, №№ 48—49, стр. 393—394).

По отпечатаніи трехъ томовъ труда Полевого въ *Славянинѣ* былъ помѣщенъ рядъ рѣзкихъ критическихъ статей, въ которыхъ замѣтна попытка уронить разбираемое сочиненіе во мнѣніи публики. Эти статьи, писанныя С. В. Руссовымъ, были собраны и изданы отдѣльной книжкой, озаглавленной: „Замѣчанія на Исторію Русскаго Народа" (1830—1831 гг.).

lib.pushkinskijdom.ru

—*(Стр. 66, строки 18—31).* Повидимому, не одинъ Пушкинъ находилъ нетактичнымъ выступленіе Полевого противъ Карамзина въ 1829-мъ году. Подобный шагъ, по мнѣнію многихъ, давалъ поводъ къ нежелательнымъ толкамъ, и даже Ксенофонтъ Алексѣевичъ Полевой не одобрялъ поведенія брата, открыто высказавъ свое мнѣніе въ „Запискахъ“: „Когда было объявлено объ изданіи „Исторіи русскаго народа“, враги автора ея тотчасъ вывели сближеніе, что онъ для того незадолго выставилъ „Исторію Государства Россійскаго“ неудовлетворительною, чтобы дать ходъ своей книгѣ... Я *назвалъ неосторожностію* со стороны Ник‹олая› Ал‹ексѣевича› напечатаніе критики „Исторіи Государства Россійскаго“, особливо въ то время, когда онъ самъ готовился издавать сочиненіе о томъ же предметѣ“ (*Кс. Полевой.* Записки. Спб. 1888 г., стр. 293).

—*(Стр. 68, строка 28—стр. 69, строка 4).* Приведенныя Пушкинымъ неудачныя фразы изъ „Исторіи русскаго народа“ находятся въ томѣ I, на стр. 36, 38, 43, 49, 69.

—*(Стр. 69, строка 8).* Розенкампфъ—баронъ Густавъ Андреевичъ (род. въ 1764 г., ум. въ 1832 г.), авторъ „Обозрѣнія Кормчей книги“ (М. 1829 г.).

—*(Стр. 69, строки 14—18).* „Ни на чемъ не основанныя“ догадки Полевого относительно выраженія „на ключъ“ состоятъ въ слѣдующемъ: „Слово: *ключъ*, имѣетъ у насъ нѣсколько значеній; кромѣ орудія, отпирающаго и запирающаго замо́къ, и кромѣ родника (Schlüssel и Brunnen), оно значитъ еще *нѣсколько деревень въ одно управленіе соединенныхъ* (въ Бѣлоруссіи, Польшѣ и Богеміи). — Вспомнимъ, что мѣсто, гдѣ на лодкѣ укрѣпляются весла, по нынѣ называется *уключиною*; почему не полагать, что число гребцовъ, потребное для лодки, называлось *ключемъ*, и даже, что не было распоряженія, какъ въ Скандинавіи, чтобы такой-то ключъ выставляемъ былъ отъ извѣстнаго

lib.pushkinskijdom.ru

числа селеній" (*Н. Полевой.* Исторія русскаго народа. М. 1829 г., т. I, стр. 124—125).

— *(Стр. 69, строка 18— стр. 70, строка 11).* „Промахи" Полевого разысканы поэтомъ въ первомъ томѣ „Исторіи русскаго народа", на страницахъ: 8, 15, 19, 122, 131—132, 155—157, 201—202.

— *(Стр. 70, строки 12—21).* Полевой, дѣйствительно, считалъ слогъ въ историческихъ произведеніяхъ „дѣломъ второстепеннымъ". Онъ такъ опредѣлялъ задачу историка: „...пройти путемъ вѣковъ; въ мертвыхъ хартіяхъ и безмолвныхъ памятникахъ отыскать искры, заваленныя пепломъ, извергнутымъ волканами событій; отдѣлиться отъ своего вѣка и времени, побѣдить собственное честолюбіе, пожертвовавъ и отношеніями, и мнѣніями, по которымъ кажется справедливымъ или несправедливымъ то или другое: вотъ обязанности Историка. И если онъ исполнитъ ихъ, мы не потребуемъ того, что многіе почитаютъ донынѣ *первою и главною обязанностью;* напротивъ мы подтвердимъ мысль одного древняго писателя: всякая Исторія хороша, если она и не краснорѣчиво написана" (*Н. Полевой.* Исторія русскаго народа, т. I, стр. XXIV).

— *(Стр. 70, строка 24— стр. 71, строка 2).* „Извѣстный Профессоръ" — М. Т. Каченовскій; журналъ — *Вѣстникъ Европы*, гдѣ была напечатана статья Н. И. Надеждина съ эпиграфомъ:

Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

Ломоносовъ.

(*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 1, стр. 37).

— *(Стр. 71, строка 2).* Et tu autem, Brute! — предсмертныя слова Цезаря, произнесенныя по-гречески (Καὶ σὺ εἶ ἐκείνων; καὶ σὺ, τέκνον;). Пушкинъ написалъ: Et tu autem, Brute, вмѣсто: „Tu quoque, fili!". Такая же передѣлка

lib.pushkinskijdom.ru

греческаго текста встрѣчается въ письмѣ поэта къ А. А. Бестужеву отъ 12-го января 1824 г. (Переписка, т. I, стр. 96. Ср. т. II, стр. 42).

— *(Стр. 71, строки 2—11).* Начало рецензіи Погодина написано чрезвычайно рѣзко: „самохвальство, дерзость, невѣжество, шарлатанство въ высочайшей и отвратительнѣйшей степени, высокопарныя и безсмысленныя фразы, всѣ прежнія недоразумѣнія, выписки изъ Карамзина, переведенныя на варварскій языкъ и пересыпанныя яркими нелѣпостями Автора, нѣсколько чужихъ сужденій, непонятыхъ и не развитыхъ, ни одной мысли новой, ни истинной, ни ложной, ни однаго объясненія историческаго, ни однаго предположенія, ни вѣроятнаго, ни сомнительнаго, ни одной догадки, — и по нѣскольку строчекъ на страницѣ, написанныхъ правильно изъ готовыхъ выраженій; вотъ отличительный характеръ новаго сочиненія, если ужь не грѣхъ называть сочиненіемъ всякую безобразную компиляцію“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 2, стр. 165).

— *(Стр. 74, строки 2—8).* По поводу отзывовъ Надеждина и Погодина о трудѣ Полевого князь П. А. Вяземскій замѣтилъ: „. . . въ критикахъ на Исторію Рускаго Народа, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ Европы и Московскомъ Вѣстникѣ, есть еще общая неумѣстность: позднія, почтительныя обращенія къ трудамъ и памяти Карамзина, и удары, во имя его наносимые новому Историку. Нѣтъ сомнѣнія, что оскорбительныя сужденія объ Исторіи Государства Россійскаго, помѣщенныя въ двухъ помянутыхъ Журналахъ, сужденія, коихъ цѣль была поколебать, а если возможно и низпровергнуть уваженіе народа къ заслугамъ Карамзина, приготовили нынѣшнія Сатурналіи Литературы нашей, разразившіяся появленіемъ *Исторіи Рускаго народа*. Въ этомъ отношеніи новый Историкъ поступилъ неблагодарно: слѣдовало ему посвятить

lib.pushkinskijdom.ru

твореніе свое не Нибуру, а *Каченовскому* и *Арцыбашеву*. Въ мірѣ политическомъ, анархія ведетъ къ деспотизму смѣлаго хищника: въ литературномъ мірѣ, низпроверженіе законовъ ума и вкуса, возмущеніе анархическаго своевольства противъ нравственныхъ и умственныхъ властей, бываютъ также введеніемъ къ лже-царствію невѣжества" (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 31, стр. 251).

— *(Стр. 71, строки 8—11).*

То же бы ты слово,
Да не такъ бы молвилъ,—

цитата изъ сказки „Дурень" (*Кирша Данилов*. Древнія Россійскія стихотворенія. Москва, 1818 г., стр. 391—392)

— *(Стр. 74, строка 27 — стр. 75, строка 4).* Преимущество второго тома „Исторіи русскаго народа" передъ первымъ томомъ, вслѣдъ за Пушкинымъ, отмѣтилъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, который высоко ставилъ нарисованную Полевымъ картину внутренняго быта русскаго общества до XIII в. „Картина эта", по словамъ нашего ученаго: „кромѣ достоинства художественнаго, которое у нея неотъемлемо, отличается многими чрезвычайно вѣрными замѣчаніями". Несмотря на недостатокъ спеціальныхъ свѣдѣній, Полевой проявилъ замѣчательное умѣнье выбирать и мастерски группировать факты, а также пользоваться аналогіею (*Московское Обозрѣніе*, 1859 г., кн. I, стр. 41, 51).

— *(Стр. 77, строки 25—29).* Въ библіотекѣ Пушкина есть сочиненія Гизо: 1) „Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'à la Révolution Française". Paris, 1828, и 2) „Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain jusqu'en 1789". Paris, 1829—1832 (*Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина, стр. 243, №№ 958—959).

lib.pushkinskijdom.ru

— *(Стр. 78, строка 16).* Auguste-Jules-Armand-Marie de Polignac, сначала графъ, потомъ князь (род. въ 1780 г., ум. въ 1847 г.), — извѣстный французскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ правленіе Карла X.

36.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ, ИЛИ РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

(Стр. 78—80).

Черновой автографъ этой статьи находится въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 80 об., 77. Впервые рецензія появилась въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 5, стр. 37—38, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 547—549.

Пушкинъ съ большимъ интересомъ слѣдилъ за развитіемъ историческаго романа и опредѣлялъ его такъ же, какъ J. de Pétigny, редакторъ изданія *Annales de la Littérature et des Arts*, удачно характеризовавшій творенія знаменитаго шотландскаго писателя: „. . . Walter Scott est, je crois, le premier qui ait tenté, avec quelque succès, *de peindre des moeurs et des événements historiques dans le cadre d'une intrigue fabuleuse.* Il est le véritable créateur de ce genre de roman qui puise des faits dans l'histoire au lieu de n'y chercher que des noms, qui l'enrichit et la developpe au lieu de la dénaturer“ (*L. Maigron.* Le roman historique à l'époque romantique. Paris, 1898, p. 107).

Горячій почитатель Вальтера Скотта и строгій судья современныхъ французскихъ романистовъ, Пушкинъ возвышаетъ своего любимца и принижаетъ „толпу подражателей“. Вальтеръ Скоттъ — „чародѣй“, волшебникъ,

lib.pushkinskijdom.ru

подобный чернокнижнику Генриху-Корнелію Агриппѣ Неттесгеймскому (род. въ 1486 г., ум. въ 1535 г.), показывавшему въ магическомъ зеркалѣ образы давно умершихъ людей. Онъ „ничего не выдумываетъ; это наблюдатель, который описываетъ“, и „любовная интрига не составляетъ центра и основы ⟨его⟩ романовъ“.

Послѣдователи Вальтера Скотта, подобно ученику Агриппы, сдѣлались жертвами „демона старины“. Имъ, по мнѣнію Пушкина, не удалось воскресить минувшіе вѣка. Французскіе романтики „не очень-то гонятся за исторической вѣрностью“: имъ нужны эффекты, нелѣпые вымыслы; они „непремѣнно требуютъ любовныхъ приключеній, хотя бы историческія данныя и не представляли ихъ“. Викторъ Гюго „неимѣетъ жизни, т. е. истины“; романы Альфреда де-Виньи „хуже романовъ Загоскина“. Пушкинъ возмущается, что автора „Сенъ-Марса“ „Французскіе критики безъ церемоніи поставили на одной доскѣ съ В⟨альтеромъ⟩ Ск⟨оттомъ⟩“, и называетъ его произведеніе „жалкимъ“, „манернымъ“, „облизаннымъ“ (Переписка, т. II, стр. 389. — Настоящій томъ, стр. 382, 386, 389. — *А. О. Смирнова.* Записки. Спб. 1895 г., ч. I, стр. 166—167, 191, 196, 198. — *Л. Павлищевъ.* Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 1890 г., стр. 257).

Недовольный твореніями французовъ, Пушкинъ съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ сочиненію М. Н. Загоскина. „Милостивый Государь Михаилъ Николаевичь“, писалъ поэтъ послѣднему 11-го января 1830 г.: „прерываю увлекательное чтеніе вашего романа, чтобъ сердечно поблагодарить Васъ за присылку „Юрія Милославскаго“, лестный знакъ Вашего ко мнѣ благорасположенія. Поздравляю Васъ съ успѣхомъ полнымъ и заслуженнымъ, а публику съ однимъ изъ лучшихъ романовъ нынѣшней эпохи. Всѣ читаютъ его. Жуковскій провелъ за нимъ цѣлую ночь. Дамы отъ него въ восхищеніи. Въ Лит⟨ера-

lib.pushkinskijdom.ru

турной» Газетѣ будетъ о немъ статья Погорѣльскаго [1]). Если въ ней не все будетъ высказано, то постараюсь досказать. Простите. Дай Богъ вамъ многія лѣта, т. е. дай Богъ намъ многіе романы".

Въ письмѣ къ П. А. Вяземскому (январь — февраль 1830 г.) отзывъ Пушкина о романѣ сдержаннѣе, но все-таки весьма благосклонный: „Ты бранишь Милославскаго, я его похвалилъ. Гдѣ гроза, тутъ и милость. — Конечно въ немъ многаго недостаетъ, но многое и есть: живость, веселость, чего Булгарину и во снѣ не приснится" (Переписка, т. II, стр. 107—108, 114) [2]).

Замѣтка Пушкина о романѣ Загоскина съ радостью встрѣчена В. Н. Олинымъ, который, видимо, былъ возмущенъ придирчивымъ и пристрастнымъ разборомъ „Юрія Милославскаго", напечатаннымъ въ №№ 7—9 *Сѣверной Пчелы* 1830 г. „*Литературная Газета* (№ 5)", сообщалъ Олинъ: „отозвалась съ похвалою объ этомъ совершенно новомъ явленіи въ нашей Словесности. Но мы никакимъ образомъ не можемъ раздѣлять мнѣнія Рецензента, вышедшаго противъ *Милославскаго* со всѣми орудіями пытки, въ вышеупомянутыхъ нумерахъ *Сѣверной Пчелы*" (*Карманная Книжка для любителей русской старины и словесности* на 1830 г., №2, стр. 267).

— *(Стр. 79, строка 3).* Madame Campan (Jeanne-Louise-Henriette Genet или Genest), родившаяся въ 1752 г. и умершая въ 1822 г., была лектрисой дочерей Людовика XV, а послѣ Революціи, за неимѣніемъ средствъ, открыла пансіонъ. Она вышла замужъ за господина Campan и въ теченіе всей жизни отличалась большой

1) Статья эта не была напечатана.

2) 4-го января 1830 г. кн. А. А. Шаховской сообщилъ М. Н. Загоскину, что на обѣдѣ у графа Ѳ. П. Толстого Пушкинъ „восхищался отрывками романа ‹„Юрій Милославскій"›, которые онъ читалъ въ журналѣ" (Отчетъ Публичной Библіотеки за 1892 г., стр. 130.— *С. Аксаковъ.* Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853 г., стр. 22).

lib.pushkinskijdom.ru

приверженностью къ королевскому дому. Книга г-жи Campan: „Mémoires sur la Vie privée de Marie-Antoinette, Reine de France et de Navarre“, была извѣстна Пушкину (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 204, № 786).

— *(Стр. 79, строка 4).* Газета *The Times*, основанная типографщикомъ Вальтеромъ, стала выходить съ января 1788 г., а *Journal des Débats politiques et littéraires,* органъ, созданный братьями Bertin, издавался въ теченіе пятидесяти лѣтъ, съ 1814 г. по 1864 г.

— *(Стр. 79, строки 7—10).* Замѣчаніе г-жи Сталь, что „люди знаютъ только Исторію своего времени“, сдѣлано ею во второй главѣ первой части сочиненія „Considérations sur les principaux événements de la révolution française“: „Les hommes ne savent guère que l'histoire de leur temps; et l'on dirait, en lisant les déclamations de nos jours, que les huit siècles de la monarchie qui ont précédé la révolution française n'ont été que des temps tranquilles, et que la nation était alors sur des roses“ (*Madame la baronne de Staël.* Oeuvres complètes. Paris, 1820, t. XII, p. 24).

— *(Стр. 80, строки 10—11).* Въ первомъ номерѣ *Московскаго Вѣстника* 1830 г. была помѣщена рецензія на романъ Загоскина, написанная С. Т. Аксаковымъ, который такъ же, какъ и Пушкинъ, отмѣтилъ рядъ мелкихъ „погрѣшностей противу языка и *костюма*“ (*Московскій Вѣстникъ* 1830 г., № 1, стр. 75—90).

37.

[О ЗАПИСКАХЪ САМСОНА].

(Стр. 80—81).

Эта статья, сохранившаяся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 78 об.—77 об., впервые помѣщена въ

lib.pushkinskijdom.ru

Литературной Газетѣ, 1830 г., т. I, № 5, стр. 39, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 82—83[1]).

Charles-Henri Sanson (род. въ 1740 г., ум. въ 1793 г.)—палачъ временъ Революціи, по словамъ историковъ-роялистовъ, умершій съ горя черезъ пол-года послѣ казни Людовика XVI и завѣщавшій значительную сумму для совершенія ежегодной искупительной мессы. Его сынъ Генрихъ подписалъ договоръ, въ которомъ уполномочивалъ книгопродавца Mame издать подъ именемъ Сансона мемуары, которые должны были быть составлены спеціально избранными для этого писателями, на основаніи предоставленныхъ въ распоряженіе послѣднихъ замѣтокъ палача и другихъ матеріаловъ.

Въ этомъ изданіи принялъ участіе и знаменитый Бальзакъ, въ ту пору нуждавшійся въ деньгахъ. Редакторъ изданія относился къ порученному дѣлу спустя рукава: онъ работалъ очень медленно, и у него приходилось вырывать рукопись листъ за листомъ. Трудъ не имѣлъ успѣха. Третій томъ еще печатался, когда іюльская революція нанесла почти смертельный ударъ неудачному предпріятію. Въ 1834 г., работа была возобновлена, и было напечатано 4.500 экземпляровъ сочиненія подъ названіемъ „Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française“. Нѣсколько времени спустя, въ 1837 г. почти все изданіе погибло во время пожара на улицѣ Pot de Fer. По своему характеру „Мемуары“ представляютъ рѣзкій протестъ противъ смертной казни (*J. M. Quérard.* Les supercheries littéraires devoilées. Paris, 1870, t. III, pp. 602—603.—La Grande Encyclopédie, t. XXIX, p. 447.—*P. Larousse.* Grand dictionnaire universel, t. XIV, p. 191).

Пушкинъ написалъ свою замѣтку по поводу жур-

1) Статья Пушкина произвела большое впечатлѣніе на В. А. Жуковскаго, который нашелъ въ ней „и умъ, и приличіе, и поэзію вмѣстѣ“ (*П. В. Кирѣевскій.* Полное собраніе сочиненій. М. 1911 г., т. I, стр. 18—19).

lib.pushkinskijdom.ru

нальныхъ объявленій о предстоящемъ выходѣ „Мемуаровъ“ въ четырехъ томахъ. Упоминая о поэтической и страшной страницѣ Жозефа де Местра (род. въ 1753 г., ум. въ 1821 г.), поэтъ разумѣетъ не отзывъ о „Мемуарахъ“, напечатанныхъ послѣ смерти графа, а скорѣе тѣ мѣста изъ „Considérations sur la France“ (1796 г.), гдѣ рѣчь идетъ о цареубійствѣ, какъ національномъ преступленіи, и объ его кровавыхъ послѣдствіяхъ.

Выписываемъ наиболѣе яркія и сильныя разсужденія Местра:

„Chaque goutte du sang de Louis XVI en coûtera des torrents à la France; quatre millions de Français, peut-être, payeront de leurs têtes le grand crime national d'une insurrection anti-religieuse et anti-sociale, couronnée par un régicide.

„Où sont les premières gardes nationales, les premiers généraux, qui prêtèrent serment à la nation? Où sont les chefs, les idoles de cette première assemblée si coupable, pour qui l'épithète de *constituante* sera une épigramme éternelle? Où est Mirabeau? où est Bailly, avec son *beau jour?* où est Thouret qui inventa le mot *exproprier?* où est Osselin, le rapporteur de la première loi qui proscrivit les émigrés? On nommerait par milliers les instruments actifs de la révolution, qui ont péri d'une morte violente....

Il y a eu des nations condamnées à mort au pied de la lettre comme des individus coupables, et nous savons pourquoi. S'il entrait dans les desseins de Dieu de nous révéler ses plans à l'égard de la révolution française, nous lirions le châtiment des Français comme l'arrêt d'un parlement. — Mais que saurions-nous de plus? Ce châtiment n'est il pas visible? N'avons-nous pas vu la France deshonorée par plus de cent mille meurtres? le sol entier de ce beau royaume couvert d'échafauds? et cette malheureuse terre abreuvée du sang de ses enfants par les massacres judiciaires, tandis

lib.pushkinskijdom.ru

que des tyrans inhumains le prodigaient au dehors pour le soutien d'une guerre cruelle, soutenue pour leur propre intérêt? Jamais le despote le plus sanguinaire ne s'est joué de la vie des hommes avec tant d'insolence, et jamais peuple passif ne se présenta à la boucherie avec plus de complaisance. Le fer et le feu, le froid et la faim, les privations, les souffrances de toute espèce, rien ne le dégoûte de son supplice; tout ce qui est dévoué doit accomplir son sort; on ne verra point de désobéissance, jusqu'à ce que le jugement soit accompli" (*J. de Maistre.* Oeuvres complètes. Lyon, 1884, tome I, pp. 13, 15—16).

Записки Сансона напомнили Пушкину другія однородныя произведенія — мемуары Вильсонъ, Казановы, Современницы и Видока.

Генріетта Вильсонъ — англійская актриса и женщина легкаго поведенія. Ея воспоминанія вышли въ 1825-мъ году подъ заглавіемъ: „Memoirs of Harriett Wilson, written by herself. Edition perused and corrected by the author". Paris, 1825, и немедленно были переведены на французскій языкъ. Переводъ, исполненный Лардье (Lardier), повидимому, имѣлъ успѣхъ, такъ какъ въ 1826-мъ году было выпущено второе изданіе (*J. M. Quérard.* La France Littéraire. Paris, 1843, t. X, p. 521).

Казанова (Casanova, Giovanni-Jacopo de Seingalt) — знаменитый итальянскій авантюристъ, родившійся 2-го апрѣля 1725 г. въ Венеціи и умершій въ Богеміи, въ 1798-мъ или въ 1803-мъ году, послѣ чрезвычайно бурной, полной приключеній жизни. Мемуары Казановы издавались извѣстной лейпцигской фирмой Брокгауза съ 1826-го по 1838-ой годъ. Пушкинъ пріобрѣлъ для себя брюссельское десятитомное изданіе 1833 г.: „Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt écrits par lui-même. Edition originale, la seule complète" (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 185, № 706).

lib.pushkinskijdom.ru

Современница — Elzelina Van-Ayl de Jonghe, болѣе извѣстная подъ именемъ Ida Saint-Elm (род. въ 1778 г., ум. въ 1845 г.). Эта французская авантюристка написала воспоминанія, которыя были редактированы и изданы Малитурномъ въ 1827-мъ году подъ названіемъ: „Mémoires d'une contemporaine, ou souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la République, du Consulat, de l'Empire". (*E. D. de Manne.* Nouveau dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes. Lyon, 1868, p. 236, № 2553). Записки привлекли вниманіе жившаго тогда во Франціи Я. Н. Толстого, и онъ посвятилъ имъ нѣсколько строкъ въ статьѣ „Отрывки писемъ изъ Парижа": „Какая-то женщина, бывшая, по словамъ ея, свидѣтельницею значительнѣйшихъ событій нашего вѣка, съ ребяческимъ чистосердечіемъ разсказываетъ всѣ свои любовныя и другія похожденія, называя по именамъ всѣхъ людей, съ коими она была въ тѣсныхъ связяхъ; многіе изъ нихъ нынѣ устарѣли и занимаютъ первыя мѣста въ государствѣ; современница безъ жалости открываетъ заблужденія и шалости ихъ молодости. Хотя она и утверждаетъ, что перомъ ея управляла истина, но я не очень вѣрю ея разсказамъ".... (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVII, № 17, отд. II, стр. 53).

Князь П. А. Вяземскій заинтересовался записками Современницы и указалъ на нихъ въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 18-го ноября 1827 г. (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 168).

Видокъ (Vidocq, François-Eugène), родившійся въ 1775 г. и умершій въ 1857 г., занималъ должность начальника парижской сыскной полиціи и напечаталъ въ 1828 г. свои „Мемуары". Воспоминанія Видока показались любопытными С. Е. Раичу, и онъ помѣстилъ отрывки изъ нихъ въ своей *Галатеѣ*, за что̀ и подвергся большимъ нареканіямъ со стороны *Сына Отечества*. „Думаете-ли вы почтен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныя читательницы", писалъ нѣкій Арсалановъ: „отдохнуть за... статьею сихъ (17-ой и 18-ой) книжекъ Галатеи? Вамъ предлагаютъ отрывки изъ *Записокъ* плута, вора и шпіона *Видока!*.... О Запискахъ Видока — ни слова: какъ можно выразить омерзѣніе, возбуждаемое сими картинами низшей степени разврата и злодѣйства!" (*Сынъ Отечества*, 1829 г., ч. 126, № 22, стр. 128, 131—133. — *Галатея*, 1829 г., ч. II, № 10, стр. 175—193; ч. IV, № 17, стр. 16—40; № 18, стр. 80—99; № 19, стр. 164—174; № 20, стр. 216—230; ч. VIII, № 37, стр. 20—37; № 38, стр. 69—86).

— *(Стр. 80, строки 14—15)*. Изъ русскихъ журналовъ *Московскій Телеграфъ* сообщилъ о предстоящемъ выходѣ „Мемуаровъ" Парижскаго палача и иронически отозвался о неточности, закравшейся въ статью Пушкина. „Общее ожиданіе", напечатано въ отдѣлѣ „Смѣсь": „возбудило въ Парижѣ объявленіе о *Запискахъ Сансона* (а не *Самсона*, какъ говоритъ Литтературная Газета) — *Парижскаго Палача* (Mémoires pour servir à l'histoire de la révolution Française, par Sanson, exécuteur de jugemens criminels pendant la révolution, 4 t. in 8); два первые тома должны были явиться въ свѣтъ 15-го Января"... (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 31, № 2, стр. 284).

— *(Стр. 80, строка 26 — стр. 81, строка 2)*. Романъ Виктора Гюго — „Le dernier jour d'un condamné (1829 г.)[1]), гдѣ встрѣчаются имена двухъ преступниковъ, упомянутыхъ въ статьѣ Пушкина. „Puisque le jour ne paraît pas encore", разсказываетъ герой романа, заключенный въ тюрьму: „que faire de la nuit? Il m'est venu une idée. Je

1) Въ письмѣ къ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской (апрѣль-май 1830 г.) Пушкинъ даетъ слѣдующій отзывъ объ этомъ произведеніи: „Vous avez raison de trouver *l'Ane délicieux*—C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo — j'y vois plus de talent que dans *le dernier jour* où il y en a beaucoup" (Переписка, т. II, стр. 143).

lib.pushkinskijdom.ru

me suis levé et j'ai promené ma lampe sur les quatre murs de ma cellule. Ils sont couverts d'écritures, de dessins, de figures bizarres, de noms qui se mêlent et s'effacent les uns les autres.....Sur le mur opposé on lit ce mot: *Papavoine.* Le *P* majuscule est brodé d'arabesques et enjolivé avec soin... A côté du nom de Papavoine j'ai arraché une énorme toile d'araignée, tout épaissie par la poussière et tendue à l'angle de la muraille. Sous cette toile il y avait quatre ou cinq noms parfaitement lisibles, parmi d'autres dont il ne reste rien q'une tache sur le mur. — Dautun, 1815.— Poulain, 1818.—Jean Martin, 1821.—Castaing, 1823. J'ai lu ces noms, et les lugubres souvenirs me sont venus. Dautun, celui qui à coupé son frère en quartiers, et qui allait la nuit dans Paris jetant la tête dans une fontaine, et le tronc dans un égout; Poulain, celui qui a assassiné sa femme; Jean Martin, celui qui a tiré un coup de pistolet à son père au moment où le vieillard ouvrait une fenêtre; Castaing, ce medecin qui a empoisonné son ami, et qui, le soignant dans cette dernière maladie qu'il lui avait faite, aulieu de remède lui redonnait du poison; et auprès de ceux-là, Papavoine, l'horrible fou qui tuait les enfants à coups de couteau sur la tête" (*V. Hugo.* Oeuvres complètes. Paris.— A. Hetzel — A. Quantin. Romans, t. II, pp. 346—349).

— *(Стр. 81, строка 20).* „Убійца его" („Царственнаго страдальца"), — вѣроятно, Робеспьеръ.

— *(Стр. 81, строка 20).* Marianne-Charlotte de Corday d'Armont (род. 27-го іюля 1768 г., ум. 17-го іюля 1793 г.) — знаменитая дѣятельница временъ Революціи, погибшая на гильотинѣ за убіеніе Марата.

— *(Стр. 81, строки 20—21).* Jeanne Bécu, comtesse du Barry (род. 19-го августа 1743 г., ум. 8-го декабря 1793 г.) — любовница Людовика XV.

— *(Стр. 81, строка 21).* Louis-Pierre Louvel (род. 7-го октября 1783 г., ум. 7-го іюня 1820 г.)—убійца Карла-Фер-

lib.pushkinskijdom.ru

динанда, герцога Беррійскаго (род. 24-го января 1778 г.). На судѣ Лувель держался спокойно и, по словамъ князя П. А. Вяземскаго, раскаянія „не показывалъ“ (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 23). Онъ холодно отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы, „призналъ орудіе, которымъ поразилъ герцога, и утверждалъ, что намѣренъ былъ истребить Бурбоновъ, ибо они вредятъ счастію Франціи, и началъ съ того, который могъ размножить родъ ихъ“ (*Сынъ Отечества*, 1820 г., ч. 62, № 25, стр. 281—283).

О кончинѣ герцога Карла-Фердинанда князь Вяземскій писалъ А. Я. Булгакову 21-го февраля 1820 г.: „Смерть Берри — преступленіе ужасное, но послѣдствія его еще ужаснѣе будутъ. Мы видимъ уже, какія принимаетъ мѣры притѣснительныя правительство опуганное. Честные люди захотятъ ли платить за грѣхи убійцъ? Чуть ли Ростопчину не придется укладывать свой чемоданъ, а Чичагову ѣхать съ поклономъ въ Тюлерійскій замокъ. Жаль! Я Франціи ввѣрилъ было всѣ свои надежды: на ней, думалъ я, устроится зданіе свободы мудрой, и другимъ народамъ придется только учиться у нея и перенимать не слѣпо, но сходно съ мѣстнымъ положеніемъ каждаго домостроителя. Неужели все это разрушится отъ шила сумасброднаго каретника?“ (*Русскій Архивъ*, 1879 г., кн. I, стр. 518)[1]).

— *(Стр. 81, строка 21).* Jean-Baptiste Berton (род. въ 1769 г., ум. 5-го октября 1822 г.) — французскій генералъ, извѣстный политическій дѣятель.

— *(Стр. 81, строка 22).* Edme-Samuel Castaing (род. въ 1796 г., ум. 6-го декабря 1823 г.) — докторъ медицины, отравившій въ 1822-мъ году двухъ своихъ пріятелей, сыновей богатаго нотаріуса, чтобы наслѣдовать ихъ

1) На масленой 1820 г. „Пушкинъ въ театрѣ показываетъ въ креслахъ своимъ знакомымъ привезенный имъ съ собою портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго“. (Сочиненія, т. II, примѣчанія, стр. 304).

lib.pushkinskijdom.ru

состояніе, и приговоренный за это къ смертной казни. Его процессъ надѣлалъ много шуму. Документы, касающіеся процесса, были переведены на русскій языкъ А. А. Жандромъ и помѣщены въ *Сынѣ Отечества*, 1823 г., ч. 90, № 47, стр. 55—77; № 48, стр. 117—126.

По поводу этой статьи князь Вяземскій запросилъ А. И. Тургенева въ письмѣ отъ 20-го декабря 1823 г.: „Не твоего ли брата статья въ „Сынѣ Отечества", уголовная? Да не обижается моимъ вопросомъ, если она недостойна его, потому что я ее только сію минуту получилъ и не прочелъ еще. Мнѣ сдается, что узналъ птицу по полету. Кому писать у насъ? Всѣ такъ заняты, что мыслить некогда" (Остафьевскій Архивъ, т. II, стр. 371).

— *(Стр. 81, строки 22—23).* Louis Auguste Papavoine (род. въ 1783 г., ум. 25-го марта 1825 г.) — сынъ фабриканта суконъ, въ припадкѣ безумія убившій двухъ дѣтей, гулявшихъ вмѣстѣ съ матерью въ Венсенскомъ лѣсу 10-го октября 1824 г. Судъ вынесъ убійцѣ смертный приговоръ, который былъ приведенъ въ исполненіе, несмотря на психическое разстройство обвиняемаго.

38.

[О РАЗГОВОРѢ У КНЯГИНИ ХАЛДИНОЙ].

(Стр. 81—82).

Эта замѣтка, находящаяся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 76 — 76 об., впервые появилась въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 7, стр. 55, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 549 — 550[1]).

1) Разрѣшеніе переиздать замѣтку было дано Анненкову послѣ непріятныхъ объясненій съ Главнымъ Цензурнымъ Комитетомъ по поводу пушкинской характеристики Сорвацова (стр. 82, строки 20—23), которая первоначально была признана подлежащей исключенію (*Вѣстникъ Европы*, 1881 г., № 1, стр. 35).

lib.pushkinskijdom.ru

„Разговоръ у княгини Халдиной“ былъ помѣщенъ въ третьемъ номерѣ *Литературной Газеты* (стр. 17 — 20) и представлялъ собою новинку, привлекшую вниманіе любителей Фонвизина, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ. Между тѣмъ Булгаринъ усомнился въ принадлежности „Разговора“ знаменитому комику на томъ основаніи, что одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ произведеніи (Здравомыслъ) говоритъ: „Когда въ Россійскихъ городахъ заводятся Университеты, то стало намѣреніе есть готовить къ службѣ людей просвѣщенныхъ“. „Фонъ Визинъ умеръ въ 1792 году“, писалъ Булгаринъ: „тогда существовалъ одинъ Московскій Университетъ, а по другимъ городамъ Россіи вовсе не думали еще заводить. — Точно ли эта статья фонъ Визина?“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 10).

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, кромѣ замѣтки Пушкина, было препровождено въ редакцію *Литературной Газеты* слѣдующее письмо московскаго книгопродавца И. Г. Салаева: „Сѣверная Пчела въ 10-мъ № нынѣшняго года изъявляетъ сомнѣніе, точно ли *Разговоръ у Княгини Халдиной*, присланный мною въ Литературную Газету, писанъ Фонъ-Визинымъ. На сіе имѣю честь объяснить Гг. Подписчикамъ на издаваемое мною *Полное собраніе сочиненій Фонъ-Визина* и тѣмъ Читателямъ, которые впредь удостоятъ меня своею довѣренностію, что какъ сей Разговоръ, такъ и всѣ другія сочиненія Фонъ-Визина, которыя войдутъ въ составъ готовимаго мною изданія, несомнѣнно писаны Фонъ-Визинымъ и доставлены мнѣ отъ его непосредственныхъ и законныхъ наслѣдниковъ. Сей же самый Разговоръ долженъ былъ включенъ быть въ комедію Фонъ-Визина, подъ названіемъ: *Добрый наставникъ*, которой начало отыскано въ бумагахъ покойнаго Автора. Большая часть сего Разговора писана рукою самого Автора, и любопытные могутъ въ томъ удостовѣриться

lib.pushkinskijdom.ru

изъ черновой тетради, заключающей много собственноручныхъ отрывковъ его. Тетрадь сія хранится въ книжной лавкѣ моей, на Никольской улицѣ.

„Впрочемъ, кажется, и самый предлогъ сомнѣнія весьма неоснователенъ. Въ Разговорѣ упоминается о заведеніи Рускихъ Университетовъ: Сѣверная Пчела замѣчаетъ, что при жизни Фонъ-Визина существовалъ одинъ Московскій Университетъ. — Это правда; но сатирическій разговоръ не статистическая таблица. Впрочемъ мы часто принимаемъ множественное число за единственное, и говоримъ напр‹имѣръ:› „когда являются у насъ Державины", хотя Державинъ одинъ и проч. . . ." (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 10, стр. 81 — 82).

Тонко изучившій „духъ и слогъ" Фонвизина, Пушкинъ „узналъ ихъ несомнѣнные признаки въ „Разговорѣ" [1]), и выразилъ сожалѣніе, что не автору „Недоросля" и „Бригадира" „досталось изображать нынѣшніе наши нравы" [2]).

Еще въ юные годы Пушкинъ воздалъ должное дарованію Фонвизина.

Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,

читаемъ въ „Первомъ посланіи цензору" (1822 г.).

То же восторженное отношеніе къ комедіи проявилось и въ XVIII строфѣ первой главы „Евгенія Онѣгина":

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы. . . (1823 г.).

---

1) Впослѣдствіи академикъ И. Н. Ждановъ отмѣтилъ въ „Разговорѣ" подробности, напоминающія „Бригадира" (Сочиненія. Спб. 1907 г., т. II, стр. 177).

2) По мнѣнію Л. Н. Майкова, Пушкинъ высоко цѣнилъ Фонвизина не за силу его сатиры или за его остроуміе, а за „жизненность образовъ, созданныхъ его творчествомъ" (*Л. Майковъ*. Пушкинъ. Спб. 1899 г., стр. 275—276).

lib.pushkinskijdom.ru

„Есть высшая смѣлость“, писалъ Пушкинъ въ 1827 г.: „смѣлость изобретенія созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческою мыслію — такова смѣлость.... [Ф⟨онъ-⟩ Визи⟨на⟩ въ Недорослѣ...]“. Это произведеніе — „единственный памятникъ народной сатиры“, „которымъ нѣкогда восхищались Ек⟨атерина⟩ и весь ея блестящій дворъ“ (Настоящій томъ, стр. 43, 115).

Несмотря на нѣмецкое происхожденіе, Фонвизинъ — „руской, изъ перерускихъ руской“. Его „характеръ имѣетъ нужду въ оправданіи“; его талантъ „ожидаетъ еще Египетскаго суда“. Пушкинъ радъ, что П. А. Вяземскій готовитъ книгу о Фонвизинѣ; „что ты ни скажешь о немъ, все будетъ хорошо“, завѣряетъ онъ своего друга. Для Вяземскаго поэтъ собираетъ литературные матеріалы. „Вчера видѣлъ Кн. Юсупова“, сообщаетъ онъ въ письмѣ изъ Москвы, 1830 г.: „и исполнилъ твое порученіе, допросилъ его о Ф⟨онъ-⟩ Визинѣ, и вотъ чего добился: Онъ зналъ Ф⟨онъ-⟩ Визина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'étoit un autre Beaumarchais pour la conversation“... Въ другомъ письмѣ 1836 г. Пушкинъ спрашиваетъ: „знаешь-ли ты, что Ф⟨онъ-⟩ Визинъ написалъ Θеологическій памфлетъ: Аввакумъ Скотникъ?“.

Трудъ князя Вяземскаго, даже въ неотдѣланномъ видѣ, очень понравился Пушкину, который въ такихъ выраженіяхъ дѣлился впечатлѣніями съ П. А. Плетневымъ: „Вяземскій везетъ Вамъ Жизнь Ф⟨онъ-⟩ Визина, книгу, едва ли не самую замѣчательную съ тѣхъ поръ, какъ пишутъ у насъ книги (все-таки изключая Карамзина)“ (Письмо отъ 11-го апрѣля 1831 г. — Ср. Переписку, т. I, стр. 140, 181; т. II, стр. 188, 203, 235, 265; т. III, стр. 285).

lib.pushkinskijdom.ru

39.

[О СТАТЬЯХЪ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКАГО].

(Стр. 82—83).

Эта замѣтка сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 72—72 об. и впервые напечатана въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 10, стр. 81. Черновой автографъ даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ:

Стр. 82, строка 29: . . . начинщика *бранчивой критики* . . .

» 82, » 30: *Это доказываетъ до какой степени у насъ не понимаютъ разницы между осужденіемъ и ругательствомъ, между приличіемъ и неприличіемъ между сатирою и критикою.*

» 83, » 6— 8: *Эпиграммы его критикъ* могутъ быть *оскорбительны* Авт‹орскому› самолюбію . . .

» » » » *Эпиграммы которыми сыплетъ онъ въ сво‹ихъ› критическихъ разборахъ* могутъ быть *оскорбительны* . . .

» 83, » 8— 9: . . . *личная честь* его противниковъ была *для него священна* . . .

» 83, » 9: . . . никогда *всуе* не была имъ оскорблена . . .

» 83, » 9—12: Они же *первые* преступаютъ черту *священную литературнаго спора*, и думая напасть на *лит‹ератора›* вызываютъ на себя негодованіе гражда‹нина›.

» 83, » 13—14: Въ нихъ болѣе извинительнаго незнанія *свѣтск‹ихъ›* приличій чѣмъ *злобнаго* намѣренія.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 83, строка 14—15: Чувство приличія зависитъ отъ воспитанія и *привычки жить въ свѣтѣ.*

» 83, » 17—18: Какимъ образомъ *изтолкуете* вы какому нибудь *доброму чувашу* поединокъ двухъ *Гвард‹ейскихъ›* оф‹ицеровъ›. . .

» 83, » 21—25: Доказательство[1]) *тому* ихъ добродушное изумленіе при обвиненіяхъ *въ не[благо]пристойности ихъ дѣтск‹ое› опр‹авданіе›* и ихъ единогласное указаніе на того чьи произведенія болѣе всего носятъ на себѣ печать ума свѣтскаго и знанія *приличій* общежитія.

Замѣтка Пушкина написана съ цѣлію защитить князя Вяземскаго отъ сильныхъ нападокъ на послѣдняго московскихъ и петербургскихъ литераторовъ, обиженныхъ рѣзкимъ отзывомъ его о современныхъ журналахъ въ альманахѣ *Денница* на 1830 г. (См. примѣчанія къ 34-ой статьѣ).

„Онъ ‹князь Вяземскій› негодуетъ на полемику, а *кто* ее завелъ?“ спрашиваетъ рецензентъ изъ *Московскаго Телеграфа*: „Кто *первый* довелъ брани журнальныя до послѣдней крайности, писалъ ѣдкія сатиры, заводилъ пустые споры, забавлялъ публику эпиграммами на соперниковъ, сыщиками, посланіями къ N. N., споромъ за *Бахчисарайскій Фонтанъ*? отпирательство отъ статей безъ подписи можетъ ввести въ заблужденіе только тѣхъ, кому литтературныя тайны неизвѣстны. А теперь, когда журналисты увидѣли наконецъ, что *знаменитые* друзья только шумятъ и спорятъ; когда узнали, что проза, „рдѣющая какою-то насильственною пестротою и дви-

1) Означенная фраза, по своему положенію въ рукописи, должна быть напечатана *въ концѣ* строки 14-ой.

lib.pushkinskijdom.ru
</transription>

жущаяся судорожными припадками", не большая помога Словесности; что пустые, хотя и звонкіе, возгласы не Исторія; что стихи, гдѣ насильственною рифмою скованы остроты Пироновъ съ мыслями Байрона, или гдѣ сквозь Греческій хитонъ, сшитый по мѣркѣ Нѣмецкаго портнаго, видѣнъ Парижскій модный фракъ, не Поэзія; когда вѣкъ движется впередъ, смѣется надъ бездѣлками, какія его забавляли въ бывалое время, ищетъ новыхъ идей, и журналисты начали смѣло удовлетворять такимъ потребностямъ вѣка — они сдѣлались виноваты? Можетъ быть, скажутъ, что мы слишкомъ горячо вступаемся за честь Русскихъ Журналовъ; положимъ такъ, но послушайте, что говорятъ намъ: „Духъ критики нѣкоторыхъ Журналовъ (кромѣ Атенея), на которые указывать не для чего, потому что *бѣдственная извѣстность ихъ слишкомъ уже оглашена*, исторгнулся изъ границъ, не только литературнаго и *общежительнаго*, но и *нравственнаго приличія*". Далѣе: „О литературномъ состояніи нашей республики письменъ говорить почти нечего; но можно и должно-бы написать *обозрѣніе нравственнаго состоянія Литературы нашей*. Литературу называютъ выраженіемъ общества: слѣдуетъ вступиться за общество, изобличая лживость выраженія поддѣльнаго и оскорбительнаго чести ея" (Денница, статья Кн‹язя› Вяземскаго, стр. 133, 134). Спрашивается: такъ-ли долженъ говорить безпристрастный, незапоздалый, не сердитый за это, не увлекаемый конькомъ оскорбленнаго самолюбія человѣкъ? Журналистамъ грозятъ обзоромъ ихъ *нравственности*; хотятъ доказать, что они *оскорбляютъ честь современнаго* общества. За чѣмъ же стало, М‹илостивый› Г‹осударь›? — Пишите, обличайте; увольте только насъ отъ оскорбительныхъ и слишкомъ феодальныхъ общихъ выраженій, которыя въ мирной республикѣ наукъ и Словесности не годятся. Богъ знаетъ, какой вы разумѣете подъ *извѣстными* Жур-

lib.pushkinskijdom.ru

налами: *Славянинъ*, *Сынъ Отечества*, *Телеграфъ*, или другіе; пишите яснѣе: грозы вашей никто не пугается; но только позвольте напередъ вамъ припомнить, что времена удивительно переходчивы; что теперь требуютъ не знаменитости, а дѣла; что отъ блаженнаго 1820-го года, когда на колѣняхъ стояли передъ авторитетами старой памяти, прошло десять лѣтъ, а въ сіи десять лѣтъ Россія шагала во всѣхъ отношеніяхъ, и политическомъ и литературномъ, и теперь въ Литературѣ многое разгадано, съ многаго сорвана маска; многимъ гораздо выгоднѣе теперь сидѣть тихонько съ листочкомъ, выдернутымъ изъ стараго лавроваго вѣнка, нежели шумѣть и указывать знающимъ болѣе ихъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXI, № 1, стр. 78—81).

Выступленіе *Московскаго Телеграфа* противъ князя Вяземскаго было поддержано *Сѣверной Пчелой*, гдѣ нѣкто Порфирій Душегрѣйкинъ (вѣроятно, Ѳ. В. Булгаринъ) назвалъ письмо къ А. И. Готовцовой „прекурьознымъ" и подчеркнулъ, что „въ этой статьѣ обруганы всѣ Авторы (разумѣется исключая Автора письма и его друзей) и вся Русская Литература смѣшана съ грязью" (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 12).

Походъ журналистовъ на Вяземскаго вызвалъ появленіе замѣтки Пушкина, который, принимая на себя защиту князя, руководился не только чувствомъ дружбы, но и глубокимъ убѣжденіемъ въ выдающихся литературныхъ способностяхъ своего пріятеля. Оцѣнку дарованія Вяземскаго Пушкинъ не разъ дѣлалъ въ своихъ письмахъ. Вяземскій-прозаикъ стоялъ, по словамъ поэта, выше Вяземскаго-стихотворца. „Благодарю тебя, милый Вяземскій!" писалъ Пушкинъ изъ Кишинева 6-го февраля 1823 г.: „пусть утѣшитъ тебя Богъ за то что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить какъ приятно читать о себѣ сужденіе умнаго человѣка — До сихъ поръ

lib.pushkinskijdom.ru

читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч. — мнѣ казалось что подслушиваю у калитки литературные толки приятельницъ Варюшки и Буянова". Пушкинъ одобрялъ рецензіи Вяземскаго, помѣщенныя въ *Московскомъ Телеграфѣ*. „Ты спрашиваешь", читаемъ въ письмѣ поэта изъ Михайловскаго отъ 25-го мая 1825 г.: „доволенъ-ли я тѣмъ что сказалъ ты обо мнѣ въ Тел‹еграфѣ› — Что за вопросъ? Европейскія статьи такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ! а твоимъ перомъ водятъ и вкусъ и пристрастіе дружбы". — Своимъ знакомымъ Пушкинъ особенно хвалилъ критическіе этюды князя. „Ты — да, кажется, Вяземскій", — говорилъ поэтъ А. А. Бестужеву въ письмѣ отъ 30-го ноября 1825 г.: „одни изъ нашихъ литераторовъ — учатся; всѣ прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ ихъ образумить". Столь же лестный отзывъ высказанъ и въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 31-го августа 1827 г.: „Въ Т‹елеграфѣ› похвально одно ревностное трудолюбіе — а хороши однѣ статьи Вяземскаго — но за то за одну статью Вяз‹емскаго› въ Тел‹еграфѣ› отдамъ 3 дѣльныя статьи М‹осковскаго› Вѣстн‹ика›. Его критика поверхностна или несправедлива; но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія, рѣзко оригинальны; онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста!".

Вяземскій прозаикъ немного уступаетъ Карамзину: его слогъ, „живой и оригинальный", „чудесно шагаетъ впередъ"; его „разсужденія прекрасны"; „калембуры очень милы". Письма Вяземскаго бодрятъ поэта: „Твои письма гораздо нужнѣе для моего ума, чѣмъ операція для моего аневризма. Они точно оживляютъ меня какъ умный разговоръ, какъ музыка Россини, какъ похотливое кокетство Италіанки" (Письмо отъ 14 — 15-го августа 1825 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

Стихи Вяземскаго хуже его прозы, хотя тоже не лишены достоинствъ. Пушкинъ любовно журитъ своего друга за недочеты „Нарвскаго водопада“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., стр. 63): „Мой милый, поэзія твой родной языкъ, слышно по выговору, но кто жъ виноватъ что ты столь-же рѣдко говоришь на немъ, какъ дамы 1807-го года на славяно-роскомъ. И нѣтъ надъ тобою какъ бы нѣкоего Шишкова, или Сергѣя Глинки или иной няни Василисы чтобъ на тебя прикрикнуть: извольте де браниться въ рифмахъ, извольте жаловаться въ стихахъ“ — (Письмо отъ 14—15-го августа 1825 г. — Переписка, т. I, стр. 66—67, 102, 105—106, 217—218, 236, 264—266, 307; т. II, стр. 42, 235).

40.

[О КАРИКАТУРѢ ВЪ АНГЛІИ И О ПОЛЕВОМЪ].

(Стр. 83—84).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 12, стр. 98, и была перепечатана въ изданіи П. А. Ефремова, 1880 г., т. V, стр. 106.

Пушкинъ набросалъ замѣтку при особыхъ обстоятельствахъ. Въ 1830-мъ году, когда поклонники Карамзина отстранились отъ Полевого и отказались отъ сотрудничества въ его журналѣ, въ особомъ прибавленіи къ послѣднему: *Новомъ Живописцѣ общества и литературы*, появилась статья подъ названіемъ „Литературное Зеркало“ (*Московскій Телеграфъ*, ч. XXXI, №№ 2—4). Въ этой статьѣ есть рядъ стихотвореній, подписанныхъ Ѳеокритовымъ, Шольё-Андреевымъ, Гамлетовымъ и другими лицами. Нетрудно было догадаться, чьи произведенія пародировалъ неизвѣст-

lib.pushkinskijdom.ru

ный авторъ статьи. Всѣ помнили Шольё Андреевича — Вяземскаго и Гамлета — Боратынскаго, воспѣтыхъ Пушкинымъ въ „Письмѣ къ Василію Львовичу“ и въ произведеніи „Черепъ“; не было сомнѣній и относительно личности Ѳеокритова, подъ которымъ разумѣлся баронъ Дельвигъ (*Сынъ Отечества*, 1821 г., ч. 68, № 11, стр. 179—180. — *Сѣверные Цвѣты* на 1828 г., отд. „Поэзія“, стр. 107. — *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXIV, № 13, стр. 76. — Переписка, т. I, стр. 6. — *Е. А. Боратынскій*. Полное собраніе сочиненій. Изданіе Академіи Наукъ. Спб. 1914 г., т. I, стр. 89, 266). Всѣмъ членамъ пушкинскаго кружка было ясно, что въ предисловіи къ пародіямъ задѣты сотрудники альманаха *Сѣверные Цвѣты* и *Литературной Газеты*. „Мы постараемся“, возглашаетъ отъ своего имени и отъ имени своихъ сотоварищей А. Ѳеокритовъ: „какъ можно лучше удалиться отъ изящнаго вкуса, вѣрности изображеній, чистоты языка — все въ сторону! Мы будемъ поэты въ прозѣ, прозаики въ стихахъ, ибо поэтамъ *законъ не писанъ*. Такъ! Смѣло въ путь! Если же насъ не станутъ хвалить, не будутъ читать, мы сами себя назовемъ Горацiями, Гамлетами, Ѳеокритами, Шольё; напишемъ другъ къ другу по посланію, по надписи, по загадкѣ (при посылкѣ какой нибудь чучелы, книги, альбома); напишемъ *обозрѣніе Словесности*, гдѣ расхвалимъ себя, разругаемъ другихъ[1]); наконецъ, начнемъ издавать литературную газету, гдѣ до Русской Литературы будетъ столько-же дѣла, сколько до Готтентотскаго языка, а все будетъ состоять изъ нашихъ отрывковъ, изъ газетныхъ объявленій, изъ иностранныхъ извѣстій, которыя лѣтъ пять назадъ напечатаны были въ другихъ Журналахъ[2]). Когда-жъ станутъ намъ говорить, что наша га-

1) Разумѣются „Обзоры россійской словесности“ О. М. Сомова, ежегодно выступавшаго въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*.

2) Несправедливая и пристрастная характеристика газеты барона А. А. Дельвига.

lib.pushkinskijdom.ru

зета лишняя, что она пуста, не нужна публикѣ, то мы объявимъ, что не для публики издаемъ ее, а для *нѣкоторыхъ* писателей, коимъ не льзя было печатать своихъ отрывковъ ни въ одномъ изъ другихъ Русскихъ Журналовъ[1]). Людей, осмѣлившихся критиковать *нашихъ*, уподобимъ мы Хіосскимъ проказникамъ, и, наконецъ, сами ругая другихъ наповалъ, въ подкрѣпленіе славы будемъ ссылаться — даже на *Славянина* (впрочемъ, это при послѣдней крайности)[2]) . . . будемъ называть другихъ безнравственными, грязными, не знающими большого свѣта, а ихъ сочиненія лживымъ выраженіемъ общества[3]), и . . . словомъ: такъ будемъ мы дѣйствовать, если публика не одобритъ нашихъ отрывковъ. Но этому не бывать: она придетъ, она должна придти въ восторгъ . . . . Начнемъ!“

Пушкинъ рѣшилъ заступиться за своихъ литературныхъ друзей и единомышленниковъ и выразилъ сомнѣніе, „чтобы кто нибудь изъ извѣстныхъ нашихъ писателей могъ узнать себя въ пародіяхъ“; при этомъ поэтъ укололъ самолюбіе Полевого, замѣтивъ, что послѣдній въ своей „Исторіи русскаго народа“ „очень забавно пародировалъ Гизота и Тьерри“.

Хотя Пушкинъ ни слова не упомянулъ о себѣ, Полевой поспѣшилъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что онъ не пытался вышучивать творенія поэта: „. . . какой-то — видно, умный и благонамѣренный человѣкъ! — торжественно возгласилъ, что въ *Телеграфѣ* печатаются пародіи на стихотворенія Пушкина. Не угодно-ли г. Возглашателю указать хоть на одну пародію? Или не угодно-ли ему самому написать пародію, напр‹имѣръ›, на Онѣгина? А мы

1) Намекъ на статью Пушкина: „О литературной критикѣ“ (см. настоящій томъ, стр. 64, строки 28 — 32).

2) Выпадъ противъ великаго поэта за рецензію на „Исторію русскаго народа“ (см. настоящій томъ, стр. 66, строки 13 — 16, 26 — 31).

3) Выраженія князя П. А. Вяземскаго въ статьѣ: „Отрывокъ изъ письма А. И. Г‹отовцов›ой“ (*Денница* на 1830 г., стр. 131, 133 — 134).

lib.pushkinskijdom.ru

отказываемся отъ этого, ибо до сихъ поръ еще не замѣтили въ Пушкинѣ тѣхъ сторонъ, которыя могли бы отражаться въ зеркалѣ насмѣшки. Если въ *Телеграфѣ* и печатаются пародіи, если въ нихъ и узнаютъ своихъ дѣтищъ нѣкоторые поэты, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тамъ же были и пародіи на Пушкина" (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXII, № 6, стр. 240 — 241).

Впрочемъ, заявленіе Полевого не можетъ быть признано вполнѣ справедливымъ. Одна эпиграмма, хотя и подписанная Гамлетовымъ, напоминаетъ „Совѣтъ" (1826 г.) Пушкина, а начало элегіи И. Пустоцвѣтова[1]) — „Разувѣреніе" является пародіей на „Пробужденіе" (1816 г.). Приводимъ для сличенія стихи Полевого и пушкинскія піесы:

«Эпиграмма».

Когда тебя свисткомъ своимъ лихимъ
Достигнетъ *рой журнальныхъ* почтальоновъ,
Поэтъ, мой *другъ!* не отвѣча́я имъ,
Перемѣни свой плавный стихъ Назоновъ
На бѣшеный ты Ювенала стихъ,
И разомъ имъ, на всѣ насмѣшки ихъ,
Не устрашась крикливаго ихъ строю,

«Совѣтъ».

Повѣрь: когда и мухъ и комаровъ
Вокругъ тебя летаетъ *рой журнальной*,
Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
Не возражай на писк и шумъ нахальной;
Ни логикой, ни вкусомъ, милый *другъ*,
Никакъ не льзя смирить ихъ родъ упрямой.

---

1) Ср. *Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 7, стр. 190: „Мы хотя люди и темные: но понимаемъ довольно ясно, кто въ *Телеграфскомъ* райкѣ освистывается подъ именемъ *Пустоцвѣтова*" ...

lib.pushkinskijdom.ru

Махни въ отвѣтъ насмѣшкой
удалою.

(*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., № 4, *Новый Живописецъ*, стр. 66).

Сердиться грѣхъ — но *замахнись* и вдругъ
Прихлопни ихъ проворной эпиграммой.

(*Уранія* на 1826 г., стр. 205).

«Разувѣреніе».

Она прошла, былая *радость*,
Онъ пролетѣлъ, мой счастья *сонъ*,
И потускнѣлъ твой небосклонъ,
Разочарованная младость!
Мои бывалыя мечтанья,
Мои далекія *мечты*,
Ты, трепетъ счастья, упованья,
Ты, вольный *геній красоты!*
Гдѣ вы?

(*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., № 3, *Новый Живописецъ*, стр. 48 — 49).

«Пробужденіе».

Мечты, мечты!
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная *радость?*
Изчезнулъ онъ,
Веселый *сонъ*. . . . .

(Сочиненія, т. I, стр. 218).

Затѣмъ, немного спустя, въ плоской „Эпиграммѣ“, подписанной: „Обезьянинъ“, и въ статьѣ „Утро въ кабинетѣ знатнаго барина“ Полевой осмѣялъ извѣстное „Посланіе къ К‹нязю› Н. Б. Ю‹супову›“ и „Собраніе насѣкомыхъ“, а черезъ два года напечаталъ пародію на стихотвореніе „Чернь“ и изобразилъ Пушкина въ непривлекательной роли низкопоклонника, заискивающаго у знатныхъ вельможъ:

Онъ горделиво посмотрѣлъ
На вопль и клики черни дикой,
Не дорожа ея уликой,
Какъ юный, бодрственный орелъ,

lib.pushkinskijdom.ru

Ударилъ въ струны золотыя,
Съ земли далеко улетѣлъ,
Въ передней у вельможи сѣлъ,
И пѣсни дивныя, живыя,
Въ восторгѣ радости запѣлъ [1]).

(*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., №№ 8, 10, *Новый Живописецъ*, стр. 135, 171; 1832 г., № 8, *Камеръ-Обскура*, стр. 153—154: „Поэтъ“).

Въ 1832-мъ году Полевой собралъ и издалъ отдѣльно статьи *Новаго Живописца*. Характеризуя свой сатирическій сборникъ, издатель призналъ, что его трудъ сердилъ многихъ: „То Г-нъ А** хмурился, то Г-нъ Б** бранился, то Г-нъ NN кричалъ, что *Живописецъ* пишетъ пасквили. *Литтературное* его *Зеркало* заставило даже самыхъ *знаменитыхъ* литтераторовъ, торжественно и печатно, отпираться отъ сходства, и увѣрять, что образчики стихотворной галиматьи *Живописца* нисколько не походятъ на ихъ галиматью“ (*Новый Живописецъ общества и литературы*. М. 1832 г., ч. I, стр. XXVI) [2]).

41.

[ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ЗАМѢТКѢ ОБЪ ИЛІАДѢ].

(Стр. 84—85).

Эта замѣтка, находящаяся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 73, 69—69 об., впервые появилась въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 12, стр. 98,

1) Аполлонъ Григорьевъ назвалъ это стихотвореніе пародіей, „безчестящей сочинителя“. (Полное собраніе сочиненій и писемъ. П. 1918 г., т. I, стр. 253).

2) О пародіяхъ Н. А. Полевого на Пушкина см. *В. В. Каллашъ*. Puschkiniana. Кіевъ, 1902 г., стр. 91—94, 96—98, 102—103. — Ср. *Н. Чернышевскій*. Критическія статьи. Спб. 1893 г., стр. 72—74.

lib.pushkinskijdom.ru

и затѣмъ помѣщена въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 550—551. Черновой автографъ значительно отличается отъ печатнаго текста:

Стр. 84, строки 20 — 28: *Сіи слова суть* лучшее доказательство правила слишкомъ *у насъ* пренебрегаемаго *а имянно [что]: критика журн‹альная›, должна* ограничиваться замѣчаніями чисто литературными не примѣшивая къ *нимъ* догадокъ на счетъ *личныхъ отношеній* — догадокъ *почти всегда* столь-же несправед‹ливыхъ› какъ и непри‹личныхъ?›. Объявленіе о переводѣ Илл‹іады› писано мною, и напечатано во время отсут‹ствія› Бар‹она› Дельв‹ига› *поручившаго мнѣ покамѣсть изданіе своей Газеты — Приемлю смѣлость* сказать что нынѣшнія отно‹шенія› Барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу не суть дружественныя . . .

Стр. 84, строка 31 — стр. 85, строка 2: Примѣръ утѣшительный *особенно* въ нынѣшней эпохѣ *нашей* Литературы. — *Что касается до моего объявле‹нія›, то не полагая что имѣю право судить немѣдленно и рѣшительно о таковомъ важномъ трудѣ каковъ переводъ 24 пѣсенъ Илл‹іады› я ограничился простымъ объявле-*

lib.pushkinskijdom.ru

ніемъ; по моему незнанію греческаго языка, замѣчанія мои были бы односторонни...

Съ удовольствіемъ предоставляю Г-ну Раичу — немѣдленно представить публикѣ свое мнѣніе...

„Объясненіе“ Пушкина служитъ отвѣтомъ на статью С. Е. Раича, который, перепечатавъ въ *Галатеѣ* анонимную замѣтку поэта о переводѣ Гнѣдича, снабдилъ ее неодобрительнымъ послѣсловіемъ. „Мы бы повѣрили“, писалъ онъ: „этому воззванію на счетъ труда, дѣйствительно важнаго по нѣкоторымъ отношеніямъ, если бы это воззваніе не было черезъ чуръ величаво и не обнаруживало духа партіи, которая въ литературѣ не должна быть терпима. „Русская Иліада предъ нами!“ Не слишкомъ-ли много? — Довольно было бы сказать: Русскій переводъ Иліады. Мы сами уважаемъ полезный трудъ Г. Гнѣдича и, сообразно съ его требованіемъ, скажемъ напередъ, что „*въ трудѣ* его *худое не превышаетъ хорошаго*“. Но объявляемъ напередъ, что не согласны съ отзывомъ Литературной Газеты, утверждающей, будто книга г. Гнѣдича долженствуетъ *имѣть столь важное вліяніе на отечественную Словесность;* иначе мы должны будемъ допустить, что и Барона Дельвига такъ называемые гекзаметры будутъ имѣть *столь важное вліяніе* на отечественную Словесность, потому что г. Гнѣдичь, въ Предисловіи къ своему переводу Иліады, говоритъ объ немъ: „Кого не плѣняетъ лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько Музѣ любезнымъ“ (*Галатея*, 1830 г., ч. XI, № 4, стр. 228—230).

Безспорно, Раичъ сводилъ личные счеты съ Дельвигомъ, котораго ошибочно считалъ авторомъ замѣтки объ

lib.pushkinskijdom.ru

„Иліадѣ“ и къ которому питалъ непріязненное чувство (*Баронъ А. А. Дельвигъ.* Сочиненія. Спб. 1895 г., стр. 121), а Пушкинъ призналъ своей обязанностью разъяснить неправоту издателя *Галатеи*, такъ какъ замѣтка не принадлежала барону и отношенія послѣдняго къ Гнѣдичу въ началѣ 1830-го года не были дружественныя.

Слова Пушкина о взаимныхъ отношеніяхъ двухъ поэтовъ возбудили сомнѣнія въ цензорѣ Щегловѣ, въ вѣдѣніи котораго находилась *Литературная Газета*, и онъ представилъ дѣло на усмотрѣніе своихъ коллегъ по Петербургскому Цензурному Комитету. Послѣ всестороннихъ обсужденій, предсѣдателемъ Комитета К. М. Бороздинымъ была отправлена въ Главное Управленіе Цензуры бумага слѣдующаго содержанія: „Въ засѣданіи Комитета 4 февраля 1830 г. слушали статью соч. А. Пушкина, объ „Иліадѣ“, переведенной Гнѣдичемъ, предложенную на разсужденіе Комитета г. цензоромъ, коллежскимъ совѣтникомъ Щегловымъ. — Г. Цензоръ признавалъ, что въ оной статьѣ нельзя допустить къ напечатанію отзыва сочинителя о личныхъ отношеніяхъ между гг. Гнѣдичемъ и Дельвигомъ, выраженнаго въ слѣдующихъ словахъ: „Принужденнымъ нахожусь сказать, что нынѣшнія отношенія барона Дельвига къ Н. И. Гнѣдичу *не суть дружескія*“. Посему онъ обращался, какъ представлялъ г. цензоръ Комитету, къ издателю „Литтературной Газеты“ [1]), въ которую назначается упомянутая статья, и совѣтовалъ измѣнить сіи выраженія: поелику остальное содержаніе не заключаетъ ничего противнаго правиламъ Устава о цензурѣ; но, получивъ снова на разсмотрѣніе свое, безъ всякой перемѣны, долгомъ почелъ представить на разсужденіе Комитета. Засѣданіе Комитета съ своей стороны признало, что оно не въ правѣ одобрить также упомяну-

1) Обязанности издателя въ началѣ февраля исполнялъ самъ Пушкинъ, такъ какъ Дельвигъ былъ въ Москвѣ (Переписка, т. II, стр. 114).

lib.pushkinskijdom.ru

той мысли, по силѣ § 14 Устава о цензурѣ, которымъ предписывается „охранять личную честь каждаго отъ оскорбленій и подробности домашней жизни“ и проч.; не зная однакожъ того, какъ дѣйствительно можетъ быть упомянутый отзывъ принятъ лицами, до которыхъ оный касается, опредѣлило: представить на разрѣшеніе Главнаго Управленія Цензуры“.

Въ высшей инстанціи дѣло приняло другой оборотъ: предосудительная фраза была признана вполнѣ допустимой въ печати, и мнительному Щеглову пришлось 24-го февраля дать разрѣшеніе.

Изъ дѣла выясняется, что пушкинская замѣтка была написана въ концѣ января 1830-го года и носила заглавіе: „Объ Иліадѣ“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIX-й, стр. 49—53: „Къ цензурной исторіи произведеній Пушкина“.—*Временникъ Пушкинскаго Дома*. Петроградъ, 1914 г., стр. 12—13, № 37).

— *(Стр. 84, строки 26—28)*. Н. И. Гнѣдичъ былъ сослуживцемъ барона А. А. Дельвига по Публичной Библіотекѣ (съ 1821 г. по 1825 г.), помѣстилъ въ его изданіи свой переводъ ста шестидесяти стиховъ изъ XIV пѣсни „Иліады“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1826 г., Поэзія, стр. 68—82: „Поясъ Киприды“) и вообще относился къ своему коллегѣ доброжелательно. — Однако въ началѣ 1829-го года произошелъ эпизодъ, повліявшій на эти добрыя отношенія. Въ альманахѣ Дельвига на 1829 г. были напечатаны „Отрывки изъ Иліады“ въ переложеніи В. А. Жуковскаго. Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, въ примѣчаніи къ „Отрывкамъ“ было сказано: „Сей переводъ сдѣланъ по нѣкоторымъ особеннымъ причинамъ. Переводчикъ, не знающій по-гречески, старался только угадывать Гомера, имѣя предъ глазами нѣмецкіе переводы Иліады — Фоссовъ и Штольберговъ. Сей опытъ его не долженъ быть сравниваемъ и не можетъ выдержать сравненія

lib.pushkinskijdom.ru

съ переводомъ Н. И. Гнѣдича, который передаетъ намъ самого Гомера, вслушиваясь въ природный языкъ его; здѣсь, такъ сказать, одинъ отголосокъ отголоска“... (*Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., стр. 76). Несмотря на такое примѣчаніе, Гнѣдичъ обидѣлся, о чемъ Пушкинъ извѣстилъ князя Вяземскаго: „Читалъ *Цвѣты?* Каково море Жуковскаго и каковъ его Гомеръ, за котораго сердится Гнѣдичъ, какъ откупщикъ на контр-абанду“ (Переписка, т. II, стр. 85).

Подробности размолвки разсказаны барономъ Андреемъ Ивановичемъ Дельвигомъ въ его воспоминаніяхъ: „Въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1829 г.“, пишетъ онъ: „были помѣщены переведенные Жуковскимъ 600 стиховъ изъ „Иліады“. Въ это время переводъ всей „Иліады“ Гнѣдича не былъ еще напечатанъ. Дельвигъ обыкновенно посылалъ по экземпляру вновь вышедшихъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* въ подарокъ нѣкоторымъ писателямъ и въ томъ числѣ Гнѣдичу. Послѣдній, получивъ въ самый день новаго 1829 г. *Сѣверные Цвѣты*, въ которыхъ былъ помѣщенъ отрывокъ „Иліады“, переведенный Жуковскимъ, возвратилъ его (sic!) Дельвигу при запискѣ, въ которой рѣзко выразилъ свое неудовольствіе на Жуковскаго и на Дельвига и, сколько помню, писалъ въ ней, что не хочетъ даже видѣться съ ними до того времени, пока не будетъ напечатанъ его переводъ. Гнѣдичъ такъ поторопился этою запискою, что Дельвигъ получилъ ее въ день новаго года, не вставая еще съ постели. До этой размолвки Гнѣдичъ бывалъ часто у Дельвига“ (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 56. — *Современникъ*, 1856 г., т. 47, Критика, стр. 22).

---

lib.pushkinskijdom.ru

42.

[О ГЕКЗАМЕТРАХЪ МЕРЗЛЯКОВА].

(Стр. 85—87).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 16, стр. 129—130, и перепечатана, въ изданіи П. А. Ефремова, 1880 г., т. V, стр. 107—109.

Вопросъ о русскихъ гекзаметрахъ былъ разсмотрѣнъ А. Д. Галаховымъ, который пришелъ къ такимъ заключеніямъ: „Тредьяковскій, первый, употребилъ у насъ гекзаметръ въ своей „Тилемахидѣ“. Сумароковъ, желая представить лучшій образецъ въ этомъ родѣ, перевелъ гекзаметромъ отрывокъ изъ фенелонова Телемака. Въ 1766 г.[1]), въ „Трудахъ Вольнаго Русскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ“, помѣщено стихотвореніе М. Н. Муравьева: „Роща“, написанное гекзаметромъ; тѣмъ же метромъ переложена, 1793 г., въ „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ“, эклога виргиліева: „Титиръ“, В. Рубаномъ. Въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся при Жуковскомъ (1808), есть пьесы Мерзлякова, написанныя гекзаметромъ и относящіяся еще ко времени царствованія Императора Павла I. Когда Гнѣдичъ, въ предисловіи къ „Иліадѣ“, говоря о гекзаметрахъ Жуковскаго и Дельвига, не сказалъ ни слова о гекзаметрахъ Мерзлякова, послѣдній оскорбился и написалъ въ 1830 г. къ издателю „Московскаго Вѣстника“, г. Погодину, слѣдующее письмо, напечатанное уже черезъ 12 лѣтъ послѣ, именно въ „Москвитянинѣ“ 1842 года (ч. I, № 1, стр. 181—182): „Гексаметрами и амфибрахіями (какъ вы ихъ называете) я началъ писать тогда, когда Гнѣдичь еще былъ у насъ въ Университетѣ ученикомъ и не зналъ ни гексаметровъ, ни

1) Слѣдуетъ читать: 1778 г.

lib.pushkinskijdom.ru

пентаметровъ, и даже не писалъ стихами: свидѣтель этому „Вѣстникъ Европы“ и г. Востоковъ, который именно приписываетъ мнѣ первую попытку, въ своемъ Разсужденіи о стихосложеніи; такъ какъ пѣсни мои русскія[1]) были пѣты въ Москвѣ и Петербургѣ прежде нежели Дельвигъ существовалъ на свѣтѣ. Теперь не могу указать пьесы моей въ „Вѣстникѣ Европы“, издававшемся, кажется, при Жуковскомъ, но ее можно отыскать; въ „Вѣстникѣ Европы“ есть многія пьесы этой мѣры, относящіяся ко времени Павла[2]), напримѣръ, *Призываніе Калліопы на берега Непрядвы*, и пр.... Гнѣдичь, бывши здѣсь въ Москвѣ и квартируя у Кокошкина, самъ признавался предъ всѣми, что я первый началъ писать этимъ родомъ стиховъ, и укорялъ меня за то, что я послѣ возставалъ противъ нихъ (спустя лѣтъ десять) въ „Письмѣ моемъ изъ Сибири“, читанномъ въ собраніи и напечатанномъ: это всѣ знаютъ“, и проч.... „Московскій Вѣстникъ“, въ свое время (1830), обвинилъ странное молчаніе Гнѣдича. „Литературная Газета“ 1830 г., издававшаяся Дельвигомъ, оправдываетъ переводчика „Иліады“ тѣмъ, что у Мерзлякова немного переложеній изъ древнихъ гекзаметрами, и что сверхъ того они несовершенны. Въ 10-й книжкѣ Чтеній въ Бесѣдѣ Люб‹ителей› Рус‹скаго› слова (1813) Галинковскій помѣстилъ переводъ эклоги: „Титиръ“, переведенной еще прежде Рубаномъ. Такъ какъ первый опытъ переложенія „Иліады“ Гнѣдичемъ напечатанъ въ 13-й книжкѣ тѣхъ же Чтеній, то по этому обстоятельству Галинковскій несправедливо почиталъ себя первымъ возстановителемъ гекзаметра, послѣ „Тилемахиды“. Право первенства принадлежитъ здѣсь, конечно, не тому, кто первый *употребилъ* гекзаметръ въ какой-нибудь пьесѣ, а тому, кто сознательнымъ его употребленіемъ во многихъ

1) *Въ оригиналѣ*: пѣсни мои Русскія въ этой же мѣрѣ.
2) *Въ оригиналѣ*: къ Павлову времени.

lib.pushkinskijdom.ru

пьесахъ *ввелъ* его въ нашъ языкъ. Поэтому споръ о первенствѣ можетъ касаться только Мерзлякова и Гнѣдича. Мы выбираемъ перваго, хотя онъ не любилъ гекзаметровъ и, лѣтъ черезъ десять послѣ своихъ первыхъ въ немъ опытовъ, возставалъ противъ древняго размѣра" (*Современникъ*, 1850 г., т. XXIV, отд. III, стр. 9).

Гекзаметры у насъ привились не сразу. Самъ Гнѣдичъ началъ переводить „Иліаду" первоначально александрійскимъ стихомъ и лишь въ 1813-мъ году, подъ вліяніемъ С. С. Уварова, отдалъ предпочтеніе гекзаметру. Новые образцы перевода оказались удачными, но не разрушили существовавшаго тогда предубѣжденія противъ русскихъ гекзаметровъ. В. В. Капнистъ доказывалъ отсутствіе въ русскомъ языкѣ спондея, которымъ якобы всегда оканчивается гекзаметръ, и предлагалъ замѣнить послѣдній размѣромъ русскихъ простонародныхъ пѣсенъ; нѣкій Самсоновъ и А. Е. Измайловъ тоже дали несочувственные отзывы о русскомъ гекзаметрѣ. Напротивъ А. Х. Востоковъ, Н. Ѳ. Остолоповъ и неизвѣстный сотрудникъ *Вѣстника Европы* (1824 г., № 3) высказались, хотя не безъ оговорокъ и ограниченій, въ пользу гекзаметра. Завязалась полемика. „Одни стояли на томъ, что гекзаметръ рѣшительно не свойственъ нашему языку, который даже не можетъ замѣнить его никакимъ другимъ размѣромъ; другіе упорно поддерживали мнѣніе, что метрика наша способна къ полному и точному воспроизведенію древняго героическаго стиха... Первые, между прочими побужденіями, побуждались пристрастіемъ къ извѣстнымъ, давно введеннымъ размѣрамъ и почтеніемъ къ французскому кодексу литературы: вотъ почему Воейковъ и назвалъ ихъ *галломанами*. Вторыми, кромѣ просвѣщеннаго голоса С. С. Уварова, руководствовало желаніе и освободиться отъ этого кодекса хотя небольшимъ презрѣніемъ къ александрійскому стиху и познакомиться съ классической поэзіей

lib.pushkinskijdom.ru

хотя на одномъ изъ ея размѣровъ: ихъ можно бы было назвать *грекоманами*. Средину между ними занимали тѣ литераторы, которые хотя и не соглашались признать законность истиннаго гекзаметра въ нашемъ языкѣ, однакожь думали, что мы имѣемъ средства образовать стихъ, нѣсколько ему подобный и могущій, въ случаѣ надобности, замѣнять его" (*Современникъ*, 1850 г., т. XXIV, отд. III, стр. 10—11).

А. Ѳ. Мерзляковъ (род. въ 1778 г., ум. въ 1830 г.), первый довольно широко примѣнившій гекзаметръ въ своихъ піесахъ, по ироніи судьбы, выступилъ въ числѣ противниковъ этого размѣра. Въ своемъ „Письмѣ изъ Сибири" онъ доказываетъ невозможность создать правильный русскій гекзаметръ: „...тщетны всѣ ваши усилія, почтенные Россійскіе уставщики стопосложенія, тщетны! У васъ не можетъ быть ни Греческихъ, ни Латинскихъ гексаметровъ, въ настоящемъ и подлинномъ смыслѣ сего слова. Природа, даровавъ столь многія преимущества языку нашему, общія съ преимуществами языковъ древнихъ, отказала ему, можетъ быть, въ одномъ только дарѣ. — Всѣ новѣйшіе языки образованы не по тѣмъ уже правиламъ, какъ древніе первобытные, и весьма вѣроятно, что сіе отличіе есть дѣйствительно одно изъ отличій языка кореннаго отъ языка происходящаго. — Что дѣлать? Если бы существовалъ теперь настоящій Славянскій языкъ, о которомъ такъ сладостно мечтаютъ наши Словесники; — то, можетъ быть, и мы имѣли бы сію гибкость и гармонію языка первобытнаго, похожую на ту, которою справедливо превозносится живописный для слуха языкъ Греческой..... были языки пѣвучіе, такіе, которые, сообразно съ намѣреніемъ и искусствомъ писателя, позволяли переносить удареніе съ одного слога на другой по произволу, смягчать или облегчать, или сокращать каждой слогъ, какъ угодно; двоегласс-

lib.pushkinskijdom.ru

ныя, positio (положеніе или наращеніе), стеченіе гласныхъ, сокращеніе — все это производило то, что одно и то же слово, по свидѣтельству древнихъ, даже и въ прозѣ иногда произносилось иначе, нежели обыкновенно. У насъ къ каждому слову приковано гвоздемъ *ударе́ніе*, и его уже перенести никуда не возможно. — Вотъ первое отличіе нашего и всѣхъ новѣйшихъ языковъ отъ Греческаго и Латинскаго. Древніе означали словомъ *гекзаметра* такой стихъ, въ которомъ первыя четыре стопы должны быть дактили, а иногда и спондеи, на примѣръ:

Luctantes ventos tempestatesque sonoras. —

Пятая дактиль непремѣнно, а шестая спондей или иногда трохей. Признайтесь сами, можетъ ли Руской стихотворецъ соединить сразу четыре спондея? можетъ ли сохранить правила, по предписанію Горація, чтобъ въ гекзаметрѣ по крайней мѣрѣ былъ одинъ дактиль и нѣсколько спондеевъ? можетъ ли, говорю, составить не по слогамъ, а по темпамъ или времени произношенія шесть стопъ — число, опредѣленное мѣрною музыкою? Это выше нашей возможности. Прекрасные таланты лучшихъ нашихъ Стихотворцевъ, живое, пламенное ихъ воображеніе, картины, а болѣе чистота и легкость слога очаровываютъ насъ; мы не мѣряемъ стиха, и вѣримъ, что читаемъ гекзаметры, а между тѣмъ... о, Виргилій! о, Гомеръ! — природа не дала намъ вашихъ гекзаметровъ!!!“ (*Труды Общества любителей россійской словесности*, 1818 г., ч. 11, стр. 60—62).

„Письмо изъ Сибири“, повидимому, пользовалось извѣстностью, между тѣмъ какъ переводныя піесы Мерзлякова, написанныя гекзаметромъ, не были популярны и были прочтены многими литераторами впервые въ собраніи сочиненій автора (1825—1826 г.), хотя появились еще въ *Вѣстникѣ Европы* 1808 г. Не зналъ о гекза-

lib.pushkinskijdom.ru

метрическихъ опытахъ Мерзлякова и Гнѣдичъ въ то время, когда приступалъ къ переводу гомеровой поэмы размѣромъ подлинника. Вотъ почему Мерзляковъ не упомянутъ въ „Предисловіи“ Гнѣдича. „Мнѣ совѣтовали“, писалъ переводчикъ: „при изданіи Иліады изложить теорію гекзаметра: трудъ безполезный, когда въ нѣсколькихъ тысячахъ стиховъ не найдутъ ее. Не считаю также нужнымъ защищать гекзаметръ, какъ бы мою собственность; онъ самъ себя защищаетъ въ стихахъ Жуковскаго, и такъ же краснорѣчиво, какъ нѣкогда отвергаемое движеніе защитилъ тотъ Грекъ, который, вмѣсто возраженій, всталъ и началъ ходить. Русскій гекзаметръ существуетъ, какъ существовалъ прежде, нежели начали имъ писать. Того не льзя ввести въ языкъ, чего не дано ему природою... ...Но кто у насъ и теперь не читаетъ съ восхищеніемъ Аббадоны, Гальціоны, разрушенія Трои, произведеній, обогатившихъ Поэзію Рускую? Кого не плѣняетъ и лира Дельвига счастливыми вдохновеніями и стихомъ, столько Музѣ любезнымъ? — И такъ, если мои собственныя усилія несчастны, по крайней мѣрѣ послѣдствія не безплодны“ (Иліада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ. Спб. 1829 г., ч. I, Предисловіе, стр. X, XII).

Умолчаніе о Мерзляковѣ показалось страннымъ М. П. Погодину и Н. И. Надеждину. Они оба высказали недоумѣніе по этому поводу: первый — въ цитированныхъ Пушкинымъ строкахъ изъ статьи „Извѣстія, замѣчанія, анекдоты“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 3, стр. 321); второй — въ рецензіи на „Иліаду“ Гнѣдича. „При всей нашей благодарности къ нынѣшнему переводчику“, говоритъ Надеждинъ: „мы никакъ не могли разгадать, по какой странной ошибкѣ призываетъ онъ не совсѣмъ заслуженное вниманіе на свою *„смѣлость отвязать отъ позорнаго столпа* стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ“ (Пред. XI). Если стихъ сей и

lib.pushkinskijdom.ru

дѣйствительно былъ *опозоренъ Телемахидой* (Пред. XII) — что однако хотѣлось бы слышать отъ однихъ только *Телеграфскихъ* витязей, а не изъ устъ уважаемаго Литтератора — то и тогда ему не слѣдовало слишкомъ страшиться, принимаясь за оный. Напрасно увѣрился онъ, что стихъ сей былъ для него стихомъ, *не имѣвшимъ образцевъ* (Тамъ же). Образцы сіи давно существовали. Еще въ началѣ третьей четверти прошедшаго столѣтія, достопочтенный *М. Н. Муравьевъ* представлялъ *Вольному Россійскому Собранію*, существовавшему при И. М. *Университетѣ*, опытъ стихотворенія въ гекзаметрахъ, кои почтенный перелагатель *Иліады* не погнушался бы и нынѣ признать своими. Для примѣра выписываемъ изъ нихъ нѣсколько:

Здѣсь я буду впередъ собой наслаждаться и мыслить;
Въ темной прохладѣ здѣсь бодрствовать буду я утреннюю стражу:
Зритель безмолвный, поникну въ явленіяхъ сельскія жизни;
Взоромъ внимательнымъ буду шаги спровождать земледѣльца.
Мѣсяцъ спускается ниже, и кажется падаетъ съ неба;
Свѣтъ вливается въ воздухъ: волны востока зардѣлись...
Ахъ! я видѣлъ мгновенье, въ которо заря выходила.
Прелестьми юной безсмертной чувства мои обновленны.
Тихая свѣтлость объемлетъ мою умилившуюсь душу,
Такъ какъ прозрачное облако, въ коемъ покоится солнце,
Только омывшись въ волнахъ...

(См. Опытъ Трудовъ Вольн‹аго› Рос‹сійскаго› Собр‹анія› при Им‹ператорскомъ› Моск‹овскомъ› Унив‹ерситетѣ›. Ч. IV. Москва. 1778. Стихотвореніе: *Роща* с. 295—296).

„Довольно ли?.. Этотъ частный опытъ могъ однакожь быть не всѣмъ извѣстенъ. Но и въ такомъ случаѣ — честь торжественнаго введенія гекзаметра въ святилище Русской Словесности составляетъ одну изъ многочислен-

lib.pushkinskijdom.ru

ныхъ заслугъ почтеннаго Профессора и Поэта *А. Ѳ. Мерзлякова*, подарившаго насъ прекраснымъ переводомъ изъ *Одиссеи* и нѣкоторыми оригинальными стихотвореніями въ гекзаметрахъ, за долго до появленія первыхъ отрывковъ изъ настоящаго преложенія *Иліады*“ (*Московскій Вѣстникъ* 1830 г., № 4, стр. 404—405).

Гнѣдичъ не могъ оставить безъ отвѣта рецензію Надеждина и напечаталъ въ *Сѣверной Пчелѣ* свое „Возраженіе“. Ссылаясь на слова рецензента, что стихотвореніе Муравьева „Роща“ могло быть не всѣмъ извѣстно, Гнѣдичъ заявляетъ: „И онъ ‹Надеждинъ› правъ: первый я, къ сожалѣнію, даже не слыхалъ объ немъ. Въ противномъ случаѣ могъ ли бы я упустить изъ виду прекрасное стихотвореніе? могъ ли не употребить его въ свою пользу, на защиту гекзаметра, при спорахъ, объ немъ возникшихъ, послѣ напечатанія перваго опыта моего изъ перевода Иліады, когда я такъ нуждался въ примѣрахъ, достойныхъ вниманія? Стихотвореніе это я прочелъ въ первый разъ не прежде, какъ издано было полное собраніе сочиненій М. Н. Муравьева, а именно въ 1820 году. Къ чему же служитъ примѣръ, приводимый Г.—*джд*—[1]) изъ сего стихотворенія, когда онъ самъ увѣренъ, что оно не могло быть всѣмъ извѣстно, и что слѣдовательно доказательство его неосновательно?“

Не убѣдительной представляется Гнѣдичу и ссылка Надеждина на Мерзлякова, какъ на перваго литератора, введшаго гекзаметръ въ „святилище Русской Словесности“. „Оригинальныя стихотворенія въ гекзаметрахъ А. Ѳ. Мерзлякова“, пишетъ онъ: „мнѣ по сей день, къ сожалѣнію, не извѣстны; ибо ихъ вовсе нѣтъ и въ двухъ томахъ его стихотвореній, изданныхъ 1825 года. Что до отрывка изъ Одиссеи, это правда, онъ напечатанъ гораздо

1) Такъ подписана статья Надеждина.

lib.pushkinskijdom.ru

прежде первыхъ отрывковъ моего перевода изъ Иліады. Но кто же не знаетъ, что отрывокъ сей переведенъ шестистопнымъ стихомъ, составленнымъ изъ ямба и анапеста. А это развѣ гекзаметръ? Развѣ Г-ну — *джд* — всякій шестистопный стихъ безъ риѳмъ кажется гекзаметромъ? Но каждый ученикъ знаетъ, что гекзаметръ, стихъ эпическій, или героическій, какимъ писаны Иліада или Энеида, не иначе составляется, какъ изъ дактиля и трохея, или спондея.—Этотъ самый стихъ, гекзаметръ, употребилъ напослѣдокъ и А. Ѳ. Мерзляковъ, въ переводахъ его нѣкоторыхъ Гимновъ Каллимаха, Гомера и отрывка изъ Иліады. Но эти всѣ переводы изданы когда? Въ 1825 году. А первый опытъ изъ моего перевода Иліады напечатанъ въ чтеніяхъ Бесѣды 1813 года!“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 33).

„Возраженіе“ Гнѣдича, повидимому, не имѣло успѣха: по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ современниковъ склонялись къ мнѣнію Надеждина. „Гексаметры началъ у насъ вводить Мерзляковъ, а не Гнѣдичъ“, отмѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ М. А. Дмитріевъ: „Сначала перевелъ онъ отрывокъ изъ Одиссеи: *Улиссъ у Алкиноя*; правда не совсѣмъ гексаметромъ, а шестистопнымъ амфибрахіемъ, то есть, прибавивъ въ началѣ стиха одинъ краткій слогъ. Это доказываетъ только, что онъ, какъ писатель опытный въ стихосложеніи, чувствовалъ, что слухъ Русскихъ читателей не можетъ вдругъ привыкнуть къ разнообразнымъ перемѣнамъ гексаметра, и хотѣлъ пріучить его амфибрахіемъ, какъ переходною мѣрою отъ привычнаго ямба къ новому для насъ чисто-эпическому размѣру, который въ своихъ варіаціяхъ требуетъ уже ученомузыкальнаго слуха. Одинъ нашъ критикъ видитъ въ гексаметрахъ только то, что они *длинны*; но Мерзляковъ видѣлъ въ нихъ разнообразнѣйшій изъ метровъ, и потому осторожно пріучалъ къ нему слухъ непривычныхъ читателей.

lib.pushkinskijdom.ru

И потому-то послѣ перваго опыта, переведеннаго амфибрахіемъ, онъ перевелъ отрывокъ изъ Иліады: *Единоборство Аякса и Гектора* уже настоящимъ гексаметромъ. За Гнѣдичемъ осталась слава вводителя только потому, что онъ усвоилъ намъ гексаметръ трудомъ продолжительнымъ и важнымъ, т. е. полнымъ переводомъ Иліады. Мерзляковъ и Гнѣдичъ — это Колумбъ и Америкъ-Веспуцій Русскаго гексаметра" (*М. А. Дмитріевъ.* Мелочи изъ запаса моей памяти. Москва, 1869 г., стр. 166—167).

— (*Стр. 86, строки 11—17*). Полевой, прежде другихъ, указалъ особенности размѣра, который употребилъ Мерзляковъ, переводя Одиссею. „Въ *первой*, изданной, части Подражаній и Переводовъ", читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* (1825 г., ч. IV, № 16, стр. 341): „Г. Мерзляковъ помѣстилъ. . . отрывокъ изъ Иліады гекзаметромъ и отрывокъ изъ Одиссеи шестистопными амфибрахіями, безъ риѳмъ".

— (*Стр. 86, строки 18—20*). Въ статьѣ: „Стихотворенія Б. Дельвига", написанной по поводу выхода въ свѣтъ собранія сочиненій поэта и напечатанной въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, между прочимъ, затронутъ вопросъ о гекзаметрахъ: „. . . Гекзаметръ Б. Дельвига изъ лучшихъ Русскихъ Гекзаметровъ, какъ по чистотѣ, такъ и по искусству согласованія Дактилей съ Хореями, искусству, которое не многіе знаютъ и которое зависитъ единственно отъ вѣрности слуха.—Иногда только, и то рѣдко, въ нихъ замѣчается вольность, выходящая совсѣмъ изъ правилъ сего стиха, впрочемъ столько свободнаго, а именно: у Б. Дельвига есть нѣсколько стиховъ, въ которыхъ обѣ послѣднія стопы Хореи, между тѣмъ какъ и установленныя правила и самый слухъ требуютъ, чтобы предпослѣдняя стопа была непремѣнно Дактиль! Сей размѣръ и безъ того столь свободенъ, что можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ музыкальнаго разнообразія, которое приводится къ един-

lib.pushkinskijdom.ru

ству одними только послѣдними звуками. — Но если позволить себѣ въ предпослѣдней стопѣ Хорей, то почему не позволить и въ послѣдней Дактиль? — Почему не позволить себѣ превратить весь стихъ въ шестистопный хореическій? — Гдѣ будетъ тогда нашъ Гекзаметръ, и безъ того скудный, но хотя нѣсколько напоминающій древній?“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1829 г., ч. VI, стр. 12—13).

— (*Стр. 86, строка 23*). Іоганнъ-Генрихъ Фоссъ (род. въ 1751 г., ум. въ 1826 г.)—извѣстный поэтъ и переводчикъ Гомера.

— (*Стр. 86, строка 23*). Іоганнъ-Готфридъ Германъ (род. въ 1772 г., ум. въ 1848 г.)—филологъ, спеціалистъ по метрикѣ, авторъ сочиненій: „De Metris poëtarum graecorum et romanorum“ (Leipzig, 1796), „Handbuch der Metrik“ (1799), „Elementa doctrinae metricae“ (1817), „Epitome doctrinae metricae“ (1818).

— (*Стр. 86, строки 24—28*). Поименованные Пушкинымъ переводы напечатаны въ двухтомномъ собраніи сочиненій А. Ѳ. Мерзлякова: „Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ“ (М. 1825—1826 гг.), ч. I, стр. 161—178; ч. II, стр. 17—23, 168—175, 296—310.

43.

[О ЗАПИСКАХЪ ВИДОКА].

(Стр. 87—88).

Эта статья, „написанная рукой Пушкина безъ помарокъ, сохранилась въ бумагахъ кн‹язя П. А.› Вяземскаго“ (*Кн. П. П. Вяземскій.* А. С. Пушкинъ (1826—1837) по документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ. Спб. 1880 г., стр. 30). Она была впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 20,

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 162, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 84—85 [1]).

Статья о Видокѣ имѣетъ свою исторію. — 18-го февраля 1830 г. Ѳ. В. Булгаринъ обратился къ Пушкину съ письмомъ, въ которомъ жаловался на распространяющіеся въ обществѣ толки о романѣ „Димитрій Самозванецъ“ (П., 1830 г.): „Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я *ограбилъ* вашу трагедію *Борисъ Годуновъ*, переложилъ *ваши стихи* въ прозу и взялъ изъ *вашей трагедіи* сцены для *моего* Романа! Александръ Сергѣевичъ! Поберегите свою славу! Можно ли взводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи кромѣ отрывковъ печатныхъ, а слышалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Въ главномъ, въ характерѣ и въ дѣйствіи, сколько могу судить по слышанному, у насъ совершенная *противоположность*. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ Литер‹атурной› Газетѣ, что я *обокралъ вашу* трагедію! Что̀ скажетъ публика? Вы должны будете доказывать. Но признаюсь, мнѣ хочется вѣрить, что Олину приснилось это. Прочтите сперва Романъ, а послѣ скажите. Онъ вамъ посланъ другимъ путемъ. Для меня непостижимо, чтобъ въ литературѣ можно было дойти до такой степени! Неужели, обработывая одинъ (т. е. по именамъ только) предметъ, надобно непремѣнно *красть* у другаго? У кого я что выкралъ? Какъ могъ я красть по наслышкѣ? Но я утѣшаю себя однимъ, что Олинъ говоритъ на обумъ. Не могу и не хочу вѣрить, чтобъ вы это могли думать, для чести вашей и литературы. Я составилъ себѣ такое понятіе о васъ, что эту вѣсть причисляю къ сказкамъ и извѣщаю васъ, какъ о слухѣ вредномъ для вашей репутаціи“ (Переписка, т. II, стр. 118—119).

1) Автографъ, хранящійся въ Остафьевскомъ Архивѣ, не имѣетъ существенныхъ отличій отъ печатнаго текста.

lib.pushkinskijdom.ru

Неизвѣстно, что̀ отвѣчалъ Пушкинъ на посланіе Булгарина, но зато въ *Литературной Газетѣ*, недѣли двѣ спустя, была напечатана довольно суровая рецензія на романъ „Димитрій Самозванецъ“. Особенно обиднымъ показалось Булгарину то мѣсто рецензіи, гдѣ говорилось объ его пристрастіи къ Польшѣ: „Мы... будемъ снисходительны къ роману *Димитрій Самозванецъ*: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтеніе народа Польскаго передъ Рускимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостію, открыть гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ Г. Булгаринѣ Поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную Писателемъ Рускимъ“ (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 14, стр. 113).

Еще въ 1825-мъ году Н. И. Гречъ, защищая Булгарина отъ оскорбительныхъ „небылицъ“ А. Ѳ. Воейкова и нѣкоего Вл. Елагина, высказался противъ наименованія своего друга польскимъ писателемъ: „Онъ *Польскій* Литераторъ. Это что значитъ? Г. Булгаринъ конечно родился въ Польшѣ, писалъ и по Польски; но теперь онъ пишетъ по Русски, и стяжалъ неотъемлемое право Литератора Русскаго... Фамилія отнюдь ничего не значитъ въ Литературѣ. Вспомните, что Гофманъ, одинъ изъ первыхъ Французскихъ Критиковъ,[1]) по фамиліи Нѣмецъ...“ (*Сынъ Отечества*, 1825 г., ч. 101, № 11, стр. 303—304).

Подъ видомъ Гофмана изобразилъ себя и Булгаринъ въ злостной статьѣ „Анекдотъ“, направленной противъ Пушкина, котораго онъ ошибочно считалъ авторомъ рецензіи на свой романъ, принадлежавшей на самомъ дѣлѣ

1) Францъ-Венедиктъ Гофманъ (род. въ 1760 г., ум. въ 1828 г.)—извѣстный критикъ, сотрудникъ *Journal des Débats* и сторонникъ классическихъ традицій.

lib.pushkinskijdom.ru

барону А. А. Дельвигу. Пушкинъ представленъ въ „Анекдотѣ“ природнымъ французомъ, лишеннымъ какихъ бы то ни было положительныхъ качествъ, крайне невѣжественнымъ и безнравственнымъ. Приводимъ текстъ булгаринской статьи, чрезвычайно возмутившей великаго поэта.

„*Анекдотъ*. Путешественники гнѣваются на нашу *старую* Англію (Old England), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами, и вмѣсто бранныхъ словъ, употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ, и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. Tous les Gascons ne sont pas en Gascogne! — Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся Словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Деппингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила, и появился какой-то Французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за Критику, и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи Французовъ, злой человѣкъ упрекнулъ Автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ Комедіяхъ своихъ странности Французовъ съ умысломъ, для возвышенія своихъ земляковъ, нѣмцевъ. Гофманъ, вмѣсто отвѣта на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ, напечаталъ къ одному почтенному Французскому Литератору письмо слѣдующаго содержанія: „Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ Писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во-первыхъ: природный Французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели Музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного воз-

lib.pushkinskijdom.ru

вышеннаго чувства, ни одной полезной истины, у котораго сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица, а голова, родъ побрякушки, набитой гремучими ріемами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ ріемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ[1]); который маракетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство — суетность. Во-вторыхъ, иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнилъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи, и послѣ присоединенія любитъ вмѣстѣ съ Франціею; который за гостепріимство заплатилъ Франціи собственною кровью, на полѣ битвъ, а нынѣ платитъ ей дань жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ, который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза, и говоритъ, что радъ напечатать. Рѣшите, М. Г., кто достоинъ болѣе уваженія?“ На сіе Французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: „Въ семьѣ не безъ урода. Трудитесь на полѣ нашей Словесности, и не обращайте вниманія на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы.

1) Въ своихъ воспоминаніяхъ Н. И. Гречъ разсказываетъ слѣдующее: „Въ то время Пушкинъ дѣйствительно старался о полученіи званія камеръ-юнкера, единственно для того, чтобы вывозить свою красавицу жену ко двору и въ большой свѣтъ. Слова фельетона задѣли его за живое, но напрасно онъ сердился: этихъ намековъ никто не думалъ примѣнять къ нему; никто, кромѣ особъ, приближенныхъ къ нему, не зналъ о его домогательствѣ, и я самъ, если бы мнѣ растолковали, что въ этой карикатурѣ Булгаринъ хотѣлъ изобразить Пушкина, никакъ не согласился бы на помѣщеніе ея въ „Пчелѣ“ (Записки о моей жизни. Спб. 1886 г., стр. 455—456).

lib.pushkinskijdom.ru

Пристрастная критика есть матеріялъ удобренія; но этотъ матеріялъ, согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а напротивъ утучняетъ ниву". — Утѣшься, Джонъ-Буль![1]) не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ добрыхъ иноземцевъ" (*Изъ Англійскаго Журнала*). [*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 30].

Булгаринъ не удовольствовался своей неприглядной статьей: ему казалось, что онъ недостаточно отомстилъ предполагаемому врагу, и за „Анекдотомъ" послѣдовала равноцѣнная въ нравственномъ отношеніи выходка—появилась рецензія на VII главу „Евгенія Онѣгина". Булгаринъ злорадно провозгласилъ полное паденіе таланта Пушкина. Начало рецензіи было такое: „Въ № 3 Московскаго Телеграфа на сей 1830 годъ (на стр. 356 и 357) объяснено нынѣшнее состояніе общаго мнѣнія въ Литературѣ и, между прочимъ, сказано: „Нынѣ требуютъ отъ Писателей не одной подписи *знаменитаго* имени" но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго. — Справедливо! Медленное, траурное шествіе Литературной Газеты и холодный пріемъ, оказанный публикою Поэмѣ *Полтава* (о которой такъ остроумно сказано было въ № 2 Вѣстника Европы на стр. 164)[2]), служатъ яснымъ доказательствомъ, что очарованіе именъ исчезло. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, Глава VII Евгенія Онѣгина? Мы сперва подумали, что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта Глава VII есть произведеніе Сочинителя Руслана и Людмилы, пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Эта Глава VII,—два маленькіе печатные листика,—испещрена такими стихами и балагурствомъ, что въ сравненіи съ ними даже Евгеній Вельскій кажется чѣмъ-то похожимъ на

1) Названіе Англійскаго народа въ переносномъ смыслѣ. *Издатель*.
2) См. примѣчанія къ статьѣ № 24, стр. 120.

lib.pushkinskijdom.ru

дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII Главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной возрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète! — И такъ надежды наши исчезли! Мы думали, что Авторъ Руслана и Людмилы устремился на Кавказъ, чтобъ напитаться высокими чувствами Поэзіи, обогатиться новыми впечатлѣніями, и въ сладкихъ пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги Русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ, и стяжавшія Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, возбудятъ геній нашихъ Поэтовъ—и мы ошиблись! Лиры знаменитыя остались безмолвными, и въ пустынѣ нашей Поэзіи появился опять Онѣгинъ, блѣдный, слабый... сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину!“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 35).

Булгаринъ ошибся въ своихъ расчетахъ: его рецензія причинила ему самому не меньше непріятностей, чѣмъ Пушкину. Императоръ Николай Павловичъ, постоянно читавшій *Сѣверную Пчелу*, былъ возмущенъ статьей и отправилъ А. Х. Бенкендорфу записку, въ которой называлъ рецензію „несправедливѣйшей и пошлѣйшей“ и предлагалъ запретить Булгарину „отнынѣ печатать какія бы то ни было критики на литературныя произведенія, и, если возможно, запретить его журналъ“. Шефъ жандармовъ постарался оправдать дѣйствія Булгарина, который будто бы не допустилъ „ничего личнаго противъ Пушкина“. „Перо Булгарина, всегда преданное власти“, писалъ Бенкендорфъ: „сокрушается надъ тѣмъ, что путешествіе за Кавказскими горами и великія событія, обезсмертившія послѣдніе года, не придали лучшаго полета генію Пушкина. Кромѣ того, Московскіе журналисты ожесточенно критикуютъ Онѣгина. Прилагаю при семъ статью противъ Димитрія Самозванца, чтобы Ваше Величество видѣли, какъ нападаютъ на Булгарина.

lib.pushkinskijdom.ru

Если бы Ваше Величество прочли это сочиненіе, то Вы нашли бы въ немъ много очень интереснаго и въ особенности монархическаго, а также побѣду легитимизма. Я бы желалъ, чтобы авторы, нападающіе на это сочиненіе, писали въ томъ же духѣ, такъ какъ сочиненія— *это совѣсть писателей*". — Всѣ усилія Бенкендорфа смягчить раздраженіе императора оказались тщетными. Отвѣтъ Николая Павловича былъ слѣдующій: „Я внимательно прочелъ критику на Самозванца и долженъ вамъ сознаться, что такъ какъ я не могъ пока прочесть болѣе двухъ томовъ и только сегодня началъ третій, то *про себя* или *въ себѣ* размышлялъ точно также. Исторія эта, сама по себѣ, болѣе чѣмъ достаточно омерзительна, чтобы не украшать ее легендами отвратительными и ненужными для интереса главнаго событія. А потому, съ этой стороны, критика, мнѣ кажется, справедлива. Напротивъ того, въ критикѣ на Онѣгина только факты и очень мало смысла; хотя я совсѣмъ не извиняю автора, который сдѣлалъ бы гораздо лучше если бы не предавался исключительно этому весьма забавному роду литературы, но гораздо менѣе благородному, нежели его Полтава. Впрочемъ, если критика эта будетъ продолжаться, то я, ради взаимности, буду запрещать ее вездѣ" (*Старина и Новизна*, 1903 г., книга VI, стр. 7—10).

Одновременно съ Николаемъ Павловичемъ, и Пушкинъ завязалъ переписку съ Бенкендорфомъ по поводу непозволительныхъ выступленій Булгарина. Въ письмѣ поэта рѣчь идетъ объ „Анекдотѣ": „M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influance auprès de vous, est devenu un de mes ennemis, les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relation‹s› avec cet homme, car il pourroit me faire un mal infini". Бенкендорфъ поспѣшилъ отречься

lib.pushkinskijdom.ru

отъ близкаго знакомства съ Булгаринымъ: „Quant à M-r Boulgarin, il ne m'a jamais parlé de Vous, par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et que je ne l'ai vu ce dernier tems que pour le réprimender“ (Переписка, т. II, стр. 127, 129).

Раздраженіе Пушкина противъ Булгарина проявилось также въ слѣдующихъ строкахъ письма къ князю П. А. Вяземскому: „Булгаринъ изумилъ меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и думаю должно — но разпутица, лѣнь и Гончарова не выпускаютъ меня изъ Москвы, а дубины въ 800 верстъ длины въ Россіи нѣтъ кромѣ Гр. Панина“ (Переписка, т. II, стр. 126). По словамъ Л. Н. Павлищева (впрочемъ, весьма неточнаго въ изложеніи событій), Пушкинъ просилъ его отца передать Булгарину, что „Анекдотъ“ не пройдетъ послѣднему даромъ (*Л. Павлищевъ.* Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. Москва, 1890 г., стр. 207).

При такихъ условіяхъ была написана статья о Видокѣ, предназначавшаяся первоначально для *Московскаго Вѣстника*. Объ этомъ сохранилась лаконическая замѣтка въ дневникѣ М. П. Погодина подъ 18-мъ марта 1830 г.: „Разск‹азывалъ› о скверности Булгарина... Давалъ статью о Видокѣ и догадался, что мнѣ не хочется помѣщать ее (о доносахъ, о фискальствѣ Булг‹арина›), и взялъ“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIII—XXIV, стр. 103)[1]).

Когда переговоры съ Погодинымъ окончились неудачей, Пушкинъ отослалъ статью въ Петербургъ А. А.

1) Впослѣдствіи Пушкинъ старался разъяснить Погодину значеніе своей статьи: „... я въ отвѣтъ на его ‹Булгарина› ругательства принужденъ былъ напечатать статью о Видокѣ; мнѣ нужно было доказать публикѣ, которая въ правѣ была удивляться моему долготерпѣнью, что я имѣю полное право презирать мнѣніе Булгарина и не требовать удовлетворенія отъ ошельмованнаго негодяя, толкующаго о чести и нравственности“ (Письмо, посланное въ началѣ апрѣля 1834 г. — Переписка, т. III, стр. 93).

lib.pushkinskijdom.ru

Дельвигу „съ тѣмъ, чтобы послѣдній ее напечаталъ въ томъ номерѣ ‹*Литературной Газеты*›, который долженъ былъ выйти въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 6-го апрѣля, въ видѣ краснаго яичка для Булгарина“.

Получивъ извѣстіе объ этомъ, Е. М. Хитрово (род. въ 1783 г., ум. въ 1839 г.), большая поклонница Пушкина, очень обезпокоилась и просила князя П. А. Вяземскаго задержать печатаніе статьи. „Я только что узнала, любезный князь“, писала она: „что статья о Видокѣ такого свойства, что она можетъ повредить нашему общему другу. Перовскій [1]), который только что отъ меня вышелъ—человѣкъ благоразумный—мнѣ повторилъ, что по дружбѣ къ Пушкину онъ весьма бы желалъ, чтобы статья не появлялась въ печати: самое незначительное послѣдствіе было бы, если Булгаринъ отвѣчалъ напечатаніемъ новыхъ писемъ. Я вамъ замѣчу, дорогой князь, что я во всемъ этомъ не понимаю равнодушія литературныхъ друзей Пушкина. По крайней мѣрѣ необходимо посовѣтоваться съ Жуковскимъ, Пушкинъ любитъ его, а на его мнѣніе рѣдко можно опереться въ пользу перебранокъ. Это первое движеніе еще старая закваска. Нельзя ли отложить статью въ ожиданіи отвѣта Жуковскаго; я совершенно убита тѣмъ, что сказалъ мнѣ Перовскій“ (*Кн. П. П. Вяземскій.* А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива и личнымъ воспоминаніямъ. Спб. 1880 г., стр. 29—30).

Опасенія Хитрово были основательны, такъ какъ статья Пушкина отличалась большой язвительностью и мѣтко вскрывала слабыя стороны авантюриста—литератора.

Сходство между Видокомъ и Булгаринымъ, по словамъ барона Андрея Ивановича Дельвига,—несомнѣнно. „Бул-

1) А. А. Перовскій (род. въ 1787 г., ум. въ 1836 г.), сотрудникъ *Литературной Газеты*, печатавшій свои произведенія подъ псевдонимомъ: „Антоній Погорѣльскій“.

lib.pushkinskijdom.ru

гаринъ, послѣ службы въ польскомъ легіонѣ французской арміи, былъ присланъ въ Петербургъ подъ надзоръ полиціи". Онъ „былъ женатъ на публичной женщинѣ" и, до переѣзда въ столицу, „обвинялся въ воровствѣ у офицеровъ того легіона, въ которомъ служилъ". За свою службу во французской арміи онъ „получилъ почетнаго легіона", за службу въ русской—„анненскую саблю", и „часто носилъ и легіонъ, и маленькую саблю въ петлицѣ". Онъ „былъ шпіономъ", но занимался и литературою и „только что напечаталъ нравственно-сатирическій романъ". Онъ „безпрестанно хвастался дружбою Грибоѣдова", важно толковалъ о хорошемъ обществѣ, строго разсуждалъ о Пушкинѣ и Карамзинѣ. Онъ приходилъ въ бѣшенство, читая неодобрительные отзывы о своемъ слогѣ, писалъ доносы на враговъ, обвиняя ихъ въ безнравственности и вольномысліи и „не на шутку" толковалъ о „благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній" (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 101—102).

Вскорѣ послѣ появленія статьи о Видокѣ, книгопродавецъ Лисенковъ объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что у него можно пріобрѣсти литографированный портретъ „знаменитаго" французскаго сыщика, а, на самомъ дѣлѣ, продавалъ портреты Булгарина, который жаловался властямъ и добился того, что у Лисенкова эти портреты были отобраны, и ему было запрещено продавать другіе экземпляры (*Заря*, 1871 г., № 4, стр. 19).

Другой книгопродавецъ, Сленинъ разсказывалъ братьямъ Дельвигамъ, что въ его магазинъ въ серединѣ марта заходилъ „взбѣшенный" статьею Пушкина Булгаринъ и, „крестясь и кланяясь передъ висѣвшею въ лавкѣ иконою, хотя онъ былъ католикъ", божился, что „между Видокомъ и имъ ничего нѣтъ общаго". „Потомъ ‹Булгаринъ› спрашивалъ: „Неужели въ этой статьѣ хотѣли представить меня?" и прибавлялъ: „нѣтъ, я въ кофейняхъ не

lib.pushkinskijdom.ru

бываю“ (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія, т. I, стр. 103).

Неприличное поведеніе Булгарина было осуждено журналистами. Надеждинъ заговорилъ о спекулянтахъ, торговавшихъ Пушкинымъ, какъ „модною вещицей“; Дельвигъ иронически указывалъ, что заимствованія, находящіяся, съ точки зрѣнія Булгарина, въ VII главѣ „Евгенія Онѣгина“, сдѣланы изъ „Ивана Выжигина“, точно такъ же, какъ лучшія сцены „Бориса Годунова“ взяты изъ романа „Димитрій Самозванецъ“, хотя, „по странному стеченію обстоятельствъ“, оба пушкинскихъ произведенія написаны раньше булгаринскихъ (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 7, стр. 185 — 201. — *Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 20, стр. 161).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ, желая пояснить подписчикамъ Литературной Газеты смыслъ нашумѣвшей статьи о Видокѣ, написалъ эпиграмму, гдѣ имя Видока поставилъ „рядомъ съ Фигляринымъ, подъ которымъ Булгаринъ былъ довольно извѣстенъ всей читающей публикѣ“. Эпиграмма, въ рукописномъ видѣ, получила широкое распространеніе, и Булгаринъ, изъ опасенія, что она появится въ печати и послужитъ прекраснымъ комментаріемъ къ пушкинской статьѣ, помѣстилъ ее самъ въ *Сынѣ Отечества*, измѣнивъ послѣдній стихъ. „Въ Москвѣ“, сообщалъ онъ: „ходитъ по рукамъ и пришла сюда, для раздачи любопытствующимъ, эпиграмма одного извѣстнаго поэта. Желая угодить нашимъ противникамъ и читателямъ, и сберечь сіе драгоцѣнное произведеніе отъ искаженія при перепискѣ, печатаемъ оное:

Эпиграмма.

Не то бѣда, что ты Полякъ;
Костюшко Ляхъ,
Мицкевичъ Ляхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Пожалуй, будь себѣ Татаринъ,
И въ томъ не вижу я стыда.
Будь Жидъ— и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты Ѳаддей Булгаринъ".

Въ примѣчаніи къ этому стихотворенію напечатано нѣсколько словъ отъ наборщика: „Правда, бѣда—но кому? Не литературнымъ ли трутнямъ, Цапхалкинымъ, Задушатинымъ и т. п." (*Сынъ Отечества*, 1830 г., т. XI, № 17, стр. 303).

По поводу статьи о Видокѣ и эпиграммы: „Не то бѣда, что ты Полякъ", князь П. А. Вяземскій въ концѣ апрѣля 1830 г. дважды писалъ находившемуся въ Парижѣ А. И. Тургеневу: „Дельвигъ сейчасъ былъ у меня и тебѣ кланяется и посылаетъ свою „Газету". Въ ней найдешь статью Пушкина на Булгарина подъ именемъ Видока. Видокъ-Булгаринъ бранилъ его въ своихъ журналахъ на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что почиталъ рецензію „Дмитрія Самозванца" писанною имъ, а она Дельвига". Черезъ нѣсколько дней князь возвращается къ той же темѣ: „Въ статьѣ о Видокѣ на страницѣ 162-й, ты узнаешь Видока-Булгарина. Она написана Пушкинымъ въ отвѣтъ на пакостную статейку Булгарина въ Сѣверной Пчелѣ", гдѣ Пушкинъ (подъ видомъ французскаго писателя, а Булгаринъ—Гофмана французскаго) названъ картежникомъ, пьяницею, вольнодумцемъ предъ чернью и подлецомъ предъ сильными. И все потому, что Булгаринъ принялъ критику Дельвига на романъ его за критику Пушкина и разсердился, что его называютъ полякомъ, а, вѣроятно, еще болѣе за то, что обвиняютъ его въ напрасной клеветѣ на „Самозванца", котораго онъ представляетъ шпіономъ. Вотъ еще отвѣтъ Пушкина:

Не то бѣда, что ты полякъ...." и т. д. (Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 192—193).

О появленіи эпиграммы въ *Сынѣ Отечества* увѣдомилъ

lib.pushkinskijdom.ru

жившаго въ Москвѣ Пушкина Дельвигъ: „Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню; но подлъ по прежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока-Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее Правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ Цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется, не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ, и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, человѣкомъ, дѣлающимъ противозаконное, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ Его Величествомъ. Государю, тебя ласкающему, приятно будетъ найти тебя правымъ. Вотъ какъ искательные подлецы часто могутъ марать добрыхъ людей, безпечныхъ по незнанію ихъ мерзостей и увѣренныхъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и дѣйствій“.

Письмо Дельвига, отправленное 8-го мая, пришло въ Москву тогда, когда Пушкинъ, имѣвшій уже разрѣшеніе издать „Бориса Годунова“, находился въ радостномъ настроеніи. „Милый! побѣда!“ писалъ поэтъ П. А. Плетневу: „Царь позволяетъ мнѣ напечатать *Годунова* въ первобытной красотѣ... Думаю написать предисловіе. Руки чешутся, хочется раздавить Булгарина. Но прилично-ли мнѣ, Ал. Пушкину, являясь передъ Россіей съ Борисомъ Годуновымъ заговорить объ Ѳаддеѣ Булгаринѣ. — Кажется не прилично. Какъ ты думаешь? рѣши.—Скажи: имѣло-ли вліяніе на разходъ Онѣгина, отзывъ Сѣв‹ерной› Пчелы? это для меня любопытно. Знаешь-ли что? у меня есть презабавные матеріалы для романа: Ѳаддей Выжи-

lib.pushkinskijdom.ru

гинъ. Теперь нѣкогда, а со временемъ можно будетъ написать это. Какое дѣйствіе произвела вообще и въ частности статья о Видокѣ? пожалуйста отпиши“ [1]).

На свой вопросъ поэтъ получилъ трезвый отвѣтъ—совѣтъ не связываться съ Булгаринымъ. „Важность предисловія“, указывалъ Плетневъ: „должна гармонировать съ самою трагедіею, что можно сдѣлать только яснымъ и вѣрнымъ взглядомъ на истинную поэзію драмы вообще, а не предикою изъ темы о блудномъ сынѣ Булгаринѣ; слѣдственно (по моему разумѣнію) не стоитъ тебѣ якшаться съ нимъ въ этомъ мѣстѣ: въ другомъ бы для чего не поучить, какъ совѣтуетъ руская пословица: не спускать и въ алтарѣ; но вѣдь есть другая противная пословица, что съ нимъ и Богъ не воленъ“ (Письмо отъ 21-го мая 1830 г. — Переписка, т. II, стр. 147, 148, 154).

По свидѣтельству барона Андрея Ивановича Дельвига, Пушкинъ „говорилъ, что непремѣнно подастъ на нихъ ⟨Греча и Булгарина⟩ жалобу за напечатаніе, безъ его согласія, написаннаго имъ стихотворенія, и на сдѣланное ими въ немъ измѣненіе. Пушкинъ былъ увѣренъ, что ихъ подвергнутъ взысканію и, между прочимъ, по какому-то ... закону, внесенію въ приказъ общественнаго призрѣнія по 10 руб. ассигн⟨аціями⟩ за каждый стихъ, а такъ какъ они одинъ стихъ ошибкою раздѣлили на два, то за эту ошибку съ нихъ взыщутъ еще лишнихъ 10 р., что особенно его забавляло“ (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія, т. I, стр. 103 — 104).

Для выясненія причины злостныхъ выходокъ Булгарина въ отношеніи Пушкина были напечатаны двѣ замѣтки въ *Литературной Газетѣ*. „Въ нынѣшнемъ году“

1) 8-го іюня 1830 г. М. П. Розбергъ писалъ изъ Москвы В. Г. Теплякову: „Статья о Видокѣ въ „Литературной Газетѣ“ писана Пушкинымъ, и онъ очень жалѣетъ, что женитьба отдаляетъ его отъ литературныхъ занятій и мѣшаетъ поприлежнѣе приняться за издаваемую Дельвигомъ и Сомовымъ газету“ (*Историческій Вѣстникъ*, 1887 г., № 7, стр. 19).

lib.pushkinskijdom.ru

говорится здѣсь: „*Сѣверная Пчела* отличалась особенною неблагосклонностію къ Гг. Загоскину, Пушкину и Кирѣевскому. Причины сему отыскать не трудно. Г-нъ Загоскинъ издалъ романъ, коего успѣхъ могъ повредить ходу Историческаго романа Г. Булгарина. Строгій приговоръ *Димитрію Самозванцу* (См. Лит. Газ. № 14) былъ приписанъ Пушкину", тогда какъ поэту только „предлагали написать критику Историческаго романа Булгарина", но „онъ отказался, говоря: чтобы критиковать книгу, надобно ее прочитать, а я на свои силы не надѣюсь". — „Издателю Сѣверной Пчелы", сказано въ другой замѣткѣ: „Литературная Газета кажется печальною: сознаемся, что онъ правъ, и самою печальнѣйшею статьею находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока" (*Литературная Газета*, 1830 г., т. II, № 45, стр. 72).

Полемика Пушкина съ Булгаринымъ отразилась на дѣятельности цензурнаго вѣдомства, которое стало запрещать всякія статьи о Видокѣ. Когда, въ началѣ ноября 1830 г., издатель *Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду* А. Ѳ. Воейковъ препроводилъ въ цензуру статью: „Два слова объ исторіи Видока, писанной имъ самимъ",— попечитель округа К. М. Бороздинъ предложилъ не пропускать этой статьи, „усматривая въ оной довольно очевидные намеки на русское сочиненіе, выраженные словами оскорбительными для того лица, къ которому относятся оные". — На запросъ Главнаго Управленія Цензуры, потребовавшаго разъясненій, попечитель представилъ свои соображенія: „Въ № 50[1]) Литературной Газеты, апрѣля 6-го, напечатана была статья о *Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ*, и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи эпиграмма: „Не то бѣда, что ты полякъ".... Неизвѣстно мнѣ почему, многіе предполагали, что *объ сіи*

1) Описка. Надо читать: Въ № 20.

lib.pushkinskijdom.ru

пьесы написаны на *счетъ Булгарина*. Между тѣмъ сія самая эпиграмма, 26-го апрѣля же мѣсяца, напечатана въ 17 № Сына Отечества и Сѣвернаго Архива съ перемѣною только двухъ словъ, а именно: вмѣсто *Видокъ Фиглярин*ъ, сказано *Ѳаддей Булгарин*ъ. Послѣ таковой, такъ сказать гласности, я полагалъ, что и статья: „*Два слова объ исторіи Видока*“, не можетъ быть допущена къ напечатанію“. — Въ отвѣтъ на бумагу Бороздина, министръ народнаго просвѣщенія князь К. А. Ливенъ прислалъ 22-го декабря отношеніе, гдѣ указалъ, „что ежели въ самой статьѣ не заключается ничего, относящагося къ сочиненіямъ или дѣйствіямъ г. Булгарина, то запрещеніе оной нельзя основать на томъ обстоятельствѣ, что въ ходившей по рукамъ эпиграммѣ находилось имя Видока-Фиглярина, вмѣсто котораго въ издаваемомъ г. Булгаринымъ журналѣ напечатано его собственное имя“. — Несмотря на разрѣшеніе, полученное отъ министра, Петербургскій Цензурный Комитетъ въ засѣданіи 30-го декабря постановилъ: „удержать статью при дѣлахъ Комитета въ числѣ запрещенныхъ рукописей, поелику засѣданіе Комитета, согласно съ опредѣленіемъ своимъ 11-го ноября, находитъ въ сей статьѣ очевидные намеки; въ предписаніи же Главнаго Управленія Цензуры изображено, что статья сія запрещена быть не можетъ въ такомъ только случаѣ, когда въ оной не заключается ничего, относящагося къ сочиненіямъ или дѣйствіямъ г. Булгарина“. Такимъ изворотливымъ толкованіемъ вполнѣ яснаго распоряженія министра Бороздинъ оберегалъ себя и Булгарина отъ возможныхъ непріятностей (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIX, стр. 71—77. — *М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. Спб. 1889 г., т. II, стр. 274.—*Русская Старина*, 1901 г., № 9, стр. 655—656).

— *(Стр. 88, строки 11—18)*. „Пушкина“, разсказываетъ баронъ А. И. Дельвигъ: „приводила въ негодованіе

lib.pushkinskijdom.ru

народившаяся въ 20-хъ годахъ особаго рода французская литература, состоявшая изъ записокъ и воспоминаній самыхъ безнравственныхъ и грязныхъ личностей" (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 101). Одного мнѣнія съ поэтомъ былъ О. М. Сомовъ, неодобрительно отозвавшійся о журналѣ *Галатея* за помѣщеніе „Записокъ Видока". Вотъ что писалъ онъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*: „ Литература сей *бабочки* — Галатеи, (а не *статуи* - Галатеи, какъ ошибочно думали нѣкоторые журналисты), назначенной, кажется, для туалетнаго чтенія красавицъ, — состояла въ первой половинѣ года по большей части изъ разсказовъ о разбойникахъ, убійцахъ, шишморахъ и шпіонахъ, разсказовъ, наполненныхъ подробностями страшными и отвратительными. Довольно упомянуть объ отрывкахъ изъ *Записокъ Видока*" (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., стр. 35 — 36).

Недовольство Пушкина, Сомова и другихъ литераторовъ (см. примѣчанія къ статьѣ № 37) вполнѣ понятны, такъ какъ С. Е. Раичъ, помѣщая въ своемъ журналѣ отрывки изъ записокъ Видока, снабдилъ ихъ слѣдующимъ предисловіемъ: „Жизнь человѣка, каковъ Видокъ, который еще до двадцатаго года отъ рожденія успѣлъ быть воромъ, поддѣльнымъ Караибомъ у хозяина одного странствующаго звѣринца, солдатомъ, дезертиромъ, супругомъ, игрокомъ, офицеромъ, женихомъ богатой дами, сообщникомъ дѣлателя фальшивой монеты, комедіянтомъ, галернымъ невольникомъ, десятикратнымъ бѣглецомъ изъ тюрьмы и десятикратнымъ колодникомъ, — жизнь такаго человѣка, по разительному отступленію отъ обыкновеннаго порядка вещей, необходимо должна быть занимательна, но она же слишкомъ запутана, слишкомъ многосторонна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть передана читателю въ холодной или сухой характеристикѣ. Послѣднее обстоятельство рѣшаетъ насъ, вмѣсто простаго извѣстія о запискахъ

lib.pushkinskijdom.ru

Видока, заимствовать изъ нихъ два эпизода или двѣ картины, въ которыхъ живыми, даже излишне рѣзкими чертами выказывается откровенность и чистосердечіе Автора. Пока достославныя приключенія Картушей, Мандриновъ, Ганникелей, Бароновъ Тренковъ и витязей въ родѣ Казановы, не перестанутъ горячить фантазіи любопытныхъ болѣе и сильнѣе самаго лучшаго романа, до тѣхъ поръ откровенныя изліянія плутовской души какого нибудь пролаза, воспитаннаго въ школѣ преступленій и наконецъ раскаявшагося, не могутъ быть лишними въ области Литературы, особливо, если въ нихъ видѣнъ умъ, знаніе свѣта и характеръ истины" (*Галатея*, 1829 г., ч. II, № 10, стр. 173 — 174).

Осужденіе со стороны журналистовъ, ополчившихся противъ записокъ Видока, не смутило Раича, который считалъ свои дѣйствія безупречными. „Печатаемъ", заявилъ онъ: „продолженіе сихъ отрывковъ, сообразуясь съ желаніемъ многихъ изъ нашихъ читателей и презирая толки людей, которые, въ угожденіе мелочнымъ расчетамъ своего самолюбія, во всемъ видятъ одну только дурную сторону" (*Галатея*, 1829 г., ч. VIII, № 37, стр. 20).

44.

[О ЛИЧНОСТЯХЪ ВЪ КРИТИКѢ].

(Стр. 88—89).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые напечатана въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 20, стр. 162.

Поэтъ набросалъ замѣтку подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанной имъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* рецензіи Н. А. Полевого на *Невскій Альманахъ* Е. В. Аладьина.

Еще въ апрѣлѣ 1825 г., ознакомившись съ отзывомъ того же критика о первомъ выпускѣ альманаха, Пушкинъ

lib.pushkinskijdom.ru

остался очень недоволенъ и писалъ князю П. А. Вяземскому: „Я было на Полевово очень ощетинился за Невск‹ій› Альм‹анахъ›“... (Переписка, т. I, стр. 206. — *Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. I, № 4, стр. 337—339). Раздраженіе Пушкина вскорѣ стихло: онъ примирился съ неудачнымъ, по его мнѣнію, рецензентомъ и даже выразилъ согласіе поддержать журналъ послѣдняго. — Прошло пять лѣтъ. За это время Пушкинъ помѣстилъ въ *Невскомъ Альманахѣ* рядъ своихъ произведеній (см. т. IV, примѣчанія, стр. 260) и разошелся съ Полевымъ, который имѣлъ несчастье сблизиться съ Булгаринымъ и Гречемъ и позволилъ себѣ задѣть поэта и его друзей въ статьѣ объ альманахѣ Аладьина.

„Нынѣшній годъ“, писалъ Полевой: „Невскій Альманахъ не щеголяетъ картинками: это, кажется, общая участь Русскихъ Альманаховъ на 1830-й годъ. Невскій Альманахъ не блеститъ и именами *знаменитаго* созвѣздія Русскихъ поэтовъ и прозаиковъ. Жалѣть-ли объ этомъ? По крайней мѣрѣ, мы не пожалѣемъ.

„Во-первыхъ потому, что понятія о Литературной знаменитости нынѣ совсѣмъ перепутались. Прежде идея о ней была весьма ясна и проста. Русскіе критики составляли въ основаніе тріумвиратъ: *Жуковскій*, *Батюшковъ*, *Князь П. А. Вяземскій*. О сихъ писателяхъ никто и ничего, кромѣ похвалъ, говорить не смѣлъ. Послѣ нихъ слѣдовалъ другой тріумвиратъ, юная надежда наша: *А. С. Пушкинъ*, *Е. А. Баратынскій*, *Баронъ Дельвигъ*. А за тѣмъ, шла остальная многочисленная дружина. Теперь Батюшковъ похищенъ у насъ горестными обстоятельствами; А. С. Пушкинъ шагнулъ выше и далѣе товарищей и стараго тріумвирата. Какъ-же и что̀ составляетъ созвѣздіе *знаменитыхъ*? Явились многіе вновь: Н. М. Языковъ, С. П. Шевыревъ, А. Погорѣльскій, М. П. Погодинъ, Г-да Тютчевъ, Деларю, Хомяковъ и другіе; но степени ихъ знаменитости утверждены

lib.pushkinskijdom.ru

не единогласно; голоса въ семъ случаѣ разбились. Въ то же время явились люди, рѣшительно не принадлежащіе къ знаменитымъ; иные изъ старыхъ, на примѣръ Г-нъ Воейковъ, кажется, получили отставку изъ знаменитыхъ; все раздѣлилось, разстроилось; показались постороннія, независимыя мнѣнія. Не смотря на неблагосклонность *знаменитыхъ* людей, нынѣ говорятъ, что, на примѣръ, Булгаринъ, Вронченко, Козловъ, суть отличные писатели наши, не уступающіе весьма превозносимымъ писателямъ; что не смотря на всѣ усилія, старый аристократизмъ, который установился было въ нашей Литературѣ распался, сдѣлался смѣшонъ, исчезъ, и — навсегда. Скажемъ-ли?.. Стихи Князя Вяземскаго, Баратынскаго и самого Пушкина перестали быть безусловнымъ, единственнымъ, всегда драгоцѣннымъ украшеніемъ и подкрѣпленіемъ Альманаховъ и Журналовъ: дерзкіе требуютъ отъ нихъ не одной подписи *знаменитаго* имени, но достоинства внутренняго и изящества внѣшняго. Критика сдѣлалась откровеннѣе, строже. Многимъ изъ знаменитыхъ все это куда какъ не нравится; но возраженія ихъ походятъ болѣе на крикъ оскорбленной гордости, нежели на голосъ правды и сознанія въ собственномъ достоинствѣ.

„И такъ, имена *знаменитыхъ* нынѣ не могутъ быть непремѣняемымъ свидѣтельствомъ достоинства, и отсутствіе ихъ не должно убивать книги, гдѣ сихъ именъ не видно. Не будемъ же осуждать Невскаго Альманаха за то, что нѣтъ въ немъ стиховъ Пушкина, Барона Дельвига, Жуковскаго, Князя Вяземскаго, прозы Г-на Погорѣльскаго, и проч., а поговоримъ о содержаніи Альманаха, по существенному достоинству пьесъ, въ немъ заключающихся.

„Проза. Одиннадцать пьесъ, въ томъ числѣ пять повѣстей. Въ одной изъ нихъ, О. М. Сомовъ весьма ловко поддѣлался подъ сказочные разсказы нашихъ стариковъ; въ другой, пріятель его П. Б. Байскій собралъ въ зани-

lib.pushkinskijdom.ru

мательномъ разсказѣ многія народныя повѣсти о кладахъ. Нѣкоторыя подробности превосходны, хотя вся повѣсть страдаетъ обыкновеннымъ недугомъ повѣстей Г-на Байскаго: нѣтъ общества; нѣтъ того, что врѣзывается въ память читателя у Ирвинговъ, Гофмановъ и Цшокке. Читаете съ любопытствомъ, а повторить не захотите. — *Страдалецъ*, повѣсть Г-на М. Ал—ва, доказываетъ, что не все, что встрѣчается на свѣтѣ, можетъ быть переложено въ повѣсть, и что, по крайней мѣрѣ, надобно для этого умѣть разсказать: *Страдальца* жаль—и ничего болѣе. „Какой бѣдняжка!“ скажетъ читатель, дочитавъ повѣсть Г-на Ал—ва, „а читать его бѣдственныя похожденія все таки скучно!“ — Въ *Оранутанѣ* (были Г-на — ина) старая пѣсня: перевернуты на новый ладъ *бабушкины попугаи* и *гуси дядюшки Филиппа*. — Повѣсть Г-на Карлгофа: *Поѣздка къ озеру Розельми*, хорошо разсказана, и нравится своимъ таинственнымъ, *Нѣмецкимъ*, окончаніемъ. Надоѣдаютъ только въ ней офицеры, съ своимъ питьемъ, ѣдою, чаемъ и трубками: все это сто разъ уже было повторено на Русскомъ языкѣ.

„Не понимаемъ: съ чего вздумалось Издателю Невскаго Альманаха перепечатать изъ *Почты духовъ*—„Родительское наставленіе“? Читатели вправѣ замѣтить ему, что такимъ образомъ весьма легко составить Альманахъ, но что это весьма неудовлетворительно для читателей. *Письма Меньшикова* также, кажется, взяты изъ печатнаго. По крайней мѣрѣ, слѣдовало обо всемъ этомъ оговориться, и представить извинительныя причины.—*Анекдоты, острыя слова*, и т. п., А. Е. Измайлова большею частію, напоминаютъ намъ его Теньеровскія басни, и могутъ нравиться не всѣмъ, но только *нѣкоторымъ* читателямъ, для иныхъ, въ анекдотѣ о зарѣзанныхъ поросятахъ острота даже не замѣтна и не понятна; мы причисляемъ себя къ числу не понимающихъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

45.

[О НЕБЛАГОВИДНОСТИ НАПАДОКЪ НА ДВОРЯНСТВО].

(Стр. 89—90).

Эта замѣтка не встрѣчалась намъ въ рукописи, и впервые напечатана въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 36, стр. 293.

Двоюродный братъ поэта Дельвига, баронъ Андрей Ивановичъ въ своихъ мемуарахъ разсказываетъ объ „аристократическомъ направленіи, въ которомъ журналисты упрекали Пушкина и Дельвига": „Въ іюнѣ 1830 г. имъ до того это надоѣло, что они рѣшили отвѣчать двумя замѣтками, помѣщенными въ смѣси *Литературной Газеты*. Шутя, въ моемъ присутствіи, они составили слѣдующія замѣтки, конечно, нисколько не ожидая тѣхъ грустныхъ послѣдствій, которымъ онѣ были первою причиною". Далѣе слѣдуютъ два текста: „О неблаговидности нападокъ на дворянство" и „О выходкахъ противъ литературной аристократіи" (*Баронъ А. И. Дельвигъ*. Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 109—110).—Авторомъ этихъ замѣтокъ, безусловно, является Пушкинъ, который вѣроятно, внесъ въ первоначальную редакцію нѣкоторыя измѣненія согласно указаніямъ издателя *Литературной Газеты*. „Грустныя послѣдствія" имѣютъ ближайшее отношеніе ко второй изъ упомянутыхъ барономъ Андреемъ Ивановичемъ замѣтокъ; что касается первой, то она стоитъ въ связи со статьей князя П. А. Вяземскаго: „О духѣ партій; о литературной аристократіи".

„Если вѣрить нѣкоторымъ указаніямъ", пишетъ князь: „то въ Литературѣ нашей существуетъ какой-то духъ партій, силятся возстановить какую-то аристократію именъ. Указанія эти повторяются отголосками журнальными, но

lib.pushkinskijdom.ru

нигдѣ не объясняются убѣдительными доказательствами, а мнѣнія безъ ясныхъ уликъ остаются предубѣжденіями, предразсудками, незаслуживающими вѣры. У насъ можно опредѣлить двѣ главныя партіи, два главныхъ духа, если непремѣнно хотѣть ввести междоусобіе въ домашній кругъ Литературы нашей, и можно даже означить двухъ родоначальниковъ оныхъ: Ломоносова и Третьяковскаго. Къ первому разряду принадлежатъ Литераторы съ талантомъ; къ другому Литераторы *безталанные*. Мудрено ли, что люди, возвышенные мыслями и чувствами своими, сближаются единомыслiемъ и сочувствiемъ? Мудрено ли, что Расинъ, Мольеръ, Депрео были друзьями? Прадоны и тогда называли вѣроятно связь ихъ духомъ партіи, заговоромъ аристократическимъ. Но дѣло въ томъ, что потомство само пристало къ этой партіи и записалось въ заговорщики. Державинъ, Хемницеръ и Капнистъ, Карамзинъ и Дмитріевъ, Жуковскій и Батюшковъ, каждые въ свою эпоху современники и болѣе или менѣе совмѣстники, были также сообща главами тайнаго заговора дарованія, вкуса противъ безвкусія, изящности противъ посредственности и ничтожества. Такіе естественные, необходимые по законамъ нравственной природы союзы, утѣшительны и назидательны. Знаемъ, что для иныхъ утѣшительнѣе было бы видѣть раздоръ между людьми, коихъ соединило само Провидѣніе, освятивъ ихъ печатью благородства, и избравъ ихъ орудіями благоволенія своего къ человѣчеству; но по счастію событія не оправдываютъ злонамѣренныхъ упованій завистливой посредственности. Союзъ людей, возвышенныхъ по своимъ дарованіямъ и нравственности, скрѣпленъ и освященъ самою природою: они союзники, а противники ихъ сообщники. Сообщничество сихъ послѣднихъ невѣрно, непрочно, какъ страсти, личныя выгоды, разчеты корысти, служащіе зыбкимъ основаніемъ симъ случайнымъ сдѣлкамъ... Лукавство, пронырство, ничѣмъ

lib.pushkinskijdom.ru

не возмущаемое постоянство, никакими средствами не пренебрегающая рѣшимость, вырывали иногда случайную побѣду изъ рукъ менѣе дѣятельнаго, болѣе безкорыстнаго достоинства. И тѣ, которые у насъ болѣе другихъ говорятъ объ аристократическомъ союзѣ, будто существующемъ въ Литературѣ нашей, твердо знаютъ, что этотъ союзъ не опасенъ выгодамъ ихъ, ибо не онъ занимается текущими дѣлами Литературы, не онъ старается всякими происками, явными и тайными, овладѣть источниками ежедневныхъ успѣховъ и преклонить къ себѣ, если не уваженіе, то благосклонность, которая гораздо податливѣе перваго. Уваженіе какая-то сила скрытная, она оказывается медленно и безъ шума, растетъ и зрѣетъ современемъ: благосклонность нетерпѣливѣе, она дѣйствуетъ необдуманно, плодъ минуты, она и пожинается минутно. Справьтесь съ вѣдомостями нашей книжной торговли и вы увидите, что если одна сторона Литературы нашей умѣетъ писать, то другая умѣетъ печатать: а это умѣнье родъ Маіората, безъ коего аристократія не можетъ быть могущественна. Мы живемъ въ вѣкѣ промышленности: теоріи уступили поле практикѣ; надежды наличнымъ итогамъ. Видя, что многія худыя книги удаются лучше иныхъ хорошихъ, несправедливо было бы искать тому причины въ одной неосновательности публики. Невинность публики идетъ своимъ чередомъ; но воздайте и каждому свое: припишите часть успѣховъ сноровкѣ и ловкости Писателей. Кажется, нѣкоторые изъ нихъ и были уже провозглашены отъ друзей своихъ: ловкими товарищами. Напримѣръ, *Исторія Рускаго народа* и *Иванъ Выжигинъ*, сіи книжные близнецы нашего времени, сіи Иванъ и Марья въ царствѣ литературнаго прозябенія, имѣли гораздо болѣе разхода, чѣмъ нѣсколько другихъ твореній, заслуживающихъ истинное уваженіе. Такимъ образомъ литературной промышленности, которая есть существенная

lib.pushkinskijdom.ru

аристократія нашего вѣка, нечего по пустому заботиться и кричать о такъ называемой аристократіи, которая чужда оборотовъ промышленности" (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 23, стр. 182—183).

„Литературная промышленность", то-есть булгаринская партія, захватившая въ свои руки журнальную монополію, чуяла въ органѣ Дельвига большую для себя опасность и, по справедливымъ словамъ П. В. Анненкова, „собрала всѣ свои силы литературныя, а также и тѣ, которыми располагала *внѣ* литературы": „она очень искусно перенесла вопросъ о причинахъ появленія новаго журнала на политическую почву, назвавъ издателей и сторонниковъ „Литературной Газеты" — кружкомъ людей, желающихъ выдѣлиться изъ общаго положенія, существующаго для литераторовъ, и стать особнякомъ, образовать партію знаменитостей, водворить „принципъ аристократизма" тамъ, гдѣ его быть не можетъ, и направлять общественную мысль, въ смыслѣ этого принципа. Этотъ опасный, при тогдашнемъ режимѣ, намекъ и дерзкій вызовъ, брошенные монополіей въ такомъ видѣ, были подняты „Литературной Газетой", или, лучше, ея вдохновителемъ Пушкинымъ—съ необычайной энергіей" (*Вѣстникъ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 599).

— (*Стр. 90, строки 6—9*). Цитированные Пушкинымъ стихи заимствованы изъ аполога И. И. Дмитріева „Свѣтлякъ и Змѣя".

— (*Стр. 90, строки 12—13*). Эпиграмма, помѣщенная въ № 32 *Литературной Газеты*, принадлежитъ Е. А. Боратынскому и направлена противъ Ѳ. В. Булгарина (*Е. А. Боратынскій*. Полное собраніе сочиненій. Спб. 1914 г., т. I, стр. 281, № 149). Приводимъ ея текстъ:

«Онъ вамъ знакомъ. Скажите кстати:
Зачѣмъ онъ такъ не терпитъ знати?»

lib.pushkinskijdom.ru

— Затѣмъ, что онъ не Дворянинъ.—
«Ага! нѣтъ дѣйствій безъ причинъ.
Но почему чужая слава
Его такъ бѣситъ?» — Потому,
Что славы хочется ему,
А на нее Богъ не далъ права;
Что не хвалилъ его никто,
Что плоскій Авторъ онъ. — «Вотъ что!»

46.

[О ВЫХОДКАХЪ ПРОТИВЪ ЛИТЕРАТУРНОЙ АРИСТОКРАТІИ].

(Стр. 90—91).

Замѣтка эта, неизвѣстная въ рукописи, впервые появилась въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. II, № 45, стр. 72, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 86.

Написанная въ концѣ іюня 1830 г., замѣтка лежала въ портфелѣ барона А. А. Дельвига до 7-го августа, когда Булгаринъ помѣстилъ въ *Сѣверной Пчелѣ* „Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ".

Происхожденіе булгаринской статьи объяснено въ „Запискахъ" Н. И. Греча. „Однажды, кажется, у А. Н. Оленина, Уваровъ, не любившій Пушкина, гордаго и не низкопоклоннаго, сказалъ о немъ: „что онъ хвалится своимъ происхожденіемъ отъ негра Аннибала, котораго продали въ Кронштадтѣ (Петру Великому) за бутылку рома!" Булгаринъ, услышавъ это, не преминулъ воспользоваться случаемъ и повторилъ въ „Сѣверной Пчелѣ" этотъ отзывъ" (*Н. И. Гречъ.* Записки о моей жизни. Спб. 1886 г., стр. 456—457).

lib.pushkinskijdom.ru

Во „Второмъ письмѣ изъ Карлова“ рѣчь идетъ о „Поэтахъ и Прозаикахъ, которыхъ Издатель *Московскаго Телеграфа* въ шутку назвалъ знаменитыми и литературными аристократами“. „Не могу удержаться отъ смѣха“, сообщаетъ пріятелю Булгаринъ: „когда подумаю, что они приняли это за правду, и въ отвѣтъ на это заговорили въ своемъ листкѣ о дворянствѣ! Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неоцѣненная черта для его Комедіи: *Мѣщанинъ во дворянствѣ*! Добрые люди! мнѣ право жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей—Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество Поэтовъ и Стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и что всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они); однако жъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ анекдотъ, что какой-то Поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ Мулата, или, не помню отъ Мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ Негритянскій Принцъ. Въ Ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого Негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ Негра за бутылку рому. Думали ли тогда, что къ этому Негру признается стихотворецъ!—Vanitas Vanitatum!“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 94).

Непристойное „Письмо“ Булгарина побудило Дельвига напечатать залежавшуюся у него замѣтку Пушкина, и на слѣдующій день послѣ появленія ея (10-го августа) поэтъ выѣхалъ изъ Петербурга, неудовлетворенный своимъ отвѣтомъ Видоку Фиглярину. Прибывъ въ Болдино, Пушкинъ набросалъ другую статью, въ которой

lib.pushkinskijdom.ru

ярко проявилось его раздраженіе. Приводимъ текстъ ея съ опущеніемъ зачеркнутыхъ авторомъ словъ и выраженій: „Въ одной Газетѣ (почти офиціальной) сказано было что Прадѣдъ мой Абр‹амъ› Петр‹ович›ъ Ганнибалъ, крестникъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ Аншефъ и проч. былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому—Прадѣдъ мой если былъ купленъ то вѣроятно дёшево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякой русской произноситъ съ уваженіемъ и не въ суе. Простительно иностранцу не любить ‹ни› Русскихъ ни Россіи, ни Исторіи ея ни славы ея—но не простительно было бы намъ дозволять [всякому выходцу] но не похвально ему за Русскую ласку клеветать Руской характеръ, марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и недовольствуяь современниками издѣваться надъ гробами праотцевъ“ (Румянцовскій Музей, рукопись № 2387 Б., л. 68).

О настроеніи Пушкина краснорѣчиво свидѣтельствуетъ первоначальная редакція послѣдней фразы, кончавшейся словами: „...*накостить около* гроб*овъ нашихъ* праотцевъ“.

Замѣтка „О выходкахъ противъ литературной аристократіи“ произвела неблагопріятное впечатлѣніе на А. Х. Бенкендорфа, который, учитывая событія іюльской революціи, счелъ ее „неприличной“ и запросилъ министра народнаго просвѣщенія князя К. А. Ливена, какимъ образомъ статья была пропущена Цензурнымъ Комитетомъ и кто ея авторъ. Черезъ два дня Ливенъ препроводилъ шефу жандармовъ затребованныя объясненія цензора и издателя *Литературной Газеты*. Оба объясненія написаны весьма осторожно.

„. . . Я пропустилъ сію статью“, доносилъ Н. Щегловъ: „по слѣдующимъ причинамъ: во первыхъ потому, что не

lib.pushkinskijdom.ru

находилъ ее противною общимъ правиламъ Устава о цензурѣ, Высочайше утвержденнаго въ 22 день апрѣля 1828 года, ибо въ ней, по моему мнѣнію, нѣтъ ничего противнаго ни религіи, ни духу россійскаго правительства; и во вторыхъ потому, что высказывающееся въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Московскаго Телеграфа“ стремленіе выставить съ дурной стороны Россійское дворянство, чрезъ осмѣиваніе онаго почти въ каждой книжкѣ разными критическими пьесами, и насмѣшки надъ дворянскимъ состояніемъ нѣкоторыхъ нашихъ писателей — я находилъ противными духу нашего правительства и считалъ ихъ вредными для государственнсго устройства Россіи, слѣдовательно заслуживающими сильное опроверженіе, по крайней мѣрѣ напоминаніемъ сочинителямъ ихъ, что униженіе высшаго сословія государства какимъ бы то ни было образомъ ни къ какой благонамѣренной цѣли вести не можетъ. Что же касается до особенныхъ политическихъ обстоятельствъ нынѣшняго времени, то, при пропускѣ упомянутой статьи 6-го или 7-го августа, я не имѣлъ еще объ оныхъ надлежащаго свѣдѣнія“.

Щегловъ, конечно, съ умысломъ упомянулъ о Полевомъ и умолчалъ о Булгаринѣ, такъ какъ имѣть дѣло съ лицомъ, стоящимъ близко къ Бенкендорфу, было и непріятно, и опасно. Не менѣе уклончиво отвѣтилъ на сдѣланный ему запросъ и Дельвигъ. „Статья, помѣщенная мною въ 45 № „Литературной Газеты“, писалъ баронъ: „прислана была ко мнѣ въ городскую квартиру безъ подписи сочинителя. Не видя въ ней ничего предосудительнаго, я подалъ оную на разсмотрѣніе цензуры, которая, вѣроятно, какъ и я, не нашла ее заслуживающею быть остановленной и на другой день ее пропустила. Если бы я что-нибудь видѣлъ въ статьѣ сей сомнительное, осмѣлился ли бы я представить ее въ цензуру и искать позволеніе ее напечатать?“

lib.pushkinskijdom.ru

Бенкендорфъ остался недоволенъ присланными ему объясненіями и пригласилъ къ себѣ А. А. Дельвига для личныхъ переговоровъ. Содержаніе этой бесѣды извѣстно намъ въ изложеніи барона Андрея Ивановича Дельвига и А. И. Кошелева. По свидѣтельству барона, Бенкендорфъ сдѣлалъ „строгій выговоръ“ Дельвигу, „предупреждалъ, что онъ впередъ за все, что ему не понравится въ Литературной Газетѣ“ въ цензурномъ отношеніи, будетъ строго взыскивать и, между прочимъ, долго добивался, откуда Дельвигъ знаетъ пѣсню „les aristocrates à la lanterne“ (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 110—111). По словамъ Кошелева, грубый выговоръ вызвалъ со стороны Дельвига замѣчаніе о неотвѣтственности издателя за статьи, пропущенныя цензурой, что привело „въ ярость“ Бенкендорфа, который сказалъ весьма знаменательную фразу: „законы пишутся для подчиненныхъ, а не для начальствъ, и вы не имѣете права, въ объясненіяхъ со мною, на нихъ ссылаться и ими оправдываться“ (*А. И. Кошелевъ.* Записки. Berlin, 1884 г., стр. 31—32. — *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIX — XXX, стр. 53 — 62. — *Русская Старина*, 1901 г., № 9, стр. 657).

Бойкая статейка Пушкина вызвала сильную тревогу въ извѣстной группѣ журналистовъ. „Враги Пушкина и вся Булгаринская партія“, пишетъ Анненковъ: „поздно тогда спохватились, что сдѣлали ошибку, затронувъ его и приложивъ къ нему свой инсинуаціонный способъ борьбы: Пушкинъ встрѣтилъ ихъ на той самой почвѣ, гдѣ они считали себя непобѣдимыми, и далъ почувствовать, что оружіе инсинуаціи можетъ быть обращено и противъ нихъ самихъ. Испугъ, произведенный замѣткой Пушкина въ Булгаринскомъ лагерѣ монополистовъ, былъ понятенъ: она наносила ударъ ихъ оффиціальной репутаціи — благонадежности“ . . . (*Вѣстникъ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 600).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ семьѣ Полевыхъ также царило сильное возбужденіе, такъ какъ замѣтка косвенно задѣвала и ихъ. Ксенофонтъ Полевой считалъ „Avis au lecteur“ ничуть не лучше „тѣхъ *указаній*, которыми славился и наконецъ сдѣлался ненавистенъ“ Булгаринъ, и высказывалъ предположеніе, что немало подобныхъ „Avis“ Пушкинъ „могъ передать безъ печатной гласности“ (*К. А. Полевой*. Записки. Спб. 1888 г., стр. 323—324, 329). Самъ Николай Алексѣевичъ нашелъ необходимымъ выступить съ цѣлію самозащиты.

„Издатель Телеграфа“, заявилъ онъ: „есть одна изъ тѣхъ цѣлей, въ которыя стрѣляетъ *Литтературная Газета* своимъ критическимъ горохомъ. До сихъ поръ Издатель Телеграфа молчалъ, смѣялся надъ соперниками, не опасными и не ловкими. Но теперь одна изъ статеекъ Литтературной Газеты вынуждаетъ у него нѣсколько не шутливыхъ словъ. Литтературная Газета замахнулась на него камнемъ, онъ выхватываетъ этотъ камень, и бросаетъ ей его обратно прямо въ лобъ....

„Съ чего беретъ Литтературная Газета, что Полевой насмѣхается надъ дворянскими граматами ея Издателей? *Нигдѣ и ничего не говорилъ* Полевой объ этомъ, и *не могъ говорить*, ибо все помѣщаемое въ его Журналѣ есть доказательство, что основаніемъ всѣхъ его дѣлъ и мыслей были и будутъ уваженіе къ гражданскому порядку, законамъ отечества, заслугамъ Русскаго Дворянства, желаніе счастія и благоденствія отчизнѣ. Правда: Полевой не станетъ самъ добиваться дворянства, ибо смѣетъ думать, что въ глазахъ соотечественниковъ званіе купца, въ которомъ онъ родился, ничуть не унижаетъ его; Полевой не почитаетъ въ тоже время дворянскаго званія ручательствомъ за умъ, добродѣтель, и еще менѣе *за литтературное достоинство человѣка*. Совершенная *правда*! И вотъ за послѣднее-то мнѣніе Литтературная Газета ставитъ шутки

lib.pushkinskijdom.ru

Полеваго на ряду съ эпиграммами Маратовъ и Французскихъ революціонныхъ Газетчиковъ. И Издатели Литтературной Газеты не стыдятся своего Avis au lecteur! И это значитъ у нихъ: *Аристократовъ къ фонарю*! Какъ назвать такія ничтожныя, бѣдныя средства защиты?

„Я хотѣлъ только указать на литтературную недобросовѣстность Литтературной Газеты. Опроверженія она не стоитъ и не заслуживаетъ. Я почитаю себя выше преній о подобныхъ предметахъ.

„Дѣло въ томъ, что Литтературная Газета есть послѣднее усиліе жалкаго *литтературнаго аристократизма*, и — вотъ вся загадка! Граматъ на *литтературное достоинство* герольдія нынѣшней Критики не только не утверждаетъ современнымъ *литтературнымъ аристократамъ*, но оспариваетъ оныя и у тѣхъ литтературныхъ аристократовъ, которые давно похоронены съ названіемъ *бояръ*. Теперь не даютъ пропуска на Парнассъ тѣмъ, которые лѣтъ за десятокъ называли себя помѣщиками Парнасскими. Разумѣется, что такимъ помѣщикамъ горько приходитъ, но — что дѣлать! Литтературный аристократизмъ довольно шалилъ у насъ. На него нападалъ и всегда будетъ нападать Телеграфъ. Различіе между *дворянствомъ* и *литтературнымъ аристократизмомъ* весьма легко понять. Положимъ, напримѣръ, что Князь Вяземскій напишетъ дурные стихи, а я смѣло скажу ему объ этомъ; онъ Князь! Что за нужда? Развѣ Княжество его стихами записано въ родословную книгу, и стихи его копія съ дворянской граматы? Княжество его при немъ, а поэтъ онъ будетъ всетаки плохой. Ришельё былъ Министръ великій и Кардиналъ, но стихи писалъ прегадкіе.

„Прошу литтературныхъ аристократовъ вѣрить, что въ числѣ моихъ недостатковъ нѣтъ литтературной трусости. Дворянскія граматы и дипломы ученые не спасутъ

lib.pushkinskijdom.ru

отъ меня худыхъ писателей, хотя-бы они были самые *знаменитые друзья*. Уже нѣсколько лѣтъ тяжба судится публикою, и едва-ли рѣшится она въ мою невыгоду. По крайней мѣрѣ, не литературнымъ аристократамъ выиграть ее!“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. 34, № 14, стр. 240—243)[1]).

Полевой не былъ одинокъ въ своемъ выступленіи противъ Пушкина и нашелъ поддержку у нѣкоторыхъ московскихъ литераторовъ, которые взяли подъ свое покровительство и издателей *Сѣверной Пчелы*. Въ журналѣ С. Е. Раича *Галатея* появилось „Замѣчаніе на замѣчаніе Литературной Газеты“. Неизвѣстный авторъ „Замѣчанія“ знакомилъ публику съ пушкинской замѣткой: „Въ смѣси 45 нумера Литературной Газеты напечатано *Avis aux lecteurs*. — Зная, что число читателей этой газеты не велико, а потому это avis дѣйствительно для *немногихъ*, долгомъ почитаю обратить вниманіе нашихъ читателей на статью сію. Вотъ въ чемъ дѣло: какіе-то рыцари круглаго стола, покрытые таинственностью временъ феодальныхъ, пишутъ, что Гг. Полевой, Гречь и Булгаринъ *недобросовѣстно* вооружаются противу журнальной аристократіи, и въ немногихъ словахъ сказавъ, что

. . . . . наши предки Римъ спасли,

---

1) Въ одномъ изъ писемъ къ А. А. Бестужеву, Полевой говоритъ о грядущемъ паденіи литературнаго аристократизма: „. . . надобно вамъ хорошо знать Литературу нашу за послѣдніе пять лѣтъ. . . что это сдѣлалось? Хаосъ, нестройство; старое упало, новаго нѣтъ. Я живу теперь совершеннымъ пустынникомъ и печатно и общественно. Утѣшаюсь тѣмъ, что *даю теперь послѣднюю битву — глупому и ничтожному Аристократизму литературному. Съ паденіемъ его, останется по крайней мѣрѣ чистое поле.* Люди явятся. Въ началахъ разрушенія лежатъ семена (sic) возрожденій. Намъ, нынѣшнимъ литераторамъ, не быть долговѣчными. Таково наше время. Счастливъ, кто возьметъ у будущаго вексель, хоть на одну строчку въ Исторіи“. (Пушкинскій Домъ. Архивъ М. И. Семевскаго, № 5574: письмо отъ 20-го декабря 1830 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

заключаютъ статью слѣдующими замѣчательными словами: „Эпиграммы демократическихъ писателей XVIII столѣтія (которыхъ впрочемъ ни въ какомъ отношеніи сравнивать съ нашими не возможно) приготовили крики: *аристократовъ къ фонарю!* и ни чуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: „Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!“

„Вотъ до чего можетъ довести пристрастіе къ чему-то (sic) самыхъ образованныхъ Литтераторовъ! Что хотѣли сказать здѣсь этимъ?... Къ чести Господъ Издателей Литтературной Газеты, думаемъ, что замѣчаніе это есть одна изъ тѣхъ недобрыхъ статей, которыя печатаются въ минуту гнѣва, и на долго остаются упреками Издателямъ, которые и сами въ послѣдствіи чувствуютъ иногда необдуманность своего поступка. Если выходки нашихъ писателей, по словамъ самихъ же издателей Литтературной Газеты, дѣйствительно ни въ какомъ отношеніи не льзя сравнивать съ выходками демократическихъ писателей XVIII вѣка: то для чего же наводить такую мрачную тѣнь на нихъ, припоминая неистовые крики Франщузовъ?... Благонамѣренно ли..... это? Литтературныхъ отношеній здѣсь не видно. Можно ли что нибудь хуже этого сказать о человѣкѣ въ благоустроенномъ обществѣ? И это пишутъ или лучше сказать дѣлаютъ Русскіе Литтераторы?“..... (*Галатея,* 1830 г., ч. XVIII, № 34, стр. 134—137).

— (*Стр. 90, строки 18—21*). *Сѣверная Пчела* позволяла себѣ разныя выходки, насмѣхаясь надъ происхожденіемъ Полевого и употребляя такія выраженія, какъ „общипанный заводчикъ“ (*Сѣверная Пчела,* 1825 г., № 62), а князь П. А. Вяземскій обличалъ неприличіе булгаринскаго поведенія (см. примѣчаніе къ статьѣ № 24).

— (*Стр. 91, строки 3—7*). „Ни чуть не забавные куплеты съ припѣвомъ: *Повѣсимъ ихъ, повѣсимъ!*“,—извѣстная революціонная пѣснь:

lib.pushkinskijdom.ru

Ah, ça ira, ça ira, ça ira, —
Les aristos à la lanterne!
Ah, ça ira, ça ira, ça ira, —
Les aristos, on les pendra!

47.

[РАЗГОВОРЪ].

(Стр. 91—96).

Это статья сохранилась въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2387 А, л. 17 об., и Б, лл. 28—29, 69—70. Небольшой отрывокъ произведенія впервые помѣщенъ Анненковымъ въ книгѣ „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“ (стр. 81), а весь „Разговоръ“ — въ *Вѣстникѣ Европы,* 1880 г., № 6, стр. 601—603. Исправленія и дополненія къ тексту сдѣланы В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ,* 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 557—561.

Рукопись—черновикъ со значительнымъ числомъ помарокъ и зачеркнутыхъ словъ; нѣкоторые изъ первоначальныхъ варіантовъ должны быть отмѣчены.

Стр. 91, строка 13: . . . *Очень* неумѣстнымъ.
» 91, » 17—18: *Чѣмъ заслуживаютъ наши* журналисты такое унизительное сравненіе!
» 91, » 21—22: *Я думалъ что ты находишь* обиженными дем⟨ократическихъ⟩ писателей *XVIII* ст⟨олѣтія⟩ . . .
» 91, » 29—30: Да кто же *были* это Фр⟨анцузскіе⟩ писатели *позволявшіе себѣ непристойныя эпигр⟨аммы⟩ обвиненные* въ Л⟨итературной⟩ Газетѣ.
» 92, » 8: Как можно *сказывать* такую клевету!

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 92, строки 15—17: *Такъ неужъ то и наши Журналисты готовятъ своими шутками тѣже крики?*

» 92, » 30—31: Потому что *натвердили ей что всякой дворянинъ есть природной людоѣдъ, и что всѣ народныя бѣдствія произошли отъ дворянъ и отъ пановъ. . . .*

» 93, » 9: А propos, какого ты мнѣнія о *Лафаіэтѣ?*

» 93, » 21: *Какъ хочешь поговоримъ о другомъ.*

» 94, » 10: Б. Воля твоя я смысла тутъ никакого не вижу — *такъ отчего-жъ они Аристократы.*

А. *Да такъ ихъ прозвали, и это очень смѣшно.*

Б. *Ничего смѣшного тутъ не вижу. Это дѣло другое.*

» 94, » 15—16: . . . .Я не видалъ въ Лит⟨ературной⟩ Газетѣ ни *чванства*, ни гоненія на прочія сословія.

» 94, » 16—17: *Б⟨аронъ⟩ Д⟨ельвигъ⟩ по своему Герм⟨анскому⟩ титулу кажется Дворянинъ, К⟨нязь⟩ В⟨яземскій⟩ также — Если П⟨ушкинъ⟩ происходитъ отъ тѣхъ П⟨ушкиныхъ⟩ коихъ имя встрѣчается на каждой страницѣ Рус⟨ой⟩ ист⟨оріи⟩ такъ и онъ стар⟨и⟩нной дворя⟨нинъ⟩ — но* мнѣ до того и дѣла нѣтъ.

» 94, » 18: Они объ этомъ не *говорятъ* [1]) *какъ Г. Б⟨улгаринъ⟩* [2]) *разбирающій древніе и новые наш⟨и⟩ роды и провозглашающій такихъ-то знатны⟨ми⟩ и такихъ-то*

---

1) *Далѣе слѣдуетъ фраза:* и хорошо дѣлаютъ.

2) *Первоначально было:* Сѣв⟨ерная⟩ Пчела.

lib.pushkinskijdom.ru

мещанами. Заступясь за *просвѣщен‹ое›* купечество въ лицѣ Г-на Полевова, они *поступили* хорошо. . . .

Стр. 94, строка 21: А. *Воля твоя замѣчаніе Лит‹ературной› Газеты есть тайный доносъ. Зачѣмъ называть его avis au lecteur.*

Б. *Напечатанный тайный доносъ. Это что-то ново.*

А. Зачѣмъ. Если не тайный такъ явный доносъ.

» 94, » 26—27: *Политическія* мнѣнія почтенныхъ Издателей Сѣв‹ерной› Пч‹елы› слишкомъ хорошо извѣстны.

» 95, » 8—10: Наши журналисты передъ *нею ничкомъ*. Они нападаютъ именно на *древнее историческое* Дворянство. . . .

» 95, » 29—31: *Съв‹ерная› Пчела* ненарочно наступивъ на политической вопросъ *и чуть-ли не важнѣйшій (по крайнѣй мѣрѣ у насъ)* сама испугалась движенія *ею* произведеннаго.

„Разговоръ“ находится въ тѣсной связи съ замѣткой „О выходкахъ противъ литературной аристократіи“. По словамъ Анненкова, Пушкинъ надѣялся, что рѣзкая замѣтка „вызоветъ столь же рѣзкій отвѣтъ и тѣмъ дастъ поводъ къ начатію серьёзной, *принципіальной* полемики.— Ничего подобнаго не случилось. Враждебная партія нисколько не была расположена затрогивать основы своихъ или чужихъ мнѣній и предпочла ограничиться горячими протестами противъ злонамѣреннаго вывода, сдѣланнаго изъ ея словъ, и скрыться подъ покровительство общихъ цензурныхъ законовъ. Но Пушкинъ уже не хотѣлъ оставить ее спокойно предаваться, по прежнему, безмятежному

lib.pushkinskijdom.ru

удовольствію вести простую диффаматорскую игру вокругъ именъ и личностей, послѣ того, какъ уже былъ поднятъ вопросъ о направленіяхъ и слѣдовало выразить свое отношеніе къ нимъ. Онъ принялся за объясненіе и распространеніе первоначальной замѣтки, въ формѣ разговора между двумя лицами: *А.* и *Б.*, въ которомъ уже излагалъ отчасти свое воззрѣніе на явленія, носившія названіе русской аристократіи и демократіи. Разговоръ предназначался имъ тоже для „Литературной Газеты“, въ чемъ можно убѣдиться и по нѣкоторымъ его пріемамъ и нѣсколько осторожному тону изложенія; но Пушкинъ въ этомъ случаѣ слишкомъ понадѣялся на выносливость печати и разсчитывалъ на публикацію, не договорившись, по французскому выраженію, предварительно съ хозяиномъ. Было найдено, что весь этотъ литературный споръ зашелъ уже слишкомъ далеко и затронулъ стороны жизни, не подлежащія его вѣдѣнію, и послѣ должныхъ внушеній обѣимъ сторонамъ, дальнѣйшее его развитіе дѣлалось болѣе невозможнымъ. „Разговоръ“ такъ и остался въ бумагахъ Пушкина... въ необдѣланномъ видѣ“... (*Вѣстникъ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 600—601).

— (*Стр. 92, строки 2—3*). Французскіе писатели, упомянутые въ *Литературной Газетѣ*,—Antoine-Léonard Thomas (род. въ 1732 г., ум. въ 1785 г.), Charles Duclos (род. въ 1704 г., ум. въ 1772 г.) и Sébastien-Roch-Nicolas Chamfort (род. въ 1741 г., ум. въ 1794 г.). Первый, другъ госпожи Неккеръ,—авторъ похвальныхъ словъ, изъ коихъ „Слово похвальное Марку Аврелію“ переведено на русскій языкъ Д. И. Фонвизинымъ (1777 г.). Второй—моралистъ, хорошо извѣстный Пушкину (*Б. Л. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина, стр. 226, № 888). Третій—членъ Французской Академіи, плодовитѣйшій писатель и остроумнѣйшій человѣкъ своей эпохи. Пушкинъ читалъ его творенія и пользовался его мѣткими изреченіями (Пе-

lib.pushkinskijdom.ru

реписка, т. I, стр. 206.—*Б. Л. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 188, № 724).

— (*Стр. 93, строка 21—стр. 94, строка 2*). Враждебная Пушкину партія состояла изъ Булгарина, Греча и примкнувшаго къ своимъ недавнимъ врагамъ Полевого. „Телеграфъ, Сѣверная Пчела и Сынъ Отечества", писалъ нѣкто N. N. въ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „издаютъ свои сочиненія въ разныхъ родахъ, безъ соперничества; взаимныя похвалы ихъ другъ другу могутъ приносить неисчислимую пользу; слѣдовательно сама природа связываетъ ихъ крѣпкими узами взаимныхъ выгодъ.—Теперь взгляните на обстоятельства. Противъ Сѣверной Пчелы вооружается *Литературная Газета* съ своими эпиграммами, именами, авторитетомъ, блистательными стихами, прозою высшаго тона,— острымъ ученымъ, многостороннимъ ренегатомъ [1]), который, бывъ главнымъ наперсникомъ Сѣверной Пчелы, зная всѣ ея домашнія тайны, вдругъ перекрестясь становится въ ряды ея противниковъ и принимаетъ главное участіе въ ихъ редакціи" (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 8, стр. 386).

Литературная Газета не только нападала, но и оборонялась. Въ томъ номерѣ *Сѣверной Пчелы*, который упомянутъ въ статьѣ Пушкина, Булгаринъ въ такихъ выраженіяхъ отзывался объ органѣ барона Дельвига: „Льщу себя надеждою, что я заслужилъ довѣренность публики, и что въ этомъ случаѣ она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, чѣмъ тѣмъ отвратительнымъ нападкамъ, которыя превращаютъ литературное поприще въ какое-то торжище, и унижаютъ званіе Литератора. Почтенный, добрый, благородный Карамзинъ сказалъ, что первая потребность Писателя есть *доброе сердце*. Читая въ Журналахъ грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти, рядомъ съ

1) Рѣчь идетъ объ О. М. Сомовѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

преувеличенными похвалами безсмертному Исторіографу, по неволѣ выводимъ заключеніе, которое.... не идетъ въ печать" (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 110).

Многоточіе Булгарина довольно краснорѣчиво, но все-таки приличнѣе рѣзкостей, допущенныхъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, гдѣ къ литературнымъ единомышленникамъ и товарищамъ Пушкина относится слѣдующее замѣчаніе: „Будь потомокъ хоть Еруслана Лазаревича, будь всѣ твои отцы Генералы, а всѣ матушки Княгини *фонъ*, и *де*, и *фанъ*, сынъ крестьянина украшается передъ тобою звѣздами и лентами, предводитъ полки, засѣдаетъ въ Государевомъ совѣтѣ, правитъ областями, а ты, потомокъ Еруслана,

Отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный[1]),

знай, что *мѣстничества* въ Россіи нѣтъ, сиди въ своей канурѣ, дуйся, какъ лягушка Езопова, и хлопай длинными, ослиными ушами" (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXV, № 17, стр. 285).

— (*Стр. 94, строки 4—21*). Журнальныя нападки на литературную аристократію сильно раздражали членовъ Пушкинскаго кружка, и когда М. А. Максимовичъ въ альманахѣ *Денница* (на 1831 г., стр. XXXVIII—XXXIX) лишь вскользь отмѣтилъ ожесточеніе *Московскаго Телеграфа* противъ „именитости" писателей, князь Вяземскій прочиталъ ему серьезную отповѣдь: „Охота вамъ держаться терминологіи враліей и вслѣдъ за ними твердить о литературной аристократіи, объ аристократіи газеты? хорошо полицейскимъ и кабацкимъ литераторамъ (Булгарину и Полевому—разумѣется, имѣю здѣсь въ виду не торговлю Полеваго, хотя-бы онъ торговалъ и церковными свѣчами, но все, по слогу, по наглости, по буянству своему, былъ бы

1) Воейкова, подражаніе Ювеналовой Сатирѣ о благородствѣ (*Вѣстникъ Европы*, т. XXIX, стр. 195—201).

lib.pushkinskijdom.ru

онъ кабацкимъ литераторомъ) горланить противъ аристократіи, ибо они чувствуютъ, что людямъ благовоспитаннымъ и порядочнымъ нельзя знаться съ ними; но вамъ съ какой стати приставать къ ихъ шайкѣ? Брать-ли слово „аристократія“ въ смыслѣ дворянства, то кто же изъ насъ не дворянинъ, и почему Пушкинъ чиновнѣе Греча и Свиньина? Брать-ли его въ смыслѣ не *дворянства*, а *благородства* духа, вѣжливости, образованности, выраженія, то какъ-же рѣшить отъ него отсторониться и употреблять его въ видѣ браннаго слова, вслѣдъ за *санкюлотами* французской революціи, ибо они составили сей словарь, или дали сіе значеніе? Брать-ли его въ смыслѣ аристократіи талантовъ, то-есть аристократіи природной, то смѣшно же вымещать Богу за то, что Онъ далъ Пушкину голову, а Полевому лобъ и Булгарину *языкъ*, чтобы полиція могла достать языка? Обвиняйте „Газету“ въ блѣдности, въ безжизненности, о томъ ни слова: я стою не за нее и нахожу, что во многомъ вы справедливы. Но мнѣ жаль видѣть, что и вы тянете туда-же и говорите о *знаменитостяхъ*, объ *аристократіи*. Оставьте это „Сѣверной Пчелѣ“ и „Телеграфу“,—у нихъ свой *argot*, что называется, свой воровской языкъ; но не принадлежащему шайкѣ ихъ неприлично марать свой ротъ ихъ грязными поговорками. Если мнѣ не вѣрите, спросите Кирѣевскаго: я увѣренъ, что онъ будетъ моего мнѣнія“ (*С. И. Пономаревъ*. Памяти князя П. А. Вяземскаго. СПБ. 1879 г., стр. 104—105: письмо отъ 23-го января 1831 г.).

Въ защиту собственно *Литературной Газеты* отъ обвиненій въ аристократизмѣ выступалъ М. П. Погодинъ. „Нѣкоторые кропотуны думаютъ“, писалъ онъ еще въ началѣ 1830 г.: „что въ критикѣ Литературной Газеты не будетъ никогда совершеннаго безпристрастія въ отношеніи къ ея прихожанамъ, Литературнымъ Патриціямъ, и въ отношеніи къ писателямъ Плебейцамъ другихъ прихо-

lib.pushkinskijdom.ru

довъ,—что тѣ *важныя событія*, которыя случатся у послѣднихъ, получатъ въ ней титло только *явленій*, а собственныя *явленія* будутъ возведены на степень *важныхъ событій*[1]). Напрасно они безпокоятся: до сихъ поръ нѣтъ вѣрныхъ признаковъ"... (*Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., № 3, стр. 316).

— (*Стр. 95, строки 5—15*). Сужденія Пушкина о новой знати и старинномъ дворянствѣ были всесторонне разсмотрѣны И. Н. Ждановымъ. Покойному академику было „ясно, что родовитость сама по себѣ не представляла для Пушкина какой-то самостоятельно важной цѣнности... Если великій писатель противопоставлялъ новоявленнымъ аристократамъ родовитыхъ бѣдняковъ, то въ такомъ противопоставленіи для него важенъ былъ очевидно прежде всего отрицательный, обличительный моментъ. Чванству и высокомѣрію молодой аристократіи, ея малосодержательному существованію поэтъ противополагаетъ скромную, дѣятельную жизнь тѣхъ бѣдныхъ потомковъ стараго барства, которые, по выраженію поэта, составляютъ „у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго" (*И. Н. Ждановъ*. Сочиненія. СПб. 1907 г., т. II, стр. 313).

— (*Стр. 95, строки 22—23*). За *Сѣверную Пчелу* вступилась *Галатея* Раича. См. примѣчаніе къ статьѣ № 46.

— (*Стр. 96, строки 12—14*). Эти слова подтверждаютъ мнѣніе Анненкова, что „Разговоръ" предназначался для *Литературной Газеты*.

---

1) Намекъ на Пушкина, признавшаго переводъ „Адольфа", сдѣланный княземъ Вяземскимъ, „важнымъ событіемъ" въ исторіи русской словесности, съ чѣмъ Погодинъ не былъ согласенъ (Настоящій томъ, стр. 63. — *Московскій Вѣстникъ* 1830 г., № 3, стр. 315).

lib.pushkinskijdom.ru

48.

[ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗГОВОРОВЪ].

(Стр. 96—98).

Эта статья, находящаяся въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2373, лл. 13—14, и № 2382, л. 94, впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIII, № 8, стр. 321—322, и т. XLIV, № 11, стр. 361—362. Автографы даютъ рядъ первоначальныхъ варіантовъ:

Стр. 96, строки 22—23: Какъ! неужели вы *находите* что *руская* критика въ *самомъ дѣлѣ* есть окончательный судъ *нашимъ* произведеніямъ...

» 97, » 3: ...это *для меня* вовсе не любопытно...

» 97, » 4: А. Однако же *очень* забавно—*Напримѣръ Г-нъ П*олевой напечаталъ *недавно—что Р*аичъ *негодный*....

» 97, » 5: В. *Т. е. вы какъ героиня поэмы Гр*афъ *Ну*линъ *забавляете*сь *дракой козла съ дворовой собакой*—

» » » » В. Вамъ нравятся кулачные бойцы. *De gustibus non est disputan*dum.

» » » » В. Вамъ нравятся кулачные бойцы. *Странный вкусъ.*

» 97, » 6—9: А. *Вкусъ очень обыкновенный. Давно ли наши Бояре не только ими тѣшились—но иногда въ нихъ и сами вмѣшивались.* — Это черты народности — *возвращаясь къ моему предмету скажу вамъ что* мнѣ столь-же нравится Кн*язь* В*яземскій отвѣчающій* въ схваткѣ съ какимъ нибудь записнымъ журнальнымъ буяномъ....

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 97, строки 16—17: Если бы всѣ писатели заслуживающіе уваженіе довѣренность публики *своими произведеніями*...

» 97, » 18—19: ...вскорѣ критика сдѣлалась бы не тѣмъ, чѣмъ *укоряютъ ее*...

» 97, » 20: ...читать мнѣніе *Пуш‹кина›* о романтизмѣ...

» 97, » 21—22: Не приятно-ли было бы видѣть *одного изъ нихъ дающаго опытъ о произведеніяхъ Баратын‹скаго›*—

» 97, » 24: ...передаютъ взаимныя замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ—*не безпокоя публики, довольно равнодушной къ успѣхамъ литературы и совершенно невнимательной къ перебранкамъ критики*—

» 97, » 24: ...замѣчанія о новыхъ произведеніяхъ—*sans mettre en confidence* публики....

» 97, » 32: ...*одобряю того* кто сбилъ своего противника....

» 98, » 3—4: ...онъ *равно* готовъ *связаться* ‹съ извощикомъ›...

» 98, » 4—5: ...*взятся за* кухенрейторскій пистолетъ....

» 98, » 5: ...*boxer*... [1])

» 98, » 6—7: —*вотъ* настоящее *мужество*...

» 98, » 8: ...слишкомъ чопорны слишкомъ *жеманны*...

» 98, » 9: *Но кто же читаетъ журналы*...

» 98, » 11: ...хвалютъ-ли ихъ или *ругаютъ*—

» 98, » 12—15: Извините Пушк‹инъ› читаетъ всѣ № Вѣст‹ника Европы› гдѣ его *бранятъ* что *и* значитъ, по его *сильно‹му›* вы-

1) *Сверху написано*: боксиров‹ать›.

lib.pushkinskijdom.ru

раженію — подслушивать у *кабака* что говорятъ объ немъ *холопи*.

Стр. 98, строка 16: *Прекрасное занятіе.*

» 98, » 19: Но *эпиграммы* не критика...

Статья Пушкина содержитъ въ себѣ два незаконченныхъ отрывка, изъ коихъ второй отмѣченъ въ началѣ и въ концѣ звѣздочками и, по справедливому указанію В. Е. Якушкина, „предназначался къ вставкѣ въ неизвѣстный разговоръ", можетъ быть именно разговоръ, напечатанный подъ номеромъ первымъ (*Русская Старина*, 1884 г., т. XLIII, № 8, стр. 321).

Пушкинъ затрагиваетъ два вопроса: о критикѣ и о полемикѣ. Русская критика, въ его глазахъ, стояла очень низко, и онъ склоненъ былъ даже вовсе отрицать ея существованіе, такъ какъ то, что̀ печаталось подъ именемъ критики, не заслуживало столь почетнаго названія. „Критики у насъ, Чувашей, не существуетъ", заявилъ Пушкинъ князю Вяземскому; „покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика", говорилъ поэтъ Катенину. „*У насъ есть критика, а нѣтъ литературы.* Гдѣ-жъ ты это нашелъ?" спрашиваетъ онъ Бестужева: „имянно критики у насъ и недостаетъ... Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги... Объ Онѣг‹инѣ› ты не высказалъ всего что имѣлъ на сердцѣ; чувствую по чему и благодарю — но за чемъ же ясно не обнаружить своего мнѣнія? — покамѣсть мы будемъ руководствоваться личными нашими отношеніями, критики у насъ не будетъ — а ты достоинъ ее создать". Въ письмѣ къ П. В. Нащокину отъ 21-го іюля 1831 г. развиты тѣ же мысли: „Ты пишешь мнѣ о какомъ‹-то› критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ бы что все, что̀ называютъ критикой одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился;

lib.pushkinskijdom.ru

возражать серьозно — не возможно; а паясничать передъ публикою не намѣренъ". Однородная тема затронута и въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 11-го іюля 1832 г.: „У насъ критика конечно ниже даже и публики не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость". Сходныя сужденія разсѣяны и въ журнальныхъ статьяхъ и мелкихъ замѣткахъ, гдѣ Пушкинъ то утверждаетъ, что „критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи", то совершенно ея не признаетъ и съ грустью повторяетъ: „критики еще нѣтъ!" Поэтъ приходитъ къ заключенію, что „критикою у насъ большею частію занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs, люди хорошо-понимающіе свое дѣло, но не только не *критики*, но даже и не литераторы" (Переписка, т. I, стр. 115, 225, 327; т. II, стр. 285, 385, и настоящій томъ, стр. 310, 399—400).

Полемика журналистовъ между собою, вскрывающая передъ публикой ихъ личныя отношенія, представлялась Пушкину весьма непривлекательной, и онъ готовъ былъ „отступиться" отъ литературныхъ дрязгъ и сведенія мелочныхъ счетовъ съ разными недоброжелателями; но, къ сожалѣнію, выходки послѣднихъ бывали иногда столь неприличны, что молчать становилось невозможно. Поэтому, вынужденный обстоятельствами, осенью 1830 г., взяться за перо для отраженія нападокъ булгаринской партіи, Пушкинъ не могъ согласиться съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который въ статьѣ „Нѣсколько словъ о полемикѣ" не совѣтовалъ вступать въ пренія, безъ разбору, со всякимъ „сочинителемъ". Отвѣтомъ на эту статью и служитъ вторая часть пушкинскаго „Разговора".

Для правильнаго толкованія словъ поэта считаемъ нелишнимъ ознакомить съ мыслями Вяземскаго о журнальной полемикѣ: „У насъ многіе изъ Авторовъ худо понимаютъ смыслъ иностранныхъ словъ: Критика и Полемика,

lib.pushkinskijdom.ru

по мнѣнію иныхъ, одно и то же. Критика: сужденіе, или изслѣдованіе, или разборъ творенія. Полемика: письменный споръ ученый, литературный, ѳеологическій. Можно критиковать передъ судомъ публики книгу, какое ни имѣй понятіе о Сочинителѣ ея; но не всегда захочешь вступить въ полемику съ Сочинителемъ, то есть въ споръ, въ преніе, потому что споръ есть разговоръ, а съ инымъ Писателемъ разговаривать не можно, то есть не должно. Впрочемъ и полемика полемикѣ, и споръ спору рознь. Между равно благовоспитанными, образованными людьми, нерѣдко и въ спорѣ бываетъ обмѣнъ насмѣшекъ, колкостей; но изъ того не слѣдуетъ, что споръ въ гостиной между благовоспитанными людьми есть одно и то же, что споръ въ сѣняхъ между лакеями, или на улицѣ между черни. По этому соображенію, образованный человѣкъ, застѣнчивый по отношенію къ чести своей, не войдетъ въ бой неровный, словесный или письменный, съ противниками, которые не научились въ школѣ общежитія цѣнѣ выраженій и приличіямъ вѣжливости. Пойдетъ ли благородный человѣкъ, вооруженный шпагою, драться на поединкѣ съ поденьщикомъ, владѣющимъ палкою? Разумѣется, не отъ страха откажется онъ отъ боя: оружіе его язвительнѣе; но законы чести, сіи необходимые предразсудки общества, опредѣлили, что бой на шпагахъ благороденъ, а бой на палкахъ унизителенъ. Англійскіе нравы, можетъ быть, хороши въ Англіи, но не въ Литературѣ: тамъ знатный Лордъ долженъ по первому вызову площаднаго витязя засучить рукава и дѣйствовать кулаками. Есть и въ Литературѣ аристократія: аристократія талантовъ; есть и въ Литературѣ площадные витязи; но по счастію нѣтъ здѣсь народнаго обычая, повелѣвающаго литературнымъ *Джентлеменамъ* отвѣчать на вызовы *Джонъ-Буля*“... (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 18, стр. 143—144).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 96, строка 30, стр. 97, строка 1*). О непониманіи критиками романтической поэзіи см. примѣчанія къ статьѣ № 7.

— (*Стр. 97, строки 6—10*). Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, любитель кулачныхъ боевъ, воспѣтъ въ одѣ Державина „Фелица“ (1782 г.):

. . . кулачными бойцами
И пляской веселю мой духъ.

— (*Стр. 97, строка 22*). Трагедія А. С. Хомякова — „Ермакъ“. Хотя это произведеніе выпущено авторомъ въ 1832 г., но отдѣльные отрывки его уже появились въ періодическихъ изданіяхъ къ 1830 г. (*Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., ч. VII, № 4, стр. 397—402; 1829 г., ч. I, стр. 113—130, 208—209. — *Денница* на 1830 г., стр. 250—254).

— (*Стр. 97, строки 27—30*). Въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“ (1830 г.) есть указаніе, что въ провинціи „болѣе занимаются словесностію, чѣмъ въ Петербургѣ“, „получаютъ журналы, принимаютъ участіе въ ихъ перебранкахъ, поперемѣнно вѣрятъ обѣимъ сторонамъ и сердятся за любимаго писателя, если онъ раскритикованъ“.

— (*Стр. 98, строки 12—15*). Чтеніе *Вѣстника Европы* въ письмахъ поэта сравнивается съ подслушиваніемъ рѣчей безпутныхъ героевъ поэмы В. Л. Пушкина „Опасный сосѣдъ“: „До сихъ поръ читая рецензіи Воейкова, Каченовскаго и проч. — мнѣ казалось, что подслушиваю у калитки толки пріятельницъ Варюшки и Буянова“ (Переписка, т. I, стр. 66: письмо Пушкина къ князю П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

49.

[О ЖУРНАЛЬНОЙ КРИТИКѢ И ПОЛЕМИКѢ].

(Стр. 98—100).

Эти отрывки сохранились въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 31-32, и въ Майковской коллекціи, принадлежащей Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 29, № 22). Они напечатаны впервые въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 251—252, и въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 352—353. Въ автографахъ есть нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ. Второй отрывокъ, относящійся къ 1831 г., подвергся со стороны Анненкова исправленіямъ редакціоннаго характера, которыя отмѣчены среди варіантовъ буквою А.

Стр. 98, строки 21-22: *Читая со вниманіемъ Вашу Газету* и отдавая полную справедливость *духу* умѣренности и безпристрастія *ея критикъ*—

» » » » ...безпристрастію *сужденій* вашей Газеты...

» 98, » 23: ...*на щетъ* критики и полемики —

» 98, » 26: Если бы критики нашихъ журналовъ *pechera‹ient›*....

» 98, » 29: ...*критика* стараясь быть равно учтива...

» 99, » 3—4: *Вы* въ обществѣ *толкнули* вашего сосѣда....

» 99, » 5: ...вы не *говорите* ему: mille pardon‹s›.

» 99, » 10: У насъ *существуетъ* обыкновеніе между писателями заслужива*ющ*ими довѣренность и уваженіе публики, не *отвѣчать* на критики—

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 99, строки 21—22: Изъясните почему вы никакимъ образомъ *Видоку не отвѣчаете — Публика не можетъ знать что онъ отъявл‹енный› плутъ и шпіонъ*...

» 99, » 26—27: *Нѣкоторые* писатели ввели обыкновеніе (А)...

» 99, » 27: ...ввели *въ* обыкновеніе...

» 99, » 29—30: Развѣ и впрямъ они *думаютъ, что для нихъ унизительно входить въ состязаніе съ ихъ же* братомъ-литераторомъ...

» 100, » 4: Одинъ *писатель* извинился (А)...

» 100, » 7: ...что *есть* разница между поединкомъ и дракой...

» 100, » 9—10: Если уже ты пришелъ *на сходку* (А)...

» 100, » 13: ...поколотить его *тросточкою*...

» » » » поколотить его *бамбуковой тростію*...

Промежутокъ времени, приблизительно въ одинъ годъ, отдѣляетъ второй отрывокъ отъ перваго, набросаннаго въ формѣ письма и предназначавшагося для *Литературной Газеты* еще при жизни барона Дельвига. Обоимъ отрывкамъ Анненковъ придавалъ большое значеніе. „Статьи Пушкина“, писалъ онъ: „чрезвычайно важны въ біографическомъ отношеніи: онѣ носятъ тотъ характеръ уваженія къ заслугамъ людей, противодѣйствія личному, произвольному мнѣнію, и стремленіе къ образованію общественнаго вкуса посредствомъ избранныхъ представителей въ наукѣ и словесности, какой отражается на всѣхъ послѣдующихъ его сужденіяхъ. Направленіе ‹Литературной› Газеты встрѣтило сильное противодѣйствіе въ журналахъ того времени: никто не хотѣлъ признавать непогрѣшительность избранныхъ судей тамъ, гдѣ судьей была публика.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ увлеченіи спора, подверглась разбору даже и система обозначенія періодовъ старой отечественной словесности нашей именами главныхъ дѣятелей. Противники Литературной Газеты отказывали однимъ именамъ въ правѣ представительства, а вліяніе другихъ объясняли совокупнымъ участіемъ многихъ, менѣе извѣстныхъ лицъ. Споръ, какъ всегда бываетъ, обратился въ простую журнальную полемику и, наконецъ, въ намеки и въ разборъ личностей. Къ несчастію, вмѣсто молчанія, которымъ слѣдовало бы отвѣчать на этотъ новый видъ, принятый журнальной критикой, Пушкинъ полагалъ, что зло должно быть истреблено его же собственнымъ оружіемъ... Неосновательность этого мнѣнія и его парадоксальный характеръ оказались на самомъ дѣлѣ. Несмотря на огромную долю остроумія, ѣдкости и ядовитаго сарказма, расточенныхъ Пушкинымъ въ эпиграммахъ, принудившихъ противниковъ его къ молчанію, вся дѣятельность его на этомъ поприщѣ разнорѣчитъ съ обыкновеннымъ изяществомъ его произведеній“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 251—252).

— (*Стр. 99, строка 33*). *Сѣверный Меркурій* (1830—1832 гг.) — изданіе М. А. Бестужева-Рюмина.

— (*Стр. 100, строки 11—13*). Изображеніе журнальнаго критика въ видѣ шалуна, бросающаго грязью, встрѣчается въ статьѣ „Исправленный забіяка“ (см. стр. 61).

50.

[КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ].

(Стр. 100—112).

Замѣтки эти сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея: № 2382, л. 95; № 2387 А, лл. 11, 74, 12 об., 13, 15, 16, 19, 65 об., 63 об.; № 2387 Б, лл. 30, 68, 38,

lib.pushkinskijdom.ru

39, 61 об. — 59 об., 39 об., 59, 60. Нѣсколько черновыхъ отрывковъ впервые напечатано въ посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 204—208, 211, 216, 225—226; нѣсколько — въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 33—34, 148, 298—299; т. V, стр. 25, 27 — 28, 35, 41 — 42, и въ *Вѣстникѣ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 612—613; наконецъ, большая часть ихъ опубликована В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 361; № 12, стр. 546—550, 561—567. Автографы содержатъ въ себѣ много исправленій, не лишенныхъ значенія.

Стр. 100, строка 15 [1–5]: Сколь ни удаленъ я *моею природой* и *силой* привыч‹екъ› отъ *брани и споровъ*, *однакожъ* не отрекся я совершенно отъ права самоза‹щи›щенія.

» 100, » 16–18: ....Я всегда почиталъ долгомъ *читать* текущ‹ую› литератур‹у›, и читалъ *всегда* со вниманіемъ...

» 100, » 20–22: Читая разборы *болѣе строгіе*, смѣю сказать что всегда старался *отстранивъ самолюбіе*, войти въ образъ мыслей моего критика....

» 100, » 26: Что касается до *браней и ругательства* критическихъ статей....

» 101, » 8: ...сіе *вѣрно* произходило не изъ презрѣнія *къ онымъ*.

» 101, » 9–11: Критика *мнѣ всегда* сама по себѣ показываетъ степень образованности *какой ‹-нибудь›* литературы. *Разборы В‹ѣстника› Евр‹оп›ы* приговоры *Сѣ‹верной› Пч‹елы›* достаточны для насъ.

» 101, » 13–14: Презирать критику *потому только что она еще находится въ младен-*

lib.pushkinskijdom.ru

чествъ, значитъ презирать *ребенка за то что онъ еще не мужъ. Это было бы несправедливо.*

Стр. 101, строки 13—14: ...значитъ презирать *юную литературу за то что она еще не возмужала.*

» 101, » 15—17: ...нѣсколько одъ *Державина*, нѣсколько басенъ *Крылова*, поэмъ *Жуковскаго*, нѣсколько цвѣтовъ *Батюшкова*...

» 101, » 16—17: ...нѣсколько цвѣтовъ *сѣверной* элегической поэзіи...

» 101, » 18—19: ...нѣсколько отдѣльныхъ статей, исполненныхъ *мощныхъ* мыслей, *глубокихъ воззрѣній* и остроумія.

» 101, » 22—23: *Итакъ* не отвѣчалъ я моимъ критикамъ *не изъ презрѣнія*, также не потому чтобъ и не доставало *у* меня *охоты*, веселости или педан<т>ства...

» 101, » 25—26: ...мнѣ совѣстно было *отъ нечего дѣлать шутить* передъ публикою...

» 101, » 28—29: ...*печатать дѣтскія* или *старыя* истины, *спорить о томъ о чемъ уже никто не споритъ, доказывать то что уже доказано*, а что всего затруднительнѣе оправдываться тамъ гдѣ не было обвиненій...

» » » » ...*говорить о грамматикѣ*...

» 102, » 2—3: ...*выписалъ* нѣсколько отрывковъ...

» 102, » 10: ...разсердиться на *безтол<ко>вость*...

» 102, » 11—12: ...въ *долгіе* часы...

» 102, » 13—16: ...вздумалъ я писать *опроверженіе на всѣ критики которыя могъ*

lib.pushkinskijdom.ru

только припомнить и также собственныя замѣчанія на собственныя-же сочиненія.

Стр. 102, строка 14: ...возраженія не на *литературныя* критики...

» 102, » 17: ...*скучнѣе* сего занятія...

» 102, » 19—20: У однаго изъ нашихъ извѣстныхъ *литераторовъ* спрашивали зачѣмъ онъ не *отвѣчаетъ* никогда на критики...

» 102, » 21: ...я не понимаю *чего хотятъ они*...

» 102, » 25—26: Глухой кричалъ моя *украдена* корова. Помилуй *закричалъ* глухой тому въ отвѣтъ...

» 102, » 28: Судья рѣшилъ *Терпѣть не льзя разврата*...

» 102, » 28—29: Судья рѣшилъ *чтобъ не было разврата Жените молодца хоть* дѣвка виновата.

» 102, » 29: *Вы правы, лишь одна тутъ* дѣвка виновата.

» » » » *Дѣтина правъ кругомъ* ‹а дѣвка виновата›.

» 103, » 2: ...Аристократически говоритъ самъ *отъ* себя Изд‹атель› *Русской* Исторіи...

» 103, » 3: ...*сіи критики* суть чисто литературныя...

» 103, » 4: ...*обруганной* книги —

» 103, » 6: ...*ругательства* личн‹ыя› и клеветы...

» 103, » 9: опытъ отраженія *нѣкоторыхъ*.

» 103, » 17: Перечитывая *нѣкоторыя* критики...

» 103, » 22—23: ...отъ волшебнаго вліянія *печати*.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 104, строка 3: ...не достойное даже и *слабаго* дарованія...

» 104, » 5: ...не долженъ я въ *зрѣлыхъ лѣтахъ* отвѣчать...

» 104, » 6—9: Въ Альм‹анахѣ› изданномъ Г-номъ Федоровымъ между *прочими набранными* Богъ знаетъ гдѣ стих*отвореніями,* напечатана Идиллія писанная слогомъ *камердинера* Г-на П‹анае›ва.

» 104, » 11: ...за достовленіе *ему своихъ* стихотвореній...

» 104, » 14—16: ...отсылать въ Альманахъ Г. Б‹естужева› стихи преданные мною забвенію...

» 104, » 18: ...*неприлично* признать публично...

Замѣтка: „Къ стати: началъ я писать“... (стр. 104, строки 1 — 20), извѣстна еще въ слѣдующей редакціи:

„Возвратясь изъ путешест‹вія› узналъ я что Г. Б‹естужевъ› пользуясь мои‹мъ› отсутствіе‹мъ› напечаталъ нѣсколько моихъ стихотворе‹ні›й въ своемъ Аль‹манахѣ›. Неуваженіе къ литерату‹рной› собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкнове‹нно› что поступокъ Г-на Б‹естужева› нимало не показался мнѣ странн‹ымъ›. Такъ, на при‹мѣръ› Г-нъ Фед‹оровъ› напечаталъ однажды комичную (?) идиллич‹ескую› нелѣпость сочиненную камерди‹неромъ› Г-на П‹ан›аева. Но когда Альм‹анахъ› нечаянно попался мнѣ въ руки, и когда въ предисловіи прочелъ нѣжное изъявленіе благодарности Издателя Г-ну Ап. достав‹ившему› ему (Г. Б‹естужеву›) 13 ‹пьэсъ› изъ коихъ 5 и удостоились печати — то признаюсь удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ пьэсъ доставленныхъ Г-номъ Ап. нѣкоторыя

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣст‹ны›. Г-нъ Ап. собралъ давно на[писанное] мной и снисходительно замѣнилъ свои‹ми› стихами тѣ кои не могли быть пропущены цензурою. Однако та‹къ какъ?› въ мои лѣта и въ моемъ положеніи, не приятно отвѣчать за свои прома‹хи› и за чужія произведенія то честь имѣю объявить Г-ну Ап. что при первомъ таковомъ-же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.

Стр. 104, строка 22: ....*не болѣе* затѣйливое выраженіе...

» 104, » 23—25: То и другое употребляется *между двумя противными сторонами употребляющими безъ церемоніи по перемѣнно одну и туже колкость одно и тоже ругательство.*

» 104, » 26: ...людьми *не сердитыми но незамысловатыми*...

» 104, » 26—27: *Въ живой и* колкой *эпиграммѣ* скажетъ-*ли поэтъ*....

» 105, » 1: ....за *неприличный* тонъ...

» 105, » 3—4: ...явилась *другая* эпиграмма гдѣ то-же самое *было* пересказано *довольно слабо*...

» 105, » 8: *Гордые* журналисты напа*даютъ*...

» 105, » 9—10: Другіе литераторы *осмѣлились* посмѣяться надъ *феодальной* нетерпимостію...

» 105, » 13: ...отъ смиренной *парнасской* братіи...

» 105, » 14—15: Что-же? Въ отвѣтъ *жестоко стали смѣяться они надъ дворян‹ст›вом‹ъ›.*

» 105, » 15—16: ..чваниться своимъ *600 лѣтнимъ* дворянствомъ....

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 105, строка 21: ...*первое* гоненіе...
» 105, » 25—26: ...*уловки ловкихъ или неловкихъ писателей или* показываютъ мало остроумія или *много безстыдства*...
» 105, » 26: ...большую *само*надѣянность...
» 105, » 27: ...*споръ* и недобросовѣстность...
» 105, » 28—29: ...какъ *было* сказано въ Китайскомъ Анекдотѣ *о двухъ Пекинскихъ Журналистахъ*.
» 105, » 32: ...пишутъ *осторожно* журналисты.
» 106, » 4—5: ...главные сотрудники оной *первые* вооружились...
» 106, » 6: ...уважать *своихъ* мещан*скихъ* собратіевъ...
» 106, » 8: ..они стараются сохранить тонъ хорошаго общества *и первые смѣются надъ журналистами*...
» 106, » 10—11: Не они поминутно находятъ одно выраженіе *низкимъ*...
» 106, » 16—17: ...горничныя *или* камердинеры *передразниваютъ* разговоры своихъ Господъ...
» 106, » 27: *Фамилія* моя од*на* изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ.
» » » » Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ *нашихъ родовъ*.
» 107, » 4: ...*вѣроятно* изъ *внимательности*...
» 107, » 5: *Изчисляя* малое число знатныхъ родовъ...
» 107, » 10—12: ...принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ *Исторической* эпохи — *Я отыскалъ всю его жизнь*.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 107, строки 12—13: Другой Пушкинъ во время междуцарствія, *будучи воеводою въ Нижнемъ*...

» 107, » 29: ...странное *возобновленіе* союзныхъ именъ!

» 107, » 30: *Но послѣ* выпущенъ...

» 108, » 5—7: ...имя ихъ останется честнымъ, *безкорыстнымъ* достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда *Богатаго и Сильнаго* род‹а› —

Можетъ быть, передъ отрывкомъ: „Я руской дворянинъ“...., намѣченъ былъ поэтомъ ко включенію черновой, оставшійся совершенно неотдѣланнымъ набросокъ, озаглавленный: „Дв‹орянинъ› во мещ‹анствѣ›“: Но отъ кого бы я не происходилъ отъ разночинцевъ вышедшихъ во дворян‹е› или отъ однаго изъ самыхъ старинныхъ Р‹ускихъ› родовъ, отъ предковъ коихъ имя встрѣчается почти на каждой страницѣ Исторіи нашей, образъ мнѣній моихъ отъ этаго никакъ не зависитъ — Отказываться отъ него я ни чуть не намѣренъ (и хоть нигдѣ донынѣ я его не обнаруживалъ и никому до него нужды нѣтъ, но)...

Стр. 108, строка 11: ...но *нѣтъ ничего* общаго...

» 108, » 13: ...минувшая *знатность*...

» 108, » 16: при Петрѣ I.

» 108, » 18: ...*политическо‹й›* ненависти...

» 108, » 25—27: ...въ притчу и посмѣяніе разночинцевъ вышедшихъ во дворяне и журнальныхъ балагуровъ.

» 108, » 26—27: ...*празднымъ* журнальнымъ балагурамъ.

» 109, » 2—3: ...потомокъ *Святослава* болѣе дорожитъ звѣздою *какого-нибудь* двоюроднаго дядюшки чѣмъ *ладьею*

lib.pushkinskijdom.ru

Святослава и вѣнцомъ Мономахо-вымъ...

Стр. 109, строка 3: ....*съкирою Святослава*...
» » » » ....*побѣдами Святослава*...
» 109, » 4–5: Конечно есть достоинство *и слава*...
» 109, » 8–10: Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣс*или бы* всю нашу старинн⟨ую⟩ родословн*ую* — но не ужъ то потом*камъ* ихъ *безчестно* гордиться имен*емъ ими переданнымъ*.
» 109, » 11: Одинъ изъ *самыхъ* великихъ нашихъ согражданъ...
» 109, » 15: ...неуваженіе къ *личности* гражданъ...
» 109, » 23: ....*раз*смѣшилъ публику...
» 109, » 24: ...коль скоро *журналистъ* прогнѣва*ется* на кого нибудь...
» 109, » 26: ...противникъ *разбраненъ*...
» 109, » 30: ...*воображенію* сочинителя...
» 109, » 32: ...*казалось мнѣ* малодушіемъ.
» 110, » 1: *Человѣкъ* о которомъ печатаютъ...
» 110, » 4–5: ...*если* не изъ уваженія къ Газетчику *то* изъ уваженія къ публикѣ.
» 110, » 6: ...всякому *шалуну*...
» 110, » 9–11: Н*аши* литераторы отказыва*ются* отъ пистолетовъ...
» 110, » 13–14: ...что прикажете дѣлать съ *людьми*, которые...
» 110, » 15: Однажды *безыменный сатирикъ* напечаталъ...
» 110, » 19–20: ...служилъ *вѣрой и правдой многимъ своимъ* отечества⟨мъ⟩...
» 110, » 20–23: *Я* отвѣчалъ такъ что скромный и храбрый журналистъ вѣроятно долго

lib.pushkinskijdom.ru

будетъ *меня* помнить *и впередъ поступлю также. Il fit bien*, on en rit, j'en ris encore moi-même.

Стр. 110, строка 26: ...она глубоко тронула *мое кокетство.*
» 110, » 27: *Спрашивается:* какое дѣло критику...
» 110, » 30: ...играю ли я, *пью ли я*...
» 111, » 1—3: ...важный шагъ ко гласности дѣйствій, такъ называемыхъ *публичныхъ людей* (hommes publics) *и къ явному разбору оныхъ*...
» 111, » 8: ...*идетъ* всегда *первая*...
» 111, » 10—11: ...имъ *всегда первымъ* опредѣлено выносить...
» 111, » 13: Такимъ образомъ *состовляется и* общее мнѣніе...
» 111, » 18—19: ...написавъ *китайскую* трагедію...
» 111, » 22: ...(*тутъ* слѣдуютъ *рускія* ругательства)...
» 111, » 23: ...(что *съ* нимъ *водилось*)...
» 111, » 24—25: ...(что также съ нимъ случалось *въ его молодости*)...
» 111, » 25—26: ...изъ довольно *скучной* трагедіи...
» 111, » 33: ...человѣкъ ловкій и *догадливый затѣйливый*...
» 112, » 1: ...опасаясь *обличѣнія*...
» 112, » 7: ...слишкомъ дорогою цѣною *моихъ сочиненій*...
» 112, » 8: ...*одно* корыстолюбіе...
» 112, » 8—9: Это хорошо *было* говорить тому кто отроду *книгъ* не продавалъ...
» 112, » 12—13: Число *читателей стиховъ весьма* ограничено.
» 112, » 19—20: ...намъ, *демократическимъ* писателямъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 112, строка 21: ...безкорыстія *писателя*...
» 112, » 21—22: ...большое требованіе оной или *вовсе никакого*.

Происхожденіе Критическихъ замѣтокъ и ихъ историко-литературная цѣнность выяснены Анненковымъ. „Въ 1830 году", говоритъ онъ: Пушкинъ „рѣшился на досугѣ, въ деревнѣ (Болдино), пересмотрѣть все, что объ немъ было писано въ журналахъ нашихъ литературнаго и нелитературнаго. Плодомъ этого занятія остались тѣ замѣтки, которыя въ посмертномъ изданіи его сочиненій напечатаны подъ рубрикой: „Отрывки изъ записокъ Пушкина" и притомъ напечатаны довольно безпорядочно: оглавленія статей вошли тамъ въ текстъ, замѣтки о двухъ разныхъ предметахъ сбиты вмѣстѣ, собственныя имена перепутаны и проч. Приведенныя въ нѣкоторый хронологическій порядокъ и провѣренныя съ рукописями, замѣтки эти составляютъ теперь довольно любопытную картину современныхъ поэту толковъ и мнѣній, и драгоцѣнны какъ матеріялъ для исторіи литературы, и какъ матеріялъ для біографіи. Правда, они далеко еще не исчерпали всего, что произвела отечественная критика въ отношеніи произведеній нашего поэта, оставивъ безъ вниманія самый любопытный отдѣлъ ея: поводы и причины ея восторга при первыхъ опытахъ его. Пушкинъ обратилъ преимущественное вниманіе только на двѣ яркія черты современной ему критики: филологическія прицѣпки къ словамъ и на требованіе *чинности*, преслѣдовавшія его съ самаго вступленія на литературное поприще. Мы говоримъ *чинности*—въ отличіе отъ *приличія*, которое есть первый долгъ каждаго писателя и которому Пушкинъ съ умысломъ никогда не измѣнялъ, какъ только выходилъ передъ публикой. Требованія чинности или лучше *чопорности*, начавшіяся съ появленія Руслана и Людмилы, за тѣмъ уже не умолкали: они не

lib.pushkinskijdom.ru

оставили въ покоѣ... самую Полтаву и не отступили даже передъ Борисомъ Годуновымъ... Около 1830 года легкая ежедневная рецензія уже почти только и производилась во имя *дамъ высшаго круга*, *молодыхъ людей*, и проч., но это была только уловка полемики, потому что никакихъ основательныхъ поводовъ къ защитѣ ихъ не было и не могло быть особенно у Пушкина. Въ своемъ широкомъ, ясномъ и благородномъ творчествѣ онъ былъ доступенъ всѣмъ чтецамъ, — и вотъ что писалъ, въ томъ же 1830 году: „Хорошее общество можетъ существовать не въ одномъ кругу, а вездѣ, гдѣ есть люди честные, умные и образованные. Жеманство и напыщенность болѣе оскорбляютъ, чѣмъ простонародность. Откровенныя, оригинальныя выраженія простолюдиновъ повторяются и въ высшемъ обществѣ, не оскорбляя слуха, между тѣмъ какъ чопорные обиняки провинціальной вѣжливости возбудили бы общую улыбку. Незабавно ли видѣть нашихъ опекуновъ высшаго общества?“ Въ словахъ этихъ, извлеченныхъ изъ неконченной полемической статьи, хорошо видѣнъ человѣкъ, поражавшій соединеніемъ геніальности съ простотой характера, обращенія и языка“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 295—296).

Намѣреваясь начать полемику со своими литературными противниками, Пушкинъ измѣнялъ установившимся традиціямъ: онъ привыкъ опровергать своихъ рецензентовъ въ письмахъ къ друзьямъ, и избѣгалъ дѣлать это въ печати. Вынужденный вмѣшаться въ пренія между княземъ П. А. Вяземскимъ и *Вѣстникомъ Европы*, онъ писалъ А. А. Бестужеву: „Если бы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гёте, то и тутъ бы Европа не шевельнулась чтобъ ихъ стравить, поддразнить или окатить холодной водой. Вѣкъ полемики миновался. Для кого жъ занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Я принужденъ былъ вмѣшаться ибо призванъ былъ въ свидѣтельство М. Дмитріевымъ. Но больше не буду“ (Переписка, т. I, стр. 122: письмо отъ 29-го іюня 1824 г.). Шесть лѣтъ спустя пришлось поступить иначе. Вотъ отрывокъ изъ письма къ барону А. А. Дельвигу отъ 4-го ноября 1830 г.: „Посылаю тебѣ, Баронъ, Вассальскую мою подать, именуемую Цвѣточною, по той причинѣ что платится она въ ноябрѣ въ самую пору цвѣтовъ. Доношу тебѣ, моему Владѣльцу, что нынѣшняя осень была дѣтородна, и что коли твой смиренный Вассалъ не околѣетъ отъ сарацинскаго падежа, Холерой именуемаго, и занесеннаго намъ крестовыми воинами т. е. бурлаками, то въ замкѣ твоемъ, Литературной Газетѣ, пѣсни трубадуровъ неумолкнутъ круглой годъ. Я душа моя, написалъ пропасть полемическихъ статей, но не получая Журналовъ, отсталъ отъ вѣка и не знаю въ чемъ дѣло—и кого надлежитъ душить, Полевова или Булгарина (Переписка, т. II, стр. 185).

— (*Стр. 100, строка 15*[5]). Эпиграфъ взятъ изъ письма Роберта Соути къ издателю „Курьера“ (1822 г.): „It is seldom, indeed, that I waste a word, or a thought, upon those who are perpetually assailing me. But abhorring, as I do, the personalities which disgrace our current literature, and *averse from controversy as I am, both by principle and inclination, I make no profession of non-resistance*“ (*Robert Southey*. Essays Moral and Political. London, 1832, vol. II, p. 193. — Переписка, т. I, стр. 47, 225; т. II, стр. 231, 251. — Настоящій томъ, стр. 46, 309, 395, 420).

— (*Стр. 101, строки 12—13*). Августъ-Вильгельмъ (род. въ 1767 г., ум. въ 1845 г.) и Фридрихъ (род. въ 1772 г., ум. въ 1829 г.) Шлегели — знаменитые вожди романтизма, критики, переводчики и историки литературы.— Пушкинъ иногда иронически называлъ „нашими Шлегелями“ современныхъ ему журнальныхъ рецензентовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Выпустивъ въ свѣтъ „Бориса Годунова“, онъ писалъ П. А. Плетневу 7-го января 1831 г.: „Любопытно будетъ видѣть отзывъ нашихъ Шлегелей, изъ коихъ одинъ Катенинъ знаетъ свое дѣло. Прочіе — попугаи или сороки Инзовскія, которыя картавятъ одну имъ натверженную <.....> <...>“ (Переписка, т. II, стр. 211. — Ср. настоящій томъ, стр. 166).

Jean-François de la Harpe (род. въ 1739 г., ум. въ 1803 г.) — извѣстный критикъ и профессоръ литературы, авторъ сочиненія: „Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne“.

— (*Стр. 101, строки 30—31*). „Et moi, je vous soutiens que mes vers sont fort bons“—слова Оронта, героя комедіи Мольера „Мизантропъ“ (актъ I, сцена II).

— (*Стр. 102, строки 1—8*). Вполнѣ субъективная оцѣнка отдѣльныхъ стиховъ—излюбленный пріемъ журнальныхъ критиковъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія (ср. хотя бы разборъ „Полтавы“ въ *Сынъ Отечества*, 1829 г., ч. 125, № 15, стр. 49; № 16, стр. 103 и т. п.). Противъ подобныхъ пріемовъ, не безъ основанія, возсталъ Кс. А. Полевой. „Критика“, разъяснялъ онъ: „указующая на мѣста въ сочиненіяхъ, есть для насъ наслѣдственная болѣзнь схоластизма. Только въ то время, когда не знали стихій искуства, можно было по убѣжденію одного человѣка называть то и то прекраснымъ, а то и то дурнымъ. Въ нашу эпоху существуютъ другія требованія. Нынѣ можно назвать слишкомъ дерзкимъ того критика, который, признавая какое-либо поэтическое произведеніе созданіемъ необыкновеннаго дарованія, сталъ-бы указывать на стихи, *по его мнѣнію*, не хорошіе. Кто и что ручается намъ за его мнѣніе? И не правъ-ли Пушкинъ, сказавшій одному своему критику, осуждавшему его стихъ въ *Цыганахъ:*

«И съ камня на траву свалился»,

lib.pushkinskijdom.ru

„Я именно такъ хотѣлъ, такъ долженъ былъ выразиться". Какіе аргументы могутъ въ семъ случаѣ опровергнуть мнѣніе не только самого Пушкина, но и каждаго изъ его читателей?" (*Московскій Телеграфъ*, 1829 г., ч. XXVII, № 10, стр. 220—221).

— (*Стр. 102, строки 24—29*). Стихотвореніе: „Глухой глухова звалъ"..., вызвало такое замѣчаніе Анненкова: „Состояніе критики онъ ‹Пушкинъ› объяснялъ слѣдующей, довольно забавной эпиграммой, похожей, впрочемъ, на извѣстную шутку Пелиссона: Les trois sourds" (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 249—250). Позднѣйшіе ученые хотѣли сравнить оригиналъ съ подражаніемъ, но ихъ попытки долго были безуспѣшны: французскій текстъ до 1911 г. не былъ разысканъ. Н. Ѳ. Сумцовъ нашелъ въ словарѣ Бешереля (Bescherelle) свѣдѣнія о жизни Пелиссона, но былъ лишенъ возможности ознакомиться съ его произведеніями. П. О. Морозову удалось пересмотрѣть труды Пелиссона, но это не дало благопріятныхъ результатовъ. „Въ доступныхъ намъ собраніяхъ его ‹Пелиссона› сочиненій", говоритъ изслѣдователь: „не оказалось шутки о трехъ глухихъ; Анненковъ же, сославшись на нее, къ сожалѣнію, не отмѣтилъ, гдѣ ее можно найти" (*Н. Ѳ. Сумцовъ*. А. С. Пушкинъ. Харьковъ, 1900 г., стр. 256—257.— *Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб., 1911 г., т. V, примѣчанія, стр. L).

Paul Pelisson (род. въ 1624 г., ум. въ 1693 г.), авторъ „Исторіи Французской Академіи" и многихъ стихотвореній, написалъ произведеніе, подъ названіемъ „Epigramme":

Un sourd fit un sourd ajourner
Devant un sourd en un village,
Et puis s'en vit haut entonner
Qu'il avoit volé son fromage.
L'autre répond du labourage:

lib.pushkinskijdom.ru

Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage,
Et les renvoya sans dépens.

(*Paul Pellisson*. Oeuvres diverses. Paris, 1735, tome I, p. 216). Пелиссонъ заимствовалъ тему у бельгійскаго неолатинскаго поэта Jan Everaerts (Janus Secundus). Въ піесѣ послѣдняго „Surdum judicium“ разсказанъ эпизодъ изъ жизни глухихъ:

Cum surdo lis est surdo, sub judice surdo,
Ut similem simili jungit ubique Deus.
Ille petit pretium pro menses quinque locatis
Aedibus, hic noctu se moluisse refert.
His judex: an non ex aequo mater utrique est?
Quid porro restat? tollite uterque simul.

Это произведеніе, въ свою очередь, является переводомъ съ Греческаго.

Что касается Пушкина, то онъ, вѣроятно, заимствовалъ эпиграмму изъ „Anthologie Française“ 1816 г., гдѣ она подписана именемъ Saint-Gelais (род. въ 1491 г., ум. въ 1558 г.). Текстъ Антологіи отличается отъ текста Пелиссона:

Les trois sourds.

Un sourd fit un sourd assigner
Devant un sourd dans un village,
Puis s'en vint son droit entonner;
La demande était d'un fromage:
L'autre répond du labourage;
Le Juge étant sur ce suspens
Déclara bon le mariage
Et les renvoya sans dépens.

(*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXVIII, стр. 59 — 62).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 103, строки 1—3*). Недовольный журнальными отзывами о первомъ томѣ „Исторіи русскаго народа“, Н. А. Полевой помѣстилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* небольшую статью, гдѣ заявилъ: „Всѣ привязки, клики и вопли критиковъ на *Исторію Русскаго народа*, мною сочиненную — не будутъ удостоены съ моей стороны никакимъ отвѣтомъ.—Съ благодарностію принимаю всякій полезный совѣтъ; но спорить съ Г-ми Недоумкою, Погодинымъ, Руссовымъ, хоть однимъ словомъ отвѣчать имъ — не буду рѣшительно. Пусть кому угодно, тотъ вѣритъ имъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., т. XXXIII, № 9, стр. 103).

— (*Стр. 103, строка 15*). Разговоръ о примѣч‹аніи›, т. е. объ „Avis au lecteur“. См. настоящій томъ, стр. 91—96.

— (*Стр. 103, строки 23—24*). „Печатный всякій листъ быть кажется святымъ“ — стихъ изъ сатиры И. И. Дмитріева „Чужой толкъ“ (1794 г.).

— (*Стр. 104, строки 1—20*). Замѣтка вызвана безтактнымъ поведеніемъ двухъ альманашниковъ: Бориса Михайловича Федорова (род. 5-го марта 1798 г., ум. 7-го апрѣля 1875 г.) и Михаила Алексѣевича Бестужева-Рюмина.

Первый изъ нихъ напечаталъ въ *Памятникѣ Отечественныхъ Музъ* на 1827 г. шесть піесъ великаго поэта [1]), о которыхъ отозвался весьма лестно въ предисловіи къ альманаху. „Уважающимъ скромность, украшающую блистательный геній“, писалъ онъ: „пріятно будетъ узнать, что Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, позволивъ изда-

1) „Романсъ“ (Подъ вечеръ, осенью ненастной...); „Желаніе“ (Медлительно влекутся дни мои...); „Отрывки“ изъ стихотворенія: „Фавнъ и Пастушка“ (1818 г.); „Заздравный кубокъ“ (Кубокъ янтарный...) [1816 г.]; „Къ Живописцу“ (Дитя Харитъ, воображенья...) [1815 г.]; „Сонъ, отрывокъ изъ Новгород‹ской› повѣсти Вадимъ“ (Проходитъ ночь; огонь погасъ...) [*Памятникъ Отечественныхъ Музъ* на 1827 г., стр. 3, 35, 37, 172, 185, 231, 253].

lib.pushkinskijdom.ru

телю помѣстить въ семъ Альманахѣ нѣкоторыя изъ первыхъ произведеній своей Музы, не довѣряя достоинству ихъ, желалъ чтобъ издатель, означилъ время сочиненія ихъ. Но въ сихъ произведеніяхъ юнаго Поэта видѣнъ зрѣлый даръ генія—и тѣмъ они драгоцѣннѣе для Памятника Отечественныхъ Музъ". Среди пушкинскихъ стиховъ была и такъ называемая „Идиллія", вѣрнѣе романсъ: „Подъ вечеръ, осенью ненастной" (1814 г.[1]).

Бестужевъ-Рюминъ поступилъ гораздо безцеремоннѣе Федорова. Доставъ гдѣ-то стихотворенія поэта, частію неизданныя, онъ напечаталъ ихъ въ *Сѣверной Звѣздѣ* на 1829 г., безъ разрѣшенія автора, и весьма развязно и снисходительно поблагодарилъ его въ такихъ выраженіяхъ: „Издатель, благодаря Г. *Ап.*, доставившаго къ нему тринадцать пьесъ (изъ коихъ нѣсколько помѣщено въ сей книжкѣ[2]), должнымъ находитъ просить Г. Г. Неизвѣстныхъ объ объявленіи впредь именъ своихъ Издателю; ибо если они желаютъ скрыть ихъ отъ Публики, то въ семъ отношеніи совершенно могутъ быть увѣрены въ скромности Издателя; а посему послѣднему необходимо должны быть извѣстны имена особъ, доставляющихъ къ нему для напечатанія свои пьесы". — Приведенныя слова Бестужева и его беззастѣнчивыя дѣйствія были встрѣчены съ осужденіемъ литературными единомышленниками поэта,

1) „Идиллія" была снабжена слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „Помѣщенные здѣсь стихи Александра Сергѣевича Пушкина—были изъ первыхъ опытовъ его очаровательной Музы".

2) Изъ семи стихотвореній съ иниціалами *Ап.* шесть принадлежатъ Пушкину: „Къ N.N. (Любви, надежды, тихой славы...); „Къ пріятелю, сравнивавшему глаза одной дѣвицы съ южными звѣздами" [Она мила—(скажу межь нами)...]; „Будущая Эпитафія" (Здѣсь П-нъ погребенъ! — Онъ съ Музой молодою...); „Къ ***, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу" (О ты, который сочеталъ...); „К-ну (Забудь, любезный мой К....ъ); „Къ Ю....у" (Любимецъ вѣтренныхъ Лаисъ...).—„Элегія" (О ты, которая изъ дѣтства...), подписанная также буквами *Ап.*, представляетъ собою отрывокъ изъ піесы князя П. А. Вяземскаго „Негодованіе" (*Сѣверная Звѣзда* на 1829 г., стр. VI, 50, 65, 161, 174, 235, 295, 305).

lib.pushkinskijdom.ru

изъ коихъ О. М. Сомовъ счелъ нужнымъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе, что „подлинный сочинитель“ стихотвореній, „подписанныхъ *Ап*“, „вовсе не назначалъ ⟨ихъ⟩ въ *Сѣверную⟩ Звѣзду*“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., Проза, стр. 43). Не менѣе строго отнеслись къ развязному альманашнику и историки литературы.

„Бестужевъ-Рюминъ“, пишетъ Анненковъ: „отличался своего рода цѣпкостью, не связанъ былъ понятіями о приличіи и достоинствѣ своихъ сужденій и представлялъ ранній, хотя еще и тусклый образецъ бойца, который старается смѣлостію и наглостію выдти изъ толпы, гдѣ его удерживаетъ отсутствіе таланта и образованія. Такъ, въ одномъ изъ своихъ изданій Бестужевъ-Рюминъ развязно напечаталъ нѣсколько рукописныхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, безъ вѣдома автора, всегда боявшагося подобныхъ нескромностей, и подъ одними литерами „*Ап*“. Пушкинъ даже и не протестовалъ, наученный еще прежде опытомъ, что литературная собственность не признается въ его отечествѣ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1880 г., № 6, стр. 598. — Ср. „Матеріалы“. СПб., 1855 г., стр. 33 — 34).

—(*Стр. 104, строка 9*). Владимиръ Ивановичъ Панаевъ (род. въ 1792 г., ум. въ 1859 г.) — авторъ идиллій и разсужденія „О пастушеской или сельской поэзіи“, большой почитатель Соломона Геснера, признавшій простоту Ѳеокрита грубою. Пушкинъ называлъ Панаева „русскимъ Геснеромъ“ или „идилическимъ коллежскимъ ассессоромъ“ (Переписка, т. I, стр. 65, 156; т. III, стр. 153, и примѣчанія, стр. 271 — 272. — Ср. *Современникъ*, 1850 г., т. XXIII, № 10, отд. III, стр. 71 — 73).

Выраженія „слогъ переписчика стиховъ Г-на П⟨анае⟩ва“ и „слогъ камердинера Г-на П⟨анае⟩ва“ напоминаютъ другой оборотъ: „слогъ камердинера профессора Тредьяковскаго“ (Переписка, т. II, стр. 309).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 104, строка 20*). О „Посланіи къ Ю‹рьеву›“ см. т. II, стр. 15, и примѣчанія, стр. 32 — 33.

— (*Стр. 104, строка 21 — стр. 105, строка 4*). Любопытное явленіе, получившее названіе „самъ съѣшь“ и представлявшее собою „главную пружину нашей журнальной полемики“, заинтересовало Пушкина еще въ 1825 г., что видно изъ письма къ князю П. А. Вяземскому: „*Самъ съѣшь!*—Замѣтилъ-ли ты что всѣ наши журнальныя Анти-критики основаны на *самъ съѣшь?* Булгаринъ говоритъ Федорову: Ты лжешь, Фед‹оровъ› говоритъ Булг‹арин›у самъ ты лжешь. Пинскій говоритъ Полевому: *ты невѣжда*, Пол‹евой› возражаетъ Пинскому: *ты самъ невѣжда*. Одинъ кричитъ: ты крадешь! другой: самъ ты крадешь! — и всѣ правы — И такъ, самъ съѣшь, мой милый; ты самъ ищешь полудня въ четырнадцать часовъ“ (Переписка, т. I, стр. 287 — 288: письмо отъ 13-го — 15-го сентября 1825 г.).

Въ замѣткѣ, писанной для *Литературной Газеты*, Пушкинъ возвращается къ старой темѣ и поясняетъ полемическій пріемъ „самъ съѣшь“ на трехъ примѣрахъ.

Однажды Е. А. Боратынскій, полемизируя съ Н. А. Полевымъ, осмѣялъ его неумѣнье вести себя въ хорошемъ обществѣ:

Писачка въ Фебовъ дворъ явился.
«Довольно глупъ онъ!» богъ шепнулъ:
«Но самоучкой онъ учился, —
Пускай присядетъ; дайте стулъ».
И сѣлъ онъ чванно. Нектаръ носятъ;
Его, какъ прочихъ, кушать просятъ;
И нахлебался тотчасъ онъ
И загорланилъ. Но раздался
Тутъ Фебовъ голосъ: «Какъ! зазнался?
Эй, Надоумко, вывесть вонъ!»

lib.pushkinskijdom.ru

(*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 33, стр. 264). Эпиграмма появилась въ іюнѣ, а черезъ мѣсяцъ въ *Новомъ Живописцѣ общества и литературы* былъ помѣщенъ отвѣтъ Полевого, за подписью „Гамлетовъ“:

Пришелъ поэтъ, и пущенъ на Парнассъ.
«А! здравствуй!» Фебъ сказалъ — «да что за чудо:
Ты мнѣ знакомъ; я помню, что подъ часъ
Ты плакивалъ въ стишонкахъ, и не худо.
Что? нѣтъ-ли, братъ, плаксиваго опять?»—
— Нѣтъ, мудрый Фебъ! я плакивалъ бывало,
Позволь теперь смѣшное прочитать. —
«Читай». — И вотъ, не думавши ни мало,
Вдругъ нашъ поэтъ съ насмѣшливымъ лицомъ,
Развеселить затѣялъ эпиграммой.
Чуть выслушалъ Латоны сынъ упрямой,
И закричалъ: «Эй! кто тамъ?» — Съ мѣднымъ лбомъ
Предсталъ школяръ. «Вонъ вывести!» — О, милой,
О добрый Фебъ! осмѣлюсь-ли спросить... —
«Ахъ! плакса! что задумалъ ты! острить?
«Чуть дышишь ты въ элегіи унылой —
«Пошелъ-же вонъ — тебѣ-ль смѣяться, хилой!»...

(*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXIV, № 13. — *Новый Живописецъ*, стр. 228 — 229: „Эпиграмма“).

Второй эпизодъ изъ журнальной полемики, разсказанный Пушкинымъ, относится къ апрѣлю 1830 г., когда въ альманахѣ *Подснѣжникъ* была напечатана эпиграмма „Собраніе насѣкомыхъ“, которая породила въ литературныхъ сферахъ много неблагопріятныхъ для автора толковъ. Стихотвореніе показалось М. А. Бестужеву-Рюмину „совершенно ничтожнымъ, неимѣющимъ никакого достоинства, даже и піитическаго“, а В. Н. Олину — нескромнымъ; кромѣ того, оно вызвало двѣ грубыя пародіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ *Вѣстникѣ Европы* звѣздочки пушкинскаго оригинала были замѣнены названіями различныхъ сочиненій поэта:

Полтава — Божія коровка,
Кавказскій плѣнникъ — злой паукъ,
Вотъ *Годуновъ* — Россійскій жукъ,
Онѣгинъ — тощая піавка,
Графъ Нулинъ — мѣлкая казявка.

Тѣ же стихи въ *Московскомъ Телеграфѣ* были передѣланы иначе:

Вотъ *Чальдъ-Гарольдія* смѣшная;
Вотъ *Донъ-Жуанія* моя;
Вотъ *Дидеротія* блажная;
Вотъ Русской бѣлены семья;
Пырей Ливоніи удалой
И *Финскій* нашъ *чертополохъ*,
И *макъ Германіи* завялой,
И *древнихъ Эллиновъ горохъ*.
Все, все рядкомъ въ моихъ листочкахъ
Разложено, положено,
И эпиграммы въ легкихъ строчкахъ
На смѣхъ другимъ обречено.

(*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 8, стр. 300—302.— *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXII. № 8, стр. 135.— Ср. *Сѣверный Меркурій*, 1830 г., т. I, № 40, стр. 159—160; № 55, стр. 217—218.— *Карманная книжка для любителей русской старины и словесности* на 1830 г., № 4, стр. 541).

По поводу этихъ пародій въ *Литературной Газетѣ* была помѣщена замѣтка, въ которой воспроизведенъ подлинный текстъ эпиграммы со слѣдующими поясненіями отъ редакціи: „Сіе стихотвореніе, напечатанное въ Ал‹ь›манахѣ: *Подснѣжникъ*, нынѣшняго года, обратило на себя общее вниманіе. Всѣ Журналы отозвались

lib.pushkinskijdom.ru

о немъ, и большею частію неблагосклонно. Оно удостоилось двухъ пародій, помѣщенныхъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Пародія *Вѣстника* отличается легкимъ остроуміемъ; пародія *Телеграфа* — полнотою смысла и строгою грамматической и логической точностію. — Здѣсь мы помѣщаемъ сіе важное стихотвореніе, исправленное Сочинителемъ. Въ непродолжительномъ времени выйдетъ оно особою книгой, съ предисловіемъ, примѣчаніями и біографическими объясненіями, съ присовокупленіемъ всѣхъ критикъ, коимъ оно подало поводъ, и съ опроверженіемъ оныхъ. Изданіе сіе украшено будетъ искусно литохромированнымъ изображеніемъ насѣкомыхъ. Цѣна съ пересылкою 25 руб.“ (*Литературная Газета*, 1830 г., т. II, № 43, стр. 56).

На приведенную замѣтку сейчасъ-же откликнулся *Сѣверный Меркурій*: „О стихотвореніи: *Собраніе насѣкомыхъ*, сдѣланы были отзывы въ двухъ или въ трехъ нашихъ Журналахъ, разумѣется въ ироническомъ родѣ. Лит‹ературная› Газета, называя это общимъ вниманіемъ, дѣлаетъ въ семъ случаѣ безъ намѣренія привѣтствіе этимъ Журналамъ.... Такому вниманію, какое обращено на сіе стихотвореніе, кажется, нельзя радоваться. Каждая вещь, примѣчательная своею уродливостью и безнравственною цѣлію, обращаетъ на себя вниманіе—но какое?“ (*Сѣверный Меркурій*, 1830 г., т. II, № 97, стр. 75).

Третій случай, характеризующій полемическіе пріемы „самъ съѣшь“, — столкновеніе Вяземскаго съ Булгаринымъ. Еще въ 1825-мъ году князь ополчился на „Крестовыхъ рыцарей“, упрекавшихъ Полевого въ томъ, что онъ „изъ купеческаго сословія“. Булгаринъ, смѣявшійся надъ происхожденіемъ издателя *Московскаго Телеграфа*, черезъ пять лѣтъ измѣнилъ свою тактику и сталъ говорить, что „шестисотлѣтнее дворянство“ „не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ“ того или другого

lib.pushkinskijdom.ru

автора (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. VI, № 22, стр. 178—179.—*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 94.—См. примѣчанія къ №№ 24, 46).

—(*Стр. 105, строки 28—29*). О „Китайскомъ Анекдотѣ“ см. примѣчанія къ № 24.

—(*Стр. 106, строки 6—10*). По мнѣнію братьевъ Полевыхъ и ихъ журнальныхъ союзниковъ, Пушкинъ и сотрудники *Литературной Газеты* проявили большія „притязанія на тонъ *высшаго* общества“, заражая своими взглядами другихъ литераторовъ, не принадлежащихъ къ ихъ лагерю. И. В. Кирѣевскій, разсказываетъ Кс. А. Полевой: „явно поддерживалъ довольно распространенное тогда (т. е. въ 1830 г.) мнѣніе, что писатель не можетъ быть хорошъ, если не принадлежитъ къ высшему свѣтскому обществу,—мнѣніе, которое безпрестанно выражалъ и поддерживалъ Пушкинъ, вѣроятно, соединяя его съ своимъ понятіемъ объ аристократствѣ. Такое потворство ложному ученію было нестерпимо въ человѣкѣ умномъ и благородномъ, какимъ я всегда почиталъ Кирѣевскаго. Мнѣ казалось даже, что онъ дезертируетъ изъ нашего круга и желаетъ быть пріятнымъ *боярину* Пушкину, который видѣлъ умъ и любезность въ полумертвомъ, ничтожномъ *вельможѣ* („Князю Н. Б. Юсупову“), и не желалъ видѣть ихъ въ моемъ братѣ“ (*Кс. Полевой*. Записки. Спб. 1888 г., стр. 320—321).

—(*Стр. 106, строки 10—14*). Нападки на грубыя выраженія, допущенныя Пушкинымъ, встрѣчаются преимущественно въ рецензіяхъ на поэму „Полтава“, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ поэтъ. „Слова усы, визжать, вставай, Мазепа, ого, пора“,—пишетъ онъ: „показались критикамъ *низкими*, бурлацкими выраженіями. Какъ быть!“ (*Денница* на 1831 г., стр. 128). Подъ „критиками“ Пушкинъ разумѣетъ преимущественно Надеждина, который иронически отозвался о причинѣ „безсильнаго гнѣва“

lib.pushkinskijdom.ru

Мазепы и осудилъ изображеніе безумной дочери Кочубея и бѣгущаго съ поля сраженія Карла XII. Надеждинъ приводитъ разсказъ гетмана о столкновеніи съ Петромъ подъ Азовомъ и, процитировавъ извѣстные стихи:

«И за *усы* мои сѣдые
Меня съ угрозой ухватилъ»...,

ядовито замѣчаетъ: „И отъ етихъ *усовъ* — столько шуму!... Ай да усы!..“

Стихъ, относящійся къ Маріи: „И съ дикимъ смѣхомъ *завизжала*“, даетъ поводъ Надеждину высказать мнѣніе, что „такъ говорятъ только объ обваренныхъ собакахъ“. Не понравились рецензенту и слова шведскаго короля, обращенныя къ спящему гетману:

«Ого! пора!
Вставай, Мазепа. Разсвѣтаетъ».

„Надобно-же“, писалъ Надеждинъ: „имѣть богатый запасъ веселости, чтобы заставить *Карла*, въ столь роковыя минуты такъ бурлацки покрикивать надъ ухомъ несчастнаго Гетмана“.

Для чтенія „будуарныхъ“ дамъ, по мнѣнію критика, не вполнѣ удобны сцены изъ „Графа Нулина“, гдѣ описывается „ночное пилигримство“ героя поэмы.

«Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.
Онъ входитъ, *ищетъ* (?), отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она...

Поетъ не столько милостивъ для читательницъ: онъ проситъ *Петербургскихъ дамъ, съ ихъ позволенья*, самимъ

lib.pushkinskijdom.ru

Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны...
И разрѣшить, что̀ дѣлать ей.

Ето не совсѣмъ вѣжливо! Можетъ быть, многія изъ нашихъ Московскихъ дамъ, не бывавши въ такихъ случаяхъ, не будутъ и умѣть дополнить сами собою етотъ пробѣлъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1829 г., № 3, стр. 225; № 9, стр. 32—33, 36).

—(*Стр. 106, строка 25 — стр. 109, строка 10*). Лѣтомъ 1825 г., во время пребыванія поэта въ Михайловскомъ, его мысль стала останавливаться на вопросѣ „о значеніи сословныхъ преданій, о значеніи родовитости“. „Такъ! мы можемъ праведно гордиться“, писалъ Пушкинъ А. А. Бестужеву: „наша словесность уступая другимъ въ роскоши талантовъ, тѣмъ предъ ними отличается что не носитъ она на себѣ печати рабскаго униженія. Наши таланты благородны, независимы. Съ Державинымъ умолкнулъ голосъ лести — а какъ онъ льстилъ?

О вспомни, какъ въ томъ восхищеньи
Пророча, я тебя хвалилъ:
Смотри, я рекъ, тріумфъ минуту
А добродѣтель вѣкъ живетъ.

Прочти посланіе къ А‹лександру› (Жук‹овскаго› 1815 году) вотъ какъ рускій поэтъ говоритъ Рускому Царю. Пересмотри наши журналы, все текущее въ литературѣ.... Объ нашей-то лирѣ можно сказать что Мирабо сказалъ о Сіесѣ. Son silence est une calamité publique. Иностранцы намъ изумляются — они отдаютъ намъ полную справедливость — не понимая какъ это сдѣлалось — Причина ясна. У насъ писатели взяты изъ высшаго класса общества—Аристократическая гордость сливается у нихъ съ Авторскимъ самолюбіемъ мы не хотимъ быть

lib.pushkinskijdom.ru

покровительствуемы равными. Вотъ чего подлецъ Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ что рускій поэтъ явится въ его передней съ посвященіемъ или съ одою — а тотъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шестисотълѣтній дворянинъ — дьявольская разница". — Въ другомъ письмѣ — къ К. Ѳ. Рылѣеву поэтъ возвращается къ занимавшей его темѣ: „Ты сердишься за то что я хвалюсь 600 лѣ‹тнимъ› дворянствомъ (NB мое дворянство старѣе). Какъ же ты не видишь что духъ нашей словесности отчасти зависитъ отъ состоянія писателей? Мы не можемъ подносить нашихъ сочиненій Вельможамъ, ибо по своему рожденію почитаемъ себя равными имъ. Отселѣ гордость etc. — Не должно рускихъ писателей судить какъ иноземныхъ. Тамъ пишутъ для денегъ, а у насъ (кромѣ меня) изъ тщеславія — Тамъ стихами живутъ а у насъ гр‹афъ› Хв‹остовъ› прожился на нихъ — Тамъ есть нечего, такъ пиши книгу, а у насъ есть нечего служи да не сочиняй". — Пушкинъ проявляетъ живой интересъ къ своей родословной и ревниво слѣдитъ, занесены ли имена его предковъ на страницы труда Карамзина. „Видѣлъ-ли Н‹иколая› М‹ихайловича›?" спрашиваетъ поэтъ Дельвига: „идетъ-ли впередъ Исторія? гдѣ онъ остановится? Не на избраніи-ли Ром‹ановыхъ›? Неблагодарные! 6 Пушкиныхъ подписали избирательную грамоту! да двое руку приложили за неумѣніемъ писать! А я, грамотный потомокъ ихъ, что я? гдѣ я..." (Переписка, т. I, стр. 227, 231, 233).

Черезъ пять лѣтъ, въ 1830 г. Пушкинъ былъ вынужденъ вновь разсмотрѣть тотъ вопросъ, по которому онъ высказывался, находясь въ Михайловскомъ. Статья, начинающаяся словами: „Въ одной газетѣ официально сказано было"..., стоитъ въ тѣсной связи съ „Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ" и со стихотвореніемъ „Моя родословная" (1830 г.), представляя собою отвѣтъ на

lib.pushkinskijdom.ru

безтактное выступленіе Булгарина противъ поэта во „Второмъ письмѣ изъ Карлова“, гдѣ находятся слѣдующія строки: „Жаль, что Мольеръ не живетъ въ наше время. Какая неоцѣненная черта для его Комедіи: *Мѣщанинъ во дворянствѣ!* Добрые люди! мнѣ право жаль ихъ. Какой вздоръ они вскидываютъ сами на себя. Говорятъ, что Лордство Байрона и его аристократическія выходки, при образѣ мыслей — Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество Поэтовъ и Стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и что всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они); однако жъ это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 94). Поэтическая „родословная“ Пушкина была популярнѣе прозаической и, свидѣтельствуя о раздраженіи автора, въ свою очередь, вызвала раздраженіе во вліятельныхъ бюрократическихъ кругахъ, которымъ она стала извѣстной въ рукописномъ видѣ. До какой степени былъ возбужденъ Пушкинъ поведеніемъ Булгарина, разсказываетъ князь П. П. Вяземскій: „Холера задержала Пушкина въ деревнѣ до конца 1830 года. Немедленно по снятіи карантиновъ, въ декабрѣ или январѣ 1831 года, онъ навѣстилъ насъ въ Остафьевѣ. Я живо помню какъ онъ во время семейнаго вечерняго чая расхаживалъ по комнатѣ, не то плавая, не то какъ-будто катаясь на конькахъ, и декламировалъ, сильно напирая на: „Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ“, „я просто русскій мѣщанинъ“. Съ особеннымъ наслажденіемъ Пушкинъ прочелъ врѣзавшіеся въ мою память четыре стиха:

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не ваксилъ царскихъ сапоговъ,
Не пѣлъ на крылосахъ съ дьячками.

lib.pushkinskijdom.ru

Распространеніе этихъ стиховъ, несмотря на увѣщанія моего отца, несомнѣнно вооружило противъ Пушкина много озлобленныхъ враговъ, и болѣе всего вооружило противъ него при его кончинѣ цѣлую массу вліятельныхъ семействъ въ Петербургѣ. Хуже всего для Пушкина было то, что онъ игралъ честью предковъ (хотя въ сущности эти выходки были вполнѣ безобидны), будучи увлеченъ и подвинутъ на то исключительно полемикой съ Булгаринымъ. Самолюбіе поэтовъ ставитъ ихъ въ нелогичное положеніе: они не уважаютъ ничтожности, и требуютъ отъ этихъ ничтожностей, чтобы онѣ уважали и цѣнили достоинство поэта" (*Князь П. П. Вяземскій.* Собраніе сочиненій. СПб. 1893 г., стр. 528).

О повышенномъ настроеніи Пушкина и объ его желаніи какъ можно больнѣе уязвить Булгарина свидѣтельствуютъ заключительные стихи „Моей родословной":

Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ — мѣщанинъ. —
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

Поэтъ „намекаетъ на то, что жена Булгарина была взята изъ тѣхъ непотребныхъ домовъ, которыми изобилуетъ Мѣщанская улица" (*Баронъ А. И. Дельвигъ.* Мои воспоминанія. М. 1912 г., т. I, стр. 101 — 103).

Списокъ „Моей родословной" былъ представленъ императору Николаю, и онъ сдѣлалъ на рукописи характерную помѣтку на французскомъ языкѣ: „Всякая брань безчеститъ того, кто произнесетъ ее, а не того, на кого направлена она. Оружіе противъ нея — презрѣніе. Въ сатирахъ Пушкина можно найти умъ, но еще болѣе желчи. Для чести его пера, а особенно для чести его *разсудка* — лучше было бы, если бы остались онѣ въ неизвѣстности" (Изда-

lib.pushkinskijdom.ru

ніе Анненкова, т. I, стр. 252. — *И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 132).

— (*Стр. 106, строка 28 — стр. 107, строка 3*). Въ 111-мъ примѣчаніи къ IV тому „Исторіи Государства Россійскаго“ сказано: „Изъ Германіи выѣхали Ратша и Гавріилъ, а изъ Пруссіи Михаилъ. Отъ перваго ведутъ родъ свой Свибловы, Мусины-Пушкины, Кологривые, Мятлевы, Бутурлины, Каменскіе и проч.“...

— (*Стр. 107, строки 3 — 5*). Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. въ 1744 г., ум. въ 1817 г.) — извѣстный археологъ и собиратель рукописей.

— (*Стр. 107, строки 5 — 9*). Въ 315-мъ примѣчаніи къ X тому „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзинъ приводитъ длинный перечень дворянъ, упоминая среди нихъ Остафья Михайловича Пушкина, и говоритъ: „Вотъ люди родовые, болѣе или менѣе знатные, которые послѣ губительнаго Іоаннова вѣка до царствованія Романовыхъ окружали престолъ Московскій“. Въ правленіе Бориса Годунова Пушкины были въ опалѣ и подвергались гоненіямъ со стороны царя, о чемъ свидѣтельствуетъ выписка изъ Разрядной Книги за 1601 г.: „Послалъ Царь Борисъ въ Сибирь Пушкиныхъ Остафья съ братьею за опалу, что на него доводили люди его, Филипка да Гришка; а Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на К. Ондрея Елецково въ отечествѣ, и тѣмъ Царя раскручинили... помѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы распродать“ („Исторія Государства Россійскаго“, т. XI, примѣчаніе 161-ое).

— (*Стр. 107, строки 12 — 15*). Во время мятежей 1607 г., по словамъ Карамзина, „только Измайловъ и Пушкинъ честно сдѣлали свое дѣло: первый, разсѣявъ многочисленную шайку измѣнника, Князя Михайла Долгорукаго, осадилъ мятежниковъ въ Козельскѣ; вторый спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ

lib.pushkinskijdom.ru

Ардатовѣ“... („Исторія Государства Россійскаго“. СПб. 1892 г., т. XII, гл. I, стр. 31, 34).

— (*Стр. 107, строка 30*). Въ библіотекѣ Пушкина находятся перечисленные имъ историческіе труды: 1) *Rulhière, Claude.* Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie, en 1762. Paris, 1797, и 2) *Castéra, J.* Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie. Paris, 1809 (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 185, 326, №№ 707, 1337).

— (*Стр. 108, строка 31 — стр. 109, строка 1*). Мысль объ уваженіи къ минувшему, — „чертѣ, отличающей образованность отъ дикости“, повторена Пушкинымъ въ особой замѣткѣ, напечатанной на стр. 401-ой. — Ср. „Родословную моего героя“ (1833 г.), V.

— (*Стр. 109, строки 6 — 7*). „Собственноручная записка Графа А. В. Суворова объ его службѣ и происхожденіи его фамиліи“ впервые помѣщена въ *Сѣверномъ Архивѣ*, 1823 г., ч. V, № 2, стр. 147 — 168; № 3, стр. 211 — 223; № 4, стр. 297 — 317.

— (*Стр. 109, строки 18 — 22*). Первый примѣръ „Обиняковъ“ подалъ Ѳ. В. Булгаринъ, представившій распрю Каченовскаго съ Полевымъ въ видѣ тяжбы двухъ журналистовъ, изъ коихъ одинъ, имѣвшій званіе мандарина, добился суроваго судебнаго приговора, которымъ его обидчикъ былъ присужденъ къ восьмидесяти ударамъ „бамбуса“ по пятамъ (*Сѣверная Пчела*, 1829 г., № 33. — Ср. примѣчаніе къ № 24). Съ легкой руки Булгарина „китайскій анекдотъ“ сталъ распространяться и сдѣлался популяренъ. „Въ газетѣ: *Le Furet*“, увѣдомляетъ читателей органъ барона Дельвига: „напечатано изъ Пекина, что нѣкоторый Мандаринъ приказалъ побить палками нѣкотораго Журналиста. — Издатель замѣчаетъ, что Мандарину это стыдно, а Журналисту здорово“ (*Литературная Газета*, 1830 г., т. II, №45, стр. 72).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 110, строки 9 — 12*). О несостоявшейся дуэли барона А. А. Дельвига съ Ѳ. В. Булгаринымъ говорится въ Пушкинскомъ „анекдотѣ“ № 15. — См. *Современникъ*, 1853 г., т. XXXVII, отд. III, стр. 84.

На экземплярѣ статьи В. П. Гаевскаго о Дельвигѣ, принадлежащемъ Пушкинскому Дому, есть слѣдующая приписка автора: „Плетневъ и Анненковъ говорятъ, что этотъ Б. ‹коего вызвалъ на дуэль Дельвигъ› — Булгаринъ. Князь Эристовъ увѣрилъ меня, что это — Болтинъ ‹И. А.›, и что онъ былъ свидѣтелемъ случая.

— (*Стр. 110, строки 15 — 23*). „Кто-то“, напечатавшій разсказъ о французскомъ стихотворцѣ, — Булгаринъ, авторъ злостнаго „Анекдота“, гдѣ въ непристойномъ видѣ изображенъ Пушкинъ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 30. — См. примѣчанія къ № 43).

— (*Стр. 110, строки 24 — 26*). Эпиграмма Н. А. Полевого „на голосъ: Мое собранье насѣкомыхъ“, была подписана „Обезьянинъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXII, № 8, *Новый Живописецъ общества и литературы*, стр. 135).

— (*Стр. 111, строка 17 — стр. 112, строка 5*). Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 23-го декабря 1829 г., М. П. Погодинъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о драмѣ „Борисъ Годуновъ“: „Пушкина Бориса, я слышалъ (отъ Розена, который тебѣ кланяется), удерживаютъ въ канцеляріи, пока не вышелъ „Самозванецъ“; а между тѣмъ въ напечатанномъ отрывкѣ Булгарина видно похищеніе изъ него. Помнишь мѣсто о Географіи? Пушкинъ хочетъ извиниться передъ публикою въ заимствованіи этихъ мыслей отъ Булгарина“ (*Русскій Архивъ*, 1882 г., книга III, тетрадь 5, стр. 124). Погодинъ писалъ на основаніи слуховъ, которые передавались въ журнальныхъ сферахъ и исходили, по словамъ В. Н. Олина, отъ самого Пушкина. Эти слухи, какъ извѣстно, встревожили Булгарина, и онъ

lib.pushkinskijdom.ru

сталъ оправдываться передъ поэтомъ, отрицая литературный „грабежъ“ и переложеніе Пушкинскихъ стиховъ въ прозу (Переписка, т. II, стр. 118. — См. примѣчанія къ № 43). Несмотря на всѣ старанія Булгарина доказать несправедливость взводимыхъ на него обвиненій, въ *Литературной Газетѣ* появилась ядовитая замѣтка, кончающаяся такими словами: „Онъ (Пушкинъ) многое заимствовалъ изъ романа: *Димитрій Самозванецъ*, и сими хищеніями удачно, съ искуствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: *Борисъ Годуновъ*, хотя... по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа Г. Булгарина“ (*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 20, стр. 161).

По мнѣнію Пушкина „главныя сцены“ „Бориса Годунова“ „искажены въ подражаніяхъ“. „Раскрывъ наудачу историческій романъ г. Б‹улгарина›“, разсказываетъ поэтъ: „нашелъ я, что у него о появленіи Самозванца приходитъ объявлять Царю кн‹язь› В. Шуйскій. У меня Борисъ Годуновъ говоритъ наединѣ съ Басмановымъ объ уничтоженіи мѣстничества, у г. Б‹улгарина› также. Все это — драмматическій вымыселъ, а не историческое сказаніе. Одинъ у другого... Но это еще не бѣда, les beaux esprits se rencontrent“ (см. т. IV, примѣчанія, стр. 144).

Пушкинъ былъ правъ: сходныя мѣста въ обоихъ упомянутыхъ произведеніяхъ, дѣйствительно, были. Примѣромъ могутъ служить хотя бы наставленіе Бориса сыну Ѳеодору о пользѣ ученія и допросъ, учиненный царемъ князю Шуйскому съ цѣлію точно установить фактъ убіенія Димитрія.

«Наконецъ Борисъ сказалъ ‹Ѳеодору›:»...

«Подъ руководствомъ иностранныхъ наставниковъ, ты

Царь ‹обращаясь къ Ѳеодору›. Какъ хорошо! вотъ сладкій плодъ ученья!

.....

lib.pushkinskijdom.ru

изучаешься всему, что нужно, чтобъ быть мудрымъ Правителемъ. Мудрость цѣлаго міра предъ тобою: изучай умомъ, но избирай сердцемъ совѣты мудрецовъ».

«Встань, Князь Василій», сказалъ Государь: «похваляю тебя за усердіе къ престолу, и благодарю за любовь ко мнѣ... Ты самъ былъ на слѣдствіи, въ Угличѣ; ты знаешь лучше другихъ, остался ли въ живыхъ Царевичъ Дмитрій».

— «Великій Государь!» сказалъ съ жаромъ Шуйскій: «я своими глазами видѣлъ окровавленное его тѣло, своими руками ощупалъ *глубокую язву* въ горлѣ, держалъ ножъ, смывалъ кровь»...

— *Довольно, довольно!* «воскликнулъ Борисъ, поблѣднѣвъ и содрогнувшись»...

(„Димитрій Самозванецъ“, главы III, VI).

Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ
Намъ опыты быстротекущей жизни —
. . . . . .
Учись, мой сынъ: и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.

Царь ‹обращаясь къ кн. Шуйскому›.

«Ты посланъ былъ на слѣдствіе; теперь тебя крестомъ и Богомъ заклинаю,
По совѣсти мнѣ правду объяви:
Узналъ ли ты убитаго младенца
И не была ль подмѣна? отвѣчай
. . . . . .

Шуйскій.

Три дня
Я трупъ его въ Соборѣ посѣщалъ,
Всѣмъ Угличемъ, туда сопровожденный
. . . . . .
Но дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ
И свѣжъ и тихъ, какъ будто усыпленный;
Глубокая не запекалась *язва*,
Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣтъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій
Во гробѣ спитъ.
Царь
Довольно, удались!
(„Борисъ Годуновъ. Царскія палаты“).

— (*Стр. 112, строки 2 — 4*). Имена Фанъ-Хо и Фанъ-Хи напоминаютъ имена героевъ поэмы Барри Корнуоля „Генеалогисты“ (The Genealogists): Чангъ-Хо (Chang-ho) и Фо-хи (Fo-hi) [*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXVIII, стр. 12, 117].

— (*Стр. 112, строки 6 — 31*). Въ № 40 *Сѣверной Пчелы* за 1830 г. была напечатана замѣтка, въ которой были сдѣланы подробныя вычисленія, во сколько обходится публикѣ покупка всѣхъ отдѣльно изданныхъ частей романа „Евгеній Онѣгинъ“. „Въ извѣстіи о новой книгѣ: Евгеній Онѣгинъ, Глава VII (см. Сѣв‹ерную› Пчелу, № 35 и 39)“, сообщалъ публикѣ Булгаринъ: „мы, противу обыкновенія, не выставили цѣны сего сочиненія. Спѣшимъ поправить ошибку. VII Глава Онѣгина стоитъ 5 рублей. За пересылку прилагается 80 коп. Всѣ понынѣ вышедшія *семь* главъ, составляющія въ малую долю, 15 печатныхъ листовъ, стоятъ безъ пересылки 35 рублей. Первая часть сего Романа въ стихахъ еще не вышла въ свѣтъ, а потому и невозможно опредѣлить цѣны цѣлаго сочиненія. Продается въ книжныхъ магазинахъ А. Ф. Смирдина, у Синяго моста, въ домѣ г-жи Гавриловой и въ домѣ Лютеранской Петропавловской Церкви“. — По истеченіи пяти мѣсяцевъ, въ той же газетѣ Булгарина появилась другая замѣтка, гдѣ данъ весьма одобрительный отзывъ о двухъ дешевыхъ смирдинскихъ изданіяхъ басенъ Крылова, вышедшихъ въ 1830 г. и продававшихся за четыре рубля

lib.pushkinskijdom.ru

ассигнаціями. „Это пятое изданіе Басенъ И. А. Крылова“, сказано въ *Сѣверной Пчелѣ:* „Прежнія продавались по слишкомъ высокой цѣнѣ, отъ чего не всѣ, желавшіе имѣть сіи Басни, могли пріобрѣтать оныя. Изданіе И. В. Сленина очень красиво, украшено портретомъ Баснописца, картинками и виньетами, — но всѣ ли могутъ заплатить двадцать рублей. Напротивъ, сіи два изданія, продаваемыя по весьма умѣренной цѣнѣ, доступны для всѣхъ; притомъ же они напечатаны тоже очень чисто, на хорошей бѣлой бумагѣ, и, что важнѣе всего, умножены новыми Баснями“ [*Сѣверная Пчела,* 1830 г., № 112. — Ср. *Литературная Газета,* 1830 г., т. II, № 55, стр. 156. — *Московскій Телеграфъ,* 1831 г., № 10 (обложка)].

Ознакомившись съ вышеприведенными статьями, Пушкинъ рѣшилъ снять съ себя обвиненіе въ корыстолюбіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разъяснить публикѣ, какой спросъ существуетъ на басни, читаемыя всѣми, безъ различія сословій и профессій, и на лирическія стихотворенія, расходящіяся въ небольшомъ кругу любителей поэзіи. Въ это время Пушкинъ уже запродалъ всѣ свои напечатанныя произведенія (кромѣ „Руслана и Людмилы“ и „Кавказскаго Плѣнника“) А. Ф. Смирдину, который, по словамъ П. А. Плетнева, могъ обогатиться купленнымъ товаромъ и назначить ему цѣну, какую пожелаетъ [Переписка, т. II, стр. 142, 154. — См. стих. „Ты мнѣ совѣтуешь, П‹летневъ› любезной“... (1835 г.)].

— (*Стр. 112, строки 27 — 28*). О значеніи терминовъ „national“ и „populaire“ говоритъ Ансильонъ (*Ancillon.* Essais philosophiques. Paris, 1817, t. I, p. 39). — См. *Вѣстникъ Европы,* 1824 г., № 5, стр. 56.

---

lib.pushkinskijdom.ru

51.

[О ДЕЛЬВИГѢ И КИРѢЕВСКОМЪ].

(Стр. 113—114).

Эти замѣтки находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2387 А, лл. 22 об., 63, и напечатаны впервые въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 232 — 233. Дополненія и поправки сдѣланы В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 551. — Въ черновыхъ автографахъ есть нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 113, строка 1: *Дѣтскія* шутки нашихъ критиковъ...
» 113, » 5: ...*написалъ* два стиха....
» 113, » 10: ...найти слѣдующее *мѣсто*...
» » » » ...найти слѣдующее *слово*...
» 113, » 11—12: *И* какъ *мы* обрадовались старой знакомой *эпиграммѣ!*
» 113, » 12—13: Это показалось столь *замѣчательнымъ нашимъ журналистамъ*...
» 113, » 15—16: *проза и стихи* хи хи.....
» 113, » 25—26: ...ими щеголяютъ, и стара*ются* ими насмѣшить свою публику — *какъ полосатые паясы.*
» 113, » 26—27: Положемъ *русская* шутка (*столь смѣшная будучи повторенна въ сотый разъ*) имъ и удается; *но развѣ думаютъ они тѣмъ уничтожить новое мнѣ‹ніе›*...
» 114, » 2: ...здравой *истинной* критики...

При датированіи замѣтокъ возникаетъ нѣкоторое недоумѣніе. Безспорно, обѣ онѣ написаны въ одно время[1]) и съ одною цѣлію защитить Дельвига отъ нападокъ его

1) Почеркъ совершенно одинаковый, и листы тетради, гдѣ помѣщены замѣтки, слѣдуютъ непосредственно одинъ за другимъ.

lib.pushkinskijdom.ru

недоброжелателей. Выступленія противъ барона относятся къ 1830-му году, и естественно предполагать, что Пушкинъ набросалъ свои статейки въ Болдинѣ, находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перечитанныхъ имъ журнальныхъ рецензій, которыя, съ его точки зрѣнія, требовали немедленнаго отвѣта. Къ такому-же заключенію надо прійти при разсмотрѣніи мѣста, занимаемаго замѣтками въ пушкинской тетради: между разборомъ булгаринскаго отзыва о VII главѣ „Евгенія Онѣгина“ (1830 г.) и объясненіемъ полемическаго пріема „самъ съѣшь“ (1830 г.). Между тѣмъ, текстъ замѣтокъ заключаетъ въ себѣ противорѣчивыя указанія на время, когда онѣ были написаны. Въ одномъ мѣстѣ Пушкинъ говоритъ, что журналисты „*вотъ уже годъ*“ щеголяютъ лоскутками „душегрѣйки новѣйшаго уныній“, и это сообщеніе поэта можетъ относиться къ осени 1830 г., въ теченіе котораго на Дельвига сыпались градомъ насмѣшки, вызванныя своеобразными словами И. В. Кирѣевскаго. Въ другомъ мѣстѣ Пушкинъ упоминаетъ о *прошломъ* 1830-мъ годѣ, что̀ какъ будто даетъ право отнести обѣ замѣтки къ 1831-му году. Однако послѣднее соображеніе непріемлемо по двумъ причинамъ: 1) *мелкія* полемическія замѣтки Пушкина написаны имъ осенью 1830 г. въ Болдинѣ (Переписка, т. II, стр. 185); 2) по смерти Дельвига, послѣдовавшей 14-го января 1831 г., странно было бы дѣлать его центромъ полемики, такъ какъ приходилось думать о некрологѣ. Поэтому, естественнѣе предположить, что набрасывая замѣтки о Дельвигѣ въ Болдинѣ, Пушкинъ разсчитывалъ увидѣть ихъ въ печати не раньше 1831 г. и по этимъ соображеніямъ упомянулъ о *прошломъ* 1830-мъ годѣ.

Ближайшимъ поводомъ къ появленію первой замѣтки послужило приведенное въ ней выраженіе *Вѣстника Европы*, перепечатанное въ *Сынѣ Отечества*[1]). Въ журналѣ

1) Ссылка Пушкина на *Сѣверную Пчелу* неправильна.

lib.pushkinskijdom.ru

Каченовскаго была помѣщена рецензія на альманахъ Дельвига *Сѣверные Цвѣты* 1830 г.

„Ахъ! какъ бы на цвѣты да не морозы —
И зимой бы цвѣты расцвѣтали!

Ету заунывную пѣсенку", пишетъ рецензентъ: „нельзя не затянуть при взглядѣ на *Цвѣты,* распукнувшіеся нынѣшнею *зимою* — по обычаю въ *сѣверной* нашей *Столицѣ.* И прошедшая зима была для нихъ что-то не очень авантажна: а нынѣ — морозы совершенно избили ихъ, такъ что не осталось ничего, кромѣ пустаго, недоцвѣтшаго или перецвѣтшаго былія. Ето безъ сомнѣнія чувствовали сами ихъ хозяева, не заблагоразсудивши выставить свои имена, какъ бывало важывалось прежде, на заглавномъ листкѣ, vis-à-vis лубочной картинки, составляющей теперь лучшее ихъ украшеніе и вѣрнѣйшую емблемму. Расположеніе сихъ мерзлыхъ цвѣтовъ въ одну альманачную связку сдѣлано однако — по прежнему. Онѣ дѣлятся на прозу и стихи... хи! хи!" (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., № 2, стр. 162).

Насмѣшки *Вѣстника Европы* надъ альманахомъ *Сѣверные Цвѣты* нашли себѣ откликъ въ Петербургѣ. Сотрудникъ булгаринскаго *Сына Отечества*, скрывшій свое имя подъ псевдонимомъ „Баронъ Шнапсъ фонъ Габенихтсъ", сосредоточилъ вниманіе не на альманахѣ, а на его издателѣ, и сталъ издѣваться надъ идилліями Дельвига, называя ихъ „пошлыми" и интересными лишь для „любителей пародій". „Что бы сказали ученые Нѣмцы объ этихъ стихахъ, будто бы въ подражаніе Древнимъ (sic!)", развязно писалъ г. Шнапсъ: „стихахъ, которые, за недосугомъ подбирать риѳмы, превратились въ *древній* размѣръ, и которые отличаются отъ дурной прозы только тѣмъ, что напечатаны разбивными строками! Если бъ Нѣмцы знали по-Русски, то сказали бы объ этихъ стихахъ то же

lib.pushkinskijdom.ru

самое что Вѣстникъ Европы: — „это *стихи! — хи, хи, хи!*“ (*Сынъ Отечества*, 1830 г., ч. 133, № 16, стр. 243).

Вторая замѣтка Пушкина написана съ цѣлію защитить И. В. Кирѣевскаго и барона Дельвига, сдѣлавшихся жертвами злословія журналистовъ. Неудачная фраза автора „Обозрѣнія русской словесности 1829 года“ была причиной ѣдкихъ замѣчаній рецензентовъ. „Его (Дельвига) Муза была въ Греціи“, писалъ Кирѣевскій: „она наслушалась тамъ простыхъ и полныхъ, естественныхъ, свѣтлыхъ и правильныхъ звуковъ лиры Греческой; но ея нѣжная краса не вынесла бы холода мрачнаго Сѣвера, если бы поэтъ не прикрылъ ее нашею народною одеждою; если бы на ея классическія формы онъ не набросилъ душегрѣйку новѣйшаго унынія: — и не къ лицу ли Гречанкѣ нашъ сѣверный нарядъ?“ (*Денница* на 1830 г., стр. LIX). Выраженіе „душегрѣйка новѣйшаго унынія“ было поднято на смѣхъ врагами критика и поэта. Надеждинъ и Полевой подхватили слова Кирѣевскаго, заговорили о наряженныхъ Музахъ, „Ѳеокритахъ подъ душегрѣйкой унынія“; петербургскіе литераторы послѣдовали примѣру москвичей. „Г. Кирѣевскій увѣряетъ“, замѣтилъ М. А. Бестужевъ-Рюминъ: „что Баронъ Дельвигъ набросилъ на свою Музу душегрѣйку новѣйшаго унынія. Воля Критика; но его статья совершенно закутана въ плащъ новѣйшей безсмыслицы“. Булгаринъ изобрѣтаетъ себѣ новый псевдонимъ „Порфирій Душегрѣйкинъ“ и предаетъ осмѣянію фразу Кирѣевскаго: „Греческая Муза *въ душегрѣйкѣ новѣйшаго унынія!* Не правда ли, что это мило до крайности? При первомъ маскарадѣ закажемъ себѣ эту *душегрѣйку новѣйшаго унынія*, подъ которой вѣрно не озябнетъ здравый *смыслъ*, но согрѣется, раскалится до того, что надобно будетъ кровопусканіе. Хвалите, читатели! А если не станете хвалить, то вскорѣ услышите похвалы этой душегрѣйкѣ въ другихъ

lib.pushkinskijdom.ru

Журналахъ, а себѣ — брань“ (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., ч. 171, № 7, стр. 201 — 202. — *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., ч. XXXII, № 5, стр. 95. — *Кс. А. Полевой*. Записки. СПб. 1888 г., стр. 320. — *Сѣверный Меркурій*, 1830 г., т. I, № 23, стр. 92. — *Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 11. — *Сынъ Отечества*, 1830 г., ч. 133, № 16, стр. 236).

Греческая Муза, одѣтая въ сѣверную душегрѣйку, сдѣлалась героиней пародій. Нѣкто Аполлонъ Зевесовъ печатаетъ идиллію, подъ заглавіемъ „Чудо въ пещерѣ“.

Юноши, дѣвы, и старцы, и отроки! Къ чуду васъ кличу!
Всѣ поспѣшайте въ пещеру ко мнѣ! Тамъ очами узрите
Дивное диво, чудо восьмое! Не Зевсъ Олимпійскій,
Не пирамиды Египта, не храмъ Исхееры Эфесской,
Не Мавзолей Артемизы, не Вавилонскія стѣны,
Не Птоломея маякъ, не Колоссъ Родосскій! Нѣтъ! чудо
Новое явится вамъ! Такихъ никогда не бывало,
Ни на землѣ, ни въ поляхъ Елисейскихъ, ни въ Тартарѣ мрачномъ!
Юноши, дѣвы, и старцы, и отроки! Къ чуду васъ кличу!
Такъ, по Аркадской долинѣ, пастухъ длиннокудрый и юный,
Фебу красою подобный, Миртилъ, насладившійся съ Хлоей
Узами тайной любви, разсыпая крылатыя рѣчи,
Кликалъ къ пещерѣ своей и старыхъ и юныхъ толпами.
Всѣ устремились въ пещеру, и что же представилось взорамъ!
Муза, возросшая съ дѣтства подъ теплымъ Аттическимъ небомъ,
Ярко блеснувшая здѣсь на небѣ прошедшаго года,
Ровный свѣтъ вдохновенья на всѣ проливаетъ минуты,
Лиру держитъ въ рукѣ, и громкіе слышны оттѣнки!
Подлѣ нее (sic), съ головою поникшей, въ вѣнкѣ васильковомъ,
Юноша зрится. На сердцѣ его натянуты струны
Жизнью новѣйшихъ народовъ. Печаленъ, угрюмъ онъ и мраченъ.
Сѣверный вѣтеръ съ морозомъ, (то были ли козни Эола,
Бога вѣтровъ? неизвѣстно), дулъ непрестанно на Музу.

lib.pushkinskijdom.ru

Юноша быстро набросилъ Музѣ озябшей на плеча,
Снѣгу подобныя, теплую ткань, душегрѣйку унынья!
Самую новую, только съ иголки, и Муза, согрѣвшись,
Свѣжимъ, лавровымъ вѣнкомъ украсила юноши кудри.

(*Сынъ Отечества*, 1830 г., ч. 133, № 17, стр. 305—307).

По свидѣтельству В. П. Гаевскаго, „*душегрѣйку* не оставили въ покоѣ даже издававшіеся на иностранныхъ языкахъ журналы. „Le Furet, journal de littérature et des théâtres“ 1830 года (№ 78) говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Un jeune critique russe, ravi du talent de M. Delwig, s'écrie dans son extase: „*Ce poète charmant sut jeter sur les épaules nues de la muse athénienne la douchagreika du sentimentalisme et de la langue modernes*“. Comprenne qui peut“ (*Современникъ*, 1854 г., т. 47, № 9, отд. 3, стр. 34).

52.

[О БЕЗНРАВСТВЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ].

(Стр. 114—117).

Эти статьи сохранились въ рукописяхъ Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 71 об.—70 об., № 2387 А, лл. 13 об.—15, 65, и впервые напечатаны въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 208—210, 225, и въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 367—368[1]). Черновые автографы содержатъ много первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 114, строка 7: . . . *разжигать* воображеніе . . .
» 114, » 9: . . . отвратительную *колдунью* . . .

1) Отдѣльныя мѣста изъ этихъ статей помѣщены также въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 296.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 114, строки 9—11: Но шутки, вдохновенныя сердечной веселостію или минутной игрою воображенія, *могутъ* показаться безнравственными...

» 114, » 13—14: ...*а* литературу *съ* педагогическимъ занятіемъ...

» 114, » 16—18: *Разбирая* Шекспира *и* Байрона критикъ *у* насъ *важно вопрошаетъ* гдѣ болѣе мертвыхъ? въ трагедіяхъ однаго или въ повѣстяхъ другова. *Вотъ что болѣе всего поражаетъ его критическое воображеніе.*

» 114, » 18: *Вотъ въ чемъ полагалъ онъ существенную разницу между ими. Мнѣніе нашихъ критиковъ о нравственности и приличіи, если разобрать его, удивительно забавно.*

» 114, » 18—21: *Хотите-ли знать какъ у насъ критиковали бы Расинову Федру* если бъ къ нещастію, написалъ ее руской и въ наше время.

» 114, » 25: ...сія *любострастная* Фурія...

» 115, » 3: ...собственнаго сына (!!)—*котораго* разбиваютъ лошади!!!...

» 115, » 4—5: ...ея *безстыдная* наперсница...

» 115, » 8—9: Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ *слогъ коихъ кудрявье, и статьи украшены Лат<инскими> и Греч<ескими> цитат<ами>*. Но *спрашиваемъ* должно ли...

» 115, » 15—16: *И есть добрые люди* называющіе этотъ вздоръ глубокомысліемъ!

» 115, » 11: ...критики хотя *и писанныя* по латынѣ...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 115, строка 20—22: ...въ *Съв‹ерной› Пч‹елѣ›* посмѣясь надъ правописаніемъ Ф‹онъ-› Визина, *непремѣнно бы съ* ‹ужасомъ› замѣтили что Простакова бранитъ *Ер‹емеевну›* канальей и собачьей дочерью...

» 115, » 25—26: ...*вѣрно* употребляютъ господа сіи...

» 115, » 28: ...этаго *несноснаго* В‹альтера› Скотта...

» 115, » 30: *Въ критикѣ видимъ* эту смѣшную стыдливость...

» 115, » 30—31: ...это *провинціальное* жеманство эта чопорность *уѣздной засѣдательницы*...

» 116, » 7: ....наши *паркетныя* дамы...

» 116, » 9—10: ...опекунами *хорошаго* общества...

» 116, » 11: Не *смѣшно*-ли....

» 116, » 12—13: ....разсужденія объ отвратительной безнравственности Гр‹афа› Нул‹ина› котораго прочли всѣ п‹етер›б‹ургскія› дамы...

» 116, » 14—15: ...почтенныхъ профессоровъ *проведшихъ свой вѣкъ въ чтеніи Греческихъ и Лат‹инскихъ авторовъ?› испуганныхъ*...

» 116, » 16—17: ...*чопорность и* жеманство еще болѣе *обличаетъ* мѣлкое общество чѣмъ *самая пошлая* простонародность (vulgarité)...

» » » » ...*чопорность и* жеманство еще болѣе *принадлежатъ къ* мѣлкому обществу чѣмъ *низкая* простонародность ‹vulgarité›...

» 116, » 18: ...незнаніе *общества*.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 116, строка 18: *Они не воображаютъ что выраженіе пошлое никогда не оскорбитъ...*

» 116, » 18—19: ...*сильныя* откровенныя оригинальныя выраженія простолюдиновъ *могутъ быть повторены...*

» 116, » 25: Эта охота *казаться* чле*номъ хорошаго* общества....

» 116, » 27: *Нѣкто* думалъ...

» 116, » 28—29: .....строго за нихъ *побранилъ* одно*го* изъ блестящихъ царедворцевъ —

» 116, » 30: ...неблагопристойность *Гр*афа*Нулина* гдѣ *описывае*тся...

» 117, » 1: ...молодой человѣкъ во*шелъ*...

» 117, » 5: Недавно *первый* ист*орическій* романъ...

» 117, » 7: ...fashionable tales *Лорда Norma*n*by*...

» 117, » 8: —Газета *важно* дала замѣтить...

» 117, » 10—11: ...это *ужасное* выраженіе —

Тема о безнравственности поэтическихъ произведеній была затронута Пушкинымъ въ отвѣтѣ журналистамъ, недовольнымъ поэмой „Графъ Нулинъ“, а затѣмъ уже развита въ особой статьѣ.

„Мы замѣтили изъ разныхъ отзывовъ о его (Пушкина) произведеніяхъ странныя отъ него требованія“, говоритъ С. П. Шевыревъ... „Хотятъ, чтобъ онъ создавалъ въ своихъ поэмахъ существа, чисто нравственныя, образцы добродѣтели. Напомнимъ строгимъ Аристархамъ, что не дѣло Поэта преподавать уроки нравственности. Онъ изображаетъ всякое сильное ощущеніе въ жизни, всякой характеръ, носящій на себѣ оригинальную печать или одной мысли или одного чувства.

lib.pushkinskijdom.ru

Если Поэзія есть живая картина необыкновенной человѣческой жизни, то не Ангеловъ совершенныхъ должны представлять намъ Поэты, но человѣковъ съ ихъ добромъ и зломъ, разумѣется выходящихъ изъ тѣснаго круга свѣтской жизни, не вседневныхъ, но такихъ людей, которые сильнѣе мыслятъ, сильнѣе чувствуютъ, а потому живѣе дѣйствуютъ. Если впечатлѣнія, произведенныя поэтомъ, привели душу въ желанное согласіе, онѣ изящны, и Поэтъ совершилъ свое дѣло. Если иногда таковыя впечатлѣнія производятъ дѣйствіе нравственно злое на душу человѣка, — не Поэта обвиняйте, который воленъ, какъ сама природа въ созданіи людей и какъ судьба въ созданіи произшествій, картинъ порока или добра, — но обвиняйте нечистую душу, нечисто принимающую сіи впечатлѣнія“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., № 1, стр. 69 — 70).

Почти одновременно съ Шевыревымъ и Булгаринъ откликнулся на журнальные толки и постарался разрѣшить вопросъ о нравственности и безнравственности въ области поэзіи. „Что значитъ *нравственное*, и что значитъ *безнравственное* сочиненіе?“ пишетъ издатель *Сѣверной Пчелы:* „Нравственное сочиненіе есть то, гдѣ порокъ представленъ въ такомъ видѣ, что возбуждаетъ къ себѣ омерзѣніе, или гдѣ дѣйствующее лице представлено въ столь непріятномъ видѣ, что ни одинъ изъ читателей не хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ; наконецъ, гдѣ дѣйствующее лице изображено такимъ, что вымышленное имя онаго становится упрекомъ, и каждый читатель, видя ничтожность или смѣшное положеніе сего лица, радуется, что онъ не похожъ на него, и въ слѣдствіе того намѣревается поступить такъ, чтобъ и впредь не быть на него похожимъ. Безнравственное сочиненіе есть то, гдѣ подъ самыми благородными формами, Авторъ скрываетъ пороки, и хотя избѣгаетъ нескромныхъ сценъ и рѣчей, но одними положеніями своего героя въ свѣтѣ, доказываетъ, что и порочный можетъ избѣжать

lib.pushkinskijdom.ru

общаго презрѣнія и укрыться отъ наказанія. Легковѣрный читатель или юноша видитъ одни (sic) розы на пути порока, и думаетъ, что въ свѣтѣ можно избѣжать шиповъ, т. е. избѣгнуть презрѣнія и наказанія за дурное поведеніе.... Какъ можно требовать отъ Поэта, чтобы онъ безпрестанно доказывалъ нравственныя задачи! — Картины природы, сцены изъ общественной жизни, высокіе порывы и заблужденія сердца человѣческаго, умъ и безуміе — однимъ словомъ, все, что только существуетъ въ природѣ, принадлежитъ Поэзіи, которая все украшаетъ собою, говоритъ особеннымъ языкомъ" (*Сѣверная Пчела,* 1828 г., № 4).

Самъ Пушкинъ менѣе, чѣмъ кто-либо, допускалъ возможность навязывать поэту роль проповѣдника морали. „Поэзія выше нравственности", утверждалъ онъ: „или по крайней мѣрѣ, совсѣмъ иное дѣло... Какое дѣло поэту до добродѣтели и порока? Развѣ — ихъ одна поэтическая сторона" (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 279. — *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 162 — 163).

Въ 1831-мъ году вопросъ о безнравственности поэтическихъ сочиненій былъ вновь поднятъ журналистами. Поводъ къ этому былъ данъ разсужденіемъ Е. А. Боратынскаго, приложеннымъ къ поэмѣ „Наложница" и вызвавшимъ любопытные отзывы Полевого и Надеждина (*Е. А. Боратынскій.* Полное собраніе сочиненій. Петроградъ, 1915 г., т. II, стр. 74 — 81. — *Московскій Телеграфъ*, 1831 г., ч. XXXVIII, № 6, стр. 235 — 237. — *Телескопъ*, 1831 г., № 10, стр. 234 — 236. — Ср. *Современникъ*, 1836 г., т. II, стр. 298).

— (*Стр. 114, строка 9*). Неаполитанская вольноотпущенница Гратидія, въ виду своихъ сѣдыхъ волосъ, получила отъ Горація прозвище „Канидія". Римскій поэтъ, поссорившись съ этой женщиной, можетъ быть, возмущаясь ея неблаговиднымъ поведеніемъ, преслѣдовалъ ее

lib.pushkinskijdom.ru

въ своихъ произведеніяхъ и изображалъ колдуньей. Въ пятомъ эподѣ она представлена въ видѣ отвратительной фуріи, собирающейся уморить похищеннаго ею мальчика, чтобы изъ его печени и мозга костей сдѣлать любовный напитокъ.

— (*Стр. 114, строки 16 — 18*). Одинъ изъ нашихъ критиковъ — Н. И. Надеждинъ, только что напечатавшій въ *Вѣстникѣ Европы* отрывки изъ своей докторской диссертаціи, гдѣ сдѣлана оцѣнка творчества Шекспира и Байрона. „Наша Романтическая Поезія", пишетъ онъ: „есть настоящее лобное мѣсто — настоящая торговая площадь. Одинъ поетическій взмахъ проливаетъ нынѣ болѣе крови, чѣмъ грозная муза *Шекспира* во всѣхъ своихъ мрачныхъ произведеніяхъ.... Да и притомъ — развѣ ета зловѣщая мрачность, услаждающаяся одними кровавыми жертвами, составляетъ высочайшее достоинство котурна *Шекспирова*?... Кровожадная дикость Британскаго пѣвца была не что иное, какъ печальная тѣнь вѣка, въ коемъ сила духа, предоставленная самой себѣ, клокотала и клубилась, не презирая, а не зная границъ, поставляемыхъ законами чувства нравственнаго". Въ другомъ мѣстѣ диссертаціи Надеждинъ въ такихъ выраженіяхъ отмѣчаетъ особенности поэзіи автора „Странствованій Чайльдъ-Гарольда". „Для *Байрона* вселенная есть не что иное, какъ мрачная юдоль вѣчной ночи, по которой печально скитаются блѣдные призраки, то цѣпенѣя отъ смертнаго хлада, то сожигаясь въ губительномъ пламени, на минуту вспыхивающемъ и опять угасающемъ. Жизнь человѣческая есть кровавое пиршество, отравленное адскою желчію смерти и отбиваемое другъ у друга съ свирѣпымъ остервененіемъ (sic) тѣнями, томимыми лютою алчбою. И столь отвратительнымъ зрѣлищемъ любоваться и заставлять любоваться другихъ — можетъ ли сердце, сотканное изъ плоти человѣческой и облитое кровью человѣческой?..

lib.pushkinskijdom.ru

По истинѣ — *сатанинское* ожесточеніе потребно для того, чтобы, заволокши прекрасный Божій свѣтъ могильной мглою, святотатски угашать играющіе на немъ лучи вѣчнаго Изящества“ (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., ч. 170, № 1, стр. 24 — 25, 32 — 33).

О поэзіи романтической самъ Пушкинъ высказывалъ однородныя сужденія, называя ее „словесностію отчаянія“, „словесностію сатанической“, „каторжной“, „кровавой“, и утверждая, что „въ романтическомъ театрѣ ужъ слишкомъ много преступленій“ (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 295. — Настоящій томъ, стр. 309).

— (*Стр. 114, строка 20*). „Федра“ — извѣстная трагедія Расина (1677 г.), переведенная на русскій языкъ В. Г. Анастасевичемъ (1805 г.), М. Е. Лобановымъ (1823 г.), Г. Окуловымъ (1824 г.) и И. Б. Чеславскимъ (1827 г.).

— (*Стр. 115, строки 7 — 8*). Выраженіе „Вѣдьма съ прыщиками на лицѣ“ заключаетъ въ себѣ намекъ на слѣдующія слова Надеждина: „... и *прыщикъ* можетъ имѣть поэтическое достоинство... не на прекрасномъ личикѣ *Деліи*, а на красной рожѣ кухарки *Аксиньи* — въ каррикатурномъ зрѣлищѣ: ибо онъ тамъ можетъ возбуждать *поэтическій* — смѣхъ... основаніе *комическаго* услажденія!... И ето ни чуть не низко для Поэзіи!“ (*Вѣстникъ Европы*, 1830 г., ч. 171, № 7, стр. 214).

— (*Стр. 115, строки 21 — 23*). Собачьей дочерью Простакова бранитъ не Палашку, а Еремѣевну (ср. стр. 117, строки 13 — 14), а канальями считаетъ всѣхъ своихъ людей вообще. О себѣ самой она отзывается такъ: „ У меня материно сердце. Слыхано ли, чтобъ сука щенятъ своихъ выдавала?“ („Недоросль“. Дѣйствіе II, явленіе VI; дѣйствіе III, явленія III и IV; дѣйствіе V, явленія III и IV.

— (*Стр. 116, строки 6 — 24*). Въ письмѣ къ А. Ѳ. Воейкову (1831 г.) Пушкинъ предлагаетъ „осмѣять les

lib.pushkinskijdom.ru

précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ“ (Переписка, т. II, стр. 309).

— (*Стр. 117, строки 5 — 9*). Историческій романъ — „Юрій Милославскій“ М. Н. Загоскина (1829 г.); газета — *Сѣверная Пчела*, гдѣ было сказано: „Слогъ и языкъ Автора неправильны до крайности. На рѣдкой страницѣ не найдешь грамматической ошибки... Странно и непріятно видѣть ошибки даже въ склоненіи и спряженіи словъ!... Не говоримъ о странной Орѳографіи.... Но какъ не замѣтить грубыхъ, противныхъ вкусу выраженій: „гости порядкомъ подгуляли (стр. 256 III ч.); шибко дерутся, *собачьи дѣти!* (стр. 68 III ч.). И этого-то *собачій сынъ* не умѣлъ сдѣлать!“ Какъ мило! Неужели Авторъ не подумалъ, что книга его можетъ попасться въ руки дамамъ, можетъ войти въ учебныя заведенія?...“ (*Сѣверная Пчела*, 1830 г., № 9).

— (*Стр. 117, строка 7*). Авторъ „fashionable tales“ названъ поэтомъ. Это былъ Constantin Henry Philipps, marquis de Normanby (род. 15-го мая 1797 г., ум. 28-го іюля 1863 г.), англійскій государственный дѣятель и писатель, авторъ многихъ разсказовъ и небольшихъ романовъ.

— (*Стр. 117, строки 17 — 18*). „Модная жена“ — сказка И. И. Дмитріева (1791 г.). По поводу этого произведенія и шутливыхъ одъ Державина Пушкинъ имѣлъ случай высказаться въ другомъ мѣстѣ: „Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену*, сей прелестный образецъ легкаго и шутливаго разсказа? А эротическія стихотворенія Державина?“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 421).

---

lib.pushkinskijdom.ru

53.

[ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ].

(Стр. 117—119).

Замѣтки эти находятся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2387 А, лл. 18 об., 67, и впервые напечатаны въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 213—215, и въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 299—300. Изъ первоначальныхъ варіантовъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе:

Стр. 117, строки 20—21: . . . критики замѣтили *у меня* . . . .
» 117, » 23—24: . . . гораздо неправильнѣе *чѣмъ стихами* . . .
» 118, » 2—3: . . . *пишутъ рѣшаетъ вмѣсто рѣшитъ*.
» 118, » 18: . . . телеги *обыкновенно* запряжены . . .
» 118, » 20—21: . . . слава Богу, не *изъясняющаго* какъ мы своихъ мыслей на *ино‹странномъ›* языкѣ . . .
» 119, » 1: . . . Альфіери *учился* Италіянско‹му› язык‹у› . . .
» 119, » 6—7: . . . въ немъ *часто или не слышны или* измѣнены . . .
» 119, » 7: . . . *ношлегъ, а иногда* нослегъ . . .
» 119, » 10—11: . . . а *ихъ* прывыкли *совать*.

— (*Стр. 117, строки 20 — 23*). Литературные критики пушкинской эпохи придавали большое значеніе стилю разбираемыхъ писателей; такъ поступили они и съ великимъ поэтомъ, тщательно отмѣчая неудачные, съ ихъ точки зрѣнія, обороты рѣчи и выраженія. „Къ числу небольшихъ ошибокъ въ стихахъ“, писалъ П. А. Плетневъ въ своей статьѣ о „Кавказскомъ Плѣнникѣ“: „мы относимъ въ сей поэмѣ слѣдующее мѣсто:

lib.pushkinskijdom.ru

Въ часъ ранней, утренней прохлады,
Остановлялъ онъ долго взоръ
На отдаленныя громады
Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ".

(*Соревнователь Просвѣщенія и Благотворенія,* 1822 г., ч. XX, № 10, стр. 43).

Однородныя неправильности указаны Н. И. Надеждинымъ въ другомъ произведеніи — „Полтавѣ", гдѣ ему не понравились стихи:

Не онъ ли *помощь* Станиславу
Съ негодованьемъ *отказалъ?*

„У насъ, кажется", говоритъ рецензентъ: „можно *отказывать что-нибудь* только въ завѣщаніяхъ послѣ смерти! Но куда, правда, соваться намъ съ подобными замѣчаніями, когда въ Полтавѣ — *самъ Мазепа сватался свою крестницу и былъ отказанъ?*" . . . (*Вѣстникъ Европы,* 1829 г., № 9, стр. 42).

Подобные отзывы не ускользнули отъ вниманія Пушкина, который, будучи „взыскательнымъ художникомъ", весьма охотно исправлялъ свои стилистическія погрѣшности. Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 14-го октября 1823 г. указано, что стихъ: „Остановлялъ онъ долго взоръ", долженъ быть передѣланъ такъ: „Вперялъ онъ неподвижный взоръ". „Какъ бишь у меня?" спрашиваетъ мѣсяцъ спустя поэтъ своего друга: *„Вперялъ онъ неподвижный взоръ?* Поставь *любопытный*, а стихъ все-таки Калмыцкій". Черезъ годъ Пушкинъ опять вспомнилъ этотъ стихъ, намѣреваясь предпринять новое изданіе поэмы. „Продай на годъ Кавказскаго Плѣнника за 2000 рублей, кому бишь?" писалъ онъ брату Льву Сергѣевичу: „Вотъ перемѣны: И *путникъ* оживаетъ — и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ — Вперялъ онъ любопытный

lib.pushkinskijdom.ru

взоръ“ (Переписка, т. I, стр. 77, 86, 117). Въ изданіи 1835 г. Пушкинъ возвратился къ варіанту: „Вперялъ онъ неподвижный взоръ“ (Поэмы и повѣсти. СПб. 1835 г., ч. I, стр. 163).

Въ поэмѣ „Полтава“ также были произведены перемѣны. Первоначально стихи I пѣсни:

Всѣмъ женихамъ отказъ — и вотъ
За ней самъ гетманъ сватовъ шлетъ,

были снабжены примѣчаніемъ: „Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ свою крестницу, но былъ отказанъ“ (изданіе 1829 г., стр. 85). Впослѣдствіи вторая половина фразы подверглась исправленіямъ, и въ изданіи 1835 г. читаемъ: „Мазепа въ самомъ дѣлѣ сваталъ крестницу, но ему отказали“ (Поэмы и повѣсти. СПб. 1835 г., ч. II, стр. 157).

Подъ вліяніемъ журнальныхъ критиковъ были устранены еще три „грамматическихъ ошибки“ въ поэмѣ „Русланъ и Людмила“, драмѣ „Борисъ Годуновъ“ и стихотвореніи „Буря“ (1825 г.). Описаніе утра въ замкѣ Черномора начиналось словами:

Ужъ утро хладное сіяло
На *темь* полунощныхъ горъ,
Но въ дивномъ замкѣ все молчало

(Изданіе 1820 г. — См.[1]) т. II, стр. 124).

Позднѣйшая редакція второго стиха измѣнена:

На *темени* полнощныхъ горъ

(Поэмы и повѣсти. СПб. 1835 г., ч. I, стр. 60).

Затѣмъ, въ разсказѣ Пимена была фраза: „Онъ ‹Іоаннъ Грозный› говорилъ Игумену и братьи“ (*Московскій Вѣст-*

1) Вторичныя ссылки послѣ авторизованнаго текста относятся къ академическому изданію.

lib.pushkinskijdom.ru

никъ, 1827 г., ч. I, № 1, стр. 7), чего нѣтъ въ изданіи 1831 г., гдѣ значится: „Онъ говорилъ Игу*мну и всей* братьи“ (Изданіе 1831 г. — См. т. IV, стр. 64, и примѣчанія, стр. 98).

Наконецъ, седьмой стихъ въ піесѣ „Буря“: „И вѣтеръ *воилъ* и леталъ“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1827 г., ч. I, № 2, стр. 91), черезъ два года передѣланъ поэтомъ, и глагольная форма „воилъ“ опущена:

И вѣтеръ *бился* и леталъ.

(Изданіе 1829 г., стр. 69 — 70. — См. т. IV, стр. 184, и примѣчанія, стр. 261).

По словамъ Анненкова, Пушкинъ „подвелъ общій итогъ“ „филологическимъ указаніямъ и изслѣдованіямъ критики“ и „благодарилъ за указаніе 5-ти грамматическихъ ошибокъ въ его сочиненіяхъ“. „Вся груда журнальныхъ разсужденій, весьма любопытныхъ“, „сводится на эту скромную цифру“. „Таковъ результатъ многихъ годовъ письма, многаго шума и многихъ соображеній тогдашней филологіи: онъ все-таки значительнѣе того, что осталось послѣ эстетической критики этого времени!“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 299).

— (*Стр. 117, строки 23—24*). Въ 1830 г. Пушкинъ могъ быть знакомъ съ произведеніями Гоголя: „Ганцъ Кюхельгартенъ“ и „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“. — О неправильности гоголевскаго слога см. статью № 78.

54.

[О ПРИЛИЧІИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ].

(Стр. 119—121).

Эта статья сохранилась въ Майковскомъ собраніи, принадлежащемъ Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 28, № 16), и напечатана съ значитель-

lib.pushkinskijdom.ru

ными пропусками въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 296 — 297. Автографъ даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 119, строка 13: ...новыя *сладкозвучныя но утомительныя* Размышленія...

» 119, » 16—17: ...бѣдный скептикъ *сумрачный* Делормъ *являлся*...

» » » » ...*умершій проказникъ* Делормъ...

» 119, » 21: *Казалось онъ* взялъ на себя обязанность...

» 119, » 23: ...коими наполнены *были* его стихотворенія...

» 119, » 27: ...*не* чинится...

» » » » ...чинится *невозможно* менѣе

» 119, » 28: ...коверкаетъ *какъ никогда.*

» » » » ...коверкаетъ *какъ никто.*

» 120, » 1—2: ...не существовали ни *критики* ни *пародисты.*

» 120, » 2—3: *Что вы думаете?* Какъ-же приняли молодаго проказника въ *журналахъ.* За него страшно. Кажется видишь *ихъ* негодованіе...

» 120, » 8—9: ...можно *воспѣвать* разбойниковъ и убійцъ *и не съ той* цѣлію *чтобъ доказывать какъ* не *хорошо* это ремесло —

» 120, » 10—11: ...*якобы слишкомъ* живыя картины наслажденій, простительны 20 лѣтнему поэту...

» 120, » 13: ...видѣть въ *поэтѣ* изверга...

» 120, » 15—16: *Стыдно* въ XIX вѣкѣ воскрешать чопорность...

» 120, » 17—18: ....*морочить* публику...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 120, строки 17—18: . . . *стараться обманывать публику*...
» 120, » 24—26: . . . сцена ночнаго свиданія *прелестна*; картина ревнивца посѣдѣвшаго вдругъ; разговоръ двухъ любовниковъ на море *достойны Байрона.*
» 120, » 27: . . . *истинно* романтическаго трагика—
» 120, » 28: . . . Musset первый, *кажется, во Франціи* . . .
» 120, » 31—32: . . . съ его мнѣніемъ, *что* трудно прилично выражать . . .

Важное значеніе статьи „О приличіи въ литературѣ“ выяснено Анненковымъ. „Въ 1830 году“, говоритъ онъ: „Пушкинъ встрѣтилъ первыя произведенія Альфреда де-Мюссе съ особеннымъ участіемъ. Находя возможность сказать по поводу французскаго автора нѣсколько словъ о своихъ отношеніяхъ къ тогдашней полемикѣ, онъ написалъ въ Болдинѣ . . . строки, съ которыми, конечно, нельзя согласиться во всемъ. Онѣ порождены досадою на журнальныя придирки и принадлежатъ скорѣе къ плану косвеннаго отраженія ихъ, чѣмъ къ настоящему обсужденію предмета, но и въ этомъ видѣ еще замѣчательны“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 296 — 297).

Въ частности, вопросъ объ отношеніи нашего поэта къ Мюссе былъ затронутъ Л. Н. Майковымъ, въ его книгѣ „Пушкинъ“: „Къ тридцатымъ годамъ, къ одной изъ тогдашнихъ поѣздокъ Пушкина въ Москву, относится разговоръ съ нимъ Шевырева о новой французской словесности. „Изъ новыхъ поэтовъ Франціи“, сообщаетъ Шевыревъ, — „сколько мы знаемъ, одинъ Альфредъ Мюссе нравился ему своимъ „Spectacle dans un fauteuil“. Вѣроятно, послѣдняя часть этого сочиненія, маленькая Поэма Hassan въ Байроновомъ стилѣ, пришлась особенно по вкусу Пушкина. Должно замѣтить, что А. Мюссе изо

lib.pushkinskijdom.ru

всей школы современныхъ стихотворцевъ Франціи, болѣе отличается мастерствомъ и окончанностью (sic) въ отдѣлкѣ стиха. Прочіе Поэты, по прежнему примѣру Гюго, этимъ пренебрегаютъ, особенно въ драматическомъ родѣ: Пушкинъ, какъ истинный художникъ формы и первый мастеръ своего поколѣнія, не могъ сочувствовать такому искаженію формъ. Кромѣ того, онъ не могъ раздѣлять и воззрѣнія Поэтовъ Французскихъ на жизнь и искусство" (*Московскій Наблюдатель*, 1837 г., іюнь, кн. 1-я, стр. 318—319). Въ этихъ словахъ Шевырева слѣдуетъ однако различать его догадки отъ фактическихъ указаній. Пушкинъ дѣйствительно питалъ мало расположенія къ французскимъ романтикамъ, талантъ Гюго признавалъ лишь второстепеннымъ и только первые поэтическіе опыты Мюссе встрѣтилъ открытымъ сочувствіемъ, но и у него онъ хвалилъ не изящество формы, а самобытныя проявленія творчества въ драматическомъ очеркѣ: „Les marrons de feu", „живость необыкновенную" — въ стихотворной повѣсти „Portia" и умѣнье схватить тонъ шуточныхъ произведеній Байрона, „что вовсе не шутка", — въ другой тоже стихотворной повѣсти „Mardoche". Напротивъ того, въ своемъ отзывѣ о Мюссе Пушкинъ вовсе не упоминаетъ о той поэмѣ его въ Байроновомъ стилѣ, которую Шевыревъ называетъ „Hassan", хотя въ подлинникѣ ея названіе „Namouna" (*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 352).

По словамъ П. Н. Сакулина, Пушкинъ вообще ставитъ Мюссе „выше всѣхъ французскихъ поэтовъ молодой школы". „Съ Мюссе не сравнится ни Ламартинъ, ни Гюго, ни даже Делормъ. Пушкина радуетъ, что, когда „строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей французской литературѣ", и Делормъ подчинился этому распоряженію, „молодой проказникъ" смѣло пошелъ противъ теченія, и его талантъ покорилъ своихъ критиковъ: „Откровенная

lib.pushkinskijdom.ru

шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдывать“... „Давно бы такъ, милостивые государи“, прибавляетъ Пушкинъ столько же по адресу французскихъ журналистовъ, сколько своихъ собственныхъ судей“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 379).

Мюссе, съ точки зрѣнія Пушкина, великій лирикъ и остроумный писатель, которому „присущи и иронія, и философскія идеи“. Онъ—„сынъ Аполлона“, обладающій „талантомъ просто выражать простыя вещи“, поэтъ, хотя и усвоившій тонъ Байрона, но оставшійся оригинальнымъ и, изъ всѣхъ французскихъ романтиковъ, наименѣе гоняющійся за формой (*А. О. Смирнова*. Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 93, 187, 285, 297, 328). Вмѣстѣ съ княземъ П. А. Вяземскимъ, Пушкинъ угадалъ въ Мюссе выдающагося художника, когда послѣдній „еще шалилъ и faisait ses farces dans „Les contes espagnols“ (Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. III, стр. 289). Отношеніе къ Мюссе французской журнальной критики понравилось Пушкину, отмѣтившему большое доброжелательство и широту воззрѣній рецензентовъ, не смущавшихся при чтеніи соблазнительныхъ сценъ.

J'aime les contes d'Espagne et d'Italie, parce que j'y trouve nécessité et liberté“, пишетъ сотрудникъ *Journal des Débats*: „Figurez-vous que l'auteur est tout jeune homme. Or, n'est-il pas déjà beau qu'un tout jeune homme n'attende pas pour rimer que le général Foy meure ou que Missolonghi succombe? N'est-il pas beau qu'il ne se soit pas mis à l'affût des morts et des naissances importantes, pour avoir des sujets? Point de lieux communs, point de lambeaux poétiques, point de centons de collège, mais des vers francs, pris de volée, une verve folle, un libertinage d'esprit met la critique en belle humeur. Le fonds n'est rien; deux ou trois anecdotes

lib.pushkinskijdom.ru

de fantaisie, immorales à faire rougir, et d'un assez médiocre intérêt, voilà tout. Cela ne se serait pas appelé un sujet, du temps que ce n'était pas le poëte qui fécondait le sujet, mais le sujet qui fécondait le poëte; à présent cela s'appellera de la poésie, car on aime mieux un poëte sans sujet qu'un gros sujet sans poëte... Ainsi, tandis que nous nous démandons, pauvres critiques, où pourra se rajeunir l'art, et que nous allons en éclaireurs cherchant les sources inconnues, voilà qu'un talent neuf, original, nous vient des bancs du collège, et nous fait ouvrir de grands yeux à des vers comme ceux-ci:

O, vieillards décrépis! têtes chauves et nues!

. . . . . .

Ces beaux vers sont gâtés par de si étranges folies, qu'on a cru d'abord qu'en exagérant les défauts de la nouvelle école, M. de Musset voulait lui déclarer la guerre. Mais, outre que ce dessein allait mal à un homme si jeune, M. de Musset aurait pu, en definitive, en être la dupe; car en imitant de mauvaises choses, il s'exposait à ce qu'on lui en fît une faute personnelle. On s'est aussi fort intrigué de le voir, au début, chanter le concubinage, l'adultère, et le meurtre qui finit ces sortes d'affaires en Espagne et en Italie. Mais il paraît que cette rouerie est toute poétique; que notre jeune homme a une figure rose et sans barbe, et qu'il lit ses vers devant sa mère, qui n'en dort pas moins tranquille. C'est une raison de plus pour l'engager à prendre d'autres Muses. Le privilège de son âge est d'avoir des illusions dorées, une foi naïve au bien, un besoin d'estimer les hommes. Pourquoi donc se faire corrompu de si bonne heure, et se jouer avec les vices, quand on quitte à peine les hochets du collège? Cela n'est-il pas contre nature, de scandaliser avec une bouche si jeune, et d'être à la fois, pur de coeur et effronté de paroles? Vous avez sans doute entendu des jeunes gens, à peine sortis des classes, parler

lib.pushkinskijdom.ru

fort mal des femmes, et se vanter d'en savoir beaucoup, de peur de passer pour ne rien savoir. Eh bien! C'est là le ton des vers de M. de Musset. Il aime mieux qu'on le croie roué qu'innocent; mais, malgré lui, sa jeunesse fleurie et sa fraîche imagination le trahissent, et j'ai bien peur que ce maître libertin de vingt ans n'ait pas réussi auprès des gens d'expérience à se faire croire tout à fait mauvais sujet. Dans un poëte du caractère et du génie de lord Byron, la rouerie même a de la grandeur, parce qu'elle cache un mépris profond de l'humanité, et qu'elle est la réaction naturelle d'un homme irrité et fort, contre une société qui ne veut pas de ses vices au prix même de sa gloire. Dans un jeune homme, ce n'est que du dandisme" (*Journal des Débats*, 1830, 8 avril).

— (*Стр. 120, строка 2*). François-Benoît Hoffmann (род. въ 1760 г., ум. въ 1828 г.) и Charles-Jean-Auguste-Maximilien de Colnet du Ravel (род. въ 1768 г., ум. въ 1832 г.) — французскіе литераторы и критики. Сочиненія Кольне сохранились въ пушкинской библіотекѣ (*Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 209, № 811).

— (*Стр. 120, строки 15—20*). Возставая противъ чопорности и лицемѣрія критиковъ, Пушкинъ писалъ въ статьѣ о „Графѣ Нулинѣ": „Всѣ эти господа, столь щекотливые на счетъ благопристойности, напоминаютъ стыдливость Тартюфа, накидывающаго платокъ на открытую грудь Дорины, и заслуживаютъ забавное возраженіе горничной:

Vous êtes donc bien tendre à la tentation,
Et la chair sur vos sens fait grande impression!
Certes, je ne sais pas quelle chaleur vous monte:
Mais à convoiter, moi, je ne suis point si prompte,
Et je vous verrais nu, du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenterait pas"...

lib.pushkinskijdom.ru

(*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 421.— Ср. Tartufe. Acte III, scène II).

Эта же цитата изъ комедіи Мольера приведена, годъ спустя, Н. А. Полевымъ въ рецензіи на поэму Е. А. Боратынскаго „Наложница“ (1831 г.) и представляетъ собою „шутливый“ отвѣтъ „нравственно-литературнымъ Тартюфамъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1831 г., ч. XXXVIII, № 6, стр. 237).

— (*Стр. 120, строки 22 — 23*). „Contes d'Espagne et d'Italie“, въ изданіи 1830 г., пріобрѣтены Пушкинымъ и находятся въ его библіотекѣ (*Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 297, № 1204).

— (*Стр. 120, строка 30 — стр. 121, строка 1*). Въ 21-ой строфѣ XIV пѣсни „Донъ-Жуана“ Байронъ утверждаетъ, что легче описать необыкновенныя жизненныя явленія, чѣмъ обыденную жизнь свѣтскаго общества:

«*Haud ignara loquor*»; these are *Nugae*, «*quarum*
Pars parva *fui*», but still art and part.
Now I could much more easily sketch a harem,
A battle, wreck, or history of the heart,
Than these things; and besides, I wish to spare'em,
For reasons which I choose to keep apart.
«*Vetabo Cereris sacrum qui vulgarit*» —
Which means, that vulgar people must not share it.

(*Lord Byron*. The Works. London, 1903, vol. VI, p. 521).

— (*Стр. 121, строка 2*). Difficile est proprie communia dicere — 128-ой стихъ изъ сочиненія Горація „De arte poëtica“. — Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. II, № 5, стр. 44: „Донъ-Жуанъ почитается однимъ изъ лучшихъ, и едва-ли не лучшимъ произведеніемъ Байрона. Difficile est proprie communia dicere, сказалъ великій сей Поэтъ, издавая Донъ-Жуана. Онъ чувствовалъ, какъ тяжело

lib.pushkinskijdom.ru

было ему бороться съ своимъ предметомъ, и тѣмъ славнѣе былъ его подвигъ, тѣмъ громче торжество".

— (*Стр. 121, строка 5*). Pisones — сыновья консула Люція Кальпурнія Пизона, которымъ Горацій посвятилъ свое посланіе „De arte poëtica".

— (*Стр. 121, строки 5 — 6*). По справедливому замѣчанію Б. В. Никольскаго, „предметъ Донъ-Жуана не принадлежитъ исключительно Байрону, будучи изъ числа такъ называемыхъ *переходящихъ сюжетовъ*".

55.

КРИТИКА ВООБЩЕ. КРИТ‹ИКА› НАУКА —

(Стр. 121).

Эта замѣтка находится въ Майковскомъ собраніи, принадлежащемъ Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 28, № 15), и печатается впервые. Въ автографѣ есть первоначальные варіанты.

Стр. 121, строка 7: Критика *искуство* открывать красоты....

» 121, » 8—9: Она основана на *изученіи* правилъ *искуства и литературы*...

» 121, » 10—12: *Она обязана изучать ‹нововведенія›*...

» » » » *Она обязана слѣдовать за нововведеніями изучить ихъ безпристрастно, подвергать ихъ высшему суду*...

» 121, » 13—14: — кто въ критики руководствуется *чѣмъ инымъ* кромѣ чистой любви къ искуству...

» 121, » 14: ...*какимъ* бы то ни было *побужденіемъ*...

» 121, » 15: ...тотъ *не критикъ*...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 121, строка 15: ...тотъ уже *недостоинъ званія* <критика>...

» 121, » 16: ...низкими *или* корыстными побужденіями *себялюбія* —

„Критику вообще", пишетъ Анненковъ: „Пушкинъ понималъ весьма строго. Онъ не любилъ въ ней характера диллетантства, легкаго пониманія вещей и требовалъ отъ нея спеціальнаго знакомства съ предметомъ и серьезнаго изложенія. Для критики художественныхъ произведеній искусства онъ прибавлялъ къ этому еще другое качество — чистую любовь къ искусству. „Гдѣ нѣтъ любви къ искусству — тамъ нѣтъ и критики", говорилъ онъ" (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы. 2-е изданіе. СПб. 1873 г., стр. 240).

Вліяніе знаменитаго Винкельмана отразилось на замѣткѣ Пушкина. Нѣмецкій ученый также требовалъ отъ изслѣдователей въ области искусства и знанія правилъ, коими руководствуются художники, и детальнаго знакомства съ памятниками, и высокой любви къ изучаемому предмету. „L'objet d'une Histoire raisonnée de l'Art", пишетъ онъ: „est de remonter jusqu'à son origine, d'en suivre les progrès et les variations jusqu'à sa perfection, et d'en marquer la décadence et la chute jusqu'à son extinction. *Une Histoire de l'Art conçue dans ces principes, doit faire connoître les différens styles et les divers caractères des peuples, des tems et des Artistes: elle doit constater les faits, autant qu'il est possible, par des monumens de l'Antiquité parvenus jusqu'à nous.* — [1]) Il a paru quelques ouvrages sous le titre d'Histoire de l'Art; mais l'Art y a eu peu de part. *Les Auteurs de ces ouvrages, n'ayant pas suffisamment étudié leur matière, n'ont pu nous donner que des redites. Il est peu d'Ecrivains qui nous fassent connoître l'essence même de l'Art.* La plupart de ceux

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

qui traitent des Antiquités, ne discutent que les parties qui prêtent à faire briller leur érudition. Quand ils parlent de l'Art, ils le font toujours de façon, qu'ils se répandent en éloges généraux, ou qu'ils fondent leur jugement sur de faux principes... *Il est donc très difficile, pour ne pas dire impossible, d'écrire hors de Rome un ouvrage solide sur l'Art antique et sur les Antiquités peu connues; mais il est encore plus difficile de saisir la connaissance de l'Art dans les ouvrages des Anciens: après les avoir vus cent fois, on y fait encore de nouvelles découvertes.* Mais la plupart des soi-disans connoisseurs de l'Art pensent acquérir les notions de l'antique, en promenant *avec indifférence* leurs regards sur les monumens, à-peu-près comme certains amateurs de Belles-Lettres croient saisir les principes de la littérature en lisant des journaux. Vous entendez ceux-là raisonner d'un ton tranchant sur le Laocoon, comme ceux-ci sur Homère, et cela devant des gens qui ont passé bien des années à étudier l'un et l'autre. Aussi parlent-ils du plus grand des poètes comme la Mothe, et de la plus parfaite des statues comme l'Arétin. En général la plupart des Savans qui ont écrit sur ces matières, sont comme les fleuves, qui s'enflent lorsqu'on n'a besoin de leurs eaux, et qui restent à sec lorsque leurs eaux seroient le plus nécessaires" (*Winckelmann.* Histoire de l'art chez les anciens. Traduite de l'allemand par M. Huber. Paris, 1789, t. I, pp. II—III, XV—XVI. Ср. *Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 365, №1502)[1]).

Завѣтъ Пушкина критикамъ: „искать красотъ въ созданіяхъ художника", всецѣло совпадаетъ съ воззрѣніями А. С. Грибоѣдова, высказанными въ статьѣ: „О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады: „Ленора"

1) Винкельмана Пушкинъ зналъ съ юности, такъ какъ Н. Ѳ. Кошанскій читалъ лекцію по исторіи искусства, руководствуясь книгой Винкельмана [„Памяти Л. Н. Майкова". СПб. 1902 г., стр. 184, 196 — 197 (статья А. І. Малеина). — *А. И. Кирпичниковъ.* Очерки по исторіи новой русской литературы. М. 1903 г., т. II, стр. 75].

lib.pushkinskijdom.ru

(1816 г.): „Естьли разбирать твореніе для того, чтобы опредѣлить, хорошо ли оно, посредственно или дурно, надобно прежде всего искать въ немъ красотъ. Естьли ихъ нѣтъ — не стоитъ того, чтобы писать критику; если-жъ есть, то разсмотрѣть, какого онѣ рода? Много ли ихъ или мало? Соображаясь съ этимъ только, можно опредѣлить достоинство творенія“ (*А. С. Грибоѣдовъ*. Полное собраніе сочиненій. Изданіе Академіи Наукъ. П. 1917 г., т. III, стр. 25).

— (*Стр. 121, строки 15 — 16*). Толпа, управляемая низкими, корыстными побужденіями, изображена въ стихотвореніи „Чернь“.

56.

[О ДРАМѢ].

(Стр. 121—130).

Эта статья извѣстна въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2387 Б, лл. 31 — 35, 63 — 67. Общій очеркъ исторіи европейской драмы появился впервые въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 242 — 248, и перепечатанъ въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 103 — 108, а разборъ піесы М. П. Погодина „Марѳа Посадница“ помѣщенъ въ *Москвитянинѣ* 1842 г., ч. V, № 10, стр. 462 — 465. Въ рукописи много помарокъ. Первоначальныя чтенія исправленныхъ строкъ даютъ слѣдующіе варіанты.

Стр. 122, строки 5—6: — вліяніе его на нынѣшнюю Фр⟨анцузскую⟩ *поэзію* —

» 122, » 21—22: . . . мы все еще *думаемъ* . . .

» 122, » 23—24: Почему-же Статуи разкрашенныя *и слѣдственно ближайшія къ природѣ* нравятся намъ менѣе *бѣл⟨ыхъ⟩* . . . .

» 122, » 25—26: Почему *стихи нравятся болѣе ⟨прозы?⟩*.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 122, строки 32–33: Читая поэму, романъ, мы *до нѣкоторой степени* можемъ *вообразить* что *читаемъ Истинну* —

» 122, » 34:

» 123, » 1: . . . поэтъ изображалъ настоящія свои чувствованія, списывалъ истин‹ныя› обстоя‹тельства› —

» 123, » 2: . . . въ *залѣ* раздѣленномъ . . .

» 123, » 3–4: . . . которые *условились* etc. etc.

» 123, » 5–6: . . . соблюденіи костюма, *мѣстныхъ* красокъ . . .

» 123, » 7: . . . *траг‹ическіе›* пис‹ателя›. . . .

» 123, » 8–12: У Шекспира *Коріоланъ и Кассій сбиваются на* Лондонскихъ Алдермановъ. У Кальдерона Коріоланъ бросаетъ перчатку *Римск‹ому› Сенатору*. У Расина *Агамемнонъ* говоритъ языкомъ *придворнаго Людовика XIV*.

» 123, » 13–14: Римляне *у* Кор‹неля› *были похожи на* Гасконск*ихъ* Баронов*ъ*.

» 123, » 15: Совсѣмъ тѣмъ, *всѣ сіи поэты* . . .

» 123, » 22: Народъ какъ *любопытныя* дѣти . . .

» 123, » 25: *Драма* преимущественно выводила . . .

» 123, » 29–30: — *но* изображеніе страстей и *волненій* души *вѣчно неизмѣнной* для него всегда ново . . .

» 124, » 1–2: . . . . три струны нашего *сердца* . . .

» 124, » 2–3: Но смѣхъ *утомляется* скоро . . .

» 124, » 3: . . . *почти* невозможно . . .

» 124, » 5: *Аристофанъ* овладѣлъ ею исключительно, и *народной сатирѣ придалъ* форму драмм‹атическую› . . .

» 124, » 11–12: . . . въ *извѣстныхъ* обстоятельствахъ . . .

» 124, » 12: . . . вотъ чего требуетъ *сердце наше* . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 124, строки 14—15: ...перенеслася во *дворцы для увеселенія,* образованнаго, избраннаго общества.

» 124, » 16: Поэты *перешли* ко двору.

» 124, » 16: ...остается *все-таки* вѣрною...

» 124, » 18: Но тутъ что *болѣе всего* привлекаетъ...

» 124, » 26: ...*столь* сильнаго потрясенія —

» 124, » 27: ...отвратительные *ужасы*...

» 124, » 29: *Сдѣсь означимъ разницу между Трагедіей народной, Шексп‹ировой› и драм‹мой› придворной, Расинов‹ой›* —

» 124, » 31—32: ...съ увѣренностію ‹въ› своей *supériorité*...

» 125, » 1—2: При дворѣ поэтъ чувствовалъ себя *не на своемъ мѣстѣ*...

» 125, » 3: ...по крайнѣй мѣрѣ *по мнѣнію поэта и по ихъ собственному.*

» 125, » 4—5: Онъ старался *угождать* ут‹онченному вкусу›....

» 125, » 7: ...спѣсивыхъ своихъ *судей* —

» 125, » 9: привычка смотрѣть на *Царей и Го‹сударей?›* съ какимъ то *трепетнымъ* подобострастіемъ...

» » » » ....*смѣшнымъ* подобострастіемъ...

» » » » ....*лакейскимъ* подобострастіемъ...

» 125, » 11: ...не человѣческій образъ изъясняться...

» 125, » 13—14: ...Агам‹емнонъ› будитъ *воина и* говоритъ ему..:

» 125, » 19—20: ...то *все это намъ кажется простительны‹мъ›* ибо мы *знаемъ* что *высокіе люди не чуждаются просторѣчія*....

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 125, строка 21: . . . языкъ понятный *народу* . . .
» 125, » 23: . . . . . *развивать* выгоды и невыгоды . . .
» 125, » 24: . . . . существенныя разницы *трагедій* . . .
» 126, » 1: . . . *без*смыслія . . .
» 126, » 4: Сіи вялыя холодныя *надутыя* произв‹еденія› . . .
» 126, » 5: . . . на народные *обычаи* —
» 126, » 7: Онъ попытался *сдѣлать* Трагедію народную —
» 126, » 15—17: . . . лучшее произведеніе нашей *Сцены*, по силѣ *стиховъ* но *уму* трагическому . . .
» 126, » 17: . . . не *воз*будила . . .
» 127, » 1—2: . . . *забудетъ-ли она* свой разговоръ размѣренный и *чопорный*
» 127, » 2—3: *Какъ ей привыкнуть* къ грубой откровенности *площади* . . .
» 127, » 3—4: . . . какъ ей вдругъ *перенять это равнодушіе къ высшимъ званіямъ* . . .
» 127, » 4—5: . . . какъ она *пойдетъ* безъ правилъ . . .
» 127, » 11—12: . . . услышитъ она *дѣтскую* критику *журналовъ*.
» 127, » 17: . . . станемъ *разбирать* . . .
» 127, » 18: . . . добросовѣстность его труда *безъ которой нѣтъ* истиннаго таланта.
» 127, » 20—21: . . . не угожда*я вкусу* общей масс*ы* читателей *управляемыхъ у насъ журналами* и *рѣшительно* не пріуготовленныхъ къ романтической драммѣ . . .
» 127, » 23: . . . *по* внутренн*ему* убѣжденію *своей совѣсти* . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 127, строка 24: ...*вольному* независимому вдохновенію...

» 127, » 24—25: ...въ *самомъ* трудѣ —

» 127, » 28—29: ...коихъ *дѣтская ничтожная критика* имѣетъ *рѣшительное* вліяніе не только на *массу чита<телей>*...

» 128, » 6: ...коего черты *долженъ былъ* угадать —

» 128, » 7: Сего *недовольно* — Драмм<атическій> Поэтъ...

» 128, » 11: ...клонить на одну *только* сторону....

» 128, » 12: ....не его *человѣческое* пристрастіе...

» 128, » 13—14: ...Но люди минувшихъ дней *но ихъ образъ выраженія страсти*...

» 128, » 15—16: Его дѣло *вывести мертвыхъ Исторію, и* минувшій вѣкъ во всей его истинѣ.

» 128, » 29: ...*посреди* Московск<*аго*> стана...

» 129, » 2: Здѣсь *его* могущество...

» 129, » 6—7: *Являются* послы новогородскіе...

» 129, » 7: *Наконецъ* является Іоаннъ—*окруженный своими воеводами* —

» 129, » 9—10: ...обвиненія сильныя *хитрая, притворная умѣренность*...

» 129, » 10—12: ... мы узнаемъ мощный Государственный его смыслъ, *сквозь простоту его языка и* мы слышимъ *языкъ* его вѣка — *Онъ умолкаетъ*—

» 129, » 13—14: Какъ *поэтъ понялъ* дипломатику русскаго, вольнаго Города!

» 129, » 17—18: Измѣна помогаетъ *явной* силѣ —

» 129, » 19: ...*поэти<чески>* не выдержанною.

» 129, » 21—22: ... не - драмматическое (т. е. не *истинное*) *терпѣніе* Іоанна.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 129, строка 23: ...нуженъ *былъ*...
» 129, » 27: ...лесть Влады‹ки›[1])...
» 130, » 2—3: ...когда *вступаетъ* онъ...
» 130, » 6: ...погибель его *дома* —
» 130, » 10: Таково *лицо* Іоанна...
» 130, » 12—13: ... знаетъ *его* коротко — и намъ *описываетъ*...
» 130, » 14: ...*словомъ* безъ шарлатанства.

Анненковъ считаетъ статью „О драмѣ“ интересной „по отношенію ко взгляду Пушкина на драму вообще“ и, перепечатавъ ея текстъ, сопровождаетъ его слѣдующими пояснительными замѣчаніями: „Она (статья) была напечатана въ смѣси посмертнаго изданія его сочиненій въ 1841 году, но въ ошибочномъ и перепутанномъ изложеніи, которое измѣнило мысли и намѣренія автора. Такъ извѣстное его предположеніе, что драма исключаетъ естественность и правдоподобіе въ обыкновенномъ смыслѣ слова, замѣнено было тамъ наоборотъ утвержденіемъ, что самая сущность драмы есть правдоподобіе[2]) и проч. и проч. Мы прилагаемъ здѣсь статью съ добавленіями и поправками, которыя возстановляютъ истинный текстъ ея, какъ онъ находится въ рукописи, гдѣ статья тоже раздѣлена на параграфы[3]). Остается сказать, что отрывокъ этотъ написанъ авторомъ по поводу народной драмы г. Погодина „Марѳа Посадница“, къ разбору которой онъ приступилъ въ 1830 году, какъ упомянуто въ біографическихъ матеріалахъ. Читатель легко замѣтитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что собственно это не статья, а черновая записка для статьи.

1) Сверху выписанъ стихъ изъ трагедіи:

Съ покорствомъ мнѣ борьба была бъ ‹труднѣе›...

2) Ср. Посмертное изданіе, т. XI, стр. 243: „Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ драматическаго искуства. Что, если докажутъ намъ, что и самая сущность драматическаго *искуства* есть именно это правдоподобіе?“

1) Въ рукописи дѣленія на параграфы нѣтъ. *Н. К.*

lib.pushkinskijdom.ru

Въ ней между прочимъ есть нѣсколько мѣстъ, напоминающихъ разныя пріуготовительныя замѣтки для предисловія къ „Борису Годунову“, и вообще она кажется сводомъ, хотя еще и неполнымъ, многочисленныхъ отрывковъ и соображеній Пушкина по поводу драмы. — Приводимъ здѣсь кстати нѣсколько отрывковъ изъ Пушкинскаго разбора „Марѳы Посадницы“, къ которому сама статья „О драмѣ“ должна была служить вступленіемъ“.

Въ этомъ вступленіи замѣтно „развитіе основной мысли писемъ о невозможности полной истины на театрѣ, замѣненной и древними трагиками, и новыми подражателями ихъ, и романтическими писателями — только *условной* правдоподобностью. Нить, связывающая всѣ виды драмы, по мнѣнію Пушкина, есть правдоподобіе характеровъ, истина чувствъ, и это мнѣніе далеко оставляло за собой тогдашніе споры, указывая почетное мѣсто въ области изящнаго Расину, Корнелю наравнѣ съ Шекспиромъ, Кальдерономъ и др.“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 136—137; т. VI, стр. 110—111[1]).

Въ этомъ вступленіи поэтъ намѣревался систематически развить свой взглядъ на драму, постепенно слагавшійся во время работы надъ „Борисомъ Годуновымъ“, подъ вліяніемъ чтенія трудовъ Гизо и Августа-Вильгельма Шлегеля, а также статей журнала *Le Globe*. Въ сочиненіяхъ знаменитыхъ изслѣдователей и блестящихъ, оригинальныхъ и остроумныхъ критиковъ нашелъ онъ подтвержденіе собственнаго мнѣнія о недостаткахъ французской классической трагедіи и о достоинствахъ твореній Шекспира. Здѣсь же ознакомился онъ съ тѣми принципами, которые

1) Ср *П. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1855 г., стр. 271: „Передъ разборомъ Марфы Посадницы, трагедіи г. Погодина, онъ (Пушкинъ) набросалъ въ отрывкахъ своихъ взглядъ на *драму* вообще Отрывки эти были напечатаны въ посмертномъ изданіи, съ искаженіемъ во многихъ мѣстахъ настоящаго ихъ смысла, что требовало уже не примѣчаній, а приложенія почти совсѣмъ новой статьи“.

lib.pushkinskijdom.ru

легли въ основу новой теоріи драматическаго искусства, и не могъ не признать ихъ большого значенія.

Въ прекрасномъ этюдѣ Гизо „Essai sur la vie et les oeuvres de Shakespeare[1]) сдѣлана тонкая и умная оцѣнка многихъ піесъ Шекспира, и высказано не мало мѣткихъ замѣчаній о драмѣ вообще. Недовольный французскими классиками, Гизо указываетъ на новое литературное движеніе, во главѣ котораго онъ ставитъ Шекспира. Онъ неудовлетворенъ и новымъ направленіемъ, если оно, разрушивъ старыя правила, не создастъ взамѣнъ ихъ своихъ и будетъ развиваться безъ системы. „Театральное искусство“, пишетъ Гизо: „имѣетъ свои относительныя правила, зависящія отъ мѣняющагося состоянія общества“. Безъ этого основанія нѣтъ ни истинной художественности, ни долговременнаго успѣха піесы. Изученіе Шекспира должно направить, по его мнѣнію, современные ему таланты на настоящую дорогу: „Шекспирова система можетъ представить планы, на основаніи которыхъ талантъ долженъ нынѣ работать“. Причисляя національность къ непремѣннымъ свойствамъ драмы, Гизо выше всего цѣнитъ единство впечатлѣнія: „Единство впечатлѣнія, первая тайна драматическаго искусства, было душою великихъ созданій Шекспира“.

Указанное единство тѣсно и неразрывно сливается съ единствомъ дѣйствія, какъ своей причиной, и возможно тогда, когда всѣ изображаемыя событія имѣютъ своимъ центромъ одно главное дѣйствующее лицо, которое и возбуждаетъ наибольшій интересъ зрителей. „Никакой

---

1) Этюдъ приложенъ къ летурнеровскому изданію сочиненій Шекспира, пересмотрѣнному и исправленному Гизо (1821 г.) [*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 337, № 1389]. „Я читалъ переводъ Гизо и его прекрасное введеніе“, сказалъ однажды Пушкинъ А. О. Смирновой (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., стр. 298. — Ср. *Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 330).

lib.pushkinskijdom.ru

фактъ не является изолированнымъ, непригоднымъ самой сути драмы; никакое связывающее звено не является неосновательнымъ или случайнымъ. Событія, будучи сгруппированы вокругъ главнаго дѣйствующаго лица, пріобрѣтаютъ, благодаря этому, извѣстное значеніе отъ того общаго впечатлѣнія, которое главное дѣйствующее лицо получаетъ, въ свою очередь, отъ нихъ; всѣ событія имѣютъ отношеніе къ этому лицу и исходятъ отъ него, оно начало и конецъ, орудіе и цѣль предначертаній божества, которому угодно, чтобы въ созданномъ имъ мірѣ все совершалось руками человѣка, но противъ его желаній". Главное дѣйствующее лицо должно быть выдержано и нигдѣ не измѣнять своимъ характернымъ и исключительнымъ чертамъ. „Благодаря выдержанности характера, мнѣній и намѣреній, создается то внутреннее единство, которое, пренебрегая пространствомъ и временемъ, заключаетъ всѣ составныя части извѣстнаго событія въ единомъ сжатомъ дѣйствіи, въ которомъ нельзя замѣтить пробѣловъ единства чисто внѣшняго". Гизо допускаетъ смѣшеніе трагическаго съ комическимъ, что̀ иногда даже способствуетъ общему трагическому впечатлѣнію, и признаетъ неумѣстнымъ введеніе въ драму эпическаго элемента, вѣстниковъ и наперсниковъ [*M. Guizot.* Shakspeare et son temps. Paris, 1852, pp. 138, 176, 179, 140, 178, 7, 152, 165—166, 103, 160, 169 (79), 171 (72)].

Другое сочиненіе, въ которомъ Пушкинъ нашелъ разрѣшеніе многихъ вопросовъ по теоріи драмы — „Cours de littérature dramatique" Августа-Вильгельма Шлегеля (1814 г.)[1]). Въ этомъ трудѣ данъ критическій обзоръ

1) Въ письмахъ поэта къ брату Льву Сергѣевичу можно встрѣтить просьбы о высылкѣ въ Михайловское „Schlegel (Dramaturgie)" [1825 г.]; кромѣ того, Пушкинъ не разъ упоминаетъ Шлегеля на ряду съ давнимъ любимцемъ Лагарпомъ (Переписка, т. I, стр. 190, 207, и настоящій томъ, стр. 101, 166. — Ср. *Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина, стр. 331, № 1356).

lib.pushkinskijdom.ru

классическаго и новѣйшаго театра разныхъ временъ и національностей; отдѣльныя главы, посвященныя французскимъ классикамъ и Шекспиру, представляютъ собою изящные этюды, въ которыхъ эрудиція ученаго соединена съ чуткостью художника. По словамъ Шлегеля, узаконенныя единства времени и мѣста не только не приносятъ пользы, но прямо вредны, въ виду невозможности, при соблюденіи ихъ, ни указать постоянный ростъ желаній человѣка и дѣйствіе на него времени, ни прибѣгнуть къ театральнымъ эффектамъ, иногда плохо вяжущимся съ единствомъ мѣста.

Неудобство это возникаетъ отъ точнаго соблюденія правилъ, извлеченныхъ изъ греческихъ піесъ, безъ обращенія вниманія на совершенно измѣнившіяся историческія условія. Поэтъ долженъ переноситься въ античный міръ и понять его, а французы, наоборотъ, надѣлили классическихъ героевъ всѣми утонченностями ихъ этикета; во французской обработкѣ историческихъ сюжетовъ сказалась та же ошибка: старинные обычаи и повѣрья замѣнены позднѣйшими и свойственными другой національности, что̀, конечно, лишило истины и оригинальности изображенія минувшихъ вѣковъ и народовъ. Александрійскій стихъ такъ же неудобенъ, какъ и единства: онъ болѣе годенъ для произнесенія поучительныхъ тирадъ, чѣмъ для выраженія движеній страсти, и его размѣренный шагъ не подходитъ къ быстрому, неровному полету мысли, возбужденной живой скорбью.

Къ числу несовершенствъ классической системы надо отнести созданіе типа наперсника и экспозицію, ибо, вмѣсто драматическаго дѣйствія, являются длинные разсказы. Заключеніе, къ которому пришелъ критикъ въ оцѣнкѣ французскаго театра, таково: „Французы полагаютъ, что создали свою трагедію, руководствуясь строгой идеей, но эта идея была вполнѣ отвлеченна. Они хотѣли

lib.pushkinskijdom.ru

соединить, безъ всякихъ стороннихъ прибавокъ, съ высшей утонченностью вкуса достоинство, величіе, поразительныя положенія, развитіе страстей и патетическій элементъ, которые приличны трагедіи; но на дѣлѣ они лишили ее всѣхъ этихъ свойствъ, уничтожили правдивость, глубину, жизненность — ея самыя характерныя черты.

Совершенно иначе относится Шлегель къ англійской драмѣ и къ ея великому родоначальнику. Англійская литература, по его мнѣнію, развилась, подобно испанской, самобытно, безъ чужеземныхъ воздѣйствій, и отличается романтизмомъ, отразившимся и на драматическихъ піесахъ. Романтическая сторона проявилась и въ освобожденіи отъ единствъ, и въ смѣшеніи комическаго съ трагическимъ. Шекспиръ — слава своей націи; по однимъ его твореніямъ можно судить о культурномъ состояніи его эпохи. Драмы его строго обдуманы: онъ много размышлялъ о выводимыхъ характерахъ, о развитіи страсти, ходѣ событій и связи ихъ между собою, объ общественныхъ отношеніяхъ, тайнахъ природы и неумолимости рока. Человѣческая личность выдвигается имъ впередъ и обусловливаетъ собой всѣ свои поступки. И эта личность — не воплощеніе отвлеченной идеи, а одарена жизнью, одухотворена. Англійскій трагикъ — мастеръ рисовать страсти, онъ раскрываетъ передъ зрителемъ исторію души и однимъ словомъ заставляетъ догадаться о прошломъ ея. Онъ отличается замѣчательной силой творческаго воображенія и проницательнаго ума и часто любитъ пародировать серьезныя стороны драмы. Смѣсь комизма съ трагизмомъ, встрѣчаясь въ жизни, находитъ себѣ оправданіе и въ драмѣ Шекспира. Историческія піесы его таковы, что мы на основаніи ихъ изучаемъ исторію безъ боязни когда-либо утратить разъ воспринятыя живыя впечатлѣнія. Жгучія страсти героевъ создали языкъ образный, полный метафоръ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихъ Шекспира — ямбъ, безъ риѳмы, въ 10 — 11 слоговъ, перемѣшанный съ риѳмованными стихами и прозой. Этотъ размѣръ наиболѣе удобенъ и для высокаго тона, и для простой безыскусственной рѣчи; употребленіе прозы или стиховъ имѣетъ у Шекспира свои основанія какъ въ расположеніи души, такъ и въ характерѣ и сословіи говорящаго.

Расхваливъ Шекспира и оцѣнивъ по достоинству его драмы, Шлегель пытается опредѣлить задачи нѣмецкихъ драматурговъ. Въ старинной національной поэзіи и преданіяхъ родной земли чуется ему непочатый, обильный источникъ для драмы. „Именно здѣсь“, пишетъ онъ: „поэты могли бы найти новые творческіе источники для блестящихъ, дивныхъ піесъ; а изъ самой исторіи они должны извлекать возвышенные сюжеты романтической трагедіи“.

„Какое широкое поприще для поэта, который, подобно Шекспиру, обладаетъ даромъ схватывать поэтическую сторону истинныхъ событій и умѣетъ соединить живость красокъ и твердость и точность кисти, наблюдая опредѣленный предметъ, съ всеобъемлющими мыслями и великодушнымъ энтузіазмомъ, возбужденнымъ возвышенными интересами человѣчества“ (*A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. II éd., Paris 1865, t. II, pp. 5 — 6, 12 — 13, 16, 23, 29, 31, 128, 134, 133, 147, 157, 162, 164—165, 163, 173—174, 249, 166, 179—181, 402—403).

Кромѣ сочиненій Гизо и Шлегеля, Пушкинъ, безъ сомнѣнія, былъ знакомъ съ интересными статьями, помѣщенными въ журналѣ *Le Globe*, знаменитомъ органѣ французскихъ романтиковъ. „Кабы зналъ что заживусь здѣсь“, писалъ онъ изъ Болдина князю П. А. Вяземскому: „я бы... завелъ переписку въ зососъ и съ подогрѣвцами т. е. на всякой почтѣ по листу кругомъ — и читалъ бы въ Ниже-

lib.pushkinskijdom.ru

городской глуши le Tems et le Globe“ (Переписка, т. II, стр. 188: письмо отъ 5-го ноября 1830 г.).

Сотрудниками *Le Globe* впервые смѣло провозглашенъ былъ въ литературѣ принципъ *свободы*, наравнѣ съ требованіями естественности (nature) и правдивости (vérité); имена Шекспира, Вальтера Скотта, Байрона, Бёрнса, Мура, „лэкистовъ“ и Гете упоминались часто на страницахъ журнала, способствуя расширенію бреши, пробитой въ непоколебимой до того стѣнѣ классицизма... Отъ общаго направленія *Le Globe* зависѣли и проводимыя имъ мнѣнія о драматическомъ искусствѣ.

Основные принципы театральныхъ критиковъ *Le Globe* сводились, главнымъ образомъ, къ соблюденію въ драмѣ (исторической, по преимуществу) исторической точности, или правдивости, и къ умѣнью отыскать поэтическую идею въ извѣстномъ историческомъ моментѣ, выбранномъ, какъ сюжетъ драмы; при этомъ пояснялось, что театръ — не курсъ исторіи и археологіи и развитіе страстей необходимо, почему и надо *воображеніемъ* возсоздать *внутреннюю* жизнь, страсти и вѣрованія предковъ, а не одну внѣшность. Въ основѣ творческой работы полагалась оригинальность, а не подражаніе даже такому генію, какимъ является Шекспиръ.

Въ частности: отмѣнялись единства, кромѣ единства дѣйствія; утверждалась связь комическаго съ трагическимъ, за ихъ неестественность браковались тирады, отмѣчались недостатки александрійскаго стиха, нуждающагося въ преобразованіяхъ[1]) (*Th. Ziesing.* Le Globe, de 1824 à 1830, considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich, 1881, pp. 47 — 48, 55, 65, 121 — 125).

1) Вопросъ о прозѣ или стихахъ въ драмѣ, несмотря на то, что за прозу стояли Мериме, Виньи, Вите, не былъ рѣшенъ окончательно и возбуждалъ споры. Такъ, напримѣръ, Ремюза высказался въ общемъ за стихотворную форму, но когда Гюго сталъ защищать александрійскій стихъ, то *Le Globe* былъ противъ знаменитаго поэта.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ сочиненіяхъ западно-европейскихъ писателей Пушкинъ нашелъ много новыхъ мыслей о драмѣ, приведенныхъ въ систему, которая содѣйствовала окончательной постановкѣ его теоретическихъ воззрѣній на этотъ предметъ и объясненію значенія и красотъ Шекспира.

Подобно Шлегелю, Пушкинъ причислялъ Шекспира къ представителямъ романтической поэзіи, имена которыхъ Англія „съ гордостью выставила“ „противу именъ Dante, Аріосто и Калдерона“ (настоящій томъ, стр. 221).

Будучи убѣжденъ, что только „глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ“, Пушкинъ воскликалъ: „Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega, mais quel homme que ce Sh‹akespeare›? Je n'en reviens pas. Comme Byron le tragique est mesquin devant lui!“ (Переписка, т. I, стр. 248. — Настоящій томъ, стр. 402). Чтеніе англійскихъ драмъ пояснило поэту, что „нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не придворный обычай трагедіи Расина“ (т. IV, примѣчанія, стр. 142). Значеніе народности, такъ рѣдко и далеко неудачно проявлявшейся въ произведеніяхъ современныхъ Пушкину писателей, было имъ глубоко прочувствовано; онъ отмѣчалъ народность „Отелло“ и „Гамлета“ и думалъ, что „утомленный вкусъ требуетъ иныхъ, сильнѣйшихъ ощущеній и ищетъ ихъ въ мутныхъ, но кипящихъ источникахъ новой народной поэзіи“ (Переписка, т. II, стр. 21). „Особенную физіономію“, присущую русскому народу, поэтъ опредѣлялъ на основаніи памятниковъ народной старины, „въ лѣтописяхъ стараясь угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени“ (т. IV, примѣчанія, стр. 141. — Ср. настоящій томъ, стр. 26 — 27). Истинно поэтическое проникновеніе въ духъ народной жизни невольно сказалось въ иронической фразѣ Пушкина по поводу Озерова: „Онъ попытался дать намъ Трагедію народную — и вообразилъ что для сего довольно будетъ

lib.pushkinskijdom.ru

если выберетъ предметъ изъ народной Исторіи—забывъ, что самыя народныя траг‹едіи› Шексп‹ира› заимствованы изъ Италія‹нскихъ› Новелей“ (Ср. настоящій томъ, стр. 53—54).

Не послѣднее мѣсто въ ряду необходимыхъ свойствъ драматурга Пушкинъ отводилъ объективности. „Что нужно Драмм‹атическому› Писателю?“ — ставилъ вопросъ поэтъ. Отвѣтъ слѣдующій: „Философію, безстрастіе, Государственныя мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли“.

Въ другомъ мѣстѣ разбора погодинской драмы сдѣлана Пушкинымъ слѣдующая замѣтка: „Драмм‹атическій› Поэтъ — безпристрастный какъ Судьба — долженъ былъ изобразить столь же искренно отпоръ погибающей Вольности, какъ глубоко обдуманный ударъ, утвердившій Россію на ея огромномъ основаніи — Онъ не долженъ былъ хитрить и клониться на одну сторону, жертвуя другою — Не онъ, не его политическій образъ мнѣній, не его тайное или явное пристрастіе должно было говорить въ Трагедіи—но люди минувшихъ дней умы ихъ, предразсудки“.

Самую главную задачу драматическаго искусства Пушкинъ видѣлъ въ обрисовкѣ характера, выдержаннаго и дѣйствующаго послѣдовательно, согласно со своими отличительными чертами. „Драмм‹а› стала завѣдовать страстями и душою человѣческою... Истинна страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаем‹ыхъ› обстоятельствахъ — вотъ чего требуетъ нашъ Умъ отъ др‹амматическаго› писателя“. Шекспиръ былъ блестящимъ примѣромъ поэту и въ этомъ отношеніи. „Lisez Sch‹akespeare›“, писалъ онъ: „il ne craint jamais de compromettre son personage, il le fait parler avec toutl'abandon de la vie, car il est sûr en tems et lieu de lui faire trouver le language de son caractère“ (Переписка, т. I, стр. 249). Въ подтвержденіе своихъ словъ Пушкинъ дѣлаетъ харак-

lib.pushkinskijdom.ru

теристики Шейлока, Анджело и Фальстафа. „Лица созданныя Шекспиромъ не суть какъ у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живыя, исполненныя многихъ страстей, многихъ пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителемъ ихъ разнообразные и многосторонніе характеры“ (настоящій томъ, стр. 208). И трудясь надъ „Борисомъ Годуновымъ“, поэтъ подражалъ Шекспиру „въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ“ (т. IV, примѣчанія, стр. 141).

Изъ правильнаго развитія характера вытекаетъ „правдоподобіе положеній и истина разговора—настоящіе законы трагедіи“ (Переписка, т. I, стр. 248), а отъ единства дѣйствія зависитъ единство впечатлѣнія — достоинство, за которое Пушкинъ хвалилъ „Марѳу Посадницу“. „Іоаннъ наполняетъ Трагедію. Мысль его приводитъ въ движеніе всю махину, всѣ страсти, всѣ пружины“. Въ этихъ словахъ поэта можно видѣть несомнѣнную благосклонность къ автору трагедіи за то, что выведенная послѣднимъ личность Іоанна, служа исходнымъ и конечнымъ пунктомъ всѣхъ совершающихся событій, даетъ общій тонъ произведенію, построенному, такимъ образомъ, по строгому плану.

Для драматурга-историка, по мнѣнію Пушкина, должны служить образцомъ шекспировскія хроники. Онъ самъ „имѣлъ намѣреніе написать хронику изъ жизни Шуйскаго, Лже-Димитрія, и нѣсколько сценъ изъ Междуцарствія, что составило бы полную картину избранной имъ эпохи“ (*П. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1855 г., стр. 139. — *Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 330). Въ подобной драмѣ-хроникѣ онъ хотѣлъ соединить „трагедію характеровъ“ и „трагедію нравовъ“ (de costume). [Переписка, т. I, стр. 249]. Историческую точность поэтъ считалъ непремѣннымъ условіемъ и строго

lib.pushkinskijdom.ru

относился къ вымыслу. „Дѣло“ драматическаго писателя „воскресить минувшій вѣкъ во всей его истинѣ“. Съ этой точки зрѣнія одобрилъ Пушкинъ драму Погодина. „Какая вѣрность историческая! Какъ угадана дипломатика рускаго, вольнаго Города!“ Изображеніе Іоанна, „согласное съ Исторіей“, „почти всегда выдержано“. „Въ немъ Трагикъ не ниже своего предмета — Онъ его понимаетъ ясно, вѣрно〈,〉 знаетъ коротко — и представляетъ намъ безъ театральныхъ преувеличеній, безъ надутости〈,〉 чопорности〈,〉 безъ противусмыслія — безъ шарлатанства“. Врагъ театральныхъ эффектовъ, Пушкинъ вмѣнялъ въ обязанность драматургу, „по примѣру Шекспира, ограничиваться изображеніемъ эпохъ и лицъ историческихъ, не гоняясь за сценическими эффектами, романическими вспышками“ (Переписка, т. II, стр. 17, 87).

Вспоминая, можетъ быть, своего стараго любимца Вольтера, онъ не считалъ любовную завязку необходимой въ исторической драмѣ: „une tragédie sans amour souriait à mon imagination“ (Переписка, т. II, стр. 87). Что касается комическаго элемента, Пушкинъ допускалъ „шутки грубыя, сцены простонародныя“: „поэту не должно быть площаднымъ изъ доброй воли, если можетъ ихъ избѣжать; если жь нѣтъ, то ему нѣтъ нужды стараться замѣнить ихъ чѣмъ нибудь инымъ“ (т. IV, примѣчанія, стр. 142).

Въ глазахъ поэта, языкъ извѣстной эпохи долженъ изучаться при чтеніи лѣтописей, быть внѣшнимъ средствомъ къ уловленію народныхъ чертъ. Поэтому стиль драмы естественно выходитъ „смѣшанный“, „пошлый и низкій тамъ, гдѣ приходится выводить грубыя и пошлыя лица“ (Переписка, т. II, стр. 87).

Заботы о внѣшней формѣ драматическихъ произведеній были близки сердцу Пушкина, положившаго на отдѣлку ея не мало труда. Для „Бориса Годунова“ онъ выбралъ пятистопный ямбъ. „Стихъ, употребленный мною“, читаемъ

lib.pushkinskijdom.ru

въ его замѣткахъ: „принятъ обыкновенно англичанами и нѣмцами. У насъ первый примѣръ оному находимъ мы, кажется, въ *Аргивянахъ*[1]). А. Жандръ въ отрывкѣ своей прекрасной трагедіи[2]), писанной стихами вольными, преимущественно употребляетъ его. Я сохранилъ цезуру французскаго пентаметра на второй стопѣ и, кажется, въ томъ ошибся, лишивъ добровольно свой стихъ свойственнаго ему разнообразія“ (т. IV, примѣчанія, стр. 142).

Слогомъ и стихами Погодина[3]) поэтъ остался недоволенъ. „Одна бѣда“, писалъ онъ автору драмы: „слогъ и языкъ. Вы неправильны до безконечности — и съ языкомъ поступаете, какъ Іоаннъ съ Новымгородомъ. Ошибокъ грамматическихъ, противныхъ духу его — усѣченій, сокращеній — тьма. Но знаете-ли? и эта бѣда не бѣда. Языку нашему надобно воли дать болѣе — Разумѣется сообразно съ духомъ его — И мнѣ ваша свобода болѣе по сердцу, чѣмъ чопорная наша правильность“ (Переписка, т. II, стр. 195: письмо изъ Болдина, ноябрь 1830 г. См. тамъ же, т. II, стр. 232[4]).

Драма Погодина, разобранная Пушкинымъ, была написана лѣтомъ 1830 г. Въ письмѣ къ С. П. Шевыреву отъ 15-го мая авторъ пьесы подробно сообщаетъ о ходѣ своей работы и о своихъ бесѣдахъ съ великимъ поэтомъ: „Наконецъ, могу сказать тебѣ смѣлѣе о моемъ сочиненіи, но *между нами*. Удивись: „Марѳа Посадница“, трагедія

---

1) „Прологъ Трагедіи съ хорами: Аргивяне“, В. К. Кюхельбекера (*Мнемозина*, 1824 г., ч. II, стр. 1 — 28).

2) „Венцеславъ, Трагедія, передѣланная изъ Театра Ротру“, А. А. Жандра (*Русская Талія* на 1825 г., стр. 54 — 73).

3) „Марѳа Посадница“ написана также пятистопнымъ ямбомъ.

4) Ср. *Пушкинъ и его современники*, выпуски XXIII — XXIV, стр. 109: Дневникъ М. П. Погодина 1830 г.: „891 стр. ‹Декабря› 11. Къ Пушк‹ину›— Услышалъ опять очень лестную похв‹алу› о Марѳѣ и много прекрасныхъ замѣчаній. — Удивлялся, что языкъ ему кажется слишкомъ неправ‹ильнымъ›“.

lib.pushkinskijdom.ru

въ 5 дѣйствіяхъ ямбами. Три дѣйствія кончены, четвертое и пятое почти. Первое написалъ я въ 7 дней, второе въ 7, третье въ пять. Пушкинъ (жившій тогда въ Москвѣ) случайно допытался до моей тайны и заставилъ меня прочесть: былъ въ восторгѣ, плакалъ, цѣловалъ, говорилъ, что его народныя сцены ничто передъ моими, и проч. и проч. Если моя трагедія въ половину имѣетъ достоинства въ сравненіи съ его мнѣніемъ, то я доволенъ. Можетъ быть, слушая меня, онъ самъ много вообразилъ, бросалъ свое золото, какъ алхимикъ, не знаю. Впрочемъ я предупреждалъ его: „Моя цѣль на другомъ поприщѣ, неудача на этомъ меня не опечалитъ, будьте откровенны и скажите: хорошо ли это, или есть ли надежда на хорошее или дурное?“ Для меня было пріятно услышать его отзывъ, но не слишкомъ; даже теперь пріятнѣе описывать тебѣ. Онъ только ободрилъ меня: что̀ мнѣ стало казаться общими мѣстами, то̀ ему нравится. Пришлю къ тебѣ первое дѣйствіе на слѣдующей почтѣ. Еще скажу: я вовсе не дорожу ею теперь; но, писавши первое дѣйствіе, я не спалъ, бредилъ, былъ какъ сумасшедшій: такъ поднялась чувствительность. Знаю, что, заставляя тебя ожидать многое, я порчу будущее впечатлѣніе твое, даю большое заемное письмо и обанкручусь, но хотѣлъ поскорѣе доставить тебѣ хоть минутное удовольствіе. Все-таки это эпизодъ, а поэма моя—Исторія. Я ей себя посвящаю и съ каждымъ днемъ люблю ее болѣе и болѣе“.

Черезъ два мѣсяца Погодинъ дописалъ пятое дѣйствіе своей трагедіи. „Я кончилъ „Марѳу Посадницу“ Іюля 6-го“, увѣдомлялъ онъ Шевырева: „Пушкинъ и другіе наши знакомые хотятъ, чтобъ я напечаталъ ее тотчасъ, но я не рѣшаюсь еще: пусть полежитъ, и можетъ быть я самъ со временемъ увижу новые недостатки ея и средства ихъ исправить. Теперь только что переворачиваю листы (чистыхъ 20, да черныхъ подъ 40), переглядываю съ удо-

lib.pushkinskijdom.ru

вольствіемъ. Стихи по 450 во всѣхъ дѣйствіяхъ кромѣ 3-го, гдѣ 600. Не пишу о содержаніи: лучше прочту все. Принимаюсь за перечитыванье лѣтописей, чтобъ понабраться стараго языка для нѣкоторыхъ поправокъ въ слогѣ. У меня нѣтъ ни любви, ни насильственной смерти, ни трехъ единствъ. Главное дѣйствующее лицо—народъ. Играть ее невозможно до тѣхъ поръ, пока не будетъ хорошихъ 50 актеровъ для всякаго вѣстника и простолюдина" (*Русскій Архивъ*, 1882 г., книга III, тетрадь 6, стр. 148, 150—151).

3-го августа Погодинъ сталъ переписывать „Марѳу", рѣшивъ напечатать ее подъ чужимъ именемъ; 11-го декабря онъ вновь показывалъ ее Пушкину, „услышалъ опять очень лестную похв‹алу›", „много прекрасныхъ замѣчаній" и „удивлялся, что языкъ ему кажется слишкомъ неправ‹ильнымъ›", а 17-го было написано слѣдующее предисловіе къ драмѣ: „Сочинитель этой трагедіи, трудясь и имѣя цѣль на другомъ поприщѣ, не драматическомъ, не можетъ судить съ вѣроятностію о произведеніи въ новомъ для себя родѣ, — не вѣритъ своимъ друзьямъ, которые разумѣется смотрятъ на него съ пристрастіемъ,— а съ другой стороны стыдится представить Публикѣ сочиненіе, совершенно недостойное ея вниманія. Вотъ причина, почему онъ хочетъ теперь остаться неизвѣстнымъ.—Если изъ голоса Критики онъ узнаетъ, что недостатки его Трагедіи выкупаются сколько нибудь ея достоинствами, и онъ удѣлилъ время для нея отъ занятій, составляющихъ сущность его жизни, не напрасно, то объявитъ свое имя; въ противномъ же случаѣ, отложитъ ее спокойно къ числу неудавшихся опытовъ" („Марѳа, Посадница Новгородская. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ". Москва, 1830 г. „Отъ издателя", стр. III.—*Русскій Архивъ*, 1882 г., книга III, тетрадь 6, стр. 156 — 157.—*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIII—XXIV, стр. 109).

lib.pushkinskijdom.ru

Напечатавъ свою піесу, Погодинъ долго не рѣшался пустить ее въ продажу, и только в началѣ 1832 г. „Марѳа Посадница“ стала извѣстна въ широкихъ литературныхъ кругахъ[1]). Не вездѣ она нашла хорошій пріемъ: въ Москвѣ ее похвалили, въ Петербургѣ къ ней отнеслись довольно сурово.

Н. И. Надеждинъ полагалъ, что „Марѳа Посадница“, вмѣстѣ съ пушкинскимъ „Борисомъ Годуновымъ“, начинаетъ „эру поэтическаго драматизированія народной исторіи“, и разница между обоими произведеніями та, что первая называется опредѣленно — трагедіей, а второй „не подчиняется въ составѣ и ходѣ никакимъ частнымъ ограниченіямъ, никакимъ особеннымъ условіямъ“. Однако, несмотря на свое названіе, данное авторомъ, „Марѳа Посадница“ — не трагедія, такъ какъ в ней нѣтъ драматическаго представленія жизни, въ ея бурныхъ, грозныхъ явленіяхъ, возбуждающихъ благоговѣйное уваженіе къ высокому достоинству природы человѣческой и вмѣстѣ глубокое смиреніе предъ вѣчною и безпредѣльною Мощію, полагающею имъ таинственный предѣлъ, его-же не прейдутъ“. Напротивъ, „вся основанная на историческихъ фактахъ“, піеса даетъ полную возможность убѣдиться, что „паденіе Нова-Града не было такимъ важнымъ событіемъ, какимъ обыкновенно представляется“. „Это ветхое зданіе, давно обуреваемое внутренними неустройствами, само собою клонилось къ разрушенію. Іоанну оставалось только назначить его въ сломку“. Поэтому „Марѳа Посадница“ — не трагедія, а историческая драма, „живая, обширная, занимательная“, „богатая чертами“ „трогательными, сильными и, что всего важнѣе, запечат-

1) Выходъ трагедіи въ свѣтъ былъ задержанъ цензоромъ С. Т. Аксаковымъ, сносившимся по этому поводу съ графомъ А. Х. Бенкендорфомъ (*Русскій Архивъ*, 1873 г., № 11, стр. 02299—02300. — *Московскій Вѣстникъ*, 1830 г., ч. V, №№ 17—20, стр. 14).

lib.pushkinskijdom.ru

лѣнными глубокою народностію". Физіономія вѣка, къ коему принадлежитъ сія картина, представлена вѣрно, оттѣнена выразительно. Языкъ, данный дѣйствующимъ лицамъ, подслушанъ въ современныхъ сказаніяхъ. Одного только недостаетъ ей — разнообразія. Всѣ Новогородцы почти на одно поличье; даже языкъ ихъ одинъ и тотъ же: рѣчи Дьяка Архіепископскаго не отличаются отъ рѣчей Бояръ, Старѣйшинъ и Людей Житыхъ. То же можно сказать и о Московцахъ"[1]).

Какъ художественное созданіе, драма имѣетъ тотъ недостатокъ, что на „бездушномъ", ничтожномъ предателѣ Алексѣѣ Борецкомъ „сосредоточенъ главный ‹ея› интересъ".

„Наружная, стихотворная отдѣлка драмы даетъ много привязчивой критикѣ". Вообще „авторъ не владѣетъ стихомъ. Излишняя вѣрность народному языку перерождается иногда въ тривіяльность".

Однако, при всѣхъ перечисленныхъ недостаткахъ, „Марѳа Посадница есть важное пріобрѣтеніе для нашей словесности. Она представляетъ собой первый опытъ Русской исторической драмы и указываетъ новое поприще Русскому національному театру... Многія сцены ея, дышащія глубокимъ чувствомъ и неподдѣльной истиной, останутся навсегда украшеніемъ драматической нашей литературы. Русскій духъ, оживляющій ихъ, близко говоритъ Русскому сердцу" (*Телескопъ*, 1832 г., № 2, стр. 304—313).

Иной приговоръ былъ вынесенъ драмѣ Погодина сотрудникомъ *Сына Отечества*, скрывшимъ свою фамилію подъ иниціалами *Н. Ю.* Авторъ пьесы, по словамъ рецен-

1) Подобный взглядъ высказалъ и О. И. Сенковскій. „Мужики древніе", замѣтилъ онъ: „говорили такъ-же, какъ мужики XIX вѣка; но бояре никогда не говорили какъ мужики. Древняя русская аристократія была непросвѣщенна, могла даже имѣть грубыя привычки, но она не была груба на словахъ" (*Русскій Архивъ*, 1882 г., книга III, тетрадь 6, стр. 150).

lib.pushkinskijdom.ru

зента, „принадлежитъ къ числу тѣхъ поборниковъ новыхъ истинъ, которые силятся водрузить знамя романтизма на развалинахъ древняго классическаго капища; ему сильно хотѣлось осуществить идею новой теоріи Драматической Поэзіи; но, при всемъ желаніи, что вышло изъ его Трагедіи? Новое доказательство старой истины, что всѣ ученыя соображенія и усилія системы ничего не произведутъ безъ творческаго таланта". „Марѳа Посадница" „напоминаетъ младенческія времена нашей Драмы, невинныя времена Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго, когда писали Трагедіи о томъ, какъ Царица Олоферну Царю голову отсѣкла". И „самое приличное названіе" для разбираемой піесы: „Трагедія о томъ, какъ Іоаннъ разбилъ войско Новгородское и взялъ Новгородъ". „Упрекаютъ Классиковъ, что они, занимаясь одною интригою въ Трагедіи, унизили ее до мелочнаго и ничтожнаго; какое же средство нашелъ... Поэтъ поправить такой недостатокъ? Онъ совсѣмъ лишилъ Трагедію содержанія. Но первое условіе всякаго произведенія Искусства не есть ли занимательность, и какое впечатлѣніе, кромѣ скуки, можетъ произвести на читателя или зрителя пьеса безъ содержанія? скуки же никакими красотами искупить нельзя: tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Что было однако главною причиною такой ошибки Автора? Желаніе избѣжать другой погрѣшности Классиковъ, которые, не соображаясь съ духомъ вѣка, представляли людей не въ томъ видѣ, какъ изображаетъ ихъ Исторія, и чтобъ не попасть въ эту крайность „Трагикъ попалъ въ другую, какъ почти всѣ современные ⟨ему⟩ Русскіе Поэты: онъ просто списывалъ съ Исторіи". А „представлять въ лицахъ и разговорахъ повѣствованія Карамзина" значитъ „походить на Арабскихъ Стихотворцевъ VIII и IX вѣка, которые перелагали въ стихи ученые курсы Математики, Географіи, Риторики".

lib.pushkinskijdom.ru

Авторъ хотѣлъ наглядно ознакомить читателя съ извѣстнымъ происшествіемъ, но „не успѣлъ“ и въ этомъ. Его піеса только вводитъ въ заблужденіе, „даетъ превратное понятіе о предметѣ“, искажаетъ историческіе факты вымыслами.

Некстати сохраненное единство времени, „это условіе литературнаго кодекса Классиковъ“, помѣшало автору „воспользоваться правами и льготами, дарованными всѣмъ Трагикамъ свободными правилами Романтизма“; „несообразно нѣсколькими часами ограничивать интригу, которая въ дѣйствительной жизни не распуталась бы и въ цѣлый годъ“.

Въ піесѣ нѣтъ дѣйствія: даже сама Марѳа „только витійствуетъ, когда Драма требуетъ, что бы она дѣйствовала, когда Исторія говоритъ, что она точно дѣйствовала“. Драма „замѣчательна еще тѣмъ, что можно исключить изъ нее (sic) какое угодно лицо, Марѳу, Борецкаго, Посадниковъ и проч., и она въ существѣ не измѣнится; можно отнять или выпустить какую угодно часть оной, и она ничего не потеряетъ, но еще будетъ кратче, слѣдственно лучше... Безъ вреда можно выкинуть любое явленіе или же вдругъ нѣсколько, смыслъ останется тотъ же. Забавный смыслъ и забавная трагедія!“

„Но еще забавнѣе языкъ ея, которому Авторъ хотѣлъ придать какую-то народность и простоту по нѣкоторымъ выраженіямъ, и потому, что онъ повторяетъ ихъ *con amore*, съ наслажденіемъ“. Образчиками слога могутъ служить выраженія: „смотрѣть въ зубы“, „вздуриться“, „шарапъ“ и др. Обиліе подобныхъ словъ и оборотовъ рѣчи придаетъ трагедіи *площадной* характеръ. Дѣйствіе происходитъ на *площадяхъ;* она составлена изъ *площадныхъ* выраженій и наполнена *площадными* лицами!“ И неужели нѣтъ средины между чопорною вѣжливостью, педантскою важностію

lib.pushkinskijdom.ru

Французской Мельпомены, и грубымъ языкомъ неопрятной Музы ‹автора›“?

„Нельзя не пожалѣть, что люди, коимъ познанія и умъ доставили бы славу и успѣхъ на другомъ поприщѣ, ищутъ славы Поэтовъ и берутся творить безъ всякаго творческаго таланта, котораго, какъ сами знаютъ, ничѣмъ замѣнить нельзя“ (*Сынъ Отечества*, 1832 г., ч. 149, № 20, стр. 330—352).

Рецензія г. Н. Ю. вызвала рѣзкій протестъ среди московскихъ журналистовъ, близкихъ къ редакціи *Телескопа*. „Въ № 20 *Сына Отечества*, нынѣшняго года“, писалъ С. Т. Аксаковъ: „напечатанъ критическій разборъ трагедіи: *Марѳа Посадница Новогородская, сочиненіе› Г. Погодина*. Прежде всего замѣтимъ, что никто не имѣетъ права назвать *Г. Погодина* сочинителемъ оной трагедіи: ибо онъ самъ въ предисловіи называетъ себя только издателемъ. Сія критика, подъ наружною холодностью и спокойствіемъ, проникнута сильнѣйшимъ ожесточеніемъ и вся ея непріязненная цѣль — унизить до послѣдней степени такое сочиненіе, которому, не смотря на его недостатки, порадовался, безъ сомнѣнія, каждый благонамѣренный литераторъ и любитель словесности“ (*Молва*, 1832 г., № 49, стр. 194—195. Ср. *Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. 1891 г., кн. IV, стр. 22).

Оживленный обмѣнъ мнѣній по поводу „Марѳы Посадницы“ между авторомъ и его знакомыми даетъ понятіе о настроеніи читателей, не высказывавшихся въ печати.

„Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я вашу *Марѳу*“, писалъ Погодину баронъ Е. Ѳ. Розенъ: „Скажу вамъ съ доброжелательною откровенностію, что расположеніе піесы меня не удовлетворяетъ, тамъ вообще мало дѣйствія, но въ частяхъ она хороша, а мѣстами превосходна. Въ особенности нравится мнѣ разсказъ о сраженіи; жаль, что Озеровъ не читалъ его, онъ узналъ бы,

lib.pushkinskijdom.ru

какимъ языкомъ Русскій долженъ разсказывать о сраженіяхъ и, можетъ быть, передѣлалъ бы нѣкое мѣсто въ *Димитріи Донскомъ*".

Обсуждался вопросъ и о постановкѣ „Маѳы Посадницы" на сценѣ. „Правда ли, что вашу *Маѳу* собираются разыграть на здѣшнемъ[1]) театрѣ?" спрашивалъ Погодина Н. М. Языковъ, а нѣкто Врасскій[2]) сообщалъ неутѣшительныя свѣдѣнія о невозможности выхлопотать разрѣшеніе надлежащихъ властей. „*Маѳу* вашу", читаемъ въ письмѣ послѣдняго: „до сихъ поръ дирекція Московскихъ театровъ еще къ намъ не доставила; впрочемъ, еслибъ она и доставлена была, то все же нельзя было бы позволить, ибо Государю не угодно, чтобы на сцену выводимы были наши Цари и Поляки, къ какому бы времени это не (sic) относилось".

Выпущенная въ свѣтъ зимою 1832 г. „Маѳа Посадница", несмотря на литературные толки, ею возбужденные, „пошла тихо". „*Маѳы* продано пять экземпляровъ. Вотъ и еще утѣшеніе", лаконично отмѣчалъ въ своемъ дневникѣ Погодинъ (*Н. П. Барсуковъ.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб. 1891 г., книга IV, стр. 13, 19—20, 22).

Пушкинъ съ живѣйшимъ интересомъ слѣдилъ за судьбою этой драмы, принимая близко к сердцу удачи и неудачи автора и всячески оказывая ему содѣйствіе.

По свидѣтельству Анненкова, „Пушкинъ высоко цѣнилъ труды... М. П. Погодина, съ которымъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ. Уваженіе его къ точному смыслу и къ самой буквѣ лѣтописей было, въ глазахъ Пушкина, ручательствомъ за истину и достовѣрность выводовъ, хотя, съ другой стороны, Александръ Сергѣевичъ

1) Петербургскомъ.

2) Можетъ быть, Борисъ Алексѣевичъ, переводчикъ съ французскаго языка 1820-хъ годовъ (см. *Н. К. Козминъ.* „Очерки изъ исторіи русскаго романтизма". СПб. 1903 г., стр. 521).

lib.pushkinskijdom.ru

любилъ спорить съ ученымъ профессоромъ о данныхъ, представляемыхъ лѣтописями, толковать ихъ по своему и объяснять съ своей точки зрѣнія лица и происшествія. Какъ бы то ни было, но онъ писалъ ему, приглашая въ 1834 году[1]) раздѣлить съ собою труды по сбору матеріаловъ для исторіи Петра Великаго. „Съ вашей вдохновенной дѣятельностію, съ Вашей чистой добросовѣстностію—Вы произведете такія чудеса, что мы и потомство наше будемъ за васъ Бога молить, какъ за Шлецера и Ломоносова“. Историческія драмы заслуженнаго профессора нашего цѣнились имъ чрезвычайно высоко, почти наравнѣ съ его учеными трудами и по одной и той же причинѣ, имѣвшей въ глазахъ Пушкина необыкновенную важность: онѣ представляли характеры и лица, которыхъ можно распознать и о которыхъ потому судить можно; словомъ, существенность, которой онъ добивался во всякомъ произведеніи. Онъ писалъ къ М. П. Погодину въ 1832 году: „Мнѣ сказываютъ что Васъ гдѣ то разбранили за Посадницу: надѣюсь, что это никакого вліянія не будетъ имѣть на ваши труды. Вспомните что меня лѣтъ 10 сряду хвалили Богъ вѣсть за что, а разругали за Годунова и Полтаву. У насъ критика конечно ниже даже и публики не только самой литературы — сердиться на нее можно, но довѣрять ей въ чемъ бы то ни было — непростительная слабость. Ваша Марѳа, Вашъ Петръ[2]) исполнены истинной драмматической силы, и если когда-нибудь могутъ быть разрѣшены сценическою цензурой, то предрекаю Вамъ такой народный успѣхъ, какого мы, холодныя, сѣверныя (sic) зрители Скрибовыхъ и Дидлотовыхъ балетовъ и представить себѣ не можемъ“[3]). Драма г. Погодина

1) Анненковъ ошибся: письмо Пушкина написано 5-го марта 1833 г. (Переписка, т. III, стр. 12).

2) Трагедія въ стихахъ, 1831 г.

3) Переписка, т. II, стр. 385.

lib.pushkinskijdom.ru

„Марѳа Посадница“ была переслана авторомъ ея въ Болдино, осенью 1830 г., по просьбѣ самого Пушкина, писавшаго оттуда: „Изъ Моск‹овскихъ› Вѣдомостей, единственнаго журнала доходящаго до меня, вижу любезный и почтенный Михайло Петровичъ что вы не оставили Матушки нашей. Дважды порывался я къ Вамъ, но карантины опять отбрасывали меня на мой несносный островокъ откуда простираю къ Вамъ руки и вопію гласомъ веліимъ. Пошлите мнѣ слово живое, ради Бога. Никто мнѣ ничего непишетъ... отпишите мнѣ: въ Лукояновскій уѣздъ въ село Абрамово, для пересылки въ село Болдино. Если притомъ пришлете мнѣ вечевую свою Трагедію, то вы будете моимъ благодѣтелемъ истиннымъ благодѣтелемъ. Я бы на досугѣ васъ разкритиковалъ.—А то ничего не дѣлаю“... Пушкинъ не раскритиковалъ трагедію, но написалъ разборъ ея, впервые напечатанный по смерти его въ *Москвитянинѣ*, 1842, № 10: онъ очень любопытенъ какъ образчикъ пониманія Пушкинымъ приличій и эффектовъ Русской драмы. За разборъ Марѳы Посадницы онъ взялся чрезвычайно серьезно и хотѣлъ предпослать ему полную теорію драмы — почти то же, что предполагалъ онъ сдѣлать для собственнаго Бориса Годунова. Изъ замѣтокъ его, набросанныхъ для будущей статьи, составилась... статейка о драмѣ... Въ рукописи она кончается словами: „Но передъ нами лежитъ опытъ народной драмы“... т. ѳ. Марѳа Посадница г. Погодина“ (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1855 г., стр. 304—305).

Пьеса весьма нравилась Пушкину. Въ одномъ письмѣ восторгъ поэта „доходитъ до необыкновенныхъ размѣровъ“... „Я было опять къ вамъ попытался“, извѣщаетъ онъ Погодина изъ Болдина въ концѣ ноября 1830 г.: „доѣхалъ до Севаслейки (перваго карантина); но на заставѣ, смотритель увидѣвъ, что ѣду по собственной, само-

lib.pushkinskijdom.ru

нужнѣйшей надобности, меня не пустилъ и протурилъ назадъ въ мое Болдино. Какъ быть? въ утѣшеніе нашелъ я ваши письма и Марѳу — и прочелъ ее два раза духомъ. Ура! — я было, признаюсь, боялся, чтобъ первое впечатлѣніе не ослабѣло потомъ; но нѣтъ — я все-таки при томъ же мнѣніи: Марѳа имѣетъ европейское, высокое достоинство — я разберу ее какъ можно пространнѣе — это будетъ для меня изученіе и наслажденіе... Скоро ли выдетъ ваша Марѳа? Не посылаю вамъ замѣчаній (частныхъ), потому что нѣкогда вамъ будетъ перемѣнять то что требуетъ перемѣны. До другого Изданія. Покамѣсть скажу Вамъ, что Анти-драмматическимъ показалось мнѣ только одно мѣсто: Разговоръ Борецкаго съ Іоанномъ; Іоаннъ не сохраняетъ своего величія (не въ образѣ рѣчи, но въ отношеніи къ предателю). Борецкій (хоть и новгородецъ) съ нимъ слишкомъ за панибрата; такъ торговаться могъ бы онъ развѣ съ бояриномъ Іоанна, а не съ нимъ самимъ. Сердце ваше не лежитъ къ Іоанну. Развивъ драмматически (то-есть умно, живо, глубоко) его политику, Вы не могли придать ей увлекательности чувства вашего — Вы принуждены были даже заставить его изъясняться слогомъ нѣсколько надутымъ. Вотъ главная критика моя. Остальное — — — — остальное надобно будетъ хвалить при звонѣ Ивана великаго, что и выполнитъ со всеусердіемъ вашъ покорнѣйшій пономарь А. П. — О слогѣ упомяну я вкратцѣ, предоставя его журналамъ, которые вѣроятно подымутъ его на Царя (и подѣломъ) а вы ихъ послушайтесь. Для васъ же пришлю я подробную критику надсрочную... Что за прелесть сцена пословъ! Какъ вы поняли Русскую дипломатику! А вѣче? а посадникъ? а К. Шуйскій? а Князья Удѣльные? я вамъ говорю что это все достоинства — *шекспировскаго*“ (Переписка, т. II, стр. 195—196).

Восторгъ Пушкина, по словамъ Анненкова, „пояс-

lib.pushkinskijdom.ru

няется дѣйствіемъ, какое производили на него сочиненія, отличавшіяся живою страстію, паѳосомъ. Такова была и трагедія Погодина. Участіе личныхъ отношеній въ сужденіи людей, столь впечатлительныхъ, каковъ былъ вообще Пушкинъ, тоже не должно быть забыто. Отвлеченная критика, почти всегда выпускающая изъ вида это обстоятельство, тѣмъ самымъ и лишена возможности оцѣнить правильно образъ мыслей писателя" (*П. Анненковъ.* Матеріалы. СПб. 1855 г., стр. 306).

26-го марта 1831 г., неосвѣдомленный о томъ, что драма Погодина уже пропущена цензурой и напечатана[1]), Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: „Мнѣ сказывали, что Жук‹овскій› очень доволенъ *Маѳой посадницей*; если такъ, то пусть-же выхлопочетъ онъ у Бенкендорфа, или у кого ему будетъ угодно, позволеніе напечатать всю драмму, произведеніе чрезвычайно замѣчательное, не смотря на неровенство общаго достоинства и слабости стихосложенія" (Переписка, т. II, стр. 232).

По просьбѣ Погодина, Пушкинъ пытался продать все изданіе „Маѳы Посадницы" книгопродавцу А. Ф. Смирдину, но эти хлопоты были безуспѣшны. „Исполнилъ комиссію Вашу касательно Смирдина и не получивъ отъ него удовлетворительнаго отвѣта, я все не рѣшался писать къ Вамъ объ ономъ", увѣдомлялъ поэтъ Погодина: „Варварство нашей литературной торговли меня бѣситъ. Смирдинъ опуталъ самъ себя разными обязательствами, накупилъ романовъ, и тому под., и ни къ какимъ условіямъ не приступаетъ; Трагедіи нынѣче не разкупаются, говоритъ онъ своимъ техническимъ языкомъ. Переждемъ-же и мы" (Переписка, т. II, стр. 385: письмо отъ 11-го іюля 1832 г.).

— (*Стр. 122, строка 1*). Расинъ, по мнѣнію Пушкина,—

1) Разрѣшеніе печатать дано 26-го августа 1830 г.

lib.pushkinskijdom.ru

„безсмертный подражатель", „пѣвецъ влюбленныхъ женщинъ и царей". „Тонкій придворный", Расинъ прославился „стихами, полными смысла, точности и гармоніи", но онъ слабъ въ „изобрѣтеніи" и „понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица". Пушкинъ считалъ „планъ и характеры" „Федры" „глупыми" и „ничтожными", но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ „прелестными" сцены изъ „Les Plaideurs" (Переписка, т. I, стр. 95; т. II, стр. 20.— *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., т. I, стр. 134, 298.—Ср. „Домикъ въ Коломнѣ" (1830 г.).

— (*Стр. 122, строки 1—2*). Выраженіе: „Съ площадей, ярманки (вольность мистерій) Расинъ переноситъ ее во дворъ", напоминаетъ стихи изъ „Домика въ Коломнѣ":

И таборъ свой съ классическихъ вершинокъ
Перенесли мы на толкучій рынокъ.

— (*Стр. 122, строка 3*). Корнель названъ „поэтомъ Испанскимъ", такъ какъ испанское вліяніе отразилось въ его твореніяхъ. Объ этомъ говоритъ Лагарпъ въ своемъ „Лицеѣ": „La littérature espagnole était alors en vogue parmi nous. Nous avions emprunté beaucoup de pièces de théâtre de cette nation, mais nous n'en avions guère imité que les défauts. Corneille, en s'appropriant le sujet du *Cid*, traité d'abord en Espagne par Diamanté, et ensuite par Guilain de Castro, ne fit pas un larcin, comme l'envie le lui reprocha très injustement, mais une de ces conquêtes qui n'appartiennent qu'au génie. Il embellit beaucoup ce qu'il prenait, en ôta beaucoup de défauts, et réduisit le tout aux règles principales du théâtre. Il ne les observa pas toutes: qui peut tout faire en commençant?" (*J. F. La Harpe.* Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1818, tome V, pp. 176—177).

Пушкинъ любилъ „старика" Корнеля, видя въ немъ

lib.pushkinskijdom.ru

„болѣе естественности, чѣмъ въ прочихъ классикахъ и во всѣхъ романтикахъ". „Корнель—единственный французъ, котораго еще можно сравнивать съ Шекспиромъ и то только въ Сидѣ, въ которомъ, впрочемъ, больше испанскаго" [*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 166.—Ср. настоящій томъ, № 71, примѣчанія къ стр. 222, строки 4—13 (варіанты)].

О „Сидѣ" Пушкинъ не разъ упоминаетъ въ своей перепискѣ. „Ты перевелъ *Сида*", пишетъ онъ П. А. Катенину: „поздравляю тебя и стараго моего Корнеля. Сидъ кажется мнѣ лучшею его трагедіею. Скажи: имѣлъ-ли ты похвальную смѣлость оставить пощечину рыцарскихъ вѣковъ, на жеманной сценѣ. Ridicule! Пощечина, данная рукою Гишпанскаго рыцаря воину, посѣдѣвшему подъ шлемомъ! Ridicule! Боже мой, она должна произвести болѣе ужаса, чѣмъ чаша Атреева".

„Les vrais génies de la tragédie", читаемъ въ письмѣ поэта къ Н. Н. Раевскому отъ 30-го января 1829 г.: „ne se sont jamais soucié d'une autre vraisemblance que celle des caractères et des situations[1]). Voyez comme Corneille a bravement mené le Cid: Ha, vous voulez la règle de 24 h⟨eures⟩? Soit! Et là dessus il vous entasse des évènements pour 4 mois" (Переписка, т. I, стр. 48, 247—248; т. II, стр. 89).

— (*Стр. 122, строка 5*). Гёте и Шекспиръ — два генія, которыми особенно интересовался Пушкинъ. Въ письмѣ изъ Одессы (1824 г.) нашъ поэтъ заявляетъ, что онъ отдаетъ предпочтеніе ихъ твореніямъ передъ Библіей; позже онъ утверждаетъ, что историческая драма создана этими великими писателями, и въ разговорѣ съ А. О. Смирновой подчеркиваетъ, что и Мицкевичъ изучалъ ихъ

1) Первоначальная редакція этой фразы была такая: „Les vrais génies de la tragédie [Schakespear et Corneille] ne se sont jamais soucié de la vraisemblance".

lib.pushkinskijdom.ru

обоихъ (Переписка, т. I, стр. 103. — Настоящій томъ, стр. 68. — *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 286). Гёте былъ, съ точки зрѣнія Пушкина, представителемъ „трагедіи нравовъ", Шекспиръ — „трагедіи характеровъ", и они оказали вліяніе на французскій театръ. Подобная оцѣнка знаменитыхъ драматурговъ страдаетъ нѣкоторой неточностью, но вопросъ объ ихъ вліяніи на Францію поставленъ правильно и получилъ въ настоящее время разрѣшеніе въ трудахъ цѣлаго ряда изслѣдователей" (*Th. Süpfle.* Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich. Gotha, 1888. II-er Band, S. 126. — *Jules Marsan.* La bataille romantique. Paris, 1912, p. 116. — *F. Baldensperger.* Goethe en France. Paris, 1904. — *A. Lacroix.* De l'influence de Shakspeare sur le théâtre français. Bruxelles, 1856. — *J. Jusserand.* Shakespeare en France. Paris, 1898).

— (*Стр. 122, строки 6—7*). Князь П. А. Вяземскій любилъ называть современныхъ ему критиковъ „поверхностными Аристархами", „немилыми и недальными Литераторами" и т. п. (*Сынъ Отечества,* 1822 г., ч. 82, № 49, стр. 117. — *Московскій Телеграфъ,* 1826 г., № 22, стр. 55).

— (*Стр. 122, строки 7—9*). Въ одной изъ мелкихъ замѣтокъ Пушкинъ пишетъ: „Литература у насъ существуетъ — но критики еще нѣтъ — у насъ журналисты бранятся именами *классикъ и романтикъ* какъ старушки бранятъ повѣсъ фран-масонами и Волтеріанцами — не имѣя понятія ни о Вол‹терѣ› ни о фр‹ан-масонствѣ›" [См. настоящій томъ, стр. 399].

— (*Стр. 122, строка 19*). Съ ученіемъ Канта Пушкинъ ознакомился позднѣе по книгѣ: *L. F. Schön.* Philosophie transcendentale, ou Système d'Emmanuel Kant. Paris, 1831 (*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 332, № 1361).

— (*Стр. 122, строки 20—23*). Іоаннъ-Кристофъ Готшедъ (род. въ 1700 г., ум. въ 1766 г.) — ревностный

lib.pushkinskijdom.ru

приверженецъ классицизма. Въ своемъ трудѣ „Versuch der kritischen Dichtkunst“ (1730), онъ задаетъ вопросъ: „должны ли всѣ поэтическіе вымыслы имѣть непремѣнно нравственную цѣль?“ „На это можно отвѣтить“, пишетъ Готшедъ: „что конечно иногда вымыселъ имѣетъ цѣлью одно развлеченіе и что есть много сказокъ, которыя сочиняются подобно тому, какъ няньки разсказываютъ дѣтямъ, что даже и большая часть романистовъ въ своихъ книгахъ сочиняютъ на этотъ образецъ; но такъ какъ пріятное можетъ соединяться съ полезнымъ и поэтъ долженъ быть въ то же время достойнымъ гражданиномъ и честнымъ человѣкомъ, то онъ по мѣрѣ возможности будетъ стараться придать своимъ сказкамъ поучительность и не сочинитъ ни одной изъ нихъ безъ того, чтобъ въ ней не скрывалась какая-нибудь важная истина, ибо „omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci“ [1]) (*Г. Геттнеръ.* Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. М. 1872 г., т. III, кн. I, стр. 314).

Въ своихъ разсужденіяхъ о дидактическихъ цѣляхъ поэзіи Готшедъ слѣдовалъ указаніямъ Буало, который обращался къ поэтамъ съ такими словами:

Auteurs, prêtez l'oreille à mes instructions.
Voulez-vous faire aimer vos riches fictions?
Qu'en savantes leçons votre muse fertile
Partout joigne au plaisant le solide et l'utile.
Un lecteur sage fuit un vain amusement
Et veut mettre à profit son divertissement

(Art poétique. Chant IV).

— (*Стр. 122, строки 26—27*). Венера (Vénus couchée) — лучшее произведеніе знаменитаго венеціанскаго

1) 343-й стихъ изъ посланія Горація „De arte poëtica“.

lib.pushkinskijdom.ru

художника Тиціана (род. въ 1477 г., ум. въ 1576 г.). — Аполлонъ Бельведерскій—извѣстная статуя въ Ватиканѣ.

— (*Стр. 122, строка 28—стр. 123, строка 4*). О правдоподобіи въ драматическомъ искусствѣ см. статью № 4 и примѣчанія къ ней.

— (*Стр. 123, строки 8—14*). Вопросъ о народности драмъ Шекспира, Кальдерона и Расина былъ затронутъ Пушкинымъ еще въ 1826 г. (см. статью № 17 и примѣчанія къ ней).

— (*Стр. 122, строки 8—13*). Ликторы встрѣчаются въ „Коріоланѣ“ Шекспира.—Піеса Кальдерона—„Оружіе любви“. — Ипполитъ — дѣйствующее лицо въ трагедіи Расина „Федра“ (1677 г.).—„Корнелева Клитемнестра“ не существуетъ. Вѣроятно, слѣдуетъ читать: „Расинова Клитемнестра“, т. е. героиня трагедіи „Ифигенія“ (1674 г.), гдѣ есть и отрядъ тѣлохранителей (gardes). Клитемнестра изображена также Вольтеромъ въ „Орестѣ“ (1750 г.) и Кребильономъ — въ „Электрѣ“ (1708 г.).

— (*Стр. 123, строка 17*). „Предметъ нашихъ изученій и восторговъ“—выраженіе, повторенное Пушкинымъ въ статьѣ „Вольтеръ“ (1836 г.) [См. № 86, стр. 314, строки 10—11].

— (*Стр. 123, строка 27*). „Филоктетъ“ и „Эдипъ“ Софокла отмѣчены въ „Лицеѣ“ Лагарпа, какъ лучшія античныя трагедіи: „Il est honorable pour la mémoire de Sophocle, qu'en voulant trouver le chef-d'oeuvre de l'ancienne tragédie, il faille choisir entre deux de ses ouvrages, *l'Oedipe roi* et *le Philoctète*“ (*J. F. La Harpe*. Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1818, tome I, p. 368).

— (*Стр. 124, строка 1*). Считая „жалость и ужасъ“ основными элементами трагическаго впечатлѣнія, Пушкинъ имѣлъ въ виду аристотелевское опредѣленіе трагедіи, какъ „подражанія дѣйствію не только законченъ-

lib.pushkinskijdom.ru

ному, но и вызывающему страхъ и состраданіе“ (οὐ μόνον τελείας ἐστὶ πράξεως ἡ μίμησις ἀλλὰ καὶ φοβερῶν καὶ ἐλεεινῶν).

Поэтика Аристотеля была извѣстна Пушкину въ изложеніи Корнеля, давшаго свое толкованіе словъ греческаго мыслителя. „La pitié d'un malheur où nous voyons tomber nos semblables“, писалъ Корнель: „nous porte à la crainte d'un pareil pour nous; cette crainte au désir de l'éviter“... (*Jules Lemaitre.* Corneille et la poétique d'Aristote. Paris, 1888, p. 36).

— (*Стр. 125, строки 11—15*). Напыщенныя тирады, произносимыя героями французскихъ классическихъ трагедій, были осуждены еще Дидро. „Un ramage opposé à ces vraies voix de la passion“, читаемъ въ „Entretiens sur le fils naturel“: „c'est ce que nous appelons des tirades. Rien n'est plus applaudi, et de plus mauvais goût“ (*Denis Diderot.* Oeuvres. Paris, 1798, t. IV, p. 142).

Цитаты изъ трагедій Расина, приведенныя Пушкинымъ, заимствованы: первая—изъ „Британника“ (актъ II, сцена III), вторая—изъ „Ифигеніи“ (актъ I, сцена I). Обращеніе Агамемнона къ „наперснику“, не выписанное поэтомъ до конца, дѣйствительно, представляетъ собою „странный, нечеловѣческій образъ изъясненія“.

Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi qui t'éveille.
Viens, reconnois la voix qui frappe ton oreille.

(*J. Racine.* Oeuvres. Paris, 1886, t. II, p. 293).

— (*Стр. 125, строка 28*). Мистеріи Димитрія Ростовскаго—рядъ піесъ духовнаго содержанія, которыя приписываются этому писателю хотя изъ нихъ лишь „Комедія на Рождество Христово“, можетъ быть, принадлежитъ его перу. Свои свѣдѣнія о драматическихъ произведеніяхъ св. Димитрія Пушкинъ могъ почерпнуть въ „Краткомъ извѣстіи о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“ академика Я. Я. Штелина и въ статьѣ Н. И. Греча:

lib.pushkinskijdom.ru

„Историческій взглядъ на русскій театръ“ (*И. А. Шляпкинъ*. Св. Димитрій Ростовскій и его время. СПб. 1891 г., стр. 343—345 —*П. О. Морозовъ*. Исторія русскаго театра. СПб. 1889 г., т. I, стр. 89, 94, 95. — *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, 1779 г., ч. IV, августъ, стр. 85.—*Русская Талія* на 1825 г., стр. 4).

— (*Стр. 125, строка 28*). Пушкинъ вѣрилъ въ существованіе трагедій царевны Софіи. „Послушайся, милый“, писалъ онъ осенью 1825 г. П. А. Катенину: „запрись, да примись за романтическую трагедію въ 18-ти дѣйствіяхъ (какъ трагедіи Софіи Алексѣевны)“ [Переписка, т. I, стр. 284]. Въ дѣйствительности не Софія, а Наталья Алексѣевна сочинила нѣсколько пьесъ (*И. А. Шляпкинъ*. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. СПб. 1898 г., стр. XI — XVIII. — *П. О. Морозовъ*. Исторія русскаго театра. СПб. 1889 г., т. I, стр. 194—198). Преданіе объ авторствѣ царевны Софіи повторено въ цѣломъ рядѣ современныхъ Пушкину журналовъ и изданій[1]), причемъ наиболѣе подробныя сообщенія сдѣланы въ *Пантеонѣ Россійскихъ Авторовъ* (М. 1801 г., ч. I) и въ *Русской Таліи* на 1825 г. (стр. 8). „Софія занималась и Литературою; писала Трагедіи, и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ“, свидѣтельствуетъ Н. М. Карамзинъ: „Мы читали въ рукописи одну изъ ея Драмъ, и думаемъ, что Царевна могла бы сравняться съ лучшими Писательницами всѣхъ временъ, есть ли бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ“. Показаніе Карамзина повторено Н. И. Гречемъ въ такой формѣ: „Царевна Софія Алексѣевна, презрѣвъ старинный Азіятскій обычай,

1) *Санктпетербургскій Вѣстникъ*, 1779 г., ч. IV, августъ, стр. 85. — Собраніе нѣкоторыхъ театральныхъ сочиненій, съ успѣхомъ представленныхъ на Московскомъ публичномъ Театрѣ. М. 1790 г., ч. II, стр. 2. — *Драматическій Вѣстникъ*, 1808 г., ч. I, № 6, стр. 50.—*Труды Общества любителей россійской словесности*. М. 1822 г., ч. II, стр. 137.—*Сѣверный Архивъ*, 1822 г., ч. IV, № 21, стр. 180.

lib.pushkinskijdom.ru

коимъ женскій полъ осуждаемъ былъ на вѣчное затворничество, завела у себя комнатный Театръ, и сама играла на немъ съ благородными дѣвицами и знатными царедворцами. Извѣстно, что на семъ театрѣ представлена была первая въ Россіи *недуховная* Комедія: *Врачь противу воли*, изъ Моліера. Царевна сама сочинила одну Драму, которая, какъ говорятъ читавшіе оную, свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ ея умѣ и пылкомъ воображеніи, но воображеніе сіе, къ сожалѣнію, не было управляемо очищеннымъ вкусомъ".

— (*Стр. 125, строки 33—34*). Ѳедоръ Григорьевичъ Волковъ (род. 9-го февраля 1729 г. ум. 4-го апрѣля 1763 г.)—извѣстный актеръ. Пушкинъ называетъ „попытки" Волкова „привлечь" народъ въ театръ безуспѣшными и несогласенъ съ Н. И. Новиковымъ и Н. И. Гречемъ, утверждавшими, что Волковъ еще въ Ярославлѣ пріучилъ мѣстныхъ жителей къ драматическимъ представленіямъ и „имѣлъ необыкновенный успѣхъ" (*Русская Талія* на 1825 г., стр. 19—21, 36—39. — *П. А. Ефремовъ.* Матеріалы для исторіи русской литературы. СПб. 1867 г., стр. 20—26). Впрочемъ, Пушкинъ, пересматривая статью повидимому, нашелъ свой отзывъ о Волковѣ неправильнымъ, почему и зачеркнулъ комментируемую нами фразу.

— (*Стр. 125, строка 34 — стр. 126, строка 5*). Пушкинъ низко цѣнилъ дарованіе А. П. Сумарокова и въ юношескомъ посланіи „Къ Жуковскому" (1817 г.) ярко изобразилъ нелюбимаго писателя:

.....слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пинда сброшенный и проклятый Расиномъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ своихъ замѣткахъ на статью князя П. А. Вяземскаго объ Озеровѣ Пушкинъ отнесся къ Сумарокову столь же сурово, какъ и десять-одиннадцать лѣтъ назадъ[1]): „въ немъ все дрянь, кромѣ нѣкоторыхъ одъ". „Эта послѣдняя оговорка", пишетъ Л. Н. Майковъ: „представляется намъ не совсѣмъ понятною: трудно догадаться, какія стихотворенія Сумарокова поэтъ могъ исключить изъ „дряни", наполняющей многотомное собраніе его сочиненій; не разумѣлъ ли онъ, быть можетъ, тѣ немногія піесы, въ которыхъ Сумароковъ пользовался мотивами и выраженіями народной поэзіи? Такая догадка становится допустимою, когда мы прочтемъ слѣдующія— впрочемъ, не совсѣмъ справедливыя слова, которыми Пушкинъ заключаетъ свое сужденіе объ „отцѣ русскаго театра": „NB. Сумароковъ прекрасно зналъ русскій языкъ (лучше, нежели Ломоносовъ)" [*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 274].

— (*Стр. 126, строки 6—9*). В. А. Озеровъ, по мнѣнію Пушкина,—писатель „очень посредственный": онъ „сдѣлалъ шагъ въ слогѣ, но искусство чуть ли не отступило". „У насъ нѣтъ театра", писалъ Пушкинъ князю П. А. Вяземскому изъ Кишинева: „опыты Озерова ознаменованы поэтическимъ слогомъ — и то не точнымъ и заржавымъ; впроччемъ гдѣ онъ не слѣдовалъ жеманнымъ правиламъ фр‹анцузскаго› театра? знаю за что полагаешь его поэтомъ романтическимъ: за мечтательный монологъ Фингала — *нѣтъ! пѣснямъ никогда надгробнымъ я не внемлю;* но вся трагедія написана по всѣмъ правиламъ парнасскаго православія; а романтическій трагикъ принимаетъ за правило одно вдохновеніе"[2])... (Переписка, т. I, стр. 67: письмо отъ 6-го февраля 1823 г.).

1) Замѣтки сдѣланы не ранѣе сентября 1826 г. и не позже первыхъ мѣсяцевъ 1828 г.

2) Ср. отзывъ г-жи Сталь о трагедіи Озерова „Димитрій Донской": „Cette pièce étoit presqu'en entier selon les règles de l'art dramatique

lib.pushkinskijdom.ru

Полное неудовлетвореніе, вынесенное Пушкинымъ отъ чтенія озеровскихъ трагедій, сквозитъ въ замѣткахъ поэта на статью Вяземскаго объ авторѣ „Димитрія Донского“: „Озерова я не люблю не отъ зависти (сего гнуснаго чувства, какъ говорятъ), но изъ любви къ искусству. Ты ‹Вяземскій› самъ признаешь, что слогъ его не хорошъ, а я не вижу въ немъ и тѣни драматическаго искусства. Слава Озерова уже вянетъ, а лѣтъ черезъ десять, при появленіи истинной критики, совсѣмъ исчезнетъ“ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 282, 276—279).

— (*Стр. 126, строки 7—9*). О выборѣ предмета изъ народной исторіи см. статью № 17 и примѣчанія къ ней.

— (*Стр. 126, строки 11—12*). Италіанскіе источники піесъ Шекспира интересовали Пушкина (см. стр. 26) А. О. Смирнова разсказываетъ, какъ поэтъ разспрашивалъ ея мужа о новеллѣ Луиджи-да-Порта, изъ которой англійскій драматургъ заимствовалъ сюжетъ трагедіи „Ромео и Юлія“ (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 237. — Настоящій томъ, стр. 53, № 26).

— (*Стр. 126, строка 13*). „Димитрій Донской“ (1807 г.) — трагедія В. А. Озерова. — „Пожарской“ (1807 г.) — піеса М. В. Крюковскаго (род. в 1781 г., ум. в 1811 г.).

— (*Стр. 126, строки 14—18*). „Андромаха“ П. А. Катенина „была не переводомъ изъ Расина, а попыткой самостоятельно обработать древнее сказаніе для сцены“. Третье дѣйствіе трагедіи впервые напечатано въ альманахѣ *Русская Талія* (1825 г.), гдѣ оно названо „оригинальнымъ“ сочиненіемъ. Вся піеса появилась лишь в 1827 г.[1]) Отзывы критиковъ были неблагопріятны для автора.

---

françois; le rythme des vers, la déclamation, la coupe des scènes, tout étoit françois“... (M-me de Staël. Oeuvres complètes. Paris, 1821, tome XV, p. 341: „Dix années d'exil“).

1) См. *Сѣверные Цвѣты* на 1828 г., отдѣлъ „Проза“, стр. 44—45.

lib.pushkinskijdom.ru

„Трагедія „Андромаха“, сочиняема была Г-мъ Катенинымъ, съ нѣкоторыми остановками *восмнадцать* (sic) лѣтъ“, пишетъ Н. А. Полевой: „Въ 1825 году, прочитавъ отрывокъ ея въ альманахѣ (Тел‹еграфъ›, т. I, стр. 170), мы сказали свое мнѣніе, и, прочитавъ трагедію вполнѣ, не перемѣняемъ его. Не хотѣлось-бы намъ о долговременномъ трудѣ писателя, извѣстнаго нѣкоторыми сочиненіями, показывающими неоспоримый талантъ, отозваться невыгодно, но долгъ безпристрастія требуетъ и рецензентъ долженъ повиноваться. Богъ знаетъ съ чего, иные почитаютъ Андромаху оригинальнымъ произведеніемъ. Андромаха есть такое же *оригинальное* произведеніе, какъ трагедіи Княжнина, Висковатова, Грузинцова, и достоинствомъ она ни мало не выше твореній упомянутыхъ нами трагиковъ, во всякомъ отношеніи. Основная мысль и подробности избраны изъ французскихъ и греческихъ трагедій: Эврипидъ, Сенека, Шатобрюнъ, были главными вдохновителями нашего автора. Все слабо, нестройно, скучно, выкроено по мѣркѣ французскихъ трагедій, и изложено въ стихахъ старообразныхъ и неловкихъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1828 г., № 24, стр. 291—292). — Подобно Полевому и С. П. Шевыревъ остался недоволенъ катенинскимъ произведеніемъ. По его словамъ „Андромаха“, оригинальная трагедія Г-на Катенина, показала, что мы еще на сценѣ не достигли оригинальности и продолжаемъ идти по слѣдамъ, протоптаннымъ Французами.... все, все обнаруживаетъ въ сей трагедіи не оригинальнаго поэта, а слабаго подражателя“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., ч. VII, № 1, стр. 71—72).

Иначе относился къ „Андромахѣ“ Пушкинъ. Только что ознакомившись съ піесой, поэтъ, осенью 1825 г., сообщалъ автору о своихъ впечатлѣніяхъ: „Прочелъ въ Булг.[1]) твое 3-ье дѣйствіе прелестное въ величавой про-

1) Т. е. въ альманахѣ *Гусская Талія* на 1825 г, стр. 186—201.

lib.pushkinskijdom.ru

стотѣ своей. Оно мнѣ живо напомнило одинъ изъ лучшихъ вечеровъ моей жизни; помнишь?... На чердакѣ Шаховского". Затѣмъ зимой того же года Пушкинъ нѣсколько разъ справлялся о судьбѣ трагедіи: напечатана ли она? „отдана ли на театръ?". И онъ былъ непріятно пораженъ, узнавъ, что піеса его друга не имѣла успѣха. „Онъ досадовалъ", читаемъ въ мемуарахъ Шевырева: „на московскихъ литераторовъ за то, что они разбранили „Андромаху" Катенина, хотя „Андромаха" эта довольно была плохая вещь" (Переписка, т. I, стр. 284; т. II, стр. 312, 327. — *Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 331, 348).

— (*Стр. 126, строки 19—22*). „Ермакъ" — трагедія А. С. Хомякова. Отдѣльныя сцены изъ нея помѣщены въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 г., ч. VII, № 4, стр. 397—403; 1829 г., ч. I, стр. 113—130, 208—209, и въ альманахѣ „Денница" на 1830 г., стр. 250—254. Въ замѣткахъ о „Борисѣ Годуновѣ" Пушкинъ посвятилъ „Ермаку" слѣдующія строки: „Ермакъ А. С. Хомякова есть болѣе произведеніе лирическое, чѣмъ драма. Успѣхомъ своимъ оно обязано прекраснымъ стихамъ, коими оно написано" (т. IV, примѣчанія, стр. 142). Въ цѣломъ видѣ „Ермакъ" былъ напечатанъ въ 1832 г. и вызвалъ несочувственную рецензію Кс. А. Полевого, который, независимо отъ Пушкина, пришелъ къ заключенію, что въ трагедіи „все чуждо нашимъ нравамъ и духу". „Онъ (Хомяковъ)", съ точки зрѣнія критика, „хотѣлъ выставить Ермака не тѣмъ, что былъ Ермакъ въ самомъ дѣлѣ, не грубымъ, хотя и мужественнымъ казакомъ, не просто сердечнымъ, *цѣломудреннымъ* (по словамъ самой Исторіи), вѣрнымъ слугою царскимъ, но героемъ, рыцаремъ, Баярдомъ, и вмѣстѣ нѣжнымъ вздыхателемъ по небывалой Ольгѣ.... Ермакъ и всѣ *добрыя* лица его трагедіи нисколько не похожи на дерзкихъ, мужественныхъ казаковъ:

lib.pushkinskijdom.ru

это нѣмецкіе студенты, прекрасно разговаривающіе по Русски. Если бы на завоеваніе Сибири отправился какой нибудь Буршъ Геттингенскаго Университета, съ толпою товарищей и филистеровъ, то въ трагедіи Г-на Хомякова была бы истина. Но теперь — ея нѣтъ и слѣда“ (*Московскій Телеграфъ*, 1832 г., № 6, стр. 238—240).

— (*Стр. 128, строка 33*). Карамзинъ изобразилъ Марѳу Посадницу дважды: въ повѣсти о покореніи Новагорода и въ первой части девятаго тома „Исторіи Государства Россійскаго“. Въ повѣсти Марѳа характеризована какъ „страстная, пылкая, умная, а не великая и не добродѣтельная женщина“. „И лѣтописи, и старинныя пѣсни отдаютъ справедливость великому уму Марѳы Борецкой, сей чудной женщины, которая умѣла овладѣть народомъ и хотѣла (весьма некстати!) быть Катономъ своей республики“ [„Марѳа Посадница или покореніе Новагорода“ (1802 г.). Введеніе]. — Въ „Исторіи Государства Россійскаго“ Марѳѣ отведено видное мѣсто при описаніи войны Іоанна III съ Новымгородомъ. „Вопреки древнимъ обыкновеніямъ и нравамъ Славянскимъ, которые удаляли женскій полъ отъ всякаго участія въ дѣлахъ гражданства“, пишетъ исторіографъ: „жена гордая, честолюбивая, вдова бывшаго Посадника Исаака Борецкаго, мать двухъ сыновей уже взрослыхъ, именемъ Марѳа, предпріяла рѣшить судьбу отечества. Хитрость, велерѣчіе, знатность, богатство и роскошь доставили ей способъ дѣйствовать на Правительство. Народные чиновники сходились въ ея великолѣпномъ или, по тогдашнему, *чудномъ* домѣ пировать и совѣтоваться о дѣлахъ важнѣйшихъ... Еще не довольная всеобщимъ уваженіемъ и тѣмъ, что Великій Князь, въ знакъ особенной милости, пожаловалъ ея сына, Димитрія, въ знатный чинъ Боярина Московскаго, сія гордая жена хотѣла освободить Новгородъ отъ власти Іоанновой, и, по увѣренію Лѣтописцевъ, выйти замужъ

lib.pushkinskijdom.ru

за какого-то Вельможу Литовскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ господствовать, именемъ Казимировымъ, надъ своимъ отечествомъ" („Исторія Государства Россійскаго", т. VI, глава I, годъ 1471-й).

— (*Стр. 128, строка 33*). Ксенія — дочь Марѳы Посадницы, дѣйствующее лицо въ трагедіи Погодина и въ повѣсти Карамзина.

— (*Стр. 129, строки 18—25*). „Вымышленный Борецкій" — Алексѣй, сынъ Марѳы, измѣнникъ, перешедшій на сторону Іоанна III. Эта личность, неизвѣстная въ исторіи, играетъ видную роль въ піесѣ Погодина и обратила на себя вниманіе Надеждина. „Относительно художественнаго созданія *драмы*", говоритъ издатель *Телескопа*: „должно замѣтить, что она, по намѣренію автора, назначалась быть исторической драмой. Но по недостатку ли поэтическаго интереса въ самой дѣйствительности, или для удовлетворенія строгимъ условіямъ сцены, коимъ авторъ добровольно подчинилъ себя, она должна была принять въ составъ свой вымышленную пружину, не существовавшее лице, *Алексѣя Борецкаго*, сына *Марѳы*. Но, къ сожалѣнію, должно признаться, что лице сіе весьма неудачно. Ему дано важное участіе въ ходѣ драмы: но физіономія его совершенно недостойна порученной ему роли. *Алексѣй Борецкій* не есть ни злодѣй, съ сильными, неистовыми страстями, ни энтузіастъ, съ пламеннымъ, поэтическимъ одушевленіемъ, ни расчетливый эгоистъ, предположившій себѣ одну цѣль и идущій къ ней твердымъ, неуклоннымъ шагомъ, ни искусный хитрецъ, пробирающійся всѣми излучинами къ желаемой метѣ: это просто бездушный предатель, жертвующій всѣмъ, честью, отечествомъ, матерью, для того, чтобъ быть Намѣстникомъ Новагорода, въ коемъ могъ и такъ властвовать, какъ ему угодно. Торгъ его съ *Іоанномъ* есть образецъ нравственнаго бездушія. И на такомъ ничтожномъ твореніи сосредоточенъ

lib.pushkinskijdom.ru

главный интересъ драмы!“ (*Телескопъ*, 1832 г., ч. VII, № 2, стр. 311—312).

—(*Стр. 129, строки 28—30*). „Послѣдняя рѣчь Іоанна“ — его обращеніе къ боярамъ и князьямъ наканунѣ битвы съ новгородцами. Приводимъ эту рѣчь.

Россійскіе Бояре,
Вожди, Князья! цѣль наша передъ нами.
По утру съ помощью Господней можемъ
Достигнуть мы ее. Напоминать ли
Теперь еще вамъ, что судьба отчизны,
Честь предковъ и потомковъ дальнихъ благо
Отъ вашей воли, доблести зависитъ.
Нашъ долгъ велитъ казнить виновный городъ.
Притомъ съ врагами нашими — Ордой
И Полыней безъ него нельзя бороться.
Вы знаете все сами. Мы должны лишь
Васъ ободрить своимъ великимъ словомъ,
Сказать вамъ: потрудитесь. — Мы десницей
Державною отремъ вашъ потъ кровавый,
Богатой милостью изцѣлимъ раны.

Впередъ и съ нами Богъ! Приступимъ къ дѣлу!
Велите пѣть молебны. Пусть святою
Водой священники окропятъ храбрыхъ
Благословятъ на подвигъ велій, славный!

Бояринъ Образецъ вамъ перескажетъ
Военныя мои распоряженья.
Въ заутреню, съ военнымъ нашимъ кликомъ
«Москва» ударимъ на враговъ.

(„Марѳа, Посадница Новгородская“. Москва, 1830 г., стр. 63—64).

---

lib.pushkinskijdom.ru

57.

[БАРАТЫНСКІЙ].

(Стр. 130—135).

Эта статья, сохранившаяся въ рукописи Румянцовскаго Музея № 2387 B, лл. 5—8, 27—29, впервые появилась въ посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 236—241, а затѣмъ помѣщена въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 99—103. Первоначальный черновой набросокъ статьи, относящійся еще къ 1827-му году, найденъ В. Е. Якушкинымъ въ музейной тетради № 2367, лл. 38, 39 об., 40, и напечатанъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLII, № 5, стр. 346—347. Въ автографахъ Пушкина много исправленій и сокращеній. Какъ ранняя редакція, такъ и главные варіанты позднѣйшей редакціи заслуживаютъ вниманія.

Текстъ 1827 года дошелъ до насъ въ такомъ видѣ:

„Истинный вкусъ не въ томъ состоитъ что въ безотчетномъ отверж⟨еніи⟩ dédaigne такое ⟨то⟩ слово, такой то оборотъ, — но въ чувствѣ соразмѣрности[1]), и сообразности[2]).—

Никто болѣе[3]) не вложилъ[4]) чувства въ свои мысли, и болѣе вкуса въ свои чувства. Они въ немъ не раздѣлимы[5]).

Провинціальная чопорность.—

Наконецъ появилось собраніе ст⟨ихотвореній⟩ Бар⟨атынскаго⟩ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидае-

---

1) *Сначала было написано:* соразмѣрности цѣлаго.
2) *Далье зачеркнуто:* частей.
3) *Первоначально было:* болѣе его.
4) Внизу написано: n'a mis.
5) См. стр. 35—36 и примѣчанія, стр. 83 и 85.

lib.pushkinskijdom.ru

мое[1]). — Спѣшимъ воспользоваться случаемъ высказать наше ⟨мнѣніе⟩ объ одномъ изъ первоклассн⟨ыхъ⟩ нашихъ поэтовъ и (бы⟨ть⟩ мож⟨етъ⟩) еще недовольно оцѣненномъ своими соотечественниками.

Первыя произв⟨еденія⟩ Бар⟨атынскаго⟩ обратили на него вниманіе. — Знатоки съ удивленіемъ увидѣли въ первыхъ опытахъ зрѣлость и стройность необыкнов⟨енную⟩.

Сіе преждевременное развитіе всѣхъ поэтическихъ способностей[2]) можетъ быть зависѣло отъ обстоятельствъ, но уже предрекало намъ то что нынѣ выпол⟨нено⟩ поэтом⟨ъ⟩ столь блистательн⟨ымъ⟩ образомъ. —

Corrige le valet mais respecte le maître.

Соперн⟨ики⟩ Бар⟨атынскаго⟩ — Батюшк⟨овъ⟩ и Жук⟨овскій —⟩ сравненіе.

Первыя произведенія Ба⟨ратынскаго⟩ были элегіи и въ этомъ родѣ онъ первенствуетъ. — Нынѣ вошло въ моду порицать элегіи — какъ въ старину[3]) старались осмѣять[4]) оды, но если вялыя подража⟨нія⟩ Ломоносова и Баратынскаго равно несносны, то изъ того еще не слѣдуетъ что роды элегич⟨ескій⟩ и лирич⟨ескій⟩ должны быть исключены изъ разрядн⟨ыхъ⟩ кни⟨гъ⟩ поэтической олигархіи[5]).

Къ тому жъ у насъ почти не существуетъ чистая элегія — [Въ] древнос⟨ти⟩ отличалась она особымъ стихосложеніемъ, но иногда сбивалась на идилію, иногда входила въ трагедію, иногда принимала ходъ лирической — (чему въ новѣйшее время видимъ примѣры у Гете) — tous les genres sont bon⟨s⟩ excepté l'ennuyeux. Вотъ основаніе

1) *Далѣе зачеркнуто:* истинными цѣнителями дарованій.
2) *Первоначально было:* поэтическаго чувства.
3) *Въ рукописи:* въ встарину.
4) *Первоначально было:* острились на щетъ.
5) *Первоначально было:* уничтожены въ поэтической Гіерархіи.

lib.pushkinskijdom.ru

поверхност‹ной› критики. Un sonnet sans dé‹faut vaut seul un long poème›. Хорошая эпиграмма лучше плоской трагедіи — что это значитъ? можно ли сказать[1]) что бутылка шампанскаго лучше дурной погоды?“[2]).

Большое число зачеркнутыхъ и исправленныхъ словъ и выраженій въ редакціи 1830-го года свидѣтельствуетъ о томъ, что поэтъ, неудовлетворенный своимъ изложеніемъ, приступилъ къ тщательной отдѣлкѣ статьи, но не закончилъ своей работы.

Стр. 130, строка 15: ...занять *свое* мѣсто на русскомъ Парнасѣ...
» 130, » 20: ...скромно благодаримъ его...
» 130, » 21—22: ...*слабые и блѣдные сколки съ яркихъ и могущихъ оригиналовъ*...
» » » » ...*щастливый* переводъ, удачное подражаніе...
» 130, » 22—23: ...сравниваемъ *sans façon* съ *chefs d'oeuvre* Гете и Байрона...
» 130, » 24—26: ...истинный талантъ довѣряетъ болѣе собственному сужденію, нѣжели похваламъ. *Несправедливая*[3]) *хвала столь-же мало его ослѣпляетъ какъ пристрастное*[4]) *порицаніе можетъ огорчать его* —
» 130, » 26—27: ...*а грѣшно* лишать златую посредственность...
» 131, » 2: ...*журнальной* благосклонно‹стію›...
» 131, » 5: ...*поддѣльной* поэзіи —
» 131, » 7: ...критики affectaient à son égard.

---

1) *Первоначально было:* это все равно какъ если вы скажете...
2) См. стр. 38 и примѣчанія, стр. 86.
3) *Сверху написано:* неумѣренная.
4) *Сверху написано:* несправедливое.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 131, строка 9: Не *говоря о нелѣпыхъ* шуточк‹ахъ›...
» 131, » 9: .....*о нелѣпыхъ замѣчаніяхъ*...
» 131, » 11: ...появленіе Эды *поэмы* столь замѣчательнэ‹й›...
» 131, » 12: ...прелестью *поэзіи*...
» 131, » 17—18: Какъ отозвался М‹осковскій› В‹ѣстникъ› *о его мѣлкихъ* стихотвореніях‹хъ›...
» 131, » 18: .....перваго Руск‹аго› элегическаго поэта —
» 131, » 20: ....Бара‹тынскій› *продолжалъ* усовершенствова*ться*...
» 131, » 25: ...*разположилъ* въ *краткомъ* разказѣ...
» 131, » 27: Описаніе Москвы. *Княгиня Нина на балъ — и въ гробъ.*

Далѣе слѣдовалъ пересказъ вышеуказанныхъ мѣстъ изъ произведенія Баратынскаго: „Поэма начинается описаніемъ Московскаго бала — Гости съѣхались. Пожилыя дамы сидятъ въ пышныхъ убора‹хъ›, сидятъ около стѣнъ и смотрятъ на толпу *съ тупымъ вниманіемъ*, вельможи въ лѣнт‹ахъ› и звѣздахъ [заняты] картами [1]), и вставъ из‹ъ-за› л‹омберныхъ› ст‹оловъ› иногда приходятъ взглянуть на etc. молодыя красавицы кружатся [2]) около ихъ.

Гусаръ крутитъ свои усы
Писатель чоп‹орно острится...›

Вдругъ всѣ смутились, посыпались вопросы. Княгиня Ни‹на› вдругъ уѣхала съ бала —

---

1) *Первоначально было:* сидятъ за карт‹ами›.
2) *Первоначально было:* танцуютъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Богъ вѣсть, [мигрень,][1]) отвѣчаетъ съ супружескимъ равнодушіемъ князь занятый своимъ (?) бо[стономъ].

Поэтъ отвѣчаетъ вмѣсто князя, отвѣтъ и составляетъ поэму — Нина изключительно и проч.“

Стр. 131, строка 28: ...con amore *сильно* и съ удивительнымъ искуствомъ...

» 131, » 30—31: ...своей *поэтической* метафизики —

» 132, » 1: Напрасно поэтъ *принимаетъ* иногда строгій тонъ...

» 132, » 3: ...*даже* сатирически описываетъ намъ ея похороны...

» 132, » 15: ...перечтите его *глубокую* повѣсть...

» 132, » 15—16: ...*съ какой оригинальностію* съ какою глубиною чувства развита любовь *простодушной* ⟨Эды⟩.

» 132, » 26: ...Эда уже не *дитя*.

» 133, » 16: ...какъ весь отрывокъ *дышетъ* нѣгой.

» 133, » 17—19: Баратынскій принадлежитъ *безспорно* къ малому числу *первокл⟨ассныхъ⟩* нашихъ поэтовъ. Онъ оригиналенъ *въ Россіи* — ибо мыслитъ. — Онъ былъ бы оригиналенъ и *не въ Россіи*...

» 133, » 22—23: ...всякаго *кто только одаренъ* чувствомъ.

» 133, » 24: ...знаемыхъ *знатоками* наизусть и столь неудачно каждый день подражаемыхъ...

» 133, » 26: ...у насъ *прошли едва* замѣчанныя...

» 133, » 28—30: Послѣднія болѣе зрѣлыя болѣе близскія къ совершенству, *были раз-*

1) *Внизу зачеркнуто:* въ сюрахъ 6.

lib.pushkinskijdom.ru

бранены въ такъ называемыхъ критическихъ разборахъ и произвели мало дѣйствія —

Стр. 133, строки 29—30: .....*почти не* имѣли *никакого* успѣха —

» 133, » » .....имѣли *малый* успѣхъ —

» 133, » 30: Постараемся объяснить причину *оному*.

» 133, » 30—31: Первой *можно* почесть самую зрѣлость *сихъ* произведеній.

» 133, » 31: .....самое сіе усовершенствованіе *Таланта*...

» 134, » 2—4: ...молодые *товарищи* его понимаютъ и *съ восторгомъ видятъ* въ его произведеніяхъ собственныя чувства и мысли...

» 134, » 4: Но лѣта *про*‹*ходятъ*› —

» 134, » 6—7: А читатели *все* тѣ же, *и* только сдѣлались холоднѣе...

» 134, » 9—10: ...если выдаетъ свои произведенія...

» 134, » 11: ...невниманіе *толпы*...

» 134, » 12—13: ...въ сердцахъ *разрозненныхъ и* уединенныхъ по‹клонниковъ поэзіи›...

» 134, » 13: ...*разсѣянныхъ по* свѣту —

» » » » ...*затерянныхъ въ толпѣ* —

» 134, » 13—14: Вторая ‹причина›. Литература не есть у насъ *еще* народная потребность — *Отсель и недостатокъ* критики и общаго мнѣнія —

» 134, » 16—21: Классъ читателей ограниченъ — и *мнѣніемъ его* управляютъ журналы. — Приговоры ихъ, *хотя, вообще не основанные на здравой и ученой критики* (*sic*) *но писанные* на обумъ и по наслышкѣ (а *иногда*

lib.pushkinskijdom.ru

по личнымъ разсчетамъ), *имѣютъ однакожъ изключительное* и рѣшительное вліяніе.

Стр. 134, строка 26: . . . площадныя ругательства —

» 134, » 26—27: . . . тѣмъ не менѣе *равнодушіе къ судьбѣ*[1]) *своихъ произведеній очень замѣчательно* . . .

» 134, » 29—30: . . . *законо‹дателей›* рускаго Парнас‹са› —

» 134, » 31: . . . никогд‹а не› *спорилъ* . . .

» 135, » 2—3: . . . не выразить иногда *сатирическаго* мнѣнія на щетъ ихъ въ этихъ маленькихъ *критикахъ* . . .

» 135, » 3—4: . . . въ этихъ *мѣлкихъ* сатирахъ столь *убійственныхъ*.

» 135, » 4—5: *Намъ* было бы жаль . . .

» 135, » 6—8: Сіе равнодушіе къ успѣху и похваламъ, *замѣтно* не только въ отношеніи *критиковъ*, но и въ отношеніи публики.

» 135, » 12—14: . . . никогда не *избѣгалъ* трудовъ неблагодарныхъ, *не*замѣчанныхъ, трудовъ отдѣлки, отчетливости *связи-переходовъ* никогда не *влачился онъ* по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго Гения . . .

» 135, » 16—17: Время ему *стать на* степени ему принадлежащей—*близъ* Жуковскаго . . .

» 135, » 17: . . . подлѣ *Дмитріева* Жуковскаго . . .

Статья о Боратынскомъ задумана Пушкинымъ вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ перваго собранія стихотвореній „пѣвца Пировъ“ и „молодой Финляндки“, но замыселъ

1) *Сверху написано*: таковая безпечность о ‹судьбѣ›.

lib.pushkinskijdom.ru

поэта не осуществился: въ 1827 году была набросана лишь программа будущаго очерка, изъ которой двѣ фразы включены въ замѣтки, напечатанныя въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 г. подъ заглавіемъ: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“ (стр. 35—36 и примѣчанія, стр. 83, 85). Черезъ три года; по всей вѣроятности, въ Болдинѣ[1]), Пушкинъ возвратился къ начатой работѣ и, недовольный отзывами критиковъ о Боратынскомъ, отмѣтилъ тѣ достоинства послѣдняго, которыя не были поняты журнальными рецензентами (Переписка, т. I, стр. 328: письмо къ А. А. Дельвигу отъ 20-го февраля 1826 г.).

Съ юныхъ лѣтъ Пушкинъ былъ неизмѣннымъ почитателемъ таланта Боратынскаго. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній онъ вспоминаетъ о пѣвцѣ „грусти томной“[2]), русскомъ Гамлетѣ[3]) и русскомъ Овидіи[4]) или обращается къ нему съ ласковымъ привѣтомъ.

Плѣненный „волшебными напѣвами“ своего друга, Пушкинъ восхищается его „чистымъ, благороднымъ“ слогомъ.

Стихъ каждый повѣсти твоей
Звучитъ и блещетъ какъ червонецъ,

говоритъ поэтъ объ „Эдѣ“ [Къ Баратынскому (1825)].

Пушкинъ считаетъ Боратынскаго мастеромъ въ описательной поэзіи, оригинальнымъ разсказчикомъ, первымъ эротическимъ поэтомъ, не знающимъ себѣ соперниковъ,

---

1) П. В. Анненковъ думалъ, что появленіе поэмы „Балъ“ (1828 г.) дало поводъ Пушкину взяться за перо, но для такого предположенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Скорѣе можно отнести статью къ 1831-му году, что вполнѣ согласовалось бы съ мѣстомъ, занимаемымъ ею въ тетрадяхъ поэта (Изданіе Анненкова, т. VI, стр. 110. — Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе“, т. VI, стр. 635. — Н. О. Лернеръ. Труды и дни Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 232. — *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 570).

2) „Евгеній Онѣгинъ“, глава III, строфа XXX (1824 г.).

3) „Черепъ“ (1827 г.).

4) „Баратынскому изъ Бессарабіи“ (1822 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

и питаетъ давнюю любовь къ ‹его› непорочной Музѣ“, отказываясь „бороться“ съ нимъ въ изображеніи сѣверной природы и отдавая пальму первенства его прелестнымъ элегіямъ. „Милый трубадуръ“ — „чудо“; его творенія — настоящія „сокровища“, которыми пользовался Пушкинъ при выборѣ эпиграфовъ для лучшихъ своихъ романовъ (ср. VII главу „Евгенія Онѣгина“)[1]).

„Каковъ Баратынскій?“ пишетъ Пушкинъ князю П. А. Вяземскому: „признайся что онъ превзойдетъ и Парни и Батюшкова — если впредь зашагаетъ какъ шагалъ до сихъ поръ — вѣдь 23 года щастливцу! оставимъ всѣ ему эротическое поприще и кинемся каждый въ свою сторону а то спасенья нѣтъ“ . . . (Письмо отъ 2-го января 1822 г.).

„Послѣ него ‹Баратынскаго›“, заявляетъ Пушкинъ А. А. Бестужеву: „никогда не стану печатать своихъ элегій, хотя бы наборщикъ клялся мнѣ Евангеліемъ поступать со мною милостивѣе“ (Письмо отъ 12-го января 1824 г.).

Съ осени 1824 г. великій поэтъ засыпаетъ брата Льва Сергѣевича вопросами объ „Эдѣ“ и неоднократно проситъ прислать ее въ Михайловское: „Чтожъ чухонка Баратынскую? Я жду“. „Присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя“. „Пришли-же мнѣ Эду Баратынскаго. Ахъ, онъ чухонецъ! Да если она милѣе моей черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду“ (Письмо отъ 4-го декабря 1824 г. Ср. письма изъ Михайловскаго: конецъ октября, ноября и декабря того же года).

Получивъ „Эду“ и внимательно прочитавъ ее, Пушкинъ былъ ею очарованъ. „Что за прелесть эта Эда!“ сообщаетъ онъ барону А. А. Дельвигу: „Оригинальности разказа наши критики не поймутъ. Но какое разнообразіе!

1) *Е. А. Боратынскій.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе Академіи Наукъ. II. 1915 г., т. II, стр. 326.

lib.pushkinskijdom.ru

Гусаръ, Эда и самъ поэтъ — всякой говоритъ по своему. А описаніе Лифляндской природы! а утро послѣ первой ночи! а суета съ отцомъ: — чудо!“ — Не менѣе восторженный отзывъ о поэмѣ данъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой: „Voici le nouveau poëme de Baratinsky, que Delvig vient de m'envoyer; c'est un chef-d'oeuvre de grâce, d'élégance et de sentiment. Vous en serez enchantée“ (Письмо отъ 20-го февраля 1826 г.).

Неудачныя критическія статьи о сочиненіяхъ Боратынскаго, то чрезмѣрно хвалебныя [1]), то несочувственныя, огорчали Пушкина; огорчало его и общественное положеніе Боратынскаго, какъ опальнаго писателя, не заслужившаго довѣрія и „ободренія“ со стороны властей. „Изъ неободренныхъ“, жаловался Пушкинъ А. А. Бестужеву въ маѣ — іюнѣ 1825 г.: „вижу только себя да Баратынскаго — и говорю слава Богу!“ За то нашъ поэтъ искренно радовался, когда могъ чѣмъ-либо быть полезенъ своему другу и способствовать распространенію его произведеній. Съ большой охотой беретъ на себя хлопоты по ихъ изданію и нелегкіе переговоры съ книгопродавцами. „Скажи Баратынскому“, пишетъ онъ П. В. Нащокину 2-го декабря 1832 г.: „что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи полныхъ Стихотвореній *Евг‹енія› Баратынскаго*. Я говорилъ о 8 и о 10 тыс‹ячахъ› а Смирдинъ боялся что Бар‹атынскій› не согласится; слѣдственно, Бар‹атынскій› можетъ съ нимъ сдѣлаться. Пускай онъ попробуетъ“ [2]).

---

1) Ср. статью П. А. Плетнева въ *Соревнователѣ просвѣщенія и благотворенія*, 1825 г., т. XXIX, № 1, стр. 107, гдѣ Боратынскій поставленъ выше Байрона (Переписка, т. I, стр. 193. — Сочиненія, т. IV, примѣчанія, стр. 246—247).

2) Объ отношеніи Пушкина къ Боратынскому см.: 1) Сочиненія, т. III, стр. 106—107, 126, и примѣчанія, стр. 206—207; т. IV, стр. 175, 252, и примѣчанія, стр. 246—248; 2) Переписка, т. I, стр. 37, 87, 96, 99, 141, 149, 156—157, 165, 179, 294, 328, 342; т. II, стр. 54, 277, 398; 3) *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XVI, стр. 143—160.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 130, строки 17—26*). Къ числу „записныхъ Аристарховъ", выносящихъ „малообдуманныя рѣшенія", Пушкинъ, повидимому, относитъ Н. А. Полевого, который, по выходѣ въ свѣтъ первой главы „Евгенія Онѣгина" привѣтствовалъ ея автора, какъ геніальнаго поэта, и сравнялъ ее съ твореніями Гете и Байрона.

„Давно уже съ нетерпѣніемъ ожидала Публика *Онѣгина*", говоритъ Полевой: „теперь отчасти и вполнѣ удовлетворилось желаніе читателей: *отчасти*, ибо издана только первая глава Поэтическаго романа, *вполнѣ*, потому что изданіе Онѣгина положительно доказываетъ права Пушкина уже не просто на талантъ, но на что-то выше.

„Но что такое *Онѣгинъ?*" спросятъ Критики, „что за Поэма, въ которой есть главы какъ въ книгѣ? По какимъ правиламъ она составлена? Къ какому роду принадлежитъ?"

„Онѣгинъ, Мм. Гг., *романъ въ стихахъ*, слѣдовательно въ романѣ позволяется употребить раздѣленіе на главы; правила, руководствовавшія Поэта, заключаются въ его творческомъ воображеніи; родъ, къ которому принадлежитъ романъ его, есть тотъ самый, къ которому принадлежатъ Поэмы Байрона[1]) и Гете"... (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., ч. II, № 5, стр. 44; ч. IV, № 15, Особенное Прибавленіе, стр. 1—11).

— (*Стр. 131, строки 9—10*). „Шуточки" *Благонамѣреннаго* были вызваны стихотвореніемъ Боратынскаго „Бдѣніе" (1821 г.), гдѣ поэтъ выражаетъ свое меланхолическое настроеніе и тоскуетъ о своемъ увяданіи въ молодые годы:

---

1) Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 4-го ноября 1823 г. Пушкинъ сообщаетъ: „Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница. Въ родѣ Донъ Жуана" (Переписка, т. I, стр. 83—84.— *П. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 124).

lib.pushkinskijdom.ru

Душа стѣснилася тоскою!
Я грустно онѣмѣлъ;
Оперся на руки главою,
Въ окно не зря глядѣлъ.

Это подало поводъ нѣкоему Д. Вре-ву въ пародіи „Союзъ поэтовъ“ писать:

Увядши для утѣхъ,
Въ окно не зря глядите!...

(*Благонамѣренный*, 1822 г., т. XIX, № 39, стр. 514. — Ср. *Е. Боратынскій*. Полное собраніе сочиненій. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1914 г., т. I, стр. 26—27, 226).

— (*Стр. 131, строки 14—15*). Первое изданіе поэмъ Боратынскаго (1826 г.) нашло себѣ весьма взыскательнаго цѣнителя въ лицѣ Булгарина.

„Пиры“ съ точки зрѣнія критика, — „пріятная литературная игрушка, въ которой Авторъ прославляетъ гастрономію и приглашаетъ любителей Комуса наслаждаться невинными удовольствіями жизни“. Въ другой поэмѣ „Эда“ прекрасны лишь „описаніе зимы, весны, горъ и лѣсовъ Финляндіи“. „Но въ цѣломъ повѣствованіи нѣтъ той типической, возвышенной, плѣнительной простоты, которой мы удивляемся въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, *Цыганахъ* и *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*. Окончательный смыслъ большей части стиховъ переносится въ другую строку; отъ этого разсказъ дѣлается прозаическимъ и вялымъ. Чувство любви представлено также не въ возвышенномъ видѣ, и предметъ поэмы вовсе не піитическій. Гусаръ обманулъ несчастную дѣвушку, и она умерла съ отчаянія, безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Нѣтъ ни одной сцены занимательной, ни одного положенія поразительнаго. Даже въ прозѣ Повѣсть сія не увлекла бы читателя заманчивостью, а намъ кажется, что Поэзія должна избирать

lib.pushkinskijdom.ru

предметы, выходящіе изъ обыкновеннаго круга повседневныхъ приключеній и случаевъ; иначе она превратится въ *риѳмоплетство*. Неужели Природа, Исторія и человѣчество не имѣютъ предметовъ возвышенныхъ для воспаленія юныхъ талантовъ? Скудость предмета имѣла дѣйствіе и на образъ изложенія: стихи, языкъ — въ этой Поэмѣ не отличные“ (*Сѣверная Пчела*, 1826 г., № 20).

Сужденія Булгарина показались ошибочными Полевому, который нашелъ необходимымъ напечатать свое „возраженіе“ на страницахъ *Московскаго Телеграфа*.

„Эда“, по словамъ Полевого, „есть первая Поэма, изданная Баратынскимъ. Но это не *первый опытъ*. Читатели найдут въ ней мастерское произведеніе *опытнаго* Поэта. Эда есть новое, блестящее доказательство таланта Баратынскаго. Если должно согласиться, что *Романтическая Поэма* введена въ нашу Поэзію Пушкинымъ, то надобно прибавить, что Поэма Баратынскаго есть твореніе, написанное не въ подражаніе Пушкину. Два сіи Поэта совершенно различны между собою. Характеръ Баратынскаго... самобытно отразился въ новой его Поэмѣ“...

„Можетъ быть нѣкоторые Критики скажутъ, что *чувство любви въ сей Поэмѣ не возвышенно и происшествіе слишкомъ обыкновенно*. „Поэзія“, прибавятъ они „должна выбирать предметы, выходящіе изъ обыкновеннаго круга повседневныхъ приключеній — не уже ли Природа, Исторія и человѣчество не представляютъ предметовъ болѣе возвышенныхъ?“.

„На сіи слова скажемъ Критикамъ, что они смотрятъ на Поэму Баратынскаго не съ надлежащей точки зрѣнія. Желать, чтобы Поэты описывали только порывы чувствъ высокихъ, любовь отеческую, дѣтскую, примѣры великодушія, пожертвованія собою, значитъ: желать уничтожить все разнообразіе Изящной Словесности и смѣшивать понятія. Изъ сего слѣдуетъ вопросъ: должно-ли уничтожить

lib.pushkinskijdom.ru

Романы, Элегіи, Идилліи, Сказки, Эпиграммы, Мадригалы, Пѣсни, и замѣнить ихъ Исторіею, Одою, Гимномъ, Эпопеею, Апологомъ, Кантатою? Не таково-ли требованіе Критиковъ? Они говорятъ о *возвышенномъ*, но забываютъ, что *Изящное* состоитъ не въ одномъ *высокомъ*, но и въ *прекрасномъ*, которое подраздѣляется еще на нѣсколько отраслей... Изъ міра Поэзіи должно изгонять *неизящное* и *порочное*; но тѣ творенія, гдѣ Поэзія *не имѣетъ преимущественно цѣлью назиданія*, не должны быть изгоняемы. Злоупотребленіе можно сдѣлать изъ всего. Руссо самъ признавался, что его Элоизы не должно читать дѣвушкѣ[1]); но слѣдуетъ-ли изъ того, что романы *должны быть изгнаны изъ области Словесности?* И почему въ Вертерѣ или Эдѣ ужасныя слѣдствія, которыми Сочинители довершили погибельные порывы страстей, не хотятъ почесть страшнымъ урокомъ добродѣтели, доказывающимъ, какъ ужасны дѣйствія необузданныхъ страстей? Впрочемъ, всего менѣе можно укорить въ противномъ нашего Поэта, ибо его Поэма исполнена благороднаго негодованія къ пороку, силы въ выраженіи раскаянія, слѣдующаго за преступленіемъ. — Наши замѣчанія отвѣчаютъ Критикамъ и на то мнѣніе ихъ, что чувство любви въ Эдѣ *невозвышенно*. Мы желали-бы, чтобы Критики сперва *опредѣлили предметъ сужденія*, а потомъ уже *судили* о семъ предметѣ. Весьма легко говорить въ неопредѣленныхъ словахъ, изъ которыхъ нельзя вывесть никакого слѣдствія.

Что касается до недопущенія въ Поэзію предметовъ, не выходящихъ изъ круга обыкновенной жизни, то здѣсь предположенія Критиковъ совершенно неправильны, ибо надобно спрашивать не о томъ: обыкновененъ или необыкновененъ какой-нибудь предметъ, но *поэтическій-ли*

1) Jamais fille chaste n'a lu de romans, et j'ai mis à celui-ci un titre assez decidé pour qu'en l'ouvrant on sût à quoi s'en tenir, и проч. См. пред. къ Новой Элоизѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

предметъ сей? И съ разрѣшеніемъ сего вопроса всѣ сомнѣнія разрѣшатся. Міръ поэзіи разнообразенъ.

Поэтъ изображаетъ *человѣка*; пусть только изображеніе его не возмущаетъ насъ низостью предметовъ, будетъ *облечено въ поэтическія формы*, и дѣло кончено. Чѣмъ необыкновенна завязка Иліады? И тамъ, и въ Эдѣ дѣйствуетъ *человѣкъ*, только формы поэтическія различаютъ сіи Поэмы, но не предметъ ихъ. Оставя то, что принадлежитъ къ міру Эпопеи, спрашиваемъ Критиковъ: развѣ нѣтъ въ Эдѣ *сценъ занимательныхъ, положеній поразительныхъ*, словомъ — піитическихъ подробностей, которыя доказываютъ, что предметъ Поэмы есть предметъ достойный *Поэзіи?* Конечно, Черкешенка распиливающая цѣпь плѣнника, Зарема съ кинжаломъ у аула Маріи, поразительнѣе описанія Эды передъ пагубнымъ свиданіемъ; Эды, когда она съ грустью смотритъ на цвѣтокъ, уносимый волнами[1]); Эды въ грусти по отъѣздѣ Владиміра, но сравненія ничего не доказываютъ: здѣсь и тамъ разные роды чувства, разныя выраженія Поэзіи. Сравнивать ихъ все равно, что спорить о томъ, что лучше: *Иліада, Саконтала* или *Картонъ*? Можно отвѣчать словами того человѣка, который, видя два разные предмета, на вопросъ: который *лучше?* отвѣчалъ: *оба лучше*".

„Искусство Баратынскаго въ отношеніи стихосложенія превосходно. Разсказъ въ самыхъ обыкновенныхъ подробностяхъ у него не только *не прозаическій и не вялый*, но совершенно піитическій. Описанія Финляндіи картинны и сняты съ природы — видите, что въ душѣ Поэта осталось сильное впечатлѣніе дикихъ, угрюмыхъ красокъ ея"... „Намъ чрезвычайно нравится также искусство Баратынскаго *переносить смыслъ изъ стиха въ стихъ*. Этимъ

1) Полевой приводитъ цитату изъ „Эды", начинающуюся стихомъ: „Владиміръ въ тихомъ забытьи", и кончающуюся словами: „Не доживу, Господь поможетъ!".

lib.pushkinskijdom.ru

онъ умѣетъ избѣгать монотоніи, которая къ каждой риѳмѣ приколачиваетъ утомительное однообразіе. Онъ умѣетъ также избѣгать *прилагательныхъ*, которые такъ обильно разсыпаются въ нашихъ стихахъ, и иногда съ излишкомъ употребляются даже въ самыхъ лучшихъ произведеніяхъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1826 г., ч. VIII, № 5, стр. 63, 69—73).

— (*Стр. 131, строки 17—18*). Въ „Обозрѣніи Русской Словесности за 1827-й годъ" С. П. Шевыревъ несочувственно отозвался о первомъ изданіи сочиненій Боратынскаго. „Достоинства и характеръ Поэта", говоритъ обозрѣватель: „яснѣе опредѣляются, когда мы вдругъ смотримъ на всѣ его произведенія въ одномъ полномъ ихъ собраніи. Посему хотя стихотворенія Баратынскаго и прежде были извѣстны публикѣ, но до сего собранія она не знала еще опредѣленій его физіогноміи. По нашему мнѣнію, Г. Баратынскій болѣе мыслитъ въ поэзіи, нежели чувствуетъ, и тѣ произведенія, въ коихъ мысль беретъ верхъ надъ чувствомъ, каковы на пр‹имѣръ› *Финляндія*, *Могила*, *Буря*, станутъ выше его *элегій*. Въ послѣднихъ встрѣчаемъ чувствованія, давно знакомыя и едва ли уже не забытыя нами. Сатиры его (въ которыхъ онъ между прочимъ обвиняетъ и себя, нападая на плаксивость нашихъ поэтовъ) часто сбиваются на тонъ дидактическій и не столько блещутъ остроуміемъ, сколько щеголеватостію выраженій. Это желаніе блистать словами въ немъ слишкомъ замѣтно, и потому его можно скорѣе назвать поэтомъ выраженія, нежели мысли и чувства. Часто весьма обыкновенную мысль онъ оправляетъ въ отборныя слова и старательно шлифуетъ стихи, чтобъ придать глянцу своей оправѣ. Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ Русскихъ поэтовъ, которые своими успѣхами въ мастерской отдѣлкѣ стиховъ исключили чистоту и гладкость слога изъ числа важныхъ достоинствъ поэзіи. Но, несмотря на сіи достоинства въ слогѣ Г. Баратынскаго, онъ однообразенъ своими

lib.pushkinskijdom.ru

оборотами и не всегда правиленъ, обличая нерѣдкими галлицизмами замѣтное вліяніе французской школы“ (*Московскій Вѣстникъ*, 1828 г., ч. VII, № 1, стр. 70—71).

Эти строки Шевырева огорчили Пушкина, который подѣлился впечатлѣніями съ М. П. Погодинымъ въ такихъ выраженіяхъ: „Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья“ (Переписка, т. II, стр. 54: письмо отъ 19-го февраля 1828 г.). Письмо поэта[1]) было, въ свою очередь, непріятно для Шевырева, и онъ въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ этотъ эпизодъ. „Особенная страсть Пушкина“, разсказываетъ Шевыревъ: „была поощрять и хвалить труды своихъ близкихъ друзей. Про Баратынскаго стихи при немъ нельзя было и говорить ничего дурного; онъ сердился на Шевырева за то, что тотъ разъ, разбирая стихи Баратынскаго, дурно отозвался о нѣкоторыхъ изъ нихъ“ (*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 331, 348).

Помимо Пушкина, и О. М. Сомовъ досадовалъ на Шевырева за его рецензію. „Какъ оцѣнены были стихотворенія Баратынскаго, одно изъ пріятнѣйшихъ явленій въ русской словесности?“ писалъ онъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*: „О семъ поэтѣ сказано было (М‹осковскій› В‹ѣстникъ› 1828 г., кн. I): что „онъ болѣе мыслитъ, нежели чувствуетъ въ поэзіи“; что „онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ русскихъ поэтовъ, которые своими успѣхами въ мастерской отдѣлкѣ стиховъ изключили чистоту и гладкость слога изъ числа важныхъ достоинствъ поэзіи“; наконецъ, что „онъ однообразенъ своими оборотами“ и т. п. Здѣсь или явное нежеланіе признать достоинства поэта, или умышленное недоразумѣніе. Неужели только и можно было сказать о поэзіи Баратынскаго? Такъ позволительно судить о произведеніяхъ какого-нибудь незрѣлаго юноши

1) До насъ не дошедшее.

lib.pushkinskijdom.ru

съ недозрѣлымъ талантомъ. Пѣвецъ Эды, Пировъ, Финляндіи, творецъ многихъ элегій, дышащихъ чувствомъ истиннымъ и глубокимъ, и посланій, блестящихъ остроуміемъ свободнымъ и неподдѣльнымъ, достоинъ былъ, чтобы, говоря о произведеніяхъ его, критикъ взвѣшивалъ слова свои съ большею осторожностію и отчетливостію, а не распространялся объ одномъ механизмѣ стиховъ, который не составляетъ главнаго совершенства поэзіи Баратынскаго" (*Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., Проза, стр. 16—17).

— (*Стр. 133, строки 25—27*). Повѣсть Боратынскаго „Исторія кокетства" вызвала слѣдующій отзывъ П. А. Плетнева: „Сочинитель представляетъ Кокетство въ видѣ миѳологическаго лица. Онъ слѣдуетъ за нимъ съ Олимпа на землю; изображаетъ его положеніе въ Греціи, послѣ въ Римѣ; переходитъ къ среднимъ вѣкамъ и наконецъ оставляетъ его на берегахъ Сены. Игривость ума, слогъ легкій и блестящій, свѣтлая философія и прелесть аллегоріи сообщаютъ особенную занимательность этому счастливому произведенію веселаго остроумія" (*Соревнователь просвѣщенія и благотворенія*, 1825 г., т. XXIX, № 1, стр. 89).

Менѣе благосклонно отнесся къ повѣсти Полевой, который, не отрицая остроумія сюжета, нашелъ слогъ сочиненія „нѣсколько тяжелымъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1825 г., т. I, № 4, стр. 333).

— (*Стр. 134, строки 17—21*). Отрицательная характеристика русскихъ журналовъ, въ однородной формѣ, повторена Пушкинымъ во второй главѣ статьи „Мысли на дорогѣ" (стр. 174, строки 27—31).

— (*Стр. 135, строки 17—18*). Пѣвецъ „Пенатовъ" и „Тавриды", К. Н. Батюшковъ, поставленъ ниже Боратынскаго, не смотря на давнюю симпатію Пушкина къ „россійскому Парни". Извѣстно, что въ юные годы ве-

lib.pushkinskijdom.ru

ликій поэтъ былъ усерднымъ поклонникомъ музы Батюшкова.

Философъ рѣзвый и піитъ,
Парнасскій счастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
. . . . . .
Играй: тебя, младой Назонъ,
Эротъ и граціи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ[1]),

обращается Пушкинъ къ Батюшкову, у котораго заимствовалъ форму „дружескихъ“ посланій, подражая „Моимъ Пенатамъ“ въ цѣломъ рядѣ лицейскихъ и даже позднѣйшихъ стихотвореній (т. I, стр. 56—59, 13, 66, и примѣчанія, стр. 22, 75, 349).

Но время шло, талантъ Пушкина развивался, и требованія, предъявляемыя имъ къ художникамъ слова, становились строже. Въ зависимости отъ этого измѣнилась и оцѣнка твореній Батюшкова. „Что касается до Батюшкова“, писалъ Пушкинъ К. Ѳ. Рылѣеву: „уважимъ въ немъ нещастія и не созрѣвшія надежды!“ (Переписка, т. I, стр. 168: письмо отъ 25-го января 1825 г.). Признаніе заслугъ писателя и, въ то же время, тонкое пониманіе его недостатковъ проявились въ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ Пушкинымъ на экземплярѣ „Опытовъ“ Батюшкова (1817 г.). Изученіе этихъ замѣчаній привело Л. Н. Майкова къ такому выводу: „Написанныя въ ту пору, когда самъ Пушкинъ вполнѣ достигъ самостоятельности въ творчествѣ, они свободны отъ преклоненія предъ оцѣниваемымъ поэтомъ; ко многому что̀, въ юности безусловно восхищало Пушкина въ стихахъ Батюшкова, онъ, болѣе

1) Посланіе „Къ Батюшкову“ (1814).

lib.pushkinskijdom.ru

созрѣвшій, относится критически; онъ уже не сталъ бы теперь подражать тому, кто прежде былъ его любимымъ образцомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ уваженіе Пушкина къ таланту своего предшественника стало и глубже, и сознательнѣе; немногими, но мѣткими отзывами онъ выставляетъ на видъ особенности и достоинства его дарованія. Содержаніе поэзіи Батюшкова уже мало удовлетворяетъ Пушкина: отъ его проницательности не ускользаетъ ни сентиментальность въ романсахъ Батюшкова, ни обнаруживающаяся у него иногда холодная напыщенность, ни неопредѣленность или робость его мысли. Самъ Пушкинъ такъ широко раздвинулъ кругозоръ русской поэзіи, внесъ такъ много простоты и искренности въ нашу лирику, что уже не могъ мириться съ тою условностью образовъ и выраженій, которая еще замѣтна въ лирикѣ Батюшкова. Между тѣмъ какъ послѣдній искалъ только внѣшнихъ способовъ, чтобы расширить область элегіи, подъ вліяніемъ Пушкина даже его послѣдователи и сверстники сумѣли это сдѣлать безъ большого труда: вспомнимъ сосредоточенный, глубокій лиризмъ поэзіи Боратынскаго, котораго Пушкинъ любилъ сравнивать съ Батюшковымъ, и, которому еще въ 1822 году предсказывалъ, что онъ превзойдетъ автора „Тѣни друга“ и „Тавриды“.— Но, если содержаніе лирики Батюшкова казалось Пушкину скуднымъ, если въ произведеніяхъ его онъ находилъ невыдержанность, а иные изъ его поэтическихъ пріемовъ считалъ устарѣлыми, за то художественную механику его цѣнилъ онъ очень высоко. Онъ восхищался „гармоніей“ стиховъ Батюшкова и любовался его искусствомъ пользоваться даже такъ-называемыми поэтическими вольностями въ родѣ усѣченія окончаній или переноса цезуры для того, чтобы придать своимъ стихамъ новыя красоты — гибкость и звучность. Въ этомъ смыслѣ трудно было бы сказать въ пользу Батюшкова

lib.pushkinskijdom.ru

что-нибудь сильнѣе той высокой похвалы, которая выражена въ слѣдующихъ словахъ Пушкина: „Батюшковъ счастл‹ивый› сподвижникъ Ломоносова сдѣлалъ для Рускаго языка, то-же самое что Петрарка для Италіанскаго“ [1]).

Въ 1831-мъ году, подготовляя литературный матеріалъ для послѣдняго выпуска *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, издаваемыхъ въ память барона А. А. Дельвига, Пушкинъ рѣшилъ начать отдѣлъ прозы повѣстью Батюшкова „Предслава и Добрыня“. „Повѣсть сія“, писалъ поэтъ въ примѣчаніи къ этому произведенію: „сочинена Батюшковымъ въ деревнѣ (1810 года) и подарена одному любителю словесности, которому свидѣтельствуемъ искреннюю благодарность за сообщеніе драгоцѣнной сей рукописи и за позволеніе напечатать оную. Можетъ быть найдутъ въ этой повѣсти недостатокъ созданія и народности, можетъ быть скажутъ, что въ ней не видно и древней Руси и двора Владимірова; какъ бы то ни было, но поэтическая душа Батюшкова отсвѣчивается въ ней, какъ и въ другихъ его произведеніяхъ, и нѣжныя, благородныя чувствованія выражены прекраснымъ, гармоническимъ слогомъ“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1832 г., отдѣлъ „Проза“, стр. 1—2. См. *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XVI, стр. 37—41).

Слова Пушкина свидѣтельствуютъ, что онъ высоко цѣнилъ не только стихи, но и прозу Батюшкова, считая послѣдняго однимъ изъ лучшихъ нашихъ стилистовъ.

Въ статьѣ о Боратынскомъ Батюшковъ названъ „пѣвцомъ Пенатовъ и Тавриды“ потому, что оба упомя-

---

1) *Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 315 — 316. Цитата изъ статьи Пушкина: „О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности“, исправлена по автографу (см. стр. 12 и примѣчанія, стр. 21). — См. *М. Гершензонъ.* Статьи о Пушкинѣ. М. 1926 г., стр. 18—30.— *Пушкинъ и его современники*, в. XIX—XX, стр. 1—39.

lib.pushkinskijdom.ru

нутыя произведенія нравились Пушкину: одно — въ годы его юности, другое — въ ту пору, когда его талантъ окрѣпъ и развился.

Пушкинъ подражалъ „Моимъ Пенатамъ“ (1811 г.) въ лицейскихъ стихахъ и въ піесѣ „Къ моей чернильницѣ“ (1821 г.), но впослѣдствіи высказалъ объ этомъ сочиненіи Батюшкова довольно строгое сужденіе. „Главный порокъ“ „сего прелестнаго посланія“ усмотрѣлъ Пушкинъ въ „слишкомъ явномъ смѣшеніи древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни“. „Музы — существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но *норы* и *кельи*, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ — Суворовскаго солдата с двуструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ уже противорѣчитъ“.

Выше „Моихъ Пенатовъ“ въ глазахъ Пушкина стоитъ „Таврида“, „лучшая элегія Батюшкова“ „по чувству, по гармоніи, по искусству стихосложенія, по роскоши и небрежности воображенія“ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 293, 310).

1831.

58.

ДЕЛЬВИГЪ.

(Стр. 135—138).

Первая статья, недавно найденная въ рукописи и поэтому печатаемая въ приложеніи къ настоящему тому, впервые появилась въ Посмертномъ изданіи, т. II, стр. 57—60, и затѣмъ помѣщена въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 13—15;

lib.pushkinskijdom.ru

вторая и третья статьи дошли до насъ въ черновыхъ автографахъ, находящихся въ собраніяхъ Л. Н. Майкова и А. Ѳ. Онѣгина (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 31, № 29, и выпускъ XII, стр. 21, № 54), и впервые напечатаны въ „Матеріалахъ“ 1855 г., стр. 62, 279—280, и въ *Современникѣ* 1846 г., т. 42, стр. 78. — Автографы содержатъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 137, строки 20—21: Дельвигъ обыкновенно *вставалъ* очень поздно, *онъ спалъ слишкомъ много*...

» 137, » 27: Завтракъ *нашъ* напомнилъ ему...

» 137, » 28—29: Д‹ельвигъ› долго *носилъ* самыя мѣлкія свои произведенія...

» 137, » 30: ...развивать свои *мысли*...

» 137, » 30—31: ...*друзья его* знали его прекрасныя созданія...

» 137, » 32—34: Но когда наконецъ онъ *намъ* ихъ читалъ облеченныя въ его ‹звучные гекзаметры›, *оживленныя роскошью его поэзіи* [1]) они *приняты были* нами *какъ* новыя и неожиданныя—

» 138, » 4—5: Должно имѣть *великую* силу воображенія дабы изъ *сѣвера* переселиться въ Грецію...

» 138, » 6—7: *Должно имѣть* необыкновенное чутье изящнаго дабы угадать греческую *прелесть*...

» 138, » 7: ...угадать греческую *идиллію*...

» 138, » 10: ...не допускающую ничего *натянутаго* неестественнаго...

» 138, » 13: ...сію вѣчную *неожиданность*...

» 138, » 15—16: ...отъ романтической игривости и неправильности—

1) *Другой варіантъ*: этой поэзіи, которой тайну...

lib.pushkinskijdom.ru

Статьи о Дельвигѣ писаны въ разное время. Одна изъ нихъ, повидимому, предназначалась для сборника стихотвореній Дельвига, которые Пушкинъ подготовлялъ къ печати въ 1833—1834 гг. (Сборникъ Пушкинскаго Дома на 1923 г., стр. 9). — Вторая статья, содержащая воспоминанія о Дельвигѣ, относится къ 1834—1835 гг., такъ какъ написана на бумагѣ со знакомъ 1834. — Наконецъ, послѣдняя статья, посвященная идилліямъ Дельвига, первоначально входила в составъ этюда „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“ (1827 г.) и была исключена редакторомъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*, что̀ подтверждается свидѣтельствомъ Плетнева въ письмѣ къ Д. И. Коптеву отъ 31-го декабря 1845 г.: „На ваши замѣчанія касательно достоинства идиллій Дельвига, выписываю слова Пушкина, которыя недавно нашелъ въ моихъ бумагахъ и которыя Дельвигъ изъ скромности пропустилъ въ статьѣ Пушкина, печатая ее въ своемъ изданіи“ (*Русскій Архивъ*, 1877 г., т. III, стр. 340). Годъ спустя отзывъ объ идилліяхъ Дельвига былъ помѣщенъ въ *Современникѣ* съ примѣчаніемъ Плетнева, гласившимъ, что текстъ приводится *вполнѣ*, „чтобы не пропали и эти строки, драгоцѣнныя по имени Пушкина и замѣчательныя по истинѣ, въ нихъ заключающейся“ (*Современникъ*, 1846 г., т. 42, стр. 78. — *П. А. Плетневъ.* Сочиненія и переписка. СПб. 1885 г., т. II, стр. 194—195. — Ср. примѣчанія къ настоящему тому, стр. 82).

Характеристика личности Дельвига и оцѣнка его твореній, сдѣланныя въ статьяхъ Пушкина, дополняются данными, заключающимися въ перепискѣ послѣдняго.

„Братъ названный“ великаго поэта, Дельвигъ былъ связанъ съ Пушкинымъ узами самой тѣсной дружбы. Онъ — видный членъ „ареопага“, отъ котораго Пушкинъ не разъ ожидалъ суда надъ своими произведеніями и рѣшенія котораго онъ принималъ съ покорностію. Дель-

lib.pushkinskijdom.ru

вигъ — „талантъ прекрасный“, „вдохновенный поэтъ“, „наперсникъ боговъ“.

Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой,
Его баюкаютъ камены молодыя.

„Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ“, онъ „возрастилъ“ на сѣверныхъ снѣгахъ „Ѳеокритовы нѣжныя розы“ и „угадалъ“ золотой вѣкъ въ вѣкѣ желѣзномъ.

„Съ жадностью, восхищеніемъ и благодарностію“ читалъ Пушкинъ „прелестные сонеты“ Дельвига, охотно приходилъ къ нему на помощь въ издательскомъ дѣлѣ и побуждалъ своихъ знакомыхъ также „посылать“ барону „Вассальскую подать“. „Зачемъ ты не хотѣлъ отвѣчать на письма Дельвига?“ укоряетъ Пушкинъ въ апрѣлѣ 1825 г. князя П. А. Вяземскаго: „Онъ человѣкъ, достойный уваженія во всѣхъ отношеніяхъ и не чета нашей литературной С.П.Бургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цвѣты* на след‹ующій› годъ. Мы всѣ объ нихъ постараемся.“ — Участіе Вяземскаго въ *Литературной Газетѣ* радуетъ поэта. „Газета хороша, ты много оживилъ ее — Поддерживай ее покамѣсть нѣтъ у насъ другой“, проситъ онъ своего пріятеля, а переѣхавъ въ Болдино, шлетъ письмо Плетневу съ порученіемъ ободрить Дельвига: „Скажи Дельвигу чтобъ онъ крѣпился; что я къ нему явлюсь непремѣнно на подмогу, зимой, коли здѣсь не окалѣю“. — Пушкинъ сильно огорчается, видя неудачи Дельвига; досадуетъ на помѣщеніе въ *Литературной Газетѣ* извѣстнаго четверостишія Казимира Делавиня [1]):

1) Вотъ эти стихи, написанные въ честь жертвъ іюльской революціи:

France, dis moi leurs noms? Je n'en vois point paraître
Sur ce funebre monument;
Ils ont vaincu si promptement
Que tu fus libre avant de les connaître.

(*Литературная Газета*, 1830 г., т. II, № 61, стр. 206).

lib.pushkinskijdom.ru

„Итакъ Русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрѣлъ Дельвигъ? охота ему было печатать конфектной билетецъ этого несноснаго Лавинья — Но все-жъ Дельвигъ долженъ оправдаться передъ Государемъ. Онъ можетъ доказать что никогда въ его Газетѣ небыло и тѣни, не только мятежности, но и недоброжелательства къ правительству".

Чувство дружбы, однако, не мѣшало Пушкину замѣчать недостатки Дельвига, который казался ему лѣнивымъ. „Сѣв‹ерные› Цв‹ѣты› что то блѣдны", жалуется Пушкинъ Вяземскому 2-го января 1831 г.: „Каковъ шутъ Дельвигъ, въ круглой годъ ничего самъ не написавшій и издавшій свой Альманахъ въ потѣ лицъ нашихъ?". Свое неудовольствіе Пушкинъ высказалъ черезъ нѣсколько дней и Плетневу: „Видѣлъ я, душа моя, Цвѣты. Странная вещь, непонятная вещь! Дельвигъ ни единой строчки въ нихъ не помѣстилъ. Онъ поступилъ съ нами, какъ помѣщикъ со своими крестьянами. Мы трудимся — а онъ сидитъ на суднѣ да насъ побраниваетъ. Не хорошо и не благоразумно. Онъ открываетъ намъ глаза и мы видимъ, что мы въ дуракахъ. Странная вещь, непонятная вещь!".

Извѣстіе о неожиданной кончинѣ Дельвига, послѣдовавшей 14-го января 1831 г., потрясло Пушкина. „Грустно, тоска", пишетъ онъ тому же Плетневу: „Вотъ первая смерть мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ, я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ Русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изо всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ былъ на виду — около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Щитай по пальцамъ: сколько насъ? ты, я, Баратынскій, вотъ и все". И поэтъ хотѣлъ справить по „бѣдномъ" Дельвигѣ „тризну" — „помянуть" его *Сѣверными Цвѣтами*, а вырученныя деньги отдать двумъ его братьямъ, бѣднымъ сиротамъ, оставшимся „безъ гроша

lib.pushkinskijdom.ru

денегъ на рукахъ его вдовы, потерявшей большую часть своего маленькаго имѣнія". Но самой завѣтной мечтой Пушкина было издать біографію Дельвига, составленную сообща друзьями покойнаго. Пушкинъ уговариваетъ Плетнева приняться за это дѣло: „Баратынскій собирается написать жизнь Дельвига. Мы всѣ поможемъ ему нашими воспоминаніями. Не правда ли? Я зналъ его въ Лицеѣ, былъ свидѣтелемъ перваго, незамѣчаннаго развитія его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости; съ нимъ читалъ я Державина и Жуковскаго, съ нимъ толковалъ обо всемъ, *что душу волнуетъ, что сердце томитъ*; я хорошо знаю, однимъ словомъ, его первую молодость; но ты и Баратынскій знаете лучше его раннюю зрѣлость. Вы были свидѣтелями возмужалости его души. Напишемъ же, втроемъ жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключеніями, но прекрасными чувствами, свѣтлымъ, чистымъ разумомъ и надеждами". — Молчаніе Плетнева безпокоитъ поэта, который повторяетъ свой запросъ: „Что жъ ты мнѣ не отвѣчалъ про жизнь Дельвига? Баратынскій не въ шутку думаетъ объ этомъ. Твоя статья о немъ [1]) прекрасна. Чѣмъ болѣе читаю ее, тѣмъ болѣе она мнѣ нравится. Но надобно подробностей — изложенія его мнѣній, анекдотовъ, разбора его стиховъ, etc.". И даже тогда, когда надежда на участіе Плетнева въ составленіи біографіи Дельвига была почти утрачена, Пушкинъ толковалъ ему о своемъ проектѣ: „еслибъ ты собрался да написалъ что-нибудь объ Дельвигѣ! То-то было бъ хорошо!" (Письма: 21-го и 31-го января, первая половина февраля, вторая половина іюля, начало сентября 1831 г.).

„Сердце" постоянно „напоминало" Пушкину о почившемъ другѣ, и онъ старательно собиралъ тѣ „серебряные

1) Переписка, т. II, стр. 226.

lib.pushkinskijdom.ru

четвертаки", на которые Дельвигъ „размѣнивалъ свой геній". Выдержки изъ писемъ Дельвига, его сужденія о цѣли поэзіи, о мистическихъ произведеніяхъ, о литературныхъ обществахъ, его отношенія к Ѳ. В. Булгарину и графу Д. И. Хвостову — всѣ эти „подробности" интересовали Пушкина, какъ матеріалъ для будущей біографіи.

Промедленіе сотрудниковъ „послѣднихъ *Сѣверныхъ Цвѣтовъ*" въ доставкѣ произведеній для альманаха волновало Пушкина: „Торопите Вязѣмскаго, просилъ онъ Н. М. Языкова: „пусть онъ пришлетъ мнѣ своей прозы и стиховъ; стыдно ему, да и Баратынскому стыдно. Мы правимъ тризну о Дельвигѣ. А вотъ какъ нашихъ поминаютъ! и кто же? друзья его! ей Богу стыдно" (Письмо отъ 18-го ноября 1831 г.).

Пушкину хотѣлось, чтобы „пѣсни трубадуровъ, не умолкавшія круглый годъ" въ *Литературной Газетѣ*, прозвучали наиболѣе гармонично и стройно на поэтической тризнѣ по его лицейскомъ товарищѣ [1]).

— (*Стр. 135, строка 19*). Дельвигъ, по сообщенію его двоюроднаго брата и Плетнева, родился 6-го августа 1798 г. (*Литературная Газета*, 1831 г., № 4, стр. 31. — *Современникъ*, 1853 г., т. 37, отд. III, стр. 58).

— (*Стр. 135, строки 19—21*). Отецъ Дельвига „былъ долго плацъ-майоромъ въ Москвѣ, а впослѣдствіи бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ, потомъ бригаднымъ же

---

1) Объ отношеніи Пушкина къ Дельвигу см.: 1) Сочиненія, т. I, стр. 136—138, 270—271, и примѣчанія, стр. 157—164, 375—378; т. III, стр. 7—8, и примѣчанія, стр. 11—12; т. IV, стр. 247—252, и примѣчанія, стр. 358—363; настоящій томъ, стр. 110, 401—402; 2) Переписка, т. I, стр. 28, 87, 117, 134, 209—210, 223; т. II, стр. 114, 144, 183, 185, 201, 208, 210—211, 220—221, 223—224, 228, 231, 277, 281, 286, 298, 320, 339, 343; 3) *Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 253, 259—260. 4) *Пушкинъ и его современники*, в. V, стр. 141; 5) Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ. Изданіе Кіевскаго Педагогическаго Общества. Кіевъ, 1899 г., стр. 259—272.

lib.pushkinskijdom.ru

генераломъ въ Кременчугѣ и начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ". Мать Дельвига была урожденная Красильникова, а не Рахманова (*Современникъ*, 1853 г., т. 37, отд. III, стр. 63).

— (*Стр. 136, строка 6*). Походъ 1807-го года — прусская кампанія, въ которой принималъ участіе К. Н. Батюшковъ.

— (*Стр. 136, строки 11—12*). Василій Ѳедоровичъ Малиновскій (род. въ 1765 г., ум. въ 1814 г.) былъ назначенъ директоромъ Царскосельскаго Лицея въ 1811 г. (*Д. Ѳ. Кобеко.* Царскосельскій Лицей. СПб. 1911 г., стр. 22—25, 65).

— (*Стр. 136, строки 27—28*). Изданіе, выпущенное В. А. Жуковскимъ въ 1810—1811 гг. носитъ заглавіе: „Собраніе Рускихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Рускихъ журналовъ".

— (*Стр. 136, строка 29*). Людвигъ Гельти (род. въ 1748 г., ум. въ 1776 г.) — видный членъ геттингенскаго общества поэтовъ. „Онъ носитъ въ себѣ зародышъ ранней смерти, и потому всѣ его мысли и чувства есть тихое и сладостное созерцаніе. Трогательная привязанность къ жизни, искреннее наслажденіе весенней прелестью, пѣніемъ соловья, благоуханіемъ лунныхъ вечеровъ; но въ этой тихой радости унылый шопотъ робкаго предчувствія смерти, тяжесть мысли о скоротечности и тлѣнности земного бытія. Нѣжный и гибкій и еще младенчески не созрѣвшій вдавался онъ не разъ въ манеру Клопштока, громкая риторика котораго была ему чужда, и онъ старался даже усвоить форму балладъ; но его дѣйствительная сущность заключалась въ пѣвучихъ пѣсняхъ".

Таковъ Гельти въ изображеніи Геттнера („Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка". Москва, 1875 г., т. III, книга 3-я, стр. 305).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 136, строки 29—30*). „Живой лексиконъ и вдохновенный комментарій“.— В. К. Кюхельбекеръ (род. 1797 г., ум. въ 1846 г.) [*Д. Ѳ. Кобеко.* Царскосельскій Лицей. СПб. 1911 г., стр. 90].

— (*Стр. 136, строка 31*). Николай Ѳедоровичъ Кошанскій (род. въ 1781 г., ум. въ 1831 г.) — профессоръ русской словесности и латинскаго языка въ Царскосельскомъ Лицеѣ (т. I, примѣчанія, стр. 183—191) [1]).

— (*Стр. 137, строки 1—4*). Пьесы Дельвига: „Къ Діону“, „Къ Лилетѣ“ и „Къ Доридѣ“, напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы*, 1814 г., ч. LXXVI, № 15; ч. LXXVIII, № 22, и въ *Россійскомъ Музеумѣ*, 1815 г., ч. I.

— (*Стр. 137, строки 8—12*). Личность „вдохновеннаго юноши“, упомянутая Пушкинымъ, выяснена Я. К. Гротомъ, который такъ комментируетъ фразу поэта: „Въ статьѣ его (Пушкина) о Дельвигѣ есть слѣдующій отзывъ: „Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и прославлены, какъ нѣкоторое чудо“. Анненковъ думаетъ, что въ этихъ словахъ Пушкинъ разумѣлъ самого себя [2]); но едва ли онъ въ 1831 г., когда они писались, могъ имѣть такое скромное понятіе о своемъ талантѣ: не вѣрнѣе ли предположить, что онъ тутъ разумѣлъ Илличевскаго [3]), къ которому такое сужденіе совершенно подходитъ? Извѣстно, что онъ подавалъ большія надежды своими первыми опытами“ (*Я. К. Гротъ.* Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. СПб. 1901 г., стр. 159).

---

1) См. сборникъ „Памяти Л. Н. Майкова“. СПб. 1902 г., стр. 177—220.

2) *П. В. Анненковъ.* Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 56.

3) Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій (род. въ 1793 г., ум. въ 1837 г.)— авторъ книжки „Опыты въ Антологическомъ родѣ“ (1827 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 138, строка 9*). Выраженіе: „угадать... эту нѣгу эту прелесть“, напоминаетъ слѣдующія слова изъ статьи о Боратынскомъ: „...расточилъ онъ всю элегическую нѣгу всю прелесть своей поэзіи“ (настоящій томъ, стр. 138, строки 31—32).

59.

[О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ИНОСТРАННОЙ].

(Стр. 138—139).

Эта статья сохранилась въ черновомъ автографѣ, находящемся въ Майковскомъ собраніи Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 29, № 23), и напечатана впервые въ настоящемъ изданіи. Заглавіе статьи: „Обозрѣніе Обозрѣній“, зачеркнуто Пушкинымъ, внесшимъ въ текстъ нѣсколько исправленій.

Стр. 138, строка 18: *Нѣкоторые журналы начали свое поприще обозрѣніемъ.*

» 138, » 19—22: Нѣкоторые изъ нашихъ писателей *стараются выставить*[1]) журнал‹ы представителями› народнаго просвѣщенія›...

» 138, » 25: *Что такое журналъ въ смыслѣ Евр‹опейскомъ›, — Журналъ періодическ‹ій?› Кто издаетъ его ‹?›*

» 138, » 25—26: ...отголосокъ цѣлой партіи, *книга* ‹издаваемая людьми извѣстными›...

» 139, » 2—3: *Журналисты воо‹бще› суть* разсадникъ...

1) *Другой варіантъ:* представить.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 139, строка 4: ...собираясь *управлять* общимъ мнѣніемъ...
» 139, » 6—7: По причинѣ великаго множества *concurrents*...
» » » » .....множества *совмѣстниковъ журналистовъ*...
» 139, » 7: ...*или глупецъ* или *даже* посредст‹венность›...
» 139, » 10—11: ...кто въ Англіи *управляетъ* ‹сими противуборствующими журналами?›
» 139, » 13—14: Шлюсь на собственную *ихъ* совѣсть...
» 139, » 14—15: ...спрашиваю *какимъ образомъ* Сѣв‹ерная› Пч‹ела› будетъ управлять...

Вопросъ объ иностранной журналистикѣ и ея отношеніи къ русскимъ періодическимъ изданіямъ былъ поднятъ до Пушкина Н. А. Полевымъ, удѣлявшимъ большое вниманіе Англіи — родоначальницѣ *Обозрѣній*. „Извѣстны двѣ партіи, давно раздѣляющія политиковъ Англіи на *Виговъ* и *Тори*“, читаемъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*: „сіи партіи находятъ себѣ поборниковъ въ разныхъ Журналахъ, жарко спорятъ и пишутъ. Нѣсколько Журналовъ держатъ неутралитетъ; есть и другія частныя измѣненія. Политическое направленіе отзывается на литературномъ духѣ почти каждаго Англійскаго Журнала“. *Edinburgh Review*[1]), *Quarterly Review*[2]) и *Westminster Review* — вотъ три главные атлета Англійской Журналистики. На нихъ обращено всеобщее вниманіе Англіи; появленія ихъ книжекъ трепещутъ поэты и прозаики, ждутъ министры, члены Парламента, ученые люди, простые читатели.

1) Органъ Виговъ.
2) Органъ партіи Тори.

lib.pushkinskijdom.ru

Нѣсколько тысячъ экземпляровъ ихъ разлетается по всему свѣту отъ Бенгала до Канады и отъ Архангельска до Новой Голландіи. Всѣ другіе сотоварищи сихъ великановъ на журнальномъ поприщѣ, или слишкомъ новы, или меркнутъ передъ блескомъ Журнальнаго тріумвирата Великобританіи“...

„Осуществленіе подобныхъ повременныхъ изданій можетъ быть только въ тѣхъ государствахъ, гдѣ предварительныя свѣдѣнія и *книжная* литература уже нашли въ читающей публикѣ достаточное количество людей, ищущихъ въ чтеніи журналовъ не удовлетворенія минутной прихоти любопытства, но дополненія положительныхъ свѣдѣній, коими они обладаютъ. Съ другой стороны потребны постоянныя усилія также не малаго числа литтераторовъ и ученыхъ, которые трудами своими могутъ соотвѣтствовать требованіямъ публики. Напрасно думаютъ, что политическое содержаніе многихъ статей въ Англійскихъ Обозрѣніяхъ поддерживаетъ особенно ихъ существованіе. Правда, политическіе современные вопросы входятъ въ число существенныхъ принадлежностей ихъ; правда, что въ Англіи, политическія партіи сражаются между собою въ извѣстныхъ направленіяхъ, хотя и съ одною цѣлью, въ журналахъ; но тотъ ошибется, кто станетъ думать, что одна борьба политическихъ мнѣній составляетъ душу Англійскаго Review (говоримъ о литтературныхъ собственно, ибо въ Англіи не мало трехмѣсячныхъ журналовъ по отдѣльнымъ частямъ знаній, наукъ и искуствъ). Безспорно, что и въ нихъ также иногда видны слабости человѣческія и предразсудки, мелькаетъ пристрастіе, бываютъ противорѣчія, коихъ нельзя изъяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ ослѣпленія, увлеченія страстей. За то важность, основательность, значительность статей вообще, далеко замѣняютъ недостатки.... Англійскія Обозрѣнія состоятъ только изъ критическихъ

lib.pushkinskijdom.ru

разборовъ книгъ. Образъ и расположеніе разборовъ сихъ доставляетъ рецензентамъ средства излагать свои мысли, представлять соображенія предметовъ такъ, что *собственно разборъ книгъ* составляетъ самую малую часть ихъ статей. Исключивъ изъ статьи Обозрѣнія, что говорится о разбираемой книгѣ собственно, вы найдете превосходную диссертацію о какомъ нибудь любопытномъ, занимательномъ предметѣ...

„У насъ въ Россіи невозможно предпріятіе подобнаго журнала, не только потому что публика не поддержитъ изданія его подпискою, но и потому, что невозможно, кажется, составить у насъ общества ученыхъ и литераторовъ, которые рѣшились бы заняться его изданіемъ. Для насъ вѣкъ подобныхъ журналовъ еще не насталъ. Публика требуетъ отъ журналистовъ пестроты, разнообразія газетнаго, антикритикъ, сказокъ, стиховъ, мелочей. Она хочетъ играть журнальными книжками, а не читать ихъ. Повторимъ, что и въ редакторахъ окажется у насъ недостатокъ, если захотимъ издавать Русской Review. Мы еще не знаемъ *общественной литтературной жизни:* всякій у насъ работаетъ въ своемъ углу, про себя. Времени не упредить: ему надобно повиноваться. Между тѣмъ, желая добра отечественной литературѣ, и всегда соединяя понятіе прекраснаго и полезнаго съ мыслью о тѣхъ выгодахъ, какія можетъ принесть оно любезному отечеству нашему, мы просили-бы почтенныхъ собратій нашихъ, русскихъ журналистовъ, постараться о постепенномъ ближайшемъ ознакомленіи соотечественниковъ съ Англійскою журналистикою: она непочатый еще для насъ рудникъ...

„Если нужны примѣры, мы укажемъ въ этомъ случаѣ на примѣръ Нѣмцевъ и Французовъ. У нихъ не только Англійскіе журналы являютъ нынѣ свое великое вліяніе, но даже производятъ такое-же сильное дѣйствіе, какое сочиненія Байрона произвели на Европейскую поэзію и

lib.pushkinskijdom.ru

В. Скотта на романы вообще. Даже наружная форма Англійскихъ книгъ и журналовъ смѣняетъ нынѣ вездѣ Нѣмецкія и Французскія формы; но это уже смѣшно, а вотъ, что важно: въ Германіи и Франціи являются безпрерывно новые, важные журналы, *по образцамъ Англійскихъ Обозрѣній*“ (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVII, № 17, отд. II, стр. 57—60; 1828 г., № 6, стр. 247—249, 251, 253).

Мысль создать русскій органъ, подобный англійскимъ *Обозрѣніямъ*, очень занимала и Пушкина. Еще 19-го февраля 1825 г. поэтъ писалъ изъ Михайловскаго князю П. А. Вяземскому: „Что Телеграфъ обѣтованный?... Прочіе журналы всѣ получаю — и болѣе чѣмъ когда нибудь чувствую необходимость какой нибудь Edimboorg Review“. Годъ спустя, онъ горячо доказывалъ П. А. Катенину необходимость для насъ „голоса истинной критики“ и предлагалъ ему „затѣять“ „журналъ въ родѣ Edimbourgh Review“. Проектъ Пушкина оставался неосуществленнымъ до конца 1835-го года, когда онъ обратился къ графу А. Х. Бенкендорфу со слѣдующимъ ходатайствомъ: „Я желалъ бы въ слѣдующемъ 1836 году издать 4 тома статей чисто литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ Русской и иностранной словесности; на подобіе Англійскихъ трехмѣсячныхъ Reviews. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Review доставило бы мнѣ вновь независимость а вмѣстѣ и способъ продолжать труды мною начатые“ (Переписка, т. I, стр. 181, 326—327; т. III, стр. 261—262. — Ср. настоящій томъ, стр. 174).

Власти разрѣшили Пушкину издавать русское *Обозрѣніе*, и 11-го апрѣля 1836 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ *Современника*.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 138, строки 18—19*). Намъ неизвѣстно, изъ какого сочиненія Декарта заимствована приводимая Пушкинымъ цитата. Впрочемъ однородныя сужденія высказывалъ и Паскаль, совѣтовавшій избѣгать употребленія неясныхъ терминовъ (n'employer aucun terme dont on n'eût auparavant expliqué nettement le sens") [*Blaise Pascal.* Lettres provinciales et pensées. Paris, 1819, tome II, pp. 34—35, 66—68. — Ср. *Б. Л. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 307, №№ 1247—1248].

— (*Стр. 138, строка 23*). *Journal des Débats et Décrets*, или *Journal des Débats politiques et littéraires*, основанный въ 1789 г., выходилъ до 1811 г., когда былъ закрытъ по распоряженію Наполеона. Въ 1814 г. изданіе возобновилось, причемъ до 7-го іюля 1815 г. носило названіе *Journal de l'Empire.* Историческій по преимуществу, *Journal des Débats*, имѣлъ такихъ редакторовъ какъ: Шатобріанъ, Вильменъ, Нодье; позднѣе — де Саси, Жирарденъ, Жюль Жаненъ и др. Выдающіяся дарованія этихъ писателей завоевали для *Journal des Débats* одно изъ первыхъ мѣстъ среди органовъ французской прессы (*E. Hatin.* Bibliographie historique et critique de la presse périodique française. Paris, 1866, p. 131).

— (*Стр. 138, строки 23—24*). *Edinburgh Magazine and Review*, возникшій въ 1773 г., съ 10-го октября 1802 г. былъ переименованъ въ *Edinburgh Review.* Сильное вліяніе журнала на англійское общественное мнѣніе объясняется блестящимъ составомъ сотрудниковъ, сгруппировавшихся около редактора Francis Jeffrey: по политической экономіи писали Malthus, James Mill и Mac Culloch; по философіи — Mackintoch, William Hamilton; по литературѣ — Moore, Coleridge, Thomas Campbell; по исторіи — Hallam, Macauley, Carlyle и др. (*M. Cucheval-Clarigny.* Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis. Paris, 1857, pp. 278—284).

lib.pushkinskijdom.ru

Приводимъ отзывъ *Московскаго Телеграфа* объ англійскомъ органѣ:

„Изъ всѣхъ заслужившихъ болѣе другихъ славы и уваженія ‹журналовъ› должно почесть первымъ извѣстное *Эдимбургское Обозрѣніе* (The Edinburgh Review). Оно выходитъ въ Эдимбургѣ, черезъ три мѣсяца, книжками, листовъ въ 15. Его началъ Джеффери съ товарищами, въ 1804 г.[1]). — Въ 1817 году расходилось его 12.000 экземпляровъ; теперь[2]) расходится болѣе 15.000. Въ Обществѣ, издающемъ Журналъ сей, всегда участвовали главнѣйшіе *Виги*, и нынѣ участвуютъ въ немъ Брумъ, Макинтошъ и многіе славные писатели Англіи. Книжки состоятъ изъ большихъ рецензій и, рѣдко, статей о политикѣ, Политической Экономіи, и т. п. — Книгъ въ рецензіи входитъ немного; но разнообразіе выбора и особенный образъ критики, особенный способъ писать статьи о книгахъ, раздвигая объемъ воззрѣнія на сущность предмета и удаляя подробности, даетъ Журналу великую важность. Полное собраніе *Эдим‹бургскаго› Обозрѣнія* драгоцѣнно, и первые годы его донынѣ нѣсколько разъ были перепечатаны. Журналъ страшенъ своимъ ученымъ критическимъ трибуналомъ и его не могло уронить даже грозное перо Байрона[3]), когда Издатели отозвались невыгодно о первыхъ сочиненіяхъ Поэта. Направленіе *Эд‹имбургскаго› Обозр‹ѣнія›* обращено было прежде явно къ сторонѣ Виговъ или Конституціонной; но со времени принятія должности главнаго Редактора Макъ-Колокомъ, извѣстнымъ сочиненіями своими о Политической Экономіи, Журналъ въ политикѣ сдѣлался умѣреннѣе“

---

1) *Опечатка. Слѣдуетъ читать:* 1802 г.

2) Въ 1827-мъ году.

3) Разумѣется знаменитая сатира: „Англійскіе барды и шотландскіе обозрѣватели“ (1809 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

(*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVII, № 17, отд. II, стр. 58—59).

— (*Стр. 139, строка 11*). Jean-Baptiste-Sylvère Gay, vicomte de Martignac (род. въ 1778 г., ум. въ 1832 г.) — глава кабинета (1828 г.), смягчившаго строгости французской цензуры.

— (*Стр. 139, строка 11*). Charles-Ignace, comte de Peyronnet (род. въ 1778 г., ум. въ 1854 г.) — министръ внутреннихъ дѣлъ въ кабинетѣ Полиньяка.

— (*Стр. 139, строки 11—12*). George Kanning (род. въ 1770 г., ум. въ 1827 г.) — талантливый сподвижникъ Питта, пользовавшійся популярностью въ Россіи. Князь П. А. Вяземскій почтилъ его память некрологомъ, гдѣ призналъ смерть Каннинга „однимъ изъ важныхъ и бѣдственныхъ событій нашего времени", а Н. А. Полевой напечаталъ рецензію на книгу: „Recueil des discours prononcés au Parlement d'Angleterre par G. Canning" (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVIII, № 24, стр. 319—330; 1832 г., № 19, стр. 401—406. — *Московскій Вѣстникъ*, 1827 г., ч. III, стр. 182—194; ч. V, стр. 99[1]). — Переписка Пушкина, т. II, стр. 20).

— (*Стр. 139, строка 12*). William Gifford (род. въ 1756 г., ум. въ 1826 г.) — англійскій публицистъ. Смерть его была отмѣчена въ русской періодической печати. „31 Декабря 1826 г.", оповѣщалъ публику *Московскій Телеграфъ*: „въ Лондонѣ скончался главный издатель извѣстнаго Англійскаго журнала Quarterly Review, *Вилліамъ Джиффортъ*, на 70 году отъ рожденія. Лишенный заимодавцами отцовскаго наслѣдства, онъ въ малолѣтствѣ отданъ былъ въ ученики какому-то сапожнику. Дружба хирурга Кукеслея, который былъ самъ человѣкъ небо-

1) „Біографическое извѣстіе о Каннингѣ"; „Нѣчто о смерти и погребеніи Каннинга".

lib.pushkinskijdom.ru

гатый, доставила ему средства учиться и показать свои отличныя дарованія. Благородный Джиффортъ завѣщаніемъ своимъ утвердилъ все имѣніе бѣднымъ потомкамъ своего благодѣтеля. Такія черты должна сохранять современная исторія. Джиффортъ похороненъ въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ" (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 3, стр. 266).

— (*Стр. 139, строка 12*). Francis, lord Jeffrey (род. въ 1773 г., ум. въ 1850 г.) — редакторъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*. Объ его отношеніяхъ къ Джиффорту говорится въ *Московскомъ Телеграфѣ*: „Джеффери, человѣкъ неуступчивый, вспыльчивый, самъ былъ причиною появленія сильнаго Литературно-Политическаго противника. The Quarterly Review составился въ 1812 году, когда одинъ изъ сотрудниковъ Edinb‹urgh› Rev‹iew› Джиффортъ, поссорился съ Эдимбургскою редакціею и рѣшился основать отдѣльный журналъ, совершенно предавшійся партіи *Тори*, или Аристократической" (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVII, № 17, отд. II, стр. 59 — *Телескопъ*, 1834 г., ч. XIX, стр. 360—376. См. *M. Cucheval-Clarigny*. Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis. Paris, 1857, pp. 291—292, 301—302).

— (*Стр. 139, строка 12*). Villiam Pitt (род. въ 1759 г., ум. въ 1806 г.) — знаменитый англійскій государственный дѣятель.

— (*Стр. 139, строка 16*). *Сѣверный Меркурій*, журналъ М. А. Бестужева-Рюмина, выходилъ съ 1830 г. по 1832 г.

---

lib.pushkinskijdom.ru

60.

VIE, POÉSIES ET PENSÉES DE JOSEPH DELORME (*Жизнь, стихотворенія и мысли Іосифа Делорма*). — Парижъ, 1829. (I т. въ 16-ю д. л.).

LES CONSOLATIONS, POÉSIES, PAR SAINTE-BEUVE (*Утѣшенія*. Стихотворенія Сентъ-Бёва). — Парижъ, 1830. (I томъ въ 18-ю д. л.).

(Стр. 139—148).

Эта статья, не встрѣчавшаяся намъ въ рукописи, впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ*, 1831 г., т. III, № 32, стр. 258—261, и перепечатана Н. О. Лернеромъ въ изданіи *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XII, стр. 144—153. П. В. Анненковъ обратилъ на статью вниманіе, нашелъ въ ней „сходство съ образомъ мыслей“ Пушкина, но не рѣшился приписать ее поэту, „не имѣя для этого никакихъ данныхъ“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 298). Между тѣмъ, принадлежность статьи Пушкину подтверждается его собственными словами въ письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 11-го апрѣля 1831 г.: „Сомовъ написалъ мнѣ длинное письмо, на которое ‹я› еще не отвѣчалъ. Скажи ему, что Делорма я самъ ему привезу, потому и не посылаю“ (Переписка, т. II, стр. 235—236).

Книга, упомянутая Пушкинымъ, надѣлала много шуму во французскихъ литературныхъ кругахъ.

26-го марта 1829 г. парижане прочли на страницахъ журнала *Le Globe* о скоромъ выходѣ въ свѣтъ сборника произведеній Жозефа Делорма, молодого мечтателя, выразившаго въ элегическихъ стихахъ то чувство разочарованія, подъ вліяніемъ котораго авторы „Рене“, „Дельфины“ и „Адольфа“ написали столько прекрасныхъ и скорбныхъ

lib.pushkinskijdom.ru

страницъ (*Le Globe*, 1829, t. VII, № 24, pp. 186—187). Любопытство публики было возбуждено, настроэніе создано,— и 4-го апрѣля появился сборникъ: „Vie, poésies et penseés de Joseph Delorme". Въ біографическомъ очеркѣ читатели нашли также характеристику автора: „Par ses goûts, ses études et ses amitiés, surtout à la fin, Joseph appartenait, d'esprit et de coeur, à cette jeune école de poésie qu'André Chénier légua au dix-neuvième siècle du pied de l'échafaud et dont Lamartine, Alfred de Vigny, Victor Hugo, Emile Deschamps, et dix autres après eux, ont recueilli, décoré, agrandi le glorieux héritage. Quoiqu'il ne se soit jamais essayé qu'en des peintures d'analyse sentimentale et des paysages de petite dimension, Joseph a peut-être le droit d'être compté à la suite, loin, bien loin de ces noms célèbres. S'il a été sévère dans la forme, et pour ainsi dire religieux dans la facture; s'il a exprimé au vif et d'un ton franc quelques détails pittoresques ou domestiques jusqu'ici trop dédaignés; s'il a rajeuni ou refrappé quelques mots surannés ou de basse bourgeoisie, exclus, on ne sait pourquoi, du langage poétique; si enfin il a constamment obéi à une inspiration naïve et s'est toujours écouté lui-même avant de chanter, on voudra bien lui pardonner peut-être l'individualité et la monotonie des conceptions, la vérité un peu crue, l'horizon un peu borné de certains tableaux; du moins son passage ici-bas dans l'obscurité et les pleurs n'aura pas été tout-à-fait perdu pour l'art; lui aussi, il aura eu sa part à la grande oeuvre; lui aussi, il aura apporté sa pierre toute taillée au seuil du temple; et peut-être sur cette pierre, dans les jours à venir, on relira quelquefois son nom" (*Joseph Delorme*. Vie, Poésies et Pensées. Paris, 1830, pp. 40—41).

Толки, порожденные сборникомъ, были самые разнообразные. Въ великосвѣтскихъ салонахъ онъ былъ встрѣченъ, какъ произведеніе дурного тона, и герцогиня

lib.pushkinskijdom.ru

де-Брольи даже нашла его „безнравственнымъ"; его обвиняли въ странностяхъ и неестественности; его гнушались, — но о немъ говорили, и это было для Сентъ-Бева самое существенное. Успѣхъ книги превзошелъ ожиданія автора, который могъ быть вполнѣ удовлетворенъ, видя, какъ почтенные люди кричали и раздражались. Въ среднемъ классѣ общества сборникъ былъ принятъ съ энтузіазмомъ или, по крайней мѣрѣ, весьма благожелательно. По поводу стиховъ Делорма возникли пренія въ редакціи журнала *Le Globe*; голоса раздѣлились: съ одной стороны, выступали: Leroux, Jouffroy, Damiron, Lerminier, Magnin; съ другой — Vitet, Descloseaux, Duvergier, Duchatel, Rémusat. Въ самомъ Cénacle, согласно поэтическимъ традиціямъ, Делорму апплодировали и восхищались имъ съ обычной горячностью (*G. Michaut.* Sainte-Beuve avant les „Lundis". Fribourg-Paris, 1903, pp. 183—184).

„Joseph Delorme",. писалъ Charles Magnin: „est, comme on l'a déjà dit, de la famille de Werther et de René. Mais combien il est loin de posséder, comme ses deux aînés, ce qu'il faut pour être applaudi de notre siècle, qui est bien plus classique qu'il ne le croit! D'abord Joseph n'est plus en proie, comme Werther, à une passion ardente, romanesque, unique; donc il ne saurait prétendre à *l'intérêt.* Il n'a pas non plus, comme René, les manières distingées d'un grand seigneur déchu, ni cet élégant désordre de parure qui ne messied pas au désespoir. Ce n'était qu'un pauvre étudiant en médecine, logé dans une mansarde; il ne connaissait le monde que par ouï-dire, et s'il s'avise de le peindre d'après ses livres, comme Gilbert et Malfilâtre, il trahit aussitôt sa gaucherie et ses moeurs vulgaires. Mais sous cet habit délabré il y a un coeur d'homme et une âme d'artiste. Il était né bon, aimant, religieux, dévoué, plein de cet enthousiasme qui mène aux grandes choses, pour

lib.pushkinskijdom.ru

peu que le vent nous pousse; mais pas le moindre souffle ne l'a aidé. Loin de là, triste plante, née sur les rochers et loin du soleil, il n'a pu grandir. Ses premières espérances se sont dissipées comme un rêve; ses premieres affections ont été trahies... Ses poésies, où se reflètent, sans beaucoup d'ordre, mais avec une extrême vérité, presque toutes les émotions intimes de cette triste vie, nous ont causé cette sorte de plaisir rêveur qui ne résulte d'ordinaire que de la lecture des romans" (*Le Globe*, 1829, tome VII, № 29 (11 avril), pp. 227—229).

Когда смолкли толки о стихотвореніяхъ Делорма, Сентъ-Бевъ открыто, уже не скрывая своего имени, выступилъ передъ парижской публикой съ другимъ сборникомъ: „Les Consolations"[1]). Новымъ произведеніямъ былъ оказанъ не одинаковый пріемъ въ редакціяхъ повременныхъ изданій.

Le Mercure du XIX-e siècle посвятилъ книгѣ весьма сочувственную и краснорѣчивую статью, гдѣ отмѣчена оригинальность „Утѣшеній" сравнительно съ поэзіей Делорма, и особенно подчеркнулъ возвратъ къ религіи и мистицизму. Сентъ-Бевъ сопоставляется съ Ламартиномъ. „Enfin, on dirait Lamartine, avec moins de sublime et d'ampleur peut-être, mais avec plus de naïveté, plus de réalité, plus d'individualité, plus de causerie et plus d'indépendance de rythme. L'auteur des *Consolations* s'inspire aux mêmes sources que l'auteur des *Méditations*... Lamartine s'était emparé de ces échos sublimes de l'âme humaine, il en avait formé de merveilleux concerts; il parlait du haut de son génie... Il a interrogé face à face les mystères les plus ardus du christianisme, les paradoxes les mieux échafaudés de la philosophie, il les aborde un à un, sans exorde, et avec son ton d'inspiré. L'auteur des *Consolations* est plus

1) Книга вышла 17-го Марта 1830 г.

lib.pushkinskijdom.ru

homme; il part d'un incident de la vie privée ou domestique pour arriver aux régions les plus élevées du déisme, de la morale et de l'éclectisme; il commence par une conversation, une lecture, une promenade; il finit par une admirable méditation pleine de logique, de dignité et de poésie. En un mot, ce recueil est tout intime, tout personnel, l'auteur s'y montre entouré de ses amis et de ses affections" (*Le Mercure du XIX-e siècle*, 1830, tome XXIX, p. 132. — См. *Ch.-M. Des Granges*. La Presse Littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, p. 310).

Друзья Сентъ-Бева, которые его окружаютъ и имъ восторгаются, были причиной излишней самонадѣянности автора, по мнѣнію журнала *Revue Française*. Голосъ друзей — не голосъ народа. Въ „Утѣшеніяхъ" есть образцы нѣжной, легкой поэзіи, проявились мечтательная грусть и религіозное чувство, но та форма, въ которой выражено настроеніе Сентъ-Бева далека отъ совершенства. „On y remarque des inversions, des enjambements, des coupes heurtées qui ne sont pas là pour le besoin de la pensée et encore moins de l'harmonie, mais parce qu'il fallait le cachet de l'école; on y remarque des bizarreries de forme, de conception, et d'idées, qui trahissent à chaque instant les effets qu'on a fait pour paraître original. Si tous ces défauts disparaissaient, l'ouvrage en serait meilleur, nul doute; mais il n'appartiendrait pas aussi exclusivement au romantisme, et il serait moins vanté" (*Revue Française*, 1830, № 14, p. 266).

Приведенные отзывы французской печати о стихахъ Сентъ-Бева были, по всей вѣроятности, прочитаны Пушкинымъ. Въ статьяхъ иностранныхъ критиковъ нашъ поэтъ нашелъ мысли, которымъ не могъ не сочувствовать: и признаніе выдающихся способностей Делорма, и критическое отношеніе къ внѣшней формѣ его произведеній, и, наконецъ, сравненіе его съ Ламартиномъ, хотя

lib.pushkinskijdom.ru

и понимаемое Пушкинымъ своеобразно, вслѣдствіе антипатіи къ автору „Размышленій“. „Между мало извѣстными молодыми талантами нынѣшняго времени“, писалъ Пушкинъ въ одномъ изъ черновыхъ набросковъ: „Делормъ ‹—› С‹ентъ-› Бевъ, менѣе всѣхъ извѣстенъ, а между тѣмъ онъ чуть ли не самый замѣчательный.—Стихотворенія его очень оригинальны и что важнѣе исполнены искренняго вдохновенія. — В‹ъ› *Лит‹ературной› Газ‹етѣ›* упомянули о нихъ съ похвалой которая показалась преувеличена. Нынѣ[1]) V‹ictor› H‹ugo›, поэтъ и человѣкъ съ истин‹нымъ› дарованіемъ взялся оправдать мнѣнія Петербур‹гскаго› журн‹ала›: онъ издалъ подъ загл‹авіемъ› l‹es› f‹euilles d'automne› томъ стихотвореній очевидно писанныхъ въ подражаніе книгѣ С‹ентъ-› Бева: „les Consolations“ (см. стр. 164). Впрочемъ, послѣдній сборникъ не вполнѣ удовлетворилъ Пушкина: „бѣдный скептикъ“ Делормъ, „воскресшій въ видѣ исправляющагося Неофита“, нѣсколько утратилъ „искренность вдохновенія“ (стр. 119), которая такъ ярко проявилась въ „Стихотвореніяхъ“ — самомъ выдающемся сочиненіи французской литературы послѣ піесъ Альфреда де-Виньи. (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 298).

— (*Стр. 140, строка 10—стр. 141, строка 12*). Мысли Делорма о самоубійствѣ развиты въ пьесѣ: „Le creux de la vallée“, напечатанной съ эпиграфомъ изъ „Рене“ Шатобріана: „La solitude est mauvaise à celui qui n'y vit pas avec Dieu“.

— (*Стр. 140, строка 15—стр. 142, строка 33*). Выписанное Пушкинымъ произведеніе Делорма озаглавлено: „La veillée. A mon ami V‹ictor› H‹ugo›“, и датировано: „Minuit, 21 octobre“.

— (*Стр. 143, строка 6 — стр. 144, строка 9*). Отры-

1) Въ 1832 г.

lib.pushkinskijdom.ru

вокъ: „Non, ma Muse n'est pas l'odalisque brillante“, взятъ изъ стихотворенія „Ma Muse“.

— (*Стр. 144, строка 13—стр. 146, строка 18*). Элегія: „Toujours je la connus pensive et sérieuse“, снабжена эпиграфомъ изъ сочиненія Данте „Vita nuova“: „Tacendo il nome di questa gentilissima“. Сравненіе піесы съ твореніями Андрея Шенье подсказано жизнеописаніемъ Делорма — представителя юной школы, созданной погибшимъ на плахѣ поэтомъ.

— (*Стр. 146, строки 21 — 23*). Главнѣйшіе труды Сентъ-Бева, вышедшіе до 1829 г. — „Tableau historique et critique de la poésie Française et du théâtre Français au seizième Siècle“ (Paris, 1828) и „Oeuvres choisies de Pierre de Ronsard, avec notice, notes et commentaires“ (Paris, 1828) [*Б. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 323, № 1326, и стр. 329, № 1347].

— (*Стр. 146, строки 29—31*). „Мысли“ Делорма могли быть расхвалены въ пріятельскомъ кружкѣ поэтовъ, но не въ періодическихъ изданіяхъ. Даже такой благожелательный органъ, какъ *Le Globe*, высказался о нихъ очень сдержанно: „Les éloges que nous avons donnés aux vers de Joseph Delorme paraîtront assurément bien désintéressés, car en jetant les yeux sur les *pensées* qui les suivent, nous en voyons plusieurs où l'école critique, comme il l'appelle, est traitée avec un grand dédain. Il perce même dans quelques-uns de ces fragments un peu d'irritation et d'aigreur; mais qu'importe? Joseph Delorme n'était pas tenu d'être parfait. Peut-être le jeune éditeur eût-il dû dans quelques endroits se montrer plus sévère pour le défunt. Il y a une au moins de ces *pensées* dont nous lui aurions conseillé le sacrifice“ (*Le Globe*, 1829, tome VII. № 24, p. 187).

— (*Стр. 146, строка 31—стр. 147, строка 5*). Пушкинъ,

lib.pushkinskijdom.ru

подобно сотрудникамъ *Французскаго Обозрѣнія*[1]), не чувствовалъ расположенія къ нововведеніямъ романтиковъ и не придавалъ большого значенія формѣ. Онъ говорилъ, что „романтическая школа выродится въ извѣстную моду и въ кружковщину, а всякая мода и всякая кружковщина ему ненавистны". Онъ указывалъ, что „послѣдователи великихъ поэтовъ стремятся обыкновенно подражать ихъ стиху, ихъ тону; они слишкомъ заняты формой, между тѣмъ какъ въ поэзіи форма, не содержащая мыслей и чувствъ, есть ничто иное, какъ упражненіе парнасцевъ" (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 203—204). Поучительна судьба Малерба и Ронсара, „изтощи‹вшихъ› силы свои въ бореніи съ усовершенствова‹ніемъ› стих‹а›". „Сіи два таланта" забыты потомствомъ. „Такова участь, ожидающая писателей, которые [пекутся болѣе о механизмѣ языка, наружныхъ формахъ слова], нежели о мысли истинной жизни его, независящей отъ употребленія" (стр. 223). Реформа стихосложенія, произведенная французскими романтиками, изображена въ VII строфѣ „Домика въ Коломнѣ" (1830 г.), гдѣ говорится о судьбѣ александрійскаго стиха:

Онъ вынянченъ былъ мамкою не дурой:
За нимъ смотрѣлъ степенный Буало,

1) См. *Revue Française*, 1830, № 14, p. 260: „... Où en est cependant la nouvelle école? Après avoir admis ce principe d'impartailité et de liberté, après l'avoir pris pour devise et se l'être en quelque sorte approprié, la voilà qui s'en écarte et qui l'abandonne. Elle a une doctrine, des préceptes, des règles; elle devient exclusive, intolérante et absolue comme l'école classique. Elle se fait une prosodie et une poétique bizarre... Enfin, elle ne dit pas comme autrefois: „Affranchissez-vous de tous les systèmes"; elle dit, ou du moins elle semble dire: „Renoncez à votre système et suivez le mien". Un esprit de prosélytisme étroit s'est emparé d'elle; au lieu de s'associer au mouvement des esprits et de marcher en avant comme elle pouvait le faire, elle s'est isolée, elle est entrée dans le désert où quelques disciples ardents l'ont suivie, mais où la foule ne la suivra point" (*Ch.-M. Des Granges.* La Presse Littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, pp. 312—313).

lib.pushkinskijdom.ru

Шагалъ онъ чинно, стянутъ былъ цезурой;
Но пудреной пiитикѣ на зло
Растрепленъ онъ свободною цензурой.
Ученiе не въ прокъ ему пошло:
Hugo съ товарищи, друзья натуры,
Его гулять пустили безъ цезуры...

(*Пушкинъ*. Изданiе Брокгаузъ-Ефрона, т. III, стр. 92).

— (*Стр. 147, строка 11*). Фраза: „закономъ о *гiатусѣ* одолжены Французы Латинскому эллизiуму", заключаетъ въ себѣ характерный оборотъ рѣчи, встрѣчающiйся въ элегiи: „Умолкну скоро я..." (1821 г.):

...Онъ мнѣ былъ одолженъ
И пѣсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ

(см. т. III, стр. 74).

— (*Стр. 147, строки 15—16*).

Gardez qu'une voyelle à courir trop hâtée
Ne soit en son chemin par une autre heurtée,—

стихи изъ первой пѣсни „Art poétique".

— (*Стр. 147, строки 27—28*). Глаголъ „перебѣситься" употребленъ Пушкинымъ въ пiесѣ: „Недавно я—въ часы свободы..." (1822 г.).

Перебѣсилась наконецъ
Твоя проказливая муза...

(т. III, стр. 38).

— (*Стр. 148, строки 2—4*). Мысль, что искренность вдохновенiя — неотъемлемое свойство истиннаго художника, повторена въ статьѣ: „О книгѣ И. И. Дмитрiева: „Путешествiе N. N. въ Парижъ и Лондонъ" (1834 г.): „искренность драгоцѣнна въ поэтѣ" (см. настоящiй томъ, стр. 210).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 148, строки 9—17*). О „безнравственности въ поэзіи“ см. статью № 52 и примѣчанія къ ней.

— (*Стр. 148, строки 12—13*). Пушкинъ не одобрялъ тенденціозности, требовалъ, чтобы у драматическаго писателя не было „никакого предразсудка, любимой идеи“. Во Франціи „Наука и Поэзія — не цѣли, а средства“, писалъ онъ, тогда какъ „цѣль поэзіи — поэзія“, „цѣль художества — идеалъ“ (Настоящій томъ, стр. 122, 235, 308.—Переписка, т. I, стр. 223).

61.

ТОРЖЕСТВО ДРУЖБЫ, ИЛИ ОПРАВДАННЫЙ АЛЕКСАНДРЪ АНѲИМОВИЧЬ ОРЛОВЪ.

(Стр. 148—156).

Эта статья, извѣстная въ рукописи Государственной Публичной Библіотеки, впервые напечатана въ *Телескопѣ*, 1831 г., т. IV, № 13, стр. 135—144. Рукопись — бѣловой автографъ, озаглавленный: „Гласъ дружбы, или тор‹жествующій› А. А. Орловъ“. Нѣсколько мѣстъ въ оригиналѣ исправлены Пушкинымъ, и среди первоначальныхъ варіантовъ есть заслуживающіе вниманія.

Стр. 149, строка 32 — стр. 150, строка 1: . . . живетъ въ своей деревнѣ близь Дерпта, *не читаетъ Телескопа* и просилъ. . .

» 150, » 22: Перечтите *почтенный* Ник‹олай› Ив‹ановичь›. . .

» 151, » 19: . . . въ Издателяхъ Сына Отечества и Сѣв‹ерной› Пчелы (*смотри ниже*).

» 151, » 22: . . . *отъ французовъ и* всякаго сброду.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 151, строка 28: *Смотри Литературную Газету*[1]).
» 152, » 3— 4: ...неосторожными строками *Николая Ивановича*...
» 152, » 7— 8: Ѳаддей Венед‹иктовичъ› *отличается наиболѣе* плѣнительною щеголеватостію выраженій...
» 153, » 1: Безпристрастіе требуетъ...
» 153, » 17—18: ...поклонники *генія* Александра Ан‹имовича›...
» 153, » 21—22: Что же причиною *сего* видим‹аго› неравенст‹ва›?
» 153, » 25—26: ...въ воображеніи *любимаго* автора...
» 154, » 20: Обезоружилъ ли тѣмъ онъ многочисленныхъ враговъ?
» 155, » 27: ...съ чужими *замѣчаніями*...
» 156, » 1: ...*гордо* требуютъ отвѣта...
» 156, » 2: ...присвоить своимъ *сочиненіямъ заглавіе*...
» 156, » 4: ...не дерзнулъ *написать*...
» 156, » 5—6: ...воспользоват‹ь›ся многими мѣстами *сего романа* въ *своей* трагедіи.
» 156, » 6: ...прежде *сего романа*.
» 156, » 11: Но еще смѣлѣе *взываю къ* почтенн‹ому› Никола‹ю› Иванович‹у›.

Поводомъ къ появленію статьи Пушкина „Торжество дружбы“ послужили обстоятельства, которыя разожгли страсти современныхъ ему журналистовъ и вызвали горячую полемику между петербургскими и московскими періодическими изданіями.

1) Помѣщено въ выноскѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ № 9 *Телескопа* за 1831 г. была напечатана рецензія на произведенія бездарнаго литератора, любимца „публики Толкучаго Рынка“ Александра Анѳимовича Орлова. Авторъ рецензіи Надеждинъ, воспользовавшись тѣмъ, что Орловъ писалъ о смерти Ивана Выжигина и о свадьбахъ его дѣтей, ѣдко вышутилъ извѣстные романы Булгарина. „Ну—не благословеніе ли небесное!“ умилялся редакторъ *Телескопа*: „Въ сіе скудное время общаго безплодія нашей литературы, семейство *Ивана Ивановича Выжигина* пріумножается вдругъ цѣлою *тройнею*!!![1]) *Игнатъ—Сидоръ—Петръ*... молодецъ на молодцѣ... одинъ другого лучше! Жаль, очень жаль, что родительское сердце не успѣло на нихъ нарадоваться. Въ метрическія книги *Московскихъ Вѣдомостей*, въ слѣдъ за извѣстіемъ о появленіи на свѣтъ *Петра*, внесена печальная сказка о преставленіи раба Божія *Іоанна*! Не исполнившись еще долготою дней, патріархъ Выжигиныхъ скончался вмалѣ. Но да утѣшится тѣнь его, если нужны еще утѣшенія за Летою! Трое остаются послѣ него на поминъ души: и имя, прославленное имъ, утрояется крупно и четко въ газетныхъ объявленіяхъ! Ну—не благословеніе ли небесное!.. Быстрое распространеніе фамиліи Выжигиныхъ есть натуральное слѣдствіе давно признаннаго въ основателѣ ея достоинства, что онъ приходится не только по *сердцу*, но и по *плечу* читающей нашей публикѣ... *Иванъ Выжигинъ* умѣлъ найти чувствительную струну въ каждомъ сословіи Русскаго *народа*[2]) и пошевелить ее пріятнымъ щекотаньемъ. Само собою разумѣется, что на это не требовалось большого искусства. Занимательность представляе-

1) Надеждинъ имѣетъ въ виду нравственно-сатирическіе романы: „Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина“ (М. 1831 г.), „Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина“ (М. 1831 г.) и „Смерть Ивана Выжигина“ (М. 1831 г.).

2) Подъ народомъ разумѣются: деревенскіе помѣщики, „миролюбивые“ купцы, „пронырливые“ сидѣльцы, лакеи, горничныя.

lib.pushkinskijdom.ru

мыхъ имъ каррикатуръ состояла не въ вѣрности, а въ уродливости. Обыкновенно, чѣмъ безобразнѣе и отвратительнѣе фигуры, выставляемыя на посмѣшище, тѣмъ хохотъ громче и продолжительнѣе. Попробуйте развѣсить подъ Новинскимъ характерическія (sic) картины нравовъ, написанныя самой вѣрною и богатою кистью: ихъ никто и не замѣтитъ. Но вокругъ паяца, въ дурацкомъ колпакѣ, съ ослиными ушами, краснымъ носомъ, кривыми ногами и огромнымъ брюхомъ, всегда толпится и зритѣлей и слушателей видимо невидимо! *Иванъ Выжигинъ* зналъ хорошо эту слабость: воспользовался ей, какъ нельзя лучше, и награжденъ за то, какъ нельзя больше. Отъ выставленнаго имъ райка не было отбоя. Но простота и ничтожность употребляемыхъ имъ средствъ не могли долго оставаться тайною для Русской смышленности. Въ Москвѣ скоро сыскались мастера, *которые взялись сдѣлать тоже скобелью* и топоромъ, безъ всякаго иноземнаго пособія, не выписывая изъ Вѣны гравюръ и изъ разныхъ книгъ всякой всячины... И вдругъ — ни оттуда ни отсюда — изъ безвѣстнаго Хлыновскаго захолустья являются добрые степнячки, *Игнатъ* и *Сидоръ*, кои... отыскиваютъ въ Москвѣ знаменитаго *Выжигина* и признаются отъ него дѣтьми, кровными и законными. Это открытіе... *Игнату* и *Сидору*, вмѣстѣ съ именемъ, обезпечило изрядное, по ихъ простому быту, состояньице. Наши степнячки пріосанились: они вздумали жениться: и *Хлыновскія Свадьбы* отпразднованы были, какъ нельзя лучше, на весь міръ, *поминаючи любезнаго родителя* [1]). Оставалось бы, кажется, почтенному старичку радоваться счастіемъ дѣтей своихъ, въ коихъ видѣлъ онъ себя снова возродившимся, какъ внезапное явленіе третьяго лица подъ тѣмъ же именемъ — *Петра Ивановича Выжигина* — возмутило мирную тишину благословен-

1) Хлын‹овскія› Свад‹ьбы›, с‹тр.› 108.

lib.pushkinskijdom.ru

наго семейства. Старецъ не пережилъ этого „удара“, — и „померъ“. „Вотъ сокращенная исторія происхожденія и распространенія знаменитой фамиліи *Выжигиныхъ*“.

„И такъ фамилія сія существуетъ теперь въ трехъ славныхъ лицахъ: *Игнатѣ*, *Сидорѣ* и *Петрѣ*, сыновьяхъ *Ивана Ивановича Выжигина*!.. Странное дѣло!.. Въ нашихъ народныхъ сказкахъ, обыкновенно бываетъ по *три сына*, изъ которыхъ *двое умные*, а *третій дуракъ*: такъ испоконъ вѣка ведется!..

Не такая жь ли судьба и почтеннаго *Выжигинскаго* семейства — посмотримъ.

„*Хлыновскіе Степняки* на взглядъ не очень казисты. Воспитанные въ лѣсной глуши, подъ единственнымъ надзоромъ и руководствомъ дяди *Терентья*, они не знаютъ ни свѣта, ни обращенія: неумытые, нечесаные, глядятъ сычами, ходятъ россомахами. Но это совсѣмъ не бѣда. Умъ не въ волосахъ, а въ головѣ; а у *Игната* и *Сидора* — нечего Бога гнѣвить — есть по головѣ на брата. Оба они — даромъ что такіе охряпки — ребята не промахъ! Судьба, забросивъ ихъ въ Хлыновское захолустье, выростила изъ нихъ, на вольномъ воздухѣ, настоящихъ Русскихъ молодцевъ. Лѣнивые, неповоротливые, безпечные, простые, они знаютъ, однако, гдѣ раки зимуютъ, и готовы вымѣнять на лычко ремешекъ. Русская смѣтливость пробивается сквозь грубыя черты ихъ неотесанной физіономіи... Оба Хлыновца родителю своему ни сколько не въ безчестье: и, если бы сказатель житія ихъ былъ не много поопрятнѣе въ подробностяхъ, подѣльнѣе въ мысляхъ, поровнѣе въ рѣчахъ и посвязнѣе въ описаніяхъ, то *Ивану Выжигину* долго бы еще жить и по смерти въ своихъ милыхъ дѣткахъ. И такъ, если по Русскому присловію, у богатаго мужика зарождаетъ Богъ сына дурака: то исполненіе этой горькой судьбы надъ родоначальникомъ *Выжигинымъ* произведено не *Игнатомъ* и *Сидоромъ*.

lib.pushkinskijdom.ru

„Можетъ ли тоже сказать о себѣ *Петръ Иванович*ъ, ознаменовавшій свое первое вступленіе въ свѣтъ соблазнительною тяжбою съ бѣдными Хлыновцами о правахъ рожденія, признаннаго самимъ ихъ родителемъ?.. Этотъ выскочка будетъ ли въ состояніи защитить собственныя свои права на *Выжигинство?* На чемъ онѣ (sic) основываются?... Что въ немъ *Выжигинского?*... Покойникъ былъ по крайней мѣрѣ сорванецъ и пройдоха: а этотъ — какой то фаля, ротозѣй, который, куда ни приткнется, вездѣ спотыкается, у котораго все валится изъ подъ рукъ, который вездѣ путаетъ самъ себя и самъ себѣ подставляетъ ногу... Ну—что это за выжига? Нѣтъ! Тѣнь *Ивана Ивановича* оскорбится, если этотъ нравственный бобыль, этотъ литературный недоросль, въ предосужденіе правамъ добрыхъ хлыновцевъ, изъявитъ притязанія на богатое отеческое наслѣдство... Не въ батюшку онъ пошелъ!.. Тотъ, по крайней мѣрѣ, умѣлъ позабавить всякой всячиною, и тѣмъ и сѣмъ (sic), и пятымъ и десятымъ: этотъ наводитъ только зѣвоту своею жалкою сухостію и бездѣйственностію. Тотъ былъ говорунъ и краснобай: любилъ самъ разсказывать и охотно слушалъ чужія розсказни, у этого напротивъ слова своего не добьешься; либо самъ читаетъ газеты и записи, либо слушаетъ, какъ другіе ихъ читаютъ. У того не было внутренняго единства и наружной круглоты, но между тѣмъ части цѣплялись одна за другую, не прерываясь: отъ этого, какъ отъ полипа, можно оторвать любую часть — и цѣлое не потерпитъ никакого ущерба. Нѣтъ — это не Выжигинъ!.. Даже сдается, что этотъ Рыцарь печальнаго образа совсѣмъ не Русскій!.. И въ покойникѣ — можетъ быть, отъ воспитанія въ кухнѣ *Гологордовскаго*, между Поляками и Жидами — черты Русской народности слишкомъ мало примѣтны: но онъ, по крайней мѣрѣ, одѣтъ по Русски и проводитъ большую часть времени въ компаніи съ ли-

lib.pushkinskijdom.ru

цами, хотя по имени, Русскими. Но *Петръ Ивановичъ* знается и имѣетъ дѣло почти съ одними Поляками. Вокругъ него толпятся *Мориконскіе*, да *Ромбаланскіе*. Суженая его, дочь какого-то Французскаго Доктора, воспитывается въ семействѣ Поляка *Шмигайлы*. Большая часть его похожденій, или лучше, просто *хожденій*, совершается въ Польшѣ. Тогда какъ Русскіе смачиваютъ своею кровью путь Наполеону въ сердце отечества, онъ странствуетъ по замкамъ Литовскихъ Пановъ и, какъ новый Амадисъ, разгадываетъ символы и распутываетъ таинства. Ему неизвѣстны самыя главныя обстоятельства священной отечественной войны; ибо онъ называетъ *Князя Кутузова Свѣтлѣйшимъ* передъ Бородинскимъ сраженіемъ [1]), когда онъ былъ еще только графомъ. Онъ не знаетъ Русскихъ нравовъ и обычаевъ: поелику заставляетъ солдатъ читать наизусть подробныя реляціи о сраженіяхъ, коихъ цѣлость составляетъ всегда тайну главнокомандующаго вождя [2]); выводитъ священника, *въ полномъ облаченіи, изъ дому* [3]), тогда какъ *полное облаченіе* употребляется только въ церкви, при литургіи; рядитъ бѣжавшаго секретаря, на деревенской сходкѣ, въ треугольную шляпу и бѣлое исподнее платье, употребляемыя только при парадныхъ казусахъ, въ городѣ [4]) и т. п. Наконецъ, онъ идетъ совершенно вопреки Русскому духу; ибо результатъ всей его безжизненной жизни есть положеніе, что *гласъ народа*, на перекоръ исконной Русской пословицѣ, *не есть гласъ Божій!* Положеніе ложное и выгодное развѣ только для фамиліи *Выжигиныхъ!!!* Всѣ сіи обстоятельства оподозриваютъ весьма законность происхожденія Петра Выжигина“ ... (*Телескопъ*, 1831 г., ч. III, № 9, стр. 98—110).

---

1) *Пет. Ив. Выж. Ч. III. с. 124.*
2) *Пет. Ив. Выж. Ч. III. с. 174—191.*
3) *Тамъ же, с. 15.*
4) *Тамъ же, с. 7.*

lib.pushkinskijdom.ru

Язвительная рецензія Надеждина сильно взволновала Греча, который въ лѣтніе мѣсяцы 1831 г. замѣнялъ отдыхавшаго въ Карловѣ Булгарина. Движимый чувствомъ дружбы, редакторъ *Сына Отечества* взялъ на себя неблагодарную роль защитника отсутствующаго товарища.

„Нѣтъ нумера Телескопа или его спутницы Молвы, въ которыхъ не былъ бы задѣтъ или побраненъ Ѳ. В. Булгаринъ", жаловался Гречъ: „Читателямъ Сѣв⟨ерной⟩ Пчелы и Сына Отечества извѣстно, что на всѣ эти выходки и брани не отвѣчалъ онъ ни строчкою, ни словомъ. Казалось, это долженствовало бы притупить злобу неутомимаго наѣздника? Нѣтъ! Нынѣ, въ 9-й книжкѣ Телескопа, она разразилась съ большею противъ прежняго яростью на новый Романъ Булгарина: *Петръ Ивановичъ Выжигинъ*.

„Тамъ взяли двѣ глупѣйшія, вышедшія въ Москвѣ (да, *въ Москвѣ*) книжонки, сочиненныя какимъ-то А. Орловымъ, и выписки изъ нихъ смѣшали съ выдержками изъ Романа Булгарина, приправили все это самыми площадными и низкими ругательствами, и такимъ образомъ рѣшили достоинство новаго сочиненія. Этого не довольно. Вывели вновь на сцену прежняго Выжигина, и стали надъ нимъ издѣваться, остриться и тупиться... Побранивъ порядкомъ Ивана Ивановича, Рецензентъ нападаетъ на Петра... Постараемся доказать нашимъ читателямъ, что если можно и должно критиковать Петра Ивановича Выжигина, то не Издателю Телескопа: бѣдный спотыкается на каждомъ шагу.

„*Во-первыхъ:* Обстоятельства отечественной войны извѣстны Автору Романа гораздо лучше, нежели его Рецензенту: Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ возведенъ въ Княжеское Россійской Имперіи достоинство въ концѣ Іюля 1812 года (см. № 61 Сѣв⟨ерной⟩

lib.pushkinskijdom.ru

Пчелы, 31 Іюля 1812). Слѣдственно за мѣсяцъ до Бородинскаго сраженія. Правда-ли?

„*Во-вторыхъ*: Планъ сраженія *до исполненія онаго* составляетъ тайну Главнокомандующаго, а не самое сраженіе. По окончаніи боя все извѣстно всякому, кому о семъ вѣдать надлежитъ. Въ Романѣ Булгарина солдаты толкуютъ о томъ, что видѣли и слышали. Это бываетъ ежедневно, никому не удивительно и иначе быть не можетъ.

„*Въ-третьихъ*: Въ сужденіяхъ о рясахъ, кутьѣ и т. п. предоставляемъ мы охотно первенство нашему Рецензенту: ученому и книги в руки. Только замѣтимъ, что Священникъ, въ упоминаемомъ мѣстѣ, вышелъ изъ дому не въ гости и не въ поле, а на встрѣчу подступающему непріятелю, вышелъ со крестомъ и святою водою.

„*Въ-четвертыхъ*: Рецензентъ хочетъ выставить, что Авторъ Романа нарядилъ бѣглаго Секретаря щеголемъ. Нѣтъ! Секретарь выходитъ изъ дому въ штатскомъ изношенномъ мундирѣ, въ треугольной бурой шляпѣ, со шпагой, въ бѣломъ *изношенномъ* исподнемъ платьѣ и въ сапогахъ до колѣнъ. И будто этого быть не могло? Извѣстно, что впадшіе въ бѣдность люди сперва изнашиваютъ свое ординарное платье, а потомъ, уже ходятъ въ парадномъ, которое тѣмъ карикатурнѣе, чѣмъ наряднѣе оно было выкроено. Это именно замѣчательная черта парадныхъ костюмовъ.

„*Въ-пятыхъ*: Пословица: *гласъ народа гласъ Божій*, не есть коренная Русская, а переведенная съ Латинской (Vox populi vox Dei). Она вошла въ Русскій языкъ путемъ книжнымъ, и народною никогда не бывала. Г. Булгаринъ, какъ должно честному человѣку, возстаетъ противъ ея приложенія, отдавая справедливость памяти Полководца, которому благодарное потомство воздвигаетъ монументъ, но котораго современная толпа провозгласила

lib.pushkinskijdom.ru

было трусомъ и предателемъ. Голосъ толпы никогда не можетъ быть голосомъ правды и благоразумія. Не говоря уже о томъ, что на этомъ голосѣ основано правило *самодержавія народовъ*, пагубное начало и первая причина всѣхъ нынѣшнихъ неустройствъ въ Европѣ, спрошу: можно-ли, напримѣръ, лечить отъ холеры *по голосу народа*? Еще спросите у народа: что ходитъ, солнце или земля? Хорошо-ли, когда тринадцать человѣкъ сядутъ за столъ? и т. п. А все это: *голосъ народа*! — И Телескопъ называется *Журналомъ современнаго просвѣщенія*!..

„Булгаринъ живетъ въ деревнѣ своей подлѣ Дерпта, и не читаетъ Телескопа (онъ просилъ меня не посылать къ нему вздоровъ)“, заключаетъ Гречъ свои „Литературныя замѣчанія“: „но я долгомъ почелъ вступиться за товарища. Я рѣшился на сіе не для того, чтобъ оправдывать и защищать Булгарина (который въ этомъ не имѣетъ надобности, ибо у него въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, нежели во многихъ головахъ Рецензентовъ), а для того, чтобъ сорвать личину съ шарлатанства, и показать публикѣ отечественной, *кто* и какъ судитъ о произведеніяхъ Литературы и Литераторахъ“ (*Сынъ Отечества*, 1831 г., ч. 143, № 27, стр. 59—68).

Отвѣтомъ на „Литературныя замѣчанія“ Греча служитъ статья „Торжество дружбы“.

Пушкинъ довольно внимательно слѣдилъ за появленіемъ въ печати произведеній Булгарина. В письмѣ къ П. А. Плетневу отъ 11-го апрѣля 1831 г. поэтъ сообщаетъ: „Петръ Иванычь [1]) приплылъ въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нея созданъ, а она — для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣ-

1) Романъ Ѳ. В. Булгарина.

lib.pushkinskijdom.ru

стѣ и умирать. На Выжигина II-го я еще не посягалъ, а какъ сказываютъ — обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣется: не стану читать, а ругать все-таки буду" (Переписка, т. II, стр. 235). Посягательства на „Петра Ивановича Выжигина", дѣйствительно, не послѣдовало, но, зато, появилась эпиграмма, которую народная молва приписывала Пушкину:

Ѳаддей роди Ивана,
Иванъ роди Петра:
Отъ дѣдушки болвана
Какого ждать добра.

Полемика, возгорѣвшаяся изъ-за „Петра Выжигина" между *Телескопомъ* и *Сыномъ Отечества*, захватила поэта: онъ принялъ въ ней участіе, ставъ на сторону Надеждина. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ Пушкинъ выхода тринадцатой книжки *Телескопа* и даже выражалъ опасенія, что происки Булгарина и осторожность редактора *Телескопа* могутъ лишить журналистовъ возможности ознакомиться съ „Торжествомъ дружбы". „Статья Ѳ. Косичкина еще не явилась", писалъ Пушкинъ Гоголю 25-го августа 1831 г.: „не знаю, что это значитъ: не убоялся ли Надеждинъ гнѣва Ѳаддея Венедиктовича?" А черезъ недѣлю, 3-го сентября, поэтъ интересовался, какое впечатлѣніе вынесли его друзья по прочтеніи „Торжества дружбы". „Читалъ ли ты въ Телескопѣ статью Ѳ. Косичкина?" допрашивалъ онъ князя П. А. Вяземскаго. Извѣстіе объ успѣхахъ статьи доставило Пушкину удовольствіе: онъ былъ „тронутъ вниманіемъ" И. В. Кирѣевскаго, предложившаго Ѳеофилакту Косичкину вторично высѣчь Булгарина на страницахъ *Европейца* (Переписка, т. II, стр. 312, 318, 342—343).

Между тѣмъ А. А. Орловъ, не понявшій статьи Пушкина и польщенный „вниманіемъ" съ его стороны, обра-

lib.pushkinskijdom.ru

тился къ нему съ благодарственнымъ письмомъ, на которое послѣдній долженъ былъ откликнуться въ утонченно-вѣжливой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и насмѣшливой формѣ. „Искренно благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ письмомъ вашимъ“, иронизировалъ Пушкинъ: „Радуюсь, что посильное заступленіе мое за дарованіе, конечно не имѣющее нужду ни въ чьемъ заступленіи, заслужило вашу благосклонность. Вы оцѣнили мое усердіе, а не успѣхъ. Малъ бѣхъ въ братіи моей, и если мой камешекъ угодилъ въ могучій лобъ Голіаѳу Фиглярину, то слава Создателю! Первая глава новаго вашего Выжигина есть новое доказательство неистощимости вашего таланта. Но, почтенный Александръ Анеимовичъ! удержите сіе благородное, справедливое негодованіе, обуздайте свирѣпость творческаго духа вашего! Не приводите яростію пера вашего въ отчаяніе присмирѣвшихъ издателей Пчелы. Оставьте меня впереди соглядатаемъ, и стражемъ. Даю вамъ слово, что если они чуть пошевельнутся, то Ѳ. Косичкинъ заваритъ такую кашу или паче кутью, что они ею подавятся. Читалъ я въ Молвѣ объявленіе о намѣреніи вашемъ писать Исторію русскаго народа: можно ли вѣрить сей пріятной новости?“ (Переписка, т. II, стр. 345: письмо отъ 24-го ноября 1831 г.).

Письмо Пушкина стало извѣстно въ семьѣ Полевыхъ и вызвало тамъ сильнѣйшее негодованіе. Съ большимъ раздраженіемъ говоритъ объ Орловѣ Кс. А. Полевой: „Этотъ пошлый писака, издававшій отвратительныя брошюрки подъ разными циническими заглавіями, какъ напримѣръ: *Поросенокъ въ мѣшкѣ, или угнетенная невинность,* очень угодилъ Пушкину тѣмъ, что началъ издѣваться и глумиться надъ Булгаринымъ, съ которымъ Пушкинъ былъ въ это время чуть не на ножахъ. Великій поэтъ обрадовался случаю бросить грязью въ автора „Выжигиныхъ“, и написалъ одобрительное и поощрительное

lib.pushkinskijdom.ru

письмо къ Орлову, уськая его бранить Булгарина. Тотъ отвѣчалъ ему, и такимъ образомъ между ними завязалась переписка и почти пріязнь. Пушкинъ старался представить все это въ видѣ забавной шутки; но, тѣмъ не менѣе, событіе несомнѣнно: онъ унижался до переписки съ Орловымъ, поощряя этого уличнаго писаку передразнивать и поносить тѣхъ людей, которые писали неуважительно о послѣднихъ сочиненіяхъ Пушкина. Когда, наконецъ, онъ былъ раздраженъ на Н. А. Полевого за разныя колкія его замѣчанія, тогда началъ поощрять Орлова писать противъ автора *Исторіи русскаго народа*.

Несомнѣннымъ доказательствомъ всего этого служитъ слѣдующая копія съ письма Пушкина, сохранившаяся въ бумагахъ Н. А. Полевого. Замѣчательна надпись, сдѣланная на ней рукою моего брата: „Прежде всего надобно хорошенько представить себѣ: *кто* и *къ кому* пишетъ? *Пушкинъ — къ Орлову!!*

Теперь начинайте чтеніе“ . . . Помѣстивъ текстъ письма отъ 24-го ноября 1831 г.,[1]) Кс. А. Полевой продолжаетъ: „Жаль, что не сохранилась вся переписка великаго поэта съ трактирнымъ писакой: любопытно было бы видѣть, какъ они братались! Приведенное мною здѣсь письмо, какъ видно, одно изъ многихъ; но цѣль ихъ всѣхъ, конечно, была одна и та же. Пушкинъ подстрекалъ Орлова писать противъ непріятныхъ ему людей, и для того льстилъ ему хотя въ двусмысленномъ тонѣ. Орловъ ликовалъ и показывалъ письма его встрѣчному и поперечному, предлагая съ каждаго копію за двугривенникъ! Вѣроятно, такъ досталъ и братъ мой копію съ означеннаго письма. Для поясненія замѣчу, что подъ именемъ Косичкина Пушкинъ писалъ бранчивыя статьи противъ Булгарина въ „Теле-

1) Кромѣ основного текста, помѣщена и позднѣйшая приписка Пушкина отъ 9-го января 1832 г.

lib.pushkinskijdom.ru

скопѣ“ и въ „Литературной Газетѣ“ [1]), которой издателемъ былъ Дельвигъ, а редакціею занимался Орестъ Мих‹айловичъ› Сомовъ, добрый малый и образованный словесникъ, но переметная сума по мнѣніямъ. Онъ былъ поперемѣнно другомъ почти всѣхъ враждовавшихъ между собою партій. Пушкинъ, между прочимъ, находилъ въ Орловѣ больше дарованія, нежели въ Булгаринѣ, отчего авторъ „Выжигина“ ужасно бѣсился. Орловъ писалъ пародіи на романъ его и, какъ видно, сбирался писать пародіи на *Исторію русскаго народа*, а Пушкинъ радовался тому и ободрялъ его“ (*Кс. А. Полевой.* Записки. СПб. 1888 г., стр. 315—317).

Непріязненное отношеніе къ Пушкину братьевъ Полевыхъ, находившихся въ 1831 году во временномъ союзѣ съ издателемъ *Сѣверной Пчелы*, проявилось и на страницахъ *Московскаго Телеграфа*. „Въ самомъ дѣлѣ“, читаемъ въ одномъ изъ октябрьскихъ нумеровъ журнала: „какъ не сердиться на Булгарина, пишетъ себѣ, и не думаетъ перестать, даже и послѣ того, когда неуязвляемый беззубыми эпиграммами *знаменитыхъ*, онъ заставляетъ ихъ съ досады надѣвать броню *семинариста*, называться *Косичкиными*, дружиться даже съ Г-мъ Орловымъ — и все безъ вреда его литтературной чести и извѣстности“ (*Московскій Телеграфъ*, 1831 г., № 19, стр. 448).[2]) Иначе, чѣмъ Полевой, высказался о дѣйствіяхъ Пушкина Гоголь. Еще не прочитавъ „Торжества дружбы“, но зная объ этой статьѣ со словъ автора (Переписка, т. II, стр. 312), талантливый сатирикъ съ обычнымъ юморомъ совѣтовалъ великому поэту „написать эстетическій разборъ двухъ

1) Въ *Литературной Газетѣ* статей за подписью Косичкина не было.

2) Пушкинъ ждалъ отклика на свою статью не отъ Полевого, а отъ Греча либо Булгарина. „Если есть въ Сынѣ Отечества отвѣтъ Ѳ. Косичкину“, писалъ онъ П. И. Миллеру: „то пришлите его мнѣ, сдѣлайте милость“ (Переписка, т. II, стр. 324: письмо первой половины сентября 1831 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

романовъ; положимъ: Петра Ивановича Выжигина и Соколъ; „былъ бы соколъ, да курица съѣла". Въ подобномъ разборѣ хорошо было бы поговорить о „Россіи, мудрости правленія которой дивятся всѣ образованные народы" и о двухъ „представителяхъ ея преображенного величія": Булгаринѣ и Орловѣ [1]). При сравненіи ихъ между собою „можно опровергать мнѣніе Ѳеофилакта Косичкина" и доказывать, „что скорѣе Орловъ философъ, что Булгаринъ весь поэтъ". „Но самое главное, — нужно соглашаться съ жалобами журналистовъ нашихъ, что дѣйствительно Литературу нашу раздираетъ духъ партій ужаснымъ образомъ, и оттого никакъ нельзя подслушать справедливаго сужденія. Всѣ мнѣнія раздѣлены на двѣ стороны: одни на сторонѣ Булгарина, а другіе на сторонѣ Орлова, и что они, между тѣмъ какъ ихъ приверженцы нападаютъ съ такимъ ожесточеніемъ другъ на друга, совершенно не знаютъ между собою никакой вражды и внутренно, подобно всѣмъ великимъ геніямъ, уважаютъ другъ друга" (Переписка, т. II, стр. 306—307: письмо отъ 21-го августа 1831 г.).

Позднѣйшіе издатели и критики Пушкина, Анненковъ, Чернышевскій и Аполлонъ Григорьевъ, находили статью „Торжество дружбы" рѣзкой по тону, „жесткой въ формѣ и въ языкѣ", хотя и признавали ея „веселость" и ея „устремленіе не на лицо, а на темныя стороны жизни и литературы, которыхъ лицо является случайнымъ представителемъ" (*П. В. Анненковъ.* Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 245. — *Н. Г. Чернышевскій.* Критическія статьи. СПб. 1893 г., стр. 74—75. — *А. А. Григорьевъ.* Полное собраніе сочиненій. П. 1918 г., т. I, стр. 253).

1) Гоголь причислялъ Орлова къ писателямъ, которые лучше другихъ умѣютъ изъясняться съ чернью и о которыхъ „съ презрѣніемъ и остроумными колкостями" говорятъ въ среднемъ классѣ общества офицеры въ родѣ поручика Пирогова (*Н. В. Гоголь.* Сочиненія. СПб. 1893, т. I, стр. 300).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 148, строка 22*). „In arenam cum aequalibus descendi“ — цитата, не встрѣчающаяся въ произведеніяхъ Цицерона.

— (*Стр. 149, строки 3 — 6*). Первое изданіе „Димитрія Самозванца“ (1830 г.) вышло въ свѣтъ съ такимъ посвященіемъ: „Посвящаю другу моему и товарищу Николаю Ивановичу Гречу, въ десятилѣтіе нашей дружбы“. Тронутый этой любезностью, Гречъ написалъ характерное предисловіе къ своей „Поѣздкѣ въ Германію“ (1831 г.):

„Ѳаддею Венедиктовичу
Булгарину.

„Посвятивъ мнѣ Димитрія Самозванца, ты возложилъ на меня обязанность отвѣчать тебѣ тѣмъ же. Я рѣшился за сказку подарить тебя сказкою, тѣмъ болѣе, что ты самъ давно уже совѣтовалъ мнѣ написать что нибудь въ этомъ родѣ. На уединенныхъ прогулкахъ по аллеямъ Елагина Острова выдумалъ я небывалыя похожденія, изложилъ ихъ въ письмахъ, и такимъ образомъ составились два томика. Прими дружеское мое приношеніе; прочти мои росказни; только не слишкомъ строго осуждай: и безъ тебя найдутся охотники бранить!

Составляя планъ моей повѣсти, я вздумалъ коснуться струны, у насъ еще не тронутой — нравовъ и обычаевъ Петербургскихъ нѣмцевъ. Не мнѣ судить, успѣлъ ли я въ этомъ. Другіе, вѣроятно, будутъ счастливѣе; но мнѣ хотѣлось сдѣлать первую попытку. — Впрочемъ могу увѣрить и тебя и другихъ моихъ читателей, что я написалъ сію книжку безъ всякихъ авторскихъ требованій, единственно для того, чтобъ посвятить ее тебѣ, а напечаталъ потому, что ты, какъ мнѣ извѣстно, не любишь читать скорописи; къ тому же мнѣ недалеко было ходить въ типографію“ (*Н. И. Гречъ*. Поѣздка въ Германію. СПб. 1831 г., ч. I, стр. III—IV).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 149, строки 6—8*). „Не будучи въ состояніи убѣдить Н. И. Греча къ составленію предисловія, въ которомъ онъ изъяснился бы на счетъ своего труда („Пространной русской грамматики“) съ большею смѣлостью“, Булгаринъ „упросилъ его, по дружбѣ, поручить это дѣло“ ему. Почтенный издатель *Сѣверной Пчелы* извиняется передъ читателями въ томъ, что „лишилъ ихъ предисловія, сочиненнаго Н. И. Гречемъ“. „Къ сему побуждался я“, говоритъ Булгаринъ: „не самонадѣянностью и не увѣренностью, что напишу лучше, но причинами, изъясненными выше, и дружбою. Читатели вспомнятъ, что я самъ обязанъ Гречу настоящимъ познаніемъ моимъ Русскаго языка, и что, въ предисловіи къ моимъ Сочиненіямъ, я вмѣнилъ себѣ въ честь называться его ученикомъ. И нынѣ повторяю это съ удовольствіемъ, и такъ же радуюсь изданію сей Грамматики, какъ будто бы она принадлежала мнѣ самому. Да послужитъ она къ пользѣ общей, какъ послужила къ моей; въ этомъ я увѣренъ“ (*Н. И. Гречъ*. Пространная русская грамматика. Изданіе 2-ое. СПб. 1830 г., т. I, стр. IV, XII).

— (*Стр. 149, строки 8—10*). „Хвалебное объявленіе“ объ „Иванѣ Выжигинѣ“ появилось въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1829 г., № 37. Гречъ полагаетъ, что русская словесность, „богатая и отличная въ разныхъ отрасляхъ“, бѣдна романами. „Всѣ попытки въ семъ родѣ или суть отрывки и начала, или вовсе недостойны критики. Г. Булгаринъ отважился выступить на сіе новое поприще“. Долгъ Греча — „сказать о семъ новомъ произведеніи (его) товарища нѣсколько словъ, по совѣсти и справедливости“, безъ опасенія, чтобы кто либо упрекнулъ его въ пристрастіи, такъ какъ „за неимѣніемъ *другихъ* литературныхъ Журналовъ въ Петербургѣ“, издатели *Сына Отечества* и *Сѣверной Пчелы* „по неволѣ должны говорить другъ о другѣ сами“. „Иванъ Выжигинъ“ „не есть подражаніе

lib.pushkinskijdom.ru

Лесажу, Фильдингу, Пиго-ле-Брену, Вальтеру Скотту, Поль-де-Коку или другимъ Романистамъ иностраннымъ". Передъ нами „оригинальный романъ". „Это — свободное начертаніе нравовъ и обычаевъ разныхъ состояній нашего времени, преимущественно въ Россіи... Сценъ занимательныхъ, смѣшныхъ, трогательныхъ въ семъ Романѣ очень много; характеры лицъ, выведенныхъ Авторомъ на сцену, не созданы его воображеніемъ: они существуютъ въ природѣ, и тѣмъ для читателей привлекательнѣе... Интересъ выдержанъ съ первой до послѣдней главы: разнородныя части совокуплены одною общею рамою, и сливаются между собою естественно и нечувствительно. Расказъ быстръ, свободенъ и натураленъ. Остроумныя замѣчанія, легкіе намѣки (sic), мимолетныя эпиграммы разсѣяны по всей книгѣ. — Судьбу этой книги легко предсказать можно. Непредубѣжденные читатели Русскихъ книгъ, ищущіе пищи уму и сердцу, примутъ ее съ удовольствіемъ и благодарностію. Надутые Критики (педанты и безграматные) будутъ бранить ее. Шмели литературные станутъ подражать Автору. Quelle horreur! закричатъ свѣтскіе умники и полу-Французскія куклы".

— (*Стр. 149, строки 30—31*). Въ своихъ „Литературныхъ Замѣчаніяхъ" Гречъ говоритъ: „Иванъ Выжигинъ", обративъ на себя вниманіе публики нашей, пріохотилъ ее къ чтенію, и проложилъ путь другимъ Романамъ. Не говорю, чтобъ въ немъ все было совершенно, чтобъ онъ былъ произведеніемъ образцовымъ, единственнымъ; но въ нынѣшнемъ состояніи нашей Литературы, Романъ сей есть *относительно* явленіе пріятное и полезное. Повторяю: самое то, что его читаютъ въ среднемъ и низшемъ классахъ, служитъ ему въ похвалу, а не въ порицаніе" (*Сынъ Отечества*, 1831 г., ч. 143, № 27, стр. 62—63).

— (*Стр. 150, строки 25—31*). Объ А. А. Орловѣ см. статью № 27 и примѣчанія къ ней.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 151, строки 1—4*). „Дерзость неслыханная“— выраженіе, употребленное сотрудникомъ *Сына Отечества* Максимомъ Хохловичемъ [1]) въ разборѣ альманаха *Денница* на 1831 г., гдѣ помѣщено не понравившееся критику „Обозрѣніе Словесности“. „Ненависть къ Булгарину (Богъ вѣсть за что!)“, пишетъ Хохловичъ: „довела Г. обозрѣвателя до того, что онъ, разбранивъ Булгарина самымъ неприличнымъ образомъ, сталъ послѣ того, ругать *его читателей*, не подумавъ, что̀ навлекаетъ на себя за эту неслыханную дерзость. Просимъ взглянуть на стр. XXIX обозрѣнія!“ (*Сынъ Отечества*, 1831 г., ч. 141, № 20, стр. 323—329).

— (*Стр. 151, строки 6—10*). По свидѣтельству Греча „Ивана Выжигина“ „продано слишкомъ семь тысячъ экземпляровъ“ (*Сынъ Отечества*, 1831 г., ч. 143, № 27, стр. 63).

— (*Стр. 151, строки 25—26*). Латинская пословица: „ubi bene, ibi patria“, нерѣдко встрѣчается въ сочиненіяхъ французскихъ писателей XVIII—XIX вв.: Шатобріана, Гольбаха и др. (*P. Larousse*. Fleurs latines des dames et des gens du monde, pp. 453—454).

— (*Стр. 151, строки 26—28*). Ѳ. В. Булгаринъ служилъ въ русскомъ и французскомъ уланскихъ полкахъ.

— (*Стр. 151, строка 32—стр. 152, стр. 2*). Книгопродавецъ Василій Васильевичъ Логиновъ помѣстилъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* слѣдующее объявленіе: „На извѣстныя сочиненія подъ названіемъ: Ивана Выжигина и Петра Выжигина соч. Г-на Булгарина, принималась подписка; нынѣ же принимается подписка на сочиненіе подъ названіемъ: Смерть Ивана Выжигина, сочиненіе А. Орлова, извѣстнаго Публикѣ остроумными

1) Вѣроятно, псевдонимъ Н. И. Греча.

lib.pushkinskijdom.ru

сочиненіями. Книга сія принесетъ Публикѣ удовольствіе, потому что кончина сего достопамятнаго мужа, т. е. Выжигина, есть важное событіе для почитателей Ивана Ивановича; кто читалъ жизнь Ивана Выжигина, тотъ съ прискорбіемъ прочтетъ его кончину" (*Московскія Вѣдомости*, 1831 г., № 30, стр. 1388; № 38, стр. 1670).

Сопоставленіе Булгарина съ Орловымъ сильно раздражило *Сѣверную Пчелу*, которая съ тѣхъ поръ сдѣлала автора „Смерти Ивана Выжигина" предметомъ своихъ нападокъ. Орловъ былъ прославленъ какъ „Сочинитель множества Поэмъ, Повѣстей, Романовъ, разговоровъ и проч. и проч. въ стихахъ и въ прозѣ *per usum* толкучаго рынка, лавочниковъ и деревенскихъ любителей Словесности, равныхъ имъ по просвѣщенію" (*Сѣверная Пчела*, 1831 г., № 152. — Ср. №№ 127, 204).

— (*Стр. 152, строка 19*). Совѣстдралъ и Англійскій Милордъ — герои двухъ популярныхъ произведеній: 1) „Похожденіе ожившаго новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣстдрала, большаго носа" (Переводъ съ Польскаго. 3 части. СПб. и М. 1781 г.), и 2) „Повѣсть о приключеніи Англійскаго Милорда Георга и Бранденбургской Маргграфини Фридерики Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго Турецкаго Визиря Марцимириса и Сардинской Королевы Терезіи" (Изданіе М. Комарова. 3 части. СПб. 1782 г.).

— (*Стр. 152, строки 29—32*). Перечисленные Пушкинымъ романы Орлова напечатаны въ 1830—1831 гг.

— (*Стр. 152, строки 33—34*). Изреченіе: „Le génie n'est qu'une plus grande aptitude à la patience", не встрѣчается въ сочиненіяхъ Бюффона, но ближайшій другъ знаменитаго натуралиста госпожа Неккеръ, жена министра финансовъ, въ книгѣ „Pensées et souvenirs" сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о томъ, что Бюффонъ при-

lib.pushkinskijdom.ru

давалъ большое значеніе своему опредѣленію генія и охотно возвращался къ этой темѣ, говоря: „Le génie se forme par la patience, en considérant longtemps une idée, et en trouvant enfin des rapports féconds et bien liés“ („Nouveaux mélanges“, 1801, t. I, p. 154). Госпожа Неккеръ разъясняетъ слова Бюффона: „M. de Buffon est persuadé que l'art d'écrire est de la patience et que le génie est de la patience: il faut bien voir pour bien écrire, il faut penser longtemps pour avoir des idées nouvelles. Quand on a une idée intéressante, il ne faut pas s'empresser de la délayer pour en faire un livre, il faut, au contraire, la mettre de côté, afin de pouvoir la réunir avec toutes celles qui se présentent dans notre esprit, et en faire un corps digne d'attention“ [*Alexandre* (*Roger*). Les mots qui restent. Paris, 1901, pp. 89—90. „Le génie, c'est la patience“. — Ср. *Б. Модзалевскій*. Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 299, № 1212].

Слова Бюффона приведены въ поэмѣ А. Ф. Воейкова „Искусства и науки“:

«Бюффонъ давно сказалъ: «Терпѣніе есть геній»

(*Вѣстникъ Европы* 1819 г., ч. 104, № 8 стр. 254).

— (*Стр. 153, стр. 7—10*): Глаздуринъ и Ножовъ — дѣйствующія лица въ романѣ Булгарина „Иванъ Выжигинъ“ (СПб. 1829 г.), гдѣ большинство изображенныхъ авторомъ героевъ носитъ фамиліи, соотвѣтствующія ихъ качествамъ, напримѣръ: Вороватинъ, Грабилинъ, Крючкотворскій и т. п.

— (*Стр. 153, стр. 28—30*). Объ Ансело см. статью № 20 и примѣчанія къ ней. По случаю пріѣзда Ансело въ Петербургъ Булгаринъ написалъ замѣтку, гдѣ характеризовалъ прибывшаго, какъ „одного изъ отличнѣйшихъ Поэтовъ и Литераторовъ Франціи“ (*Сѣверная Пчела*, 1826 г. № 58).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 154, строки 17—18*). Въ статьѣ Булгарина „Анекдотъ“ Пушкинъ представленъ въ видѣ француза, „у котораго сердце холодное и нѣмое существо, какъ устрица“ (*Сѣверная Пчела,* 1830 г., № 30. — См. примѣчанія къ № 43).

— (*Стр. 155, строки 22—24*). „Видя успѣхъ „Ивана Выжигина“, книгопродавецъ Алексѣй Заикинъ, заказалъ Булгарину „Петра Выжигина“, который былъ несравненно слабѣе и не принесъ выгоды“ (*Н. И. Гречъ.* Записки о моей жизни. СПб. 1886 г., стр. 451)[1]).

— (*Стр. 155, строки 25—26*). Исторія напечатанной Булгаринымъ книги: „Избранныя оды Горація, съ комментаріями“, разсказана Гречемъ: „Онъ (Булгаринъ) вздумалъ издать „Оды Горація“ съ комментариями Ежевскаго[2]) и другихъ критиковъ, но самъ зналъ по-латыни очень плохо, просто сказать, зналъ этотъ языкъ, какъ какая-нибудь полька, посѣщающая католическую церковь. Ему помогъ одинъ мой родственникъ, и книжка вышла изрядная. Ежевскій и нѣкоторые другіе латинисты жаловались на заимствованіе ихъ примѣчаній, но Булгаринъ оправдался тѣмъ, что упомянулъ объ этихъ заимствованіяхъ въ предисловіи. Въ то время втерся онъ къ Магницкому и Руничу и старался, при ихъ помощи, ввести эту книгу въ училища, но обѣщанія ихъ ограничились словами. Книга не раскупалась, и Булгаринъ рѣшился пожертвовать ее въ пользу училищъ“ (*Н. И. Гречъ.* Записки о моей жизни. СПб. 1886 г., стр. 449). Продѣлка Булгарина была хорошо извѣстна въ литературныхъ кругахъ. „Ѳ. В. Бул-

---

1) Въ *Молвѣ* Надеждина сообщены такія данныя: „Въ своей апологіи *Выжигиныхъ*, Н. И. Гречъ, вѣроятно въ жару запальчивости, проговорился, что *Ивана Выжигина* разошлось 7000 экземпляровъ, а *Петра* только 2500 (С. О. и С. А. № 27, стр. 61—63). Итакъ 4500 читателей ухнуло“ (*Молва*, 1831 г., № 30, стр. 56).

2) Іосифъ Ежевскій — преподаватель греческаго языка въ Московскомъ Университетѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

гаринъ издалъ Горація съ филологическими примѣчаніями, кои хотя и чужія, но тѣмъ не менѣе доказываютъ, что грамматическія занятія ему по сердцу", иронически замѣчаетъ Надеждинъ (*Телескопъ*, 1831 г., ч. IV, № 16, стр. 155)[1]).

— (*Стр. 156, строки 3—7*). Въ критической замѣткѣ о VII главѣ „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ пишетъ: „г. Булгаринъ не сказываетъ, что трагедія Б⟨орисъ⟩ Годуновъ взята изъ его романа" [*Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 551. — См. статью № 50 („Китайскій Анекдотъ") и примѣчанія къ ней].

62.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МИЗИНЦѢ Г. БУЛГАРИНА И О ПРОЧЕМЪ.

(Стр. 156—161).

Эта статья, не встрѣчавшаяся намъ въ рукописи, впервые помѣщена въ *Телескопѣ*, 1831 г., ч. IV, № 15, стр. 412—418, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 95—100.

Тема дана Пушкину П. А. Вяземскимъ, который въ письмѣ изъ Остафьева отъ 27-го іюля 1831 г. развиваетъ мысль о томъ, какъ умѣстно было бы высмѣять издателя *Сѣверной Пчелы*. Вяземскій приводитъ слова Греча, что „въ одномъ мизинцѣ Булгарина болѣе ума и таланта,

---

1) А. Х. Бенкендорфъ былъ высокаго мнѣнія о трудѣ Булгарина, полагая, что послѣдній приспособилъ новое изданіе одъ Горація къ школьному употребленію, исключивъ все соблазнительное для юношества и „помѣстивъ то, что сообразно съ христіанскою нравственностью" (*М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію СПб. 1889 г., т. II, стр. 277).

lib.pushkinskijdom.ru

нежели во многихъ головахъ рецензентовъ", и добавляетъ: „Жаль-же, сказалъ одинъ читатель, что Булгаринъ не однимъ мизинцемъ пишетъ[1]). — А если хочешь, дай другой оборотъ этому. Во всякомъ случаѣ, на этомъ мизинцѣ можно погулять и хорошенько расковырять имъ гузно" (Переписка, т. II, стр. 290). — Пушкинъ охотно отозвался на сдѣланное ему предложеніе. „Твое замѣчаніе о Мизинцѣ Булгарина не пропадетъ", увѣдомлялъ онъ Вяземскаго (Переписка, т. II, стр. 296), и вскорѣ набросалъ вторую статью для *Телескопа*.

Прошло десять лѣтъ. 3-го августа 1841 г. В. Г. Бѣлинскій жаловался Н. Х. Кетчеру на притѣсненія со стороны цензуры: „Цензура не пропустила въ моей статьѣ о Пушкинѣ (3 томъ) заглавіе пушкинской статьи „О мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ". Статья Бѣлинскаго была рецензія на посмертное изданіе сочиненій Пушкина. [*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій, т. VI. (1903 г.), стр. 272—*274*—283, 596; т. VII (1904 г.), стр. *273, 600*. — Письма. СПб. 1914 г., т. II, стр. 258].

— (*Стр. 156, строки 18—20*). Пролазъ и Высоносъ — „дурацкія персоны", изображенныя на лубочныхъ картинкахъ. Пушкинъ намекаетъ на „доброе согласіе", въ которомъ состояли Полевой и Булгаринъ, раньше непріязненно относившіеся другъ къ другу.

— (*Стр. 157, строки 21—22*). „Письма Бригадирши" представляли собою перепечатку наиболѣе рѣзкихъ мѣстъ изъ статей, направленныхъ противъ Н. А. Полевого и написанныхъ его литературными врагами и

---

1) Эта же мысль высказана Надеждинымъ: „Ай, да мизинецъ! уменъ малютка! Жаль, очень жаль, что почтенный *Ѳ. В. Булгаринъ* не мизинцемъ пишетъ свои романы, или, по крайней мѣрѣ, не ссудилъ имъ *Г. Греча* на составленіе въ защиту *Выжигиныхъ* статейки, сколько нибудь достойной сочинителя трехъ Грамматикъ и одной Учебной Книжки" (*Молва*, 1831 г., № 30, стр. 60).

lib.pushkinskijdom.ru

недоброжелателями. Эта любопытная сводка озаглавлена: „Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ для Издателя Московскаго Телеграфа“, и напечатана въ *Славянинѣ*, 1829 г., ч. X, стр. 388—404, 436—445; ч. XI, стр. 53—64.

— (*Стр. 157, строка 22*). Въ *Прибавленіи* къ № 14 *Московскаго Телеграфа*, 1825 г., въ отдѣлѣ „Лѣтописи модъ“ (Annales des Modes), на стр. 309-ой, было помѣщено описаніе дамскихъ костюмовъ: „На прогулкахъ и въ деревнѣ часто встрѣчаете модныхъ дамъ въ платьяхъ изъ кисеи, жаконна и батиста, цвѣтовъ голубаго, розоваго и грипусье (gris poussière), убранныхъ тремя вѣтками, фестонированными или обшитыми петельками“, Куріозная ошибка Полевого была сразу замѣчена, и въ № 116-мъ *Сѣверной Пчелы* (1825 г.) появилось не лишенное интереса письмо къ издателямъ. Авторъ письма, Николай Лѣсной, яко бы владѣлецъ красильной фабрики, желающій усовершенствовать свое искусство и просматривающій журналы въ надеждѣ найти что-нибудь для себя полезное, былъ удивленъ, прочитавъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* слово *грипусье*, представляющее собою переводъ французскаго выраженія: „gris-poussière“. „На это можно отвѣчать: вуй мусье!“ замѣчаетъ Лѣсной: „Не совѣтовалъ бы я сотруднику г. Полеваго, Матюшѣ-Журналоучкѣ[1]) (см. М. Т. № 15), учиться живописи изъ Московскаго Телеграфа, а то онъ будетъ судить *о цвѣтахъ, какъ слѣпой*“. — Вопросъ о томъ, кто такой Николай Лѣсной, выступившій противъ Полевого, рѣшается на основаніи воспоминаній князя Н. С. Голицына. „Въ издаваемой Гречемъ „Сѣверной Пчелѣ“, въ фельетонахъ о новыхъ книгахъ, журнальныхъ статьяхъ и т. п.“, разсказываетъ Голицынъ: „такъ и сыпались иногда краткія и довольно

1) Вѣроятно, псевдонимъ Н. А. Полевого.

lib.pushkinskijdom.ru

мѣткія его остроты. Предметомъ ихъ, между прочимъ, бывалъ Полевой, издававшій в Москвѣ „Московскій Телеграфъ“, но плохо знавшій или вовсе не знавшій французскаго языка и дѣлавшій грубыя ошибки въ немъ. Однажды, когда въ модѣ былъ сѣрый цвѣтъ женскихъ матерій, по-французски gris-poussière, Полевой перевелъ это по-русски словомъ „грипусье“. А Н⟨иколай⟩ И⟨вановичъ⟩ отвѣчалъ на это коротко: „Грипусье? Вуй мусье!“ и только“ (*Русская Старина,* 1890 г., т. LXVI, стр. 706).

— (*Стр. 157, строки 22—23*). Н. А. Полевой названъ „верхоглядомъ“ въ Эпиграммѣ Трилуннаго (Д. Ю. Струйскаго):

Нашъ близорукій *верхоглядъ*
Все какъ то судитъ не въ попадъ:
Бѣда, конечно, невелика,
Да малый сбился съ панталыка.

(*Литературная Газета,* 1831 г., т. 3, № 30, стр. 243).

— (*Стр. 157, строки 23—25*). О союзѣ Полевого и Булгарина см. статью № 47, стр. 94. Въ 1833-мъ году Надеждинъ указывалъ, что *Сѣверная Пчела,* „постоянно враждовавшая со всѣми своими собратіями“, заключила на короткій срокъ „перемиріе“ съ *Московскимъ Телеграфомъ* (*Молва,* 1833 г., № 114, стр. 453).

— (*Стр. 157, строки 26—29*). Статьи сатирика А. Ѳ. Воейкова (род. 15-го ноября 1778 г., ум. 16-го іюня 1839 г.), подъ заглавіемъ „Хамелеонистика“, помѣщены въ *Славянинѣ,* 1828 г., т. V, стр. 217 и др. — См. *Сѣверную Пчелу* 1830 г., № 115: „Объясненіе Литературной стратегіи Автора Хамелеонистики“.

— (*Стр. 158, строка 1*). Орестъ Михайловичъ Сомовъ (род. въ декабрѣ 1793 г., ум. 27-го мая 1833 г.) — литературный критикъ, сотрудникъ *Сѣверной Пчелы* и *Сына Оте-*

lib.pushkinskijdom.ru

чества, въ 1829 г. поссорившійся съ Булгаринымъ и перешедшій сотрудничать въ *Литературную Газету* и *Сѣверные Цвѣты* барона А. А. Дельвига.

— (*Стр. 159, строка 16*). Объявленіе о выходѣ романа лубочнаго писателя Ивана Гурьянова: „Новый Выжигинъ на Московской ярмаркѣ“ (М. 1831 г.), напечатано не въ № 101-мъ, а въ 201-мъ *Сѣверной Пчелы* отъ 8-го сентября 1831 г.

— (*Стр. 160, строки 6—7*). Генри Фильдингъ (род. в 1707 г., ум. въ 1754 г.)—англійскій романистъ.—Жанъ де-Лабрюйеръ (род. въ 1645 г., ум. въ 1696 г.)—извѣстный французскій писатель, авторъ книги: „Les caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle“ (1688 г.). Цитата изъ упомянутаго сочиненія приведена въ одиннадцатой главѣ статьи: „Мысли на дорогѣ“ (№ 67, стр. 202). [*Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 146, № 567; стр. 264, №№ 1056—1057].

— (*Стр. 160, строка 17*). О „Китайскомъ Журналистѣ“ см. статьи №№ 24 и 50 и примѣчанія къ нимъ.

— (*Стр. 160, строка 26 — стр. 161, строка 17*). Въ программѣ романа „Настоящій Выжигинъ“ разсѣяно много намековъ на отдѣльные эпизоды изъ жизни Булгарина, который въ молодые годы написалъ сатиру на своего полкового командира, за дурное поведеніе былъ уволенъ со службы, опустился, пилъ запоемъ и даже укралъ у офицера пальто, затѣмъ поступилъ во французскую армію и находился в корпусѣ маршала Удино, дѣйствовавшаго въ 1812 г. противъ графа Витгенштейна,—наконецъ, попалъ въ плѣнъ къ русскимъ, умѣлъ оправдаться, занялся литературой и доносами и былъ жестоко осмѣянъ Пушкинымъ въ статьѣ „О Запискахъ Видока“ (№ 43).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 161, строка 9*). Танта — сварливая теща Булгарина, воспѣтая К. Ѳ. Рылѣевымъ:

Ахъ, гдѣ тѣ острова,
Гдѣ растетъ трынъ-трава,
Братцы!
. . . . . .
Гдѣ Булгаринъ Ѳаддей
Не боится когтей
Танты....

(*К. Ѳ. Рылѣевъ*. Сочиненія и переписка. СПб. 1874 г., стр. 184).

Гречъ называетъ „танту“ не матерью, а теткой Елены Ивановны Булгариной. „Тетка жены Булгарина“, сказано въ „Запискахъ о моей жизни“ (СПб. 1886 г., стр. 465): „извѣстная въ свѣтѣ и въ литературѣ подъ названіемъ *танты*, какъ говоритъ Измайловъ о дворовой собакѣ: предобрая, презлая! Имя ея не разъ встрѣчается въ эпиграммахъ“...

— (*Стр. 161, строка 18*). Въ „Литературныхъ замѣчаніяхъ“ Греча Надеждинъ представленъ въ видѣ „приглаженнаго кваскомъ семинариста“, компетентнаго судьи по части „рясъ, кутьи и т. п.“ (*Сынъ Отечества*, 1831 г., ч. 143, № 27, стр. 62, 65). Выходка Греча была, конечно, непріятна Надеждину, но не могла принудить его отплатить противнику той же монетою. Издатель *Телескопа* объявилъ читателямъ о своемъ неуклонномъ рѣшеніи „покрыть снисходительнымъ молчаніемъ достойные намеки на *кутью, рясы, косичку*“ (*Молва*, 1831 г., № 30, стр. 59). Этимъ обстоятельствомъ объясняется пушкинскій псевдонимъ: Ѳеофилактъ Косичкинъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

63.

[О ДВОРЯНСТВѢ].

(Стр. 161—163).

Эти замѣтки сохранились въ рукописяхъ б. Румянцовскаго Музея № 2374, л. 24; № 2387 Б, л. 22; № 2387 В, л. 28 об., а также въ автографѣ, находящемся въ собраніи Л. Н. Майкова (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 30, № 24), и напечатаны впервые въ *Вѣстникѣ Европы,* 1880 г., т. III, стр. 605—606; въ *Русскомъ Архивѣ,* 1881 г., книга III, № 2, стр. 474, и въ *Русской Старинѣ,* 1884 г., т. XLIII, № 9, стр. 644.

При печатаніи текста въ настоящемъ томѣ допущена ошибка: на стр. 163, въ строкѣ 8, вмѣсто „lâche etc.“ надо читать „lâche et mou“. Слова „mon“ въ рукописи нѣтъ.

Пушкинскіе черновики содержатъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ:

Стр. 161, строка 20: ...косательно *Власт‹и›*...
» 161, » 21: *За что? за заслуги. Для чего?* — съ цѣлію имѣть мощныхъ защитниковъ...
» 161, » 24—25: ...*какі‹е›* сіи люди?
» 162, » 4—5: *И так‹ъ›* чему учится дворянство.
» 162, » 15—16: Чемъ конч‹ается› двор‹янство› въ Респ‹убликѣ›. Междоусобіям‹и›.

„Какъ ни лаконичны по своей формѣ всѣ эти замѣтки“, пишетъ Анненковъ: „но смыслъ ихъ кажется намъ вполнѣ яснымъ. Не видя возможности для крѣпостного тогда народа, ни способности въ немъ — самому озаботиться о своей участи, и возлагая на дворянство историческую

lib.pushkinskijdom.ru

миссію служить ему опорой и защитой — Пушкинъ ставитъ и необходимыя условія для подобной дѣятельности. Она „кончается“ — говоритъ онъ — а съ ней и государственное значеніе сословія, если оптимисты въ республиканскихъ обществахъ соберутся въ одну эгоистическую замкнутую касту („аристократія правъ“), или когда при другихъ формахъ правленія благосостояніе и вліяніе дворянства будетъ созидаться — независимо или даже въ противоположность процвѣтанію всего народа.

„Естественно, что придавая такое народовоспитательное и политическое значеніе потомственному независимому дворянству в государствѣ, Пушкинъ долженъ былъ считать всѣ факты и явленія русской исторіи, помѣшавшіе развитію у насъ боярскаго института и не позволившіе ему исполнить свое историческое призваніе, — фактами и явленіями въ высшей степени печальными. Такъ, онъ сожалѣлъ объ отмѣнѣ мѣстничества и уничтоженіи разрядовъ, что̀, по его мнѣнію, произошло совсѣмъ не изъ видовъ настоятельной, государственной потребности, а изъ домогательства и соперничества мелкихъ дворянскихъ родовъ, завистливо смотрѣвшихъ на привилегіи старшихъ своихъ собратій, да и тутъ еще Пушкинъ не признавалъ „соборный приговоръ“ при царѣ Ѳеодорѣ окончательнымъ устраненіемъ мѣстничества. Оно еще довольно долго существовало, по его мнѣнію, и послѣ того, и всѣ разрядные списки, хотя и сожженные оффиціально, управляли еще дѣловымъ русскимъ міромъ и жили всецѣло въ памяти людей, вплоть до Петра I, окончательно похоронившаго ихъ *табелью о рангахъ*. Въ этомъ смыслѣ, личность Петра I, создавшая такую полную систему подчиненія всѣхъ свободныхъ людей, всякаго чина и званія, одной безотвѣтной службѣ государству, гдѣ они и *сравнялись* — являлась Пушкину, какъ личность, по преимуществу революціонная, и порядокъ, ею водворенный на

lib.pushkinskijdom.ru

Руси, революціоннымъ. „Пора кончить революцію въ Россіи!“ — восклицаетъ онъ въ разныхъ мѣстахъ своей переписки съ друзьями, а кончить ее иначе нельзя, по его воззрѣнію, какъ созданіемъ въ лицѣ имущественно и политически самостоятельнаго дворянства — сильнаго оплота противъ озлобленнаго класса выходцевъ изъ народа съ одной стороны, и помѣщичьей наклонности придерживаться азіатскихъ порядковъ существованія и въ нихъ искать своего спасенія — съ другой. Обѣ эти тенденціи представляли для него совершенно одинаковыя величины: $A=B$,—употребляемъ его формулу. „Наслѣдственныя преимущества — говорилъ онъ — высшихъ классовъ общества суть условія ихъ независимости. Въ противномъ случаѣ, классы эти становятся наемниками и несутъ ихъ обязанности“. Какъ еще ни благоговѣлъ Пушкинъ передъ цивилизаторской дѣятельностію Петра I, но нѣкоторые изъ его внутреннихъ по государству распорядковъ имѣли силу возбуждать въ немъ горькое чувство сомнѣнія, что̀ отразилось и въ предварительныхъ очеркахъ исторіи Петра I, за которую онъ принялся въ 1832 году... Покамѣстъ онъ смотрѣлъ на Петра единственно какъ на безжалостнаго истребителя единственнаго сословія, которое еще могло умѣрять его порывы и увлеченія. Онъ называлъ его соединеніемъ Робеспьера и Наполеона,— въ одномъ лицѣ воплощеніемъ всей революціи.

„Вотъ уже 150 лѣтъ,—восклицалъ онъ,—что „Табель о рангахъ“ сметаетъ дворянство въ одну кучу (que la „Табель о рангахъ“ balaye la noblesse), а затѣмъ уничтоженіе майоратства хитростнымъ (плутовскимъ, употребляя его терминъ) образомъ при Аннѣ Ивановнѣ и довершило паденіе передоваго класса, начатое „Табелью“.—Что изъ этого слѣдуетъ“,— прибавлялъ Пушкинъ:— „восшествіе Екатерины II, 14 декабря и т. д.“ (см. стр. 77). Пушкинъ до того сроднился со своимъ представленіемъ о рево-

lib.pushkinskijdom.ru

люціонномъ характерѣ многихъ мѣропріятій Петра и другихъ, за нимъ послѣдовавшихъ, въ томъ же духѣ, что разсказываетъ самъ въ „Запискахъ“ своихъ, какъ однажды и гораздо позднѣе описываемой эпохи, посѣтивъ покойнаго великаго князя Михаила Павловича, сказалъ ему въ глаза на разставаньи: „Je connais bien votre famille. Les R⟨omanov⟩ ont été de tout temps révolutionnaires“. „Спасибо,—отвѣчалъ шутя великій князь,—что наградилъ новымъ качествомъ: намъ его недоставало“ (*Вѣстникъ Европы*, 1880 г., т. III, № 6, стр. 605—607. — *А. С. Пушкинъ*. Сочиненія и письма. Изданіе Просвѣщенія, т. VI, стр. 570).

Вопросъ объ отношеніи Пушкина къ дворянству затронутъ также въ статьѣ И. Н. Жданова: „Пушкинъ о Петрѣ Великомъ“. Покойный академикъ согласенъ съ тѣмъ, что „Пушкину не нравилась“ „новая знать“, „новое дворянство, получившее свое начало при императорѣ Петрѣ“; что „поэтъ съ горечью вспоминалъ о революціи, смѣшавшей боярство и дворянство“. Но—замѣчаетъ Ждановъ — вѣдь не могъ же онъ вѣрить въ воскресеніе историческихъ мертвецовъ, не могъ вѣрить въ возможность контръ-революціи, которая возстановила бы мѣстническіе споры, выдвинула бы захудалые знатные роды и отдѣлила бы ихъ отъ родового дворянства. Поэтъ самъ называлъ подобнаго рода вожделѣнія несбыточной мечтой:

Петра не стало. Государство
Шатнулось, будто подъ грозой,
И усмиренное боярство
Его могучею рукой
Мятежной предалось надеждѣ:
«Пусть будетъ вновь, что было прежде!
Долой кафтанъ кургузый! Нѣтъ!
Примѣромъ намъ не будетъ шведъ!»

lib.pushkinskijdom.ru

Не тутъ-то было! Тѣнь Петрова
Стояла грозно средь вельможъ;
Что было, не возстало снова;
Россія двинулась впередъ, —
Вѣтрила тѣ жъ средь тѣхъ же водъ[1]).

„Пушкинъ съ любовью останавливался на тѣхъ потомкахъ захудалыхъ родовъ, которые дорожили своими родословными воспоминаніями. Но любопытно, что среди попытокъ литературнаго изображенія такихъ именно представителей стараго боярства встрѣчается набросокъ, не лишенный юмористической окраски: „Пріятель мой происходитъ отъ одного изъ древнѣйшихъ дворянскихъ нашихъ родовъ, чѣмъ и тщеславился со всевозможнымъ добродушіемъ. Онъ столько же дорожилъ тремя строчками лѣтописца, въ коихъ упомянуто было о предкѣ его, какъ модный камеръ-юнкеръ тремя звѣздами двоюроднаго своего дяди. Будучи бѣденъ, какъ почти и все наше старинное дворянство, онъ, подымая носъ, увѣрялъ, что никогда не женится, или возьметъ за себя княжну, именно одну изъ княженъ Елецкихъ, коихъ отцы и братья, какъ извѣстно, нынѣ пашутъ сами и, встрѣчаясь другъ съ другомъ на своихъ бороздахъ, стряхаютъ сохи и говорятъ: „Богъ помочь, князь Антипъ! сколько твое княжеское здоровье напахало?“ — Спасибо, князь Ерема Авдеевичъ...

„Въ одномъ изъ писемъ къ кн⟨язю⟩ Вяземскому[2]) Пушкинъ съ сочувствіемъ останавливается на заинтересовавшемъ его „проектѣ новой организаціи“, который, по мнѣнію поэта, можетъ быть названъ проектомъ контръ-революціи Революціи Петра. „Вотъ тебѣ случай писать политическій памфлетъ, и даже его напечатать, ибо пра-

1) *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIII, № 8, стр. 325 (*Н. К.*).
2) Переписка, т. II, стр. 120—121. (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

вительство дѣйствуетъ или намѣрено дѣйствовать въ смыслѣ Европейскаго просвѣщенія". Но поэтъ зналъ, что рядомъ съ той контръ-революціей, о которой онъ писалъ Вяземскому, замѣчались въ то же же время признаки другой контръ-революціи, направленной противъ петровскихъ традицій... Въ черновыхъ тетрадяхъ поэта сохранилось нѣсколько неотдѣланныхъ строфъ изъ „Путешествія Онѣгина". Въ одной изъ этихъ строфъ, написанной въ 1829 году, изображается замѣчательное превращеніе Онѣгина. Наскучивъ щеголять въ европейской маскѣ,

Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Londres что на Морской.
Россія!.. Русь!..... мгновенно
Ему понравилось отмѣнно,
И рѣшено — ужъ онъ влюбленъ!
Россіей только бредитъ онъ!
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической, (сухой),
Съ ея разумной суетой.
Онѣгинъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь, ея поля,
Селенья, грады и моря [1]).

По тону этой строфы легко догадаться, могъ ли Пушкинъ присоединиться къ сторонникамъ ‹э›той контръ-революціи "...

Возвращаясь къ „сужденіямъ Пушкина о значеніи сословныхъ преданій, о значеніи родовитости", Ждановъ продолжаетъ: „Высшее русское общество Пушкинскаго времени составлялось изъ „новой знати" и потомковъ старокняжескихъ и старобоярскихъ родовъ. Но нашъ поэтъ

1) *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 359 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

не задерживалъ своего вниманія на этомъ смѣшанномъ составѣ русской аристократіи. Онъ нерѣдко и охотно противопоставлялъ нашей наличной знати только *обѣднѣвшихъ* потомковъ стараго боярства... Пушкинъ подсмѣивался и надъ новой знатью, и надъ археологическими претенціями униженныхъ родовъ. Ясно, что родовитость сама по себѣ не представляла для Пушкина какой-то самостоятельно важной цѣнности... Если великій писатель противопоставлялъ новоявленнымъ аристократамъ родовитыхъ бѣдняковъ, то въ такомъ противопоставленіи для него важенъ былъ очевидно прежде всего отрицательный, обличительный моментъ. Чванству и высокомѣрію молодой аристократіи, ея малосодержательному существованію поэтъ противополагаетъ скромную, дѣятельную жизнь тѣхъ бѣдныхъ потомковъ стараго барства, которые, по выраженію поэта, составляютъ „у насъ родъ средняго состоянія, состоянія почтеннаго, трудолюбиваго и просвѣщеннаго“.

„Но на такомъ противопоставленіи трудолюбивой бѣдности и обезпеченной праздности мысль Пушкина не могла, конечно, успокоиться. Пушкинъ не могъ довольствоваться ролью писателя-обличителя. Въ его многочисленныхъ замѣткахъ о первомъ сословіи, о старой и новой знати, кроется опредѣленная, содержательная тенденція... Быту свѣтской аристократіи, вращенію въ кругу интересовъ столичныхъ гостиныхъ Пушкинъ противополагалъ жизнь въ деревнѣ, работу на пользу сельскаго люда. „Не любить деревню простительно монастыркѣ, только что выпущенной изъ клѣтки, да двадцатилѣтнему камеръ-юнкеру. Петербургъ — прихожая, Москва—дѣвичья, деревня же нашъ кабинетъ. Порядочный человѣкъ, по необходимости, проходитъ черезъ переднюю, рѣдко заглядываетъ въ дѣвичью, а сидитъ у себя въ кабинетѣ. Тѣмъ и я кончу — выйду въ отставку, же-

lib.pushkinskijdom.ru

нюсь и уѣду въ деревню. Званіе помѣщика есть та же служба“ [1]).

„Замѣчательно, что эти слова говоритъ у Пушкина „внукъ бородатаго милліонщика“. Поэтъ какъ будто подчеркиваетъ этимъ свою мысль объ обязанностяхъ землевладѣльца: цѣнны не родовитость, „не феодальныя преимущества“, а сознаніе долга, интересъ къ тому земскому дѣлу, въ которомъ долженъ принимать участіе всякій „порядочный человѣкъ“ (*И. Н. Ждановъ*. Сочиненія. СПб. 1907 г., т. II, стр. 308—316).

„Стремленіе къ этому барскому „хожденію въ народъ“ долго наблюдалось въ русской жизни“, пишетъ Н. О. Лернеръ. „Чувство обязанности по отношенію къ народу придаетъ симпатичную окраску узко-дворянскому отношенію Пушкина къ народу“ (*Н. О. Лернеръ*. Проза Пушкина. П.-М. 1923 г., стр. 79).

— (*Стр. 162, строка 26*). Attentat de Ѳеодоръ — уничтоженіе мѣстничества въ 1682 г.

— (*Стр. 162, строка 27*). Никита Михайловичъ Пушкинъ — одинъ изъ предковъ поэта, подписавшихъ грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича (см. № 50, стр. 107.— Переписка, т. I, стр. 231).

— (*Стр. 162, строка 29*). „Rangs“—табель о рангахъ (1722 г.).

— (*Стр. 162, строка 29*). „Son Указъ де 1714“ — указъ объ единонаслѣдіи.

— (*Стр. 162, строка 30—31*). Князь Долгоруковъ, по мнѣнію Пушкина, былъ въ такой же оппозиціи къ Петру I, въ какой были графы Панины къ Екатеринѣ II.

— (*Стр. 162, строка 32*). „Дворянская Грамота“ — указъ о вольности дворянства, изданный 18-го февраля 1762 г.

---

1) *Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ - Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 138 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 162, строка 33*). Николай Николаевичъ Новосильцовъ (род. въ 1762 г., ум. 8-го апрѣля 1838 г.), князь Адамъ Адамовичъ Чарторижскій (род. въ 1770 г., ум. въ 1861 г.) и графъ Викторъ Павловичъ Кочубей (род. въ 1768 г., ум. въ 1834 г.) — сподвижники и сотрудники Александра I.

— (*Стр. 162, строка 34*). Sp⟨éransky⟩—графъ Михаилъ Михайловичъ (род. въ 1772 г., ум. въ 1839 г.).

1832.

64.

ВСѢМЪ ИЗВѢСТНО, ЧТО ФРАНЦУЗЫ НАРОДЪ САМЫЙ ANTI-ПОЭТИЧЕСКІЙ.

(Стр. 163—164).

Эта статья сохранилась въ автографѣ, находящемся въ коллекціи Л. Н. Майкова (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 30, № 26), и напечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 237—238. Въ рукописи много помарокъ и исправленій. Первоначальные варіанты представляютъ нѣкоторый интересъ.

Стр. 163, строка 12: *Уже давно замѣчано* что французы народъ самый Anti-поэтическій.

» 163, » 18—19: Montes⟨quieu⟩ смѣется надъ Гомеромъ, *Вольт⟨еръ⟩ и Лага⟨рпъ —⟩ надъ Шекспир⟨омъ⟩*...

» 163, » 20: ...не понялъ ни одного поэта; *судилъ о художествахъ какъ дитя*...

» 163, » 22: Если *мы* обратимъ вниманіе...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 164, » 2—3: ...несносный Беранже натянутый и манерный слогатель пѣсенокъ...
» » » » ...слогатель натянутыхъ и манерныхъ *куплѣтовъ*...
» 164, » 6—7: ...признались-*ли* наконецъ они въ тощемъ и *скучномъ* однообразіи своего Ламартина...
» » » » ...въ тощемъ однообразіи и вялой *безцвѣтности*...
» 164, » 10: Между мало *замѣченными* талантами)...
» » » » Между мало извѣстными молодыми писателями...
» 164, » 11: ...менѣе всѣхъ *замѣченъ*...
» 164, » 12: Литературная Газета, третьяго года упоминала о Сенъ-Бевѣ...
» 164, » 14: ...исполнены *истиннаго* вдохновенія —
» 164, » 16: ...Нынѣ Victor Hugo, поэтъ *столь модный*...
» 164, » 18—19: ...les feuilles d'automne *цѣлую книгу*...
» 164, » 27: ...съ *глубокими* созданіями...

Взглядъ Пушкина на современную ему французскую литературу выясненъ въ статьѣ П. Н. Сакулина. „Общественная жизнь и даже политика вторгались во французскую словесность больше, чѣмъ то хотѣлъ допустить Пушкинъ. „Всѣмъ извѣстно", читаемъ в его замѣткѣ 1831 г., „что французы народъ самый Anti-поэтическій", хотя это народъ „остроумный и положительный". „Франція", развиваетъ Пушкинъ ту же мысль въ 1835 г.,[1]) „*средоточіе Европы*, представительница жизни общественной, жизни

1) № 74, стр. 235.

lib.pushkinskijdom.ru

все вмѣстѣ эгоистической и народной — Въ ней Наука и Поэзія — не цѣли а средства — Народъ (der Herr Omnis) властвуетъ со всей отвратительной властію демократіи“.— Въ этихъ словахъ одновременно сказался и художникъ и русскій интеллигентъ дворянскаго періода: Пушкину одинаково трудно примириться и съ превращеніемъ поэзіи въ соціальное средство и съ идеей народнаго суверенитета. Французскій принципъ „соціальности“ казался Пушкину, какъ и Бѣлинскому тридцатыхъ годовъ, не вытекающимъ изъ природы искусства. Подобно Бѣлинскому, онъ протестовалъ бы противъ такихъ, напр⟨имѣръ⟩, утвержденій, какъ въ статьѣ Планша, что лирическая поэзія исчерпала „l'étude et l'analyse de la vie individuelle“, что этотъ „l'égoisme poétique“ пора замѣнить новой ролью поэзіи — „un rôle direct dans le renouvellement social“, „qu'elle doit se mêler plus activement, qu'elle ne l'a fait jusqu'ici à la lutte des intérêts positifs et des passions publiques“ [1]). Многія явленія французской литературы, вытекавшія изъ подобныхъ стремленій, Пушкинъ не прочь былъ квалифицировать, какъ разнузданность воображенія, даже какъ „грязь“ [2]), очевидно, возставая и противъ знаменитаго тезиса французскаго романтизма: „le beau c'est le laid“. Въ сентябрѣ 1832 г. онъ возмущается „всей отвратительной подлостью нынѣшней французской литературы“ [3]).

„Литература Франціи, по мнѣнію Пушкина, сдѣлалась угодницей не только публики, но прямо черни; она доро-

1) *Gustave Planche*, Royautés littéraires; *Revue des Deux Mondes*, 1834, tome premier, p. 534—5.

2) Вспомнимъ отзывъ о „Les derniers jours d'un condamné“. — Въ „Пиковой дамѣ (1834) графиня проситъ Томскаго прислать ей какой-нибудь романъ, гдѣ бы герой не давилъ ни отца, ни матери, и гдѣ бы не было утопленныхъ тѣлъ“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. IV, стр. 338).

3) Переписка, т. II, стр. 389.

lib.pushkinskijdom.ru

житъ минутнымъ успѣхомъ и гонится за наживой. Поэтамъ „новѣйшей вольной школы“ онъ задаетъ оскорбительный вопросъ:

. . . . . чѣмъ душа
У васъ исполнена — прямымъ ли вдохновеньемъ,
Иль необузданнымъ однимъ поползновеньемъ,
И чешется у васъ рука по пустякамъ,
Иль вамъ не вѣрятъ въ долгъ и деньги нужны вамъ[1]).

„Отвратительная власть демократіи“ гибельно сказывается на характерѣ французской литературы. Сословіе французскихъ писателей, разсуждаетъ Пушкинъ въ 1833—4 гг.[2]) „потому только не ползаетъ передъ министрами, что[3]) публика въ состояніи[4]) дать больше денегъ. За то, какъ безстыдно ползают они передъ господствующими людями! Какой талантъ нынѣ во Франціи не запачкалъ себя грязью и кровью въ угоду толпы требующей грязи и крови“. Если старая французская словесность „родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила“[5]), то „объ новѣйшихъ Поэ‹тахъ› говорить нечего. Они конечно на площади; съ чѣмъ ихъ и поздравляемъ“[6]). Итакъ, Пушкинъ былъ достаточно рѣшителенъ въ своихъ обобщающихъ выводахъ“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 384—385).

— (*Стр. 163, строки 17—18*). Michel de Montaigne (род. въ 1533 г., ум. въ 1592 г.)—авторъ „Essais“, одинъ изъ любимыхъ писателей Пушкина. „Произведеніемъ, которое, называется „Essais“, говорилъ нашъ поэтъ въ салонѣ А. О. Смирновой: „мы обязаны человѣку крити-

1) *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIII, № 9, стр. 642 (*Н. К.*).

2) Рукопись б. Румянцовскаго Музея № 2384, л. 12: отрывокъ, опущенный Пушкинымъ въ бѣловомъ текстѣ (*Н. К.*).

3) *Въ рукописи:* потому что (*Н. К.*).

4) *Въ рукописи:* въ состояніе (*Н. К.*).

5) № 20, стр. 42 (*Н. К.*).

6) № 71, стр. 224 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

ческаго ума, чуждаго тщеславію" (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 134). По окончаніи „Бориса Годунова", Пушкинъ примѣнилъ къ нему выраженіе Монтэня: „c'est une oeuvre de bonne foi" (т. IV, примѣчанія, стр. 140); осенью 1835 г. живя въ Михайловскомъ и безпокоясь за судьбу своей необезпеченной семьи, онъ находилъ отраду въ чтеніи Вальтера Скотта и жалѣлъ, что нѣтъ подъ рукою Монтэня. „Пришли мнѣ, если можно, Essays de M. Montagne — 4 синихъ книги, на длинныхъ моихъ полкахъ. Отыщи", просилъ онъ жену (Переписка, т. III, стр. 230. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 292, № 1185).

— (*Стр. 163, строки 18—19*). Монтескье шутливо говоритъ о Гомерѣ въ своихъ „Персидскихъ письмахъ" (1721 г.). Герой этого произведенія Узбекъ удивленъ жаркими преніями, которыя вели парижане по поводу греческаго поэта: „Mais ce qui me choque de ces beaux esprits, c'est qu'ils ne se rendent pas utiles à leur patrie, et qu'ils amusent leurs talents à des choses puériles. Par exemple, lorsque j'arrivai à Paris, je les trouvai échauffés sur une dispute la plus mince qui se puisse imaginer: il s'agissait de la réputation d'un vieux poëte grec dont, depuis deux mille ans, on ignore la patrie, aussi bien que le temps de sa mort. Les deux partis avouoient que c'étoit un poëte excellent: il n'étoit question que du plus ou du moins de mérite qu'il falloit lui attribuer. Chacun en vouloit donner le taux: mais, parmi ces distributeurs de réputation, les uns faisoient meilleur poids que les autres: voilà la querelle. Elle étoit bien vive, car on se disoit cordialement de part et d'autre des injures si grossières, on faisoit des plaisanteries si amères, que je n'admirois pas moins la manière de disputer que le sujet de la dispute. Si quelqu'un, disois-je en moi-même, étoit assez étourdi pour aller devant l'un de ces défenseurs du poëte grec attaquer la réputation

lib.pushkinskijdom.ru

de quelque honnête citoyen, il ne seroit pas mal relevé; et je crois que ce zèle si délicat sur la réputation des morts s'embraseroit bien pour défendre celle des vivants! Mais, quoi qu'il en soit, ajoutois-je, Dieu me garde de m'attirer jamais l'inimitié des censeurs de ce poëte que le séjour de deux mille ans dans le tombeau n'a pu garantir d'une haine si implacable! Ils frappent à présent des coups en l'air: mais que seroit-ce si leur fureur étoit animée par la présence d'un ennemi?" (*Montesquieu.* Oeuvres. Paris, 1826, t. VI, pp. 96—98: Lettres Persanes. Lettre XXXVI).

— (*Стр. 169, строки 20—21*). Переводъ драмъ Шекспира, выполненный Летурнеромъ (1776 г.), вызвалъ несочувственный отзывъ Лагарпа, который былъ особенно раздраженъ преклоненіемъ переводчика передъ англійскимъ поэтомъ: „M. Letourneur, auteur d'une traduction des Nuits d'Joung qui a eu du succès, parce que le traducteur, quoique avec du talent, avait autant de goût pour la déclamation et l'enflure que l'original anglais, vient de donner les deux premiers volumes de la traduction de Shakespear. L'ouvrage est précédé d'un discours préliminaire dans lequel on propose pour modèle de l'art dramatique à une nation qui a Corneille, Racine, et Voltaire, un auteur barbare d'un siècle barbare, qui a semé de quelques traits de génie des pièces monstrueuses, dénuées de bon sens, de vraisemblance, de style, d'unité, de convenances, etc." (*J. F. La Harpe.* Oeuvres. Paris, 1820, t. X, p. 295: Correspondance littéraire. Lettre XLIII).

— (*Стр. 164, строка 1*). Въ „Лицеѣ" Лагарпа говорится, что Жанъ Батистъ Руссо пользовался незаслуженнымъ почетомъ и не по праву получалъ прозвище „великаго": „Il ne reste jamais dans la balance de la postérité que les bons ouvrages: ceux sont eux et eux seuls qui décident la place d'un auteur. Les Odes et les Cantates de Rousseau ont fixé la sienne parmi nos grands poëtes; mais

lib.pushkinskijdom.ru

il n'y a que l'esprit de parti qui ait pu, pendant quelque temps, affecter de lui donner un rang à part, et de l'appeler *le grand Rousseau, le prince de la poésie française,* comme je l'ai vu dans plus d'une brochure. Les gens désintéressés savent fort bien comment bien s'était établie, dans une certaine classe de gens de lettres, cette dénomination que je n'ai vue dans aucun écrivain accrédité, et qu'aujourd'hui l'on ne répète plus. Il semble que ce titre soit un honneur rendu au génie; c'était un présent fait par la haine: les ennemis de Voltaire crurent l'affliger en déifiant son ennemi. — Je ne suis point détracteur de Rousseau; et pourquoi le serais-je? mais je ne puis le regarder comme *le prince de la poésie française.* Ce nom de *grand,* fait pour si peu d'hommes, si justement accordé à Corneille, au créateur Corneille, qui a tiré le théâtre de la barbarie et répandu tant de lumière dans une nuit si profonde, me paraît fort au-dessus du mérite de Rousseau, qui, venu du temps de Despreaux, a trouvé le goût tout formé, et qui avec tous ces secours, est resté fort au-dessous d'Horace, dont il n'a ni l'esprit, ni les graces, ni la variété, ni le goût, ni la sensibilité, ni la philosophie, et qui manque sur-tout de cet intérêt de style qui vient de l'âme et qui se communique à celle des lecteurs... Si Rousseau est *grand* pour avoir fait de beaux vers, qui souvent ne sont que des vers, que seront ceux qui ont dit tant de belles choses en vers aussi beaux; ceux qui non seulement savent flatter notre oreille, mais qui remuent si puissament notre âme, éclairent et élèvent notre esprit, ceux que nous relisons avec délices, que nous ne pouvons louer, qu'avec transport?" (*J. F. La Harpe.* Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1818, t. VI, pp. 459—460. — См. примѣчанія къ № 3, стр. 14).

— (*Стр. 164, строка 1—5*). Пушкинъ не высоко ставилъ Беранже[1]). „Beranger не поэтъ", говоритъ онъ

1) Пьеръ-Жанъ Беранже родился въ 1780 г., умеръ въ 1857 г.

lib.pushkinskijdom.ru

въ письмѣ къ М. П. Погодину (Переписка, т. II, стр. 389), и на литературныхъ вечерахъ у А. О. Смирновой не разъ дѣлаетъ оцѣнку произведеній этого „популярнѣйшаго" французскаго писателя. „Беранже созданъ для народа, у котораго существуетъ погребокъ, легкія пѣсни и застольная пѣсня. Его стихотворенія значительнѣе романсовъ и не такъ грубы и глупы, какъ застольныя пѣсни. Сентиментальность во вкусѣ Беранже и даже его политическія стихотворенія созданы для людей, которые въ свое время отличались особенной чувствительностью и имѣли множество военныхъ похожденій. Но поэзія Беранже не народная, не почвенная. Это поэзія мелкой буржуазіи" (*А. О. Смирнова*. Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 158)[1]).

Естественно, что Пушкинъ не могъ согласиться съ французскими критиками, восхвалявшими Беранже. Выразителемъ мнѣній послѣднихъ является редакторъ журнала *Le Globe* Шарль де-Ремюза, который такъ характеризуетъ Беранже: „Nous lui devons la poésie la plus nationale, la plus contemporaine et la plus individuelle à la fois... A la fois accessible à toutes les idées de son époque, et fortement préoccupé de ses impressions personnelles, il chant tour à tour en son nom et au nom de tous; il pense comme tout le monde et ne sent que comme lui-même; il s'approprie des idées communes et les traduit dans un langage inimitable, et cependant aussi vite populaire qu'il est connu" (*Le Globe*, 1825, 16 avril. — См. *Ch.-M. Des Granges*. La Presse Littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, pp. 302—303).

— (*Стр. 164, строка 5*). Charles Collé (род. въ 1709 г., ум. въ 1783 г.). — французскій драматическій писатель и сочинитель пѣсенъ. Тридцати восьми лѣтъ отъ роду онъ

1) Должно отмѣтить, что эти показанія А. О. Смирновой кажутся нѣкоторымъ изслѣдователямъ сомнительными (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1911 г., т. V, стр. 377).

lib.pushkinskijdom.ru

написалъ свою первую и лучшую комедію „Vérité dans le vin“ (1747). — Ср. *Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 189, № 725.

— (*Стр. 164, строки 5—8*). Взглядъ Пушкина на Ламартина устанавливался постепенно. По словамъ П. Н. Сакулина, „первые отзывы Пушкина, относящіеся къ двадцатымъ годамъ, еще сравнительно благопріятны для Ламартина. „Первыя думы Ламартина“, пишетъ Пушкинъ въ 1823 г. Вяземскому [1]), „въ св‹оемъ› родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился — такъ онъ вдругъ выросъ“. Рѣчь идетъ, конечно, о „Méditations poétiques“ (1820). Въ слѣдующемъ году Пушкинъ хвалитъ нѣкоторыя пьесы, вошедшія въ „Nouvelles Méditations“ (1823 г.), говоря [2]): „Ламартинъ хорошъ въ Наполеонѣ, въ Умирающемъ поэтѣ — вообще хорошъ какой-то новой Гармоніей“. Но, еще не прочитавъ „Le dernier chant du pèlerinage d'Harold“ (1825), Пушкинъ уже предвидитъ, что это будетъ „чепуха“ [3]), что Ламартину невозможно превратиться въ Байрона. Пушкинъ не могъ признать въ немъ не только байрониста, но и романтика вообще [4]). „Ламартинъ кажется Пушкину скорѣе классикомъ, чѣмъ романтикомъ“, категорически свидѣтельствуетъ А. О. Смирнова [5]). Въ „Графѣ Нулинѣ“ (1825—1827) шутливо настроенный

1) *Саштовъ*. Переписка, I, 83. — Также — Пушкинъ, VIII, 425. Но у Ефремова (Пушкинъ, VII, 82), читается безъ отрицанія „не“, именно: „Первыя думы Ламартина въ своемъ родѣ *едва ли лучше* думъ Рылѣева“.

2) *Саштовъ*. Переписка, I, 123. Въ письмѣ къ Л. С. Пушкину отъ января 1824 г. Пушкинъ цитируетъ Ламартина (ib‹idem›, 94).

3) *Саштовъ*. Переписка, I, 202 (письмо къ Л. С. Пушкину отъ апрѣля 1825 г.). Того-же мнѣнія былъ и И. И. Козловъ. 31 мая 1825 г. онъ писалъ Пушкину (ib‹idem›, 221): „Mais si vous voulez du *verbiage* français dans un autre genre lisez le nouveau poème de Lamartine sur *Harold*; malgré quelques beaux vers, c'est de ce *galimatias* double, dont parle Beaumarchais“.

4) *Саштовъ*. Переписка, I, 308 (письмо А. А. Бестужеву отъ ноября 1825). Ср. ib‹idem›, 83, 123 и II, 18.

5) Записки, I, 140; ср. 193—4.

lib.pushkinskijdom.ru

поэтъ въ числѣ модныхъ писателей рядомъ ставитъ „D'Arlincourt и Ламартина“ [1]). Въ 1829 г., съ „Harmonies poétiques et religieuses“, въ поэзію Ламартина сильно вторгается религіозный элементъ, но это не заставило Пушкина возвысить свое мнѣніе о французскомъ поэтѣ. Наоборотъ, въ его отзывахъ тридцатыхъ годовъ слышится почти сплошное порицаніе. Благочестиваго автора „Harmonies religieuses“ онъ называетъ „сладкозвучнымъ, но однообразнымъ“ [2]). Иронизируя надъ превращеніемъ Сентъ-Бева въ степеннаго и нравственнаго поэта (въ „Les Consolations“), Пушкинъ прибавляетъ: „Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ“ [3]). Теперь въ глазахъ Пушкина Ламартинъ синонимъ скуки, „тощаго однообразія, вялой безцвѣтности [4]). „Ламартинъ скучнѣе Юнга, и не имѣетъ его глубины“, пишетъ Пушкинъ въ 1832 г. Погодину, повторяя мысль своей же замѣтки 1831 г. [5]).

1) Пушкинъ ‹изданіе „Просвѣщенія“›, III, 372.

2) № 54, стр. 119 (*Н. К.*).

3) № 60, стр. 147 (*Н. К.*).

4) Послѣдній варіантъ: тощаго и вялаго однообразія. Ср. № 86, стр. 319 (*Н. К.*)

5) П. Н. Сакулинъ признаетъ эту фразу въ замѣткѣ спорной и пишетъ: „Анненковъ (289, прим.) читаетъ „Юнга“, Морозовъ (VI, 432) — „Юма“. Это чтеніе принялъ было и Ефремовъ (V, 582), но, справившись съ рукописью [*отъ ред.* Ефремовъ дѣйствительно говоритъ о „рукописи“. Но это невѣрно. Ефремовъ не работалъ по рукописямъ, и рукописи этой замѣтки совсѣмъ и нѣтъ. Ефремовъ говоритъ, очевидно, о бывшемъ у него цензурномъ оригиналѣ Анненковскаго изданія. *С. В‹енгеровъ›*], предлагаетъ читать „Юго“, т. е. Hugo (VIII, и 576). Съ нимъ въ концѣ концовъ согласился и Морозовъ (VIII, 539). Чтеніе „Юго“ само по себѣ возможно: Пушкинъ иногда писалъ такимъ образомъ имя французскаго поэта (хотя въ это время Пушкинъ едва ли призналъ бы въ Гюго „глубину“). Мы считаемъ болѣе вѣроятнымъ чтеніе Юнга“... И П. Н. Сакулинъ, и С. В. Венгеровъ были введены въ заблужденіе, потому что не видѣли пушкинскаго автографа, который *сохранился* и въ которомъ *нѣтъ* упомянутой фразы. Очевидно, или у Анненкова былъ *другой* автографъ, или фраза вставлена въ текстъ замѣтки изъ письма поэта къ М. П. Погодину (1832 г.). [Переписка, т. II, стр. 389]. (*Н. К.*)

lib.pushkinskijdom.ru

„Въ одномъ наброскѣ 1835 г. Пушкинъ нашелъ даже возможнымъ имя Ламартина сочетать съ именемъ Баркова[1]). „Jocelyn“ (1835) Пушкинымъ не упоминается, да онъ, вѣроятно, и не могъ имѣть въ виду этого произведенія, когда высказывалъ свои отрицательные отзывы о поэзіи Ламартина[2]).

„Оцѣнка Пушкина, какъ видимъ, касается эстетической стороны въ произведеніяхъ Ламартина, и въ этомъ случаѣ къ его словамъ новѣйшая критика не могла бы прибавить ничего особенно существеннаго“ (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1911 г., т. V, стр. 377—378).

Заявленіе поэта, что французы преувеличиваютъ достоинства Ламартина и ставятъ его наравнѣ съ Байрономъ[3]), вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

„Le côté sérieux et mélancolique de la poésie byronienne a fait une profonde impression sur lui“, говоритъ о Ламартинѣ Edmond Estève: „Il l'a proclamé lui-même, et, dès la première heure, les critiques l'ont répété sur tous les tons. A peine les *Méditations* venaient-elles de paraître, que Frédéric Schlegel, dans la *Concordia*, signalait l'influence exercée par l'auteur de *Manfred* sur Lamartine „avant que celui-ci ne fût sorti de cet obscur labyrinthe de peintures désespérées d'un enthousiasme sans Dieu“[4]). Stendhal définissait le nouveau poète „un lord Byron peigné à la française“[5]). La comparaison a été reprise vingt fois de 1820 à 1830 et

1) Пушкинъ, изданіе „Просвѣщенія“, V, 637.

2) Смирнова увѣряетъ, что Пушкинъ высоко ставилъ Ламартина, во всякомъ случаѣ, выше Гюго (I, 140, 193—4, 297).

3) Ср. письмо къ Н. Н. Раевскому (мартъ—апрѣль 1827 г.). „... наши журнальные Аристархи безъ церемоніи ставятъ на одну доску [Шекспира] Dante и Ламартина“ (Переписка, т. II, стр. 18).

4) Traduit dans la *Revue Européenne*, t. IX, 1834, p. 67, sous le titre suivant: *Opinion de Frédéric Schlegel sur Lamartine*. C'est une extrait d'un morceau paru en 1820 dans la *Concordia*, recueil rédigé par F. Schlegel.

5) *Correspondance inédite*. Paris, 1855, t. I, p. 175, lettre du 29 décembre 1821.

lib.pushkinskijdom.ru

depuis[1]), à l'avantage de *l'un* ou de l'autre, tantôt pour accentuer les ressemblances, tantôt pour faire ressortir les contrastes, mais en réservant toujours à l'auteur anglais l'honneur d'avoir été l'initiateur et le guide. „Il a beaucoup lu Byron: c'est un ange qui a étudié le Diable!". Ce mot de M. Lainé sur Lamartine[2]) résume l'opinion de tous les contemporains" (*Edmond Estève.* Byron et le romantisme français. Paris, 1907, pp. 312—313).

Другой изслѣдователь Ch. M. de Granges въ своемъ трудѣ по исторіи французской прессы приводитъ отзывъ о Ламартинѣ, напечатанный въ журналѣ *Le Conservateur:* „Genoude[3])... met Lamartine au même rang que Byron. Mais Byron „appartient aux doctrines du mal... son talent qui lui avait été donné pour conduire, égare... Il a peint la nature telle que l'athéisme nous l'a faite, et dans ses ouvrages le système de la fatalité s'est reproduit d'une manière plus sombre que dans les anciens". On admirera la parfaite justice de ce jugement. „La poésie de Lamartine est à celle de Byron ce que le délire est à l'enthousiasme. La vie, dans le poète anglais, est un instrument de supplice; l'homme est le criminel qui y est attaché; et il emploie son courage à braver la justice et la miséricorde divine. Elle est, dans le christianisme et dans la poésie de M. de La-

1) Je ne puis énumerer et encore moins citer ici toutes ces comparaisons. Je me bornerai à invoquer le témoignage de Miss Birch elle-même, la future M-me de Lamartine, qui comparait son fiancé à Byron; — de Pichot, le premier traducteur du poète anglais, dans sa *Notice* et dans son *Essai* sur lord Byron; — de Nisard, à propos des *Harmonies*, dans le *Journal des Débats* du 5 juillet 1830: „Tantôt ce sont des ressouvenirs de la Muse antique, des pensées simples et tendres,... tantôt des harmonies bibliques... tantôt des allures hautaines et méprisantes à la manière de lord Byron, de la puissance pour haïr comme pour aimer, de poignantes ironies, mais toutes ces choses par emportement et non pour se jouer, comme fait lord Byron, ni avec un rire faux à la bouche"; — du *Mercure du XIX-siècle*, t. XXX, 1830, pp. 106 et suiv., et du Correspondant de la même année, t. II, p. 277, etc., etc.

2) Rapporté par Aimé Martin, dans une lettre à Lamartine du 20 janvier 1831 (*Lettres à Lamartine*, Paris, 1893, p. 126).

3) Литературный критикъ.

lib.pushkinskijdom.ru

martine, une épreuve; et la couronne est le prix de la résignation". Genoude cite quelques vers de l'*Espérance*, — de l'*Enthousiasme*,—de l'*Automne*, dont il goûte „la mollesse et la grâce". Il termine par quelques remarques assez justes sur la versification *harmonieuse* de Lamartine: „C'est l'âme qui y met l'accent"...) (*Ch.-M. Des Granges.* La Presse Littéraire sous la Restauration. Paris, 1907, pp. 255—256).

— (*Стр. 164, строки 10—16*). О Делормѣ-Сентъ-Бевѣ см. статью № 60 и примѣчанія къ ней.

— (*Стр. 164, строки 16—20*). „Къ 30-мъ годамъ", пишетъ П. Н. Сакулинъ: „въ Пушкинѣ вполнѣ созрѣлъ глубокій художникъ, съ строгими требованіями къ искусству, и естественно, что онъ далеко не въ восторгѣ отъ „новѣйшей вольной школы" французскихъ поэтовъ. Прежде всего, его не удовлетворяютъ ихъ нововведенія, касающіяся самыхъ формъ поэзіи. „Hugo съ товарищи, друзья натуры", только растрепали александрійскій стихъ: „его гулять пустили безъ цезуры"[1]). „Les Orientales" (1829) „важнаго Victor Hugo", правда, „блестящія" стихотворенія, но „натянутыя"[2]).

„Не отрицая поэтическаго таланта Гюго[3]), Пушкинъ постоянно подчеркивалъ въ немъ отсутствіе простоты, риторику: „V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины"[4]).

1) „Домикъ въ Коломнѣ" (1830).

2) № 54, стр. 119 (*Н. К.*). Въ запискахъ 1834 г. Пушкинъ иронически передаетъ содержаніе той оды, которая была переведена Деларю и навлекла кару на цензора Никитенко (VI ⟨изданіе „Просвѣщенія"⟩, 571).

3) Въ одномъ изъ писемъ Пушкина къ Е. М. Хитрово (1830 г.) сдѣлана оцѣнка Гюго, какъ лирическаго поэта: „Hugo et Sainte Beuve sont sans contredit les seuls poètes français de l'époque, surtout Sainte Beuve" (*Н. К.*).

4) *Саитовъ.* Переписка, II, 389 (письмо къ Погодину отъ сент⟨ября 1832 г.). У Смирновой Пушкинъ говоритъ о Гюго (I, 191): „Онъ очень впечатлителенъ; свѣтъ, тѣни, краски вдохновляютъ его. Онъ слишкомъ любитъ метафоры, антитезы, звучность. Это просвѣчиваетъ въ его лирической поэзіи, онъ придумываетъ эффекты звуковъ, и его лирическая поэзія похожа на оду". Ср. ib⟨idem⟩, 191—192, 198—4, 140, 295, 297.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 164, строка 19*). „Feuilles d'automne“—сборникъ стихотвореній Виктора Гюго, вышедшій въ 1831 г. Оцѣнка этого сборника сдѣлана Эдмундомъ Эстевъ: „Les *Feuilles d'automne* marquent du reste le seul moment où Hugo soit entré,—si tant est qu'il y ait pénétré bien avant,—dans la pensée de Byron. Il sent défaillir la foi de ses jeunes années. Il ne va pas, tant s'en faut, jusqu'au scepticisme et à la révolte, mais il traverse une période de vide et de désenchantement.

Que faire et que penser? Nier, douter ou croire?
Carrefour ténébreux! triple route! nuit noire!»...

(*Edmond Estève*. Byron et le romantisme français. Paris, 1907, p. 307).

65.

[О КНИГѢ А. Н. МУРАВЬЕВА „ПУТЕШЕСТВІЕ КО СВ. МѢСТАМЪ“].

Эта статья находится въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2373, лл. 22—23, и напечатана впервые В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIII, № 8, стр. 326—327. Черновой автографъ, испещренный помарками и съ трудомъ поддающійся чтенію, содержитъ значительное число первоначальныхъ варіантовъ, изъ которыхъ приводимъ главнѣйшіе.

Стр. 164, строка 21: Въ *концѣ* 1829 год‹а›...
» 164, » 22: Въ *Адріанополѣ* остановилися Рускія войска...
» 164, » 23—24: *Европа обратила вниманіе* на Адріанополь...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 165, строка 1—2: ...могущественная помочь Сѣвера возвращала *Аѳинамъ и Спартѣ древнюю* независимость...

» 165, » 3: Въ *сіе* время молодой ‹поэтъ думалъ›...

Неразобранныя въ строкѣ 5-ой слова могутъ быть прочитаны: о Виѳлеемѣ.

Стр. 165, строка 5: ...о честномъ гробѣ...

» » » » ...св. храмѣ, *нѣкогда воздви‹нутомъ›* нынѣ забытомъ...

» 165, » 6: ...для *гордыхъ* развалинъ Аѳинъ...

» » » » ...для *поэтическихъ* развалинъ...

» 165, » 8—9: *Онъ* черезъ Г. Дибича *успѣлъ* получить дозволеніе...

» 165, » 9: ...и *вскорѣ спустя* къ нимъ отправился...

» 165, » 9: ...и *6 недѣль спустя*...

» 165, » 12: Съ *чувствомъ глубокаго* умиленія...

» 165, » 13—14: Но молодой *нашъ* соотеч‹ественникъ› посѣтилъ св. мѣста привлеченный туда не суетнымъ желаніемъ *дополнить* краски...

» 165, » 14: ...*найти* краски...

» 165, » 17: ...для *души* усталой...

» 165, » 18: ...какъ смиренный *христ‹іанинъ›*

» 165, » 19—20: ...предъ гробомъ *Госп‹однимъ›*.

Неразобранное въ строкѣ 24-ой слово можетъ быть прочитано: старымъ.

» 165, » 25: ...*едва* оживленную...

Книга „Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ въ 1830 г.“, при жизни Пушкина (1832—1835 гг.), выдержала три

lib.pushkinskijdom.ru

изданія и вызвала нѣсколько рецензій[1]). „Изъ поэтовъ, бывшихъ въ Турецкомъ походѣ“, пишетъ Пушкинъ въ Предисловіи къ „Путешествію въ Арзрумъ“, — „зналъ я только объ А. С. Хомяковѣ и объ А. Н. Муравьевѣ. Оба находились въ арміи Графа Дибича. Первый написалъ въ то время нѣсколько прекрасныхъ лирическихъ стихотвореній, второй обдумывалъ свое путешествіе къ святымъ мѣстамъ, произведшее столь сильное впечатлѣніе“.—Объ Андреѣ Николаевичѣ Муравьевѣ см. примѣчанія къ статьѣ № 22.

— (*Стр. 165, строки 21—22*). Въ сочиненіи Шатобріана: „Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris“ (изд. 1811), на ряду съ цитатами изъ Библіи, встрѣчаются ссылки на поэмы Гомера. Отрывки изъ Шатобріанова путешествія въ Грецію и въ Палестину напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы* 1810 г., ч. 53, № 17, стр. 18—47; ч. 54, № 22, стр. 138—144.

1833.

66.

[О СОЧИНЕНІЯХЪ П. А. КАТЕНИНА].

(Стр. 166—168).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, 1833 г., № 26, стр. 206—207, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 551—553, 634, гдѣ ука-

---

1) *Телескопъ*, 1832 г., ч. XI, № 18, стр. 244. — *Сѣверная Пчела*, 1832 г., № 174. — *Московскій Наблюдатель*, 1836 г., т. VII, отд. V, стр. 411—412,

lib.pushkinskijdom.ru

зана „синтаксическая ошибка“ во фразѣ: „Гнѣдичь взялся высказать *ея*[1]) мнѣніе“ (стр. 167, строки 15—16).

На страницѣ 167-ой, въ строкѣ 29-ой, по недосмотру, повторена опечатка, находящаяся въ оригиналѣ: вмѣсто *Вторая Быль,* слѣдуетъ читать *Старая Быль.*

Въ бумагахъ Пушкина есть еще нѣсколько строкъ о Катенинѣ, относящихся, вѣроятно, къ 1825 г.: П. А. Катенинъ перевелъ многія трагедіи, также комедію le Méchant[2]) и проч. Не упоминаю об... Его тра‹гедія› Андромаха еще въ рукописи и не играна. — Она безъ сомнѣнія лучшая изъ всѣхъ (Рукопись б. Румянцовскаго Музея, № 2370, л. 56).

Въ 1832 г. Пушкинъ взялся за перо, чтобы отмѣтить выходъ въ свѣтъ „Сочиненій и переводовъ въ стихахъ Павла Катенина“ (*Б. Л. Модзалевскій.* Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 49—50, №№ 180—184).

Въ предисловіи къ первому тому[3]) этого изданія Н. И. Бахтинъ (род. въ 1796 г., ум. въ 1869 г.)[4]) дѣлаетъ лестную для автора оцѣнку его твореній и старается доказать несправедливость нападокъ на нихъ современныхъ литераторовъ: „Почти при вступленіи на поприще Словесности, онъ (Катенинъ) былъ встрѣченъ самыми несправедливыми и самыми неумѣренными критиками. Нѣкоторые изъ Писателей, даже уважаемыхъ публикою, какъ бы сами стыдясь своихъ поступковъ, скрывали свои имена, и подъ вымышленными названіями печатали

---

1) Курсивъ нашъ.

2) „Сплетни“, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ, подражаніе Грессетовой комедіи: „Le méchant“, была поставлена на сценѣ въ Петербургѣ 31-го декабря 1820 г.

3) Сочиненія вышли въ двухъ частяхъ.

4) Личность Н. И. Бахтина характеризована А. А. Чебышевымъ. См. книгу: „Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину“. СПб. 1911 г., стр. 11—18.

lib.pushkinskijdom.ru

въ журналахъ пристрастныя сужденія о его произведеніяхъ. Другіе, менѣе извѣстные, хотя иногда и не скрывали именъ своихъ, но, боясь, чтобы читатели не усомнились въ чистотѣ ихъ намѣреній, видя часто подпись ихъ подъ критиками на одного писателя, разнообразили оную и старались обмануть легковѣрныхъ. — Такимъ образомъ, появленіе каждаго новаго Стихотворенія Г. Катенина сопровождалось въ журналахъ новыми нападеніями его антагонистовъ. Всѣ ихъ писанія носили на себѣ явную печать пристрастія, а нѣкоторыя сверхъ того и непростительнаго незнанія дѣла; но тѣмъ не менѣе они вредили поэту, подобно какъ въ странахъ и болѣе образованныхъ, нежели Россія, подкупные свистки райка вредятъ часто успѣху хорошей Трагедіи. Глубокое молчаніе г. Катенина и вѣрность правиламъ, которыхъ онъ объявилъ себя единожды послѣдователемъ, утомили наконецъ его противниковъ. Можетъ быть, даже нѣкоторые изъ нихъ, увлеченные сначала примѣромъ и желаніемъ блеснуть своимъ остроуміемъ, потомъ увидѣли свою ошибку. Словомъ всѣ они мало по малу смолкли, и благопріятные отзывы о Стихотвореніяхъ Катенина начали появляться въ журналахъ; но отзывы сіи не могли произвести вполнѣ дѣйствія надъ публикою, не бывъ подкрѣплены чтеніемъ самыхъ стиховъ, ибо кому охота перечитывать *Сынъ Отечества* и *Вѣстникъ Европы* за минувшіе годы?“ (*П. А. Катенинъ*. Сочиненія и переводы въ стихахъ. СПб. 1832 г., часть I, стр. V—VI).

Бахтинъ правъ, утверждая, что у Катенина было много литературныхъ недоброжелателей, среди которыхъ находились такіе выдающіеся критики, какъ Н. А. Полевой и князь П. А. Вяземскій. Еще Н. Г. Чернышевскій указывалъ въ свое время, какъ ѣдко вышутилъ издатель *Московскаго Телеграфа* неудачную фразу одного литератора: „Мельпомена Русская только на Г-на Катенина

lib.pushkinskijdom.ru

имѣетъ надежды"; не менѣе рѣзко осмѣялъ послѣдняго и Вяземскій въ своемъ „Посланіи къ И. И. Дмитріеву" (*Н. Г. Чернышевскій.* Критическія статьи. СПб. 1893 г., стр. 79. — *Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XVII, № 18, стр. 122—123. — *Полярная Звѣзда* на 1823 г., стр. 94).

Иначе относится къ Катенину Пушкинъ.

Русскій Жоффруа въ области драматической критики, классическій трагикъ и романтическій балладникъ, врагъ Шекспира и восторженный почитатель Данте, Катенинъ (род. 11 декабря 1792 г., ум. 23-го мая 1853 г.) отразилъ въ себѣ всѣ противорѣчія той эпохи, когда отживавшій классицизмъ постепенно уступалъ мѣсто новымъ литературнымъ направленіямъ. Онъ симпатизировалъ Шишкову, не любилъ Карамзина, считалъ ничтожнымъ пушкинскаго „Бориса Годунова", мелочно придирался къ комедіи „Горе отъ ума" и совсѣмъ не понялъ Гоголя. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ блестяще владѣлъ языками, былъ очень начитанъ, широко образованъ, считался хорошимъ діалектикомъ и обладалъ несомнѣннымъ краснорѣчіемъ. Онъ рано познакомился съ Пушкинымъ, и, несмотря на свою ненависть къ князю П. А. Вяземскому, А. А. Бестужеву и свою непріязнь къ Жуковскому, произвелъ впечатлѣніе на великаго поэта и снискалъ его расположеніе.

Быть можетъ, С. П. Шевыревъ впадалъ въ крайность, говоря объ „огромномъ вліяніи Катенина на Пушкина"; быть можетъ, было извѣстное преувеличеніе въ дружескихъ похвалахъ, которыми, со свойственнымъ ему добродушіемъ, осыпалъ Пушкинъ своего „Эсхила", — но нельзя отрицать, что Катенинъ могъ развить въ юномъ поэтѣ любовь къ театру[1]) и раскрыть предъ нимъ кра-

1) По выходѣ „Бориса Годунова" Пушкинъ съ любопытствомъ ожидалъ отзыва Катенина, какъ судьи наиболѣе компетентнаго (Переписка, т. II, стр. 211).

lib.pushkinskijdom.ru

соты твореній французскихъ классиковъ, слишкомъ обезцѣниваемыхъ нашими односторонними романтиками[1]).

„Голосъ истинной критики необходимъ у насъ“, писалъ Катенину Пушкинъ: „кому же какъ не тебѣ забрать въ руки общее мнѣніе, и дать нашей Словесности новое, истинное направленіе? Покамѣстъ, кромѣ тебя, нѣтъ у насъ критика. Многіе (въ томъ числѣ и я) много тебѣ обязаны; ты отъучилъ меня отъ односторонности въ литературныхъ мнѣніяхъ, а односторонность есть пагуба мысли. Еслибъ согласился ты сложить разговоры твои на бумагу, то великую пользу принесъ бы ты Русской Словесности“ (Переписка, т. I, стр. 327: письмо отъ половины февраля 1826 г.)[2]).

Пушкинъ живо интересовался литературными работами Катенина: переводомъ Корнелева „Сида“, „Андромахой“, подготовляемымъ изданіемъ стихотвореній; онъ искренно огорчался тѣмъ, что А. А. Бестужевъ и П. А. Вяземскій никакъ не ладятъ съ Катенинымъ и не отдаютъ ему справедливости. Поэтъ выражаетъ надежду, что, по крайней мѣрѣ, первый изъ его друзей измѣнитъ свою точку зрѣнія. „Это было бы къ стати, благородно, достойно ⟨его⟩. Ошибаться и усовершенствовать сужденія

1) Издатель переписки П. А. Катенина съ Н. И. Бахтинымъ, А. А. Чебышевъ полагаетъ, что „въ эпоху односторонникъ нападокъ на французскую классическую драму голосъ горячаго, убѣжденнаго поклонника Расина, быть можетъ, прозвучалъ не даромъ. Пушкинъ, съ своею чуткою, всеобъемлющею душою, могъ и въ сужденіяхъ Катенина, отобравъ пшеницу отъ плевелъ, найти элементы для своей теоріи драмы, чуждой всякой односторонности, допускавшей и величіе Шекспира, „несмотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки“, и величіе Расина, „несмотря на узкую форму его трагедіи“ (*А. А. Чебышевъ*. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. СПб. 1911 г., стр. 11).

2) По словамъ Анненкова, „Пушкинъ обязанъ отчасти Катенину осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ, литературнымъ эклектизмомъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ... по поводу классицизма и романтизма. Стойкость сужденія Катенина научила его видѣть достоинства тамъ, гдѣ, увлекаемые спорами, уже ничего не находили журналы наши“ (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 50).

lib.pushkinskijdom.ru

свои сродно мыслящему созданію. *Безкорыстное* признаніе въ ономъ требуетъ душевной силы" (Переписка, т. I, стр. 48—49, 116, 136, 284, 312, 351).

Признавая заслуги Катенина[1]), Пушкинъ не закрывалъ глазъ на его недостатки: „Онъ (Катенинъ) опоздалъ родиться — и своимъ характеромъ и образомъ мыслей весь принадлежитъ 18 столѣтію. Въ немъ та-же Авторская спѣсь, тѣ же литературныя сплетни и интриги, какъ и въ прославленномъ вѣкѣ философіи" [Переписка, т. I, стр. 15: письмо къ князю П. А. Вяземскому (первая половина марта 1820 г.)][1]).

Далеко не убѣжденный въ томъ, что собраніе сочиненій его самолюбиваго друга вызоветъ похвалы журналистовъ, Пушкинъ старался своей рецензіей вознаградить его за добросовѣстно выполненный литературный трудъ. По свидѣтельству П. А. Вяземскаго, „Пушкинъ, вѣрный древнимъ преданіямъ пріязни и пріявъ девизомъ стихъ ‹Жуковскаго›: *Для дружбы все, что въ мірѣ есть,* долженъ былъ написать статейку о выходѣ въ свѣтъ сочиненій пріятеля, но, композируя съ совѣстью, напечаталъ ее въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* Воейкова и, слѣдовательно, съ нѣкоторою restriction mentale" (*Русскій Архивъ,* 1900 г., т. I, стр. 373).

— (*Стр. 166, строки 10—13*). О взглядѣ Пушкина на русскую критику и русскую литературу см. статью №№ 6 и 48 и примѣчанія къ нимъ.

— (*Стр. 166, строка 15*). Фраза: „Мы еще не имѣемъ

1) О П. А. Катенинѣ см. 1) *П. В. Анненковъ.* Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 50—56; 2) *Историческій Вѣстникъ,* 1888 г., № 9 (статья Е. В. Пѣтухова); 3) *Л. Н. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1893 г., стр. 308, 320—321, 331, 348; 4) Пушкинскій сборникъ. Подъ редакціей А. И. Кирпичникова. М. 1900 г., стр. 17—40 (статья В. Миллера); 5) *С. Бертенсонъ.* П. А. Катенинъ. СПб. 1909; 6) *Пушкинъ и его современники,* 1909 г., выпускъ XII, стр. 60—74 (статья Н. К. Пиксанова); 7) *А. А. Чебышевъ.* Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. СПб. 1911 г., стр. 2—11; 8) *И. Н. Розановъ.* Пушкинская плеяда. М. 1923 г., стр. 91—183.

lib.pushkinskijdom.ru

нужды ни въ *Шлегеляхъ*, ни даже въ *Лагарпахъ*", встрѣчается въ критическихъ замѣткахъ Пушкина (№ 50, стр. 101).

— (*Стр. 166, строки 20 — 27*). Пушкинъ высоко цѣнилъ „гордую независимость" поэта, который не слышитъ крика глупцовъ, указывающихъ ему дорогу, и идетъ, куда его „влекутъ мечтанья тайныя" („Зачѣмъ кружится вѣтръ въ оврагѣ", 1833 г.). Эта мысль высказывается Пушкинымъ нѣсколько разъ и въ одинаковой формѣ:

Ты царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ

(„Поэту", 1830 г.).

Поэтому, кромѣ Катенина, и Боратынскому вмѣняется въ заслугу то, что онъ „шелъ своею дорогою одинъ и независимъ" „и никогда не старался малодушно угождать господствующему вкусу и требованіямъ мгновенной моды" (№ 57, стр. 135). [Ср. *Н. Ѳ. Сумцовъ*. А. С. Пушкинъ. Харьковъ, 1900 г., стр. 46—61. — *А. И. Незеленовъ*. Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 г., стр. 79].

— (*Стр. 166, строки 27—28*). Старѣйшимъ „Апостоломъ романтизма", по мнѣнію Пушкина, былъ авторъ „Громвала" Гавріилъ Петровичъ Каменевъ (родился въ 1772 г., ум. въ 1803 г.), „который первый в Россіи осмѣлился отступить отъ классицизма" и памяти котораго русскіе романтики должны принести „должную дань" (*Прибавленія къ Казанскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ*, 1844 г., № 2, стр. 21).

— (*Стр. 167, строки 8—10*). О вліяніи Гете на Байрона см. № 102, стр. 403.

— (*Стр. 167, строки 10—17*). Катенинъ перевелъ „Ленору" Бюргера, нисколько не стараясь прикрасить оригиналъ. Поэтому въ балладѣ „Ольга" бѣшеная скачка героини с мертвецомъ изображена ярко, но грубовато.

lib.pushkinskijdom.ru

Казни столпъ; кругомъ въ мерцаньѣ
Чуть-чуть видно при лунѣ
Адской сволочи скаканье,
Смѣхъ и пляска въ вышинѣ.
«Кто тамъ? Сволочь! всѣ за мною,
«Въ слѣдъ бѣгите всѣ толпою;
«Было-бъ тамъ кому плясать,
«Какъ съ женой я лягу спать».
Сволочь съ пѣснью заунывной
Понеслась за сѣдокомъ;
Словно вихорь бы порывный
Зашумѣлъ въ бору сыромъ

(*Сынъ Отечества*, 1816 г., ч. 30, № 24, стр. 190—191). Эта же картина нарисована совершенно иначе въ „Людмилѣ“ Жуковскаго (1808 г.).

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полуночныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ
Въ цѣпь воздушную свились;
Вотъ за ними понеслись;
Вотъ поютъ воздушны лики:
Будто въ листьяхъ павилики
Вьется легкій вѣтерокъ;
Будто плещетъ ручеекъ.

(*В. А. Жуковскій*. Полное собраніе сочиненій. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1902 г., т. I, стр. 53).

Почитатель Жуковскаго Н. И. Гнѣдичъ, очарованный „превосходнымъ“ дарованіемъ пѣвца „Людмилы“, весьма снисходительно относится къ передѣлкамъ, которымъ

lib.pushkinskijdom.ru

подверглась Бюргерова баллада. „Эти тѣни прекрасны“, пишетъ критикъ: „но онѣ совершенно *Оссіановскія тѣни* и въ русской балладѣ — залетныя гостьи! Я самъ бы не желалъ встрѣчать въ *Людмилѣ*, какъ сихъ, такъ и еще нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей; но стоитъ только раскрыть книгу, чтобы забыть объ нихъ. Прелесть поэзіи, жизнь, движеніе и сладость, волшебная сладость стиховъ — все превозмогутъ. — Такъ! *Людмилла*, познакомившая русскихъ читателей съ родомъ балладъ, всегда будетъ читана, какъ оригинальное произведеніе отечественной музы! Слѣдовательно *Ольгу*, по всей справедливости, должно уволить отъ сравненій съ *Людмиллою*, какъ съ опасною соперницею“ . . .

Гнѣдичъ старательно выискиваетъ въ „Ольгѣ“ „ошибки противъ логики и грамматики“ и находитъ, что катенинскіе стихи „оскорбляютъ слухъ, вкусъ и разсудокъ“. „Слова: *свѣтикъ, вплоть, споро, сволочь* и проч. безъ сомнѣнія дышатъ простотою, но сія простота не поссорится ли со вкусомъ? Правда вкусовъ много, а иные говорятъ, что его и вовсе нѣтъ:

Ну! къ чорту вкусъ и умъ! Пишите въ добрый часъ!».

Въ концѣ реценэіи Гнѣдичъ прощается съ „любезной Ольгою“ и даетъ ей „дружеской совѣтъ“: „если вамъ случится, чего я не желаю — въ Москвѣ или въ Петербургѣ встрѣтиться гдѣ-нибудь съ *Людмиллою*, оставьте тотчасъ эту злую и гордую соперницу; она васъ краснѣть заставитъ, а что еще хуже — можетъ быть, какой-нибудь изъ ея угодниковъ вамъ скажетъ:

Что вы воете не къ мѣсту?
Пѣснь нескладна и дика».

(*Сынъ Отечества*, 1816 г., ч. 31, № 27, стр. 3—22).

Реценэія Гнѣдича вызвала ѣдкую статью Грибоѣдова, который выступилъ на защиту Катенина и тонко осмѣялъ

lib.pushkinskijdom.ru

критическіе пріемы Гнѣдича въ своемъ разборѣ „Людмилы“ Жуковскаго [1]).

Между прочимъ Грибоѣдовъ иронически замѣчаетъ, что Людмилѣ „довольно весело“ ѣхать вмѣстѣ съ мертвецомъ. „Ей встрѣчаются пріятныя тѣни, которыя

Легкимъ свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную вились.

„И вокругъ ея:

Поютъ воздушны лики,
Будто въ листьяхъ повилики
Бьется легкій вѣтерокъ,
Будто течетъ ручеекъ.

„Потомъ мертвецъ... сбивается на тонъ Аркадскаго пастушка и говоритъ своему коню:

Чую ранній вѣтерокъ....

(*А. С. Грибоѣдовъ*. Полное собраніе сочиненій. Изданіе Академіи Наукъ. П. 1917 г., т. III, стр. 24—25).

---

1) Возникшая полемика привлекла вниманіе К. Н. Батюшкова и В. Л. Пушкина, которые выразили полное сочувствіе и одобреніе жителю Тентелевой деревни (см. статью № 2, стр. 2, и примѣчанія, стр. 8). „Я угадалъ птицу по полету“, сообщалъ Батюшковъ Гнѣдичу. „Свидѣтели тебѣ Вяземскій и Пушкинъ. При нихъ, прочитавъ критику на *Ольгу*, сказалъ: это Гнѣдичъ, либо Никольскій, но скорѣе первый. И Вяземскій, и Пушкинъ благодарятъ неизвѣстнаго отъ всей души.... Грибоѣдову не отвѣчай ни слова; и Катенинъ по таланту не стоилъ твоей прекрасной критики, которую самъ Дмитріевъ хвалилъ очень горячо. Надобно бы доказать, что Жуковскій поэтъ; надобно, говорю, предъ лицомъ свѣта; тогда всѣ Грибоѣдовы изчезнутъ“. — На этомъ письмѣ Батюшкова сдѣлана В. Л. Пушкинымъ слѣдующая приписка: „Благодарю сердечно любимаго Николая Ивановича за прекраснѣйшую критику. Батюшковъ истинно отгадалъ въ одну минуту, что вы авторъ столь справедливыхъ и остроумныхъ замѣчаній.... Откуда взялся рыцарь Грибоѣдовъ? Кто воздоилъ сего кандидата Бесѣды пресловутой? Ради Бога, освободите насъ отъ нелѣпостей и не слушайте Батюшкова. Пишите, браните и наказуйте! Должно вранью положить конецъ!“ (*К. Н. Батюшковъ*. Сочиненія. СПб. 1886 г., т. III, стр. 390—391).

lib.pushkinskijdom.ru

Замѣчанія Грибоѣдова не пропали даромъ. Въ 1831 г. Жуковскій вторично перевелъ „Ленору“ Бюргера, и на этотъ разъ значительно ближе къ подлиннику. Описаніе ѣзды Леноры съ женихомъ измѣнено сравнительно съ переводомъ 1808 г. и напоминаетъ соотвѣтствующіе стихи въ „Ольгѣ“ Катенина:

Вотъ у дороги, надъ столбомъ,
Гдѣ висѣльникъ чернѣетъ,
Воздушный рой, свіясь кольцомъ,
Кружится, пляшетъ, вѣетъ.
«Ко мнѣ! за мной, вы плясуны!
«Вы всѣ на пиръ приглашены!
«Скачу, лечу жениться...
«Ко мнѣ! повеселиться!»
И летомъ, летомъ легкій рой
Пустился вслѣдъ за ними,
Шумя, какъ вѣтеръ полевой
Межъ листьями сухими....

(*В. А. Жуковскій.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1902 г., т. III, стр. 98).

Въ 1833 г., давая отзывъ о литературной дѣятельности Катенина, Кс. А. Полевой говоритъ: „припоминаю себѣ, какъ сокрушался я, читая споры объ «Ольгѣ»“. Эти слова очень не понравились Катенину, который въ „Отвѣтѣ“ Полевому съ своей точки зрѣнія освѣщаетъ полемику 1816 г.: „На *Ольгу* ратуетъ... человѣкъ умный и въ иномъ чемъ свѣдущій, но на бѣду свою равно чуждый и языку и Поэзіи Нѣмецкой. Безо всякаго внутренняго убѣжденія превозноситъ онъ *Людмилу* Г. Жуковскаго не только выше *Ольги,* но выше самой *Леноры* Бюргера, и ошибается во всѣхъ своихъ разсчетахъ, Г. Грибоѣдовъ почти шутя побѣждаетъ сего атлета, блуждающаго на

lib.pushkinskijdom.ru

незнакомомъ поприщѣ; Г. Жуковскій, увидя свою ошибку, не словомъ, а дѣломъ признается въ ней, и вторично переводитъ ту-же Балладу. Вамъ, любителю Нѣмецкихъ авторовъ, и споръ сей и послѣдствія онаго должны-бы, кажется, быть пріятными; напротивъ, вы *сокрушаетесь*, вѣроятно потому, что слово и дѣло меня вполнѣ оправдали". — „Отвѣтъ" Катенина не остался безъ возраженія со стороны Кс. А. Полевого, который писалъ: „Напрасно Г. Катенинъ старается не понимать сокрушенія моего за споръ объ *Ольгѣ*, и объясняетъ его духомъ партій своего времени: просто мнѣ было скорбно видѣть человѣка съ такимъ дарованіемъ Грибоѣдова, до того ослѣпленнаго ученіемъ своей партіи[1]), что онъ не видалъ красотъ *Людмилы*, которая дѣйствительно выше *Леноры* Бюргеровой. Я увѣренъ, что Жуковскій перевелъ сего послѣдняго не для того, чтобы сознаться въ ошибкѣ своей, какъ говоритъ Г. Катенинъ, а чтобы показать, сколь отлично это произведеніе отъ *Людмилы*. Иначе, зачѣмъ сталъ-бы онъ помѣщать въ новомъ изданіи своихъ сочиненій и *Людмилу* и *Ленору*?" (*Московскій Телеграфъ*, 1833 г., ч. 50, № 8, стр. 562; ч. 51, № 11, стр. 450—451; № 12, стр. 602—603).

— (*Стр. 167, строки 17—22*). Въ своей статьѣ: „О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады: Ленора", Гнѣдичъ пишетъ: „Ахъ, любезный творецъ *Свѣтланы*, за сколько душъ ты долженъ будешь дать отчетъ? Сколько молодыхъ людей ты соблазнишь на самоубійство! Какой рядъ предвижу я убійцъ и мертвецовъ, удавленниковъ и утопленниковъ! Какой рядъ блѣдныхъ жертвъ смерти балладической, и какой смерти! Тамъ — красавица, *какъ сидитъ, какъ стоитъ* — къ жизни съ милымъ уми-

1) Партія „славянофиловъ", къ которой Полевой относитъ Катенина и Грибоѣдова, противополагается партіи „карамзинистовъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1833 г., ч. 50, № 8, стр. 563—567).

lib.pushkinskijdom.ru

раетъ[1]); здѣсь убійца удавливаетъ старика, не смотря, что на него глядитъ *плѣшивой* мѣсяцъ“ . . .[2]) (*Сынъ Отечества,* 1816 г., ч. 31, № 27, стр. 4). — Выступленіе Гнѣдича противъ балладъ не было встрѣчено сочувственно даже его единомышленниками. „Жаль только, что ты напалъ на родъ балладъ“, укорялъ его Батюшковъ: „Тебѣ, литератору, это непростительно. Всѣ роды хороши“ [*К. Н. Батюшковъ.* Сочиненія. СПб. 1886 г., т. III, стр. 390—391: письмо 1816 г. (августъ). — См. статью Пушкина № 23 и примѣчанія къ ней].

— (*Стр. 167, строки 27—28*). Стихотвореніе „Мстиславъ Мстиславичь“ относится къ 1819 г., когда Пушкинъ значительно строже судилъ о „славянскихъ стихахъ“ Катенина, „полныхъ силы и огня, но отверженныхъ вкусомъ и Гармоніей“ (статья № 2, стр. 4).

— (*Стр. 167, строка 29*). „Вторая Быль“ — баллада „Старая Быль, которая была препровождена въ редакцію *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* Пушкинымъ. „За стихотвореніе сіе“, сказано въ примѣчаніи къ тексту баллады: „обязаны мы А. С. Пушкину, который доставилъ намъ оное при слѣдующемъ письмѣ: „П. А. Катенинъ далъ мнѣ право располагать этимъ прекраснымъ стихотвореніемъ. Я увѣренъ, что вамъ будетъ пріятно украсить имъ ваши *Сѣверные Цвѣты*“[3]).

— (*Стр. 167, строка 32*). Соломонъ Геснеръ (род. въ 1730 г., ум. въ 1788 г.) — нѣмецкій поэтъ, авторъ религіозной идилліи „Смерть Авеля“.

— (*Стр. 168, строка 2*). Во второй части сочиненій Катенина (стр. 93—108) помѣщенъ переводъ первыхъ трехъ пѣсенъ изъ Дантова „Ада“.

— (*Стр. 168, строки 2—4*) „Романсы о Сидѣ изъ

1) *Сынъ О‹течества›* 1815 г., кн. 23.
2) *С‹ынъ› О‹течества›*, 1815, кн. 13.
3) *Сѣверные Цвѣты* на 1829 г., отдѣлъ „Поэзія“, стр. 33—45.

lib.pushkinskijdom.ru

Гердера", пишетъ Н. И. Бахтинъ: „переведены Г. Катенинымъ еще въ 1822-мъ году. Существованіе сего перевода было многимъ изъ нашихъ Литераторовъ въ то время извѣстно; наконецъ въ 1830-мъ было о семъ объявлено и въ Литературной Газетѣ (№ 30-й Маія 26-го)[1]) по случаю предполагаемаго тогда изданія Стихотвореній Г. Катенина, которое по особымъ обстоятельствамъ замедлилось до настоящаго времени. Между тѣмъ Г. Жуковскій перевелъ также Романсы о Сидѣ и издалъ ихъ въ свѣтъ. Переводъ Г. Катенина потерялъ чрезъ то прелесть новости; но любители поэзіи, незнающіе Нѣмецкаго языка, сличая два перевода, получатъ вѣрнѣйшее понятіе о самыхъ Романсахъ, нежели какое они могли бы имѣть, читая только одинъ. Г. Катенинъ въ переводѣ своемъ не сдѣлалъ никакихъ перемѣнъ послѣ того какъ оный былъ оконченъ въ 1823-мъ году" (*П. Катенинъ.* Сочиненія и переводы въ стихахъ. СПб. 1832 г., ч. II, стр. 190).

„Послѣ божественнаго Гомера" Катенинъ не находилъ „ничего лучше и привлекательнѣе", чѣмъ поэма и романсы о Сидѣ. „Пѣсни или романсы, собранные Гердеромъ въ числѣ семидесяти, составляютъ цѣлое жизнеописаніе" и „безподобны". „Изъ подлинныхъ романсовъ" Катенину были „извѣстны немногіе", и онъ выражалъ сожалѣніе, что „Гердеръ, при всѣхъ достоинствахъ его переложенія, не попекся болѣе о точности, и позволилъ себѣ кое-что на свой вкусъ переиначить" (*Литературная Газета,* 1830 г., т. II, № 50, стр. 110—111).

— (*Стр. 168, строки 4—7*). Пушкинъ расходился со многими литераторами въ оцѣнкѣ „механизма" стиховъ Катенина, которые казались С. П. Шевыреву „дурными",

---

1) Газета Дельвига извѣщала подписчиковъ о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ „собранія всѣхъ *Испанскихъ романсовъ о Сидѣ,* преложеніемъ коихъ Г. Катенинъ сдѣлалъ истинно-пріятный подарокъ нашей Словесности" (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

а Н. А. Полевому — „старообразными и неловкими“ (*Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 331. — *Московскій Телеграфъ,* 1828 г., № 24, стр. 492.—Пушкин в мировой литературе. Л. 1926 г., стр. 233).

1833—1835.

67.

[МЫСЛИ НА ДОРОГѢ].

(Стр. 168—208).

Эта статья извѣстна въ нѣсколькихъ рукописяхъ б. Румянцовскаго Музея: въ черновомъ подлинникѣ № 2384, лл. 1—26; въ копіи съ пушкинскими поправками № 2385 А и въ бѣловомъ автографѣ № 2385 Б[1]). Сверхъ того, отрывокъ изъ II главы („Москва“) и X глава („Торжокъ“) находятся еще въ тетрадяхъ: № 2377 А, 18 и № 2386 Б, лл. 38—41.

Отдѣльные листы изъ описанія Москвы сохранились также въ коллекціи А. Ѳ. Онѣгина (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ XII, стр. 11, № 16; стр. 14, № 26, и стр. 17, № 42).

Первоначальный черновой набросокъ статьи находится въ рукописи № 2384. Бумага съ водянымъ знакомъ A. F. Rall. Отрывки перебиты: отдѣльныя части одной и той же главы разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ тетради (напр., глава „Русская изба“ помѣщена и на стр. 5, и на стр. 8 об.). Названій главъ и нумераціи ихъ нѣтъ. Подъ отрывкомъ, составившемъ впослѣдствіи главу „Шоссе“ (л. 2 об.) дата: 2 дек. 1833. СПб. Въ концѣ „Разговора съ англичаниномъ“ (л. 8) другая дата: 9 дек.

---

1) Нѣкоторыя части даннаго автографа подверглись передѣлкѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Черновой текстъ подвергся переработкѣ и былъ перебѣленъ поэтомъ. Въ рукописи № 2385 Б уже есть раздѣленіе на главы, изъ коихъ каждая получила свое названіе. Нумераціи главъ нѣтъ, и трудно догадаться въ какомъ порядкѣ онѣ были бы расположены въ окончательной редакціи. Пушкинъ сталъ писать свои замѣтки на книгу Радищева, начавъ, съ ея послѣднихъ главъ и постепенно восходя къ предшествующимъ (стр. 171, строки 10—12), но едва ли продѣлалъ это систематически. По крайней мѣрѣ, въ его статьѣ нѣтъ замѣтки по поводу „Завидова“ (XXII главы „Путешествія“), станціи, расположенной между Клиномъ и Городней. Можетъ быть, первоначально Пушкинъ и хотѣлъ назвать главы своего труда именемъ станцій и размѣстить ихъ, слѣдуя примѣру Радищева, по почтовому дорожнику, но потомъ, повидимому, сталъ отступать отъ этого плана, давая главамъ двойныя названія [Городня. Рекрутство. — Мѣдное (рабство)] или совсѣмъ опуская наименованія станцій и замѣняя ихъ словами, указывающими на содержаніе главъ (Слѣпой вм. Клинъ, Русская изба вм. Пешки, Этикетъ вм. Выдропускъ). Въ результатѣ исправленій названія почтовыхъ станцій, за исключеніемъ Городни, Мѣднаго и Торжка, были устранены изъ оглавленій, и это даетъ поводъ сдѣлать предположеніе о новомъ планѣ поэта раздѣлить статью на главы не по станціямъ, а по темамъ.

Бѣловой текстъ не свободенъ отъ поправокъ: нѣкоторыя мѣста зачеркнуты; кое-гдѣ введены стилистическія измѣненія. Каждая глава въ особой обложкѣ и представляетъ отдѣльную тетрадь. Главъ одиннадцать (кромѣ „Торжка“). На бумагѣ водяные знаки: 1833 и 1834.

Семь перебѣленныхъ главъ (Ломоносовъ, Москва, Браки, Шоссе, Рекрутство, Русская изба, Этикетъ) были переписаны писцомъ, и затѣмъ бѣгло просмотрѣны авто-

lib.pushkinskijdom.ru

ромъ, сдѣлавшимъ въ главѣ „Ломоносовъ“ небольшое дополненіе (стр. 184, строки 28—31). Эти главы входятъ въ составъ рукописи № 2385 А; каждая глава — въ особой тетрадкѣ; водяные знаки бумаги: 1833 и 1834.

Шесть главъ статьи (I—III, X—XII) впервые появились въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 5—54[1]), и, объединенныя въ одно цѣлое, подъ общимъ заглавіемъ „Мысли на дорогѣ“, перепечатаны в изданіи Анненкова, т. VI, стр. 75—95[2]). Дополненія къ Пушкинскому тексту съ присоединеніемъ выдержекъ изъ „Путешествія“ даны Е. И. Якушкинымъ въ *Библіографическихъ Запискахъ*, 1859 г., т. II, № 6, стр. 161—176, а нѣсколько строкъ изъ главы „О цензурѣ“ обнародованы въ книгѣ П. В. Анненкова: „А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху“, СПб. 1874 г., стр. 128—129. Въ надлежащемъ видѣ вся статья была напечатана П. А. Ефремовымъ въ изданіи Я. А. Исакова (1881 г.), т. V, стр, 202—235, 526[3]). Затѣмъ въ *Русскомъ Архивѣ* 1881 г., книга II, № 1, стр. 249—250, былъ опубликованъ „Разговоръ съ англичаниномъ“, и, наконецъ, въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 10, стр. 89; № 12, стр. 215—523, 528—530, 552, — помѣщены обширныя выписки изъ черновыхъ тетрадей, содержащихъ статью „Мысли на дорогѣ“, и приведены

1) По поводу выхода въ свѣтъ упомянутаго тома Бѣлинскій писалъ: „Одиннадцатый томъ содержитъ въ себѣ... совершенно-новыя статьи: „Шоссе“, „Москва“, „Ломоносовъ“, „О цензурѣ“, „Русская изба“, „Лордъ Байронъ“ и вполнѣ Записки Пушкина. Изъ всего этого особенно интересна превосходная статья „Ломоносовъ“; примѣчательны статьи: „Шоссе“ и „Москва“ и „Лордъ Байронъ“; но остальныя (т. е. „О цензурѣ“ и „Русская изба“) блѣдны, вялы и похожи на какіе-то недоконченные очерки“ (*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1903 г., т. VI, стр. 279—280: изъ *Отечественныхъ Записокъ* 1841 г., т. XVII, № 8).

2) На стр. 110-й VI тома помѣщена неизвѣстная до тѣхъ поръ замѣтка о стихосложеніи (конецъ VII главы).

3) Г. Н. Геннади сообщилъ въ изданіи 1869—1871 гг. поправки и дополненія Е. И. Якушкина лишь въ примѣчаніяхъ (*А. С. Пушкинъ*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1871 г., т. V, стр. 370—392, и примѣчанія, стр. IX—XVI).

lib.pushkinskijdom.ru

варіанты изъ бѣловыхъ рукописей поэта.—Весь изданный матеріалъ, а также пушкинскіе автографы были использованы въ изданіяхъ: Литературнаго Фонда (1887 г.), т. V, стр. 214—243, и Товарищества „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 325—368, причемъ въ послѣднемъ принять во вниманіе напечатанный А. И. Незеленовымъ текстъ X главы по рукописи № 2384 („Шесть статей о „Пушкинѣ". СПб. 1892 г., стр. 72—77).

Мы печатаемъ текстъ рукописи № 2385 Б, содержащей всѣ главы за исключеніемъ X, которая взята изъ № 2386 В и изъ № 2384, гдѣ находится и „Разговоръ съ Англичаниномъ". Въ автографахъ и копіи поэтомъ сдѣлано много исправленій, свидѣтельствующихъ о тщательной и вдумчивой работѣ. Измѣнялись слова и выраженія, въ однихъ мѣстахъ производились сокращенія, въ другихъ — дополненія, но статья все-таки осталась не вполнѣ законченной. Приводя главнѣйшіе варіанты изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописей, мы обозначаемъ автографы: №№ 2377 А, 2385 Б, 2386 В, — буквами А, Б, В; черновикъ № 2384, копію № 2385 А и отрывки изъ собранія А. Ѳ. Онѣгина — буквами Ч, К, О.

Стр. 168, строки 15—16: . . . . по *прежней* дорогѣ (Б).

» 169, » 8: *Лѣтъ 40 тому назадъ одинъ изъ воеводъ обезобразилъ всю свою губернію, выдумавъ новую систему дорогъ, и къ нещастію многіе послѣдовали его примѣру.* Возьмите перваго мужика. . . (Б).

» 169, » 11—12: *Вышеупомянутый* воевода, вмѣсто рвовъ, подѣлалъ парапеты. . . (Б).

» 169, » 23—26: *Нельзя* не замѣтить[1]) что со времени

1) *Первоначально было:* Я началъ записки свои не для того чтобы льстить властямъ, [и] товарищь мною избранный худой внушитель ласкательства: но не могу не замѣтить. . . .

lib.pushkinskijdom.ru

возведенія Романовыхъ, *отъ Мих⟨аила⟩ Ѳ⟨еодоровича⟩ до Ник⟨олая⟩ I,* у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія. Народъ слѣдуетъ за нимъ всегда лѣниво, а иногда и неохотно: *Вотъ что и состовляетъ силу нашего самодержавія*[1]). *Не худо было* [*бы*] *инымъ*[2]) *Европейскимъ Государствамъ понять эту простую истину — Бурбоны не были бы выгнаны*[3]) *вилами* (*?*) *и каменьями и Англійская Аристократія не принуждена была бы уступить радикализму*[4]) — [*Я упомянулъ о моемъ товарищѣ. Должно мнѣ познакомить съ нимъ читателя*] (Ч).

Стр. 170, строка 1: . . . тѣмъ она *должна быть* предпочтительнѣе — (Б).

» 170, » 4: . . . *почти* невозможно (Б).

» 170, » 7: . . . перечитываете мѣста вами прочи*танныя* (Б).

» 170, » 10—11: . . . объ книгахъ писанныхъ *для одной ⟨литературной цѣли⟩* (Б).

» 170, » 11—12: Многіе читатели согласны *будутъ* что Клариса очень утомительна . . . (Б).

» 170, » 14: Покойный Князь Ив. Долгорукій, [поэтъ еще[5]) неоцѣненой], посту-

1) *Первоначально было:* правленія.

2) *Первоначально было:* другимъ.

3) *Первоначально было:* свержены.

4) *Сверху написано и зачеркнуто:* наводить свои пушки противу радикализма.

5) *Сверху написано и зачеркнуто:* не довольно еще.

lib.pushkinskijdom.ru

пилъ гораздо благоразумнѣе: онъ
собравшись въ подмосковную,
Посовѣстившись брать съ собой въ до-
рогу книжку
Отъ голоду въ запасъ взялъ Вяземску
кавржику[1]) (Б).

Программа главы „Москва“ (стр. 171—175) была написана Пушкинымъ въ тетради № 2377 А, 18, л. 29 об.: „Что была Москва? Мнѣніе Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сіе произходитъ? Чѣмъ Москва еще держится. Что изъ нея будетъ? Сравненіе Москвы съ боярствомъ. Литература. Моск‹овскій› Унив‹ерситетъ›. Горе отъ ума“.

Стр. 171, строки 13—14: ....*въ концѣ* своей книги... (Б).

» 171, » 14—16: ...и *съ этимъ крико‹мъ›* бросаетъ желчью напитанное перо какъ будто мрачныя *мысли изчезли* при *видѣ старой столицы*... (А).

» 171, » 17—19: ...онъ проситъ *читателя* подождать его у околицы; *повидаться* на возвратномъ пути, *тутъ* онъ примется опять за свои горькія полуистины.... (Б).

» » » » ...подождать его *въ Всесвятск‹омъ›* у околицѣ на возвратномъ *его* пути... (А).

» 171, » 20—21: ...онъ *пѣдетъ повеселиться* въ вихрѣ забавъ, *въ шумѣ безсмысленной и веселой Москов‹ской› жизни*—(А).

» » » » ...позабыться въ вихрѣ забавъ, *на лонѣ веселой Москов‹ской› жизни* (А).

1) *Князь И. М. Долорукій*. Сочиненія. СПб. 1849 г., т. I, стр. 384: стихотвореніе „Пиръ“.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 171, строки 29—30: — *въ П. Б. жилъ дворъ, и находилось и малое число высшихъ чиновниковъ и гвардія и гвардейская молодежъ.*— Въ Москвѣ пребывало богатое, неслужащее Боярство... (О).

» 171, » 30: ...*неслужащее дворянство*... (О).

» 171, » 30—32: ...Вельможи оставившіе *службу;* люди независимые *по своему состоянію,* безпечные, *склонные къ пышнымъ увеселеніямъ,* къ безвредному злорѣчію и къ дешевому хлѣбосольству (О).

« » » » ...страстные къ *блестящимъ увеселеніямъ* къ безвредному злорѣчію и къ *пышному гостеприимству* (О).

» 172, » 1—2: ...Москва была мѣсто *гдѣ соединялось* Русское Дворянство, которое изо всѣхъ *губерній* съѣзжалось въ нее на зиму *прожить часть своихъ годовы‹хъ› доходовъ* (О).

» 172, » 2—3: Гвардейская молодежъ *являлась тутъ-же* изъ П. Б. (О).

» 172, » 4: Во всѣхъ концахъ *старой* столицы гремѣла *бальная* музыка... (Б).

» » » » Во всѣхъ концахъ *города давались балы, на которыхъ играла* музыка.... (О).

» 172, » 6—7: Тутъ молодые люди *находили*[1]) *себѣ невѣстъ составляли* знакомства... (О).

» 172, » 8—9: Московскіе *пиры* такъ оригинально

1) *Первоначально было:* выбирали.

lib.pushkinskijdom.ru

описанные Кн⟨языкъ⟩ В⟨яземскимъ⟩. . .[1]) (О).

Стр. 171, строка 8—9: Московскіе обѣды, *воспѣтые Барат⟨ынскимъ⟩*. . . (О).

» 172, » 11—12: *Москвичи* жили по своему, *разорялись* какъ хотѣли, мало заботясь о *толкахъ и* насмѣшкахъ *Петербурга* (Б).

» 172, » 14—15: . . .съ *куклами подъ* деревянными зонтиками (Б).

» » » » . . .съ деревянными *куклами* подъ позолоченными зонтиками; *и никакой Архитекторъ ему не мѣшаетъ* (О).

» 172, » 15—16: . . . другой выѣдетъ *на гуляніе* въ *серебряной 94-ой* пр⟨обы⟩ каретѣ... (О).

» 172, » 18: . . .и цугомъ *ѣдетъ* по лѣтней *дорог⟨ѣ⟩* (О).

» 172, » 18—19: *Красавицы* перенимая Петербургскія моды. . . . (Б и О).

» 172, » 20—21: *Чопорный* Петербургъ издали *трунилъ надъ странностями* старушки Москвы и *въ нихъ* не вмѣшивался (Б)[2]).

» 172, » 21—22: *Увы!* куда *это все прошло!* (Б).

» » » » Куда дѣвалась эта шумная *блестящая милая Москва, Москва воспѣтая Дмитріевымъ и Баратынскимъ* (А)[3]).

» 172, » 22: . . .*безразчетная дѣтская М⟨осковская⟩* жизнь? (А).

---

1) Первоначально и въ рукописи Б былъ упомянутъ Вяземскій.

2) Почти та же редакція въ рукописи А.

3) Подразумѣваются ода И. И. Дмитріева „Освобожденіе Москвы“ (1795 г.) и поэма Е. А. Боратынскаго „Пиры“ (1820 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 172, строка 22: *что замѣнило для Москвы исчезающее боярство, праздники, роскошь? ссора двухъ какихъ-то провинціальныхъ семействъ, которыя заѣхали въ Москву и на безлюдіе, сдѣлались ея высшимъ обществомъ* — (А).

» 172, » 23: ...*смѣш‹ные›* чудаки и проказники... (А).

» 172, » 27: *Теперь* въ *опустѣлой* Москвѣ... (А).

» 172, » 27—29: ...дома стоятъ *пустые* (Б).

» » » » ...дома стоятъ *запертые, ставни закрыты*... (А).

» 172, » 30: ...торчитъ иногда вывѣска портнаго, платящаго хозяину 30 рублей...

» 173, » 2—3: ...съ своими *двумя* казаками... (А).

» 173, » 3: Подмосковныя деревни, *нѣкогда оживленныя тѣми же пирами, балами, домашними театрами, фейерверками,* — также пусты и печальны... (Б).

» » » » Подмосковныя *дачи*.... (Б).

» » » » *Загородныя дачи*... (Б).

» 173, » 4: ...роговая музыка *умолкла* въ рощахъ Свирлова, Останкина, *Марѣина*... (Б).

» 173, » 5: ...*китайскіе* фонари... (Б).

» 173, » 8: ...*гніютъ разставленныя* въ залѣ... (Б).

» 173, » 10: ...хлопочетъ о *полотняномъ* заводѣ (Б).

» 173, » 11: ...не *бригадирами имя‹ни›нниками*, но обществомъ... (А).

» 173, » 12: ...*московскихъ* обжоръ... (Б).

» » » » ...*тонкихъ* обжоръ... (Б).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 173, строка 12: ...*московскихъ превосходительныхъ* обжоръ... (Б).

» 173, » 13: *заѣзжаго* вельможи.... (Б).

» 173, » 13: ...обществомъ *разчетливыхъ* игроковъ... (Б).

» » » » ...обществомъ *смышленыхъ* игроковъ, задумавшихъ *поймать*... (А).

» 173, » 14: ...юношу *недавно* вышедшаго изъ подъ опеки... (Б).

» » » » ...*какого нибудь новичка*.... (А).

» 173, » 15: Саратовскаго откупщика, *пріѣхавшаго на торги* — (Б).

» 173, » 15: ...*цаловальника, пріѣхавшаго на торги* — (А).

» 173, » 16: Посмотрите на эти *увядшіе*[1]) *наряды*, на эти домашнія прически... (Б).

» 173, » 16—17: ...на эти *однообразные, тяжелые головные уборы*, на эти бѣлые искусно подбѣл‹енные› башмаки, *которые въ третій разъ*[2]) *уже являются на паркетъ* — (А).

» 173, » 17—18: *Посмотрите на этихъ кавалеровъ* — и что за кавалеры! (А).

» 173, » 26: ...Репетиловъ *посѣдѣлъ и* уѣхалъ въ деревню (А).

» » » » *Нынѣ нѣтъ въ Москвѣ мнѣнія народнаго: нынѣ бѣдствія или слава отечества не отзывается въ эт‹омъ› сердцѣ* [*Россіи*]. *Грустно было слышать толки М‹осковскаго› общества во время послѣ‹дняго› польск‹аго› возму‹щенія›* —

1) *Сбоку написано и зачеркнуто:* смиренные.

2) *Сверху написано:* не въ первый разъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Гадко было видѣть бездушнаго читателя фр‹анцузскихъ› газетъ улыбающагося при вѣсти о нашихъ неудачахъ (Ч).

Стр. 173, строка 28: ...воспоминаніе мятежей *тревожившихъ его бурное отрочество укоризны* (?) и *мрачное* упрямое супротивленіе... (О).

» 173, » 30—31: ...и на дальнемъ берегу Балтійскаго моря *избралъ на просторѣ себѣ топкій островъ* въ мѣсто *пребыванія*... (О).

» 173, » 31: ...свободы для своего *Генія* безпокойнаго и могучаго[1]) — (О).

» 173, » 32—33: Послѣ *его смерти,* когда старая наша Аристократія *на минуту* возымѣла свою прежнюю силу и вліяніе... (О).

» 174, » 2—3: ...смерть молодаго Петра II-го [*и*] *возведен‹іе› на прес‹толъ› Анны Іо‹а›н‹новны›* снова утвердило за *молод‹ымъ›* Пет‹ербургомъ› его недавнія права[2]). *Покойный Имп‹ераторъ› Алекс‹андръ› послѣ своего Вѣнч‹анія› на Ц‹арство› былъ въ Москвѣ 3 раза*[3]).

---

1) *Первоначально было:* всеразрушительнаго и все созидающаго.

2) *Далѣе зачеркнуто:* Елисавета, окруженная старыми сподвиж‹никами› Петра В‹еликаго› — слѣдовавшая во всемъ правиламъ принятымъ ея Отцемъ, къ которому питала она пламенную неограниченную любовь.... Ек‹атерина› ласкала Москву, внимательно прислушивалась ‹къ› ея мнѣнію, не мѣшала ни ея весельямъ ни свободѣ ея толковъ — и во все время своего долгаго царствованія только два раза удостоила М‹оскву› своимъ присутствіемъ.

3) *Первоначально было:*... 4 раза — и всѣ четыре ознаменованы Ист‹орическими› Великими воспом‹инаніями›.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ 1810 году въ первый разъ увидѣлъ я Государя. Я стоялъ съ народомъ на Высокомъ Крыльцѣ Николы на Мясн‹ицкой› — Народъ наполнявшій всѣ улицы по которымъ долженъ онъ былъ проѣзжать — ожидалъ его нетерпѣливо — Наконецъ показалась толпа генераловъ ѣдущихъ верьхами — Г‹осударь› былъ между ими[1] *— подъѣхавъ къ церкви, онъ одинъ перекрестился — и по сему знаменью народъ узналъ своего Г‹осударя› —*

Черезъ 2 года[2] *передъ началомъ войны — Государь опять явился въ др‹евней› столицѣ требуя содѣйствія отъ своего Дво‹рянства› которое славно отвѣчало ему устами Гр‹афа› М‹амонова› — Въ 1818 пріѣхалъ онъ въ Москву постав‹шую› и обновленную — во время присутствія Дер‹ж‹авнаго› Семейст‹ва›, пушечная пальба возвѣстила Москвѣ рожденіе В‹еликаго› Кн‹язя› Алек‹сандра› Никол‹аевича› —*

Нынѣ Царствующій Имп‹ераторъ› чаще другихъ Госуд‹арей› удостоиваетъ М‹оскву› своимъ посѣщеніемъ и старая столица

1) *Первоначально было:*..... ѣхалъ впереди въ Сем‹еновскомъ› мундирѣ и гол‹убой› лентѣ.

2) *Далѣе написано:* въ 1812 году.

lib.pushkinskijdom.ru

каждый ‹разъ› оживляется и молодѣетъ съ пр‹иѣздомъ› своего Г‹осударя›. Неожиданный Его пріѣздъ въ 1830 году, во время появленія холеры принадлежитъ Исторіи (О).

Стр. 174, строка 3: *Нынѣ царствующій Императоръ, чаще другихъ Государей, удостаиваетъ Москву своимъ посѣщеніемъ. Неожиданный пріѣздъ Его въ концѣ 1830 года, во время заразы, принадлежитъ будущему Историку* (Б).

» 174, » 4—11: Упадокъ Моск‹вы› есть *явленіе важное достойное изслѣдованія.* Обѣдненіе Москвы *есть* обѣдненіе Русскаго Дворянства произшедшее отъ раздробленія именій изчезающихъ съ ужасной быстротою — *такъ что правнукъ богача дѣлается бѣднякомъ — потому только что дѣдъ его имѣлъ четверо сыновей, а отецъ его столько-же. — Онъ уже не можетъ жить этимъ огромнымъ домомъ, который не въ состояніи онъ освѣщать даже и отапливать. Онъ продаетъ его съ торгу, или отдаетъ за безцѣнокъ старымъ заимодавцамъ и ѣдетъ въ свою деревушку — заложенную и перезаложенную, гдѣ живетъ въ мукѣ, и въ нуждѣ — мало заботясь о судьбѣ дѣтей, которыхъ на досугѣ рожаетъ ему жена, и которыя бу-*

lib.pushkinskijdom.ru

дутъ совершенно нищими[1]) — *Состояніе же крестьянъ не улучшается — и крѣпостной мѣлкопомѣстнаго владѣльца терпитъ болѣе притѣсненій и несетъ болѣе повинностей, нѣжели крестьянинъ богатаго барина — —*

Но говорятъ нѣкоторые раздробленіе имѣній способствуетъ освобожденію[2]) *крестьянъ. Помѣщики не получая достаточныхъ доходовъ принуждены заложить своихъ крестьянъ въ опекунскій совѣтъ, и разоривъ ихъ приходятъ въ невозможность платить проценты. Имѣніе тогда поступаетъ въ вѣдомство правительства, которое можетъ ихъ обратить въ вольныхъ хлѣбопашцевъ или въ экономическихъ крестьянъ*[3]) — *Разчетъ ошибочный — Помѣщикъ, пришедшій въ крайность, поспѣшаетъ продать своихъ крестьянъ, на что всегда найдетъ охотниковъ а долгъ Двор‹янства› — связываетъ руки правительству, и не допускаетъ его освободить крестьянъ — ибо въ такомъ случаѣ — Дворянство справедливо почтетъ сей долгъ, угашеннымъ уничтоженіемъ залога* — (А).

1) *Далѣе написано:* Но улучшается ли отъ сего состояніе (?) ‹крестьянъ?›.

2) *Въ рукописи:* къ освобожденію.

3) *Въ рукописи:* обратить въ вольные хлѣбопашцы или въ экономическіе крестьяне.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 174, строка 7: ...въ тѣлѣ *животнаго* (Б).
» 174, » 7—8: Но обѣднѣніе Москвы *имѣетъ* и другія *причины*... (Б).
» 174, » 9—10: ...именій *уменьшающихся* съ ужасной быстротою... (А).
» 174, » 10—11: ...о коихъ *поговоримъ въ другомъ мѣстѣ* (А).
» 174, » 18: *Признаюсь въ моей слабости: Московскую Словесность я всегда предпочиталъ Петербургской; и охотнѣе читаю Вѣдомости Князя Шаликова, нѣжели Сѣверную Пчелу* (Б).
» 174, » 21: *Добросовѣстность*, ученость... (Б).
» 174, » 21—23: *Г. А. заводитъ журналъ потому что онъ отставленъ отъ выгоднаго мѣста. Г. В. пишетъ Романъ, потому что Романы въ цѣнѣ. Критики пишутся потому что по краямъ Газетнаго листа нуженъ фельетонъ въ* $1^1/_2$ *вершка какъ кайма по краямъ шали. Рано или поздно но* Московскій журнализмъ убьетъ журнализмъ Петербургской (Б).
» 174, » 25—27: Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе написали нѣсколько *статей* достойныхъ стать наряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews. *Даже въ журналѣ, принадлежащемъ къ предпріятіямъ чисто торговымъ, даже и тутъ перевѣсъ на сторонѣ Московскаго Издателя. Какая смышленость въ выборѣ переводныхъ статей! ка-*

lib.pushkinskijdom.ru

кая оборотливость въ сужденіяхъ о предметахъ вовсе чуждыхъ понятіямъ критика![1]) *какое бойкое шарлатанство! Куда Петербургскимъ торгашамъ угнаться за нашими!* (Б).

Стр. 175, строки 5—6: ...я отыскалъ *между* моими бумагами любопытное сравненіе *между Москвой и Петербургомъ* (Б).

» 175, » 16—17: ...нежели съ *Правительствомъ*... (Ч).

» 175, » 18—19: Онъ *посвятилъ* болѣе тридцати страницъ наполн*енны*‹*хъ*› пошлыми похвалами Стихотворцу Ритору и Грамматику... (Б и Ч).

» 176, » 3: Ломоносовъ былъ Великій человѣкъ. *Какъ Петръ онъ посвятилъ жизнь свою образованности своего отечества* (Ч).

» 176, » 8: ...*почтенный* чиновникъ... (Ч).

» 176, » 13—14: ...возвратилъ ему свободу *и жизнь*... (Б).

» 176, » 16—30: Въ *немъ* нѣтъ ни воображенія, ни чувства — Оды его писанныя по образцу тогдашнихъ нѣмецкихъ стихотворцевъ[2]) утомительны и надуты. *Подражанія псалмамъ и книгѣ Іова — лучше, но отличаются только хорошимъ слогомъ*[3]), *и то не всегда точнымъ. Ихъ поэзія*

---

1) *Первоначально было:* ... о предметахъ чуждыхъ и не изученныхъ критикомъ...

2) *Первоначально было:* нѣмца Гинтера.

3) *Первоначально было:* отличаются однимъ слогомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежитъ не Ломоносову. Его вліяніе было вредное, и до сихъ поръ отзывается въ *тощей нашей литературѣ.* Изысканность[1]), высокопарность, отвращеніе отъ простоты, и точности вотъ слѣды оставленные Ломоносовымъ[2]). *Давно ли стали мы писать языкомъ общепонятнымъ? Убѣдились-ли мы что Славянскій языкъ не есть языкъ русскій, и что мы не можемъ смѣшивать ихъ своенравно, что если многія слова многіе обороты щастливо могутъ быть заимствованы изъ церковныхъ книгъ*[3]), *въ нашу литературу — то изъ сего еще не слѣдуетъ чтобы мы могли писать да лобжетъ мя лобзаніемъ вмѣсто цалуй меня etc. Конечно и*[4]) *Ломоносовъ того не думалъ, онъ*[5]) *предпочелъ изученіе Славянскаго языка, какъ необходимое средство къ основательному знанію языка Русскаго* (Ч).

Стр. 176, строки 19—20: ...*доселѣ* въ ней отзывается (Б).

» 176, » 21: ...*отвращеніе отъ* народности... (Б).

» 176, » 31: ...лучшаго понятія о *образѣ мнѣній* Ломоносова *косательно его трудовъ*... (Б).

---

1) *Первоначально было: Надутость* изысканность.

2) *Далѣе написано:* въ нашей народной поэзіи.

3) *Первоначально было:* изъ библіи.

4) *Первоначально было:* Знаю что.

5) *Первоначально было:* и что.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 182, строка 25: ...стихотворная *ссора*... (Б).

» 182, » 32—33: *Бабушка Г-а,* жена стараго *Академика*... (Б).

» 183, » 1: *Это* былъ *самый* пустой человѣкъ! (Б).

» 183, » 3: ...Василій *Трофимовичь*... (Б).

» 183, » 8: Любовь его къ Фенелонову *роману*... (В).

» 183, » 31: *Что изъ этаго заключить? что нынѣшніе литераторы благороднѣе мыслятъ и чувствуютъ нѣжели мыслилъ и чувствовалъ Ломоносовъ? позвольте въ томъ усумниться (см. стр. 184, строки 28—29)* (Б).

» 184, » 14: *Радищевъ говоритъ что Ломоносовъ ни въ какой отрасли наукъ не проложилъ новыхъ слѣдовъ*[1]*), и тутъ-же сравниваетъ его — съ Лордомъ Бекономъ!*[2]*) Таковое странное понятіе имѣлъ 18-й вѣкъ о величайшемъ умѣ*[3]*) новѣйшихъ временъ, о человѣкѣ произведшемъ въ наукахъ сильнѣйшій переворотъ, и давшемъ имъ то направленіе, по которому текутъ онѣ нынѣ —*

Если Ломоносова можно назвать Русскимъ Бекономъ, то это развѣ въ такомъ-же смыслѣ[4]*) какъ Хераск‹ова› называли русскимъ Гомеромъ. Къ чему эти прозвища? Ломоносовъ есть русскій Ломоносовъ— этого съ него право довольно* (А).

1) *Въ рукописи добавлено:* (выписка).

2) *Въ рукописи добавлено:* (выписка).

3) *Первоначально было:* мыслителѣ.

4) *Далѣе зачеркнуто:* как Сум‹арокова› называли русскимъ Расиномъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 184, строки 15—16: Креббъ *одинъ изъ самыхъ* почт‹енныхъ› *людей*... (Ч).

» 184, » 17: ...*посвятилъ* всѣ свои поэмы... (Ч).

» 184, » 17—18: ...to his Grace the Duck *of Rutland* (Б).

» 184, » 20: *Со всѣмъ тѣмъ онъ, былъ человѣкъ нравственный, независимый и благородный* — (Ч).

» 184, » 20: *Во Франціи, вся блестящая литература впка Люд‹о›в‹ика› XIV была въ передней. Анекдотъ о Бенсерадѣ даетъ понятіе о тогдашнихъ нравахъ (изъ Бе‹й›ля) и замѣтьте что Бе‹й›ль приводитъ эту черту безо всякаго замѣчанія, какъ дѣло весьма обыкновенное! — Нынѣ во Фр‹анціи› нравы уже не тѣ, но сословіе писателей потому только не ползаетъ передъ министрами, что*[1]) *публика въ состояніе (sic) дать больше денегъ. За то какъ безстыдно ползаютъ они передъ господствующими людьми! Какой талантъ нынѣ во Франціи не запачкалъ себя грязью и кровью въ уроду толпы требующей грязи и крови? — Можно ли J. Janin сравнить съ Краббомъ?* — (Ч).

» 184, » 21: *Въ Россіи,* как замѣтила M-me de Stäel... (Б и Ч).

» 184, » 23—24: Это дало особое *направленіе* нашей литературѣ... (Ч).

---

1) *Въ рукописи:* потому что.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 184, строки 24—26: . . . у насъ писатели не могли *безъ явнаго униженія*[1]), изыскивать покровительства у людей, которыхъ почитали себѣ равными; *сношенія ихъ между собою, не имѣли признаковъ холопства, которое затмѣваетъ большую часть иностранныхъ словесностей* (Ч).

» 184, » 26: *У насъ нельзя* писателю поднести свою *книгу Графу такому-то, Сенатору такому-то* . . . (Ч).

» » » » . . . *Графу такому-то, Генералу такому-то* . . . (Ч).

» 184, » 27—28: . . . получить отъ него *деньги* или *богатый подарокъ*. (Ч).

» 184, » 28: *Что въ иныхъ земляхъ почиталось обыкновеннымъ, то было бы у насъ униженіемъ* (Б).

» » » » *Что почиталось въ Англ‹іи› и во Франціи честію*[2]), *то было бы у насъ униженіемъ* (Ч).

» 185, » 8: *Даже теперь наши писатели не принадлежащіе къ дворянск‹ому› сословію весьма малочисленны. Не смотря на то ихъ дѣятельность овладѣла всѣми отраслями литературы, у насъ существующими. Это есть важ‹ный› признакъ и непремѣнно будетъ имѣть важныя послѣдствія — Писатели-дворяне (или тѣ которые почитаютъ себя à tort ou à raison членами*

1) Зачеркнуто въ рукописи Б.

2) Въ рукописи Б зачеркнуто и сверху приписано: обыкновеніемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

высшаго общества) постепенно начинаютъ отъ нихъ удаляться подъ предлогомъ какого-то неприличія. Странно что въ то время когда во всей Европѣ готическій предразсуд[окъ] [противу наукъ и словесности][1] *почти совершенно изчезъ, у насъ онъ только что начинаетъ показываться. Уже одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ нашихъ писателей, провозгласилъ что литературой заниматься онъ болѣе не намѣренъ потому что она дѣло не дворянское. Жаль! Конечно не слишкомъ лестное товарищество нѣкоторыхъ новичковъ отчасти тому причиною, но развѣ безчестное повѣде‹ніе› двухъ или трехъ*[2] *выслужившихся проходимцевъ можетъ быть достаточнымъ предлогомъ для всѣхъ офицеровъ, оставить шпагу и отречься отъ честнаго званія воиновъ*[3]).

У насъ писатель который ‹краснѣетъ›[4]) при мысли посвятить[5]) свою книгу *порядочному* человѣку, который двумя или 3 чинами выше его, не стыдится *изгибаться*[6]) *пе-*

1) *Первоначально было:* противу les belles lettres будто бы несовмѣстныхъ съ благородствомъ и знатностью.

2) *Первоначально было:* пройдохъ.

3) *Первоначально было:* выдти въ отставку.

4) Въ рукописи Ч — пропускъ; слово взято изъ рукописи Б.

5) *Первоначально было:* поднести.

6) *Первоначально было:* жать руку и кланяться ‹журналисту›.

lib.pushkinskijdom.ru

редъ какимъ-нибудь журналистомъ ошельмованнымъ въ обще*ствѣ*, но который *площадн‹ымъ› ругател‹ьствомъ›* можетъ повредить продажѣ книги или хвалеб‹нымъ› объявленіемъ[1]) заманить покупщиковъ — Нынѣ послѣдній писака, готов‹ый› etc. на всякую приватную ‹подлость›[2]), на всякій безъименный паск‹виль›...

Всѣ Журналы въ припадкѣ благороднаго бѣшенства, возстали противъ стих‹отворца›[3]), *который (о верхъ униже‹нія›!) въ отвѣтъ на приглаш‹еніе› Кн‹язя* ** [*извинялся въ стихахъ*][4]) *что не можетъ къ нему пріѣхать и обѣщался къ нему пріѣхать на дачу!— Сіе нещ‹астное› посланіе было предано всенародно проклятію, и съ той поры говоритъ одинъ Ж‹урналъ› слава* *** *упала совершенно!* — (Ч).

Стр. 185, строки 1—2: ...двумя или тремя звѣзд‹ами›... (Б).
» 185, » 15—16: ...въ своихъ *журналахъ*... (Б).
» 185, » 17: ...не доброму и *почтенному* Вельможѣ... (Б).
» 185, » 18: ...какому нибудь *негодяю* и вралю... (Б).

---

1) *Въ рукописи:* въ хвалеб‹номъ› объявленіи.
2) Въ рукописи Ч — пропускъ; слово взято изъ рукописи Б.
3) *Первоначально было:* Всѣ Моск‹овскіе› Журналы пришли въ благородное бѣшенство, осыпали руг‹ательствомъ› Пушк‹ина›...
4) Слова зачеркнуты и въ рукописи стоятъ послѣ круглыхъ скобокъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 186, строка 7: . . . *въ послѣдней* главѣ *своей книги* . . . (Б).

» 186, » 9: . . . (*зачѣмъ не* городничихъ?) [Б].

» 186, » 17: . . . Таковые *браки у насъ* обыкновенны (Б).

» 186, » 20: *Осьмнадцатилѣтній* возрастъ . . . (Б).

» 186, » 22: . . . уменьшенъ *по крайней мѣрѣ двумя годами* (Б).

» » » » *Шес*тнадцати лѣтняя дѣвка . . . (Б).

» 188, » 28: . . . *мѣра* сильная и *хорошо* приноровленная . . . (Б).

» 189, » 5—6: *По крайней мѣрѣ представляетъ оно выгоды правительству, слѣдственно и народу.* Конскрипція по кратковременности службы . . . (Б).

» 189, » 10: *И тогда смотрите что дѣлается.* Во Франціи *во время* народныхъ мятежей . . . (Б).

» 189, » 11—12: Обѣ стороны, одна съ другой тѣсно связанныя, *обнимаются и обращаются противу правительства* (Б).

» 189, » 30: *Не* лучше *ли* употребить . . . (Б).

» 189, » 32: . . . дѣлая изъ нихъ . . . (Б).

» 189, » 33: Какъ! *вы* жертвуете . . . .

» 190, » 3—4: . . . къ какому-то *Закону,* самовольно *вами же* установленному! *Какая* жалкая пародія законности! *Какое слабоуміе! Какая преступная лѣность!* (Б).

» 190, » 4—5: Радищевъ сильно *и справедливо* нападаетъ . . . (Б).

» 190, » 7: Простодумъ въ комедіи Княжнина (*игранной въ году*) говоритъ что *онъ скопилъ деньги* . . . (Б).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 190, строка 12: ...возможности *откупиться отъ* рекрутства... (Б).

» 190, » 27: ...*всю эту* загадку (Б).

» 190, » 28: Вмѣсто всего этаго *сентиментальнаго* пустословія... (Б).

» 190, » 29: ...о *старой* и всѣмъ извѣстной *пѣснѣ*... (Б).

» 190, » 30: ...о духов‹ныхъ› легендахъ... (Б).

» 190, » 30—31: ...которыя до сихъ поръ, *къ стыду наш‹ему,›* еще не напечатаны... (Б).

» 193, » 6: *Смотри* его Осьмнадцатое столѣтіе... (Б).

» 193, » 8: Въ *стать‹ѣ›* изъ которой выписалъ я... (Б).

» 193, » 19—20: ...изберетъ его и *обнародуетъ* (Б).

» 194, » 10—11: Не стану слѣдовать за Радищевымъ... (Б).

» 196, » 6: ...*слишко‹мъ›* помѣшали... (Б).

» 196, » 12: *Случайно* сдѣлавшись помѣщикомъ *около* тысячи душъ... (Б).

» 196, » 14: Первымъ стараніемъ *м‹оего›* *по‹мѣщика›*... (Б).

» 196, » 18: ...онъ пахалъ барск*ими лошадьми*... (Б).

» 196, » 22—23: ...словомъ *картина начертанная* Радищев*ымъ* кажется *списана съ* моего помѣщика — (Б).

» 196, » 29: *Въ Торжкѣ,* разположась *от*обѣдать... (Ч)[1]).

---

1) Глава „Торжокъ“ печатается по бѣловой рукописи В съ дополненіями по рукописи Ч.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 196, строка 30: *Статья подъ заглавіемъ Торжокъ самая замѣчательная* [1]) *изо всей книги Р‹адищева›* — въ ней дѣло идетъ... (Ч).

» 196, » 31—

» 197, » 1: ...любопытно видѣть *по* сем*у* предмет*у мнѣніе* человѣка, *который* вполнѣ разрѣшилъ самъ себѣ... (В).

» 197, » 1—3: ...человѣка *который* въ собств‹енной› *своей* типографіи въ П. Б. напечаталъ [2]) книгу *самую дерзкую самую оскорбительную для верховн‹ой› власти*... (Ч).

» 197, » 3: ...дерзость *вольнодум‹ныхъ›* мыслей... (Ч).

» 197, » 4—5: ...долгомъ почитаю *объявить*, что *по чистой совѣсти* ‹я убѣжденъ›... (Ч).

» 197, » 6: ...Христіанскомъ Г‹осударствѣ›... (Ч).

» 197, » 9: Да будетъ же *мысль* свободна... (Ч).

» 197, » 12: ...*скажутъ* противники ценсуры... (Ч)

» 197, » 13: ...отвѣтствуютъ *сами* за себя — (Ч).

» 197, » 15: ...выйдетъ изъ типографіи *и въ числѣ 3000 экз‹емпляровъ›* [3]) *разсылается по всему обществу* — (Ч).

» 197, » 17: ...сочинителя или издателя (*если онъ вамъ будетъ извѣстенъ*)... (В).

---

1) *Сверху написано и зачеркнуто:* весьма любопытная.
2) *Первоначально было:* написалъ.
3) *Сверху написано:* individus.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 197, строка 17: ...Автора (*если онъ вамъ извѣстенъ*)... (Ч).

» 197, » 17—18: ...къ заключенію на 3 мѣс‹яца› и къ штрафу [1]) положенному *закономъ* (Ч).

» 197, » 19: *Нѣтъ:* мысль уже стала гражданиномъ... (В и Ч).

» 197, » 19—20: ..отвѣтствуетъ *сама* за себя... (Ч).

» 197, » 20—21: Рѣчь и Рукопись подлежатъ [2]) закону, какъ и книга (В и Ч).

» 197, » 21—22: *Никакое* правительство ‹не› въ правѣ позволять *охотникамъ* проповѣдовать... (В).

» » » » *Никакое* прав‹ительство› не *можетъ* [3]) позволить *первому охотнику* [4]) проповѣдовать на площадяхъ что придетъ *ему* въ голову... (Ч).

» 197, » 23—24: ...*или торговать разными* рукописями, *подъ тѣмъ предлогомъ что* строки ихъ начертаны [5]) перомъ... (Ч).

» 197, » 25—26: *Вы судите* [6]) *Гражданина не только за дѣйствіе* [7]), *но и за умышленія. А* [8]) *мысль есть уже дѣйствіе книги* [9]) (В и Ч).

---

1) *Первоначально было:* пѣни.
2) *Въ рукописи Ч:* также подлежатъ.
3) *Первоначально было:* не должно.
4) *Первоначально было:* краснобаю.
5) *Первоначально было:* онѣ писаны.
6) *Въ рукописи В исправлено:* Законъ судитъ.
7) *Въ рукописи В первоначально было:* преступленіе
8) *Въ рукописи Ч:* Но.
9) *Въ рукописи Ч:* la pensée est le fait d'un livre.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 197, строка 27: ...одно и мгновенно[1]) (isolé et momentané)... [Ч].

» 197, » 28: ...*въ одно и тоже время,* множественно и повсемѣстно (Ч).

» 197, » 29: ...*истинной* цѣли... (Ч).

» 197, » 29—30: ...не предупреждаютъ зла, и *не* пресѣкаютъ онаго (Ч).

» 198, » 2: ...захотѣлъ *представить*... (Ч).

» 198, » 3: *слово,* было бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ... (Ч).

» 198, » 4—5: ... *установили* бы цензуру и на языкъ... (Ч).

» 198, » 6: ...и *члены семейства,* чтобъ поговорить... (Ч).

» » » » ...и *граждане*.... (Ч).

» 198, » 7—8: ...предвари‹тельное› *до*зволеніе, *полиціи*... (Ч).

» 198, » 9: ...если *бъ языкъ* не былъ... (Ч).

» 198, » 10: ...*сто тысячной* части онаго... (В и Ч).

» 198, » 11—12: ...ограничить законами *опасное* сословіе людей говорящихъ[2]) (Ч).

» 198, » 12—14: Но *развѣ* грамота *такая-же общая принадлеж‹ность›* человѣка[3]) какъ языкъ или зрѣніе — (Ч).

» 198, » 14—15: *Развѣ* человѣкъ безграмотный есть *жалкое изключеніе,* уродъ находящійся внѣ вѣчныхъ законовъ природы? (В).

» 198, » 15—16: И между *людьми* грамотными, *развѣ* всѣ *могутъ владѣть книжнымъ*

1) *Сверху написано:* и ограниченно.

2) *Первоначально было:* опасную Аристокра‹тію› словесныхъ созданій.

3) *Сверху написано:* рода.

lib.pushkinskijdom.ru

слогомъ, и возможностью писать книги... (Ч).

Стр. 198, строка 17—18: *Развѣ* писатели, во всѣхъ *земляхъ, не* суть классъ... (Ч).

» 198, » 21: *Враги* всякой Аристократіи![1] (В).

» 198, » 22: ...Аристократія *самая гордая,* самая мощная... (В и Ч).

» 198, » 23: ...Аристократія людей *печатающихъ свои мысли и* налагающихъ... (Ч).

» 198, » 26—27: Никакое богатство не можетъ *за*купить *то чѣмъ овладѣваетъ книга*... (Ч).

» 198, » 27: ...вліяніе обнародованной *книги* (В).

» 199, » 2—3: ...принужденъ уже *вводить* цен*суру*... (Ч).

» 199, » 8: Высшій *трибуналъ долже*‹нъ› *быть* тотъ который вѣдаетъ...[2] (Ч).

» 199, » 11—12: ...должна быть принята *съ уваженіемъ*... (Ч).

» 199, » 12—13: ...за нумеромъ, *который* дает‹ъ› ему право изъ платы рыскать по *всему* городу — (Ч).

» 199, » 15: ...мѣсто (?) его имѣетъ нѣчто священное — (Ч).

» 199, » 15—16: ... Мѣсто сіе должно занимать *лицо*...[3] (Ч).

» 199, » 18: ...*читать и писать* учился въ университетѣ (Ч).

» 199, » 20—21: ...подвергать *Автора*... (Ч).

---

1) *Въ рукописи В эта фраза и послѣдующія слова:* Развѣ не видите вы, *зачеркнуты, и вмѣсто нихъ написано:* Очевидно что Аристократія...

2) *Первоначально было:* Высшее *судопроизводство* есть *то* которое завѣду‹етъ› дѣла‹ми›...

3) *Первоначально было:* человѣкъ, *а затѣмъ написано:* мужъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 199, строка 23: *Негодованіе писателя было бы справедливо.* Но и Цензора не должно запугивать — (Ч).

» 199, » 24: ... мѣлочи, *м‹ожетъ› б‹ыть›* неумышленно пропущенныя имъ...[1]) (Ч).

» 199, » 26: ...грубаго *жандарма* поставленнаго *у веревки*... (Ч).

» 199, » 27: *Сословіе* писателей... (Ч)

» 200, » 11: ...*одинъ* глупецъ *или ханжа*...(Ч).

» 200, » 14: ...*главныя* основанія... (Ч).

» 200, » 16—17: прияпическими *и любострастн‹ыми› описаніями* — (Ч).

» 200, » 18: ...*тонкое* чувство приличія — (Ч).

» » » » ...*судъ* его зависитъ... (Ч).

» 200, » 19—20: ...большая часть мыслей какъ и *дѣяній* человѣ‹ческих›ъ не подлежитъ *суду*... (Ч).

» 200, » 29—30: Въ балладѣ *Иван‹овъ› вещ‹еръ›*... (Ч).

» 201, » 2—3: ...написалъ на полѣ соображаться съ мнѣніемъ публики (Ч).

» 201, » 3: Ода Похвала *вину*... (Ч).

» 201, » 17: ...*того* времени (Ч).

» 201, » 18: Въ *Подсолнечно‹мъ›*.... (Б).

» 201, » 23: ...*пустословіемъ* (Б).

» 202, » 13—14: *Внутри жилищъ, думаю,* произошли улучшенія... (Б).

» 202, » 17—18: ...но *замѣтьте*: онъ упоминаетъ... (Б).

» 202, » 19: *Забавно* и то что Радищевъ... (Б).

» 203, » 3: *Возьмите нынѣшнее состояніе Англійскаго работника* (Б).

---

1) *Первоначально было:* пропущенныя имъ *безъ вниманія.*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 203, строки 27—28: ...тѣнь рабс*тва*... (Б).
» 203, » 33: Никогда не встрѣтите вы *между нами то*... (Б)...
» 204, » 10—11: *Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ Рабства*—[1]) благо‹со›стояніе *нашихъ* крестьянъ, тѣсно связано съ *пользою* помѣщиковъ—*и* это очевидно для всякаго. *Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ* (Ч).
» 204, » 14—15: ...отъ одного *измѣненія* нравовъ... (Б).
» 204, » 15: безъ *великихъ* потрясеній... (Б).
» 204, » 28—29: *Этикетъ* соблюдаемый нѣкогда при Дворѣ нашихъ Царей уничтоженъ у насъ... (Б).
» 204, » 30: ...*придворнымъ* Уложеніемъ... (Б).
» 205, » 6—7: Конечно Государи не имѣютъ *великую* нужд*у* въ *сихъ* обрядахъ часто для нихъ утомительныхъ *установленныхъ преданіями*...[2]) (Б).
» 205, » 12—13: ...не пріятно казаться и *подлецомъ*... (Б).
» 205, » 14—15: Я думалъ о судьбѣ Русск‹аго› крестьянина, *о его жалобахъ* — (Ч).
» 205, » 19: *Со мною* сидѣлъ *путешественникъ докторъ нѣмец‹ъ›*, человѣкъ лѣтъ 36, *съ виду холодный*... (Ч).
» » » » Подлѣ меня въ *дилижан‹сѣ›*... (Ч).
» 206, » 3—4: ...*повиноваться* предписаннымъ нами самими законамъ... (Ч).

---

1) *Далѣе зачеркнуто:* я говорю только что, *а затѣмъ написано и вновь зачеркнуто:* но я говорю прямо что.

2) *Первоначально было:* имъ установленныхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 206, строки 5—7: Но развѣ *думаете вы что* народъ Англ‹ійскій› участвуетъ въ Законодательствѣ? *что* власть не въ рукахъ малаго числа? *что* требованія народа могутъ быть исполнены его повѣренными? (Ч).

» 206, » 8: *Что-же* вы *называете свободой* (Ч).

» 206, » 9: *Свободой*...[1]).

» 206, » 13—14: ...*возможность барышей* умножаетъ корыстолюбіе владѣльцевъ (Ч).

» 206, » 17: Крестьян‹ин›ъ *заним‹ается›* чѣмъ вздумаетъ... (Ч).

» 206, » 19—20: ...*у коего* болѣе было бы *свободы* дѣйствовать (Ч).

» 206, » 22—23: ...жалобы *нашихъ* фабричныхъ работниковъ — (Ч).

» 207, » 3—4: ...при изобрѣтеніи новой машины, *лишающей* вдругъ *пропитанія* тысячь пять или десять народу? (Ч).

» » » » ...лишающей вдругъ *занятія*... (Ч).

» 207, » 18—19: ...никогда не *зам‹ѣчалъ›* я... (Ч).

» 207, » 30—31: ...раболѣпнаго *повѣденія*... (Ч).

» 208, » 3: ...а *поведеніе* наше въ Индіи... (Ч).

» 208, » 5—8: Англи‹чанинъ› мой разгорячился и *забывалъ* предметъ нашего разговора... (Ч).

„Мысли на дорогѣ“ долгое время были извѣстны какъ „возраженія“ на книгу А. Н. Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“ (1790 г.)[2]), пока В. Е.

1) Слово зачеркнуто, и дальше ничего не написано.

2) „Статья, взятая въ цѣломъ, чрезвычайно любопытна“, замѣчаетъ П. В. Анненковъ: „она выражаетъ твердое, установившееся сужденіе Пушкина, и должна принадлежать къ позднѣйшему его развитію“ (*Пушкинъ*. Сочиненія. Изданіе Анненкова, т. VI, стр. 110).

lib.pushkinskijdom.ru

Якушкинъ въ обстоятельномъ изслѣдованіи не доказалъ весьма убѣдительно, что въ статьѣ Пушкина „собственно возраженій очень мало“ и что она представляетъ собою „не разборъ, направленный *противъ* книги“, а „рядъ замѣчаній *по поводу* книги“.

„Какія замѣчанія выставляетъ Пушкинъ въ этой статьѣ противъ книги Радищева? Онъ не скупится на эпитеты, но это все самые общіе отзывы... Пушкинъ, во первыхъ, старается увѣрить, что книга Радищева лишена литературныхъ достоинствъ, скучна и не стоитъ ужъ никакого вниманія. Онъ прочелъ ее случайно, отъ дорожной скуки и пр. Цѣль этихъ увѣреній ясна: скучная, ничего не стоящая книга не можетъ быть опасна. Далѣе, отзывы Пушкина о содержаніи книги были... для него обязательны: разъ онъ говоритъ о книгѣ, дѣйствительно проникнутой любовью къ свободѣ, онъ не можетъ не признать ее дерзкою выше всякой мѣры, исполненною мечтаній и полуистинъ. Говоря о такомъ опасномъ и запретномъ предметѣ, какъ книга Радищева, писатель 30-хъ годовъ ‹прошлаго вѣка› долженъ былъ прежде всего заявить свою благонамѣренность, торжественно отречься отъ пагубныхъ заблужденій преступнаго Радищева.

„Такимъ образомъ, все, что статья Пушкина о Радищевѣ говоритъ въ общихъ выраженіяхъ противъ книги послѣдняго, это все совершенно неизбѣжные пріемы, обязательный способъ выраженія. Сами по себѣ всѣ эти громкія обвиненія ровно ничего не значатъ: они, конечно, могутъ вполнѣ согласоваться со смысломъ статьи, но точно такъ же они могутъ представлять образчикъ „эзопскаго языка“, служить лишь ширмами, прикрывающими истинный, противоположный смыслъ. И у Пушкина это и есть только ширмы: общія, офиціальныя, такъ сказать, обязательныя фразы... служатъ только внѣшнею обо-

lib.pushkinskijdom.ru

лочкой, подъ которою укрывается совсѣмъ иная сущность.

„Пушкинъ, говоря о разныхъ главахъ „Путешествія“ дѣлаетъ изъ нихъ обширныя выписки и затѣмъ, между приведенными общими отзывами, сообщаетъ свои замѣчанія. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ собственно только три раза возражаетъ Радищеву: во-первыхъ, о Ломоносовѣ (тутъ дѣло не касается до общественныхъ убѣжденій Радищева), затѣмъ о цензурѣ (Пушкинъ признаетъ ея необходимость и полезность), наконецъ, объ этикетѣ (Пушкинъ защищаетъ придворный этикетъ). Но даже и въ этихъ главахъ, высказывающихъ въ концѣ концовъ самыя благонамѣренныя мысли, мы находимъ и въ разсужденіяхъ самого Пушкина и особенно въ цитатахъ изъ Радищева многое, далеко не столь благонамѣренное для того времени. Такъ напр⟨имѣръ⟩, главу объ этикетѣ Пушкинъ начинаетъ словами Радищева: „Власть и свободу сочетать должно на всеобщую пользу“, и прибавляетъ отъ себя: „истина неоспоримая“. Въ другихъ главахъ мы не находимъ прямыхъ возраженій на „Путешествіе“. Пушкинъ вездѣ дѣлаетъ длинныя выписки изъ преступной книги, затѣмъ иногда высказывается[1]) pro и contra; иногда, оставляя безъ всякихъ даже замѣчаній выписку изъ Радищева, онъ заговариваетъ *кстати* о другомъ предметѣ; наконецъ, иногда Пушкинъ прямо соглашается съ Радищевымъ.

„Главное содержаніе книги Радищева — крестьянскій вопросъ; этотъ же вопросъ занимаетъ главное мѣсто въ разбираемой статьѣ. Въ этомъ важнѣйшемъ вопросѣ Пушкинъ, съ нѣкоторыми оговорками, принимаетъ вездѣ мнѣнія „преступной книги“, раздѣляетъ ея „дерзкія мечтанія“, оправдываетъ ея „мрачныя картины“. Такъ,

1) *Въ подлинникѣ:* высказываетъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

въ главѣ IV (Черная Грязь, стр. 186)[1]) Пушкинъ, сдѣлавъ выписку изъ „Путешествія“, передающую „изрядной опытъ самовластія дворянскаго надъ крестьянами“, по поводу ея замѣчаетъ: „Радищевъ... горько порицаетъ самовластіе Господъ и потворство *Градодержателей*“[2]) относительно насильныхъ браковъ крестьянъ и затѣмъ самъ приводитъ теперь столь извѣстный примѣръ подобнаго брака „по страсти“. Въ слѣдующей главѣ, выписывая изъ Радищева описаніе рекрутскаго набора и сопряженныхъ съ нимъ злоупотребленій, Пушкинъ, оправдывая наборы необходимостью военной защиты для государства, говоритъ о необходимости помѣщикамъ своею просвѣщенною властью заботливо смягчать неизбѣжное зло и вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ нападки Радищева на торговлю рекрутами. Въ другомъ мѣстѣ (гл‹ава› VIII, ‹стр.› 194)[3]), заимствуя изъ „Путешествія“ разсказъ о продажѣ людей съ публичнаго торга, Пушкинъ обрываетъ выписку, прибавляя отъ себя: „Слѣдуетъ картина ужасная, тѣмъ что она правдоподобна. Не стану теряться вслѣдъ за Радищевымъ въ его надутыхъ, но искреннихъ мечтаніяхъ... съ которыми на сей разъ соглашаюсь поневолѣ...“[4]).

„Въ главѣ“ Вышній Волочокъ (стр. 194)[5]) Пушкинъ приводитъ изъ Радищева разсказъ, „мрачными красками рисующій состояніе Рускаго земледѣльца“, но онъ и не думаетъ его опровергать, не протестуетъ противъ „мрачныхъ красокъ“, а, напротивъ, самъ передаетъ подобный же разсказъ, кончающійся убійствомъ помѣщика. Правда, что въ главѣ „Русская изба“ Пушкинъ назы-

1) Указана страница настоящаго изданія (*Н. К.*).
2) Правописаніе исправлено по автографу Пушкина (*Н. К.*).
3) Ссылка сдѣлана на данное изданіе (*Н. К.*).
4) Сохранены особенности пушкинскаго правописанія (*Н. К.*).
5) Страница указана по настоящему изданію (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

ваетъ описаніе Радищева карикатурой и отмѣчаетъ противорѣчія въ немъ; онъ сравниваетъ положеніе русскихъ крестьянъ съ положеніемъ англійскихъ рабочихъ[1]), находитъ, что русскому крестьянину живется лучше[2]), но „злоупотребленій вездѣ много; уголовныя дѣла вездѣ ужасны“... Оговорка эта даетъ особый смыслъ всему разсужденію. Пушкинъ кончаетъ главу такъ: „судьба крестьянъ улучшается со дня на день по мѣрѣ распространенія просвѣщенія. Благосостояніе крестьянъ тѣсно связано съ благосостояніемъ помѣщиковъ; это очевидно для всякаго. Конечно: должны еще произойти великія перемѣны“... но нужна постепенность и пр.

„Итакъ, Пушкинъ *вообще* согласенъ съ Радищевымъ *по главнѣйшему, крестьянскому вопросу*[3]). Онъ „поневолѣ соглашается съ мечтаніями“ Радищева: слова, очень характерныя для всей статьи.

„Пушкинъ, сочувственно относясь въ своей статьѣ къ идеямъ Радищева[4]), старался прикрыть это сочувствіе часто порицаніями дерзкаго и преступнаго мечтателя. Но, вѣроятно, не надѣясь все-таки, чтобы статья при всей осторожности иносказаній, при всѣхъ благонамѣренныхъ прикрасахъ могла пройти черезъ строгую, безпощадную цензуру или, можетъ быть, въ виду неудачи своихъ стараній объ изданіи газеты, Пушкинъ не окончилъ своей статьи и, кажется, даже не сдѣлалъ попытки провести ее

---

1) Въ черновомъ разговорѣ съ англичаниномъ (стр. 205) Пушкинъ подробнѣе развиваетъ устами англичанина ту же тему.

2) „Возражая Радищеву, Пушкинъ въ пріемахъ своихъ остается вѣренъ литературному преданію, идущему со временъ Болтина. Подобно Болтину, онъ сопоставляетъ явленія русской жизни съ тѣмъ, что происходитъ въ западной Европѣ“ (*М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1899 г., т. I, стр. 646) [*Н. К.*].

3) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

4) Въ области крестьянскаго вопроса (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

черезъ цензуру“ (*В. Е. Якушкинъ*. О Пушкинѣ. М. 1899 г., стр. 30—33)[1]).

— (*Стр. 168, строка 13 — стр. 169, строка 17*). Изображеніе русскихъ дорогъ — одна изъ любимыхъ темъ Пушкина. Въ XXXIV строфѣ седьмой главы „Евгенія Онѣгина“ ярко нарисованы мытарства путешественника, ѣздившаго въ коляскѣ по старой московской дорогѣ.

Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ. Въ избѣ холодной,
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы,
Передъ медлительнымъ огнемъ,
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли[2])

Дорога, въ осеннюю пору, представляла собою ящикъ, наполненный грязью. „Если что̀ можетъ меня утѣшать“, писалъ поэтъ невѣстѣ: „то это — мудрость, съ которою устроены дороги отсюда (отъ Болдина) до Москвы: представьте себѣ, окопъ съ каждой стороны, безъ канавъ, безъ стока для воды; такимъ образомъ, дорога является ящи-

1) Приведенная выдержка изъ статьи В. Е. Якушкина не утратила своего значенія, несмотря на появленіе книжки П. Н. Сакулина „Пушкинъ и Радищевъ“ (М. 1920). См. примѣчанія къ № 79.

2) Ср. стихотвореніе П. А. Вяземскаго „Станція“ (1828 г.):

Дороги наши, садъ для глазъ,
Деревья, съ дерномъ валъ, канавы;
Работы много, много славы,
Да жаль: проѣзда нѣтъ подъ-часъ.

lib.pushkinskijdom.ru

комъ, наполненнымъ грязью; за то пѣшеходы идутъ весьма удобно по совершенно сухимъ тропамъ вдоль оконовъ и смѣются надъ увязшими экипажами“ (Переписка, т. II, стр. 177: письмо отъ 30-го сентября 1830 г. — Ср. т. III, стр. 33).

По мнѣнію В. П. Семенникова, „разсужденіе (Пушкина) о дорогахъ (въ главѣ „Шоссе“) находится въ замѣтномъ соотвѣтствіи съ главой III-ей книги Радищева, называющейся „Тосна“. Она начинается такъ: „Поѣхавши изъ Петербурга я воображалъ себѣ, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали всѣ тѣ, которые ѣздили по ней вслѣдъ государя. Такова она была дѣйствительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дорогѣ, сдѣлавъ ее гладкою въ сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лѣта, и сдѣлала ее непроходимою“ [1]). Этимъ многоточіемъ печатный текстъ „Путешествія“ искусственно обрывается. Въ рукописи, непосредственно послѣ слова „непроходимою“, слѣдовала фраза: „Если бы гг. намѣстники не лицомъ только продавать хотѣли, и для всякаго гражданина, по большой дорогѣ проѣзжающаго, поступали бы съ исправниками земскими по-капральски, какъ то они сами поступаютъ, то дороги наши, въ разсужденіи короткаго времени, въ которое онѣ портятся, были бы наилучшія въ свѣтѣ“ [2]). — Пародированіе Пушкинымъ Радищева, не столь замѣтное при сравненіи „Мыслей на дорогѣ“ съ печатнымъ текстомъ „Путешествія“, выступаетъ нагляднѣе при сопоставленіи съ приведенными строками, находящимися въ рукописномъ его текстѣ. Дѣйствительно: и Радищевъ, и Пушкинъ вспоминаютъ здѣсь о заботахъ начальства относительно дорогъ, но тогда какъ Радищевъ желаетъ,

1) „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. СПб. 1905 г., стр. 8.

2) *В. Семенниковъ.* Новый текстъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ Радищева. Изд. „Былое“, стр. 14—15.

lib.pushkinskijdom.ru

чтобы „гг. намѣстники“ болѣе заботились о дорогахъ, не только передъ проѣздомъ государя, Пушкинъ, пародируя Радищева, высказываетъ мысль, что дороги хотя и хороши, но были бы еще лучше, „если бы губернаторы менѣе о нихъ заботились“ (*В. П. Семенниковъ.* Радищевъ. М. — П., 1923 г., стр. 258).

Впрочемъ, несмотря на правдоподобность высказаннаго В. П. Семенниковымъ предположенія, самый фактъ знакомства Пушкина съ вновь открытымъ рукописнымъ текстомъ „Путешествія“ точно не установленъ.

— (*Стр. 169, строки 23—26*). Слова Пушкина о руководящей роли русскаго правительства въ области народнаго образованія, съ точки зрѣнія П. Н. Сакулина и В. П. Семенникова, должны быть признаны откровеннымъ выраженіемъ его воззрѣній въ тридцатые годы. Семенниковъ усматриваетъ въ этихъ словахъ „элементъ пародіи“. Пушкинъ, подобно Радищеву, отъ мыслей о русскихъ дорогахъ переходитъ къ вопросу о самодержавіи: *переходъ мысли и Пушкина и Радищева одинаковъ*“ [1]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживается и „противоположность ихъ взглядовъ на самодержавіе: въ то время, какъ по мнѣнію Радищева, самодержавіе согрѣваетъ только небольшую (придворную и дворянскую) сферу, а вся страна въ это время умираетъ, по Пушкину — самодержавіе движетъ народъ къ свѣту, а народъ слѣдуетъ за нимъ лѣниво и неохотно.

Мнѣніе Пушкина, въ формѣ замаскированной пародіи противополагаемое взгляду Радищева, пріобрѣтаетъ этимъ особый характеръ убѣжденности“ (*В. П. Семенниковъ.* Радищевъ. М. — П. 1923 г., стр. 258—260. — Ср. *П. Н. Сакулинъ.* Пушкинъ и Радищевъ. М. 1920 г., стр. 56—57).

---

1) Рѣчь идетъ о рукописномъ текстѣ „Путешествія“, опубликованномъ въ журналѣ *Былое.*

lib.pushkinskijdom.ru

„Эта „убѣжденность“ становится, однако, сомнительной, если возстановить полностью опущенный Пушкинымъ текстъ черновика: „Вотъ что и составляетъ силу нашего самодержавія. Не худо было [бы] инымъ Европейскимъ Государствамъ понять эту простую истину — Бурбоны не были бы выгнаны вилами и каменьями и Англійская Аристократія не принуждена была бы уступить радикализму“ (тетрадь № 2384, л. 1 об.). Высказанная въ приведенныхъ строкахъ мысль — не Пушкина, а Бенкендорфа; она была общеизвѣстна и во вторую половину 1830-го года должна была получить широкое распространеніе въ реакціонно настроенномъ дворянскомъ кругу. „Разсуждая о причинахъ (іюльской) революціи“, Бенкендорфъ говорилъ Николаю I, „*что, съ самой смерти Людовика XIV, французская нація, болѣе испорченная, чѣмъ образованная, опередила своихъ королей въ намѣреніяхъ и потребности улучшеній и перемѣнъ; что не слабые Бурбоны шли во главѣ народа, а что самъ онъ влачилъ ихъ за собою, и что Россію наиболѣе ограждаетъ отъ бѣдствій революціи то обстоятельство, что у насъ, со временъ Петра Великаго, всегда впереди націи стояли ея монархи,* но что по этому самому не должно слишкомъ торопиться ея просвѣщеніемъ, чтобы народъ не сталъ по кругу своихъ понятій въ уровень съ монархами и не посягнулъ тогда на ослабленіе ихъ власти“ (*Русская Старина,* 1896 г., т. 88, № 10, стр. 74—75: Изъ записокъ А. Х. Бенкендорфа). Это мнѣніе Бенкендорфа было не безъ умысла повторено Пушкинымъ въ статьѣ, внушавшей ему большія опасенія и обреченной на тщательный просмотръ со стороны Третьяго Отдѣленія.

— (*Стр. 168, строка 9—10*). Начальныя строки главы „Шоссе“ вызвали слѣдующее замѣчаніе П. В. Анненкова: „По фразѣ, заключающейся въ первой главѣ: „я вздумалъ съѣздить въ Петербургъ, *гдѣ не бывалъ болѣе*

lib.pushkinskijdom.ru

пятнадцати лѣтъ“, и по нѣкоторымъ другимъ признакамъ, можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ сообщить ей ‹статьѣ› чисто-литературную форму, безъ всякаго отношенія къ собственной личности. Извѣстно, что въ жизни его не было пятнадцатилѣтняго отсутствія изъ Петербурга“ (*Пушкинъ*. Сочиненія. Изданіе Анненкова. СПб. 1855 г., т. VI, стр. 110).

— (*Стр. 169, строка 32*). Объ „Англійскомъ Клобѣ“ Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы 27-го августа 1833 г.: „Въ клобѣ я не былъ — чуть ли я не изключенъ, ибо позабылъ возобновить свой билетъ. Надобно будетъ заплатить 300 рублей штрафу, а я весь Англійскій клобъ готовъ продать за 200“ (Переписка, т. III, стр. 38).

— (*Стр. 169, строка 33*). Упоминаніе объ арабской сказкѣ не случайно. Пушкинъ былъ прекрасно знакомъ съ французскимъ переводомъ „Тысячи и одной ночи“ (Les mille et une nuits, contes arabes, traduits en français par *Galland*. Paris, 1822—1824), и это нашло отраженіе въ его поэтическомъ творчествѣ (ср. „Сказку о царѣ Салтанѣ“).

— (*Стр. 170, строки 11—13*). Романъ Ричардсона „Кларисса“ (1748 г.), по мнѣнію Пушкина, — весьма неинтересное произведеніе. „Читаю Клариссу“, писалъ поэтъ брату Льву Сергѣевичу въ ноябрѣ 1824 г.: „мочи нѣтъ, какая скучная дура!“ (Переписка, т. I, стр. 149). Тотъ же отзывъ повторенъ въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“ (1829—1833 гг.). Героиня романа Лиза даетъ своей подругѣ „отчетъ о Ричардсонѣ:“ „Надобно жить въ деревнѣ, чтобъ имѣть возможность прочитать хваленую Клариссу. Я, благословясь, начала съ предисловія переводчика и, увидя въ немъ увѣреніе, что хотя первыя шесть частей скучненьки, зато послѣднія шесть въ полной мѣрѣ вознаградятъ терпѣніе читателя, храбро принялась за дѣло. Читаю томъ, другой, третій — скучно,

lib.pushkinskijdom.ru

мочи нѣтъ — наконецъ добилась до шестого. Ну, думаю я — теперь буду награждена за трудъ. Что же? Читаю смерть Клариссы, смерть Ловеласа и конецъ. Я и не замѣтила перехода отъ скучныхъ къ нескучнымъ" (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 134).

— (*Стр. 170, строка 16*). Сергѣй Александровичъ Соболевскій (род. 10-го сентября 1803 г., ум. 6-го октября 1870 г.) — извѣстный библіофилъ и ученый библіографъ (см. Сборникъ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко. СПб. 1913 г., стр. 190—209: статья В. И. Саитова).

— (*Стр. 170, строки 23—32*). Печатный экземпляръ „Путешествія" А. Н. Радищева (СПб. 1790 г.), принадлежавшій Пушкину, хранится въ Государственной Публичной Библіотекѣ. Книга переплетена въ красный сафьянъ, съ золотымъ обрѣзомъ, и на внутренней сторонѣ переплета рукою поэта сдѣлана надпись: „Экземпляръ бывшій въ тайной канцеляріи. Заплаченъ двести рублей. А. Пушкинъ" (Отчетъ Публичной Библіотеки за 1889 г. СПб. 1898 г., стр. 15).

— (*Стр. 171, строка 14*). „Желчью напитанное перо" — выраженіе Г. П. Каменева въ письмѣ къ С. А. Москотильникову отъ 11-го іюня 1802 г.: „Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ и мечталъ перомъ своимъ, въ желчи обмакнутымъ, давать уроки властямъ". — Извѣстно, что Пушкинъ просилъ А. А. Фуксъ собирать свѣдѣнія о Каменевѣ и хотѣлъ написать его біографію (*Вчера и сегодня*. Литературный сборникъ, составленный графомъ В. А. Соллогубомъ. 1845 г. Книга I, стр. 63. — *Е. А. Бобровъ*. Къ біографіи Г. П. Каменева. Варшава, 1905 г., стр. 96). — Ср. замѣчанія Екатерины II на „Путешествіе" Радищева: „желчи нетерпѣніе разлилось повсюду на все установленное" (Архивъ Воронцова. М. 1872 г., кн. 5, стр. 415—416).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 171, строка 16*). „Золотыя маковки Москвы бѣлокаменной“ всегда привлекали вниманіе Пушкина.

. . . . . бѣлокаменной Москвы
Какъ жаръ крестами золотыми
Горятъ старинныя главы
(„Евгеній Онѣгинъ“, глава VII, строфа XXXVI).

— (*Стр. 171, строки 17—22*). „Путешествіе“ Радищева оканчивается слѣдующимъ обращеніемъ автора къ читателю: „Но любезной читатель я съ тобой закалякался . . . Вотъ уже Всесвятское . . .[1]). Если я тебѣ ненаскучилъ, то подожди мѣня у околицы, мы повидаемся на возвратномъ пути. Теперь прости. — Ямщикъ погоняй. Москва!! Москва!!“. Эти слова были поняты Екатериной „въ томъ смыслѣ, что будетъ еще продолженіе книги“, и она „задаетъ черезъ слѣдователя Радищеву вопросъ: „Гдѣ это сочиненіе, начато ли оно и гдѣ находится?“ Пушкинъ условный полунамекъ Радищева также понимаетъ вполнѣ утвердительно“ (*В. П. Семенниковъ*. Радищевъ. М. — П. 1923 г., стр. 277. — Архивъ Воронцова, кн. 5, стр. 422).

— (*Стр. 171, строка 19*). „Горькія полу-истины“ напоминаютъ „полупросвѣщеніе“ въ статьѣ „Александръ Радищевъ“ (настоящій томъ, стр. 263, строка 5) и „полумудрецовъ сего вѣка“ въ замѣчаніяхъ Екатерины II (Архивъ Воронцова, кн. 5, стр. 415—416).

— (*Стр. 171, строка 28*). Fuit Troja, fuimus Trojani — неточная цитата изъ Вергиліевой „Энеиды“, гдѣ есть слѣдующіе стихи:

Fuimus Troes. Fuit Ilium et ingens
Gloria Teucrorum.
(*Vergilius*. Aeneis. Liber II, vv. 325—326).

1) Всесвятское — село близъ Москвы по Ленинградскому шоссе.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 172, строки 8—10*). Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій (род. 7-го апрѣля 1764 г., ум. 4-го декабря 1823 г.) — поэтъ, авторъ шуточныхъ стихотвореній и пѣсенъ, любитель театра.

— (*Стр. 172, строки 10—18*). Жизнь Московскихъ богачей XVIII в. изображена М. И. Пыляевымъ въ книгѣ: „Старая Москва“ (СПб. 1891 г.),

— (*Стр. 172, строки 18—20*). О щеголихахъ см. изслѣдованіе В. Покровскаго: „Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII вѣка“ („*Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ*, 1903 г., книга 3-я).

— (*Стр. 172, строки 23—26*). Г-жа Сталь первая замѣтила, что къ столичнымъ русскимъ женщинамъ непримѣнима пословица „vielles comme les rues“: „On prétend avec raison que l'on ne peut, à Pétersbourg, dire d'une femme qu'elle est vieille comme les rues, tant les rues elles-mêmes sont modernes“ (*M-me de Staël*. Oeuvres complètes. Paris, 1821, t. XV, p. 298: „Dix années d'exil“, chapitre XVI. — См. статью Б. В. Томашевскаго: „Замѣтки о Пушкинѣ“ въ изданіи „Пушкинъ и его современники“, в. XXXVI, стр. 94).

— (*Стр. 172, строка 27 — стр. 173, строка 126*). Пушкинъ „не любилъ“ Москвы и лишь поневолѣ останавливался въ этомъ „пакостномъ“ городѣ, который онъ „ненавидѣлъ“. Упадокъ Москвы въ 1830-хъ годахъ не вызывалъ въ поэтѣ чувства сожалѣнія. „Однако скучна Москва, пуста Москва, бѣдна Москва“, писалъ онъ женѣ осенью 1833 г.: „Даже извозчиковъ мало на ея скучныхъ улицахъ. На Тверскомъ бульварѣ попадаются двѣ-три салопницы, да какой-нибудь студентъ въ очкахъ и въ фуражкѣ, да кн‹язь› Шаликовъ“ (Переписка, т. II, стр. 351; т. III, стр. 38, 58: письма къ женѣ отъ 11-го декабря 1831 г. и отъ 27-го августа и 6-го ноября 1833 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 173, строка 4*). Свиблово и Останкино — села близъ Москвы по Ярославскому шоссе.

— (*Стр. 173, строки 23—25*). Приведенные Пушкинымъ стихи заимствованы изъ третьяго явленія третьяго дѣйствія комедіи „Горе отъ ума“, гдѣ Молчалинъ характеризуетъ вліятельную Татьяну Юрьевну.

— (*Стр. 174, строки 16—18*). Письмо Ломоносова къ И. И. Шувалову объ основаніи Московскаго университета (1854 г.) впервые напечатано въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1825 г., ч. V, № 18, стр. 131—136.

— (*Стр. 174, строки 27—31*). Нелестный отзывъ о петербургскихъ журналахъ данъ Пушкинымъ и въ статьѣ о Боратынскомъ (стр. 134, строки 17—21).

— (*Стр. 174, строка 32 — стр. 175, строка 4*). Благотворное вліяніе нѣмецкой философіи на молодыхъ московскихъ литераторовъ отмѣчено Пушкинымъ въ статьѣ: „Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности какъ иностранной, такъ и отечественной“ (настоящій томъ, стр. 311, строки 6—10).

Между тѣмъ, въ перепискѣ и въ бесѣдахъ съ друзьями и знакомыми у Пушкина рѣзко проявлялось совсѣмъ иное отношеніе къ „нѣмецкой метафизикѣ“. „Ты пѣняешь мнѣ за Моск‹овскій› вѣстникъ — и за нѣмецкую Метафизику“, пишетъ онъ А. А. Дельвигу 2-го марта 1827 г.: „Богъ видитъ какъ я ненавижу и презираю ее; да что дѣлать! собрались ребята теплые, упрямые; попъ свое, а чортъ свое — Я говорю: Господа, охота вамъ изъ пустова въ порожнее переливать — все это хорошо для Нѣмцовъ пресыщенныхъ уже положительными познаніями, но мы.... Моск‹овскій› Вѣстникъ сидитъ въ ямѣ, и спрашиваетъ: веревка вещь какая? (Впрочемъ на этотъ метафизическій вопросъ можно бы и отвѣчать, да NB). А время вещь такая, которую съ никакимъ Вѣстникомъ не стану я терять. Имъ-же хуже если они меня не слу-

lib.pushkinskijdom.ru

шаютъ". — Кромѣ Дельвига, Пушкинъ развивалъ тѣ же идеи и Погодину. Въ дневникѣ послѣдняго подъ 4-мъ марта 1827 г. записано: „Къ Пуш(кину) — декламировалъ противъ филос(офіи), а я не могъ возражать дѣльно, и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости имъ говореннаго" (*Пушкинъ и его современники,* в. XIX—XX, стр. 84. — *Литературные портфели,* I, стр. 80).

— (*Стр. 175, строки 5—10*). Статья „Москва и Петербургъ", представляющая собою первую часть „Петербургскихъ Записокъ" Н. В. Гоголя, была написана въ 1835 г. и напечатана въ шестомъ томѣ *Современника,* послѣ смерти Пушкина (цензурное разрѣшеніе отъ 2-го мая 1837 г.) [*Н. В. Гоголь.* Сочиненія. Изданіе 10-е. М. 1889 г., т. V, стр. 655—656. — *Временникъ Пушкинскаго Дома,* 1914 г., стр. 13, № 42. — *Рѣчь,* 1913 г., № 302: „Великій меланхоликъ", статья Н. О. Лернера].

— (*Стр. 175, строка 14*). Въ эпистолѣ А. П. Сумарокова „О стихотворствѣ" (1748 г.) Ломоносовъ сопоставляется съ Пиндаромъ:

Онъ нашихъ странъ Мальгербъ: онъ Пиндару подобенъ

(ср. стр. 19).

— (*Стр. 175, строки 3—30*). Характеристика Ломоносова, какъ ученаго и поэта, сдѣлана Пушкинымъ еще въ статьяхъ: „О предисловіи Г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова" и „Объ альманахѣ: Сѣверная Лира" (№№ 10, 22). Въ двадцатыхъ годахъ Пушкинъ вмѣнялъ въ заслугу Ломоносову то, что онъ „понялъ истинный источникъ русскаго языка и красоты онаго". „Глубокое знаніе книжнаго славянскаго языка" и умѣнье „счастливо" сочетать его съ „языкомъ простонароднымъ" давали Ломоносову, въ глазахъ Пушкина, несомнѣнное

1) Не Свирлово.

lib.pushkinskijdom.ru

преимущество передъ Державинымъ, этимъ „чудакомъ“, не усвоившимъ элементовъ русской грамоты (Переписка, т. I, стр. 225, 230).

— (*Стр. 176, строки 5—6*). Выраженіе Пушкина: „Онъ ‹Ломоносовъ›. . . самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ“, напоминаетъ слова Гете: „Die ausserordentlichen Männer des sechszehnten und siebzehnten Jahrhunderts waren selbst Akademien, wie Humboldt zu unserer Zeit [*Goethe*. Sämmtliche Werke. Jubiläumsausgabe. Neununddreissigster Band, S. 66: Schriften zur Naturwissenschaft. Erster Theil. Maximen und Reflexionen (Aus den Heften „Zur Naturwissenschaft“)].

— (*Стр. 176, строки 12—15*). По словамъ Пушкина, Карамзинъ былъ лучшимъ русскимъ прозаикомъ. „Первоначальную славу“ Карамзина „составили“ его повѣсти, а затѣмъ онъ одинъ завладѣлъ прозой[1]) (Переписка, т. I, стр. 67; т. II, стр. 42. — Настоящій томъ, № 5, стр. 11).

— (*Стр. 176, строка 16—22*). Отмѣчая въ Ломоносовѣ отсутствіе чувства и воображенія, Пушкинъ лишь повторялъ свои слова 1825 г. и подтверждалъ мнѣніе Радищева, что Ломоносовъ „чуждъ былъ въ стихахъ чувствительности“ (настоящій томъ, стр. 19, строки 11—12, и „Слово о Ломоносовѣ“). Въ отрицательной оцѣнкѣ ломоносовскаго вліянія на словесность Пушкинъ также близко подходилъ къ Радищеву, утверждавшему, что Ломоносовъ „надѣлъ на послѣдователей своихъ узду великаго примѣра“ и „остановилъ Россійское стихосложеніе“ (настоящій томъ, стр. 191, строки 6—31).

— (*Стр. 176, строки 25—28*). Свой взглядъ на А. П. Сумарокова Ломоносовъ высказалъ въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 19-го января 1761 г., гдѣ называетъ

1) Изъ позднѣйшихъ прозаиковъ Пушкинъ отводилъ видное мѣсто князю П. А. Вяземскому, хотя и считалъ его ниже Карамзина (Переписка, т. II, стр. 235).

lib.pushkinskijdom.ru

своего литературнаго врага „человѣкомъ, который ничего другова не говоритъ, какъ только всѣхъ бранитъ, себя хвалитъ, и бѣдное свое риѳмичество выше всего человѣческаго знанія ставитъ“ (*П. С. Билярскій.* Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 486).

— (*Стр. 176, строки 31—33*). Приведенный Пушкинымъ рапортъ Ломоносова объ его ученыхъ трудахъ поданъ не И. И. Шувалову, а президенту Академіи Наукъ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, и напечатанъ впервые въ *Московскомъ Телеграфѣ*, 1827 г., ч. XVIII, № 23, стр. 109—117.

— (*Стр. 182, строка 15*). Шуваловъ — Иванъ Ивановичъ, извѣстный меценатъ (род. въ 1727 г., ум. въ 1797 г.). — Панинъ — графъ Никита Ивановичъ, управляющій Коллегіей иностранныхъ дѣлъ (род. 15-го сентября 1718 г., ум. 31-го марта 1783 г.).

— (*Стр. 182, строки 19—21*). У Г. Р. Державина есть двѣ эпиграммы на А. П. Сумарокова: „Вывѣска“ (1768 г.) и „На сороку въ защищеніе кумушекъ“ (*Г. Р. Державинъ.* Сочиненія. СПб. 1866 г., т. III, стр. 247—250).

— (*Стр. 182, строки 24—25*). Шлецеръ[1]) увѣряетъ, что даже изъ утвержденныхъ Екатериною II „кондицій“, на которыхъ онъ былъ принятъ въ Академію Наукъ ординарнымъ профессоромъ исторіи, впослѣдствіи, по настоянію Ломоносова, исключенъ пунктъ о казенной квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ (*П. С. Билярскій.* Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 733—736. — *П. П. Пекарскій.* Исторія Академіи Наукъ. СПб. 1873 г., т. II, стр. 841).

— (*Стр. 182, строки 25—28*). Знаменитый „Гимнъ бородѣ“, написанный Ломоносовымъ въ 1757 г., сильно

1) Августъ-Людвигъ, извѣстный историкъ (род. въ 1735 г., ум. въ 1809 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

раздражилъ духовенство. Члены Синода: архіепископъ с.-петербургскій Сильвестръ Кулябка и епископъ рязанскій Димитрій Сѣченовъ[1]) составили всеподданнѣйшій докладъ императрицѣ Елисаветѣ, въ которомъ „всенижайше просили“ императрицу „соблазнительныя и ругательныя пасквили истребить и публично сжечь, и впредь то чинить запретить, и означеннаго Ломоносова, для надлежащаго въ томъ увѣщанія и исправленія, въ Синодъ отослать“. Докладъ не былъ утвержденъ Елисаветой, а „Гимнъ“ вызвалъ цѣлую литературу, въ которую дѣлали свои вклады Ломоносовъ, Тредьяковскій, Сумароковъ, Барковъ, и др.“ (*М. В. Ломоносовъ.* Сочиненія. Изданіе Академіи Наукъ. СПб. 1893 г., т. II, стр. 137—140, и примѣчанія, стр. 158—182. — *П. П. Пекарскій.* Исторія Академіи Наукъ. СПб. 1873 г., т. II, стр. 205—206).

— (*Стр. 182, строки 29—30*). Въ письмѣ къ И. И. Шувалову отъ 26-го іюля 1753 г. Ломоносовъ проявилъ трогательную заботливость о вдовѣ и дѣтяхъ академика Рихмана, оставшихся, послѣ смерти послѣдняго, безъ всякихъ средствъ къ существованію (*П. С. Билярскій.* Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 213—215. — Настоящій томъ, стр. 18—19, и примѣчанія, стр. 44).

— (*Стр. 182, строки 31—32*). Елисавета Андреевна Ломоносова (ум. въ 1766 г.) была дочерью члена марбургской городской думы и церковнаго старшины Генриха Цильха.

— (*Стр. 182, строки 32—33*). „Вдова стараго профессора“, считавшая Ломоносова, пустымъ человѣкомъ, — можетъ быть, бабушка однокурсника Пушкина по Лицею Константина Гурьева. Такое предположеніе

---

1) Впослѣдствіи митрополитъ новгородскій (род. въ 1709 г., ум. въ 1767 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

основано на первоначальной редакціи пушкинской фразы: Бабушка Г-а, жена стараго Академика, т. е. жена секретаря академической канцеляріи Михаила Михайловича Гурьева (род. въ 1710 г., ум. въ 1780-хъ гг.).

— (*Стр. 183, строки 4—20*). Съ раннихъ лѣтъ вообще склонный осмѣять Тредьяковскаго („Къ Жуковскому", 1817 г.), Пушкинъ иногда признавалъ необходимымъ брать его подъ свою защиту. Въ посланіи „Къ Батюшкову" (1814 г.) Пушкинъ совѣтуетъ „изнѣженному любимцу Харитъ" „вооружиться" „жаломъ сатиры", „разить" порокъ, „шутя, показывать смѣшное", но предостерегаетъ его отъ нападокъ на Тредьяковскаго.

Но Тредьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ.

По мѣрѣ изученія сочиненій Тредьяковскаго, отношеніе къ нему Пушкина становилось болѣе вдумчивымъ и серьезнымъ.

Въ 1825 г. Тредьяковскій, въ глазахъ Пушкина, — „преострый мужъ, достойный много хвалъ" („Литературное извѣстіе"); въ 1834 г. онъ отмѣченъ какъ исключительное явленіе — онъ „одинъ, понимающій свое дѣло" („О русской литературѣ, съ очеркомъ французской"), и выходки противъ него кажутся Пушкину, по справедливому замѣчанію Л. Н. Майкова, „заповдалымъ общимъ мѣстомъ". „За Василія Тредьяковскаго признаюсь, я готовъ съ вами поспорить", писалъ Пушкинъ И. И. Лажечникову послѣ выхода въ свѣтъ „Ледяного дома" (1835 г.): „Вы оскорбляете человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей" (т. I, стр. 58, и примѣчанія, стр. 68; т. IV, стр. 28; настоящій томъ, стр. 228. — Переписка, т. III, стр. 250.— Ср. Анекдоты, XXIII).

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ — пишетъ современный изслѣдователь — „вырылъ изъ историко-литературной могилы Тредьяковскаго. И въ этомъ отношеніи великій поэтъ шелъ прямо по слѣдамъ Радищева“ (*В. П. Семенниковъ*. Радищевъ. М.-П. 1923 г., стр. 287. — Настоящій томъ, стр. 192, строки 3—9).

— (*Стр. 183, стр. 8*). Фенелоновъ эпосъ — „Les aventures de Télémaque“ архіепископа Камбрейскаго Франсуа де-Солиньяка де-Ламотта Фенелона (род. въ 1651 г., ум. въ 1715 г.).

— (*Стр. 183, строки 15—16*)... Корабль Одиссеевъ

Бѣгомъ волны дѣля изъ очей ушелъ и сокрылся —

36-й и 37-й стихи изъ первой книги „Тилемахіды“ (1766 г.).

— (*Стр. 183, строки 19—20*). Pro captu lectoris habent sua fata libelli — стихъ изъ сочиненія Теренціана Мавра (3-й вѣкъ по Р. Х.) „De litteris, syllabis et metris“ (Grammatici latini. Lipsiae 1874, vol. VI, p. 363).

— (*Стр. 183, строка 24*). Ломоносовъ во многихъ одахъ и письмахъ называлъ И. И. Шувалова[1]) своимъ „Меценатомъ“ и „покровителемъ“. Выраженіе: „мой благодѣтель“ встрѣчается въ примѣненіи къ графу М. И. Воронцову (*М. В. Ломоносовъ*. Сочиненія. Изданіе Академіи Наукъ. СПб. 1893 г., т. II, стр. 103, 127. — *П. С. Билярскій*. Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 171, 215, 644).

— (*Стр. 183, строки 24—26*). Графъ К. Г. Разумовскій воспѣтъ Ломоносовымъ въ идилліи „Полидоръ“ (1750 г.).

— (*Стр. 183, строки 26—27*). „Поздравительное письмо“ Ломоносова на имя графа Григорія Григорьевича

1) Пушкинъ ошибочно считалъ этого вельможу графомъ, смѣшивая его съ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, возведеннымъ въ графское достоинство.

lib.pushkinskijdom.ru

Орлова (род. въ 1734 г., ум. въ 1783 г.) написано 19-го іюля 1764 г. по случаю „благополучнаго возвращенія“ Екатерины II изъ Лифляндіи (*М. В. Ломоносовъ*. Сочиненія. СПб. 1893 г., т. II, стр. 271—275, и примѣчанія, стр. 362—366).

— (*Стр. 183, строки 27—30*). О „высокой милости“ графа Михаила Илларіоновича Воронцова (род. въ 1714 г., ум. въ 1767 г.) упомянуто въ письмѣ Ломоносова къ И. И. Шувалову отъ 15-го августа 1751 г. (*П. С. Билярскій*. Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 154).

— (*Стр. 184, строка 6*). „Предстатель Мусъ“ — не И. И. Шуваловъ, а графъ К. Г. Разумовскій, о которомъ Калліопа говоритъ:

Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ

(*М. В. Ломоносовъ*. Сочиненія. СПб. 1891 г., т. I. стр. 198).

— (*Стр. 184, строки 8—9*). Гордыя слова Ломоносова, сказанныя И. И. Шувалову по поводу примиренія съ Сумароковымъ, очень нравились Пушкину, который приводилъ ихъ и въ письмѣ къ женѣ отъ 8-го іюня 1834 г.: „Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога“ (Переписка, т. III, стр. 125. — *П. С. Билярскій*. Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 г., стр. 487; письмо Ломоносова отъ 19-го января 1761 г.).

— (*Стр. 184, строки 15—28*). Переведенная на французскій языкъ книга Витторіо Альфьери: „Du Prince et des Lettres“ (Paris, 1818)[1]), повидимому, была внимательно прочитана Пушкинымъ, и рѣзкій протестъ гордаго италіанца противъ ложныхъ почестей и предосудительнаго обогащенія, которыми государи соблазняютъ писа-

1) Это сочиненіе находится среди пушкинскихъ книгъ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 138, № 532).

lib.pushkinskijdom.ru

телей, заставилъ нашего поэта всесторонне разсмотрѣть вопросъ о русскомъ „меценатствѣ“.

„Меценатство вышло изъ моды“, пишетъ Пушкинъ князю П. А. Вяземскому въ іюнѣ 1824 г.: „Никто изъ насъ не захочетъ *великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи.* Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ“. — Та же мысль развита и въ письмѣ поэта къ А. А. Бестужеву, относящемся къ концу мая — началу іюня 1825 г.: [Переписка, т. I, стр. 115, 227, 233. — „Египетскія ночи“ (1835 г.), гл. I. — Ср. настоящій томъ, примѣчанія къ № 50, стр. 311—312].

— (*Стр. 184, строки 15—20*). Извѣстный англійскій поэтъ Джоржъ Краббъ (род. въ 1754 г., ум. въ 1832 г.) посвящалъ свои произведенія герцогу Чарльзу Рутленду (Charles duke of Rutland) [род. въ 1754 г., ум. въ 1787 г.], англійскому государственному дѣятелю, вице-королю Ирландіи, любимцу Питта (*R. Huchon.* Un poète réaliste anglais. George Crabbe. Paris, 1906, pp. 174, 226. — *А. В. Дружининъ.* Собраніе сочиненій. СПб. 1865 г., т. IV, стр. 415, 419—423).

— (*Стр. 184, строки 18—20*). Въ статьѣ: „О русской литературѣ, съ очеркомъ французской (1834 г.), ярко характеризовано Пушкинымъ положеніе французскихъ писателей, призванныхъ ко двору и задаренныхъ пенсіями (стр. 224—225).

— (*Стр. 184, строки 21—23*). Г-жа Сталь говоритъ о русскихъ дворянахъ-литераторахъ въ своихъ мемуарахъ: „Quelques gentilshommes russes ont essayé de briller en littérature, et ont fait preuve de talent dans cette carrière; mais les lumières ne sont pas assez répandues pour qu'il y ait un jugement public formé par l'opinion de chacun“ [*Madame de Staël.* Mémoires (Dix années d'exil). Paris, 1875, p. 313].

— (*Стр. 186, строки 13—14*). Отличительныя черты

lib.pushkinskijdom.ru

русской народной лирики отмѣчены въ XXIX строфѣ[1]) „Домика въ Коломнѣ“ (1830 г.):

Фигурно иль буквально: всей семьей,
Отъ ямщика до перваго поэта,
Мы всѣ поемъ уныло. Грустный вой
Пѣснь Русская. Извѣстная примѣта!
Начавъ за здравіе, за упокой
Сведемъ какъ разъ. Печалію согрѣта
Гармонія и нашихъ Музъ, и дѣвъ.
Но нравится ихъ жалобный напѣвъ.

Въ другомъ стихотвореніи „Зимняя дорога“ (1826 г.) выражено впечатлѣніе, вынесенное Пушкинымъ отъ пѣсенъ ямщика:

Что-то слышится родное
Въ долгихъ пѣсняхъ ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска[2]).

Любопытно, что однородныя наблюденія надъ русскими пѣснями были сдѣланы и г-жей Сталь: „Des habitants de l'Ukraïne, vêtus de rouge, vinrent ensuite nous chanter des airs de leur pays, singulièrement agréables, tantôt gais tantôt mélancoliques, tantôt l'un et l'autre tout ensemble“ (*M-me de Staël*. Oeuvres complètes. Paris, 1821, t. XV, p. 321, 270—271: „Dix années d'exil“).

---

1) По изданію 1835 г. — въ XV строфѣ (см. *Пушкинъ*. Повѣсти и поэмы. СПб. 1835 г., часть II, стр. 170—171). — Ср. тетрадь № 2384, л. 16: „Въ общемъ презрѣн‹іи› ко всему старому народному включена и народная поэзія столь живо проявившаяся въ грустныхъ [народныхъ] пѣсняхъ въ сказкахъ и въ лѣтописяхъ.

2) Ср. „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, гл. „Софія“: „Лошади меня мчатъ; извощикъ мой затянулъ пѣсню по обыкновенію заунывную. Кто знаетъ голоса русскихъ народныхъ пѣсенъ, тотъ признается, что есть въ нихъ нѣчто скорбь душевную означающее“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 186, строки 14—17*). Разсказъ о бракѣ „по страсти“ напоминаетъ слова няни Татьяны Лариной:

И полно, Таня! Въ эти лѣта
Мы не слыхали про любовь;
А то бы согнала со свѣта
Меня покойница свекровь.

[„Евгеній Онѣгинъ“, глава III, строфа XVIII (1824 г.)].

А передъ своей свадьбой Филипьевна „горько плакала *со страха*“.

— (*Стр. 188, строки 25—27*). Подъ именемъ *пресса* въ Англіи извѣстенъ довольно жестокій обычай производить вербовку матросовъ. Обыкновенно, когда наборъ волонтеровъ бывалъ недостаточенъ, десять или пятнадцать расторопныхъ малыхъ, вооруженныхъ ножами или дубинками, подъ командой офицера, обходили улицы, посѣщали кабаки, харчевни и насильно уводили людей, способныхъ, на ихъ взглядъ, служить во флотѣ. Затѣмъ, захваченныхъ держали въ заключеніи на кораблѣ до отплытія въ море. Англійскій прессъ былъ введенъ парламентскимъ актомъ въ 1779 г. и существовалъ довольно долго.

— (*Стр. 188, строки 27—30*). Landwehr — первый резервъ, образованный изъ части населенія, которая вооружена для выступленія въ случаѣ надобности.

Система Landwehr'а была усовершенствована въ Пруссіи. Когда, въ 1813 г., король прусскій призвалъ свой народъ къ оружію, онъ приказалъ всему здоровому мужскому населенію до 48 лѣтъ участвовать въ Landwehr'ѣ, а, по достиженіи означеннаго возраста, переходить въ Landsturm.

— (*Стр. 188, строки 30—31*). Конскрипція (loi de la conscription) — законъ, принятый во Франціи 19-го фрук-

lib.pushkinskijdom.ru

тидора VI года (5-го сентября 1798 г.), по предложенію генерала Журдана. Согласно этому закону, въ случаѣ опасности, угрожающей отечеству, всѣ граждане должны были нести военную службу, продолжительность которой не была тогда ограничена какимъ-либо срокомъ.

— (*Стр. 188, строка 32 — стр. 189, строка 2*). „Чудовище склонясь на колыбель дѣтей“ и т. д. — стихи изъ посланія В. А. Жуковскаго: „Императору Александру“ (1814 г.).

— (*Стр. 189, строки 3—5*). Въ восьмомъ пунктѣ указа отъ 7-го сентября 1804 г. „о наборѣ рекрутъ съ 500 душъ по одному человѣку“ изложены, между прочимъ, правила о пресѣченіи членовредительства: „Для пресѣченія въ казенныхъ селеніяхъ подложныхъ увѣчій, въ отбывательство отъ рекрутства, не рѣдко чинимыхъ изъ семействъ, гдѣ при рекрутскомъ наборѣ откроются таковыя подложныя увѣчья, вмѣсто одного брать двухъ рекрутъ, и если по увѣчью оба они неспособны къ службѣ, посылать обоихъ въ крѣпостныя работы, а деревнѣ зачитать за одного рекрута“ [Полное собраніе законовъ изд. 1830 г., т. XXVIII (1804—1805 гг.), стр. 505: 21.441. — Ср. т. XXX (1808—1809 гг.), 23.759, и т. XXXII (1812—1814 гг.), 25.021].

— (*Стр. 189, строка 28*). Очевидная описка Пушкина. Слѣдуетъ читать: „Очередь, которой придерживаются“...

— (*Стр. 190, строка 7*). Простодумъ — дѣйствующее лицо въ комедіи Якова Борисовича Княжнина (род. въ 1742 г., ум. въ 1791 г.) „Хвастунъ“ (1786 г.).

— (*Стр. 190, строки 26—27*). Глава „Клинъ“, гдѣ упоминается имя Гетева Вертера, приложена къ статьѣ Пушкина „Александръ Радищевъ“ (1836 г.) [стр. 266].

— (*Стр. 191, строки 1—2*). Въ тридцатыхъ годахъ Николай Михайловичъ Языковъ (род. 4-го марта 1803 г., ум. 26-го декабря 1846 г.) собиралъ народныя пѣсни

lib.pushkinskijdom.ru

для сборника Петра Васильевича Кирѣевскаго (род. 11-го февраля 1808 г., ум. 25-го октября 1856 г.).

Эти пѣсни интересовали Пушкина, который писалъ Языкову 14-го апрѣля 1836 г.: „Пришлите мнѣ ради Бога стихъ объ Алексѣѣ Бож‹іемъ› человѣкѣ и еще какую-нибудь Легенду — нужно“ (Переписка, т. III, стр. 300).

— (*Стр. 193, строки 3—10*). Мнѣніе Пушкина о стихахъ и прозѣ А. Н. Радищева высказано вторично въ статьѣ „Александръ Радищевъ“ (1836 г.) [стр. 261—262]. Басня „Журавли“ и стихотворенія: „Ос‹ь›мнадцатое столѣтіе“ и „Сафическія строфы“, отмѣченныя поэтомъ, напечатаны въ первой части „Собранія оставшихся сочиненій“ А. Н. Радищева (М. 1807 г.), и въ пушкинскомъ экземплярѣ этого тома піеса „Ос‹ь›мнадцатое столѣтіе“ (стр. 179—180) отчеркнута по полю карандашомъ до стиха: „Мрачные тѣни созади, въ преди же ихъ солнце“ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X стр. 83—84, № 309). Стихи Радищева оказали нѣкоторое вліяніе на юношескія произведенія Пушкина: поэму „Бова“ (1815 г.) и оду „Вольность“ (1817) [т. I, стр. 95—103, и примѣчанія, стр. 97—105; т. II, стр. 41—41, и примѣчанія, стр. 103—115, 489—496. — *В. Е. Якушкинъ.* О Пушкинѣ. М. 1899 г., стр. 26—27].

„Замѣчательныя изученія Тилимахиды“ — „Памятникъ дактило-хореическому витязю“ А. Н. Радищева. Оцѣнка этого сочиненія сдѣлана В. П. Семенниковымъ, который видитъ въ немъ весьма удачную „попытку изученія звуковой образности стиха“ („Радищевъ“. М.—П. 1923 г., стр. 304—310).

— (*Стр. 193, строки 11—16*). Юный Пушкинъ сердился на П. А. Вяземскаго за откровенное признаніе бѣдности русскихъ риѳмъ (1821 г.) и иронически называлъ „плохой прозой“ написанное бѣлыми стихами

lib.pushkinskijdom.ru

произведеніе В. А. Жуковскаго „Тлѣнность“ (1818 г.). Съ теченіемъ времени, однако, онъ измѣнилъ свое мнѣніе „Лѣта клонили къ суровой прозѣ“, „гнали шалунью риѳму“: поэтъ „лѣнивѣе за ней волочился“ и сталъ вышучивать ее въ „Домикѣ въ Коломнѣ“ (1830 г., строфа II) и въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ (1826 г., глава VI, строфы XLIII—XLIV).

«Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость?
Гдѣ, вѣчная къ ней риѳма, младость?»

Эти „вѣчныя риѳмы“ были хорошо извѣстны Пушкину и изъ произведеній французскихъ писателей XVII—XVIII в. Въ сатирѣ „La Rime et la Raison“ (1664 г.) Буало говоритъ объ однообразіи риѳмъ:

Encore si pour rimer, dans sa verve indiscrète,
Ma muse au moins souffrait une froide épithète,
Je ferais comme un autre; et, sans chercher si loin,
J'aurais toujours des mots pour les coudre au besoin.
Si je louais Philis *en miracles féconde*,
Je trouverais bientôt, *à nulle autre seconde;*
Si je voulais vanter un objet *non pareil*,
Je mettrais à l'instant, *plus beau que le soleil;*
Enfin parlant toujours *d'astres* et de *merveilles*,
De *chefs-d'oeuvre des cieux*, de *beautés sans pareilles*,
Avec tous ces bons mots, souvent mis au hasard,
Je pourrais aisément, sans génie et sans art,
Et transposant cent fois et le nom et le verbe,
Dans mes vers recousus mettre en pièces Malherbe.

Вольтеръ также удѣляетъ вниманіе риѳмѣ въ статьѣ „Lieux communs en littérature (Dictionnaire philosophique): „Toutes les situations tragiques sont prévues, tous les sentiments que ces situations amènent sont devinés;

lib.pushkinskijdom.ru

les rimes même sont souvent prononcées par le parterre avant de l'être par l'acteur. Il est difficile d'entendre parler à la fin d'un vers d'une *lettre,* sans voir clairement à quel héros on doit la *remettre.* L'héroine ne peut guère manifester ses *alarmes,* qu'aussitôt on ne s'attende à voir couler les *larmes.* Peut-on voir un vers finir par *César,* et de n'être pas sûr de voir des vaincus traînés après son *char?*".

(*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1879, t. 19, pp. 589—590. — Ср. *Пушкинъ.* Сочиненія, т. II; Примѣчанія, стр. 21—23. — *Л. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 5. — *П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1878 г., т. I, стр. XLII).

— (*Стр. 193, строки 17—18*). Александръ Христофоровичъ Востоковъ (род. 16-го марта 1781 г., ум. 8-го февраля 1864 г.) издалъ въ 1817-мъ году отдѣльною книгою свой трудъ „Опытъ о Русскомъ стихосложеніи", который былъ хорошо извѣстенъ Пушкину (*Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 24, № 79).

— (*Стр. 196, строки 3—28*). Тираннія крѣпостниковъ-помѣщиковъ и тяжкое положеніе крестьянъ всегда волновали Пушкина, и онъ не могъ не согласиться съ „искренними мечтаніями" Радищева, не могъ не признать, что „мрачныя краски", которыми рисовалъ авторъ „Путешествія" „состояніе Рускаго земледѣльца" соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Перечитывая книгу Радищева, Пушкинъ, естественно, вспоминалъ, какъ онъ самъ, еще будучи двадцатилѣтнимъ юношей, изображалъ „дикое барство".

Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой

lib.pushkinskijdom.ru

И трудъ, и собственность, и время земледѣльца[1]);
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.

[г. I, 1-е изданіе, стр. 53—54: „Деревня“ (1819 г.)].

— (*Стр. 196, строка 8*). Сопоставленіе помѣщика-тирана съ Людовикомъ XI встрѣчается у Ивана Никитича Болтина въ его „Примѣчаніяхъ на Исторію Древнія и Нынѣшнія Россіи Г. Леклерка“ (1788 г.)[2]), т. II, стр. 221—222: „Нѣкоторые помѣщики, во удовлетвореніе жадности своей къ корысти, продаютъ охотно рабовъ своихъ въ рекруты, и признаютъ то прибыльнымъ торгомъ, какъ и въ самой вещи есть, еслибъ не сопряжено было сіе дѣйствіе съ жестокостью и безчеловѣчіемъ. Зналъ я одного такова, который, промотавшися, всѣхъ до единаго крестьянъ своихъ продалъ въ рекруты, и такимъ средствомъ долги свои оплатилъ, а деревня осталась за нимъ... Доказательство, что продажа поодиначкѣ прибыльнѣе несравненно продажи оптомъ; но производство ея ужасаетъ воображеніе. Такимъ средствомъ свободиться отъ долговъ подобно тому, къ которому возымѣлъ при-

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

2) Сочиненіе Болтина находится среди пушкинскихъ книгъ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 15, № 48).

lib.pushkinskijdom.ru

бѣжище Лудовикъ XI, чтобъ свободить себя отъ болѣзни угрожавшія ему смертію, употребляя для поправленія испорченной своей крови младенческую парную кровь. Однакожъ ни кровь младенческая Лудовика отъ болѣзни не исцѣлила, ни цѣна крови знакомца моего состоянія не поправила: пожертвовавъ онъ мотовству своему слезами и воплемъ нѣсколькихъ сотъ невинныхъ, промоталъ полученныя за рекрутъ деньги, и по прежнему вошелъ въ неоплатные долги. Какова была смерть Лудовику, такой же должны опасаться и всѣ тѣ, кои подобныхъ безчеловѣчій дѣлать не страшатся" (Ср. настоящій томъ, стр. 189—190).

— (*Стр. 197, строки 8—11*). Пониманіе свободы „въ предѣлахъ закона" создалось подъ вліяніемъ французскихъ философовъ XVIII вѣка. По опредѣленію Монтескье, „la liberté est le droit de faire tout ce que les lois permettent" („De l'Esprit des lois". Livre XI, chapitre III); по словамъ Вольтера, „la liberté consiste à ne dépendre que des lois" („Pensées sur l'Administration publique", 1753). [См. настоящій томъ, № 79, стр. 263, строки 15—21].

— (*Стр. 198, строки 1—8*). Французскій публицистъ Paul-Louis Courier (1773—1825 гг.)[1]) въ одиннадцатомъ письмѣ къ редактору журнала *Censeur européen* (отъ 10-го марта 1820 г.) иронически говоритъ о злѣ, причиненномъ человѣчеству способностью членораздѣльной рѣчи и изобрѣтеніемъ книгопечатанія: „C'est l'imprimerie, qui met le monde à mal. C'est la lettre moulée qui fait qu'on assassine depuis la création; et Caïn lisait les journaux dans le paradis terrestre. Il n'en fait point douter; les ministres le disent; les ministres ne mentent pas, à la tribune surtout. Que maudit soit l'auteur de cette damnable invention, et avec lui, ceux qui en ont perpétué l'usage, ou qui jamais appri-

1) См. *Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 214, № 833.

lib.pushkinskijdom.ru

rent aux hommes à se communiquer leurs pensées. Pour telles gens l'enfer n'a point de chaudières assez bouillantes. Mais remarquez, Monsieur, le progrès croissant de la perversité. Dans l'état de nature célébré par Jean-Jacques avec tant de raison, l'homme, exempt de tout vice et de la corruption des temps où nous vivons, ne parlait point, mais criait, murmurait ou grognait, selon ses affections du moment. Il y avait plaisir alors à gouverner. Point de pamphlets, point de journaux, point de pétitions pour la charte, point de réclamations sur l'impôt. Heureux âge qui dura trop peu!

„Bientôt des philosophes, suscités par Satan pour le renversement d'un si bel ordre de choses, avec certains mouvements de la langue et des lèvres, articulèrent des sons, prononcèrent des syllabes... Si ont eût réprimé dès le commencement ces coupables excès de l'esprit anarchique, et mis au secret le premier qui s'avisa de dire *ba be bi bo bu,* le monde était sauvé; l'autel sur le trône, ou le trône sur l'autel, avec le tabernacle affermis pour jamais; en aucun temps il n'y eût eu de révolutions. Les pensions, les traitements augmenteraient chaque année. La religion, les moeurs... Ah! que tout irait bien!.. Mais fait-on jamais rien à temps? Faute de mesures préventives, il arriva que les hommes parlèrent, et tout aussitôt commencèrent à médire de l'autorité qui ne le trouva pas bon, se prétendit outragée, avilie, fit des lois contre les abus de la parole; la liberté de la parole fut suspendue pour trois mille ans, et en vertu de cette ordonnance, tout esclave qui ouvrait la bouche pour crier sous les coups ou demander du pain, était crucifié, empalé, étranglé au grand contentement de tous les honnêtes gens. Les choses n'allaient point mal ainsi et le gouvernement était considéré“... (*P. L. Courier.* Oeuvres complètes. Bruxelles, 1828, t. I, pp. 393—394.—Ср. настоящій томъ, стр. 403, строки 28—29).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 199, строки 1 — 4*). Неудачное покушеніе Жозефа Фіэски на жизнь Людовика-Филиппа (28-го іюля 1835 г.) отразилось на французской прессѣ. Правительство провело въ палатѣ депутатовъ новые законы о печати, извѣстные подъ именемъ „сентябрьскихъ“ (les lois de septembre). Согласно этимъ законамъ всякія нападки на основной принципъ и форму правленія, установленнаго въ 1830 г., считались посягательствомъ на безопасность государства. Была провозглашена конституціонная неприкосновенность короля, и подвергалось карѣ всякое лицо, позволившее себѣ перенести на короля отвѣтственность за дѣйствія правительства. „Сентябрьскіе“ законы возбудили оживленныя пренія среди депутатовъ и недовольство нѣкоторыхъ литераторовъ и журналистовъ (*Eugène Hatin.* Histoire politique et littéraire de la Presse en France. Paris, 1861, tome VIII, pp. 562—567).

— (*Стр. 200, строки 3—4*). Объ учрежденіи духовной цензуры см. изслѣдованіе А. Котовича: „Духовная цензура въ Россіи“ (1799—1855 гг.). С.-Петербургъ, 1909 г.

— (*Стр. 200, строки 25—29*). Литераторъ В. Н. Олинъ подалъ въ 1823 г. письменную жалобу попечителю С.-Петербурскаго учебнаго округа на цензора Александра Ивановича Красовскаго (род. въ 1776 г., ум. въ 1857 г.) за то, что послѣдній не одобрилъ къ печати стихотворенія „Стансы къ Элизѣ“, переведеннаго изъ Вальтеръ-Скоттовой баллады „Замокъ Литтелькотъ“. Къ своей жалобѣ Олинъ приложилъ стихи, не понравившіеся Красовскому, замѣчанія суроваго цензора и свои возраженія. Возникли пререканія и по поводу выраженія: „небесная улыбка“.

Замѣчанія Цензурнаго Комитета.	*Возраженія В. Н. Олина.*
«Улыбку устъ твоихъ *небесную* ловить». Слишкомъ сильно	Выраженіе, кажется, вообще и весьма употребительное,

lib.pushkinskijdom.ru

сказано; женщина недостойна того, чтобы улыбку ея называть *небесною*.

особенно въ поэзіи. Не говоримъ ли мы: *небесные взоры, небесная улыбка; она мила какъ ангелъ*, и проч.[1]).

Этотъ цензурный эпизодъ нашелъ отраженіе во „Второмъ посланіи къ цензору“ (1824 г.), гдѣ Пушкинъ выражаетъ удивленіе по поводу необычной снисходительности А. С. Бирукова:

Какъ изумилася поэзія сама,
Когда ты разрѣшилъ по милости чудесной
Завѣтныя слова: *божественный, небесный*
И ими назвалась (для риѳмы) красота...

(*Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности.* Москва, 1871 г., выпускъ III, стр. 42—43.—*Пушкинъ.* Сочиненія, т. III, стр. 234).

— (*Стр. 200, строки 29—32*). Баллада В. А. Жуковскаго „Ивановъ вечеръ“ (1822 г.)[2]), переведенная изъ Вальтера Скотта, въ первоначальной редакціи не была одобрена цензурой, какъ произведеніе, въ которомъ читателю трудно отыскать какую-либо „нравственную цѣль“. Въ отзывѣ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета, представленномъ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князю А. Н. Голицыну, между прочимъ говорится: „Удержанное въ русскомъ переводѣ самое названіе: *Ивановъ вечеръ*, можетъ показаться страннымъ по содержанію шотландской баллады, совершенно противоположному тому почтенію, какое сыны господствующей здѣсь греко-россійской церкви обыкли хранить къ дню

1) Въ статьѣ Пушкина слова Олина и замѣчанія Красовскаго переданы не вполнѣ точно.

2) Впослѣдствіи переименована въ „Дунковъ вечеръ“ и, наконецъ, въ „Замокъ Смальгольмъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

сего праздника, и переводчикомъ называемаго великимъ днемъ, между тѣмъ какъ читателямъ предлагается чтеніе о соблазнительныхъ дѣлахъ, которыя они должны воображать себѣ происходившими предъ самымъ симъ праздникомъ и въ самую его ночь. Противоположность между названіемъ баллады и содержаніемъ ея тѣмъ чувствительнѣе для русскаго читателя, что въ Ивановъ день, въ іюнѣ и въ августѣ мѣсяцахъ, обыкновенно бываетъ постъ, по уставу греко-россійской церкви". — Цензурный Комитетъ считалъ, при этихъ условіяхъ, весьма предосудительнымъ изображеніе свиданія „оскорбителя супружеской чести" рыцаря Кольдингама, убитаго смальгольмскимъ барономъ, и молодой жены послѣдняго, „измѣняющей своему мужу въ супружеской вѣрности" (*М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 436—447, 520—523. — *Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности.* Москва, 1871 г., выпускъ III, стр. 35—37).

— (*Стр. 201, строки 1—3*). Московскій профессоръ и цензоръ Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ (род. въ 1778 г., ум. въ 1830 г.), перечитывая сочиненія А. П. Сумарокова, обратилъ вниманіе на приложенную къ трагедіи „Синавъ и Труворъ" рецензію, представляющую собою, по словамъ издателя, „переводъ съ Французскаго языка изъ чужестраннаго журнала мѣсяца Апрѣля 1755 года стран. 14 и слѣд. напечатаннаго въ Парижѣ". Рецензія показалась критику подозрительной, и онъ высказалъ предположеніе, что авторомъ ея является русскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Мерзляковъ остался очень недоволенъ взглядами мнимаго иноземца, дерзнувшаго благодарить Сумарокова за то, что онъ «*толь храбро ополчается противъ неправды и свирѣпости, пороковъ ненавистныхъ, въ которыхъ многіе часто обвиняли самодержавное правленіе, и которымъ Отечество его неоднократно въ жертву приносимо бывало такъ, что прежде сего Министры*

lib.pushkinskijdom.ru

и Владѣтели, неменьше какъ и народъ отъ оной не были исключены»[1]). Слова незнакомца возмутили Мерзлякова. „Несчастный человѣкъ!“ восклицаетъ съ ужасомъ нашъ критикъ: „какъ ты жалко обнаруживаешь свое невѣжество, и какъ очевидно, неискусно изливаешь ядъ свой!.. Вотъ духъ возмутительный писателей XVIII вѣка, проповѣдниковъ свободы! Да, государь мой! нравоученія хороши, если онѣ сообразны съ правилами здраваго разсудка, со всеобщею пользою и религіею; но и тогда не онѣ должны составлять достоинство трагедіи. — Онѣ вообще излишни и дурны даже въ вашемъ Вольтерѣ, не смотря на то, что онъ искуснѣе всѣхъ умѣлъ приводить ихъ на зло чистой нравственности! — *Противъ сихъ пороковъ бывшихъ толь долгое время въ отечествѣ его.* — Гдѣ и когда они были? — Какъ могъ Сумароковъ позволить помѣстить ядъ сей предъ своею трагедіей?“ (*Вѣстникъ Европы*, 1817 г., ч. XCIII, № 12, стр. 268—271; ч. XCIV, № 13, стр. 28—29).

— (*Стр. 201, строки 3—6*). Ода неизвѣстнаго автора „Похвала вину“ найдена нами, при любезномъ содѣйствіи И. А. Бычкова, въ сборникѣ Государственной Публичной Библіотеки F XVII, № 98, лл. 266 об.—269 (Отчетъ за 1904 г., стр. 102). Вотъ начало этого любопытнаго произведенія, относящагося, вероятно, къ началу XIX в.:

Въ дни древніе вино на жертву приносили<,>
Врачебну силу въ немъ и святость только чтили,
Но въ наши времена ему другая честь<,>
Его самимъ себѣ обыкли въ жертву несть.
На что безплодно лить его передъ кумиромъ.
Пусть царствуетъ оно надъ всѣмъ пространнымъ міромъ.
Пусть удовольствіе въ немъ ищетъ человѣкъ<,>

1) *А. П. Сумароковъ.* Полное собраніе всѣхъ сочиненій. М. 1782, ч. X, стр. 194.— См. *Пушкинъ и его современники* в. IX—X, стр. 101, № 375 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Чтобъ скучной сократить хоть тѣмъ немного вѣкъ [1]).
Вино безцѣнный даръ, подпора жизни краткой,
Оно дѣйствительнѣй гораздо водки сладкой.
Не только мы одни, грядущи племена
Ему честь въ будущи припишутъ времена [2]).
Плѣнятся скоро имъ невѣдомы народы
И хмѣлемъ всѣ почти усѣютъ огороды.
Россія! процвѣтай божественнымъ виномъ.
Благополучіе въ тебѣ мы зримъ одномъ.
Всѣ драгоцѣнности, всѣ титлы, пышность, слава [3]),
Передъ тобою прахъ, ты смертнымъ лишь забава!
Съ какою горестью нашъ изнывалъ бы вѣкъ,
Когда бъ не зналъ тебя доселѣ человѣкъ?
. . . . . .

— (*Стр. 202, строки 8—10*). Археологъ и историкъ Федоръ Павловичъ Аделунгъ издалъ въ 1827 г. на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ книгу, подъ заглавіемъ: „Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи. Съ присовокупленіемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ". Этимъ изданіемъ, вызвавшимъ сочувственный отзывъ Н. А. Полевого, пользовался Пушкинъ, заинтересовавшійся приложенными къ книгѣ рисунками (*Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 64, № 235. — *Московскій Телеграфъ,* 1828 г., № 3, стр. 406—413).

— (*Стр. 202, строки 10—11*). Пушкинъ ошибочно относитъ путешествіе Мейерберга къ XVI вѣку. Австрійскій посланникъ былъ въ Россіи въ 1661—1662 гг.

— (*Стр. 202, строки 17—22*). Пушкинъ указываетъ, что голодъ и неурожай, на который жалуется изображен-

---

1) Въ рукописи, вмѣсто точки, поставлена запятая.
2) *Въ рукописи:* Ему въ честь будущи припишутъ времена.
3) Въ рукописи — запятая.

lib.pushkinskijdom.ru

ная Радищевымъ крестьянка, несовмѣстимы съ выпечкой хлѣба въ деревняхъ, не отмѣчая, что этотъ хлѣбъ „состоялъ изъ трехъ четвертей мякины и одной части несѣянной муки“ (*В. П. Семенниковъ*. Радищевъ. М.-П. 1923 г., стр. 273—274).

— (*Стр. 202, строки 23—26*). Въ письмѣ Д. И. Фонвизина къ графу П. И. Панину изъ Ахена отъ 18 (29) сентября 1778 г. есть слѣдующая фраза: „Разсматривая состояніе французской націи, научился я различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ“.

— (*Стр. 202, строки 25, 28—35*). Jean de La Bruyère (род. въ 1845 г., ум. въ 1696 г.) — авторъ знаменитой книги: „Les caractères de Théophraste traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle“ (1688). Цитата, приведенная Пушкинымъ, взята изъ главы „De l'homme“.

— (*Стр. 202, строка 27 — стр. 203, строка 2*). Madame de Sévigné (род. въ 1626 г., ум. въ 1696 г.) въ своихъ „Письмахъ“ разсказываетъ о крестьянахъ, жившихъ въ Бретани, гдѣ въ 1675 г. вспыхнули очень сильныя народныя волненія.

— (*Стр. 203, строки 13—17*). Пушкинъ узналъ о тяжеломъ положеніи англійскихъ рабочихъ изъ первой парламентской рѣчи Байрона, защищавшаго ткачей ноттингемскаго округа, пострадавшихъ въ 1812 г., при переходѣ отъ кустарнаго производства къ машинному, и обвинявшихся въ безпорядкахъ.

— (*Стр. 204, строки 8—13*). По словамъ академика И. Н. Жданова, „нашъ великій поэтъ во всю жизнь былъ убѣжденнымъ приверженцемъ крестьянской свободы, противникомъ крѣпостныхъ отношеній. Въ 1819 году напи-

lib.pushkinskijdom.ru

сано Пушкинымъ извѣстное стихотвореніе „Деревня“, негодующій протестъ противъ проявленій „дикаго барства“.

О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ освобожденный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря? [1]).

„Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и проч.—писалъ Пушкинъ въ 1822 году — совершились, то Владѣльцы душъ, сильные своими правами, всѣми силами затруднили бъ или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія... Одно только страшное потрясеніе могло бы уничтожить въ Россіи закоренѣлое рабство; нынче же политическая наша свобода неразлучна съ освобожденіемъ крестьянъ, желаніе лучшаго соединяетъ всѣ состоянія противу общаго зла, и твердое, мирное единодушіе можетъ скоро поставить насъ на ряду съ просвѣщенными народами Европы“ [2]). Въ 1830 году написано стихотвореніе „Шалость“, напоминающее по содержанію „Деревню“. Къ 1831 году [3]) относится „Отрывокъ изъ романа въ письмахъ“. Въ романѣ есть такая замѣтка о мелкопомѣстныхъ дворянахъ: „Эти господа не служатъ и сами занимаются управленіемъ своихъ деревушекъ, но, признаюсь, дай Богъ имъ промотаться какъ нашему брату! Какая дикость! Для нихъ еще не прошли времена Фонъ-

1) Томъ II, стр. 54, и примѣчанія, стр. 132—136 (*Н. К.*).

2) *Пушкинъ.* Сочиненія. Изданіе Литер. фонда. СПб. 1887 г., т. V, стр. 11. (*Н. К.*).

3) Къ 1829—1830 гг. (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Визина, между ними процвѣтаютъ Простаковы и Скотинины“[1]). Въ 1834 году[2]) написаны „Мысли на дорогѣ“. Несмотря на сдержанность и осторожность автора, несмотря на разныя оговорки и уступки, отрицательное отношеніе къ крѣпостному праву просвѣчиваетъ въ „Мысляхъ“ съ достаточной ясностью. „Судьба крестьянина улучшается со дня на день по мѣрѣ разпространенія просвѣщенія. Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ Рабства—(я говорю только что) благо‹со›стояніе нашихъ крестьянъ, тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ — и это очевидно для всякаго... Конечно: должны еще произойти великія перемѣны; но не должно торопить Времени и безъ того уже довольно дѣятельнаго“[3]). Послѣднее замѣчаніе намекаетъ, конечно, на тѣ предположенія относительно ограниченія крѣпостного права, которыя озабочивали въ это время правительственныя сферы. Пушкинъ зналъ безъ сомнѣнія о рескриптахъ государя (отъ 19-го іюня и 6-го сентября 1826 г.) на имя министра внутреннихъ дѣлъ, рескриптахъ, напоминавшихъ помѣщикамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ крестьянамъ, зналъ также о дѣятельности секретнаго комитета 6-го декабря 1826 года и о запискѣ одного изъ членовъ комитета М. М. Сперанскаго[4]). Въ этой запискѣ сопоставлялось прежнее, до-петровское крѣпостное право съ той его формой, которую оно получило въ позднѣйшее время. Главная черта отличія этихъ двухъ видовъ крѣпостныхъ отношеній такая: по прежнему крѣпостному праву

1) *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIX, стр. 363. *Пушкинъ*. Сочиненія. Изданіе Литер. фонда. СПб. 1887 г., т. IV, стр. 357 (*Н. К.*).

2) Въ 1833—1835 гг. (*Н. К.*).

3) Текстъ провѣренъ по рукописи № 2385 Б, л. 30, а вставка со словъ: „Избави меня Боже“... до: „всякаго“, напечатана по рукописи № 2384, л. 8 об. (*Н. К.*).

4) *М. А. Корфъ*. Жизнь графа Сперанскаго. СПб. 1861 г., т. II, стр. 331 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

„крестьяне суть принадлежность вотчины и отъ нея не могутъ быть отдѣлены ни продажею, ни залогомъ“; по новому праву „крестьяне, равно какъ и земля, на коей они живутъ, принадлежатъ помѣщику; земля составляетъ недвижимое его имущество, а крестьяне суть имущество его движимое (во всѣхъ указахъ крестьяне именно признаны движимымъ имуществомъ). И хотя сіе движимое имущество по ревизіи прписывается къ недвижимому, къ деревнѣ и къ землѣ, но какъ земля безъ крестьянъ, такъ и крестьяне безъ земли могутъ быть проданы, заложены, переселены, во дворъ взяты, и даже въ ссылку по волѣ помѣщика, за проступки ихъ, безъ суда могутъ быть сосланы“. „При сравненіи сихъ двухъ системъ, — замѣчаетъ Сперанскій, — нельзя не признать, что послѣдняя изъ нихъ тягостнѣе и ближе къ неволѣ, нежели первая“. Въ запискѣ (Сперанскаго) указывается рядъ законодательныхъ мѣръ, которыя „обратятъ крѣпостное право на крестьянъ въ прежнее его законное положеніе, т. е. содѣлаютъ ихъ крѣпкими владѣльцу по землѣ, а не по лицу; прекратятъ личную продажу ихъ въ видѣ собственности или движимаго имущества; уничтожатъ то унизительное понятіе, какое внутри и внѣ Россіи имѣютъ о рабствѣ крестьянъ“. Замышлялась своего рода контръ-революція революціи Петра. Такой контръ-революціи Пушкинъ не могъ не сочувствовать какъ первому шагу къ паденію рабства[1]). Но онъ шелъ дальше: онъ хотѣлъ чтобы дворянство не только соединилось съ правительствомъ въ заботахъ о крестьянствѣ, но сумѣло проявить самостоятельный починъ въ дѣлѣ, которое должно быть дорого для всякаго „порядочнаго человѣка“, въ томъ дѣлѣ, съ которымъ поэтъ связывалъ завѣтную мечту о „просвѣщенной свободѣ“ (*И. Н. Ждановъ*. Сочиненія. СПб. 1907 г., т. II, стр. 316—318).

1) Переписка, т. II, стр. 120—121 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 204, строки 13—14*). Н. М. Карамзинъ первый сталъ развивать мысль, что „Утопія (или царство счастія) будетъ всегда мечтою добраго сердца, или можетъ исполниться непримѣтнымъ дѣйствіемъ времени, посредствомъ медленныхъ, но вѣрныхъ, безопасныхъ успѣховъ разума, просвѣщенія, *воспитанія добрыхъ нравовъ*... Всякія же *насильственныя потрясенія* гибельны“ („Письма русскаго путешественника“, т. III, ч. III: Парижъ, апрѣля.... 1790 г.). — Вслѣдъ за Карамзинымъ и Пушкинъ повторилъ эту мысль не только въ „Мысляхъ на дорогѣ“, но и въ VI главѣ „Капитанской дочки“: „Молодой человѣкъ! если записки мои попадутся въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній“.

— (*Стр. 204, строка 17—стр. 205, строка 13*). Въ главѣ „Этикетъ“ сдѣланы замѣчанія на главу „Путешествія“, называющуюся „Выдропускъ“.

— (*Стр. 204, строка 17*). Фраза Пушкина: „Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу“, напоминаетъ начало четвертой строфы оды „Вольность“ (1817 г.):

Лишь тамъ надъ Царскою главой
Народовъ не легло страданье,
Гдѣ крѣпко съ Вольностью Святой
Законовъ мощныхъ сочетанье...

(т. II, примѣчанія, стр. 491).

— (*Стр. 205, строки 16—18*). „Къ тому жъ подушное, боярщина, оброкъ“ и т. д. — стихи изъ басни И. А. Крылова „Крестьянинъ и смерть“ (1808 г.).

---

lib.pushkinskijdom.ru

1834.

68.

[ШАЙЛОКЪ, АНДЖЕЛО И ФАЛЬСТАФЪ ШЕКСПИРА]

(Стр. 208—209).

Эта статья сохранилась въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2377 В, лл. 22—23, и впервые напечатана въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 168—170. Написанная на бумагѣ съ водянымъ знакомъ 1834, она представляетъ собою бѣловой автографъ съ немногими поправками, сдѣланными рукой автора. Первоначальныхъ варіантовъ пять.

Стр. 208, строки 27—28: ...пороки одинъ *отъ* друг*това произтекающіе* составляютъ забавную уродливую цѣпь...

» 209, » 6: ...онъ прикрываетъ свою трусость *хвастовствомъ и* дерзостью...

» 209, » 10—12: Ему нужно крѣпкое испанское вино (the sack) *и* жирный обѣдъ, *а для того ему нужны* деньги...

» 209, » 15—16: ...Природа, казалось, *хотѣла* подражать Шекспиру, повторила *это* геніальное созданіе.

» 209, » 20—21: Фальстафъ умеръ у *почтенныхъ* своихъ пріятельницъ...

„Письма Пушкина о Годуновѣ“ [1]), говоритъ Анненковъ: „достаточно показываютъ его глубокое пониманіе произведеній великаго драматурга, но собственно работы надъ Шекспиромъ теперь не существуетъ. Блестящимъ остаткомъ ея могутъ служить два отрывка: одинъ съ раз-

1) Переписка, т. I, стр. 247—249; т. II, стр. 15—22, 86—89 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

боромъ Фальстафа, напечатаннымъ посмертнымъ изданіемъ въ „Запискахъ Пушкина“, а другой, касающійся драмы Ромео и Юлія и посмертнымъ изданіемъ пропущенный[1]) („Матеріалы“. СПб. 1873 г., стр. 160).

Характеристики шекспирскихъ героевъ[2]) набросаны Пушкинымъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ Августа-Вильгельма Шлегеля, который тонко подмѣтилъ особенности натуры Шейлока и личности Фальстафа. „Shylok“, — по мнѣнію нѣмецкаго критика, — „est un homme instruit, il est même philosophe à sa manière. Il n'y a que la région des sentimens du coeur qu'il n'ait pas découverte. Sa morale est fondée sur l'incrédulité pour tout ce qui est bon et généreux. Après l'avarice, c'est l'esprit de vengeance excité par l'oppression et l'avilissement de ses compatriotes, qui est le principal mobile de ses actions“. Но не столько Шейлокъ, сколько Фальстафъ возбуждаетъ интересъ Шлегеля. „Falstaff est le caractère le plus éminemment comique qu'ait créé l'imagination fertile de Shakespear. Il a introduit ce personnage dans trois de ses pièces, où il l'a présenté sous des aspects toujours nouveaux, et sans jamais en épuiser l'effet. Cette figure est si individuelle et dessinée avec des traits si précis, qu'elle produit bientôt, même sur le lecteur, l'impression d'une ancienne connoissance. Falstaff est le mauvais sujet le plus agréable et le plus amusant qui ait jamais existé. Ce qu'il a de méprisable n'est point déguisé. Il est vieux et il n'en est pas moins sensuel. Il est d'une énorme corpulence, et on le voit sans cesse occupé à pourvoir sa grosse personne de tout ce qui peut la restaurer; toujours endetté et peu scrupuleux sur les moyens de se procurer de l'argent, poltron, babillard, fanfaron et menteur à la fois, aussi prompt à flatter en présence

1) Настоящій томъ, стр. 53—54 (*Н. К.*).

2) О прототипахъ Фальстафа см. *Н. Стороженко.* Опыты изученія Шекспира. М. 1902 г., стр. 193—221 (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

qu'à se moquer des absens, il n'excite cependant jamais la haine. On voit que ses tendres soins pour lui-même sont sans mélange de méchanceté envers les autres. Tout ce qu'il veut, c'est de n'être pas troublé dans ses jouissances matérielles, et il défend son repos avec toutes les armes de son intelligence. Toujours en train et de bonne humeur, toujours prêt à railler les autres et à entendre lui-même la plaisenterie, il se vante avec raison d'avoir un esprit qui en donne à tout le monde, et c'est le meilleur compagnon de plaisir qu'on puisse choisir. Sous un extérieur balourd, il a cependant beaucoup d'adresse, et sait à merveille se retourner à propos lorsque ses railleries commencent à déplaire; il ne confond point les personnes auprès desquelles il doit faire sa cour, avec celles auprès de qui il peut se donner des airs de supériorité familière. Il est si persuadé que le rôle qu'il joue ne peut passer qu'à la faveur du piquant de la gaîté, qu'il n'est jamais sérieux vis-à-vis de lui même, et qu'il se sert d'expressions comiques en parlant de sa philosophie sensuelle, de ses relations avec les autres et de toute sa manière d'être (*A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Paris, 1814, tome III, pp. 26, 108—109).

69.

[О КНИГѢ И. И. ДМИТРІЕВА: ПУТЕШЕСТВІЕ N. N. ВЪ ПАРИЖЪ И ЛОНДОНЪ].

(Стр. 209—210).

Эта статья, извѣстная въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 А, лл. 11, 52, впервые напечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 10—11, а варіанты и дополненія къ тексту сообщены В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 531. Автографъ—

lib.pushkinskijdom.ru

черновикъ, мѣстами съ трудомъ поддающійся чтенію. Изъ первоначальныхъ варіантовъ нами приводятся только главнѣйшіе.

Стр. 209, строки 29—30: Эта книжка *драгоцѣнна для меня во многихъ отношеніяхъ.*

» 210, » 1: . . .*друзьямъ* Автора . . .

» 210, » 2: . . .*драгоцѣнной* памятникъ . . .

» 210, » 3: . . .*легкая* веселая незлобная шутка . . .

» 210, » 5—6: . . .*герой этой маленькой поэмы* отправился въ Парижъ . . .

» 210, » 7: . . .*этой* маленькой поэмы, *образца игривой легкости, и шутки* . . .

» 210, » 7—8: . . .въ *ней* съ удивительной точностью изображенъ . . .

» 210, » 10—11: . . .въ ея лирическихъ *восторгахъ* . . .

» 210, » 11—12: . . .въ *глубокихъ* созданіяхъ драмы . . .

» 210, » 13: . . .въ *шалостяхъ* ума . . .

» » » » . . .въ *шалости,* вдохновенной *ясной минутной* веселостію—

» 210, » 14—16: . . .я бы отдалъ всѣ *подражанія Жу*‹ковскаго› пр‹оизведенія› Бар‹атынскаго› и Яз‹ыкова› за *трогатель*‹ные› стишки . . .

» 210, » 16—17: . . .поэтъ *описываетъ* Героя своего . . .

» 210, » 18: *Огонь* поэзіи какъ *и сила* природы.

» 210, » 20: . . .*благоразумнымъ,* умнымъ . . .

» 210, » 25: *Я желаю* видѣть *его* во всѣхъ *состояніяхъ* . . .

» 210, » 27: . . .и въ восторгѣ, *и въ озлобленіи* въ отдохновеніи чувствъ—*и въ досадѣ* . . .

» 210, » 28—29: . . .въ *мелкой* досадѣ *на журналиста, или* на скучнаго сосѣда . . .

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 210, строки 31—32: ...кромѣ выспренней, или *passionnée*...

Путешествіе N. N.— путешествіе дяди великаго поэта, баснописца В. Л. Пушкина (род. 27-го апрѣля 1770 г., ум. 20-го августа 1830 г.).

Василій Львовичъ съ юныхъ лѣтъ страстно желалъ увидѣть Парижъ, и ему удалось, наконецъ, уже тридцати трехъ лѣтъ отъ роду, осуществить завѣтную мечту. Всѣ дошедшіе до насъ скудныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ обстоятельно изложены В. И. Саитовымъ. „Въ концѣ апрѣля 1803 г. Пушкинъ отправился въ заграничное путешествіе[1]) и въ теченіе 1803—1804 гг. посѣтилъ Германію, Францію, Англію. Во все время своего путешествія онъ велъ переписку съ друзьями[2]), но, къ сожалѣнію изъ этой переписки дошли до насъ только два его письма къ Карамзину, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы 1803 г.[3]). Въ этихъ письмахъ Пушкинъ является просвѣщеннымъ, любознательнымъ путешественникомъ, интересы котораго преимущественно сосредоточивались на литературѣ и театрѣ. Какъ въ Берлинѣ, такъ въ особенности въ Парижѣ Пушкинъ сходился съ различными литературными знаменитостями того времени и усердно посѣщалъ спектакли. Желая познакомить французовъ съ нашею народною поэзіей, Пушкинъ перевелъ на французскій языкъ нѣсколько старинныхъ русскихъ пѣсенъ, которыя тогда же и были напечатаны въ журналѣ графа Сегюра *Archives littéraires*[4]). Въ Парижѣ Пушкинъ познакомился, между прочимъ, съ знаменитымъ Траги-

1) *Московскія Вѣдомости*, 1803, стр. 552.

2) *Дамскій Журналъ*, 1830 г., ч. XXXI, № 37, стр. 168.

3) *В. Л. Пушкинъ.* Сочиненія. СПб. 1895 г., стр. 144—149.— *М. А. Дмитріевъ.* Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 91 (*Н. К.*).

4) Переводы русскихъ пѣсенъ были помѣщены не въ *Archives littéraires*, а въ *Mercure de France* 1803, t. XIII, № 3, pp. 366—368 (ср. *Пушкинъ и его современники*, в. XIX—XX, стр. 253—254, 263—269) (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

комъ Тальмою, у котораго Василій Львовичъ бралъ уроки декламаціи[1]). О пребываніи Пушкина въ Англіи не сохранилось никакихъ извѣстій, кромѣ указаній И. И. Дмитріева и М. Н. Макарова, коротко знавшихъ Василія Львовича" (*В. Л. Пушкинъ.* Сочиненія. СПб. 1895 г., стр. X).

По возвращеніи изъ-за границы, В. Л. Пушкинъ, и своимъ костюмомъ, и своими манерами, напоминалъ чистокровнаго парижанина. „Парижемъ отъ него такъ и вѣяло", разсказываетъ П. А. Вяземскій: „Одѣтъ онъ былъ съ парижской иголочки съ головы до ногъ, прическа à la Titus, углаженная, умащенная древнимъ масломъ, huile antique. Въ простодушномъ самохвальствѣ давалъ онъ дамамъ обнюхивать голову свою" (*П. А. Вяземскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1878 г., т. I, стр. XXIX).

По свидѣтельству М. Н. Макарова „нѣкоторые изъ друзей Пушкина любили, не оскорбляя его, пошутить съ нимъ, и Пушкинъ самъ вытверживалъ наизусть то, что было писано въ такихъ случаяхъ[2]). Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ читывалъ стихи изъ своего Путешествія, писаннаго за три дня до путешествія" (*Дамскій Журналъ,* 1830 г., ч. XXXI, № 38, стр. 185). Эта остроумная шутка И. И. Дмитріева, столь нравившаяся Василію Львовичу, предназначалась для тѣснаго „дружескаго круга", была издана въ пятидесяти экземплярахъ и скоро сдѣлалась библіографическою рѣдкостью[3]). Стихотвореніе — какъ

---

1) Соч. кн. Вяземскаго, т. I, стр. 309. — *Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 2, отд. I, стр. 78—79 (*Н. К.*).

2) М. А. Дмитріевъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ на „чрезвычайное добродушіе" В. Л. Пушкина, который никогда „не сердился за шутки" (Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 г., стр. 91).

3) Книжка Дмитріева написана „не въ то время, когда была напечатана (1807 г.), а гораздо ранѣе, то есть въ началѣ 1803 г.". Это „подтверждается еще и тѣмъ, что Наполеонъ названъ въ стихахъ Бонапартомъ" (*М. Н. Лонгиновъ.* Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 94).

lib.pushkinskijdom.ru

вѣрно замѣтилъ Анненковъ — „особенно поражаетъ соединеніемъ веселости, мѣткости и вмѣстѣ благородства, что очень рѣдко встрѣчаемъ въ печатныхъ произведеніяхъ этого рода“. За три дня до своего отъѣзда за границу, Василій Львовичъ обѣщалъ, на дружескомъ ужинѣ, вѣрно передать свои впечатлѣнія пріятелямъ. И. И. Дмитріевъ возразилъ, что письма его всегда будутъ драгоцѣнны для нихъ, но что содержаніе корреспонденціи почти уже извѣстно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сочинилъ: „Путешествіе“, къ которому приложилъ еще картинку, изображавшую будущаго туриста въ Парижѣ, за урокомъ декламаціи у Тальмы“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 10—11). „Знаменитый трагикъ Тальма, во фракѣ и короткихъ штанахъ, стоя декламируетъ, держа въ поднятой лѣвой рукѣ книгу; передъ нимъ, на кончикѣ креселъ, сидитъ В. Л. Пушкинъ (говорятъ, очень похожій) и, съ восторгомъ поднявъ голову и разставивъ руки, слушаетъ чтеніе Тальмы; В. Л. тоже во фракѣ, но въ сапогахъ (à la Souwarow) и у ногъ его лежитъ шляпа, которую онъ, видно, выронилъ въ порывѣ восхищенія“ (*М. Н. Лонгиновъ*. Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 90. — *Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1911 г., т. V, стр. 288[1]).

— (*Стр. 210, строки 16—17*). Герой поэмы Дмитріева обращается къ друзьямъ съ такими словами:

Друзья! сестрицы! я въ Парижѣ!
Я началъ жить, а не дышать!
Садитесь вы другъ къ другу ближе,
Мой маленькій журналъ читать.

— (*Стр. 210, строка 20*). Квинтъ Горацій Флаккъ (род. 8-го декабря 65 г., ум. 27-го ноября 8 г. до Р. Х.)— римскій поэтъ, съ разностороннимъ и яркимъ дарованіемъ,

1) О поѣздкѣ В. Л. Пушкина за границу см. статью Н. Н. Трубицына въ изданіи *Пушкинъ и его современники*, в. XIX—XX, стр. 239—269.

lib.pushkinskijdom.ru

развивавшій въ своихъ одахъ мотивы эолійской пѣсни (Алкея и Сапфо). — „Прозаическимъ“ писателемъ назвалъ Горація Кюхельбекеръ (*Мнемозина* 1824 г., ч. II, стр. 33; ч. III, стр. 161—162).

— (*Стр. 210, строка 23*). Гай Валерій Катуллъ (род. въ 77 г., ум. въ 47 г. до Р. Х.) — знаменитый римскій лирикъ.

— (*Стр. 210, строки 23—24*). Jean Baptiste-Louis Gresset (род. въ 1709 г., ум. в 1777 г.) — французскій поэтъ, авторъ комико-героической поэмы „Vert-Vert“, гдѣ описываются похожденія попугая въ женскомъ монастырѣ, въ Неверѣ (см. № 87, стр. 325).

— (*Стр. 210, строка 28*). Децимъ Юній Ювеналъ (род. около 47 г. по Р. Х., ум. в ссылкѣ) — римскій сатирикъ, съ негодованіемъ бичевавшій развратъ современнаго ему общества.

70.

[ЗАМѢЧАНІЯ НА ПѢСНЬ О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ].

(Стр. 211—217).

Эта статья находится въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 Г и напечатана впервые въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 478—487. Черновой автографъ содержитъ много поправокъ, внесенныхъ рукою поэта, и нѣкоторые изъ первоначальных варіантовъ заслуживаютъ вниманія.

Стр. 211, строка 1: . . . *открыта* была . . .
» 211, » 2: . . . издана *имъ* . . .
» 211, » 2— 3: . . . Рукопись *изтреблена* въ 1812 году.
» 211, » 3— 4: . . . приложили къ ней переводъ *и объясненія.*
» » » » . . . переводъ *и нѣкоторыя примѣчанія.*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 211, строки 5— 6: *Послѣ того мно‹гія›* мѣста остались темны...

» 211, » 7—11: *Появилось нѣсколько переводовъ. Мнѣ извѣстны труды А. С. Шишкова, и Г. І. Пожарскаго, Грамматина и Вельтмана.* Но *не смотря на то что* въ *трудахъ* такова рода послѣдніе *изыскатели, обыкновенно,* бываютъ *лучшими,* (ибо ошибки и открытія предшественниковъ *облегчаютъ* дорогу послѣдователямъ) первый переводъ, въ[1])которомъ участвовали[2]) *А. Ѳ. Малиновскій, Каменскій и Гр‹афъ› М‹усинъ-›Пушкинъ,* все еще остается *самымъ удовлетворительнымъ.*

» 211, » 12: ...затмевали *смыслъ*...

» 211, » 14—15: ....который мимоходомъ *нѣсколько разъ упомянулъ о Пѣснѣ* въ своей Исторіи...

» » » » ...:.упомянулъ *о древнемъ памятникѣ нашей ‹словесности›*...

» 211, » 20: Вальполь *тотчасъ узналъ* Чат‹*тертона*›...

» 211, » 21—22: Джонсонъ *узналъ* Макферсона — *и въ самое время его славы писалъ ему грубое ‹письмо›.*

» 211, » 22—24: Но *всѣ занимавшіеся русской филологіей* никогда не *усумнились* въ подлинности Пѣсн‹и› о Пол‹ку Иг‹оревѣ›—

» 211, » 24—25: Великій *кр‹итикъ›* Шлецеръ...

1) *Первоначально было:* надъ.

2) *Въ рукописи далѣе слѣдуетъ:* нѣсколько

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 211, строки 25—26: . . . *подозрѣвалъ подлогъ* . . .
» » » » . . . *сомнѣвался въ ея*[1]) *подлинности* . . .
Стр. 211, строка 30 — стр. 212, строка 1: . . . *глубокою* ‹древностію› . . .
» 212, » 17—18: . . . съ примѣсью *Словъ славянск‹ихъ›* . . .

Разсужденіе Пушкина о значеніи „частицы“ *ли*, въ первоначальной редакціи, было нѣсколько иное. Приводимъ текстъ, найденный въ черновой тетради поэта.

Стр. 212, строка 26 — стр. 213, строка 12: Всѣ толкователи поэмы[2]) поняли[3]) сіе мѣсто одинакимъ образомъ: *не прилично ли будетъ etc.;* но[4]) поэтъ говоритъ утвердительно — Неприлич‹но› будетъ и т. ‹д› . . . . а начаться по былин‹амъ› сего времени. Такимъ образомъ смыслъ становится яснымъ
Какой тутъ смыслъ:
Частица *ли* не всегда означаетъ[5]) вопросъ — Въ *Пѣсн‹и› о Полкѣ* встрѣчается[6]) мѣсто коего[7]) смыслъ явно утвердителенъ, несмотря на сію частицу и толкователи[8]) почли[9]) ее за описку. Въ русскихъ пѣсняхъ поминутно встрѣчаемъ *ли* не при-

1) Въ этомъ варіантѣ „Слово“ названо „Пѣснью“.
2) *Первоначально было:* сего стихо‹творенія›.
3) *Первоначально было:* перевели.
4) *Въ рукописи далѣе слѣдуетъ:* смыслъ показываетъ что.
5) *Первоначально было:* знач(итъ).
6) *Въ рукописи далѣе слѣдуетъ:* два три.
7) *Первоначально было:* гдѣ.
8) *Первоначально было:* всѣ толкователи.
9) *Первоначально было:* призн‹али›.

lib.pushkinskijdom.ru

дающее[1]) смысла вопросительнаго. Напримѣръ — Во саду-ли въ огородѣ.

Стр. 212, строки 26—27: Всѣ занимавшіеся *переводомъ* Слова о Полку Игоревѣ *полагали тутъ вопросъ*: и *переводили*...

» 212, » 27: Не прилично-ли будетъ намъ, *братья*...

» 212, » 31—стр. 213, строка 1: ...Частица *ли* не всегда *означаетъ* ‹вопросъ›...

» » » » ...не всегда *есть* ‹вопросъ›...

» 213, » 5— 6: ...въ пѣсняхъ *сохранилась* она *безо всякаго* смысла...

» 213, » 8: Ужъ таланъ-*ли* мой таланъ таковъ —

Во саду-*ли* въ огородѣ etc.

» 213, » 9: Въ другомъ мѣстѣ *Пѣсни* о Плку...

» 213, » 11—12: То-же надлежало бы сдѣлать и *съ первымъ словомъ Слова.*

» » » » ...*съ первою строкою Слова.*

» 213, » 15: *Но* почнемъ-же пѣть...

» 213, » 17: *Тутъ есть безсмыслица*—

» » » » Если же *принять* что, частица ли....

» 213, » 19: ...*пѣть* ‹старымъ слогомъ›...

» 213, » 23—24: ...неизвѣстный творецъ Слова о Плку Игоревѣ, *a bon soin de nous dire*...

» 213, » 32—34: *Ему* непріятно было бы видѣть сочинителя Слова о Пл‹ку› И‹горевѣ› предпочитающаго *новый слогъ* старому.

» 214, » 4: *Трудно* рѣшить упрекаетъ-ли *поэтъ* здѣсь Бояна...

» » » » *Трудно ска‹зать›*...

---

1) *Первоначально было:* не дающее.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 214, строки 5— 6: ...какимъ образомъ *воспѣвали* въ старину—

» 214, » 13: ...Не одинъ изъ *перево<дчиковъ>*...

» 214, » 19—21: ...*т. е. когда Боянъ воспѣваетъ*[1]) *брани*, напу*скаетъ*[2]) 10 соколовъ на стадо лебедей, *сіе*[3]) *значитъ что онъ свои десять перстовъ* возлагалъ на *живыя* струны —

» 214, » 20: ...зна*чатъ на языкъ бояновомъ*...

» 214, » 21: Поэтъ изъясняетъ *пышный, аллегорическій* языкъ...

» 214, » 22—23: ...какъ и *иносказанія* приведен<ы>я...

» 214, » 24: ...*Геснеровой* поэмы...

» 214, » 25: *Примѣчаніе* Ал<ександра> С<еменовича>...

» 215, » 14: *Du choc des opinions jaillit la verité. Всѣ сіи толкованія крайне поучительны.*

» 215, » 18: *Напрягъ*, извѣдалъ, *укрѣпилъ* испробовалъ.

» 215, » 20—21: Метафора заимствованная *отъ лука*, какъ изострилъ (*ниже*) *отъ меча.*

» 215, » 26—27: Лучше — быть убиту нежели полонену; *неже подтверждаетъ*...

» 215, » 29—30: ...въ *Пѣснѣ* о Плку Иг<оревѣ>...

» 216, » 5— 6: *Смыслъ ясенъ, но* слова запутаны. *Видно что* 1-ые *толкователи* перевели...

» 216, » 7— 8: Заступить *значитъ* омрачить...

---

1) *Сверху написано:* пригото<вляется> воспѣть древнія.
2) *Въ рукописи:* говоритъ напускаетъ.
3) *Въ рукописи:* то сіе.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 216, строка 10: Спали Князю въ *мысль* желаніе и *горесть*.

» » » » .....*въ духъ*...

» 216, » 22: ...скромному примѣру *первыхъ*...

» 216, » 28: ....*Троянъ* Императоръ...

» 216, » 29—30: Но и *въ Геогра‹фіи›* тропа Троянова...

» 217, » 4— 6: Не буря etc. (*тутъ*....*переставлена цѣлая строка, перенесенная ниже*). *Чили въспѣти*... Поэтъ опять *подражаетъ* Бояну.

» » » » ...(*тутъ недостаетъ* [1]) *цѣлой строки, перенесенной ниже*)...

» 217, » 6— 7: ...и *потомъ* вопрошаетъ...

» 217, » 17—18: ...въ Иллирійскомъ *и боге‹мскомъ›*...

» 217, » 18: ...половцы *разбѣг‹аются›*...

» 217, » 22: Сіе повтореніе той-же *мысли*...

» 217, » 27: ...кметь, значитъ вообще мужикъ, *поселянинъ*—

Статья Пушкина о „Словѣ о полку Игоревѣ“ представляетъ собою, по словамъ Анненкова, замѣтки, изложенныя въ столь „сжатой и необработанной формѣ“, что „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ“, „не дописаны ссылки на авторовъ и не договорены даже мысли самаго составителя статьи“. Анненковъ первый высказалъ предположеніе, что статья написана поэтомъ „по поводу переложенія Пѣсни, сдѣланнаго ‹А. Ѳ.› Вельтманомъ въ 1833 ‹г.›“ (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1873 г., стр. 467). Это предположеніе вполнѣ подтвердилось.

4-го февраля 1833 г. извѣстный археологъ и романистъ Александръ Ѳомичъ Вельтманъ (род. 8-го іюля 1800 г., ум. 11-го января 1870 г.) обратился къ Пушкину съ письмомъ такого содержанія:

---

1) *Въ рукописи:* недастаетъ.

lib.pushkinskijdom.ru

„Александръ Сергѣевичъ, *пѣти было тебѣ, Велесову внуку, соловію сего времени, пѣсь Игореви, того Олыа внуку, а не мнѣ*; но, досада взяла меня на убогія переводы чуднаго памятника нашей древней словесности, и — я выкинулъ въ свѣтъ, также, можетъ быть, недоношенное дитя. Посылаю на судъ и осужденіе. Я доволенъ по крайней мѣрѣ тѣмъ что въ моемъ переводѣ *сумица* — не маленькій щитъ, *бологъ* не благо, *въкъ* не вѣче и не сѣча; *харалугъ* не харя и лугъ; *токъ* не кровавая ладонь; *Ярославъ* — не Изяславъ; — и нѣтъ въ моемъ переводѣ ни куръ, ни пѣтуховъ, и не запрягаютъ Игоря въ плугъ пахать землю[1]).

„Желалъ бы знать мнѣніе Пушкина, о *Пѣсни ополченію Игоря*, говорятъ всѣ добрые люди, что онъ не просто поэтъ, а поэтъ-умница, и знаетъ, что смыслъ самъ по себѣ, а безсмыслица сама по себѣ; а потому я бы словамъ его повѣрилъ больше чѣмъ своему самолюбію...

„Досадно мнѣ, да и каждому досадно, что Александръ Сергѣевичъ отложилъ издавать журналъ до будущаго года[2]). — Если говорить правду, то переводъ пѣсни Игоря былъ приготовленъ для сего журнала“ (Переписка, т. III, стр. 3).

Экземпляръ книги Вельтмана найденъ въ Пушкинской библіотекѣ. На верхнемъ краю обложки написано: „Александру Сергѣевичу Пушкину Вельтманъ“. На страницахъ книги много помѣтокъ великаго поэта, свидѣтельствующихъ, что онъ тщательно изучалъ переводъ Вельтмана и подготовлялъ матеріалъ для изслѣдованія о „Словѣ“ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 20—21).

---

1) И. А. Шляпкинъ выяснилъ, что „намеки Вельтмана на неудачныхъ переводчиковъ Слова относятся къ разнымъ мѣстамъ изданія Н. Грамматина: „Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII вѣка на Славенскомъ языкѣ прозою и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго Русскаго размѣра. М. 1823 г.“. (*И. А. Шляпкинъ*. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 175).

2) См. *Пушкинъ и его современники*, 1907 г., выпускъ V, стр. 30—74.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ тридцатыхъ годахъ XIX вѣка отношеніе ученыхъ и литераторовъ къ „Слову о полку Игоревѣ“ было двойственное. Одни восхищались его красотами и считали его единственнымъ поэтическимъ и, безусловно, неподдѣльнымъ твореніемъ до-монгольской эпохи. Другіе, наоборотъ, сомнѣвались въ его подлинности и видѣли въ немъ новѣйшую поддѣлку (XVIII в.) или, въ лучшемъ случаѣ, памятникъ позднѣйшаго времени (XV—XVII вв.).

Пушкинъ принадлежалъ къ самымъ ревностнымъ почитателямъ „Слова“, зналъ его „отъ начала до конца наизусть“ и „съ глубокимъ уваженіемъ говорилъ объ его поэтическихъ достоинствахъ“. Онъ „не сочувствовалъ нисколько мнѣніямъ скептиковъ“ и не разъ опровергалъ эти мнѣнія. Опроверженія бывали словесныя и письменныя.

О диспутѣ Пушкина съ Каченовскимъ въ московскомъ университетѣ, въ присутствіи С. С. Уварова, сохранилось воспоминаніе И. А. Гончарова: „Пушкинъ горячо отстаивалъ подлинность древне-русскаго эпоса, а Каченовскій вонзалъ въ него свой безпощадный анатомическій ножъ[1])“. Въ разговорѣ съ А. Н. Майковымъ Гончаровъ, добавилъ, что, по его впечатлѣніямъ, „бой былъ не равенъ“. Очевидно, „Пушкинъ угадывалъ только чутьемъ то, что уже послѣ него подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины „злого паука“ (*С. П. Шевыревъ*. Исторія русской словесности. Изданіе 3-е. М. 1887 г., ч. III, стр. 145. — *Москвитянинъ*, 1843 г., ч. III, № 5, стр. 237. — *И. А. Гон-*

1) Въ концѣ сентября 1832 г. Пушкинъ писалъ женѣ изъ Москвы: „На дняхъ былъ я приглашенъ Уваровымъ въ Университетъ. Тамъ встрѣтился съ Каченовскимъ (съ которымъ, надобно тебѣ сказать, бранились мы, какъ торговки на Вшивомъ рынкѣ). А тутъ разговорились съ нимъ такъ дружески, такъ сладко, что у всѣхъ предстоящихъ потекли слезы умиленія“ (Переписка, т. II, стр. 395).

lib.pushkinskijdom.ru

чаровъ. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1896 г., т. IX, стр. 113—114. — *А. Н. Майковъ*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1893 г., т. II, стр. 504—505).

Впослѣдствіи, читая переложеніе Вельтмана, Пушкинъ пишетъ на листкѣ почтовой бумаги, вложенномъ въ книгу: „*Хочу копье преломити а любо испити*... Г. Сенковскій съ удивл‹еніемъ› видитъ тутъ выраженіе рыцарское — нѣтъ; это значитъ просто неудачу: *Или сломится копье мое, или напьюсь изъ Дону*[1]). Тотъ[2]) же смыслъ какъ и въ пословицѣ Либо панъ[3]) либо пропалъ“ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 21). Это возраженіе направлено противъ Каченовскаго, и Пушкинъ ошибочно упомянулъ о редакторѣ *Библіотеки для Чтенія*. Въ лекціяхъ учителя московскихъ скептиковъ встрѣчается приведенное Пушкинымъ толкованіе словъ князя Игоря: „*Хощу копіе приломити*... *съ вами*. Фраза рыцарская!! Rompre une lance avec и также pour quelqu'un. Смотри Словари. Странная встрѣча!“ (*Ученыя Записки Московскаго Университета*, 1834 г., ч. V, № 3, стр. 457).

Для правильной оцѣнки вельтмановскаго переложенія „Слова“ Пушкинъ перечиталъ другіе переводы: первыхъ издателей (1800 г.), А. С. Шишкова (1805 г.), Я. О. Пожарскаго (1819 г.) и Н. Ѳ. Грамматина (1823 г.). Поэтъ зналъ и историко-филологическія замѣчанія о „Словѣ Н. М. Карамзина (1817 г.) и чешскій переводъ „Слова“, сдѣланный Вячеславомъ Ганкою (1821 г.), и статью М. А. Максимовича: „Пѣснь о полку Игоревѣ“, помѣщенную въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1836—1837 гг. (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 31, № 104; стр. 48, № 177; стр. 116—127, № 430;

---

1) *Далѣе зачеркнуто:* либо завою.

2) *Первоначально было:* Это.

3) *Первоначально было:* погибну.

lib.pushkinskijdom.ru

стр. 127, № 473; стр. 245, № 969). Извѣстно также, что попытка В. А. Жуковскаго переложить „Слово“ на современный русскій языкъ вызвала рядъ поправокъ со стороны Пушкина (*А. И. Незеленовъ*. Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 г., стр. 87—91. — *Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ*, 1882 г., книга II. — *Русская Старина*, 1884 г., ч. XLIV, № 12, стр. 543. — Отчетъ Публичной Библіотеки за 1884 г. СПб. 1887 г. Приложенія, стр. 80, 182—199).

Наконецъ, Пушкинъ задумалъ самъ издать текстъ „Слова о полку Игоревѣ“ со своими объясненіями и, можетъ быть, со своимъ переводомъ. Объ этомъ имѣются свидѣтельства С. П. Шевырева, И. П. Сахарова и И. М. Снегирева. „Слово“ было „любимымъ предметомъ“ разговоровъ поэта въ послѣдній годъ его жизни. Весной 1836 года, пріѣхавъ въ Москву, онъ сообщилъ Шевыреву, что „занимается «Словомъ о полку Игоревѣ», и сказалъ между прочимъ свое объясненіе первыхъ словъ“, при чемъ особенно подчеркивалъ ту мысль, что „авторъ Слова, отказываясь отъ *старыхъ словесъ* и *замышленія Боянова*, предпочитаетъ говорить о полку Игоревомъ по былинамъ своего времени“ (*Москвитянинъ*, 1843 г., ч. III, № 5, стр. 237. — *С. П. Шевыревъ*. Исторія русской словесности. Изданіе 3-е. М. 1887 г., ч. II, стр. 145, 173. — *Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1893 г., стр. 331). Тогда же, при встрѣчѣ со Снегиревымъ, Пушкинъ просилъ прислать ему „замѣчанія на Игореву пѣснь, коею онъ занимается, какъ самороднымъ памятникомъ Русской словесности“ (*Русскій Архивъ*, 1902 г., № 10, стр. 170). По возвращеніи въ Петербургъ, Пушкинъ посѣщалъ Публичную Библіотеку, наводилъ справки о темныхъ мѣстахъ „Слова“, бесѣдовалъ съ П. И. Кеппеномъ о таинственномъ Троянѣ и получилъ отъ него статью, содержащую основныя положенія работы польскаго ученаго Андрея Кухарскаго, пытавшагося

lib.pushkinskijdom.ru

выяснить личность Трояна[1]). Пушкинъ, повидимому, обращался и къ А. Х. Востокову за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній о рукописи „Слова“, и послѣдній составилъ для него особую записку, гдѣ было изложено его мнѣніе[2]). Даже незадолго до дуэли, когда поэту приходилось переживать тяжелую душевную драму, онъ касался своей любимой темы. 24-го января 1837 года Пушкинъ „горячо“ и „дѣльно“ спорилъ по поводу „Слова“ съ тогдашнимъ стихотворцемъ и переводчикомъ Л. А. Якубовичемъ. Присутствовавшій во время спора И. П. Сахаровъ вспоминаетъ въ своихъ „Запискахъ“ о рѣчахъ Пушкина: „Здѣсь я слышалъ его предсмертные замыслы

1) Статья (на нѣмецкомъ языкѣ) была прислана Пушкину 17-го іюля 1836 г. изъ Павловска со слѣдующей припиской: „Свидѣтельствуя отличное свое почтеніе Его Высокоблагородію Александру Сергѣевичу, Кеппенъ имѣетъ честь препроводить при семъ копію съ статьи доставленной къ нему о Троянѣ, — о коей было говорено въ И. Публичной Библіотекѣ“ (Переписка, т. III, стр. 351).

2) Записка Востокова переписана самимъ Пушкинымъ и приложена къ замѣткамъ поэта о „Словѣ“. Вотъ ея текстъ: „Мнѣ сказывалъ знатокъ (покойный) А. И. Ермолаевъ) видѣвшій рукопись, до изтребленія ея въ 1812 г., что почеркъ ея былъ полуставъ XV вѣка. Что косается до нарѣчія ея, будто бы несогласнаго ни со Славянскими, ни съ нашими областными, не сходство сіе косается только до нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ словъ, какъ то харалугъ, стрикусъ, и проч. Вообще же въ ней нарѣчіе то-же самое, какое и въ лѣтописяхъ нашихъ и другихъ древнихъ памятникахъ языка Русскаго, чистое Русское, а не Польское, ниже какое либо другое нарѣчіе.

Окончаніе глаголовъ *шетъ* или *шеть*, вмѣсто *ше* и *хутъ* вмѣсто *ху*, напр(имѣръ) бяшетъ, помняшетъ, *сыпахутъ*, *говоряхутъ* отличается отъ простаго *ше* или *ху* только усиливательною приставкою *т*ъ которая не въ одномъ *Словѣ о Полку Игор(евѣ)*, но и въ другихъ старинныхъ памятникахъ языка встрѣчается. Напр(имѣръ,) въ Лаврентьевскомъ спискѣ временника Нестерова л. 98: „и дарь си отъ Бога прія, да егда въ церкви внидишетъ, и слыша пѣніе, и абіе слезы изпущашетъ“. — Одѣвахте есть вѣроятно описка, вмѣсто *одьвахутъ*. Впрочемъ, въ спискѣ XV вѣка, по которому напечатано *Сл(ово) о Плк(у) И(горевѣ)*, нельзя искать первобытнаго правописанія сей поэмы, сочиненной въ концѣ XII вѣка. Каждый переписчикъ перемѣнялъ правописаніе своего подлинника, частію неумышленно, по привычкѣ; частію-же и съ умысломъ поправить мнимую описку.

Востоковъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

о Словѣ Игорева полка — и только при разборѣ библіотеки Пушкина видѣлъ на лоскуткахъ начатыя замѣтки“ (*Русскій Архивъ*, 1873 г., книга I, стр. 955).

— (*Стр. 211, строки 1—2*). Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (род. 16-го марта 1744 г., ум. 1-го февраля 1817 г.) — историкъ-палеографъ.

— (*Стр. 211, строки 3—4*). Къ числу лицъ, считавшихъ почеркъ рукописи „Слова“ „полу-уставомъ XV вѣка“, принадлежалъ А. И. Ермолаевъ, мнѣніе котораго сообщено А. Х. Востоковымъ.

— (*Стр. 211, строка 4*). Первые издатели „Слова“ — графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, А. Ѳ. Малиновскій и Д. Н. Бантышъ-Каменскій.

— (*Стр. 211, строки 13—15*). Объясненія нѣкоторыхъ мѣстъ „Слова о полку Игоревѣ“ даны Карамзинымъ въ третьемъ томѣ „Исторіи Государства Россійскаго“ (глава VII и примѣчанія: 65, 67, 69—72, 77, 114, 266, 272 и др.). Карамзинъ передалъ содержаніе „Слова“ и изложилъ свое мнѣніе о немъ въ такой формѣ: „*Слово о Полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія мірянином: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ, рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 211, строки 16—17*). Наиболѣе рѣзко отрицали подлинность „Слова о полку Игоревѣ“ два современныхъ Пушкину профессора: М. Т. Каченовскій и О. И. Сенковскій.

Лекціи Каченовскаго о „Словѣ“ не были изданы, за исключеніемъ двухъ страницъ, включенныхъ въ статью его ученика Ивана Бѣликова: „Нѣкоторыя изслѣдованія Слова о полку Игоревѣ“. Каченовскій останавливается на отдѣльныхъ выраженіяхъ, встрѣчающихся въ „Словѣ“, и находитъ ихъ или французскими (*копіе приломити* = *rompre une lance*) или позднѣйшими польскими (*чили*, *оксамиты*), или польскими, напоминающими новѣйшія нѣмецкія выраженія (*свычая* и *обычая*, *handeln und wandeln*), или „украденными изъ Великороссійскаго просторѣчія“ XVIII—XIX вв. (*давеча*). Странными казались Каченовскому слова: „Велесовъ внуче“, „Буй Туръ Всеволодъ“, такъ какъ только по невѣжеству, „въ общемъ со всѣми заблужденіи“, „изобрѣтатель пѣсни Игор‹евой›“ могъ сдѣлать „изъ Св. Власія, покровителя скотовъ“, „небывалаго бога“ *Волоса* (*Велеса*) и считать „*дикаго барана* горъ Кавказскихъ“, тура, за *вола*. „Упоминаемыя въ пѣсни *ногаты*“, съ точки зрѣнія Каченовскаго,—„принадлежность сѣвера, а не юга“; „необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи“ (учашеть, бяшеть) и т. п. (*Ученыя Записки Московскаго Университета*, 1834 г., ч. V, № 3, стр. 457—458).

Сенковскій высказалъ свое сужденіе о Словѣ на страницахъ *Библіотеки для Чтенія*. „Надъ Словомъ о полку Игоря“, говоритъ онъ: „носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ; его фразы словно выкроены по Макферсоновымъ; его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшей польской поэзіи, особенно слово *вѣщій*, въ смыслѣ

lib.pushkinskijdom.ru

„поэтическій“, весьма поздно созданное для выраженія Латинскаго vates въ переводахъ Горація и Виргилія; *быстрая* Каяла, — *серебряныя* сѣдины, — Сула текущая *серебряными струями*, — *храбрая мысль*, *носящая умъ* на дѣло, — *жемчужная* душа въ *храбромъ* тѣлѣ, — *кровавыя его* раны въ *жестокомъ* тѣлѣ, — *кровавыя* зари, — налаганіе *вѣщихъ* перстовъ на *живыя* струны, — прилетаніе *мыслію* издалеча, — *золотыя* слова, *смѣшенныя* слезами, и цѣлыя дюжины этого рода понятій, совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, совершенно противны духу ихъ краснорѣчія, и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка Европейцевъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій *уже, тутъ*, изысканное сочетаніе междометья *о*! съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и т. д. напоминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана, а частое употребленіе мѣстоименія *свой*, столь рѣдкаго въ старинныхъ Славянскихъ писаніяхъ, показываетъ въ сочинителѣ человѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, — напримѣръ, *кричатъ телеги полунощныя*; тутъ и глаголъ и прилагательное не старѣе насъ лѣтами... Не должно останавливаться тѣмъ, что уже много глубокомысленныхъ разсужденій написано о Словѣ о полку Игоря. Оссіанъ былъ переведенъ на всѣ языки, внесенъ во всѣ Піитики, принятъ даже въ Исторію, когда Малькольмъ Ленгъ разочаровалъ его обожателей своею безпощадною любовію къ истинѣ. Самое открытіе этого Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіаномъ, и, что еще важнѣе, совершенное отсутствіе всякихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣніе, если бъ даже не находилось другихъ слѣдовъ подлога въ самомъ произведеніи, впрочемъ довольно искусно поддѣланномъ“ (*Библіотека для Чтенія*, 1834 г., т. IV, отд. V, стр. 5—7).

Третьимъ виднымъ противникомъ „Слова“, хотя и болѣе умѣреннымъ, чѣмъ два первые, былъ Ив. Ив. Да-

lib.pushkinskijdom.ru

выдовъ. Онъ склонялся къ мысли, что „поэма писана на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ“. „Для кого же, спрашивается, и кто могъ говорить всѣми нарѣчіями?“ пишетъ онъ. „По нашему мнѣнію, сочиненіе, написанное на неправильномъ смѣшеніи разныхъ нарѣчій, притомъ изъ разныхъ временъ, даетъ право сомнѣваться въ его достовѣрности. Если же къ этому присоединяются понятія, не принадлежащія тому вѣку, къ которому относятъ сочиненіе; то сомнѣніе по справедливости увеличивается. Таковы въ нашей поэмѣ *драгія оксамиты*....

„На какомъ же языкѣ писана пѣснь объ Игорѣ, и къ какому времени она относится? На это столько же трудно отвѣчать, какъ и на вопросъ: какой языкъ составился бы, если бы кто либо изъ Поэтовъ нашихъ сталъ говорить различными языками Славянскаго племени и различными нарѣчіями Великороссійскаго языка. Довольно сихъ немногихъ указаній на сомнительную древность нашей поэмы. Вмѣсто переводовъ и преложеній, будемъ ожидать филологическаго оной разбора, не смотря на то, что въ ея подлинности не сомнѣвался и знаменитый Шлецеръ“ (*Ученыя Записки Московскаго Университета*, 1834 г., ч. III, № 8, стр. 301—302).

Скептическое отношеніе къ „Слову“ проявилось и въ работахъ юныхъ питомцевъ московскаго университета, шедшихъ по дорогѣ, проложенной ихъ руководителями. Примѣромъ можетъ служить вышеупомянутая статья Ивана Бѣликова. Этотъ начинающій историкъ, подобно прочимъ скептикамъ, отмѣчаетъ отсутствіе другихъ рукописей „Слова“ и „мертвое молчаніе о немъ во всѣхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ“ и затѣмъ сосредоточиваетъ вниманіе на языкѣ „Слова“. Бѣликовъ находитъ сравненіе половцевъ съ леопардами „несообразнымъ съ мѣстностью поэмы“; по его глубокому убѣжденію, въ русскомъ языкѣ XII вѣка, невозможно присутствіе

lib.pushkinskijdom.ru

словъ: *оксамиты*, *бальванъ*, *салтанъ*. „Да и реченія: *сабля*, *телѣга*, *кровать тесова*, *дорога*, *нынѣшній*, *давеча*, отзываются чѣмъ-то новымъ, мягкимъ, близкимъ болѣе къ нашему языку, нежели къ тяжеловѣсному языку XII вѣка". Въ „Словѣ" есть польскіе обороты (*на ниче ся годины обратиша*, na nic się obrócić), слова татарскія (харалугъ) и т. п. „Къ какой ‹же› странѣ Руси принадлежалъ Авторъ и для какой провинціи писалъ онъ такою смѣсью изъ многихъ нарѣчій и языковъ? Это величайшая загадка для критика слова" (*Ученыя Записки Московскаго университета*, 1834 г., ч. V, № 2, стр. 295—308; № 3, стр. 449—460).

Статьи скептиковъ „возбудили жаркія возраженія". Горячими защитниками „Слова" выступили С. В. Руссовъ и П. Г. Бутковъ. Первый издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „О подлинности Древняго Русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ, Игоря Святославля, сына Ольгова" (СПб., 1834 г.); второй опровергалъ доводы скептиковъ въ изслѣдованіи „О войнѣ В. К. Святополка съ Половецкимъ Княземъ Тугорканомъ въ 1096 году".

Возражая Сенковскому, Руссовъ заявилъ, что „у Оссіяна и автора ‹Слова› о полку Игоревомъ совершенно нѣтъ ничего общаго", что „Слово" „писано тѣмъ языкомъ, которымъ въ XII-мъ вѣкѣ говорили люди грамотные, и который былъ тогда и книжный и вмѣстѣ разговорный", и что „понятія", яко бы заимствованныя авторомъ „Слова" у „новыхъ Европейскихъ поэтовъ", на самомъ дѣлѣ „уже находились въ твореніяхъ Византійскихъ писателей и паче въ духовныхъ пѣснопѣніяхъ, съ X-го вѣка Россіянами ежедневно повторяемыхъ". Польскія выраженія, о которыхъ говоритъ Сенковскій, сами по себѣ ничего не доказываютъ, такъ какъ, напримѣръ, въ вопросахъ Кирика къ новгородскому епископу Нифонту (ум. въ 1156 г.) попадается польское слово

lib.pushkinskijdom.ru

„малжена“, а слова „вѣщій“ и „свой“, вызывавшія подозрѣніе редактора *Библіотеки для Чтенія*, встрѣчаются въ лѣтописяхъ (*Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, томъ I, примѣчаніе 315; томъ II, примѣчаніе 380 и томъ III, примѣчаніе 176). Фраза „кричатъ телѣги“ — такой же галлицизмъ, какъ обороты: „солнышко играетъ“, „старая обувь разѣваетъ ротъ“, „рѣки ломаются“. Вообще, „Слово“ — подлинное произведеніе, извѣстное нашимъ книжникамъ и цитируемое въ старинныхъ памятникахъ[1]) (*С. В. Руссовъ*. О подлинности Древняго Русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о Полку Игоревѣ. СПб. 1834 г., стр. 9—14, 17 и др.).

Единомышленникъ Руссова, Бутковъ доказывалъ несправедливость скептическихъ сужденій Ивана Бѣликова, часто повторявшаго вычитанное въ неизданныхъ лекціяхъ Каченовскаго. Бутковъ отзывается о Бѣликовѣ пренебрежительно, какъ о человѣкѣ мало освѣдомленномъ: „Кстати скажемъ, что сему изслѣдователю, вѣроятно, не случалось читать выписокъ изъ лѣтописей нашихъ подъ 1147, 1159 и 1164 годами (в Ист‹оріи› Гос‹ударства› Рос‹сійскаго, т.› II, примѣч‹анія› 300, 393, 414); нашедши тамъ, что *Пардусами* и *аксамитами* Князья наши дарили тогда другъ друга, онъ разрѣшилъ бы вопросъ свой: откуда пѣвецъ Игоревъ могъ знать въ XII вѣкѣ Пардусовъ и аксамиты? Кажется, изслѣдователь не справлялся также ни съ Поученіемъ Владиміра Мономаха (45), гдѣ звѣрь *Туръ* представился бы ему не въ видѣ *Кавказскаго дикаго барана*, ни

1) Ср. *Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, томъ IV, примѣчаніе 215: „Въ концѣ одного харатейнаго Апостола (въ Синод‹альной› библіот‹екѣ› подъ № 19) подписано слѣдующее: «Сіи же Апостолъ книгы вда Св. Пантелеймону Изосимъ Игуменъ сего же монастыря. Сего же лѣта бысть бой на Русьской земли Михаилу съ Юрьемъ о Княженье Новгородьское. При сихъ Князехъ *съяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ Князехъ, которыи въци сократишася человѣкомъ*». Такія же точно выраженія находимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ“.

lib.pushkinskijdom.ru

съ книгою Странскаго о Боеміи (стр. 265)[1]), въ коей увидѣлъ бы, что Велесъ или нашъ Волосъ былъ языческій богъ и у Боемцевъ" и т. д. (*Сынъ Отечества,* 1834 г., т. XLVI, № 52, стр. 621).

Статьи защитниковъ „Слова" не были оставлены безъ вниманія скептиками. Руссову отвѣчалъ вмѣсто Сенковскаго С. М. Строевъ (Скромненко), утверждавшій, что отсутствіе сходства между „Словомъ" и сборникомъ пѣсенъ Оссіана можетъ быть доказано только детальнымъ сличеніемъ обоихъ произведеній, а не голословнымъ заявленіемъ, какого либо историка (*Сѣверная Пчела,* 1834 г., № 294, стр. 1270).

— (*Стр. 211, строки 20—21*). Томасъ Чаттертонъ (род. въ 1752 г., ум. в 1770 г.), сынъ церковнаго служителя бристольской церкви, посвящалъ всѣ досуги изученію англійской средневѣковой поэзіи и, увлеченный пѣснями Оссіана, издалъ свои баллады и поэмы, писанныя въ старинномъ стилѣ и на древнемъ языкѣ, выдавая ихъ за произведенія монаха XV вѣка (Rowley). Стихи Чаттертона имѣли успѣхъ, но поддѣлка была разоблачена извѣстными Горасомъ Вальполемъ (род. въ 1716 г., ум. въ 1797 г.), авторомъ романа „The castle of Otranto" (1764 г.). Мечты юнаго Чаттертона о блестящемъ будущемъ были разбиты, онъ впалъ въ нищету и отравился, быть можетъ, съ голоду, восемнадцати лѣтъ от роду (*John Dix.* The life of Thomas Chatterton including his unpublished poems and correspondence. London. 1837).

— (*Стр. 211, строки 21—22*). Выдающійся англійскій критикъ Самюэль Джонсонъ (род. 28-го сентября 1709 г., ум. 15-го декабря 1784 г.) заподозрѣлъ подлинность знаменитыхъ пѣсенъ Оссіана, изданныхъ шотландскимъ уче-

1) Павелъ Странскій (род. въ 1583 г., ум. въ 1657 г.) — чешскій писатель, авторъ сочиненія на латинскомъ языкѣ: „Respublica Bojema" (Лейденъ, 1634 г.; Амстердамъ, 1763 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ Макферсономъ (Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated from the gaelic or erse language. Edinburgh, 1760). Джонсонъ, безъ колебаній, назвалъ обманомъ заявленіе Макферсона, что пѣсни переведены съ эрзійскаго языка. Этотъ языкъ, писалъ Джонсонъ, „былъ всегда только изустнымъ и никогда не былъ письменнымъ... На эрзійскомъ языкѣ нѣтъ въ мірѣ ни одной столѣтней рукописи... Барды не умѣли читать; если бы умѣли, то, вѣроятно, могли бы и писать. Но бардъ былъ варваромъ среди варваровъ, и, ничего не зная самъ, жилъ съ другими, которые знали не больше. Если существуетъ рукопись, съ которой сдѣланъ переводъ, то въ какомъ вѣкѣ она написана и гдѣ она находится? Если пѣсни записаны со словъ декламаторовъ, то это могутъ быть только отдѣльныя части и разрозненные отрывки; цѣлое же слишкомъ длинно, чтобы его можно было запомнить". „Издатель или авторъ", добавлялъ суровый критикъ: „не могъ показать оригинала, который не могъ быть показанъ и кѣмъ-либо другимъ. Мстить разумной недовѣрчивости отказомъ въ доказательствахъ есть степень наглости, которой еще не зналъ міръ, и дерзкое упорство есть послѣднее убѣжище для виновного".

Раздраженный Макферсонъ послалъ Джонсону грозное письмо и получилъ отъ него весьма грубый отвѣтъ, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ въ первоначальной редакціи комментируемой нами фразы. „Я получилъ ваше глупое и безстыдное письмо", отвѣчалъ Джонсонъ. „Что касается угрожающаго мнѣ насилія, то я чувствую себя достаточно сильнымъ, чтобы отразить его, а чего я не смогу самъ, должны сдѣлать за меня законы, такъ какъ угрозы дерзкаго буяна не воспрепятствуютъ мнѣ назвать обманомъ то, что̀ я таковымъ считаю. Отъ чего я долженъ отречься? Я назвалъ ваши дѣйствія плутовствомъ, и называю ихъ такъ еще разъ; въ защиту своего мнѣнія я привелъ до-

lib.pushkinskijdom.ru

воды, которые требуютъ опроверженія съ вашей стороны. Ваши способности, если судить по вашему Гомеру[1]), совсѣмъ не страшны, и то, что я слышу о вашей порядочности, побуждаетъ меня скорѣе вѣрить вашимъ доказательствамъ, чѣмъ вашимъ словамъ" (*Samuel Johnson.* The works. London, 1820, vol. I, pp. 78—79.—*Talvj.* Die Unächtheit der Lieder Ossian's und des Macpherson'schen Ossian's insbesondere. Leipzig, 1840, SS. 17—19. *А. В. Дружининъ.* Собраніе сочиненій. СПб. 1865 г., т. IV, стр. 156.—Ср. *Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 259, № 1032).

— (*Стр. 211, строка 22*). Ермолаевъ — Александръ Ивановичъ (род. в 1780 г., ум. въ 1828 г.), художникъ и археологъ.

— (*Стр. 211, строка 23*). Доленга-Ходаковскій — Зоріанъ Яковлевичъ (род. въ 1784 г., ум. въ 1825 г.), археологъ и этнографъ.

— (*Стр. 211, строки 24—28*). Благопріятный отзывъ Шлецера о „Словѣ" помѣщенъ въ *Геттингенскихъ Вѣдомостяхъ* 1801 г.: „Immer ist es eine ehrwürdige Russiche Antiquität, woran die alte Sprache nicht zweifeln lässt. Um so mehr ist zu wünschen, dass es einem Kenner gefallen möchte, diese Seltenheit einer kritischen Bearbeitung zu würdigen, wodurch ihr wirkliches Alter bewiesen, die Neurussische Übersetzung gerechtfertigt, und vermittelst einer hinzugefügten treuen Übersetzung in einer bekannteren Sprache, das Publicum in den Stand gesetzt würde, zu entscheiden, ob wirklich Ossianischer Geist in dem Slovo wehe (wie der Herausgeber aufs neue versichert)" [*Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen*, 1801, Band II, S. 2028].

— (*Стр. 212, строки 3—5*). Плохое знаніе русскаго языка, обнаруженное Державинымъ, отмѣчено и въ перепискѣ Пушкина. См. статью № 6 и примѣчанія къ ней.

---

1) Макферсоновъ переводъ Гомера былъ неудаченъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 212, строки 1—21*). Отвергая возможность поддѣлки „Слова о полку Игоревѣ“, Пушкинъ возражалъ О. И. Сенковскому.

— (*Стр. 212, строки 12—13*). Мысль, что „Слово“ написано „на соединеніи *всѣхъ* нарѣчій Славянскихъ“, высказана А. Ѳ. Вельтманомъ и повторена И. И. Давыдовымъ (*А. Ѳ. Вельтманъ*. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго. М. 1833 г., стр. III. — *Ученыя Записки Московскаго Университета*, 1834 г., ч. III, № 8, стр. 301).

— (*Стр. 213, строки 5—8*). Въ сочиненіи В. К. Тредьяковскаго: „О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ“ (1755 г.), высказана мысль, что „народный составъ Стіховъ есть подлинный списокъ съ Богослужительскаго“, какъ это „доказываетъ Греческій и Римскій народъ“, и „могутъ доказать всѣ прочіи, у коихъ Стіхи въ употребленіи“. „Сіе и собственнымъ нашимъ примѣромъ утверждается“, поясняетъ Тредьяковскій: „ибо съ двѣсти лѣтъ, безъ мала, назадъ пѣвали у насъ въ Церкви на всенощныхъ бдѣніяхъ псаломъ 130 такъ, что по окончаніи рѣчи, когда напѣвъ требовалъ гага́канія до начатія другія рѣчи, вмѣсто гага́канія онаго употребляемы были незнаменательныя слова́, а именно сіи: ай, ненай, ани, ну, унани. Равно и простый народъ въ нѣкоторыхъ своихъ пѣсняхъ, и въ подобномъ случаѣ, такія жъ употреблялъ незначащія ничего слова́: здунинай, найна, здуни. Подлаго народа употребленіе сіе и нынѣ — еще слышать всякому можно; но церковное оное старинное обыкновеніе, видимо токмо и доднесь въ Псалтири, печатанной въ Вильнѣ 1576 года, а хранящейся в Императорской Академической Бібліотекѣ“ (*В. К. Тредьяковскій*. Сочиненія. СПб. 1849 г., т. I, стр. 759).

— (*Стр. 213, строки 31—34*). А. С. Шишковъ пере-

lib.pushkinskijdom.ru

велъ начальныя строки „Слова“ слѣдующимъ образомъ: „Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова!“ (*А. С. Шишковъ.* Собраніе сочиненій и переводовъ. СПб. 1826 г., ч. VII, стр. 1).

— (*Стр. 214, строки 6—11*). Исправляя переводъ В. А. Жуковскаго, Пушкинъ передалъ выраженіе: „растѣкашется мыслію по древу“, словами: „то носился славіемъ по древу“, при чемъ союзъ „то“ относится къ предшествующему стиху: „есть ли пѣснь кому сотворить хотѣлъ“ (*А. И. Незеленовъ.* Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 г., стр. 88).

— (*Стр. 214, строки 15—18*). А. Ѳ. Вельтманъ перевелъ цитируемое поэтомъ мѣсто: „Онъ помнилъ преданья о междоусобьяхъ прошедшихъ временъ“, а Пушкинъ въ своемъ экземплярѣ означеннаго перевода подчеркнулъ слова: „о междоусобьяхъ“, и поставилъ на поляхъ NB (*А. Ѳ. Вельтманъ.* Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ-Сѣверскаго. М. 1833 г., стр. 3. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX — X, стр. 20, № 70).

— (*Стр. 214, строки 23—24*). Фраза Пушкина о встрѣчающемся у А. С. Шишкова сравненіи „Слова“ съ поэмой швейцарскаго писателя Соломона Геснера (род. въ 1730 г., ум. въ 1787 г.) представляет собою не вполне удачную вставку въ основной текстъ статьи о „Словѣ о полку Игоревѣ“. Сравненіе Шишкова относится не къ изображенію игры Бояна на гусляхъ, а къ характеристикѣ Боянова пѣснотворчества, то-есть къ § 2 пушкинскихъ „замѣчаній“. — „Примѣтимъ во первыхъ богатство сей мысли“, пишетъ Шишковъ: „когда Боянъ воспѣть кого хотѣлъ, растекался мыслію по деревьямъ, по лѣсамъ, носился воображеніемъ по землѣ, какъ рыщущій за снѣдію волкъ; парилъ подъ облаками, какъ сизый орелъ: вездѣ смотрѣлъ, искалъ, собиралъ чѣмъ бы наполнить умъ свой и обога-

lib.pushkinskijdom.ru

тить воображеніе,, дабы потомъ, взявъ лиру, возгласить на ней пѣснь громкую. Какой великолѣпный приступъ! Подобнымъ образомъ Геснеръ начинаетъ поэму свою, называемую *Авелева смерть*[1])“ (*А. С. Шишковъ*. Собраніе сочиненій и переводовъ. СПб. 1826 г., ч. VII, стр. 40—41).

— (*Стр. 215, строки 5—11*). Литераторъ Яковъ Осиповичъ Пожарскій предложилъ свое толкованіе соколиной охоты въ книгѣ: „Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новогорода Сѣверскаго, вновь переложенное, съ присовокупленіемъ примѣчаній“. СПб. 1819 г., стр. 31—32.

---

1) Stehe du mir bey, Muse, oder edle Begeisterung, die du des Dichters Seel'erfüllest, wenn er in stiller Einsamkeit staunt, bey nächtlichen Stunden, wenn der Mond über ihm leuchtet, oder im Dunkel des Hayns, oder bey der einsam beschatteten Quelle. Wenn dann die heilige Entzückung seiner Seele sich bemächtigt, dann schwingt sich die Einbildungskraft erhitzt empor, und fliegt mit kühnern Schwingen durch die geistige und die sichtbare Natur hin, bis ins fernere Reich des Möglichen; sie spüret das überraschende Wunderbare auf, und das verborgenste Schöne. Mit reichen Schätzen kehret sie dann zurück, und bauet und flickt ihr Mannigfaltiges, Ganzes, indess dass die haushalterische Vernunft gebietrisch Aufsicht hält, und wählt und verwirft und harmonische Verhältnisse sucht (*Gessner*. Der Tod Abels).

Присутствуй со мною, ты муза, или духъ любомудрствованія, наполняющій душу стихотворца, когда онъ въ тихомъ уединеніи, ночью, при лунномъ сіяніи, или въ темнотѣ рощи, или близь источника подъ тѣнію сѣдящій въ удивленіи пребываетъ. И когда священный восторгъ душею его овладѣваетъ, тогда воспаленная сила воображенія выспрь летитъ и смѣлымъ полетомъ воскрыляется сквозь мечтаемую во умѣ и очезримую природу, даже до самыхъ отдаленнѣйшихъ предѣловъ возможности. Тамо ищетъ она поразительнѣйшихъ чудесъ и сокровеннѣйшихъ красотъ. Обогащенная потомъ безчисленными сокровищами возвращается вспять, и созидаетъ и устрояетъ изъ многоразличныхъ частей единое цѣлое, подъ надзираніемъ осторожнаго разума, который, яко верховный учредитель, иное избираетъ, иное отмещетъ и наблюдаетъ, да царствуютъ вездѣ благопристойность и сладкогласіе.

Примѣчаніе А. С. Шишкова.

Начало поэмы „Смерть Авеля“, еще до Шишкова, заинтересовало Фонвизина, который перевелъ его на русскій языкъ (*Князь П. А. Вяземскій*. Фонвизинъ. СПб. 1848 г., стр. 273, 447—449) [*Н. К.*].

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 215, строка 17—18*). А. Ѳ. Вельтманъ полагалъ, что выраженіе: „истягну умъ крѣпостію своею“, значитъ: „разширивъ могуществомъ умъ свой“; Пушкинъ же въ своемъ экземплярѣ вельтмановскаго перевода подчеркнулъ слово „разширивъ“ и написалъ противъ него: „натянувъ“ (*А. Ѳ. Вельтманъ*. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ Сѣверскаго. М. 1833 г., стр. 5. — *Пушкинъ и его современники*, в. IX — X стр. 20).

— (*Стр. 215, строка 19*). Я. О. Пожарскій переводитъ „истягнуть“ глаголомъ „препоясать“, а не „опоясать“ (Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новогорода Сѣверскаго. СПб. 1819 г., стр. 34).

— (*Стр. 215, строки 19—20*). „Напрягши умъ свой крѣпостію“ — переводъ А. Ѳ. Малиновскаго въ изданіи: „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новогорода-Сѣверскаго Игоря Святославича“. М. 1800 г., стр. 5.

— (*Стр. 216, строки 5—6*). Подъ первыми издателями-переводчиками „Слова“ надо разумѣть здѣсь, какъ выше указано, А. Ѳ. Малиновскаго.

— (*Стр. 216, строки 7—11*). Въ изложеніи В. А. Жуковскаго „запутанныя слова“ переведены такъ:

Вспала князю на умъ охота,
А знаменье заступило ему желаніе
Отвѣдать Дону великаго.

Пушкинъ остался неудовлетворенъ переводомъ и измѣнилъ вторую строку:

А знаменье закрыло отъ него желаніе.

(*А. И. Незеленовъ*. Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 г., стр. 89).

— (*Стр. 216, строки 11—14*). Пушкинское толкованіе рѣчи Игоря: „хощу... копіе приломити конець поля По-

lib.pushkinskijdom.ru

ловецкаго съ Вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону", — приведено нами выше, какъ возраженіе М. Т. Каченовскому.

— (*Стр. 216, строки 19—21*). А. С. Шишковъ въ своемъ трудѣ дословно повторилъ сужденіе первыхъ издателей о Троянѣ (*А. С. Шишковъ*. Собраніе сочиненій и переводовъ. СПб. 1826 г., ч. VII, стр. 5. — Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М. 1800 г., стр. 6).

— (*Стр. 216, строка 24 — стр. 217, строка 3*). Загадочный Троянъ, упоминаемый въ „Словѣ", съ точки зрѣнія Карамзина, не кто иной, какъ римскій императоръ. Историографъ пишетъ: „Самые древніе жители Дакіи, Геты, покоренные Траяномъ, могли быть нашими предками: сіе мнѣніе тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Русскихъ сказкахъ XII столѣтія упоминается о счастливыхъ войнахъ Траяновыхъ въ Дакіи, и что Славяне Россійскіе начинали, кажется, свое лѣтосчисленіе „отъ временъ сего мужественнаго Императора". „Въ *Словѣ о полку Игоревѣ*, произведеніи XII вѣка,... говорится о *сѣчахъ* (а не *вѣчахъ*, какъ напечатано) Траяновыхъ, о тропѣ его и *седьмомъ вѣкѣ Траяновомъ*, въ которомъ жилъ Полоцкій Князь Всеславъ (см. въ сей напечатанной повѣсти, стр. 6, 14, 35). Извѣстна via Trajani, изображенная на Сульцеровой картѣ Валахіи: сія via, дорога или *тропа*, простирается отъ береговъ Дуная до Прута, и далѣе на Востокъ по южной Россіи (См. Кантемиръ. *Описаніе Молдавіи и Бишинъ*. Erdbeschr. II, 770). Отъ временъ Траяна до Всеслава прошло гораздо болѣе *семи* вѣковъ; но 1) лѣтосчисленіе народа безграмотнаго не бываетъ вѣрно; 2) сочинитель *Слова о полку Игоревѣ* могъ также ошибиться, или 3) число семь есть описка" (*Н. М. Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго, т. I, глава II, и примѣчаніе 69).

А. Ѳ. Вельтманъ, въ объясненіи слова „Троянъ", при-

lib.pushkinskijdom.ru

мыкаетъ къ Карамзину (Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ Сѣверскаго. М. 1833 г., стр. 46) и приводитъ въ недоумѣніе Пушкина, ссылающагося на то, что событія развертываются не въ Бессарабіи, а на Дону.

Насколько интересовался Пушкинъ выясненіемъ темныхъ мѣстъ „Слова“ о Троянѣ, показываетъ и разговоръ его на эту тему съ П. И. Кеппеномъ и сохранившаяся въ перепискѣ поэта нѣмецкая записка, гдѣ изложены результаты разысканій польскаго ученаго Кухарскаго, который высказалъ свои соображенія о загадочной личности Трояна: „Herr Andreas Kucharski, Professor an einem Gymnasium zu Warschau, hat in einer Abhandlung, die er bei Gelegenheit des letzten Examens in jener gelehrten Anstalt öffentlich verlesen, einige schwierige Stellen in dem Gedicht: „Igors Zug gegen die Polowzen“, zu erklären gesucht. Das darin erwähnte „Land des Trojan“ hält man gewöhnlich für Dacien, das Kaiser Trajan erobert hatte, dessen Regierungsjahre von 98—117 nach Chr. fallen. Da nun in dem Gedichte eine Art Zeitrechnung mit dem Namen Trojan verknüpft und von „Jahrhunderten des Trojan“ geredet wird, die ihrerseits, wenn man sie mit Kaiser Trajan im ersten Jahrhundert nach Chr. anhebt, mit andern im Gedichte angeführten spätern historischen Ereignissen nicht in Uebereinstimmung zu bringen sind, so muss man mit Dank die scharfsinnigen Bemühungen Hrr. Kucharski's anerkennen, der eine andere Auslegung des Namens Trojan auf die Bahn bringt. Die Byzantinischen Geschichtschreiber erwähnen eines Kriegs der Römer gegen die Völker an der untern Donau um das J. 367 während der Regierung des Kaisers Valentinian. Sein Feldherr hiess Trajan. Dieser Krieg, der unglücklich für die Römer ausfiel, kann bei den Völkern an der Donau, als ein besonders wichtiges, allgemein erfreuliches, Ereigniss angesehn worden seyn, so dass

lib.pushkinskijdom.ru

sie, zum bessern Gedächtniss desselben, eine Zeitrechnung von da anfingen. Unter den Donauvölkern werden aber namentlich die Anten, ein Hauptzweig der Slawen, angeführt. Dieselben hatten nach Jordanis um das Jahr 373 einen König Box, der im Kriege umkam. Das Lied Igors erwähnt eines Bus, um den „die russischen Mädchen weinen". Nimmt man hierauf an, dass das Lied unter Trojan nicht den Kaiser Trajan im 1 Jahrh. nach Chr. sondern den Feldhernn Trajan im IV Jahrh. versteht, und das mithin das *erste* Jahrh. Trajans das *vierte* der gewöhnlichen Zeitrechnung im Gedicht mit der unsrigen übereinstimmend. Es heisst nämlich darin: „Im siebenten Jahrhundert Trajans dringt Wseislaw gegen die Stadt Kijew, öffnet die Thore Nowgorods". Dieses Ereigniss, die Bezwingung Nowgorods durch Wseislaw geschah 1067 und fand also wirklich im VII Jahrh. Trojans statt, sobald man nicht vom Kaiser, sondern von Valentinians Feldherrn anzählt. Es ist nicht zu läugnen, dass Hr. Kucharski's Folderungen ein angenehmer Beitrag zum bessern Verständniss des merkwürdigen Gedichts sind, ja sie dürften zu weitern, für die slawische Urgeschichte nicht unwichtigen Schlüssen dienen" (Переписка, т. III, стр. 351—352).

— (*Стр. 217, строки 18—21*). Современные Пушкину переводчики „Слова" различно отнеслись къ выраженію „неготовыми дорогами". А. Ѳ. Малиновскій[1]), Я. О. Пожарскій[2]), В. А. Жуковскій[3]) оставили этотъ оборотъ безъ измѣненія; И. Сѣряковъ[4]) замѣнилъ его словами: „сквозь болота и лѣса"; А. А. Палицынъ[5]) перевелъ:

1) „Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича". М. 1800 г., стр. 9.

2) „Слово о полку Игоря Святославича" СПб. 1819 г., стр. 9.

3) „Слово о полку Игоревѣ" (1808—1817 гг.) [Полное собраніе сочиненій. СПб. 1902 г., т. IV, стр. 111].

4) „Походъ Игоря противу Половцовъ". СПб. 1809 г., стр. 7.

5) „Игорь, героическая пѣснь". Харьковъ, 1807 г., стр. 5.

lib.pushkinskijdom.ru

„въ ближній путь“; Н. И. Язвицкій[1]) совсѣмъ опустилъ данное мѣсто; А. Ѳ. Вельтманъ[2]) передалъ смыслъ фразы, не придерживаясь строго подлинника: „безъ пути, безъ дороги“. Четверо литераторовъ и ученыхъ пытались точнѣе уловить значеніе прилагательнаго „неготовый“. „Неготовыми“, пишетъ А. С. Шишковъ[3]): „значитъ здѣсь неисправленными для похода, неприготовленными, необыкновенными, кратчайшими, дабы скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ“. И. М. Левитскій[4]) предлагаетъ переводъ: „по дорогамъ имъ незнаемымъ“; Н. Ѳ. Грамматинъ[5]) понимаетъ слово „неготовый“, какъ „непроложенный“, а М. А. Максимовичъ[6]) считаетъ его равносильнымъ слову „небитый“ („небитыми дорогами“). Пушкинское толкованіе приближается къ мнѣнію Левитскаго.

— (*Стр. 217, строки 26—28*). Характеристика воиновъ князя Всеволода, сдѣланная ихъ вождемъ, была понята не одинаково издателями и комментаторами „Слова“. А. Ѳ. Малиновскій напечаталъ: „а мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити“, а перевелъ: „Мои *Курчане* въ цѣль стрѣлять знающи, подъ звукомъ трубъ они повиты“ (Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М. 1800 г., стр. 8). Но уже Карамзинъ замѣтилъ, что „къ мети“ — „слуги“, такъ какъ „у Славянъ Иллирическихъ cmetiti значитъ быть въ подданствѣ“ (Исто-

1) „Игорь Святославичъ, ироическая пѣснь“ (*Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова*, 1812 г., книга IV, стр. 37).

2) „Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ Сѣверскаго“. СПб. 1833 г., стр. 9.

3) „Слово по походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова“ (1805 г.) [Собраніе сочиненій и переводовъ. СПб. 1826 г., ч. VII, стр. 54].

4) „Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцовъ“. СПб. 1813 г., стр. 6.

5) „Слово о Полку Игоревомъ“. М. 1823 г., стр. 39.

6) „Пѣснь Игорю Святославичу, удѣльному князю Новагорода-Сѣверскаго“. Кіевъ. 1837 г., стр. 11.

lib.pushkinskijdom.ru

рія Государства Россійскаго, т. III, примѣчаніе 272), а Вельтманъ сообщилъ, что „кметъ“ — „частный начальникъ, староста“, и что „въ Сербіи по сіе время есть кметы“ (Пѣснь ополченію Игоря Святославича, Князя Новгородъ Сѣверскаго. М. 1833 г., стр. 46). Пушкинъ, не вполнѣ точно сославшійся на Вельтмана, призналъ правильнымъ его объясненіе.

Вельтманъ перевелъ приведенную выше фразу: „Куряне искусные витязи; каждый повитъ подъ трубою“, причемъ въ пушкинскомъ экземплярѣ „Пѣсни ополченію Игоря Святославича“ слово „повитъ“ подчеркнуто, и противъ него на полѣ написано: „повивальная бабка“ (*Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 2. — *А. Ѳ. Вельтманъ.* Пѣснь, стр. 9).

— (*Стр. 217, строки 27—28*). Въ извѣстныхъ намъ сборникахъ словинскихъ пословицъ нѣтъ приводимаго Пушкинымъ изреченія, которое онъ узналъ, можетъ быть, отъ Вельтмана.

71.

[О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ, СЪ ОЧЕРКОМЪ ФРАНЦУЗСКОЙ]

(Стр. 217—228).

Автографы этой статьи сохранились въ рукописяхъ б. Румянцовского Музея № 2382, л. 20; № 2384, лл. 14—20; № 2387Б, л. 48 об.; № 2387В, лл. 3 об., 4, 31—34; въ собраніи Л. Н. Майкова (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 27, № 14 и стр. 31, № 28) и въ коллекціи И. А. Шляпкина („Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина“. СПб. 1903 г., стр. 54—56) и А. Ѳ. Онѣгина („Неизданный Пушкинъ“. П. 1922 г., стр. 183). Впервые

lib.pushkinskijdom.ru

вые статья напечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 111—112, 158, 262—266, а дополненія къ ней сообщены В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 518—523. Мы печатаемъ тексты по музейнымъ тетрадямъ №№ 2384, 2387В, и по майковскимъ рукописямъ №№ 14, 18 и помѣщаемъ здѣсь пять программъ, найденныхъ въ бумагахъ поэта и, очевидно, относящихся къ статьѣ о русской литературѣ.

I.

Лѣтописи, сказки, пѣсни, пословицы, посланія Царскія, Пѣснь о Полку, Побоище Мамая, Царствованіе Петра — Царств‹ованіе› Елисаветы — Екатерины — Александра — Вліяніе Французской поэзіи [1]).

II.

Отчего первыя стихотворенія были сатиры?

Ихъ успѣхъ etc.

Отчего сатира существовала еще при Екатеринѣ, а нынѣ совсѣмъ уже не существуетъ? [2])

Петръ создалъ войско
Флотъ
Науки
Законы

Но не могъ создать словесности, которая рождается сама собою — отъ своихъ собственныхъ началъ. Поколѣніе преобразованное презрѣло безграмотную, изустную, народную словесность. И К‹нязь› Кантемиръ одинъ [3]) изъ воспитанниковъ Петра, въ путеводители себѣ избралъ Буало [4]).

1) Рукопись б. Румянцовского Музея, № 2382, л. 20.

2) *Въ рукописи далѣе написано:* (Кантемиръ.

3) *Первоначально было:* перв‹ый).

4) Рукопись б. Румянцовскаго Музея, № 2387Б, л. 48 об.

lib.pushkinskijdom.ru

III.

Языкъ и вліяніе греческ‹ое›.

Памятники его.

Литература собств‹енная›.

Причины 1) ея бѣдности

2) отчужденія отъ Европы

3) уничтоженія или ничтожности вліянія Скандинавскаго.

[Пѣсни,] сказки, пословицы: доказательство сближенія съ Европою —

Пѣснь о Плку Игор‹евѣ.›

Пѣснь о побоищѣ Мамаевѣ.

Сказки, Мистеріи.

Пословицы (гротескъ).

Народность *сказокъ* (пересказать по своему)[1]).

(Калдеронъ).

Les Epitres des Part‹iarches› de‹s› tz‹ars› ne sont pas purement de la litterature ayant un autre but —

IV.

De la religion.

Du militaire et du civil.

De l'espionage.

De l'escl‹avage› et de la lib‹erté› (comme balance).

De la censure.

Du théatre.

Des écrivains.

Des (sic) l'exil.

Du mouvement retrograde.

De la civilisation.

De la division des classes.

De l'escl‹avage›[2]).

1) Въ рукописи скобки нѣтъ.

2) Программы III и IV заимствованы изъ собранія И. А. Шляпкина.

lib.pushkinskijdom.ru

V.

Вступленіе.

Но есть одно въ... [1])
Оригинальность отрица‹ется?) [2]).
Истор‹ія?›.
О Ив‹анахъ?›.
О Ми‹нинѣ›.
О Ст‹енькѣ› Раз‹инѣ› [3]).
О Цыклерѣ.
О Петрѣ.
О Шерем‹етевѣ›.
Козицк‹ій› [4]).
Далѣе про Фермора.
Про Сув‹орова›.
Новѣйшее вліяніе. Мѣра, рифмы.
Сумарок‹овъ› въ ‹сіе время› [5]).

Статья о русской литературѣ, задуманная Пушкинымъ в 1830 г. [6]), была писана съ перерывами въ теченіе четырехъ слишкомъ лѣтъ (1830—1834 гг.). Къ передѣлкѣ отдѣльныхъ отрывковъ Пушкинъ возвращался два-три раза и, несмотря на это, не выправилъ ихъ стиля и не свелъ ихъ въ стройное цѣлое. Нѣкоторые отрывки дошли до насъ въ одной редакціи, нѣкоторые — въ двухъ. Въ послѣднемъ случаѣ мы брали всегда позднѣйшую и

1) Далѣе очень неразборчиво написаны три буквы.

2) Далѣе слѣдуетъ рядъ неразборчиво написанныхъ, незаконченныхъ словъ: А историч. [нераб.] раз. примѣ. всѣ... пѣ(сни) о Раз(инѣ).

3) *Въ рукописи*: раз.

4) *Можно прочитать*: Казацк.

5) Поставленныя въ ломаныя скобки слова взяты изъ „Матеріаловъ“ П. В. Анненкова (изд. 1-ое, стр. 158).

6) Первая программа статьи помѣщена въ музейной тетради № 2882, л. 20, между черновиками „Русалки“ (1830 г.) и „Галуба„ (1829 г.) [*Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 349—350]. — Послѣдняя программа, находящаяся въ Онѣгинскомъ архивѣ, написана на одномъ листѣ бумаги съ набросками Путешествія Онѣгина (1829—1830 гг.).

lib.pushkinskijdom.ru

наиболѣе законченную редакцію, за исключеніемъ одного раза, когда позднѣйшая (1834 г.) редакція оказалась дважды заново записанной и совершенно необработанной. Здѣсь мы принуждены были отступить отъ общаго правила и напечатали болѣе ранній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе связный текстъ (стр. 221—222). Этотъ отрывокъ, заимствованный изъ музейной тетради № 2387В, по своему положенію среди другихъ сочиненій („Исторія русскаго народа“ Н. А. Полевого, „Боратынскій“, „Какъ быстро въ полѣ, вкругъ открытомъ“, „Исторія села Горюхина“), написанъ въ 1830—1831 гг., къ которымъ относится и неточно датированное нами начало статьи (стр. 217—219)[1]).

Порядокъ расположенія отдѣльныхъ отрывковъ, установленный П. О. Морозовымъ въ изданіи Т-ва „Просвѣщеніе“ (т. VI, стр. 368—381), сохраненъ и нами.

Статья печатается не въ видѣ приложенія къ „Мыслямъ на дорогѣ“[2]), но отдѣльно, потому что она можетъ быть разсматриваема какъ самостоятельное произведеніе[3]).

Число поправокъ и измѣненій въ автографахъ поэта весьма значительно. Мы приводимъ варіанты изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ рукописей, обозначая хранящіяся въ б. Румянцовскомъ Музеѣ буквами Р[4] (№ 2384),

---

1) 1830-ымъ годомъ датируется также отрывокъ о русской народной словесности и древней письменности (стр. 227—228), написанный на листѣ бумаги, гдѣ помѣщенъ черновикъ письма Пушкина къ А. Х. Бенкендорфу отъ 29-го мая 1830 г. (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 27—28, № 14. — Переписка, т. II, стр. 156—157).

2) „Эта статья“, говоритъ П. А. Ефремовъ: „почти вся набросана Пушкинымъ вслѣдъ за главою о Ломоносовѣ въ статьѣ „Мысли на дорогѣ“ и, можетъ быть, должна была войти въ составъ этой главы“. — Та же мысль высказана и П. О. Морозовымъ: „Это черновая статья-программа должна была, по первоначальному плану Пушкина, составлять часть главы о Ломоносовѣ“ (*А. С. Пушкинъ*. Сочиненія. Изданіе А. С. Суворина. СПб. 1903 г., т. V, стр. 596. — *А. С. Пушкинъ*. Сочиненія и письма. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе“, т. VI, стр. 646).

3) Отдѣльно отъ „Мыслей на дорогѣ“ напечатана статья въ изданіяхъ А. С. Суворина (СПб. 1903 г., т. V, стр. 596—609) и Брокгаузъ-Ефрона (СПб. 1911 г., т. V, стр. 292—296).

lib.pushkinskijdom.ru

Р⁷ (№ 2387В), и находящіяся въ собраніи Л. Н. Майкова буквами М⁴ (№ 14) и М⁸ (№ 28).

Стр. 217, строка 29: *Многіе у насъ* не *ясно понимаютъ* различіе...(Р⁷).

» 217, » 29—30: ...не согласились еще въ точномъ опредѣленіи родовъ...(Р⁷).

» 217, » 30—31: Сбивчивому понятію о *Романтизмѣ*... (Р⁷).

» 218, » 1— 2: ...которые обыкновенно относили къ *намъ* все что казалось имъ... (Р⁷).

» 218, » 4— 5: Стихотвореніе можетъ *заключать* всѣ сіи *примѣты*...(Р⁷).

» » » » ...можетъ *носить на себѣ* всѣ сіи признаки...

» » » » ...*имѣть* всѣ сіи признаки...(Р⁷).

» 218, » 6: Къ роду *поэзіи* ‹классической› относятся тѣ стихотворенія...(Р⁷).

» 218, » 8: ...*коихъ* образцы они намъ оставили, *имянно*: эпопея, поэма дид‹актическая›...(Р⁷).

» 218, » 11—12: ...вмѣсто формъ будемъ брать *въ разсужденіе* только духъ...(Р⁷).

» 218, » 13—14: *Ода* Пиндара конечно *писана въ* духѣ отличномъ отъ Оды Анакреона... (Р⁷).

» » » » Гимнъ *Ж‹ана› Б‹атиста› Руссо* духомъ своимъ конечно отличается отъ Оды *Пиндара*...(Р⁷).

» 218, » 16—17: Какія-же стихотворенія относятся къ *роду* Ром‹антическому› (Р⁷).

» 218, » 17—19: *Всѣ* тѣ, которые не были извѣстны *Рим‹лянамъ и› Грекамъ* — или въ

lib.pushkinskijdom.ru

коихъ *древнія* формы измѣнились... (P⁷).

Стр. 218, строка 21: *Всякой* образованный Европеецъ *обязанъ* имѣть...(P⁷).

» 218, » 22: ...о *Величавыхъ* созданіяхъ[1]) Древности...(P⁷).

» 218, » 25—29: *Упадокъ наукъ и словесности слѣдовалъ быстро за упадкомъ Западной Имперіи* — Наконецъ она пала, просвѣщеніе *погибло*[2]) — *мракъ* невѣжества *покрывалъ* окровавленную Европу. Словесность *исчезла*. Едва *уцѣлѣла* латинская Грамота въ пыли книгохранилищъ монастырскихъ, Монахи соскабливали съ пергамента стихи Лукреція и Виргилія и вмѣсто ихъ писали свои *варварскія* Лѣтописи и легенды — *Средніе вѣка протекали въ безмолвіи* (P⁷).

» 218, » 32: *Наконецъ* поэзія проснулась...(P⁷).

» 218, » 32—33: ...риѳма, изобр‹ѣтеніе› съ перваго взгляда столь мало*важное*...(P⁷).

» 219, » 2: ...*доставляетъ* намъ удовольствіе — (P⁷).

» 219, » 2— 3: ...любить размѣренность, соотвѣтственность [(simetria)] свойственно уму человѣческому — *въ этомъ заключается и тайна гармоніи стиховъ* — (P⁷).

» 219, » 3— 4: Ухо обрадовалось *риѳмѣ* (P⁷).

» » » » ...удареніямъ *риѳмы* (P⁷).

» » » » ...*повторенн‹ымъ›* удареніямъ—(P⁷).

---

1) *Далѣе сверху написано:* Гѳнія.

2) *Далѣе слѣдуетъ:* словесность изчезла.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 219, строка 5: ...*употребляли* всѣ возможныя измѣненія стиховъ...(Р⁷).

» 219, » 7: ...сонетъ *Вирле и множество другихъ* — (Р⁷).

» 219, » 7—10: Отсель произошла необходимая натяжка выраженія; *манерность* вовсе неизвѣстная древнимъ — мѣлочное остроуміе замѣнило чувство, которое не можетъ выражаться тріолетами (Р⁷).

» » » » ...мѣлочное остроуміе замѣнившее чувство, не выражающееся въ тріолетахъ (Р⁷).

» 219, » 10—11: *Сіи* нещастные слѣды ‹мы находимъ› въ *самыхъ* Величайшихъ Геніяхъ новѣйшихъ временъ — (Р⁷).

» » » » ...новѣйшихъ *народовъ* — (Р⁷).

» 219, » 13: Воображеніе требуетъ *пищи*...(Р⁷).

» 219, » 13—14: ...*поэты* обратились...(Р⁷).

» 219, » 15: ...любовь *честь* и войну...(Р⁷).

» 219, » 17—18: ...церковные праздники подали *мысль писать* ‹таинства›...(Р⁷).

» 219, » 18—20: *Они* всѣ писаны на одинъ образецъ и подходятъ подъ одно условіе — *недоставало* Аристотеля...(Р⁷).

Отрывокъ о развитіи просвѣщенія въ Россіи (стр. 219—221), напечатанный нами по автографу изъ Майковскаго собранія (№ 28), сохранился и въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2384. Здѣсь онъ менѣе обработанъ и представляетъ собою едва ли не первоначальный черновой набросокъ задуманной Пушкинымъ статьи. Приводимъ музейную редакцію съ опущеніемъ зачеркнутыхъ поэтомъ словъ и предложеній.

lib.pushkinskijdom.ru

Вступленіе.

I. Отчужденіе Россіи отъ Европы.

Долго Россія была совершенно отдѣлена отъ судебъ Европы — Ея широкія равнины поглотили толпы Монголовъ и остановили ихъ разрушительное нашествіе. Варвары не осмѣлились оставить у себя въ тылу порабощенную Русь — и возвратились на степи своего востока — Христіанское просвѣщеніе было спасено — изтерзанной и издыхающей Россіей...

Духовенство, пощаженное удивительной смѣтливостію татаръ, одно въ теченіе двухъ столѣтій, [питало] искры блѣдной Византійской образованности — въ безмолвіи келлій иноки вели свои безпрерывныя лѣтописи. Архіереи въ посланіяхъ своихъ бесѣдовали съ Князьями и Боярами въ тяжкія времена искушеній и безнадежности. Но духовная жизнь порабощеннаго народа не развивалась. Великая эпоха возрожденія не имѣла на него никакого вліянія — рыцарство не одушевило его дѣвственности восторгами и благодѣтельныя потрясенія крестовыхъ походовъ не отозвались въ краяхъ печальнаго сѣвера[1] —

II. Ничтожество древнихъ нашихъ памятниковъ.

[Едва Россія успѣла свергнуть съ себя иго татаръ, и уже ей были нужны всѣ ея возраждающія(ся) силы дабы противодѣйствовать Польшѣ] и уже ей должно было бороться дома[2] — Боярство домогалось Аристократіи[3] — Царская власть ополчилась на Боярство — посреди сихъ

---

1) *Въ первоначальной редакціи отрывокъ I состоялъ изъ слѣдующихъ строкъ:* Россія не участвовала въ умственной дѣятельности эпохи возрожденія. Латинская словесность... (sic). Толпы монаховъ ученыхъ... Ученье (?)... Нашествіе Татаръ не было подобно наводненію Мавровъ благотворнымъ — Баскаки разъѣзжавшіе за данью не принесли намъ ни Алгебры ни поэзіи —

2) *Далѣе слѣдуетъ:* Между тѣмъ а.

3) *Далѣе зачеркнуто:* Два великана, Іоаннъ III и Іоаннъ IV.

lib.pushkinskijdom.ru

различныхъ усилій, Цари и Бояре согласны были въ одномъ: въ необходимости сблизить Россію съ Европой — Отселѣ сношенія Ив‹ана› Вас‹ильевича› съ Англіей, переписка Годунова съ ‹Даніей›, условія подписанныя Польскимъ Короле‹вичемъ› Аристократіи XVII-го стол‹ѣтія›, посольства Алексѣя Мих‹айловича› [во Францію къ Людов‹ику› XIV] (наконецъ крутой и кровавый переворотъ, произведенный мощнымъ Самодержавіемъ Петра).

Россія вошла въ Европу, какъ спущенный корабль, при стукѣ топора и при громѣ пушекъ[1] — Войны предпринятыя Петро‹мъ› были благодѣтельны и плодотворны какъ для Россіи, такъ и для человѣчества. Успѣхъ петровскаго преобразованія былъ слѣдствіемъ Полтавской битвы и Европейское просвѣщеніе причалило къ берегамъ завоеванной Невы — Петръ не успѣлъ довершить начатое имъ[2]). Онъ умеръ въ полную пору мужества во всей силѣ своей творческой дѣятельности, еще только въ полъножны вложивъ побѣдительный свой мечь — Онъ умеръ, но движеніе переданное мощною его рукою, долго продолжалось въ огромныхъ составахъ Государства — Даже мѣры *революціонныя* предпринятыя имъ по необходимости въ минуту преобразованій, и которыя не успѣлъ онъ отмѣнить надолго еще возымѣли силу закона. Напримѣръ: дворянство даруемое порядкомъ службы, мимо Верховной Власти, преимущества данныя старш‹ему въ семьѣ› (замѣчательн‹ый› неуспѣхъ) —

Петръ Вел‹икій› бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, и проницательный — Онъ возвысилъ Ѳеофана, ободрилъ Копіевича, [наказалъ] Татищева, предрекъ[3]) [Тредьяковскому, вѣчному труженику] печальную его участь безсиліе трудолюбіе.

---

1) *Первоначально было:* съ пальбою пушекъ.

2) *Далѣе зачеркнуто:* вложить мечь въ ножны.

3) *Сверху написано:* угадалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Наслѣдники Великаго пошли по его слѣдамъ — Но высокомѣріе[1]) Менш‹икова› пронырство[2]) Долгорук‹ихъ› наконецъ тайные[3]) заговоры старшаго Боярства пресѣченные мощною рукою Бирона слишкомъ занимали русское дворянство — единственный классъ на который просвѣщеніе успѣло излить свои лучи. [Ему нѣкогда (sic) было заняться слов‹есностью›]. Но словесность между тѣмъ родилась[4]). Кантемиръ.

III. Просвѣщ‹еніе› Россіи.

[Крутой переворотъ произведенный мощнымъ самодержавіемъ Петра, низпровергнулъ все старое, и Европейское вліяніе разлилося по всей Россіи — Голландія и Англія образовали наши флоты, Пруссія и [Франція] наши войска, Лейбницъ начерталъ планъ Гражданскихъ учрежденій].

Но сѣмена [просвѣщенія] были посѣяны.

Петръ первый былъ нетерпѣливъ — ставъ главою *новыхъ идей,* онъ м‹ожетъ› б‹ыть› далъ слишкомъ крутой оборотъ огромнымъ колесамъ Государства —

Въ общемъ презрѣніи ко всему старому народному включена[5]) и народная поэзія столь живо проявившаяся въ грустныхъ пѣсняхъ въ сказ‹к›ахъ и въ лѣтописяхъ —

Рождалась новая Словесность, отголосокъ общества — Сынъ Молдавск‹аго› Господаря юноша, обрусѣвшій въ русской[6]) акаде‹міи› и въ Петровы‹хъ› походахъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи[7]) придв‹орнаго› философа Горація [въ метры Польскіе] и писалъ сатиры по

1) *Первоначально было:* честолюбіе.

2) *Первоначально было:* интриги.

3) *Сверху написано:* разные (?).

4) *Далѣе зачеркнуто:* Наконецъ воцарилась Елисавета; при ней рождается русская словесность.

5) *Первоначально было:* se trouve envelopé.

6) *Въ рукописи:* русскихъ.

7) *Сверху написано и зачеркнуто:* ямбы.

lib.pushkinskijdom.ru

образцу данному придворнымъ поэтомъ Люд‹о›вика XIV — между тѣмъ какъ сынъ холмогорскаго рыбака скитался по германск‹имъ› университетамъ — вслушиваясь въ уроки Готштеда (sic)...[1])

Но приступая къ разсмотрѣнію словесности Русской, мы должны будемъ изслѣдовать и словесность[2]) иноземную, имѣвшую на нее долгое рѣшительное вліяніе —

Стр. 219, строки 28—29: ...въ краяхъ *угрюмаго* сѣвера... (М[8]).

» 219, » 29: *Ей* опредѣлено было...(М[8]).

» 220, » 3— 4: Образ*ованность и христіанское* просвѣщеніе были спасены...(М[8]).

» 220, » 6— 7: ...искры *блѣдной* Византійской образованности (М[8]).

» 220, » 10—11: Но *духовная* жизнь порабощеннаго народа...(М[8]).

» 220, » 12—15: Они завоевавъ Россію не подарили намъ, *какъ Мавры Испаніи*, ни Алгебры, ни Аристотеля; *и между тѣмъ какъ Европа наводнена была неимовѣрнымъ множествомъ поэмъ, легендъ, пѣсенъ, сатиръ, романсовъ, мистерій и проч. древняя*[3]) наша *словесность*, кромѣ лѣтописей, почти *ничего* не представляетъ любопытству изыскателей (М[8]).

» 220, » 15—17: Нѣсколько народныхъ сказокъ и пѣсенъ, уже *полузаглаженныхъ* и поновл*енны*хъ ‹изустнымъ преданіемъ›, *являютъ драгоцѣнныя* черты *старины*...(М[8]).

1) *Далѣе слѣдуетъ:* и [передавая] звучному русскому языку.

2) *Въ рукописи:* ту словесность.

3) *Въ рукописи:* Но древняя.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 220, строки 15—17: ...черты *древности*...(М⁸).
» » » » ...черты *минувшаго*...(М⁸).
» 220, » 17: ...*пѣснь* о Полку Игоревѣ...(М⁸).
» 220, » 18: ...уединеннымъ *и спорнымъ* памятникомъ...(М⁸).
» 220, » 19—20: ...съ вольными город*ами*...(М⁸).
» 220, » 20—21: ...съ Народ*ностью*...(М⁸).
» 220, » 22: ...въ *сію* эпоху...(М⁸).
» 220, » 22—23: ...Цари и Бояре *и народъ*...(М⁸).
» 221, » 2: ...въ порѣ[1]) мужества...(М⁸).
» 221, » 3: *Но сѣмена были посѣяны.* Онъ бросилъ на словесность взоръ разсѣянный, но *живительный и* проницательный (М⁸).
» 221, » 4— 5: ...не *поладилъ съ* Татищев*ымъ*... (М⁸).
» » » » ...*побилъ* Татищева...(М⁸).
» 221, » 6— 7: *Между тѣмъ* сѣмена были посѣяны; *Ломоносовъ уже родился* (М⁸).
» 221, » 7: Сынъ изгнаннаго[2]) Молдавскаго Господаря воспитывался *въ глазахъ Петра Великаго*...(М⁸).
» » » » ...воспитывался *при немъ*...(М⁸).
» 221, » 8— 9: ...убѣжавъ отъ *ледовитаго* моря, воспитывался в ** Академіи... (М⁸).
» » » » ...уже готовился къ ученому ‹поприщу?›...(М⁸).
» 221, » 14—15: *И такъ,* прежде всего изслѣдуемъ *что такое Французская Литература*? (М⁸).

---

1) Окончательная редакція.
2) Это слово по недосмотру опущено при печатаніи текста.

lib.pushkinskijdom.ru

Отрывокъ о романтической поэзіи, изданный нами по рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2387 В, лл. 3 об., 4, 31—34[1]), находится также въ автографѣ поэта изъ Майковскаго собранія (№ 28). Начало этого отрывка немного напоминаетъ текстъ, напечатанный на страницахъ 218-ой и 219-ой; конецъ — мѣстами совпадаетъ съ текстомъ помѣщеннымъ на страницахъ 221-ой и 222-ой. Отрывокъ не законченъ и неотдѣланъ и сохранился въ двухъ редакціяхъ, которыя приводятся ниже полностію, за исключеніемъ мѣстъ, зачеркнутыхъ Пушкинымъ.

I.

Когда в XII столѣтіи подъ небомъ полуденной Франціи Риѳма отозвалась въ Прованскомъ нарѣчіи, ухо ей обрадовалось, трубадуры стали играть ею, придумывать для нее всевозможныя измѣненія стиховъ, окружили ее самыми затруднительны⟨ми⟩ форм⟨ами⟩.

---

1) Первоначальный черновой конспектъ означенной статьи дошелъ до насъ въ музейной тетради № 2384, л. 17. Считаемъ не лишнимъ напечатать этотъ конспектъ безъ сокращеній.

⟨Когда⟩ съ паденіемъ З⟨ападной⟩ Им⟨періи⟩, пало и древнее просвѣщеніе...

Въ ⟨XII⟩ стол⟨ѣтіи⟩ подъ небомъ полу⟨денной⟩ Франціи, пробудилась поэзія не имѣвшая ничего общаго съ поэзіею Греч⟨ескаго и⟩ Лат⟨инскаго⟩ міра — рифма отозвалась etc.

Таково было смир⟨енное⟩ начало Ром⟨антической⟩ Поэ⟨зіи⟩.

Но она быстро и пыш⟨но⟩ разцвѣла: Ит⟨алія⟩. Исп⟨анія⟩. Порт⟨угалія⟩. Герм⟨анія⟩. — Англ⟨ія⟩. Франція и проч.

Буало, человѣкъ одаренный умомъ рѣзкимъ и здравымъ и мощнымъ талантомъ, обнародо⟨валъ свой Коранъ —⟩

Разсматривая произведенія французс⟨кой⟩ поэзіи въ теч⟨еніе⟩ XII с⟨толѣтія⟩ нельзя не быть поражену ихъ ничтожествомъ, нѣсколько любовныхъ пѣсенъ отличаются легкостью [стиля] и нѣжностью, нѣсколько сказокъ веселостію и простодушіемъ, но вообще, напрасно бы стали искать въ нихъ высокаго и сильнаго чувства, или яркаго воображенія — Проза имѣетъ уже рѣшит⟨ельный⟩ перевѣсъ — Рабле и Монтань etc.

lib.pushkinskijdom.ru

Такимъ образомъ изобрѣтены рондо, вирле, баллада[1]) и тріолетъ.

Но умъ не можетъ довольствоваться одною игрою звуковъ; чувство требуетъ чувства; воображеніе, картинъ и разказовъ. Трубадуры и Труверы обратились къ новымъ источникамъ вдохновенія: Аллегорія сдѣлалась любимою формою Вымысла; Церковныя празднества и темныя понятія о древней трагедіи породили Мистеріи. Явились Ле, романъ и фабліо. Но всѣ сіи слабые[2]) опыты, не оживленные силою дарованія, подходили подъ одну черту совершенной ничтожности. Прозаическая легкость оборотовъ[3]), щастливо подобранный припѣвъ, — вотъ въ чемъ почиталось главное достоинство стихотворства. Проза и тогда уже имѣла перевѣсъ. Циникъ Рабле и скептикъ Монтань были современники Мароту и Ронсару[4]).

Рѣдко искренее[5]) изрѣченіе или простодушная[6]) шутка вознаграждаютъ усталаго изыскателя.

Романтическая поэзія коей изобразили мы смиренное рожденіе, пышно и величественно разцвѣтала во всей Европѣ. Уже Италія имѣла тройственную поэму въ которой всѣ преданія, все знаніе, всѣ страсти[7]) вся духовная жизнь воплощены были чудной[8]) силою поэзіи[9]) и сдѣлались, такъ сказать доступны осязанію — а у французовъ Вильонъ[10]) воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки,

1) Балладой называлось небольшое стихотвореніе въ коемъ риемы сочетались извѣстнымъ образомъ, и которое начиналось и оканчивалось тѣми-же словами. — *Примѣчаніе Пушкина.*

2) *Первоначально было*: грубые.

3) *Первоначально было:* Трудность искусно побѣжденная.

4) *Первоначально было:* уже философствовали каждый по своему.

5) *Первоначально было:* простодушное.

6) *Первоначально было:* легко разсказанная.

7) *Далѣе зачеркнуто:* среднихъ вѣковъ.

8) *Въ рукописи:* чуднымъ.

9) *Первоначально было:* облеклися въ живыя формы.

10) *Далѣе зачеркнуто:* первый изъ французскихъ тогдашнихъ сти[хотворцевъ].

lib.pushkinskijdom.ru

воровство и висилицу; наслѣдникъ его Маротъ, со[временникъ Аріоста Камоенса и Спенсера rima des triolets fit fleurir la ballade].

II.

Разсмотря безчисленное множество мѣлкихъ стихотвореній балладъ, рондо, вирле, сонетовъ и поэмъ аллегорическихъ, сатирическихъ, рыцарскихъ романовъ, сказокъ, фабліо, мистерій etc. коими наводнена была Франція [1]) въ началѣ 17 столѣтія [2]), нельзя не сознаться въ безплодной ничтожности сего мнимаго изобилія [3]) — Трудность искусно побѣжденная щастливо подобранное повтореніе (refrain) легкость оборота, простодушная шутка, искреннее изрѣченіе — рѣдко вознаграждаютъ усталаго изыскателя [4]).

Романтическая поэзія пышно и величественно разцвѣтала во всей Европѣ. Германія давно имѣла свои Nibelungen [5]), Португалія Лузіаду—Испанія Лопе де Вегу и Калдерона, и Серван‹теса›, Анг‹лія› Шекс‹пира› Италія — свою тройственную поэму [въ которой всѣ знанія, всѣ повѣрія, всѣ страсти среднихъ вѣковъ — были воплощены и преданы, такъ сказать осязанію, въ живописныхъ терцинахъ [6]) Dante [7])] а у французовъ Вильонъ [8]) воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ кабаки и висилицу, и почитался первымъ народнымъ поэтомъ! — Наслѣдникъ его

1) *Въ рукописи:* франц‹узская›ія [поэзія].

2) *Первоначально было:* въ концѣ 16-го ‹столѣтія›.

3) *Далѣе зачеркнуто:* поэзія младенчествовала.

4) *Далѣе зачеркнуто:* Проза и тогда уже имѣла рѣшительный перевѣсъ. Скептикъ Монтань и циникъ Рабле были современники Мароту и Ронсару.

5) *Въ рукописи:* Нибелунgen.

6) *Первоначально было:* въ стихахъ.

7) *Далѣе слѣдуетъ:* Аріосто, Тассо, Камоенсъ, Лопе де Вега, Калдеронъ, Сервантесъ Спенсеръ Чаусеръ, наконецъ Шекспиръ уже одарили человѣчество своими созданіями.

8) *Въ рукописи:* вороватый Вильонъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Маротъ жившій въ одно время съ Аріостомъ и Камоенсомъ[1]) rima des triolets fit fleurir la ballade. Проза уже имѣла рѣшительный перевѣсъ. Скептикъ Монтань и циникъ Рабле были современники Тассу[2]).

Стр. 221, строки 16—17: ...на *словесность романт‹ическую›*... (Р⁷).

» 221, » 17: ...*Владычество* Мавровъ...(Р⁷).

» 221, » 18: Мавры *сообщили* ей...(Р⁷).

» 221, » 18—19: ...*страсть* къ чудесному...(Р⁷).

» » » » ...*вкусъ* къ чудесному...(Р⁷).

» » » 19: ...роскошныя *Выраженія* Восточнаго краснорѣчія...(Р⁷).

» 221, » 20—21: ...новыя понятія о *чести*...(Р⁷).

» 221, » 21—22: ...*лагеря* Годфрида и Ричарда (Р⁷).

» 221, » 24: ...*быстро и* пышно...(Р⁷).

» 221, » 24—25: ...*въ полуд‹енной› Европѣ* — (Р⁷).

» 221, » 25: Италія *овладѣла Романтической* Эпопеей — (Р⁷).

» 221, » 25—26: Гишпанія *взяла* Трагедію — (Р⁷).

» 221, » 26—27: Англія *гораздо послѣ* противу именъ Dante, Аріосто, и Калдерона, съ гордостію выставила...(Р⁷).

» » » » Англія *уже въ послѣдст‹віи›* противу именъ *дикаго* Dante...(Р⁷).

» 221, » 28—30: Германія (что довольно странно) отличалась Сатирой *ѣдкой шутливой, коей памятникомъ остается* Ренике Фуксъ (Р⁷).

» 221, » 31—стр. 222, строка 2: Лучшій стихотворецъ временъ Фр‹анциска› I,

1) *Первоначально было:* современникъ ‹Аріоста и Камоенса›.

2) *Первоначально было:* замѣнили прозаическимъ своимъ соотечественникамъ возвышенныя произведенія эпопеи и драмму Аріоста и Калдерона.

lib.pushkinskijdom.ru

(современникъ Тасса, Маротъ) rima des triolets fit fleurir la ballade[1]) (P[7]).

Стр. 222, строка 2: Проза уже *тогда брала* сильный перевѣсъ (P[7]).

» 222, » 4—13: *У другихъ Евр‹опейскихъ› народовъ* поэзія существовала прежде появленія *Безсмертныхъ* Геніевъ, *одарившихъ человѣчество своими великими созданіями. Сіи Геніи, шли* по дорогѣ уже проложенной. Но *у Французовъ возвышенные* Умы *17-го столѣ‹тія›* застали *народную* поэзію въ *пеленкахъ по* справедливо*сти* презрѣли ея *безсиліе* и обратились къ образцамъ *Классической Древности*... Буало поэтъ одаренный мощнымъ талантомъ и рѣзкимъ умомъ обнародовалъ *свое уложеніе,* и словесность ему покорилась. *Старый Корнель одинъ остался представителемъ романтической трагедіи которую такъ славно вывелъ онъ на Франц‹узскую› сцену*[2]) (M[8]).

---

1) Фраза эта нѣсколько разъ перечеркнута и передѣлана въ тетради № 2387B, л. 33, и напечатана нами въ текстѣ по рукописи № 28 изъ собранія Л. Н. Майкова.

2) *Первоначальная редакція этого отрывка была такая:* Романтическая поэзія коей изобра(зи)ли мы смиренное начало пышно процвѣтала во всей Европѣ, но у Французовъ образованность застала ее въ пеленкахъ. Лучшіе Умы вѣка Людовика XIV справедливо презрѣли ея безсиліе и обратились къ образцамъ классической древности. Буало человѣкъ одаренный умомъ рѣзкимъ и сильнымъ и талантомъ, необыкновеннымъ, обнародовалъ свое уложеніе, и все ему покорилось (M[8]).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 222, строка 5: ...прежде появленія *Великихъ* Геніевъ — (Р⁷).

» 222, » 8— 9: ...въ ребячествѣ *въ ограниченномъ кругу невѣжествующихъ бродягъ*[1]) (Р⁷).

» » » » ...безо всякаго *вліянія на умъ народный*[2]) (Р⁷).

» 222, » 10—11: ...къ древнимъ *источника‹мъ›* (Р⁷).

» 222, » 11—12: Буало обнародовалъ свой Коранъ[3]) — (Р⁷).

» 222, » 17—18: ...о многочисленныхъ подражаніяхъ *симъ двумъ Геніямъ*...(Р⁷).

» » » » ...подражаніяхъ *тѣмъ и той*... (Р⁷).

» 222, » 18—19: ...легче превзойти Геніевъ въ *безразсудной наглости и въ порывахъ безнравст‹венности›*...(Р⁷).

» 222, » 21: *Нѣсколько молодыхъ* людей, одаренныхъ талант*ами*...(М⁸).

» 222, » 22: ...подлостью *отечественной словесности*...(М⁸).

» 222, » 22—24: ...*по*думали что скудость языка была тому виною, и *силились* пересоздать...(М⁸).

» 222, » 27—29: Но труды Ронсара, Жоделя и Дюбелле *были* тщетными. *Имена ихъ заб‹ыты›*. *Простонародный* языкъ *вскорѣ отвернулъ* направлені*е*, ему чужд*ое*...(М⁸).

» 222, » 31: ...оцѣненный *Законодателемъ*...(М⁸).

---

1) *Сверху написано:* мужи(ковъ).

2) *Сверху написано:* сердце народа.

3) Въ напечатанномъ нами текстѣ сохранена редакція рукописи № 2384, л. 17.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 223, строка 9: Но *нынъ* Малербъ забытъ...(М⁸).
» 223, » 10—11: ...въ бореніи съ *языкомъ*...(М⁸).
» » » » ...въ *созиданіи*[1]) *языка еще зыбкаго*...(М⁸).
» 223, » 11—12: *Урокъ* писателямъ, пеку*щимся* болѣе... (М⁸).
» 223, » 13—14: ...внутренней его жизни, независящей отъ *измѣ‹не›нній времени*... (М⁸).
» 223, » 15: Какимъ *образомъ*...(М⁸).
» 223, » 19—20: Политика-ли Кардинала Ришеліе, тщеславная ли *щедрость* Людовика XIV...(М⁸).
» 223, » 22: *une réunion* Геніевъ...(М⁸).
» 223, » 24: ...посредств‹енныхъ› или *бездарныхъ* писателей...(М⁸).
» 223, » 25—26: ...тотчасъ *являются*...(М⁸).
» 223, » 27—28: И владычество ихъ надъ ум[ами] *Европы* гораздо легче объясняется *неоспоримымъ ихъ достоинство‹мъ›*... (М⁸).
» 224, » 17: ...*даетъ* совѣ‹тъ›...(Р⁴).
» 224, » 18—19: ...если *желаютъ они сохранить* покровительство Апол‹лона› и Бога Вкуса — (Р⁴).
» 224, » 19—20: Ни одинъ изъ Франц‹узскихъ› поэтовъ не *презрѣлъ господств‹ующихъ› мнѣній, чтобы* быть самобытнымъ... (Р⁴).
» 224, » 22: Расинъ *умолкнулъ* увидя не-успѣхъ своей *At‹halie›*...(Р⁴).
» 224, » 26: — *и что была Фр‹анцузская› публика*? (Р⁴).

1) *Другой варіантъ:* въ утвержденіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 224, строки 33—34: . . .*Люд‹овикъ› XIV* чувствовалъ важность литературы — (Р⁴).

» 225, » 3: . . .*обложены* (sic) пенсіями — (Р⁴).

» 225, » 7— 8: . . .Буало, *за право смѣяться надъ своею собратіей долженъ былъ хвалить Вели‹каго› Короля* . . . (Р⁴).

» 225, » 10—11: . . .Мольеръ *забавлялъ* дворъ *сво‹имъ› Геніемъ* . . . (Р⁴).

» 225, » 13—16: . . .[Лафонтенъ] (не смотря на господствующую набожность) *писалъ* въ Голландіи свои веселыя сказки о Мона*шенькахъ*, а *Фенелонъ* въ *своемъ Телемакѣ* ‹помѣщалъ› язвительную ‹сатиру› *противу* славнѣйшаго Царствованія — (Р⁴).

» 225, » 17: Лаф‹онтенъ› умеръ безъ пенсіи *на рукахъ св‹оего друга Hervart›* (Р⁴).

» 225, » 22—23: . . .*вездѣ* одно семейство (Р⁴).

» 225, » 24—стр. 226, строка 25: Между тѣмъ Великій Вѣкъ миновался — Людовикъ XIV умеръ пережив свою славу — и поколѣніе своихъ современниковъ — Новыя мысли, новое направленіе отзывались[1]) въ умахъ, алкавшихъ[2]) новизны. *Духъ порицанія* etc.[3]) *Во Франціи* Монтескіе обдумывалъ *Духъ Законовъ*, отдыхалъ за Перс‹идскими› Письм‹ами› . . .[4]) молодой Вольтеръ, готовился къ своему роковому предназначенію.

1) *Первоначально было:* начинали отзываться.

2) *Первоначально было:* алчущихъ.

3) *Далѣе слѣдуетъ:* Поэзія уступила владычество прозѣ.

4) *Далѣе зачеркнуто:* Фонтенель, свидѣтель предшествовавшаго вѣка... Аруэтъ, вышедъ изъ Бастиліи, уже назывался...

lib.pushkinskijdom.ru

Умы пренебрегая[1]) словесность[2]) цвѣты и благор‹одныя› игры воображенія, готовились къ роковому предназначенію X‹V›III вѣка...

Стр. 225, строки 24—26: Между тѣмъ духъ *критики* начиналъ проявляться во Франціи *и философія подавляла поэзію* — (P⁴).

» 225, » 30: Вольтеръ, великанъ сего *времени*, овладѣлъ...(P⁴).

» 225, » 30: Онъ написалъ Епопею, съ намѣреніемъ уронить[3]) Каѳолицизмъ[4]) *со всѣми ужасами Варѳоломе‹е›вской ночи, цареубійствомъ Генриха и выбралъ себѣ въ герои*[5]) *Гасконца, говорившаго: Paris vaut bien une messe, и Парижъ стоитъ обѣдни* (P⁴).

» 225, » 4— 5: ...Философія *шутила* общепонятнымъ ‹языкомъ›...(P⁴).

» 226, » 8—10: ...весь его разрушительный *и насмѣшливый*[6]) Геній *рѣшился* излиться въ поэмѣ, гдѣ *религія, патріотизмъ и* всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству были принесены въ жертву Демону смѣха и ироніи (P⁴).

» 226, » 12: ...своими *криками* — (P⁴).

» 226, » 13: *Всѣ* Умы *покорились ему, и стали* слѣдовать *направленію имъ данному* — (P⁴).

---

1) *Первоначально было:* уже dédaignant.
2) *Первоначально было: чистую* словесность.
3) *Сверху написано:* омрачить.
4) *Въ рукописи:* Коѳолицизмъ.
5) *Далѣе слѣдуетъ:* скептическаго героя.
6) *Сверху написано:* односторон‹н›ій (?).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 226, строки 13—14: Задумчивый *Софистъ* Руссо провозгласилъ себя его ученикомъ, *дѣлается его врагомъ, но слѣдуетъ направленію отъ него полученному*...(P⁴).

» 226, » 15—16: Англія привѣтствуетъ *его именемъ Патріарха; Юмъ, Гиббонъ и Вальполь ѣдутъ въ Парижъ*...(P⁴).

» 226, » 16—17: *Цари* вступаютъ съ нимъ въ дружескую переписку...(P⁴).

» 226, » 19—21: ...съ вост‹оргомъ› благословляя внука *Американца* Франклина — и привѣтствуя *Америку словами новыми для обоихъ свѣтовъ* (P⁴).

» 226, » 22: *Старое* общество *готово* для великаго разрушенія — (P⁴).

» 226, » 24: ...*подъ сводомъ* темницы...(P⁴).

» 226, » 26—27: Бомарше осмѣиваетъ влечетъ на сцену *разоблачаетъ* и терзаетъ... (P⁴).

» 227, » 3: Европа, *étourdie*...(P⁴).

» 227, » 5— 6: ...правила Францу‹зской› *школы* (P⁴).

» 227, » 8: ...*столь-же* суха, *жеманна* и ничтожна...(P⁴).

» 227, » 12: Обратимся къ *нашему сѣверу* (P⁴).

» 227, » 13: Приступая къ *обозрѣнію* Словесности руской (tel que la fait la civilisation)...(M⁴).

» 227, » 14: ...взглянуть на *литературу ей пре‹д›шедствовавшую*...(M⁴).

» 227, » 15: ...памятники *стараго*[1]) *нашего языка*...(M⁴).

---

1) *Первоначально было:* древняго.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 227, строка 15: ...памятники *древней*[1]) Руси...(М[4]).
» 227, » 15—16: ...*показать* съ благоговѣніемъ... (М[4]).
» 227, » 16: ...пыльныя рукописи *монастырей*... (М[4]).
» 227, » 16—17: ...*оживить* пѣснопѣнія *скальдовъ*... (М[4]).
» 227, » 17: ...сказки и пѣсни веселыхъ *Трувеpовъ*...(М[4]).
» 227, » 18: ...или *мистеріи* — (М[4]).
» » » » ...или *полудуховныя драмматическія игрища* — (М[4]).
» 227, » 18—19: ...съ этою *foule пьесъ* поэмъ романсовъ, мистерій...(М[4]).
» 227, » 20: ...коими *наполнены* Европейскія литерат‹уры›...(М[4]).
» 227, » 25: ...*добро*душною сатирою...(М[4]).
» 227, » 26—27: ...*гротескъ* полудуховной мистеріи... (М[4]).
» » » » ...*живостію*[2]) полудуховной мистеріи...(М[4]).
» 227, » 29—30: За нами *совершенная* степь, *гдѣ* возвышается единственный памятникъ...(М[4]).
» » » » ...степь, на *которой*...(М[4]).

По поводу очерка литературы Анненковъ пишетъ: „Любимая критическая система Пушкина“ „была система сближеній и повѣрки подражанія на образцѣ, или разбора двухъ произведеній, навѣянныхъ однимъ направленіемъ: тутъ открывалась обильная пища его мѣткому и практическому смыслу. — Программа обозрѣнія Русской Сло-

1) *Первоначально было:* старой.
2) *Третій варіантъ:* поэзіей.

lib.pushkinskijdom.ru

весности, вмѣстѣ съ изложеніемъ хода Французской ея предшественницы, показываетъ намѣреніе автора опредѣлить характеристическія особенности каждой и, сравненіемъ источника съ поддѣлкой, пояснить обоихъ въ существеннѣйшихъ качествахъ ихъ“ (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы. СПб. 1878 г., стр. 259).

Среди вопросовъ, затронутыхъ въ статьѣ поэта, выдѣляется вопросъ о романтизмѣ: „Но на пути новаго и обстоятельнаго опредѣленія романтизма Пушкинъ“, по справедливому указанію того-же Анненкова, „встрѣтилъ непреодолимыя затрудненія, которыхъ и не могъ побѣдить[1]). Напрасно прибѣгалъ онъ къ возобновленію въ памяти курса французской словесности и начиналъ исторію романтизма съ провансальской поэзіи и труверовъ, отыскивая въ ихъ риѳмованныхъ сонетахъ, рондо, тріолетахъ первыя сѣмена романтизма; напрасно противопоставлялъ свойства и пріемы *народныхъ* драмъ Кальдерона, Шекспира и проч. *придворнымъ* трагедіямъ псевдоклассиковъ временъ Людовика XIV, думая уловить въ этомъ контрастѣ коренные признаки и отличія обѣихъ школъ; напрасно также наконецъ, какъ бы изъ отчаянія въ неуспѣхѣ своихъ изысканій, совѣтовалъ просто различать классическія произведенія отъ романтическихъ не по духу и содержанію ихъ, ибо тогда въ иномъ классическомъ созданіи найдутся ясные элементы романтизма, какъ и наоборотъ, а только по формамъ, которыя уже не могутъ обмануть, будучи типически различными между собою — все напрасно! Построеніе какой-либо эстетической теоріи на романтизмѣ — не давалось ему, что̀ онъ ни дѣлалъ“.

Многіе отрывки, изъ которыхъ Пушкинъ намѣревался составить статью, съ точки зрѣнія Анненкова, — „длинныя компиляціи“ изъ различныхъ „курсовъ“, „образ-

1) *Въ оригиналѣ:* и побѣдить не могъ.

lib.pushkinskijdom.ru

чики пересказать ихъ содержаніе своими словами и дополнить своими комментаріями", почему они и не попали въ „Матеріалы", „какъ черновая работа, только внѣшне, механически принадлежащая поэту" (*П. В. Анненковъ.* А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПб. 1874 г., стр. 227—228). — При этомъ подъ „курсами" Анненковъ, очевидно, разумѣетъ сочиненія Вильмена[1]), Сисмонди[2]), братьевъ Шлегелей[3]), Женгене[4]) и др.

Другой комментаторъ пушкинскаго очерка по исторіи литературы, П. О. Морозовъ, отмѣчаетъ, что „статья написана была не сразу" и что авторъ „на дальнѣйшихъ страницахъ нерѣдко развивалъ мысли уже изложенные ранѣе". „Основной планъ" поэта „заключался въ томъ, чтобы послѣ небольшого вступленія разсмотрѣть главные факты литературы французской, имѣвшей такое сильное вліяніе на русскую, и затѣмъ обратиться къ этой послѣдней" (*А. С. Пушкинъ.* Сочиненія и письма. Изданіе Т-ва „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 647).

Планъ былъ старый. Извѣстно, что еще въ 1824 г. Пушкинъ имѣлъ намѣреніе „написать кое-что о нашей бѣдной словесности", но, повидимому, былъ отвлеченъ другими трудами (Переписка, т. I, стр. 106). Поэтъ проявлялъ также большой интересъ къ романтизму, о которомъ часто толковалъ въ своихъ письмахъ къ друзьямъ, и былъ совершенно неудовлетворенъ извѣстными ему

1) *Abel-François Villemain.* Cours de littérature française: 1) Littérature du Moyen Age, en France, en Italie, en Espagne et en Angleterre. Paris. 1830; 2) Tableau du dix-huitième siècle, Paris. 1829.

2) *Jean-Charles-Léonard Simonde de Sismondi.* De la littérature du Midi de l'Europe. Paris. 1829.

3) *Auguste-Wilhelm Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Traduit de l'Allemand. Paris. 1814.

Friedrich Schlegel. Histoire de la Littérature ancienne et moderne; traduite de l'allemand, sur la dernière édition, par William Duckett. Paris. 1829.

4) *Pierre-Louis Ginguené.* Histoire littéraire d'Italie. Paris. 1811—1819.

lib.pushkinskijdom.ru

опредѣленіями этого сложнаго литературнаго направленія. „Все не то“, говорилъ онъ, и постепенно убѣждался, что русскіе литераторы имѣютъ „самое темное понятіе о Романтизмѣ“.

Его брала иногда „охота спорить“ съ П. А. Вяземскимъ. „Говоря объ Романтизмѣ, ты гдѣ-то пишешь“, обращается поэтъ къ князю: „что даже стихи со времени рев‹олюціи› носятъ новый образъ, и упоминаешь объ А‹ндреѣ› Ш‹енье›. Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта, но онъ истинный Грекъ, изъ классиковъ классикъ... Первыя думы Ламартина въ св‹оемъ› родѣ едва-ли не лучше Думъ Рылѣева; послѣднія прочелъ я недавно и еще не опомнился—такъ онъ вдругъ выросъ... Парни — древній, Millevoye ни то, ни се, но хорошъ только въ мѣлочахъ элегическихъ. La Vigne школьникъ Вольтера и бьется въ старыхъ сѣтяхъ Аристотеля. Помни мое слово — первый поэтическій Геній въ Отечествѣ Буало ударится въ такую бѣшеную свободу, что — что̀ твои нѣмцы. Покамѣсть во Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ“. — Приведенныя нами строки изъ чернового письма отъ 4-го ноября 1823 г. повторены съ нѣкоторыми измѣненіями въ черновикѣ записки на имя Вяземскаго отъ 5-го іюля 1824 г. Здѣсь, между прочимъ, есть слѣдующее интересное дополненіе: „Tous les recueils de poésies nouvelles dites Romantiques sont la honte de la littérature française“ (Переписка, т. I, стр. 83, 123, 218, 308. — Ср. настоящій томъ, №№ 7 и 15, и примѣчанія къ нимъ).

— (*Стр. 217, строка 29 — стр. 218, строка 4*). Сбивчивыя, иногда противорѣчивыя опредѣленія романтизма приведены въ статьѣ Людовика Вите, помѣщенной въ *Le Globe* 2-го апрѣля 1825 г.: „Voyez, les premiers qui nous apportèrent d'au-delà du Rhin ce mot de Romantisme, il y a vingt ans au plus: quelles étaient selon eux les conditions pour être romantique? Il fallait

lib.pushkinskijdom.ru

rompre tout commerce avec la mythologie paienne et avec les souvenirs de l'antiquité grecque et romaine, ne puiser ses inspirations que dans les mystères du christianisme et dans les hauts faits du Moyen-Age; le romantisme, c'était la poésie des peuples du Nord opposée à celle des peuples du Midi, la poésie de la langue *romane* et, pour ainsi dire, la continuation des chants des trouvères et des troubadours. D'autres sont venus depuis, il y a peut-être cinq ou six ans, qui, partant d'un point de vue différent, ont dit: Le romantisme, c'est l'imitation fidèle des choses telles qu'elles sont; le classicisme se plaît dans l'idéal, le romantisme dans le réel; l'un reste dans les généralités, l'autre pénètre dans les individualités, il peint les caractères, non les passions, les hommes, non les idées. Ceux-ci ont inscrit sur leur bannière le nom de sir Walter Scott, comme les premiers celui de lord Byron. — D'autres n'ont voulu voir dans la querelle des classiques et des romantiques que le renouvellement de la vieille querelle des anciens et des modernes. — Quelques-uns, divisant toutes les littératures en littératures originales et littératures d'imitation, n'ont reconnu pour romantiques que les premières, pour les classiques que les secondes. — Enfin, nous ne parlons pas de ceux qui ont transformé le romantisme en une école de néologisme, de faux enthousiasme, de fausse sensibilité, de mélancolie fade et vaporeuse; ceux-là, comme bien l'on pense, ne sont romantiques que de nom, et le ridicule en a déjà fait justice" (*Th. Ziesing.* Le Globe, de 1824 à 1830, considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich. 1881, pp. 204—205. — *Revue des Lettres Françaises et Étrangères*, 1900, tome II, pp. 129—136).

Другая сводка разнообразныхъ мнѣній о романтизмѣ сдѣлана въ женевскомъ журналѣ *Bibliothèque Universelle* и на русскомъ языкѣ помѣщена въ *Московскомъ Телеграфѣ*. Авторъ сводки Адольфъ Пикте такъ изображаетъ лите-

lib.pushkinskijdom.ru

ратурныя пренія своихъ современниковъ: „Члены всѣхъ партій, писатели всѣхъ классовъ, отъ почетнаго Академика до покорнаго журналиста, говорили въ пользу или противъ Романтизма. Его хвалили, унижали, превозносили, осуждали, осмѣивали — въ прозѣ и стихахъ, книгахъ и брошюрахъ, сатирахъ и водевилях, рѣчахъ академическихъ и эпиграммахъ. Среди сего множества различныхъ сужденій, едва-ли встрѣчаются двѣ согласныя мысли, два мнѣнія, которыя были-бы слѣдствіемъ одинакаго способа воззрѣнія... Иные въ Романтическомъ родѣ видятъ одно отсутствіе правилъ, новословіе, изысканность языка, темноту мыслей и буйство воображенія. Есть писатели, которые, откровенно почитая и объявляя себя Романтиками, повидимому, убѣждены, что токмо въ вышеозначенныхъ подробностяхъ состоятъ существенные признаки рода. Иные полагаютъ, что Романтизмъ есть изображеніе старыхъ временъ и нравовъ, а другіе, что сей родъ представляетъ настоящую эпоху, или что всякая поэзія, которая нравится въ какое нибудь извѣстное время, есть Романтическая. Одни превозносятъ, какъ главный характеръ сего рода, добродушіе, другіе чувствительность; наконецъ, въ заключеніе нашего исчисленія, скажемъ, что положительныя стороны жизни, преходящія мечты, уныніе и радость, ужасное и трогательное, томный свѣтъ луны и сіяніе солнца, все это было поперемѣнно приводимо, какъ несомнѣнное доказательство Романтическаго рода“ (*Московскій Телеграфъ*, 1828г., ч. XXIII, № 17, стр. 4—5, 7. — Ср. *Bibliothèque Universelle*, 1826, t. XXXIII, pp. 218—219, etc.).

Слова Пушкина о неотчетливомъ пониманіи французскими критиками романтизма легко могли быть вызваны вышеупомянутыми статьями Вите и Пикте.

— (*Стр. 218, строки 13—14*). Гимны знаменитаго греческаго лирика Пиндара (род. въ 522 г., ум. въ 442 г. до Р. Х.) свидѣтельствуютъ о величіи міросозерцанія

lib.pushkinskijdom.ru

автора, поражающаго нравственнымъ и религіознымъ подъемомъ духа, тогда какъ оды „пѣвца розъ, вина и любви“ Анакреонта (VI в. до Р. Х.) представляютъ собою проповѣдь наслажденія жизнью и легкаго беззаботнаго отношенія ко всему окружающему.

— (*Стр. 218, строка 14*). Сатира Горація, по словамъ О. А. Шебора, „направлена не столько къ безпощадному бичеванію человѣческихъ пороковъ, сколько къ болѣе или менѣе добродушному осмѣянію человѣческихъ предразсудковъ и слабостей, лишающихъ человѣка нравственной свободы и отравляющихъ его жизнь“. Цѣль поэта — „ridentem dicere verum“ (Sat. I, 1, 24). Между тѣмъ, Ювеналъ, возставая противъ разврата современниковъ, металъ въ своихъ сатирахъ громъ и молніи и открыто заявлялъ: „facit indignatio versum“ (Sat. 1, 89).

— (*Стр. 218, строки 14—15*). Католицизмъ и сентиментально элегическій тонъ рѣзко отличаютъ поэму Торквато Тассо (род. въ 1544 г., ум. въ 1595 г.) отъ героическаго эпоса Вергилія Марона (род. въ 70 г., ум. въ 19 до Р. Х.), ярко національнаго римскаго поэта — выразителя античныхъ воззрѣній.

— (*Стр. 218, строка 30*). Лукрецій Каръ (род. въ 98 г., ум. въ 55 г. до Р. Х.) — авторъ философско-дидактическаго сочиненія „De rerum natura“, послѣдователь Эпикура и раціоналистъ въ объясненіи явленій природы.

О перечисленныхъ выше римскихъ поэтахъ Пушкинъ писалъ: „У Римлянъ вѣкъ посредственности предшествовалъ вѣку *геніевъ* — грѣхъ отнять это титло у таковыхъ людей, каковы Виргилій, Горацій, Тибуллъ, Овидій и Лукрецій хотя они (виноватъ! Горацій не подражатель) — кромѣ двухъ послѣднихъ, шли столбовою дорогою подражанія (Переписка, т. I, стр. 225: письмо къ А. А. Бестужеву отъ конца мая — начала іюня 1825 г.).

— (*Стр. 219, строки 12—13*). Объ „умахъ, которые

lib.pushkinskijdom.ru

уже не могутъ довольствоваться блестящими играми воо‹браженія› и гармоніи", Пушкинъ упоминаетъ въ статьѣ, гдѣ выясняетъ причины, замедлившія ходъ нашей словесности (№ 6, стр. 11).

— (*Стр. 219, строка 28 — стр. 220, строка 4*). Въ письмѣ Пушкина къ П. Я. Чаадаеву отъ 19-го октября 1836 г. есть слѣдующія строки объ историческомъ предназначеніи Россіи: „Il n'y a pas de doute que le schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands événements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête des Mogoles. Les tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales. et nous baisser à dos. Ils se sont retiré‹s› vers leurs déserts, et la civilisation Chretienne a été sauvée" (Переписка, т. III, стр. 387).

— (*Стр. 212, строка 27*). Копіевичъ — Илья Федоровичъ, полякъ, жившій въ Амстердамѣ и получившій отъ Петра Великаго привилегію на печатаніе русскихъ книгъ.

— (*Стр. 221, строки 18—19*). О восточномъ вліяніи на романтическую поэзію Пушкинъ могъ почерпнуть свѣдѣнія изъ трудовъ П. А. Женгене и Ж. Ш. Сисмонди (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 239, № 944 и стр. 338, № 1391. — См. *Н. К. Козминъ*. Н. И. Надеждинъ. СПб. 1912 г., стр. 176—182).

— (*Стр. 221, строка 27*). По свидѣтельству А. О. Смирновой, Пушкинъ говорилъ, что Данте и Шекспиръ — два „гиганта, создавшіе цѣлое человѣчество". „Божественная Комедія" — любимая книга нашего поэта; читая ее, онъ убѣдился, что „прекрасному надлежитъ быть величественнымъ". Пушкинъ восхищался „смѣлостію изобрѣтенія" италіанскаго художника; „единый планъ Дантова Ада" казался ему „плодомъ высокаго генія" [*А. О. Смирнова*. Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 185—186. —

lib.pushkinskijdom.ru

Настоящій томъ, стр. 14, 42. — Переписка, т. I, стр. 219, 225; т. II, стр. 18. — Ср. „Сонетъ“ (1830 г.), „Подражаніе Данту“ (1832 г.) и отрывокъ „Зорю бьютъ“ (1829 г.)] [1]).

Аріосто (род. въ 1474 г., ум. въ 1533 г.) также принадлежалъ къ числу интересовавшихъ Пушкина „романтиковъ“. Поэтъ считалъ неотъемлемымъ достоинствомъ Аріосто „великую народность“, подражалъ ему въ „Русланѣ и Людмилѣ“ и перевелъ часть XXIII пѣсни изъ „Orlando furioso“ (т. IV, стр. 153—157, и примѣчанія, стр. 201—210; настоящій томъ, стр. 26. — Переписка, т. I, стр. 219, 226. — *Пушкинъ.* Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1911 г., т. V, стр. 420).

Кальдеронъ (род. въ 1600 г., ум. въ 1681 г.), хотя и упоминается Пушкинымъ, едва ли былъ хорошо извѣстенъ ему. По крайней мѣрѣ, въ 1825 г., поэтъ писалъ: „Je n'ai pas lu Calderon, ni Vega“. Впослѣдствіи, онъ пріобрѣлъ сочиненія Кальдерона въ изданіи Кейля, но, повидимому, не читалъ ихъ. Вѣроятнѣе всего, онъ ознакомился съ испанскимъ драматургомъ изъ вторыхъ рукъ. Пушкинъ призналъ Кальдерона народнымъ писателемъ и хвалилъ смѣлость его выраженій (настоящій томъ, стр. 26, 44. — Переписка, т. I, стр. 248. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 183, № 700).

— (*Стр. 221, строка 28*). Пушкинъ былъ знакомъ съ произведеніями автора „Царицы фей“ Эдмонда Спенсера (род. въ 1553 г., ум. въ 1599 г.), и изучалъ лучшія сочиненія Джона Мильтона (род. въ 1608 г., ум. въ 1674 г.) на англійскомъ языкѣ и во французскомъ переводѣ. Мильтонъ, по словамъ Пушкина, — суровый фанатикъ, строгій творецъ Иконокласта и книги: „Defensio populi“, авторъ „пророческаго сонета Cromwell, our chief“, „въ бѣдности, въ гоненіи и въ слѣпотѣ сохранившій непреклонность

[1]) См. изслѣдованіе М. Н. Розанова: „Пушкинъ и Данте“ (*Пушкинъ и его современники*, в. XXXVII).

lib.pushkinskijdom.ru

души", — „поэтъ все вмѣстѣ и изысканный и простодушный, темный, запутанный, выразительный, своенравный, и смѣлый даже до безсмыслія". — Въ салонѣ Смирновой Пушкинъ назвалъ Мильтона „великимъ англійскимъ классикомъ" и выразилъ увѣренность, что творецъ „Потеряннаго Рая" „читалъ только Библію и древнихъ Грековъ". Мильтонъ, по мнѣнію Пушкина, „гораздо болѣе эллинъ, чѣмъ Поппъ, считающійся архиклассикомъ. Его Сатана не богословскій, онъ слишкомъ греческій" (Настоящій томъ, стр. 43—44, 386, 390. — Переписка, т. I, стр. 225. — *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 93. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX — X, стр. 290, №№ 1173—1176).

— (*Стр. 221, строки 29—30*). Гете, обработавъ въ гекзаметрахъ древне-германскій животный эпосъ, создалъ сатирическую поэму „Рейнеке-Фуксъ" (1794 г.).

— (*Стр. 221, строки 31—33*). François Villon (род. въ 1431 г., ум. въ 1463 г.) — своеобразный, но талантливый французскій поэтъ XV вѣка, увѣковѣченный въ „Art poétique" Буало.

> Durant les premiers ans du Parnasse françois,
> Le caprice tout seul faisait toutes les lois.
> La rime, au bout des mots assemblés sans mesure,
> Tenait lieu d'ornements, de nombre et de césure.
> Villon sut le premier, dans ces siècles grossiers,
> Débrouiller l'art confus de nos vieux romanciers.

Другая яркая характеристика Вильона, извѣстная Пушкину, сдѣлана А. Ф. Вильменомъ. „Enfant de Paris, comme on disait alors, ses idées, ses sentiments, ses images vous montrent ce qu'était la corruption d'une grande ville. C'est un homme dont le théâtre est la petite halle, le marché, le Pré aux Clercs; ses tours sont des friponneries; quelques-uns de ses vers même sont en style d'argot, langue qui a

lib.pushkinskijdom.ru

vieilli comme l'autre. Marot, qui par l'ordre de François I-er, dont le gôut délicat s'amusait cependant, aux poésies de Villon, fit paraître une édition plus soignée de ce poëte, disait de ces pièces: „Touchant le jargon, je le laisse à corriger et à expliquer aux successeurs de Villon en l'art de la pince et du croc". Quant au reste de ces poésies, peu nombreuses, il y a bien de la rouille encore; mais elles ont parfois un caractère qui plaît, et que l'on n'attendrait pas surtout d'un pareil homme. C'est un sorte de mélancolie, un retour amer et triste sur cette vie si courte, si gâtée par le vice et par la folie. — On se demande où Villon a puisé de tels sentiments. Il est vrai qu'il a vu de près la mort, qu'il faillit deux fois être pendu, et qu'un appel extraordinaire le sauva. Mais ce n'est pas alors qu'il fut mélancolique. Les pièces faites dans la prison du Châtelet sont toutes bouffonnes; il nargue la potence avec des expressions si grossières, que le cynisme en détruit la hardiesse. Mais quand il est libre, heureux, et que, sous la protection de quelques grands seigneurs libertins, qui aimaient en lui leur poëte, il peut mener une douce vie, c'est alors qu'il tombe dans cette étrange mélancolie qui lui a inspiré quelques vers pleins de charme et de tristesse... Ainsi cet escroc, ce gibier de prison, avait une âme de poëte, et, dans une vie honteuse et un siècle grossier, il a eu quelques inspirations, qui égalent ce que, dans une civilisation éclairée, un génie délicat et pur peut exprimer de plus touchant. Cela justifie fort bien Boileau de l'avoir mis en tête de nos vieux poëtes (*A. F. Villemain.* Cours de littérature française. Tableau de la littérature du moyen âge. Paris, 1846, t. II, pp. 245—247).

— (*Стр. 221, строка 33 — стр. 222, строка 2*). Clément Marot (род. въ 1495 г., ум. въ 1544 г.) — французскій придворный поэтъ эпохи Возрожденія, авторъ разнообразныхъ пѣсенъ, разсказовъ, элегій и переводчикъ античныхъ писателей. Буало призываетъ современни-

lib.pushkinskijdom.ru

ковъ подражать изящному Маро и посвящаетъ ему такіе стихи.

Marot bientôt après[1]) fit fleurir les ballades,
Tourna des triolets, rima des mascarades,
A des refrains réglés asservit les rondeaux
Et montra pour rimer des chemins tous nouveaux.

(«Art poétique». Chant I, vv. 119—122).

— (*Стр. 222, строка 1*). Пушкинъ дважды упоминаетъ о Камоэнсѣ (род. въ 1525 г., ум. въ 1580 г.), въ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ.

Камоэнсъ съ нищими постелю раздѣляетъ,

говорится въ посланіи „Къ другу стихотворцу“ (1814 г.), а въ піесѣ „Бова“ (1815 г.) о творцѣ „Лузіады“ данъ шутливый отзывъ:

За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крилъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Въ серафимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю,
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Афродитою

(Т. I, стр. 20, 95—96).

— (*Стр. 222, строка 3*). Монтэнь и Рабелэ (род. въ 1483 г., ум. въ 1553 г.) — писатели, которыхъ Пушкинъ любилъ цитировать въ перепискѣ и въ литературныхъ замѣткахъ. „Mais le bonheur... c'est un grand *peut-être*, comme le disait Rabelais du paradis et de l'éternité“, говоритъ поэтъ въ письмѣ къ П. А. Осиповой отъ 5-го ноября 1830 г. (Переписка, т. I, стр. 187. — О Монтэнѣ см. примѣчанія къ № 64).

1) Послѣ Вильона.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 222, строка 3*). Торквато Тассо и своими твореніями, и своей несчастной судьбою привлекъ вниманіе Пушкина. Въ „Городкѣ“ (1814 г.) Тассо поставленъ въ одномъ ряду съ Гомеромъ и Вергиліемъ:

На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.

Образъ Тассо представляется Пушкину въ поэтической обстановкѣ.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мглѣ ночной
Адріатической волной
Повторены его октавы (1827 г.).

Разсматривая поэму Тассо съ исторической точки зрѣнія, Пушкинъ нашелъ въ ней „слѣды княжескаго покровительства“ (Переписка, т. I, стр. 226).

— (*Стр. 222, строка 6*). Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 25-го мая 1825 г. Пушкинъ поясняетъ, что подъ поэмами, бывшими „прежде Аріостова Орланда“, онъ разумѣетъ поэмы „отъ Buovo d'Antona до Orlando inamorato“ (Переписка, т. I, стр. 219).

— (*Стр. 222, строки 6—7*). Предшественники Лопе де Вега и Кальдерона — Хуанъ де ла Куэва, Лопе де Руэда, Торресъ Наарро (XVI в.) и др.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 222, строка 16*). „Вольныя“ сказки Лафонтена (род. въ 1621 г., ум. въ 1695 г.), нравились Пушкину и нашли въ немъ горячаго защитника: „Ужели хочетъ онъ ‹А. А. Бестужевъ› изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи?“ съ недоумѣніемъ спрашиваетъ Пушкинъ у К. Ѳ. Рылѣева: „Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso и Гудибраса и Pucelle и Веръ-Вера и Реникефуксъ и лучшую часть Душеньки и сказки Лафонтена и басни Крылова etc. etc. etc. etc. Это не много строго“. — Пушкинъ считаетъ неосновательной боязнь за нравственность любителей легкой поэзіи. „Публика не 15-ти лѣтняя дѣвица и не 13-тилѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена“ (Переписка, т. I, стр. 168: письмо къ К. Ѳ. Рылѣеву отъ 25-го января 1825 г. — Настоящій томъ, стр. 117. — *Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1911 г., т. V, стр. 421).

— (*Стр. 222, строка 16*). Отношеніе Пушкина къ „La Pucelle“ было двойственное. Въ юности онъ восхищался твореніемъ Вольтера:

...въ архивахъ рояся
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ — «Жанну Орлеанскую».

[Т. I, стр. 96: „Бова“ (1815 г.)].

Десять лѣтъ спустя Пушкинъ еще склоненъ отражать нападки на „Pucelle“ (см. предыдущее примѣчаніе), но въ 1834 г. онъ самъ рѣзко ополчается противъ этой „циничной поэмы, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству были принесены въ жертву Демону смѣха и иронiи“ (см. ниже, стр. 226).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 222, строка 27*). Пьеръ Ронсаръ (род. въ 1524 г., ум. въ 1584 г.) — основатель школы поэтовъ, или „французской Плеяды“ (Pléiade française). Члены „Плеяды“ изучали античную литературу и подражали греко-римскимъ писателямъ: Ронсаръ открылъ путь для эпическихъ стихотворцевъ своей „Франсіадой“, а Этьенъ Жоделль (род. въ 1532 г., ум. въ 1573 г.) далъ ложноклассическимъ драматургамъ образецъ трагедіи въ пьесѣ „Клеопатра“. — Іоахимъ дю-Беллэ (род. въ 1524 г., ум. въ 1560 г.) былъ сподвижникъ Ронсара.

— (*Стр. 222, строка 30 — стр. 223, строка 11*). Франсуа Малербъ (род. въ 1556 г., ум. въ 1628 г.) — организаторъ французской метрики. Характеристика Малерба заимствована Пушкинымъ изъ первой пѣсни поэмы „Art poétique“ (стихи 131—142).

— (*Стр. 223, строка 26*). Blaise Pascal (род. въ 1623 г., ум. въ 1662 г.) — философъ-мистикъ (см. № 20, стр. 38. — *Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 307, №№ 1247—1248).

— (*Стр. 223, строка 26*). Jacques-Bénigne-Bossuet (род. въ 1627 г., ум. въ 1704 г.) — епископъ Москій, духовный ораторъ, историкъ, проводившій въ своихъ сочиненіяхъ исключительно теологическую точку зрѣнія.

— (*Стр. 224, строки 1—10*). „Французская словесность родилась въ передней и далѣе гостиной не доходила“ — заключительная фраза Пушкина въ „Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчаніяхъ“ (1827 г.) [настоящій томъ, № 20, стр. 42, строки 28—29]. Любопытно, что развитіе пушкинской мысли въ 1834 г. проявилось почти въ той же формѣ, какъ у С. П. Шевырева, приблизительно въ это время подготовлявшаго къ печати первый томъ своей „Исторіи поэзіи“. „Общество Французское при Дворѣ“, — пишетъ Шевыревъ: „и Поэзія тамъ же. Сначала является она въ видѣ камердинера Франциска I,

lib.pushkinskijdom.ru

въ видѣ Clément Marot, — является въ Лакейской. Потомъ, подъ милостивымъ покровительствомъ Двора, входитъ въ придворную гостиную... Общество Франціи на площади,—и Поэзія тамъ же"... (Исторія поэзіи. М. 1835 г., т. I, стр. 65—66).

— (*Стр. 224, строки 5—8*). Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву отъ конца мая — начала іюня 1825 г. Пушкинъ характеризуетъ положеніе французскихъ поэтовъ при дворахъ европейскихъ монарховъ: „Мольеръ былъ камердинеромъ Людовика; безсмертный Тартюфъ, плодъ самаго сильнаго напряженія комическаго Генія, обязанъ бытіемъ своимъ заступничеству монарха; Вольтеръ лучшую свою поэму писалъ подъ покровительствомъ Фридерика" — (Переписка, т. I, стр. 226). Приведенныя слова Пушкина о Мольерѣ напоминаютъ отзывъ Вольтера, назвавшаго французскаго комика слугой (le domestique) Людовика XIV („Vie de Molière". — *Voltaire.* Oeuvres complètes. P. 1828, t. 28, p. 496).

— (*Стр. 224, строки 7—8*). Въ книгѣ Витторіо Альфьери „Du Prince et des Lettres" изложенъ интересный эпизодъ изъ жизни Вольтера, характеризующій его личность: „On dit, que dans sa jeunesse le grand Voltaire témoigna le désir d'avoir un emploi dans la diplomatie, et je le crois facilement, puisque l'on vit depuis cet auteur, s'oubliant lui-même, signer, sans rougir: *Voltaire, Gentilhomme de la chambre du Roi*" (*Alfieri.* Du Prince et des Lettres. Paris, 1818, p. 33. — См. № 100, стр. 399).

— (*Стр. 224, строки 15—18*). Трудно сказать, въ какомъ произведеніи или въ какомъ письмѣ Вольтеръ рекомендовалъ писателямъ придерживаться Парижа; одно безспорно, что онъ далъ подобный совѣтъ во время пребыванія въ Англіи, то-есть въ 1826—1829 гг. Въ старости, онъ, напротивъ, высказывался противъ Парижа (см. письма къ госпожѣ де-Фонтенъ отъ 27-го февраля

lib.pushkinskijdom.ru

1761 г. и къ маркизѣ де-Флоріанъ отъ 1-го марта 1769 г.). Но и за указанный выше періодъ намъ извѣстны только посланіе къ Адріеннѣ Лекуврёръ и письмо къ Аннѣ-Луизѣ Бурбонской (duchesse du Maine), гдѣ Вольтеръ выражалъ удовольствіе, что Музы покровительствуютъ Парижу.

„Ma Bastille, madame", пишетъ онъ въ 1827 г. герцогинѣ: „est la très-humble servante de votre Châlons; mais il y a une très grande différence entre d'une et l'autre:

Car à Châlons les Grâces vous suivirent,
Les Jeux badins prisonniers, s'y rendirent,
Et tous ces enfants éperdus
Furent bien surpris quand ils virent
La Fermeté, la Paix, et toutes les vertus,
Qui près de vous se réunirent.

Cet aimable assemblage, si précieux et si rare, vous asservit les coeurs de tous les habitants.

On admira sur vos traces
Minerve auprès de l'Amour.
Ah! ne leur donnez plus ce Châlons pour séjour;
Et que les Muses et les Grâces
Jamais plus loin que Sceaux[1]) *n'aillent fixer leur cour*

Въ другомъ посланіи къ Лекуврёръ Вольтеръ говоритъ:

Ce même Amour, Vénus et Melpomène,
Loin de Paris faisaient voyage un jour;
Ces dieux charmants vinrent dans ce séjour
Où vos appas éclataient sur la scène...

(*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1877, t. X, p. 261; 1880, t. XXXIII, p. 176).

1) Château de Sceaux, резиденція Анны-Луизы близъ Парижа. Здѣсь собиралось общество выдающихся ученыхъ и литераторовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 224, строка 22*). О настроеніи Жана Расина, неудовлетвореннаго пріемомъ, оказаннымъ публикой „Гоѳоліи“ (1691 г.), разсказываетъ, въ „Мемуарахъ“ его сынъ Людовикъ: „Dégoûté plus que jamais de la poésie par le malheureux succès d'Athalie, et résolu de ne plus s'occuper de vers, il fit la campagne de Namur, où il suivit de près toutes les opérations du siège. Ses lettres, écrites à Boileau du camp devant Namur, font bien connoître qu'il ne songeoit plus qu'à être historien“ (*Jean Racine*. Oeuvres. Paris, 1833, p. XXXVII).

— (*Стр. 224, строки 23—24*). Ироническій отзывъ Шамфора о публикѣ взятъ Пушкинымъ изъ „Caractères et anecdotes“: „On réfutoit je ne sais quelle opinion de M... sur un ouvrage, en lui parlant du public qui en jugeoit autrement. Le public, le public, dit-il! combien faut-il de sots pour faire un public? (*Chamfort*. Oeuvres complètes. Paris, 1812, t. II, p. 108). Пушкинъ въ письмахъ не разъ цитируетъ Шамфора (Переписка, т. I, стр. 206. — См. № 47, стр. 92), а изъ знакомыхъ поэта большимъ любителемъ Шамфора былъ П. А. Вяземскій, который въ письмѣ къ А. И. Тургеневу отъ 15-го августа 1819 г. привелъ и мѣткое изреченіе о публикѣ: „Надѣюсь заслужить одобреніе просвѣщенной публики. А эта публика? Одинъ, два, три — обчелся! „Сколько глупцовъ нужно на публику?“ спрашивалъ Шамфоръ“ (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. I, стр. 291).

— (*Стр. 225, строки 2—3*). Задариванье писателей пенсіями съ возложеніемъ на нихъ обязанности восхвалять своихъ покровителей — явленіе, отмѣченное Альфьери: „C'est ordinairement par des pensions que les princes récompensent les écrivains; cela leur ferme la bouche et les empêche d'exposer des vérites lumineuses avec autant de force et de clarté qu'il en faudrait pour se frayer un passage jusqu'à l'aipaisse intelligence du vulgaire soumis

lib.pushkinskijdom.ru

et ignorant. Les écrivains donnent en retour au prince de fades louanges, des poësies mensongères, d'agréables et inutiles dissertations, des maximes fausses de politique et de philosophie, ils altèrent l'histoire et brûlent sur leurs autels un honteux encens. De ce trafic, dicté de part et d'autre par une égale dissimulation, il résulte que le public en devient plus aveugle, plus trompé, et toujours plus éloigné de tout ce qu'il y a de grand et de vrai, seul mobile des belles actions" (*Alfieri.* Du Prince et des Lettres. Paris, 1818, p. 32).

Подъ вліяніемъ Альфьери эту же тему не разъ затрагивалъ въ своихъ статьяхъ и письмахъ Пушкинъ (Переписка, т. I, стр. 226—227, 232—233. — Настоящій томъ, статья № 67, стр. 184).

— (*Стр. 225, строка 9*). Esprit Fléchier (род. въ 1632 г., ум. въ 1710 г.) — епископъ нимскій, членъ французской академіи, даровитый проповѣдникъ.

— (*Стр. 225, строки 12—14*). Многія изданія сказокъ Лафонтена вышли въ Амстердамѣ (1668, 1669, 1676 гг.).— Объ этихъ сказкахъ Вольтеръ пишетъ: „La Fontaine, en ce genre, a surpassé Rabelais, et souvent égalé la naïveté et la précision qui se rencontrent dans trois ou quatre ouvrages de Marot... Le grand défaut peut-être des contes de La Fontaine est qu'ils roulent presque tous sur le même sujet: *c'est toujours une fille ou une femme dont on vient à bout.* Le style n'en est pas toujours correct et élégant; les négligences, les longueurs, les façons de parler proverbiales et communes, le défigurent. Il paraît audessous de l'Arioste dans les contes qu'il a empruntés de lui (*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1879, t. XXV, p. 244).

— (*Стр. 225, строки 14—15*). „Сладкорѣчивый Епископъ" — Франсуа Салиньякъ де Ламоттъ Фенелонъ. — „Книга наполненная смѣлой философіею"—„Les avantures de Télémaque" (1699) [См. примѣчанія къ № 67, стр. 183].

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 225, строка 17*). Пенсія, назначенная Лафонтену суперинтендантомъ финансовъ Николаемъ Фуке, была отнята, когда послѣдній навлекъ на себя немилость короля.

— (*Стр. 225, строки 17—18*). Людовикъ XIV, раздраженный успѣхомъ „Приключеній Телемака“ у враждебныхъ ему государей, удалилъ Фенелона изъ Версаля и вычеркнулъ его имя изъ списка придворныхъ чиновъ.

— (*Стр. 225, строки 21—23*). „Одинъ изъ новѣйшихъ писателей“ — m-me de Staël. Въ „Dix années d'exil“ она высказываетъ мысль, которая обратила вниманіе Пушкина: „La bonne compagnie de tous les peuples se ressemble“ (*M-me de Staël.* Oeuvres complètes. Paris, 1821, t. XV, ch. XIX, p. 342).

— (*Стр. 225, строки 31—32*). „Епопея“, написанная „съ намѣреніемъ очернить Каѳолицизмъ“, — „La Pucelle“ (1762) (1728).

(*Стр. 226, строки 6—10*). Въ посланіи „Къ вельможѣ“ (1829 г.) Вольтеръ изображенъ какъ

Циникъ посѣдѣлый,
Умовъ и моды вождь пронырливый и смѣлый.

Характеръ Вольтера отразился въ его творчествѣ, которое, еще до Пушкина, было оцѣнено Вильменомъ: „Voltaire n'a été bon plaisant que dans son propre rôle, comme il n'a été grand poëte que dans la poësie sceptique et mondaine“ (*A. F. Villemain.* Cours de littérature française. Tableau du XVIII-me siècle. Bruxelles, 1852, p. 99).

— (*Стр. 226, строки 13—14*). Руссо высоко ставилъ Вольтера, какъ стилиста, и въ своихъ „Признаніяхъ“ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ онъ учился у Вольтера изящному изложенію мыслей. „Rien de tout ce qu'écrivoit Voltaire ne nous échappoit“, разсказываетъ Руссо: „Le

lib.pushkinskijdom.ru

goût que je pris à ces lectures m'inspira le désir d'apprendre à écrire avec élégance, et de tâcher d'imiter le beau coloris de cet auteur dont j'étois enchanté" (*J. J. Rousseau.* Oeuvres. Paris, 1822, t. I, p. 371: „Les Confessions", partie I, livre V).

— (*Стр. 226, строки 14—15*). Личность Дидро (род. въ 1713 г., ум. въ 1784 г.) обрисована Пушкинымъ въ яркихъ краскахъ:

То чтитель Промысла, то Скептикъ, то безбожникъ.
Садился Дидеротъ на шаткій свой треножникъ,
Бросалъ парикъ, глаза въ восторгѣ закрывалъ
И проповѣдовалъ...

(*Литературная Газета*, 1830 г., т. I, № 30, стр. 240: „Посланіе къ К. Н. Б. Ю.").

— (*Стр. 226, строка 15*). Давидъ Юмъ (род. въ 1711 г., ум. въ 1776 г.) — шотландскій философъ-скептикъ.

— (*Стр. 226, строка 15*). Эдуардъ Гиббонъ (род. въ 1737 г., ум. въ 1794 г.) — авторъ „Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи".

— (*Стр. 226, строка 16*). О Горасѣ Вальполѣ см. примѣчанія къ статьѣ № 70, стр. 211.

— (*Стр. 226, строки 19—21*). Въ 1778 г., во время послѣдняго пребыванія Вольтера въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ овапіями, посланникъ Сѣверо-Американскихъ штатовъ во Франціи Веніаминъ Франклинъ привелъ къ Вольтеру своего внука и просилъ старца благословить его. Маститый писатель возложилъ руки на голову мальчика со словами: „God and liberty".

— (*Стр. 226, строки 22—25*). Габріэль-Оноре Рикети, графъ Мирабо (род. въ 1749 г., ум. въ 1791 г.) въ тюрьмѣ написалъ свой „Essai sur le despotisme" (1774).

— (*Стр. 226, строки 26—28*). Пьеръ-Огюстенъ Каронъ, принявшій имя Бомарше (род. въ 1732 г., ум. въ

lib.pushkinskijdom.ru

1799 г.), въ своихъ комедіяхъ „Севильскій Цирюльникъ“ (1775 г.) и „Свадьба Фигаро“ (1780 г.) остроумно осмѣялъ высокомѣрную французскую знать.

Пушкинскій Сальери говоритъ:

Бомарше
Говаривалъ мнѣ: «слушай братъ Сальери,
Какъ мысли черныя къ тебѣ придутъ,
Откупори шампанскаго бутылку,
Иль перечти женитьбу Фигаро».

Въ стихотвореніи „Къ вельможѣ“ (1829 г.) Бомарше названъ „колкимъ“, а въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ второй половины декабря 1830 г., въ похвалу Фонвизину, приведенъ слѣдующій о немъ отзывъ князя Н. Б. Юсупова: „C'étoit un autre Beaumarchais pour la conversation“ (Переписка, т. II, стр. 203).

— (*Стр. 227, строки 8—10*). Отрицательно относившійся къ основателю англійскаго семейнаго романа Самюэлю Ричардсону (род. въ 1689 г., ум. въ 1761 г.), Пушкинъ не былъ удовлетворенъ и произведеніями представителя англійскаго реализма Генри Фильдинга (род. въ 1707 г., ум. въ 1754 г.). Если первый былъ въ глазахъ нашего поэта авторомъ „скучной дуры“ Клариссы, то второй былъ изобразителемъ моряковъ и педантовъ, которые стараются непремѣнно выказать свой характеръ въ каждомъ своемъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи, зачастую самомъ обыденномъ [1]). Лучшее впечатлѣніе вынесъ Пушкинъ отъ чтенія классическаго сочиненія Лауренса Стерна (род. въ 1713 г., ум. въ 1768 г.) — „Тристрама Шэнди“, десять строкъ котораго гораздо цѣннѣе всей „Лаллы-рукъ“

1) On a encore une manie“, пишетъ Пушкинъ осенью 1825 г. Н. Н. Раевскому: „quand on a conçu un caractère, tout ce qu'on lui fait dire, même les choses les plus étrangères en porte essentielement l'empreinte (comme les pédants et les marins des vieux romans de Fielding). Un consp<irateur> dit *Donnez moi à boire* en conspirateur — ce n'est que ridicule“.

lib.pushkinskijdom.ru

Томаса Мура (Переписка, т. I, стр. 37, 149, 248, 300; т. II, стр. 309.— См. примѣчанія къ статьѣ № 67, стр. 170.— *Русскій Современникъ* 1924 г., № 2, стр. 192—193—*Пушкинъ и его современники,* в. IX — X, стр. 146, № 567; стр. 321, № 1314; стр. 343, №№ 1411—1412).

— (*Стр. 227, строка 10*). Отреченіе Италіи отъ Данте выразилось въ попыткѣ аббата Саверіо Беттинелли (род. въ 1718 г., ум. въ 1808 г.) развѣнчать творца „Божественной Комедіи". Книга Беттинелли „Письма Публія Вергилія Марона, написанныя изъ елисейскихъ полей въ римскую Аркадію", вызвала бурю негодованія, потому что здѣсь были подвергнуты рѣзкой критикѣ не политическія воззрѣнія, но великія поэтическія достоинства геніальнаго художника (*Franz Xaver Kraus.* Dante. Sein Leben und sein Werk. Berlin, 1897, S. 753). Вольтеръ, лично знакомый съ аббатомъ, писалъ ему: „Je fais grand cas du courage avec lequel vous avez osé dire que le Dante était un fou, et son ouvrage un monstre. J'aime encore mieux pourtant dans ce monstre une cinquantaine de vers supérieurs à son siècle que tous les vermisseaux appelés *sonetti,* qui naissent et meurent à milliers aujourd'hui dans l'Italie, de Milan jusqu'à Otrante" (*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris. 1881, t. XLI, p. 251: Lettre au révérend père Bettinelli, Mars 1761).

— (*Стр. 227, строки 10—11*). Пьетро Метастазіо (род. въ 1698 г., ум. въ 1782 г.) — одинъ изъ самыхъ музыкальныхъ италіанскихъ поэтовъ, драматургъ и составитель оперныхъ либретто. А. В. Шлегель называетъ его италіанскимъ Расиномъ: „Une pureté parfaite dans la diction, une grâce et une élégance soutenues, ont fait regarder Métastase, par ses compatriotes, comme un auteur classique, et pour ainsi dire comme le Racine, de l'Italie" (*A. W. Schlegel.* Cours de littérature dramatique. Paris, 1814, t. II, p. 42).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 228, строки 17—18*). Claude-Joseph Dorat (род. въ 1734 г., ум. въ 1780 г.), Jean-Pierre Florian (род. въ 1755 г., ум. въ 1794 г.), Jean François Marmontel (род. въ 1723 г., ум. въ 1799 г.), Stéphanie-Félicité de Genlis (род. въ 1746 г., ум. въ 1830 г.) — второстепенные французскіе писатели, довольно популярные въ Россіи (О переводахъ сочиненій названныхъ авторовъ см.: 1) *В. В. Сиповскій.* Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. СПб. 1903 г.; 2) Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина. СПб. 1828 г.; 3) *А. Н. Неустроевъ.* Указатель къ русскимъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. СПб. 1898 г., стр. 135, 220, 375, 723; 4) *В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 553—555).

Писатель Гимаръ, упомянутый на ряду съ Мармонтелемъ и Жанлисъ, въ дѣйствительности никогда не существовалъ. Можно думать, что П. В. Анненковъ, дважды напечатавшій не дошедшій до насъ пушкинскій автографъ, разобралъ его неудачно, и прочелъ: Гимаръ, вмѣсто: Гишаръ („Матеріалы": 1-ое изд., стр. 158; 2-ое изд., стр. 151).

Jean-François Guichard (род. 1731 г., ум. въ 1811 г.), изящный, но манерный, какъ и многіе poëtae minores конца XVIII вѣка, французскій стихотворецъ нравился И. И. Дмитріеву и В. Л. Пушкину, которые переводили его басни (*И. И. Дмитріевъ.* Сочиненія. СПб. 1895 г., т. I, стр. 52, 64, 73, 78. — *В. Л. Пушкинъ.* Сочиненія. СПб. 1895 г., стр. 15—16). Въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ начала апрѣля 1824 г. Пушкинъ говоритъ объ эпиграммахъ, переведенныхъ Дмитріевымъ изъ Гишара (Переписка, т. I, стр. 106. — Примѣчанія к статьѣ № 7. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX — X, стр. 142, № 546).

---

lib.pushkinskijdom.ru

1835.

72.

[ЛОРДЪ БАЙРОНЪ].

(Стр. 228—232).

Эта статья, сохранившаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 Б, лл. 3—7, 32—36, появилась впервые въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 81—88, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 95—99. Черновой автографъ испещренъ помарками и содержитъ значительное число первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 228, строка 19: Родъ *Лорда* Байрона произошелъ . . .
» » » » . . . одинъ изъ *знатнѣйшихъ и* старинныхъ . . .
» 228, » 22—23: Имя Байроновъ *часто встрѣчается* . . .
» 228, » 23 — стр. 229, строка 1: Лордство дано ихъ *семейству* въ 1643 году.
Поэтъ Байронъ былъ пятымъ [1]) *Лордомъ сего имени* [2]).
» 229, » 1—2: Говорятъ что *онъ* болѣе *гордился знатностью своего рода* [3]), *нѣжели* своею *славою*.
» 229, » 2—3: Чувство очень понятное!
» 229, » 3—6: Почести, которыя наслѣдовалъ онъ *отъ длиннаго ряда* предковъ [4]) не *имѣли ничего кромѣ усладительнаго для его благороднаго* ‹*сердца*› [5]) —

1) *Сверху написано:* шесты‹мъ›.
2) *Сверху написано:* своего Дома.
3) *Сверху написано:* произхожденія.
4) *Сверху написано:* благородныхъ предковъ.
5) *Сверху написано:* льстили его гордости.

lib.pushkinskijdom.ru

Собственная слава *его* напротивъ приносила ему частыя оскорбленія, *и* унижала *въ немъ феодальнаго* Барона...

Стр. 229, строки 6—7: ...на произволъ *черни*...

» 229, » 7: *Впрочемъ предпочитать свою литературную славу славѣ цѣлаго своего рода во всякомъ другомъ знатномъ писателѣ — было бы самолюбіе столь же смѣшное какъ и предосудительное*[1] —

» 229, » 8: Капитанъ Байронъ, сынъ *славна‹го›* Адмирала [Байрона] и отецъ великаго поэта *не имѣлъ ни достоинствъ своихъ предковъ, ни талантовъ*[2] *своего сына. Положеніе его въ свѣтѣ было двусмысленно; его разточительность, безпорядочное повѣденіе разстроили его дѣла, а пылкія необузданныя страсти привлекли на него*[3] *соблазнительную славу.*

» 229, » 9—10: Онъ увезъ *Герцогиню* ‹Carmarthen›...

» 229, » 9—10: ...*жену отъ* Лорда Carmarthen...

» 229, » 12: ...оставя ему одну *только* дочь *Августу нынѣ жену ‹полковника Leigh›*...

» » » » ...*вѣтреный* Вдовецъ...

» » » » ...*обремененный долгами* Вдовецъ...

» 229, » 12—13: ...для поправленія *своихъ обстоятельствъ*...

---

1) *Первоначально было:* была бы слабость неизви‹ни›тельная для всякаго другаго дворянина.

2) *Сверху написано:* генія.

3) *Сверху написано:* вовлекли его въ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 229, строки 13—14: ...Миссъ *Catherine* Gordon...
» 229, » 14—15: ...Георгія Gordon'a (*Esquire of Gith*[1]) *богатаго владѣльца*[2])...
» 229, » 16—17: ...*Лэди* Байронъ...
» 229, » 17: ...150 р. st. *ежегоднаго дохода* —
» 229, » 24—25: При его рожденіи повредили ему ногу, *и какъ кажется Леди Байронъ не согласилась призвать доктора*...
» 229, » 29—30: ...вскорѣ они *разъѣхались*...
» 229, » 31: ...*нещас‹тной›* жены...
» 230, » 1—2: ...онъ однажды *захотѣлъ* взя‹ть› къ себѣ маленькаго *своего* сына...
» 230, » 2: ...маленькаго *Байрона*...
» 230, » 3—4: ...онъ отослалъ неугомоннаго ребенка къ *Леди Байронъ*...
» 230, » 5: *Леди* Байронъ была женщина ума весьма ограниченнаго, *характера* вспыльчива‹го›...
» 230, » 5: ...женщина *съ умомъ весьма ограниченнымъ*...
» 230, » 5—6: ...была проста вспыльчива и во многихъ отношеніяхъ безразсудна *но кажется имѣла твердый характеръ и правила*...
» 230, » 6: *По крайнѣй мѣрѣ* твердость...
» 230, » 7: ...ея правиламъ *и характеру*.
» 230, » 7—8: ...Она *имѣла* одну только служанку...
» 230, » 8—9: ...‹въ› 1798 году она *поѣхала съ сыномъ* Байрономъ даб‹ы› вступить во владѣніе Ньюстида...

1) То-есть Gight.

2) *Въ рукописи далѣе слѣдуетъ:* Баллада сочиненная по случаю сей свадьбы...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 230, строки 11—12: ...Байронъ *въ послѣдствіи тщательно скрывалъ печальную бѣдность*...

» » » » ...никогда не упоминалъ о *бѣдственномъ состояніи первыхъ его лѣтъ, и старался напротивъ дать имъ видъ совершенно иной*...

» 230, » 14: Маленькій[1]) Байронъ *выказывалъ*[2]) *добрый и вспыльчивый* ‹*характеръ*›. *Онъ* выучился читать...

» 230, » 15—16: Онъ былъ изъ послѣднихъ учениковъ — и болѣе отличался въ играхъ *требующихъ силы и въ гимнастикѣ и проворствѣ нежели въ успѣхахъ въ классахъ.*

» 230, » 16—18: *Въ это время,* по свидѣтельству его товарищей, онъ былъ рѣзвый, вспыльчивый и *мстительный* мальчикъ, готовый на *драку*...

» 230, » 18: ...всегда готовый подраться и *припомнить* старую обиду.

» 230, » 19—21: Нѣкто Патерсонъ, *сынъ башмашника,* строгій пресвитеріанецъ *и хорошій наставникъ,* былъ потомъ наставникомъ *Байрона, который* сохранилъ *объ* немъ *пріятное* воспоминаніе —

» 230, » 22—24: Въ 1796 году *онъ поѣхалъ* въ горы для поправленія ‹сво›его здоровья— и посел‹*ился*› близъ Баллатера —

» 230, » 26: ...отрока...

---

1) *Сверху написано:* Въ младенчествѣ.
2) *Въ рукописи:* оказывалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 230, строка 26: ...*и въ послѣдствіи времени, онъ передалъ свои воспоминанія* —

» 230, » 29: ...онъ опи*сываетъ*...

» 231, » 1: ...наслѣдникомъ *его* титула.

» 231, » 1–2: *По смерти своего дѣда Лордъ Байронъ*, какъ несовершеннолѣтній...

» 231, » 3: ...его *близкому* родственнику...

» 231, » 7: *Старый* Лордъ Вильгельмъ *родной* братъ Адмирала Бай‹рона›...

» 230, » 9: ...*убилъ* онъ своего Родственника...

» 231, » 10: ...при *свѣтѣ одной* свѣчки...

» 231, » 10–11: *Молва обвинила его въ убійствѣ* и Палата Перовъ осудила его[1]) —

» 231, » 13–14: ...скупость и мрачный характеръ сдѣлали его *ненавистнымъ для сосѣдей, и* предметомъ клеветы.

» 231, » 14–17: *Онъ развелся съ женою, и жилъ одинъ*, и самые нелѣпые слухи *разпространились* о причинѣ развода его съ женою. *Онъ былъ всегда вооруженъ, и когда садился обѣдать, передъ нимъ клали на столъ его пистолеты какъ необходимый приборъ. Единственная забота его, состояла въ томъ, что онъ укрѣплялъ развалины Ньюстида*[2]). *Онъ выстроилъ въ Ньюстидѣ нѣсколько военныхъ укрѣпленій, по которымъ производилъ иногда пушечную пальбу.*

» 231, » 18: *Онъ поссорился съ своимъ сыномъ*, старался разорять свои владѣнія...

---

1) *Далѣе зачеркнуто:* объявила его виновнымъ.

2) *Въ рукописи далѣе слѣдуетъ:* и на озерѣ выстроилъ нѣсколько.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 231, строки 19—20: Единственные *товарищи его* были старый слуга и *женщина, подозрѣваемая сосѣдями въ незаконной связи съ старымъ чудакомъ.*

» 231, » 20: ...занимавшая при немъ и другую *должность.*

» 231, » 24: ...способами иногда предосудительными *для его наслѣдниковъ.*

» » » » *Но такой человѣкъ не могъ объ нихъ и заботиться.*

» 231, » 25—26: ...безо всякаго *законнаго* на то права...

» 231, » 27—28: ...наслѣдники успѣютъ *изторгнуть изъ ихъ рукъ* незаконную *покупку.*

» 231, » 30—31: ...*и отзывался о немъ,* не иначе какъ, *о* мальчикѣ...

» 231, » 34: ...пылкой *женщины*...

» 231, » 34 — стр. 232, строка 1: ...безразсудной въ своей *любви*...

» 232, » 2: *Униженная гордость*...

» 232, » 4—5: ...эту раздражительность, *это уныніе,* которыя потомъ сдѣлались *его обыкновенными чувствами*...

» » » » ...*отличительными* признаками его *души.*

» 232, » 11—12: ...*стран‹ности›* и дерзкое презрѣніе къ *молвѣ.*

» 232, » 12—13: Сомнѣнія нѣтъ что молва ‹о› Л‹ордѣ› Виль‹гельмѣ›, *которому онъ наслѣдовалъ,* сильно подѣйствовала...

» 232, » 14—16: ...многое перенялъ онъ у своего страннаго дѣда *и многія черты имъ приданныя героямъ его поэмъ.*

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 232, строки 14—16: ...Манфредъ и Лара *отчасти* напоминаютъ *убійцу Чаворта*...
» 232, » 17—18: ...*также* имѣло сильное вліяніе...
» 232, » 18: *При рожденіи*...
» 232, » 20—21: Физическій недостатокъ *сей l'humiliait и казался ему нещастіемъ.*
» 232, » 22—23: ...Мистр‹иссъ› Байронъ, *въ мину‹ту гнѣва›*[1]) выбранила его...
» 232, » 23: ...будучи *прекрасенъ*...
» 232, » 24: ...*въ* обществѣ дичился...
» 232, » 26—27: ...во всѣхъ *занятіяхъ*...

Статья о Байронѣ, по мнѣнію Анненкова, „принадлежитъ къ непосредственнымъ впечатлѣніямъ чтенія“ и набросана, „такъ сказать, въ самомъ пылу его“. Это не болѣе какъ собственноручныя замѣтки Пушкина, и характеръ ихъ проявляется столько же въ ихъ сжатой формѣ, сколько и въ содержаніи, прямо излагающемъ одну мысль“, которую нашъ поэтъ развиваетъ всесторонне. Замѣтки отнесены Анненковымъ къ 1835 г., и къ этому заключенію нельзя не прійти, ознакомившись съ ихъ положеніемъ въ пушкинской тетради № 2386 Б, гдѣ, вмѣсто заглавія, выписанъ стихъ изъ комедіи „Горе отъ ума“: „О Байронѣ и о предметахъ важныхъ“, а затѣмъ поставлена цыфра 1835 (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 257; т. VI, стр. 110. — *Русская Старина*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 534).

Пушкинъ началъ писать свои замѣтки вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ русскаго перевода „Записокъ о Лордѣ Байронѣ“ капитана Медвина (1835 г.).

Thomas Medwin (род. въ 1788 г., ум. въ 1869 г.), родственникъ и біографъ Шелли, сблизился съ Байрономъ въ Италіи, и также усердно ловилъ и записывалъ слова

1) *Сверху написано:* ос‹е›рдясь.

lib.pushkinskijdom.ru

творца „Чайльдъ-Гарольда", какъ Эккерманъ—разговоры и изреченія Гете, съ тою только разницей, что онъ слишкомъ предавался вымысламъ и искажалъ подлинные факты. Несмотря на это, книга Медвина „Journal of the Conversations of Lord Byron" (1824 г.) пользовалась большой популярностью и, уже въ самый годъ изданія, была переведена на французскій, а впослѣдствіи и на другіе языки[1]). Французскій переводъ (вѣроятно, Амедея Пишо) былъ извѣстенъ въ Россіи. 8-го декабря 1824 г. Н. М. Карамзинъ сообщалъ И. И. Дмитріеву: „Читаю теперь двѣ любопытныя книги: „Mémoires de Fouché"[2]) и „Conversations de Byron"; первые кажутся не вымышленными, ни послѣднія, гдѣ Байронъ въ зеркалѣ: какое лице странное!" Весной 1825-го года обратилъ вниманіе на трудъ Медвина и Пушкинъ. „Душа моя", писалъ онъ брату Льву Сергѣевичу: „горчицы, рому, что-нибудь въ уксусѣ—да книгъ: Conversations de Byron, Mémoires de Fouché... если есть у Saint-Florent". „Conversations" были высланы въ Михайловское и находятся въ пушкинской библіотекѣ.

Въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ появились выдержки изъ книги Медвина: разсказъ о женитьбѣ Байрона былъ помѣщенъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, 1825 г., № 135; отзывы англійскаго поэта о госпожѣ Сталь и Вальтерѣ Скоттѣ напечатаны въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1827 г., ч. I, № 3, стр. 243—247, и т. п. (*А. Н. Веселовскій*. Байронъ, М. 1902 г., стр. 72—73, 286—287. — Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. СПб. 1866 г., стр. 386. — Переписка, т. I, стр. 190. — *Пушкинъ и его современники*, в. IX — X, стр. 285, № 1149).

---

1) Во Франціи переводчиками были Amédée Pichot и Amédée Théodore Davesiès de Pontès (*J. M. Quérard*. La France littéraire. Paris, 1834, t. VI, p. 13).

2) Записки, приписывавшіяся министру юстиціи при Наполеонѣ, герцогу отранскому Фуше, признаны подложными.

lib.pushkinskijdom.ru

Наконецъ, поздней осенью 1835 г. въ типографіи Н. И. Греча было закончено печатаніе полнаго русскаго перевода „Conversations“ подъ заглавіемъ: „Записки о Лордѣ Байронѣ“ (2 части).

Желая провѣрить Медвина, Пушкинъ обратился къ „Письмамъ и Дневнику лорда Байрона“, изданнымъ Томасомъ Муромъ (1830 г.)[1]), и на основаніи этого матеріала пытался самъ изложить жизнь пѣвца „міровой скорби“ и обрисовать его характеръ. И, быть можетъ, въ это время онъ пожалѣлъ объ автобіографическихъ запискахъ Байрона, къ утратѣ которыхъ въ 1825-мъ году отнесся довольно равнодушно (Переписка, т. I, стр. 287). Работа Пушкина, подобно многимъ другимъ его очеркамъ, осталась незаконченной[2]).

Нѣкоторыя мѣста пушкинской статьи могутъ быть сопоставлены съ соотвѣтствующими страницами изъ книги Томаса Мура. Одинаково изображены эпизоды изъ жизни двоюроднаго дѣда и отца лорда Байрона.

„Le dernier, читаемъ объ отцѣ поэта: „ayant enlevé et amené sur le continent la femme de lord Carmarthen, l'épousa dès que le noble marquis eut obtenu le divorce. De cette courte union naquit une fille unique, l'honorable Augusta Byron, aujourd'hui femme du colonel Leigh... La première femme du père du poète étant morte, en 1784, M. Byron épousa, l'année suivante, miss Catherine Gordon, fille unique et unique héritière de George Gordon, esquire de Gight... Bientôt après le mariage... M. Byron et sa femme se rendirent dans leur terre en Ecosse... Dans l'été de 1786, les deux époux laissèrent l'Ecosse pour aller habiter la France; et, l'année d'après, la terre de Gight fut

1) Подъ руками у Пушкина былъ французскій переводъ изданія Мура, сдѣланный Анной-Луизой Беллокъ подъ заглавіемъ: „Mémoires de Lord Byron“ (Paris, 1830) [*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 182, № 696].

2) См. „Пушкинъ въ мировой литературѣ“. Л. 1925 г., стр. 99—112.

lib.pushkinskijdom.ru

vendue, et tout le capital de la vente passa au paiement des dettes, sauf une petite somme réservée par fidéi-commis pour l'usage de M-rs Byron, qui se trouva ainsi, dans le court espace de deux ans, réduite d'un état d'affluence au mince revenu de 150 livres sterling. — De France M-rs Byron revint en Angleterre, vers la fin de 1787, et le 22 janvier 1788, elle accoucha dans Holles-Street, à Londres, de son premier et unique enfant, George Gordon Byron: le nom de Gordon étant ajouté à celui de Byron, pars uite d'une condition imposée par testament à quiconque épouserait l'héritière de Gight. Lors du baptême de l'enfant, ses parrains furent le duc de Gordon, et le colonel Duff de Fetteresso... De Londres, M-rs Byron se rendit en Ecosse avec son enfant, et, vers 1790, elle se fixa à Aberdeen, où le capitaine Byron la rejoignit bientôt après. Là, ils vécurent ensemble un peu de temps, et habitèrent la même maison; mais, leur union étant loin d'être heureuse, ils se décidèrent à se séparer, et M-rs Byron, prit des appartements à l'autre extrémité de la rue. Malgré cette espèce de divorse, ils continuèrent à se visiter pendant quelque temps, et même à prendre le thé ensemble. Mais les éléments de discorde étaient trop fort de part et d'autre pour ne pas amener à la fin une séparation complète. Il arriva cependant que le capitaine ayant rencontré et accosté dans les promenades la bonne et son fils, exprima un vif désir d'avoir l'enfant chez lui pour un jour ou deux. M-rs Byron ne voulut pas d'abord y consentir, mais, sur l'observation de la gouvernante que s'il gardait l'enfant une seule nuit, il ne voudrait pas recommencer le lendemain, elle céda. La chose se passa exactement comme la bonne l'avait prédit; lorsqu'elle alla le matin s'informer de l'enfant, le capitaine Byron lui dit qu'il avait tout-a-fait assez de son jeune hôte, et qu'elle pouvait le reporter chez sa mère... Après sa courte visite à Aberdeen, le capitaine Byron y revint encore, et y passa deux ou trois

lib.pushkinskijdom.ru

mois, avant son départ pour la France. Son principal but était chaque fois de tirer quelque argent, s'il était possible, de la malheureuse femme qu'il avait ruinée; et il réussit, en effet, lors de sa dernière visite à lui faire donner, malgré la modicité de son revenu, la somme qui lui était nécessaire pour se rendre à Valenciennes, où il mourut l'année suivante, 1791".

Болѣе яркой фигурой, чѣмъ капитанъ Байронъ, является его дядя, старый лордъ Вильямъ, своими странностями и причудами создавшій себѣ плохую репутацію и оттолкнувшій отъ себя даже своихъ родныхъ и близкихъ знакомыхъ. „En 1765", пишетъ Муръ: „<il> fut obligé de comparaître devant la Chambre des pairs, comme accusé d'avoir tué en duel, ou plutôt dans une rixe, son parent et son voisin, M. Chaworth... La tâche que sa malheureuse affaire avec M. Chaworth avait imprimée, peut-être injustement, au caractère du dernier lord Byron, était encore rembrunie par le genre de vie bizarre et misanthrope qu'il avait adopté. Les histoires les plus exagérées sur ses cruautés envers lady Byron, avant sa séparation d'avec elle, circulent encore dans le voisinage; et l'on va jusqu'à dire que, dans un de ses accès de fureur, il la jeta dans l'étang de Newsteed... Après que sa femme se fut séparée de lui, la solitude absolue dans laquelle il vécut laissa pleine carrière à la médisance et aux facultés inventives de ses voisins. Il n'y eut point d'action atroce ou horrible que les commères du village ne fussent disposées à lui imputer; et deux figures grimaçantes de satyres, qui ornaient son triste et sombre jardin, furent désignées par ceux qui les avaient entrevues avec terreur, comme les „compères diaboliques" du vieux lord. Il marchait toujours armé; et dans une circonstance particulière, un de ses voisins ayant été admis à dîner avec lui, une paire de pistolets fut placée sur la table, comme un accessoire ordinaire du service. — Pendant ses

lib.pushkinskijdom.ru

dernières années, ses seuls compagnons dans sa retraite, outre une colonie de grillons qu'il s'amusait, dit-on, à élever et à nourrir, étaient le vieux Murray, qui fut ensuite le serviteur favori de son successeur, et une domestique femme... qui, par le poste qu'on la soupçonnait d'occuper près de son noble maître, avait acquis le surnom de *lady* Betty dans le voisinage. — Il paraît que, tout en vivant de cette façon avare et retirée il était souvent fort à court d'argent; et un des plus grands torts qu'il ait faits aux propriétés a été la vente de la terre patrimoniale de Rochdale, dans le Lancashire, dont les produits minéraux étaient estimés à une grande valeur. On assure qu'à l'époque de cette vente il savait fort bien qu'il faisait une chose illégale, et les acheteurs n'ignoraient pas non plus le défaut du contrat; mais ils se croyaient sûrs, et en effet c'est ce qui arriva, de s'indemniser d'une perte pécuniaire, avant que, selon le cours ordinaire des événements, ils pussent être dépossédés du bien... Il est évident que ce singulier personnage s'inquiétait peu du sort de ses descendants. Il n'entretenait aucune relation avec le jeune héritier qu'il avait en Ecosse; et si parfois il lui arrivait d'en parler, chose assez rare, ce n'était qu'en le désignant ainsi: „le petit garçon qui demeure à Aberdeen“ (Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore. Paris, 1830, t. I, pp. 9, 11—15, 18—19, 34—39).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Пушкинымъ о самомъ поэтѣ Байронѣ и его пребываніи въ эбердинской школѣ, о нянѣ May Gray, о педагогѣ-пасторѣ, о Мэри Дэффъ и т. п., заимствованы также изъ сочиненія Томаса Мура (Mémoires de Lord Byron, t. I, pp. 16, 20—22, 25, 30—31, 34, 39, 46).

lib.pushkinskijdom.ru

73.

[О ПОВѢСТЯХЪ ПАВЛОВА]

(Стр. 232—233).

Эта статья, находящаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2387 В, лл. 21, 76, впервые обнародована В. Е. Якушкинымъ въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 556, и перепечатана въ изданіи Литературнаго Фонда, т. V, стр. 283. Автографъ — черновикъ, содержащій нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 232, строка 29: ...*большой* успѣхъ...

» 233, » 1—2: *Первая* повѣсть Имянины *есть не только* занимательный *разказъ но и побѣжденная трудность*.

» 233, » 2: ...*имѣетъ* нѣкоторыя несообразности.

» 233, » 2—4: *Конечно* идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то непріятное, неестественное, *и противное для истиннаго вкуса*[1]).

» 233, » 8—9: ...*тѣсная рама,* въ которой оригинально *и легко*[2]) вмѣщены три или 4 лица —

» 233, » 9—10: *Мужъ который гов‹оритъ›* А я на аукціонъ — а я съ аукціона — чрезвычайно — забавн‹ая черта›.

» 233, » 10: ...*есть* черта истинно комическая.

» 233, » 16: ...манерность, *отъ которой ему легко будетъ отвыкнуть*.

» 233, » 21: ...Г. Павловъ *можетъ быть еще* первый...

1) *Первоначально было:* противное истинному вкусу.

2) *Первоначально было:* смѣло.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 233, строки 24—26: Привожу одно мѣсто въ доказательство *что* чувство истинное увлекло автора...

» 233, » 28: ...черты обнаруживающія *и недостатокъ воспитанія и грубость холопа.*

По поводу пушкинской статьи о Павловѣ Анненковъ пишетъ: „Существенными качествами такихъ замѣтокъ остаются проницательность, остроуміе и, особенно, способность чувствовать невѣрность всякой абстрактной идеи, какъ бы она блестяща ни была. Онъ (Пушкинъ) всегда старался отыскать, въ замѣнъ ея, истину практическую, приложимую къ дѣлу, сторону предмета, которой онъ наиболѣе связывается съ жизнью — качества, не всегда сопутствующія и спеціальному знанію!... Въ такомъ духѣ набросаны были Пушкинымъ замѣтки о трехъ повѣстяхъ Павлова, которыя упрекалъ онъ за *идеализацію челядинства*“ (*П. В. Анненковъ.* Матеріалы. 2-ое изданіе. СПб. 1873 г., стр. 250).

Николай Филипповичъ Павловъ (род. 7-го сентября 1805 г., ум. 29-го марта 1864 г.) пользовался заслуженною извѣстностью въ тридцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія. Гибкій талантъ этого писателя проявился въ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ областяхъ. Переводчикъ, водевилистъ, стихотворецъ, критикъ, публицистъ, онъ выступалъ не безъ успѣха на всякомъ поприщѣ и вызывалъ одобреніе читателей[1]). Нѣкоторые его романсы положены на музыку А. Н. Верстовскимъ и М. И. Глинкой; его письма къ Н. В. Гоголю по поводу „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ привели въ восторгъ

1) Въ перепискѣ Пушкина нѣтъ оцѣнки дарованія Павлова, о которомъ упоминается лишь какъ о лицѣ, „унынію наводящемъ“, и какъ объ азартномъ игрокѣ въ карты (Переписка, т. II, стр. 194, 250).

lib.pushkinskijdom.ru

В. Г. Бѣлинскаго (*Русскій Архивъ*, 1869 г., кн. II, стр. 363.— *Бѣлинскій*. Письма. СПб. 1914 г., т. III, стр. 198). Но, главнымъ образомъ, популярности Павлова въ широкихъ слояхъ общества способствовали его повѣсти: „Именины", „Аукціонъ" и „Ятаганъ". Онѣ были написаны изящнымъ, лощенымъ стилемъ и касались жгучаго вопроса о крѣпостномъ правѣ. Тема была не новая, и, выражая протестъ противъ помѣщичьяго произвола, Павловъ шелъ по дорогѣ, проложенной предшественниками, и дѣйствовалъ въ единеніи со многими современниками. Печальныя явленія крѣпостничества и рекрутскихъ наборовъ, отмѣченныя въ свое время Кантемиромъ и Ломоносовымъ и изображенныя въ яркихъ краскахъ Новиковымъ и Радищевымъ, представляли собою богатый матеріалъ, изъ котораго почерпали сюжеты для своихъ сочиненій многіе поэты и литераторы пушкинской эпохи.

Грибоѣдовъ предполагалъ обрисовать въ драмѣ „1812-ый годъ" тяжелую жизнь ополченца изъ крѣпостныхъ, совершившаго на полѣ брани рядъ геройскихъ подвиговъ, затѣмъ вернувшагося „подъ палку господина" и не выдержавшаго издѣвательствъ послѣдняго, которыя довели несчастнаго до самоубійства [1]). Погодинъ въ повѣсти „Нищій" разсказалъ о покушеніи крестьянина на жизнь помѣщика, отнявшаго у него невѣсту [2]), а Кукольникъ въ разсказѣ „Сержантъ Ивановъ или всѣ за одно" представилъ сержанта изъ крѣпостныхъ, съ величайшимъ удовольствіемъ наказывавшаго палкой своего лѣниваго помѣщика, по ироніи судьбы, зачисленнаго солдатомъ въ тотъ полкъ, гдѣ служилъ Ивановъ [3]).

---

1) А. С. Грибоѣдовъ. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1911 г., т. I, стр. 262—265.

2) *Уранія*. Карманная книжка за 1826 годъ, стр. 15—39.

3) *Н. В. Кукольникъ*. Сказка за сказкой. Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, или всѣ за одно, 1842 г., стр. 1—57.

lib.pushkinskijdom.ru

Правительственная власть, бдительно слѣдившая за благонамѣренностью литераторовъ, враждебно встрѣчала всякую попытку освѣтить ненормальность отношеній между помѣщиками и крестьянами и отрицательныя стороны военной службы. Поэтому неудивительно, что М. П. Погодинъ „много страха потерпѣлъ“ изъ-за того, что въ своемъ произведеніи дерзнулъ выставить „злоупотребленія крѣпостного права“; неудивительно также, что шефъ жандармовъ А. Х. Бенкендорфъ объявилъ отъ имени Николая I выговоръ Н. В. Кукольнику за его „желаніе безпрерывно высказывать добродѣтель податного состоянія и пороки высшаго класса людей“ (*Русская Старина*, 1871 г., № 6, стр. 793—794; 1872 г., № 2, стр. 336—337).

Въ создавшейся обстановкѣ, Н. Ф. Павлову надо было имѣть достаточно гражданскаго мужества и смѣлости, чтобы выступить въ печати съ его книжкой „Три повѣсти“, затрагивавшей запретные вопросы. Этой книжкѣ съ выразительнымъ эпиграфомъ „Domestica facta“ (домашнія дѣла) и съ виньеткой, изображающей чудовище, поражаемое невѣдомой рукою, можно было заранѣе предсказать многострадальную участь.

Изъ трехъ повѣстей Павлова лишь одна, самая невинная по содержанію, „Аукціонъ“, была предварительно напечатана въ *Телескопѣ* 1834 г., № 1, стр. 17—30; двѣ другія повѣсти появились въ 1835 г. впервые, и онѣ то и оказались особенно предосудительными съ правительственной точки зрѣнія. Дѣйствительно, содержаніе ихъ наводило читателя на печальныя размышленія. И крѣпостной музыкантъ, разлученный съ любимою дѣвушкою изъ-за неравенства ихъ общественнаго положенія и тяжко страдавшій отъ униженій въ средѣ нечуткихъ и малообразованныхъ помѣщиковъ („Именины“); и разжалованный въ солдаты корнетъ, соперникъ въ любви стараго полковника, подвергнутый за то тѣлесному наказанію и

lib.pushkinskijdom.ru

убивающій своего начальника („Ягаганъ“) — оба эти героя и ихъ злосчастная судьба свидѣтельствовали о глубокихъ язвахъ русской жизни и невольно обращали на себя вниманіе и властей, и критиковъ.

Пушкинскій кружокъ тонкихъ цѣнителей изящной словесности отмѣтилъ выступленіе на литературномъ поприщѣ новаго таланта. Гоголь признавалъ, что Павловъ „первыми тремя повѣстями своими получилъ съ перваго раза право на почетное мѣсто между нашими прозаическими писателями“; Плетневъ считалъ автора „Именинъ“ и „Ятагана“ „писателемъ самымъ внимательнымъ къ своему дѣлу, глубоко вникающимъ въ сущность предметовъ своихъ, изучающимъ всѣ подробности частной жизни“, а князь Вяземскій усмотрѣлъ въ Николаѣ Филипповичѣ „острый и легкопостигающій умъ“ и большія „зиждительныя силы“ (*Н. В. Гоголь*. Письма. Изданіе А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, т. III, стр. 272. — *П. А. Плетневъ*. Сочиненія и переписка. СПб. 1885 г., т. II, стр. 285. — *П. А. Вяземскій*. Полное собраніе сочиненій, т. VIII, стр. 290).

Повѣсти Павлова произвели впечатлѣніе, помимо пушкинскаго кружка, въ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слояхъ[1]). Онѣ были переведены на французскій и

1) Наглядным показателемъ сочувствія, съ какимъ были встрѣчены повѣсти, можетъ служить письмо Ѳ. И. Тютчева къ И. С. Гагарину, посланное изъ Мюнхена 7 (19)-го іюля 1836 г.: „Еще недавно я съ истиннымъ наслажденіемъ прочиталъ три повѣсти Павлова, особенно послѣднюю. Кромѣ художественнаго таланта, достигающаго тутъ рѣдкой зрѣлости, я былъ особенно пораженъ возмужалостью, совершеннолѣтіемъ Русской мысли. Она сразу направилась къ самой сердцевинѣ общества: мысль свободная схватилась прямо съ роковыми общественными вопросами, и притомъ не утратила художественнаго безпристрастія. Картина вѣрна, но въ ней нѣтъ ни пошлости, ни карикатуры. Поэтическое чувство не исказилось напыщенностью выраженій... Мнѣ пріятно воздать честь Русскому уму. Онъ по самой сущности своей чуждается риторики, которая составляетъ собою язву или вѣрнѣе первородный грѣхъ произведеній ума Французскаго“ (*Русскій Архивъ*, 1879 г., книга II, стр. 122—123).

lib.pushkinskijdom.ru

нѣмецкій языки и вызвали рецензіи въ московскихъ и петербургскихъ періодическихъ изданіяхъ (*Молва*, *Телескопъ*, *Московскій Наблюдатель* и *Библіотека для Чтенія*). Всѣ отзывы были болѣе или менѣе благопріятны для Павлова, и даже самый взыскательный критикъ Бѣлинскій хотя и взглянулъ на повѣсти, какъ на первый опытъ, еще не гарантирующій развитіе авторскаго дарованія въ будущемъ, но все-таки нашелъ въ нихъ и вѣрное отраженіе дѣйствительности, и поэтическія достоинства (*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 208—211. — *И. Арсеньевъ*. Н. Ф. Павловъ. М. 1864 г., стр. 9).

Во всѣхъ рецензіяхъ произведенія Павлова разсматривались исключительно въ художественномъ отношеніи; ихъ общественная сторона была оставлена въ тѣни. Между тѣмъ, именно она была для своего времени важной и заслуживающей особаго вниманія. Упущенное присяжными литераторами было восполнено читающей публикой, среди которой начались разговоры объ основной идеѣ, проводимой въ повѣстяхъ Павловымъ[1]). Эти разговоры стали извѣстны властямъ, и немедленно были приняты мѣры къ пресѣченію нежелательнаго явленія.

Дѣйствія правительства документально описаны въ статьѣ М. И. Сухомлинова.

„Министръ народнаго просвѣщенія С. С. Уваровъ, побуждаемый слухами и толками, которые ходили въ

---

1) Любопытно, что критикъ *Библіотеки для Чтенія*, хваля слогъ Павлова и занимательность сюжета повѣсти „Ятаганъ“, отрицалъ наличность какой-либо общей идеи въ разбираемыхъ имъ произведеніяхъ: „Г. Павловъ будетъ писать хорошо. Но мы должны сказать ему тутъ же непріятную истину: въ этихъ повѣстяхъ нѣтъ никакой идеи. Что онѣ доказываютъ? Ничего. И ничего потому, что это частные случаи, обстоятельства исключительныя, изъятія изъ общей, повсемѣстной жизни, которыя прилагаются только къ тѣмъ, кто въ нихъ находился. Надобно, чтобы повѣсть выражала какую-нибудь прикладную идею, ведущую къ полезному умозаключенію и примѣняющуюся ко всякому лицу“ (*Библіотека для Чтенія*, 1835 г., т. IX, Литературная Лѣтопись, стр. 8).

lib.pushkinskijdom.ru

обществѣ, представилъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, что, прочитавъ вышедшую въ Москвѣ книгу подъ заглавіемъ: „*Три повѣсти Н. Павлова*“, онъ считаетъ обязанностію довести до высочайшаго свѣдѣнія, что книга эта возбуждаетъ въ обществѣ различные толки и сужденія; иные хвалятъ талантъ молодого, доселѣ неизвѣстнаго автора, другіе осуждаютъ предметы, имъ избранные. Поэтому въ предупрежденіе слуховъ, могущихъ достигнуть до его величества, Уваровъ рѣшился представить государю книгу, всеподданнѣйше прося удостоить оную прочтенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Уваровъ полагалъ, что, по смыслу цензурнаго устава, трудно обвинить автора или цензора, и что запрещеніе книги могло бы только содѣйствовать ея извѣстности [1]).

„На докладъ министра послѣдовала резолюція, изъ которой видно, что государь императоръ, прочитавъ книгу съ вниманіемъ и отмѣтивъ въ ней неприличныя мѣста, нашелъ, что третья статья [2]), по всему содержанію, смыслу и цѣли, не должна бы быть пропущена цензурою. Раздѣляя мнѣніе Уварова, что поздно запрещать книгу, государь приказалъ, однако же, немедленно вызвать цензора въ Петербургъ и отобрать отъ него письменно отвѣты на всѣ неприлично пропущенныя мѣста.

„По докладѣ объ исполненіи высочайшей воли императоръ Николай Павловичъ пожелалъ узнать, кто сей Николай Павловъ. На основаніи собранныхъ наскоро свѣдѣній, министръ народнаго просвѣщенія представилъ что *Н. Павловъ* изъ отпущенныхъ на волю, имѣетъ съ небольшимъ тридцать лѣтъ, первоначально обучался въ московской театральной школѣ, откуда, по замѣченнымъ въ немъ способностямъ къ наукамъ и по отвращенію

1) Докладъ 29 марта 1835.

2) Третьею въ книгѣ Павлова помѣщена повѣсть „*Ятаганъ*“, въ которой описывается нарушеніе военной дисциплины.

lib.pushkinskijdom.ru

къ театру, получилъ средства вступить въ Московскій университетъ, гдѣ онъ и окончилъ полный курсъ въ 1825 году. Послѣ сего онъ служилъ при московской театральной дирекціи; неизвѣстно, находится ли теперь въ службѣ.

„Вызванный въ Петербургъ цензоръ Снегиревъ представилъ министру народнаго просвѣщенія такое объясненіе:

„Первыя двѣ повѣсти[1]), сколько мнѣ извѣстно, напечатаны были въ московскомъ журналѣ профессора Надеждина „*Телескопъ*“, и при второмъ изданіи пропущены мною съ исключеніемъ нѣкоторыхъ выраженій, показавшихся мнѣ сомнительными. Послѣдняя же повѣсть, подъ названіемъ „*Ятаганъ*“, пропущена мною не иначе какъ съ разрѣшенія предсѣдателя цензурнаго комитета Д. П. Голохвастова, который, предварительно осмотрѣвъ оную, совѣщался о ней и съ членами комитета, согласившимися съ его мнѣніемъ, что повѣсть сія, какъ не противная главнымъ правиламъ устава о цензурѣ, можетъ быть пропущена. На такомъ основаніи я и подписалъ оную книгу къ печатанію, и хотя уставъ запрещаетъ привязываться къ отдѣльнымъ выраженіямъ, но я, съ согласія сочинителя, назначилъ къ исключенію всѣ тѣ слова, кои показались мнѣ или слишкомъ рѣзкими, или столь обоюдными, что могли бы подать поводъ къ превратнымъ толкованіямъ, предосудительнымъ для сочинителя. Я не увлекся ни пристрастіемъ, ни довѣренностію къ себѣ самому, какую бы могла внушить въ меня двадцатилѣтняя служба моя при цензурномъ комитетѣ, но обратилъ вниманіе на духъ и отдѣльныя части сочиненія, въ коемъ не находилъ ничего противнаго уставу и не предполагалъ какого-либо

1) Мы не знаемъ, въ какомъ номерѣ *Телескопа* была напечатана повѣсть „Именины“.

lib.pushkinskijdom.ru

умысла; сомнѣнія же свои касательно впечатлѣнія передалъ на разрѣшеніе г. предсѣдателя".

„Предсѣдатель, Голохвастовъ, принесъ повинную въ интимномъ письмѣ къ Уварову, на французскомъ языкѣ, которое Уваровъ счелъ нужнымъ представить государю въ подлинности, вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ отвѣта Снегирева[1]). Въ докладѣ своемъ Уваровъ, указывая на то, сколь затруднительно вообще дѣло цензуры, при такомъ положеніи дѣла почиталъ достаточнымъ поставить частнымъ образомъ на видъ Голохвастову неблагопріятныя послѣдствія его, впрочемъ, безъ сомнѣнія неумышленной ошибки, а цензора отправить обратно къ мѣсту, подтвердивъ ему объ употребленіи впредь болѣе осмотрительности по дѣлу цензуры подъ опасеніемъ лишиться мѣста.

„По прочтеніи доклада, государь императоръ приказалъ сдѣлать Голохвастову выговоръ, а Снегиреву строгій выговоръ, и объявить имъ, что при первой подобной оплошности виновный будетъ отданъ подъ судъ.

„Сообщая объ этомъ начальству московскаго учебнаго округа, министерство народнаго просвѣщенія просило обратить вниманіе цензурнаго комитета на самый эпиграфъ книги: „*домашнія дѣла*", а также и на виньетку, представляющую чудовище, поражаемое кинжаломъ рукою Невидимаго. О виньеткѣ цензурный комитетъ отнесся къ московскому оберъ-полицеймейстеру, чтобы онъ приказалъ „отобравъ оную отъ содержателя типографіи Сте-

1) Въ письмѣ Голохвастова, между прочимъ сказано: „l'une de ces nouvelles *Ятаганъ* a été permise par le censeur avec mon consentement. Le manuscrit m'en avait été remis par М. Снегиревъ dans le temps où Votre Excellence se trouvait à Moscou, et j'avais même eu l'idée de Vous le soumettre; par la crainte de Vous dérober un temps trop précieux, je me suis borné à le lire peut-être avec trop de précipitation, et j'ai consenti à ce que l'impression en fût permise. Ce consentement n'ayant été demandé et donné que verbalement et d'une manière non officielle, je croirais d'autant plus manquer à l'honneur et à la justice si je ne m'offrais pour partager toute la responsabilité du censeur".

lib.pushkinskijdom.ru

панова, доставить въ комитетъ; по полученіи же, сія виньетка имѣетъ быть пріобщена къ числу запрещенныхъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало запрещеніе перепечатывать книгу Павлова" (*М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. II, стр. 452—455).

— (*Стр. 233, строки 9—10*). „А я на аукціонъ — а я съ аукціона" — слова князя, мужа героини повѣсти „Аукціонъ".

— (*Стр. 233, строки 12—13*). Анахронизмъ въ „Ятаганѣ" — тѣлесное наказаніе, которому передъ строемъ подвергнутъ, по приказанію полковника, разжалованный въ рядовые корнетъ (*Н. Ф. Павловъ*. Три повѣсти. М. 1835 г., стр. 376—383).

— (*Стр. 233, строки 16—17*). Пушкинъ не высоко цѣнилъ современныхъ ему французскихъ романтиковъ (см. № 85, стр. 308—309; № 99, стр. 382, 386).

— (*Стр. 233, строка 18*). Похвальный отзывъ о Павловѣ принадлежитъ С. П. Шевыреву. Вотъ начало отзыва: „Случалось ли вамъ ѣхать по длинной, длинной, однообразной, скучной степи и вдругъ встрѣтить зеленую рощу, холмъ, рѣку, встрѣтить ландшафтъ и отдохнуть на немъ глазами? Вотъ впечатлѣніе этой книги въ нашей Литературѣ. — Въ то время, когда намъ некуда дѣваться отъ кучи пошлыхъ и бездушныхъ Романовъ и Повѣстей, на сочиненіе которыхъ потрачены только бумага и чернила, а не издержано ни одной мысли, какъ сладко остановитесь вы на этихъ трехъ повѣстяхъ, какъ на свѣтломъ оазисѣ литературной пустыни! Какъ рѣдки у насъ книги, которыя заставятъ насъ задуматься надъ ними, вглядѣться въ ихъ физіономію, сморщутъ (sic) ваше чело мыслію, остановятъ глаза на рѣзкой страницѣ, на живомъ эпитетѣ, на граціозной картинѣ, и утомятъ карандашъ критика безпрерывнымъ NB! Этѣ (sic) три повѣсти принад-

lib.pushkinskijdom.ru

лежатъ къ числу такихъ рѣдкостей. Для того, чтобы онѣ явились, надо было не только прочесть Бальзака и Мериме, не только раздражить свое воображеніе, навострить умъ свой на причудливое изобрѣтеніе, на пестроту и яркость сравненій и словъ... Все это дѣлаютъ и другіе повѣствователи, но всего этого было бы мало, чтобы явились такія повѣсти... Надо было для нихъ пожить и почувствовать жизнь, пожить въ Россіи и наблюдать за обществомъ, запасти порядочный журналъ замѣтъ (sic) опытности, свѣтскихъ характеровъ... Надо было подчинить воображеніе — жизни: трудна задача для повѣствователя!.. И еще нужна была вещь, которая почти потеряна въ нашей Словесности, вещь, о которой осталось у насъ одно преданіе, какъ о золотомъ вѣкѣ: это трудъ классической отдѣлки, это бережливость и красота слога безъ причудливости!.." (*Московскій Наблюдатель*, 1835 г., ч. I, Критика, стр. 120. — Ср. *В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 467—470).

1836.

74.

[ОБЪ ИСТОРІИ ПОЭЗІИ ШЕВЫРЕВА]

(Стр. 234—235).

Эта статья, сохранившаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2382, лл. 41—42, появилась впервые въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLIV, № 11, стр. 356—357, и перепечатана въ изданіи Литературнаго Фонда, т. V, стр. 285. Автографъ не заключаетъ въ себѣ первоначальныхъ варіантовъ.

Дата статьи въ точности не установлена: одни (Н. О. Лернеръ, С. А. Венгеровъ) относятъ ее къ 1835 г., другіе

lib.pushkinskijdom.ru

(П. О. Морозовъ) — къ 1836 г.[1]) (Изданія: Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 325, и Товарищества „Просвѣщеніе“, т. VI, стр. 403. — *Н. О. Лернеръ*. Труды и дни Пушкина. СПб. 1910 г., стр. 347). Мы причислили ее къ произведеніямъ 1835 г., но, ознакомившись съ цензурной помѣтой „Исторіи поэзіи“: 21-го декабря 1835 г., склонны, вслѣдъ за П. О. Морозовымъ, датировать ее 1836-мъ годомъ.

Авторъ „Исторіи поэзіи“, С. П. Шевыревъ (род. въ 1806 г., ум. въ 1864 г.), познакомился съ Пушкинымъ у Веневитиновыхъ (1827 г.) и довольно близко сошелся съ нимъ, какъ дѣятельный сотрудникъ *Московскаго Вѣстника*. Пушкинъ хвалилъ стихи Шевырева, считалъ его критическіе опыты „достойными стать наряду съ лучшими статьями Англійскихъ Reviews“, а его самого наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для замѣщенія „опустѣвшей каѳедры Мерзлякова“ (*Л. Н. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 329—330. — *П. В. Анненковъ*. Матеріалы. 2-ое изданіе. СПб. 1873 г., стр. 156. — Переписка, т. II, стр. 54, 67, 232. — Настоящій томъ, № 67, стр. 174). Во время пребыванія Шевырева за границей Пушкинъ отправилъ ему очень милое письмо, отражавшее искреннее расположеніе поэта къ Степану Петровичу: „Мы жители прозаической Москвы осмѣливаемся писать къ вамъ въ поэтическій Римъ надѣясь на дружбу вашу — Возвратитесь обогащенный воспоминаніями и оживите нашу дремлющую сѣверную литературу“ (Переписка, т. II, стр. 141). Отсюда понятно, что выходъ въ свѣтъ книги Шевырева долженъ былъ обратить на себя особое вниманіе Пушкина[2]).

---

1) Въ изданіи Литературнаго Фонда статья пріурочена къ 1835 г. (т. VII, Указатель, стр. XIII).

2) Въ октябрѣ 1836 г. Пушкинъ писалъ П. А. Вяземскому: „У тебя есть замѣчанія на книгу Шевырева о Поэзіи. Дай ихъ мнѣ, если не готовишь ихъ въ свой журналъ. Мнѣ хочется написать нѣсколько писемъ о текущей Словесности“ (Переписка, т. III, стр. 384).

lib.pushkinskijdom.ru

„Исторія поэзіи“, какъ работа молодого, подающаго большія надежды профессора была довольно всесторонне разсмотрѣна въ рецензіяхъ московскихъ и петербургскихъ ученыхъ. Пріемъ, оказанный труду Шевырева, не былъ вполнѣ благосклонный.

О. И. Сенковскій нашелъ въ сочиненіи „недостатокъ плана“, „отсутствіе системы“ и рѣзко проявившійся „эклектизмъ“: „на каждой страницѣ замѣтенъ „чудный наборъ мнѣній Нѣмецкихъ и Французскихъ, съ безпрерывнымъ увѣреніемъ, что авторъ „мыслитъ самъ“. Слогъ Шевырева показался рецензенту „громкимъ“ и „велерѣчивымъ“, но неправильнымъ и нескладнымъ“ (*Библіотека для Чтенія,* 1836 г., т. XV, отд. V, стр. 23—52).

Другой критикъ Н. И. Надеждинъ, обстоятельно развилъ мысль, лишь вскользь брошенную Сенковскимъ, — о незнакомствѣ Шевырева съ восточными языками и литературой. Подобно редактору *Библіотеки для Чтенія*, онъ призналъ книгу „чуждой всякаго логическаго построенія и увидѣлъ въ ней литературное, но не ученое произведеніе“ (см. *Н. К. Козминъ.* Н. И. Надеждинъ. Жизнь и научно-литературная дѣятельность. СПб. 1912 г., стр. 528—232).

Намъ неизвѣстно, былъ ли знакомъ Пушкинъ съ указанными рецензіями на „Исторію поэзіи“, когда писалъ свою замѣтку, и имѣлъ ли онъ въ виду загладить неблагопріятное впечатлѣніе, ими произведенное.

— (*Стр. 234, строки 7—9*). О критикѣ см. статьи №№ 48 и 55 и примѣчанія къ нимъ.

---

lib.pushkinskijdom.ru

75.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО АРХІЕПИСКОПА БѢЛОРУССКАГО.

Изд‹анное› Протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. СПб. 1835.

(Стр. 235—253).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Современникѣ,* 1836 г., т. I, стр. 85—110, и перепечатана въ посмертномъ изданіи, т. VIII, стр. 208—236, и въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 554—571.

Сочиненія могилевскаго архіепископа Георгія Конискаго (род. 20-го ноября 1717 г., ум. 13-го февраля 1795 г.) казались Пушкину столь интереснымъ явленіемъ въ нашей литературѣ, что онъ счелъ не лишнимъ ознакомить съ ними читателей *Современника*[1]). Пушкинъ видѣлъ въ Конискомъ выдающагося проповѣдника и замѣчательнаго живописца, изобразителя судебъ Украйны. „Увлекательная искренность“ и „простота поученій“ Георгія, „большія“ достоинства его политическихъ рѣчей, „сочетаніе поэтической свѣжести лѣтописи съ критикой“ въ „Исторіи Русовъ“ и страстная любовь къ родинѣ,— все плѣняло Пушкина, придавая благожелательный тонъ его статьѣ.

„Разборъ сочиненій Георгія Конискаго“, писалъ Бѣлинскій: „хорошъ въ томъ смыслѣ, что даетъ ясное понятіе о разбираемой книгѣ и возбуждаетъ желаніе прочесть самую книгу. Сужденіе о Георгіи Конискомъ, какъ

---

1) Въ пушкинской библіотекѣ сохранилась вторая часть сочиненій Конискаго, гдѣ по полю отчеркнуты всѣ отрывки, цитированные поэтомъ въ его статьѣ (*Пушкинъ и его современники,* в. IX — X, стр. 27, № 89). — Ср. письмо Пушкина къ Н. М. Языкову отъ 14-го апрѣля 1836 г.: „Изъ статей Критическихъ моя одна: о Конискомъ“ (Переписка, т. III, стр. 299).

lib.pushkinskijdom.ru

объ историкѣ и историческомъ лицѣ, намъ кажется справедливымъ, но чтобы онъ былъ хорошимъ проповѣдникомъ — съ этѣмъ (sic) мы не согласны: его краснорѣчіе — схоластическое и тяжелое" (*В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1901 г., т. III, стр. 3).

Не раздѣлявшій мнѣнія Пушкина о проповѣдническомъ талантѣ Конискаго, Бѣлинскій былъ согласенъ съ поэтомъ въ томъ, что̀ отрицается современной наукой, — въ признаніи архіепископа художникомъ въ области историческаго повѣствованія: „Исторія Русовъ" приписывалась Георгію; не оставалось никакихъ сомнѣній относительно его авторства.

„Исторія Русовъ", появившаяся въ обращеніи между 1822 и 1839 гг. и распространенная во многихъ спискахъ, была впервые использована Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ во второмъ изданіи „Исторіи Малороссіи" (1830 г.), М. А. Максимовичемъ — въ статьѣ: „О поэмѣ Пушкина Полтава" (*Атеней,* 1829 г., № 6), Н. А. Маркевичемъ — въ „Украинскихъ мелодіяхъ" (1831 г.) и И. И. Срезневскимъ — въ *Запорожской Старинѣ* (1834 г.).

Критическое отношеніе къ „Исторіи Русовъ" замѣтно и въ 1830-хъ годахъ, но только С. М. Соловьевъ и, вслѣдъ за нимъ, Н. И. Костомаровъ стали серьезно говорить о недостовѣрныхъ извѣстіяхъ, находящихся въ этомъ трудѣ, а въ 1865 г. вопросъ о подложности „Исторіи" былъ прямо поставленъ Максимовичемъ, выразившимъ сомнѣніе, чтобы ученый архіепископъ могъ написать подобное сочиненіе безъ достаточнаго фактическаго матеріала [*Кіевлянинъ,* 1865 г., №№ 23—25. — *Г. Карповъ.* Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. М. 1870 г., стр. 41—123. — *М. А. Максимовичъ.* Собраніе сочиненій. Кіевъ, 1876 г., т. I, стр. 305—306 (перепечатка изъ *Кіевлянина*)].

lib.pushkinskijdom.ru

Максимовичъ подозрѣвалъ автора въ малороссійскомъ губернаторѣ князѣ Н. В. Рѣпнинѣ или близкомъ ему лицѣ; А. Н. Пыпинъ ставилъ псевдо-Конискаго въ связь съ декабристами украинскаго происхожденія; В. П. Горленко считалъ составителемъ „Исторіи Русовъ“ В. Г. Полетику, и Л. Н. Майковъ усматривалъ въ загадочномъ произведеніи послѣдовательный трудъ двухъ Полетикъ: только что упомянутаго, Василія Григорьевича, и депутата Екатерининской комиссіи Григорія Андреевича, причемъ высказывалъ предположеніе, что Полетика-сынъ литературно обработалъ сочиненіе своего отца (*А. Н. Пыпинъ* и *В. Д. Спасовичъ*. Исторія славянскихъ литературъ. СПб. 1879 г., стр. 366—367. — *В. П. Горленко*. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. Кіевъ, 1893 г., стр. 29—30. — *Л. Н. Майковъ*. Историко-литературные очерки. СПб. 1895 г., стр. 281).

Конечно, Пушкинъ не предпринималъ разысканій, подобныхъ работамъ позднѣйшихъ изслѣдователей, не занимался повѣркой историческихъ данныхъ, заключающихся въ „Исторіи Русовъ“, и не сомнѣвался въ авторствѣ Конискаго. Получивъ рукопись въ 1829 г. отъ Максимовича, онъ сообщилъ ее своимъ друзьямъ: Н. Н. Раевскому занимавшемуся исторіей казачества[1]), и Гоголю, работавшему надъ своими историческими повѣстями[2]). Помимо того, самъ поэтъ воспользовался „Исторіей“ для оправдательныхъ объясненій къ „Полтавѣ“, помѣщенныхъ въ „Денницѣ“ на 1831 г., стр. 126—127: „Замѣ-

1) Осенью 1833 г., при встрѣчѣ съ Н. Н. Раевскимъ въ одной изъ нижегородскихъ книжныхъ лавокъ, Пушкинъ спрашивалъ его о какой-то „малороссійской рукописи“ („qu'avez-vous fait de mon manuscript petit-russien?“), которая, по мнѣнію Л. Н. Майкова, и была „Исторіей Русовъ“ (Переписка, т. III, стр. 41. — *Л. Н. Майковъ*. Историко-литературные очерки. СПб. 1895 г., стр. 286).

2) Сопоставленіе „Тараса Бульбы“ съ „Исторіей Русовъ“ сдѣлано Н. С. Тихонравовымъ (*Н. В. Гоголь*. Сочиненія. Изданіе 10-е, т. I, стр. 661—664).

lib.pushkinskijdom.ru

тили мнѣ, что Мазепа слишкомъ у меня злопамятенъ, что Малороссійскій Гетманъ не студентъ и за пощечину или за дерганье усовъ мстить не захочетъ. Опять Исторія, опроверженная литературной критикой, — *опять хоть знаю да не вѣрю!..* Хмѣльницкій за всѣ обиды, претерпѣнныя имъ, помнится, отъ Чаплицкаго, получилъ въ возмездіе, по приговору Рѣчи посполитой, остриженный усъ своего непріятеля (см. Лѣтоп‹ись› Конискаго)".

Этотъ разсказъ о Хмѣльницкомъ былъ, по всей вѣроятности, именно Пушкинымъ указанъ Гоголю, какъ сюжетъ для запорожской трагедіи подъ заглавіемъ „Выбритый усъ".

Статья о сочиненіяхъ Георгія Конискаго не произвела особаго впечатлѣнія при своемъ появленіи, но, двадцать лѣтъ спустя, вызвала обмѣнъ мнѣній среди изслѣдователей малороссійской старины. П. А. Кулишъ въ эпилогѣ къ „Черной радѣ" отмѣтилъ у Пушкина отсутствіе критическаго отношенія къ „Исторіи Русовъ". „Тарасъ Бульба", построенный на созданіяхъ Конискаго и Боплана", говоритъ онъ: „сообщилъ этимъ писателямъ новый интересъ. Въ нихъ начали искать того, что̀ осталось незахваченнымъ казацкою поэмой Гоголя, и сохраненныя ими преданія старины получили для ума и воображенія прелесть волшебной сказки. Это очарованіе разлилось и на другія лѣтописи, которыхъ до тѣхъ поръ не замѣчали за Конискимъ. Приведеніе ихъ въ извѣстность повело къ сличенію, открытыя противорѣчія родили потребность узнать истину. Наступилъ моментъ исторической разработки, до котораго далеко еще было автору „Тараса Бульбы", какъ это всего лучше доказываетъ современная этому произведенію статья Пушкина о Конискомъ (въ „Современникѣ" 1836 года), въ которой нѣтъ и намека на его недостатки со стороны фактической вѣрности" (*П. А. Кулишъ.* Черная рада. Хроника 1663 года. М. 1857 г., стр. 239—240).

lib.pushkinskijdom.ru

Упрекъ, брошенный Кулишомъ Пушкину, не остался безъ отвѣта. Защитникомъ поэта выступилъ Максимовичъ. „Какое же тутъ соотношеніе“, заявилъ онъ: „между умолчаніемъ Пушкина объ ошибкахъ Конискаго и — историческою разработкою, до которой далеко было Гоголю! Пушкинъ, въ общемъ разборѣ тогда изданныхъ сочиненій Конискаго, обратилъ особенное вниманіе свое на его „Исторію Русовъ“, тогда еще не изданную. Какъ великій художникъ, онъ оцѣнилъ „Исторію Русовъ“ съ художественной стороны, справедливо назвавъ Конискаго „великимъ живописцемъ“. Въ томъ и было дѣло Пушкина; а въ мелочныя замѣтки объ ошибкахъ фактическихъ неумѣстно было и входить ему, хотя бы онъ и зналъ объ нихъ“ (*М. А. Максимовичъ.* Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1876 г., т. I, стр. 523).

Позднѣйшіе ученые высказались противъ Кулиша и подтвердили справедливость словъ Максимовича.

„Нельзя не подивиться“, пишетъ В. П. Горленко, „критической проницательности великаго поэта, когда онъ говоритъ: „сердце дворянина еще бьется въ немъ ‹Георгіи› подъ иноческою рясою“, и объясняетъ эту черту происхожденіемъ Конискаго“ (*В. Горленко.* Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. Кіевъ, 1893 г., стр. 23).

Развивая мысль Горленка, Л. Н. Майковъ указываетъ, что тонкое наблюденіе Пушкина получаетъ „дѣйствительное значеніе“ въ связи съ шляхетно-національнымъ направленіемъ „Исторіи“ и что изслѣдователь „могъ бы сослаться и на нѣкоторыя другія замѣчанія, которыми Пушкинъ ограничиваетъ свои похвалы“, такъ какъ Конискій, по словамъ поэта „не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія“ и „любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Майковъ присоединяется и къ мнѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

нію Максимовича, что „главною цѣлью статьи Пушкина о Конискомъ была оцѣнка „Исторіи Русовъ, какъ блестящаго, живописнаго изображенія казацкихъ войнъ". Странное удовольствіе долженъ былъ испытывать таинственный авторъ „Исторіи" (если онъ дѣйствительно здравствовалъ еще въ 1836 году), когда до него дошелъ похвальный отзывъ поэта. Сужденіе Пушкина о высокомъ литературномъ достоинствѣ псевдо-Конискаго нашло себѣ полное подтвержденіе во вліяніи, оказанномъ этимъ сочиненіемъ на творчество Гоголя и Шевченка и на дѣятельность разныхъ второстепенныхъ писателей, бравшихъ содержаніе своихъ произведеній изъ жизни старой Малороссіи" (*Л. Н. Майковъ*. Историко-литературные очерки. СПб. 1895 г., стр. 287).

— (*Стр. 235, строки 13—27*). Георгій Конискій, какъ духовный ораторъ, стоялъ въ глазахъ Пушкина ниже московскаго митрополита Филарета (Дроздова). Нашъ поэтъ отдавалъ предпочтеніе простотѣ и силѣ слова передъ искусственностью и витіеватостью, отъ которыхъ были въ восхищеніи нѣкоторые изъ его современниковъ. Рѣчь Георгія, произнесенная 19-го января 1787 года въ Мстиславлѣ, при встрѣчѣ съ Екатериною II во время ея путешествія по Россіи, составлена при соблюденіи схоластическихъ пріемовъ и правилъ риторики. Приводимъ ея текстъ.

„Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ Астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше Солнце вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, Милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ теши путь. Отъ края моря Балтійскаго до края Евксинскаго шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ Твоихъ укрыется благодѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

тельныя теплоты Твоея. Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями Твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона: однако солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

Тецы убо, о Солнце наше! спѣшно; тецы исполиными стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ. Къ западу только жизни Твоея не спѣши. Въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ Небу, вопіемъ: Стой, Солнце, и не движись, дондеже вся, великимъ Твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!" (*Георгій Конискій.* Собраніе сочиненій. СПб. 1835 г., ч. I, стр. 278—279).

Иного характера привѣтствіе Филарета, сказанное Николаю I, посѣтившему Москву въ холерный 1830-й годъ.

„Благочестивѣйшій Государь.

Цари обыкновенные любятъ являться Царями славы, чтобы окружать себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ, какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое Царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели Христіанской. Царь Небесный провидитъ сію жертву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь" (*Сѣверная Пчела,* 1830 г., № 121).

— (*Стр. 237, строки 5—10*). Рѣчь, произнесенная Георгіемъ по совершеніи коронованія Екатерины II, 29-го сентября 1762 г., помѣщена въ собраніи его сочиненій, ч. I, стр. 286—288. Въ этой рѣчи Георгій говоритъ:

lib.pushkinskijdom.ru

„Знаю, какъ далече отстоитъ благословенная Богомъ Палестина отъ тѣснаго Израилю Египта, состояніе, сказую, людей, предѣлами Россійскими огражденныхъ, отъ состоянія людей, хотя единовѣрныхъ, но въ Польской области заключенныхъ. Здѣсь свѣтильникъ Вѣры, отъ дней Владиміровыхъ зажженный, блистаетъ доселѣ: у насъ свѣтильникъ оный свирѣпствующіе отъ Запада вихри на многихъ мѣстахъ совсѣмъ превратили. Здѣсь храмы Господни славословіемъ имени Его свободно гремятъ: у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ. Здѣсь чѣмъ кто благочестивѣе, тѣмъ и честнѣе: у насъ *благочестивымъ* именоваться въ студъ ставятъ; за благочестіе раны, узы, темницы, домовъ разореніе, а не рѣдко и живота лишеніе издревле терпимъ“.

— (*Стр. 238, строки 14 — 16*). „Жизнеописаніе“ Георгія Конискаго, составленное ученымъ археологомъ протоіереемъ Іоанномъ Іоанновичемъ Григоровичемъ (род. 26-го августа 1792 г., ум. 1-го ноября 1852 г.), было, повидимому, единственнымъ источникомъ, изъ котораго Пушкинъ почерпалъ свѣдѣнія о бѣлорусскомъ архіепископѣ (*Георгій Конискій*. Собраніе сочиненій, ч. I, стр. IX — LXXXVIII).

— (*Стр. 238, строка 23 — стр. 243, строка 32*). Цитаты, приведенныя Пушкинымъ, заимствованы изъ собранія сочиненій Георгія Конискаго, ч. II, стр. 147, 149—153, 157, 165—166, 169—171, 181—182, 261—262).

— (*Стр. 253, строки 11—12*). Предполагаемый „достойный издатель“ „Исторіи Русовъ“ — Н. А. Маркевичъ, который въ примѣчаніяхъ къ „Украинскимъ мелодіямъ“ (1831 г.) упоминаетъ объ изданіи псевдо-Конискаго: „Не думаю, чтобы многіе имѣли у себя списокъ Исторіи Малороссійской Архіепископа Конисскаго; жаль

lib.pushkinskijdom.ru

впрочемъ, что онъ не изданъ; имѣя это предположеніе, едва ли я рѣшусь исполнить его скоро, ибо не знаю, есть ли тѣ наслѣдники, которые могутъ пользоваться исключительнымъ правомъ издавать книгу своего тестатора въ продолженіе 25 лѣтъ по его смерти. Эта книга достойна большой извѣстности по полнотѣ обзора и любопытнымъ подробностямъ, или выпущеннымъ другими историками изъ виду, или изложеннымъ слишкомъ кратко" (*Н. Маркевичъ.* Украинскія мелодіи. М. 1831 г., стр. 135).

„Всего вѣроятнѣе", пишетъ Л. Н. Майковъ: „что вызовъ Пушкина былъ обращенъ къ Н. А. Маркевичу. Пушкинъ былъ съ нимъ знакомъ еще до 1820 года, когда Маркевичъ воспитывался въ Петербургскомъ благородномъ пансіонѣ при Главномъ педагогическомъ институтѣ, вмѣстѣ съ Л. С. Пушкинымъ, С. А. Соболевскимъ и М. И. Глинкой. Впослѣдствіи поэтъ могъ встрѣчаться съ Маркевичемъ въ Москвѣ въ 1829—1831 годахъ, въ періодъ изданія „Украинскихъ мелодій" (*Основа*, 1861 г., № 1, стр. 292 и 293). Въ примѣчаніяхъ къ этому собранію своихъ стихотвореній Маркевичъ говоритъ о Пушкинѣ съ великимъ восторгомъ" (*Л. Н. Майковъ.* Историко-литературные очерки. СПб. 1895 г., стр. 290).

76.

[КЪ РАЗСКАЗУ: ДОЛИНА АЖИТУГАЙ].

(Стр. 253).

Эта замѣтка, не встрѣчавшаяся намъ въ рукописи, впервые напечатана въ *Современникѣ* 1836 г., т. I, стр. 169.

Статья Султана Казы-Гирея попалась на глаза имѣвшему неусыпный надзоръ за *Современникомъ* шефу жандармовъ А. Х. Бенкендорфу, который 15-го апрѣля

lib.pushkinskijdom.ru

1836 г. обратился къ Пушкину съ письмомъ следующаго содержанія:

„Милостивый Государь
Александръ Сергѣевичъ.

Въ первомъ томѣ издаваемаго Вами журнала Современника помѣщена статья: „Долина Ажитугай", сочиненная Султаномъ Казы-Гиреемъ, Корнетомъ лейбъ-гвардіи Кавказско-Горскаго полу-эскадрона. Высочайшимъ Его Императорскаго Величества повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1834-мъ году, повелѣно: чтобы какъ военные, такъ и гражданскіе чиновники не иначе предавали печати литературныя произведенія свои, оригинальныя и переводы, какого бы рода они ни были, какъ по предварительномъ разрѣшеніи Директоровъ, Начальниковъ Штабовъ и Генералъ-Интендантовъ.

Означенная статья Корнета Султана Казы-Гирея не была предварительно представлена ни на мое разсмотрѣніе, ни на разсмотрѣніе Начальника моего Штаба.

Увѣдомляя о семъ Васъ, Милостивый Государь, я покорнѣйше прошу на будущее время не помѣщать въ издаваемомъ Вами журналѣ ни одного произведенія Чиновниковъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ Жандармскаго корпуса, лейбъ-гвардіи Кавказско-Горскаго полу-эскадрона и собственнаго Конвоя Государя Императора, не получивъ на то предварительнаго моего или Начальника моего Штаба разрѣшенія" (Переписка, т. III, стр. 301).

Однородное письмо было отправлено Бенкендорфомъ и министру народнаго просвѣщенія, а послѣдній немедленно предложилъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету тщательно наблюдать за выполненіемъ воли графа.

Получивъ распоряженіе С. С. Уварова, предсѣдатель Комитета М. А. Дондуковъ-Корсаковъ 30-го апрѣля сообщилъ своему начальнику о томъ, что всѣмъ цензо-

lib.pushkinskijdom.ru

рамъ сдѣланы соотвѣтствующія указанія. „Но — прибавилъ попечитель — такъ какъ по неизвѣстности мѣстъ служенія лицъ, представляющихъ въ Цензуру свои сочиненія, легко могли бы встрѣтиться въ семъ случаѣ недоразумѣнія, то не благоугодно ли будетъ Вашему Высокопревосходительству снестись съ кѣмъ слѣдуетъ о вмѣненіи въ обязанность вышеозначеннымъ лицамъ Жандармскаго Корпуса и проч., дабы они, до предъявленія сочиненій своихъ въ Цензуру, представляли оныя предварительно на разсмотрѣніе высшаго своего Начальства, или дабы каждый изъ нихъ, представляя свое сочиненіе прямо въ Цензуру, объявлялъ о мѣстѣ своего служенія“ (*Временникъ Пушкинскаго Дома* 1914 г., стр. 14, № 48).

Вскорѣ послѣ означенной переписки была напечатана во второмъ томѣ *Современника* (стр. 133—139) другая статья Султана Казы-Гирея „Персидскій анекдотъ“, и, повидимому, уже съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ, установленныхъ Бенкендорфомъ.

77.

ВАСТОЛА, ИЛИ ЖЕЛАНІЕ.

Повѣсть въ стихахъ, сочиненіе Виланда, издалъ А. Пушкинъ. С.-П-бургъ, въ тип. Д. Внѣшн. Торг., 1836, въ 8, стр. 96.

(Стр. 253—254).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1836 г., т. I, стр. 303—304, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 415—416.

Среди произведеній извѣстнаго нѣмецкаго поэта Кристофа-Мартина Виланда (род. 5-го сентября 1733 года, ум. 20-го ноября 1813 г.) есть такія, въ которыхъ отразились романтическо-сказочные мотивы и которыя пред-

lib.pushkinskijdom.ru

ставляютъ собою переработку древне-французскихъ и италіанскихъ fabliaux. Къ этой группѣ его сочиненій относится стихотворный разсказъ „Pervonte oder die Wünsche“, гдѣ дѣйствующими лицами являются придурковатый и некрасивый парень Перфонтій и дочь салернскаго короля, красавица Вастола. Сюжетъ разсказа заимствованъ изъ Bibliothèque universelle des romans, 1777 (іюнь и сентябрь), куда вошли неаполитанскія народныя сказки сборника „Il Pentamerone del Cavalier Giovan Battista Basile“ (1674). Разсказъ Виланда изданъ и на русскомъ языкѣ, — но во что̀ обратился изящный нѣмецкій оригиналъ подъ перомъ русскаго перелагателя! Легкіе стихи Виланда замѣнены тяжелыми, неуклюжими виршами, и сама фабула искажена грубыми сценами.

Сопоставленіе подлинника съ переводомъ наглядно обнаруживаетъ недостатки послѣдняго.

Umringt von Freiern ohne Zahl

Ging Vastola daher, *sah ganze Legionen*

Markgrafen, Grafen und Baronen...

Und Vastola, der *Abgott* von Salern,

Indem sie *ringsumher die libessiechen Herrn*

An ihrer Sonnenglut, Schneemännchen gleich, zusammen

Вастола, *женіховъ слѣдимая толпами,*

Гуляла по садамъ, какъ пава межъ цвѣтами.

Краса ея влекла къ себѣ со всѣхъ сторонъ

Вздыхавшія сердца у цѣлыхъ легіоновъ

Маркграфовъ, Графовъ и Бароновъ.

И *язва молодцовъ*, прекрасная Вастола,

Хотя всегда была въ кругу мужскаго пола,

Хоть видѣла *огонь Нарцисовъ предъ собой,*

lib.pushkinskijdom.ru

Hinschmelzen sah, blieb mitten in den Flammen,
Nach wahrer Salamander-art,
Stets unversengt, eiskalt und felsenhart.

Любовно таявшихъ, какъ снѣжный *комъ* весною,
Ничуть не обожглась отъ жаркой ихъ отваги,
И тверже каменной осталася бумаги.

Отрывокъ, посвященный матери Перфонтія, переданъ по-русски неудачно:

... ein braves, flinkes *Weib*,
Das früh und spät sich Müh' zu geben
Gewohnt ist, keinen Zeitvertreib
Als ihres Haspels Knarren kennet.

Ея рабочая, проворная рука
Не знала никогда покоя — и *въ присядку*
Трескучую свою вертѣла самопрядку...

Нѣкоторыя выраженія отличаются большою безграмотностью или дополнены, сравнительно съ оригиналомъ, для риѳмы лишними словами.

Mit diesem Wort verschwanden alle drei (Feen)...
Still! ruft sie (Vastola), still!..
(*C.-M. Wieland.* Sämmtliche Werke. Leipzig, 1855, Zwölfter Band, SS. 4—6, 10, 33).

Съ симъ словомъ трехъ дѣвицъ *присутство исчезаетъ*...
«Тише, тише!»
Вскричала наша *Псише*...
(Вастола, или желанія. Повѣсть въ стихахъ. Соч. Виланда. Изд. А. Пушкинымъ. СПб. 1835 г., стр. 4—6, 8, 14, 50).

Переводчикъ „Вастолы“ — плодовитый, но бездарный стихотворецъ Ефимъ Петровичъ Люценко (род. 12-го октября 1776 г., ум. 26-го декабря 1854 г.), бывшій, по

lib.pushkinskijdom.ru

словамъ П. А. Плетнева, въ Лицеѣ учителемъ Пушкина[1]). Желая привлечь вниманіе публики къ своему труду, Люценко просилъ содѣйствія у своего ученика, который изъ состраданія къ литератору, нуждавшемуся въ деньгахъ, благодушно согласился издать книжку и поставить на обложкѣ свое имя. Неосторожный поступокъ поэта вызвалъ въ современной журналистикѣ много толковъ и пересудовъ, при чемъ зачинщикомъ ихъ явился О. И. Сенковскій.

„Важное событіе!“ оповѣщалъ читателей редакторъ *Библіотеки для чтенія* въ первой книжкѣ своего журнала: „А. С. Пушкинъ издалъ новую поэму, — подъ заглавіемъ „Вастола, или Желанія сердца, повѣсть Виланда“. Мы еще ея не читали, и даже не могли достать, но, говорятъ, что стихъ ея удивителенъ. Кто не порадуется появленію новой поэмы Пушкина? Истекшій годъ заключился общимъ восклицаніемъ: Пушкинъ воскресъ!“ (*Библіотека для Чтенія,* 1836 г., т. XIV, № 1, отд. VI, стр. 30).

Въ то время, когда писаны были эти строки, не только въ Петербургѣ, гдѣ была издана „Вастола“, но и въ Москвѣ всякій журналистъ, слѣдящій за литературой, зналъ, что именно стихи повѣсти далеки отъ совершенства. Не могло быть неизвѣстно Сенковскому то, о чемъ былъ прекрасно освѣдомленъ Надеждинъ, помѣстившій въ *Телескопѣ* слѣдующую замѣтку: „Вышла стихотворная книжица, зовомая „Вастола, или Желанія“, у которой на заглавномъ листѣ выпечатано: „*Издалъ А. Пушкинъ*“. Можно бъ подумать, что это принадлежитъ къ объявленному въ Петербургѣ изданію *классическихъ русскихъ писателей,* и что піима сія есть трудъ блаженной памяти стиходѣтеля А. П. Сумарокова, еслибъ оригиналъ ея не

1) См. брошюру *Б. Л. Модзалевского* „Пушкинъ и Е. П. Люценко“. СПб. 1898 г.

lib.pushkinskijdom.ru

принадлежалъ Виланду, который жилъ позже трудолюбиваго соперника Ломоносова, и который писалъ на Нѣмецкомъ діалектѣ, маловѣдомомъ достопочтенному прелагателю Расина и Лафонтена. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что это должна быть какая-нибудь литературная мистификація, которой объясненіе предоставляемъ будущности" (*Молва,* 1836 г., часть XI, № 1, стр. 6—7).

Между тѣмъ Сенковскій всячески старался подорвать репутацію Пушкина въ глазахъ публики: неудача издателя *Современника* была выгодна для редактора *Библіотеки для Чтенія*. Вотъ почему, послѣ первой статьи Брамбеуса о Вастолѣ, появилась вторая, гдѣ съ обычными причудами и гаерствомъ проводилась мысль, что баронъ и радъ бы не вѣрить въ авторство Пушкина, но вынужденъ къ тому обстоятельствами.

„Пѣвецъ Кавказскаго плѣнника", читаемъ въ *Библіотекѣ:* „сдѣлалъ въ новый годъ непостижимый подарокъ лучшей своей пріятельницѣ, доброй, честной Русской публикѣ. Та, которая любила его какъ своего первенца, любила такъ искренно, такъ благородно, такъ безкорыстно; та, для чьего сердца имя его было нераздѣльно съ драгоцѣннѣйшею вещію въ мірѣ, — славою своего отечества, та самая, въ возвратъ за всѣ свои нѣжныя чувства, заслуживающія всякаго уваженія, получила отъ него, при визитномъ билетѣ, „Вастолу", съ двусмысленнымъ заглавіемъ. Первымъ ея движеніемъ было — посмотрѣть въ календарь, не пришлось ли въ нынѣшнемъ году, въ новый годъ первое апрѣля. Нѣтъ! первое апрѣля будетъ первое апрѣля, а теперь начало января, время изліянія дружескихъ чувствованій, время поклоновъ съ почтеніемъ и всякихъ маскарадовъ. Бѣдная Русская публика не знала, что̀ дѣлать, — гнѣваться ли за эту мистификацію, или приказать „кланяться и благодарить и въ другой разъ къ себѣ просить"?... Посланецъ отпущенъ былъ безъ отвѣта.

lib.pushkinskijdom.ru

„Для многихъ еще не рѣшенъ вопросъ о „Вастолѣ“. Каждый толкуетъ по своему слово „издалъ“, которое, какъ извѣстно, принимается въ Русскомъ языкѣ также въ значеніи — написалъ и напечаталъ. Одни утверждаютъ, что это дѣйствительно стихи Пушкина; другіе, что они не его, а онъ только ихъ издатель. Трудно повѣрить, чтобы Пушкинъ, вельможа Русской словесности, сдѣлался книгопродавцемъ и „издавалъ“ книжки для спекуляцій...

„Я читалъ „Вастолу“. Читалъ, и вовсе не сомнѣваюсь, что это стихи Пушкина. Пушкинъ даритъ насъ всегда такими стихами, которымъ надобно удивляться, не въ томъ, такъ въ другомъ отношеніи.

„Нѣкоторые однако намѣкаютъ, будто А. С. Пушкинъ никогда не писалъ этихъ стиховъ; что „Вастола“ переведена какимъ-то бѣднымъ литераторомъ; что Александръ Сергѣевичъ только далъ ему на прокатъ свое имя, для того чтобы лучше покупали книгу, и что онъ желалъ сдѣлать этимъ благотворительный поступокъ. Этого быть не можетъ! Мы безпредѣльно уважаемъ всякое благотворительное намѣреніе, но такой поступокъ противился бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о благотворительности, и мы съ негодованіемъ отвергаемъ всѣ подобные намѣки, какъ клевету завистниковъ великаго поэта. Пушкинъ не станетъ обманывать публики двусмысленностями, чтобъ дѣлать кому добро. Онъ знаетъ, что̀ долженъ публикѣ и себѣ. Если въ словѣ „издалъ“ и не было двусмысленности, если бы оно и принято было здѣсь въ самомъ тѣсномъ его значеніи, онъ знаетъ, что человѣкъ, пользующійся литературною славою, отвѣчаетъ передъ публикою за примѣчательное достоинство книги, которую издаетъ подъ покровительствомъ своего имени, и что, въ подобномъ случаѣ, выставленное имя напечатлѣвается всею святостью торжественно даннаго въ томъ слова. Онъ

lib.pushkinskijdom.ru

охотно вынетъ изъ своего кармана тысячу рублей для бѣднаго, но обманывать не станетъ, — ни васъ, ни меня. Дать свое имя книгѣ, какъ вы говорите, „плохой“, изъ благотворительности?... Невозможно! невозможно! Не говорите мнѣ даже этого! Не повѣрю! Благотворительность предполагаетъ пожертвованіе,—труда или денегъ,— чего бы ни было, — иначе она не благотворительность. Согласитесь, что позволить напечатать свое имя — не стоитъ никакихъ хлопотъ. Александръ Сергѣевичъ, если бъ пожелалъ быть благотворителемъ, написалъ бы самъ двѣ три страницы стиховъ, и онѣ принесли бы болѣе выгоды бѣдному, которому бы онъ подарилъ ихъ, чѣмъ вся эта „Вастола“. Люди добраго сердца оказываютъ благотворительность приношеніемъ нищетѣ какого-нибудь дѣйствительнаго труда, а не бросая въ лице бѣдному одно свое имя, для продажи, — что равнялось бы презрѣнію къ бѣдному и презрѣнію къ публикѣ, къ вамъ, ко мнѣ, ко всякому. Нѣтъ, нѣтъ! клянусь вамъ, это подлинные стихи Пушкина. И если бы они были даже не его, ему теперь не оставалось бы ничего болѣе какъ признать ихъ своими, и внести въ собраніе своихъ сочиненій. Между возможностью упрека въ томъ, что вы употребили уловку (рука дрожитъ, чертя эти слова), и чистосердечнымъ принятіемъ на свой счетъ стиховъ, которымъ дали свое имя для успѣшнѣйшей ихъ продажи, выборъ не можетъ быть сомнителенъ для благороднаго человѣка. Но этотъ выборъ не предстанетъ никогда Пушкину. „Вастола“, мы увѣрены, дѣйствительно — его твореніе. Это его стихи. Удивительные стихи!“ (*Библіотека для Чтенія*, 1836 г., т. XIV, № 2, отд. VI, стр. 31—35).

Статья Сенковскаго произвела весьма непріятное впечатлѣніе на Пушкина, который не могъ о ней слышать безъ сильнаго раздраженія. Извѣстенъ случай, когда поэтъ наговорилъ дерзостей своему хорошему знакомому

lib.pushkinskijdom.ru

С. С. Хлюстину за то, что послѣдній упомянулъ при немъ о „Вастолѣ“ и привелъ выдержки изъ злополучной рецензіи. Дерзость повлекла за собою вызовъ на дуэль, и лишь, при участіи С. А. Соболевскаго, удалось предотвратить трагическій исходъ возникшаго недоразумѣнія (Переписка, т. III, стр. 270—274. — Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 636—637).

Шумъ, поднятый „Вастолой“ въ петербургскихъ литературныхъ кругахъ, донесся до Москвы, и здѣсь вопросъ объ авторствѣ Пушкина былъ заново пересмотрѣнъ. Надеждину казалось невѣроятнымъ, чтобы поэтъ былъ переводчикомъ „Вастолы“, и потому онъ съ большою готовностью предоставилъ развить эту мысль Бѣлинскому.

„Вастола надѣлала много шуму и въ нашей литературѣ и въ нашей публикѣ“, писалъ Бѣлинскій: „Имя Пушкина, выставленное на этомъ сочиненіи, напоминающемъ своими стихами времена Тредіяковскаго и Сумарокова, подало поводъ къ страннымъ сомнѣніямъ, догадкамъ и заключеніямъ. Но критики и рецензенты поставлены этимъ магическимъ именемъ въ совершенный тупикъ... При настоящемъ двусмысленномъ состояніи нашей литературы, появленіе почти каждаго новаго произведенія сопровождается какою-нибудь странною и совсѣмъ не-литературною исторіею; то же случилось и съ „Вастолою“. Пушкинъ издатель или авторъ этой поэмы? вотъ вопросъ. Мы не хотимъ рѣшать его; намъ нѣтъ дѣла до частныхъ, домашнихъ обстоятельствъ, соединенныхъ съ появленіемъ того или другаго сочиненія, мы видимъ книгу и судимъ о ней. Да! такъ бы должно быть, но случай-то совсѣмъ изъ рукъ вонъ! Мы скорѣй повѣримъ, что какой-нибудь витязь толкучаго рынка написалъ романъ, который выше Ивангое и Пуританъ, драму, которая выше

lib.pushkinskijdom.ru

Гамлета и Отелло, чѣмъ тому, чтобъ Пушкинъ былъ переводчикомъ „Вастолы“. Пушкинъ можетъ быть ниже себя, но никогда ниже Сумарокова. Равнымъ образомъ, мы никогда не повѣримъ и тому, чтобы Пушкинъ выставилъ свое имя на негодномъ рыночномъ произведеніи, желая оказать помощь какому-нибудь бѣдному рифмачу; такого рода благотворительность слишкомъ оригинальна; она похожа на сердоболіе начальника, который не хочетъ выгнать изъ службы пьянаго, лѣниваго и глупаго подъячаго, не желая лишать его куска хлѣба. Конечно, можетъ быть, это сравненіе покажется невѣрнымъ, потому что оба эти поступка, повидимому, имѣютъ мало сходства, но я думаю, что они очень сходны между собою, и именно тѣмъ, что равно беззаконны, при всей своей законности, неблагонамѣренны, при всей своей благонамѣренности, и тѣмъ, что какъ тотъ, такъ и другой, лишены здраваго смысла. И такъ очень ясно, что послѣдній слухъ лживъ, по крайней мѣрѣ, мы такъ думаемъ вслѣдствіе нашего глубокаго уваженія къ первому русскому поэту“...

Бѣлинскій по двумъ причинамъ не можетъ вѣрить, что „Вастола“ была переведена Пушкинымъ. Во первыхъ, потому, что „Вастола“ — произведеніе Виланда, а Виландъ — нѣмецъ, „силившійся подражать французскимъ писателямъ XVIII вѣка“, „усвоившій себѣ, можетъ быть, пустоту и ничтожность своихъ образцовъ, но оставшійся при своей нѣмецкой тяжеловатости и скучноватости“. Помимо этого, сама „Вастола“ — „просто пошлая и глупая сказка, принадлежащая къ разряду этихъ нравоучительныхъ повѣстей (contes moraux), въ которыхъ выражалась, легкими разговорными стихами, какая-нибудь пошлая, ходячая и для всѣхъ старая истина практической жизни“... „Теперь спрашивается, кто можетъ предположить, чтобы Пушкинъ выбралъ себѣ для перевода сказку Виланда, и такую сказку?“... —

lib.pushkinskijdom.ru

Вторая причина, побуждающая Бѣлинскаго отрицать возможность пушкинскаго перевода „Вастолы“, „заключается въ достоинствѣ перевода, въ этихъ стихахъ, которые Русь читала съ восхищеніемъ при Сумароковѣ, которые стала забывать съ появленія Богдановича и о которыхъ совсѣмъ забыла съ появленія Пушкина“ (*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900, т. II, стр. 405—407).

Изъ словъ Бѣлинскаго видно, что журналисты и литераторы тридцатыхъ годовъ не одобрили той формы, въ которой Пушкинъ оказалъ содѣйствіе Люценку. Самъ поэтъ былъ несогласенъ съ современниками, — тѣмъ болѣе, что издалъ „Вастолу“ только послѣ неудачныхъ переговоровъ со Смирдинымъ и, повидимому, безрезультатнаго обращенія за содѣйствіемъ къ барону Корфу, который долженъ былъ „походатайствовать за Люценко, какъ за лицеиста“ (Переписка, т. III, стр. 223—224). Поэтому позднѣйшее поколѣніе питомцевъ Лицея разошлось въ оцѣнкѣ поступка Пушкина съ его современниками. „Намъ, лицеистамъ“, пишетъ Д. Ѳ. Кобеко: „пріятно думать, что Пушкинъ пришелъ на помощь Люценкѣ не только какъ заслуженному литератору, какъ онъ о немъ выразился, но и какъ къ лицу, которое въ первые два года существованія Лицея принесло на его пользу свое усердіе и свой трудъ“ (*Д. Ѳ. Кобеко*. Царскосельскій Лицей. СПб. 1911 г., стр. 346).

---

lib.pushkinskijdom.ru

78.

ВЕЧЕРА НА ХУТОРѢ БЛИЗЪ ДИКАНЬКИ.

Повѣсти, изданныя Пасичникомъ Рудымъ Панькомъ. Изданіе второе. Двѣ части, въ 8 д. л. XIV, 203 и X, 233, въ тип. Д. Внѣшн. Торговли.

(Стр. 254—255).

Эта замѣтка, не встрѣчавшаяся намъ въ рукописи, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. I, стр. 311—312, и затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 416—417.

Отзывъ о „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки", по словамъ Анненкова, обнаруживаетъ „покровительство, какое оказалъ Пушкинъ начинающему писателю, и самые поводы къ нему". „Тутъ уже можно замѣтить мысль, высказанную впослѣдствіи самимъ Гоголемъ по поводу только Ревизора: честное лицо въ моей комедіи — есть смѣхъ" (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 416).

О характерѣ и заразительности гоголевскаго смѣха Пушкинъ говоритъ и въ письмѣ къ А. Ѳ. Воейкову (1831 г.): „Сейчасъ прочелъ „Вечера близь Диканьки". Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Мнѣ сказывали, что когда издатель вошелъ въ типографію, гдѣ печатались „Вечера", то наборщики начали прыскать и фыркать, зажимая ротъ рукою. Факторъ объяснилъ ихъ веселость, признавшись ему, что наборщики помирали со смѣху, набирая его книгу. Мольеръ и Фильдингъ, вѣроятно, были бы рады разсмѣшить своихъ наборщиковъ. Поздравляю публику съ

lib.pushkinskijdom.ru

истинно веселою книгою, а автору сердечно желаю дальнѣйшихъ успѣховъ. — Ради Бога возьмите его сторону, если журналисты, по своему обыкновенію, нападутъ на *неприличіе* его выраженій, на дурной тонъ и проч. Пора, пора намъ осмѣять les précieuses ridicules нашей словесности, людей, толкующихъ вѣчно о прекрасныхъ читательницахъ, которыхъ у нихъ не бывало, о высшемъ обществѣ, куда ихъ не просятъ, и все это слогомъ камердинера профессора Тредьяковскаго" (Переписка, т. II, стр. 309: напечатано въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду*, 1831 г. № 79).

Поздравляя публику съ веселою книгою, Пушкинъ поздравилъ и Гоголя „съ первымъ ‹его› торжествомъ, съ фырканьемъ наборщиковъ и изъясненіями фактора". „Съ нетерпѣніемъ ожидаю и другова", добавлялъ поэтъ: „толковъ Журналистовъ и отзыва остренькаго сидѣльца"[1]) (Переписка, т. II, стр. 312: письмо отъ 25-го августа 1831 г.).

Пушкинъ внимательно слѣдилъ за постепеннымъ развитіемъ дарованія Гоголя. Еще въ апрѣлѣ 1831 г. онъ сообщалъ П. А. Плетневу, что ничего не можетъ сказать о Гоголѣ, потому что доселѣ его не читалъ за недосугомъ (Переписка, т. II, стр. 236)[2]), но уже къ осени того же года онъ хорошо ознакомился со всѣми подготовленными къ печати повѣстями, вошедшими въ составъ „Вечеровъ на хуторѣ", и затѣмъ почти каждое произведеніе Гоголя выходило съ его вѣдома и послѣ его одобренія.

Хваля „Вечера" (1831—1832 гг.), Пушкинъ также воздалъ должное „Арабескамъ" (1835 г.) и „Миргороду" (1835 г.). По поводу „Невскаго Проспекта" онъ

1) Т. е. Н. А. Полевого.

2) До 1831 г. Гоголь *могъ* быть извѣстенъ Пушкину, какъ авторъ „Вечера наканунѣ Ивана Купалы" (см. настоящій томъ, № 53 и примѣчанія къ этому номеру).

lib.pushkinskijdom.ru

писалъ Гоголю: „Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ, кажется все можетъ быть пропущено. Сѣкуцію[1]) жаль выпустить: она, мнѣ кажется, необходима для полнаго эфекта вечерней мазурки. Авось Богъ вынесетъ. Съ Богомъ!“ (Переписка, т. III, стр. 168—169: октябрь — ноябрь 1834 г.). — О ссорѣ миргородскихъ помѣщиковъ, талантливо изображенныхъ юмористомъ, упомянуто въ пушкинскомъ дневникѣ подъ 3-имъ декабря 1832 г.: „Вчера Гоголь читалъ мнѣ сказку: *какъ Ив‹анъ› Ив‹ановичъ› поссорился съ Ив‹аномъ› Тимофѣичемъ* (sic). Очень оригинально и очень смѣшно“ (Дневникъ А. С. Пушкина. Труды б. Рум. Музея. М.—П. 1923 г., стр. 38). — Сужденія Пушкина о „Тарасѣ Бульбѣ“ сохранены въ „Запискахъ“ А. О. Смирновой.

„Это эпопея, въ которой можно было бы найти матеріалъ для прекрасной драмы... Сюжетъ шекспировскій... Здѣсь проявляются двѣ страсти: страсть къ независимости и родительская любовь, вопіющая о мщеніи; у матери материнская любовь и привычка къ покорности мужу, главѣ семьи. Остапъ, который учился, остался чистокровнымъ казакомъ, онъ обладаетъ геройской твердостью спартанца, въ его героизмѣ есть гордость; а между тѣмъ это сердце способное любить, что сказывается въ его крикѣ съ эшафота: „Слышишь-ли, видишь-ли меня, батька?“ Въ этомъ заразъ сказывается казакъ и сынъ, этотъ крикъ великолѣпенъ. Андрей-юноша, вѣрно схваченный, наивный, онъ романтиченъ, онъ не герой Сѣчи, а парень, Грицко, Левко въ платьѣ запорожца. Всѣ эти противуположенія совершенно вѣрны и естественны“ (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 235—236).

Позднѣйшія гоголевскія творенія встрѣчены Пушкинымъ также благожелательно. По его мнѣнію, первона-

1) Эпизодъ съ поручикомъ Пироговымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

чальная программа „Шинели“ (1834 г.) — „чудо“; „Утро дѣлового человѣка“ (1835 — 1836 гг.) — „эффектныя“ сцены; „Носъ“ (1835—1836 гг.) — „шутка“, заключающая въ себѣ „много неожиданнаго, фантастическаго, веселаго, оригинальнаго“. Пушкинъ горячо благодаритъ Гоголя за „Коляску“ (1835 г.), въ которой „Альманахъ“ (т. е. *Современникъ*) далеко можетъ уѣхать; до глубины потрясенъ чтеніемъ „Мертвыхъ Душъ“ и проявляетъ большое попеченіе о судьбѣ „Ревизора“, сюжетъ котораго подсказанъ имъ автору[1]). „Кланяюсь Гоголю“, пишетъ Пушкинъ князю В. Ѳ. Одоевскому 30-го октября 1833 г.: Что его комедія? Въ ней же есть закорючка“[2]). А по выходѣ въ свѣтъ піесы, поэтъ, наслушавшійся московскихъ толковъ, спѣшно даетъ женѣ порученіе: „Пошли ты за Гоголемъ и прочти ему слѣдующее: видѣлъ я актера Щепкина, который ради Христа просилъ его пріѣхать въ Москву, прочесть Ревизора. Безъ него Актерамъ не спѣться. Онъ говоритъ, комедія будетъ карикатурна и грязна (къ чему Москва всегда имѣла поползновеніе). Съ моей стороны, я тоже ему совѣтую: не надобно, чтобъ Ревизоръ упалъ въ Москвѣ, гдѣ Гоголя болѣе любятъ, нежели въ П. Б.“ (Переписка, т. III, стр. 56, 238, 294, 309. — Настоящій томъ, № 84, стр. 304. — *Н. В. Гоголь.* Сочиненія. СПб. 1893 г., т. V, стр. 96. — *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 316).

---

1) Извѣстенъ автографъ Пушкина: „(Свиньинъ). Криспинъ пріѣзжаетъ въ NB *на ярмонку* губернію — его принимаютъ за Audass. Губерн‹аторъ› честной дуракъ губ‹ернаторша› съ нимъ проказитъ — Крис‹пинъ› сватается за дочь“. Изъ этой замѣтки видно, что Пушкинъ „задумывалъ“ сюжетъ „Ревизора“ „въ общихъ формахъ итальянской или мольеровской комедіи, основанной на qui pro quo, съ „криспиновскимъ“ характеромъ главного лица“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XVI, стр. 110—114: слова П. О. Морозова).

2) То-есть пьеса заслуживаетъ вниманія (примѣчаніе князя Одоевскаго) [изданіе Литературнаго Фонда, т. VII, стр. 337].

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ принималъ близко къ сердцу возможный неуспѣхъ комедіи, какъ будто она была его собственнымъ произведеніемъ. Отсюда понятна трогательная любовь Гоголя къ Пушкину; понятна и безпредѣльная скорбь талантливаго ученика при полученіи потрясающаго извѣстія о безвременной кончинѣ великаго учителя. „Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ“, говорилъ Гоголь: „Самыя[1]) свѣтлыя минуты моей жизни были минуты, въ которыя я творилъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь! мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Ничего не предпринималъ, ничего не писалъ я безъ его совѣта. Все, что̀ есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему“ (*Н. В. Гоголь.* Письма. Изданіе А. Ф. Маркса, т. I, стр. 434).

— (*Стр. 254, строка 27*). О неправильности гоголевскаго слога Пушкинъ упоминаетъ въ „Грамматическихъ замѣчаніяхъ“ (см. настоящій томъ, № 53, стр. 118).

79.

АЛЕКСАНДРЪ РАДИЩЕВЪ.

(Стр. 255—269).

Эта статья сохранилась въ двухъ рукописяхъ б. Румянцовскаго Музея: въ черновомъ автографѣ № 2387 Б, лл. 1—8, 87—93, и въ бѣловой, окончательно редактированной для печати и исправленной поэтомъ копіи № 2385 В, № 12. Небольшой отрывокъ найденъ въ бумагахъ Л. Ѳ. Пантелеева (*Временникъ Пушкинскаго Дома* 1914 г., стр. 5). Весь текстъ впервые помѣщенъ въ изда-

1) *Въ извѣстномъ печатномъ текстѣ:* Мои.

lib.pushkinskijdom.ru

піи Анненкова, т. VII, стр. 50—64. — Мы печатаемъ статью по бѣловой копіи съ соблюденіемъ правописанія чернового автографа. Дополненія и варіанты изъ отрывка Л. Ѳ. Пантелеева и музейнаго черновика отмѣчены буквами П. и Р.

Стр. 255, строка 15: *Ученіе принесло имъ мало пользы. Они не взяли даже на себя трудъ выучиться порядочно латинскому и нѣмецкому языкамъ, дабы по крайней мѣрѣ быть въ состояніи понимать своихъ профессоровъ.* Они проказничали и вольнодумствовали (Р).

» 255, » 17—18; . . . никакого вліянія на *юные* ихъ умы и нравственность (Р).

» 255, » 21: . . . не оставя по себѣ слѣдовъ. . . (Р).

» 255, » 22—23: . . . одинъ на *мѣстѣ важномъ въ Государствѣ,* обнаружилъ нещастную посредственность. . . (Р).

» 255, » 25 — стр. 259, строка 5: *Казодавлевъ, Ушаковъ и Радищевъ изъ пажей, Насокинъ, Наумовъ изъ Гвардейскихъ сержантовъ посланы Екатериною въ чужіе края. Ушаковъ умираетъ рано. Казодавлевъ и Радищевъ входятъ протоколистами въ сенатъ. Насокинъ — игрокъ и пьяница. Наумовъ умираетъ молодъ. Графъ Воронцовъ покровительствуетъ Радищеву по службѣ.*

Дмитріевъ у Державина слышитъ отъ Казодавлева объ Путешествіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Держ‹авинъ› доноситъ о п‹утеше-ствіи› Зуб‹ову› (П)[1]).

» 256, строка 32: ...имѣлъ *уже* опытность... (Р).

» 256, » 10—11: ...*ему* открыто было *лестное* поприще... (Р).

» 256, » 22—23: ...*какую* прелесть имѣютъ, для развивающихся умовъ... (Р).

» 256, » 26: То что нѣкогда *было* скрытнымъ... (Р).

» 257, » 19: Въ то время *были* въ Россіи люди... (Р).

» 258, » 8: ...напечатали *его*... (Р).

» 258, » 13: ...ихъ *суровость*... (Р).

» » » » ...ихъ *жестокость*... (Р).

» 258, » 14—15: ...*Царя* умѣвшаго уважать человѣчество... (Р).

» 258, » 18—19: Мѣлкій чиновникъ, *сочинитель* безо всякой *опоры*, дерзаетъ *одинъ* вооружиться противу общаго порядка... (Р).

» 258, » 21—24: ...членъ тайнаго общества, смотря на многочисленность своихъ соумышленниковъ, въ случаѣ *неуспѣха*, или готовится извѣтомъ заслужить *сво‹боду›* или полагается на безнаказанность (Р).

» 258, » 27—28: ...онъ одинъ представляется *въ* жертву закону (Р).

» 258, » 28: Мы не почита*емъ* Радищева... (Р).

» 258, » 29: Поступокъ его *въ глазахъ нашихъ* ‹былъ› преступленіемъ... (Р).

» 258, » 31—34: ... не можемъ не признать въ Ради-

1) Краткая программа позднѣйшаго разсказа.

lib.pushkinskijdom.ru

щевѣ преступника съ духомъ не обыкновеннымъ; политическаго *Донъ-Кихота*, дѣйствующаго съ энергіей и совѣстливостію (Р).

Стр. 258, строки 33—34: . . . съ энергіей удивительною и съ рыцарскою совѣстливостію (Р).

» 259, » 1: Но *кажется что* самъ Радищевъ не понялъ. . . (Р).

» 259, » 3: . . . развозить свою книгу *по* своимъ знакомымъ. . . (Р).

» 259, » 11: *Да* онъ хуже Пугачева. . . (Р).

» 259, » 17: *Его* лишили чиновъ. . . (Р).

» 260, » 6: . . . взялъ съ него *слово*. . . (Р).

» 260, » 8: Онъ *даже* во все время. . . (Р).

» 260, » 10—11: Смиренный *бурями,* опытностію и годами. . . (Р).

» 260, » 12: . . . его кичливую молодость (Р).

» 260, » 15: *Не будемъ торопиться въ нашихъ сужденіяхъ:* не станемъ укорять Радищева въ слабости характера... (Р).

» 260, » 17—18: Со вздохомъ иль съ улыбкою *мужъ* отвергаетъ *мысли*. . .

» 260, » 24—25: . . . нѣкогда любимыя свои мысли проповѣдаемыя *палачами* съ высоты гильотины. . . (Р).

» 260, » 26—28: *Человѣкъ* увлеченный *нѣкогда* львинымъ ревомъ колосальнаго Мирабо, онъ уже не могъ сдѣлаться поклонникомъ Робеспьера этаго сентиментальнаго тигра, *этаго палача въ зеленыхъ очкахъ и въ розовомъ жилетѣ* (Р).

» 260, » 28: . . . *этаго холоднаго кровопійцы въ си-*

lib.pushkinskijdom.ru

нихъ очкахъ и въ розовомъ жилетѣ (Р).

Стр. 260, строки 31—32: ...увидалъ въ сочинителѣ...(Р).

» 261, » 2— 3: Бѣдный Радищевъ, увлеченный предметомъ, нѣкогда близкимъ къ его умозрѣніямъ, вспомнилъ *свою молодость*...(Р).

» 261, » 10—11: ...подавшемъ ему *на смертномъ одрѣ* первую мысль...(Р).

» 261, » 12: ...*давно* напророчилъ (Р).

» 261, » 24: ...лирическое *произв⟨еденіе⟩*...(Р).

» 262, » 18: ...народности, необходимой въ *поэтахъ*...(Р).

» 262, » 26: *Нападенія Радищева большею частію преувеличины* (*exagérés*) *и слѣдовательно несправедливы* (Р).

» 262, » 27—28: ...*удивительно* пошлы (Р).

» 263, » 2— 3: ...*чувств⟨ительность⟩* Руссо, *фанатизмъ* Дидрота... (Р).

» 263, » 7: ...слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, *фанатизмъ неофита*...(Р).

» 263, » 9: ...вотъ *все* что мы видимъ въ Радищевѣ. *Отымите у него честность, въ остаткѣ будетъ Полевой* (Р) [1]).

» 263, » 10: ...своимъ наглымъ злорѣчіемъ *и клеветою*...(Р).

» 263, » 12: ...власть *помѣщиковъ*...(Р).

» 263, » 14: ...способы *ограничить злоупотребленія*...(Р).

» 263, » 16: ...*благоразумный* Законодатель... (Р).

» 263, » 17: ...*состояніе* писателей...(Р).

---

1) Эта фраза зачеркнута въ чистовой копіи.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 263, строка 18—19: . . . *игрушкой* и жертвою безсмысленной *прихоти*. . . (Р).

» 263, » 22: . . . шума *и* соблазна. . . (Р).

» » » » . . . *въ наше время когда* правительство. . . (Р).

» 263, » 22—23: . . . *особливо въ то время когда само* правительство не только не *преслѣдовало*[1]) *благор‹азумныхъ› мнѣній и совѣтовъ* писателей. . . (Р.).

» 263, » 23—24: . . . требовало ихъ *содѣйствія*, вызывало на *изъявленіе мнѣній*. . . (Р).

» 263, » 24: . . . вызывало на *умственные труды*. . . (Р).

» 263, » 25: . . . чувствуя нужду въ *соучастіи*. . . (Р).

» 263, » 26—27: . . . не пугаясь *малодушно* ихъ смѣлости и не оскорбляясь *невѣжественно* ихъ откро‹венностью› (Р).

» 263, » 29: . . . врядъ-ли *бы*. . . (Р).

» 263, » 34: . . . *тайно* тиснуты. . . (Р).

» » » » . . . *воровски* тиснуты. . . (Р).

» 263, » 34 — стр. 210, строка 1: . . . *беззаконной* типографіи. . . (Р).

» 264, » 1: *наряду* съ пошлыми *полуистинами* (Р).

» » » » . . . съ примѣсью пошлыхъ *полуистинъ* и преступнаго пустословія (Р).

» 264, » 3—4: . . . нѣтъ *искренности* въ поношеніяхъ. . . (Р).

Статья о Радищевѣ, предназначенная для третьяго тома *Современника*, была закончена вчернѣ 3-го апрѣля 1836 г. и, послѣ нѣкоторыхъ редакціонныхъ поправокъ,

1) *Сверху написано* отвергало.

lib.pushkinskijdom.ru

перебѣленная писцомъ [1]), въ началѣ августа того же года была препровождена цензору А. Л. Крылову съ авторской надписью такого содержанія: „Пушкинъ покорнѣйше проситъ Александра Лукича представить сію статью куда слѣдуетъ для разрѣшенія“. Недѣли три спустя статья была возвращена обратно съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ Крылова: „Не дозволено къ напечатанію предписаніемъ Главнаго Управленія Цензуры отъ 26-го Августа 1836 г. № 271“. Тогда раздосадованный поэтъ немедленно потребовалъ свою статью обратно (Переписка, т. III, стр. 366, 374).

Цензурная исторія Пушкинской статьи подробно изложена М. И. Сухомлиновымъ.

„При оцѣнкѣ статьи Пушкина“, пишетъ этотъ изслѣдователь: „не слѣдуетъ забывать и о томъ обстоятельствѣ, что авторъ находился на ту пору подъ двойною и, пожалуй, даже подъ тройною цензурою. Чтобы добиться возможности напечатать „въ его жестокій вѣкъ“ статью о государственномъ преступникѣ, съ выписками изъ книги, за которую онъ приговоренъ къ смертной казни, Пушкину надо было какъ можно ярче выставить свое неодобреніе поступку Радищева и отклонить всякое подозрѣніе въ своемъ политическомъ единомысліи съ человѣкомъ, въ которомъ онъ признавалъ и необыкновенную силу духа, и рыцарскую совѣстливость. Пушкинъ предвидѣлъ затрудненія, угрожавшія ему со стороны цензуры, но не въ силахъ былъ отклонить ихъ. Цензура не пропустила статьи Пушкина, какъ онъ ни „перехитрилъ ее изъ цензурныхъ видовъ“.

По разсмотрѣніи рукописи Пушкина, С.-Петербургскій Цензурный Комитетъ препроводилъ ее, въ августѣ

1) Рукою Пушкина написаны лишь заглавіе, эпиграфъ и нѣсколько словъ передъ приложеніями къ статьѣ, для поясненія, куда они относятся („Въ статью о А. Радищевѣ“).

lib.pushkinskijdom.ru

1836 года, въ Главное Управленіе Цензуры слѣдующемъ представленіи. — „Г. цензоръ Крыловъ донесъ С.-Петербургскому Цензурному Комитету, что на разсмотрѣніе его поступила статья для періодическаго изданія „Современникъ“, подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ*, съ эпиграфомъ: „il ne faut pas qu'un honnête homme mérite d'être pendu“. — Статья сія напоминаетъ о лицѣ и происшествіи временъ императрицы Екатерины II. Радищевъ, посланный на счетъ правительства для усовершенствованія себя въ иностранныхъ университетахъ, возвратился въ Россію, напитавшись, какъ другіе сверстники его, философіею своего вѣка. По вступленіи въ службу онъ напечаталъ въ домашней типографіи возмутительное сочиненіе: *Поѣздка въ Москву,* и, по повелѣнію императрицы, былъ сосланъ въ Сибирь. Императоръ Павелъ I приказалъ его возвратить, а Александръ соизволилъ и на принятіе въ службу по комиссіи составленія законовъ. Не смотря на то, Радищевъ повторилъ старыя идеи свои *въ одномъ проектѣ,* котораго составленіе было ему поручено съ высочайшаго повелѣнія. Графъ З⟨авадовскій⟩ сдѣлалъ, по сему случаю, замѣчанія, и устрашенный Радищевъ отравилъ себя ядомъ. Жизнь Радищева — политическая и литературная — составляетъ содержаніе статьи, назначаемой для періодическаго изданія „Современникъ“; въ ней предполагается помѣстить и два отрывка изъ его сочиненій: одинъ въ стихахъ, заимствованный изъ сочиненій, напечатанныхъ въ 1807 году, съ позволенія правительства; другой — въ прозѣ, подъ заглавіемъ: *Клинъ,* взятъ изъ упомянутой *Поѣздки въ Москву,* но въ отдѣльности не заключаетъ, однакожъ, мыслей, не позволительныхъ по правиламъ цензуры. Не зная, въ какой степени можетъ быть допущено въ періодическомъ изданіи возобновленіе свѣдѣній *о такомъ лицѣ и происшествіи, которому, въ наше время, есть еще многіе современники,* г. цензоръ

lib.pushkinskijdom.ru

представилъ статью сію на разсмотрѣніе Комитета. Комитетъ, по уваженію причинъ, затруднившихъ г. цензора Крылова одобрить статью о Радищевѣ къ напечатанію, призналъ себя не въ правѣ пропустить ее безъ разрѣшенія высшаго начальства" и представилъ ее „на благоусмотрѣніе Главнаго Управленія Цензуры".

„Министръ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ, написалъ на представленіи Цензурнаго Комитета: „Статья (сама?) по себѣ недурна, и съ нѣкоторыми измѣненіями могла бы быть пропущена. Между тѣмъ нахожу неудобнымъ и совершенно излишнимъ возобновлять память о писателѣ и книгѣ, совершенно забытыхъ и достойныхъ забвенія [1]).

„Въ 1840 году, когда печаталось посмертное собраніе сочиненій Пушкина, статья о Радищевѣ была снова представлена въ цензуру и на этотъ разъ уже непосредственно министру народнаго просвѣщенія. Тотъ же министръ С. С. Уваровъ, писалъ попечителю С.-Петербургскаго Учебнаго Округа: „Г. цензоръ Никитенко представилъ мнѣ на усмотрѣніе статью подъ названіемъ: *Александръ Радищевъ,* предполагаемую въ третій томъ *Сочиненій Пушкина, собранныхъ послѣ его смерти.* По разсмотрѣніи этой статьи, я нахожу, что она, по многимъ заключающимся въ ней мѣстамъ, къ напечатанію допущена быть не можетъ, и потому предлагаю сдѣлать распоряженіе о запрещеніи ея" [2]).

„Только въ 1857 году, слѣдовательно спустя болѣе двадцати лѣтъ по написаніи, появилась, наконецъ, въ

---

1) Дѣло канцеляріи Главнаго Управленія Цензуры 1836 года. № 72/1081. Представленіе Цензурнаго Комитета 24 августа 1836 г. — Ср. *Временникъ Пушкинскаго Дома*, 1914 г. стр. 15—16, №№ 50—51. (*Н. К.*).

2) Дѣло канцеляріи министра народнаго просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры 1840 г. № 56. Отношеніе министра попечителю, 9 марта 1840 г.

lib.pushkinskijdom.ru

печати статья Пушкина: *Александръ Радищевъ*. Она помѣщена въ седьмомъ, дополнительномъ томѣ *Сочиненій Пушкина*, изданныхъ П. В. Анненковымъ. Разсмотрѣніе статьи Пушкина, какъ и всего дополнительнаго тома его сочиненій, поручено было... Ивану Александровичу Гончарову. Такое порученіе было дано И. А. Гончарову вслѣдствіе его служебнаго положенія: онъ занималъ въ то время должность цензора. Въ донесеніи своемъ Цензурному Комитету И. А. Гончаровъ говоритъ:

„Въ статьѣ *Александръ Радищевъ* (стр. 67 по 97) представляется полный очеркъ извѣстнаго вольнодумца временъ Екатерины II, автора книги; *Путешествіе изъ Петербурга въ Москву*, за которую онъ былъ сосланъ въ Сибирь, потомъ возвращенъ. Пушкинъ описываетъ вступленіе его въ существовавшее тогда общество мартинистовъ, ихъ духъ и направленіе. Образъ мыслей того времени, воспитаніе лица, — все это не имѣетъ никакого отношенія къ нашей современности и можетъ развѣ только послужить матеріаломъ будущему историку нравовъ той эпохи, а потому вся статья могла бы быть безъ всякаго вреда напечатана, какъ любопытный историческій эскизъ“ и т. д. Сдѣлавши общій обзоръ содержанія седьмого тома сочиненій Пушкина, И. А. Гончаровъ приходитъ къ такому выводу: „Принимая въ соображеніе, что со времени кончины Пушкина прошло двадцать лѣтъ, и эпоха его дѣятельности, относительно современнаго литературнаго движенія, можетъ считаться минувшею, и — что уваженіе къ памяти поэта требуетъ всевозможной пощады и осторожности при цензурномъ разсмотрѣніи его сочиненій, которыя и въ этомъ отношеніи могли бы, до значительной степени, составить исключеніе противу другихъ писателей, я полагалъ бы испросить разрѣшеніе Главнаго Управленія Цензуры на одобреніе седьмого тома сочиненій Пушкина въ печать *безъ всякихъ измѣненій*“.

lib.pushkinskijdom.ru

„Въ такомъ же духѣ высказался и другой писатель, исполнявшій въ то время должность чиновника особыхъ порученій при товарищѣ министра народнаго просвѣщенія, Николай Ѳедоровичъ Щербина. Въ запискѣ, которую Н. Ѳ. Щербина представилъ товарищу министра народнаго просвѣщенія, князю Петру Андреевичу Вяземскому говорится слѣдующее:

„При чтеніи рукописи VII-го (дополнительнаго) тома сочиненій Пушкина, издаваемыхъ П. В. Анненковымъ, представляются въ цензурномъ отношеніи, слѣдующія общія соображенія:

a) Такъ какъ эти произведенія принадлежатъ перу великаго русскаго національнаго поэта, а великіе писатели наши имѣли счастіе быть постоянно подъ особеннымъ покровительствомъ верховной власти въ государствѣ, то цензурѣ къ таковымъ сочиненіямъ должны относиться *снисходительнѣе,* чѣмъ къ произведеніямъ писателей меньшаго значенія и извѣстности, принявъ въ соображеніе то, что нѣкоторыя творенія Пушкина, Гоголя, комедія Грибоѣдова, удостоились быть напечатанными съ монаршаго соизволенія и одобренія, тогда какъ обыкновенная цензура не рѣшалась дозволить ихъ къ напечатанію.

b) Такъ какъ въ этой рукописи находятся пьесы, представляющія какъ бы нѣкоторыя цензурныя сомнѣнія, и пьесы, до сихъ поръ ни разу еще не напечатанныя, содержаніе которыхъ отчасти выходитъ изъ уровня обыкновенно дозволяемыхъ къ печати сочиненій, то, въ подобномъ случаѣ, неизлишне соображаться и съ тою мыслію, что произведенія, сохраняемыя какъ бы втайнѣ, пользуются своего рода привлекательностію и обожаніемъ, съ жадностію переписываются, останавливаютъ на себѣ гораздо больше вниманіе и возбуждаютъ толки; между тѣмъ какъ эти же произведенія, явившись въ пе-

lib.pushkinskijdom.ru

чати, дѣлаются обыкновенными, лишаются прежняго вниманія и какъ бы профанируются печатью.

c) Замѣчено, что сочиненія великаго національнаго писателя, долгое время не являвшіяся въ печати и дозволенныя къ ней правительствомъ, пріобрѣтаютъ къ нему еще большую искреннюю любовь всѣхъ и каждаго. Кромѣ того, изъ читающей публики, самый строгій и придирчивый, въ цензурномъ отношеніи, ригористъ, читая подобныя произведенія любимаго поэта, составляющаго національную славу, какъ бы подкупленный сердцемъ и патріотическимъ чувствомъ, не можетъ видѣть ничего хоть сколько нибудь предосудительнаго въ дозволенныхъ къ изданію посмертныхъ твореніяхъ поэта.

d) Въ пьесахъ этой рукописи, даже въ самой большой степени представляющихъ цензурныя сомнѣнія и затрудненія, нѣтъ новыхъ, невѣдомыхъ доселѣ идей, для мыслящаго и стоящаго на высшей ступени образованности читателя, а для большинства читающей публики *содержаніе ихъ чуждо,* не остановитъ на себѣ ея вниманія и не возбудитъ никакихъ толковъ, — а это-то большинство и должна брать цензура въ соображеніе.

e) Всякая пьеса великаго національнаго поэта и даже, нѣкоторымъ образомъ, всякая строка его составляютъ какъ-бы духовный капиталъ народа и государства и служатъ къ объясненію и къ большему уразумѣнію личности великаго поэта, такъ дорогого сердцу каждаго русскаго,— что̀ необходимо взять цензурѣ въ соображеніе“ [1]).

„Статья Пушкина о Радищевѣ, впервые появившаяся въ печати, произвела большое впечатлѣніе. Она возбудила интересъ къ Радищеву, къ его судьбѣ, къ его лите-

1) Дѣло канцеляріи ‹министра› народнаго просвѣщенія по Главному Управленію Цензуры 1857 года, № 98. — Донесеніе И. А. Гончарова, 6 апрѣля 1857 года. — Докладная записка Н. Ѳ. Щербины, 23 мая 1857 года.

lib.pushkinskijdom.ru

ратурной и общественной дѣятельности. Съ легкой руки Пушкина, начали появляться въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи и замѣтки о жизни и сочиненіяхъ Радищева. Въ литературныхъ кругахъ заговорили объ изданіи сочиненій Радищева и преимущественно его Путешествія и т. д." (*М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 650—655).

Литераторы и ученые изслѣдователи нашей словесности отнеслись къ статьѣ Пушкина весьма различно. Одни, представители старѣйшаго поколѣнія, современники поэта, были или ярыми приверженцами статьи, или ея противниками; другіе, отдаленные отъ автора и временемъ жизни, и взглядами, люди позднѣйшей эпохи, старались быть безпристрастными, разбирали противорѣчивые отзывы предшественниковъ и выясняли причины ихъ недовольства и одобренія.

Критическій обзоръ литературы, посвященной статьямъ Пушкина о Радищевѣ, данъ въ работѣ П. Н. Сакулина „Пушкин и Радищев" (П. 1920 г.).

Въ послѣднее время была сдѣлана попытка заново пересмотрѣть вопросъ объ отношеніи поэта къ автору „Путешествія изъ Петербурга въ Москву". Впервые выдвинута точка зрѣнія, что „въ статьяхъ о Радищевѣ Пушкинъ вышелъ передъ нами съ открытымъ забраломъ", т. е. говоритъ то, что именно хотѣлъ сказать, безъ всякой arrière-pensée. Отсутствіе эзоповскаго языка и выдержанность упомянутыхъ статей „въ тонѣ откровенной убѣжденности" доказывались „путемъ сопоставленія статей о Радищевѣ съ другими произведеніями Пушкина за тотъ же періодъ".

Теорія „открытаго забрала" была признана правдоподобной и допустимой; она пріобрѣла извѣстное значеніе, такъ какъ на первый взглядъ разрѣшала многія

lib.pushkinskijdom.ru

недоумѣнія, смущавшія пушкинистовъ. Но, къ сожалѣнію, затронутый вопросъ оказался весьма сложнымъ; прежнія недоумѣнія не разсѣялись. Изслѣдователямъ приходилось учитывать слѣдующія соображенія.

I. При разсмотрѣніи политическихъ и общественныхъ взглядовъ Пушкина, сравнительный методъ, примѣненный къ упомянутымъ статьямъ, не можетъ дать никакихъ результатовъ. Вѣдь, однообразіе и согласованность въ произведеніяхъ, предназначенныхъ для Бенкендорфа и цензуры, неизбѣжны, разъ авторъ желалъ видѣть ихъ въ печати. Сходство въ данномъ случаѣ ничего не доказываетъ и менѣе всего обнаруживаетъ подлинные „общественно-политическія и историческія идеи“ поэта. Послѣдовательность при проведеніи подобныхъ идей является неизбѣжной, и было бы удивительно, если бы этой послѣдовательности не было.

Иное дѣло — сопоставленіе печатныхъ и предназначенныхъ для печати статей съ черновыми автографами или письмами, перлюстраціи которыхъ Пушкинъ не боялся и въ которыхъ не былъ „поневолѣ сухъ и скученъ“[1]). Но эта работа осталась непродѣланной.

II. Филологическая критика пушкинскаго текста выясняетъ, а) въ какой мѣрѣ можно основываться, при оцѣнкѣ пушкинскихъ политическихъ и общественныхъ воззрѣній, на нѣкоторыхъ его фразахъ, даже взятыхъ изъ черновиковъ; б) въ какой мѣрѣ текстъ „Мыслей на дорогѣ“ написанъ Пушкинымъ и въ какой состоитъ изъ выраженій, умышленно заимствованныхъ авторомъ у другихъ лицъ.

---

1) Напримѣръ, недавно найденныя письма Пушкина къ Е. М. Хитрово (1831—1832 г.) и письмо къ Дельвигу отъ 21-го марта 1827 г. содержатъ въ себѣ положительные отзывы о романѣ ужасовъ и низкую оцѣнку „нѣмецкой философіи“, тогда какъ въ „Мысляхъ на дорогѣ“ (1833—1835 г.) и въ статьѣ „Мнѣніе Лобанова“ (1827 г.) высказаны противоположныя сужденія. При этомъ, сомнительно, чтобы съ 1827 по 1836 г. произошла рѣзкая перемѣна въ литературныхъ воззрѣніяхъ Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

А) Въ черновикахъ главъ „Шоссе“ и „Торжокъ“ сразу бросаются въ глаза необычныя завѣренія Пушкина въ полной откровенности и въ отсутствіи у него „ласкательства“. Настойчивость, съ которой онъ старается внушить читателю, что все имъ сказанное слѣдуетъ принимать за чистую монету, можетъ вызвать обратное дѣйствіе — посѣять недовѣріе. И Пушкинъ это чувствовалъ. Стоитъ пересмотрѣть его черновики, чтобы убѣдиться въ колебаніяхъ настроенія автора, когда онъ отрицалъ лесть властямъ и подчеркивалъ, что говоритъ по чистой совѣсти. Фраза въ первой главѣ со словъ: „Я началъ записки“... до: „но не могу“, зачеркнута въ тетради № 2384 (л. 1 об.) и пропущена въ бѣловой № 2386Б (л. 28). В другой фразѣ: „Сказавъ откровенно“ и т. д., слово „откровенно“ зачеркнуто и потомъ опять возстановлено (№ 2384, л. 24), а въ бѣловой всѣ разсужденія на эту тему пропали (№ 2386 В, лл. 39—41 об.). Что касается декларації поэта: „Избави меня Боже быть поборникомъ и проповѣдникомъ рабства“, — то она находится исключительно въ первоначальномъ черновомъ наброскѣ (№ 2384, л. 8 об.) и затѣмъ забракована авторомъ, очевидно нашедшимъ ее неумѣстной въ окончательной редакціи (№ 2385 Б, л. 30). Пушкинъ побоялся сдѣлать свое заявленіе. Онъ поспѣшилъ еще въ черновикѣ (№ 2384, л. 8 об.) добавить: „(но я говорю прямо, что) благо‹со›стояніе нашихъ крестьянъ тѣсно связано съ пользою помѣщиковъ — и это очевидно для всякаго. Злоупотребленія встрѣчаются вездѣ“. Но и подобная формулировка показалась Пушкину не подходящей: онъ вычеркнулъ завѣреніе, что онъ „говоритъ прямо“, и опустилъ въ бѣловой упоминаніе о злоупотребленіяхъ, встрѣчающихся вездѣ, слѣдовательно и въ Россіи (№ 2385 Б, л. 30). Распространяться о злоупотребленіяхъ ему представлялось неумѣстнымъ; наиболѣе цѣлесообразно, съ его

lib.pushkinskijdom.ru

точки зрѣнія, было неуклонно доказывать, что улучшеніе благосостоянія крестьянъ необходимо для пользы помѣщиковъ.

Б) Внимательный анализъ текста статей о Радищевѣ обнаруживаетъ также тонкую игру Пушкина чужими, весьма распространенными въ извѣстныхъ кругахъ и вполнѣ благонамѣренными мнѣніями выдающихся дѣятелей конца XVIII и первой трети XIX вѣка. Пушкинъ выбираетъ строго консервативныхъ, авторитетныхъ въ глазахъ цензуры и III Отдѣленія лицъ, и не только развиваетъ ихъ воззрѣнія, но даже порою какъ бы цитируетъ ихъ, не называя по именамъ. Подобныя цитаты безъ кавычекъ или весьма точный пересказъ мнѣній Екатерины II, Карамзина и даже самого А. Х. Бенкендорфа касаются слѣдующихъ важнѣйшихъ вопросовъ: 1) постепеннаго улучшенія нравовъ, вмѣсто революціи; 2) роли правительства въ области просвѣщенія; 3) положенія русскихъ крестьянъ; 4) книги Радищева „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“.

Высказываясь противъ „насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества“, и за постепенное „улучшеніе нравовъ“, Пушкинъ почти цитировалъ Карамзина. Вслѣдъ за Екатериной онъ называлъ „Путешествіе“ книгой желчной и призывающей къ возмущенію, ея автора представителемъ полупросвѣщенія, а положеніе русскихъ крестьянъ наилучшимъ въ Европѣ. Наконецъ, онъ повторялъ слова Бенкендорфа о печальной судьбѣ Бурбоновъ, о силѣ русскаго самодержавія и о русскомъ правительствѣ, идущемъ всегда впереди народа на поприщѣ просвѣщенія.

Было бы очень рисковано признать поэта единомышленникомъ упомянутыхъ лицъ. Опрощенное толкованіе пушкинскаго текста не сходится съ значительно болѣе сложной дѣйствительностью. Употребленіе чужихъ мнѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ній и даже чужихъ словъ является прикрытіемъ собственныхъ мнѣній, мѣрой предосторожности, принятой изъ боязни репрессій Бенкендорфа и цензуры.

III. Полная откровенность Пушкина въ статьяхъ, предназначенныхъ для III Отдѣленія, плохо согласуется съ установившимися у него пріемами обращенія съ цензурой.

Въ теченіе всей жизни Пушкинъ неизмѣнно придерживался одного принципа, что „старушку“-цензуру „можно и должно обманывать“. Въ юные годы онъ просилъ А. А. Бестужева „не называть“ его цензурѣ, а „подносить ей (его) стихи подъ именемъ кого угодно (напримѣръ услужливаго Плетнева или какого нибудь нѣжнаго путешественника, скитающагося по Тавридѣ)“. Предложеніе обиженныхъ товарищей — „собраться всѣмъ и жаловаться на Бируковыхъ“, съ его точки зрѣнія, было непрактично. Такая тактика могла легко привести къ „худымъ послѣдствіямъ“. „Соединиться тайно, но явно дѣйствовать въ одиночку казалось (ему) вѣрнѣе“. И всякій хитроумный способъ обойти цензурныя преграды и использовать въ печати запрещенныя произведенія встрѣчалъ его одобреніе. Въ 1836 г. Пушкинъ настойчиво напоминалъ Вяземскому объ успѣшной практикѣ прежнихъ лѣтъ: онъ совѣтовалъ своему другу „выбирать“ изъ запрещенной статьи „все, что будетъ можно выбрать, какъ нѣкогда дѣлалъ ‹онъ› въ Лит‹ературной› Газетѣ со статьями, не пропущенными Щегловымъ“ (Переписка, т. I, стр. 44—45, 60—61, 82; т. III, стр. 432 и др.).

IV. „Неестественно страстный языкъ“, которымъ заговорилъ Пушкинъ о Радищевѣ, какъ будто имѣлъ дѣло со своимъ современникомъ, невольно наводилъ изслѣдователей на мысль о „намѣренной утрировкѣ своей политической благонадежности“ (*В. П. Семенниковъ*. Радищевъ. М.-Л. 1923 г., стр. 256, 268, 378—381 и др.).

lib.pushkinskijdom.ru

Дѣйствительно, трудно категорически утверждать, что „перемѣна“, происшедшая въ Пушкинѣ къ 1830-мъ годамъ, коснулась „самыхъ основъ его общественно-политическаго міросозерцанія“. Не расположенный къ отвлеченному умозрѣнію, человѣкъ яснаго и замѣчательно трезваго ума, Пушкинъ, когда былъ вполнѣ откровененъ, проявлялъ мало склонности къ „мягкому, всеоправдывающему объективизму“. Жизнь въ тогдашней Россіи была поэту, несомнѣнно, въ тягость. „На Руси мы застращены“, замѣтилъ онъ какъ-то Нащокину; „чортъ догадалъ меня родиться въ Россіи съ душою и талантомъ“, жаловался онъ женѣ (письма отъ іюня 1831 г. и отъ 18-го мая 1836 г. — Переписка, т. II, стр. 255, т. III, стр. 316). Правда, Пушкинъ, какъ писатель, по его собственному признанію, открыто „никогда не проповѣдывалъ ни возмущеній, ни революціи“; правда, онъ, послѣ 14-го декабря, заговорилъ, что „бунтъ и революція ⟨ему⟩ никогда не нравились но въ то же время онъ отмѣтилъ „особую причину“, по которой въ Россіи „склонные къ умозрѣнію“ писатели были вызваны къ дѣятельности на Сенатской площади, и не разъ подтверждалъ, что онъ „былъ въ связи со всѣми и въ перепискѣ со многими изъ заговорщиковъ“ (Письма къ А. А. Дельвигу и П. А. Вяземскому отъ февраля и 10-го іюля 1826 г. — Переписка, т. I, стр. 326, 358). Даже страстно желая вырваться на свободу изъ Михайловскаго, Пушкинъ „рѣшительно“ запрещалъ друзьямъ „отвѣчать и ручаться“ за него. Онъ отчетливо сознавалъ, что его „будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія съ нимъ правительства“. Онъ „готовъ ⟨былъ⟩ условливаться“ съ правительствомъ, готовъ былъ гарантировать, что „каковъ бы ни былъ ⟨его⟩ образъ мыслей, политическій и религіозный, ⟨онъ будетъ⟩ хранить его про самого себя“ и не станетъ „безумно противорѣчить общепринятому порядку и необходимости“

lib.pushkinskijdom.ru

(Письма къ В. А. Жуковскому отъ января и 7-го марта 1826 г. — Переписка, т. I, стр. 318, 335). И онъ подчинился этой необходимости, призналъ ее, но былъ недоволенъ ею. „На того ‹Николая I› я пересталъ сердиться“, писалъ онъ женѣ 6-го іюня 1834 г.: „потому что, toute réflexion faite, не онъ виноватъ въ свинствѣ его окружающемъ. А живя въ н. . ., по неволѣ привыкаешь къ г. . . и вонь его тебѣ не будетъ противна, даромъ что gentleman. Ухъ, кабы мнѣ удрать на чистый воздухъ“. Положеніе писателей особенно огорчало его. „Равнодушію правительства и притѣсненію цензуры обязаны мы духомъ нашей словесности“, говорилъ поэтъ въ концѣ правленія Александра (іюнь 1825 г.). „Прилично ли правительству заключить союзъ — съ кѣмъ: съ Булгаринымъ и Гречемъ“, возмущался онъ уже при Николаѣ I (май 1830 г.) [Письма къ К. Ф. Рылѣеву и П. А. Вяземскому. — Переписка, т. I, стр. 232; т. II, стр. 144—145]. „Цензура дѣло земское“, разсуждалъ Пушкинъ: „отъ нея отдѣлили опричину, а опричники руководствуются не Уставомъ, а своимъ крайнимъ разумѣніемъ. Тяжело, нечего сказать. И съ одною цензурою напляшешься; каково же зависѣть отъ цѣлыхъ четырехъ. Не знаю, чѣмъ провинились Русскіе писатели, которые не только смирны, но даже сами отъ себя согласны съ духомъ правительства. Но знаю, что никогда не бывали они такъ притѣсняемы, какъ нынче, — даже въ послѣднее пятилѣтіе царств‹ованія› покойн‹аго› императора ‹Александра I›, когда вся литература сдѣлалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову“ (Письмо къ Д. В. Давыдову отъ іюля-августа 1836 г. — Переписка, т. III, стр. 355—356).

Прочитавъ эти строки, трудно представить, что Пушкинъ „безъ всякой arrière-pensée“ говорилъ: „у насъ правительство всегда впереди на поприщѣ образованности и просвѣщенія“, оно „не только не пренебрегало писате-

lib.pushkinskijdom.ru

лями и ихъ не притѣсняло, но еще требовало ихъ соучастія, вызывало на дѣятельность, вслушивалось въ ихъ сужденія, принимало ихъ совѣты“ и пр. и пр. (А. Радищевъ. 1836 г., „Мысли на дорогѣ“, гл. II, 1833—1835 гг.).

Глубокая неудовлетворенность современнымъ политическимъ и соціальнымъ строемъ, лишавшая поэта душевнаго спокойствія — необходимаго для творческой работы, не могла дать развиться въ немъ благодушному примиренію съ окружающей дѣйствительностью и оправданію ея цѣлесообразности. Отвлеченности московскаго любомудрія не давали ему успокоенія, и „философствовавшая молодежь 20—30-хъ годовъ“ не была ему сродни. Онъ „ненавидѣлъ и презиралъ“ нѣмецкую метафизику и до конца жизни „очень любилъ“ старика Вольтера. „Карамзинъ подъ конецъ былъ ‹ему› чуждъ“, и „размышленія“ исторіографа въ пользу самодержавія“ въ его глазахъ были „краснорѣчиво опровергнуты вѣрнымъ разсказомъ событій“. Вдумчивая оцѣнка этихъ событій, научила его, подобно А. Е. Розену, критически относиться къ „забавамъ взрослыхъ шалуновъ“ и подчеркивать „другой порядокъ дѣлъ“ въ „тѣнистой“ Каменкѣ.

Въ общественныхъ и политическихъ взглядахъ Пушкина нѣтъ строгой выдержанности и послѣдовательности. Въ нихъ неизбѣжны колебанія и даже противорѣчія, вызванныя условіями русской общественной жизни той эпохи. Взгляды Пушкина своеобразны и неустойчивы; они не могутъ быть приведены въ стройную систему и не укладываются ни въ рамки декабристскихъ воззрѣній, ни въ формулы міровоззрѣнія Жуковскаго. Всестороннее выясненіе ихъ — задача сложная и пока не порѣшенная.

И у насъ еще нѣтъ достаточныхъ основаній признать откровенное выраженіе пушкинскихъ взглядовъ въ его рѣзкихъ отзывахъ о Радищевѣ, съ именемъ котораго

lib.pushkinskijdom.ru

связаны начало и конецъ творческой дѣятельности великаго поэта.

— (*Стр. 255, строки 11—15*). Въ 1766 г., по желанію Екатерины, были посланы въ лейпцигскій университетъ учиться правовѣдѣнію двѣнадцать молодыхъ людей, изъ коихъ шесть были пажи. „Сколько я помню", пишетъ Н. А. Радищевъ: „вотъ имена отправленныхъ молодыхъ людей: Яновъ, Челищевъ, Кутузовъ, Радищевъ, Рубановскій, кн. Несвицкій — пажи: Ѳ. Ушаковъ, М. Ушаковъ, Насакинъ, кн. Трубецкой, Олсуфьевъ. Потомъ на мѣсто умершихъ: кн. Несвицкаго, кн. Трубецкого и Ѳ. Ушакова, присланы: Д. А. Олсуфьевъ, О. П. Козодавлевъ и Н. Д. Ушаковъ" (*Русская Старина,* 1872 г., № 11, стр. 574). Согласно оффиціальнымъ даннымъ, 20-го сентября 1776 г. были затребованы заграничные паспорта: „по именному Ея Императорскаго Величества повелѣнію отправляющимся въ Лейпцигъ для обученія россійскимъ дворянамъ: Челищеву, Радищеву, Рубановскому, Янову, Кутузову, Корсакову, князю Несвижскому, князю Трубецкому, двумъ Ушаковымъ, Зиновьеву, Насакину и при нихъ майору Бокуму" („Подъ знаменемъ науки". Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. М. 1902 г., стр. 190).

— (*Стр. 255, строки 15—18*). Духовникомъ юношей во время ихъ пребыванія за границей былъ монахъ Павелъ, а надзирателемъ майоръ Бокумъ, человѣкъ невѣжественный, корыстолюбивый, склонный прибѣгать къ палкѣ для вразумленія непокорныхъ. „Русскіе студенты, выведенные изъ терпѣнія поступками Бокума, который лишалъ ихъ даже необходимаго, удерживая въ свою пользу деньги, отпускавшіяся на ихъ содержаніе (по 800 р. въ годъ на каждаго), возстали на него, были посажены начальствомъ подъ строгій арестъ и хотѣли оттуда бѣжать черезъ Англію въ Америку, не надѣясь на успѣхъ жалобъ своихъ, которыя имъ удалось отправить къ нашему посланнику

lib.pushkinskijdom.ru

въ Дрезденѣ князю Бѣлосельскому и даже въ Россію. Наконецъ, Бѣлосельскій успокоилъ ихъ и прекратилъ злоупотребленія Бокума, освободивъ ихъ отъ его притѣсненій" (М. Н. Лонгиновъ. *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., декабрь, книга I, стр. 401—402. — *Русская Старина*, 1872 г., №11, стр. 575. — Ср. *М. Н. Лонгиновъ*. Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 97).

— (*Стр. 255, строка 20*). Христіанъ Фюрхстготтъ Геллертъ (род. въ 1715 г., ум. въ 1769 г.) — нѣмецкій поэтъ-моралистъ. По свидѣтельству М. И. Сухомлинова, Радищевъ высоко цѣнилъ Геллерта, какъ профессора словесныхъ наукъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. „Призваніе писателя" — говорилъ Геллертъ своимъ слушателямъ — „заключается въ томъ, чтобы перомъ своимъ служить *истинѣ* и *добродѣтели*". Радищевъ благодаритъ судьбу, пославшую ему такого наставника: „Отличнымъ счастіемъ почесть должно, если сопричастенъ будешь бесѣдѣ добродѣтелію славимаго. Таковымъ счастіемъ пользовалися мы, хотя недолгое время, наслаждаяся преподаваніями Геллерта: малое знаніе тогда нѣмецкаго языка лишало насъ пользоваться его наставленіями самымъ дѣйствіемъ" и т. д.[1]), т. е. работать подъ руководствомъ Геллерта и представлять на его судъ свои литературные опыты" (*М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 548—549).

— (*Стр. 255, строки 22—23*). „Нещастную посредственность" на высокомъ посту проявилъ Осипъ Петровичъ Козодавлевъ (род. въ 1754 г., ум. въ 1819 г.), бывшій впослѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ. Козодавлевъ извѣстенъ, какъ авторъ комедій „Перстень"

1) Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. Ч. V, стр. 68—69, 60—61.

lib.pushkinskijdom.ru

(1780 г.), „Нашла коса на камень“ (1784 г.) и другихъ пьесъ, но считался у сверстниковъ „бездарнымъ и даже безъ основательныхъ познаній“. „Товарищи его увѣряли, что всѣ свѣдѣнія Козодавлева ограничивались изученіемъ каталоговъ“. Вышедшее подъ его редакціей изданіе сочиненій Ломоносова было неудачно (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., декабрь, кн. II, стр. 400).

— (*Стр. 255, строка 25*). А. Н. Радищевъ родился 20-го августа 1749 г.

— (*Стр. 256, строки 1—4*). Показанія старшаго сына Радищева расходятся съ пушкинскими: молодые люди, въ томъ числѣ, конечно, и авторъ „Путешествія“, не только изучили иностранные языки, но даже забыли свой родной, и вернулись въ Россію „обогащенные разнообразными познаніями“. Александръ Николаевичъ „слушалъ философію у Платнера“ и „пристрастился къ медицинѣ“ (*Русская Старина*, 1872 г., № 11, стр. 575. — *Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., декабрь, книжка I, стр. 399. — *М. И. Сухомлиновъ*. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію, т. I, стр. 549. — *Н. М. Карамзинъ*. Письма русскаго путешественника, т. I: письмо изъ Лейпцига отъ 16-го іюля 1789 г.). Къ мнѣнію Н. А. Радищева всецѣло примкнулъ Е. А. Бобровъ, опровергающій правильность взгляда Пушкина на пребываніе въ Лейпцигѣ автора „Путешествія“.

„Пушкинъ“, говоритъ Бобровъ: „не придавалъ никакого значенія лейпцигскимъ годамъ ученія Радищева, и въ этомъ его большая ошибка. Намъ теперь даже странно и смѣшно слышать, что Пушкинъ бросаетъ Радищеву, одному изъ образованнѣйшихъ людей тогдашней Европы, упрекъ въ томъ, что „ученье *не пошло въ прокъ*“, что „университетская жизнь принесла ему *мало* пользы, что Радищевъ не взялъ даже на себя труда выучиться *порядочно* латинскому и *нѣмецкому* языку, дабы, по край-

lib.pushkinskijdom.ru

ней мѣрѣ, быть *въ состояніи понимать* своихъ *профессоровъ*, что онъ — *кривое* зеркало, истинный представитель *полупросвѣщенія*, что свѣдѣнія его поверхностны" и т. п. Пушкинъ не могъ не знать фактовъ о Радищевѣ, свидѣтельствующихъ о противномъ, и самъ даже частью приводитъ ихъ, допуская тѣмъ противорѣчіе въ своей статьѣ. Неужели всѣ эти пристрастныя и несправедливыя обвиненія должны были служить маскою для цензуры? Или Пушкинъ здѣсь сжигалъ то, „чему поклонялся?".

„И если бы Радищевъ съ товарищами, дѣйствительно, не понимали своихъ профессоровъ за незнаніемъ даже нѣмецкаго языка, то отчего же замѣчательнѣйшій тогдашній ученый въ Лейпцигѣ — Платнеръ обратилъ на нихъ свое вниманіе, отчего онъ помнилъ Радищева, Кутузова и только сожалѣлъ, что онъ еще тогда былъ не тотъ, т. е. еще не достигъ высшей степени совершенства? Если русскіе студенты были такъ ничтожны, то отчего же Платнеръ просилъ Карамзина оставаться работать подъ его и его коллегъ руководствомъ въ Лейпцигѣ, гдѣ его „единоземцы искали просвѣщенія и, надѣюсь, не тщетно, а въ прощальной запискѣ надѣялся еще заслужить его благодарность? Наконецъ, слова Пушкина опровергаются оффиціальнымъ документомъ о блестящихъ успѣхахъ русскихъ студентовъ, въ томъ числѣ и Радищева" (*Проф. Евгеній Бобровъ*. Философія въ Россіи. Казань. 1900 г. Выпускъ III, стр. 221—222, 73—74, 60).

Позднѣйшіе изслѣдователи: В. Е. Якушкинъ и А. А. Гавриленко, признаютъ, что русская молодежь занималась въ Лейпцигѣ весьма успѣшно и пріобрѣла тамъ самыя разнообразныя знанія, и лишь одинъ В. В. Міаковскій, раздѣляя въ общемъ мнѣніе предшественниковъ, дѣлаетъ, однако, серьезную оговорку. Лестные отзывы профессоровъ, съ его точки зрѣнія, характеризуютъ нѣсколькихъ выдающихся студентовъ, но не всѣхъ. „О Ру-

lib.pushkinskijdom.ru

бановскомъ, напримѣръ, Павелъ Радищевъ, вѣроятно, со словъ отца, разсказываетъ, что онъ посвящалъ каждый день 14 часовъ на ученье, но „оттого ни мало не успѣвалъ въ наукахъ“ [1]). Въ Петербургѣ доходили слухи о плохихъ успѣхахъ русскихъ студентовъ. Отецъ В. Зиновьева въ одномъ изъ писемъ къ сыну въ Лейпцигъ писалъ: „слышно, что вы будто очень мало въ наукахъ пріобрѣтенья сдѣлали“ [2]). Къ осени 1769 года большинство русскихъ студентовъ не успѣло усвоить даже нѣмецкаго и латинскаго языковъ“ [3]). (*Голосъ Минувшаго,* 1914 г., № 3, стр. 40. — Ср. *Вѣстникъ Европы,* 1907 г., № 6, стр. 493. — Сборникъ „Подъ знаменемъ науки“. М. 1902 г., стр. 200—201).

— (*Стр. 256, строки 6—14*). Ѳедоръ Васильевичъ Ушаковъ „имѣлъ особенное вліяніе на своихъ товарищей“. „Онъ обладалъ краснорѣчіемъ, остроуміемъ и уже былъ лѣтъ восемнадцати, когда отправился въ Лейпцигъ. Его влекла туда охота учиться. Для этого покинулъ онъ выгодную службу при статсъ-секретарѣ Григ‹оріи› Ник‹олаевичѣ› Тепловѣ (род. въ 1725 г., ум. въ 1779 г.), доставлявшую ему въ столь молодые годы и блестящее положеніе, и средства къ свѣтскимъ разсѣяніямъ. Ушаковъ съ раннихъ лѣтъ не пріучалъ себя удерживать порывы страстей и чувственности и, предаваясь имъ необузданно, положилъ зародышъ той болѣзни, которая, усилившись отъ умственныхъ занятій, ускорила смерть его, постигшую его въ Лейпцигѣ на двадцать второмъ году отъ роду“ (*М. Н. Лонгиновъ.* Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 97).

— (*Стр. 256, строки 14—15*). О своемъ первомъ зна-

1) *Русскій Вѣстникъ*, 1858, № 23, стр. 401.

2) *Русскій Архивъ*, 1870 г., стр. 944: письмо отъ сентября 1771 г.

3) Сборникъ Русск. Ист. Общ-ва, т. X, стр. 118: донесеніе Бокума отъ сентября 1769 г.

lib.pushkinskijdom.ru

комствѣ съ трудомъ Карла-Адріана Гельвеція (род. въ 1715 г., ум. въ 1771 г.) „De l'esprit“ разсказываетъ Радищевъ въ „Житіи Ѳ. В. Ушакова“: „Нѣкто (имя его утаю, дабы не произвести въ лицѣ его краски стыда, или блѣдности раскаянія), нѣкто въ проѣздъ свой чрезъ Лейпцигъ оказывалъ отличное уваженіе *Ѳедору Васильевичу* ⟨*Ушакову*⟩, и хотѣлъ снискать его дружбу... Признаться надлежитъ, что *Ѳ*... присутствіемъ своимъ въ Лейпцигѣ и обхожденіемъ съ нами возбудилъ какъ въ *Ѳедорѣ Васильевичѣ*, такъ и во всѣхъ насъ великое желаніе къ чтенію, давъ намъ случай узнать книгу *Гельвеціеву* о *Разумѣ*. *Ѳ*... толикое пристрастіе имѣлъ къ сему сочиненію, что почиталъ его выше всѣхъ другихъ: да другихъ, можетъ быть, и не зналъ. По его совѣту *Ѳедоръ Васильевичъ* и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научалися. Лестна всякому сочинителю похвала иногда и невѣжды, но *Гельвецій*, конечно, равнодушно ее не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіи мыслить училося[1]). Въ семъ отношеніи сочиненіе его немалую можетъ всегда приносить пользу“ (Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева, т. V, стр. 58—69).

— (*Стр. 256, строка 16*). А. И. Тургеневъ называлъ Фридриха Мельхіора Гримма (род. въ 1723 г., ум. въ 1807 г.) „пилигримомъ“. „Готовъ и я“, писалъ онъ П. А. Вяземскому: „служить и *гримствовать* для тебя и даже *пилигримствовать*, для того, чтобы дѣлиться съ тобою котомкою *пилигрима-Гримма* (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 91).

— (*Стр. 256, строки 19—33*). „Книга „De l'esprit“ пишетъ Э. Л. Радловъ: „появилась въ такое время (1758 г.),

1) *Г. Грим⟨мъ⟩* въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали *Гельвеціеву* книгу о Разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ сказывалъ о семъ Гельвецію.

lib.pushkinskijdom.ru

когда французскія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, когда всѣ увлекались Вольтеромъ и зачитывались его произведеніями, поэтому, a priori можно предположить, что книга Гельвеція произвела и въ Россіи впечатлѣніе, и что шумъ, вызванный ея появленіемъ, отразился въ той или иной мѣрѣ и на русскомъ обществѣ. Фактически подтвердить это предположеніе не легко, потому что имя Гельвеція упоминается у русскихъ писателей конца XVIII вѣка и начала XIX вѣка почти всегда на ряду съ Вольтеромъ и Дидеротомъ, такъ что выдѣлить вліяніе Гельвеція трудно. Вообще Вольтера читали гораздо больше, чѣмъ Гельвеція, и Вольтеръ имѣлъ бо́льшее вліяніе. Это доказываетъ слабый интересъ русскаго общества къ философіи, ибо Гельвецій въ гораздо бо́льшей степени философъ, чѣмъ Вольтеръ, и воззрѣнія Гельвеція вполнѣ опредѣленны, въ то время какъ взгляды Вольтера отличаются большой неясностью и неопредѣленностью“ (*Э. Л. Радловъ.* К. Гельвецій и его вліяніе въ Россіи. СПб. 1917 г., стр. 14).

— (*Стр. 257, строки 10—11*). По возвращеніи изъ-за границы въ Петербургъ (1771 г.) Радищевъ поступилъ протоколистомъ въ сенатъ, затѣмъ перешелъ (1773 г.) на должность оберъ-аудитора въ штабъ генералъ-аншефа графа Я. А. Брюса и въ 1775 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ секундъ-майора.

— (*Стр. 257, строка 12*). Находясь въ отставкѣ, Радищевъ женился на племянницѣ одного изъ своихъ лейпцигскихъ товарищей — Аннѣ Васильевнѣ Рубановской.

— (*Стр. 257, строки 13—15*). Графъ Воронцовъ — Александръ Романовичъ (род. въ 1741 г., ум. въ 1805 г.), президентъ коммерцъ-коллегіи, куда поступилъ въ 1777 г. на службу Радищевъ.

— (*Стр. 257, строки 14—15*). Павелъ Александровичъ Радищевъ опровергаетъ свѣдѣнія о службѣ своего

lib.pushkinskijdom.ru

отца, сообщенныя Пушкинымъ: „Никогда Радищевъ не былъ принятъ Екатериною; и никто отъ него не слыхалъ, чтобъ онъ былъ опредѣленъ въ ея собственную канцелярію. Для рѣшенія этого надобно бы имѣть его послужной списокъ“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 429).

— (*Стр. 257, строки 19—27*). Мартинисты — послѣдователи мистической школы, основанной Мартинецомъ Пасхалисомъ (1760 г.), среди учениковъ котораго особенно выдѣлялся Сенъ-Мартенъ, авторъ извѣстной въ XVIII вѣкѣ книги „О заблужденіяхъ и истинѣ“ (1775 г.). Ученіе Сенъ-Мартена вкратцѣ изложено въ трудахъ М. Н. Лонгинова[1]), А. Н. Пыпина[2]), Г. В. Вернадскаго[3]) и др.

— (*Стр. 257, строка 28*; *стр. 258, строка 1*). Екатерина II отрицательно относилась къ русскимъ мартинистамъ, подозрѣвая ихъ въ преступныхъ политическихъ замыслахъ. Со словомъ „мартинистъ“ она не соединяла точнаго и опредѣленнаго понятія, и вообще имѣла весьма смутное представленіе о мистическихъ сектахъ и другихъ партіяхъ въ Европѣ. „Когда произошла французская революція, то при всеобщемъ неумѣніи объяснить себѣ причину событій, все приписывалось тайнымъ обществамъ: франк-масоны, иллюминаты и якобинцы стали синонимами“. Въ комедіи „Обманщикъ“ (1785 г.) Екатерина насмѣшливо назвала мартинистовъ „мартышками“, давъ поводъ Державину написать въ одной изъ одъ:

Весь міръ сталъ полосатый шутъ,
Мартышки въ воздухѣ явились.
(„На счастіе“, 1789 г.).

1) Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 140—154. — Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867 г., стр. 73—76.

2) Русское масонство. Птгр. 1916 г., стр. 210—218.

3) Русское масонство въ царствованіе Екатерины II. Птгр. 1917 г., стр. 80—82, 162—170.

lib.pushkinskijdom.ru

„И если она считала Радищева „мартинистомъ“, чѣмъ онъ не былъ, то это показывало, какой неопредѣленно-опасный смыслъ давала она этому слову, и было дурнымъ предзнаменованіемъ для настоящихъ мартинистовъ. Всѣ ихъ дѣйствія уже окрашивались въ ея глазахъ этимъ свѣтомъ и когда явился малѣйшій поводъ въ письмѣ Баженова, указывавшемъ на нѣкоторыя отдаленныя отношенія масонства къ великому князю Павлу Петровичу, императрица дала полный просторъ враждебному отношенію къ мартинистамъ: она сочла ихъ якобинцами“ (*А. Н. Пыпинъ.* Русское масонство. Птгр. 1916 г., стр. 309—312).

— (*Стр. 257, строка 33*). Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ (род. въ 1749 г., ум. въ 1797 г.) — другъ Радищева, переводчикъ „Мессіады“ Клопштока и „Плача или ночныхъ думъ“ Юнга [Современникъ, 1853 г., № 11, отд. III, стр. 10 (Статья А. Д. Галахова). — *М. Н. Лонгиновъ.* Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 96—99. — Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. СПб. 1911 г., стр. 202—234 (Статья Е. И. Тарасова: „Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ“). — *Я. Л. Барсковъ.* Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. Птгр. 1915 г.].

— (*Стр. 258, строка 7—8*). „Сатирическое воззваніе къ возмущенію“ — выраженіе, напоминающее отзывъ Екатерины II о книгѣ Радищева: „Сіи страницы суть... совершенно бунтовскія“ (Архивъ Воронцова, кн. 5, стр. 420—421).

— (*Стр. 258, строки 8—9*). Воспользовавшись указомъ Екатерины II о вольныхъ типографіяхъ (15-го января 1783 г.), Радищевъ въ 1789 г. завелъ въ своемъ домѣ, по Грязной (нынѣ Николаевской) улицѣ, недалеко отъ старообрядческой церкви, собственную типографію, гдѣ съ января по іюнь 1790 г. напечаталъ „Путешествіе“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 259, строки 4—5*). О разсылкѣ знакомымъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ говоритъ самъ Радищевъ въ оправдательной запискѣ: „Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія моего много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка. Одинъ экземпляръ г. Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина, одинъ прапорщику Дарагану. Если спросятъ съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ; еще экземпляръ иностранцу Вицману и г. Олсуфьеву“ (Архивъ князя Воронцова, т V, стр. 427).

Отношеніе Державина къ дѣлу Радищева всесторонне освѣщено Я. К. Гротомъ въ его монументальномъ трудѣ „Жизнь Державина“.

„Изъ дѣтей Радищева младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ достигъ глубокой старости и оставался въ живыхъ до 1870-хъ годовъ. Около того времени, когда въ нашей литературѣ началось почти общее гоненіе на Державина, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858 г., № 23) появилась статья г. Корсунова о Радищевѣ, при которой было между прочимъ приведено сообщенное сыномъ послѣдняго свѣдѣніе, будто Державинъ, поднесъ императрицѣ доставленный ему экземпляръ *Путешествія*, „отмѣтивъ карандашемъ всѣ важнѣйшія мѣста“. Это разсказывалъ, по увѣренію Павла Радищева, самъ отецъ его. Въ 1868 г. тотъ же Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ (т. е. Радищевъ-отецъ) разослалъ свою книгу знакомымъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина[1]), поставилъ въ очень неловкое положеніе Державина. Надо однакожъ замѣтить, что если положеніе и было сколько-нибудь

1) Въ статьѣ *Радищевъ*, соч. Пушк‹ина›, изд‹аніе› Анн‹енкова›, VII, 54.

lib.pushkinskijdom.ru

неловко, то Державинъ вывернулся изъ него чрезвычайно ловко: онъ представилъ императрицѣ сочиненіе Радищева съ подробнымъ доносомъ на автора". Такое усиленное обвиненіе сомнительно уже потому, что его не было при первоначальномъ показаніи того же лица, а кромѣ того, нельзя упустить изъ виду, что оно явилось тогда, когда поруганіе памяти Державина было одною изъ любимыхъ замашекъ нашей журналистики. Понятно, что вообще свидѣтельства Павла Радищева не могутъ внушать большого довѣрія: такъ какъ ему при задержаніи отца его было не болѣе 6-ти лѣтъ отроду[1]), то онъ въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ могъ основываться только на давнишнихъ разсказахъ отца (умершаго въ 1802 году); но этотъ послѣдній, взятый подъ стражу вскорѣ послѣ выпуска книги, самъ могъ узнать разныя подробности касательно преслѣдованія ея только по случайно доходившимъ до него слухамъ, въ которыхъ, естественно, кое-что справедливое смѣшивалось со многимъ не вѣрнымъ...

„Молва о томъ, будто Державинъ представилъ со своими комментаріями книгу Радищева императрицѣ опровергается свидѣтельствомъ Храповицкаго, записаннымъ въ его дневникѣ подъ 26-мъ іюня 1790 года: „Говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла 30 страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева". Итакъ Екатерина, прочитавъ тридцать страницъ книги, еще не знаетъ, кто авторъ ея. Онъ неизвѣстенъ государынѣ и тогда, когда она дошла до 88-й страницы,

1) По словамъ г. Корсунова, П. А. Радищевъ родился 27-го іюля 1783 г.; отецъ его, при производствѣ дѣла о знаменитой книгѣ, 11-го іюля 1790 г. показалъ, что мальчику тогда шелъ 7-й годъ (*Арх⟨ивъ⟩ кн⟨язя⟩ Воронц⟨ова⟩*, V, 444).

lib.pushkinskijdom.ru

ибо въ разборѣ своемъ она, по поводу этой страницы, говоритъ: „88 стр., упоминается *о знаніи, что имѣлъ случай по счастію моему узнать*: кажется сіе знаніе въ Лейпцигѣ получено и доходитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Челищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ“[1]). Слухъ, переданный сыномъ Радищева, въ прямомъ противорѣчіи какъ съ этой замѣткой Екатерины II, такъ и съ несомнѣнными показаніями Храповицкаго, который не прежде какъ подъ 2-мъ іюля называетъ Радищева, какъ автора книги, уже сидящаго въ крѣпости. Если бъ Державинъ представилъ императрицѣ свой экземпляръ „Путешествія“, то конечно не утаилъ бы и имени сочинителя, отъ котораго получилъ его. Притомъ, по свидѣтельству Гельбига, объ этой книгѣ императрица узнала отъ Шешковскаго (Russische Günstlinge, стр. 459). (*Я. К. Гротъ.* Жизнь Державина. СПб. 1880 г., стр. 693—695).

— (*Стр. 259, строка 10*). Причисленіе Радищева къ мартинистамъ встрѣчается въ статьяхъ М. Н. Лонгинова (Сочиненія. М. 1915 г., т. I, стр. 98) и А. И. Герцена (Князь М. Щербатовъ и А. Радищевъ. Съ предисловіемъ Искандера. London, 1858 г., стр. 104). Однако, уже въ 1868 г. первый изъ упомянутыхъ литераторовъ отказался отъ своей точки зрѣнія. „Екатерина“, пишетъ онъ: „называла Радищева мартинистомъ“. Это происходило отъ того, что она подозрѣвала въ мартинистахъ тайныхъ иллюминатовъ, въ которыхъ предполагала, не безъ основанія, революціонные замыслы. Пушкинъ назвалъ Радищева тѣмъ же именемъ уже по ошибкѣ, принявши на вѣру выраженіе Екатерины. Пушкинъ мало былъ знакомъ съ этимъ вопросомъ, но сдѣлалъ при этомъ случаѣ, угаданный какимъ-то свойственнымъ ему особымъ прозрѣ-

1) *Архивъ кн⟨язя⟩ Воронцова*, V, 410.

lib.pushkinskijdom.ru

ніемъ, мастерской очеркъ характера извѣстнаго рода людей конца XVIII в., слегка пропитанныхъ духомъ, такъ сказать, легкаго, салоннаго мартинизма. И‹сканде›ръ въ своемъ предисловіи ‹къ лондонскому изданію „Путешествія“› докторально повторилъ, что Радищевъ былъ мартинистъ, или „поклонникъ возникавшей революціи и философіи энциклопедистовъ“, то-есть спуталъ разнородныя понятія, очевидно не зная того, о чемъ говоритъ“ (*Русскій Архивъ*, 1868 г., стр. 1812—1813).

Два сына Радищева подтверждаютъ, что ихъ отецъ не былъ мартинистомъ. По свидѣтельству Николая Александровича, А. М. Кутузовъ очень желалъ „привлечь“ въ общество мартинистовъ своего друга, но послѣдній „никогда на то не соглашался“ (*Русская Старина,* 1872 г., № 11, стр. 579); по словамъ Павла Александровича, Радищевъ часто смѣялся надъ масонскими обрядами (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1, стр. 429).

Насмѣшки надъ мистицизмомъ мартинистовъ въ одной изъ главъ „Путешествія“ („Подберезье“) отмѣчены А. Н. Пыпинымъ (Русское масонство. Птгр. 1916 г., стр. 310).

„Слѣдствіе“, замѣчаетъ Н. П. Павловъ-Сильванскій: „не открыло никакихъ связей автора съ единственнымъ обществомъ, которое Екатеринѣ, напуганной революціею, казалось опаснымъ въ политическомъ отношеніи, а именно съ небольшимъ кружкомъ масоновъ или мартинистовъ, какъ ихъ тогда называли. Въ своихъ замѣчаніяхъ на „Путешествіе“ она высказала предположеніе, что „авторъ едва ли не мартинистъ или чего подобное“. На слѣдствіи ему былъ заданъ вопросъ: „не былъ ли приглашенъ въ общество маргинистовъ?“. Радищевъ на это рѣшительно отвѣтилъ, что „мартинистомъ онъ не только никогда не былъ, но и мнѣнія ихъ осуждаетъ, что де и въ самой книжкѣ значится“ (*А. Н. Радищевъ.* Путешествіе

lib.pushkinskijdom.ru

изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 г., стр. XXXIII—XXXIV).

— (*Стр. 259, строка 11*). Александръ Васильевичъ Храповицкій (род. въ 1749 г., ум. въ 1801 г.) — сенаторъ, статсъ-секретарь Екатерины II.

— (*Стр. 259, строка 12*). Веніаминъ Франклинъ (род. въ 1706 г., ум. въ 1790 г.) — извѣстный писатель и политическій дѣятель.

— (*Стр. 259, строки 15—18*). Въ именномъ высочайшемъ указѣ, данномъ Сенату 4-го сентября 1790 г., сказано: „Коллежскій совѣтникъ и ордена Св. Владиміра кавалеръ, Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго, изданіемъ книги, подъ названіемъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской; учинивъ сверхъ того лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его Типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ Палатою Уголовныхъ дѣлъ Санктпетербургской Губерніи, а потомъ и Сенатомъ Нашимъ, на основаніи Государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя, по роду толь важной вины, заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ, означенными мѣстами ему приговоренную; но Мы, послѣдуя правиламъ Нашимъ, чтобъ соединять правосудіе съ милосердіемъ для всеобщей радости, которую вѣрные подданные Наши раздѣляютъ съ Нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо Имперіи, отъ Него Намъ ввѣ-

lib.pushkinskijdom.ru

ренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціею, освобождаемъ его отъ лишенія живота, и повелѣваемъ вмѣсто того, отобравъ у него чины, знаки ордена Св. Владиміра и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь, въ Илимской острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дяди ихъ" (Полное собраніе законовъ, т. 23-й, стр. 168, 1790 г., № 16, 901).

— (*Стр. 259, строки 19—22*). Старшій сынъ Радищева слѣдующимъ образомъ описываетъ жизнь отца въ Сибири. „Время, въ заточеніи проведенное, Александръ Николаевичъ употреблялъ на воспитаніе младшаго сына и дочери; притомъ не забывалъ и о старшихъ сыновьяхъ своихъ, жившихъ у дяди въ городѣ Архангельскѣ. Онъ написалъ для нихъ разсужденіе „О человѣкѣ, о смертности его и о безсмертіи души". Тамъ же написалъ онъ „Письмо о китайскомъ торгѣ" и историческую повѣсть „Ермакъ"; но ни того, ни другого сочиненія не кончилъ, а послѣдняго оставилъ только небольшіе отрывки. Живучи въ Илимскѣ онъ упражнялся въ практической медицинѣ, лѣчилъ сибиряковъ, и къ нему ѣздили изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ лѣчиться. Прежній начальникъ и покровитель его, гр. Воронцовъ, не оставлялъ его и въ заточеніи, писалъ къ нему, доставлялъ ему книги и многія нужныя въ сихъ пустынныхъ странахъ для жизни вещи" (*Русская Старина*, 1872 г., № 11, стр. 580).

— (*Стр. 259, строки 22—24*). Переписка Радищева съ графомъ А. Р. Воронцовымъ помѣщена въ изданіи „Архивъ князя Воронцова", кн. V, стр. 235, и кн. XII, стр. 409—446).

— (*Стр. 259, строки 24—26*). Свояченица Радищева, Елисавета Васильевна Рубановская, поѣхала съ нимъ въ ссылку, вышла за него замужъ и умерла въ Сибири

lib.pushkinskijdom.ru

(*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 410, 416—417).

— (*Стр. 260, строки 4—7*). Милости, оказанныя Павломъ I Радищеву, не были такъ велики, какъ утверждаетъ Пушкинъ. Павелъ не вызывалъ къ себѣ Радищева, не разрѣшалъ ему въѣзда въ столицы и не возвратилъ ему ни чиновъ, ни дворянства. По прибытіи въ Сибирь, въ іюлѣ 1797 г., Радищевъ проѣхалъ прямо въ свое помѣстье Нѣмцово, въ двухъ верстахъ отъ Малоярославца, въ Калужской губерніи (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 431). Въ теченіе года, съ 1798 г. по 1799 г., Радищевъ жилъ у отца въ селѣ Преображенскомъ, Кузнецкаго уѣзда, Саратовской губерніи, потомъ опять вернулся въ Нѣмцово, гдѣ находился вплоть до 1801 г. Полная свобода и гражданскія права были дарованы Радищеву только съ воцареніемъ Александра I, который назначилъ его членомъ комиссіи составленія законовъ.

— (*Стр. 260, строки 8—10*). Радищевъ, по указанію его младшаго сына, сочинилъ въ царствованіе Павла I богатырскую повѣсть „Бова“ (1799 г.) и „Описаніе моей жизни“, но не занимался воспитаніемъ своихъ дѣтей, которыя обучались въ московскомъ пансіонѣ француженки Легро (или Гро) и въ петербургскомъ пансіонѣ нѣмца Вицмана (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 431).

— (*Стр. 260, строка 27*). О графѣ Мирабо см. примѣчаніе къ № 71, стр. 226, строки 22—25.

— (*Стр. 260, строка 28*). Максимиліанъ Робеспьеръ (род. въ 1758 г., ум. въ 1794 г.) — выдающійся дѣятель французской революціи.

— (*Стр. 261, строки 2—12*). Дѣятельность Радищева въ законодательной комиссіи на основаніи архивныхъ документовъ освѣщена академикомъ М. И. Сухомлиновымъ

lib.pushkinskijdom.ru

(Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 616—637). Сводка данныхъ по этому вопросу сдѣлана въ статьѣ В. Е. Якушкина: „Радищевъ и Пушкинъ“. „Преданіе, сообщаемое Пушкинымъ“, читаемъ здѣсь: „говоритъ, что А. Радищевъ подалъ проектъ законовъ, показавшійся начальнику законодательной комиссіи, гр⟨афу П. В.⟩ Завадовскому[1]), черезчуръ либеральнымъ; онъ сдѣлалъ Радищеву замѣчаніе, упомянулъ даже о Сибири; эта угроза такъ подѣйствовала на Радищева, что онъ рѣшился на самоубійство. Тотъ же разсказъ, но болѣе подробно, повторяетъ П. Радищевъ (*Рус⟨скій⟩ Вѣстникъ*, 1858 г., декабрь, кн. 1, стр. 422 и 423), при чемъ сообщаетъ и общія основанія самаго проекта. Между тѣмъ старшій сынъ Радищева, Николай, въ составленной имъ біографіи отца ничего не говоритъ ни о проектѣ, ни о самоубійствѣ. Рукопись этой біографіи принадлежала кн⟨язю⟩ П. А. Вяземскому, который сдѣлалъ на ней такую помѣтку: „Радищевъ-отецъ, *кажется,* во время службы своей въ комиссіи о составленіи законовъ, подавалъ по предмету освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного состоянія проектъ, весьма неблагопріятный освобожденію крестьянъ и, по тогдашнему господствующему образу мыслей о семъ вопросѣ, несогласный съ большинствомъ мнѣній (*Русская Старина*, 1872 г., т. XI, стр. 573). Память въ данномъ случаѣ измѣнила кн⟨язю⟩ Вяземскому: его замѣтка и по формѣ не заслуживаетъ ни малѣйшаго вѣроятія, а по существу противорѣчитъ многимъ несомнѣннымъ фактамъ, всему, что мы достовѣрно знаемъ о взглядѣ Радищева послѣ ссылки. Пр⟨офессоръ⟩ Сухомлиновъ..., приведя еще нѣсколько новыхъ данныхъ, доказывающихъ либеральное направленіе Радищева въ законодательной комиссіи

1) Первый министръ народнаго просвѣщенія при Александрѣ I (род. въ 1739 г., ум. въ 1812 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

(и именно по крестьянскому вопросу), почему то останавливается передъ извѣстіемъ кн⟨язя⟩ Вяземскаго, не рѣшается его окончательно отвергнуть и говоритъ только, что оно „требуетъ подтвержденія . . .“?[1]) Онъ гораздо рѣшительнѣе поступаетъ съ Пушкинымъ и П. Радищевымъ, совершенно не признавая ихъ показаній; разсказъ Пушкина онъ считаетъ недостаточно опредѣленнымъ, разсказъ П. Радищева слишкомъ опредѣленнымъ, носящимъ ясные слѣды вліянія вѣяній второй половины 50 годовъ. Пр⟨о-фѳссоръ⟩ Сухомлиновъ не нашелъ въ бумагахъ законодательной комиссіи общаго проекта Радищева (замѣтимъ, что и по разсказу П. Радищева проектъ его отца остался въ частныхъ рукахъ), а только отдѣльныя мнѣнія, между прочимъ, одну болѣе цѣльную записку „о цѣнѣ за людей убіенныхъ“, и эту-то записку онъ и рѣшается признать за проектъ, о которомъ идетъ дѣло, думая, что другого общаго законодательнаго проекта Радищевъ и не подавалъ, что такой общій проектъ — миѳъ; вмѣстѣ съ тѣмъ г. Сухомлиновъ сомнѣвается и въ самоубійствѣ Радищева. Почтенный профессоръ упустилъ изъ виду свидѣтельство Ильинскаго[2]), который былъ товарищемъ Радищева по комиссіи, т. е. тоже ея членомъ, свидѣтельство котораго поэтому имѣетъ рѣшающее значеніе: въ *Запискахъ* Ильинскаго (*Русскій Архивъ*, 1879 г., № 12, стр. 415—417), вслѣдъ за краткою біографіею Радищева и характеристикой его либеральныхъ мнѣній, прямо говорится объ общемъ либеральномъ законодательномъ проектѣ Радищева и затѣмъ о его самоубійствѣ. Это свидѣтельство современника-товарища въ общемъ вполнѣ подтверждаетъ разсказы Пушкина и П. Радищева. Оно, конечно,

---

1) *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб 1889 г., т. I, стр. 619 (*Н. К.*).

2) Ильинскій — Николай Степановичъ, поэтъ, авторъ записокъ (род. въ 1757 г., ум. въ 1846 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

вполнѣ опровергаетъ замѣтку кн‹язя› Вяземскаго, если только она нуждается въ какомъ-нибудь опроверженіи. Замѣчу, что о самоубійствѣ Радищева никакъ нельзя опровергать свидѣтельства Борна (свитокъ Музъ, кн. 2, СПб. 1803 г.): какъ лично и близко знавшій Радищева, онъ не могъ не знать подробностей о его смерти; если онъ говоритъ: Радищевъ умеръ, *какъ сказываютъ*, насильственною, произвольною смертью, то это вполнѣ объясняется тѣмъ, что офиціально смерть Радищева была признана естественною (см. документы у Сухомлинова, стр. ‹634—636›). Вся статья Борна основана на фактѣ самоубійства Радищева. Почему Радищевъ покончилъ съ собою? „Положимъ перстъ на уста наши и пожалѣемъ объ участи человѣчества“ (*В. Е. Якушкинъ*. О Пушкинѣ. М. 1899 г., стр. 10—12. — Ср. *В. А. Мякотинъ*. Изъ исторіи русскаго общества. СПб. 1902 г., стр. 243—245).

Вдумчивѣе и объективнѣе Якушкина отнесся къ разсказу Пушкина о концѣ жизни Радищева Н. П. Павловъ-Сильванскій. Онъ тонко разбирается въ показаніяхъ „наивнаго“ Ильинскаго и сыновей Радищева. Не задаваясь цѣлію подорвать въ глазахъ читателя значеніе серьезнаго изслѣдованія Сухомлинова, онъ съ большой осторожностью упоминаетъ объ общемъ законодательномъ проектѣ Радищева и указываетъ вѣроятную причину самоубійства послѣдняго.

„Разсказъ“ Пушкина, пишетъ Сильванскій: „несомнѣнно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, хотя она и отразилась въ немъ не совсѣмъ точно, въ слишкомъ выпукломъ образѣ. Радищевъ, несомнѣнно, несмотря на свое притворное раскаяніе предъ Екатериной, сохранилъ свои убѣжденія, и имѣлъ смѣлость открыто заявлять ихъ въ комиссіи составленія законовъ.

Сослуживецъ его по комиссіи, наивный Ильинскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что Радищевъ

lib.pushkinskijdom.ru

„былъ мыслей вольныхъ и на все взиралъ съ критикою". „Когда мы разсматривали сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами, онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основанное единственно на свободомыслiи". — „При *каждомъ* заключеніи" — это небольшое преувеличеніе разсказчика. Но подлинныя дѣла комиссіи законовъ подтверждаютъ въ существѣ дѣла разсказы Ильинскаго и Пушкина.

„Записокъ Радищева, относительно „гражданскихъ постановленій", какъ пишетъ Пушкинъ, или его „проекта гражданскаго уложенія", какъ пишетъ младшій сынъ Радищева, въ бумагахъ комиссіи не нашлось. Но въ этихъ бумагахъ сохранились мнѣнія Радищева по нѣкоторымъ частнымъ дѣламъ, которыя передавались сенатомъ на разсмотрѣніе комиссіи въ тѣхъ случаяхъ, когда они не могли быть рѣшены на точномъ основаніи законовъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ, называвшихся „казусными", въ комиссію передано было изъ сената, лежавшее въ немъ безъ движенія 15 лѣтъ за отсутствіемъ подходящаго закона, дѣло о вознагражденіи помѣщика Трухачева за крѣпостную крестьянку, неумышленно убитую крестьяниномъ другого помѣщика. Комиссія, примѣняясь къ законамъ, назначила цѣну за убитую крестьянку — 100 р.; но Радищевъ остался при особомъ мнѣніи и приложилъ къ протоколу замѣчательную обширную записку: „О цѣнахъ за людей убіенныхъ". Онъ доказывалъ, что „цѣны человѣку убитому, умышленно или неумышленно, опредѣлить не можно" и, близко слѣдуя мыслямъ своего „Путешествія", писалъ: „Какую цѣну можно опредѣлить за довѣреннаго служителя, какой процентъ, если бы несчастіе постигло, и былъ бы убитъ тотъ, который рачилъ о своемъ господинѣ въ младенчествѣ, въ его отрочествѣ, въ его юности. Какая ему цѣна или той, которая вскормила своего господина своими сосцами и стала вторая его мать. Мы не-

lib.pushkinskijdom.ru

войдемъ въ исчисленіе такихъ цѣнъ, опредѣляемыхъ помѣщикамъ за убіенныхъ и имъ принадлежащихъ людей: *цѣна крови человѣческой не можетъ опредѣлена быть деньгами* (ср. „Путешествіе“, стр. 341—344). Во вступленіи къ своей запискѣ онъ, затрагивая болѣе общую тему, говоритъ: „Исполинные шаги въ образованіи россійскаго государства и народовъ, въ немъ обитающихъ, перемѣнивъ общее умоначертаніе, даютъ вещамъ новый видъ, и то, что существуетъ хотя законно, производитъ иногда нѣкоторый родъ невольнаго въ душѣ отвращенія, и чувствительность терпитъ отъ того, что законъ почитаетъ правильнымъ“.

„Въ этой запискѣ мы узнаемъ вполнѣ автора „Путешествія“, сохранившаго „молодость сѣдинъ“. Она и могла дать поводъ графу Завадовскому для дружескаго упрека Радищеву въ свободомыслiи.

„Судя по воспоминаніямъ сыновей Радищева, самоубійство его было вызвано не упреками или угрозами Завадовскаго, а его болѣзненнымъ состояніемъ и все усиливавшеюся слабостью. Онъ дѣлался все болѣе задумчивымъ и, наконецъ, выпилъ стаканъ крѣпкой водки; въ мученіяхъ отъ отравы пытался зарѣзаться бритвою; потребовалъ священника, который его исповѣдовалъ. На вопросъ врача о причинѣ самоубійства, отвѣтъ умирающаго былъ продолжительный, несвязный“ (*А. Н. Радищевъ*. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 г., стр. LX—LXII).

Возможныя причины загадочнаго самоубійства Радищева были предметомъ всесторонняго обслѣдованія В. Н. Семенникова, которому посчастливилось найти упомянутый Пушкинымъ „Проектъ Гражданскаго Уложенія“, „трудъ послѣдняго года жизни“ автора „Путешествія“. Къ сожалѣнію, „въ строкахъ“ этого труда читатель тщетно будетъ искать „разгадку тайны смерти“ Ради-

lib.pushkinskijdom.ru

щева. „Республиканскій образъ мыслей“, вызвавшій дружескій упрекъ Завадовскаго, и „тяжкій разладъ“ между „идеалами естественнаго права“ и „условіями тогдашняго русскаго строя“ остаются пока единственнымъ объясненіемъ „окончательнаго трагическаго жизненнаго акта“ чуткаго писателя и честнаго гражданина (*В. П. Семенниковъ*. Радищевъ. М.-П. 1923 г., стр. 174, 234, 365—375, 393—396).

— (*Стр. 261, строки 13—14*). Пушкинъ неточно пріурочиваетъ выходъ въ свѣтъ „Собранія оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева“ къ 1807 г. Отдѣльныя части этого изданія появлялись въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ: первая напечатана въ 1806 г.; вторая и третья — въ 1809 г.; четвертая, пятая и шестая — въ 1811 г.

— (*Стр. 261, строки 14—19*). Трактатъ Радищева „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“ подробно разсмотрѣнъ проф. Е. А. Бобровымъ, который отзывается о немъ, какъ о „почтенномъ философическомъ трудѣ“— „одномъ изъ первыхъ оригинальныхъ философическихъ произведеній на русскомъ языкѣ въ XVIII вѣкѣ“. Проф. Бобровъ несочувственно относится къ широкому распространенію въ обществѣ пушкинскаго мнѣнія о Радищевѣ. „Съ легкой руки Пушкина“, пишетъ онъ: „Радищева стали причислять къ послѣдователямъ французской философіи и въ области *метафизики*. Самъ Пушкинъ называетъ Радищева... „ученикомъ *Гельвеція*“. Если припомнимъ, что Пушкинъ называетъ *метафизику* Гельвеція *пошлою* и безплодною, то мы поймемъ, почему обвиненіе въ *пошлости* падаетъ и на (мнимаго) послѣдователя Гельвеція — Радищева“... Съ точки зрѣнія проф. Боброва, Радищевъ „*не былъ* матеріалистомъ (да и *не могъ* имъ быть, защищая безсмертіе индивидуальной *души*), а наоборотъ, весьма энергично выступалъ противъ матеріализма, почему „надобно

lib.pushkinskijdom.ru

разъ навсегда *перестать* причислять его (подчиняясь поверхностному взгляду Пушкина) къ послѣдователямъ французскихъ матеріалистовъ XVIII вѣка... Что же касается въ частности Гельвеція, которымъ (съ его же ‹Радищева› собственныхъ словъ) попрекаетъ его Пушкинъ, то въ философскомъ трактатѣ не оказывается почти никакихъ слѣдовъ вліянія Гельвеція. Онъ вовсе не авторитетъ для Радищева, который даже и не ссылается на него. Только одинъ разъ онъ по незначительному поводу упоминаетъ объ одномъ неважномъ мнѣніи Гельвеція, и то лишь „*не безъ* вѣроятности“, что руки были человѣку путеводительницы къ разуму; затѣмъ Радищевъ упоминаетъ Гельвеція еще три раза, и во всѣхъ случаяхъ именно отвергая его мнѣнія, какъ противоположныя его собственнымъ...

Итакъ о какой-либо философской зависимости Радищева отъ Гельвеція въ этомъ трактатѣ о безсмертіи не можетъ быть и рѣчи“. Какъ „строгій, основательный и *послѣдовательный* защитникъ безсмертія *индивидуальной* души“, Радищовъ является „представителемъ *критическаго индивидуализма* или панпсихизма“ и „примыкаетъ къ философу Лейбницу, монадологія котораго до сихъ поръ остается единственною *завершенною* системою *философіи* критическаго индивидуализма“ (*Проф. Е. А. Бобровъ*. Философія въ Россіи. Казань, 1900 г. Выпускъ III, стр. 216—231).

Сторонникомъ мнѣнія, высказаннаго Е. А. Бобровымъ, является В. А. Мякотинъ, который въ статьѣ: „На зарѣ русской общественности“ (1901 г.), пишетъ: „...изученіе книги Гельвеція было для Радищева лишь первымъ сознательнымъ шагомъ въ область философскихъ вопросовъ и на немъ онъ не остановился, какъ не ограничился и знакомствомъ съ французской философской литературой. Лекціи лейпцигскаго профессора Платнера, слѣдо-

lib.pushkinskijdom.ru

вавшаго въ своемъ курсѣ философіи воззрѣніямъ Лейбница, ознакомили его съ системою знаменитаго нѣмецкаго мыслителя и подъ вліяніемъ этихъ лекцій Радищевъ принялся за внимательное изученіе взглядовъ Лейбница" (*В. А. Мякотинъ*. Изъ исторіи русскаго общества. СПб. 1902 г., стр. 196[1]).

Въ 1903 г. съ возраженіемъ проф. Боброву выступилъ П. Н. Милюковъ. „Одинъ новѣйшій изслѣдователь", читаемъ въ „Очеркахъ по исторіи русской культуры" (ч. III, в. 2, стр. 378—380): „опредѣлилъ усвоенный Радищевымъ философскій идеализмъ, какъ ученіе Лейбница. Этотъ выводъ приходится, однако, нѣсколько исправить при болѣе близкомъ изученіи вопроса. Нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы Радищевъ былъ знакомъ съ сочиненіями самого Лейбница. Конечно, идеи Лейбница вошли въ составъ философскихъ воззрѣній Радищева,— но не въ большей степени, чѣмъ онѣ вообще входили въ составъ тогдашнихъ эклектическихъ университетскихъ системъ. Извѣстный запасъ философскихъ идей успѣлъ сдѣлаться *общимъ мѣстомъ* университетскаго философскаго преподаванія: и эти-то идеи усвоены были, прежде всего кружкомъ Ушакова и Радищева. Лейбниціанскіе элементы были въ томъ числѣ!"... Но „гораздо привлекательнѣе" казались молодежи „философскія произведенія" другого типа, — французскія матеріалистическія и сенсуалистическія системы... Книга Гельвеція („De l'Esprit") сразу перевернула все направленіе интересовъ кружка... Надо думать, этотъ же переворотъ толкнулъ Радищева къ изученію физіологіи и медицины"... Въ трактатѣ „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи" (1792 г.) „сохра-

1) Кромѣ В. А. Мякотина, о непосредственномъ основательномъ знакомствѣ Радищева съ философскими сочиненіями Лейбница говоритъ А. А. Гавриленко въ очеркѣ: „А. Н. Радищевъ до ссылки" (*Вѣстникъ Европы*, 1907 г., № 6, стр. 492).

lib.pushkinskijdom.ru

нились самые живые слѣды лейпцигскихъ занятій и чтеній". „Смертность и безсмертіе" — въ борьбѣ этихъ двухъ противоположныхъ понятій заключается біографическій и культурный интересъ трактата. На Радищева... французскій сенсуализмъ и нѣмецкій идеализмъ произвели *почти* одинаково сильное впечатлѣніе, — но въ послѣднюю минуту идеализмъ перевѣшиваетъ по соображеніямъ моральнымъ" (*П. Милюковъ*. Очерки по исторіи русской культуры. СПб. 1903 г., ч. III, в. 2, стр. 378—381).

По пути, проложенному П. Н. Милюковымъ, пошелъ Н. П. Сильванскій. Не отрицая вліянія, оказаннаго на Радищева Эрнстомъ Платнеромъ, Сильванскій подчеркиваетъ увлеченіе юнаго лейпцигскаго студента „крайнимъ матеріализмомъ" и его стремленіе учиться мыслить по книгѣ Гельвеція, которая внушала читателю „отвращеніе непреоборимое ко всѣмъ системамъ, имѣющимъ основаніе въ необузданномъ воображеніи ихъ творцовъ". Сильванскій согласенъ съ Пушкинымъ въ томъ, что „по духу своему", Радищевъ „гораздо ближе къ французскимъ матеріалистамъ", чѣмъ къ Лейбницу и его ученикамъ" [1]). При всемъ своемъ уваженіи къ „умственному исполину", Радищевъ „смѣется надъ крайностями метафизическихъ умозрѣній нѣмецкихъ философовъ, надъ метафизическими „системами и теоріями" и, слѣдуя англичанамъ и французамъ, предпочитаетъ держаться твердой почвы опыта. „О умствователи, — восклицаетъ онъ, — держитесь опытности... Не тщитесь угадать, чего невозможно" [2])

1) Подобный взглядъ до Сильванскаго высказанъ В. Е. Якушкинымъ, который считалъ Радищева „лучшимъ" и „наиболѣе послѣдовательнымъ" представителемъ французской просвѣтительной философіи (Сборникъ „Подъ знаменемъ науки". М. 1902 г., стр. 203).

2) Предпочтеніе, оказываемое лейпцигскими студентами французскимъ философамъ, въ частности Гельвецію, признается В. В. Міаковскимъ въ статьѣ: „Годы ученія А. Н. Радищева" (*Голосъ Минувшаго*, 1914 г., № 3, стр. 29).

lib.pushkinskijdom.ru

(*А. Н. Радищевъ*. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 г., стр. XVIII—XIX, LII).

Справедливость словъ Пушкина объ авторѣ „Путешествія“ признается и Э. Л. Радловымъ. По его мнѣнію, „Пушкинъ очень правильно говоритъ, что въ Радищева философскомъ разсужденіи „О человѣкѣ, о его смертности и безсмертіи“ виденъ ученикъ Гельвеція. Радищевъ „хотя и вооружается противу матеріализма“, но „охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма“. „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Реналя; но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ“ [2]). Это замѣчаніе Пушкина совершенно правильно; двойственность Радищева объясняется тѣмъ, что онъ находился подъ двойнымъ вліяніемъ: съ одной стороны французской философіи, съ другой — сочиненій Гердера, Платнера и др., а также идей русскихъ мартинистовъ. По мнѣнію Пушкина, Радищевъ попалъ въ общество мартинистовъ, въ которомъ царила „странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства“ (*Э. Л. Радловъ*. К. Гельвецій и его вліяніе въ Россіи. Петроградъ, 1917 г., стр. 20—21).

Итоги различнымъ оцѣнкамъ философскаго міровоззрѣнія Радищева подведены проф. И. И. Лапшинымъ, который усматриваетъ у Радищева общее Гольбаху и Лейбниціанцамъ „стремленіе къ философскому монизму“. „Этотъ монизмъ“, по словамъ Лапшина, „изобличаетъ въ Радищевѣ неискоренимость привычекъ мышленія сенсуалистической школы. Если же онъ приближается къ идеѣ панпсихизма, то его панпсихизмъ есть *гилозоизмъ*, но отнюдь не монадологическая точка зрѣнія Лейбница“

2) Правописаніе исправлено по автографу Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

(*И. И. Лапшинъ.* Философскіе взгляды А. Н. Радищева. П. 1922 г., стр. 3—4).

— (*Стр. 261, строки 19—20*). Въ „Памятникѣ дактилохореическому витязю“ Радищевъ „предпринялъ... начертать что либо въ честь впавшаго въ столь уничижительное презрѣніе Творца Тилимахиды“. „Предубѣжденіе“ противъ Тредьяковскаго „чревъ мѣру велико“, говоритъ Радищевъ: „...вымыселъ сея книги не его, ...онъ отвѣчать не долженъ ни за ненужное и къ Ироической пѣсни неприличное, ни за мѣста слабыя или за разтянутыя... Поелику Тредьяковскій отвѣчаетъ только за стихи, то надлежитъ сказать во-первыхъ, что по нещастью его онъ писалъ Русскимъ языкомъ прежде нежели Ломоносовъ впечатлѣлъ Россіянамъ примѣромъ своимъ вкусъ и разборчивость въ выраженіи и въ сочетаніи словъ и рѣчей, самъ понесся путемъ непроложеннымъ, гдѣ ему вождало остроуміе; словомъ: прежде, нежели онъ показалъ истинное свойство языка Россійскаго, нашедъ оное забыто въ книгахъ церковныхъ, потому Тредьяковскому и невозможно было переучиваться. Тредьяковскій разумѣлъ очень хорошо, что такое Стихосложеніе и, понявъ нестройность стиховъ Симеона Полоцкаго и Кантемира, писалъ стихами такими, какими писали Греки и Римляне, то есть: для Россійскаго слуха совсѣмъ новыми; но знавъ лучше языкъ Виргиліевъ, нежели свой, онъ думалъ, что и преношенія въ Россійскомъ языкѣ можно дѣлать такіе (sic) какъ въ Латинскомъ. Нещастіе его было то, что онъ, будучи мужъ ученой, вкуса не имѣлъ...

„Въ Тилимахидѣ находятся нѣсколько стиховъ превосходныхъ, нѣсколько хорошихъ[1]), много посредственныхъ

1) Въ своемъ „Путешествіи“ Радищевъ выражаетъ надежду, что наступитъ время, когда „Тредіяковскаго выроютъ изъ поросшей мхомъ забвенія могилы, въ Телемахидѣ найдутся добрые стихи и будутъ въ примѣръ поставляемы“ (*А. Н. Радищевъ.* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 г., стр. 196).

lib.pushkinskijdom.ru

и слабыхъ, а нелѣпыхъ столько, что счесть хотя ихъ можно, но никто не возмется оное сдѣлать“ (Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. М. 1811 г., ч. IV, стр. 29—30, 33, 74—75, 93. — Ср. замѣчанія П. А. Радищева въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 432).

— (*Стр. 261, строки 21—22*). Указаніе Пушкина на то, что Радищевъ бранитъ Ломоносова, нуждается въ поясненіяхъ, которыя и были въ свое время даны М. Н. Лонгиновымъ. По словамъ этого изслѣдователя, „Радищевъ высоко цѣнилъ Ломоносова, что̀ можно видѣть въ его *Апологіи Телемахиды* (*Соч‹иненія› Рад‹ищева›*, ч. IV, стр. 82 и 86) и въ его *Путешествіи*, гдѣ въ главѣ „Черная Грязь“ есть цѣлое слово о Ломоносовѣ. Радищевъ сожалѣетъ только о томъ, что поэтъ иногда льстилъ недостойнымъ кумирамъ, а въ другомъ мѣстѣ *Путешествія* (въ главѣ „Тверь“) упрекаетъ его въ однообразіи стихотворныхъ размѣровъ, которымъ всѣ стали подражать, и желаетъ, чтобы Русскіе привыкли къ стихамъ безъ риѳмы“ (*Русскій Вѣстникъ*, 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 432).

— (*Стр. 261, строка 23 — стр. 262, строка 13*). Въ первой части пушкинскаго экземпляра „Собранія оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева“ стихотвореніе „Осмнадцатое столѣтіе“ (стр. 179—180) отчеркнуто по полю карандашомъ до стиха: „Мрачныя тѣни позади, въ преди ихъ солнце“ (*Пушкинъ и его современники*, в. IX—X, стр. 84, № 309).

— (*Стр. 262, строки 16—19*). Ошибка Пушкина, приписавшаго Радищеву-отцу произведеніе его старшаго сына Николая Александровича, была отмѣчена еще въ 1858 г. младшимъ сыномъ автора „Путешествія“ — Павломъ. „Богатырскія пѣснотворенія „Альоша Поповичь“ и „Чурила Пленковичь“, напечатанныя въ 1801 г.

lib.pushkinskijdom.ru

въ Московской университетской типографіи безъ обозначенія имени и фамиліи сочинителя[1]), находятся въ Пушкинской библіотекѣ (*Русскій Вѣстникъ,* 1858 г., т. XVIII, декабрь, кн. 1-ая, стр. 432. — *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 665—667. — *Пушкинъ и его современники,* в. IX—X, стр. 84, № 310).

— (*Стр. 263, строка 3*). Guillaume-Thomas Raynal (род. въ 1713 г., ум. въ 1796 г.) — авторъ сочиненія „Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes" (1770 г.). Книга Рейналя, которую Германъ Геттнеръ назвалъ „странной, безсвязной и полной самыхъ крайнихъ противорѣчій", — въ концѣ XVIII вѣка имѣла шумный успѣхъ. „Это крикъ ужаса страждущихъ и угнетенныхъ противъ жестокаго эгоизма, настоятельный призывъ къ необходимому наконецъ улучшенію. Его обличенія противъ жестокаго обращенія съ черными, его горячія изображенія несправедливости монополіи и ея враждебныхъ человѣчеству послѣдствій проницательно и неустрашимо настаиваютъ на освобожденіи рабочаго, которому достается трудъ, но не прибыль, на равенствѣ правъ и обязанностей, на свободѣ торговли и промышленности" (*Г. Геттнеръ.* Исторія всеобщей литературы. СПб. 1897 г., т. II, стр. 465).

Изслѣдователи отводятъ „Философской исторіи обѣихъ Индій" видное мѣсто въ литературной дѣятельности Радищева. Н. П. Сильванскій указываетъ, что книга произвела сильное впечатлѣніе на Радищева „патетическимъ стилемъ, идиллическимъ описаніемъ первобытныхъ племенъ въ духѣ Руссо" и рѣзкими, „дерзновенными" нападками на христіанство и государственныя учрежде-

1) На заглавномъ листѣ значится: „Сочиненія Н....я Р....ва".

lib.pushkinskijdom.ru

нія съ точки зрѣнія энциклопедистовъ"; В. П. Семенниковъ обстоятельно выясняетъ, какъ подъ вліяніемъ книги Рейналя у Радищева укрѣпилось намѣреніе шире и красочнѣе изобразить бѣдствія крестьянства, чѣмъ онъ это сдѣлалъ на страницахъ новиковскаго *Живописца* (1772 г.); М. И. Сухомлиновъ подробно останавливается на вопросѣ о фразерствѣ, многословіи и риторичности автора „Путешествія" и видитъ въ этомъ подражаніе слогу „декламатора Рейналя. Выводы изслѣдователей подтверждаются признаніемъ самого Радищева, который, томясь въ крѣпости, считалъ Рейналеву книгу „началомъ" „бѣдственному своему состоянію" (*А. Н. Радищевъ.* Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 г., стр. XXIV. — *В. П. Семенниковъ.* Когда Радищевъ задумалъ „Путешествіе"? М. 1916 г., стр. 3—4, 36—37. — *М. И. Сухомлиновъ.* Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 г., т. I, стр. 553—555. — Ср. *Вѣстникъ Европы,* 1907 г., № 6, стр. 500).

— (*Стр. 263, строка 263*). „Представитель полупросвѣщенія" — оборотъ, подсказанный Пушкину словами Екатерины II: „полумудрецы сего вѣка". Ср. „горькія полуистины" у Пушкина (*Архивъ Воронцова,* кн. 5, стр. 415).

— (*Стр. 263, строки 17—19*). О свободѣ человѣческой мысли Пушкинъ говоритъ въ своихъ замѣчаніяхъ на „Путешествіе" Радищева. См. № 67, стр. 197, строки 8—11.

— (*Стр. 264, строка 5 — стр. 265, строка 10*). Источники, которыми могъ пользоваться Пушкинъ при составленіи статей о Радищевѣ, перечислены въ книгѣ В. П. Семенникова „Радищевъ" (стр. 249—253, 278).

lib.pushkinskijdom.ru

80.

РОССІЙСКАЯ АКАДЕМІЯ

(Стр. 269—275).

Эта статья, дошедшая до насъ въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 А, лл. 7—9, 54—57, впервые появилась въ *Современникѣ* 1836 г., т. II, стр. 5—13, а затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 613—619.

Печатаніе не обошлось безъ цензурныхъ треній. Въ 1836-мъ году цензоръ А. Л. Крыловъ не рѣшился одобрить въ статьѣ два мѣста: замѣчанія Екатерины II по поводу академическаго словаря и сообщаемыя Пушкинымъ свѣдѣнія о неопубликованномъ и извѣстномъ весьма немногимъ сочиненіи Карамзина: „Древняя и новая Россія“, и только Цензурный Комитетъ, ознакомившись съ содержаніемъ статьи, 28-го апрѣля разрѣшилъ ее къ печати безъ пропусковъ (*Временникъ Пушкинскаго Дома,* 1914 г., стр. 14, № 44). Черезъ восемнадцать лѣтъ цензурныя осложненія были значительнѣе. Вопросъ Фонвизина о шутахъ, имѣющихъ большіе чины (стр. 271, строки 21—25), и разсказъ Пушкина о пребываніи Карамзина въ Твери у великой княгини Екатерины Павловны (стр. 275, строки 7—16) окончательно смутили цензора А. Фрейганга и были предложены имъ къ исключенію. Тогда Анненкову пришлось представить высшему начальству слѣдующія объясненія:

„Эти два мѣста изъ статьи Пушкина, напечатанной въ „Современникѣ“ его собственнаго изданія 1836 г. и, стало быть, уже знакомой всей русской публикѣ, весьма различны по значенію своему. Первое есть выписка изъ стараго журнала, въ которомъ участвовала, какъ не безъ-

lib.pushkinskijdom.ru

извѣстно, сама императрица Екатерина II. На дерзкій и неосновательный вопросъ фонъ-Визина, она возразила строго, что̀ заставило, какъ тоже не безъизвѣстно, самого фонъ-Визина просить прощенія въ неосмотрительности своей. Это принадлежитъ къ анекдотамъ ея царствованія, повтореннымъ во многихъ книжкахъ. Въ этомъ мѣстѣ предполагается даже исключить фразу Пушкина: „Сіи отвѣты писаны самой императрицей“, которая уже необходима для пониманія предшествующихъ вопросовъ, не осужденныхъ цензоромъ. Издатель проситъ объ удержаніи ея.

„Что касается до второго мѣста, то, представляя его благоусмотрѣнію начальства, осмѣлюсь только прибавить, что вся статья Пушкина состоитъ изъ $4^1/_2$ страницъ, съ которыми публика уже ознакомлена, какъ сказано выше. Выпускъ этого мѣста, столь важнаго для священной памяти благословеннаго государя и для уважаемой памяти исторіографа, былъ бы, можетъ статься, замѣченъ читающими. Еще основательнѣе покажется это опасеніе, по отношенію къ обоимъ мѣстамъ, если вспомнить, что вопросы фонъ-Визина и отвѣты императрицы Екатерины II напечатаны уже цѣликомъ въ изданіи сочиненій фонъ-Визина *1852 года,* а многочисленные отрывки изъ разсужденія Н. М. Карамзина: „О древней и новой Россіи“, приложены въ изданіи его „Сочиненій“ г. Эйнерлингомъ“.

Хлопоты Анненкова, несмотря на всѣ его усилія „затронуть самыя чувствительныя стороны въ умѣ судей“, не вполнѣ увѣнчались успѣхомъ. „Выписка изъ журнала *1783 г.* съ щекотливымъ вопросомъ ф⟨онъ⟩-Визина была безусловно отвергнута, всего вѣроятнѣе потому, что въ отрывкѣ этомъ упоминалось о *большихъ чинахъ,* хотя при вторичномъ своемъ появленіи послѣ 1783 г., въ „Современникѣ“ 1836 г., онъ нисколько не обратилъ на себя особеннаго вниманія публики. Вмѣстѣ съ нимъ погибла

lib.pushkinskijdom.ru

и фраза Пушкина „такъ необходимая для пониманія сущности дѣла“ [1]).

Той же участи, вѣроятно, подверглась бы и замѣтка о Карамзинѣ, если бы не нашла, какъ тогда было слышно, горячихъ защитниковъ въ лицѣ одного развитаго члена комитета и самого министра народнаго просвѣщенія...“ (*Вѣстникъ Европы,* 1881 г., № 1, стр. 39—41).

Россійская Академія, которой посвящена статья Пушкина, „не была предоставлена самой себѣ и не имѣла свободы выбора“. По словамъ М. И. Сухомлинова, „Шишковъ распоряжался въ ней полновластнымъ хозяиномъ, и вербовалъ своихъ единомышленниковъ, будучи наивно увѣренъ, что они-то и составляютъ настоящее украшеніе литературы. Отсутствіе талантовъ подрывало авторитетъ академіи, и можно ли было довѣрять ея приговорамъ, когда она упорно молчала о Лермонтовѣ, а нѣкоторое время даже о Пушкинѣ, и превозносила поэтическія дарованія Бор‹иса› Ѳедорова и кн‹язя› Шихматова...

„Долго, чрезвычайно долго господствовало въ академіи подобное недоразумѣніе; но оно должно было *рано или поздно* уступить мѣсто болѣе справедливой оцѣнкѣ писателей. Избраніе Карамзина, Пушкина и Жуковскаго въ члены Россійской Академіи помирило съ нею общественное мнѣніе, и наглядно показало, что она не желаетъ плыть противъ теченія и отрицать таланты, которые составляютъ дѣйствительную красу и славу отечественной литературы“.

---

1) Въ своей рецензіи на изданіе Анненкова Е. И. Якушкинъ писалъ: „Въ изданіе это вошли всѣ журнальныя статьи Пушкина; но нѣкоторыя изъ нихъ (въ V и VI томахъ) сокращены, въ другихъ (въ VII томѣ) имена замѣнены начальными буквами. Такъ въ статьѣ: „Россійская Академія“ (т. V, стр. 615), сокращена выписка изъ фонъ-Визина“ (*Библіографическія Записки,* 1859 г., т. II, № 5, стр. 147).

lib.pushkinskijdom.ru

Предложенный 9-го декабря 1832 г. А. С. Шишковымъ въ члены Россійской Академіи Пушкинъ былъ избранъ единогласно, при чемъ и отсутствовавшіе члены, враждебно относившіеся къ поэту: С. С. Уваровъ и М. Т. Каченовскій, подали голоса за него. Одинъ петербургскій митрополитъ Серафимъ отказался дать согласіе на это избраніе потому, что „Пушкинъ ему неизвѣстенъ".

Въ теченіе 1833-го года Пушкинъ нѣсколько разъ посѣщалъ академію и присутствовалъ въ собраніяхъ при чтеніи и обсужденіи корректурныхъ листовъ академическаго словаря (*М. И. Сухомлиновъ.* Исторія Россійской Академіи, т. VII, стр. 77—84, и т. VIII, стр. 372—373)[1]).

Пушкинская статья объ академіи представляетъ собою сокращенный пересказъ подробнаго протокола, изданнаго подъ заглавіемъ: „Засѣданіе, бывшее въ Россійской Академіи 18 января 1836 г.".

— (*Стр. 269, строки 8—9*). Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій (род. 14-го августа 1812 г., ум. 2-го мая 1881 г.) — сынъ великой княгини Екатерины Павловны.

— (*Стр. 269, строки 9—10*). Димитрій Ивановичъ Языковъ (род. 14-го октября 1773 г., ум. 13-го ноября 1845 г.) — непремѣнный секретарь Россійской Академіи съ 1835 г. Передъ избраніемъ его въ секретари произво-

---

1) Въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго къ В. А. Жуковскому отъ 29-го января 1833 г. есть такое сообщеніе: „Пушкинъ былъ на дняхъ въ Академіи и разсказываетъ уморительныя вещи о безчинствѣ засѣданія. Катенинъ выбранъ въ члены и загорланилъ тамъ. Они помышляютъ о новомъ изданіи Словаря. Пушкинъ болѣе всего недоволенъ завтракомъ, состоящимъ изъ дурного винегрета для закуски и разныхъ водокъ. Онъ хочетъ первымъ предложеніемъ своимъ подать голосъ, чтобы наняли хорошаго повара и покупали хорошее вино французское" ... (*Русскій Архивъ*, 1900 г., т. I, № 3, стр. 369).

lib.pushkinskijdom.ru

шелъ слѣдующій обмѣнъ мнѣній между Пушкинымъ и И. И. Дмитріевымъ. „Не знаю“, писалъ Пушкинъ: „занимаетъ-ли васъ участь нашей Академіи, которая недавно лишилась своего секретаря [1]), умершаго на щитѣ, то-есть на послѣднемъ корректурномъ листѣ своего Словаря. Неизвѣстно, кто будетъ его преемникомъ. Святое мѣсто пусто не будетъ; но мѣсто непремѣннаго секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено“. Отвѣчая на это письмо Дмитріевъ называетъ новаго секретаря и дѣлаетъ его характеристику: „Что касается до свѣжей нашей потери, она важна, конечно всѣмъ намъ чувствительна, но я соглашаюсь съ вами и съ старинной пословицей: „Святое мѣсто не будетъ пусто“.

Почіетъ Соколовъ, но бдитъ еще Языковъ.

И на что лучше его въ преемники? работящъ и любознателенъ, ктому же и къ новизнамъ не падокъ“. Слова Дмитріева показались Пушкину вѣщими: „Улиссъ Лобановъ и Аяксъ Ѳедоровъ“, сообщалъ онъ Ивану Ивановичу: „спорятъ объ оружіи Ахиллеса. Но оно достанется чуть ли не Языкову — Нестору (по крайней мѣрѣ издателю Нестора). Вы пророкъ въ отечествѣ своемъ“ (Переписка, т. III, стр. 186—187, 196).

— (*Стр. 269, строка 13*). Княгиня Дашкова — Екатерина Романовна, урожденная графиня Воронцова (род. 17-го марта 1743 г., ум. 4-го января 1810 г.).

— (*Стр. 270, строки 2—13*). Отзывъ объ академическомъ словарѣ данъ Н. М. Карамзинымъ въ рѣчи, произнесенной въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи 5-го декабря 1818 г. (*Н. М. Карамзинъ*. Сочиненія. СПб. 1835 г., изд. 4-ое, т. IX, стр. 268).

— (*Стр. 270, строка 18 — стр. 271, строка 26*). Статья: „Вопросы и отвѣты съ пріобщеніемъ предисловія“, по-

1) П. И. Соколовъ (род. 24-го іюня 1764 г., ум. 10-го января 1835 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

мѣщена въ *Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова,* 1783 г., ч. III, стр. 160—166 (*Екатерина II.* Сочиненія. Изданіе Академіи Наукъ. СПб. 1903 г., т. V, стр. 52—55). О „политической полемикѣ" Фонвизина съ императрицей П. А. Вяземскій пишетъ: „Въ семъ послѣднемъ произведеніи... превосходство не на сторонѣ автора нашего: Екатерина уже и тѣмъ побѣдила противника своего, что, не отклонившись отъ состязанія съ нимъ, отвѣчала на вопросы его, изъ коихъ нѣкоторые могли казаться довольно неумѣстными" (*П. А. Вяземскій.* Фонъ-Визинъ. СПб. 1848 г., стр. 263). Иначе взглянулъ на фонвизинскіе „Вопросы" академикъ И. Н. Ждановъ, признавшій за многими изъ нихъ „глубоко-серьезное значеніе" (*И. Н. Ждановъ.* Сочиненія. СПб. 1907 г., т. II, стр. 167).

— (*Стр. 270, строки 26—37*). Свѣдѣнія о французскомъ академическомъ словарѣ и отношеніи къ нему Кольбера заимствованы Пушкинымъ изъ предисловія А. Ф. Вильмена (род. въ 1790 г., ум. въ 1870 г.) къ шестому изданію словаря 1835 г. Приводимъ разсказъ Вильмена:

„Le Dictionnaire avait vieilli, pendant qu'on y travaillait. On revint sur ce qu'on avait fait. Après bien des années, on n'en était encore qu'à la révision de la lettre *A.* Le vigilant Colbert, qui s'étonnait d'un travail si lent, était un jour venu assister à la séance. On y lisait le mot *Ami.* Mais la définition précise en fut si contestée, on discuta si bien sur le point de savoir si, dans l'usage, ce mot indiquait seulement une obligation du monde ou un rapport du coeur, s'il supposait une affection partagée, et s'il ne se disait pas sans cesse d'un empressement qui n'avait rien de sincère, ou d'un zèle qui n'obtenait aucun retour, enfin on vit tant de questions dans une seule, que le ministre, dont tant de gens à la cour se disaient les *amis*, convint, en se retirant, qu'il ne s'étonnait plus de la lenteur et

lib.pushkinskijdom.ru

de la difficulté du Dictionnaire“ (Dictionnaire de l'Académie Française. Sixième édition. Paris, 1835, t. I, pp. XIV—XV).

— (*Стр. 271, строка 27*). Андрей Андреевичъ Нартовъ (род. 25-го ноября 1737 г., ум. 2-го апрѣля 1813 г.) — президентъ Бергъ-Коллегіи и Вольнаго Экономическаго Общества, стихотворецъ и переводчикъ.

— (*Стр. 272, строка 1*). Александръ Семеновичъ Шишковъ былъ послѣднимъ президентомъ Россійской Академіи, закрытой, вскорѣ послѣ его смерти, 19-го октября 1841 г.

— (*Стр. 272, строка 17 — стр. 273, строка 30*). Изборникъ Святославовъ 1073 г. не представлялъ собою новинки въ 1836 г. Найденный П. М. Строевымъ въ Воскресенскомъ монастырѣ въ 1817 г., онъ былъ отмѣченъ уже въ трудахъ митрополита Евгенія, Н. М. Карамзина, А. Х. Востокова, К. Ѳ. Калайдовича и П. П. Кеппена. Митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) [род. 26-го декабря 1782 г., ум. 19-го ноября 1867 г.] въ своемъ докладѣ обращалъ вниманіе членовъ академіи исключительно на „русскую риторику XI вѣка“, которая его заинтересовала и о которой онъ написалъ особую статью, напечатанную въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1836 г., ч. IX, стр. 233 (см. Засѣданіе бывшее въ Россійской Академіи 18 января 1836 г. СПб. 1836 г., стр. 11—13).

— (*Стр. 273, строка 31 — стр. 274, строка 11*). Академическій уставъ и всеподданнѣйшій докладъ А. С. Шишкова императору Александру I полностью напечатаны М. И. Сухомлиновымъ въ „Исторіи Россійской Академіи“, т. VIII, стр. 447—475, а выдержки изъ этихъ документовъ приведены въ вышеупомянутой брошюрѣ, заключающей въ себѣ подробный отчетъ о засѣданіи 18-го января 1836 г. (стр. 13—17).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 274, строки 12—16*). Мнѣніе М. Е. Лобанова; „О духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной", разсмотрѣно Пушкинымъ въ третьемъ томѣ *Современника* 1836 г. (см. настоящій томъ, стр. 304—318).

— (*Стр. 274, строки 17—20*). Василій Алексѣевичъ Полѣновъ (род. 1-го января 1766 г., ум. 21-го іюля 1851 г.) — членъ Россійской Академіи (съ 1828 г.), впослѣдствіи предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Русскаго Языка и Словесности (съ 30-го января 1850 г.). Его статья „Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина"[1]) помѣщена въ отчетѣ о засѣданіи 18-го января 1836 г. (стр. 27—34). Пушкинъ сносился съ нимъ по поводу дѣла о Пугачевѣ (Переписка, т. III, стр. 224).

— (*Стр. 274, строки 21—23*). Михаилъ Евстафьевичъ Лобановъ[2]), князь Платонъ Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (род. въ 1790 г., ум. 5-го мая 1853 г.) и Борисъ Михайловичъ Федоровъ[2]) прочитали въ академическомъ собраніи слѣдующія произведенія: первый — оду „Къ отсутствующему Монарху" („Святыней Россіи державный хранитель"), второй — „Военную пѣснь Россіянъ" („Съ нами Богъ!.. внимай вселенна!.."), третій — „Стихи при видѣ картины, представляющей *бурю*, во время плаванія корабля: Императрица Марія, въ 1828 г. Октября" („Дохнулъ Октябрь, чело нахмуря...") [Засѣданіе, бывшее въ Россійской Академіи 18 января 1836 г. СПб. 1836 г., стр. 34—40).

— (*Стр. 274, строка 24; стр. 275, строка 16*). Въ своей статьѣ: „Нѣчто о Карамзинѣ", А. С. Шишковъ разсказываетъ о свиданіи историографа съ Александромъ I въ 1811 г., при дворѣ Екатерины Павловны: „По прибытіи

1) Докторъ медицины Иванъ Ивановичъ Лепехинъ (род. 10-го сентября 1740 г., ум. 6-го апрѣля 1802 г.) состоялъ непремѣннымъ секретаремъ Россійской Академіи съ 1783 г. до своей смерти.

2) См. примѣчанія къ статьямъ, №№ 2, 50, 85.

lib.pushkinskijdom.ru

‹въ Тверь› его величества, она ‹великая княгиня› предложила ему позвать къ себѣ Карамзина и дозволить ему прочитать сколько нибудь изъ своего творенія. Карамзинъ приходитъ, и въ присутствіи государя императора и великой княгини читаетъ имъ свою Исторію. Оба они находятъ произведеніе пера его достойнымъ уваженія и осыпаютъ его ласками и похвалами“ (Засѣданіе, стр. 43).

Пушкинъ дополняетъ разсказъ Шишкова, сообщая, что во время пребыванія въ Твери Александръ I ознакомился не только съ „Исторіею Государства Россійскаго“, но и съ „Запиской о древней и новой Россіи“. Поэтъ указываетъ, что „Записка“ была не прослушана, но прочтена императоромъ, и намекаетъ на то, что первоначально недовольный этимъ произведеніемъ Александръ I впослѣдствіи измѣнилъ свои взгляды и въ 1816-мъ году наградилъ Карамзина анненской лентой не за „Исторію“, а за „Записку“ (*Я. К. Гротъ.* Труды. СПб. 1901 г., т. III, стр. 162. — *Н. М. Карамзинъ.* Записка о новой и древней Россіи. СПб. 1914 г., стр. III—X).

— (*Стр. 275, строки 2—6*). „Исторія Государства Россійскаго“ посвящена Карамзинымъ Александру I. Представляя императору „плодъ усердныхъ двѣнадцатилѣтнихъ трудовъ“, исторіографъ пишетъ: „В 1811 году, въ счастливѣйшія, незабвенныя минуты жизни моей, читалъ я, вамъ, государь, нѣкоторыя главы сей Исторіи — объ ужасахъ Батыева нашествія, о подвигѣ героя, Димитрія Донского — въ то время, когда густая туча бѣдствій висѣла надъ Европою, угрожая и нашему любимому отечеству. Вы слушали съ восхитительнымъ для меня вниманіемъ; сравнивали давно-минувшее съ настоящимъ и не завидовали славнымъ опасностямъ Димитрія, ибо предвидѣли для себя еще славнѣйшія. Великодушное предчувствіе исполнилось: туча грянула надъ Рос-

lib.pushkinskijdom.ru

сіею, но мы спасены, прославлены; врагъ истребленъ, Европа свободна, и глава Александрова сіяетъ въ лучезарномъ вѣнцѣ безсмертія. Государь! если счастіе вашего добродѣтельнаго сердца равно вашей славѣ, то вы счастливѣе всѣхъ земнородныхъ".

81.

ФРАНЦУЗСКАЯ АКАДЕМІЯ.

(Стр. 275—301).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. II, стр. 14 — 52, а затѣмъ перепечатана Н. О. Лернеромъ съ пропусками — въ *Рѣчи*, 1911 г., № 208, и полностію въ *Русской Старинѣ*, 1911 г., № 10, стр. 3—33.

Въ посмертномъ и въ анненковскомъ изданіяхъ нѣтъ статьи „Французская Академія". Вопросъ о принадлежности ея Пушкину впервые (1841 г.) поставленъ В. Г. Бѣлинскимъ, справедливо указавшимъ, что отсутствіе рукописей еще не даетъ права отвергать авторство поэта. Слова критика прошли незамѣченными, и лишь въ 1903 г. С. А. Венгеровъ обратилъ на нихъ вниманіе и, пересмотрѣвъ статью, пришелъ къ заключенію, что, „судя по увѣренному тону и кое-какимъ блесткамъ, она, можетъ быть, принадлежитъ Пушкину". Почти въ одно время съ Венгеровымъ, покойный И. А. Шляпкинъ, на основаніи найденныхъ имъ пушкинскихъ бумагъ, высказалъ соображеніе, что статья есть результатъ совмѣстной работы Пушкина и князя В. Ѳ. Одоевскаго. Послѣ Шляпкина (1907 г.) упомянулъ о статьѣ, какъ сочиненіи Пушкина, Н. А. Янчукъ, и, наконецъ, въ 1911 г. вышло въ свѣтъ разысканіе Н. О. Лернера, установившее правильность

lib.pushkinskijdom.ru

догадки Бѣлинскаго (*В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1903 г., т. VI, стр. 275, 597.— *И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 240—241, 269. — Переписка ‹Пушкина›, т. III, стр. 335.—*Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности,* 1907, т. XII, книга 4-ая, стр. 229).

Статья „Французская Академія“ была помѣщена Пушкинымъ въ *Современникѣ* по двумъ причинамъ: во-первыхъ, она отчасти отражала его литературныя воззрѣнія; во-вторыхъ, она служила прекраснымъ отвѣтомъ М. Е. Лобанову, наглядно доказывая, что французская словесность не заслуживаетъ тѣхъ обвиненій въ безнравственности, какія ей предъявлялись (см. стр. 304—313).

Матеріаломъ для статьи послужили интересные протоколы Французской Академіи за 1836 г.

Извѣстный драматургъ А. Э. Скрибъ (род. въ 1791 г., ум. въ 1861 г.), авторъ многочисленныхъ водевилей и комедій, былъ избранъ въ академики на мѣсто А. В. Арно (род. въ 1776 г., ум. въ 1834 г.), прославившагося своими баснями (fables). 28-го января 1836 г., явившись въ первый разъ на академическое засѣданіе, Скрибъ, по установившейся традиціи, произнесъ „discours de réception“, а затѣмъ, съ отвѣтною рѣчью, выступилъ непремѣнный секретарь А. Ф. Вильменъ (род. въ 1790 г., ум, въ 1870 г.). Оба блестящіе оратора должны были плѣнять парижанъ изяществомъ стиля и французскимъ остроуміемъ. А. И. Тургеневъ, бывшій тогда въ Парижѣ, досадовалъ, что, увлекшись архивною работою, пропустилъ знаменательное академическое засѣданіе. „Вообразите“, писалъ онъ: „до какого самоотверженія дошло мое Историческое крохоборство! Торопясь кончить 43-й фоліантъ Архивскій, я не пошелъ въ Академію на пріемъ Скриба, коего такъ умно отпѣлъ Вильменъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Ни въ одномъ куплетѣ, ни въ одной пѣсенкѣ Комико Водевилиста нѣтъ столько чистаго, критическаго остроумія, сколько въ похвалахъ-критикахъ безсмѣннаго Секретаря Академіи. Эта новизна останется примѣрною, и впредь не все хвалить будутъ въ пріемныхъ привѣтствіяхъ; пора и критикѣ воцариться на Ришельевскомъ трибуналѣ!" — Тургеневъ старается достать отчеты о „пріемѣ" Скриба и 11-го февраля заноситъ въ свою хронику: „Сейчасъ прислали мнѣ два экземпляра рѣчей Вильмена и Скриба: болѣе достать не могъ; ибо они продаются только съ разрѣшенія Академіи, а напечатанные въ Журналахъ врядъ ли такъ полны, какъ Академическіе" (*Современникъ*, 1836 г., т. I, стр. 263—264, 266).

Одинъ экземпляръ рѣчей былъ отправленъ въ Россию А. Я. Булгакову, съ передачей князю П. А. Вяземскому, который препроводилъ ихъ Пушкину, а тотъ, въ свою очередь, — князю В. Ѳ. Одоевскому, для перевода на русскій языкъ и помѣщенія въ *Современникъ*. Въ серединѣ іюня Одоевскій увѣдомилъ Пушкина, что былъ лишенъ возможности быстро выполнить данное ему порученіе: „Переводчикъ нашъ занемогъ и отъ того Вильменова рѣчь опоздала. Я только вчера вечеромъ и получилъ ее. Начало я исправилъ еще прежде и отъ того первые листы переписаны, но за слѣдующіе извините, что перемараны жестоко; не смотря на это Вы просмотрите еще разъ..." (Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ, СПб. 1899 г., т. III, стр. 298. — Переписка ‹Пушкина›, т. III, стр. 335). — Получивъ переводъ, Пушкинъ проредактировалъ его окончательно и написалъ къ рѣчи Скриба[1]) краткое вступленіе (стр. 275 — 276) и послѣсловіе (стр. 290).

1) Поэтъ относился къ Скрибу несочувственно и причислялъ себя къ „холоднымъ сѣвернымъ зрителямъ" его водевилей (Переписка, т. II, стр. 385: письмо къ М. П. Погодину отъ 11-го іюля 1832 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

Исправленный поэтомъ переводъ отличается большою точностію. Для сличенія выписываемъ начало рѣчи Скриба по-французски и по-русски:

«Messieurs,

Vous avez lu que la république de Gênes ayant osé braver Louis XIV, le doge fut forcé de venir à Versailles implorer la clémence du grand roi; et pendant qu'il admirait ces jardins où partout la nature est vaincue, ces eaux jaillissantes, ces forêts d'orangers, ces terrasses suspendues dans les airs, on lui demanda ce qu'il trouvait de plus extraordinaire à Versailles. Il répondit: C'est de m'y voir»... (Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie Française. 1830—1839. Paris, 1841, pp. 311).

«Мм. Гг.

Когда Генуэзская Республика, какъ вамъ извѣстно, дерзнула сопротивляться Лудовику XIV, тогда Дожъ ея принужденъ былъ явиться въ Версаль, чтобъ испросить прощеніе у великаго Короля. Въ то время, какъ удивлялся онъ Версальскимъ садамъ, гдѣ каждый шагъ представляетъ побѣду искусства надъ природою, ихъ шумнымъ водопадамъ, апельсиннымъ рощамъ и висячимъ террасамъ, его спросили: что находитъ онъ всего необыкновеннѣе въ Версали? Дожъ отвѣчалъ: «мое присутствіе» (*Современникъ*, 1836 г., т. II, стр. 16).

— (*Стр. 275, строка 19*). Пушкинъ употреблялъ выраженіе „кресла“ вм. „кресло“. Въ „Пирѣ во время чумы“ молодой человѣкъ говоритъ о весельчакѣ Джексонѣ: „Его здѣсь *кресла* стоятъ пустыя“.

— (*Стр. 275, строки 22—23*). „Такова *участь поэтовъ, которые* пишутъ для публики“, — не разъ встрѣчающійся у Пушкина оборотъ. См. стр. 223, строки 11—12: „*Такова участь*, ожидающая *писателей, которые* [пекутся болѣе о механизмѣ языка, наружныхъ формахъ слова]“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 275, строки 22—26*). Взаимныя отношенія между публикой и поэтомъ — любимая тема Пушкина, къ которой онъ часто возвращается и въ стихахъ, и въ прозѣ. См. примѣчанія къ статьѣ № 66.

— (*Стр. 275, строка 26; стр. 276, строка 9*). „Басни" (fables) Арно — лучшія его произведенія. Въ этихъ басняхъ Скрибъ видитъ „новый родъ, который остается образцомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ не старался подражать ни Лафонтену, ни Флоріану; здѣсь нѣтъ веселой простоты перваго, нѣтъ изящной и граціозной чувствительности втораго; здѣсь эпиграмма, здѣсь сатира, здѣсь Ювеналъ, сдѣлавшійся баснописцемъ". Въ числѣ „басенъ" Арно есть одна, элегическая по настроенію и наиболѣе популярная изъ всѣхъ другихъ; она озаглавлена: „Feuille".

De la tige détachée,
Pauvre feuille desséchée,
Où vas-tu? Je n'en sais rien.
L'orage a frappé le chêne
Qui seul était mon soutien.
De son inconstante haleine,
Le zéphyr ou l'aquilon
Depuis ce jour me promène
De la forêt à la plaine,
De la montagne au vallon.
Sans me plaindre ou m'effrayer,
Je vais où va toute chose,
Où va la feuille de rose
Et la feuille de laurier.

(*A. V. Arnault.* Oeuvres. Fables et poésies diverses. Paris, 1825, t. IV, p. 168) [1]).

---

1) Сочиненія Арно имѣются въ собраніи Пушкинскихъ книгъ. См. *Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X. Спб. 1910 г., стр. 144, №№ 555—556.

lib.pushkinskijdom.ru

„Листокъ“ былъ напечатанъ въ парижскихъ періодическихъ изданіяхъ безъ имени автора въ концѣ 1815 г. и имѣлъ большой успѣхъ, такъ какъ читатели невольно сопоставляли судьбу листка, сдѣлавшагося игрушкой своенравныхъ вѣтровъ, съ судьбой многихъ лицъ, ставшихъ жертвами политическихъ событій и печально скитающихся на чужбинѣ. Бельгійскіе журналы помѣстили піесу Арно уже съ фамиліей автора, который, изгнанный изъ Франціи, въ то время прибылъ въ Брюссель, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ и вызывалъ сочувствіе многихъ литераторовъ. Невозможность напечатать во французскихъ журналахъ имя изгнанника привела къ тому, что піеса стала приписываться Лафонтену и оспаривалось авторство Арно.

„Листокъ“ былъ очень популяренъ, переведенъ на разные языки и вызвалъ рядъ подражаній и варіацій на ту же тему. Помимо произведенія Plasschaert, посвященнаго самому Арно[1]), извѣстны стихи предводителя гетеристовъ князя Александра Константиновича Ипсиланти (род. въ 1792 г., ум. въ 1828 г.). Ипсиланти замѣнилъ

1) Jean-Baptiste-Joseph Plasschaert (род. въ 1769 г., ум. въ 1821 г.), бельгійскій публицистъ и большой патріотъ, написалъ въ честь Арно такую піесу:

Noble feuille détachée
Des forêts de l'Hélicon,
Si, de ta tige arrachée,
Tu gémis dans le vallon;
Loin des aquilons perfides,
Au jardin des Hésperides
Tu braveras le danger;
Le dieu des arts qui te guide
N'y fut jamais étranger.
A l'arbi de son égide,
Viens à nous d'un vol léger:
Borne ta course rapide . . .
Reverdis sous l'oranger!

(*A. V. Arnault.* Oeuvres. Fables et poésies diverses. Paris, 1825, t. IV, p. 872).

lib.pushkinskijdom.ru

„листокъ“ „птичкой“, не имѣющей гнѣзда и безпріютно блуждающей по свѣту[1]). Греческій оригиналъ (Πουλάκι ξένο Κ'ἐρημωμένο, etc.) остался недоступенъ Пушкину, который ознакомился только съ французскимъ прозаическимъ переводомъ.

„Petit oiseau passager, où vas-tu, triste et solitaire? Où se trouve ton nid? — Je n'ai point de nid; je vais, je cours çà et là, sans connaître le repos, sans savoir où réside le bonheur. Plus jeune encore, j'avais une patrie; mes jours coulaient heureux au milieu des myrtes: bercé d'un doux espoir, matin et soir je chantais. J'avais aussi une tendre amante, la bien-aimée de mon enfance. Tout à coup un cruel épervier l'enlève, lui donne la mort sous mes yeux, et désole notre asile. Depuis ce temps, je cours dans les pays étrangers, sans patrie, sans compagne. J'erre d'une aile débile et fatiguée au gré de la fortune et des vents, jusqu'à ce que j'arrive où va toute chose, où va le vautour sanguinaire et l'innocent petit oiseau, où finira par aller aussi cet ouvrage miraculeux du Créateur“.

(*Alexandre Soutzo.* Histoire de la révolution grecque. Paris, 1829, pp. 35—37).

Русскіе переводы и передѣлки „Листка“ довольно многочисленны. Василій Львовичъ и Левъ Сергѣевичъ Пушкины оставили опыты своихъ переложеній[2]), князь

---

1) Въ этомъ произведеніи аллегорически изображена печальная судьба грековъ, спасающихся отъ тиранніи турокъ и бѣгущихъ изъ родной земли въ чужія страны.

2) Приводимъ en regard стихи дяди и племянника:

„Листочекъ“ (1816 г.) Василія Львовича.	„Листокъ“ (1821 г.) Льва Сергѣевича.
„Куда Листочекъ, ты летишь	Куда отъ стебля листъ отпалой
Изсохшій пожелтѣлый?	Осиротѣлой и увялой
Не знаю, говоришь:	Стремишься ты? — Не знаю самъ,
Сломила буря дубъ дебелый,	Сломила буря дубъ огромной,

lib.pushkinskijdom.ru

П. И. Шаликовъ воспѣлъ „листочекъ бѣдненькій, сухой“ (*Вѣстникъ Европы,* 1817 г., ч. XCIII, стр. 23), но наиболѣе талантливыми переводчиками піесы Арно явились В. А. Жуковскій и Д. В. Давыдовъ, написавшіе свои стихотворенія въ 1818 г. „Листокъ“ Жуковскаго общеизвѣстенъ.

Отъ дружной вѣтки отлученный,
Скажи, листокъ уединенный,
Куда летишь?... «Не знаю самъ;
Гроза разбила дубъ родимый;
Съ тѣхъ поръ, по доламъ, по горамъ
По волѣ случая носимый,
Стремлюсь, куда велитъ мнѣ рокъ,
Куда на свѣтѣ *все* стремится,
Куда и листъ лавровый мчится,
И легкій розовый листокъ».

(*В. А. Жуковскій.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе А. Ф. Маркса. СПб. 1902 г., т. II, стр. 129—130).

Который вѣрною опорой мнѣ служилъ
И рощи красотою былъ.
Носимой нынѣ Аквилономъ
Или Зефиромъ, я лечу
Куда предписано мнѣ строгимъ ихъ закономъ,
А не туда, куда хочу,
Съ холма на лугъ, съ горы въ долину,
Безъ страха, ропота на грозную судьбину.
Всему конецъ! Я помню сей урокъ,
Для всѣхъ равно суровый;
Несусь, куда летитъ и гордый листъ лавровый,
И розы нѣжныя листокъ!

(*В. Л. Пушкинъ.* Сочиненія. СПб. 1895 г., стр. 17).

Я цвѣлъ въ тѣни его вѣтвей;
Съ тѣхъ поръ на холмы отъ полей
Съ долины тихой по горамъ
Меня несетъ Борей суровой
Иль утра тихій вѣтерокъ,
Куда и розовой листокъ
Куда летитъ и листъ лавровый,
Куда и все уноситъ рокъ.

(*Пушкинъ и его современники.* Выпускъ XVII—XVIII, стр. 7).

lib.pushkinskijdom.ru

Весьма распространенъ не только въ русскихъ, но и во французскихъ литературныхъ кругахъ былъ также переводъ Д. В. Давыдова

Листокъ изсохшій, одинокой,
Прилетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчикъ мой?—
«Какъ знать мнѣ? Налетѣли тучи —
И дубъ родимый, дубъ могучій
Сломили вихремъ и грозой.
Съ тѣхъ поръ, игралище Борея,
Не сѣтуя и не робѣя,
Ношусь я, странникъ кочевой,
Изъ края въ край земли чужой;
Несусь, куда несетъ суровый,
Всему неизбѣжимый рокъ,
Куда летитъ и листъ лавровый —
И легкій розовый листокъ»

(*Д. В. Давыдовъ.* Сочиненія. М. 1860 г., ч. III, стр. 78).

Польщенный вниманіемъ, оказаннымъ ему въ Россіи, Арно отправилъ Давыдову экземпляръ своихъ „басенъ“ и приложилъ къ нему особое посвященіе, первый стихъ котораго переведенъ на русскій языкъ Пушкинымъ [„Тебѣ пѣвцу, тебѣ герою“! („Д. В. Давыдову“, 1836 г.)]. Это посвященіе осталось, однако, неизвѣстно Давыдову, что̀ видно изъ его письма къ Пушкину отъ 10-го августа 1836 г.: „Ты по шерсти погладилъ самолюбіе мое отыскавъ Богъ знаетъ гдѣ и прозу и стихи Арно о которыхъ я и знать не зналъ. Жалѣю что переводъ мой не достоинъ благосклонности и мадригала покойнаго академика. Этотъ переводъ ужасно плохъ, такъ плохъ что въ изданіи Стихотвореній моихъ я не смѣлъ его помѣстить“ (Переписка, т. III, стр. 363).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 276, строки 5—6*) Нашъ боецъ чернокудрявый
Съ бѣлымъ локономъ на лбу—

стихи Н. М. Языкова изъ посланія къ Давыдову (1835 г.). „Посланіе къ Давыдову — прелесть", писалъ Пушкинъ Языкову: „Нашъ боецъ чернокудрявый окрасилъ было свою сѣдину, замазалъ и свой бѣлый локонъ, но послѣ Вашихъ стиховъ, опять его вымылъ—и правъ. *Это знакъ благоговѣнія къ поэзіи*" (Переписка, т. III, стр. 299: письмо отъ 14-го апрѣля 1836 г.).

— (*Стр. 276, строки 12 — 13*). Jules-Gabriel Janin (род. въ 1804 г., ум. въ 1874 г.) былъ хорошо знакомъ Пушкину который высоко цѣнилъ его романъ „L'âne mort et la femme guillotinée" (1829)[1]) и считалъ его статьи въ *Journal des Débats* скорѣе журнальными фельетонами публициста, чѣмъ критическими этюдами[2]). По справедливому замѣчанію Эмиля Фагэ, Жаненъ „не могъ переносить" Эжена Скриба, и этимъ объясняется появленіе фельетона подъ заглавіемъ: „M. Scribe et son vaudeville de réception". Жаненъ тонко осмѣиваетъ вступленіе Скриба въ Академію: „Donc, après *le Gamin de Paris,* joué par Boufflé, le plus grand succès de la semaine appartient sans contredit au vaudeville composé par M. Scribe en personne devant ses collègues stupefaits de l'Académie française. Rien ne manque à ce nouveau succès de l'auteur du *Nouveau Pourceaugnac.* C'est un chef-d'oeuvre égal à ses autres chefs-d'oeuvre. Mots pathétiques, innocentes épigrammes, observation du coeur humain, couplets de facture, larmes jetées à propos, habile flatterie de toutes les opinions, chan-

1) Весной 1830 г. Пушкинъ сообщилъ княгинѣ В. Ѳ. Вяземской, что онъ всецѣло раздѣляетъ ея мнѣніе о романѣ Жанена „Vous avez raison de trouver *l'Ane délicieux* — C'est un des ouvrages les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* ou il y en a beaucoup" (Переписка, т. II, стр. 143. — Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л. 1927 г., стр. 224—225).

2) *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 230—231, 228—229.

lib.pushkinskijdom.ru

sons patriotiques, airs nouveaux et choisis, vaudeville final, rien n'y manque. Je suis seulement fâché que M. Scribe ait fait pour son vaudeville académique ce que M. Planard a fait pour l'*Éclair*, et qu'il ait supprimé les choeurs. Un choeur chanté ce jour-là par les collaborateurs de M. Scribe eût fait à mon sens un merveilleux effet à l'Institut" (*Journal des Débats*, 1836, 3 Février).

— (*Стр. 279, строки 22—25*). Подобно Скрибу, Пушкинъ высоко цѣнилъ независимость писателей. „У насъ писатели", замѣчаетъ онъ въ „Мысляхъ на дорогѣ": „не могутъ изыскивать милостей и покровительства у людей, которыхъ почитаютъ себѣ равными". Писатели имѣютъ право „никому не давать отчета" и счастливы, „если „служатъ" и „угождаютъ" лишь самимъ себѣ (Настоящій томъ, стр. 184, 322. — *Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 43).

— (*Стр. 286, строка 3 — стр. 288, строка 6*). Мысль Скриба о „постоянномъ противорѣчіи между театромъ и обществомъ" являлась опроверженіемъ взглядовъ академика М. Е. Лобанова, который сдѣлалъ заключеніе о безнравственности современнаго ему французскаго общества, между прочимъ, на основаніи драмъ Виктора Гюго, въ родѣ „Лукреціи Борджіа" (Настоящій томъ, стр. 306).

— (*Стр. 299, строка 12*). Пушкинъ употреблялъ слово „безталантный" вмѣсто „безталанный" [бездарный] (См. стр. 310, строки 13—14).

— (*Стр. 290, строки 15—27*). Пѣсня Беранже „Le roi d'Yvetot", написанная въ маѣ 1813 г. и пользовавшаяся большимъ успѣхомъ, считалась сатирой на императора Наполеона, хотя, послѣ произведеннаго полицейскаго разслѣдованія, авторъ ни мало не пострадалъ и остался на государственной службѣ. — Объ отношеніи Пушкина къ Беранже см. примѣчанія къ статьѣ № 64.

— (*Стр. 301, строки 28—31*). Въ 1835 г., послѣ

lib.pushkinskijdom.ru

смерти извѣстнаго политическаго дѣятеля, выдающагося оратора Іосифа-Генриха-Іоакима виконта Лене (род. въ 1767 г., ум. въ 1835 г.) въ члены Французской Академіи былъ выбранъ стихотворецъ и драматургъ Людовикъ-Эммануилъ-Карлъ Дюпати (род. въ 1775 г., ум. въ 1851 г.). Объ этомъ избраніи сообщалъ изъ Парижа своимъ русскимъ друзьямъ А. И. Тургеневъ: „Я, кажется, вамъ писалъ о кандидатствѣ Моле въ Академію, на ваканцію Лене. Il y avait hier trois concurrens, Molé[1]), Hugo et Dupaty. Mr. Molé qui saisissait déjà la présidence — n'est *pas même Académicien;* c'est Dupaty qui a obtenu la majorité. On dit que ce sont les Académiciens du tiers parti qui n'ont pas voulu de lui, en disant: „Il n'a pas voulu de nous pour collègues, nous ne pouvions pas vouloir de lui pour confrère". J'en suis d'autant plus fâché pour Ballanche[2]), car ceux qui lui ont conseillé de ne pas se mettre sur les rangs, ne l'ont fait que dans l'espoir de faire entrer Mr. Molé" (*Современникъ,* 1836 г., т. I, стр. 281—282).

82.

ЗАПИСКИ Н. А. ДУРОВОЙ, ИЗДАННЫЯ А. ПУШКИНЫМЪ.

(Стр. 301—302).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые появилась въ *Современникѣ,* 1836 г., т. II, стр. 53—54.

Надежда Андреевна Дурова (род. въ 1783 г., ум. 23-го марта 1866 г.), въ замужествѣ Чернова, десять

1) Louis-Matthieu comte Molé (род. въ 1781 г. ум. в 1855 г.) — политическій дѣятель и писатель, академикъ съ 1840 г.

2) Pierre-Simon Ballanche (род. въ 1776 г., ум. в 1847 г.)—религіозный писатель, мистикъ, авторъ „Общественной Палингенезіи" (1828 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

(1807—1817) лѣтъ прослужившая въ кавалеріи подъ именемъ Александра Андреевича Александрова[1]) и принимавшая участіе въ кампаніи 1812-го года, написала воспоминанія о своей бурной, полной приключеній жизни и, повидимому, весной 1835 г. задумала ихъ напечатать. Она поручила своему брату Василію Андреевичу войти въ сношенія по данному дѣлу съ Пушкинымъ, котораго онъ встрѣчалъ въ 1829-мъ году на Кавказѣ. 16-го іюня 1835 г. поэтъ откликнулся на сдѣланный ему запросъ. Онъ „съ охотою брался хлопотать объ изданіи“ записокъ, и готовъ былъ купить ихъ самъ, „если книгопродавцы не согласятся“, потому что за успѣхъ, какъ ему казалось, можно было ручаться. „Судьба автора“, говорилъ онъ: „такъ любопытна, такъ извѣстна и такъ таинственна, что разрѣшеніе загадки должно произвести сильное, общее впечатлѣніе. Что касается до слога, то чѣмъ онъ проще, тѣмъ будетъ лучше. Главное: истина, искренность. Предметъ самъ по себѣ такъ занимателенъ, что никакихъ украшеній не требуетъ. Они даже повредили бы ему“. Отвѣтъ Пушкина привелъ въ восторгъ Надежду Андреевну, которая только и мечтала о томъ, чтобы выступить на литературномъ поприщѣ подъ его „покровительствомъ“. Въ своемъ письмѣ отъ 5-го августа 1835 г. изъ Елабуги она откровенно признается Пушкину, что желала бы продать записки „предпочтительно“ ему: „Прекрасное перо ваше можетъ сдѣлать изъ нихъ что-нибудь весьма занимательное для нашихъ соотечественниковъ, тѣмъ болѣе что произшествіе, давшее поводъ писать ихъ, было нѣкогда предметомъ любопытства и удивленія“.

Въ виду согласія Пушкина издать записки Дуровой оставалось препроводить ихъ поэту, но дѣло съ пересыл-

1) Первое время службы она въ числилась спискахъ конно-польскаго полка рядовымъ Александромъ Васильевичемъ Соколовымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

кой неожиданно осложнилось. Отправлять по почтѣ подлинникъ Дуровой не хотѣлось, а копіи, въ трехъ тетрадяхъ, находились у ея знакомаго Н. Р. Малышева, въ Гатчинѣ. И вотъ, 23-го сентября, она сообщаетъ ему о намѣреніи Пушкина купить записки и, смущенная долгимъ молчаніемъ Малышева, безпокоится о судьбѣ копій. Тревожныя предчувствія оказались не напрасными. 10-го октября копіи были высланы изъ Гатчины въ Тригорское, но прибыли туда уже послѣ отъѣзда Пушкина въ Петербургъ. Рукопись на время затерялась. Поиски, предпринятые Дуровой и Пушкинымъ, сразу не дали результатовъ, и только въ февралѣ 1836 г., послѣ годичнаго отсутствія, записки были возвращены автору, въ Елабугу. Такая неудача заставила суевѣрную Надежду Андреевну „переждать козни злаго рока“: она рѣшила поѣхать въ Петербургъ сама и лично вручить поэту рукопись, а взамѣнъ послѣдней выслала черезъ своего брата для *Современника* другія записки о 1812-мъ годѣ. По полученіи ихъ Пушкинъ писалъ Дурову:

„Милостивый Государь, Василій Андреевичъ. Очень благодарю васъ за присылку записокъ и за довѣренность, вами мнѣ оказанную. Вотъ мои предположенія: 1) Я издаю журналъ; во второй книжкѣ онаго (т. е. въ іюлѣ мѣсяцѣ) напечатаю я записки о 12 годѣ (всѣ или часть ихъ) и тотчасъ перешлю вамъ деньги по 200 рублей за листъ печатный. 2) Дождавшись другихъ записокъ брата вашего, я думаю соединить съ ними и Записки о 12 годѣ; такимъ образомъ, книжка будетъ толще и слѣдственно дороже.

„*Полныя записки,* вѣроятно, пойдутъ успѣшно послѣ того, какъ я о нихъ протрублю въ своемъ журналѣ. Я готовъ ихъ и купить, и напечатать въ пользу автора, какъ ему будетъ угодно и выгоднѣе. Во всякомъ случаѣ будьте увѣрены, что приложу всевозможное стараніе объ успѣхѣ общаго дѣла.

lib.pushkinskijdom.ru

„Братецъ вашъ пишетъ, что лѣтомъ будетъ въ Петербургѣ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ“ [1])... (Переписка, т. III, стр. 287: письмо отъ 17-го марта 1836 г.).

Двадцать четвертаго мая Дурова пріѣхала въ Петербургъ и вошла въ непосредственныя сношенія съ Пушкинымъ. Она была смущена тѣмъ, что воспоминанія о 1812-мъ годѣ были напечатаны въ *Современникѣ* подъ заглавіемъ: „Записки Н. А. Дуровой“, и что въ своемъ предисловіи Пушкинъ разоблачилъ передъ читателями тайну корнета Александрова. Ей хотѣлось назвать свое произведеніе: „Своеручныя записки русской Амазонки, извѣстной подъ именемъ Александрова“, но поэтъ отклонилъ это предложеніе. „*Записки Амазонки* какъ то слишкомъ изысканно, манерно, напоминаетъ нѣмецкіе романы. Записки Н. А. Дуровой — просто, искренно и благородно“. Пушкинъ совѣтовалъ Надеждѣ Андреевнѣ быть смѣлой и „вступать на поприще литературное столь-же отважно, какъ и на то, которое ‹ее› прославило“.

Какое значеніе придавалъ Пушкинъ мемуарамъ кавалериста-дѣвицы, видно изъ его письма къ женѣ отъ 11-го мая 1836 г. „Что записки Дуровой? пропущены ли цензурою? онѣ мнѣ необходимы. Безъ нихъ я пропалъ“. Но не всѣ знакомые Пушкина придерживались такого мнѣнія. „На Дуровой не далеко уѣдешь“, говорилъ А. И. Тургеневъ: „нужно болѣе интересу европейскаго“ (Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. III, стр. 328).

По выходѣ въ свѣтъ второго тома *Современника* В. Г. Бѣлинскій далъ о немъ отзывъ въ *Молвѣ* (1836 г., № 13) и отмѣтилъ воспоминанія о 1812-мъ годѣ: „Здѣсь замѣчательна статья: „Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя

1) Въ концѣ сдѣлана приписка отъ 27-го марта: „Сейчасъ прочелъ переписанныя записки: прелесть! живо, оригинально, слогъ прекрасный. Успѣхъ несомнителенъ“.

lib.pushkinskijdom.ru

А. Пушкинымъ". Если это мистификація, то, признаемся, очень мастерская; если подлинныя записки, то занимательныя и увлекательныя до невѣроятности. Странно только, что въ 1812 году могли писать такимъ хорошимъ языкомъ, и кто-же еще? женщина; впрочемъ, можетъ быть, онѣ поправлены авторомъ въ настоящее время. Какъ-бы то ни было, мы очень желаемъ, чтобы этѣ интересныя записки продолжались печататься" (*В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1901 г., т. III, стр. 61—62) [Переписка, т. III, стр. 208, 222, 232, 264—265, 281, 287, 312, 331—333. — *Александровъ.* Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія. СПб. 1838 г., стр. 4—6, 20—21, 27—34. — Пушкинскій сборникъ (въ память столѣтія дня рожденія поэта). СПб. 1899 г., стр. VI—VIII. — *И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 238—240. — *Историческій Вѣстникъ,* 1890 г., т. XLI, № 9, стр. 597—599].

— (*Стр. 301, строка 23*[3]). Эпиграфъ къ статьѣ о „Запискахъ" Дуровой, встрѣчающійся и въ „Домикѣ въ Коломнѣ" (1830 г.), взятъ изъ IV книги „Метаморфозъ" Овидія (стихъ 820-й):

Ambiguus fuerit modo vir, modo femina Sithon.

— (*Стр. 301, строка 24—25*). Сообщеніе Пушкина о томъ, что Дурова, подъ именемъ Александрова, поступила въ 1808 г. рядовымъ въ Конно-Польскій уланскій полкъ, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Согласно послужному списку, Надежда Андреевна съ 31-го декабря 1807 г., въ чинѣ корнета, перешла въ Маріупольскій гусарскій полкъ (*Русская Старина,* 1890 г., т. XLVII, №9, стр. 664). Начало же ея служебной дѣятельности въ Конно-Польскомъ полку, подъ именемъ рядоваго Александра Васильевича Соколова, должно быть отнесено къ

lib.pushkinskijdom.ru

первой половинѣ 1807-го или даже къ концу 1806 г., когда она бѣжала изъ родительскаго дома. Д. В. Давыдову сразу бросилась въ глаза хронологическая неточность предисловія. „Въ запискахъ ‹Дуровой›“, увѣдомлялъ онъ Пушкина: „есть нѣкоторыя противорѣчія и не досмотры; напримѣръ: 1-е она говоритъ Кутузову, что служила уже въ Прусскую войну, отличилась и храбрость ее замѣтилъ Гр‹афъ› Бугсгевденъ, а въ твоемъ предисловіи къ запискамъ ее сказано, что она вступила въ службу въ 1808 году. *То или другое несправедливо.* Прусская война началась въ Декабрѣ 1806 года и продолжалась 1807 года до 8-го іюня, а Гр‹афъ› Бугсгевденъ былъ отозванъ въ началѣ оной и врядъ ли былъ лично въ дѣлѣ; былъ въ дѣлѣ одинъ изъ его корпусовъ, корпусъ Дохтурова подъ Голоминомъ, не болѣе; развѣ Бенингсенъ замѣтилъ ее храбрость, это другое дѣло; но и тутъ все таки ей слѣдовало бы для того войти въ службу 1806 году, а не въ 1808-мъ“ (Переписка, т. III, стр. 363—364: письмо отъ 10-го августа 1836 г.).

83.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

(Стр. 302—304).

Эта статья, въ рукописи намъ не встрѣчавшаяся, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1836 г., т. II, стр. 311—312, и затѣмъ, съ пропусками, перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 420.

Статья распадается на двѣ части: въ первой — рѣчь идетъ о „Хроникѣ Русскаго въ Парижѣ“, во второй говорится о присланныхъ въ редакцію *Современника* статьяхъ *А. Б.* и *Косичкина.*

lib.pushkinskijdom.ru

„Хроника Русскаго“—парижскій дневникъ Александра Ивановича Тургенева (род. 27-го марта 1784 г., ум. 3-го декабря 1845 г.), писанный не для печати и опубликованный его друзьями противъ желанія автора, по постановленію „литературной братьи“, собиравшейся на „олимпическомъ чердакѣ“ Жуковскаго. „Жаль“, кричала эта „братья“ въ одну изъ декабрьскихъ субботъ 1835 г.: „что нѣтъ журнала, куда бы выливать весь этотъ кипятокъ, сочный бульонъ изъ животрепещущей утробы настоящаго!“ И какъ только Пушкину дано было разрѣшеніе издавать журналъ, въ родѣ *Quarterly Review*[1]), П. А. Вяземскій просилъ Тургенева принять это къ свѣдѣнію и „писать свои субботнія письма почище и получше“. „Мы намѣрены“, пояснялъ князь: „расходовать тебя на здоровье журналу и читателямъ. Пушкинъ надѣется на тебя“. Планы пріятелей встревожили Тургенева, и онъ, посылая 10(22) февраля часть „Хроники Русскаго“, предупреждалъ, что „въ ней много обветшалаго“ и для его друзей „уже не новаго и *слишкомъ наскоро написаннаго*“. „Хроника“ была получена, „прочтена съ благодарностью и жаднымъ вниманіемъ“ у Вяземскаго, въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, которые сдѣлали распоряженіе немедленно напечатать ее „во всеврѣніе вселенны“. Тогда же между ними было рѣшено, что со временемъ, когда они „приступятъ къ изданію журнала какъ слѣдуетъ“, и „будетъ у ‹нихъ› подписчиковъ, сколько слѣдуетъ“, Тургеневъ, въ качествѣ парижскаго корреспондента, получитъ 15000 рублей годового жалованья. Томъ *Современника,* гдѣ была напечатана „Хро-

1) Оффиціальное увѣдомленіе князя М. А. Дондукова-Корсакова о разрѣшеніи Пушкина издавать журналъ и письмо Вяземскаго относятся къ 19-му января 1836 г. (Переписка, т. III, стр. 266. — Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 284—287.—См. Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ. СПб. 1906 г., стр. 171, 177).

lib.pushkinskijdom.ru

ника Русскаго", не скоро попалъ въ руки Александру Ивановичу: курьеръ уѣхалъ въ Парижъ 9-го апрѣля, а лишь 11-го вышла первая книжка журнала. „Твои ⟨письма⟩", сообщалъ своему другу Вяземскій: „тутъ сидятъ нѣсколько сжаты цензурнымъ корсетомъ, но все еще задора довольно. Разумѣется, пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика, то-есть газетная политика, не годится, или умѣренно, потому что дозволенъ только журналъ литературный; но историческую политику милости просимъ. Впрочемъ, что тутъ толковать: давай, что есть, а тамъ, что къ чтенію пригодится, то прочтется; что къ напечатанію, то отпечатается". Вяземскій полагалъ, что Тургеневъ ознакомится съ *Современникомъ* по возвращеніи въ Россію или въ Берлинѣ, у А. О. Смирновой, и заблаговременно подготовлялъ Александра Ивановича къ тому, что въ журналѣ онъ увидитъ себя „не во весь ростъ", „но однако же и не Лавалемъ"[1]).

Появленіе въ печати „Хроники Русскаго" произвело впечатлѣніе на читателей *Современника*: о ней заговорили и въ литературныхъ кругахъ, и въ высшемъ обществѣ. Великая княгиня Елена Павловна спрашивала Вяземскаго, „когда Тургеневъ успѣваетъ писать такія громады", „какъ идутъ ⟨его⟩ историческия споліаціи, и надѣется ли онъ показать ихъ свѣту". Слухи о „Хроникѣ" распространялись и въ Парижѣ, гдѣ у Тургенева было очень много знакомыхъ и куда въ концѣ мая былъ присланъ Вяземскимъ первый томъ *Современника*. Но большой успѣхъ произведенія не обрадовалъ, а огорчилъ автора. Онъ узналъ, что не вездѣ „Хроника" была встрѣчена сочувственно, что Булгаринъ назвалъ ее „несвязной болтовней", „сатирой на нравы прошлаго вѣка", что нѣкото-

1) Графъ И. С. Лаваль былъ маленькаго роста.

lib.pushkinskijdom.ru

рые парижскіе друзья остались также недовольны. Тургеневъ обратился къ Вяземскому съ требованіемъ не печатать отнынѣ никакихъ его писемъ въ *Современникъ* и вернуть ему, по московскому адресу, всѣ литературные матеріалы, присланные имъ изъ-за границы въ редакцію *Современника*. 3-го іюня Тургеневъ покинулъ Францію. „Я уѣхалъ отъ большихъ непріятностей въ Парижѣ за „Хронику", писалъ онъ Вяземскому: „Булгаринъ пощадилъ меня; онъ могъ бы болѣе выставить, но полно объ этомъ: не Булгарина слова безпокоятъ меня".

Вяземскій былъ удивленъ, узнавъ о нервномъ возбужденіи и безпокойствѣ Тургенева. Лѣтъ девять тому назадъ Вяземскому случалось помѣщать въ *Московскомъ Телеграфѣ* тоже „наскоро и поверхностно" набросанныя Эоловою Арфою „Письма изъ Дрездена", и тогда „пріятельская нескромность" не вызывала недоразумѣній (*Московскій Телеграфъ*, 1827 г., ч. XIII, № 1, стр. 30). Естественно, что Вяземскій пожелалъ объясниться съ Тургеневымъ. „И не стыдно тебѣ", корилъ онъ друга: „на старости лѣтъ дурачиться и бить себя по бокамъ, чтобы надуться и метаться какъ угорѣлый? Ну, какой вредъ могло тебѣ сдѣлать въ Парижѣ напечатаніе отрывковъ изъ писемъ твоихъ? Кто читаетъ русскіе журналы въ Парижѣ и кто говоритъ и помышляетъ о нихъ? Кого испугаешь въ Парижѣ *публичностью*, сплетнями тамъ, гдѣ на все есть тысяча глазъ, тысяча ушей и тысяча трещетокъ? Все сказанное тобою было двадцать разъ сказано во всѣхъ парижскихъ журналахъ, и est-ce clair? и все прочее. Вольно же тебѣ, живучи въ Парижѣ, не читать журналовъ и говорить на ухо сосѣду то, что наканунѣ прокричали на площади при барабанномъ боѣ. Я еще разъ, послѣ филиппики твоей, прочелъ „Хронику" со вниманіемъ и не нашелъ ни одного слова, которое, по совѣсти головы и сердца, слѣдовало бы выключить; не

lib.pushkinskijdom.ru

нашелъ ни одной строки, которую съ охотою не скрѣпилъ бы я своимъ именемъ. Пушкинъ, Сербиновичъ[1]) совершенно согласны со мною. Слѣдовательно, мы не умышленно и даже не по легкомыслію компрометировали тебя, если есть тутъ компрометація, но ея нѣтъ. Пушкинъ увѣряетъ, что твоя чадолюбивая раздражительность оскорбилась опечатками. Полно, не такъ ли? Здѣсь эта „Хроника“ имѣла полный и лестный успѣхъ. Баронесса Мейендорфъ[2]) первая очень мило шутитъ надъ тѣмъ, что ты назвалъ ее *любезною вѣтренницею*, и также не понимаетъ испуга твоего отъ напечатанія „Хроники“. Вотъ она европейка, обстрѣленная публичностью, а ты настоящій симбирякъ: боишься шороха листовъ печатныхъ! Впрочемъ нѣтъ: ты не боишься, а напускаешь на себя дурь. Знаешь ли, что этотъ случай далъ мнѣ ключъ, къ разгадкѣ многихъ другихъ, важнѣйшихъ случаевъ въ твоей жизни. Во второй книжкѣ „Современника“ есть оправданіе тебѣ отъ редакціи“ (Письмо отъ 7-го іюля 1836 г.). — Это „оправданіе“ успокоило Тургенева, и о перемѣнѣ своего настроенія онъ увѣдомилъ Вяземскаго уже изъ Москвы, 14-го іюля: „Прочитавъ статью во второй книжкѣ ‹*Современника*›, я тронутъ былъ благодарностію къ незаслуженной похвалѣ и за скорое исполненіе моей просьбы; сбирался сегодня же писать къ вамъ и предоставить опять печатанію всякой всячины изъ писемъ моихъ, съ тѣмъ, однако же, что для избѣжанія непріятностей или привязокъ можно бы доставлять мнѣ въ Москву или въ Симбирскъ на предварительное разсмотрѣніе и пополненіе приготовленныхъ къ печати отрыв-

---

1) Константинъ Степановичъ Сербиновичъ (род. 9-го мая 1798 г., ум. 18-го февраля 1874 г.) — знакомый Вяземскаго и Тургенева, въ то время редакторъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*.

2) Баронесса Елисавета Васильевна Мейендорфъ, урожденная Гогеръ (ум. послѣ 1870 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

ковъ. Твое письмо опять раздосадовало меня. Ты спрашиваешь: „Кто читаетъ русскіе журналы“? — Знающій по русски. Андрюша Б—у, а онъ передаетъ всякую всячину Т—у. Сверхъ того или графиня Н., или княгиня Г—а Свѣчиной. При свиданіи объясню тебѣ все словесно. Досадно и не за типографическія ошибки, а за безсмыслицу... Впрочемъ, я и самъ сталъ теперь похладнокровнѣе, начитавшись другого вздора въ другихъ журналахъ. Извините и простите, если озаботилъ васъ требованіемъ не печатать ничего въ слѣдующихъ книжкахъ. Если Пушкинъ можетъ взять на себя пересмотръ и исправленіе писемъ моихъ, то пусть печатаетъ, что ему угодно, но предварительно пусть доставитъ и письма, и выборку изъ нихъ для печати на мое разсмотрѣніе“.— Въ другомъ письмѣ отъ 21-го іюля Тургеневъ дополнительно сообщаетъ, что московскій митрополитъ Филаретъ (Дроздовъ) держится одного съ нимъ мнѣнія о „Хроникѣ Русскаго“: „Знаешь ли, какъ меня встрѣтилъ Филаретъ? — „Я надѣюсь, что мы уже надолго будемъ имѣть удовольствіе васъ видѣть, ибо послѣ письма вашего изъ Парижа, вамъ нельзя будетъ туда возвратиться“. Онъ судилъ совершенно согласно со мною. Но пора это забыть и быть впередъ умнѣе“.— Примирительный тонъ писемъ Тургенева и выраженная послѣднимъ готовность по прежнему сотрудничать въ *Современникѣ* доставили большое удовольствіе Вяземскому, и онъ не скрылъ своей радости отъ друга: „A la bonne heure! Ты винишься, и я тебя прощаю! Ты обѣщаешь новыя хроники, и я тебя цѣлую! Всѣ письма у тебя: вели ихъ переписать и выбери, что хочешь. Отъ тебя „всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ“ (Письмо отъ 18-го іюля).

Такъ благополучно разрѣшилось недоразумѣніе, возникшее изъ-за „нескромности“ редактора *Современника* и его ближайшаго помощника (Остафьевскій Архивъ

lib.pushkinskijdom.ru

Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. III, стр. 281, 286, 299, 301, 305—306, 311—313, 315—319, 321—329).

Печатая особое обращеніе къ читателямъ, редакція имѣла въ виду не только оправдать свои дѣйствія передъ Тургеневымъ, но также увѣдомить своихъ подписчиковъ о статьяхъ, которыя предназначались для второй книжки *Современника* и случайно въ нее не попали. Первая статья — письмо А. Б. (см. статью 7-ую bis) и вторая — произведеніе Ѳеофилакта Косичкина, т. е. самого Пушкина (ср. статью 61-ую и 62-ую). „Статья Косичкина", замѣчаетъ П. О. Морозовъ: „въ *Современникъ* не появлялась и, кажется, вовсе не была написана: вѣроятно, Пушкинъ думалъ отвѣчать на ругательную рецензію *Сѣв‹ерной› Пчелы* о I-й кн‹игѣ› своего журнала, но потомъ рѣшилъ вовсе не говорить о Булгаринѣ и К°" (*А. С. Пушкинъ*. Сочиненія и поэмы. Изданіе Товарищества „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 620. — *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XIX — XX, стр. 150—155).

84.

[КЪ ПОВѢСТИ „НОСЪ"].

(Стр. 304).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые напечатана въ *Современникъ*, 1836 г., т. III, стр. 54.

Повѣсть „Носъ", начатая Гоголемъ въ 1832—1833-мъ году, была окончена имъ въ первой половинѣ марта 1835 г. Она была первоначально предназначена для *Московскаго Наблюдателя*, — только что разрѣшеннаго властями журнала, подъ редакціей В. П. Андросова и при ближайшемъ участіи С. П. Шевырева. Гоголь „сгоралъ желаніемъ приклеить свои труды" къ трудамъ москов-

lib.pushkinskijdom.ru

скихъ литераторовъ и намѣревался написать „вещь“, которая была бы хоть „сколько-нибудь лучше предшествующихъ произведеній: „Вечеровъ на хуторѣ“ и „Миргорода“. Обработавъ первую редакцію повѣсти, Гоголь отправилъ ее къ М. П. Погодину съ просьбою вернуть обратно, если изданіе журнала не состоится. Повѣсть въ печати не появилась, но и не была возвращена автору въ ближайшее время. Гоголь сталъ волноваться: то ему казалось, что посылка пропала на почтѣ; то приходила мысль, что *Наблюдатель* „не будетъ существовать“. Эти предположенія оказались, однако, невѣрными: повѣсть не была напечатана, потому что редакторы нашли ее „грязною“ [1]). Узнавъ о постигшей его неудачѣ, Гоголь, уже въ началѣ 1836-го года, вытребовалъ рукописи отъ Погодина, „немного передѣлалъ“ ее и представилъ на судъ петербургскихъ друзей 4-го апрѣля. „Субботы Жуковскаго процвѣтаютъ, но давно безъ писемъ твоихъ“, писалъ Вяземскій А. И. Тургеневу: „Одинъ Гоголь, котораго Жуковскій называетъ Гоголекъ, оживляетъ ихъ своими разсказами. Въ послѣднюю субботу читалъ онъ намъ повѣсть объ носѣ, который пропалъ съ лица неожиданно у какого-то коллежскаго ассесора и очутился послѣ въ Казанскомъ Соборѣ въ мундирѣ Министерства Просвѣщенія. Уморительно смѣшно! Много настоящаго humour. Коллежскій ассесоръ, встрѣтясь съ носомъ своимъ, говоритъ ему: „Удивляюсь, что нахожу васъ здѣсь; вамъ, кажется, должно бы знать свое мѣсто“ (Письмо отъ 9-го апрѣля 1836 г.). — Повѣсть, повидимому, вызвала общее одобреніе, и Пушкинъ охотно взялъ ее въ *Современникъ*, но эпизодъ въ Казанскомъ соборѣ, понравившійся Вяземскому, и нѣкоторыя другія мѣста

1) *В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1904 г., т. VII, стр. 410, 509, 612. — *В. И. Шенрокъ.* Матеріалы для біографіи Гоголя. М. 1898 г., т. IV, стр. 64—65.

lib.pushkinskijdom.ru

произведенія привлекли вниманіе цензуры. Цензурныхъ придирокъ опасался самъ Гоголь еще въ то время, когда имѣлъ дѣло съ редакціей *Московскаго Наблюдателя*; онъ писалъ Погодину 18-го марта 1835 г.: „Если въ случаѣ глупая цензура привяжется къ тому, что „Носъ“ не можетъ быть въ Казанской церкви, то, пожалуй, можно его перевести въ католическую. Впрочемъ я не думаю, чтобы она до такой степени ужъ выжила изъ ума“. При переработкѣ повѣсти Гоголь сохранилъ смущавшее его мѣсто, но, вѣроятно, вскорѣ выяснилось, что, во избѣжаніе столкновеній съ цензурою, необходимо его передѣлать, и Казанскій соборъ былъ замѣненъ гостинымъ дворомъ. „На этотъ послѣдній“, говоритъ Н. С. Тихонравовъ: „перенесена, нѣсколько неудачно, та обстановка, которую Гоголь первоначально далъ церковной паперти“. „Онъ ‹Ковалевъ› поспѣшилъ туда, пробрался сквозь рядъ нищихъ старухъ съ завязанными глазами и двумя отверстіями для глазъ, надъ которыми онъ прежде такъ смѣялся“ (*Н. В. Гоголь.* Сочиненія. Изданіе 10-ое. М. 1890 г., т. II, стр. 572. — *Современникъ,* 1836 г., т. III, стр. 63). Послѣ отъѣзда Гоголя за границу возникли новыя цензурныя осложненія, которыя приходилось улаживать одному Пушкину. Описаніе передней квартальнаго надзирателя, „чрезвычайнаго охотника до сахару“ и любителя государственныхъ ассигнацій, передней, „установленной сахарными головами, которыя нанесли къ нему изъ дружбы купцы“ [1]), — вотъ что̀ показалось предосудительнымъ членамъ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета. 27-го іюля цензоръ А. Л. Крыловъ писалъ Пушкину: „. . . можетъ быть я въ состояніи буду удержать... въ статьѣ Гоголя намеки о сахарѣ и ассигнаціяхъ; соблаговолите прислать ко мнѣ эту часть статьи; завтра

1) Цитата заимствована изъ рукописи Древлехранилища Погодина.

lib.pushkinskijdom.ru

вечеромъ я буду имѣть честь возвратить ее съ окончательнымъ заключеніемъ". Но попытка Крылова не вполнѣ достигла намѣченной цѣли: „Комитетъ согласился допустить шутку на предпочтеніе *Ассигнацій*, оставивъ однако исключеннымъ другое мѣсто *о Сахарѣ*" (Переписка, т. III, стр. 353—354.—*Н. В. Гоголь.* Письма, т. I, стр. 333, 335, 337, 338, 341, 345, 361.—*Н. В. Гоголь.* Сочиненія. Изданіе 10-ое. М. 1890 г., т. II, стр. 565—585.—*Современникъ*, 1836 г., т. III, стр. 54—90).

Повѣсть Гоголя произвела неблагопріятное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ читателей и сотрудниковъ *Современника*.

Въ Пушкинѣ, пишетъ Е. Ф. Розенъ все „неожиданное, небывалое, фантастически-уродливое, физически-отвратительное, не въ натурѣ, а въ разсказѣ возбуждало... смѣхъ... Изъ этой патологической (sic) черты въ Пушкинѣ я достаточно понялъ, почему онъ могъ... помѣстить въ своемъ журналѣ отвратительный „Носъ". Остается объяснить замѣчательную *рекомендацію* этого „Носа". Пушкинъ часто говаривалъ мнѣ: „Le Public a du bon sens", и однажды промолвилъ: „mais en fait du goût assez souvent — ни гугу!" Кромѣ таланта, который явно выказывался уже въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, и кромѣ того, что̀ соотвѣтствовало этой патологической чертѣ въ Пушкинѣ, онъ имѣлъ еще другія — и очень похвальныя — причины: поддерживать всѣмъ своимъ кредитомъ молодого автора" (*Сынъ Отечества*, 1847 г., кн. 6-ая, стр. 26—28).

Эта поддержка дала поводъ неизвѣстному лицу написать эпиграмму на Пушкина:

У Гоголя валялся «Носъ».
Отъ публики его онъ пряталъ,
Но вотъ вопросъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Кто *поднялъ носъ:*
И вздоръ, какъ дѣло, напечаталъ.

(*И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 262).

Иначе отнесся къ помѣщенію повѣсти „Носъ“ въ *Современникѣ* А. Ѳ. Писемскій. По его словамъ, „Пушкинъ, какъ чуткій эстетикъ, съ такой полной симпатіей встрѣтилъ „Носъ“ — разсказъ, повидимому, безъ мысли, безъ понятнаго даже сюжета, но въ которомъ онъ видѣлъ начало новаго направленія, чуждаго его направленію, однакожъ столь же истиннаго, столь же прочнаго — и это направленіе былъ юморъ, тотъ трезвый, разумный взглядъ на жизнь, освѣщенный смѣхомъ и принявшій полныя этою жизнью художественныя формы“ (*Отечественныя Записки,* 1855 г., т. CII, № 10, отд. III, стр. 58—59).

85.

МНѢНІЕ М. Е. ЛОБАНОВА О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ, КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Стр. 304—318).

Эта статья, сохранившаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 В, лл. 29—37 об., 42—50 об., впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 94—106, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 101—110.

Изъ первоначальныхъ варіантовъ наиболѣе интересенъ слѣдующій:

Стр. 306, строки 21—22: У насъ Библіотека (*для Чтенія*) перевела ее и хорошо сдѣлала. Но тутъ и надлежало

lib.pushkinskijdom.ru

остановиться. *Есть высоты съ которыхъ не должны падать сатирическія* [1]) *укоризны; — есть званія которыя налагаютъ на васъ обязанность умѣренности и благоприличія, независимо отъ надзора* [2]) *цензуры, sponte sua, sine lege.*

Михаилъ Евстафіевичъ Лобановъ (род. 8-го ноября 1787 г., ум. 5-го іюня 1846 г.), которому посвящена статья Пушкина, посредственный лирическій поэтъ, драматургъ и переводчикъ Расиновыхъ трагедій, служилъ въ Публичной Библіотекѣ, былъ избранъ въ члены Россійской Академіи (1828 г.), а, подъ конецъ жизни, состоялъ почетнымъ и даже дѣйствительнымъ членомъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности (1845 г.). Постоянный посѣтитель салона А. Н. Оленина, Лобановъ дружилъ съ Гнѣдичемъ, Загоскинымъ, Батюшковымъ; по своимъ литературнымъ воззрѣніямъ, былъ типичный „старовѣръ“, а по убѣжденіямъ политическимъ — ярый приверженецъ застоя, реакціонеръ въ родѣ Магницкаго, съ тою только разницею, что не имѣлъ никакого вліянія на ходъ дѣлъ государственныхъ. Въ 1835 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ произведеніе, которое считалъ своимъ лучшимъ трудомъ и надъ которымъ работалъ въ теченіе десяти лѣтъ, — трагедію „Борисъ Годуновъ“, представляющую неудачное сочетаніе старыхъ пріемовъ творчества съ новыми и причинившую не мало непріятностей автору. Критики отозвались о ней весьма неблагосклонно, и Михаилъ Евстафіевичъ, по выраженію П. А. Катенина, захворалъ „огорченнымъ самолюбіемъ“. Лобановъ осо-

1) *Первоначально было:* обвинительныя.
2) *Первоначально было:* законовъ.

lib.pushkinskijdom.ru

бенно негодовалъ на Бѣлинскаго за то, что онъ нашелъ трагедію бездушной, неестественной, ходульной, а автора пожалѣлъ, какъ человѣка „заматорѣвшаго въ устарѣвшихъ понятіяхъ“ и врасплохъ „застигнутаго потокомъ новыхъ мнѣній“. Этотъ „потокъ новыхъ мнѣній“ представлялся Лобанову „быстрымъ помойнымъ потокомъ“, который слѣдовало „придержать“ надежною плотиною.

Плотина и была сдѣлана въ видѣ знаменитаго „Мнѣнія о духѣ словесности“, гдѣ Лобановъ металъ громы и молніи противъ развращенныхъ поэтовъ и особенно противъ наглыхъ критиковъ, позволяющихъ себѣ „дерзкія и буйныя выходки, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и литературными заслугами“. Степенный академикъ предостерегалъ отъ увлеченія безстыдной французской словесностью и предлагалъ Россійской Академіи взять на себя обязанность высшаго цензурнаго органа и, „проникая всѣ ухищренія пишущихъ“, „обуздать дерзость языка“ и „разрушить превратность мнѣній“ въ литературѣ[1]).

Признавая новѣйшую французскую словесность опасной съ политической точки зрѣнія, Лобановъ слѣдовалъ примѣру А. С. Стурдзы, который еще въ іюнѣ 1835 года открыто назвалъ французскій романтизмъ „одушевленнымъ набатомъ всеобщаго мятежа, разстройства и безначалія“ (*Сѣверная Пчела,* 1835 г., № 124, стр. 496).

Пушкинъ низко цѣнилъ Лобанова, какъ писателя[2]),

---

1) Засѣданіе, бывшее въ Россійской Академіи 18 января 1836 г. СПб. 1836 г., стр. 17—27. — *Историческій Вѣстникъ*, 1880 г., т. II, № 8, стр. 667—709. — *В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 131—132, 537—540. — Переписка ‹Пушкина›, т. III, стр. 201.

2) См. письмо къ Л. С. Пушкину, отправленное изъ Одессы въ январѣ 1824 г.: „Кстати о гадости: читалъ я Федру Лобанова; хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради Маркиза Расина — перо вывали-

lib.pushkinskijdom.ru

но, не смотря на это, призналъ его мнѣніе „О духѣ словесности“ „заслуживающимъ особеннаго разбора, какъ по своей сущности, такъ и по важности мѣста, гдѣ оное было произнесено“. Дѣйствительно, обвиненіе въ невѣріи и въ безнравственности, предъявленное къ русскимъ литераторамъ въ стѣнахъ Академіи, при господствовавшемъ тогда суровомъ режимѣ, было весьма внушительно и могло имѣть нежелательныя послѣдствія[1]). Кромѣ того, парализовать вредное воздѣйствіе лобановской рѣчи на сильныхъ міра сего Пушкинъ считалъ своимъ долгомъ по мотивамъ личнаго характера. Онъ самъ, шесть лѣтъ тому назадъ, на страницахъ *Литературной Газеты*, безпощадно бичевалъ „жажду новизны и сильныхъ ощущеній“ и съ горестью свидѣтельствовалъ о появленіи „толпы людей темныхъ, съ позорными своими сказаніями“. „Журналы“, говорилъ онъ: „наполнились выписками изъ Видока. Поэтъ Гюго не постыдился въ немъ искать вдохновеній для романа, исполненнаго огня и грязи“. Сочиненія шпіона Видока, палача Сансона были въ глазахъ Пушкина „крайнимъ оскорбленіемъ общественнаго приличія“, и онъ обращалъ вниманіе „гражданской власти“ на „соблазнъ новаго рода, совершенно ускользнувшій отъ предусмотрѣнія законодательства“. Черезъ два года, въ письмѣ къ М. П. Погодину Пушкинъ старался „показать всю отвратительную подлость“ со-

---

лось изъ рукъ. И объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина.

Voulez-vous découvrir la trace de ses pas—
надѣешься найдти
Тезея жаркой слѣдъ иль темные пути

М‹ . . .› его въ риѳму! Вотъ какъ все переведено!“ (Переписка, т. I, стр. 94—95).

1) Ср. мнѣнія А. О. Круглаго и С. А. Венгерова (*Историческій Вѣстникъ*, 1880 г., т. II, № 8, стр. 709.—*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 538).

lib.pushkinskijdom.ru

временной ему французской литературы, а въ предисловіи къ „Пѣснямъ западныхъ славянъ“ (1832—1933 гг.) отмѣтилъ ея „глубокій и жалкій упадокъ“ (Переписка, т. II, стр. 389. — Настоящій томъ, №№ 37, 40, 74). Поэтому, высказанная Лобановымъ мысль о томъ, что французы, „въ ужасахъ революціи“, сроднились съ самыми „отвратительными“ зрѣлищами, съ самыми „разрушительными“ идеями, — какъ справедливо указалъ Н. О. Лернеръ, — была „вѣрный выводъ изъ предпосылки (о „безнравственности“ французской литературы)“, представляющей „отголосокъ“ убѣжденія, „возникновенію“ котораго „помогалъ самъ Пушкинъ“. Изъ „цензурныхъ и политическихъ опасеній“, а также по „необходимости съ тактическою осторожностью отказаться отъ доли своего прежняго мнѣнія“, Пушкинъ возражалъ Лобанову мягко и сдержанно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, убѣдительно выяснялъ фактическія неточности, допущенныя зарвавшимся въ своей „филиппикѣ“ академикомъ, и невозможность лишать писателей „законной свободы мысли“. Статья поэта была прочитана 18-го октября А. И. Тургеневымъ, который, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, писалъ князю П. А. Вяземскому: „Отъ Лобанова я ничего иного и не ожидалъ, особливо со временъ всѣхъ оподляющаго Уварова. Спасибо за скромный отвѣтъ, но сила въ самомъ воздержаніи“ (*Русская Старина*, 1911 г., № 10, стр. 28—30. — *В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 538—539. — Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ. — СПб. 1899 г., т. III, стр. 334).

Возраженіе Пушкина Лобанову не разъ привлекало вниманіе и журнальныхъ критиковъ, и ученыхъ изслѣдователей.

По поводу вторичнаго появленія Лобановской рѣчи въ *Трудахъ Россійской Академіи* (1840 г., ч. III, стр. 87—97)

lib.pushkinskijdom.ru

писалъ В. Г. Бѣлинскій[1]). Онъ считалъ „Мнѣніе о духѣ словесности“ явленіемъ весьма интереснымъ. „Кромѣ литературнаго и академическаго значенія, эта статья имѣетъ еще и значеніе историческое: это собственно рѣчь, читанная почтеннымъ авторомъ въ Императорской Россійской Академіи 18 января 1836 г. и разобранная Пушкинымъ въ его Современникѣ 1836 г. Хотя мы и не согласны съ мнѣніемъ великаго поэта, будто-бы „форма этой рѣчи была неопредѣленная и вовсе не академическая“ и будто бы это была „краткая статья, въ родѣ *журнальныхъ отмѣтокъ*, помѣщавшихся въ то время въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду* издателемъ ихъ, покойнымъ Воейковымъ“, но тѣмъ не менѣе намъ кажется, что разборъ рѣчи г. Лобанова, написанный Пушкинымъ, было бы кстати напечатать вмѣстѣ съ самою рѣчью, въ этомъ же III-мъ томѣ „Трудовъ Императорской Россійской Академіи“, тѣмъ болѣе, что Пушкинъ самъ былъ членомъ этой академіи“. — Далѣе Бѣлинскій развиваетъ мысль Пушкина о фактическихъ неточностяхъ въ рѣчи Лобанова: на русскихъ писателяхъ болѣе замѣтно вліяніе нѣмецкой и англійской литературы, чѣмъ французской романтической школы, и ни въ одномъ русскомъ журналѣ Ломоносовъ не называется педантомъ и нельзя замѣтить глумленія надъ Карамзинымъ (*В. Г. Бѣлинскій.* Полное собраніе сочиненій. СПб. 1901 г., т. V, стр. 524—525).

Послѣ Бѣлинскаго важное значеніе пушкинской статьи подчеркнуто М. И. Сухомлиновымъ, который писалъ: „Живымъ протестомъ противъ обвиненій, взводимыхъ на литературу членомъ Россійской Академіи, служитъ превосходная статья Пушкина. Вопреки стре-

1) Первый похвалилъ статью Пушкина Ѳ. А. Булгаринъ, назвавшій ее „дѣльной и хорошо написанной“ (*Сѣверная Пчела*, 1836 г., № 256, стр. 1024).

lib.pushkinskijdom.ru

мленіямъ сдѣлать изъ академіи вѣрную союзницу и сподвижницу цензуры, Пушкинъ выражаетъ желаніе, чтобы Россійская Академія *оживила* отечественную словесность и, *не стѣсняя мысли писателей,* достойныхъ изъ нихъ награждала своимъ дѣятельнымъ покровительствомъ, а недостойныхъ наказывала однимъ своимъ невниманіемъ" (*М. И. Сухомлиновъ.* Исторія Россійской Академіи. СПб. 1888 г., т. VIII, стр. 359).

— (*Стр. 306, строка 9*). Eugène Sue (род. въ 1804 г., ум. въ 1857 г.)— извѣстный романистъ, авторъ „Парижскихъ Тайнъ", „Вѣчнаго Жида" и многочисленныхъ повѣстей и разсказовъ изъ морской жизни. Въ тридцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія произведенія Сю переводились на русскій языкъ, но отношеніе къ нимъ журнальныхъ критиковъ было не вполнѣ сочувственное. (Ср. *Московскій Телеграфъ*, 1833 г., № 5, стр. 113—117; № 6, стр. 173—189; № 7, стр. 324—347).

— (*Стр. 306, строка 21*). Статья *Эдинбургскаго Обозрѣнія* о „нынѣшней французской словесности" была заимствована редакторомъ *Библіотеки для Чтенія* изъ нѣмецкаго журнала *Magazin für ausländische Litteratur* (*Библіотека для Чтенія*, 1834 г., т. I, отд. II, стр. 52—78).

— (*Стр. 306, строка 34 — стр. 307, строка 4*). Объ упомянутыхъ Пушкинымъ французскихъ поэтахъ, мыслителяхъ и историкахъ см. примѣчанія къ статьямъ №№ 35, 56, 64, 71, 81.

— (*Стр. 307, строки 3—4*). Henry Hallam (род. въ 1777 г., ум. въ 1859 г.)— англійскій историкъ.

— (*Стр. 307, строка 12*). „Новизна и сильныя впечатлѣнія" — одно изъ любимыхъ выраженій Пушкина. См. настоящій томъ, № 37, стр. 80, строка 15—16.

— (*Стр. 307, строки 32—34*). Alain-René Le Sage (род. 8-го мая 1668 г., ум. 17 ноября 1747 г.)—французскій сатирикъ.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 308, строки 5—9*). Сентиментально-фантастическіе романы, въ которыхъ „шла рѣчь о рыцаряхъ, разбойникахъ, убійствахъ и привидѣніяхъ“, были очень популярны у насъ въ Александровскую эпоху. Объ этихъ произведеніяхъ см. монографію Карла Мюллера: „Die Ritter- und Räuberromane“ (Halle, 1894) и очеркъ Н. К. Козмина: „О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго“ (СПб. 1904 г.).

Недовольство разбойничьими романами рѣзко проявилось въ перепискѣ Лобанова съ Гнѣдичемъ. Вотъ что сообщалъ изъ Петербурга Михаилъ Евстафіевичъ своему другу, лѣчившемуся въ Одессѣ, въ началѣ 1828 г.: „Нелѣпицу, чепуху и дребедень продолжаютъ у насъ называть романтизмомъ; мода на разбойниковъ свирѣпствуетъ; въ журналахъ, въ альманахахъ, у Туньера, у Кіарини, въ прозѣ, въ стихахъ — вездѣ разбойники. Между прочимъ, „Разбойниковъ“ Шиллера играли по три раза въ недѣлю. У насъ въ городѣ много увеселеній: кромѣ спектаклей на четырехъ языкахъ, Туньеръ и Кіарини на Симеоновскомъ театрѣ забавляютъ публику на перерывъ. Послѣдній, послѣ прекраснѣйшаго и едва ли ни (sic) единственнаго въ своемъ родѣ прыганья и кувырканья на веревкахъ, даетъ разныя мимическіе фарсы и моритъ всѣхъ со смѣху. Тутъ ходятъ на головахъ, ходятъ и безъ головы, летаютъ по воздуху: черти, чудовища, привидѣнія — всѣ въ работѣ!...“ (*Историческій Вѣстникъ*, 1880 г., т. II, № 8, стр. 679—680).

— (*Стр. 308, строки 10—12, 34*). Возражая Лобанову, Пушкинъ ссылается на статью „О движеніи Журнальной Литературы“, помѣщенную въ *Современникѣ* (т. I, стр. 192—225). Авторъ этой статьи, Гоголь, пишетъ: „Въ литературѣ всей Европѣ распространялся безпокойный, волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, без-

lib.pushkinskijdom.ru

связныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя — слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались".

— (*Стр. 308, строки 23—25*). Пушкинъ не разъ опровергалъ теорію, согласно которой „польза есть условіе и цѣль изящной словесности". См. примѣчанія къ № 56.

— (*Стр. 308, строки 26—29*). „Объ уродливо-комическомъ" (le grotesque), какъ особенности новаго искусства, говорилъ Викторъ Гюго: „Aussi voilà un principe étranger à l'antiquité, un type nouveau introduit dans la poésie... Ce type, c'est le grotesque... Dans la pensée des modernes... le grotesque a un rôle immense. Il y est partout; d'une part, il crée le difforme et l'horrible; de l'autre, le comique et le bouffon. Il attache autour de la religion mille superstitions originales, autour de la poésie mille imaginations pittoresques" (*M. Souriau.* La Préface de Cromwell. Cinquième édition, pp. 192, 199). Эти разсужденія главы французскихъ романтиковъ, въ русскомъ переводѣ, напечатанныя на страницахъ *Московскаго Телеграфа* (1832 г., № 19, стр. 310—311, 314), казались Полевому „смѣлыми, блестящими", но не вполнѣ вѣрными, и вызвали рѣзкое замѣчаніе въ *Телескопѣ*. По мнѣнію неизвѣстнаго рецензента, можетъ быть самого Надеждина, „пылкій" Гюго, въ „Предисловіи къ Кромвелю", „замечтался до того, что постановилъ первообразомъ для новой, проповѣдуемой имъ реформаціи въ поэзіи — не изящество, а... чудовищность, нелѣпость, безобразіе" (*Телескопъ,* 1831 г., ч. I, № 3, стр. 402).

— (*Стр. 309, строки 5—6*). François-Thomas-Marie de Baculard d'Arnaud (род. въ 1718 г., ум. въ 1805 г.) и Marie Cottin (Sophie Ristaud) (род. въ 1773 г., ум. въ 1807 г.) — авторы многочисленныхъ романовъ, весьма популярныхъ у насъ въ Екатерининскую и Александровскую эпохи.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 309, строка 9*). Въ письмѣ къ К. Ф. Цельтеру отъ 28-го іюня 1831 г. Гете даетъ отрицательный отзывъ о современной французской литературѣ: „Von der neusten französischen Romanenlectüre und ihrem nächsten Kreise will ich nur so viel sagen: es ist eine Literatur der Verzweiflung, woraus nach und nach alles Wahre, Ästhetische sich von selbst verbannt“ (Goethes Briefe. Weimar, 1909, 48 Band, SS. 259—260, 242).

— (*Стр. 309, строки 9—10*). Злѣйшій врагъ Байрона, „поэтъ-лауреатъ“ Робертъ Соути въ предисловіи къ одѣ „A Vision of Judgment“ позорилъ пѣвца „міровой скорби“, какъ главу сатанинской школы безбожныхъ и развратныхъ поэтовъ: „The school which they have set up may properly be called the Satanic school; for though their productions breathe the spirit of Belial in their lascivious parts, and the spirit of Moloch in those loathsome images of atrocities and horrors which they delight to represent, they are more especially characterized by a Satanic spirit of pride and audacious impiety, which still bettrays the wretched feeling of hopelessness wherewith it is allied“ (*Robert Southey*. The poetical works. Paris, 1829, p. 587).

— (*Стр. 309, строки 10—13*). Противникомъ русскихъ поэтовъ-байронистовъ былъ Н. И. Надеждинъ. „Всѣ ихъ герои“, писалъ онъ: „суть или ожесточенные изверги, или заматорѣвшіе въ бездѣльничествахъ повѣсы. Главнѣйшими изъ пружинъ, приводящими въ движеніе весь піитическій машинизмъ ихъ, обыкновенно бываютъ: пуншъ, аи, бордо, дамскія ножки, будуарное удальство, площадное подвижничество“ (*Вѣстникъ Европы*, 1828 г., № 22, стр. 88).

— (*Стр. 309, строка 24*). Онорэ Бальзакъ (род. въ 1799 г., ум. въ 1850 г.), не служившій, по мнѣнію Пушкина, образцомъ для нашихъ романистовъ, все-таки пользовался симпатіями нашихъ читателей. Въ *Сынъ Оте-*

lib.pushkinskijdom.ru

чества (1832—1833 гг.), *Телескопъ* (1831—1835 гг.), и въ отдѣльныхъ изданіяхъ напечатаны переводы многихъ произведеній Бальзака, который считался поэтомъ съ „неоспоримымъ“ дарованіемъ (*Московскій Телеграфъ*, 1832 г., № 19, стр. 397.—Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л. 1927 г., стр. 245—249).

— (*Стр. 309, строки 24—27*). Пушкинъ часто указывалъ вредъ французскаго вліянія на русскую литературу. „Англійская словесность“, писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу 27-го іюня 1822 г.: „начинаетъ имѣть вліяніе на Русскую. Думаю что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи робкой и жеманной“. Противъ послѣдней высказался поэтъ и въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому отъ 6-го февраля 1823 г.: „Французская болѣзнь умертвила бъ нашу отроческую словесность“ (Переписка, т. I, стр. 47, 67).—Наоборотъ, воздѣйствіе германской поэзіи представлялось Пушкину благотворнымъ, особенно когда онъ читалъ переводы Жуковскаго.

— (*Стр. 310, строки 13—14*). О словѣ „безталанный“ см. примѣчанія къ статьѣ № 81.

— (*Стр. 310, строки 18—19*). Отзывы Пушкина о русской критикѣ приведены въ примѣчаніяхъ къ статьѣ № 48.

— (*Стр. 310, строки 21—24*). Въ статьѣ „Исторія русскаго народа“ Пушкинъ говоритъ: „Уваженіе къ именамъ, освященнымъ славою, не есть подлость (какъ осмѣлился кто-то напечатать), но первый признакъ ума просвѣщеннаго“ (Настоящій томъ, стр. 66, строки 24—29.—Ср. тамъ же, стр. 39, строки 9—10, 18—22).

— (*Стр. 311, строки 6—10*). О московскихъ послѣдователяхъ германской философіи см. настоящій томъ, стр. 174, строки 32 и слѣд.

— (*Стр. 312, строка 28—стр. 313, строка 23*). Вопросъ о цензурѣ поднятъ Пушкинымъ также въ X главѣ статьи: „Мысли на дорогѣ“.

lib.pushkinskijdom.ru

86.

ВОЛЬТЕРЪ

(Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses, etc. Paris, 1836).

(Стр. 314—322).

Эта статья, извѣстная въ рукописи б. Румянцовского Музея № 2386 В, лл. 11—22, 68—57, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 158—169, и перепечатана въ посмертномъ изданіи, т. VIII, стр. 237—249, и въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 605—613.

Автографъ содержитъ лишь мелкіе варіанты, а текстъ *Современника* не можетъ быть названъ исправнымъ. Еще Анненковъ указалъ двѣ описки самого Пушкина: „помѣстье де-Бросса носило имя Tournay, а не Tournoy, и извѣстная жертва французской юстиціи называлась Каласъ, а не Коласъ, какъ написалъ Пушкинъ“ (Изданіе Анненкова, т. V, стр. 636).

Своею статьею Пушкинъ хотѣлъ ознакомить русскихъ читателей съ содержаніемъ только что изданной Фуассе (Th. Foisset) переписки Вольтера съ президентомъ Дижонскаго парламента Карломъ де-Броссъ (род. въ 1709 г., ум. въ 1777 г.). Эта переписка, озаглавленная: „Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le président de Brosses et autres personnages“ (Paris, 1836), была прислана Пушкину А. И. Тургеневымъ, который разсказываетъ объ этомъ въ „Хроникѣ Русскаго“ 21-го марта 1836 г.: „Началъ читать на дняхъ вышедшую „Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le président de Brosses, etc. etc.“ Не хочется оторваться; но для милаго дружка чего не оторвешь отъ себя, кромѣ сердца, и того, что въ немъ есть неотрывнаго“ (*Современникъ* 1836 г., т. IV, стр. 243. — Ср. *Пушкинъ*

lib.pushkinskijdom.ru

и его современники, вв. IX—X. СПб. 1910 г., стр. 360, № 1490). Книга Фуассе заинтересовала нашего поэта, и онъ хотѣлъ обратить на нее вниманіе П. Я. Чаадаева. „Avez-vous lu“, спрашивалъ его Пушкинъ: „le 3-me № du Современникъ? l'article Voltaire et John Tanner sont de moi“ (Переписка, т. III, стр. 389: письмо отъ 19-го октября 1836 г.).

Переписка Вольтера съ де-Броссомъ относится къ 1758-му году. Въ это время Вольтеръ, по свидѣтельству его секретаря Коллини, сталъ тяготиться скитальческой жизнью и задумываться о мирномъ пристанищѣ на старость. „Сначала“, пишетъ Давидъ Штраусъ: „онъ ‹Вольтеръ› облюбовалъ дачу близъ Лозанны, по имени Монріонъ, затѣмъ имѣніе съ дачей вблизи Женевы, которое тогда называлось Сюръ-Сенъ-Жанъ; оба эти помѣстья онъ пріобрѣлъ въ пожизненное владѣніе, а затѣмъ купилъ еще домъ въ самой Лозаннѣ, и слѣдующіе годы нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ проводилъ въ Лозаннѣ, другую часть на дачѣ близъ Женевы ‹Les Délices›... Однако, для живой натуры Вольтера, которая кромѣ умственнаго труда требовала еще и внѣшней дѣятельности, оба маленькія помѣстья... еще не представляли достаточно широкой арены. Если прежде онъ находилъ удовольствіе въ банковыхъ и торговыхъ спекуляціяхъ, то теперь у него появилось желаніе сдѣлаться земельнымъ собственникомъ. Къ этому присоединилось еще и другое соображеніе. Монріонъ лежалъ въ бернской, а Délices въ женевской области; философу, говаривалъ Вольтеръ, всегда надобно имѣть двѣ или три подземныхъ норы противъ преслѣдующихъ его собакъ. Если бы онъ еще пріобрѣлъ себѣ нору на прилегающей французской территоріи, то въ случаѣ чего у него былъ бы выборъ между тремя странами. И, дѣйствительно, въ 1758 году представился случай пріобрѣсти въ пограничной французской мѣстности Гэ,

lib.pushkinskijdom.ru

между женевскимъ озеромъ и французской Юрою, два болѣе крупныхъ имѣнія. Земля была въ запущенномъ состояніи: отмѣна нантскаго эдикта прогнала отсюда много самыхъ прилежныхъ работниковъ—многіе участки лежали даже необработанными, но это-то именно и занимало Вольтера; ему хотѣлось какъ разъ воскресить къ жизни и поднять брошенную мѣстность. Такъ онъ купилъ сначала у президента де-Бросса замокъ и имѣніе Турней, близъ западнаго берега озера, опять-таки пожизненно и на довольно непріятныхъ условіяхъ, такъ что, повидимому, вскорѣ раскаялся въ своей покупкѣ; дѣло въ томъ, что онъ всякими правдами и кривдами старался потомъ поправить дѣло, но ничего не могъ добиться у столь опытнаго юриста, съ какимъ ему пришлось имѣть дѣло. Въ томъ же году онъ купилъ лежащее глубже имѣніе Ферней; оба помѣстья, пожалуй, занимали площадь въ квадратную милю. Вольтеръ называетъ Ферней совершенно свободнымъ владѣніемъ, подобнаго которому нѣтъ второго во всемъ королевствѣ. Мы видимъ, что послѣ того, какъ Вольтеръ долженъ былъ оставить надежду жить въ милости у королей, онъ стремился самъ стать королемъ на своей землѣ. Нѣсколько лѣтъ еще Вольтеръ мѣняетъ мѣсто среди этихъ четырехъ помѣстій, иногда даже дѣлаетъ еще и небольшія путешествія, напр., лѣтомъ 1758 г. въ Маннгеймъ. Затѣмъ онъ освобождается отъ имѣній въ Женевѣ и Лозаннѣ, наконецъ сдаетъ въ наймы Турней, и затѣмъ слѣдуютъ годы, когда онъ болѣе всего дорожитъ прозвищемъ „фернейскаго патріарха“ (*Д. Штраусъ*. Вольтеръ. Переводъ съ 8-го изданія. СПб. 1909 г., стр. 142—143).

— (*Стр. 31, строка 11*). „Предметъ нашихъ изученій и восторговъ“ — одно изъ любимыхъ выраженій Пушкина. См. настоящій томъ, стр. 123, строка 17.

— (*Стр. 315, строка 14 — стр. 316, строка 30*). При-

lib.pushkinskijdom.ru

веденныя Пушкинымъ письма Вольтера и де-Бросса напечатаны въ книгѣ Фуассе, стр. 5—8.

— (*Стр. 316, строка 29*). Charles-Augustin de Ferriol, comte d'Argental (род. въ 1700 г., ум. въ 1788 г.) — пламенный поклонникъ и другъ Вольтера, часто дававшій послѣднему совѣты въ литературной области.

— (*Стр. 317, строка 17—стр. 318, строка 16*). О ссорѣ Вольтера съ президентомъ Дижонскаго парламента Г. Лансонъ пишетъ слѣдующее: „Вольтеръ часто пользовался своимъ геніемъ и могуществомъ для удовлетворенія своихъ личныхъ страстей. Ведя войну въ защиту разума и человѣчности, онъ выступилъ въ роли пирата ради собственныхъ интересовъ. Занятый множествомъ дѣлъ, онъ всегда находилъ свободное время, чтобы суетиться то съ тѣмъ, то съ другимъ, съ крупными и мелкими, хорошими и дурными, талантливыми и бездарными людьми, имѣвшими несчастіе задѣть его самолюбіе или возбудить въ немъ ревность. Его пререканія съ президентомъ де-Броссомъ, помѣщикомъ Турнэ, — цѣлая комедія: Вольтеръ упорно не хочетъ заплатить за взятые имъ нѣсколько возовъ дровъ и настаиваетъ, что платить за нихъ долженъ президентъ. Они обмѣниваются наглыми, рѣзкими, ругательными письмами; президентъ остроумно высказываетъ Вольтеру нѣсколько непріятныхъ истинъ; за это Вольтеръ честитъ его не иначе, какъ „мерзавцемъ“; за то, что президентъ не пожелалъ заплатить за дрова, которыя сжегъ его постоялецъ, онъ поплатился академическимъ кресломъ: мстительный философъ возмутилъ противъ него всю партію энциклопедистовъ“ (*Г. Лансонъ*. Исторія французской литературы. XVIII вѣкъ. Переводъ П. О. Морозова. СПб. 1899 г., стр. 139).

— (*Стр. 317, строки 22—23*). Elie-Catherine Fréron (род. въ 1719 г., ум. въ 1776 г.) — французскій критикъ, отличавшійся полемической горячностью и имѣвшій

lib.pushkinskijdom.ru

схватки съ Вольтеромъ. Фреронъ, говоритъ Д. Штраусъ, „бѣжалъ рядомъ съ Вольтеромъ по всему его литературному пути въ видѣ бѣшеной собаки и зато, конечно, увѣковѣченъ Вольтеромъ во всѣхъ видахъ, въ прозѣ и въ стихахъ, въ эпосѣ и въ драмѣ. Конечно, во многихъ своихъ нападкахъ, напр‹имѣръ›, въ ѣдкомъ осужденіи придворной поэзіи Вольтера и въ разоблаченіи многихъ пятенъ его характера, Фреронъ былъ, къ сожалѣнію, правъ; тѣмъ не менѣе Вольтеръ, въ концѣ концовъ, все-таки перетягивалъ насмѣшниковъ на свою сторону, а паразитное существованіе лающагося литератора во всякомъ случаѣ не могло выдерживать конкуренціи со столь продуктивной дѣятельностью, какова была дѣятельность Вольтера... Извѣстенъ стихъ противъ Фрерона:

Недавно на лугу прохладномъ и большомъ
Змѣя Фрерона въ ногу укусила,
И что-жъ произошло? Змѣя ужъ опочила,
Но здравъ и цѣлъ еще Фреронъ[1]).

Этотъ стихъ представляетъ собою подражаніе эпиграммѣ изъ греческой антологіи, и принадлежность его перу Вольтера подвергается сильнымъ сомнѣніямъ. Но во всякомъ случаѣ за этотъ стихъ ему не приходилось бы краснѣть, какъ за многіе другіе стихи его издѣлія“ (*Д. Штраусъ.* Вольтеръ. СПб. 1909 г., стр. 87—88)[2]).

---

1) L'autre jour, au fond d'un vallon,
Un serpent mordit Jean Fréron;
Que pensez-vous qu'il arrriva?
Ce fut le serpent qui creva.

2) В. А. Жуковскій относилъ Фрерона къ числу „завистниковъ, ядовитыхъ пасквилянтовъ, непріятелей славы“, „которые вооружаются критикою не для пользы вкуса, а въ угожденіе собственнымъ своимъ страстямъ: зависти, мщенію и пр.“ (*Вѣстникъ Европы* 1809 г., ч. XLVIII, № 21, отд. II, стр. 45).

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ хорошо зналъ „авторскую спѣсь“, „литературныя сплетни и интриги“, процвѣтавшія въ „прославленномъ вѣкѣ философіи“ и въ письмѣ къ П. А. Вяземскому (мартъ 1820 г.) замѣтилъ: „Тогда ссора Фрерона и Вольтера занимала Европу, но теперь этимъ не удивишь; что ни говори вѣкъ нашъ не вѣкъ поэтовъ“... (Переписка, т. I, стр. 15).

— (*Стр. 317, строки 23—26*). Цитируемыя Пушкинымъ выраженія Вольтера взяты изъ письма философа къ де-Рюффе отъ 7-го октября 1761 г. (*Voltaire.* Correspondance avec Frédéric II, le président de Brosses et autres personnages. Paris. 1836, p. 148).

— (*Стр. 317, строка 33*). „Orandum est ut sit mens sana in corpore sano“ — 356-ой стихъ X сатиры Децима Юнія Ювенала. Въ письмѣ де-Бросса къ Вольтеру это изреченіе почему-то приписывается Персію. „Je vous fais, Monsieur“, пишетъ президентъ въ концѣ октября 1761 г.: „le souhait de Perse: *Mens sana in corpore sano*“ (*Voltaire.* Correspondance inédite avec Frédéric II, le président de Brosses et autres personnages. Paris, 1836, p. 166).

— (*Стр. 318, строка 2*). Gilles-Germain-Richard de Ruffey (род. въ 1706 г., ум. въ 1794 г.), — французскій литераторъ, бывшій почетнымъ президентомъ дижонской контрольной палаты.

— (*Стр. 318, строки 7—8*). Басня Лафонтена, на которую ссылается Рюффе,—„L'Huître et les Plaideurs“; „Скапиновы Обманы“ („Les Fourberies de Scapin“) — комедія Мольера.

— (*Стр. 318, строка 20 — стр. 319, строка 8*). Отрывокъ изъ предисловія Фуассе, переведенный Пушкинымъ, находится на страницахъ III—IV изданія „Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le président de Brosses et autres personnages“ (1836).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 319, строки 7—8*). Письмо Вольтера къ де-Броссу о „дракѣ въ кабакѣ“ написано 30-го января 1761 г. и напечатано въ „Correspondance“ (pp. 129—132, № XL).

— (*Стр. 319, строки 9—26*). Стихи Вольтера: „Vos rosiers sont dans mes jardins“ etc., представляютъ собою начало письма къ де-Рюффе отъ 3-го марта 1759 г. („Correspondance“, p. 323).

— (*Стр. 320, строки 4—32*). Пушкинъ разсказываетъ объ извѣстномъ столкновеніи Вольтера съ прусскимъ королемъ Фридрихомъ II.

— (*Стр. 320, строки 17—21*). Цитата изъ письма Вольтера къ д'Аржанталю была выписана Пушкинымъ по-французски на четверкѣ бумаги съ водянымъ знакомъ *1834* и затѣмъ вставлена въ статью уже на русскомъ языкѣ. Впервые съ Пушкинскаго автографа цитата напечатана И. А. Шляпкинымъ: „Je tâche de n'en rien croire, mais j'ai peur d'être comme les cocus, qui s'efforcent à penser que leurs femmes sont très fideles. Les pauvres gens sentent au fond de leur coeur quelque chose qui les avertit de leur desastre. Ce dont je suis très sur c'est que mon gracieux maître m'a honoré d'un bon coup de dents dans les mémoires“ (*И. А. Шляпкинъ*. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 120—121).

— (*Стр. 321, строки 23—28*). Къ 1-му января 1752 г., ровно черезъ недѣлю послѣ сожженія на берлинскихъ площадяхъ „Діатрибы доктора Акакія“, Вольтеръ препроводилъ Фридриху II каммергерскій ключъ и орденъ pour le mérite, съ трогательными стихами, гдѣ уподоблялъ себя влюбленному, который, „ища навѣкъ забвенья, любимой свой портретъ обратно отсылаетъ“. По словамъ Давида Штрауса, „это было уже больше того, чего желалъ Фридрихъ“, который не замедлилъ вернуть Вольтеру ключъ и орденъ и даже пригласилъ его въ Потс-

lib.pushkinskijdom.ru

дамъ. Но взаимныя отношенія короля и философа все-таки не наладились. Сближенію препятствовалъ цѣлый рядъ неудачно сложившихся обстоятельствъ. И 1-го іюня 1753 г. прусскій военный совѣтникъ и резидентъ во Франкфуртѣ на Майнѣ Фрейтагъ именемъ Фридриха потребовалъ отъ Вольтера пожалованные ему знаки отличія, которые и были безпрекословно выданы.

87.

ѲРАКІЙСКІЯ ЭЛЕГІИ,

стихотворенія Виктора Теплякова. 1836.

(Стр. 322—335).

Эта статья, находящаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2386 В, лл. 23—24, 26, 53, 55, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 170—186, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 624—631.

Среди первоначальныхъ варіантовъ автографа одинъ обращаетъ на себя вниманіе.

Стр. 322, строка, 14: *Такъ Брюловъ усыпляя нарочно свою творческую силу*[1]*, съ пламеннымъ и благороднымъ*[2] *подобостр‹аст›іемъ списывалъ Аѳинскую школу Рафаеля. А между тѣмъ въ головѣ его уже шаталась поколебленная*[3] *Помпея, кумиры падали народъ бѣжалъ по улицѣ*[4] *чудно освѣщенной Волканомъ —*

1) Первоначально было: забывъ о своей творческой силѣ.
2) Первоначально было: смиреннымъ.
3) Первоначально было: освѣщенная Волканомъ.
4) Первоначально было: по стѣсненной улицѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

Статья Пушкина была написана по поводу выхода въ свѣтъ второго тома „Стихотвореній“ Виктора Григорьевича Теплякова (род. 15-го августа 1804 г., ум. 2-го октября 1842 г.). Этотъ лирикъ называлъ себя „однимъ изъ усерднѣйшихъ поклонниковъ“ Пушкина, относился къ нему съ благоговѣніемъ и составилъ записки о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ[1]). „Викторъ Григорьевичъ“, говоритъ его біографъ Ѳ. А. Бычковъ: „живо интересовался всѣмъ, что касалось великаго поэта, и лица, съ которыми Тепляковъ находился въ перепискѣ, сообщали ему свѣдѣнія объ его „великомъ учителѣ“, какъ всегда называлъ онъ А. С. Пушкина“. Послѣдній, со своей стороны, платилъ ему дань дружескаго вниманія. 7-го іюня 1830 г., встрѣтившись съ профессоромъ М. П. Розбергомъ, Пушкинъ „очень обрадовался“ и „долго разспрашивалъ“ его объ Одессѣ и о Тепляковѣ, „когда узналъ, что ⟨они⟩ знакомы и жили въ одномъ домѣ“ (*Историческій Вѣстникъ*, 1887 г., № 7, стр. 18—19).

Первый томъ стихотвореній Теплякова былъ изданъ въ 1832 г. и вызвалъ интересную рецензію Н. И. Надеждина, который призналъ въ нихъ „отзвуки той же самой настроенности, коей гармоническій *Requiem* слышали въ послѣднихъ аккордахъ звучной лиры Пушкина“. „Стихотворенія Г. Теплякова“, писалъ критикъ: „отличаются роскошью поэтической живописи. Въ нихъ преобладаетъ воображеніе могущественное, смѣлое, яркое. Языкъ возведенъ до высочайшей степени изобразительнаго великолѣпія“. Далѣе, проводя параллель между Пушкинымъ и Тепляковымъ, Надеждинъ продолжаетъ: „Различіе въ яркости выраженія неоспоримо должно отнести къ личному, характеристическому различію обоихъ поэтовъ.

1) Записки напечатаны А. Греномъ въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ*, 1857 г., № 1, стр. 25—27, № 6, стр. 221—225, и въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, 1861 г., № 14, стр. 310—314.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ самыя блестящія минуты своихъ первыхъ вдохновеній, Пушкинъ больше рисовалъ, чѣмъ разцвѣчивалъ свои картины. У Теплякова напротивъ господствуетъ колоритъ. Отсюда стихотворенія Пушкина легки, прозрачны, воздушны; стихотворенія Теплякова напротивъ обременены красками, сгущающимися нерѣдко до мрачности... Мы конечно слишкомъ далеки отъ того, чтобы новаго, только что явившагося выходца, поставить на одну доску съ заслуженнымъ корифеемъ нашей словесности; но при всемъ томъ признаемся, что талантъ Теплякова, по нашему крайнему разумѣнію, кажется, обѣщаетъ въ себѣ достойное продолженіе таланта Пушкина. Если онъ не будетъ такъ живъ, такъ богатъ, такъ затѣйливъ, то, съ другой стороны, можетъ превзойти его великолѣпіемъ и пышностью поэтическаго убранства. Но это все не обогатитъ нашей бѣдной словесности никакимъ важнымъ пріобрѣтеніемъ. Въ стихотвореніяхъ Теплякова, несмотря на ихъ наружный ослѣпительный блескъ, замѣчательно отсутствіе самобытнаго, могущественнаго родотворно-зиждительнаго вдохновенія, которое одно производитъ для вѣчности. Новый поэтъ можетъ продолжать для насъ эпоху Пушкина, можетъ наполнить болѣе или менѣе яркими, искусственными блестками ужасную пустоту нашей словесности; но — не осѣменитъ ее для новой, самобытной, самопроизводительной жизни"! (*Телескопъ*, 1832 г., ч. IX, № 9, стр. 118—122).

Осенью 1836-го года вышелъ въ свѣтъ второй томъ стихотвореній Теплякова. Первоначальное предисловіе къ этому тому принадлежало автору, но потомъ оно замѣнено другимъ, написаннымъ В. Ѳ. Одоевскимъ, который взялъ на себя хлопоты по изданію.

„Если", говоритъ Одоевскій: „съ душой, жаждущей первобытной простоты и естественности, вы пожелаете сопровождать странника въ очарованный край Востока,

lib.pushkinskijdom.ru

упиться цвѣтами и звуками любимой Богомъ природы; если не взирая на *эротизмъ* и себялюбіе вѣка, „нравоучителя, подобно Сенекѣ, скаредному ростовщику“—вы захотите погрузиться думою въ смыслъ исторіи, ускользнувшій отъ человѣческихъ лѣтописей и столь глубокій, столь краснорѣчивый на пощаженныхъ тысячелѣтіями обломкахъ; если ваше сердце не безмолвно при громѣ роднаго оружія, вѣнчаннаго столь еще недавно лаврами Орфеевой родины; если для васъ, также какъ для автора, минувшее есть достовѣрнѣйшій пророкъ будущаго — то, слѣдуйте смѣло за пилигримомъ! Съ корабля, осаждаемаго бунтующими волнами, онъ поведетъ васъ на пиръ вѣчно улыбающейся природы; отъ хаоса развалинъ, поражающихъ душу однимъ отголоскомъ жильцовъ нѣкогда нашего, и ужъ давно не нашего міра—въ средину военнаго стана, гдѣ смерть ходитъ объ руку съ безпечной, съ разнообразной, съ кипучею жизнію. На пепелищѣ народовъ — онъ очеркнетъ вамъ картину ихъ патріархальнаго быта; на ихъ могилѣ — коснется цѣпи безсмертныхъ воспоминаній, проникнутыхъ столь еще недавнимъ блескомъ родимыхъ доблестей. Оттуда, на бурномъ скакунѣ Бедуинскомъ, онъ умчитъ ваше воображеніе къ независимости покорнаго одному только Промыслу человѣка; а оттуда — на поля, гдѣ орлы русскіе парятъ надъ кипящими отвагою тысячами, когда, съ умилительнымъ самоотверженіемъ въ сердцѣ, онѣ идутъ на смерть за славу, за честь, за необъятную будущность родины...

„Невозможно, чтобы посреди столь богатаго разнообразія впечатлѣній, предъ исчезнувшими или исчезающими памятниками земного величія, подъ вліяніемъ неотразимыхъ думъ о вещахъ и событіяхъ въ странѣ, свидѣтельницѣ ихъ таинственного сцѣпленія — невозможно, чтобы все это проходило мимо, не возбуждая въ авторѣ тысячи размышленій о *суетѣ суетъ*, и не тяготѣло

lib.pushkinskijdom.ru

на нѣкоторыхъ всѣмъ грузомъ пространства и времени...

„Нужно-ли ко всему этому прибавить, что *Θракійскія Элегіи*, страницы прежней — то неугомонной, то созерцательной, но завсегда простой, завсегда любящей души автора — создавались бо̀льшею частію только для ослабленія тѣхъ струнъ, кои отъ сердца тянутся прямо къ мозговымъ органамъ... Писанныя съ натуры, на бранномъ щитѣ, при блескѣ огней бивачныхъ, при мерцаньи звѣздъ враждебнаго міра — онѣ суть только *Пропилеи* зданія, за матеріялами коего жизнь автора стремилась далёко, волею и неволею почти съ самаго разсвѣта“... (*Викторъ Тепляковъ*. Стихотворенія. СПб. 1836 г., т. II, стр. VII—X, XII)[1]).

Вслѣдъ за Одоевскимъ, Пушкинъ тоже высоко оцѣнилъ „Θракійскія элегіи“, и А. Г. Тепляковъ, уже по смерти ихъ автора и ихъ критика, съ теплымъ чувствомъ вспоминалъ, сколь „много лестнаго“ сказалъ нашъ „безсмертный“ поэтъ о произведеніяхъ его брата (*Отечественныя Записки,* 1843 г., т. 28, отд. VIII, стр. 75).

— (*Стр. 322, строки 9—12*). Мысль о поэтѣ, который „тащится по пятамъ свой вѣкъ увлекающаго Генія, подбирая имъ оброненные колосья“, — объ „образцахъ какого-нибудь писателя, увлекающаго за собою другихъ“, — повторяется въ разныхъ статьяхъ Пушкина (См. настоящій томъ, стр. 135, строки 14—15; стр. 166, строки 25—27).

---

1) О В. Г. Тепляковѣ см. *Русскую Старину*, 1896 г., т. LXXXV, № 1, стр. 177—189; № 2, стр. 425—447; № 3, стр. 657—677; т. LXXXVI, № 4, стр. 191—212; т. LXXXVII; № 8, стр. 405—422; № 9, стр. 661—672; т. LXXXVIII; № 10, стр. 227—236. — *Пушкинъ и его современники*, тт. XXIX — XXX, стр. 210—222. — *Бѣлинскій*. Письма, СПб. 1914 г., т. I, стр. 65—66 (отрицательный отзывъ о Тепляковѣ, о которомъ критикъ „по совѣсти не могъ напечатать добраго слова, и вообще не могъ говорить умѣренно и хладнокровно“).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 322, строка 18*). Adieu, adieu! my native shore
Fades o'er the waters blue, —

эти стихи изъ тринадцатой строфы первой пѣсни „Странствованій Чайльдъ-Гарольда“ взяты Тепляковымъ въ видѣ эпиграфа къ первой овракійской элегіи „Отплытіе“ (*В. Тепляковъ*. Стихотворенія. СПб. 1836 г., т. II, стр. 3).

— (*Стр. 325, строки 12 — 16*). Гросетъ[1]) — Jean-Baptiste-Louis Gresset (род. въ 1709 г., ум. въ 1777 г.). Одно изъ его посланій — „La chartreuse“ (Oeuvres choisies. Paris, 1823, pp. 51—52).

— (*Стр. 325, строки 17—25*). Пушкинская оцѣнка „Тристій“ Овидія, по словамъ А. І. Малеина, „поражаетъ своей правильностью“. „Дѣйствительно“, говоритъ этотъ изслѣдователь: „Тристіи“ и „Понтійскія письма“ долгое время цѣнились очень низко. Историки литературы и филологи съ легкимъ сердцемъ упрекали Овидія за монотонность и однообразіе этихъ произведеній. Но эта критика писалась или произносилась въ уютныхъ кабинетахъ, снабженныхъ всѣмъ новѣйшимъ комфортомъ. Никто изъ этихъ зоиловъ не догадался или, вѣрнѣе, не попробовалъ поставить себя на мѣсто Овидія. Онъ, поэтъ,—значитъ, говоря словами Пушкина же, „ничтожное дитя міра“, всѣми фибрами своего существа связанный съ центромъ тогдашней культуры, привыкшій къ благодатному климату Италіи, строгимъ императорскимъ указомъ переселенъ въ страну, лишенную почти всякихъ признаковъ культуры и притомъ сурово холодную. Интересно знать, многіе ли изъ строгихъ критиковъ Овидія, испытавъ его участь, могли создать столько, сколько написалъ онъ при самыхъ тягостныхъ условіяхъ для своей работы. Вотъ почему и здѣсь мы должны преклониться передъ геніемъ нашего Пушкина, который за

1) Опечатка: слѣдуетъ читать Гресетъ.

lib.pushkinskijdom.ru

много лѣтъ раньше прозрѣлъ тѣ истины, которыя все болѣе и болѣе теперь входятъ въ научный обиходъ“ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIII—XXIV, стр. 64—66).

— (*Стр. 326, строки 11—14*). Въ 73—76 стихахъ первой элегіи четвертой книги „Тристій“ Овидій говоритъ:

Nunc senior gladioque latus, scutoque sinistram,
Canitiem galeae subjicioque meam.
Nam dedit e specula custos ubi signa tumultus,
Induimur trepida protinus arma manu.

— (*Стр. 333, строки 9—10*). Приводимъ текстъ станса Теплякова „Любовь и ненависть“:

I

Когда вокругъ тебя средь вѣтреныхъ пировъ
Веселья пошлаго морозный блескъ мерцаетъ,
Вельможа и богачъ, и свѣтскихъ мотыльковъ
Ничтожный, пестрый рой докучливо мелькаетъ —
Ты помнишь ли, что тамъ, какъ жребій надъ тобой,
Угрюмъ, иль радостенъ; твой рабъ, иль повелитель;
Змѣёй, иль голубемъ; духъ злой, иль добрый твой,
Повсюду бодрствуетъ, въ толпѣ незримый зритель?..

II

Твой другъ — когда по немъ душа болитъ —
Наполнитъ для тебя весь Божій міръ любовью;
Мечтами райскими твой сонъ обворожитъ,
Какъ Духъ мелодіи приникнетъ къ изголовью...
Далекой области могучій властелинъ,
Въ вѣнцѣ рубиновомъ и въ огненной порфирѣ,
Тебѣ предстанетъ онъ таинственно — одинъ
Въ чертогахъ радужныхъ, въ лазоревомъ эеирѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

III

Въ глухую ночь временъ съ тобой проникнетъ онъ,
Тебѣ въ хаосѣ ихъ покажетъ Царствъ паденье,
И то, чѣмъ человѣкъ столь жалко ослѣплёнъ —
Въ пучинѣ тлѣнности, въ когтяхъ уничтоженья.
Онъ тайны чудныя царю морскихъ валовъ
Открыть въ коралловыхъ дворцахъ тебѣ прикажетъ;
Тебѣ въ утробѣ горъ, подъ стражею Духовъ
Міровъ исчезнувшихъ сокровища покажетъ.

IV

Къ садамъ надоблачнымъ восхититъ онъ тебя,
Туда, гдѣ отъ любви сердца̀ не увядаютъ,
Гдѣ гнѣзда ангеловъ, надъ моремъ бытія
Въ шипкахъ небесныхъ розъ, въ рубинахъ звѣздъ сіяютъ....
Но, если свѣтскою прельстившись суетой,
Ты не поймешь меня, и для высокой страсти
Закроешь грудь свою... — страшись! я недругъ твой:
Тебя подавитъ гнетъ моей волшебной власти!..

V

Твой умъ, твою красу, какъ злобный демонъ я
Тогда оледеню своей усмѣшки ядомъ;
Въ толпѣ поклонниковъ замретъ душа твоя,
Насквозь пронзенная моимъ палящимъ взглядомъ.
Тебя въ минуты сна мой хохотъ ужаснетъ;
Онъ искры красныя вокругъ тебя разсѣетъ;
Рука свинцовая дыханье перерветъ,
Мертвящій сердцемъ хладъ подъ нею овладѣетъ.

VI

Съ тобой я въ дикій боръ, какъ вихрь перенесусь,
Вкругъ сердца огненной опутаюсь змѣёю;
Въ него, въ твои уста медлительно вопьюсь,

lib.pushkinskijdom.ru

Грудь сладострастною воспламеню мечтою.
Но тщетно знойныя желанья закипятъ...
Больной души моей жестокое томленье,
Отрава ревности, напрасной страсти ядъ
Наполнятъ грудь твою въ минуту пробужденья!..

(*Викторъ Тепляковъ*. Стихотворенія. СПб. 1836 г., т. II, стр. 133—138).

88.

ДЖОНЪ ТЕННЕРЪ.

(Стр. 335—371).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 205—256, и затѣмъ перепечатана въ Посмертномъ изданіи, т. VIII, стр. 250—307, и въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 571—604.

Пушкинъ написалъ это произведеніе лѣтомъ 1836 г., на Каменноостровской дачѣ. „Одинъ изъ его друзей, посѣтивъ его въ воскресенье, засталъ его за статьей: Джонъ Теннеръ. Поэтъ работалъ надъ ней уже цѣлое утро и, встрѣчая пріятеля, сказалъ ему, потягиваясь, полу-шутливо и полу-грустно: „Плохое наше ремесло, братецъ. Для всякаго человѣка есть праздникъ, а для журналиста — никогда“ (*П. В. Анненковъ*. Матеріалы, 2-е изданіе. СПб. 1873 г., стр. 413).

Какъ видно изъ письма къ П. Я. Чаадаеву отъ 19-го октября 1836 г., Пушкинъ придавалъ своей статьѣ извѣстное значеніе (Переписка, т. III, стр. 389), и былъ правъ, такъ какъ она, по справедливымъ словамъ Анненкова, „отличается превосходнымъ изложеніемъ“ и „не потеряла занимательности до сего дня“ (Изданіе Анненкова, т. V, стр. 636).

lib.pushkinskijdom.ru

Въ *Современникѣ* статья была подписана техническимъ словомъ „The Reviewer", „обозначающимъ въ Англіи составителей статей для тамошнихъ обозрѣній"[1]).

Пушкинъ хотѣлъ дать читателямъ отчетъ о заинтересовавшей его книгѣ: *John Tanner.* Mémoires. Paris, 1835 (*Пушкинъ и его современники,* вв. IX—X. СПб. 1910 г., стр. 346, № 1423). Англійскій оригиналъ этого сочиненія, написанный подъ диктовку безграмотнаго автора Эдвиномъ Джемсомъ (Edwin James), вышелъ въ Нью-Іоркѣ въ 1830 г. и купленъ у самого Теннера Токвилемъ въ августѣ 1831 г. Изданіе снабжено введеніемъ, изъ котораго Пушкинъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и нравахъ сѣверо-американскихъ дикарей. Выдержки изъ „Записокъ" приведены въ статьѣ поэта. Сличеніе французскаго текста съ русскимъ даетъ возможность судить о достоинствахъ перевода.

En un jour, nous descendîmes de Cincinnati à l'embouchure du Big-Miami; c'était sur l'autre rive que nous devions former un établissement; là étaient un peu de terre défrichée et une ou deux cabanes de bois, abandonnées à cause des Indiens. Mon père releva les cabanes et les entoura d'une forte palissade. C'était au commencement du printemps; les premiers travaux eurent pour objet de préparer un champ à recevoir du grain.

Отецъ мой оставилъ Элькъ-Горнъ и отправился къ устью Бигъ-Міами, гдѣ онъ долженъ былъ завести новое селеніе. Тамъ на берегу нашли мы обработанную землю и нѣсколько хижинъ, покинутыхъ поселенцами изъ опасенія дикихъ. Отецъ мой исправилъ хижины и окружилъ ихъ заборомъ. Это было весною. Онъ занялся хлѣбопашествомъ. Дней десять спустя по своемъ прибытіи на мѣсто, онъ сказалъ намъ, что

1) Изданіе Анненкова, т. V, стр. 636. — Ср. *John Tanner.* Mémoires. Paris 1835, t. I, p. XXXVII: „Reviewer, faiseur de revue. Cette designation, qui n'a pas encore d'équivalent en français, s'applique surtout, dans la langue des deux Angleterres, aux auteurs de la partie critique des revues".

lib.pushkinskijdom.ru

Dix jours à peine après notre arrivée, mon père nous dit un matin qu'au mouvement des chevaux il voyait que des Indiens rôdaient dans les bois. John, ajouta-t-il, vous ne sortirez pas aujourd'hui de la maison...; puis, après avoir recommandé à ma belle mère de ne laisser sortir aucun des enfans, il alla dans les champs semer du grain avec les nègres et mon frère aîné (*John Tanner*. Mémoires. Paris. 1835, t. I, pp. 4—5).

лошади его безпокоятся, чуя близость Индійцевъ, которые вѣроятно рыщутъ по лѣсу. «Джонъ» — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — «ты сегодня сиди дома». Потомъ пошелъ онъ засѣвать поле съ своими Неграми и старшимъ моимъ братомъ (Стр. 337—338).

„Записки" Джона Теннера казались любопытными Пушкину по той причинѣ, что въ нихъ вполнѣ безыскусственно была разсказана жизнь дикихъ племенъ, которая до тѣхъ поръ идеализировалась въ произведеніяхъ философовъ и романистовъ. Первобытный человѣкъ (l'homme naturel), изображенный Руссо, былъ фикціей; индѣйцы Шатобріана — не дикари, а европейцы конца XVIII в.; наклонность прикрасить дѣйствительность замѣтна и у Купера. Но никто не задумывался надъ этимъ, такъ какъ „некогда" было „изучать, сравнивать, вчитываться въ описанія современниковъ о дикихъ народахъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени въ своемъ первобытномъ видѣ" (*М. Н. Розановъ*. Ж. Ж. Руссо. М. 1910 г., стр. 65). И только послѣ появленія мемуаровъ Джона Гунтера[1]) и Теннера была раскрыта передъ читателями печальная проза жизни дикарей, обреченныхъ на посте-

1) *John D. Hunter*. Manners and customs of several indian tribes located west of the Mississipi. Philadelphia, 1823. — Эта книга вышла также на нѣмецкомъ языкѣ въ Дрезденѣ, въ 1824 г.

lib.pushkinskijdom.ru

пенное вымираніе отъ водки, болѣзней и враждебнаго отношенія европейскихъ колонистовъ.

— (*Стр. 336, строки 1—13*). О бѣдственной участи индѣйскихъ племенъ въ Сѣверной Америкѣ разсказываютъ Эдвинъ Джемсъ (*John Tanner*. Mémoires. Paris, 1835, t. I, pp. XVI—XVII) и Вашингтонъ-Ирвингъ (Esquisses morales et littéraires. Paris, 1822, t. II, p. 163) [*Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 256, № 1018].

— (*Стр. 336, строки 17—20*). Цитата изъ Вашингтона Ирвинга (род. въ 1783 г., ум. въ 1859 г.), приведенная Пушкинымъ, находится во „Введеніи“ къ „Запискамъ“ Джона Теннера: „Autant que je puis en juger“, dit Washington Irving, „l'Indien des fictions poétiques est, comme le berger du roman pastoral, une pure personnification d'attributs imaginaires“ (*John Tanner*. Mémoires. Paris, 1835, t. I, p. XI).

— (*Стр. 36, строки 29—31*). Философы, писавшіе о естѣственномъ состояніи человѣка, — Жанъ-Жакъ Руссо и его послѣдователи, о которыхъ говорится во „Введеніи“ Эдвина Джемса: „Cette relation (т. е. „Записки“), telle qu'elle est dans son originale simplicité, contredit presque à chaque ligne le philosophisme du dix-huitième siècle. C'est la réponse la plus péremptoire à tant des soi-disant moralistes qui ont sans cesse confondu l'état de nature avec l'état sauvage, comme le leur a si justement reproché M. de Chateaubriand... Nulle renommée de penseur n'a plus à perdre que celle de J.-J. Rousseau à l'étude des révélations de Tanner. Chaque souvenir reproduit par le naïf autobiographe met à nu un sophisme du grand écrivain. Il n'est presque pas de fait, négligemment rapporté dans ces Mémoires, qui ne devienne une réfutation sans réplique d'un passage du Contrat social ou du Discours sur l'inégalité des conditions. Les félicités de l'état de nature et l'impossibilité d'imposer un joug aux sauvages

lib.pushkinskijdom.ru

qui n'ont besoin de rien sont réduites à leur juste valeur par un adversaire d'autant plus dangereux que la démonstration n'est pas en forme, et qu'elle parle d'elle même à tous les esprits" (*John Tanner*. Mémoires. Paris, 1835, t. I, pp. XII—XIII).

— (*Стр. 337, строки 1—8*). О пріобрѣтеніи экземпляра теннеровскихъ „Записокъ" Алексѣемъ Токвилемъ и о достовѣрности ихъ см. *John Tanner*. Mémoires, t. I, Introduction, pp. IX—X.

89.

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА. СОЧИНЕНІЕ СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

(Стр. 371—373).

Эта статья, не дошедшая до насъ въ рукописи, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 307—310, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 619—620.

Сильвіо Пеллико (род. въ 1789 г., ум. въ 1854 г.), италіанскій поэтъ и публицистъ, авторъ трагедіи „Франческо да-Римини" и главный редакторъ журнала *Conciliatore*, противодѣйствовавшій австрійскому вліянію въ Италіи, былъ обвиненъ въ карбонарствѣ и заключенъ въ казематы Шпильберга. По выходѣ изъ тюрьмы, гдѣ онъ пробылъ десять лѣтъ (1820—1830 гг.), Пеллико издалъ двѣ книги „Моя тюрьма" („Le mie prigioni", 1833) и „Объ обязанностяхъ человѣка" („Dei doveri degli uomini", 1834). Эти сочиненія были довольно популярны въ Россіи. Н. И. Надеждинъ считалъ записки о пребываніи Пеллико въ Шпильбергѣ произведеніемъ „замѣчатель-

lib.pushkinskijdom.ru

нымъ“ и помѣстилъ отрывки изъ нихъ въ *Телескопѣ* (1833 г., ч. XVII, № 19, стр. 318—350), а нѣкій Н. Хрусталевъ напечаталъ въ Одессѣ свой переводъ „Dei doveri“ подъ заглавіемъ „О должностяхъ человѣка“ (1835 г.), — трудъ, отмѣченный С. П. Шевыревымъ въ „Перечнѣ“ *Московскаго Наблюдателя* (1836 г., ч. VI, стр. 91—98).

Статья Пушкина написана по поводу новаго перевода „Dei doveri“, сдѣланнаго С. Н. Диринымъ и появившагося въ С.-Петербургѣ въ декабрѣ 1836 г. Диринъ остался очень доволенъ этой статьею и переиздалъ ее въ видѣ предисловія къ своей работѣ. „Вышелъ № 3 *Современника*, а съ нимъ и статья о моей книгѣ“, говоритъ онъ въ замѣчаніяхъ „Отъ переводчика“: „Тутъ только мы увидѣли Пеллико въ его голубиной чистотѣ; его душа, которую не сокрушили несчастія, была разгадана поэтомъ. Эта характеристика, краткая и сильная, показалась мнѣ лучшимъ предисловіемъ, какое я только могъ прибрать къ своей книгѣ, и я не могу себѣ отказать въ удовольствіи списать ее здѣсь“ (*Сильвіо Пеллико*. Объ обязанностяхъ человѣка. СПб. 1836 г., стр. III).

Не только Диринъ, но и другіе литераторы вынесли сильное впечатлѣніе отъ пушкинскаго отзыва о Пеллико. „Посмотрите“, пишетъ П. А. Вяземскій: „съ какимъ глубокимъ уваженіемъ Пушкинъ упоминаетъ о книгѣ Сильвіо Пеллико, какъ вѣрно и умилительно характеризуетъ онъ ее въ нѣсколькихъ строкахъ. Между тѣмъ взглядъ Пушкина на жизнь — не взглядъ Сильвіо Пеллико. Повидимому, въ нихъ мало духовныхъ соотношеній и сродства. Но Пушкинъ, какъ всякій избранный, питалъ сочувствіе ко всему прекрасному, искреннему, возвышенному. Онъ въ данное время постигалъ его даже и тутъ, гдѣ не былъ единомышленникомъ“ (*П. А. Вяземскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1879 г., т. II, стр. 327).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 371, строки 21—22*). Неизвѣстный творецъ книги „О подражаніи Іисусу Христу“ — средневѣковой мистикъ Ѳома Кемпійскій (род. въ 1380 г., ум. въ 1471 г.).

— (*Стр. 372, строка 28*). Ѳиваида — область Верхняго Египта, ранній центръ восточнаго христіанскаго отшельничества.

— (*Стр. 373, строки 5—7*). Въ черновомъ автографѣ Пушкина, сохранившемся въ Майковскомъ собраніи (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 26, № 6), есть слѣдующая замѣтка, набросанная на оборотѣ листа со статьей: „Примѣры невѣжливости“ (1827 г.): „Если все уже сказано зачѣмъ же вы пишите? чтобы сказать красиво, то что было сказано просто? жалкое занятіе! нѣтъ не будемъ клеветать разума человѣческаго — неизтощимаго въ соображеніяхъ понятій, какъ языкъ неизтощимъ въ соображеніи словъ“.

90.

СЛОВАРЬ О СВЯТЫХЪ, ПРОСЛАВЛЕННЫХЪ ВЪ РОССІЙСКОЙ ЦЕРКВИ, И НѢКОТОРЫХЪ СПОДВИЖНИКАХЪ БЛАГОЧЕСТІЯ МѢСТНО-ЧТИМЫХЪ. 1836. СПб.

(Стр. 373—376).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, т. III, стр. 310—314, и затѣмъ перепечатана въ изданіи Анненкова, т. V, стр. 621—623.

„Словарь о святыхъ“ былъ изданъ княземъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Эристовымъ (род. въ 1797 г., ум. въ 1858 г.), однимъ изъ сотрудниковъ „Энциклопедическаго Лексикона“, о которомъ упоминаетъ Пушкинъ какъ о „книгѣ необходимой и имѣющей столь великое значеніе“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 374, строки 8—12*). „Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной Греко-Россійской вѣрѣ святою непорочною жизнію прославившихся святыхъ душахъ“ (М. 1784 г.) — трудъ Сергѣя Петровича Соковнина (*В. С. Сопиковъ*. Опытъ россійской библіографіи. СПб. 1905 г., ч. IV, стр. 62, № 7828).

— (*Стр. 375, строка 31 — стр. 376, строка 8*). Объ отношеніи Пушкина къ плюшаровскому словарю см. статью А. Ѳ. Бычкова: „Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара и А. С. Пушкинъ“ (*Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности,* 1896 г., т. I, книга 2-ая, стр. 394—395. — Переписка, т. III, стр. 123).

91.

НОВЫЙ РОМАНЪ.

(Стр. 376).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые напечатана въ *Современникѣ,* 1836 г., т. III, стр. 320.

„Дама, сочинившая романъ“ „Село Михайловское“, — В. С. Миклашевичъ (род. въ 1768 г., ум. въ 1846 г.)[1]). По свидѣтельству князя И. М. Долгорукаго и Н. И. Греча, Варвара Семеновна была женщина „умная, достойная и благородная“, обладавшая „нѣжнымъ сердцемъ и рѣдкими дарованіями“. Многое видѣвъ въ своей жизни, бурной и полной приключеній, она любила среди друзей и знакомыхъ разсказывать о видѣнномъ и слышанномъ.

1) П. В. Анненковъ не имѣлъ свѣдѣній о Миклашевичъ. „Кому“, пишетъ онъ: „могъ принадлежать этотъ романъ, носившій имя села Пушкиныхъ — намъ неизвѣстно. Въ бумагахъ поэта, по крайней мѣрѣ, не осталось никакихъ признаковъ существованія его. Его нѣтъ и въ Русской литературѣ. Не смотря на разспросы наши, мы не могли даже узнать намѣренія, понудившаго Пушкина къ такому объявленію или къ допущенію такого объявленія“ (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 423—424).

lib.pushkinskijdom.ru

Живое воображеніе и выдающійся даръ слова дѣлали ее интересной собесѣдницей. Она играла видную роль въ кружкѣ А. А. Жандра, дружила съ А. И. Одоевскимъ и А. С. Грибоѣдовымъ, была въ хорошихъ отношеніяхъ съ А. А. Шаховскимъ, Н. Г. Гречемъ и В. Ѳ. Булгаринымъ. Увлеченный ея разсказомъ объ ужасныхъ преступленіяхъ одного помѣщика, Грибоѣдовъ упросилъ ее записать этотъ разсказъ. Такъ было положено начало роману „Село Михайловское", первыя главы котораго были прочитаны и одобрены авторомъ „Горя отъ ума" въ 1828 г., передъ отъѣздомъ въ Персію. Вѣроятно, эти именно главы и были напечатаны въ *Сынъ Отечества* 1831 г.[1]) подъ названіемъ: „Отрывки изъ новаго Романа" и съ подписью: „В. Миклашевичева".

„А. С. Пушкинъ", разсказываетъ А. А. Жандръ: „узналъ отъ меня о существованіи романа и пріѣхалъ къ намъ просить эту книгу. Вотъ его сужденіе, переданное мнѣ, независимо отъ того, что онъ говорилъ сочинительницѣ. По прочтеніи первой части онъ сказалъ мнѣ, что почти не выпускалъ книгу изъ рукъ, пока не прочелъ". „Какъ все это увлекательно", говоритъ онъ. „Но какъ до сихъ поръ décousu! Какъ-то она сведетъ концы?" Но когда онъ прочиталъ всю книгу, то сказалъ: „Удивляюсь, какъ все, что мнѣ казалось décousu, у нея прекрасно разъяснилось, и какъ интересъ всей книги до самаго конца увлекателенъ. Старайтесь издать книгу скорѣе, а я напишу къ нѣсколькимъ главамъ эпиграфы".

Желанію поэта не суждено было осуществиться: онъ не написалъ эпиграфовъ[2]), и самая книга не была издана при жизни автора. Рукопись первой части романа была

---

1) Томъ XIX (ч. 141-я), № 19, стр. 225—238; № 20, стр. 289—296; томъ XXIII (ч. 145-я), № 43, стр. 257—276; № 44, стр. 321—330.

2) Эпиграфы были написаны А. А. Жандромъ и часть ихъ была напечатана еще въ *Сынъ Отечества* 1831 г.

lib.pushkinskijdom.ru

найдена Жуковскимъ въ бумагахъ Пушкина, по смерти послѣдняго. Василій Андреевичъ просилъ Миклашевичъ дать ему и другія части, прочелъ все произведеніе три раза и также совѣтовалъ его напечатать. Препятствіемъ для изданія послужило упорство цензора А. В. Никитенка, находившаго, что въ книгѣ „слишкомъ задѣты многія духовныя лица". Романъ вышелъ въ свѣтъ только въ 1864—1865 гг., подвергнувшись двойной цензурѣ: свѣтской и духовной. „Село Михайловское" было издано Прасковьей Петровной Жандръ, подъ редакціей Н. И. Греча, написавшаго къ нему предисловіе (*Сборникъ Ученo-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ университетѣ.* Юрьевъ, 1908 г., т. XIII, стр. 98—108. — *Историческій Вѣстникъ*, 1900 г., № 7, стр. 194—195. — *А. С. Грибоѣдовъ.* Полное собраніе сочиненій. Подъ редакціей И. А. Шляпкина. СПб. 1889 г., стр. 407—408. — *В. С. Миклашевичъ.* Село Михайловское. СПб. 1865 г. и 1908 г.).

92.

[ЗАМѢТКА О СТАТЬѢ ГОГОЛЯ]

(Стр. 376).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые напечатана въ *Современникѣ,* 1836 г., т. III, стр. 329.

Статья Гоголя „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году", помѣщенная въ первомъ томѣ *Современника,* вызвала толки среди журналистовъ, усмотрѣвшихъ въ ней программу редакціи. Булгаринъ обращалъ на эту статью „главное вниманіе" своихъ читателей, такъ какъ въ ней „выражаются духъ, цѣль и всѣ будущія намѣренія *Современника*" (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 127, стр. 506). Между тѣмъ Пушкинъ далеко не во всемъ былъ согласенъ съ Гоголемъ и, при всякомъ

lib.pushkinskijdom.ru

удобномъ случаѣ, старался отмѣтить разницу между своими воззрѣніями и взглядами послѣдняго. „Мы не полагаемъ“, писалъ онъ въ статьѣ о Лобановѣ: „чтобы нынѣшняя раздражительная, *опрометчивая, безсвязная Французская Словесность была слѣдствіемъ политическихъ волненій*“, и, опровергая мнѣніе Гоголя, доказывалъ, что „въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низпровергшему старинную монархію Людовика XIV“ (*Современникъ,* 1836 г., т. III, стр. 99; т. I, стр. 217). Подобное же опроверженіе гоголевскихъ мыслей встрѣчается и въ „Письмѣ къ издателю“, присланномъ въ редакцію отъ нѣкоего *А. Б.* изъ Твери и датированномъ 23-мъ апрѣля 1836 г. (*Современникъ,* 1836 г., т. III, стр. 321—329). Это „Письмо“ — чистѣйшая мистификація: оно написано въ Петербургѣ, въ редакціи *Современника*. „Тверь“ поставлена для отвода глазъ; *А. Б.* — просто начальныя буквы алфавита. Пушкину было неудобно открыто отъ имени редакціи напечатать возраженіе Гоголю, — поэтому онъ предпочелъ выдумать несуществующаго тверского корреспондента и къ его письму присоединилъ примѣчаніе отъ редакціи, въ которомъ еще разъ отрекался от солидарности съ Гоголемъ.

Замѣтка издателя о статьѣ Гоголя, присоединенная къ „Письму“ *А. Б.* въ видѣ примѣчанія, дала поводъ Булгарину помѣстить въ *Сѣверной Пчелѣ* слѣдующія строки: „... послѣ моего разбора статьи... *О движеніи журнальной Литературы,* въ третьей книжкѣ *Современника,* на стр. 329, появилось куріозное замѣчаньице, въ которомъ почтенный издатель объявляетъ, что онъ *не раздѣляетъ мнѣнія сочинителя*. На первый разъ и этого довольно!“ (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 256, стр. 1024).

---

lib.pushkinskijdom.ru

93.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

(Стр. 377—378).

Эта статья, въ рукописи намъ не встрѣчавшаяся, впервые напечатана въ *Современникѣ*, 1836 г., т. III, стр. 330—332.

— (*Стр. 377, строки 11—13*). О. И. Сенковскій неодобрительно отнесся къ *Современнику* и заподозрѣлъ его издателя въ намѣреніи уронить *Библіотеку для Чтенія* въ глазахъ читателей. „Современникъ“, писалъ Сенковскій: „по своему содержанію и характеру, такъ какъ онъ допускаетъ у себя журнальную полемику, то есть нападки на своихъ соперниковъ по ремеслу, самъ себѣ назначилъ уже мѣсто въ низшей журналистикѣ, — даже въ самой послѣдней... Мы бы отдали все въ свѣтѣ, если бъ онъ не сдержалъ своей программы, — если бы онъ выдалъ книжки своего „Современника“ чистыми отъ всякой брани, отъ всякихъ нападокъ на другіе журналы. Не дѣло журналовъ судить другъ о другѣ: ихъ судья — публика. Судите о книгахъ. Излагайте свои теоріи, и оставьте другихъ въ покоѣ. Уронить Б‹ибліотеку› для Ч‹тенія› нападками очень трудно: единственное средство подкопать ее — сдѣлать лучше; собрать въ фокусѣ своего журнала болѣе познаній, болѣе дарованій и трудолюбія, — что, конечно, очень легко. Будущій издатель „Современника“, можетъ, ошибается въ расчетѣ; можетъ, думаетъ онъ придать своему изданію болѣе занимательности войною съ Б‹ибліотекою› для Ч‹тенія›. Этой войны не будетъ. Б‹иблиотека› для Ч‹тенія› не подберетъ перчатки, не изъ трусости, но изъ чувства собственнаго достоинства. Она никогда не унизится до отвѣта другимъ журналамъ, и еще менѣе какой-нибудь газетѣ или летучему листку. И зачѣмъ вамъ отвѣчать, друзья? Не луч-

lib.pushkinskijdom.ru

шій ли вамъ отвѣтъ — молчаніе? Если она, хладнокровно дѣлая свое дѣло, будетъ все молчать, а вы кругомъ ея будете все горячиться, терзать ее, метать грязью въ безмолвную, что жъ изъ этого выйдетъ? она сохранитъ свою важность, а вы потеряете уваженіе публики, какъ потеряли всѣ тѣ изданія, которыхъ страницы запятнаны журнальною бранью, вы будете смѣшны" (*Библіотека для Чтенія,* 1836 г., т. XV, отд. VI, стр. 67—70).

— (*Стр. 377, строки 13—16*). Преемственная связь *Современника* съ *Литературной Газетой* была подмѣчена Ѳ. В. Булгаринымъ. Онъ „обращалъ главное вниманіе" своихъ подписчиковъ на статью: „О движеніи Журнальной Литературы въ 1834 и 1835 годахъ", „ибо въ этой статьѣ выражаются духъ, цѣль, и всѣ будущія намѣренія Современника". „Эти духъ, цѣль и намѣренія не *новость!* Съ ними выступали уже на поприще Литературы *Литературная Газета,* подъ редакціей покойнаго барона Дельвига, и *Московскій Вѣстникъ,* подъ редакціей Г. Погодина. Въ этихъ журналахъ были объявлены тѣ же самыя притязанія, тѣ же виды и тотъ же образъ мыслей. Въ *Литературной Газетѣ* и *Московскомъ Вѣстникѣ* участвовали тѣ же самые сотрудники, что и въ *Современникѣ,* съ малыми перемѣнами... *Современникъ* есть возобновленная *Литературная Газета,* только въ другомъ видѣ" (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 127, стр. 506, 508).

— (*Стр. 378, строки 4—7*). Примѣчаніе объ означенныхъ звѣздочками книгахъ, которыя „будутъ въ послѣдствіи разобраны", помѣщено въ *Современникѣ,* 1836 г., т. I, стр. 296.

— (*Стр. 378, строки 13—15*). О замѣткѣ Пушкина по поводу „Вастолы" см. примѣчанія къ № 77.

---

lib.pushkinskijdom.ru

94.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

(Стр. 378—379).

Эта замѣтка въ рукописи неизвѣстная, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. IV, стр. 299—300.

Старина и Новизна — предполагавшійся, но не вышедшій въ свѣтъ историко-литературный сборникъ, напоминавшій и названіемъ, и содержаніемъ одноименное изданіе В. Г. Рубана, посвященное генералъ-прокурору Екатерины II князю А. А. Вяземскому (1772—1773 гг.).

— (*Стр. 379, строки 1—2*). Графъ Иванъ Григорьевичъ[1]) Чернышевъ (род. 24-го ноября 1721 г., ум. 27-го февраля 1797 г.) — президентъ адмиралтействъ-коллегіи, покровитель Ломоносова и Державина. Его сынъ Григорій Ивановичъ (род. въ 1762 г., ум. 2-го января 1831 г.), довольно хорошій знатокъ изящной литературы и самъ писатель, былъ стариннымъ знакомымъ князя П. А. Вяземскаго.

— (*Стр. 379, строка 7*). Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау-Зигенъ (род. 5-го января 1745 г., ум. 10-го апрѣля 1805 г.) — адмиралъ русскаго флота въ царствованіе Екатерины II.

— (*Стр. 379, строки 8—9*). Графъ Иванъ Антоновичъ Каподистріа (род. въ 1776 г., убитъ въ Аѳинахъ 9-го октября 1831 г.) — статсъ-секретарь Александра I, управлявшій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

— (*Стр. 379, строки 15—18*). Второстепенный стихотворецъ XVIII вѣка Василій Петровичъ Петровъ (род. въ 1736 г., ум. въ 1799 г.), отправленный въ 1772 г. Екатериной II въ Англію, занялся тамъ, между прочимъ, переводомъ „Потеряннаго Рая“ Мильтона.

---

1) Пушкинъ ошибочно назвалъ его Иваномъ Захаровичемъ.

lib.pushkinskijdom.ru

95.

КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА,

происшествіе въ Россіи, въ 2 част‹яхъ›.

Издалъ Иванъ Бутовскій. СПб.

(Стр. 379—380).

Эта замѣтка, въ рукописи до насъ не дошедшая, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1836 г., т. IV, стр. 303, и съ пропусками перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 425—426.

Изданіе „Записокъ“ кавалеристъ-дѣвицы первоначально было поручено Пушкину. Н. А. Дурова хотѣла отдать ихъ „подъ покровительство таланту“, которому нѣтъ равнаго, и „привлечь“ на нихъ „сіяніе его имени“. При этомъ поэтъ уполномочивался дѣлать всякія перемѣны въ рукописи по собственному усмотрѣнію, не испрашивая согласія автора (Переписка, т. III, стр. 222, 337). Во время личныхъ переговоровъ съ Пушкинымъ, лѣтомъ 1836 г., Дурова сказала ему: „Вы, какъ славный живописецъ, который двумя или тремя чертами кисти своей дѣлаетъ изъ карикатурнаго изображенія небесную красоту, можете нѣсколькими фразами, нѣсколькими даже словами дать моимъ запискамъ ту занимательность, ту увлекательность, ту чарующую гармонію, по которымъ ваши сочиненія узнаются среди милліона другихъ“ [1]). — Пушкинъ не отклонилъ сдѣланнаго ему предложенія, но

1) Любопытно сопоставить слова Дуровой съ отзывомъ В. Г. Бѣлинскаго объ ея сочиненіяхъ. Вотъ что писалъ критикъ по поводу „Записокъ Александрова“, представляющихъ собою дополненіе къ „Дѣвицѣ-Кавалеристу“: „Въ 1836 году появился въ „Современникѣ“ отрывокъ изъ записокъ Дѣвицы-Кавалериста. Не говоря уже о странности такого явленія, литературное достоинство этихъ записокъ было такъ высоко, что *нѣкоторые приняли ихъ за мистификацію со стороны Пушкина.* Съ тѣхъ поръ литературное имя Дѣвицы-Кавалериста было упрочено. Она издала „Дѣвицу-Кавалериста“, потомъ „Годъ жизни въ Петербургѣ“, а теперь ‹въ 1839 г.› вновь является на литературную арену съ дополне-

lib.pushkinskijdom.ru

и не спѣшилъ его выполнить, такъ какъ былъ перегруженъ своими дѣлами, на что̀ жаловался въ бесѣдѣ съ Надеждою Андреевною, выказывавшею порою явные признаки нетерпѣнія. Не входя въ положеніе поэта и не будучи знакома съ условіями тогдашняго книгоиздательства, послѣдняя считала себя въ правѣ сѣтовать на излишнюю медлительность Пушкина, пока одинъ изъ друзей его не растолковалъ ей, какъ неудобно утруждать чужими срочными порученіями чрезмѣрно занятого издателя *Современника*. Тогда Дурова рѣшила откровенно объясниться съ Пушкинымъ. „Мнѣ казалось", пишетъ она: „что Александръ Сергѣевичъ былъ очень доволенъ, когда я сказала, что боюсь слишкомъ обременять его, поручая ему изданіе моихъ записокъ, и что *прошу позволить мнѣ передать этотъ трудъ моему родственнику*. Вѣжливый поэтъ сохранилъ однакожъ обычную форму въ такихъ случаяхъ. Онъ отвѣчалъ, что брался за это дѣло очень охотно, вовсе не считая его обремененіемъ для себя; но если я хочу сдѣлать эту честь кому другому, то онъ не смѣетъ противиться моей волѣ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, прошу васъ покорнѣйше, во всемъ, въ чемъ будете имѣть надобность въ отношеніи къ изданію вашихъ записокъ, употреблять меня, какъ одного изъ преданнѣйшихъ вамъ людей". — Такъ-то я имѣла глупость лишить свои Записки блистательнѣйшаго ихъ украшенія... ихъ высшей славы — имени безсмертнаго поэта!" (*Александровъ*. Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія. СПб. 1838 г., стр. 29, 30, *33, 46—49*).

ніями къ „Дѣвицѣ-Кавалеристу"... И что за языкъ, что за слогъ у Дѣвицы-Кавалериста! *Кажется, самъ Пушкинъ отдалъ ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою художественною твердостью и силою, этою живописною увлекательностію своего разсказа, всегда полнаго, проникнутаго какою-то скрытою мыслію*" (*В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1901 г., т. IV, стр. 237—238).

lib.pushkinskijdom.ru

Новымъ издателемъ записокъ оказался двоюродный братъ Дуровой Иванъ Григорьевичъ Бутовскій (род. въ 1785 г., ум. послѣ 1872 г.), переводчикъ и сотрудникъ *Русскаго Инвалида*. Но онъ не былъ полновластнымъ хозяиномъ въ дѣлѣ изданія, подобно Пушкину: Дурова „не только поставила ‹ему› непремѣннымъ условіемъ“ „ничего не исправлять въ ‹ея› Запискахъ, но еще неусыпно стерегла, чтобъ это не случилось“ (*Александровъ.* Годъ жизни въ Петербургѣ, стр. 113—114). Бутовскій самъ признаетъ въ предисловіи къ первой части Записокъ, что его участіе въ изданіи было скромное. „Сочинительница предлагаемыхъ здѣсь Записокъ, двоюродная сестра моя“, говоритъ онъ: „поручила мнѣ изданіе ихъ въ свѣтъ *безъ малѣйшей перемѣны*[1]). Охотно исполняю желаніе ея, полагая, что событіе, лестное народному самолюбію нашему, и въ такую громкую эпоху — во время борьбы нашей съ Наполеономъ, достойно быть сохраненнымъ для любопытства современниковъ и въ воспоминаніе потомству“ (Кавалеристъ-дѣвица. Происшествіе въ Россіи. СПб. 1836 г., ч. I: Отъ издателя). Своею родственницею Бутовскій гордился, но никогда не могъ простить ей преждевременнаго выхода въ отставку. Препровождая экземпляръ „Кавалериста-дѣвицы“ А. Ив. Михайловскому-Данилевскому, Бутовскій писалъ: „Эти записки я издалъ по желанію самой Сочинительницы — родной мнѣ. Дивная эта женщина есть плодъ также нашей замѣчательной Малороссіи[2]). Если *Madame* мало воспользовалась благоволеніемъ къ ней Императора Александра, то сама тому виной... Не штабсъ-ротмистромъ ей быть, а генераломъ, но женскій капризъ такъ великъ, что разстроилъ весь планъ — и она вышла въ

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

2) Мать Дуровой, Марѳа Тимоѳеевна, урожденная Александровичъ, происходила изъ богатаго малороссійскаго рода.

lib.pushkinskijdom.ru

отставку (1816) противъ воли Государя!.. писать обо всемъ этомъ, и о многомъ, при жизни ея нельзя — хотя и было бы все очень-очень интересно“ (Рукописи Пушкинскаго Дома. Собраніе П. Я. Дашкова. Письмо отъ 3-го октября 1837 г.).

— (*Стр. 379, строки 22—23*). Объ отрывкахъ изъ Записокъ Дуровой, помѣщенныхъ въ *Современникѣ*, см. примѣчанія къ № 82.

— (*Стр. 379, строка 28— стр. 380, строка 2*). Вторая часть книги „Кавалеристъ-дѣвица“ была послана Пушкину авторомъ 22-го декабря 1836 г. (Переписка, т. III, стр. 429—430).

96.

КЛЮЧЬ КЪ ИСТОРІИ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО Н. М. КАРАМЗИНА. 2 ч. М.

(Стр. 380).

Эта замѣтка, въ рукописи намъ не встрѣчавшаяся, впервые появилась въ *Современникѣ*, 1836 г., т. IV, стр. 306, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 426.

Въ 1829-мъ году извѣстный археографъ П. М. Строевъ (род. 27-го іюля 1796 г., ум. 5-го января 1876 г.) составилъ указатель, или „Ключъ“ къ „Исторіи Государства Россійскаго“, и обратился къ министру народнаго просвѣщенія князю К. А. Ливену съ просьбой поднести этотъ трудъ Николаю I[1]). Просьба была удовлетворена, и уже „сдѣлана была смѣта, во что̀ обойдется печатаніе“,

1) Ср. письмо Пушкина къ П. А. Вяземскому, отправленное изъ Москвы во второй половинѣ марта 1830 г.: „Строевъ написалъ tables des matières Исторіи Карамзина, книгу намъ необходимую. Ее надобно напечатать, поговори Блудову и объ этомъ“ (Переписка, т. II, стр. 126).

lib.pushkinskijdom.ru

но въ это время вышелъ послѣдній томъ „Исторіи“ Карамзина, и Строеву вмѣнили въ обязанность дополнить его книгу. Порученіе было выполнено лишь къ концу 1834 г. Слухъ о „Ключѣ“ распространился въ Москвѣ и достигъ Петербурга, гдѣ Гречъ, заинтересовавшись указателемъ Строева, изъявилъ желаніе купить его за три тысячи рублей. Однако Строевъ не пожелалъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и въ началѣ 1835 г. просилъ новаго министра С. С. Уварова напечатать „Ключъ“ согласно постановленію, состоявшемуся при Ливенѣ. Уваровъ согласился, и „Ключъ“ былъ изданъ въ количествѣ тысячи двухсотъ экземпляровъ на счетъ Россійской Академіи, „въ пользу составителя“. Строевъ былъ очень доволенъ выходомъ въ свѣтъ „Ключа“, въ которомъ онъ справедливо видѣлъ „*основаніе* словарей: историческаго, генеалогическаго, древне-географическаго и проч., коихъ недоставало въ нашей литературѣ“. Я. И. Бередниковъ и П. Ив. Кеппенъ привѣтствовали появленіе труда Строева, но Академія Наукъ, куда „Ключъ“ былъ представленъ на соисканіе Демидовской преміи, послѣдней не присудила, такъ какъ отзывъ рецензента-академика Ф. И. Круга былъ сдержанный (*Н. П. Барсуковъ*. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб. 1878 г., стр. 298—300).

97.

[О КОМЕДІИ ЗАГОСКИНА: НЕДОВОЛЬНЫЕ]

(Стр. 380).

Эта замѣтка сохранилась въ черновомъ автографѣ, находящемся въ Майковскомъ собраніи Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 31, № 30),

lib.pushkinskijdom.ru

и печатается впервые[1]). Рукопись даетъ нѣсколько первоначальныхъ варіантовъ.

Стр. 380, строки 13—14: *Недовольные играны были въ Москвѣ.* Московскіе Журналы произнесли строгой *судъ* надъ новой комедіей Г-на Загоскина. *Они находятъ ее пошлой и скучной.*

» 380, » 16: *Характеры* выведенные на сцену *пошлы,* а не смѣшны...

» 380, » 16: ...*все вмѣстѣ и* не смѣшны и не естественны.

» 380, » 16—17: *Дѣйствія нѣтъ.*

» 380, » 17—18: ...*нѣкоторыя шутки* не заставляютъ забыть...

» » » » ...разговоръ не *вознаграждаетъ* отсутствіе дѣйствія.

» 380, » 18: ...не *замѣняетъ*...

» 380, » 20: Въ нихъ есть и живость *и веселость* и воображеніе...

» 380, » 22: Мы *поспѣшили въ короткихъ словахъ constater*...

» » » » Мы *поспѣшили* наскоро здѣсь упомянать неудачу...

Анненковъ, не опубликовавшій замѣтки о „Недовольныхъ", счелъ однако нужнымъ указать, что въ комедіи Загоскина Пушкинъ „не находилъ веселости и любезнаго прямодушія другихъ его произведеній" (Изданіе Анненкова, т. I, стр. 257).

Пьеса автора „Юрія Милославскаго", дѣйствительно, страдаетъ многими недостатками. На первое ея представленіе (2-го декабря 1835 г.), въ Большой Петровскій

1) По всей вѣроятности, Пушкинъ предполагалъ помѣстить замѣтку въ *Современникѣ*, но потомъ раздумалъ.

lib.pushkinskijdom.ru

театръ съѣхалось много публики, живо помнившей успѣхъ романовъ Загоскина и ожидавшей многаго отъ его комедіи. Но этимъ ожиданіямъ не суждено было оправдаться: несмотря на прекрасную игру Щепкина, представленіе не произвело никакого впечатлѣнія. Въ числѣ лицъ недовольныхъ піесой былъ Бѣлинскій, напечатавшій о ней отзывъ въ *Молвѣ* Надеждина (1835 г. №№ 48—49)[1]). „Цѣль комедіи г. Загоскина", пишетъ критикъ: „была — осмѣять этихъ невѣждъ, старыхъ и молодыхъ, знатныхъ и незнатныхъ, которые, не будучи ни на что способны и видя себя забытыми и неуважаемыми, обвиняютъ общественный порядокъ, находятъ все Русское дурнымъ, все иностранное хорошимъ, не зная хорошо ни того, ни другаго; которые не замѣчаютъ успѣховъ цивилизаціи, просвѣщенія и добра въ своемъ отечествѣ, видя въ немъ хорошее, закрываютъ глаза, затыкаютъ уши и молчатъ или перетолковываютъ дѣло на изнанку; видя дурное, кричатъ, что есть мочи..."[2]). И такъ основная идея и цѣль комедіи Г. Загоскина намъ очень нравится". Но „то же самое чувство безпристрастія, которое заставило" Бѣлинскаго „отдать справедливую похвалу прекрасной цѣли автора, заставляетъ" его „при-

1) См. *В. Г. Бѣлинскій*. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 г., т. II, стр. 319—326.

2) Сюжетъ комедіи несложенъ. Одинъ изъ „недовольныхъ", москвичъ князь Радугинъ, ничего не дѣлавшій въ теченіе всей своей жизни и промотавшій громадное состояніе, предвидя неизбѣжное разореніе, задумалъ поступить на службу и написалъ о своемъ желаніи въ Петербургъ министру князю Любскому. Тому же министру сообщилъ о своемъ намѣреніи поступить на службу его старый знакомый большой дѣлецъ Глинской. Конечно, ходатайство Глинского было удовлетворено, а Радугину былъ присланъ отказъ. Но, вслѣдствіе ошибки въ адресахъ, письмо министра къ Глинскому попало въ руки Радугина, а письмо къ послѣднему было доставлено Глинскому. Это даетъ поводъ Радугину глуповато разыгрывать роль важнаго сановника до тѣхъ поръ, пока явившійся къ нему Глинской не разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Въ довершеніе бѣдъ, обрушившихся на Радугина, его сына выгнали со службы, а имѣніе его было описано за долги.

lib.pushkinskijdom.ru

знаться, что выполненіе этой цѣли показалось ему неудовлетворительнымъ". Онъ находитъ развязку комедіи „престранной шуткой", а нѣкоторыя сцены (напр. дикое избіеніе лакея на улицѣ) — анахронизмомъ. Многія дѣйствующія лица, по словамъ Бѣлинскаго, плохо списаны съ героевъ комедіи Грибоѣдова: тамъ „живые портреты", здѣсь „восковыя фигуры". Типы положительные — „олицетворенная ходячая мораль"; типы отрицательные — глупцы и подлецы „безъ малѣйшей естественности".

Этотъ отзывъ Бѣлинскаго имѣлъ въ виду Пушкинъ, упоминая о строгомъ приговорѣ, произнесенномъ московскими журналами надъ комедіей Загоскина.

98.

[КЪ ЗАПИСКѢ О ДРЕВНЕЙ И НОВОЙ РОССІИ]

(Стр. 381).

Эта замѣтка, въ рукописи неизвѣстная, впервые помѣщена въ *Современникѣ*, 1837 г., т. V, стр. 89, и перепечатана въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 123.

Отрывки знаменитой записки Карамзина, заключающіе въ себѣ обозрѣніе исторіи Россіи съ древнихъ временъ до смерти Екатерины II, были представлены Пушкинымъ въ цензуру осенью 1836 г. А. Л. Крыловъ, которому надлежало разсматривать эти отрывки, былъ весьма смущенъ ихъ содержаніемъ: съ одной стороны, онъ считалъ неудобнымъ запретить сочиненіе историіографа, съ другой — опасался его одобрить. И вотъ 15-го сентября въ засѣданіи Цензурнаго Комитета онъ доложилъ о возникшихъ у него сомнѣніяхъ, вслѣдствіе чего было постановлено препроводить дѣло на усмотрѣніе высшаго начальства. Въ бумагѣ, отправленной въ Главное Упра-

lib.pushkinskijdom.ru

вленіе Цензуры, было, между прочимъ, указано, что „Записка о древней и новой Россіи“, написанная „по вызову“ великой княгини Елены Павловны, оставалась до сихъ поръ извѣстной лишь въ рукописи, и что содержаніе „Записки“ „выступаетъ за предѣлы“ „Исторіи Государства Россійскаго“, напечатанной по высочайшему повелѣнію. Въ отвѣтъ на запросъ Комитета С. С. Уваровъ предписалъ разсмотрѣть „Записку“ „на общихъ цензурныхъ правилахъ“, такъ какъ не видѣлъ „достаточнаго повода къ испрашиванію предварительно особаго высочайшаго разрѣшенія“. „Записка“ была вторично передана Крылову, который далъ о ней отзывъ сначала въ засѣданіи Цензурнаго Комитета, состоявшемся 6-го октября, а затѣмъ въ особомъ рапортѣ на имя князя М. А. Дондукова-Корсакова отъ 8-го числа того же мѣсяца.

Ознакомившись съ отзывомъ Крылова, Дондуковъ-Корсаковъ всецѣло присоединился къ мнѣнію Комитета, полагавшаго, что вопросъ объ одобреніи „Записки“ къ печатанію долженъ быть разрѣшенъ Главнымъ Управленіемъ Цензуры. „Г. Цензоръ Крыловъ“, писалъ князь Уварову 11-го октября 1836 г.: „разсмотрѣвъ отрывокъ изъ сочиненія, подъ заглавіемъ *О древней и новой Россіи,* донесъ С. Петербургскому Цензурному Комитету, что часть отрывка сего, относящаяся ко временамъ древней Россіи и представленная Издателемъ *Современника* вполнѣ, безъ всякихъ опущеній, не заключаетъ вообще такихъ мѣстъ, которыя бы не согласовались съ требованіями Цензурныхъ правилъ; излагаемыя въ ней сужденія, будучи развиты гораздо въ большемъ размѣрѣ въ *Исторіи Государства Россійскаго,* получили ту степень извѣстности и направленія, которыя служатъ оправданіемъ для нихъ и въ томъ случаѣ, когда они встрѣчаются въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ. Но дальнѣйшая

lib.pushkinskijdom.ru

часть отрывка, относящаяся къ новой Исторіи, преимущественно ко временамъ Петра Великаго и Екатерины II, отличается и такими идеями, которыя не столько по новости ихъ въ литературномъ кругѣ, сколько по возможности примѣненія къ настоящему положенію, не могутъ быть допущены безъ разрѣшенія Начальства. Къ числу такихъ идей принадлежитъ въ особенности сужденіе Автора о преобразованіяхъ Петра Великаго, давшихъ Россіи новую физіономію, въ которой мы привыкли уважать народное усовершенствованіе. Посему Г. Цензоръ Крыловъ представилъ на разрѣшеніе Комитета отмѣченныя карандашемъ мѣста, въ отдѣльномъ пропускѣ которыхъ онъ не могъ руководствоваться частнымъ своимъ сужденіемъ, присоединивъ къ тому, что сочиненіе: *О древней и новой Россіи,* принадлежитъ, по мнѣнію его, къ разряду тѣхъ произведеній Литературы, которыя сохраняются для будущихъ временъ, какъ достояніе потомства, и потому въ настоящее время оно не могло бы быть обнародовано въ полномъ содержаніи своемъ. Комитетъ, по уваженію причинъ, изложенныхъ г. Цензоромъ, призналъ себя не въ правѣ допустить отрывокъ сей къ напечатанію безъ разрѣшенія Начальства тѣмъ болѣе, что упомянутое сочиненіе Карамзина было напечатано по вызову блаженной памяти Государыни Великой Княгини Екатерины Павловны и не предназначалось для общаго чтенія".

Результаты отношенія Дондукова-Корсакова обнаружились довольно скоро: 28-го октября Уваровъ увѣдомилъ князя, что Главное Управленіе Цензуры постановило „не дозволять печатать" „статью" Карамзина на томъ основаніи, что она „не предназначалась сочинителемъ для напечатанія и имъ при жизни издана въ свѣтъ не была" (*Временникъ Пушкинскаго Дома* 1914 г., стр. 16, № 53).

lib.pushkinskijdom.ru

Прошло три мѣсяца; умеръ Пушкинъ; составленный имъ пятый томъ *Современника* остался неизданнымъ, — и друзья покойнаго рѣшили докончить дѣло, начатое имъ. Не желая выкидывать изъ книжки журнала статью Карамзина, Жуковскій обратился къ Уварову съ письмомъ, въ которомъ доказывалъ, что статья не заключаетъ въ себѣ „рѣшительно ничего такого, что бы могло помѣшать ея изданію въ свѣтъ“, и что самъ Карамзинъ напечаталъ бы ее въ томъ видѣ, въ какомъ она теперь представляется въ цензуру. Жуковскій просилъ министра „не отнимать у Современника его лучшаго украшенія“.

Уваровъ не сразу внялъ увѣщаніямъ Жуковскаго, которому пришлось вскорѣ возобновить свое ходатайство. „Удивляюсь“, писалъ поэтъ: „рѣшенію Цензурнаго Комитета; не пропускать сочиненія Карамзина потому только, что оно при немъ не было напечатано! Чтожъ ето за поводъ къ запрещенію? Подаю эту піесу на разсмотрѣніе Цензуры я, для напечатанія въ Современникѣ, въ тѣхъ мысляхъ что написанное Карамзинымъ будетъ имѣть много привлекательнаго для читателей Современника. Дѣло Цензуры пропустить то что пропустить можно, и вымарать то, чего она пропустить не можетъ. Ей и знать не льзя и не нужно, отъ куда взята представляемая мною піеса; ея дѣло только смотрѣть на то, — можно ли ее пропустить или нѣтъ. Пушкинъ ее уже представлялъ. Я все то выбросилъ, что было отмечено[1]) и Цензура можетъ быть теперь довольна. Да я и самъ бы не за что не захотѣлъ напечатать что нибудь такое, что кого бы то ни было могло бы ввести въ отвѣтственность. Прошу васъ убѣдительно, любезнѣйшій Сергѣй Семеновичъ, приказать пересмотрѣть піесу въ томъ видѣ въ какомъ она теперь представляется. Будетъ совершенная несправе-

1) А. Л. Крыловымъ.

lib.pushkinskijdom.ru

дливость не позволять ее только для того что она Карамзина и еще не напечатана. Я васъ увѣряю что послѣ тѣхъ изключеній которыя сдѣланы мною[1]), все въ ней пропущено быть можетъ. Пускай выкинутъ все то что найдутъ нужнымъ; пускай если угодно и не говорится что она писана для Е⟨катерины⟩ Павловны. Можно поставить слѣдующее заглавіе: *Отрывокъ изъ рукописи, найденной по смерти Карамзина.* Прошу у васъ защиты и справедливости" (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 85—89).

Настойчивыя ходатайства Жуковскаго были, наконецъ, удовлетворены, и статья Карамзина, хотя и сильно урѣзанная цензурою, появилась въ *Современникѣ*[2]).

99.

[О МИЛЬТОНѢ И ШАТОБРІАНОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ ПОТЕРЯННАГО РАЯ]

(Стр. 381—392).

Автографъ этой статьи, находящійся въ музеѣ А. Ѳ. Онѣгина, нынѣ принадлежитъ Пушкинскому Дому при Академіи Наукъ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ XII, стр. 23, № 3). Статья впервые появилась въ *Современникѣ,* 1837 г., т. V, стр. 127—139, и впослѣдствіи помѣщена въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 63—78, и въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 61—69. Мы печатаемъ статью по автографу, содержащему довольно много варіантовъ, обозначенныхъ у насъ буквою О въ отличіе отъ варіантовъ первопечатнаго изданія, отмѣченныхъ буквою С[3]).

1) Напримѣръ, выпущено почти все царствованіе Петра Великаго.

2) О Карамзинѣ, какъ авторѣ записки „О древней и новой Россіи", см. статью „Россійская Академія" (стр. 275).

3) Эти послѣдніе варіанты, можетъ быть, принадлежатъ Жуковскому, исправлявшему, по смерти Пушкина, его автографы.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 214, строки 7— 8: Долгое время Французы *были враждебны для всѣхъ иностранныхъ Словесностей* (О).

» » » » . . .*иностранныхъ народовъ* (О).

» 381, » 8—11: *Изключительно преданные образцамъ 17-го Вѣка, они не признавали въ чужихъ народахъ никого равнаго писателямъ*[1]) *обезсмертившимъ ихъ сторону — о достоинствахъ* писателей иностранныхъ судили они[2]) *только по* мѣрѣ *того*[2]) какъ отдалились они отъ *вкуса* установленнаго Французскими критиками (О).

381, » 9—14: . . .*по* мѣрѣ *ихъ большаго или меньшаго* отдаленія отъ Французскихъ привычекъ и *отъ* правилъ установленныхъ Французскими критиками; *переводя* они никогда не *думали* быть вѣрными своимъ подлинникамъ, *напротивъ* тщательно ихъ преобразовывали (С).

» 381, » 14: . . .они тщательно ихъ преобразовывали, *и* въ *своихъ* переводахъ *старались вывести совершенными Французами* (О).

» 381, » 14—20: Ни одного предисловія не *найдете вы въ которомъ* бы *переводчикъ* не *поставилъ* неизбѣжныхъ *извиненій въ недостаткѣ вкуса своего*[3]) *Ав-*

---

1) *Сверху исправлено:* ничего равнаго произведеніямъ своихъ пис‹ателей›.

2) *Далѣе зачеркнуто:* болѣе или менѣе.

3) *Первоначально было:* нашего.

lib.pushkinskijdom.ru

тора[1]), *и въ увѣреніи что*[2]), полагалъ оказать услугу *ему замѣнивъ*[3]) мѣста которыя могли бы оскорбить образованнаго Французскаго читателя (О).

Стр. 381, строки 14—25 Въ переводныхъ книгахъ изданныхъ въ прошломъ столѣтіи не льзя прочесть ни однаго предисловія, гдѣ бы не находились *извиненія касательно недостатковъ вкуса нашего Автора не имѣвшаго щастія родиться Французомъ, и увѣреніе что* переводчикъ *тщательно* исключилъ *или переправилъ всѣ* мѣста которыя могли бы оскорбить вкусъ образованныхъ читателей (О).

» » » 14—15: Въ перевод*ахъ*... (О).

» » » » Во *Французскихъ* перевод*ахъ*... (С).

» 381, » 15: ...не льзя *найти*... (О).

» 381, » 18—19: *И въ увѣренности что* оказывает*ъ* услугу публикѣ и самому автору, переводчикъ исключ*алъ* изъ книги... (С).

» 381, » 21: Странно дума*ть*... (О).

» 381, » 24: ...Г. Летурнеръ могъ ошибочно судить... (О).

» » » » ...*Геній* Г. Летурнера могъ... (О).

» » » » ...Г. Летурнеръ *и l'Abbé Arnault* могли... (О).

» 382, » 1— 2: ...переправляя Гамлета и Ромео, и

1) Послѣднія два слова подчеркнуты.

2) *Далѣе зачеркнуто:* онъ.

3) *Другіе варіанты:* перем‹ѣнивъ›, исправя.

lib.pushkinskijdom.ru

Лира на свой ладъ *и въ угоду парижск‹ой› публикѣ* (О).

Стр. 382, строки 3— 4: ...менѣе щекотливости и *заботливости о вкусѣ* публики... (О).

» 382, » 4— 6: ...пожелали видѣть *Гомера, Есхила,* Данте, Шекспира, и Сервантеса въ ихъ собственномъ видѣ *и* народной одеждѣ — *съ ихъ* недостатк*ами*... (О).

» 382, » 5— 6: ...и *предпочли видѣть* ихъ природные недостатки, *нѣжели украшенія усердныхъ переводчиковъ* (О).

» » » » ...въ ихъ народной одеждѣ *на*родные недостатки (О).

» 382, » 7: ...передавать духъ а не букву *(мнѣніе конечно справедливое)*... (О).

» 382, » 9—10: ...первый писатель своего вѣка[1]), *художникъ высокій*... (О).

» 382, » 11: ...верьхомъ его *амбиціи*... (О).

» 382, » 13: ...первомъ *художникѣ*... (О).

» 382, » 14: ...*вольныхъ*[2]) переводовъ... (О).

» 382, » 15: ...будетъ имѣть на словесность вліяніе *рѣшительное* (О).

» 382, » 18: ...оклеветанъ *самымъ непростительнымъ образомъ*... (О).

» 382, » 20—21: ...и украсилъ его *самымъ безжалостнымъ ‹образомъ›*... (О).

» 382, » 22: ...*поэты* новѣйшей романтической школы (О).

» 382, » 22—23: что сдѣлалъ изъ него *Лавинь*... (О).

» 382, » 24—25: ...поставили на одной доскѣ съ

---

1) Въ рукописи запятая поставлена послѣ слова: „своего“.

2) *Другой варіантъ:* подкрашенныхъ.

lib.pushkinskijdom.ru

В‹альтеромъ› Ск‹оттомъ› *за жалкій и за манерный романъ (St. Mars) что и мы, Рускіе журналисты, поспѣшили повторить со всевозможнымъ отверженіемъ* (О).

Стр. 382, строки 25—26: *Что сдѣлалъ* Victor Юго, *другой любимецъ нашей критики?* (О).

» » » » какъ *поступилъ съ нимъ* Викторъ Гюго... (С).

» 382, » 31—32: ...*безсмысленныхъ* произведеній... (О).

» 382, » 32: *Драмма Кромвель была первымъ опытомъ романтизма на сценѣ Парижскаго Театра. Викторъ Юго почелъ нужнымъ съ разу уничтожить всѣ законы всѣ преданія Французской драмы царствовавшія изъ за классическихъ кулисъ единство мѣста и времени, — величавое однообразіе слога, стихосложенье Расина и Буало — все было имъ низпровергнуто: однако справедливость требуетъ замѣтить что В‹икторъ› Юго не коснулся единства дѣйствія и единства занимательности (interêt); въ его трагедіи нѣтъ никакого дѣйствія, и того менѣе занимательности* (О).

» 382, » 34:

» 383, » 2: ...мы хотимъ только дать знать нашимъ читателямъ, въ какомъ видѣ *выведенъ* Мильтонъ, *секретарь*

lib.pushkinskijdom.ru

Лорда протектора[1]), *пылкій*[2]) *защитникъ 1648*[3]) *года*... (О).

Стр. 383, строки 2— 4: ...политическій писатель *пдкій и заносчивый*... (О).

» 383, » 3: ...*извѣстный* въ Европѣ... (О).

» 383, » 5: Кромвель *замышляетъ о престолѣ въ Уайтъ з*‹*алѣ*›... (О).

» 383, » 11: ...представляю вамъ... (С).

» 384, » 3: ...надъ *своею* вѣчностію... (О).

» 384, » 6— 7: ...*странную мысль*... (О).

» 384, » 15: твой *Iconoclast*... (О).

» 384, » 18: Кромвель смѣется... (С).

» 385, » 2: ...кабы вы его *одѣли въ* щегольское *платье*... (О).

» 385, » 2— 3: ...*если бы* вы прикрыли... *если бы* вы дали... (С).

» 385, » 3: ...*кудрявѣ*‹*ый*› парикъ... (О).

» 385, » 14: *Далѣе* Мильтонъ бросается въ ноги... (О).

» » » » Спустя немного времени... (С).

» 385, » 16—17: *Ça maître John Milton*[4]), ты забываешься, ты *стихотворецъ*... (О).

» 385, » 22—23: ...перчатку *Чампіона* (О)

» 385, » 24—26: Вотъ какимъ *дуракомъ*, какимъ жалкимъ пустомѣлей, выведенъ *великій* Мильтонъ, человѣкомъ который не *думалъ* ‹о томъ› что творилъ... (О).

» » » » какимъ пустомѣлей... (С).

» 385, » 26—28: Въ теченіи всей трагедіи, Мильтонъ

---

1) *Другой варіантъ:* другъ и сподвижникъ.

2) *Далѣе написано:* суровый.

3) *Въ рукописи:* 1668.

4) *Victor Hugo.* Cromwell. Paris. 1828, p. 212.

lib.pushkinskijdom.ru

ни разу не *произноситъ ни одного* дѣльнаго слова и кромѣ насмѣшекъ и ругательства ничего не слышитъ *себѣ въ отвѣтъ*... (О).

Стр. 386, строки 2— 3: ...*строгій, непреклонный* Фанатикъ, *красно<рѣчивый>* творецъ Иконокласта и *защитникъ*[1]) *Англійскаго народа* (О).

» 386, » 6: ...посмѣшищемъ *Лорда* Рочестера... (О).

» 386, » 8— 9: ...*достоинство*[2]) души... (О).

» 386, » 9: ...*создалъ* Потерянный Рай (О).

» » » » *Клеветать на великихъ людей которыхъ мы не въ состояніи понимать, есть жалкое святотатство. Знаю что поступили неумышленно, но тѣмъ не менѣе возбуждаете вы негодованіе*[3])... (О).

» 386, » 13—14: Но это *покамѣсть до насъ* не касается (О).

» 386, » 16: ...къ его облизаннымъ романамъ (О).

» 386, » 20: *Между ими молодой Мольеръ, Корнель и Декартъ*. Скюдери толкуетъ... (О).

» 386, » 22: ...на рѣкѣ *Нѣжности*... (О).

» 386, » 24—25: ...*разумѣется* кромѣ Мольера Корнеля и *молодаго офицера* Декарта... (О).

» 386, » 28: ...*своимъ* гостямъ... (О).

» 386, » 28—29: *Все* хорошо; да какъ-же Французы поймутъ *Англійскіе* стихи? (О).

---

1) *Въ рукописи:* защищалъ.
2) *Другой варіантъ:* величіе.
3) *Далѣе слѣдуетъ:* и заслуживаете...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 386, строки 31—32: ...списки *лежатъ* ‹*передъ*› гостя‹ми›[1]) (О).

» 387, » 5: ...Мильтонъ читалъ Французски‹*мъ* умник*амъ*›... (О).

» 387, » 6— 9: ...Французскіе умники надъ нимъ посмѣялись и не поняли духа великаго поэта (О).

» 387, » 8— 9: ...и изъ этаго выдетъ ефектъ (О).

» 389, » 6: *Нѣтъ Г. де Виньи!* или мы очень ошибаемся... (О).

» 389, » 7: ...показывать себя *публикѣ*... (О).

» 389, » 7— 8: ...*не сталъ бы* и въ домѣ непотребной женщины забавлять *публику*... (О).

» 389, » 10: ...то закрывая глаза *руками*... (О).

» 389, » 13—14: ...скромную роль *молодаго человѣка* благороднаго и хорошо воспитаннаго (О).

» 389, » 20: ...*простымъ* и естественнымъ изображеніемъ (О).

» 389, » 21: ...занятый *дѣловыми бумаг‹ам›и*... (О).

» 389, » 22: ...въ поэтическихъ мечтаніяхъ...

» 389, » 22—23: ...*вмѣсто дѣловаго* отчета[2]) начерталъ бы нѣсколько стиховъ... (О).

» 389, » 24—26: ...называя его стихоплетомъ, и вралемъ etc. изъ *чего* бы вышелъ ефектъ, о которомъ бѣдный В‹альтеръ› Скоттъ и не *имѣлъ никакого понятія* (О).

» 389, » 27: *Нынѣ* изданный переводъ... (О).

---

1) Далѣе слѣдуетъ: Стало быть чтеніе это приготовлено.

2) *Сверху написано:* дѣловой бумаги.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 389, строка 28: ...*грѣхи* молодыхъ Французскихъ писателей... (О).

» 389, » 28: ...*презрѣніе* (?) молодыхъ... (О).

» 389, » 31: ...какъ только то позволяетъ синтаксисъ... (О).

» 390, » 1— 2: ...замѣтный *только для знатока*... (О).

» 390, » 3: ...*только* знатокомъ! (О).

» » » » ...*однимъ развѣ* знатокомъ! (О).

» 390, » 4: ...*строгаго* ‹критика› (О).

» 390, » 4— 5: ...въ статьѣ исполненной *ума и* тонкой смѣтливости... (О).

» 390, » 7— 8: Нѣтъ сомнѣнія что старавшись *переложить* Мильтона слово въ слово, Шатобріанъ *удалился отъ ‹оригинала?›*... [О].

» 390, » 13: ...*равнозначущими* словами... (О).

» » » » ...возьмите... (О).

» » » » ...первую фразу... (О).

» » » » ...первую Французскую фразу... (О).

» 390, » 17: ...*столь* общежительный... (О).

» 390, » 19: ...къ *переводу* слово въ слово... (О).

» 390, » 19—20: ...какимъ образомъ *робкій, скудный, недвижный* Французскій языкъ... (О).

» 390, » 21—22: ...непріязненный *въ отношеніи* къ языкамъ... (О).

» 390, » 23—24: ...въ борьбѣ съ *поэтическимъ* языкомъ Мильтона, *этого* поэта... (О).

» 390, » 24—25: ...*и* темнаго, *и* запутаннаго, *и* выразительнаго, *и* своенравнаго...

» 390, » 25—26: ...смѣлаго *свыше всякаго выраженія* (О).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 390, строка 29: ...переводъ *изъ Orlando*... (О).
» » » » .....*изъ Аріоста*... (О).
» 390, » 30: ...*было*‹*варивалъ*› переводчику... (О).
» 390, » 32—33: ...battarsi la guancia *билъ себя по щекамъ* (О).
» » » » .....*тоесть* бить себя... (О).
» 391, » 2— 3: ...*написалъ* ‹*переводъ*›... (О).
» 391, » 5— 6: ...поторговавшись немного *со своею совѣстью*... (О).
» 391, » 6: ...*воз*пользоваться *Королевскими щед*ротами... (О).
» 391, » 7— 8: ...предпочелъ имъ *скудость и честь*... (О).
» 391, » 8—10: Уклонившись отъ палаты Перовъ *вѣрный падшей династіи своихъ старыхъ Королей* Шатобріянъ приходитъ въ гостиную *книгопродавца*[1])... (О).
» 391, » 9: ...гдѣ *могущественно* раздавался... (С).
» 391, » 12: ...строгостію *своей* оцѣнки *унижать* товаръ благороднаго труженика (О).
» 391, » 13: ...*охуждать* его товаръ (О).
» 391, » 13—14: *Къ щасті*‹*ю*› Шатобріянъ не имѣетъ... (О).
» 391, » 16—17: ...и критика, можетъ *быть въ ихъ отношеніи*, столько строга, сколько ей будетъ угодно... (О).
» 391, » 19: ...*отъ забвенія* и отъ пренебреженія... (О).
» 391, » 23—24: ...они повѣрили заглавію, *и въ бле-*

1) *Сверху написано:* книжнаго торгаша.

lib.pushkinskijdom.ru

стящемъ сочиненіи Шатобріяна *искали* ученой критики... (О).

Стр. 391, строки 24—25: ...предметовъ *имъ близкихъ*... (О).

» 392, » 4: ...*повидимому* чуждыхъ... (О).

» 392, » 5: ...но составляющихъ *главное, блистательное достоинство* Опыта (С).

» » » » *Книга Шатобріяна начинается быстрымъ и широкимъ изображеніемъ среднихъ вѣковъ, служащимъ введеніемъ въ Исторію Англійской литературы* (О).

Джонъ Мильтонъ (род. 9-го декабря 1608 г., ум. 10-го ноября 1674 года) былъ извѣстенъ во Франціи до 1728 г. преимущественно какъ политическій писатель, сочиненія котораго — въ томъ числѣ и „Защита Англійскаго народа“, сожженная рукою палача, — были направлены противъ существующаго государственнаго строя, освященнаго церковью и временемъ. Первый заговорилъ о Мильтонѣ Пьеръ Бэйль въ своемъ „Историческомъ и Философскомъ Словарѣ“ (1697 г.), но онъ, на трехъ съ половиной страницахъ, отведенныхъ подъ біографію знаменитаго англичанина, удѣлилъ немного мѣста „Потерянному Раю“. Только въ 1728—1730 гг. Мильтонъ пріобрѣтаетъ извѣстность какъ эпическій поэтъ; именно тогда появляются переводы его поэмы и наиболѣе благожелательный отзывъ Вольтера, причислившаго Мильтона въ своемъ „Опытѣ объ эпической поэзіи (1727 г.) къ великимъ писателямъ. Изъ переводчиковъ наибольшимъ успѣхомъ пользовались Dupré de Saint-Maur (1729), M-me du Boccage (1748) и Jacques Delille (1804), которые, не отличаясь точностью, сумѣли измѣнить оригиналъ сообразно вкусамъ своихъ соотечественниковъ и придать своимъ

lib.pushkinskijdom.ru

переводамъ поэтическій характеръ. Наоборотъ, Louis Racine (1755), заботившійся о точности перевода, не смотря на свое прославленное имя, не могъ снискать особаго расположенія читающей публики.

Послѣдователемъ Расина былъ Шатобріанъ, объявившій переводъ своего предшественника самымъ лучшимъ прозаическимъ переводомъ „Потеряннаго Рая“. Интересъ къ Мильтону появился у Шатобріана еще въ самомъ началѣ XIX вѣка, когда онъ задумалъ „Духъ христіанства“, и онъ справедливо сказалъ въ 1835 году, что переводъ англійской поэмы есть дѣло всей его жизни. Этотъ переводъ имѣетъ большое достоинство — точность, и никоимъ образомъ не можетъ получить прозвище „une belle infidèle“. Ради точности Шатобріанъ допускалъ очень смѣлые и свободные обороты рѣчи, чуждые французскому языку: пропускъ члена, обращеніе глаголовъ среднихъ въ дѣйствительные, употребленіе устарѣвшихъ выраженій и созданіе новыхъ, перестановку словъ и т. п. Стиль Шатобріана не чисто французскій, и иныя реченія напоминаютъ англійскія; переводчикъ самъ готовъ признаться въ своихъ промахахъ, но проситъ воздать ему должное за то, что онъ вѣрно воспроизводитъ оригиналъ. — Трудъ Шатобріана пользовался большой извѣстностью. По словамъ редактора *Le National,* одна публикація о новомъ переводѣ „Потеряннаго Рая“ была во Франціи литературнымъ событіемъ; въ *Journal des Savants* сдѣлано Вильменомъ похвальное сообщеніе о переводѣ (*John Martin Telleen.* Milton dans la littérature française. Paris, 1904, pp. 17—82, 112—137).

Слухи о новомъ твореніи Шатобріана проникли въ Россію. А. И. Тургеневъ, жившій въ Парижѣ, писалъ своимъ друзьямъ 22-го февраля 1836 г.: „Сегодня слышалъ я, что Ламене также переводитъ Мильтона. Пріятели Шатобріана опасаются этого соперничества; слѣдовательно,

lib.pushkinskijdom.ru

будетъ два перевода въ прозѣ и одинъ въ стихахъ — Делиля. Сказываютъ, что скоро выйдетъ переводъ Шатобріана, но къ курьерскому отправленію уже не поспѣетъ". — Эти послѣдніе толки оказались не вполнѣ точными. По крайней мѣрѣ, еще въ концѣ марта Тургеневъ послалъ Шатобріану статью о Мильтонѣ американскаго писателя-проповѣдника Чанинга и не терялъ надежды, что эта статья можетъ быть использована для перевода „Потеряннаго Рая". Немного спустя получилъ Тургеневъ свѣдѣнія объ условіяхъ продажи этого труда книгоиздателю Lavocat [1]) и немедленно сообщилъ ихъ въ редакцію *Современника*. По словамъ Тургенева, одно общество, составившееся изъ легитимистовъ, предлагало Шатобріану за Мильтона и „Исторію Англійской литературы" 150.000 [2]) франковъ, „разсрочивая платежъ на нѣсколько сроковъ". Переводчикъ „задумался". Тогда „пришелъ Лавока съ 36.000 фр‹анковъ› чистоганомъ, и Шатобріанъ отдалъ ему трудъ свой за эту сумму" (*Современникъ*, 1836 г., т. I, стр. 291; т. IV, стр. 236, 252).

— (*Стр. 381, строка 7 — стр. 382, строка 8*). Пріемы французскихъ переводчиковъ XVIII и начала XIX вѣка, осужденные Пушкинымъ, дѣйствительно, не могутъ быть названы удовлетворительными. Извѣстно, напримѣръ, что переводчикъ Сервантеса, Жанъ-Пьеръ Флоріанъ (род. въ 1755 г., ум. въ 1794 г.) довольно свободно обращался съ оригиналомъ: считая самый пріятный переводъ самымъ вѣрнымъ, онъ думалъ болѣе о плавности и чистотѣ языка чѣмъ о точномъ воспроизведеніи „Донъ-Кихота", который и оказался передѣланнымъ на французскій ладъ.

Взглядъ Флоріана на задачу переводчика нашелъ себѣ широкое распространеніе во Франціи и привился

1) На обложкѣ пушкинскаго экземпляра труда Шатобріана отмѣчено, что издателями книги являются Charles Gosselin и Furne, что свидѣтельствуетъ о недостовѣрности сообщенія А. И. Тургенева.

2) *Въ оригиналѣ:* 150.009.

lib.pushkinskijdom.ru

также въ Россіи, гдѣ былъ всецѣло усвоенъ Жуковскимъ (*Н. С. Тихонравовъ*. Сочиненія. М. 1898 г., т. III, ч. 1, стр. 441—444. — *Отечественныя Записки,* 1853 г., кн. 6, отд. II, стр. 64). Но, мало-по-малу, съ расцвѣтомъ французской романтической школы, флоріановскія воззрѣнія теряютъ свое значеніе, появляется желаніе ознакомиться не съ передѣлками иностранныхъ произведеній, а съ ними самими, въ томъ видѣ, въ какомъ они вышли изъ-подъ пера авторовъ. Къ переводчикамъ предъявляется требованіе точности. Гизо пересматриваетъ и исправляетъ переводъ Шекспира, сдѣланный Летурнеромъ (1821 г.); Антоній Дешанъ (Antoni Deschamps), послѣ двухъ поѣздокъ въ Италію, обнародываетъ свой переводъ „Божественной Комедіи“ (1829) [*Jules Marsan*. La bataille romantique. Paris, 1812, pp. 222—225].

— (*Стр. 382, строки 18—21*). Переводъ „Потеряннаго Рая“, сдѣланный Жакомъ Делилемъ (1804 г.) и весьма слабо воспроизводящій оригиналъ, пользовался большимъ успѣхомъ, такъ какъ былъ написанъ хорошими стихами; одно время даже считалось дерзостью переводить поэму Мильтона, *послѣ* Делиля (*J. Telleen*. Milton dans la littérature française, pp. 121—124).

— (*Стр. 382, строки 22—25*). Въ статьѣ: „Всѣмъ извѣстно, что французы народъ самый Anti-поэтическій“ (1832 г.) Пушкинъ пишетъ: „Sint Mars, посредственный Ром‹анъ› Графа де-Виньи ровняютъ съ великими созданіями Вал‹ьтера› Скот‹та›“ [1]) [№ 64, стр. 164]. Отношеніе французскихъ критиковъ къ „Сенъ-Марсу“ казалось Пушкину столь страннымъ и непонятнымъ, что онъ упомянулъ объ этомъ и четыре года спустя, въ очеркѣ о Мильтонѣ.

---

1) Въ письмѣ Пушкина къ Погодину (сентябрь 1832 г.) сказано, что „романы A. Vigny хуже романовъ Загоскина“ (Переписка, т. II, стр. 389).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 383, строка 5 — стр. 385, строка 23*). Приведенная Пушкинымъ цитата заимствована изъ второй сцены третьяго акта драмы Виктора Гюго „Кромвель“ (1827 г.); другія, отмѣченныя въ статьѣ мѣста изъ того же произведенія, — четвертая сцена третьяго акта и тринадцатая сцена пятаго акта (*Victor Hugo*. Cromwell. Paris, 1828, pp. *188 — 191*, 208 — 212, 435 — *446* — *449*. — *Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 253, № 1004).

— (*Стр. 386, строки 1—5*). Εἰκονοκλάστης (Иконоборецъ) [1649 г.] и Defensio pro populo anglicano (Защита англійскаго народа) [1651 г.] — два знаменитыхъ сочиненія Мильтона. Первое написано для опроверженія книги богослова Гаудена „Εἰκὼν βασιλική“, гдѣ Карлъ I изображенъ какъ невинный мученикъ, второе является отвѣтомъ французскому ученому Клоду Сомезу (Salmasius), который выступилъ защитникомъ казненнаго короля въ своемъ трудѣ „Defensio regia pro Carolo I“.

Пророческій сонетъ Мильтона носитъ заглавіе: „To the General Cromwell“.

— (*Стр. 386, строка 6*). Wilmot Earl of Rochester (род. въ 1647 г., ум. въ 1680 г.) — извѣстный сатирикъ.

— (*Стр. 386, строка 17 и слѣд.*). По свидѣтельству А. О. Смирновой, Пушкинъ рѣзко критиковалъ романъ „Cinq Mars“, указывая неправдоподобіе и неестественность изображенія Мильтона въ гостяхъ у Маріонъ де-Лормъ. „Эту главу“, говорилъ онъ: „я нахожу даже смѣшной. Потерянный Рай и Разсужденіе о методикѣ — въ салонѣ женщины легкаго поведенія! Съ какой стати было изображать Декарта и Мильтона у нея въ гостяхъ? да вдобавокъ Мильтона въ роли слѣпого импровизатора, читающаго свою поэму людямъ, которые не должны были быть особенно сильны въ англійскомъ языкѣ. Это даже смѣшно, если вспомнить, что Мильтонъ написалъ Defensio Populi по-латыни, чтобы Сомезъ его понялъ, а Поте-

lib.pushkinskijdom.ru

рянный Рай написалъ позже; во времена Ришелье онъ не былъ еще слѣпымъ; впрочемъ, сдѣлалъ же изъ него Викторъ Гюго слѣпого секретаря Кромвеля, а онъ былъ министромъ и во время революціи былъ зрячимъ. Право, эти господа слишкомъ свободно обращаются съ исторіей, да и безъ всякой цѣли, такъ какъ это ровно ничего не придаетъ драмѣ. Романтики не читали Лессинга, а онъ, между тѣмъ, былъ бы имъ полезенъ... Эти выдумки иногда смѣшны, коль скоро ужъ они такъ сильно хлопочутъ объ *исторической вѣрности на сценѣ*" (*А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 297—298).

— (*Стр. 386, строка 21*). Произведеніе извѣстной въ XVII в. романистки Мадлены Скюдери (род. въ 1607 г., ум. въ 1701 г.) называется „Carte du tendre".

— (*Стр. 386, строки 22—23*). Вставка въ Пушкинскій текстъ слова „нѣжныхъ" обусловливается тѣмъ, что въ романѣ А. де-Виньи напечатано: Billet *doux*. Ср. *Современникъ*, 1837 г., т. V, стр. 134: нѣжныхъ записочекъ.

— (*Стр. 387, строка 10 — стр. 388, строка 30*). Цитата изъ романа „Cinq Mars" приведена въ переводѣ А. Н. Очкина (*А. де-Виньи.* Сен-Марсъ. Изданіе 2-е. СПб. 1835 г., ч. III, стр. 188—191).

— (*Стр. 389, строка 6*). Поэтъ въ роли „заѣзжаго фигляра" — одно изъ любимыхъ выраженій Пушкина.

Холодная толпа взираетъ на поэта,
Какъ на заѣзжаго фигляра.

(„Отвѣтъ Анониму", 1830 г. — Ср. „Египетскія ночи", гл. III: „...непріятно было видѣть поэта въ одеждѣ заѣзжаго фигляра").

— (*Стр. 389, строки 15—18*). Выписка изъ Вудстока (1826 г.) не была сдѣлана Пушкинымъ, такъ какъ въ этомъ романѣ Мильтонъ не выступаетъ въ качествѣ дѣйствующаго лица. Вальтеръ Скоттъ только заставляетъ одного

lib.pushkinskijdom.ru

изъ своихъ героевъ, полковника Эварда декламировать стихи автора „Потеряннаго Рая“ (*Walter Scott.* Oeuvres. complètes. Woodstock. Paris, 1828, t. III, pp. 198—204.— *Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 333, № 1368). Безъ сомнѣнія, Пушкинъ исправилъ бы свою ошибку, если бы окончательно отдѣлалъ свою статью для печати.

— (*Стр. 390, строки 3—6*). Можно предположить, что Дезирэ Низару (род. въ 1806 г., ум. въ 1888 г.) принадлежитъ большая статья о Шатобріановомъ переводѣ „Потеряннаго Рая“, помѣщенная въ *Journal des Débats*, 1836, t. II, 14 Juillet; 14, 26, Septembre (Le Paradis Perdu, traduction nouvelle par M. de Chateaubriand; faisant suite aux Etudes historiques de M. de Chateaubriand sur la Littérature anglaise).

— (*Стр. 390, строки 9—15*). Мысль Пушкина о неточности подстрочныхъ переводовъ совпадаетъ съ мнѣніемъ Вольтера, высказаннымъ въ „Lettres philosophiques“ (XVIII: „Sur la tragédie“) и въ „La princesse de Babylone“ (§ VIII): „. . . Malheur aux faiseurs de traductions littérales, qui, traduisant chaque parole, énervent la sens! C'est bien là qu'on peut dire que la lettre tue, et que l'esprit vivifie“ — „*How do you do,* à la lettre, *comment faites-vous faire?* et dans la langue du traducteur, *comment vous portez-vous?* ce qui ne veut rien dire du tout en aucune langue“ (*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1818, t. XXVII, p. 480. — *Ibidem*, Paris, 1827, t. XXXV, p. 145).

— (*Стр. 390, строки 29—33*). Зная практически итальянскій языкъ, Пушкинъ взялся объяснить выраженіе, встрѣчающееся въ „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста. Но поверхностное знакомство съ итальянской грамматикой было причиной того, что Пушкинъ написалъ *battarsi* вмѣсто *battersi* и слова *la guancia* перевелъ *по щекамъ* вмѣсто *по щекѣ* (Ср. *Русскій Архивъ*, 1908 г., выпускъ 12, стр. 590).

lib.pushkinskijdom.ru

Упомянутая поэтомъ критика въ *Телескопѣ* — рецензія на переводъ „Неистоваго Роланда", сдѣланный С. Е. Раичемъ (1832 г.), гдѣ сопоставляется итальянскій оригиналъ съ русскимъ текстомъ: „Орландо возвращается со своею прекрасною *Анеликою* изъ далекихъ краевъ, чтобы заставить Маврскихъ Королей, вздумавшихъ напасть на Карла, *выбить самихъ себя по щекамъ* за столь глупое намѣреніе:

Per far al Re Marsilio et al Re Agramante
Battersi ancor del folle ardir la *guancia*.

У насъ сказано просто:

Чтобъ Аграманта *наказать*
И дерзкаго Марсила."

(*Телескопъ*, 1832 г., ч. VII, № 4, стр. 603).

— (*Стр. 391, строки 21—25*). Англійскіе критики, строго осудившіе „Опытъ объ англійской литературѣ",— сотрудники *Edinburgh Review* (1837, LXIV, pp. 506—537, и *The Foreign Quarterly Review* 1837, XVIII, pp. 392—418). Ср. письмо А. И. Тургенева къ П. А. Вяземскому отъ 18-го октября 1836 г.: „Завтра прочту любопытную критику на Шатобріанова „Мильтона" въ англійскихъ „Athenaeum": досталось пріятелю!" („Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ", т. III, стр. 334).

100.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ СВОЙСТВЕННИКОВЪ ІОАННЫ Д'АРКЪ.

(Стр. 392—395).

Эта статья, сохранившаяся въ тетради б. Румянцовскаго Музея № 2386 А, лл. 2—5, 58—61, и въ рукописи Государственной Публичной Библіотеки (Отчетъ за 1889 г.

lib.pushkinskijdom.ru

СПб. 1893 г., стр. 57), впервые появилась въ *Современникѣ*, 1837 г., т. V, стр. 118—123, и перепечатана въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 91—97, и въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 69—73.

Помѣщаемый нами текстъ воспроизводится по автографу поэта, а варіанты берутся изъ рукописи и изъ первопечатнаго изданія, при чемъ первая обозначается буквою Р, а второй — буквою С.

Стр. 392, строка 18: ...*Господину* Дюлису... (Р).
» 392, » 20: ...*въ февралѣ* 1767 года... (Р).
» 392, » 21—22: ...*о его славной прабабкѣ* (Р).
» 392, » 28: ...съ *котораго*... (С).
» 392, » 29: *Какъ сіе* письмо, такъ и отвѣтъ Вольтера напечатаны... (Р).
» 393, » 2: ...исторію *объ* осадѣ Орлеана... (Р).
» 393, » 2—3: Это сочиненіе *не только* преисполнено... (Р).
» 393, » 3: ...*самыхъ* грубыхъ ошибокъ... (Р).
» 393, » 8: ...Бордикура... (С).
» 393, » 9: ...благородныхъ *Дамъ* и знатныхъ *людей* (Р).
» » » » *Пуще же всѣхъ осмѣлились вы оскорбить чистую и священную память Іоанны д'Аркъ, спасительницы ‹Франціи›.*
Стр. 393, строка 13: ...отъ *котораго* происхожу... (С).
» 393, » 16: ...дерзостныя... (Р).
» 393, » 23—24: ...который могло *бы оно* произвести... (Р).
» 393, » 25: ...*не замѣдлилъ своимъ отвѣтомъ* (Р).
» 393, » 28: Письмо, которымъ удостоили Вы меня... (Р).
» 394, » 3—4: *Тому* лѣтъ *трид‹цать›* назадъ... (Р).

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 394, строки 3— 4: Лѣтъ *за* сорокъ тому назадъ... (Р).
» 394, » 10—11: *Вотъ единственный случай, когда удалось мнѣ упомянуть*... (Р).
» 394, » 26: ...приписывала... (Р).
» 395, » 2—3: Англія дала *пріютъ*... (Р).
» 395, » 3—4: *Спрашивается*, какъ-же Франція... (Р).
» 395, » 4: ...*неизгладимое* пятно... (Р).
» 395, » 9—10: ...*ничего* трогательнѣе жизни... (Р).
» 395, » 12: ...своего *антипоэтическаго* народа..
» 395, » 13: ...употребилъ онъ вдохновеніе (Р).
» 395, » 15: ...и какъ *Римскій палачъ*... (Р).
» 395, » 22: ...*ожесточеннымъ* порицаніямъ... (Р).

Статья написана Пушкинымъ, повидимому, въ самомъ концѣ 1836 года, но такъ какъ она предназначалась для пятаго тома *Современника*, который могъ выйти въ свѣтъ не ранѣе 1837 года, то и начинается словами: „Въ Лондонѣ, въ *прошломъ*[1]) 1836 году“ и т. д. Газеты *Morning Chronicle* 1836 г.[2]) въ ленинградскихъ библіотекахъ не оказалось, почему не было возможности сличить пушкинскій текстъ съ оригиналомъ. Письмо Вольтера къ Дюлису не печатается въ собраніяхъ его сочиненій, и Дюлисъ въ числѣ корреспондентовъ философа не значится.

— (*Стр. 392, строки 6—8*). Потомки Жанны Даркъ получили, взамѣнъ своего родового имени, фамилію Du Lis, которая намекала на лилію въ гербѣ, дарованномъ Орлеанской дѣвѣ французскимъ королемъ, при возведеніи ея въ дворянское званіе въ 1429 г.

---

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

2) Ежедневная утренняя газета, основанная въ 1769 г., пользовавшаяся наибольшимъ успѣхомъ среди читателей въ серединѣ 1830-хъ годовъ и извѣстная въ Россіи (см. *Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду*, 1832 г., № 73, стр. 580 и др.).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 394, строка 19*). Въ своемъ сочиненіи „Du Prince et des Lettres“ Альфьери порицаетъ писателей, польстившихся на придворныя званія и пенсіи и употреблявшихъ свой талантъ на прославленіе сильныхъ міра сего. Къ числу этихъ писателей относится Вольтеръ. — Ср. № 71, стр. 224, и примѣчанія, стр. 652.

— (*Стр. 395, строки 9—32*). Очень рѣзко отозвался о „Дѣвственницѣ“ Вольтера Сильвіо Пеллико, которымъ „восхищался“ Пушкинъ. „Всѣ знаютъ“, писалъ Пеллико: „какъ Вольтеръ, обворожительный писатель (душа не чуждая нѣкоторыхъ добрыхъ качествъ, но часто увлекаемая низкими страстями и неистовою потребностію смѣшить) написалъ длинную шуточную поэму, въ которой издѣвается надъ честію женщинъ въ лицѣ прекрасной героини своего отечества, великодушной и злополучной Іоанны д'Аркъ. Мадамъ Сталь справедливо называетъ это сочиненіе преступленіемъ противъ народной славы“ (*Сильвіо Пеллико*. Объ обязанностяхъ человѣка. СПб. 1836 г., стр. 92).

Пушкинъ въ юности увлекался поэмой „La Pucelle“, но съ теченіемъ времени измѣнилъ свой взглядъ на это произведеніе. Вольтеръ, пишетъ онъ въ 1834 г.: „однажды въ своей ст‹арости› становится поэтомъ, когда весь его разрушительный Геній со всею свободою излился въ циничной поэмѣ, гдѣ всѣ высокія чувства, драгоцѣнныя человѣчеству были принесены въ жертву Демону смѣха и ироніи“ (Настоящій томъ № 71, стр. 226. Ср. т. II, стр. 3—4, и примѣчанія, стр. 3—4; т. IV, стр. 160, и примѣчанія, стр. 212—213, 233—234).

lib.pushkinskijdom.ru

101.

[ЖЕЛѢЗНАЯ МАСКА].

(Стр. 396—397).

Эта статья, находящаяся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2387 Б, лл. 44, 54, 45, 53, впервые помѣщена въ *Современникѣ* 1837 г., т. VI, стр. 399—402, а затѣмъ перепечатана въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 101—104, и въ изданіи Анненкова, т. VI, стр. 73—75.

Мы печатаемъ текстъ по рукописи поэта, отмѣчая варіанты послѣдней буквою Р, а варіанты первоначальной редакціи буквою С.

Стр. 396, строка 5: *Неизвѣстный человѣкъ* высокаго росту... (Р).
» 396, » 14: ...Лувуа... (С).
» 396, » 19—20: ...Губернаторъ рѣдко садился *въ его пр‹исутствіи›*.
» 396, » 28—29: ...*ни одной* изъ важныхъ особъ... (Р).
» 396, » 29: ...не исчезало... (С).
» 396, » 30—31: Доказательство тому произшедствіе... (Р).
» 397, » 2: ...начертилъ... (С).
» 397, » 3: *Тарелка упала близъ лодки* (Р).
» 397, » 19: ...*сильное* впечатлѣніе... (Р).
» 397, » 21—22: ...*Герцогъ* de Vermandois... (Р).

Исторія Желѣзной Маски представляетъ собою трудную загадку, надъ разрѣшеніемъ которой тщетно бьются ученые [1]). Начиная съ „Тайныхъ мемуаровъ по исторіи Персіи“ (1745 г.) [2]), приписываемыхъ г-жѣ де Вье-Мезонъ

1) Литература предмета указана въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, 1900 г., № 6, стр. 999—1031. — Ср. *Новое Время*, 1914 г., 10-го января, № 13.589.

2) Mémoires secrets pour servir à l'histoire de Perse Amsterdam, 1745.

lib.pushkinskijdom.ru

(de Vieux-Maisons), кончая новѣйшей работой Лалуа „Загадки великаго вѣка“ (1913 г.) [1]), во всѣхъ книгахъ, посвященныхъ таинственному узнику въ желѣзной маскѣ, дѣлаются хитроумныя, но тщетныя попытки установить его личность. Наиболѣе популярной была гипотеза Маріуса Топена [2]), нашедшая себѣ много сторонниковъ и заключающаяся въ томъ, что Желѣзная Маска — графъ Эрколе-Антоніо Маттіоли (род. въ 1640 г., ум. въ 1703 г.), министръ и дипломатическій агентъ герцога Мантуанскаго [3]).

Изъ современныхъ Пушкину писателей гипотезу о Маттіоли поддерживали Delort [4]) и Roux-Fazillac [5]), но ихъ труды, повидимому, не были извѣстны Пушкину, который почерпнулъ свѣдѣнія о Желѣзной Маскѣ изъ сочиненій Вольтера (Oeuvres complètes. Paris, 1817—1818, t. XIII, pp. 549—551; t. XXIII, pp. 228—233) [6]) и изъ переведенныхъ съ французскаго языка статей, которыя были помѣщены въ пятой части *Московскаго Вѣстника* 1830 г. (№№ 17—20, стр. 153—188: „Желѣзная Маска“) и въ тридцать второй части *Телескопа* 1836 г. (стр. 436—451: „Новая догадка о Желѣзной Маскѣ“, статья Жакоба Библіофила изъ *Revue de Paris*).

Пушкинъ далъ точный переводъ отрывка изъ „Siècles de Louis XIV et de Louis XV“, съ пропускомъ лишь

1) *E. Laloy.* Énigmes du grand siècle. Le masque de fer. Paris, 1913.— Рецензіи на это изслѣдованіе помѣщены въ *Revue des questions historiques*, 1913, 1-er octobre (188-e livraison, pp. 636—637), въ *Literarisches Zentralblatt*, 1913, № 35, S. 1134, и въ *Голосѣ Минувшаго*, 1914 г., № 3, стр. 315—320.

2) *M. Topin.* L'homme au masque de fer. Paris, 1869.

3) См. *E. Lavisse.* Histoire de France, t. VII, 2, p. 357. — Изъ русскихъ ученыхъ мнѣніе Топена раздѣлялъ Б. В. Никольскій.

4) *J. Delort.* Histoire de l'homme au masque de fer. Paris, 1825. — Отзывъ объ этой книгѣ напечатанъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1828 г., ч. IX, № 11, стр. 320—325.

5) *Roux-Fazillac.* Recherches historiques et critiques sur l'homme au masque de fer. Paris, 1801.

6) *Пушкинъ и современники*, вв. IX—X, стр. 361, № 1491.

lib.pushkinskijdom.ru

весьма незначительныхъ деталей (стр. 396, строка 2—стр. 397, строка 18)[1]), а въ небольшомъ послѣсловіи (стр. 397, строки 19—34) использовалъ „Anecdote sur l'homme au masque de fer“ (изъ „Dictionnaire philosophique“).

Выписываемъ для сличенія французскій текстъ Вольтера и en regard пушкинскій переводъ.

Quelques mois après la mort de ce ministre (cardinal Mazarin), il arriva un événement qui n'a point d'exemple; et ce qui est non moins étrange, c'est que tous les historiens l'ont ignoré. On envoya dans le plus grand secret au château de l'île Sainte-Marguerite, dans la mer de Provence, un prisonnier inconnu, d'une taille audessus de l'ordinaire, jeune, et de la figure la plus belle et la plus noble. Ce prisonnier, dans la route, portait un masque dont la mentonnière avait les ressorts d'acier, qui lui laissaient la liberté de manger avec le masque sur son visage. On avait ordre de le tuer s'il se découvrait (*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1817, t. XIII, p. 549).

Нѣсколько времени послѣ смерти Кардинала Мазарини случилось произшедствіе безпримѣрное, и что еще удивительнѣе, неизвѣстное ни одному историку. Нѣкто, высокаго росту, молодыхъ лѣтъ, благородной и прекрасной наружности, съ величайшей тайною посланъ былъ въ заточеніе на островъ Св. Маргариты. Дорогою невольникъ носилъ маску коей нижняя часть была на пружинахъ, такъ что онъ могъ ѣсть не сымая ея съ лица. Приказано было, въ случаѣ если бъ онъ открылся, его убить.

1) Первый переводъ Вольтеровскаго разсказа о Желѣзной Маскѣ сдѣланъ Н. М. Карамзинымъ въ „Письмахъ русскаго путешественника“ (*Н. М. Карамзинъ.* Сочиненія. Изд. 4-ое. СПб. 1834 г., т. V, стр. 4—8: „Парижъ, мая . . .).

lib.pushkinskijdom.ru

Положеніе статьи о Желѣзной Маскѣ въ тетради № 2387 Б, гдѣ помѣщены произведенія разныхъ годовъ, относящіяся преимущественно ко времени изданія *Литературной Газеты* (1830—1831 гг.) и *Современника* (1836 г.), не даетъ изслѣдователю права точно датировать упомянутый отрывокъ; поэтому, пріуроченіе его къ 1836 г. является лишь болѣе или менѣе вѣроятнымъ. Къ печати эта статья не предназначалась, такъ какъ Пушкинъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1830 г. [1]) уже обнародованы всѣ тѣ данныя о Желѣзной Маскѣ, которыя приводятся и въ его статьѣ.

Таинственные историческіе эпизоды всегда привлекали вниманіе поэта, и, можетъ быть, набрасывая свои замѣтки, онъ закрѣплялъ для памяти сюжетъ одного изъ задуманныхъ имъ твореній (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXVIII, стр. 87—95: „Сюжеты Пушкина", Ю. Г. Оксмана).

— (*Стр. 396, строки 1—2*). Имя Желѣзной Маски впервые упомянуто г-жей де Вье-Мезонъ (de Vieux-Maisons), а не Вольтеромъ, который выпустилъ свой „Вѣкъ Людовика XIV" въ 1751 г. [2]), т. е. черезъ шесть лѣтъ послѣ выхода „Тайныхъ мемуаровъ по исторіи Персіи" (1745). Заслуга Вольтера, по его собственнымъ словамъ, заключалась въ томъ, что онъ первый разсказалъ преданіе о Желѣзной Маскѣ въ научной формѣ (dans une histoire avérée).

— (*Стр. 397, строки 19—31*). Приведенныя Пушкинымъ гипотезы о личности таинственнаго узника заимствованы у Вольтера [Oeuvres complètes. Paris, 1818, t. XXIII (Dictionnaire philosophique), pp. 228—229] и были опубликованы въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1830 г., ч. V, №№ 17—20, стр. 170—171.

1) Часть V, №№ 17—20, стр. 167—171.

2) Пушкинъ ошибочно отнесъ это сочиненіе къ 1760 г.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 397, строки 21—23*). О пощечинѣ, данной графомъ Вермандуа (Vermandois) дофину (Людовику XV), говорится въ „Mémoires secrets pour servir à l'histoire de Perse“ (Amsterdam, 1745, p. 19).

— (*Стр. 397, строки 23—26*). Осада Кандіи, во время которой былъ убитъ турками герцогъ де-Бофоръ (Beaufort), относится къ 1669 г.

— (*Стр. 397, строки 27—31*). „Anecdote sur l'homme au masque de fer“ сопровождается особымъ дополнительнымъ разъясненіемъ отъ издателя, который пишетъ: „Le masque de fer était sans doute un frère, et un frère aîné de Louis XIV, dont la mère avait ce goût pour le linge sur lequel M. de Voltaire appuie“. Эти строки, по мнѣнію многихъ французскихъ ученыхъ, принадлежатъ самому Вольтеру, почему то не пожелавшему высказаться открыто“ (*Voltaire*. Oeuvres complètes. Paris, 1881, t. XXIII, pp. 228—233).

1822—1834

102.

[МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ РАЗНЫХЪ ГОДОВЪ].

(Стр. 398—405).

Замѣтки эти сохранились въ рукописяхъ б. Румянцовскаго Музея № 2366, л. 39 об.; № 2367, лл. 46—47; № 2368, л. 30; № 2372, л. 59 об.; № 2377 А, № 19, лл. 2, 50; № 2377 В, лл. 3—7, 17, 30—32, 69; № 2382, лл. 70—69 об., 102; № 2387 А, л. 15, а также въ автографахъ, находящихся въ собраніяхъ Государственной Публичной Библіотеки, Л. Н. Майкова и А. Ѳ. Онѣгина (Отчетъ Публ. Б-ки за 1898 г. СПб. 1902 г., стр. 145—146. — *Пушкинъ и его современники,* выпускъ IV, стр. 26—29, 32, №№ 6, 12,

lib.pushkinskijdom.ru

14, 22, 32; выпускъ XII, стр. 8, № 1; стр. 14—15, № 29).

Большая часть замѣтокъ была помѣщена въ Посмертномъ изданіи, т. XI, стр. 156—163, 171, 173, въ изданіи Анненкова, т. I, стр. 254—256, и въ *Русской Старинѣ*, 1884 г., т. XLII, № 5, стр. 336, 350; № 6, стр. 539; т. XLIII, № 8, стр. 318; т. XLIV, № 10, стр. 30, 32; № 11, стр. 358; № 12, стр. 547, и лишь немногія изреченія печатаются теперь впервые (стр. 399, строки 8—10; стр. 400, строки 22—30; стр. 401, строки 6—8; стр. 402, строки 28—30).

Черновые автографы Пушкина содержатъ рядъ первоначальныхъ варіантовъ, изъ коихъ мы приводимъ наиболѣе важные, обозначая музейныя рукописи буквою Р, библіотечныя — буквою П, майковскія — буквою М и онѣгинскія — буквою О.

Стр. 398, строка 13: . . . становится *плоскостью* (Р).
» 398, » 15: . . . развертывается *греческая* прелесть . . . (Р).
» 398, » » . . . сжимается живой разсказъ[1]) . . . (Р)
» 398, » 16: . . . опредѣляетъ, *острымъ сло‹вомъ›* . . . (Р).
» 398, » 17: Браните *людей*[2]) вообще, разбирайте всѣ ихъ *слабости, всѣ* пороки . . . (Р).
» 398, » 19: . . . *женскаго* пола . . . (Р).
» 399, » 1—2: Одна изъ причинъ *что мы* жадно читаемъ запис‹ки›[3]) великихъ людей, *есть* наше самолюбіе (Р).
» 399, » 3—4: . . . *мыслями* чувств‹ами› . . . (Р).
» 399, » 5: *Но гораздо* больше . . . (Р).

1) Приписано сбоку.
2) Надписано сверху и зачеркнуто.
3) *Сверху написано:* исповѣди, призна‹нія›.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 399, строки 6—7: ...если бъ *мы писали* свои *записки* (Р).

» 399, » 8: ...*точно* какъ стихотворство... (М).

» 399, » 8—9: ...не *для нужды*... (М).

» 399, » 12: ...le monde est *porté*... (П).

» 399, » 19—20: ...какъ *ямщики* бранятъ *лошадей своихъ*... (Р).

» 399, » 20—21: ...*вовсе* не имѣя... (Р).

» 399, » 24: ...во времена *споровъ и* мѣстничества (М).

» 400, » 5—6: ...пословица *достойная* палача — *вѣроятно* выдуманная какимъ нибудь *остроумнымъ* [1]) затѣйникомъ (М).

» 400, » 7: Посулъ *взятка* [2])... (М).

» 400, » 9—10: ...*сидишь* — какъ бы на стулѣ (М).

» 400, » 15: ...пищу — (М).

» 400, » 17: ...*по*пищи, *по*пищи... (М).

» 401, » 3—5: ...въ юношеской заносчивости *и отсутствіи всякаго* уваженія *къ* лѣтамъ, *къ* званію, *къ* славѣ, *къ* мертвымъ, *къ* живымъ... [3]) (Р).

» 401, » 6: *Знаніе* минувшаго... (М).

» 401, » 10: ...*ученыя* общества... (Р) [4]).

» 402, » 1: Глупость, осуждающая не столь замѣтна какъ глупость похвал‹ы›... (Р).

» 402, » 8—9: ...*взята* изъ слѣдующей фигуры... (Р).

---

1) *Другой варіантъ:* шутливымъ.

2) *Другой варіантъ:* подарокъ.

3) *Въ рукописи:* ...ни къ лѣтамъ, ни къ званію и т. д.

4) *Въ концѣ замѣтки написано и зачеркнуто:* Тогда бы оказалось, утверждалъ онъ, что большая часть членовъ...

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 402, строка 19: *Умная* дама, сказывала *однажды*... (Р[1])[1]).

» 403, » 2: ...обнаруж‹иваетъ›своенезнаніе... (Р[1]).

» 403, » 2—3: ...не *странно*-ли... (Р и Р[1]).

» 403, » 4: ...насъ *удивляютъ вѣрностію* понятія... (Р[1]).

» 403, » 5—8: Это особенно странно въ Россіи, *которая гордится женщин‹ами› царствова‹вшими› со славою*[2]), *между проч‹имъ›* Екатериною II и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ *общему въ Европѣ* ходу[3]) вещей *чѣмъ* мы, Богъ вѣдаетъ *отчего* гордые[4]) (Р[1]).

» 403, » 10: ...*нѣсколько* разъ... (Р).

» 403, » 10—11: ...бороться съ *Ангеломъ*... (Р).

» 403, » 11—12: ...*но онъ* и остался... (Р)[5]).

» 403, » 13: Многіе *недовольны нашей* журнальной критикою... (Р).

» 403, » 24: ...извѣстныя изреченія... (Р).

» 403, » 25: ...*не дѣлай сегодня, что можешь отложить до завтраго*. N извѣстный егоистъ... (Р).

---

1) Р[1] — тетрадь № 2382; Р — тетрадь № 2377. Въ обѣихъ упомянутыхъ рукописяхъ находится замѣтка „О дамахъ“.

2) *Первоначально было:* славою женщинъ ‹которыя› царствовали со славою...

3) *Первоначально было:* заняты общимъ европей‹скимъ› ходомъ... *Въ рукописи* № 2377 *первоначально было:* слѣдуютъ общему Европейскому ходу...

4) *Первоначально было*: Богъ знаетъ чѣмъ гордые.

5) *Въ тетради № 2382, л. 24, эта замѣтка читается такъ*: Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чильдъ Гарольда. Нѣсколько разъ пытался ‹онъ› бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи — и всегда остав[ался] хромъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 403, строка 28: *Сло‹во›*, какъ зрѣніе — не можетъ быть ограничено . . . (О).

» 404, » 1—2: . . . насильственнымъ образомъ *и вопреки духу нашего языка*[1]) *въ оный* введенныхъ . . . (М).

» 404, » 4—5: Хладнокров*ный*, это слово не только *есть* . . . (М).

» 404, » 6—7: . . . хладно*душіе* . . . (М).

» 404, » 11—12: . . . не *имѣютъ* никакого смысла . . . (Р).

» 404, » 13: . . . выбранныя *на удадъ* для *опредѣленія* начальнаго ихъ звука (Р).

» 404, » 20—21: *Нельпица и* какъ это всѐ натянуто! (Р).

Отдѣлъ мелкихъ замѣтокъ можетъ быть пополненъ еще четырьмя изреченіями, изъ коихъ одно записано Пушкинымъ въ концѣ статьи: „Писатели извѣстные у насъ подъ именемъ Аристократовъ“ . . . (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IV, стр. 29, № 22. — Изданіе Анненкова, т. I, стр. 288), а три другихъ набросаны на листкѣ бумаги, вложенномъ въ книгу „Physiologie du goût“ (Paris, 1834 г.), которая находится въ пушкинской библіотекѣ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IX — X, стр. 310, № 1261):

1) Зависть сестра соревнован‹ія› слѣдст‹венно› изъ хорошего роду;

2) Не откладывай до ужина того, что можешь съѣсть за обѣдомъ;

3) L'exactitude est la politesse des cuisiniers[2]);

4) Желудокъ просвѣщеннаго[3]) человѣка имѣетъ лучшія[4]) качества добраго сердца: чувствительность и благодарность.

---

1) *Въ рукописи:* языку.

2) См. Physiologie du goût. Paris, 1834, t. I, p. 115.

3) *Первоначально было:* образованнаго.

4) *Первоначально было:* всѣ лучшія.

lib.pushkinskijdom.ru

Мелкія замѣтки Пушкина напоминаютъ по своему характеру „Maximes et pensées“ Шамфора или „Anecdotes et bons mots“ Ривароля. Одни изъ афоризмовъ нашего поэта не только записаны имъ отдѣльно, но и встрѣчаются въ его статьяхъ; другіе заносились на бумагу внѣ связи съ какимъ-либо задуманнымъ произведеніемъ, большею частію подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ прочитанной книги.

— (*Стр. 398, строки 8—10*). О прозѣ П. А. Вяземскаго см. примѣчанія къ статьѣ № 5.

— (*Стр. 398, строки 11—12*). О необходимости имѣть большинство голосовъ на своей сторонѣ Пушкинъ говоритъ въ статьѣ „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія“ (№ 20, стр. 41, строки 19—20).

— (*Стр. 398, строки 13—16*). Мысль объ утратѣ силы остраго слова при его повтореніи высказана поэтомъ въ очеркѣ о Боратынскомъ (57, стр. 135, строки 25—27). Въ частности о переводахъ эпиграммъ Пушкинъ пишетъ въ замѣткахъ на „Опыты“ Батюшкова: „Переведенное остроуміе — плоскость“ (*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 292).

— (*Стр. 399, строки 1—7*). Въ первой половинѣ сентября 1825 г., Пушкинъ пишетъ П. А. Вяземскому изъ Михайловскаго: „Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc. потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости, она въ восхищеніи. *Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы!* Врете, подлецы: Онъ и малъ и мерзокъ — не такъ какъ вы — иначе!“ (Переписка, т. I, стр. 287).

— (*Стр. 399, строки 15—17*). Умирающій гладіаторъ изображенъ Байрономъ въ четвертой пѣсни „Странствованій Чайльдъ-Гарольда“:

I see before me the Gladiator lie:
He leans upon his hand — his manly brow

lib.pushkinskijdom.ru

Consents to death, but conquers agony...
..... his eyes
Were with his heart, and that was far away;
He recked not of the life he lost nor prize,
But where his rude hut by the Danube lay;
There were his young barbarians all at play,
There was their Dacian mother...

(*Lord Byron.* The Works. London, 1899, vol. II, pp. 431—433: Childe Harold's Pilgrimage. Canto IV). Приведенные стихи въ 1836 году вольно переведены Лермонтовымъ:

Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ;
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
.....
И кровь его течетъ; послѣднія мгновенья
Мелькаютъ; близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай....
И родина цвѣтетъ — свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ — возлюбленныхъ дѣтей!..

(*М. Ю. Лермонтовъ.* Полное собраніе сочиненій. Изданіе Академіи Наукъ. СПб. 1910 г., т. II, стр. 138—139: „Умирающій гладіаторъ“).

— (*Стр. 399, строки 19—21*). Отзывы Пушкина о критикѣ приведены въ примѣчаніяхъ къ статьѣ № 48.

— (*Стр. 399, строка 22 — стр. 400, строка 21*). Пословицы выписаны Пушкинымъ преимущественно изъ двухъ сборниковъ: 1) Собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ по-

lib.pushkinskijdom.ru

словицъ. М. 1770 г.[1]) и 2) Полное собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенныхъ по азбучному порядку. СПб. 1822 г. (*Пушкинъ и его современники* стр. 81, № 400 и стр. 96—98).

— (*Стр. 399, строки 26—27*). Пѣсня о горѣ-гореваньицѣ помѣщена въ сборникѣ Кирши Данилова (СПб. 1901 г., стр. 162).

— (*Стр. 400, строки 7—10*). Приведенная Пушкинымъ пословица употребляется часто и въ другой редакціи: „На посулѣ, что на стулѣ, посидишь да не поѣшь, такъ животъ не будетъ свѣжъ“ (Полное собраніе Русскихъ пословицъ и поговорокъ. СПб. 1822 г., стр. 154, № 2831).

— (*Стр. 400, строки 12—13*). Точный текстъ пословицы: „Не твоя печаль *кому* дѣтей качать“, а не „*чужихъ* дѣтей качать“, какъ пишетъ Пушкинъ. — Ср. повѣсть „Арапъ Петра Великаго“ (1827 г.), гдѣ арапъ Ибрагимъ говоритъ К.: „Не знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣтей качать“... (*Современникъ*, 1837 г., т. VI, стр. 140).

— (*Стр. 400, строка 14*). Пушкинъ говоритъ о латинской пословицѣ: „Dat deus immiti cornua curta bovi“.

— (*Стр. 400, строки 18—19*). Пословица о нуждѣ имѣетъ и другую редакцію. Въ „Полномъ собраніи русскихъ пословицъ и поговорокъ“ (стр. 188, № 3420) она напечатана такъ: „Нужда научитъ жевать калачи и научитъ лежать на холодной печи“.

— (*Стр. 400, строки 20—21*). Въ статьѣ о романѣ М. Н. Загоскина „Юрій Милославскій“ Пушкинъ пишетъ: „*Быть въ отвѣтѣ*, значило въ старину: „*быть въ посольствѣ*“ (№ 36, стр. 80, строки 5—6).

---

1) На стр. 40-й этой книги приписано рукой Пушкина: „Въ кабакъ далеко — да ходить легко. Въ церковь близко — да ходить склизко“.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 400, строки 22—30*). Замѣтка напечатана неправильно. Слѣдуетъ печатать: „Критикою у насъ большею частію занимаются журналисты, т. е. entrepreneurs, люди — понимающіе свое дѣло, но не только не *критики*, но даже и не литераторы. Въ другихъ земляхъ писатели пишутъ или для толпы, или для малаго числа. — У насъ послѣднее невозможно должно писать для самого себя". Къ слову „числа" Пушкинымъ сдѣлано написанное среди основного текста подстрочное примѣчаніе: „Сіи съ любовію изучивъ новое твореніе изрекаютъ ему судъ и такимъ образомъ, твореніе не подлежащее суду публики получаетъ въ ея мнѣніи цѣну и мѣсто ему принадлежащія".

— (*Стр. 401, строки 6—8*). Мысль о неуваженіи дикихъ племенъ къ прошедшему высказана и въ болдинскихъ черновыхъ наброскахъ (*№ 50, строки 108—109*). Ср. „Отрывки изъ романа въ письмахъ" (1829—1830 гг.) и „Гости съѣзжались на дачу" (1831—1832 гг.): „Прошедшее для насъ не существуетъ" (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 138, 256).

— (*Стр. 401, строки 17—24*). Свѣдѣнія о Поссевинѣ, какъ гонителѣ памяти Макіавеля, заимствованы Пушкинымъ изъ предисловія къ французскому переводу полнаго собранія сочиненій знаменитаго итальянца, вышедшему въ Парижѣ въ 1824 г. „Mais le plus bruyant adversaire de Machiavel", пишетъ переводчикъ Périès: „est le jésuite Antoine Possevin, qui, en 1522, publia un petit livre dans lequel il faisait la critique des ouvrages de quelques écrivains politiques, parmi lesquels il fait de Machiavel l'objet particulier de ses attaques. Les chapitres dans lesquels il se déchaîne surtout contre lui sont les deux suivans: 1° Cautio de iis quae scripsit tum Machiavellus, tum is qui adversus eum scripsit Anti-Machiavellum, cui nomen haud ascripsit; 2° Excerpta ex libro III de Nobilitate christiana

lib.pushkinskijdom.ru

Hyeronimi Osorii, episcopi Algarbiensis Lusitani, de nonnullis sententiis Nicolai Machiavelli. On y trouve en outre un court avertissement relatif aux auteurs qui ont écrit contre Machiavel. On prétend que les matériaux du livre dont il s'agit, furent rassemblés par le pape Innocent IX, avant qu'il parvînt à la tiare, et qu'il les remit entre les mains de Possevin, qu'il chargea de les rédiger. C'est du moins ce qu'avance Basa, éditeur de ce livre, dans l'avis au lecteur. Mais que Possevin en ait été le compilateur ou l'auteur, il n'en résulte pas moins évidemment qu'il n'avait pas lu les ouvrages qu'il entreprenait de combattre: car, sans parler des passages ou des principes qu'il rapporte, et qu'il serait impossible de trouver dans Machiavel, il cite le traité *du Prince* comme divisé en trois livres, quoique ce traité n'ait jamais renfermé qu'un livre unique. Le savant Conringius, dans l'édition *du Prince* qu'il a publié à Helmstadt, en 1660, a relevé de la manière la plus judicieuse cette erreur grossière, et en a démontré l'absurdité" (*Machiavel.* Oeuvres complètes. Paris, 1823, tome I, pp. XIII—XIV).

— (*Стр. 401, строки 25—27*). Слова Пушкина представляютъ собой переводъ извѣстнаго изреченія Макіавеля: „La nature de l'homme le rend beaucoup plus prompt à blâmer qu'à louer les actions d'autrui".

— (*Стр. 402, строка 4*). Вліяніе Франсуа Дюкре-Дюминиля (род. въ 1761 г., ум. въ 1819 г.) на русское общество было довольно значительно; его сентиментально-поучительные романы и повѣсти въ началѣ истекшаго столѣтія переводились на русскій языкъ и пользовались популярностью. См. *Н. К. Козминъ.* О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго. СПб. 1904 г., стр. 19—23.

— (*Стр. 402, строки 12—16*). Сужденіе Пушкина объ Отелло произвело сильное впечатлѣніе на Достоевскаго.

lib.pushkinskijdom.ru

Въ III главѣ VIII книги романа „Братья Карамазовы“ читаемъ: „Отелло не ревнивъ, онъ довѣрчивъ“, замѣтилъ Пушкинъ, и уже одно это замѣчаніе свидѣтельствуетъ о необычайной глубинѣ ума нашего великаго поэта. У Отелло просто размозжена душа, и помутилось все міровоззрѣніе его, потому что *погибъ его идеалъ*. Но Отелло не станетъ прятаться, шпіонить, подглядывать: онъ довѣрчивъ. Напротивъ, его надо было наводить, наталкивать, разжигать съ чрезвычайными усиліями, чтобъ онъ только догадался объ измѣнѣ. Не таковъ истинный ревнивецъ“.

О довѣрчивости Отелло, вслѣдъ за Пушкинымъ и Достоевскимъ, писалъ Н. И. Стороженко (Опыты изученія Шекспира. М. 1902 г., стр. 293—296. — Ср. *А. И. Незеленовъ*. Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 г., стр. 79—80), и, совершенно независимо отъ нашихъ писателей, на то же свойство шекспировскаго героя указалъ Albert Lacroix въ своемъ детальномъ разборѣ трагедіи Вольтера „Заира“ (1732 г.) [De l'influence de Shakspeare sur le théâtre français. — *Annales des universités de Belgique*. Bruxelles, 1856, p. 491: „...il fallait... montrer d'abord l'amour *confiant* et complet d'Othello pour Desdemone...].

— (*Стр. 402, строки 15—16*). Разбитый Пушкинымъ на двѣ части стихъ долженъ быть напечатанъ въ одну строку:

Je ne suis point jaloux... Si je l'étais jamais.

— (*Стр. 403, строки 9—12*). Форма, въ которой выражена мысль о борьбѣ Байрона съ Гете, напоминаетъ изреченіе Ривароля: „M. Delille, traducteur des Géorgiques, est sorti boiteux, comme Jacob, de sa lutte avec un Dieu“ (Esprit de Rivarol. Paris, 1808, p. 148).

— (*Стр. 403, строки 28—30*). Въ X главѣ статьи „Мысли на дорогѣ“ также говорится объ языкѣ и зрѣніи,

lib.pushkinskijdom.ru

какъ естественныхъ способностяхъ, дарованныхъ Богомъ всему человѣчеству (№ 67, стр. 198, строки 12—14).

— (*Стр. 404, строки 3—4*). А. С. Шишковъ въ своемъ „Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка“ (1803 г.) упоминаетъ слово „трогательный“ (touchant) среди перечисляемыхъ имъ русско-французскихъ словъ, отъ коихъ, по его мнѣнію, „рождается нелѣпый слогъ“.

— (*Стр. 404, строка 10*). „Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ“ — выраженіе Фамусова („Горе отъ ума“, дѣйствіе III, явленіе 22-е).

— (*Стр. 404, строки 11—21*). Въ примѣчаніяхъ къ изданному имъ тексту „Слова о Полку Игоревѣ“ Н. Ѳ. Грамматинъ пишетъ: „Я нашелъ, что Славенская азбука, кромѣ простаго названія буквъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ; первоначальное ихъ названіе, вѣроятно, было слѣдующее: Азъ, Букъ (или Бугъ), Вѣдю (въ простор‹ѣчіи› и нынѣ: вѣду), Глаголю, Добро, Есть, Живеть, Земля, Иже, І, Како, Люди, Мыслеть, Нашъ, Онъ, Покой, Рцю, Слово, Твердю, и пр. т. е. я Бога вѣдаю, глаголю: добро есть (тому), живетъ (въ древ‹не-›Слав‹енской› грам‹матикѣ› вин‹ительный› над‹ежъ› сходенъ съ именит‹ельнымъ› и живетъ что, а не на чѣмъ) на землѣ кто и, какъ люди, мыслитъ; нашъ Онъ (т. е. Богъ) покой рцу, Слово (т. е. имя Божіе; переводъ Греческаго Логосъ) твержу, и пр. Мысль весьма приличная для того, кто позналъ истиннаго Бога, и сталъ мыслить, подобно людямъ, т. е. посредствомъ письма изображать свои мысли. Сей смыслъ Славенской азбукѣ данъ безъ сомнѣнія въ подражаніе Еврейской, въ которой св. Іеронимъ находилъ таинственной смыслъ“ (*Н. Ѳ. Грамматинъ*. Слово о Полку Игоревѣ. М. 1823 г., стр. 113).

— (*Стр. 404, строка 21—стр. 405, строка 15*). „Трагедія, составленная изъ Азбуки Французской“, не извѣст-

lib.pushkinskijdom.ru

ная въ современныхъ Пушкину изданіяхъ, найдена нами, при любезномъ содѣйствіи Б. В. Томашевскаго, въ книжкѣ: „Petite Encyclopédie récréative. Un million de calembours, publié par Hilaire Le Gai. Paris, 1851, p. 399. Подъ текстомъ помѣщены слѣдующія примѣчанія: 1) къ слову „Alphabet“ — „Alphabet est le génie protecteur des amants. Il parle avec autorité“; 2) къ слову „Abbé“ — „L'abbé Tise est le mauvais génie d'Ikaël et d'Eno“; 3) къ слову „Péku“ — „Péku est le grand prêtre qui doit les unir“, и, наконецъ, 4) къ словамъ „Uvéix! Igreczed!“ — „Il appelle ses gardes, afin d'imposer par la crainte à l'abbé récalcitrant“.

Въ свое время эта трагедія была довольно популярна, и профессоръ М. В. Остроградскій, во время лекцій по механикѣ и чистой математикѣ, любилъ разсказывать ея содержаніе, „съ цѣлію освѣжить вниманіе слушателей, перенося мысли ихъ на посторонніе предметы“. „Вы слыхали“, говорилъ Остроградскій, „что французская азбука это цѣлое драматическое произведеніе“. Это драма въ одномъ актѣ; дѣйствіе ея происходитъ на востокѣ. Дѣйствующія лица: полновластный султанъ Икаэль, его любимая невольница Эно, христіанскій аббатъ Пекю, попавшій плѣнникомъ въ Турцію и желающій освободить Эно; три евнуха Иксъ, Игрекъ и Зетъ. Занавѣсъ поднимается, на сценѣ султанъ, который съ гнѣвомъ обращается къ аббату, повелѣвая ему, подъ страхомъ казни, оставить попытки воспользоваться Эно.

Abcd (abbé cédez), объявляетъ султанъ. Аббатъ вырываетъ топоръ у стоящаго по близости тѣлохранителя и кричитъ:

Fgh (ef! гнѣвное восклицаніе — j'ai hache).
Султанъ указываетъ ему на невольницу.
Iklmno (Ikaël aime Eno).

lib.pushkinskijdom.ru

Султанъ видитъ однако, что тотъ не собирается уходить.

Uvpqrst (uv, — восклицаніе, выражающее негодованіе, — Péku est resté!).

Затѣмъ онъ бьетъ въ ладоши, призываетъ евнуховъ XYZ, которые ведутъ непокорнаго аббата на казнь. Эно падаетъ въ обморокъ. Занавѣсъ". (*Новое Время* 1898 г., 11-го апрѣля, № 7944, стр. 3).

Статьи, приписываемыя Пушкину [1]).

1.

ДЕННИЦА, АЛЬМАНАХЪ НА 1830 ГОДЪ, ИЗДАННЫЙ М. МАКСИМОВИЧЕМЪ.

(Стр. 409—417).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, появилась впервые въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. I, № 8, стр. 62—66, и перепечатана А. А. Ѳоминымъ въ *Нивѣ*, 1914 г., стр. 430—434. Принадлежность статьи Пушкину можетъ считаться установленной, такъ какъ за авторство поэта говоритъ не только содержаніе статьи, но и свидѣтельство П. А. Вяземскаго [2]).

„Обозрѣніе Русской Словесности" Ив. В. Кирѣевскаго, обратившее на себя вниманіе въ литературномъ мірѣ, не было первымъ произведеніемъ юнаго писателя, уже напечатавшаго въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1828 г.,

---

1) Нѣкоторыя изъ этихъ статей въ настоящее время уже признаны безусловно Пушкинскими.

2) Разумѣемъ замѣтку Вяземского сдѣланную на экземплярѣ *Литературной Газеты*, посланномъ въ Парижъ Ал. Ив. Тургеневу барономъ А. А. Дельвигомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

№ 6, стр. 171—196, замѣчательный по тому времени очеркъ „Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина“. Эти первые опыты были одобрены Жуковскимъ, который хотя и не сходился съ Кирѣевскимъ во взглядахъ, но охотно призналъ его талантъ. Такого же мнѣнія объ опытахъ былъ и П. А. Вяземскій, говорившій, что они „зелены слогомъ, а иногда и мыслями“, но что „эта зелень — цвѣтъ надежды“ (Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. III, стр. 208). Черезъ нѣсколько дней послѣ выхода въ свѣтъ „Обозрѣнія“, у Жуковскаго встрѣтился съ Кирѣевскимъ Пушкинъ и наговорилъ ему „три короба комплиментовъ“ по поводу его работы (*И. В. Кирѣевскій.* Полное собраніе сочиненій. М. 1911 г., т. I, стр. 17—19. *В. Лясковскій.* Братья Кирѣевскіе. СПб. 1899 г., стр. 20).

Вѣсть о статьѣ Кирѣевскаго донеслась и до А. И. Тургенева, который писалъ изъ Парижа П. А. Вяземскому: „Кто таковъ Кирѣевскій? пришлите мнѣ скорѣе его обозрѣніе въ „Денницѣ“. Не сынъ ли онъ пріятельницы Жуковскаго? Не онъ ли будетъ жить или уже живетъ въ Мюнхенѣ? Высылайте его скорѣе въ Европу: дайте ему дозрѣть!“ (Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ. СПб. 1899 г., т. III, стр. 202: письмо отъ 2-го іюня 1830 г.).

Совсѣмъ противоположное впечатлѣніе произвела статья въ редакціи *Сына Отечества,* гдѣ Булгаринъ и Гречъ были очень раздражены ѣдкимъ отзывомъ о романѣ „Иванъ Выжигинъ“ (*Сынъ Отетества,* 1831 г., ч. 141, № 20, стр. 323).

Толки, вызванные въ литературныхъ кругахъ „Обозрѣніемъ“ Кирѣевскаго, были хорошо извѣстны Пушкину и дали ему поводъ нѣсколько разъ отмѣтить значеніе очерковъ юнаго автора, какъ сочиненій, „краснорѣчивыхъ“, „исполненныхъ свѣтлыхъ мыслей и важнаго остроумія“ и „достойныхъ стать наряду съ лучшими

lib.pushkinskijdom.ru

статьями Англійскихъ Reviews“ (№ 50, стр. 101; № 51, стр. 113; № 67, стр. 172).

— (*Стр. 409, строки 1—2*). „Извѣстнѣйшіе писатели“, сотрудники *Денницы* — Е. А. Боратынскій, Д. В. Веневитиновъ, П. А. Вяземскій, А. А. Дельвигъ, А. С. и В. Л. Пушкины, С. П. Шевыревъ и Н. М. Языковъ. — „Нѣсколько дамъ“, помѣстившихъ свои произведенія въ альманахѣ, — М. А. Лисицына, С. С. и Н. С. Тепловы. Одна изъ сестеръ Тепловыхъ, Серафима Сергѣевна (ум. послѣ 1861 г.) была виновницей ареста цензора С. Н. Глинки, пропустившаго ея элегію на смерть утонувшаго юноши,— элегію, въ которой власти усмотрѣли намеки на печальную судьбу К. Ѳ. Рылѣева или кого нибудь изъ его товарищей-декабристовъ (*Денница* на 1830 г., стр. 121).

— (*Стр. 409, строки 7—9*). Сдержанная похвала московскимъ шеллингистамъ объясняется „предубѣжденіемъ“ Пушкина „противъ отвлеченностей германскаго идеализма“, которое нашло отраженіе въ извѣстномъ письмѣ поэта къ Дельвигу, также не раздѣлявшему увлеченій послѣдователей нѣмецкой философіи[1]) (Переписка, т. II, стр. 56. — *Литературные Портфели*. Л. 1923 г., в. I, стр. 80—85. — *Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 338—339).

— (*Стр. 409, строки 10—11*). Въ № 21 *Московскаго Вѣстника* за 1827 г. были помѣщены два произведенія С. П. Шевырева: переводъ „отрывка“ изъ междудѣйствія къ Фаусту: Елена, и статья объ этомъ твореніи Гете. Н. И. Борхардтъ, нѣмецкій литераторъ, жившій въ Москвѣ и бывшій посредникомъ между русскими и заграничными журналистами, перевелъ оба сочиненія на нѣмецкій языкъ и препроводилъ Гете. Послѣдній при-

1) Одинаково съ Дельвигомъ былъ настроенъ и Е. А. Боратынскій. См. его письмо къ Пушкину, присланное въ Михайловское изъ Москвы въ серединѣ января 1826 г. (Переписка, т. I, стр. 316—317).

lib.pushkinskijdom.ru

слалъ въ отвѣтъ любезное письмо, которое было напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, 1828 г., ч. IX, № 11, стр. 326—333. (Ср. Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renaissance-Litteratur. Berlin. 1890. Dritten Bandes viertes und fünftes Heft, SS. 269—274). „Честь и слава милому нашему Шевыреву!“ писалъ Пушкинъ Погодину 1-го іюля 1828 г.: „Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего Германскаго Патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то намъ и надобно“. (Переписка, т. II, стр. 67).

— (*Стр. 409, строки 11—12*). „Comment donc l'avez-vous laissé mourir“, говорилъ Пушкинъ друзьямъ почившаго Д. В. Веневитинова (ум. 15-го марта 1827 г.) и впослѣдствіи не разъ вспоминалъ о горестной утратѣ. (Переписка, т. II, стр. 298. — *А. П. Пятковскій*. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. СПб. 1888 г., ч. II, стр. 327). Отзывы періодической печати о кончинѣ Веневитинова приведены въ книгѣ Н. А. Котляревскаго „Старинные портреты“. СПб. 1907 г., стр. 97—100.

— (*Стр. 409, строка 14*). „*Малое число* истинныхъ цѣнителей дарованія“ — обычное пушкинское выраженіе. Ср. „малое число любителей ‹*литературы*› и т. п. (№ 51, стр. 113, строка 28; № 102, стр. 400, строки 25—26).

— (*Стр. 409, строка 15*). Сдѣлать большое впечатлѣніе (faire une forte impression) — характерный галлицизмъ.

— (*Стр. 409, строки 21—23*). „Новый Цензурный Уставъ“ былъ утвержденъ 22-го апрѣля 1828 г. и дѣйствовалъ въ теченіе всего царствованія Николая I. Несмотря на свои большіе недостатки, этотъ уставъ, въ сравненіи съ шишковскимъ уставомъ 1826 г., „долженъ былъ казаться памятникомъ государственной мудрости“

lib.pushkinskijdom.ru

(„Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ“. СПб. 1899 г., т. III, стр. 203).

— (*Стр. 410, строка 12 — стр. 411, строка 8*). За высокую оцѣнку просвѣтительной дѣятельности Новикова, Кирѣевскій снискалъ расположеніе Ал. Ив. Тургенева. „Я уже люблю его за Новикова“, писалъ послѣдній П. А. Вяземскому 2-го іюня 1830 г.: „Я всегда досадовалъ, что никто въ исторіи нашего просвѣщенія ни слова не сказалъ о Новиковѣ, а онъ точно и просвѣтитель, и мученикъ“ („Остафьевскій Архивъ Вяземскихъ“. СПб. 1899 г., т. III, стр. 202—203).

— (*Стр. 411, строка 11*). „Пушкинъ, поэтъ дѣйствительности“, формула самого Пушкина. Кирѣевскій говоритъ лишь о періодѣ „стремленія къ лучшей дѣйствительности“, „уваженія къ дѣйствительности“ (*Денница*, на 1830 г., стр. XXI — XXII, XXXIV).

— (*Стр. 411, строка 25 — стр. 412, строка 2*). Пушкинъ любилъ „Полтаву“, называлъ ее совсѣмъ оригинальнымъ сочиненіемъ, и ему было непріятно, что она не имѣла успѣха. Возраженія своимъ критикамъ поэтъ напечаталъ въ томъ же альманахѣ *Денница* (на 1831 г., стр. 124—130), гдѣ въ 1829 г. была сдѣлана Кирѣевскимъ высокая оцѣнка поэмы.

— (*Стр. 412, строки 19—23*). О трагедіи А. С. Хомякова „Ермакъ“ см. примѣчанія къ статьѣ № 56 (стр. 126, строки 19—22)[1]).—Стихотворенія Ѳ. И. Тютчева въ 1836 г. были напечатаны Пушкинымъ въ *Современникѣ*, т. III, стр. 5—22, т. IV, стр. 32—41.

— (*Стр. 413, строки 21—30*). Пушкинъ, высоко цѣнившій наличіе оригинальной мысли въ поэтическомъ

1) Пушкинъ интересовался піесами Хомякова и собирался, повидимому, ихъ разобрать. „Надѣюсь на Хомякова“, писалъ поэтъ Н. М. Языкову 18-го ноября 1831 г.: „*Самозванецъ* его не будетъ уже студентъ, а стихи его все будутъ прекрасны“ (Переписка, т. II, стр. 348 — Настоящій томъ, стр. 97, строки 21—22).

lib.pushkinskijdom.ru

произведеніи и сомнѣвавшійся въ плодотворности французскаго вліянія на русскую литературу, не могъ не привѣтствовать Кирѣевскаго, когда послѣдній сталъ высказываться въ пользу тѣхъ русскихъ писателей, которые слѣдуютъ направленію нѣмецкому. (Статьи: № 67, стр. 197, строки 8—11; № 71, стр. 223, стр. 11—14 и примѣчанія къ статьѣ № 3).

— (*Стр. 414, строки 28—31*). Въ очеркѣ о Боратынскомъ Пушкинъ называетъ поэму „Эда“ произведеніемъ замѣчательнымъ по своей *оригинальной* простотѣ, а поэму „Балъ“—твореніемъ *блестящимъ* и исполненнымъ необыкновенной прелести (№ 57, стр. 131, строки 11—13 и 23—24).

— (*Стр. 416, строки 22—28*). Причина успѣха нравственно-сатирическихъ романовъ Булгарина, по мнѣнію Пушкина, заключалась въ томъ, что ихъ авторъ и читающая публика имѣли между собой много общаго. По поводу выхода въ свѣтъ „П. И. Выжигина“ Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу изъ Москвы 11-го апрѣля 1831 г.: „Петръ Ивановичь приплылъ и въ Москву, гдѣ, кажется, приняли его довольно сухо. Что за дьявольщина? Не ужъ то мы вразумили публику? или сама догадалась, голубушка? А кажется, Булгаринъ такъ для нее созданъ, а она — для него, что имъ вмѣстѣ жить, вмѣстѣ и умирать. На Выжигина II я еще не посягалъ, а какъ — сказываютъ — обо мнѣ въ немъ нѣтъ ни слова, то и не посягну. Разумѣю: не стану читать, а ругать все-таки буду“ (Переписка, т. II, стр. 235. — Настоящій томъ, № 34, стр. 64) [1]).

— (*Стр. 417, строки 26—30*). Пушкинъ полагалъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній отрицать существованіе русской литературы. Хотя высоко художественныя

---

1) О популярности романовъ Булгарина см. *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIX — XXX, стр. 29—31.

lib.pushkinskijdom.ru

произведенія у насъ довольно рѣдки, все же, „наша словесность съ гордостью можетъ выставить передъ Европою Исторію Карамзина, нѣсколько одъ, нѣсколько басенъ, поэмъ 12 года, переводъ Иліады, нѣсколько цвѣтовъ элегической поэзіи“. (Статья № 50, стр. 101, строки 14—17.—Ср. примѣчанія къ статьямъ №№ 6 и 34, стр. 22, 172).

2.

[О ЛЖЕ-КРИТИКАХЪ].

(Стр. 418—419).

Эта статья, не встрѣчавшаяся намъ въ рукописи, впервые появилась въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. II, № 50, стр. 114, и перепечатана Н. О. Лернеромъ въ *Сѣверныхъ Запискахъ*, 1913 г., № 2, стр. 33—35. Принадлежность статьи Пушкину представляется болѣе или менѣе вѣроятной, хотя объективныхъ данныхъ для такого заключенія пока нѣтъ.

Ближайшимъ поводомъ къ составленію этой статьи послужило „Письмо изъ Рима“, присланное А. А. Дельвигу С. П. Шевыревымъ и помѣщенное въ № 36 *Литературной Газеты* отъ 25-го іюня 1830 г. Въ письмѣ сообщается о возникновеніи „войны между Галлами и Римлянами“ на выставкѣ произведеній искусства въ Капитоліи: „Вездѣ война, вездѣ люди: въ Политикѣ, въ Литературѣ и въ Искусствѣ. Вамъ, М. Г., какъ Журналисту, если надоѣли свои, то покрайней мѣрѣ любопытны чужія ссоры, которыя слабому человѣку приносятъ недостойное, но нужное утѣшеніе: *а! и у нихъ то же!*“.

Эти строки, точно отражавшія состояніе нашей журналистики, могли напомнить Пушкину извѣстную рецензію Н. И. Надеждина на поэму „Полтава“, — рецензію, столь

lib.pushkinskijdom.ru

непріятно поразившую поэта въ 1829 г. на возвратномъ пути съ Кавказа (*Современникъ,* 1836 г., т. I, стр. 84). Здѣсь также рѣчь шла объ ожесточенныхъ распряхъ современныхъ лже-критиковъ и журналистовъ. „Какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнассъ нашъ!“ писалъ Надеждинъ: „Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ Музъ — только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись — вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе“. Далѣе, какъ примѣръ безсмысленныхъ сужденій журнальныхъ рецензентовъ, Надеждинъ приводитъ мнѣніе сотрудника *Сына Отечества,* который доказывалъ геніальность Пушкина тѣмъ, что послѣдній „началъ писать въ такихъ лѣтахъ, когда невозможно дѣлать усилій, чтобы быть стихотворцемъ“. Раннее начало литературной дѣятельности не есть признакъ генія, такъ какъ, „въ противномъ случаѣ, пятнадцатилѣтній юноша, котораго исторію разсказалъ такъ забавно почтеннѣйшій дядюшка“ Пушкина [1]), „былъ бы по всѣмъ признакамъ — геній“ (*Вѣстникъ Европы,* 1829 г., № 8, стр. 288, 298. — *Сынъ Отечества*, 1829 г., ч. 125, № 15, стр. 42).

Пушкинъ не выдержалъ, выступилъ противъ Надеждина и втянулся въ литературную войну, которую такъ краснорѣчиво воспѣлъ въ пропущенныхъ строфахъ „Домика въ Коломнѣ“.

Вѣдь нынче время споровъ, брани бурной,
Другъ на друга словесники идутъ...

Пошелъ и онъ со своею эпиграммой: „Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ“ (1829 г.), и съ большимъ запасомъ

1) Разумѣется извѣстная эпиграмма Василія Львовича Пушкина: „Какой-то стихотворъ (довольно ихъ у насъ)“... [1798 г.].

lib.pushkinskijdom.ru

полемическихъ замѣтокъ, изъ которыхъ, впрочемъ, не всѣ удалось ему отдѣлать и напечатать. Онъ могъ невольно сопоставить себя съ Байрономъ, также подвергавшимся нападкамъ критиковъ и стойко ихъ выдерживавшимъ. Неостроумныя шутки надъ несовершеннолѣтіемъ поэтовъ, благоволеніе къ хлѣбосольнымъ, но бездарнымъ авторамъ и умышленное непризнаніе истиннаго таланта давали вѣское основаніе сблизить англійскихъ журнальныхъ рецензентовъ съ русскими.

— (*Стр. 418, строки 19—27*). Рецензія лорда Брума на сборникъ стихотвореній Байрона была помѣщена въ январской книжкѣ *Эдинбургскаго Обозрѣнія*, вышедшей въ свѣтъ въ началѣ февраля 1808 г. и переизданной въ 1809 г. (*The Edinburgh Review*. October 1807—January, 1808. Second edition. London, 1809, vol. XI, pp. 285—289).

— (*Стр. 418, строка 29*). Первое изданіе „Часовъ досуга“ появилось въ 1807 г., а не въ 1809 г.

— (*Стр. 419, строка 9*). Самуилъ Роджерсъ (род. въ 1765 г., ум. въ 1855 г.). — англійскій поэтъ, начавшій писать въ дидактическомъ родѣ, а впослѣдствіи проявившій наклонность къ романтизму. Сочиненія Роджерса находятся въ пушкинской библіотекѣ (The poetical works of Rogers, Montgomery. Lamb, and Kirke White. Paris, 1829, p. 93: „On a tear“. — *Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 322, № 1321).

— (*Стр. 419, строки 16—22*). „Онъ милый хлѣбосолъ, онъ къ дружеству способенъ“ — стихъ изъ посланія Е. А. Боратынскаго къ Н. И. Гнѣдичу (1823 г.). Въ упоминаніи о хлѣбосольствѣ Роджерса можно усмотрѣть прозрачный намекъ на обѣды, которые давали Булгаринъ и Гречъ, желая снискать расположеніе нужныхъ имъ людей. (См. настоящій томъ, стр. 154, строки 8—10 и примѣчанія, стр. 92, строки 13—16).

lib.pushkinskijdom.ru

3.

[АНЕКДОТЪ О БАЙРОНѢ].

(Стр. 419—422).

Эта статья, не дошедшая до насъ въ рукописи, впервые помѣщена въ *Литературной Газетѣ,* 1830 г., т. II, № 53, стр. 139—140, и перепечатана въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ,* 1857 г., т. I, № 6, стр. 221—225, и въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 151—154.

Принадлежность статьи Пушкину то утверждалась, то оспаривалась. Анненковъ внесъ ее въ свое изданіе по указанію А. Грена, заявившаго, что она была передана ему В. Г. Тепляковымъ, который яко бы получилъ ее отъ Пушкина въ Кишиневѣ 1-го апрѣля 1821 г., при непремѣнномъ условіи нигдѣ не печатать этой „дряни". Несообразность показаній Грена, свидѣтеля вообще недостовѣрнаго, была очевидна: не могъ Пушкинъ писать въ 1821 г. о книгѣ де-Сальво, появившейся въ 1825 г., и не могла быть напечатана въ *Литературной Газетѣ* статья, забракованная поэтомъ. Скорѣе можно было предположить, что Гренъ списалъ статью изъ газеты Дельвига и переиздалъ въ *Общезанимательномъ Вѣстникѣ,* какъ рукопись, полученную отъ Теплякова.

Оставляя разсказъ о происхожденіи статьи на отвѣтственности Грена, Анненковъ обратилъ вниманіе на содержаніе статьи и усмотрѣлъ въ ней пушкинскія мысли. По его мнѣнію, „полемическое начало придѣлано позднѣе"; въ первоначальномъ видѣ статья касалась только Байрона. И взятая въ цѣломъ, въ послѣдней редакціи со сдѣланными дополненіями, статья имѣетъ большое біографическое значеніе. „Пушкинъ писалъ о себѣ, когда говорилъ: „Онъ ‹человѣкъ› можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію

lib.pushkinskijdom.ru

ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія“ и т. п. (Изданіе Анненкова, т. VII, ч. I, стр. 21; ч. II, стр. 123—124).

Замыкаясь въ себѣ отъ „толпы“ и не допуская ее заглядывать въ тайники своей души, Пушкинъ склоненъ былъ толковать о „чистомъ Аѳеизмѣ“ и, въ то же время, служить панихиду „за упокой раба Божія Георгія“. Его обвиняли въ томъ, что онъ „бросаетъ риѳмами во все священное, чванится передъ чернью вольнодумствомъ“, а онъ, какъ истинный представитель „дружины ученыхъ и писателей“, былъ „всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности“ и стойко „выносилъ первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ‹своего› ремесла“.

На основаніи собственнаго опыта Пушкинъ убѣдился, какъ мало значенія можно придавать „наружнымъ дѣйствіямъ“ человѣка; поэтому онъ и не жалѣлъ о потери записокъ Байрона, который въ своихъ отношеніяхъ къ „толпѣ“ не могъ быть искреннимъ и откровеннымъ (Переписка, т. I. стр. 103, 136, 202, 204, 287. Настоящій томъ, стр. 111 и примѣчанія къ статьѣ № 43).

— (*Стр. 420, строки 11—12*). Алкивіадъ отрубилъ хвостъ своей собакѣ, такъ какъ своей красотой она обращала на себя вниманіе аѳинянъ.

— (*Стр. 420, строки 19—20*). Объ отношеніи Роберта Соути къ Байрону см. примѣчанія къ статьѣ № 85.

— (*Стр. 420, строки 20—26*). Скорбь Байрона, вызванная разводомъ съ женой и разлукой съ дочерью, ярко проявилась въ его письмахъ къ Томасу Муру и въ третьей пѣснн „Странствованій Чайльдъ-Гарольда“. (Ср. Mémoires de Lord Byron, publiés par Thomas Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. Paris, 1830, tome II, pp. 441—449).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 420, строка 29*). Перси Биши Шелли (Persy Bysshe Shelley) [род. 4-го августа 1792 г., утонулъ въ 1822 г.] — англійскій поэтъ.

— (*Стр. 420, строки 29—30*). Джонъ-Кэмъ Гобгоузъ (род. въ 1785 г., ум. въ 1869 г.) — другъ Байрона.

— (*Стр. 420, строка 30*). Томасъ Муръ (род. 28-го мая 1780 г., ум. въ 1852 г.) — англійскій поэтъ, издатель „Писемъ и Дневника" Лорда Байрона.

— (*Стр. 420, строка 32 — стр. 421, строка 2*). Отвѣтъ Байрона Соути данъ въ сатирѣ „Видѣніе Суда" (Vision of judgment).

— (*Стр. 421, строки 4—5*). Отрывокъ изъ книги маркиза де-Сальво (de Salvo) „Lord Byron en Italie et en Grèce" (Paris, 1825), подъ заглавіемъ „Анекдотъ о Байронѣ, былъ напечатанъ впервые въ *Русскомъ Зрителѣ*, 1829 г., №№ 15 и 16, стр. 263—264. О безвѣріи Байрона здѣсь сказано слѣдующее: „Безвѣріе, предполагаемое въ Байронѣ, наиболѣе огорчало истинныхъ друзей его славы. Изо всего, что открыто намъ послѣ его смерти, должно заключить, что душа его чувствовала по крайней мѣрѣ великую нужду въ вѣрѣ. Когда человѣкъ являлся посредникомъ между небомъ и имъ, Байронъ обнаруживалъ одни сомнѣнія, и по странному своенравію гордости показывалъ надмѣнное пренебреженіе къ вѣрѣ во вліяніе свѣтилъ, тогда какъ съ друзьями своими онъ признавался въ этой слабости, такъ называлъ онъ ее, и старался оправдываться примѣромъ великихъ людей, бывшихъ столь же суевѣрными, какъ и онъ".

— (*Стр. 421, строки 6—8*). Томасъ Медвинъ разсказываетъ о талисманѣ, который носилъ Байронъ: „He had always a black ribbon round his neck, to wich was attached a locked containing hair and a picture. We had been playing at billiards one night till the balls appeared double, when all at once he searched hastily for something under his

lib.pushkinskijdom.ru

waist-coat, and said, in great alarm, „Good God! I have lost my—!“ but before he had finished the sentence, he discovered the hidden treasure“ (*T. Medwin.* Conversations of Lord Byron. London, 1825, vol. I, p. 76. — Записки о Лордѣ Байронѣ. СПб. 1835 г., ч. I, стр. 72). — О Медвинѣ см. примѣчанія къ статьѣ № 72.

— (*Стр. 421, строки 8—17*). Отзывъ извѣстнаго оріенталиста Гаммера Пургшталя (род. въ 1774 г., ум. въ 1856 г.) о Байронѣ, не найденный нами въ нѣмецкихъ газетахъ, былъ хорошо извѣстенъ русскимъ журналистамъ двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Ср. *Русскій Зритель* 1829 г., №№ 15—16, стр. 263: „Извѣстно, что онъ ‹Байронъ› всегда носилъ на груди драгоцѣнную вещь, привязанную на ленточкѣ. Капитанъ Медвинъ полагаетъ, что это былъ портретъ той, которая внушила ему первую любовь, а ученый Гаммеръ утверждаетъ, что это былъ восточный талисманъ“.

— (*Стр. 421, строка 18 — стр. 422, строка 29*). Книга маркиза де-Сальво о Байронѣ стала извѣстна въ Россіи еще въ 1825 г. Булгаринъ первый напечаталъ изъ нея выдержки въ *Сѣверной Пчелѣ* (1825 г., № 72), отмѣтивъ, что „г. де-Сальво сообщаетъ множество анекдотовъ и случаевъ изъ жизни Байрона“. Въ пушкинской библіотекѣ нашелся экземпляръ этого сочиненія. Если вѣрно предположеніе, что авторомъ комментируемой нами статьи былъ Пушкинъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ не зналъ о появленіи Анекдота въ *Русскомъ Зрителѣ* 1829 г., и думалъ, что печатаетъ отрывокъ на русскомъ языкѣ впервые.

Переводъ, приписываемый Пушкину, отличается точностью. Для сличенія приведемъ начало перевода и en regard текстъ оригинала.

«Странное дѣло», говорилъ Байронъ: «отецъ Бернардъ, от-

«C'est pourtant bien extraordinaire», dit un jour Lord

lib.pushkinskijdom.ru

давая мнѣ Христа, котораго самъ онъ носилъ, сказалъ мнѣ пророческимъ голосомъ: «Ты будешь защитникомъ христіанъ, ты возвратишься въ Грецію и станешь за правое дѣло вѣрныхъ... но я не буду обрадованъ свиданіемъ съ тобою; боюсь, что ты не дойдешь до Аѳинъ»...

Byron à ses amis; «le père Bernard en me donnant le Christ qu'il portait avec lui, m'a dit avec un ton prophétique: «Vous serez le défenseur des Chrétiens, vous retournerez en Grèce pour la cause des fidèles... mais je n'aurai pas le plaisir de vous revoir... je crains que vous ne viendrez plus jusqu'à Athènes» (*Marquis de Salvo.* Lord Byron en Italie et en Grèce. Paris, 1825, p. 303).

4.

HISTOIRE DU ROI DE BOHÊME ET DE SES SEPT CHÂTEAUX.

(Стр. 423—429).

Эта статья, появившаяся впервые въ *Литературной Газетѣ*, 1830 г., т. II, № 55, стр. 153—155, и перепечатанная Н. О. Лернеромъ въ *Русской Старинѣ*, 1913 г., № 12, стр. 534—542, приписывается Пушкину безъ точно установленныхъ документальныхъ данныхъ, на основаніи мыслей о французскомъ романтизмѣ, развитыхъ въ статьѣ и совпадающихъ со взглядами великаго поэта.

Въ доступныхъ Пушкину русскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданіяхъ не было статьи о романтизмѣ, которая ускользнула бы отъ его вниманія. Но чѣмъ больше вчитывался онъ въ сужденія на эту тему русскихъ критиковъ, тѣмъ менѣе испытывалъ удовлетворенія: одни просто врали, другіе имѣли о романтизмѣ темное понятіе,

lib.pushkinskijdom.ru

третьи своевольничали въ опредѣленіи этого литературнаго направленія.

„Сбивчивымъ понятіемъ о романтизмѣ обязаны мы Фр‹анцузскимъ› журналистамъ, которые относятъ къ романтизму все что имъ кажется ознаменованнымъ печатью мечтательности и Германскаго Идеологизма или основаннымъ на предразсудкахъ и преданіяхъ простонародныхъ". На ряду съ „печатью унынія или мечтательности", характернымъ признакомъ романтизма считаются „неологизмы и ошибки грамматическія". „Слишкомъ большую важность „полагаютъ" французскіе писатели романтической школы „въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ рифмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ". Возникаетъ стремленіе замѣнять странностями „истинное вдохновеніе" и „фиглярствовать" этими странностями; появляется увлеченіе одной „формой, не содержащей мыслей и чувствъ"; содержаніе произведеній становится неяснымъ, неопредѣленнымъ. Французская „романтическая школа вырождается въ извѣстную моду и кружковщину"...

Симпатіи Пушкина не были на сторонѣ школы. Его свѣтлый и точный умъ не могъ мириться съ неопредѣленностью и преувеличеніями (exagération); требовалъ значительной „суммы идей" не только отъ прозаиковъ, но и отъ стихотворцевъ. По словамъ поэта, забвеніе ожидаетъ „писателей, которые [пекутся болѣе о механизмѣ языка, наружныхъ формахъ слова], нежели о мысли истинной жизни его, не зависящей отъ употребленія" (Настоящій томъ, стр. 10, 16, 135, 146—148, 217—218, 223. — Переписка, т. I, стр. 83, 123, 218—219, 308; т. II, стр. 18.— *А. О. Смирнова.* Записки. СПб. 1895 г., ч. I, стр. 203—204).

Кромѣ мыслей о романтизмѣ, въ отзывѣ о сочиненіи Нодье есть еще черты, говорящія въ пользу авторства Пушкина.

lib.pushkinskijdom.ru

Прежде всего, отмѣченное въ статьѣ „измѣненіе благозвучнаго Расиновскаго стиха въ стихъ болѣе свободный, но за то и болѣе шероховатый“, нѣсколько напоминаетъ строфы изъ „Домика въ Коломнѣ“ (1830 г.), гдѣ говорится о томъ, какъ „Hugo съ товарищи, друзья натуры“, растрепали чинный александрійскій стихъ, который, послѣ подобной операціи, основательно развинтился: „сталъ гнуться, легко и высоко прыгать“ и „проворно ломаться“.

Затѣмъ, перечисленные въ статьѣ французскіе романы — тѣ самые, которые Пушкинъ называетъ и въ своихъ статьяхъ, (№ 37, стр. 80—81), и въ своихъ письмахъ (Переписка, т. II, стр. 143) и которые находятся въ его библіотекѣ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IX—X, стр. 258, № 1026). Что же касается нѣмецкихъ повѣстей Гофмана и Тика, то и онѣ во французскомъ переводѣ были знакомы поэту [1]).

Наконецъ, стиль статьи — какъ справедливо было указано Н. О. Лернеромъ — имѣетъ нѣкоторыя пушкинскія особенности, напримѣръ: „поясненія русскихъ словъ французскими“ [„неясное, неопредѣленное (le vague)“] и „переводъ заглавія „Исторіи“ Нодье по образцу старинныхъ русскихъ сказокъ“ [Ср. „Комедія о настоящей бѣдѣ Моск‹овскому› Госуд‹арству›“, „Исторія о Пугачевѣ“ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ XII, стр. 9.— Переписка, т. III, стр. 81)].

Таковы соображенія, на основаніи коихъ приписывается Пушкину предисловіе къ разбору сочиненія Нодье, переведенному изъ *Revue Française.*

О точности этого перевода можно судить, сличивъ французскій оригиналъ съ русскимъ текстомъ:

---

1) Гофманъ могъ быть извѣстенъ Пушкину какъ разъ съ 1830 г. (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IX — X, стр. 251, № 997).

lib.pushkinskijdom.ru

Avez-vous lu *l'Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux?*

— Assurement je l'ai lue un des premiers.

— Hé bien! qu'en pensez vous?

— Ce que j'en pense, je ne sais trop; c'est une histoire merveilleuse; mais elle est bien obscure, bien embrouillée, et il faut avouer qu'elle n'a pas beaucoup de suite dans son inépuisable variété...

[*Revue Française,* 1830, № 14 (mars), pp. 254—260].

Читали ль вы *Исторію о Богемскомъ Королѣ и семи его замкахъ?*

— Да; я изъ первыхъ читалъ ее.

— Ну, что же вы о ней думаете?

— Не умѣю вамъ сказать, что думаю. Исторія пречудная; только она очень темна, очень запутана, и должно сказать правду, не слишкомъ много найдешь связи въ ея неистощимомъ разнообразіи...

Самая „Исторія о Богемскомъ Королѣ" относится къ шутливымъ, исполненнымъ юмора произведеніямъ Нодье, въ которыхъ онъ осмѣиваетъ ученыхъ, занимающихся филологическими разысканіями, — „сортировщиковъ" словъ (ceux qui passent leur temps à „bluter" des mots) [*M. Salomon.* Charles Nodier et le groupe romantique. Paris, 1908, pp. 228—229].

— (*Стр. 423, строки 1—3*). Терминъ „vague" употреблялся въ современной Пушкину французской литературѣ въ отношеніи къ романтизму, но примѣнялся не къ содержанію и стилю романтическихъ произведеній, а къ опредѣленіямъ понятія о романтизмѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слово „vague" встрѣчается у Виктора Гюго (*Maurice Souriau.* La préface de Cromwell. Paris, p. 192).

— (*Стр. 423, строки 13—14*). Повѣсти Гофмана и Тика, во французскомъ переводѣ, находятся въ пушкинской библіотекѣ (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IX—X, стр. 251, № 997; стр. 349, №№ 1437—1438).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 423, строки 19—22*). Исторіи о Петрѣ Златыхъ-Ключахъ и о Францылѣ Венеціанѣ — переводные романы, пользовавшіеся въ Россіи большою популярностью.

5.

LA CONFESSION, PAR L'AUTEUR DE L'ANE MORT ET LA FEMME GUILLOTINÉE [1]).

(Стр. 430—435).

Эта статья помѣщена впервые въ *Литературной Газетѣ,* 1830 г., т. II, № 60, стр. 193—195, и перепечатана Н. О. Лернеромъ въ *Сѣверныхъ Запискахъ,* 1913 г., № 2, стр. 40—44.

Никакихъ свѣдѣній о принадлежности статьи Пушкину нѣтъ, и вопросъ объ авторствѣ поэта можетъ быть поднятъ только на основаніи ея содержанія.

Французская романтическая школа не нравилась Пушкину, но это обстоятельство не мѣшало ему внимательно слѣдить за ея развитіемъ. Поэтическое чутье и тонкій вкусъ, естественно, побуждали его выдѣлять изъ прочитываемыхъ книгъ тѣ, въ которыхъ онъ если не всегда схватывалъ умомъ, то, по крайней мѣрѣ, инстинктивно чувствовалъ или искренность вдохновенія, или тонкую шутку, или наклонность автора не поддаваться всецѣло господствовавшему литературному направленію. Онъ сразу отмѣтилъ появленіе романовъ Жюля Жанена, еще не зная, кто ихъ авторъ. Ранней весною 1830 г. онъ писалъ изъ Москвы княгинѣ В. Ѳ. Вяземской: „Vous-avez raison de trouver l'Ane delicieux — C'est un des ouvrages

---

1) „Отрывки изъ книги: Исповѣдь", помѣщены на русскомъ языкѣ въ *Литературной Газетѣ* 1830 г., т. II, № 61, стр. 199—203; № 62, стр. 207—211.

lib.pushkinskijdom.ru

les plus marquants du moment. On l'attribue à V. Hugo[1])— j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* où il y en a beaucoup" (Переписка, т. II, стр. 143). Спустя нѣсколько лѣтъ онъ задумываетъ статью „О новѣйшихъ романахъ" и въ самомъ началѣ ея перечисляетъ романы Жанена, опять безъ имени автора: Barnave, confess‹ion,› femme guill‹otinée›[2]).

Пушкинъ не считалъ „Мертваго Осла" (1829 г.)[3]) „горячимъ бредомъ" двадцатилѣтняго юноши, который сталъ мизантропомъ, „не умѣя быть ничѣмъ другимъ" (*Московскій Телеграфъ*, 1833 г., № 10, стр. 236: „Литературныя Признанія" Юлія Жанена). Напротивъ, нашъ поэтъ усмотрѣлъ въ этомъ романѣ игру холоднаго и остраго ума, и предупреждалъ княгиню В. Ѳ. Вяземскую, чтобы она не принимала за правду все, что́ разсказываетъ авторъ (de ne pas prendre au sérieux tout ce qu'avance l'auteur). Романъ Жанена, повидимому, представлялся

1) Романъ „Мертвый Оселъ" (1829 г.) вышелъ въ свѣтъ безъ имени автора, и лишь немногіе литераторы догадывались, что авторомъ былъ Жюль Жаненъ (ср. *Телескопъ*, 1833 г., ч. XXI, № 19, стр. 142). Русскій переводъ (1831 г.) появился также безъ обозначенія на обложкѣ фамиліи сочинителя.

2) Приводимъ полностью упомянутую программу, относящуюся къ первой половинѣ тридцатыхъ годовъ и сохранившуюся въ рукописи б. Румянцовскаго Музея № 2372, л. 60:

О новѣйшихъ романахъ.

Barnave confess‹ion›, femme guill‹otinée›.
Eugene Sue.
De Vigny Hugo.
Balzac Scènes, Peau de chag‹rin›, Contes bruns, drolati‹ques›.
Musset, Tables de nuit.
Поэзія фр‹анцузская› — Вугоп.
Муравьевъ.
Полевой (Пол‹евой› — романистъ).
Свиньинъ.
Карамзинъ.

3) Романъ „L'âne mort et la femme guillotinée находится въ пушкинской библіотекѣ (*Пушкинъ и его современники*, выпускъ IX—X, стр. 258, № 1026).

lib.pushkinskijdom.ru

ему пародіей на произведенія молодыхъ французскихъ романтиковъ, отличавшихся необузданнымъ разгуломъ фантазіи и проявившихъ наклонность къ изображенію ужасныхъ, невѣроятныхъ событій („Han d'Islande", „Bug-Jargal" и др.)[1]). Здѣсь, вѣроятно, разгадка того, что „Мертвый Оселъ" поставленъ имъ выше „Послѣдняго дня приговореннаго къ смерти". — Всѣ эти сужденія Пушкина сходятся со взглядами, высказанными въ отзывѣ объ „Исповѣди", гдѣ говорится, что авторъ „Мертваго Осла", холодно описывая возмущающіе душу предметы, „хотѣлъ выразить духъ современнаго поколѣнія, прошедшаго чрезъ всѣ крайности, извѣдавшаго всѣ ужасы, охладѣвшаго ко всему и на все взирающаго съ безстрастіемъ фаталиста Мусульманскаго".

Романъ Жанена „La Confession" (1830)[2]) не упоминается въ перепискѣ Пушкина, но имя главнаго героя этого произведенія Анатоля встрѣчается въ одномъ черновомъ наброскѣ:

«Тебя [пою] на томной лирѣ.
«[Но] гдѣ найду мой идеалъ ‹?›
«И кто пойметъ меня въ семъ мірѣ ‹?›»
Но Анатоль не понималъ.

(Рукопись б. Румянцовскаго Музея № 2371, л. 88 об.).

Приведенные стихи могутъ быть сопоставлены съ тѣмъ мѣстомъ рецензіи на „Исповѣдь", въ которомъ характеризуется разборчивость Анатоля: „онъ строго разсматриваетъ ихъ (невѣстъ) нравъ и душевныя качества, и ни одна изъ нихъ не приходитъ ему по сердцу".

---

1) См. *Телескопъ*, 1831 г., ч. IV, № 13, стр. 102: „Произведеніе сіе („Мертвый Оселъ") сначала было принято за пародію на *Послѣдній день приговореннаго къ смерти*".

2) Отрывки изъ него переведены въ *Литературной Газетѣ*, 1831 г., т. II, № 61, стр. 199—203; № 62, стр. 207—211.

lib.pushkinskijdom.ru

Отзывы Пушкина о французской романтической школѣ, разсѣянные въ разныхъ статьяхъ, свидѣтельствуютъ объ его отрицательномъ отношеніи къ излюбленнымъ сюжетамъ юныхъ приверженцевъ новаго литературнаго направленія, которые стали описывать „грязь“, „обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ. Пушкинъ съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія констатируетъ неподчиненіе русской поэзіи французскому вліянію и ея независимость отъ „вкусовъ и требованій публики“, жаждущей „новизны и сильныхъ впечатлѣній“ (ср. стр. 80—81, 307, 309). И невольно усматривается связь между приведенными пушкинскими мыслями и воззрѣніями, высказанными въ статьѣ о романѣ Жанена: осужденіе писателей, увлекающихся „странностями и пороками“ своего вѣка, равнодушно разсказывающихъ о „событіяхъ самыхъ ужасныхъ“ и холодно описывающихъ „предметы, возмущающіе душу“.

Кромѣ приведенныхъ соображеній, есть еще основанія, позволяющія предполагать авторство Пушкина.

Полное равнодушіе къ нравственнымъ вопросамъ и безразличное отношеніе къ вѣрѣ — вотъ характерныя черты современнаго Пушкину поколѣнія, отмѣченныя въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и въ рецензіи на переводъ „Адольфа“ Бенжамена Констана (№ 32, стр. 62—63). Рецензія на „Исповѣдь“ также начинается указаніемъ на „равнодушіе нашего вѣка ко всему, особливо къ предметамъ и правиламъ вѣры“.

Отдѣльныя выраженія и цитаты, встрѣчающіяся въ различныхъ очеркахъ и наброскахъ Пушкина, совпадаютъ съ оборотами рѣчи и цитатой изъ рецензіи на романъ Жанена.

Опредѣляя понятіе о народности, поэтъ пишетъ о „тьмѣ *обычаевъ, повѣрій* [1]) и привыч‹екъ›, принадлежа-

1) Курсивъ нашъ. *Н. К.*

lib.pushkinskijdom.ru

щихъ изключительно какому нибудь народу“ (№ 17, стр. 26); въ разборѣ драмы Погодина онъ говоритъ о воспроизведеніи „людей минувшихъ дней, умовъ ихъ, *предразсудковъ* (№ 56, стр. 128); въ XIII строфѣ третьей главы „Евгенія Онѣгина“, прозрѣвая неизбѣжное для него въ будущемъ „униженіе до смиренной прозы“, онъ съ любовью останавливается на сюжетѣ историческаго романа, гдѣ будутъ изображены „*преданья* русскаго семейства“ да „*нравы* нашей *старины*“, — и, наконецъ, опредѣляя задачу всякаго историка-драматурга, высказывается такъ: „Не его дѣло оправдывать, обвинять и подсказывать рѣчи. Его дѣло *воскресить минувшій вѣкъ*[1]) во всей его истинѣ“ (№ 56, стр. 128).

Въ рецензіи на „Исповѣдь“ встрѣчаются тѣ же обороты, тѣ же слова и выраженія, нѣсколько иначе расположенные. Общій потокъ, сказано здѣсь, увлекаетъ „и Эпиковъ, и Трагиковъ, и Романтиковъ“ конца двадцатыхъ и начала тридцатыхъ годовъ XIX вѣка: рѣзко проявляется „наклонность *оживить вѣки минувшіе, преданія и повѣрья старины, нравы, обычаи* и *предразсудки* разноплеменныхъ предковъ нынѣшняго европейскаго поколѣнія“.

Помимо этого цитата изъ Вольтера:

Tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux,—

одно изъ наиболѣе приглянувшихся Пушкину изреченій, находящихся въ „Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчаніяхъ“ (№ 20, стр. 38).

Мысли о Жаненѣ, развитыя въ рецензіи на „Исповѣдь“, позволяютъ видѣть въ рецензентѣ человѣка, несочувствующаго крайностямъ тогдашнихъ французскихъ романистовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склоннаго къ высокой оцѣнкѣ дарованій автора „Мертваго Осла“. По словамъ рецензента, Жаненъ — искусный писатель, „умѣющій

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

живо схватывать черты едва замѣтныя, ощущенія самыя легкія"; остроумный изобразитель поэтовъ, воскрешающихъ „вѣка минувшіе"; вдумчивый наблюдатель упадка современной ему эпохи, „не слишкомъ вдохновительной" „въ нравственномъ отношеніи"; выразитель „духа современнаго поколѣнія". Правда, Жаненъ — какъ думаетъ рецензентъ — иной разъ самъ рискуетъ быть захваченнымъ общимъ потокомъ — увлечься „странностями и пороками", но не надолго: его острый умъ долженъ прійти къ нему на помощь, и иронія, съ которой Жаненъ относился къ произведеніямъ другихъ авторовъ, не пощадитъ и его собственное созданіе. Недаромъ и „Мертвый оселъ" казался однимъ критикамъ пародіей юношескихъ романовъ Виктора Гюго, а другимъ — продолженіемъ этихъ произведеній; не даромъ въ однихъ журналахъ перепечатывались изъ *Le Globe* сочувственные отзывы о романахъ Жанена, а въ другихъ періодическихъ изданіяхъ отмѣчалась въ нихъ замѣна изящнаго „новымъ и страннымъ" и „творческой силы" — „умѣньемъ замысловато изображать", при чемъ наиболѣе рьяные блюстители нравственности называли сочиненія Жанена „вѣнцомъ господствующаго грязнаго рода литературы", „квинтессенціей мерзостей", свойственной только французскому „взбѣсившемуся" романтизму (*Телескопъ*, 1831 г., ч. IV, № 13, стр. 101—104. — *Московскій Телеграфъ*, 1832 г., № 19, стр. 397; 1833 г., № 10, стр. 236. — *Карманная Книжка для любителей русской старины и словесности* на 1830 г., № 2, стр. 280. — *Сѣверная Пчела*, 1831 г., № 158, стр. 1 — *Сынъ Отечества* 1831 г., т. XXII. № 36, стр. 227—243).

— (*Стр. 430, строки 1—2*). „Man delights not me, nor woman neither — слова Гамлета въ разговорѣ съ Розенкранцомъ (II сцена II дѣйствія).

— (*Стр. 431, строка 30 — стр. 432, строка 4*). Поэтъ напечатавшій: „Былъ и мой вечеръ", — Альфредъ

lib.pushkinskijdom.ru

де-Виньи, авторъ разсужденія о драматической системѣ, извѣстнаго подъ названіемъ „Lettre à Lord *** Earl of *** sur la soirée du 25 octobre 1829 et sur un système dramatique“ (1829). Ср. *Московскій Телеграфъ,* 1830 г., № 24, стр. 423—463.

— (*Стр. 430, строки 13—18*). Claude-Prosper de Crébillon (род. въ 1707 г., ум. въ 1770 г.) — извѣстный авторъ романовъ. Въ библіотекѣ Пушкина находится полное собраніе его сочиненій (*Пушкинъ и его современники,* выпускъ IX — X, стр. 215, № 838).

6.

КАРЕЛІЯ, ИЛИ ЗАТОЧЕНІЕ МАРѲЫ ІОАН‹Н›ОВНЫ РОМАНОВОЙ.

(Стр. 435—444).

Эта статья, въ рукописи неизвѣстная, впервые появилась въ *Литературной Газетѣ,* 1830 г., т. I, № 10, стр. 78—81, и перепечатана въ изданіи *Пушкинъ и его современники,* 1916 г., выпускъ XXIII — XXIV, стр. 9—20.

Принадлежность статьи Пушкину подтверждается свидѣтельствомъ самого Ѳ. Н. Глинки, который въ письмѣ къ П. К. Щебальскому [1]) вспоминаетъ „радушную рецензію“ о своей поэмѣ „Карелія“ — рецензію, „которую написалъ и напечаталъ (въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ тридцатыхъ годовъ) незабвенный Пушкинъ“. Ссылка на альманахъ Дельвига — очевидная ошибка 83-хъ лѣтняго старца [2]), позабывшаго, что отдѣла рецензій въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* не было.

1) Во время печатанія рецензіи Пушкина письмо Глинки было намъ неизвѣстно, почему рецензія и включена въ число статей, *приписываемыхъ* поэту.

2) Письмо къ П. К. Щебальскому писано въ маѣ — іюнѣ 1870 г., а Глинка родился въ 1787 году.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинъ уважалъ Глинку, какъ „почтеннаго“ человѣка, но не высоко ставилъ его, какъ поэта, хотя и не отрицалъ нѣкоторыхъ достоинствъ въ его произведеніяхъ: „нашъ другъ Θита, Кутейкинъ въ эполетахъ“, постоянно бормотавшій „разтянутые псалмы“, „былъ мужъ благъ, незлобивъ, удаляяйся отъ всякія скверны“, но „V‹жица› въ поэтахъ“. Получивъ отъ Глинки „Карелію“ [1]), Пушкинъ написалъ о ней отзывъ, въ которомъ не скрылъ отъ автора замѣченныхъ въ поэмѣ недостатковъ: „небрежности рифмъ и слова“, „прозаическихъ оборотовъ“, „какой-то вялости и однообразія мыслей“. Но, не желая огорчать своего горячаго почитателя, Пушкинъ указалъ, на ряду съ отрицательными сторонами поэмы, и положительныя ея качества: „оригинальность“, „поэтическое добродушіе“, „теплоту чувствъ“ и „свѣжесть живописи“.

Рецензія Пушкина была перепечатана А. Ѳ. Воейковымъ въ № 46 *Русскаго Инвалида* отъ 19-го февраля 1830 г. и привлекла вниманіе В. Н. Олина, который поспѣшилъ „согласиться съ мнѣніемъ *Литературной Газеты,* что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ онъ ‹Глинка›, можетъ быть, самый оригинальный; что поэма *Карелія* служитъ новымъ сему доказательствомъ и что въ ней, какъ въ зеркалѣ, видны всѣ его достоинства и вмѣстѣ всѣ его недостатки“ (*Карманная Книжка для любителей русской старины и словесности* на 1830 г., № 3, стр. 409—410).

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Глинкѣ см. Переписку, т. I, стр. 32—33, 63—65, 67, 119, 151, 170—171; т. II, стр. 116—118, 344, и изданіе *Пушкинъ и его современники*, выпускъ XXIX — XXX, стр. 78—97.

— (*Стр. 435, строка 23 — стр. 436, строка 1*). „Схоластическая величавость“ Ломоносова названа въ „Мысляхъ

1) Въ пушкинской библіотекѣ находятся два экземпляра „Карелiи“: одинъ съ надписью автора и другой въ папкѣ, съ золотымъ обрѣзомъ, на веленевой бумагѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

на дорогѣ“ „полу-славенской, полу-латинской“ (№ 67, стр. 176).

— (*Стр. 436, строка 1*). О „неровной живописи“ Державина см. примѣчанія къ статьѣ № 6.

— (*Стр. 436, строки 1—3*). Въ стихахъ Батюшкова особенно плѣняла Пушкина гармонія, та „батюшковская гармонія“, которую великій поэтъ называлъ „прелестью“, „совершенствомъ“, очарованіемъ (*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 294, 306, 310. — Ср. примѣчанія къ статьѣ № 57).

— (*Стр. 436, строки 4—5*). О терминѣ „метафизическій“ см. примѣчанія къ статьѣ № 32.

1836.

7.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

(Стр. 445—450).

Эта статья, не дошедшая до насъ въ рукописи, впервые помѣщена въ *Современникѣ* 1836 г., т. III, стр. 321—329, а затѣмъ перепечатана въ сборникѣ *Нашъ Трудъ* 1924 г., № 2, стр. 108—111, и въ *Атенеѣ* 1924 г., кн. 1—2, стр. 6—11.

„Письмо къ издателю“ не разъ привлекало вниманіе изслѣдователей, высказывавшихъ самыя разнообразныя догадки и предположенія, иногда близко подходившихъ къ истинѣ, но долго не рѣшавшихся поставить вопросъ объ авторствѣ Пушкина. П. В. Анненковъ приписывалъ „Письмо“ „извѣстному библіографу“ И. А. Безсонову; П. А. Ефремовъ безоговорочно присоединился къ мнѣнію Анненкова; П. О. Морозовъ почему-то назвалъ Безсонова „тверскимъ помѣщикомъ“, пояснивъ, что, „кромѣ указаннаго письма“, этотъ помѣщикъ „ничего не печаталъ и въ литературѣ совершенно неизвѣстенъ“; наконецъ, В. В. Каллашъ заподозрѣлъ въ А. Б. „профессора

lib.pushkinskijdom.ru

П. А. Безсонова, занимавшагося библіографіей". Загадочная личность Безсонова невольно вызывала сомнѣнія. В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ усмотрѣли въ А. Б.—А. И. Болтина, И. А. Шляпкинъ — М. П. Погодина, а А. Г. Фоминъ совершенно отказался опредѣлить автора „Письма". И только одинъ И. И. Ивановъ сталъ на вѣрный путь, заявивъ, что статья появилась „съ вѣдома, а можетъ быть и по внушенію Пушкина". Точка зрѣнія Иванова была подтверждена обстоятельнымъ докладомъ В. П. Красногорскаго, сдѣланнымъ въ Пушкинскомъ семинаріи С. А. Венгерова 17-го ноября 1916 г. (*П. В. Анненковъ.* Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. СПб. 1855 г., стр. 424. — *Русская Мысль,* 1911 г., № 9, отд. II, стр. 151.— *В. С. Карцовъ и М. Н. Мазаевъ.* Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПб. 1891 г., стр. 2. — *И. А. Шляпкинъ.* Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 г., стр. 242. — *Ив. Ивановъ.* Исторія русской критики. СПб. 1900 г., ч. III, стр. 122. — *А. С. Пушкинъ.* Сочиненія. Изд. Я. А. Исакова. СПб. 1881 г., т. V, стр. 427. — *А. С. Пушкинъ.* Сочиненія и письма. Изд. Т-ва „Просвѣщеніе", т. VI, стр. 623.—*А. С. Пушкинъ.* Сочиненія. Изд. А. С. Суворина. СПб. 1903 г., т. VI, стр. 81).

Авторство Пушкина доказывается сопоставленіемъ отдѣльныхъ мѣстъ „Письма къ издателю" съ рядомъ отрывковъ изъ другихъ статей, черновыхъ набросковъ и писемъ поэта. Сопоставленіе даетъ возможность точно установить: 1) наличіе въ письмѣ А. Б. отрывка из черновика другого письма въ редакцію *Литературной Газеты,* находящагося въ бумагахъ Пушкина (тетрадь № 2382, л. 31); 2) защиту А. Ф. Воейкова и О. И. Сенковскаго отъ нападокъ Гоголя, напоминающую отдѣльныя замѣчанія Пушкина въ статьѣ о мизинцѣ Ѳ. В. Булгарина, въ „Мысляхъ на дорогѣ" и въ письмѣ къ П. А. Вяземскому; 3) мысль объ угожденіи публикѣ, встрѣчающуюся въ

lib.pushkinskijdom.ru

письмѣ къ Н. Н. Раевскому; 4) пушкинскій методъ обсужденія филологическихъ вопросовъ и, наконецъ, 5) протестъ противъ интимности передъ читателями, проявившійся въ статьѣ о литературной критикѣ (№ 34).

Пользуясь приведенными доводами, другой изслѣдователь Ю. Г. Оксманъ подкрѣпляетъ ихъ своими соображеніями (напр. указаніемъ на развиваемую Пушкинымъ и въ *Современникѣ*, и въ черновыхъ отрывкахъ 1830 г. мысль о сравнительной распространенности стиховъ и романовъ) и даетъ исторію происхожденія „Письма къ издателю“. Пушкинъ, по его собственнымъ словамъ, вслѣдствіе неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, „не имѣлъ ни времени, ни духа“ „порядочно разсмотрѣть“ матеріалъ, вошедшій въ первый томъ *Современника*. При отсутствіи программной статьи, роль послѣдней сыгралъ анонимный обзоръ „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году“, писанный Гоголемъ. Этотъ обзоръ, въ первоначальной редакціи былъ бѣгло просмотрѣнъ Пушкинымъ, сдѣлавшимъ автору нѣсколько замѣчаній, между прочимъ о „невозможности напечатать нѣкоторыя, очень игривыя, выраженія“. Окончательной редакціи статьи поэтъ не видѣлъ до появленія ея въ печати, когда, ставъ предметомъ общаго вниманія, она была приписана редактору. Не раздѣляя взглядовъ Гоголя, Пушкинъ неизбѣжно вынужденъ былъ публично отречься отъ нашумѣвшаго въ литературныхъ сферахъ „Обзора“ и, по тактическимъ соображеніямъ, сдѣлать это возможно скорѣе. Но подобное отреченіе могло имѣть неблагопріятныя послѣдствія для редакціи только что начавшаго выходить журнала, и нужно было найти подходящую форму, въ которой легко опровергнуть основные тезисы „Обзора“ безъ особыхъ осложненій и непріятностей. Не желая задѣть болѣзненное самолюбіе Гоголя и вызвать толки журнальныхъ враговъ о разложеніи въ

lib.pushkinskijdom.ru

редакціи *Современника,* Пушкинъ остановился на подходящей къ данному случаю формѣ письма къ издателю, которому, такимъ образомъ, представлялся удобный случай публично высказаться по поводу злополучной статьи. Возвѣщенная еще во второмъ номерѣ *Современника* (№ 83, стр. 304), эта статья появилась лишь въ третьемъ съ замѣткой издателя (№ 92, стр. 376), который разъясняетъ, что очеркъ „О движеніи журнальной литературы" „не есть и не могъ быть программою" журнала (*Нашъ Трудъ,* 1924 г., № 2, стр. 106—108, 111—120. — *Атеней,* 1924 г., кн. I—II, стр. 15—24).

— (*Стр. 445, строки 1—18*). Выписка изъ поученія Георгія Конискаго и архаическій стиль послѣдующихъ десяти строкъ, написанныхъ въ духѣ этого проповѣдника, тѣсно связаны со статьей о послѣднемъ, помѣщенной въ первомъ томѣ *Современника* (№ 75, стр. 235.—*Георгій Конискій.* Собраніе сочиненій. СПб. 1835 г., ч. I, стр. 1—2).

— (*Стр. 445, строка 9—10*). „Истинная критика" — обычный пушкинскій терминъ. „Голосъ истинной критики необходимъ у насъ", пишетъ поэтъ П. А. Катенину въ февралѣ 1826 г. (Переписка, т. I, стр. 327).

— (*Стр. 445, строка 11*). Выраженіе „стадо подписчиковъ" вызвало замѣчанія со стороны Ѳ. В. Булгарина (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 255—256).

— (*Стр. 445, строки 15—16*). Слово „собратія" часто встрѣчается въ пушкинской прозѣ. Ср. настоящій томъ, № 50, стр. 105—106: „передъ своею братьею", „собратіевъ-мѣщанъ".

— (*Стр. 445, строка 19, — стр. 446*). Въ четвертомъ томѣ *Современника* Пушкинъ открыто заявляетъ, что приписанное ему, какъ издателю журнала, намѣреніе „уронить *Библіотеку для Чтенія*" есть измышленіе журналистовъ, которымъ онъ не поручалъ составлять программу своего изданія (№ 93, стр. 377).

lib.pushkinskijdom.ru

Желая имѣть на своей сторонѣ, въ неизбѣжной борьбѣ съ газетой Ѳ. В. Булгарина, столь хорошо организованное изданіе, какъ *Библіотека для Чтенія,* Пушкинъ не напечаталъ ни присланного ему протеста В. И. Даля противъ редакторскихъ пріемовъ О. И. Сенковскаго, ни рѣзкихъ возраженій П. Мартоса на письмо А. Б. (*Русскій Архивъ,* 1880 г., т. III, стр. 473—480. — „Письма Пушкина и къ Пушкину". Ред. М. А. Цявловскаго. М. 1925 г., стр. 33—36).

— (*Стр. 445, строка 24*). Прилагательное „сбивчивый" не разъ употреблялось Пушкинымъ для оцѣнки литературныхъ произведеній. Ср. „сбивчивое предисловіе" въ статьѣ объ „Исторіи Русскаго Народа" Н. А. Полевого (Настоящій томъ, № 35, стр. 74, строка 29).

— (*Стр. 446, строки 19—29*). Для пушкинскихъ полемическихъ статей характерно „сведеніе къ нѣсколькимъ четкимъ тезисамъ или пунктамъ всего того, что привлекало его вниманіе въ разбираемомъ матеріалѣ" (*Атеней,* 1924 г., кн. I—II, стр. 21). Ср. настоящій томъ, № 35, стр. 74—75, и № 61, стр. 149.

— (*Стр. 446, строки 30—32*). Вмѣшательство въ „домашнія дѣла постоянно вызывало осужденіе Пушкина, который еще въ 1830 г. порицалъ критику, превратившуюся въ домашнюю переписку издателя съ сотрудниками, съ корректоромъ и проч." (№ 34, стр. 64, строки 1—16)[1]). — Оборотъ: „домашнія, *такъ сказать,* распоряженія книгопродавца Смирдина", напоминаетъ фразу изъ статьи „Нѣсколько словъ о мизинцѣ Г. Бул-

1) Ср. № 44, стр. 88, строки 19—25: „Требуетъ ли публика извѣщенія, что такой-то журналистъ не хочетъ больше снимать шляпы передъ такимъ-то Поэтомъ или Прозаикомъ? Конечно, нѣтъ; но Журналистъ объ этомъ публикуетъ, чтобъ его товарищъ, получающій по пріязни даромъ листки его (къ которому бы не мѣшало ему лучше зайти мимоходомъ, да словесно объявить о томъ), узналъ эту важную для нихъ новость".

lib.pushkinskijdom.ru

гарина и о прочемъ“: „сей замѣчательный литераторъ“ (А. Ф. Воейковъ) „извѣстенъ болѣе изданіемъ Хамелеонистики, остроумнаго сбора статей, въ коихъ выводятся, *такъ сказать*[1]), на чистую воду нѣкоторыя, *такъ сказать*[1]), литературныя плутни“ (№ 62, стр. 157, строки 26—29).

— (*Стр. 447, строки 1—9*). Подготовляя опроверженіе гоголевской статьи, Пушкинъ использовалъ черновые наброски 1830 г., предназначавшіеся для *Литературной Газеты*. Приводимъ выдержки изъ черновиковъ и en regard соотвѣтствующія строки „Письма къ издателю“.

[Вы поминутно говорите о приличіи журнала] но позвольте дать замѣтить что и Газета стараясь быть равно учтива и важна въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ ею разбираемымъ безъ сомнѣнія погрѣшала бы противу прави‹лъ› приличія [какъ и проч‹іе› наш‹и› журналы]. — Въ обществѣ вы локтемъ задѣли вашего сосѣда, вы извиняетесь — очень хорошо — но гуляя въ толпѣ подъ качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: mille pardon‹s›. Вы зовете извощика — и говорите ему: пошолъ въ Коломн‹у› — разница критиковать Ист‹орію› Гос‹ударства› Росс‹ійскаго› — и напри‹мѣръ›***

Публика требуетъ отчета обо всемъ выходящемъ. Не ужь-то журналисту надлежитъ наблюдать одинъ и тотъ же тонъ въ отношеніи ко всѣмъ книгамъ, имъ разбираемымъ? Разница критиковать «Исторію Государства Россійскаго» и романы гг.*** и пр.

Критикъ, стараясь быть всегда равно учтивымъ и важнымъ, безъ сомнѣнія погрѣшаетъ противу приличія. Въ обществѣ вы локтемъ задѣваете сосѣда, вы извиняетесь: очень хорошо; но гуляя подъ качелями, вы толкнули лавочника, и не скажете же ему: mille pardons».

---

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

(Настоящій томъ, № 49, стр. 98—99). (*Современникъ* 1836 г., т. III, стр. 323—324).

— (*Стр. 447, строки 11—12*). Мысль объ угожденіи публикѣ высказана впервые въ письмѣ къ Н. Н. Раевскому отъ марта-апрѣля 1827 г.: „Искренно признаюсь что я воспитанъ въ страхѣ почтеннѣйшей публики и что не вижу никакого стыда угождать ей и слѣдовать духу времени“ (Переписка, т. II, стр. 21). Эти строки весьма сходны со словами Лафонтена въ предисловіи къ „Les amours de Psyché et de Cupidon“: „Mon principal but est toujours de plaire: pour en venir là, je considère le goût du siècle“ (*La Fontaine*. Oeuvres. Paris, 1826, t. V, p. 16).

По глубокому убѣжденію Пушкина, журналисту приходится считаться съ публикой, хотя бы она требовала „упоминанія о книгахъ, которыя не стоятъ никакого вниманія“. Выясняя М. П. Погодину причину неуспѣха *Московскаго Вѣстника,* поэтъ писалъ еще за девять лѣтъ до изданія своего журнала: „Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная; проза м‹ожетъ› б‹ыть› еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору“ (Переписка, т. II, стр. 42: письмо отъ 31-го августа 1827 г.).

— (*Стр. 447, строка 13*). „Да позвольте“ — оборотъ, попадающійся въ критическихъ замѣткахъ Пушкина. Ср.: „Позвольте... сперва скажите“... (№ 48, стр. 97, строка 14).

— (*Стр. 447, строки 13—15*). Сравненіе альманаха *Новоселье* съ „тощимъ котомъ, мяукающимъ на кровлѣ опустѣлаго дома“, отмѣчено въ статьѣ Ѳ. В. Булгарина, который назвалъ его „пошлой шуткой“ (*Сѣверная Пчела* 1836 г., №№ 255—256: „Мое перевоспитаніе по системѣ взаимнаго обученія“).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*Стр. 447, строка 19*). „Несказанно“ — обычное слово въ пушкинской перепискѣ. Ср.: „Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно“ (Переписка, т. I, стр. 201: письмо къ Л. С. Пушкину отъ начала апрѣля 1825 г.).

— (*Стр. 447, строки 24—26*). Вопросъ о взаимоотношеніи литературнаго и разговорнаго языка — обычная тема Пушкина (Настоящій томъ, № 6, стр. 11; № 10, стр. 16—21; № 50, стр. 105—106; № 52, стр. 116—117; № 53, стр. 117—119 и др.).

— (*Стр. 448, строки 21—24*). Отзывъ о статьяхъ О. И. Сенковскаго, „достойныхъ занять мѣсто въ лучшихъ изъ европейскихъ журналовъ“, совпадаетъ съ сужденіями Пушкина о критическихъ очеркахъ П. А. Вяземскаго и сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника:* „Европейскія статьи (т. е. Вяземскаго) такъ рѣдки въ нашихъ журналахъ“; или: „Шевыревъ, Кирѣевскій, Погодинъ и другіе писатели написали нѣсколько опытовъ, достойныхъ стать на ряду съ лучшими статьями англійскихъ Reviews“ (Переписка, т. I, стр. 217. — Настоящій томъ, № 67, стр. 174, строки 25—27).

— (*Стр. 448, строка 28*). „Смиренные провинціалы“ напоминаютъ „смиренную братію“ въ черновыхъ отрывкахъ 1830 г. и въ статьѣ о Е. А. Боратынскомъ (Настоящій томъ, № 50, стр. 105, строка 13, и № 57, стр. 131, строка 6).

— (*Стр. 449, строки 7—8*). Подобно Пушкину, Н. А. Полевой указывалъ въ *Московскомъ Телеграфѣ,* что число подписчиковъ нѣкоторыхъ англійскихъ журналовъ достигаетъ 15.000 (Настоящій томъ, № 59, стр. 431[2]).

— (*Стр. 449, строка 16*). „Пошлыя шуточки“ — пушкинское выраженіе, находящееся въ полемическихъ статьяхъ. Ср. № 24, стр. 47, строки 30—32: „Молодые писатели не будутъ ими (критиками М. Т. Каченовскаго)

lib.pushkinskijdom.ru

забавляться, какъ пошлыми шуточками журнальнаго гаера".

(*Стр. 449, строки 19—22*). Оцѣнка статей А. Ф. Воейкова, автора „Хамелеонистики", сходна съ отзывомъ о немъ въ статьѣ „Нѣсколько словъ о мизинцѣ Г. Булгарина и о прочемъ" (№ 62, стр. 157, строки 26—29).

— (*Стр. 449, строки 26—27*). Отношеніе Пушкина къ *Московскому Наблюдателю* и В. Г. Бѣлинскому выясняется въ *Атенеѣ*, 1924 г., кн. I—II, стр. 16.

— (*Стр. 450, строки 4—8*). Въ черновыхъ замѣткахъ 1830 г. Пушкинъ высказался о равнодушіи публики къ поэзіи такъ же, какъ и въ „Письмѣ къ издателю": „Басни (какъ и романы) читаетъ и литераторъ, и купецъ и свѣтской человѣкъ, и дамы и горничныя и дѣти. — Но стихотвореніе лирическое читаетъ токмо любитель поэзіи. — А много-ли ихъ?" (№ 50, стр. 112, строки 28—31.—Ср. № 10, стр. 19, строки 5—7).

— (*Стр. 450, строки 11—13*). Печатаніе басенъ И. А. Крылова въ количествѣ двухъ-трехъ десятковъ тысячъ всегда обращало на себя вниманіе Пушкина. „Спрашиваю", писалъ онъ: „что выгоднѣе напечатать 20,000 экз⟨емпляровъ⟩ одной книги и продать по 50 коп⟨ѣекъ⟩, или напечатать 200 экз⟨емпляровъ⟩ и продавать по 50 рублей? — Цѣна послѣдняго изданія басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта (le plus national et le plus populaire) не противорѣчитъ нами сказанному" (№ 50, стр. 112, строки 22—28).

— (*Стр. 450, строки 26—27*). Подпись: А. Б., представляетъ собою соединеніе иниціаловъ двухъ собесѣдниковъ въ „Разговорѣ" 1830 г., предназначавшемся для *Литературной Газеты* (№ 47, стр. 91—96). — Дата: Тверь. 23 Апрѣля 1836, подсказана воспоминаніемъ о пребываніи въ Твери 30-го апрѣля 1836 г.

---

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ КЪ ТЕКСТУ И ПРИМѢЧАНІЯМЪ

lib.pushkinskijdom.ru

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 2, стр. 5, строка 30, и стр. 10²*)[1]). „Ревнивая жена“, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, передѣлка съ французскаго Р. М. Зотова, поставлена на сценѣ 19-го іюля 1816 г.

— (*№ 2, стр. 5, строки 31—32, и стр. 10²*). „Нечаянный закладъ“ — „La Gageur imprévue“ (1768) Мишеля-Жана Седена (Sedaine) [род. въ 1719 г., ум. въ 1797 г.].

— (*№ 3, стр. 8 и стр. 12²*). Первоначальное заглавіе статьи: Письма о фр‹анцузской› словесности.

— (*№ 4, стр. 9, строки 8—10, и стр. 16²*). Въ „Entretiens sur le fils naturel“ (1757) Дидро указываетъ несообразности, происходящія отъ единства мѣста: „Mais de petits théâtres tels que les nôtres, que doit penser un homme raisonnable, lorsqu'il entend des courtisants qui savent si bien que les murs ont des oreilles, conspirer contre leur souverain dans l'endroit même où il vient de les consulter sur l'affaire la plus importante, sur l'abdication de l'empire? Puisque les personnages demeurent, il suppose apparemment que c'est le lieu qui s'en va“ (*Denis Diderot.* Oeuvres. Paris 1798, t. IV, p. 116).

— (*№ 5, стр. 9—10 и стр. 18—19²*). Отношеніе Пушкина къ Риваролю выяснено въ статьѣ Н. К. Козмина: „Пушкин-прозаик и французские острословы XVIII в.“ (*Известия по Русскому Языку и Словесности, т. I, книга 2*).

— (*№ 5, стр. 10, строка 24, и стр. 19²*). Чтеніе „essais“ Монтэня могло навести Пушкина на мысль, что „точ-

1) *10²* — страница примѣчаній.

lib.pushkinskijdom.ru

ность“ и „краткость“ являются „первыми достоинствами прозы“. Въ XXV главѣ I книги („De l'institution des enfans“) Монтэнь пишетъ: „Qu'on le (l'enfant) rende delicat au chois et triage de ses raisons, et aymant la pertinence, et par consequent la briefueté“ (*Montaigne.* Les essais. Paris, 1872, t. I, p. 188).

Что же касается „значительной суммы идей“, которую не мѣшало бы имѣть нашимъ поэтамъ, то, несомнѣнно, здѣсь можно усмотрѣть вліяніе Буало, писавшаго въ „Art poétique“:

Avant donc que d'écrire apprenez à penser.
Selon que notre idée est plus ou moins obscure,
L'expression la suit, ou moins nette, ou plus pure.
Ce que l'on conçoit bien s'énonce clairement,
Et les mots pour le dire arrivent aisément.

(Chant I, v. 150—154).

— (*№ 7, стр. 12—13 и стр. 25*[2]). Автографъ „Письма къ издателю С‹ына› О‹течества›“, находящійся у П. Е. Щеголева, содержитъ нѣсколько варіантовъ сравнительно съ печатнымъ текстомъ.

Стр. 12, строка 12: ...случалось *иногда*...
» 12, » 13: ...предметомъ журнальныхъ *критикъ и наблюденій*...
» 12, » 15—16: *Тѣ и другія* не могли быть занимательны...
» 12, » 19—20: ...*слишкомъ* лестные отзывы...
» 12, » 30: ...не выражается съ его *легкостью*.

— (*№ 8, стр. 13—14 и стр. 27*[2]). Новооткрытый черновой автографъ замѣтки „О вдохновеніи и восторгѣ“ изданъ В. И. Срезневскимъ въ XXXVI выпускѣ изданія *Пушкинъ и его современники* (стр. 39—41).

lib.pushkinskijdom.ru

Печатаемъ текстъ замѣтки съ отнесеніемъ зачеркнутыхъ словъ и первоначальныхъ варіантовъ въ подстрочныя примѣчанія.

„Статья о напр‹авленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе› и разг‹оворъ› съ Г. Булгаринымъ напечатанные въ Мнем‹озинѣ› обратили на себя вниманіе многихъ[1]) и послужили[2]) основаніемъ всего что сказано было противу Р‹усской› литературы въ послѣдніе два года.

Статьи сіи написаны человѣкомъ ученымъ[3]) и умнымъ[4]). Онъ вездѣ прилагаетъ причины своего образа мыслей и даже доказательства своихъ сужденій дѣло[5]) довольно рѣдкое въ нашей литературѣ. Никто не сталъ опровергать его, потому ли что всѣ съ нимъ согласились[6]) потому ли что[7]) никто не надѣялся сладить съ[8]) атлетомъ повидимому сильнымъ и опытномъ[9]).

Не смотря на то многія изъ сужденій его[10]) ошибочны во всѣхъ отношеніяхъ—Онъ раздѣляетъ Русскую поэзію[11]) на лирическую и эпичес‹кую›[12]). Къ 1-ой относ‹итъ› произв‹еденія› старин‹ныхъ› поэтовъ нашихъ, ко второй Ж‹уковскаго› и его послѣд‹ователей›.

Теперь[13]) положимъ что раздѣленіе сіе справедливо[14])

---

1) Строки со словами „обратили... многихъ“ перечеркнуты поперекъ.
2) *Первоначально было:* служатъ.
3) *Далѣе зачеркнуто:* благонамѣреннымъ, безпристрастнымъ.
4) *Далѣе зачеркнуто:* Правый или неправый онъ даетъ.
5) *Первоначально было:* вещь.
6) *Далѣе зачеркнуто:* или.
7) *Приписано надъ строкой другими чернилами:* не хотѣли связаться.
8) *Далѣе зачеркнуто:* такимъ сильнымъ и смѣлымъ.
9) *Далѣе зачеркнуто:* Какъ бы то ни было.
10) *Далѣе зачеркнуто:* об‹щія› какъ общія такъ и частныя.
11) *Первоначально было:* словесность.
12) *Далѣе зачеркнуто:* Періодъ первый-ую-ая заключающ въ себѣ т. е. отъ Ломоносова до Шихмат., и отъ Ж.
13) Передъ „теперь“ неразобрано одно слово.
14) *Далѣе зачеркнуто:* не вижу какъ можно.

lib.pushkinskijdom.ru

и разсмотримъ какимъ обр‹азомъ› критикъ опредѣляетъ степень достоинства сихъ двухъ родовъ.

„Мы напр‹имѣръ›“ выписываемъ сіе мнѣніе потому, что оно совершенно согласно съ нашимъ, что такое *сила* въ поэзіи? сила въ изобретеньи, въ разположеніи плана, въ слогѣ ли? „*Свобода?*“ въ слогѣ въ разположеніи — Но какая же свобода въ слогѣ Ломонос‹ова› и какаго плана требова‹ть›[1]) въ торж‹ественной› одѣ?

Вдохновеніе? есть разположеніе[2]) души[3]) къ живому[4]) принятію впечатлѣній[5]) слѣдств‹енно› къ быст‹рому› соображенію понятій[6]) что и способствуетъ[7]) объясненію оныхъ.

Вдохновеніе нужно въ поэзіи, какъ и въ геометріи.

Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ.

Нѣтъ; рѣшительно нѣтъ — *восторгъ* исключаетъ *спокойствіе*[8]) необходимое условіе *прекраснаго*. Восторгъ не предполагаетъ[9]) силы ума[10]) располагающей[11]) частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ не продолжителенъ, непостояненъ, слѣдств‹енно› не въ силѣ произвесть[12]) истинное великое совершенство — (безъ котораго нѣтъ лирич‹еской› поэзіи). *Гомеръ* неизмѣримо выше Пиндара — ода стоитъ на низшихъ степеняхъ поэмъ[13]), — не говоря

1) *Далѣе зачеркнуто:* отъ.
2) *Первоначально было:* состояніе.
3) *Далѣе зачеркнуто:* настроенной, готовой.
4) *Сверху болѣе темными чернилами зачеркнуто:* воспр‹инятію›.
5) *Далѣе зачеркнуто:* и.
6) *Далѣе зачеркнуто:* способной къ...
7) *Далѣе зачеркнуто:* ихъ.
8) *Первоначально было:* понятіе.
9) *Первоначально было:* исключаетъ.
10) *Первоначально было:* умственной.
11) *Первоначально было:* разположенной.
12) *Далѣе зачеркнуто:* не.
13) *Первоначально было:* творчества.

lib.pushkinskijdom.ru

уже объ эпосѣ, трагедія, комедія, сатира всѣ болѣе ея требуютъ творчества[1]) (fantaisie)[2]) воображенія — геніальн‹аго› знанія природы.

Но[3]) *плана* нѣтъ въ одѣ и не можетъ быть — единый планъ[4]) Ада есть уже[5]) плодъ великаго Генія. Какой планъ въ Олимпійскихъ одахъ Пиндара. Какой планъ въ Водопадѣ лучшемъ произведеніи[6]) Державина?

Ода исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно Великаго.

Восторгъ есть напряженное состояніе единаго воображенія, вдохновеніе можетъ [быть] безъ восторга, а восторгъ[7]) безъ вдохновенія[8])".

Новооткрытый текстъ, въ части, касающейся вдохновенія и восторга, не вполнѣ совпадаетъ съ опубликованнымъ въ „Матеріалахъ" П. В. Анненкова отрывкомъ (Изд. 1855 г., стр. 257—258). Несходство нѣсколькихъ словъ, пропуски и, особенно, перестановка отдѣльныхъ фразъ свидѣтельствуютъ о томъ, что Анненковъ печаталъ замѣтку по другой рукописи. Дата новооткрытаго текста и поводъ, по которому онъ былъ написанъ, устанавливаются довольно точно: онъ представляетъ собою отвѣтъ на двѣ статьи В. К. Кюхельбекера, появившіяся во второй и третьей частяхъ *Мнемозины*[9]), и написанъ два года

---

1) *Первоначально было:* силы.
2) *Далѣе зачеркнуто:* силы генія фант‹азіи›.
3) *Первоначально было:* Но въ.
4) *Далѣе зачеркнуто:* Иліады Осво‹божденнаго Іерусалима› или...
5) *Далѣе зачеркнуто:* прекрасной.
6) *Далѣе зачеркнуто:* безсмерт‹наго?›.
7) *Далѣе зачеркнуто:* безъ.
8) *Далѣе зачеркнуто:* не существуетъ.
9) Вторая часть разрѣшена къ печати 14 апрѣля 1824 г.; третья часть — 16 октября того же года.

lib.pushkinskijdom.ru

спустя послѣ нихъ, т. е. въ концѣ 1826 или въ началѣ 1827 года.

Новооткрытый автографъ подтверждаетъ справедливость свидѣтельства Анненкова, усмотрѣвшаго тѣсную связь между замѣтками Пушкина и статьями Кюхельбекера: „Въ журналѣ *Мнемозина* 1824 г. была статья, на которую Пушкинъ писалъ свои замѣтки... и о которой упомянулъ даже въ IV главѣ[1]) своего Онѣгина:

Но тише! слышишь? Критикъ строгой
Повелѣваетъ сбросить намъ
Элегіи вѣнокъ убогой, и проч.

Статья называлась: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе". Сочинитель ея принадлежалъ къ романтикамъ и осуждалъ элегіи вообще и элегіи Пушкина въ особенности, какъ мелочной родъ поэзіи, не выдерживающій сравненія съ пареніемъ оды. Мѣриломъ художническаго достоинства обоихъ родовъ онъ взялъ — восторгъ, и пришелъ къ заключенію, что въ одѣ заключается гораздо болѣе поэзіи, чѣмъ въ элегіи" („Матеріалы", изд. 1855 г., стр. 110—111).

Неотчетливое пониманіе восторга и смѣшеніе послѣдняго съ вдохновеніемъ, конечно, было обнаружено Пушкинымъ, еще до знакомства со статьей Кюхельбекера, въ произведеніяхъ вновь перечитаннаго лѣтомъ 1825 г. Державина, который въ 1811 г., на страницахъ *Чтеній въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова* (кн. II—III), писалъ о вдохновеніи. „Вдохновеніе", по словамъ Державина, „не что иное есть, какъ живое ощущеніе, даръ неба, лучъ божества. Поэтъ, въ полномъ упоеніи чувствъ своихъ разгораяся свышнимъ онымъ пламенемъ или, скорѣе сказать, воображеніемъ, приходитъ въ

1) Строфа XXXII.

lib.pushkinskijdom.ru

восторгъ, схватываетъ лиру и поетъ, что̀ ему велитъ его сердце. Не разгорячась и не чувствуя себя восхищеннымъ, и приниматься онъ за лиру не долженъ. Вдохновеніе рождается прикосновеніемъ случая къ страсти поэта, какъ искра въ пеплѣ, оживляясь дуновеніемъ вѣтра; воспламеняется помыслами, усугубляется ободреніемъ, поддерживается окружными видами, согласными со страстью, которая его трогаетъ, и обнаруживается впечатлѣніемъ, или изложеніемъ мыслей о той страсти, или ея предметахъ, которые воспѣваются. *Въ прямомъ вдохновеніи нѣтъ ни связи, ни холоднаго разсужденія; оно даже ихъ убѣгаетъ*[1]) и въ высокомъ паренiи своемъ ищетъ только живыхъ, чрезвычайныхъ, занимательныхъ представленій".

Пушкинъ, наоборотъ, былъ глубоко убѣжденъ въ неизбѣжномъ участіи разума въ томъ чрезвычайномъ подъемѣ духовныхъ силъ, который именуется вдохновеніемъ, — и въ этомъ случаѣ поэтъ являлся послѣдователемъ раціоналистовъ XVIII вѣка. Вдохновеніе нераздѣльно съ дѣятельностью разума, что̀ отражается въ геніальномъ планѣ художника, заявлялъ Вольтеръ. Этотъ вдохновенный разумъ особенно замѣтенъ въ области наукъ точныхъ. Не имъ ли воспламененный Галилей открылъ великіе законы? не его ли присутствіе живо чувствуется въ смѣлыхъ вычисленіяхъ Ньютона? спрашивалъ Лебренъ. И даже д'Аламберъ, противополагающій энтузіазмъ разуму, допускалъ возможность сочетанія разума съ вдохновеніемъ. — Работа ума, то длительная, ровная, то повышенная, обостренная, но безпрерывная, терпѣливая, есть, по словамъ Бюффона, первый признакъ генія, чаще другихъ навѣщаемаго вдохновеніемъ. — Разумъ — съ точки зрѣнія М. Ж. Шенье — мудрый руко-

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

водитель слѣпого генія, указывающій ему дорогу въ моментъ творчества“ [*Voltaire.* Oeuvres complètes, Paris, 1818, t. XXIV (Dictionnaire philosophique, t. II: Enthousiasme), pp. 535—536. — *Le Brun.* Oeuvres choisies. Paris, 1829, p. 486 (Ode sur l'enthousiasme). — *D'Alembert.* Esprit, maximes et principes. Genève, 1789, p. 349: Ode. — *M. J. Chénier.* Poésies. Paris, 1822, t. I, pp. 13—20, 88—91 (La raison, A Le Brun etc.). — См. примѣчаніе къ № 61, стр. 462—463.

— (*№ 9, стр. 36*[2]). Сопоставленіе отдѣльныхъ мѣстъ книги г-жи Сталь „Dix années d'exil“ съ прозой и поэзіей Пушкина сдѣлано Б. В. Томашевскимъ въ „Замѣткахъ о Пушкинѣ“ (*Пушкинъ и его современники,* в. XXXVI, стр. 82—95).

— (*№ 10, стр. 19, строки 34—35, и стр. 44*). Ломоносовъ — создатель „русскаго стихотворнаго языка“, и потому — съ точки зрѣнія Пушкина — справедливо названъ „Мальгербомъ нашихъ странъ“.

Стихъ: „Enfin Malherbe vint, et le premier en France“ etc., приведенъ и въ статьѣ „О русской литературѣ, съ очеркомъ французской“ (№ 71, стр. 223, строка 1).

— (*№ 13, стр. 22, строки 5—13, и стр. 46*[2]). Замѣтка Пушкина о Вальтерѣ Скоттѣ, неточно и съ пропусками напечатанная въ „Матеріалахъ“ Анненкова (1-ое изданіе, стр. 138), теперь воспроизводится здѣсь по автографу, считавшемуся утраченнымъ.

„Главная прелесть ром‹ановъ› W‹alter› S‹cott› состоитъ ‹въ томъ› что мы знакомимся съ прошедшимъ временемъ не съ *enflure*[1]) фр‹анцузскихъ› трагедій — не съ чопорностью чувствитель‹ныхъ› романовъ — не съ dignité Исторіи, но современно, но домашнимъ образомъ — Ce qui me degoute c'est ce que — Тутъ наоборотъ ce qui

1) *Далѣе зачеркнуто:* trag.

lib.pushkinskijdom.ru

nous charme dans le roman historique — c'est que ce qui est historique est absolument ce que nous voyons — Sch‹iller› Гете W‹alter› S‹cott› не имѣютъ холопскаго пристра‹стія› къ Королямъ и Героямъ — Онѣ (sic) не походятъ (какъ герои фр‹анцузскіе›)[1] на холопей[2] передразнивающихъ *la dignité* et *la noblesse* — Ils sont familiers dans les circonstances ordinaires de la vie, leur parole[3] n'a rien d'affecté, de théatral même dans les circonstances solennelles — car les grandes circonstances leur sont familieres.

On voit que W‹alter› Sc‹ott› est de la petite société des Rois d'Angleterre".

— (*№ 14, стр. 14—20 и стр. 48—51*[2]). О пушкинской оцѣнкѣ поэзіи А. Шенье см. статью Н. К. Козмина „Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье" въ сборникѣ „Язык и литература". Л. 1926 г., т. I, вв. 1—2, стр. 351—360. — Цитаты изъ „Младой Узницы" встрѣчаются въ письмахъ Пушкина [Переписка, т. I, стр. 99: письмо къ А. А. Бестужеву отъ 8-го февраля 1824 г. и др. — Ср. эпиграфъ къ стихотворенію „Андрей Шенье" (1825)].

— (*№ 16, стр. 23 — стр. 25 и стр. 52—58*[2]). Отзывы Пушкина о Тацитѣ нашли оцѣнку въ статьяхъ А. И. Малеина и Г. Г. Гельда („Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 11—12. — *Пушкинъ и его современники*, в. XXXVI, стр. 59—62).

— (*№ 16, стр. 25, строки 16—19 и стр. 56*[2]). Легенда о томъ, что близость Овидія къ дочери Августа Юліи была причиной ссылки поэта, нашла себѣ отраженіе въ письмѣ Пушкина къ Н. И. Гнѣдичу отъ 24-го марта 1821 г. (Переписка, т. I, стр. 29):

---

1) *Первоначально было:* фр‹анцузскихъ› трагедій.

2) *Далѣе зачеркнуто:* разказывающихъ о своихъ господ‹ах›ъ.

3) *Далѣе зачеркнуто:* est vulgaire.

lib.pushkinskijdom.ru

«Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ»...

Легенда была извѣстна всякому читателю „Dictionnaire philosophique“ Вольтера, который упоминаетъ объ этомъ и въ очеркѣ „Auguste Octave“, и въ очеркѣ „Ovide“. „Presque tous les auteurs latins qui ont parlé d'Ovide“, пишетъ Вольтеръ: „prétendent qu'Auguste n'eut l'insolence d'exiler ce chevalier romain, qui était beaucoup plus honnête homme que lui, que *parce qu'il avait été surpris par lui dans un inceste avec sa propre fille Julie, et qu'il ne relégua même sa fille que par jalousie.* Cela est d'autant plus vraisemblable, que Caligula publiait hautement que sa mère était née de l'inceste d'Auguste et de Julie; c'est ce que dit Suétone dans la Vie de Caligula“. Въ очеркѣ объ Овидіи — тотъ же разсказъ: „Le crime d'Ovide, incontestablement, d'avoir vu quelque chose de honteux dans la famille d'Octave:

Cur aliquid vidi, cur noxia lumina feci?

Les doctes n'ont pas décidé... s'il avait vu cet empereur Auguste occupé avec sa fille ou sa petite-fille, ou enfin s'il avait vu cet empereur Auguste faisant quelque chose de pis *torva tuentibus hircis.* Il est de la plus grande probabilité qu'Ovide surprit Auguste dans un inceste. Un auteur presque contemporain, nommé Minutianus Apuleius dit: „Pulsum quoque in exilium quòd Augusti incestum vidisset“ (*Voltaire.* Oeuvres complètes. Paris, 1818, t. XXIII, p. 548; t. XXVI, p. 110).

Повторяя, вслѣдъ за Вольтеромъ, легенду объ отношеніяхъ Овидія къ Юліи, Пушкинъ сомнѣвался въ ея достовѣрности: „Столь-же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его (Овидія) изгнанія слишкомъ нѣжную благосклонность Юліи, дочери

lib.pushkinskijdom.ru

Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, 10 лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ“ (Тетрадь № 2367, л. 14 об. — „Евгеній Онѣгинъ“. СПб. 1825 г., Примѣчанія, стр. 51—52).

Слова Пушкина привлекли вниманіе спеціалистовъ по классической филологіи. Отмѣчая ихъ „справедливость“, А. І. Малеинъ пишетъ: „Любопытно, что эту связь Юліи съ ссылкой Овидія находимъ и въ VI (точнѣе VIII) замѣчаніи на Анналы Тацита: „Юлія, дочь Августа, извѣстная ссылкой Овидія“... Противорѣчія „Онѣгину“ здѣсь нѣтъ, такъ какъ замѣчаніе не предназначалось для печати, и Пушкинъ хотѣлъ только подчеркнуть распространенность общепринятаго мнѣнія... Но замѣчу мимоходомъ, совершенно несправедливъ дѣлаемый здѣсь упрекъ Тациту, у котораго именно сказано, что Тиберій свелъ въ могилу Юлію лишеніями и истощеніемъ“ (*Пушкинъ и его современники*, вв. XXIII—XXIV, стр. 60).

— (*№ 17, стр. 26—27 и стр. 58—61*[2]). Пушкинскій автографъ статьи о народности даетъ слѣдующіе первоначальные варіанты:

Стр. 26, строка 3: ...въ произведеніяхъ *нашей* литературы —

» 26, » 5: ...кажется *думаетъ*...

» 26, » 7: ...Исторіи, *повѣрій пѣс‹ень› сказокъ предраз‹судковъ› преданій*[1]) *и проч*....

» » » » ...видятъ народность въ словахъ *оборотахъ и выраженіяхъ* т. е. *какъ будто* радуются...

» 26, » 8—9: ...Рускія *слова*...

» 26, » 12: ...переносятъ во всѣ *страны міра*...

1) *Въ рукописи:* преданья.

lib.pushkinskijdom.ru

Стр. 26, строки 13—14: ...изъ *романовъ* Италья<нскихъ>...
» 26, » 15: ...*Мильтонъ* тр<агедіи>...
» 26, » 20: ...Народность въ писателѣ *состоитъ*...
» 26, » 22: ...или не существуетъ или *не только имѣетъ в*...
» 26, » 23: ...на *изображеніе* героевъ Расина...
» 26, » 28—29: ...исключительно *одному* какому нибудь народу — *они то составляютъ*...
» 27, » 1: ...*поэзія* которая болѣе...
» 27, строка 2: ...отражается въ *произведеніяхъ писателей — Писатель проникнутый духомъ отечества, все что и*...
» 27, » 5: ...посреди *Московскаго стана*...

— (*№ 17, стр. 26—27 и стр. 58—61*[2]) Ф. Ансильонъ въ своихъ „Essais philosophiques“ помѣстилъ статью „Analyse de l'idée de littérature nationale“, которая, по всей вѣроятности, была извѣстна Пушкину и могла оказать вліяніе на его опредѣленіе народности въ литературѣ.

„Le caractère national“, пишетъ Ансильонъ: „se compose du caractère de l'esprit, du caractère de la volonté, du caractère de la sensibilité, ou des idées et des principes, des actions et des habitudes, des affections et des goûts, qui circulent et dominent le plus dans une nation.

„Les idées, les habitudes, les affections dominantes chez un peuple, formant son caractère national, un ouvrage de l'art ne prendra à ses yeux les caractères du beau qu'autant qu'il sera en rapport avec son caractère national...

„La littérature d'un peuple sera donc une littérature nationale, si elle satisfait les besoins intellectuels de ce

lib.pushkinskijdom.ru

peuple, et qu'elle soit appropriée à sa manière de voir, de sentir et de juger. Alors un peuple se retrouvera dans sa littérature, et cette littérature exprimera le caractère et la physionomie de ce peuple...

„Quand on étudie la littérature des autres nations, il faut savoir oublier la sienne, et devenir tour-à-tour, Grec, Italien, Espagnol, François, Anglois, Allemand; il faut se naturaliser dans chaque contrée, quand on y voyage pour en fouler le sol classique, et qu'on veut respirer les parfums de son atmosphère poétique... Il faut juger chaque littérature en elle-même, et ne pas lui appliquer des lois qui lui sont étrangères... (*Frédéric Ancillon.* Essais philosophiques, Paris, 1817, tome I, pp. 61—62, 68 etc.).

— (*№ 18, стр. 27, строки 12—14; стр. 28, строки 22—29, и стр. 72*[3]). Книга г-жи Сталь „Dix années d'exil" оказала несомнѣнное вліяніе на тѣ части „Записки о народномъ воспитаніи", гдѣ рѣчь идетъ объ устремленіи русской молодежи на военную службу и объ ея погонѣ за чинами.

„Il y a grande disette, en Russie, d'hommes instruits, dans quelque genre que ce soit", пишетъ Сталь: „les jeunes gens ne vont, pour la plupart, à l'Université que pour entrer plus vite dans l'état militaire. Les charges civiles, en Russie, donnent un rang qui correspond à un grade dans l'armée; l'esprit de la nation est tourné tout entier vers la guerre; dans tout le reste, administration, économie politique, instruction publique, etc., les autres peuples de l'Europe l'emportent, jusqu'à présent, sur les Russes.

„...toute l'ambition des bourgeois est de faire leurs fils officiers, afin qu'ils soient dans la classe privilegiée. De là vient que toute éducation est finie à quinze ans; on se précipite dans l'état militaire le plus tôt possible, et tout le reste est négligé. Certes ce n'est pas le moment de

lib.pushkinskijdom.ru

blâmer un ordre de choses qui a produit une si belle résistance; dans un temps plus calme, on pourroit dire avec verité qu'il y a, sous les rapports civils, de grandes lacunes dans l'administration intérieure de la Russie" (*M-me de Staël.* Oeuvres complètes. Paris, 1821, tome XV, pp. 290, 315: „Dix années d'exil", ch. XIV, XVII. — Ср. *Пушкинъ и его современники,* в. XXXVI, стр. 85—86).

— (*№ 18, стр. 27, строки 16—18, и стр. 70*[2]). Герой „Романа въ письмахъ" Владиміръ Z* указываетъ своему другу, что его „умозрительныя и важныя разсужденія принадлежатъ къ 1818 году": „Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ" (*Пушкинъ.* Изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. IV, стр. 139).

— (*№ 18, стр. 27, строки 23—26, и стр. 70*[2]). Пушкинъ развиваетъ мысли А. Х. Бенкендорфа, который еще въ 1821 г. обращалъ внимание Александра I на участниковъ походовъ 1813—1814 гг.: „офицеры напитались гибельнымъ духомъ партій" и „съ поверхностными свѣдѣніями" говорили о политикѣ (Записка 1821 г.— *Н. К. Шильдеръ.* Александръ I, т. IV, стр. 204).

— (*№ 18, стр. 29, строки 10—20, и стр. 72*[2]). 11-го января 1826 г. И. В. Васильчиковъ, подобно Пушкину, докладывалъ Николаю I, что „домашнее воспитаніе составляетъ язву, которую слѣдуетъ всѣми силами искоренить" (Записка 1826 г.—*Н. К. Шильдеръ.* Николай I, т. I, стр. 428).

— (*№ 18, стр. 29—30 и 72—73*[2]). Въ 1811 г. Н. М. Карамзинъ критически отнесся къ указу объ экзаменахъ въ „Запискѣ о древней и новой Россіи" (Изд. 1914 г., стр. 75—76. — Ср. *М. А. Корфъ.* Жизнь графа Сперанскаго. СПб. 1861 г., т. I, стр. 178—186).

— (*№ 18, стр. 73*[2]*, строки 8—9*). Четыре стиха изъ „Путешествія Онѣгина", посвященные Н. И. Тургеневу, читаются такъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Хром‹ой› Тургеневъ имъ внималъ
И слово: рабство нен‹авидя›
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

(*Пушкинъ и его современники*, вв. XXXIII—XXXV, стр. 309. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1913 г., № 3, стр. 17).

— (*№ 18, стр. 31, строка 13 и стр. 75*[2]). Сочиненіе Сея: „Petit volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société“ (Paris, 1818) находится въ библіотекѣ Пушкина (*Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 330, № 1352).

— (*№ 19, стр. 33—34 и стр. 76—81*[2]). Отрывокъ статьи о Байронѣ и его неудачныхъ подражателяхъ (В. Н. Олинѣ) былъ написанъ, повидимому, въ концѣ 1827 года и предназначался для *Московскаго Вѣстника*. „Пушкинъ“, писалъ В. П. Титовъ М. П. Погодину: „хочетъ приготовить еще смѣшную статью о Корсарѣ и о способѣ передѣлывать поэмы въ Романт‹ическія› трагедіи“ (Архивъ М. П. Погодина. Тетрадь № 3516, л. 27. Письмо отъ 11-го февраля 1828 г. — Сообщ. Ю. Г. Оксмана). Это намѣреніе высмѣять „Корсара“ могло появиться у Пушкина особенно потому, что о бевталанной пьесѣ Олина печатались замѣтки въ журналахъ еще до поступленія ея въ продажу. Даже въ *Московскомъ Телеграфѣ* была помѣщена „Турецкая пѣснь“ („Прекрасенъ первый лучъ Востока“) со слѣдующимъ поясненіемъ редакціи: „Сія пѣсня взята изъ Романтической Трагедіи, *Корсеръ*, сочиненія В. Н. Олина, которая въ скоромъ времени будетъ напечатана“ (*Московскій Телеграфъ* 1826 г., ч. X, № 16, отд. II, стр. 133). — Объ отношеніи Пушкина къ Байрону см. статью Н. К. Козмина: „Пушкин о Байроне“ („Пушкин в мировой литературе“. Л., 1926 г., стр. 99—112).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 19, стр. 33, строки 1—18, и стр. 80—81*[2]). „Наполеонъ", пишетъ Н. А. Котляревскій: „былъ единственный герой, съ которымъ Байронъ встрѣтился въ жизни. Съ дѣтскихъ лѣтъ поэтъ зорко слѣдилъ за судьбой императора... Было что-то родственное между этими двумя людьми, судьба которыхъ была такъ необычна. Злые языки говорили, что поэтъ подражаетъ императору, что онъ ему завидуетъ, что онъ самъ былъ бы не прочь сыграть наполеоновскую комедію въ Греціи. Доля истины, быть можетъ, и была въ этихъ злыхъ намекахъ, и если уже Байронъ могъ кому завидовать, то, конечно, только Наполеону" (*Н. А. Котляревскій.* Міровая скорбь. СПб. 1898 г., стр. 196—197).

— (*№ 19, стр. 34, строки 24—29, и стр. 80*[2]). Байронъ самъ упоминаетъ въ предисловіи къ „Корсару" о склонности читателей сближать автора поэмы съ ея героемъ. „With regard to my story, and stories in general", пишетъ онъ Т. Муру: „I should have been glad to have rendered my personages more perfect and amiable, if possible, inasmuch as I have been sometimes criticised, and considered no less responsible for their deeds and qualities than if all had been personal. Be it so—if I have deviated into the gloomy vanity of „drawing from self", the pictures are probably like, since they are unfavourable; and if not, those who know me are undeceived, and those who do not, I have little interest in undeceiving. I have no particular desire that any but my acquaintance should think the author better than the beings of his imagining" (*Byron.* The works. Francfort, 1826, p. 80).

— (*№ 20, стр. 35—42, и стр. 82—98*[2]). Въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина есть черновой набросокъ Пушкина, озаглавленный „Предисл‹овіе›" [*Пушкинъ и его современники,* в. XII, № 54, стр. 22.—Ср. „Неизданный Пушкинъ". П. 1922 г., стр. 174—175].

lib.pushkinskijdom.ru

Вотъ его текстъ:

„Дядя мой однажды занемогъ. Пріятель посѣтилъ его. Мнѣ скучно, сказалъ Дядя, хотѣлъ бы я писать но не знаю о чемъ. Пиши все, что ни попало[1]) отвѣчалъ пріятель[2]), мысли, замѣчанія литературныя и политическія, сатирическіе портреты и т. п. Это очень легко. Такъ писывалъ Сенека и Монтань. Пріятель ушолъ и Дядя[3]) послѣдовалъ[4]) его совѣту. Поутру сварили ему дурно кофе и[5]) это его разсердило, теперь онъ философически разсудилъ что его огорчила[6]) сущая бездѣлица, [онъ взялъ перо и листъ бумаги[7])] и написалъ Насъ огорчаютъ иногда сущія бездѣлицы[8]). Въ эту минуту принесли ему журналъ[9]), онъ въ него заглянулъ и увидѣлъ статью о[10]) драмматическомъ искуствѣ написанную[10]) рыцаремъ романтизма. Дядя[11]) коренной классикъ подумалъ и написалъ: я предпочитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону[12]) — несмотря на крики новѣйшихъ критиковъ — Дядя[13]) написалъ еще дюжины двѣ подобныхъ мыслей и легъ въ постелю[14]). На другой день послалъ онъ ихъ журналисту, который учтиво его благодарилъ[15])

---

1) *Первоначальные варианты:* что ни придетъ въ голову, о чемъ ни попало.

2) *Далѣе сверху написано и зачеркнуто:* бросай на бумагу.

3) *Далѣе зачеркнуто:* мой.

4) *Первоначально было:* послушалъ.

5) *Далѣе зачеркнуто:* онъ.

6) *Первоначально было:* разстроила.

7) *Первоначальные варіанты:* и онъ взялъ бумагу, листъ бумаги.

8) *Въ рукописи:* Сущія бездѣлицы насъ огорчаютъ иногда.

9) *Далѣе зачеркнуто:* гдѣ.

10) *Далѣе зачеркнуто:* какимъ то.

11) *Далѣе зачеркнуто:* мой.

12) *Въ рукописи:* [Я пред]почитаю Расина и Мольера Шекспиру и Кальдерону.

13) *Далѣе зачеркнуто:* мой.

14) *Первоначально было:* и былъ ими очень доволенъ.

15) *Первоначально было:* напечаталъ ихъ въ слѣдующемъ Нумерѣ.

lib.pushkinskijdom.ru

и дядя мой имѣлъ удовольствіе перечитывать свои мысли напечатанныя".

Это предисловіе, написанное на одномъ листѣ съ замѣтками изъ статьи: „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія", органически связано съ послѣдней по своему содержанію. „Мысли, замѣчанія литературныя и политическія, сатирическіе портреты" въ духѣ Сенеки и Монтэня, — вѣдь, это и есть существенные признаки статьи, появившейся въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 г. Поэтому можно съ достаточнымъ основаніемъ предположить, что печатаемое нынѣ „Предисловіе" есть именно предисловіе къ „Отрывкамъ изъ писемъ", забракованное Пушкинымъ по какимъ-либо соображеніямъ. Поэтъ первоначально хотѣлъ написать свое произведеніе отъ имени своего дяди, „коренного классика", а самъ выступить только въ роли издателя и автора предисловія. Такая форма изложенія встрѣчается и въ художественной прозѣ: въ „Капитанской дочкѣ" и въ „Повѣстяхъ Бѣлкина". Личность же дяди, изображеннаго въ Предисловіи, напоминаетъ дядю поэта — Василія Львовича Пушкина, который въ концѣ 1826 г. напечаталъ свои „Замѣчанія о людяхъ и обществѣ", гдѣ, между прочимъ, пишетъ: „Тартюфъ" и „Мизантропъ" превосходнѣе всѣхъ нынѣшнихъ Трилогій. Не опасаясь гнѣва модныхъ романтиковъ и *не смотря на строгую критику Шлегеля,* скажу искренно, что *я предпочитаю Моліера — Гете, и Расина — Шиллеру*[1]). Французы перенимали у Грековъ, и сами сдѣлались образцами въ Драматическомъ искуствѣ" (*Литературный Музеумъ* на 1827 г., стр. 265) [Сообщ. В. Н. Бутаковой].

— (*№ 20, стр 35—42 и стр. 82—98*[2]). „Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія", представленныя Пушкинымъ въ редакцію *Сѣверныхъ Цвѣтовъ,* какъ извѣстно

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

(см. настоящій томъ, стр. 82[2]), были напечатаны съ пропусками. Одна изъ исключенныхъ А. А. Дельвигомъ замѣтокъ долгое время оставалась неизвѣстною и появилась въ печати лишь недавно (*Русскій Современникъ* 1924 г., № 2, стр. 192—193). Вотъ ея текстъ: „Стернъ говоритъ что живѣйшее изъ нашихъ наслажденій кончится содроганіемъ почти болѣзненнымъ. Несносный наблюдатель! (Зачѣмъ было это говорить?) Зналъ бы про себя, многіе (бъ) того не замѣтили бъ". Замѣтка набросана по прочтеніи слѣдующихъ строкъ Стерна: „Mais quels biens dans ce monde sont sans mélange? Je connais de graves théologiens qui vont jusqu'à soutenir que la jouissance même est accompagnée d'un soupir, et que la plus délicieuse qu'ils connaissent, se termine ordinairement par quelque chose approchant de la convulsion" (*Laurent Sterne.* Voyage sentimental. Paris, 1799, t. II, pp. 181—182)[2]).

— (*№ 20, стр. 35—36 и стр. 88—90*[2]). Отрицательный отзывъ Пушкина о женщинахъ, не понимающихъ поэзіи, встрѣчается въ „Разговорѣ съ книгопродавцемъ" (1824 г.).

Поэтъ.

. . . . . .
Нечисто въ нихъ воображенье:
Не понимаетъ насъ оно,
И признакъ Бога, вдохновенье
Для нихъ и чуждо и смѣшно...

(Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. СПб. 1825 г., стр. XI—XXII. — Ср. *П. Щеголевъ.* Пушкинъ. СПб. 1912 г., стр. 82—84, 88—90).

2) Приводимъ англійскій подлинникъ: „But there is nothing unmixt in this world; and some of the gravest of our divines have carried it so far as to affirm, that enjoyment itself was attended even with a sigh—and that the greatest *they knew of*, terminated *in a general way* in little better than a convulsion".

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 20, стр. 37, строки 12—23, и стр. 86*[2]). Черновой автографъ изъ собранія А. Ѳ. Онѣгина даетъ рядъ варіантовъ къ замѣткѣ о Тредьяковскомъ.

Стр. 37, строка 12: ...*графу* Шувалову...
» 37, » 14: ...*такую мнѣ далъ пощечину*...
» 37, » » ...*поступилъ со мною такъ грубо*...
» 37, » 15: Какъ же *Васи‹лій Кириловичъ› возразилъ* Шуваловъ...
» 37, » 16: ...а ты *придержи‹ваешь›* лѣвую?..
» 37, » 18: ...*сказалъ* Тредьяковской...
» 37, » 19: *Съ* Тредь‹яковскимъ› не разъ случались подобны‹я› нещаст‹ія›...
» 37, » 19—20: *Видно изъ* дѣла Волынскаго...
» 37, » 22: ...пылкій *Волынскій*...

Рапортъ Тредьяковскаго о побояхъ находится въ тетради № 2394 Е, № 2, л. 6 (*Русская Старина,* 1884 г., т. XLIV, № 12, стр. 575).

— (*№ 20, стр. 38, строка 3, и стр. 90*[2]*, 397*[2]). Стихъ Буало: Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme, не случайно обратилъ на себя особое вниманіе Пушкина. Многіе современники поэта цитировали его и выясняли его значеніе. По словамъ В. К. Кюхельбекера, „Буало, верьховный, непреложный законодатель въ глазахъ толпы Русскихъ и Французскихъ Сен-Моровъ и Ожеровъ, объявилъ:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme!

Есть, однако же варвары, въ глазахъ коихъ одна отважность предпринять созданіе Эпопеи взвѣшиваетъ уже всевозможные Сонеты, Тріолеты, Шарады и — можетъ быть Баллады“ (*Мнемозина,* 1824 г., ч. II, стр. 32)[1]. — Черезъ

1) Въ письмѣ отъ 9-го марта 1825 г. А. А. Бестужевъ пишетъ Пушкину: „Слова Буало, будто хорошій куплетецъ лучше иной поэмы, нигдѣ уже не находятъ вѣрующихъ, ибо Рубанъ, безталанный Рубанъ написалъ нѣсколько хорошихъ стиховъ, но читаемую поэму напишетъ не всякій“ (Переписка, т. I, стр. 186).

lib.pushkinskijdom.ru

два года послѣ Кюхельбекера, П. А. Вяземскій возвращается къ толкованію стиха Буало: „Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme, сказалъ законодатель Французскаго Парнасса и слѣдовательно, почти Европейскаго, ибо долго Французская Поэзія законодательствовала и господствовала почти вездѣ. Вотъ классицизмъ во всей наготѣ своего деспотизма! Если Сонетъ безпорочный можетъ перевѣсить поэму, и безъ сомнѣнія не худую, а то и сравнивать нельзя, потому что, разумѣется, и одинъ хорошій стихъ стоитъ ста тысячь дурныхъ стиховъ, то почему-же не предоставить такого преимущества и Рондо и Тріолету и Акростиху и всѣмъ другимъ опытамъ поэтической гимнастики? Примѣните кандалы Акростиха, Сонета, къ кандаламъ единства времени и мѣста, и заключеніе будетъ почти то же. Война классицизма и романтизма идетъ здѣсь дѣятельно и горячо. Первый однако-же болѣе вдается въ полемику; второй отражаетъ нападенія твореніями. У классицизма есть свой арсеналъ: Академія; свои боевыя орудія: Академическія рѣчи, разсужденія, сатиры. Романтики еще не вооружены и только что вербуютъ“ (*Московскій Телеграфъ*, 1826 г., ч. XII, № 22, стр. 56—57: „Письмо изъ Парижа“). — Наконецъ, въ 1832 г., Кс. А. Полевой опять вспоминаетъ изреченіе творца „Art poétique“: „Желаніе вырабатывать стихи и отличаться одними стихами породило фалангу стихотворцевъ, которые написали непостижимое множество сонетовъ, тріолетовъ, рондо, мадригаловъ, эпиграммъ, шарадъ, эпитафій, и проч. и проч. Не понимая сущности всѣхъ сихъ стихотвореній, не зная вдохновенныхъ сонетовъ Петрарки и Шекспира, не думая, что Французы въ сущности языка своего нашли многіе другіе роды, поэты всѣхъ странъ пустились за ними, повторяя законъ Буало:

Un sonnet sans défaut vaut seul un long poëme.

lib.pushkinskijdom.ru

При такомъ взглядѣ на стихотворство, естественно было не знать вдохновенія, и потерять о немъ даже преданіе" (*Московскій Телеграфъ* 1832 г., ч. XLIV, № 8, стр. 540: „Душенька, древняя повѣсть... Соч. И. Ѳ. Богдановича". — Ср. „Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 353—354).

— (*№ 20, стр. 38, строки 13—18, и стр. 90—92*[2]). Въ дневникѣ А. Н. Вульфа подъ 9—10 сентября 1828 г. есть упоминаніе объ Ансело: „Этотъ вечеръ играли новую Драму L'homme du monde, взятую изъ романа того же имяни *Т. Ансело,* извѣстнаго у насъ плохимъ сочиненіемъ своимъ „6 мѣсяцевъ пребыванія въ Россіи", писаннымъ во время путешествія на коронацію Н‹иколая› П‹авловича" (*Пушкинъ и его современники,* вв. XXI—XXII, стр. 8).

— (*№ 20, стр. 41 и стр. 88*[2]).

Стр. 41, строка 13: ...*у насъ вовсе* не заботятся...
» 41, » 14: ...*они* знаютъ...
» 41, » 14—15: ...Потемкина *изъ ея* статистики...
» 41, » 15: ...понятіе только *о* губерніи...
» 41, » 15—16: ...*гдѣ* находятся:..
» 41, » 17: ...потому что *ходятъ въ баню*...

— (*№ 20, стр. 41—42 и стр. 96*[2]). О X и XI томахъ „Исторіи Государства Россійскаго" Пушкинъ отозвался иначе, чѣмъ о первыхъ восьми, которые казались ему написанными сухо. „Что за чудо эти 2 послѣдніе тома Карамзина!" писалъ онъ В. А. Жуковскому: „какая жизнь! c'est palpitant comme la gazette d'hier"... (Переписка, т. I, стр. 267: письмо отъ 17-го августа 1825 г.).

— (*№ 21, стр. 43, строки 12 и стр. 100*[2]). Въ „Réflexions critiques sur quelques passages du rhéteur Longin" (1693) Буало категорически запрещаетъ употреблять слово „vache": „Il n'y a rien qui avilisse davantage un discours que les mots bas. On souffrira plutôt, généralement parlant,

lib.pushkinskijdom.ru

une pensée basse exprimée en termes nobles, que la pensée la plus noble exprimée en termes bas... En effet les langues ont chacune leur bizarrerie: mais la françoise est principalement capricieuse sur les mots; et bien qu'elle soit riche en beaux termes sur de certains sujets, il y en a beaucoup où elle est fort pauvre; et il y a très-grand nombre de petites choses qu'elle ne sauroit dire noblement: ainsi, par exemple, bien que dans les endroits les plus sublimes elle nomme sans s'avilir un mouton, une chèvre, une brebis, elle ne sauroit, sans se diffamer, dans un style un peu élevé, nommer un veau, une truie, un cochon. Le mot de *génisse* en françois est fort beau, surtout dans une églogue; *vache* ne s'y peut pas souffrir" (*Boileau Despréaux.* Oeuvres. Paris, 1823, p. 300: Réflexion IX. — Ср. статью Б. В. Томашевскаго „Пушкин и Буало" въ сборникѣ „Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 38).

Завѣты Буало были усвоены въ Россіи. Б. М. Федоровъ въ *Санктпетербургскомъ Зрителѣ* (1828 г., ч. I, кн. 1-я, стр. 147—148) „осудилъ" слово *корова* въ XLI строфѣ 4-ой главы „Евгенія Онѣгина" (*Пушкинъ.* Изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. V, стр. 423). Стихъ: „Не гонитъ ужъ коровъ изъ хлѣва", былъ признанъ „недостойнымъ Пушкина".

— (*№ 24, стр. 46, строка 23, и стр. 123*). Sine ira et studio — выраженіе Тацита: „Inde consilium mihi pauca de Augusto, et extrema tradere; mox Tiberii principatum, et cetera, sine ira et studio, quorum caussas procul habeo" (Tacite, traduction nouvelle, avec le texte latin en regard; par Dureau de Lamalle, de l'Académie Française. Paris, 1818, t. I, p. 146: Annales, I, 1).

— (*№ 24, стр. 49, строки 10—11*[2], *и стр. 126*[2]). Въ *Иппокренѣ или Утѣхахъ любословія* на 1799 г. (ч. IV, стр. 81—90) помѣщена переведенная изъ *Spectateur du Nord* статья: „Полныя сочиненія Г. Леонарда, собран-

lib.pushkinskijdom.ru

ныя и изданныя Винцентомъ Кампеноном. Парижъ 1798".—Сближеніе Пушкинскихъ стиховъ („Щастливъ, кто близь тебя"...) со стихотвореніемъ Леонара, при наличіи извѣстнаго перевода Буало изъ Сафо („Heureux qui près de toi pour toi seule soupire"...), представляется рискованнымъ (См. статью Б. В. Томашевскаго въ *Пушкинъ и его современникахъ*, в. XXXVI, стр. 78—79).

— (*№ 26, стр. 134*[2]). Пушкинъ сталъ читать Шекспира въ подлинникѣ не раньше половины 1828 г., когда онъ, по свидѣтельству Муханова, Шевырева, Булгарина и Юзефовича, вполнѣ овладѣлъ англійскимъ языкомъ и сталъ легко понимать англійскій текстъ [Переписка, т. I, стр. 188, 286.—*Сынъ Отечества* 1833 г., т. XXXIII, № 6, стр. 313—314.—*Живописное Обозрѣніе*, 1837 г., т. III, 10 листъ, стр. 80.—*Л. Майковъ*. Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 330.—*Русскій Архивъ*, 1880 г., кн. III, стр. 444—445.—*Пушкинъ и его современники*, вв. XVII—XVIII, стр. 48—73 (статья М. А. Цявловскаго).—„Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 102—103, 110, 364—366].

— (*№ 27, стр. 54—59 и стр. 139*[2]). Предположеніе, что статья „Альманашникъ" носитъ полемическій характеръ, высказано и Н. О. Лернеромъ: „Въ извѣстныхъ подъ заглавіемъ „Альманашникъ" наброскахъ (повидимому, для бытовой комедіи) Пушкинъ выводитъ Бестужева-Рюмина подъ именемъ Безстыдина" (*Пушкинъ и его современники*, в. XVI, стр. 34).

— (*№ 28, стр. 59 и стр. 145—147*[2]). По мнѣнію барона Гримма, сотрудникомъ Екатерины II при составленіи „Антидота" былъ графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, помогавшій ей и въ переводѣ „Велизарія" (*Заря*, 1869 г., іюнь, отд. II, стр. 8—9.—*Записки Академіи Наукъ*, 1863 г., т. III, приложеніе № 6, стр. 6).

— (*№ 30, стр. 61 и стр. 153—155*[2]). Отзывы Пушкина объ Андрѣ Шенье приведены въ статьѣ Н. К. Козмина:

lib.pushkinskijdom.ru

„Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье“ (*Языкъ и литература.* Л. 1926 г., т. I, вв. 1—2, стр. 51—60).

— (*№ 31, стр. 62 и стр. 156*[2]). Замѣтка о Н. Н. Раевскомъ въ тетради № 2382, л. 17, озаглавлена „О некрол‹огіи›“, а сбоку приписано и зачеркнуто: „Н. Н. внукъ кн‹язя› Потемк‹ина› женатъ на“. Черновой автографъ даетъ слѣдующіе варіанты:

Стр. 62, строка 1: ...*напечатана* Некр‹ологія›...
» 62, » 3: ...*Се torceau*[1])...
» 62, » 4—5: ...человѣкомъ *столь же благороднымъ какъ и* знающимъ...
» 62, » 5—6: Желательно *было бъ для назиданія* чтобъ...
» 62, » 6: ...*военные* подвиги и *домашнюю* ‹жизнь?›...
» 62, » 7: ...человѣка *коего конецъ былъ столь печаленъ*...
» 62, » 7—8: ...*странное* упущеніе...
» 62, » 9: ...о двухъ *сыновьяхъ находившихся*...
» 62, » 10: ...Отечество того не *забудетъ*.

— (*№ 35, стр. 70, строка 16, и стр. 191*[2]). Пушкинъ видоизмѣняетъ стихъ изъ эпиграммы Ж. Б. Руссо. „Maître Houdart, peut-être on vous croiroit“ (*J. B. Rousseau.* Oeuvres. Londres, 1749, t. II, p. 231: Epigrammes. Livre II. Epigramme III. — *Пушкинъ и его современники,* вв. IX—X, стр. 324, № 1330).

— (*№ 35, стр. 71—73 и стр. 178—181*[2]). Среди новооткрытыхъ писемъ Пушкина къ Е. М. Хитрово есть два, въ которыхъ поэтъ указываетъ, что онъ предпринялъ трудъ по исторіи Французской Революціи (J'ai entrepris une étude de la révolution française). Подготовка этого труда падаетъ на лѣтніе (іюнь и сл.) мѣсяцы 1831 г., т. е.

1) *Сверху написано:* frais (или précis?).

lib.pushkinskijdom.ru

на время пребыванія Пушкина въ б. Царскомъ Селѣ. Подсказанное двумя первыми томами „Исторіи Русскаго Народа“ изученіе феодальнаго строя наводило на мысль использовать накопляющіеся матеріалы не только для рецензіи на сочиненіе Н. А. Полевого, но и для самостоятельной работы по исторіи Франціи. Отсюда фраза, которою начинаются два отрывка изъ Майковскаго собранія: „Прежде нѣжели приступимъ къ описанію преоборота низпровергшаго во Франціи“... Замыслы Пушкина двоились. Черновые наброски, напечатанные нами на стр. 71—73 и 180—181[2], вѣроятно, предназначались для обѣихъ незаконченныхъ работъ Пушкина, и отрывокъ 1-й могъ бы быть даже выдѣленъ изъ программы 3-й статьи о Полевомъ и помѣщенъ отдѣльно, какъ наиболѣе подходящій для труда, упомянутаго въ письмѣ къ Хитрово („Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“. Л. 1927 г., стр. 24—25, 117—119, 253—256).

— (*№ 35, стр. 71—73 и стр. 193*[2]). Изслѣдователи отмѣчаютъ связь между „общей концепціей феодализма“, данной въ первой главѣ „Considérations sur les principaux événements de la Révolution Française“ (1818) г-жи Сталь, и замѣтками Пушкина о феодализмѣ [*M-me de Staël.* Oeuvres complètes. Paris, 1820, t. XII, pp. 9—23.—„Письма Пушкина к Е. М. Хитрово“. Л. 1927 г., стр. 255 (статья Б. В. Томашевскаго)].

— (*№ 35, стр. 75—78 и стр. 193*[2]) „Пушкинъ“, — по словамъ Плеханова, — „думалъ, что въ своей исторіи „Россія была совершенно отдѣлена отъ Западной Европы“ и что у насъ не было феодализма въ западномъ смыслѣ, но видѣлъ въ этомъ не преимущество, а недостатокъ. „Феодализма у насъ не было — и тѣмъ хуже“, — писалъ онъ во второй своей статьѣ объ „Исторіи русскаго народа“ Н. Полевого. Западникъ Пушкинъ самъ согрѣшилъ нѣсколькими статьями и стихотвореніями въ духѣ

lib.pushkinskijdom.ru

„оффиціальной народности“. Но дѣло не въ томъ, насколько послѣдователенъ тотъ или другой западникъ, и какъ далеко уходилъ онъ въ своихъ практическихъ выводахъ, а въ томъ, каково было вообще то направленіе, въ которомъ должны были итти западники, пока они сохраняли то настроеніе, которое заставляло ихъ сожалѣть объ отсутствіи внутренней борьбы въ русской исторіи“. „. . . Пушкинъ, сожалѣвшій объ отсутствіи у насъ феодализма, видѣлъ въ борьбѣ городскихъ общинъ европейскаго Запада за свое освобожденіе одинъ изъ шаговъ въ направленіи къ „независимости“ и сочувствовалъ этому шагу. Трудно сказать, до какихъ именно предѣловъ могло бы дойти его сочувствіе, если бы нашъ великій поэтъ далъ себѣ трудъ хорошенько вдуматься въ историческіе вопросы этого рода. Несомнѣнно, однако, то, что аристократическія пристрастія были сильны въ немъ даже тогда, когда онъ водилъ дружбу съ будущими „декабристами“. Извѣстно его тогдашнее отношеніе къ своему „шестисотлѣтнему“ дворянству. Извѣстно и то, что впослѣдствіи онъ готовъ былъ видѣть якобинца даже въ безобидномъ Н. Полевомъ. Но все это еще не дѣлало его теоретикомъ соціальнаго мира; все это еще не внушало ему священнаго ужаса при воспоминаніи о такихъ проявленіяхъ классовой борьбы, какимъ была, напримѣръ, Великая Французская Революція“ (*Современный Міръ*, 1911 г., № 3, стр. 206—208).

— (*№ 36, стр. 78, строки 18—22, и стр. 194—195*[2]). Имя Корнелія Агриппы должно было встрѣчаться Пушкину на страницахъ произведеній Вальтера Скотта. Въ примѣчаніяхъ къ „Пѣсни послѣдняго менестреля“ упоминается Агриппа: „Cornelius Agrippa, the celebrated alchemist, showed him (Henry Howard), in a lookingglass, the lovely Geraldine, to whose service he had devoted his pen and his sword“.

lib.pushkinskijdom.ru

Есть ссылка на Агриппу и въ „Монастырѣ“, именно въ письмѣ автора „Веверлея“ къ капитану Клуттербуку: „I have turned over volumes, which from the pothooks I was obliged to decypher, might have been the cabalistic manuscripts of Cornelius Agrippa, although I never saw „the door open and the devil come in“ (*Walter Scott.* The lay of the last minstrel. London, 1811, p. 336[1]). — The Monastery. Edinburgh, 1822, vol. II, p. 365). Къ послѣднимъ словамъ въ нѣкоторыхъ изданіяхъ дается слѣдующій комментарій: „See Southey's Ballad on the young Man who read in a Conjuror's Book“. Изъ этой баллады и почерпнулъ Пушкинъ свѣдѣнія о трагической смерти юноши, вздумавшаго читать беззаконныя книги. Но у Соути нѣтъ слова „ученикъ“; его произведеніе озаглавлено „A ballad, of a young man that would read unlawful books, and how he was punished“. Причисленіе юноши къ ученикамъ Агриппы едва ли не подсказано Вальтеромъ Скоттомъ, который въ „Letters on Demonology and Witchraft“ (письмо VI) упоминаетъ o the scholar of Cornelius Agrippa, обвиненномъ въ общеніи съ сатаною (*Robert Southey.* The poetical works. Paris 1829, p. 647). [Сообщ. Д. П. Якубовича].

— (*№ 37, стр. 80, строка 23, и стр. 200*[2]). Казанова упоминается въ „Пиковой Дамѣ“ (1833 г.): „Казанова въ своихъ Запискахъ говоритъ, что онъ (графъ Сенъ-Жерменъ) былъ шпіонъ“ (*Пушкинъ.* Изд. Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 336).

— (*№ 37, стр. 81, строки 1—2, и 203*[2]). Выраженіе: „романъ, исполненный огня и *грязи*“ [2]), напоминаетъ слова Пушкина въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ первой поло-

---

1) XII примѣчаніе къ XIII строфѣ VI пѣсни. — Ср. *Пушкинъ и его современники*, вв. IX—X, стр. 332, № 1363.

2) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

вины сентября 1832 г.: „V. Hugo не имѣетъ жизни, т. е. истины. Я въ душѣ увѣренъ, что 19 вѣкъ, въ сравненіи съ 18-мъ, *въ грязи* (разумѣю во Франціи). Проза едва едва выкупаетъ гадость того что зовутъ они поэзіей“ (Переписка, т. II, стр. 389). Сужденія Пушкина могутъ быть сопоставлены съ отзывами о романахъ, высказанными Стендалемъ въ 1831 г.: „Hé, monsieur, un roman est un miroir[1]) qui se promène sur une grande route. Tantôt il reflette à vos yeux l'azur des cieux, tantôt la fange des bourbiers de la route. Et l'homme qui porte le miroir dans sa hotte, sera par vous accusé d'être immoral! Son miroir montre la fange, et vous accusez le miroir. Accusez bien plutôt le grand chemin où est le bourbier, et plus encore l'inspecteur des routes qui laisse l'eau croupir et le bourbier se former“ (*Stendhal.* Le Rouge et le Noir. Chronique du XIX siècle. Paris, 1831, t. II, p. 222: chapitre XIX).

— (*№ 37, стр. 81, строки 12—13, и стр. 199*[2]). „Философія“ Жозефа де-Местра въ „Considérations sur la France“ (1796) получила на страницахъ нашей періодической печати названіе „кровавой“ (*Сынъ Отечества,* 1831 г., т. XXII, № 36, стр. 229).

— (*№ 37, стр. 203*[2]*, строка 28*). Вмѣсто „знаменитая дѣятельница временъ Революціи“ слѣдуетъ читать: „извѣстная дѣятельница“ и т. д.

— (*№ 39, стр. 83, строка 3, и стр. 213*[2]). П. А. Вяземскій „мыслитъ“ и „заставляетъ мыслить“, — а это, по словамъ Пушкина, „важное достоинство, особенно для журналиста“. Подобная оцѣнка напоминаетъ слова Вольтера: „J'aime les gens qui pensent et qui me font penser“; или — „le meilleur effet d'un livre est de faire penser les hommes“ [*Voltaire.* Oeuvres. Paris, 1831,

---

2) Оборотъ „зеркало поэзіи“ у Пушкина встрѣчается еще въ 1826 г. (Настоящій томъ, № 17, стр. 27, строка 2).

lib.pushkinskijdom.ru

t. XLV, p. 23[1]); 1817, t. XIV, p. 657 (Panégyrique de Louis XV)].

— (*№ 42, стр. 85—87 и стр. 225—235*[2]). Статья о гекзаметрахъ Мерзлякова появилась впервые въ изданіи Я. А. Исакова подъ редакціей П. А. Ефремова (СПб. 1881 г.) и перепечатывалась во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ до 1925 г., когда Б. В. Томашевскій выразилъ сомнѣніе въ принадлежности этой статьи Пушкину и указалъ на отсутствіе у Ефремова доказательствъ въ пользу авторства поэта: „ничѣмъ не подкрѣпленная догадка Ефремова принята за незыблемую истину". Авторомъ статьи, по словамъ Б. В. Томашевскаго, скорѣе могъ быть А. А. Дельвигъ, такъ какъ она „ближе затрагиваетъ его, чѣмъ Пушкина", и написана во время пребыванія послѣдняго въ Москвѣ (*Б. Томашевский.* Пушкин. Ленинград, 1925 г., стр. 120—121).

Послѣ тщательныхъ поисковъ дельвиговскаго автографа этой статьи, намъ удалось найти его. Въ тетради Дельвига, принадлежавшей В. П. Гаевскому и пріобрѣтенной Пушкинскимъ Домомъ, оказалось два неотдѣланныхъ черновыхъ наброска, изъ которыхъ одинъ заключается словами: „свидѣтельствуемся самимъ Гомеромъ, что это не гек‹заметры›", а другой доведенъ до конца и содержитъ меньше зачеркнутыхъ мѣстъ, чѣмъ первый. Однако, несмотря на открытіе дельвиговскаго автографа, вопросъ объ авторѣ статьи все-таки не можетъ считаться вполнѣ выясненнымъ. Прежде всего, не Ефремовъ, а Анненковъ первый, въ самой категорической формѣ, высказался за авторство Пушкина. „Для библіографовъ и для будущаго *истинно-полнаго* собранія сочиненій Пушкина", пишетъ Анненковъ: „мы можемъ еще привести замѣтки его, появившіяся въ смѣси „Литературной Газеты" и не попав-

1) „L'A, B, C ou Dialogue entre A, B, C; traduit de l'Anglais de M. Huet".

lib.pushkinskijdom.ru

шія ни въ одинъ изъ сборниковъ его твореній. Таковы: № 10, стр. 81 — о князѣ Вяземскомъ; № 12, стр. 98 — о карикатурѣ въ Англіи, которая содержитъ намекъ на Н. А. Полевого; *№ 16, стр. 129 — о гекзаметрахъ Мерзлякова, въ сравненіи съ гекзаметрами Дельвига*[1]); № 20, стр. 162 — отвѣтъ критику, объявившему при разборѣ одного литературнаго сборника, что нѣтъ причинъ сожалѣть объ отсутствіи въ немъ знаменитыхъ писателей; № 36, стр. 293 — вторая замѣтка о неблаговидности нападокъ на дворянство" (*Вѣстникъ Европы,* 1880 г., № 6, стр. 601).

Это безоговорочное заявленіе Анненкова цѣнно потому, что онъ, по справедливому замѣчанію современнаго изслѣдователя, „зналъ о Пушкинѣ многое, чего онъ не огласилъ и чего мы не знаемъ", и „имѣлъ передъ своими глазами такія рукописи и бумаги Пушкина, которыхъ у насъ нѣтъ и которыхъ мы не можемъ доискаться" (*П. Е. Щеголевъ.* Пушкинъ. СПб. 1912, стр. 129).

Кромѣ того, и В. П. Гаевскій, имѣвшій въ своихъ рукахъ тетрадь съ критической прозой Дельвига и сличавшій ее со своимъ экземпляромъ *Литературной Газеты,* не сдѣлалъ подъ статьей о гекзаметрахъ Мерзлякова помѣты: „Дельвигъ (см. его рукописи)" [Ср. подписи въ №№ 2, 17, 19, 20, 25, 26, 30 и др.].

Отсутствіе Пушкина, создающее невозможность его совмѣстной работы съ Дельвигомъ, констатируется на основаніи словъ Е. М. Хитрово въ ея письмѣ къ Пушкину отъ 18-го марта 1830 г.: „Demain il y a quinze jours que vous êtes parti", откуда вытекаетъ, что поэтъ выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 4-го марта [Переписка, т. II, стр. 122. — *П. И. Бартеневъ.* Пушкинъ, в. II (1885 г.), стр. 44]. Но извѣстно, что Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву, согласно его собственному свидѣтельству, лишь

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

12-го марта, а восьмидневное путешествіе до Москвы безъ особыхъ задержекъ, которыхъ, повидимому, не было, маловѣроятно (Переписка, т. II, стр. 119. — *Русскій Архивъ*, 1876 г., кн. 6, стр. 236). Не ошиблась ли Хитрово? Не уѣхалъ ли Пушкинъ позже? Да, наконецъ, если предположить его отъѣздъ 4—5 марта, то и въ этомъ случаѣ онъ могъ ознакомиться еще въ Петербургѣ съ упомянутымъ въ статьѣ четвертымъ номеромъ *Московскаго Вѣстника*, разрѣшеннымъ цензурой 27-го февраля 1830 г. Это тѣмъ возможнѣе, что четвертый номеръ названъ „желаннымъ“ и что выхода его въ редакціи *Литературной Газеты* „ожидали“ „столь нетерпѣливо“ и съ любопытствомъ (тетрадь Дельвига, черновые автографы), а потому М. П. Погодинъ, конечно, знавшій о „нетерпѣливомъ“ ожиданіи, могъ выслать его спѣшно 27—28-го февраля. При такихъ условіяхъ становится допустимой и совмѣстная работа Пушкина съ Дельвигомъ, который взялъ на себя трудъ записать и окончательно проредактировать статью, появившуюся черезъ полторы-двѣ недѣли послѣ отъѣзда Пушкина, т. е. 17-го марта.

Кромѣ того, есть еще два мелкихъ признака участія Пушкина въ составленіи статьи. Рецензія Н. И. Надеждина на „Иліаду“ Н. И. Гнѣдича названа „ученической диссертаціей о старикѣ Гомерѣ“. „Диссертація“ — терминъ, который Пушкинъ иронически примѣнялъ къ критическимъ отзывамъ Надеждина:

За симъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ *диссертацій*[1])

(*Сѣверные Цвѣты* на 1830 г., отд. II, стр. 50).

---

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*). — Слово „диссертація“ не можетъ относиться къ диссертаціи Надеждина „De Poësi Romantica“, допущенной къ печати позже, 5-го марта 1830 г.

lib.pushkinskijdom.ru

„Ученикъ“ или „школьникъ“ — прозвище, которымъ поэтъ надѣлилъ своего суроваго критика, называя его ѣдкія замѣчанія „*школьнымъ*“ пискомъ самонадѣяннаго шалуна (см. примѣчанія къ № 24, стр. 113). — Что касается выраженія: „о старикѣ Гомерѣ“, то первоначально, вмѣсто этихъ словъ, было написано: „о великомъ слѣпцѣ, котораго имя, по доказательствамъ Альфіери, славнѣе всѣхъ именъ молвою вытверженныхъ“. Почитатель „точности и *краткости*“ предпочелъ „изъясниться *просто*“ и, въ окончательной редакціи, опустилъ ненужныя „дополненія“, а вмѣстѣ съ ними — имя своего любимца Альфьери (см. настоящій томъ, № 5, стр. 9—11).

Вполнѣ умѣстно также въ статьѣ, писанной коллективно, хотя бы и съ участіемъ издателя *Литературной Газеты,* упоминаніе имени Дельвига въ третьемъ лицѣ.

— (*№ 44, стр. 88—89 и стр. 253*[2]). Рецензія Н. А. Полевого на *Невскій Альманахъ* Е. В. Аладьина помѣщена въ *Московскомъ Телеграфѣ,* 1830 г., ч. XXXI, № 3, стр. 355—359.

— (*№ 45, стр. 89—90 и стр. 257*[2]). Статьи „О неблаговидности нападокъ на дворянство“ нѣтъ ни въ тетради А. А. Дельвига, ни въ извѣстныхъ намъ рукописяхъ П. А. Вяземскаго; поэтому нѣтъ и объективныхъ данныхъ установить ихъ авторство. Тема о литературной аристократіи затрагивала интересы рѣшительно всѣхъ членовъ пушкинскаго кружка, и особенно самого великаго поэта, прекрасно освѣдомленнаго о сильнѣйшемъ раздраженіи противъ него, которое царило, напримѣръ, въ семьѣ Полевыхъ (ср. настоящій томъ, стр. 266—268[2]). Безусловно, А. И. Дельвигъ ошибся, утверждая, что замѣтки о нападкахъ на дворянство и о выходкахъ противъ литературной аристократіи написаны его братомъ и Пушкинымъ одновременно, и именно въ іюнѣ 1830 г., когда послѣдняго не было въ Петербургѣ. Но хронологическая неточность,

lib.pushkinskijdom.ru

естественная во всякихъ воспоминаніяхъ, не подрываетъ самаго факта совмѣстной работы обоихъ литературныхъ друзей и единомышленниковъ, — факта, признаннаго и подтвержденнаго біографомъ Дельвига — В. П. Гаевскимъ (*Современникъ* 1854 г., т. XLVII, сентябрь, отд. Критики, стр. 41—42, 46, 55). И, конечно, совмѣстная работа была возможна не только въ іюлѣ, но и въ концѣ февраля или въ началѣ марта, *вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ* № 3 *Московскаго Телеграфа*[1]) съ рѣзкой статьей Полевого противъ „аристократизма, установившагося въ нашей литературѣ". Въ это время, незадолго до отъѣзда Пушкина въ Москву, и была коллективно заготовлена, на всякій случай, отповѣдь Полевому, пролежавшая въ портфелѣ редакціи до конца іюня[2]). Такъ было, вѣроятно, въ данномъ случаѣ; вообще же „участіе Пушкина въ *Литературной Газетѣ*", по словамъ Гаевскаго, „не прерывалось даже въ его отсутствіе. Въ мартѣ 1830 г. онъ уѣхалъ въ Москву, гдѣ оставался до конца іюля; но въ теченіе этого времени напечатано въ *Литературной Газетѣ* нѣсколько его произведеній"[3]) (*Современникъ,* 1854 г., т. XLVII, сентябрь, отд. Критики, стр. 41—42).

Наконецъ, слѣдуетъ учесть вышеприведенное свидѣтельство П. В. Анненкова, который указывалъ редакторамъ „будущаго истинно-полнаго собранія сочиненій Пушкина" „замѣтку о неблаговидности нападокъ на дворянство" (*Вѣстникъ Европы,* 1880 г., № 6, стр. 601). Подобное указаніе, сдѣланное безъ достаточныхъ основаній, было бы крайне легкомысленнымъ.

— (*№ 50, стр. 109, строки 6—10, и стр. 316*[2]). Въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ" (1829—1830 г.) Владиміръ Z пишетъ другу въ Петербургъ: „Я видѣлъ

1) Разрѣшенъ цензурой 28-го февраля.

2) № 36 *Литературной Газеты* разрѣшенъ цензурой 24-го іюня.

3) „Въ Альбомъ", о Видокѣ, „Посланіе къ К. Н. Б. Ю., „Калмычкѣ".

lib.pushkinskijdom.ru

родословную Суворова, писанную имъ самимъ. Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ. Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя. Но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами" (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. СПб. 1910 г., т. IV, стр. 139).

— (*№ 50, стр. 110, строка 23, и стр. 317*[2]). On en rit, j'en ris encore moi-même — измѣненный стихъ Вольтера изъ „Épitre à M. d'Alembert" (1772): „Je fis bien: chacun rit, et j'en ris même encore" (*Voltaire*. Oeuvres complètes. Paris, 1817, t. IX, p. 366).

— (*№ 52, стр. 114—117 и стр. 330—335*[2]). О нравственности въ поэзіи не мало толковалъ и Б. М. Федоровъ, встрѣчавшійся у общихъ знакомыхъ съ Пушкинымъ. „Твой Ѳедоровъ" — писалъ П. А. Вяземскій А. И. Тургеневу — „издаетъ Журналъ[1]) и въ немъ критикуетъ Пушкина, а пуще всего требуетъ отъ него нравственности. Послѣ того встрѣтились они у меня, и Пушкинъ насмѣшилъ меня съ нимъ: „Отъ чего не описываете Вы картинъ семейнаго счастья?" и тому подобное говорилъ ему нравоучитель, а тотъ отвѣчалъ ему по своему" (Архивъ братьевъ Тургеневыхъ. СПб. 1921 г., в. VI, стр. 67: письмо отъ 18-го апрѣля 1828 г. — Ср. дополненія и поправки къ № 21).

— (*№ 52, стр. 114, строки 8—9, и стр. 332*[2]). „Превращать божественный нектаръ въ воспалительный составъ" — выраженіе, не разъ встрѣчающееся у Пушкина (ср. № 60, стр. 148, строки 16—17).

— (*№ 53, стр. 119, строки 1—2 и стр. 339*[2]). Монтэнь, задолго до Альфьери, прислушивался къ французской рѣчи на парижскихъ базарахъ: „Comme aux accoustrements, c'est pusillanimité de se vouloir marquer par quelque

1) *С.-Петербургскій Зритель*, 1828 г.

lib.pushkinskijdom.ru

façon particulière et inusitée: de mesme au langage, la recherche des phrases nouvelles et des mots peu cogneus vient d'une ambition puerile et pedantesque. Peusse je ne me servir que de ceulx qui *servent aux hales à Paris*" (*M. de Montaigne.* Essais. Paris, 1828, t. I, ch. XXV, p. 192: De l'institution des enfants).

— (*№ 54, стр. 347*[2]). Отзывъ Б. В. Никольскаго о сюжетѣ „Донъ-Жуана" Байрона данъ въ одной изъ ненапечатанныхъ имъ замѣтокъ о Пушкинѣ.

— (*№ 57, стр. 130*). Вмѣсто: [Боратынскій], слѣдуетъ печатать: [Баратынскій], такъ какъ необходимо сохранить пушкинское правописаніе.

— (*№ 57, стр. 133, строки 18—20, и стр. 412*[2]). Въ статьѣ о Боратынскомъ Пушкинъ развиваетъ мысли послѣдняго, высказанныя въ письмѣ отъ конца февраля—начала марта 1828 г.: „Я думаю, что у насъ въ Россіи поэтъ только въ первыхъ незрѣлыхъ своихъ опытахъ можетъ надѣяться на большой успѣхъ: за него всѣ молодые люди, находящіе въ немъ почти свои чувства, почти свои мысли, облеченныя въ блистательныя краски. Поэтъ развивается, пишетъ съ большею обдуманностью, съ большимъ глубокомысліемъ: онъ скученъ офицерамъ, а бригадиры съ нимъ не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счетъ этихъ размышленій: они общія" (Переписка, т. II, стр. 55).

„Пушкинъ", по словамъ А. И. Кирпичникова, „и принялъ эти размышленія, какъ *общія,* но съ полнымъ правомъ примѣнилъ ихъ и къ себѣ, и къ Боратынскому. Работая надъ статьей о послѣднемъ, онъ, конечно, не имѣлъ передъ собою его письма, но вышеприведенная мысль поразила его, врѣзалась ему въ сознаніе и память, и онъ превосходно развилъ ее, хотя она оказалась въ нѣкоторомъ (весьма, впрочемъ, неважномъ) противорѣчіи съ фактами: *18-ти лѣтъ* Боратынскій былъ совершенно неизвѣстенъ

lib.pushkinskijdom.ru

въ литературѣ — первое его стихотвореніе всего въ шесть строкъ, напечатано когда ему шелъ двадцатый годъ[1]), тогда какъ 18-ти лѣтній Пушкинъ былъ уже въ большой славѣ въ кружкѣ любителей поэзіи; *съ восторгомъ* приняли юношескія произведенія Боратынскаго только развѣ два-три его пріятеля; самъ же Пушкинъ въ началѣ статьи говоритъ, что „Баратынскій всѣхъ менѣе пользовался обычной благосклонностію журналовъ". Да и въ программѣ (статьи о Боратынскомъ) рѣчь идетъ только о *знатокахъ; восторгъ* гораздо болѣе подходящее выраженіе къ произведеніямъ *самого* Пушкина" (*Русская Старина,* 1899 г., т. XCVIII, № 5, стр. 333).

— (*№ 58, стр. 135—137 и стр. 416*[2]). Автографъ статьи о дѣтствѣ и юности А. А. Дельвига впервые найденъ въ Юсуповскомъ особнякѣ лишь въ 1918 г. Написанная на бумагѣ съ водянымъ знакомъ *1833,* статья, повидимому, предназначалась для сборника стихотвореній Дельвига, которыя Пушкинъ подготовлялъ къ печати (Сборникъ Пушкинскаго Дома на 1923 г., стр. 9). Приводимъ текстъ статьи, отмѣчая въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ первоначальные варіанты:

ДЕЛЬВИГЪ.

Дельвигъ родился въ Москвѣ (1798 году...). Отецъ его, умершій Генералъ-маіоромъ въ 182‹8› году, былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой.

Дельвигъ первоначальное образованіе получилъ въ частномъ пансіонѣ;[2]) въ концѣ 1811 года вступилъ онъ въ Царскосельскій Лицей. Способности его развивались медленно[3]). Память у него была тупа;[4]) понятія лѣнивы.

1) „Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной" (*Благонамѣренный* 1819 г., № 4, стр. 210).

2) *Далѣе зачеркнуто:* на 14-мъ году.

3) *Первоначально было:* довольно медленно.

4) *Далѣе зачеркнуто:* онъ былъ.

lib.pushkinskijdom.ru

На 14-мъ году, онъ не зналъ никакого иностраннаго языка, и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему, разказать[1]) нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807-го года, выдавая[2]) себя за очевидца тогдашнихъ произшедствій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ[3]) новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего[4]) Директора[5]) А. Ѳ. Малиновскаго[6]), который[7]) захотѣлъ[8]) услышать[9]) отъ самаго Дельвига разказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ[10]) постыдился[11]) признаться во лжи[12]) столь же невинной какъ и замысловатой и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разказовъ, покамѣсть онъ самъ не признался[13]) въ своемъ вымыслѣ. — Будучи еще пяти лѣтъ отроду[14]), вздумалъ онъ разказывать о какомъ-то чудесномъ[15]) видѣніи и смутилъ[16]) имъ всю свою семью. Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостію

---

1) *Далѣе зачеркнуто:* своимъ.
2) *Первоначально было:* выдавъ.
3) *Первоначально было:* съ требованіями.
4) Надписано сверху.
5) *Первоначально было:* нашихъ начальниковъ, и Директора.
6) *Первоначально было:* Малиновскій.
7) Надписано сверху.
8) *Далѣе зачеркнуто:* самъ.
9) *Первоначально было:* выслушать Дельвига.
10) *Далѣе зачеркнуто:* боясь быть обличеннымъ во лжи, — наказанія, не смѣлъ.
11) *Первоначально было:* устыдился.
12) *Далѣе зачеркнуто:* хоть и.
13) *Первоначально было:* открылъ.
14) *Далѣе зачеркнуто:* онъ въ семьѣ своей.
15) *Первоначально было:* таинственномъ.
16) *Первоначально было:* увѣрилъ въ ...

lib.pushkinskijdom.ru

ума[1]), склонность ко лжи[2]) не мѣшаетъ искренности и прямодушію. Дельвигъ, разказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ, и о мнимыхъ опасностяхъ[3]), которымъ будто бы подвергался[4]) въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ[5]) въ оправданіи какой-нибудь вины[6]), для избѣжанія выговора или наказанія.

Любовь къ поэзіи[7]) пробудилась въ немъ рано[8]). Онъ зналъ почти наизусть Собраніе Русскихъ стихотвореній, изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока[9]) Шиллера и Гельти прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей[10]), живымъ[11]) лексикономъ, съ вдохновеннымъ коментаріемъ. Горація изучилъ[12]) въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры[13]), требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ[14]) прогулки[15]) по аллеямъ Царскаго-села и разговоры съ товарищами[16]), коихъ умственныя склонности сходствовали съ его собственными. Первыми[17]) его опытами[18]) въ стихотворствѣ

---

1) *На поляхъ приписано:* часто часто бываетъ замѣтна, и и не должна быть смѣшна и ...

2) *Далѣе зачеркнуто:* часто бываетъ слѣдствіемъ живости игры воображенія, ума ...

3) *Далѣе зачеркнуто:* обо въ ...

4) *Далѣе зачеркнуто:* онъ.

5) *Далѣе зачеркнуто:* чтобъ.

6) *Первоначально было:* шалости.

7) *Первоначально было:* чтенію.

8) *Далѣе зачеркнуто:* Онъ прочелъ Державина и съ нимъ уже не разставался.

9) *Далѣе зачеркнуто:* и.

10) *Далѣе зачеркнуто:* хорошо знавшимъ нѣмецкій языкъ.

11) *Далѣе зачеркнуто:* и вдохновеннымъ.

12) *Далѣе зачеркнуто:* онъ.

13) *Далѣе зачеркнуто:* своихъ товарищей.

14) *Первоначально было:* любилъ.

15) *Первоначально было:* медленныя прогулки.

16) *Первоначально было:* съ тѣми изъ товарищей.

17) *Первоначально было:* Первые.

18) *Первоначально было:* опыты.

lib.pushkinskijdom.ru

были[1]) подражанія Горацію. Оды: къ Діону къ Лилетѣ, Доридѣ[2]) писаны имъ[3]) на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безо всякой перемѣны. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи, и той классической строгости, которой никогда онъ не измѣнялъ. Въ то время (1814 году) покойный Влад‹имиръ› Измайловъ[4]) былъ издателемъ Вѣстника Европы. Дельвигъ послалъ ему свои первые опыты; они были напечатаны безъ имени его и привлекли вниманіе однаго знатока[5]), который[6]) видя[7]) произведенія новаго, неизвѣстнаго пера[8]), уже носящія на себѣ печать опыта и зрѣлости ломалъ[9]) себѣ голову стараясь угадать тайну Анонима. Впрочемъ[10]), никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе опрѣсноки столь прекраснаго таланта[11]). Никто не привѣтствовалъ[12]) вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ[13]) стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные[14]), замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ[15]) мѣлочной[16]) отдѣлки[17]) въ то-же время были[18]) разхвалены и прославлены какъ нѣкоторое чудо[19]). Но

---

1) *Далѣе зачеркнуто:* по‹дражанія›.

2) Слова: Лилетѣ, Доридѣ, написаны на полях, зачеркнуты и возстановлены.

3) *Далѣе зачеркнуто:* на.

4) *Далѣе зачеркнуто:* издавалъ въ Москвѣ довольно.

5) *Первоначально было:* двухъ или трехъ знатоковъ.

6) *Въ рукописи:* которые.

7) *Первоначально было:* видѣли.

8) *Далѣе зачеркнуто:* но.

9) *Первоначально было:* ломали.

10) *Далѣе зачеркнуто:* публика не замѣтила ихъ. Какимъ образомъ....

11) *Далѣе зачеркнуто:* Какимъ образомъ.

12) *Далѣе зачеркнуто:* юно‹шу›.

13) *Далѣе зачеркнуто:* стихи.

14) *Далѣе зачеркнуто:* стихи и отли...

15) *Исправлено:* чистой, и потомъ возстановлено: чистотѣ.

16) Надписано сверху.

17) *Въ рукописи:* отдѣлкѣ, и *далѣе зачеркнуто:* доставляли.

18) *Далѣе зачеркнуто:* прославляемы какъ чудо.

19) *Первоначально было:* только что не провозглашены чудомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

такова участь[1]) Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при[2]) раннемъ появленіи[3]) на краткомъ своемъ поприщѣ;[4]) но онъ еще не оцѣненъ, и теперь, когда покоится въ[5]) своей безвременной могилѣ.

— (*№ 58, стр. 420—422*[2]). Тяжелое впечатлѣніе, произведенное на Пушкина смертью А. А. Дельвига, отразилось въ его письмахъ къ Е. М. Хитрово: „La mort de Delvig me donne le spleen. Independemment de son beau talent, c'étoit une tête fortement organisée et une âme de la trempe non comune. — C'étoit le meilleur d'entre nous. Nos rangs commence<nt> à s'éclaircir" (письмо отъ 21-го января 1831 г. — См. „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово". Л. 1927 г., стр. 12—13, 15—16, 76, 83, 88).

— (*№ 59, стр. 139, строки 11—12, и стр. 432*). Д. Каннингъ, какъ государственный дѣятель и писатель, обратилъ на себя вниманіе Пушкина, упоминавшаго о немъ въ программѣ одной статьи и въ письмѣ къ Е. М. Хитрово отъ 8—9-го февраля 1831 г. (*Атеней* 1924 г., кн. I—II, стр. 5, 13—14. — „Письма Пушкина к Е. М. Хитрово" Л. 1927 г., стр. 16, 328).

— (*№ 60, стр. 140, строки 2—7, и стр. 439*[2]). Charles Magnin, сотрудникъ *Le Globe,* первый усмотрѣлъ въ стихахъ Делорма новый родъ интимной поэзіи: „Cette sorte d'élégie d'intime analyse, où la nature et les sentiments privés soint peints avec amour et bonne foi, et où l'âme du poète se révèle à tous moments dans ces nuances les plus délicates, était à peu près inconnue dans notre langue. Pour trouver quelque chose d'analogue il faut nous adresser aux Lakistes. Encore Joseph Delorme n'est nullement leur imitateur, seulement il est entré, comme eux,

1) *Первоначально было:* Но такова была судьба...
2) *Первоначально было:* на.
3) *Далѣе зачеркнуто:* своемъ.
4) *Далѣе зачеркнуто:* ни даже послѣ при ранней.
5) *Далѣе зачеркнуто:* ранней.

lib.pushkinskijdom.ru

dans le sentier à peine frayé de la poésie individuelle“ [*Le Globe*. 1829, № 29 (11 avril), p. 228. — *Ch. Magnin*. Causeries et méditations historiques et littéraires. Paris, 1843, t. I, p. 217].

— (*№ 60, стр. 143, строки 2—3, и стр. 439*[2]). О подражаніяхъ Делорма писалъ Magnin: „Au nombre des innovations ou plutôt des rénovations de pure forme, il faut compter le *sonnet,* que Joseph Delorme affectionne particulièrement. Il s'en trouve parmi les siens quelques-uns de très agréables; mais d'autres, qu'il a eu la fantaisie un peu puérile de calquer sur ceux du XVI-e siècle, reproduisent avec une fidélité trop scrupuleuse l'affectation de cette époque. Au reste, ces purs jeux d'esprit ne peuvent avoir, même aux yeux de l'auteur, d'autre mérite que celui d'un pastiche“ (*Le Globe,* 1829, № 29; *Ch. Magnin*. Causeries et méditations historiques et littéraires. Paris, 1843, t. I, p. 223).

— (*№ 60, стр. 143—144 и стр. 439—440*[2]). Неудачное окончаніе стихотворенія „Ma Muse“ было отмѣчено до Пушкина Magnin: „Quel lecteur ne regrettera pas, avec nous, que ce morceau, si original, soit déparé par ces derniers vers! Nous aurions pu passer au poète de nous montrer sa Muse pauvre, triste, mal vêtue; mais pulmonique!... Ah! grâce! les sens sont un juge bien moins indulgent que la raison“ (*Le Globe,* 1829, № 29, p. 229. — *Charles Magnin*. Causeries et méditations historiques et littéraires. Paris, 1843, t. I, p. 222).

— (*№ 60, стр. 144—146 и стр. 440*[2]). На страницахъ *Le Globe* Пушкинъ еще въ 1829 г. могъ прочесть лестный отзывъ объ элегіи Делорма, которую онъ назвалъ „совершеннѣйшимъ стихотвореніемъ изо всего собранія“: „Voici quelques vers d'une pièce de ce genre où la turbulence de ses passions se trahit par le plus heureux et le plus doux contraste:

lib.pushkinskijdom.ru

Toujours je la connus pensive et sérieuse...

(*Le Globe,* 1829, № 29.—*Ch. Magnin.* Causeries et méditations historiques et littéraires. Paris, 1843, t. I, pp. 215—216)[1]).

— (*№ 60, стр. 146—147 и стр. 440—442*[2]). Въ отзывѣ Пушкина о „Мысляхъ" Делорма Б. В. Томашевскій видитъ „острую и прозорливую критику классической версификаціи. Достаточно замѣтить, что высказанныя здѣсь замѣчанія только послѣдніе годы получили во Франціи право гражданства. Донынѣ не всѣ нарушаютъ правила риѳмы для глазъ и свободы гіатуса, а въ 1831 г. о примѣненіи такихъ свободъ еще и не помышляли. Но, разобравъ такъ остро ту поэтику, которую всегда защищали авторитетомъ Буало, Пушкинъ замѣчаетъ, что романтическія нововведенія суть „гремушки и пеленки младенчества", что имъ придается излишняя важность. Этимъ самымъ онъ снова спасаетъ авторитетъ Буало и даже ссылкой на правила латинскаго стихосложенія оправдываетъ тѣ стихи „законодателя", которые устанавливаютъ фальшивое, по мнѣнію Пушкина, правило. Можно съ увѣренностью сказать, что Пушкинъ ставилъ авторитетъ и значеніе Буало выше этихъ младенческихъ препирательствъ" („Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 42—43). Ср. *Ch. Magnin.* Causeries et méditations, t. I, pp. 223—224: „Malgré tout ce que ce recueil contient de poésie vraie et profondément sentie, il n'est pourtant pas tout-à-fait exempt du péché originel de l'école actuelle, nous voulons parler de l'amour futile qu'elle a pour la difficulté vaincue... est-il nécessaire de faire ainsi laborieusement des copies des vieux maîtres? De s'imposer de vaines difficultés de mots, de sons, de mesures?

---

1) Сопоставленіе Делорма съ Шенье подсказано Пушкину также Маньеномъ, который полагалъ, что „les vers de Joseph Delorme" „portent, dans toute la partie technique, le cachet de la nouvelle école, qui est au moins autant l'école de Victor Hugo que d'André Chénier".

lib.pushkinskijdom.ru

De ressusciter d'anciennes formes métriques dont la difficulté n'ajoute rien à l'agrément?"...

— (*№ 60, стр. 148, строки 9—10, и стр. 443*[2]). „Сохрани насъ Боже быть поборникомъ" — выраженіе, встрѣчающееся въ № 67 (настоящій томъ, стр. 537[2]).

— (*№ 60, стр. 148, строки 9—23, и стр. 443*[2]). Magnin слышалъ толки о безнравственности книги Делорма: „Nous avons été surpris d'entendre traiter d'immorale l'impression que produit ce livre" (*Le Globe*, 1829, № 29. — *Ch. Magnin*. Causeries et méditations, t. I, p. 214).

— (*№ 61, стр. 148, строки 22—23, и стр. 458*[2]). Въ статьяхъ и письмахъ Пушкина встрѣчаются русскіе обороты, соотвѣтствующіе латинскому выраженію: „in arenam descendere". „Какъ могъ ты *сойти въ арену* вмѣстѣ съ этимъ хилымъ кулачнымъ бойцомъ", бранитъ Пушкинъ П. А. Вяземскаго за посланіе къ М. Т. Каченовскому. — „Министры Людов‹ика› XVI *низходятъ въ арену* съ писателями", отмѣчаетъ поэтъ въ статьѣ „О русской литературѣ, съ очеркомъ французской" (Переписка, т. I, стр. 37: письмо отъ 2-го января 1822 г. — Настоящій томъ, № 71, стр. 226, строки 28—30).

— (*№ 63, стр. 161—163 и стр. 471—479*). Сохранилась программа статьи, въ которой Пушкинъ предполагалъ сравнить русскую знать съ иностранной: „Ignorance des seigneurs Russes, tandis que les mémoires, les écrits politiques, les Romans — Napoléon gazetier, Canning poète, Brougham, les députés, les pairs — les femmes — Chez nous les seigneurs ne savent pas écrire — le tiers état — l'Aristocratie" (Собраніе Пушкинскаго Дома. — *Атеней*, 1924 г., кн. I—II, стр. 13—14).

— (*№ 63, стр. 476*[2]). Начало строфы изъ „Путешествія Онѣгина" должно быть напечатано по изданію Литературнаго Фонда, которымъ пользовался И. Н. Ждановъ:

lib.pushkinskijdom.ru

Проснулся разъ онъ патріотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
Россія!... Русь!... она мгновенно
Ему понравилась отмѣнно.

(*А. С. Пушкинъ*. Сочиненія. Изд. Литер. Фонда. СПб. 1887 г., т. III, стр. 413).

— (*№ 63, стр. 478*[2]). Замѣтки Пушкина о дворянствѣ нашли оцѣнку въ работѣ Д. Благого: „Классовое самосознание Пушкина". М. 1927 г.

— (*№ 64, стр. 164, строки 16—20, и стр. 491*[2]). Пушкинъ — какъ видно изъ письма къ Е. М. Хитрово отъ 19—24-го мая 1830 г., — отдавалъ предпочтеніе лирикѣ интимной передъ образной, почему и отнесся съ бо́льшимъ одобреніемъ къ стихамъ Сентъ-Бева, чѣмъ къ стихамъ Виктора Гюго („Письма Пушкина к Е. М. Хитрово". Л. 1927 г., стр. 8, 207—208).

— (*№ 66, стр. 166—168, и стр. 497—499*[2]). Отношенія Пушкина къ П. А. Катенину выясняются въ сборникѣ „Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 246—265.

— (*№ 67, стр. 546*[2]*, строка 31, — стр. 547*[2]*, строка 7*). Замѣчаніе П. В. Анненкова о поѣздкѣ Пушкина въ Петербургъ, ошибочно передвинутое при исправленіи корректуры въ гранкахъ, должно быть перенесено на стр. 543-ю и помѣщено до комментарія къ 13—17-ой строкамъ 168-ой страницы.

— (*№ 67, стр. 176, строки 19—20, и стр. 553*[2]). Отзывъ о Ломоносовѣ въ 1834 г. болѣе рѣзкій, чѣмъ въ 1825 г. Прежде Пушкинъ говорилъ объ отсутствіи въ одахъ Ломоносова пламенныхъ порывовъ чувства и воображенія", считая, однако, его „преложенія псалмовъ" и другія „подражанія высокой поэзіи священныхъ книгъ" „вѣчными памятниками русской словесности", по коимъ

lib.pushkinskijdom.ru

„долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему". Теперь (въ 1834 г.) Пушкинъ распространяется объ его „утомительности, надутости", „высокопарности, изысканности, отвращеніи отъ простоты и точности, отсутствіи всякой народности и оригинальности" и, наконецъ, объ его „вредномъ вліяніи на словесность". Черезъ два года (въ 1836 г.), Пушкинъ даетъ опредѣленную формулу для оцѣнки Ломоносова: „нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца"[1]) (№ 85, стр. 310, строки 25—28 и стр. 805).

— (*№ 67, стр. 184, строки 21—23, и стр. 559*[2]). Цитата изъ „Dix années d'exil" г-жи Сталь, приведенная Пушкинымъ, встрѣчается въ его письмѣ къ А. Г. Баранту отъ 16-го декабря 1836 г.: „M-me de Staël disoit en 1811: en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature (10 ans d'Ex‹il›)" [„Письма Пушкина и к Пушкину", подъ ред. М. А. Цявловскаго. М. 1925 г., стр. 36—37].

— (*№ 67, стр. 186, строка 7*). Названіе станціи „‹Черная Грязь›" должно быть опущено, а слово „Браки" слѣдуетъ перенести на стр. 185-ую, въ заглавіе, послѣ наименованія станціи (Тетради: № 2385, А, № 10, л. 30, и № 2385, Б, № 11, стр. 10).

— (*№ 67, стр. 186, строка 23—24*). Вмѣсто: Городня. Рекрутство, должно быть: Рекрутство. Городня, какъ значится въ исправленной Пушкинымъ копіи (тетрадь № 2385 А, № 10, л. 35).

— (*№ 67, стр. 191, строки 2—3*). Вмѣсто: Тверь, должно быть: [Тверь]. Русское стихосложе‹ніе›. [Тетрадь № 2385 Б, № 11, л. 21 (жанд. помѣта)].

— (*№ 67, стр. 193, строки 11—16, и стр. 564*[2]). Въ XLII строфѣ 4-ой главы „Евгенія Онѣгина" Пушкинъ вышучиваетъ надоѣвшія „вѣчныя риѳмы".

---

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

И вотъ уже трещатъ морозы
И серебрятся средь полей...
[Читатель ждетъ ужъ риѳмы — *розы:*
На, вотъ возьми ее скорѣй].

— (*№ 67, л. 194, строки 13—14, и стр. 565*[2]). Вмѣсто: Мѣдное. [Рабство], слѣдуетъ читать: Мѣдное. (Рабство) [Тетрадь № 2385 Б, № 11, л. 23 (жанд. помѣта)].

— (*№ 67, л. 194, строки 13—14, и стр. 565*[2]). Названіе станціи: Выш‹ній› Вол‹очекъ›, зачеркнуто. Первоначальное наименованіе главы: Шлюз‹ы›, также зачеркнуто.

— (*№ 67, стр. 198, строка 1, и стр. 567*[2]). Paul-Louis. Courier хорошо извѣстенъ русскимъ журналистамъ (см. *Московскій Телеграфъ* 1831 г., № 19, стр. 311—348).

— (*№ 67, стр. 202, строки 28—35, и стр. 574*[2]). La Bruyère цитируется Пушкинымъ въ „Отрывкахъ изъ романа въ письмахъ“ (1829—1830 гг.), VIII (*Пушкинъ*, изд. Брокгаузъ-Ефрона, т. IV, стр. 138).

— (*№ 67, стр. 203—204 и стр. 574*[2]). Сравненіе положенія русскихъ и западно-европейскихъ крестьянъ съ цѣлью прикрасить печальную участь первыхъ и убѣдить читателей въ благоденствіи русской деревни встрѣчается въ печати 1830—1840-хъ годовъ. „Для всякого очевидно“, говорится въ *Библіотекѣ для Чтенія:* „какое великое преимущество имѣютъ наши россійскіе крестьяне передъ крестьянами другихъ государствъ... Онъ (крестьянинъ) имѣетъ участокъ земли, который воздѣлывалъ его отецъ, дѣдъ... Онъ уже не бездоменъ, и у насъ нѣтъ бездомныхъ крестьянъ“ (*Библіотека для Чтенія* 1837 г., т. XXII, стр. 33—34. — Ср. *A. Gurowski.* La civilisation et la Russie. St. Pétersbourg, 1840, p. 29).

— (*№ 67, стр. 203, 206—207 и стр. 574*[2]). Воспоминанія о парламентскомъ выступленіи Байрона въ защиту ноттингемскихъ ткачей связывались у Пушкина съ несо-

lib.pushkinskijdom.ru

мнѣнно доходившими до него слухами о чартистскомъ движеніи въ Англіи (1830—1840-ые гг.), вызванномъ промышленнымъ кризисомъ и безработицей и сопровождавшемся народными волненіями. Жалобы англійскихъ фабричныхъ работниковъ на ихъ несчастный жребій были хорошо извѣстны и понятны поэту.

— (*№ 67, стр. 208, строка 2, и стр. 578*[2]). Conversation criminal — сокращенное выраженіе для обозначенія actions for criminal conversation, т. е. гражданскихъ исковъ объ убыткахъ мужа по поводу супружеской не — вѣрности жены.

— (*№ 69, стр. 210, строка 19, и стр. 585*[2]). Въ статьѣ В. К. Кюхельбекера: „О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической въ послѣднее десятилѣтіе", Байронъ названъ „однообразнымъ" (*Мнемозина,* 1824 г., ч. II, стр. 41; ч. III, стр. 172—173).

— (*№ 69, стр. 210, строки 23—24, и стр. 586*[2]). Имя Gresset не рѣдко попадается на страницахъ нашихъ періодическихъ изданій. Въ *Сѣверной Пчелѣ* 1834 г., № 7, стр. 25—27, была помѣщена довольно большая статья подъ заглавіемъ: „Веръ-веръ, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго и представленный въ первый разъ на Михайловскомъ Театрѣ 3-го Января".

— (*№ 69, стр. 210, строки 25—29, и стр. 586*[2]). Слова: „Намъ пріятно видѣть поэта... въ маленькой досадѣ на скучнаго сосѣда", — повидимому, заключаютъ въ себѣ скрытый намекъ на В. К. Кюхельбекера, писавшаго въ статьѣ „О направленіи нашей поэзіи": „Трудно не скучать, когда Иванъ и Сидоръ напѣваютъ намъ о своихъ несчастіяхъ; еще труднѣе не заснуть, перечитывая, какъ они иногда въ трехъ стахъ трехстопныхъ стихахъ другъ другу разсказываютъ, что, слава Богу! здоровы, и страхъ, какъ жалѣютъ, что такъ давно не видались!" (*Мнемозина,* 1824 г., ч. II, стр. 33).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 69, стр. 210, строки 31—32, и стр. 586*[2]). Говоря о людяхъ, „не признающихъ иной поэзіи, кромѣ выспренней“, Пушкинъ имѣлъ въ виду В. К. Кюхельбекера, который полагалъ, что лирическая поэзія „тѣмъ превосходнѣе, чѣмъ болѣе возвышается надъ событіями ежедневными, надъ низкимъ языкомъ черни, не знающей вдохновенія“ (*Мнемозина,* 1824 г., ч. II, стр. 30).

— (*№ 70, стр. 211—217 и стр. 595—597*[2]). Работа Пушкина надъ „Словомъ о Полку Игоревѣ“ заинтересовала его друзей и знакомыхъ. А. И. Тургеневъ справлялся у поэта о „лучшемъ нѣмецкомъ переводѣ“, досталъ у него изданіе Вячеслава Ганки и слушалъ его „замѣчанія“ о „Словѣ“ „весьма основательныя и остроумныя“, „основанныя на знаніи нарѣчій слав⟨янскихъ⟩ и языка русскаго“. По словамъ Тургенева, Пушкинъ хотѣлъ „сдѣлать критическое изданіе сей пѣсни, въ родѣ Шлецерова Нестора, и показать ошибки въ толкахъ Шишкова и другихъ переводчиковъ и толкователей: въ этомъ изданіи лишь „три или четыре мѣста“ оригинала „оставались неясными“, но „многое пояснялось, особливо начало“ (*П. Е. Щеголев.* Дуэль и смерть Пушкина. М.-Л. 1928 г., стр. 278: письмо отъ 13-го декабря 1836 г.). Такъ расширялись и углублялись научныя разысканія Пушкина, начатыя еще въ 1834 г.

— (*№ 70, стр. 211, строки 21—22, и стр. 603—605*). Письмо С. Джонсона къ Макферсону по поводу пѣсенъ Оссіана напечатано въ *Литературной Газетѣ* 1830 г., № 5, стр. 40 (Ср. *Сѣверныя Записки* 1913 г., февраль, стр. 31).

— (*№ 70, стр. 611*[2]). Ученый Кухарскій, о которомъ писалъ П. И. Кеппенъ Пушкину, упоминается въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ (см. *Московскій Вѣстникъ* 1830 г., ч. II, № 8, стр. 393—397).

— (*№ 71, стр. 617*[2]). Мнѣніе, что черновые отрывки, извѣстные подъ заглавіемъ „О русской литературѣ, съ

lib.pushkinskijdom.ru

очеркомъ французской", создавались постепенно, можетъ считаться установленнымъ. „Они" (отрывки), говоритъ Б. В. Томашевскій: „датируются... 1833—1834 гг. Быть можетъ, написаны они нѣсколько раньше, и, вѣроятно, набрасывались не одновременно, почему ихъ общій планъ довольно безпорядоченъ. Во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя части не могутъ относиться къ годамъ раньше 1828, потому что тамъ говорится про отзывъ французскихъ газетъ объ одной фразѣ Пушкина, напечатанной въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* на 1828 годъ. Съ другой стороны, безусловно — то, что заключается въ этихъ отрывкахъ, есть какъ бы сводъ давно занимавшихъ Пушкина мыслей, и здѣсь мы можемъ встрѣтить мысли, высказанныя имъ значительно раньше" („Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 46).

— (*№ 71, стр. 640—641*[2]). Статья Людовика Вите о романтизмѣ перепечатана и въ книгѣ P. Trahard'a: „Le romantisme défini par „Le Globe". Paris, 1925, pp. 19—30.

— (*№ 71, стр. 218, строки 4—19, и стр. 642*[2]). Касаясь вопроса о классикахъ и романтикахъ, Пушкинъ напоминаетъ Сталь, которая писала: „On prend quelquefois le mot classique comme synonyme de perfection. Je m'en sers ici dans une autre acception, en considérant la poésie classique comme celle des anciens, et la poésie romantique comme celle qui tient de quelque manière aux traditions chevaleresques" (*M-me de Staël.* De l'Allemagne. Paris, 1815, t. I, p. 265. — Ср. сборникъ „Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 47, 357).

Попытка Пушкина опредѣлить романтическія произведенія по формѣ, повидимому, стоитъ въ нѣкоторой связи съ однородными явленіями во французской литературѣ. За два-три года до появленія пушкинской статьи Emile Deschamps старался выяснить, какіе литературные жанры, за исключеніемъ драматическихъ, использованы француз-

lib.pushkinskijdom.ru

скими поэтами XVII—XVIII вв. и какіе остались въ наслѣдіе его современникамъ: „Voltaire se présente avec ses épitres philosophiques, un poème héroi-comique qui est un péché *mortel* et *immortel,* et toute sa poésie légère; Boileau avec un poème didactique, un volume de satyres et son admirable *Lutrin;* et Lafontaine, le plus poète de tous, avec ses fables et ses contes. Voilà des genres de poésies dans lesquels trois grands hommes ont donné à la France une incontestable supériorité, et nous admirons sincèrement l'orgueil ou l'humilité de ceux de nos auteurs qui continuent à s'y exercer. Pourquoi courir après des palmes déjà cueillies? Comment espère-t-on avancer dans une carrière encombrée de chefs-d'oeuvre?

„Mais la littérature française des deux derniers siècles est restée fort inférieure à toutes les littératures anciennes et modernes dans trois autres genres, et fort heureusement pour les poètes du siècle actuel, ces genres sont: l'*Epique,* le *Lyrique* et l'*Elégiaque,* c'est-à-dire, ce qu'il y a de plus élevé dans la poésie, si ce n'est pas la poésie même. Franchement, quelques strophes de Malherbe, très-belles de formes et de strophes, quelques odes aussi harmonieuses, mais moins poétiques de J. B. Rousseau, et à la fin du dix-huitième siècle quelques grands lambeaux lyriques de Lebrun, remarquables par l'éclat et l'élégance, mais glacés de mythologie, de faux sublime et de vieilles périphrases; d'un autre côté les Elégies exclusivement érotiques de Bertin et de Parny, où l'on trouve sans doute de la molesse, de grâce, de la volupté, de la passion même, mais tout cela dans les proportions du *boudoir*... telles étaient les richesses lyriques et élégiaques de nos dévanciers, et malgré tout l'esprit et le talent qu'on doit reconnaître aux auteurs dont nous venons de parler, on sentait que l'Ode inspirée et la grande Elégie n'avaient pas eu leurs poètes, comme l'Epitre, la Satyre, la Fable. Quant à l'Epopée, la *Henriade* de Voltaire

lib.pushkinskijdom.ru

est venue faire prendre à la France sa place épique bien loin derrière toutes les autres nations: car ce sont précisement la conception et le ton épiques qui manquent à cette épopée, même dans les passages les plus justement cités par les rhétoriques de collège...

„Le *Lyrique, l'Elégiaque* et *l'Epique* étant les parties faibles de notre ancienne poésie, comme nous l'avons déjà observé, *c'est donc, de ce côté que devait se porter la vie de la poésie actuelle*[1]). Aussi, M. Victor Hugo s'est-il révélé dans l'Ode, M. de Lamartine dans l'Elégie, et M. Alfred de Vigny dans le Poème..." (*Emile Deschamps.* Etudes françaises et étrangères. Paris, 1828, pp. IX—X, XII: Préface)[2]).

— (*№ 71, стр. 218, строка 32 — стр. 219, строка 11, и стр. 644*[2]). Представленіе о риемѣ, какъ основѣ старофранцузской поэзіи, по справедливому замѣчанію Б. В. Томашевскаго, „ведетъ начало отъ Буало" („Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 48. — Ср. цитату изъ „Art poétique" на стр. 646[2]).

— (*№ 71, стр. 219, строка 22 — стр. 220, строка 4, и стр. 644*[2]). Семь лѣтъ спустя послѣ Пушкина Н. А. Полевой въ одной изъ своихъ статей развивалъ мысль поэта о значеніи татарскаго нашествія: „Явились послѣдніе варвары азійскіе, *Монголы*... Переходъ черезъ степи и лѣса до Европы утомлялъ ихъ; они засѣли на берегахъ приволжскихъ, оставляя бѣднымъ Руссамъ въ лѣсахъ ихъ жизнь за рабство. Руссы покорились... Страданія ихъ казались безконечны, но ими искупала Русская земля Европу, а — Европа не знала Россіи" (*Русскій Вѣстникъ*, 1841 г., т. I, книга 1-ая, стр. 122—123: „Европа, Россія и Петръ Великій").

---

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

2) Ср. сборникъ „Пушкин в мировой литературе". Л. 1926 г., стр. 46—47, 251—252.

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 71, стр. 221, строка 30 — стр. 222, строка 3, и стр. 646*[2]*—647*[2]). Подобно Буало, Пушкинъ начинаетъ исторію французской поэзіи съ Вильона, съ которымъ ознакомился по книгѣ Сентъ-Бева: „Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au seizième siècle. Paris, 1828". Въ этомъ трудѣ напечатаны три баллады Вильона, а о немъ самомъ сказано: „voilà Villon qui mène tout d'abord les muses au *cabaret*[1]) et presque à la *potence*"[2]) („Tableau", p. 13). Эти слова Сентъ-Бева повторены въ черновомъ наброскѣ Пушкина: „Вильонъ воспѣвалъ въ площадныхъ куплетахъ *кабаки*[1]) и *висилицу*"[2]) (Настоящій томъ, стр. 629[2]).

— (*№ 71, стр. 222, строки 25—37, и стр. 651*[2]). Отношенія Пушкина къ „школѣ нашихъ Славяно-руссовъ" выяснены въ сборникѣ „Пушкин в мировой литературе", стр. 49, 51, 244—286.

— (*№ 71, стр. 222, строки 27—28, и стр. 651*[2]). Во главѣ „французской плеяды" стояли Ронсаръ и Дюбеллэ, Жодель игралъ меньшую роль, и потому ставить его — по пушкинскому выраженію — на одну доску съ Ронсаромъ было не вполнѣ правильно.

— (*№ 71, стр. 222, строка 30 — стр. 223, строка 14, и стр. 651*[2]). Отношеніе Пушкина къ Малербу сходно съ отношеніемъ къ Ломоносову: оба заботились по преимуществу объ „усовершенствованіи стиха", о „наружныхъ формахъ слова" — и оба были скоро забыты. Ср. № 10, стр. 19, строки 5—24.

— (*№ 71, стр. 223, строка 11, и стр. 651*[2]). „Такова участь" — обычное въ пушкинской прозѣ выраженіе (Ср. № 21, стр. 43, строка 14, и № 58, стр. 137, строка 12).

— (*№ 71, стр. 223, строки 23—25, и стр. 651*[2]). „Стихотворцы, заключающіе періодъ старинной Француз-

1) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).
2) Курсивъ нашъ (*Н. К.*).

lib.pushkinskijdom.ru

ской поэзіи", названы несчастными подъ вліяніемъ отзывовъ Буало о F. Colletet (1628—1680) и M. A. de Saint-Amant (1594—1661):

«Tandis que Colletet, crotté jusqu'à l'échine,
S'en va chercher son pain de cuisine en cuisine,
Savant en ce métier, si cher aux beaux esprits,
Dont Montmaur autrefois fit leçon dans Paris.
. . . . . .
Il (Saint-Amant) en revint couvert de honte et de risée;
Et la fièvre au retour, terminant son destin,
Fit par avance en lui ce qu'aurait fait la faim»[1]).

(Satire I: «Le départ du poète»).

— (*№ 71, стр. 656*[2]). Вмѣсто: „La Pucelle" (1762 г.), слѣдуетъ читать: „La Henriade" (1728).

— (*№ 74 а, стр. 235 и стр. 686*[2]). Къ пушкинскимъ статьямъ, помѣщеннымъ въ *Современникѣ*, должна быть присоединена и программа этого журнала, составленная поэтомъ. Эта программа сохранилась въ дѣлѣ С.-Петербургскаго Цензурнаго Комитета 1836 г., № 72, находящемся въ Ленинградскомъ Отдѣленіи Центрархива, и впервые напечатана въ *Литературномъ Музеумѣ*, в. I, стр. 5.

[Программа „Современника"].

„Журналъ подъ названіемъ Современникъ выходитъ каждые три мѣсяца по одному тому.

Въ немъ будутъ помѣщаться стихотворенія всякаго роду, повѣсти, статьи о нравахъ, и тому подобные; (ори-

1) Отзывъ о Saint-Amant не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ср. „Пушкин в мировой литературе", стр. 52.

lib.pushkinskijdom.ru

гинальныя и переводныя) критики замѣчательныхъ книгъ русскихъ и иностранныхъ; наконецъ статьи, касающіяся вообще искусствъ и наукъ.

Цѣна за годовое изданіе 25 р. асс. съ пересылкою 30 р. асс.

А. Пушкинъ".

Программа *Современника* была заслушана въ засѣданіи Цензурнаго Комитета 10-го марта 1836 г.

— (*№ 75, стр. 235—253 и стр. 686*[2]). Первая оцѣнка статьи Пушкина о Георгіи Конискомъ сдѣлана Ѳ. В. Булгаринымъ, указавшимъ, что она „дѣльная по содержанію, но слишкомъ не полная" (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 129, стр. 516). Въ началѣ текущаго столѣтія статья привлекла вниманіе А. С. Грушевскаго, который отмѣчаетъ вліяніе „Исторіи Руссовъ" на „обрисовку" въ поэмѣ „Полтава" „автономныхъ стремленій среди украинской интеллигенціи того далекаго времени" и справедливость сужденій Пушкина о писательскомъ талантѣ и дворянскомъ міросозерцаніи псевдо-Конискаго: „...связь взглядовъ автора „Исторіи Руссовъ" съ воззрѣніями украинскаго шляхетства мѣстами очень ясна. Съ другой стороны, на воззрѣніяхъ „Исторіи Руссовъ" лежитъ отпечатокъ либеральныхъ вѣяній XVIII в." (*Извѣстія Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности Академіи Наукъ,* 1908 г., т. XIII, кн. 1-ая, стр. 397, 418, 426: „Къ характеристикѣ взглядовъ „Исторіи Руссовъ").

— (*№ 76, стр. 253 и стр. 696*[2]). Ѳ. В. Булгаринъ довольно рѣзко отозвался о первомъ томѣ *Современника,* и изо всѣхъ статей, въ немъ помѣщенныхъ, похвалилъ только одну, принадлежащую Султану Казы-Гирею: „Для ума нѣтъ ничего новаго; для сердца есть одна статья:

---

1) Въ оригиналѣ: Ажигутай.

lib.pushkinskijdom.ru

Долина Ажитугай. Въ ней есть поэзія, есть мысли, есть чувство, есть *новое*... Прочія статьи *пришиты для балласта* къ статьѣ *Долина Ажитугай,* ибо она одна составляетъ литературное достоинство первой книжки Современника" (*Сѣверная Пчела,* 1836 г., № 129, стр. 516).

— (*№ 80, стр. 274, строки 17—20, и стр. 267*[2]). Въ библіотекѣ А. Ѳ. Онѣгина нашелся экземпляръ брошюры: „Засѣданіе въ Россійской Академіи 18 января 1836 г.", съ карандашными помѣтками Пушкина. На страницѣ 27-ой отчеркнуты слѣдующія строки изъ статьи В. А. Полѣнова объ И. И. Лепехинѣ: „О происхожденіи его (Лепехина) не льзя сказать ничего достовѣрнаго. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ можно полагать, что отецъ его служилъ въ Гвардіи въ нижнихъ чинахъ. Годъ его рожденія также неизвѣстенъ. Думаютъ, что онъ родился около 1740 года". Противъ этихъ строкъ на поляхъ брошюры рукою Пушкина написано: „Вздоръ".

— (*№ 81, стр. 275—276 и стр. 770—771*[2]). Въ *Revue Britannique,* 1836, tome II, pp. 240—242, помѣщена небольшая статья о „Discours de réception de Scribe", вѣроятно, извѣстная Пушкину, который читалъ упомянутый журналъ (*Пушкинъ и его современники,* вв. IX—X, стр. 368—369, №№ 1514—1516).

— (*№ 85, стр. 304, строки 16—17, и стр. 795*). Въ заглавіи статьи сохранена опечатка, допущенная въ *Современникѣ:* напечатано „М. А. Лобанова" вм. „М. Е. Лобанова".

— (*№ 85, стр. 305—313, и стр. 801*[2]). Въ экземплярѣ журнала *Современникъ,* принадлежащемъ Пушкинскому Дому, на поляхъ статьи Пушкина о М. Е. Лобановѣ сохранились карандашныя записи, сдѣланныя неизвѣстной рукой и, можетъ быть, современныя поэту. Отчеркнутыя мѣста изъ „Мнѣнія" Лобанова сопровождаются одобрительными, даже похвальными отзывами: „Правда! Истина.

lib.pushkinskijdom.ru

Именно"... Отчеркнутыя строки изъ статьи Пушкина снабжены крайне несочувственными, порою ироническими замѣчаніями: „Исключеніе. Вздоръ. Почему? То-то и бѣда! Въ самомъ дѣлѣ?!! Очень милостиво. Вранье (?!)".

— (*№ 85, стр. 305—306 и стр. 801*[2]). Послѣ іюльской революціи въ Главномъ Управленіи Цензуры усилилось гоненіе на новѣйшіе французскіе романы. „Содержа въ себѣ предпочтительно изображенія слабой стороны человѣческой натуры, нравственнаго безобразія, необузданности страстей, сильныхъ пороковъ и преступленій, эти романы" — по словамъ С. С. Уварова — „не иначе должны дѣйствовать на читателей, какъ ко вреду моральнаго чувства и религіозныхъ понятій". Вслѣдствіе этого, Уваровъ признавалъ необходимымъ „принять мѣры къ положенію преградъ распространенію между народомъ вкуса къ чтенію этого рода" и „не одобрять къ напечатанію переводы тѣхъ изъ новѣйшихъ французскихъ романовъ, которые производятъ вредное общее впечатлѣніе на читателей" (Циркуляры отъ 27-го іюня 1831 г.) [*Русская Старина,* 1903 г., т. CXIII, № 3, стр. 572]. Нѣтъ сомнѣнія, что академикъ Лобановъ былъ единомышленникомъ товарища министра Уварова.

— (*№ 85, стр. 308, строки 23—25 и стр. 803*[2]). Къ „стариннымъ риторамъ", проповѣдывавшимъ пользу, какъ „условіе и цѣль изящной словесности", могутъ быть причислены Буало и, особенно, Готшедъ (Настоящій томъ, ч. II, стр. 383[2]).

— (*№ 85, стр. 308, строка 29 — стр. 309, строка 25 и стр. 803*[2]). Новооткрытыя письма Пушкина къ Е. М. Хитрово содержатъ сочувственные отзывы о французскомъ „ужасномъ" романѣ и о нѣкоторыхъ представителяхъ „неистовой школы". Противорѣчіе этихъ отзывовъ съ сужденіями поэта, высказанными въ *Современникѣ,*

lib.pushkinskijdom.ru

объясняется тогдашними цензурными условіями и полемическимъ тономъ статьи, направленной противъ М. Е. Лобанова, достойнаго сподвижника С. С. Уварова и А. С. Стурдзы, зорко слѣдившихъ за французскими литературными новинками и за отношеніемъ къ нимъ нашей періодической печати. При томъ, и одобрительные отзывы Пушкина выражаются болѣе въ признаніи талантовъ и дарованій авторовъ[1]) и значительности *для даннаго момента* ихъ произведеній[2]), чѣмъ въ безусловномъ одобреніи формы и содержанія послѣднихъ. Несочувствіе Пушкина къ экзотической рамкѣ описаній, заслонившихъ фабулу, и къ невѣроятнымъ эпизодамъ, предпочтеніе, отдаваемое имъ будничному современному городскому быту, а также проскальзывающая у Жанена пародія на Виктора Гюго могли вліять на оцѣнку жаненовской школы въ письмахъ и запискахъ поэта.

— (*№ 85, стр. 309, строки 14—16 и стр. 804*[2]). Въ черновыхъ наброскахъ статьи: „О русской литературѣ, съ очеркомъ французской", Пушкинъ связываетъ начало французскаго вліянія на русскую литературу съ появленіемъ сатиръ Кантемира: „Рождалась новая Словесность, отголосокъ общества — Сынъ Молдавск‹аго› Господаря юноша, обрусѣвшій въ русской акаде‹міи› и въ Петровы‹хъ› походахъ, въ Парижѣ перекладывалъ стихи придв‹орнаго› философа Горація [въ метры Польскіе] и писалъ сатиры по образцу данному придворнымъ поэтомъ Люд‹о›вика XIV" (ср. стр. 624—625[2]).

— (*№ 85, стр. 309, строка 24 и стр. 804—805*[2]). Въ письмѣ къ Е. М. Хитрово (1832 г.). Пушкинъ гово-

1) „Il y a du vrai talent dans tout cela" (о Burat de Gurgy), „son roman a du génie" (объ A. Karr'ѣ), „j'y vois plus de talent que dans le *dernier jour* où il y en a beaucoup" (о J. Janin'ѣ) [„Письма Пушкина къ Е. М. Хитрово". Л. 1927 г., стр. 30, 32. — Переписка, т. II, стр. 143].

2) „C'est un des ouvrages les plus marquants du moment" (Переписка, т. II, стр. 143).

lib.pushkinskijdom.ru

ритъ объ изысканности Бальзака (ср. № 73, стр. 233, строка 16).

— (*№ 85, стр. 309—310 и стр. 805*[2]). Въ Онѣгинскомъ экземплярѣ брошюры о засѣданіи Россійской Академіи приведенная Пушкинымъ цитата изъ рѣчи М. Е. Лобанова („Останавливаясь на духѣ“ и т. д.) отчеркнута на поляхъ карандашомъ. Слова: „въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей“, — подчеркнуты и противъ нихъ поставленъ вопросительный знакъ.

— (*№ 85, стр. 311, строки 6—10 и стр. 805*[2]). Въ январѣ 1826 г., Е. А. Боратынскій, посылая Пушкину альманахъ *Уранія*, откровенно высказалъ свой взглядъ на московскихъ послѣдователей германской философіи: „Посылаю тебѣ Уранію, милый Пушкинъ! невелико сокровище; но блаженъ, кто и малымъ доволенъ. Намъ очень нужна философія; однакожъ позволь тебѣ указать на піесу подъ заглавіемъ: Я есмь[1]). Сочинитель мальчикъ лѣтъ восемьнадцати и, кажется, подаетъ надежду. Слогъ не всегда точенъ, но есть поэзія, особенно сначала. На концѣ метафизика, слишкомъ темная для стиховъ. Надо тебѣ сказать, что московская молодежь помѣшана на трансцендентальной философіи. Не знаю, хорошо-ли это, или худо: я не читалъ Канта и, признаюсь, не слишкомъ понимаю новѣйшихъ эстетиковъ. Галичъ выдалъ піитику на нѣмецкій ладъ[2]). Въ ней поновлены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начало ея мнѣ кажется

---

1) *Уранія* на 1826 г., стр. 64—67: „Я есмь“, стихотвореніе С. П. Шевырева.

2) „Опытъ науки изящнаго“. СПб. 1825 г.

lib.pushkinskijdom.ru

можно опровергнуть философически" (Переписка, т. I, стр. 316—317).

„Это письмо", съ точки зрѣнія А. И. Кирпичникова, „любопытно не только потому, что оно рекомендуетъ Пушкину стихотвореніе юнаго Шевырева „Я есмь", чтеніемъ отрывка изъ котораго Пушкинъ наградилъ будущаго профессора, какъ „самымъ дорогимъ орденомъ" (*Л. Н. Майковъ.* Пушкинъ. СПб. 1899 г., стр. 329—330), но и потому, что мнѣніе, высказанное въ немъ Боратынскимъ о московскихъ трансцендентальныхъ эстетикахъ, повидимому, было подтверждено личнымъ знакомствомъ съ ними Пушкина, и навсегда осталось его мнѣніемъ. Оттого Пушкинъ одновременно и „декламировалъ противъ философіи" (по выраженію Погодина), и считалъ ея поклонниковъ людьми развитыми и порядочными, съ которыми пріятно и полезно имѣть общеніе" (*Русская Старина,* 1899 г., т. XCVIII, № 5, стр. 331—332).

— (*№ 86, стр. 317, строка 21 и стр. 810*[2]). Имя Фрерона было хорошо извѣстно русскимъ литераторамъ пушкинской эпохи и не рѣдко попадалось въ перепискѣ и на страницахъ журналовъ. „Фреронъ", говоритъ П. А. Вяземскій: „не отъ того прибилъ имя свое къ позорному столпу въ литературѣ, что былъ критикомъ безжалостнымъ; но отъ того, что былъ критикомъ безчестнымъ" (*Дамскій Журналъ,* 1824 г., ч. VI, № 8, стр. 69).

— (*№ 87, стр. 325, строка 15 и стр. 818*[2]). Въ посланіи Gresset, сохранена опечатка оригинала вмѣсто „Mechanter pleureur insipide", слѣдуетъ читать: „Me chanter, pleureur insipide".

— (*№ 87, стр. 325—326 и стр. 818*[2]). О Пушкинѣ и Овидіи см. статью Д. П. Якубовича: „К стихотворению „Таится пещера" („Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова". М.-П. 1923 г., стр. 282—294).

lib.pushkinskijdom.ru

— (*№ 88, стр. 336, строки 15—16 и стр. 823*[2]). Слова: „Шатобріанъ и Куперъ оба представили намъ Индійцевъ съ ихъ поэтической стороны", — напоминаютъ замѣчаніе Гизо: „M. Cooper... se laisse aller à présenter toutes choses sous leur aspect poétique" (*F.-P. Guizot.* Histoire de la civilisation française. Paris, 1829, t. I, p. 284: Septième leçon).

— (*№ 89, стр. 371—373 и стр. 826*[2]). Переводъ книги Сильвіо Пеллико „О должностяхъ человѣка", сдѣланный Н. Хрусталевымъ и вышедшій въ Одессѣ (1835 г.), вызвалъ рецензію въ *Молвѣ*, 1836 г., ч. XI, стр. 94.

— (*№ 100, стр. 392—395 и стр. 864*[2]). Тщательныя изысканія выяснили, что въ собраніяхъ сочиненій Вольтера письма къ Дюлису нѣтъ и что французскіе ученые (D. Mornet, F. Baldensperger) ничего не знаютъ о существованіи переписки философа съ потомкомъ Іоанны Даркъ; нѣтъ упоминанія о перепискѣ и въ капитальномъ трудѣ Bengesco (*Voltaire.* Bibliographie de ses oeuvres); въ числѣ корреспондентовъ Вольтера Дюлисъ не значится; родного брата Луки у Іоанны Даркъ не было; ея крестьянское родовое имя не писалось съ апострофомъ D'Arc (слѣдуетъ Darc) и къ дворянской фамиліи Du Lis никогда не присоединялось (D'Arc Dulys); наконецъ, самый родъ Дюлисовъ, повидимому, прекратился въ половинѣ XVII в., и, слѣдовательно, едва ли его представитель могъ быть, современникомъ Вольтера. При чтеніи пушкинскаго автографа статьи о Дюлисѣ невольно бросаются въ глаза выходящія за предѣлы стиля измѣненія въ бѣловомъ текстѣ, указывающія на творческую работу (ср. № 100, стр. 864—865[2]), и идейное совпаденіе цитаты изъ *Morning Chronicle* съ извѣстнымъ отрывкомъ, посвященнымъ Вольтеру въ очеркѣ о русской и французской литературѣ (№ 71, стр. 225—226). Отзывы Пушкина о Вольтерѣ, какъ „достойномъ представителѣ своего [*антипоэтическаго*]

lib.pushkinskijdom.ru

народа", и о его поэмѣ, гдѣ презрѣніе ко всему священному „доведено до послѣдней степени *кинизма*", — всецѣло совпадаютъ съ подобными же отзывами въ оригинальныхъ пушкинскихъ статьяхъ; а выраженіе „подвигъ честнаго человѣка" въ примѣненіи къ поэмѣ Соути напоминаетъ соотвѣтствующія строки объ „Исторіи Государства Россійскаго" (№ 100, строки 12, 19, 25—27, и № 20, стр. 42, стр. 26—27; № 64, стр. 163, строки 11—12; № 71, стр. 226, строка 9).

Возникающія сомнѣнія въ подлинности приводимыхъ Пушкинымъ документовъ вполнѣ разъясняются записью А. И. Тургенева въ его дневникѣ подъ 9-мъ января 1837 г.: „Я зашелъ къ Пушкину; онъ читалъ мнѣ *свой pastiche* на Вольтера и на потомка Jeanne d'Arc" (*П. Е. Щеголев.* Дуэль и смерть Пушкина. М.-Л. 1928 г., стр. 285).

Пушкинъ, ссылавшійся на несуществующаго Ченстона, создавшій записку Сталь къ Полинѣ (*Современникъ* 1836 г., т. III, стр. 203), интересовавшійся Оссіаномъ и монахомъ Rowley (Чаттертонъ), — измышляя отреченіе Вольтера отъ „циничной поэмы", — быть можетъ вспоминалъ свое отреченіе отъ „Гавріиліады"[1]).

ДАТЫ МЕЛКИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

— (*№ 102, стр. 398—405 и стр. 871—872*[2]).

1820-ые годы.

Не суйся середа прежде четверга... (Собраніе Л. Н. Майкова, проза, № 12).

---

1) Нѣкоторыя соображенія по поводу статьи Пушкина были сообщены редактору Б. В. Томашевскимъ и Н. О. Лернеромъ.

lib.pushkinskijdom.ru

1822—1823 гг.

Только Революціонная голова, подобная Мир‹овичу› и Пест‹елю›... (Бывшій Румянцовскій Музей, тетрадь № 2366, л. 39 об.).

1827—1828 гг.

Кс. [находитъ] какое-то сочи[неніе] глупымъ... (Р. М. № 2368, л. 30).

Проза кн‹язя› В‹яземскаго› чрезвычайно жива... (Р. М. № 2368, л. 30).

Повторенное острое слово становится глупостью... (Р. М. № 2368, л. 31).

Браните мущинъ вообще... (Р. М. № 2367, л. 46 об.).

Одна изъ причинъ жадности... (Р. М. № 2367, л. 47).

У насъ употребляютъ прозу, какъ стихотворство... (Собраніе Л. Н. Майкова, проза, № 6).

1827—1829 гг.

Ne pas admettre l'existance de Dieu... (Гос. Публ. Библіотека: Отрывки изъ Путешествія Онѣгина).

Въ мигъ когда любовь изчезаетъ [въ душѣ] нашей... (Гос. Публ. Библіотека: Отрывки изъ Путешествія Онѣгина).

1829—1830 гг.

Литература у насъ существуетъ — но критики еще нѣтъ — (Р. М. № 2382, л. 102).

1830-ые годы.

Критикою у насъ большею частію занимаются журналисты... (Собраніе А. Ѳ. Онѣгина, № 1. — Бумага съ водянымъ знакомъ: 1829).

Будемъ справедливы: Г-на Пол‹еваго› нельзя упрекнуть... (Р. М. № 2387 А, л. 15).

lib.pushkinskijdom.ru

Уваженіе къ минувшему вотъ черта отличающая образованность отъ дикости... (Собр. Л. Н. Майкова. Проза, № 14).

Д‹ельвигъ› говаривалъ что самою полною сатирою... (Р. М. № 2372, л. 59 об.).

Грамматика не предписываетъ законовъ языку (Р. М. № 2372, л. 59 об.).

Divide et impera... (Р. М. № 2377 В, л. 3. — Бумага съ водянымъ знакомъ: 1830).

Езуитъ Пос‹се›винъ... (Р. М. № 2377 В, л. 4).

Человѣкъ по природѣ своей... (Р. М. № 2377 В, л. 5).

Глупость осужденія... (Р. М. № 2377 В, л. 5 об.).

Форма цыфровъ арабскихъ... (Р. М. № 2377 В, л. 6. — Бумага съ водянымъ знакомъ: 1834).

Отелло отъ природы не ревнивъ... (Р. М. № 2377 В, л. 7. — Бумага съ вод. зн.: 18...).

Дельвигъ не любилъ поэзіи мистической... (Р. М. № 2377 В, л. 17).

Одна дама сказывала мнѣ... (Р. М. № 2377 В, лл. 30, 30 об. — № 2382, лл. 70, 69 об.).

Гете имѣлъ большое вліяніе на Байрона... (Р. М. № 2377 В, л. 31; № 2382, л. 24).

Многіе негодуютъ на журнальную критику... (Р. М. № 2377 В, лл. 32, 32 об.).

Какой то Лордъ, извѣстный лѣнивецъ... (Р. М. № 2377 В, лл. 69. — Бумага съ вод. зн.: 18...).

Множество словъ и выраженій... (Собр. Л. Н. Майкова, Проза, № 30).

Буквы, составляющія Славенскую Азбуку... (Р. М. № 2377 А, л. 19).

— (*№ 102, стр. 401, строки 17—24, и стр. 879—880*[2]). Іезуитъ Поссевинъ упоминается въ хорошо извѣстной Пушкину книгѣ П. Л. Женгенэ „Histoire littéraire d'Italie“ (Paris, 1819, t. VIII, pp. 73—74, 78): „Le jésuite italien

lib.pushkinskijdom.ru

Possevino écrivit plus violemment encore à Rome en 1592, et contre Machiavel lui-même, et ce qui est singulier, contre l'auteur de l'Anti-Machiavel. Il était d'autant plus à l'aise pour cela qu'il ne les avait lus, dit-on, ni l'un ni l'autre".

— (№ 3 bis, стр. 420, строки 11—12, и стр. 894[2]). Разсказъ о собакѣ Алкивіада находится въ „Плутарховыхъ сравнительныхъ жизнеописаніяхъ славныхъ мужей" (Пер. съ греч. С. Дестуниса. СПб. 1815 г., ч. III, стр. 202).

---

lib.pushkinskijdom.ru

Приложенія.

1.

ОПЫТЫ БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЕ[1]).

Походъ 1711.
S‹eingal›t Kaz‹anova›.
Путеш‹ествіе› В. Л. ‹Пушкина› (Дм‹итріева›).
Календарь.
Путеш‹ествіе› Рад‹ищева›.
Собраніе Р‹усскихъ› пѣсенъ.
Тредьяк‹овскій›.
О Пугач‹евѣ›.
Сказки.
Р‹усскія› шутки.
О Ван‹ькѣ› Каинѣ.
L'Abbé Chappe.
Antidote.
О легчайш‹емъ› способѣ ‹возражать на критики›[2]) Дашк‹ова›.
О пословицахъ.
О Hist‹oires› tragiques.
Aventuriers etc.

---

1) Замѣтка Пушкина изъ собранія А. Ѳ. Онѣгина (см. „Неизданный Пушкинъ". П. 1922 г., стр. 209).

2) Въ рукописи: etc.

lib.pushkinskijdom.ru

О Библ‹іотекѣ› Новик‹ова›.

О Путеш‹ествіи› Арт‹иллериста› Ар.[1]).

О М‹émoires de› S‹anson›.

2.

СПИСОКЪ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ, ПРИПИСЫВАЕМЫХЪ ПУШКИНУ[2]).

1. „Когда Макферсонъ издалъ Стихотворенія Оссіана“... (*Литературная Газета* 1830 г., т. I, № 5, стр. 40)[3]).

2. „*Литературныя Новости.* Января 15 вышелъ здѣсь 1-й № Польской газеты“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 6, стр. 48)[4]).

3. „Сен-Марсъ, или заговоръ при Людовикѣ XIII“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 7, стр. 53)[5]).

4. „*Письмо къ Издателю Литературной Газеты и его Сотрудникамъ*“ (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 7, стр. 55—56)[6]).

5. „Кажется, Русскимъ любителямъ чтенія скоро не будетъ болѣе причины“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 11, стр. 90)[7]).

---

1) Слѣдуетъ читать „И. Р.“ См. *Н. В. Гоголь.* Сочиненія. СПб. 1893 г., т. I, стр. 467, и *Современникъ*, 1836 г., т. I, стр. 304.

2) Въ спискѣ опущены статьи, съ наибольшей убѣдительностью приписываемыя Пушкину и напечатанныя подъ №№ 2—5 bis (стр. 418—435), а также нѣкоторыя замѣтки, принадлежность которыхъ другимъ авторамъ (напр. А. А. Дельвигу) въ настоящее время можетъ быть точно установлена.

3) *Н. О. Лернеръ.* Новооткрытыя страницы Пушкина (*Сѣверныя Записки*, 1913 г., № 2, стр. 31—32).

4) *Б. В. Томашевский.* Пушкин. Л. 1925 г., стр. 122.

5) Тамъ же, стр. 122—123.

6) Тамъ же, стр. 123.

7) Тамъ же, стр. 123.

lib.pushkinskijdom.ru

6. „Невскій Альманахъ на 1830 годъ“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 12, стр. 96)[1]).

7. „Кто-то замѣтилъ, что Рускія шутки“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 18, стр. 146)[2]).

8. „Въ 39-мъ № *Сѣверной Пчелы* помѣщено окончаніе статьи“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 20, стр. 161)[3]).

9. „Всѣ благоразумные люди предвидѣли“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 23, стр. 186)[4]).

10. „Мнѣ всѣ совѣтуютъ“, говорилъ однажды Л. Байронъ“... (*Л. Г.* 1830 г., т. I, № 24, стр. 193)[5]).

11. „Собраніе насѣкомыхъ, стихотвореніе А. С. Пушкина“ (*Л. Г.* 1830 г., т. II, № 43, стр. 56)[6]).

12. „Въ нынѣшнемъ году *Сѣверная Пчела*“... (*Л. Г.* 1830 г., т. II, № 45, стр. 72)[7]).

13. „Въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на 1830 годъ (ч. VI, стр. 146) напечатано письмо“... (*Л. Г.* 1831 г., т. III, № 18, стр. 148)[8]).

14. „Издатель Телеграфа въ Журналѣ семъ на 1831 годъ“... (Л. Г. 1831 г., т. III, № 27, стр. 221—222)[9]).

15. „Пять стихотвореній Барона Дельвига“ (*Сѣверные Цвѣты* на 1832 г., Поэзія, стр. 3—4)[10]).

---

1) *Б. В. Томашевский.* Пушкин. Л. 1925 г., стр. 123.

2) *Н. О. Лернеръ.* Новооткрытыя страницы Пушкина (*Пушкинъ и его современники*, в. XII, стр. 129—130).

3) Тамъ же (*П. и его совр.*, в. XII, стр. 131—133).

4) Тамъ же (*П. и его совр.*, в. XII, стр. 133).

5) *Н. О. Лернеръ.* Новооткрытыя страницы Пушкина (*Сѣверныя Записки*, 1913 г., № 2, стр. 32—33).

6) *Н. О. Лернеръ.* Новооткрытыя страницы Пушкина (*П. и его совр.*, в. XII, стр. 135—137).

7) Тамъ же (*П. и его совр.*, в. XII, стр. 137—141).

8) *Б. В. Томашевский.* Пушкин. Л. 1925 г., стр. 124.

9) Тамъ же, стр. 124—126.

10) *М. Л. Гофманъ.* Отзывъ Пушкина о „Карелiи“ Ѳ. Н. Глинки (*П. и его совр.*, в. XXIII—XXIV, стр. 21).

lib.pushkinskijdom.ru

16. „Исторія среднихъ вѣковъ, составленная Берлинскимъ профессоромъ Циммерманомъ“ (*Современникъ*, 1836 г., т. I, стр. 302)[1]).

17. „Вотъ книги, вышедшія“... (*Современникъ*, 1836 г., т. I, стр. 318—319)[2]).

18. „Нѣсколько словъ о Современникѣ“ (*Сѣверная Пчела*, 1836 г., № 86, стр. 341—344)[3]).

---

1) *Н. О. Лернеръ.* Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. VI, стр. 221).

2) Тамъ же (*Пушкинъ*. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона, т. VI, стр. 220).

3) *П. Н. Столпянскій.* Пушкинъ и Сѣверная Пчела (*Пушкинъ и его современники*, вв. XIX—XX, стр. 179—190).

lib.pushkinskijdom.ru

Указатели

РУКОПИСИ ПУШКИНА, УПОМИНАЕМЫЯ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.[1]

I. Хранящіяся въ Всесоюзной Публичной Библіотекѣ:
5—6, 443, 863—865, 871, 873, 983.

II. Хранящіяся въ Всесоюзной Публичной Библіотекѣ им. В. И. Ленина (б. Румянцовскомъ Музеѣ):

№ 2366 — 17—18, 871, 982.
№ 2367 — 52, 76—78, 82, 99, 395, 871, 931, 983.
№ 2368 — 54, 61, 72, 82, 871, 982—983.
№ 2369 — 20—21, 82.
№ 2370 — 495.
№ 2371 — 903.
№ 2372 — 871, 902, 983.
№ 2373 — 278, 492.
№ 2374 — 471.
№ 2377А — 508, 511, 513, 515—517, 520—522, 525, 871, 874, 984.
№ 2377В — 79, 579, 871, 874, 983—984.
№ 2382 — 79, 129, 135, 147, 153, 156, 166, 169, 194, 197, 205, 209, 219, 278, 284, 286, 327, 614—615, 617, 683, 871, 874, 910, 945, 983—984.
№ 2384 — 14, 482, 508, 511—512, 518, 523—524, 526—529, 531—538, 546, 560, 576, 614—615, 618—619, 621, 627, 632—636, 724.
№ 2385А — 508, 510—511, 966.
№ 2385Б — 508—509, 511—517, 520, 522—527, 529—531, 536—537, 576, 966—967.
№ 2385В — 710—715.
№ 2386А — 581, 760, 863—865.
№ 2386Б — 508, 511, 661, 667, 724, 795.
№ 2386В — 532—535, 806, 813.
№ 2386Г — 586.
№ 2387 — 395.
№ 2387А — 270, 286, 322, 327, 336, 871, 983.
№ 2387Б — 178, 263, 270, 286, 350—352, 471, 614, 710, 867, 870.
№ 2387В — 33, 471, 614—615, 618—619, 627, 630—632, 673.
№ 3266 — 3, 52.

---

[1] Указатель къ IX тому составленъ М. К. Клеманомъ.

lib.pushkinskijdom.ru

III. Хранящіяся въ Академіи Наукъ:

а) въ Библіотекѣ, Пушкинскомъ Отдѣлѣ имени Л. Н. Майкова — 12, 15, 59, 76—77, 82, 111, 133, 145, 178, 180, 284, 339—341, 347—348, 417, 425, 471, 479, 614—615, 619, 621, 625—627, 631, 633, 636—667, 827, 839, 871, 873, 875, 946, 982—984.

б) въ Рукописномъ Отдѣленіи Пушкинскаго Дома — 61, 964.

в) въ собраніи А. Ѳ. Онѣгина, въ Пушкинскомъ Домѣ — 61, 82, 108, 417, 508, 511, 514—515, 518—520, 614, 617, 846—856, 871, 875, 936, 940, 983, 985.

г) въ собраніи П. Я. Дашкова, въ Пушкинскомъ Домѣ — 838.

д) въ собраніи И. А. Шляпкина, въ Пушкинскомъ Домѣ — 46, 614, 616.

е) въ бумагахъ Л. Ѳ. Пантелеева, въ Пушкинскомъ Домѣ — 710, 712.

IV. Хранящіяся в Центрархивѣ:

въ Остафьевскомъ архивѣ С. Д. Шереметева — 54, 61, 236.
въ архивѣ С. А. Соболевскаго — 101.

V. Хранящаяся у П. Е. Щеголева — 922.

ИЗДАНІЯ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА, НА КОТОРЫЯ СДѢЛАНЫ ССЫЛКИ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

Изданіе 1829 г. — 339.

Стихотворенія Пушкина. 1832, ч. III — 168.

«Поэмы и повѣсти Александра Пушкина» (1835) — 338, 560.

Изданіе посмертное (1838—1841): т. I—416; т. III—718; т. VIII—686, 806, 821; т. XI — 287, 322, 336, 350, 355, 395, 510, 579, 661, 846, 864, 867, 872.

Изданія:

1855—1857 (Анненкова): т. I — 3—4, 25, 27, 27, 46, 51, 54, 59, 66, 76, 82, 134, 153, 166, 174, 284, 286—287, 297, 300, 315, 327, 336, 339—341, 356, 434, 439, 479, 581, 585—586, 615, 667, 696, 706, 785, 828, 835, 838, 840, 872, 875; т. V — 33, 40, 194, 205, 220, 416, 494, 686, 760, 762, 806, 813, 821—822, 825, 827; т. VI — 350, 395, 402, 510, 538, 547, 661—662, 846, 864, 867; т. VII — 135, 178, 198, 236, 261, 465, 711, 719—720, 739, 762, 795, 842, 893—894.

1869—1871 (второе изданіе Геннади): т. V — 510.

1881 (изданіе Исакова): т. V — 510, 910, 950.

1887 (Литературнаго Фонда, ред. Морозова): т. III — 964—965; т. V — 511, 673, 683; т. VII — 684, 709.

1903—1905 (изданіе А. С. Суворина, ред. Ефремова): т. V—488, 618; т. VI—910; VII—487.

1903—1905 (изданіе «Просвѣщенія», ред. Морозова): т. III—488; т. V—489; т. VI—151, 402, 474, 488, 491, 511, 618, 639, 684, 791, 910; т. VIII — 488.

1908—1915 (изданіе Брокгаузъ-Ефрона, ред. Венгерова): т. III — 442; т. IV—478, 481, 548, 575—576, 779, 879, 934, 948, 955, 967; т. V — 300, 335, 343, 346, 482, 486, 489, 585, 618, 645, 650, 684, 843; т. VI — 988.

Академическое изданіе: т. I — 218, 566, 650; т. II — 8, 10, 204, 565, 575, 578, 866; т. III — 10, 570; т. IV — 50, 866.

lib.pushkinskijdom.ru

Переписка Пушкина, изданіе Академіи Наукъ: т. I — 4, 7, 10, 13—15, 17, 20, 22—24, 27, 29, 32—33, 38, 42—44, 47, 66, 68, 72—73, 78, 93, 96, 134, 149, 155, 159, 168, 192, 208, 214—215, 253, 273—274, 281, 283, 298, 304, 312, 338, 358, 363—365, 380—382, 386, 388, 391, 402, 404—405, 413, 421—422, 429, 443, 478, 487, 498—499, 547, 553, 559, 579, 639—640, 643, 645—646, 648—650, 652, 654—655, 659—660, 668—669, 726—728, 798, 805, 811, 876, 886, 894, 898, 908, 912, 916, 929, 940, 942, 944, 964, 979; т. II — 15, 27, 31, 44, 82, 89—90, 95, 109, 121, 139, 149—150, 154, 184—185, 195—196, 202, 208, 214, 222, 224, 236, 243, 249, 298—299, 305, 318, 321, 323, 335, 362—363, 366—367, 376, 378—379, 411, 432, 434, 453—454, 456—457, 466, 475, 481, 486, 488—489, 491, 497, 544, 550, 553, 577, 593, 618, 645, 658, 674, 684, 707, 727—728, 771, 778, 799, 838, 859, 886—889, 899, 902, 908, 915, 949, 951—952, 956, 978; т. III — 47, 376, 429, 483, 544, 547, 550, 556, 558, 563, 592, 596, 612, 644, 684, 686, 688, 695, 703, 705, 708, 709, 716, 726—728, 764, 767, 770—771, 777—778, 783—786, 794, 797, 807, 821, 828, 835, 838, 899.

Письма Пушкина и к Пушкину. Ред. М. А. Цявловского. М. 1925 — 913.

Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л. 1927 — 946, 961, 965—966, 978.

Дневникъ А. С. Пушкина. Труды б. Румянцовскаго Музея. М.-П. 1923 — 708.

Неизданный Пушкинъ. П. 1922 — 614, 936, 985.

Изданія отдѣльныхъ произведеній Пушкина.

Русланъ и Людмила, изданіе 1820 г. — 338.

Полтава, изданіе 1829 г. — 338.

Борисъ Годуновъ, изданіе 1831 г. — 339.

УКАЗАТЕЛЬ УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ ЖУРНАЛОВЪ И СБОРНИКОВЪ, ВЪ КОТОРЫХЪ ПЕЧАТАЛИСЬ ПЕРВОНАЧАЛЬНО СТАТЬИ ПУШКИНА.

«Вѣстникъ Европы», 1880, № 6—270, 287, 471.

«Книжки Недѣли», 1895, декабрь—5.

«Литературная Газета», 1830, т. I—156, 159, 178, 194, 198, 205, 209, 214, 219, 225, 235, 253, 257, 884, 907.

«Литературная Газета», 1830, т. II—261, 890, 893, 897, 901.

«Литературная Газета», 1831, т. III—484.

«Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду», 1833, № 26—494.

«Москвитянинъ», 1842, ч. V, № 10—350.

«Московскій Телеграфъ», 1825, ч. III, № 12—33.

«Московскій Телеграфъ», 1825, ч. V, № 17—40.

«Пушкинъ и его современники», вып. XXIII—XXIV—101.

«Русская Старина», 1884, № 5—17, 76, 99, 395, 872.

«Русская Старина», 1884, № 6—20, 872.

«Русская Старина», 1884, № 7—48.

«Русская Старина», 1884, № 8—278, 492, 872.

«Русская Старина», 1884, № 10—872.

«Русская Старина», 1884, № 11—129, 284, 287, 683, 872.

lib.pushkinskijdom.ru

«Русская Старина», 1884, № 12—673, 872.
«Русскій Архивъ», 1881, кн. III, № 2—471.
«Русскій Архивъ», 1899, вып. II—3.
«Русскій Современникъ», 1924, № 2—939.
«Современникъ», 1836, т. I—686, 694, 696, 706.
«Современникъ», 1836, т. II—760, 769, 780, 785.
«Современникъ», 1836, т. III—791, 795, 806, 813, 821, 825, 827, 828, 830, 832, 909.
«Современникъ», 1836, т. IV—834, 835, 838.
«Современникъ», 1836, т. V—842, 846, 864.
«Современникъ», 1836, т. VI—867.
«Современникъ», 1846, т. 42—417.
«Сынъ Отечества», 1824, № 18—25.
«Сѣверные Цвѣты», 1828—82.
«Сѣверные Цвѣты», 1830—134.
«Телескопъ», 1831, т. IV, № 13—443.
«Телескопъ», 1831, т. IV, № 15—465.

УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ, АЛЬМАНАХОВЪ И ГАЗЕТЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

Annales de la Littérature et des Arts — 194.
Annales de la Littérature et des Arts, 1823 — 154.
Annales des universités de Belgique, 1856 — 881.
Archives littéraires — 583.
Athenæum — 863.
Bibliothèque universelle, 1826 — 641—642.
Bibliothèque universelle des romans, 1777 — 697.
Censeur européen — 567.
Conciliatore — 825.
Concordia, 1820 — 489.
Le Conservateur — 490.
L'Éclair — 779.
Edinburgh Magazine and Review — 440.
Edinburgh Review — 78, 426, 429—431, 433, 801, 892.
Edinburgh Review, 1837 — 863.
The Foreign Quarterly Review, 1837 — 863.
Le Furet — 316.
Le Furet, journal de littérature et des théâtres, 1830 — 327.
Le Globe — 154, 356, 361—362, 486, 641, 906.
Le Globe, 1825 — 486, 640.
Le Globe, 1829 — 434—437, 440, 961—964.
Göttingische Anzeigen von gelehrten Sachen, 1801 — 605.
Journal des Débats — 237, 778.
Journal des Débats, 1830 — 343, 345, 490.
Journal des Débats, 1836 — 779, 862.

lib.pushkinskijdom.ru

Journal des Débats et Décrets — 430.
Journal des Débats politiques et littéraires — 197, 430.
Journal de l'Empire — 430.
Journal des Savants — 857.
Literarisches Zentralblatt, 1913 — 868.
Lycée français, 1819 — 47.
Magazin für ausländische Literatur — 801.
Mercure de France, 1803 — 583.
Le Mercure du XIXe siècle, 1830 — 437—438, 490.
Morning Chronicle, 1836 — 865, 981.
Muse française, 1823 — 47.
Le National — 857.
Quarterly Review — 426, 432—433, 786.
Revue Britannique, 1836 — 976.
Revue de Paris — 868.
Revue des deux Mondes, 1834 — 481.
Revue des Lettres Françaises et Étrangères, 1900 — 641.
Revue des questions historiques, 1913 — 868.
Revue Européenne, 1834 — 489.
Revue Française — 899.
Revue Française, 1830 — 438, 441.
Spectateur du Nord — 943.
Le Temps — 362.
The Times — 197.
Westminster Review — 426.
Zeitschrift für Vergleichende Litteraturgeschichte und Renessance-Litteratur, 1890 — 887.

УКАЗАТЕЛЬ КНИГЪ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

Аксаковъ, С. Біографія М. Н. Загоскина. М. 1853 — 176.
Александровъ. Годъ жизни въ Петербургѣ, или невыгоды третьяго посѣщенія. СПб. 1838 — 784, 836—837.
Анненковъ, П. В. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. СПб. 1874 — 20, 52, 54, 75, 82, 134, 178, 270, 510, 639.
Анненковъ, П. В. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. СПб. 1855 — 304, 356, 365, 377, 379, 417, 910, 925—926, 928.
Анненковъ, П. В. Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. 2-ое изданіе. СПб. 1873 — 348, 405, 424, 457, 498—499, 580, 591, 617, 638—639, 660, 674, 684, 821.
Араповъ, П. Лѣтопись русскаго театра. СПб. 1861 — 5, 9—12.
Арсеньевъ, И. Н. Ф. Павловъ. М. 1865 — 678.
Барсковъ, Я. Л. Переписка московскихъ масоновъ XVIII вѣка. П. 1915 — 738.
Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. IV. СПб. 1891 — 374—375.
Барсуковъ, Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб. 1878—839.
Бартеневъ, П. И. Пушкинъ. М. 1884 — 951.

lib.pushkinskijdom.ru

Батюшковъ, К. Н. Сочиненія. СПб. 1886 — 503, 506.

Бертенсонъ, С. П. А. Катенинъ. СПб. 1909 — 499.

Бильбасовъ, В. А. Исторія Екатерины Второй. Берлинъ. 1896 — 146.

Билярскій, П. С. Матеріалы для біографіи Ломоносова. СПб. 1865 — 147, 554—555, 557—558.

Благой, Д. Классовое самосознание Пушкина. М. 1927 — 965.

Бобровъ, Е. И. Къ біографіи Г. П. Каменева. Варшава. 1905 — 548.

Бобровъ, Е. Философія въ Россіи. Казань. 1900 — 733, 752.

Боратынскій, Е. А. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1914 — 1915—260, 332, 403, 406.

Бутовскій, И. Кавалеристъ-дѣвица, происшествіе въ Россіи, въ 2-хъ частяхъ. СПб. 1836 — 835—838.

Бѣлинскій, В. Г. Письма. СПб. 1914 — 466, 817.

Бѣлинскій, В. Г. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1900 — 1917—466, 510, 660, 675, 678, 683, 687, 705, 770, 784, 792, 797—800, 836, 841.

Вельтманъ, А. Ѳ. Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. М. 1833 — 606—607, 609.

Вернадскій, Г. В. Русское масонство въ царствованіе Екатерины II. П. 1917 — 737.

Веселовскій, А. Н. Байронъ. М. 1902 — 668.

Виландъ. Вастола, или желаніе. Повѣсть въ стихахъ, издалъ А. Пушкинъ. СПб. 1836—696, 698—705.

Виньи, А. де-. Сенъ-Марсъ. Изд. 2-ое. СПб. 1835 — 861.

Всеволодскій, В. Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. СПб. 1912 — 9—10.

Вяземскій, П. А. Полное собраніе сочиненій — 25—26, 75, 96, 185, 314, 565, 584, 679, 826.

Вяземскій, П. А. Фонвизинъ. СПб. 1848 — 608, 765.

Вяземскій, П. П. А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива и по личнымъ воспоминаніямъ. СПб. 1880 — 235, 244.

Габбе, П. Біографическое похвальное слово г-жѣ Сталь-Гольштейнъ. СПб. 1822 — 34.

Галичъ, А. Опытъ науки изящнаго. СПб. 1825 — 979.

Гершензон, М. Статьи о Пушкине. М. 1926 — 415.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. М. 1872 — 1875—383, 423.

Геттнеръ, Г. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. СПб. 1897—758.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. Изд. 10-ое. М. 1889 — 1890—552, 688, 793—794.

Гоголь, Н. В. Сочиненія. СПб. 1893 — 457, 709, 986.

Гоголь, Н. В. Письма. Изд. А. Ф. Маркса, подъ ред. В. И. Шенрока — 677, 710, 794.

Гомеръ. Иліада Гомера, переведенная Н. Гнѣдичемъ. СПб. 1829 — 230.

Гончаровъ, И. А. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1896 — 594.

Горацій. Избранныя оды Горація, съ комментаріями; издалъ Ѳ. Булгаринъ. СПб. 1821 — 464.

Горленко, В. П. Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. Кіевъ. 1893 — 688, 690.

Грамматинъ, Н. Ѳ. Слово о полку Игоревомъ. М. 1823 — 592, 882.

lib.pushkinskijdom.ru

Гречъ, Н. И. Записки о моей жизни. СПб. 1886 — 239, 261, 464, 470.

Гречъ, Н. И. Опытъ краткой исторіи русской литературы. СПб. 1822 — 45.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій подъ ред. И. А. Шляпкина. СПб. 1889 — 830.

Грибоѣдовъ, А. С. Полное собраніе сочиненій. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1911 — 1917—350, 503, 675.

Григорьевъ, А. А. Полное собраніе сочиненій и писемъ. II. 1918 — 219, 457.

Гротъ, Я. К. Жизнь Державина. СПб. 1880 — 739, 741.

Гротъ, Я. К. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. СПб. 1901 — 424.

Гротъ, Я. К. Труды. СПб. 1901 — 768.

Гурьяновъ, И. Новый Выжигинъ на Московской ярмаркѣ. М. 1831 — 469.

Давыдовъ, Д. В. Сочиненія. М. 1860 — 777.

Даниловъ, Кирша. Древнія Россійскія стихотворенія. М. 1818 — 193.

Дашкевичъ, Н. П. Статьи по новой русской литературѣ. II. 1914 — 36.

Дельвигъ, А. А. Сочиненія. СПб. 1895 — 222.

Дельвигъ, А. И. Мои воспоминанія. М. 1912 — 224, 245, 249, 251, 257, 265, 314.

Державинъ, Г. Р. Сочиненія. СПб. 1866 — 554.

Дмитріевъ, И. И. Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ. 1834 — 442.

Дмитріевъ, И. И. Сочиненія. СПб. 1895 — 660.

Дмитріевъ, М. А. Мелочи изъ запаса моей памяти. М. 1869 — 234, 583—584.

Долгорукій, И. М. Сочиненія. СПб. 1849 — 513.

Дружининъ, А. В. Собраніе сочиненій. СПб. 1865 — 559, 605.

[Екатерина II]. Сочиненія императрицы Екатерины II. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1901 — 1903—147, 765.

Ермоловъ, А. П. Записки. М. 1863 — 157.

Ефремовъ, П. А. Матеріалы для исторіи русской литературы. СПб. 1867 — 387.

Ждановъ, И. Н. Сочиненія. СПб. 1907 — 207, 277, 478, 577, 765.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе сочиненій. Изд. А. Ф. Маркса. СПб. 1902 — 501, 504, 612, 776.

Ивановъ, И. И. Исторія русской критики. СПб. 1900 — 910.

Измайловъ, А. Е. Полное собраніе сочиненій. М. 1891 — 150.

Илличевскій, А. Д. Опыты въ антологическомъ родѣ. СПб. 1827 — 424.

Каллашъ, В. В. Puschkiniana. Кіевъ. 1902 — 219.

Карамзинъ, Н. М. Записка о древней и новой Россіи. СПб. 1914 — 768.

Карамзинъ, Н. М. Исторія Государства Россійскаго. СПб. 1892 — 316.

Карамзинъ, Н. М. Сочиненія. СПб. 1834 — 1835—764, 869.

Карповъ, Г. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся. М. 1870 — 687.

Карцовъ, В. С. и Мазаевъ, М. Н. Опытъ словаря псевдонимовъ русскихъ писателей. СПб. 1891 — 910.

Катенинъ, П. А. Сочиненія и переводы въ стихахъ. СПб. 1832 — 495 — 496, 507.

lib.pushkinskijdom.ru

Кирѣевскій, И. В. Полное собраніе сочиненій. М. 1911 — 198, 885.

Кирпичниковъ, А. И. Очерки по исторіи новой русской литературы. СПб. 1896 — 132.

Кирпичниковъ, А. И. Очерки по исторіи новой русской литературы. СПб. 1903 — 349.

Кобеко, Д. Ѳ. Царскосельскій Лицей. СПб. 1911 — 423—424, 705.

Козловъ, С. В. Суворовъ въ его изображеніяхъ. СПб. 1899 — 94—95.

Козминъ, Н. К. Н. И. Надеждинъ. СПб. 1912 — 644, 685.

Козминъ, Н. К. О переводной и оригинальной литературѣ конца XVIII и начала XIX вѣка въ связи съ поэзіей В. А. Жуковскаго. СПб. 1904 — 802, 880.

Козминъ, Н. К. Очерки изъ исторіи русскаго романтизма. СПб. 1903 — 375.

Конискій, Г. Собраніе сочиненій. СПб. 1835 — 692—693, 912.

Корфъ, М. А. Жизнь графа Сперанскаго. СПб. 1861 — 576, 934.

Котляревскій, Н. А. Міровая скорбь. СПб. 1898 — 936.

Котляревскій, Н. А. Старинные портреты. СПб. 1907 — 887.

Котовичъ, А. Духовная цензура въ Россіи (1799—1855). СПб. 1909 — 569.

Кошелевъ, А. И. Записки. Berlin. 1884 — 265.

Кукольникъ, Н. В. Сказка за сказкой. Сержантъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ, или всѣ за одно. 1842 — 675.

Кулишъ, Н. Черная рада. Хроника 1663 г. М. 1857 — 689.

Лансонъ, Г. Исторія французской литературы XVIII вѣка. Пер. П. О. Морозова. СПб. 1899 — 809.

Лапшинъ, И. И. Философскіе взгляды А. Н. Радищева. П. 1922 — 756.

Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1910 — 877.

Лернеръ, Н. О. Проза Пушкина. П.-М. 1923 — 478.

Лернеръ, Н. О. Труды и дни Пушкина. СПб. 1910 — 402, 684.

Ломоносовъ, М. В. Сочиненія. Изд. Академіи Наукъ. СПб. 1893 — 555, 557—558.

Лонгиновъ, М. Н. Новиковъ и московскіе мартинисты. М. 1867 — 737.

Лонгиновъ, М. Н. Сочиненія. М. 1915 — 584—585, 731, 734, 737—738, 741.

Лясковскій, В. Братья Кирѣевскіе. СПб. 1899 — 885.

Майковъ, А. Н. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1893 — 594.

Майковъ, Л. Н. Историко-литературные очерки. СПб. 1895—688, 691, 694.

Майковъ, Л. Н. Пушкинъ. СПб. 1899 — 24, 33, 66, 68, 96, 134, 207, 332, 341—342, 357, 365, 388—389, 391, 411, 415—416, 422, 499, 508, 565, 595, 684, 876, 886, 909, 944, 979.

Маколей. Полное собраніе сочиненій. СПб. 1860 — 79.

Максимовичъ, М. А. Собраніе сочиненій. Кіевъ. 1876 — 687, 690.

Маркевичъ, Н. Украинскія мелодіи. М. 1831 — 694.

Мерзляковъ, А. Ѳ. Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. М. 1825—1826 — 235.

Миклашевичъ, В. С. Село Михайловское. СПб. 1865 — 830.

Миклашевичъ, В. С. Село Михайловское. СПб. 1908 — 830.

Милюковъ, П. Н. Очерки по исторіи русской культуры. СПб. 1903 — 753 — 754.

Модзалевскій, Б. Л. Библіотека А. С. Пушкина. СПб. 1910 — 16, 18, 33, 37, 47, 79, 110, 147, 193, 197, 200, 273—274, 316, 345—346, 349, 357—358, 382,

lib.pushkinskijdom.ru

430, 440, 463, 469, 483, 487, 495, 558, 563, 565—567, 572—573, 592, 594, 605, 609, 614, 645—646, 651, 659—660, 668—669, 686, 757—758, 773, 807, 822, 824, 860, 868, 875, 892, 899—900, 902, 907, 935, 945, 948, 976.

Модзалевскій, Б. Л. Пушкинъ и Е. П. Люценко. СПб. 1898 — 699.

Модзалевскій, Б. Л. Я. Н. Толстой. СПб. 1899 — 91.

Морозовъ, П. О. Исторія русскаго театра. СПб. 1889 — 386.

Мякотинъ, В. А. Изъ исторіи русскаго общества. СПб. 1902 — 748, 753.

Незеленовъ, А. И. Шесть статей о Пушкинѣ. СПб. 1892 — 500, 511, 595, 607, 609, 881.

Неустроевъ, А. Н. Указатель къ русскимъ періодическимъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. СПб. 1898 — 660.

Никитенко, А. В. Записки и дневникъ. СПб. 1893 — 160.

Орловъ, А. А. Смерть Ивана Выжигина. М. 1831 — 445.

Орловъ, А. А. Хлыновскія свадьбы Игната и Сидора, дѣтей Ивана Выжигина. М. 1831 — 445—446.

Павловъ, Н. Ф. Три повѣсти. М. 1835 — 682.

Павлищевъ, Л. Н. Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ. М. 1890—195, 243.

Пекарскій, П. П. Исторія Академіи Наукъ. СПб. 1873 — 554—555.

Пеллико, С. Объ обязанностяхъ человѣка. СПб. 1836 — 826, 866.

Пеллико, С. О должностяхъ человѣка. Пер. Н. Хрусталева. Одесса. 1835 — 826, 980—981.

Плетневъ, П. А. Сочиненія и переписка. СПб. 1885 — 418, 677.

[Погодинъ, М. П.] Марѳа, посадница Новгородская. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. М. 1830 — 369—371, 394.

Полевой, К. А. Записки. СПб. 1888 — 151, 153, 190, 266, 309, 326, 456.

Пожарскій, Я. О. Слово о Полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новгорода Сѣверскаго, вновь переложенное, съ присовокупленіемъ примѣчаній. СПб. 1819—608.

Полевой, Н. А. Очерки русской литературы. СПб. 1839 — 152.

Пономаревъ, С. И. Памяти П. А. Вяземскаго. СПб. 1879 — 276.

Пушкинъ, В. Л. Сочиненія. СПб. 1895 — 584, 660, 776.

Пыляевъ, М. И. Старая Москва. СПб. 1891—550.

Пыпинъ, А. Н. Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. СПб. 1885 — 74.

Пыпинъ, А. Н. Русское масонство. П. 1916 — 737—738, 742.

Пыпинъ, А. Н. и Спасовичъ, В. Д. Исторія славянскихъ литературъ. СПб. 1879 — 688.

Пятковскій, А. П. Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія. СПб. 1888 — 887.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1790 — 548.

Радищевъ, А. Н. Путешествіе изъ Петербурга въ Москву. СПб. 1905 — 544, 742—743, 750, 755—756, 759.

[Радищевъ, А. Н.]. Собраніе оставшихся сочиненій покойнаго А. Н. Радищева. М. 1806 — 1811—563, 731, 735, 751, 757.

Радловъ, Э. Л. К. Гельвецій и его вліяніе въ Россіи. СПб. 1917 — 736, 755.

Ровинскій, Д. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. СПб. 1889 — 95.

lib.pushkinskijdom.ru

Розановъ, И. Н. Пушкинская плеяда. М. 1923 — 499.

Розановъ, М. Н. Ж. Ж. Руссо. М. 1910 — 823.

Руссовъ, С. В. О подлинности Древняго Русскаго стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о Полку Игоревѣ. СПб. 1834 — 601 — 602.

Рылѣевъ, К. Ѳ. Сочиненія и переписка. СПб. 1874 — 470.

Сакулин, П. Н. Пушкин и Радищев. М. 1920 — 543, 545, 722.

Семевскій, В. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. СПб. 1909 — 74.

Семенниковъ, В. П. Новый текстъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» Радищева. Изд. «Былое». II. 1922 — 544.

Семенников, В. П. Радищев. М.-П. 1923 — 545, 549, 557, 563, 574, 726, 751, 759.

Сиповскій, В. В. Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. СПб. 1903—660.

Смирнова, А. О. Записки. СПб. 1895 — 155, 188, 195, 332, 334, 343, 357, 380—382, 389, 441, 483, 486—487, 491, 644, 646, 708—709, 778, 861, 898.

Соковнинъ, С. П. Опытъ историческаго словаря о всѣхъ въ истинной православной Греко-Россійской вѣрѣ святою непорочною жизнью прославлявшихся святыхъ душахъ. М. 1784 — 827—828.

Сопиковъ, В. С. Опытъ россійской библіографіи. СПб. 1905 — 828.

Стороженко, Н. Опыты изученія Шекспира. М. 1902 — 580, 881.

[Строевъ, П. М.]. Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина. 2 ч. М. 1836—838—839.

Сумароковъ, А. П. Полное собраніе всѣхъ сочиненій. М. 1782 — 572.

Сумцовъ, Н. Ѳ. А. С. Пушкинъ. Харьковъ. 1900 — 300, 500.

Сухомлиновъ, М. И. Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. СПб. 1889 — 65, 68—70, 118, 251, 465, 542, 571, 682, 722, 731—732, 746—747, 758—759.

Сухомлиновъ, М. И. Исторія Россійской Академіи. СПб. 1888—763, 766, 801.

Тепляковъ, В. Стихотворенія. СПб. 1836 — 813—814, 817—819, 821.

Тихонравовъ, Н. С. Сочиненія. М. 1898 — 859.

Томашевский, Б. В. Пушкин. Л. 1925—950, 986—987.

Тредьяковскій, В. К. Сочиненія. СПб. 1849 — 606.

Фонвизинъ, Д. И. Полное собраніе сочиненій. Изд. Салаева — 206.

Чебышевъ, А. А. Письма П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. СПб. 1911 — 495, 498—499.

Чернышевскій, Н. Г. Критическія статьи. СПб. 1893 — 219, 457, 497.

Чернышевскій, Н. Г. Очерки гоголевскаго періода русской литературы. СПб. 1893 — 152.

Шевыревъ, С. П. Исторія поэзіи. М. 1835 — 651—652.

Шевыревъ, С. П. Исторія русской словесности. Изданіе 3-ье. М. 1887 — 593, 595.

Шенрокъ, В. И. Матеріалы для біографіи Гоголя. М. 1898 — 792

Шильдеръ, Н. К. Александръ I. СПб. 1898 — 934.

Шильдеръ, Н. К. Николай I. СПб. 1903 — 934.

Шишковъ, А. С. Собраніе сочиненій и переводовъ. СПб. 1826 — 607—608, 610, 613.

Шляпкинъ, И. А. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина. СПб. 1903 — 178, 315, 592, 614, 770, 784, 795, 812, 910.

lib.pushkinskijdom.ru

Шляпкинъ, И. А. Св. Димитрій Ростовскій и его время. СПб. 1891 — 386.

Шляпкинъ, И. А. Царевна Наталья Алексѣевна и театръ ея времени. СПб. 1898 — 386.

Штраусъ, Д. Вольтеръ. Пер. с 8-го изд. СПб. 1909 — 808, 810.

Щеголевъ, П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. М.-Л. 1928 — 969, 982.

Щеголевъ, П. Е. Пушкинъ. СПб. 1912 — 67, 75, 82, 939, 951.

Якушкинъ, В. Е. О Пушкинѣ. М. 1899 — 543, 563, 748.

Архивъ братьевъ Тургеневыхъ, вып. VI. СПб. 1921 — 955.

Архивъ Воронцова, кн. V. М. 1872 — 548—549, 738—741, 744, 759.

Архивъ Раевскихъ, т. I. СПб. 1908 — 157—158.

Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ. СПб. 1906 — 786.

Записки о лордѣ Байронѣ. СПб. 1835 — 896.

Засѣданіе, бывшее въ Россійской Академіи 18 января 1836 г. СПб. 1836 — 763, 766—768, 797, 976.

Игорь, героическая пѣснь. Харьковъ. 1806 — 612.

Ироическая пѣснь о походѣ на половцевъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича. М. 1800—609—610, 612 — 613.

Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ. СПб. 1813 — 613.

Князь Щербатовъ и А. Радищевъ. Съ предисловіемъ Искандера. London. 1858 — 741.

Остафьевскій Архивъ. СПб. 1899— т. I — 654; т. II — 34, 204—205; т. III — 201, 247, 343, 703, 771, 783, 785—786, 790—791, 799, 863, 888.

Отчетъ Публичной Библіотеки за 1884 г. СПб. 1887 — 595.

Отчетъ Публичной Библіотеки за 1889 г. СПб. 1893 — 548, 864.

Отчетъ Публичной Библіотеки за 1892 г. СПб. — 196.

Отчетъ Публичной Библіотеки за 1898 г. СПб. 1902 — 871.

Отчетъ Публичной Библіотеки за 1904 г. СПб. — 572.

«Памяти Л. Н. Майкова». Сборникъ. СПб. 1902 — 349, 424.

Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. СПб. 1866 — 668.

Плутарховы сравнительныя жизнеописанія славныхъ мужей. Пер. съ греческаго С. Дестуниса. СПб. 1815 — 984.

Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и Бранденбургской Маркграфини Фридерики Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимириса и Сардинской Королевы Терезіи. СПб. 1782 — 462.

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Н. И. Стороженка. М. 1902 — 730, 734.

Полное собраніе законовъ, т. 23 — 744.

Полное собраніе законовъ, тт. 28, 30, 32—562.

Полное собраніе русскихъ пословицъ и поговорокъ, расположенныхъ по азбучному порядку. СПб. 1822 — 878.

Походъ Игоря противу Половцевъ. СПб. 1809 — 612.

Похожденіе ожившаго новаго увеселительнаго шута и великаго въ дѣлахъ любовныхъ плута Совѣстдрала, большаго носа. СПб. 1781 — 462.

Пушкин въ мировой литературе. Л. 1925 — 669, 929, 935, 942—944, 963, 965, 970, 972—974.

Пушкинскій сборникъ подъ ред. А. И. Кирпичникова. М. 1900 — 499.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкинскій сборникъ (въ память столѣтія дня рожденія поэта). СПб. 1899 — 784.

Пушкинский сборник памяти С. А. Венгерова. М.-П. 1922 — 980.

Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. СПб. 1833 — 611, 613—614.

Пѣснь Игорю Святославичу, удѣльному князю Новагорода-Сѣверскаго. Кіевъ. 1837 — 613.

Роспись россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки А. Смирдина. СПб. 1828 — 660.

Сборникъ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко. СПб. 1913 — 548.

Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ. Изд. Кіевскаго Педагогическаго Общества. Кіевъ. 1899 — 422.

Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. СПб. 1911 — 738.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Юрьевскомъ Университетѣ. Юрьевъ. 1908 — 830.

Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго. СПб. 1819 — 609, 612.

Слово о полку Игоревомъ. М. 1823 — 613.

Собраніе Русскихъ стихотвореній, взятыхъ изъ сочиненій лучшихъ стихотворцевъ Россійскихъ и изъ многихъ Русскихъ журналовъ. СПб. 1810 — 1811—423.

Собраніе 4291 древнихъ Россійскихъ пословицъ. М. 1770 — 877—878.

Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара — 827.

D'Alembert. Esprit, maximes et principes. Genève, 1789 — 33, 928.

Alexandre (Roger). Les mots qui restent. P., 1901 — 463.

Alfieri. Du Prince et des Lettres. P., 1818 — 558, 652, 655.

Ancelot. Six mois en Russie. Lettres écrites à M. X.—B. Saintines, en 1826. P., 1827 — 90, 93, 942.

Ancillon. Essais philosophiques. P., 1817 — 321, 933.

Arnault, A.-V. Oeuvres. P., 1825 — 135, 773—774.

Baldensperger, F. Goethe en France. P., 1904 — 382.

[Basile, G.-B.]. Pentamerone der Cavalier Giovan Battista Basile, 1674 — 697.

Bengesco. Voltaire. Bibliographie de ses oeuvres.— 981.

Boileau Despréaux. Oeuvres. P., 1823 — 943.

[Brillat-Savarin]. Physiologie du Goût. P. 1834 — 875.

Buffon. Oeuvres complètes. Bruxelles, 1822, t. I—19.

[Byron]. Mémoires de Lord Byron publiés par Thomas Moore, traduits de l'anglais par M-me Louise Sw.-Belloc. P.—78, 80—81, 669, 672, 894.

Byron. The works. Frankfort, 1826 — 936.

Byron. The works. London, 1899 — 877.

Byron. The works. London, 1903 — 94—95, 346.

Castéra, J. Histoire de Catherine II, Impératrice de Russie, P., 1809 — 146, 316.

[Casanova de Seingalt]. Mémoires de Jacques Casanova de Seingalt écrit par lui-même. Ed. originale, la seule complète — 200.

Chamfort. Oeuvres complètes. P., 1812 — 88, 654.

lib.pushkinskijdom.ru

Chénier, M. J. Poésies. P., 1828 — 928.

Courier, P. L. Oeuvres complètes. Bruxelles, 1828 — 568.

Cucheval-Clarigny, M. Histoire de la presse en Angleterre et aux Etats-Unis. P., 1857 — 430, 433.

Delort, J. Histoire de l'homme au masque de fer. P. 1825 — 868.

Delille, J. Oeuvres. P., 1824 — 100.

Deschamps, E. Études françaises et étrangères. P. 1828 — 972.

Des Granges, M. La presse Littéraire sous la Restauration. P., 1907 — 155, 438, 411, 486, 491.

Diderot, D. Oeuvres. P., 1798 — 385, 921.

Dix. The life of Thomas Chatterton including his unpublished poems and correspondence. London, 1837 — 603.

Estève, E., Byron et le romantisme français. P., 1907 — 490, 492.

Ginguené, P. Histoire littéraire d'Italie. P., 1811 — 1819 — 639, 984.

Glachant, P. Chénier critique et critiqué. P., 1902 — 154.

[Goethe]. Goethes Briefe. Weimar, 1909 — 804.

Goethe. Sämmtliche Werke. Jubiläumsausgabe—553.

Gresset, B.-L. Oeuvres choisies. P., 1823 — 818.

Guizot. Cours d'histoire moderne. Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'Empire Romain jusqu' à la Révolution Française. P., 1828 — 193.

Guizot. Cours d'histoire moderne. Histoire de la civilisation en France depuis la chute de l'Empire Romain jusqu' en 1789. P., 1829 — 1832 — 193.

Guizot. Histoire de la civilisation française. P., 1829 — 980.

Guizot. Shakespeare et son temps. P., 1852 — 358.

Gurowski, A. La civilisation et la Russie. St. Pétersbourg, 1840 — 967.

Hatin, E. Bibliographie historique et critique de la presse periodique française. P., 1866 — 430, 569.

Hazlitt, W. The spirit of the Age; or, contemporary Portraits. P., 1825 — 78—79.

Hermann. De Metris poëtarum graecorum et romanorum. Leipzig, 1796—235.

Huchon, R. Un poète réaliste anglais. George Crabbe. P., 1906 — 559.

Hugo, V. Cromwell. P., 1828 — 851, 860.

Hugo, V. Oeuvres complètes. P., 1882 — 154, 203.

Hunter, J. Manner and customs of servoral indian tribes located West of the Mississipi. Philadelphie, 1823 — 823.

Irving, W. Esquisses morales et littéraires. P., 1822 — 824.

Jonson, S. The works. London, 1820 — 605.

Jusserand, J. Shakespeare en France. P., 1898 — 382.

Kraus, F.-X. Dante. Sein Leben und sein Werk. Berlin, 1897 — 659.

Kriloff. Fables russes tirées du recueil de M. Kriloff, et imitées en vers français et italiens par divers auteurs; précédées d'une introduction française de M. Lémontey, et d'une préface italienne de M. Salfi. P., 1825 — 40, 45.

Lacroix, A. De l'influence de Shakspeare sur le théâtre français. Bruxelles, 1856 — 381—382.

La Fontaine. Oeuvres. P., 1826 — 915.

La Harpe, J.-F. Lycée ou cours de littérature ancienne et moderne. P., 1818 — 14, 299, 380, 384—485.

lib.pushkinskijdom.ru

La Harpe, J.-F. Oeuvres. P., 1820 — 484.
Laloy, E. Enigmes du grande siècle. Le masque de fer. P., 1913 — 868.
Larousse, P. Fleurs latines des dames et des gens du monde — 461.
Larousse, P. Grand dictionnaire universel — 198.
Lavisse, E. Histoire de France — 868.
Le Brun. Oeuvres choisies. P., 1829 — 928.
Lemaitre, J. Corneille et la poétique d'Aristote. P., 1888 — 385.
Machiavel. Oeuvres complètes. P., 1823 — 880.
Macpherson. Fragments of ancient poetry, collected in the Highland and translated from the gaelic or erse language. Edinburgh, 1760 — 604.
Magnin, Ch. Causeries et méditations historiques et littéraires. P., 1843 — 962—964.
Maigron, L. Le roman historique à l'époque romantique. P., 1898 — 48, 194.
Maistre, J. de-. Oeuvres complètes. Lyon, 1884 — 200.
Manne, E. de-. Nouveau dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes. Lyon, 1868 — 201.
Marsan, J. La bataille romantique. P., 1912 — 382, 859.
Medwin, F. Conversations of Lord Byron. London, 1825 — 896.
Michaut, G. Sainte-Beuve avant les «Lundis». Friburg — Paris, 1903 — 436.
Milton, J. The poetical works. London, 1794 — 101.
Montaigne, M. Essais. P., 1828 — 956.
Montaigne, M. Les essais. P., 1872 — 922.
Montesquieu. Oeuvres. P., 1826 — 484.
Müller. Die Ritter- und Räuberromane. Halle, 1894 — 802.
Musset, A. Contes d'Espagne et d'Italie. P., 1830—436.
Pascal, B. Lettres provinciales et pensées. P. 1819 — 430.
Pascal, B. Pensées. P., 1829 — 90.
Pellisson. Oeuvres diverses. P., 1735 — 301.
Quérard, J. La France Littéraire. P., 1843—200, 668.
Quérard, J. Les supercheries littéraires devoilées. P., 1870 — 198.
Racine, J. Oeuvres. P., 1833 — 654.
Racine, J. Oeuvres. P., 1886 — 385.
[Rivarol]. Esprit de Rivarol. P., 1808 — 881.
[Rogers]. The poetical works of Rogers, Montgomery, Lamb and Kirke White. P., 1829 — 892.
[Ronsard]. Oeuvres choisies de Pierre de Ronsard, avec notice, notes et commentaires. P., 1828 — 440.
Rousseau, J.-B. Oeuvres. London, 1749 — 945.
Rousseau, J.-J. Oeuvres. P., 1822 — 657.
Roux-Fazillac. Recherches historiques et critiques sur l'homme au masque de fer. P., 1801 — 868.
Rulhière, Cl. Histoire ou Anecdotes sur la Révolution de Russie, en 1762. P., 1797 — 316.
Sainte-Beuve. Les Consolations, poésies. P., 1830 — 434, 437, 439.
Sainte-Beuve. Tableau historique et critique de la poésie française et du théâtre français au seizième siècle. P., 1828 — 440, 973.
[Sainte-Beuve]. Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. P., 1829 — 434—435, 440.

lib.pushkinskijdom.ru

Salomon, M. Charles Nodier et le groupe romantique. P., 1908 — 900.

Salvo, de-. Lord Byron en Italie et en Grèce. P., 1825 — 895, 897.

Schlegel, A.-W. Cours de littérature dramatique. Traduit de l'Allemand. P., 1814 — 16, 581, 639, 659.

Schlegel, A.-W. Cours de littérature dramatique. Traduit de l'Allemand. 2 éd. P., 1865 — 361.

Schlegel, Fr. Histoire de la Littérature ancienne et moderne; traduite de l'allemand, sur la dernière édition, par William Duckette. P., 1829 — 639.

Schön, L.-F. Philosophie transcendentale, ou système d'Emmanuel Kant. P., 1831 — 382.

Scott, W. Oeuvres complètes. P., 1828 — 862.

Scott, W. The lay of the last minstrel. London, 1811 — 948.

Scott, W. The Monastery. Edinburgh, 1822 — 948.

Séché. L. Le cénacle de la Muse française. P., 1909 — 155.

Shakespeare, W. Oeuvres complètes, traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée, par F. Guizot. P., 1821 — 357.

Sismondi. De la littérature du Midi de l'Europe. P., 1829 — 639.

Souriau, M. La Préface de Cromwell. Cinquième édition. — 803, 900.

Southey, R. Essays Moral and Political. London, 1832 — 298.

Southey, R. The poetical works. P., 1829 — 804, 948.

Soutzo, A. Histoire de la révolution grecque. P., 1829 — 775.

Staël, de-. De l'Allemagne. P., 1815 — 970.

Staël, de-. Mémoires (Dix années d'exil). P., 1873 — 599.

Staël, de-. Oeuvres complètes. P., 1820 — 1821 — 197, 389, 550, 560, 656, 934, 946.

Stendhal. Correspondance inédite. P., 1855 — 489.

Stendhal. Le Rouge et le Noir. P., 1831 — 949.

Sterne, L. Voyage sentimental. P., 1799 — 939.

Süpfle, Th. Geschichte des deutschen Kultureinflusses auf Frankreich. Gotha, 1882 — 382.

Tacite. Traduction nouvelle, avec le texte latin en regard, par Dureau de Lamalle, de l'Académie Française. P., 1818 — 943.

Talvj. Die Unächtheit der Lieder Ossian's und des Macpherson'schen Ossian's ins besondere. Leipzig, 1840 — 605.

Tanner, J. Mémoires. P. 1835 — 822—825.

Telleen, J. Milton dans la littérature française. P., 1904 — 857, 859.

Thierry, A. Lettre sur l'histoire de France. P., 1827 — 186.

Tolstoi, J. Six mois suffisent-ils pour connaître un pays, ou observations sur l'ouvrage de M. Ancelot, intitulé «Six mois en Russie» — 91.

Toppin, M. L'homme au masque de fer. P., 1869 — 868.

Trahard, P. Le romantisme défini par «Le Globe». P., 1925 — 970.

[Van Ayl de Jonghe, E.]. Mémoires d'une contemporaine, ou souvenirs d'une femme sur les principaux personnages de la République, du Consulat, de l'Empire. P., 1827 — 201.

Villemain, A. Cours de littérature française. Littérature du Moyen Age, en France, en Italie, en Espagne et en Angleterre. P., 1830 — 639.

Villemain, A. Cours de littérature française. Tableau du dix-huitième siècle, P., 1829 — 639.

lib.pushkinskijdom.ru

Villemain, A. Cours de littérature française. Tableau du XVIII-e siècle. Bruxelles, 1852 — 658.

Villemain, A. Cours de littérature française. Tableau de la littérature du moyen âge. P., 1846 — 647.

[Voltaire]. Correspondance inédite de Voltaire avec Frédéric II, le président de Brosses et autres personnages. P., 1836 — 806, 811,—812.

Voltaire. Oeuvres complètes. P., 1817 — 1818 — 862, 868—870, 928, 930, 949—950, 955.

Voltaire. Oeuvres complètes. P., 1827 — 1828 — 652, 862.

Voltaire. Oeuvres. P., 1831 — 949—950.

Voltaire. Oeuvres complètes. P., 1879 — 1881 — 19, 565, 653, 655, 659, 871.

Wieland. Sämmtliche Werke. Leipzig. 1855.

[Wilson]. Memoirs of Harriett Wilson, Written bey her self. Edition perused and corrected by the author. P., 1825—200.

Winckelmann. Histoire de l'art chez les anciens. Traduite le l'allemand par M. Huber. P., 1781 — 349.

Ziesing, Th. Le Globe, de 1824 à 1830, considéré dans ses rapports avec l'école romantique. Zurich, 1881 — 154, 362, 641.

Anthologie Française. 1816 — 301.

Dictionnaire de l'Académie Française. Sixième édition. P., 1835 — 766.

La Grande Encyclopédie — 198.

Lettres à Lamartine. P., 1893 — 490.

Mémoires secrets pour servír à l'histoire de Perse. Amsterdam, 1745 — 201, 867, 870—871.

Les mille et une nuits, contes arabes, traduits en français par Galland. P., 1822 — 1824 — 547.

Petit volume contenant quelques aperçus des hommes et de la société. P., 1818 — 935.

Petite Encyclopédie récréative. Un million de calembours, publié par Hilaire Le Gai. P., 1851 — 883.

Recueil des discours, rapports et pièces diverses lus dans les séances publiques et particulières de l'Académie Française. 1830—1839. P., 1841 — 772.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ И СТАТЕЙ, УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

«Аббадона» (Жуковскій) — 230.
«Альоша Поповичъ» (Радищевъ) — 757.
«Амуру» (Боратынскій) — 104.
«Андромаха» (Катенинъ) — 389—391, 495, 498.
«Анекдотъ» (Булгаринъ) — 237—238, 240, 242—243, 464.
«Антидотъ» (Екатерина II) — 146—147, 944, 985.
«Арабески» (Гоголь) — 707.
«Аріадна» (Корнель) — 9.
«Аукціонъ» (Павловъ) — 675—676, 682.
«Бакчисарай» (Раичъ) — 194.
«Балъ» (Боратынскій) — 402, 889.

lib.pushkinskijdom.ru

«Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи» (Аделунгъ) — 573.
«Басни» (Арно) — 773.
«Бдѣніе» (Боратынскій) — 405.
«Библіотека» (Вяземскій) — 39.
«Библія» — 494, 646.
«Біографическое извѣстіе о Каннингѣ» (Полевой) — 432.
«Бова» (Радищевъ) — 745.
«Божественная Комедія» (Данте) — 104, 506, 644, 659, 859.
«Борисъ Годуновъ» (Лобановъ) — 796.
«Братья Карамазовы» (Достоевскій) — 881.
«Бригадиръ» (Фонвизинъ) — 207.
«Британникъ» (Расинъ) — 385.
«Буря» (Боратынскій) — 410.
«Велизарій» (Мармонтель) — 944.
«Великій Меланхоликъ» (Лернеръ) — 552.
«Венцеславъ, трагедія передѣланная изъ театра Ротру» (Жандръ) — 367.
«Веръ-веръ, водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, переведенный съ французскаго и представленный въ первый разъ на Михайловскомъ театрѣ 3 января» — 968.
«Весна» (Соути) — 105.
«Вечера на хуторѣ близь Диканьки» (Гоголь) — 706—707, 792.
«Вечеръ наканунѣ Ивана Купала» (Гоголь) — 339, 707.
«Водопадъ» (Державинъ) — 99, 925.
«Военная пѣснь Россіянъ» (Ширинскій-Шихматовъ) — 767.
«Вопросы и отвѣты съ пріобщеніемъ предисловія» (Екатерина II) — 764.
«Врачъ противу воли» (Мольеръ) — 387.
«Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ» (Булгаринъ) — 261—262, 313.
«Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями» (Гоголь) — 674.
«Выбритый усъ» (Гоголь) — 689.
«Вывѣска» (Державинъ) — 554.
«Вѣнокъ, сплетенный Бригадиршею изъ журнальныхъ листовъ для Издателя Московскаго Телеграфа» — 466—467.
«Вѣчный жидъ» (Сю) — 801.
«Гамлетъ» (Шекспиръ) — 363, 704, 848, 906.
«Ганцъ Кюхельгартенъ» (Гоголь) — 339.
«Георгики» (Вергилій) — 881.
«Гимнъ бородѣ» (Ломоносовъ) — 554—555.
«Годы ученія А. Н. Радищева» (Мяковскій) — 754.
«Горе отъ ума» (Грибоѣдовъ) — 92, 497, 513, 551, 667, 829, 882.
«Гоѳолія» (Расинъ) — 654.
«Греческая ода» (Туманскій) — 103.
«Громвалъ» (Каменевъ) — 500.
«Два слова объ исторіи Видока, писанной имъ самимъ» (Воейковъ) — 250.
«Двѣ чаши» (Шевыревъ) — 107.
«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» (Жуковскій) — 24.
«Дельфина» (Сталь) — 434.
«Деревенскій сторожъ въ полночь» (Жуковский) — 110.
«Деревня» (Вяземскій) — 104.

lib.pushkinskijdom.ru

«Димитрій Донской» (Озеровъ) — 9, 375, 388—389.
«Діатрибы доктора Акакія» (Вольтеръ) — 812.
«Дмитрій Самозванецъ» (Булгаринъ) — 236—237, 241—242, 246—247, 249—250, 317—319, 458.
«Добрый наставникъ» (Фонвизинъ) — 206.
«Долина Ажитугай» (Султанъ Казы Гирей) — 694—695, 975.
«Донъ-Жуанъ» (Байронъ) — 76, 93, 346—347, 956.
«Донъ-Кихотъ» (Сервантесъ) — 858.
«Дунковъ вечеръ» (Жуковскій) — 570.
«Дурень» — 193.
«Духъ христіанства» (Шатобріанъ) — 857.
«Душенька» (Богдановичъ) — 23, 335, 650, 942.
«Европа, Россія и Петръ Великій» (Полевой) — 972.
«Ермакъ» (Радищевъ) — 744.
«Ермакъ» (Хомяковъ) — 283, 391—392, 888.
«Желѣзная Маска» — 868.
«Жизнь Державина» (Гротъ) — 739.
«Жизнь древнихъ Флорентинцевъ» (Данте, перев. Норова) — 105.
«Житіе Ѳ. В. Ушакова» (Радищевъ) — 735.
«Журавли» (Радищевъ) — 563.
«Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ» (Тарасовъ) — 738.
«Заира» (Вольтеръ) — 881.
«Замокъ Литтелькотъ» (Скоттъ) — 569.
«Замокъ Смальгольмъ» (Жуковскій) — 570.
«Замѣчаніе на замѣчаніе Литературной Газеты» — 268.
«Замѣчанія на Исторію русскаго народа» (Руссовъ) — 189.
«Замѣтки о Пушкинѣ» (Лернеръ) — 987.
«Замѣтки о Пушкинѣ» (Томашевскій) — 550, 928.
«Записка о древней и новой Россіи» (Карамзинъ) — 760—761, 768, 842—844, 846, 934.
«Записки Видока» — 251—252.
«Записки Н. А. Дуровой» — 780, 783, 835, 837—838.
«Записки о лордѣ Байронѣ» (Медвинъ) — 667, 669.
«Запорожская старина» (Срезневскій) — 687.
«Земля» (Норовъ) — 105.
«Ивангое» (Скоттъ) — 703.
«Ивановъ вечеръ» (Жуковскій) — 536, 570.
«Иванъ Выжигинъ» (Булгаринъ) — 92, 144, 177, 246, 259, 445, 459—461, 463—464, 885.
«Игорь Святославовичъ, героическая пѣснь» (Язвицкій) — 613.
«Изборникъ Святославовъ 1073 г.» — 766.
«Извѣстія, замѣчанія и анекдоты» (Погодинъ) — 230.
«Изъ записокъ А. Х. Бенкендорфа» — 546.
«Иліада» — 77, 219—224, 226—227, 231—234, 409, 890, 925, 952.
«Именины» (Павловъ) — 673, 675—677, 680.
«Императору Александру» (Жуковскій) — 562.
«Искусства и науки» (Воейковъ) — 463.
«Историческій взглядъ на русскій театръ» (Гречъ) — 386.

lib.pushkinskijdom.ru

«Историческій и философскій словарь» (Бэйль) — 856.
«Исторія Англійской литературы» (Шатобріанъ) — 858.
«Исторія Государства Россійскаго» (Карамзинъ) — 7, 93, 96, 123, 152, 187—190, 315, 392—393, 597, 602, 610, 613—614, 768, 839, 843, 914, 942, 981.
«Исторія кокетства» (Боратынскій) — 412.
«Исторія Малороссіи» (Бантышъ-Каменскій) — 687.
«Исторія о Петрѣ Златыхъ-Ключахъ» — 901.
«Исторія о Францылѣ Венеціянѣ» — 901.
«Исторія поэзіи» (Шевыревъ) — 684—685.
«Исторія русскаго народа» (Полевой) — 178, 183—185, 187—188, 190—193, 216, 259, 302, 455—456, 618, 946.
«Исторія Русовъ» (псевдо-Коницкій) — 686—691, 693, 975.
«Исторія упадка и разрушенія римской имперіи» (Гиббонъ) — 657.
«Исторія Французской Академіи» (Пелиссонъ) — 300.
«Ифигенія въ Авлидѣ» (Расинъ) — 9, 384—385.
«Казакъ стихотворецъ» (Шаховской) — 4.
«Кантата въ честь Шаховского» (Дашковъ) — 3, 5.
«Карелія» (Глинка) — 907—908.
«Кирдяпа» (Полевой) — 189.
«Кларисса» (Ричардсонъ) — 547.
«Клеопатра» (Жодель) — 651.
«Кокетка» (Шаховской) — 5.
«Коляска» (Гоголь) — 709.
«Комедія на Рождество Христово» (Димитрій Ростовскій) — 385.
«Коринна» (Сталь) — 38.
«Коріоланъ» (Шекспиръ) — 384.
«Король Лиръ» (Шекспиръ) — 849.
«Корсаръ» (Байронъ) — 76, 80, 936.
«Корсаръ» (Олинъ) — 81, 935.
«Краткое жизнеописаніе И. И. Лепехина» (Полѣновъ) — 767.
«Краткое извѣстіе о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ» (Штелинъ) — 385.
«Крестьяне, или встрѣча незваныхъ» (Шаховской) — 5.
«Крестьянинъ и смерть» (Крыловъ) — 578.
«Кромвель» (Гюго) — 850, 860.
«Курсъ драматической литературы» (Шлегель, А.) — 15.
«Къ Діону» (Дельвигъ) 424.
«Къ Доридѣ» (Дельвигъ) — 424.
«Къ Лилетѣ» (Дельвигъ) — 424.
«Къ отсутствующему монарху» (Лобановъ) — 767.
«Къ стихотворенію «Таится пещера» (Якубовичъ) — 980.
«Къ цензурной исторіи произведеній Пушкина» (Замковъ) — 223.
«Къ характеристикѣ взглядовъ «Исторіи Руссовъ» (Грушевскій) — 975.
«Лалла-рукъ» (Муръ) — 658.
«Ледяной домъ» (Лажечниковъ) — 556.
«Ленора» (Бюргеръ) — 8, 349, 500, 504—505.
«Лжецъ» (Измайловъ) — 150.
«Листочекъ» (Пушкинъ, В. Л.) — 775.

lib.pushkinskijdom.ru

«Листокъ» (Жуковскій) — 776.
«Листокъ» (Пушкинъ, Л. С.) — 775.
«Литературное зеркало» — 214.
«Литературныя замѣчанія» (Гречъ) — 452, 460, 470.
«Литературныя опасенія кое за что» (Полевой) — 126.
«Лицей» (Лагарпъ) — 13, 484.
«Ломоносовъ, или рекрутъ стихотворецъ» (Шаховской) — 4.
«Лузіада» (Камоэнсъ) — 629, 648.
«Лукреція Борджіа» (Гюго) — 779.
«Лѣтній вечеръ» (Жуковскій) — 110.
«Любовь и ненависть» (Тепляковъ) — 819.
«Людмила» (Жуковскій) — 8, 24, 501—505.
«Мадригалъ пожилой женщинѣ и все еще прекрасной» (Боратынскій) — 957.
«Марѳа Посадница» (Погодинъ) — 350, 355—356, 365, 367—368, 372, 374—379, 392.
«Междудѣйствіе или разговоръ въ театрѣ о драматическомъ искусствѣ» (Булгаринъ) — 15.
«Мемуары» (Расинъ, Л.) — 654.
«Мертвыя души» (Гоголь) — 709.
«Мессіада» (Клопштокъ) — 738.
«Метаморфозы» (Овидій) — 784.
«Мизантропъ» (Мольеръ) — 299, 938.
«Мильтонъ» (Шатобріанъ) — 863.
«Миргородъ» (Гоголь) — 707, 792.
«Мирра» (Альфьери) — 80.
«Младая Узница» (Шенье) — 929.
«Могила» (Боратынскій) — 410.
«Мои мысли о критикѣ сочинителя Исторіи русскаго народа на Исторію Государства Россійскаго» (Руссовъ) — 188—189.
«Мои пенаты» (Батюшковъ) — 412—413, 416.
«Модная жена» (Дмитріевъ) — 335.
«Мольба» (Туманскій) — 103.
«Монастырь» (Скоттъ) — 948.
«Мнѣніе о духѣ словесности» (Лобановъ) — 797—798, 800.
«Москва и Петербургъ» (Гоголь) — 552.
«Мстиславъ Мстиславичь» (Катенинъ) — 506.
«Музыканты» (Крыловъ) — 11.
«Муравей» (Крыловъ) — 99.
«Мысли» (Делормъ) — 963.
«Мѣщанинъ во дворянствѣ» (Мольеръ) — 263, 313.
«На взятіе Варшавы» (Державинъ) — 29—30.
«На возвращеніе гр. Зубова изъ Персіи» (Державинъ) — 99.
«На восшествіе на престолъ императрицы Елизаветы Петровны» (Ломоносовъ) — 4.
«На кончину Р.» (Туманскій). — 103.
«На сороку въ защищеніе кумушекъ» (Державинъ) — 554.
«На счастье» (Державинъ) — 737.
«Наложница» (Боратынскій) — 332, 346.

lib.pushkinskijdom.ru

«Нама. Уаль натру мискунъ» (Ознобишинъ) — 105.
«Нарвскій водопадъ» (Вяземскій) — 214.
«Нашла коса на камень» (Козодавлевъ) — 732.
«Наяда» (Боратынскій) — 104.
«Невскій проспектъ» (Гоголь) — 707.
«Негодованіе» (Вяземскій) — 303.
«Недовольные» (Загоскинъ) — 839—840.
«Недоросль» (Фонвизинъ) — 207—208, 334.
«Неера» (А. Шенье, перев. Ознобишина) — 105.
«Нищій» (Погодинъ) — 675.
«Новая догадка о Желѣзной Маскѣ» (Жакобъ Библіофилъ) — 868.
«Новая Элоиза» (Руссо) — 84, 408.
«Новооткрытыя страницы Пушкина» (Лернеръ) — 986—987.
«Новости и перемѣны въ русской журналистикѣ на 1829 г.» (Полевой) — 124, 129.
«Новыя пріобрѣтенія Пушкинскаго текста» (Лернеръ) — 988.
«Новый Стернъ» (Шаховской) — 4.
«Носъ» (Гоголь) — 709, 791, 794—795.
«Нѣкоторыя изслѣдованія Слова о полку Игоревѣ» (Бѣликовъ) — 598.
«Нѣсколько словъ о полемикѣ» (Вяземскій) — 281.
«Нѣчто о Карамзинѣ» (Шишковъ) — 767.
«Нѣчто о смерти и погребеніи Каннинга» — 432.
«Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина» (Кирѣевскій) — 885.
«О бѣличьихъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ» (Каченовскій) — 124.
«О войнѣ в. к. Святополка съ половецкимъ княземъ Тугарканомъ въ 1096 году» (Бутковъ) — 601.
«О вольномъ переводѣ Бюргеровой баллады «Ленора» (Гнѣдичъ) — 8, 505.
«О Германіи» (Сталь) — 38.
«О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» (Гоголь) — 802, 830, 833, 911—912.
«О древнемъ, среднемъ и новомъ стихотвореніи Россійскомъ» (Тредьяковскій) — 606.
«О духѣ партій, о литературной аристократіи» (Вяземскій) — 257.
«О духѣ Словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной» (Лобановъ) — 767.
«О заблужденіи и истинѣ» (Сенъ-Мартенъ) — 737.
«О направленіи нашей поэзіи, особенно лирической, въ послѣднее десятилѣтіе» (Кюхельбекеръ) — 12, 28, 90, 926, 968—969.
«О пастушеской или сельской поэзіи» (Панаевъ, В. И.) — 304.
«О подпискѣ на Вѣстникъ Европы» (Каченовскій) — 123, 125.
«О поэмѣ Пушкина Полтава» (Максимовичъ) — 687.
«О подражаніи Іисусу Христу» (Ѳома Кемпійскій) — 827.
«О разборѣ вольнаго перевода Бюргеровой баллады «Ленора» (Грибоѣдовъ) — 349.
«О разборѣ трехъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона» (Вяземскій) — 37.
«О старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка» (Шишковъ) — 882.
«О стихотворствѣ» (Сумароковъ) — 43, 552.

lib.pushkinskijdom.ru

«О Франталпеѣ, королѣ Эпирскомъ» — 121.
«О человѣкѣ, о смертности его и безсмертіи души» (Радищевъ) — 744, 751, 753, 755.
«Обманщикъ» (Екатерина II) — 737.
«Обозрѣніе Кормчей книги» (Розенкампфъ) — 190.
«Обозрѣніе Россійской словесности» (Сомовъ) — 144, 215.
«Обозрѣніе Русской словесности за 1827 годъ» (Шевыревъ) — 410.
«Обозрѣніе Русской словесности 1829 года» (Кирѣевскій) — 825, 884—885.
«Общественная палингенезія» (Балланшъ) — 780.
«Объясненіе литературной стратегіи автора Хамелеонистики» — 468.
«Овсяный кисель» (Жуковскій) — 110.
«Ода Гафица» (перев. Ознобишина) — 105.
«Одесскимъ друзьямъ» (Туманскій) — 103.
«Одиссея» — 232—234.
«Ольга» (Катенинъ) — 8, 500, 502—505.
«Опасный сосѣдъ» (Пушкинъ, В. Л.) — 283.
«Описаніе Молдавіи» (Кантемиръ) — 610.
«Опытъ о Русскомъ стихосложеніи» (Востоковъ) — 565.
«Опытъ объ англійской литературѣ» (Шатобріанъ) — 863.
«Опытъ объ эпической поэзіи» (Вольтеръ) — 856.
«Опыты» (Батюшковъ) — 413, 876.
«Орангутангъ» (Г-нъ — онъ) — 256.
«Орестъ» (Вольтеръ) — 384.
«Орлеанская Дѣва» (Шиллеръ) — 7.
«Оружіе любви» (Кальдеронъ) — 384.
«Освобожденіе Москвы» (Дмитріевъ, И.) — 515.
«Освобожденный Іерусалимъ» (Тассо) — 925.
«Осьмнадцатое столѣтіе» (Радищевъ) — 563, 757.
«Отвѣтъ» (Катенинъ) — 504—505.
«Отелло» (Шекспиръ) — 363, 704, 880.
«Отклики съ патріаршихъ прудовъ» (Надеждинъ) — 126.
«Отплытіе» (Тепляковъ) — 818.
«Отрывки г-жи Сталь о Финляндіи, съ замѣчаніями» — 37.
«Отрывки изъ Иліады» (Жуковскій) — 223.
«Отрывокъ изъ письма А. И. Г.» (Вяземскій) — 216.
«Отрывки писемъ изъ Парижа» (Толстой, Я.) — 201.
«Отъ Кіевскаго жителя къ его другу» (Каченовскій) — 123.
«Памятникъ» (Ломоносовъ) — 4.
«Памятникъ дактило-хореическому витязю» (Радищевъ) — 563, 756—757.
«Парижскія тайны» (Сю) — 801.
«Персидскій анекдотъ» (Султанъ Казы Гирей) — 696.
«Перстень» (Козодавлевъ) — 731.
«Петербургскія записки» (Гоголь) — 552.
«Петрарка и Ломоносовъ» (Раичъ) — 105.
«Петръ Ивановичъ Выжигинъ» (Булгаринъ) — 449—450, 452—453, 457, 461, 464, 889.
«Пиръ» (Долгорукій) — 513.
«Пиры» (Боратынскій) — 406, 412, 515.

lib.pushkinskijdom.ru

«Письма» (Севинье) — 574.
«Письма и дневникъ лорда Байрона» (Муръ) — 669.
«Письма Публія Вергилія Марона, написанные изъ елисейскихъ полей въ римскую Аркадію» (Беттинелли) — 659.
«Письма русскаго путешественника» (Карамзинъ) — 578, 732, 869.
«Письмо въ Парижъ» (Вяземскій) — 127, 133.
«Письмо изъ Парижа» (Толстой, Я.) — 132.
«Письмо изъ Рима» (Шевыревъ) — 890.
«Письмо изъ Сибири» (Мерзляковъ) — 226, 228—229.
«Письмо къ редактору» (Каченовскій) — 7.
«Письмо о китайскомъ торгѣ» (Радищевъ) — 744.
«Письмовникъ» (Кургановъ) — 132.
«Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ» (Гоголь) — 708.
«Пожарскій» (Крюковскій) — 389.
«Полидоръ» (Ломоносовъ) — 557.
«Полныя сочиненія Г. Леонарда, собранныя и изданныя Винцентомъ Каменономъ. Парижъ. 1798» — 943—944.
«Понтійскія письма» (Овидій) — 818.
«Поросенокъ въ мѣшкѣ, или угнетенная невинность» (Орловъ) — 454.
«Посланіе къ И. И. Дмитріеву» (Вяземскій) — 497.
«Посланіе къ М. Т Каченовскому» (Вяземскій) — 38.
«Похвала вину» — 536, 572.
«Поѣздка въ Германію» (Гречъ) — 458.
«Поѣздка къ озеру Розельми» (Карлгофъ) — 256.
«Поясъ Киприды» (Гнѣдичъ) — 223.
«Поэтъ» (Полевой) — 219.
«Предисловіе къ Кромвелю» (Гюго) — 803.
«Предслава и Добрыня» (Батюшковъ) — 415.
«Прекрасный цвѣтъ» (Шевыревъ) — 107.
«Призываніе Калліопы на берега Непрядвы» (Мерзляковъ) — 226.
«Придворная грамматика» (Фонвизинъ) — 144.
«Примѣчанія на Исторію Древнія и Нынѣшнія Россіи Г. Леклерка» (Болтинъ) — 566.
«Проектъ Гражданскаго Уложенія» (Радищевъ) — 750.
«Прологъ трагедіи съ хорами: Аргивяне» (Кюхельбекеръ) — 367.
«Простосердечный отвѣтъ» (Вяземскій) — 19.
«Пространная русская грамматика» (Гречъ) — 459.
«Пуритане» (Скоттъ) — 703.
«Путешествіе» (Пишо) — 110.
«Путешествіе въ Сибирь» (Шаппъ) — 147.
«Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» (Радищевъ) — 509, 538, 540—541, 544—545, 549, 560, 565, 578, 711, 717, 719, 722, 725, 732, 738—743, 749—750, 757, 759, 985.
«Путешествіе ко св. мѣстамъ» (Муравьевъ) — 492—493.
«Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ» (Дмитріевъ) — 581, 585, 985.
«Пушкин и Буало» (Томашевский) — 943.
«Пушкин и Виктор Гюго об Андрее Шенье» (Козмин) — 929, 945.

lib.pushkinskijdom.ru

«Пушкин и Данте» (Розанов) — 645.
«Пушкинъ и Сѣверная Пчела» (Столпянскій) — 988.
«Пушкин о Байроне» (Козмин) — 935.
«Пушкинъ о Петрѣ Великомъ» (Ждановъ) — 474.
«Пушкин-прозаик и французские остроумовы XVIII в.» (Козмин) — 921.
«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» (Жуковскій) — 159, 177.
«Пѣвецъ въ Кремлѣ» (Жуковскій) — 99.
«Пѣснь о полку Игоревѣ», см. «Слово etc.».
«Пѣснь о полку Игоревѣ» (Максимовичъ) — 594.
«Пѣсня» (Измайловъ) — 150.
«Пѣсня послѣдняго менестреля» (Скоттъ) — 947.
«А. Н. Радищевъ до ссылки» (Гавриленко) — 753.
«Радищевъ и его книга» (Радищевъ, П.) — 739.
«Радищевъ и Пушкинъ» (Якушкинъ) — 746.
«Разбойники» (Шиллеръ) — 802.
«Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго Острова» (Вяземскій) — 25.
«Разговоръ у княгини Халдиной» (Фонвизинъ) — 205—207.
«Разрушеніе Трои» (Жуковскій) — 230.
«Расхищенныя шубы» (Шаховской) — 5.
«Ревизоръ» (Гоголь) — 706, 709.
«Рейнеке-Фуксъ» (Гете) — 630, 646, 650.
«Рене» (Шатобріанъ) 434, 439.
«Родительское наставленіе» — 256.
«Романсы о Сидѣ» (Гердера, перев. Катенина) — 506.
«Ромео и Юлія» (Шекспира) — 133, 389, 580, 848.
«Роща» (Муравьевъ) — 225, 231—232.
«Русская грамматика» (Гречъ) — 93.
«Ревнивая жена» (Зотовъ) — 921.
«Саконтала» (Калидаса) — 409.
«Сафическія строфы» (Радищевъ) — 563.
«Свадьба Фигаро» (Бомарше) — 658.
«Свѣтлана» (Жуковскій) — 24, 505.
«Свѣтлякъ и Змѣя» (Дмитріевъ) — 260.
«Севильскій Цирюльникъ» (Бомарше) — 658.
«Село Михайловское» (Миклашевичъ) — 828—830.
«Сержантъ Ивановъ, или всѣ за одно» (Кукольникъ) — 675.
«Синавъ и Труворъ» (Сумароковъ) — 571.
«Слово о полку Игоревѣ» — 586—603, 605—607, 609—613, 615—616, 626, 969.
«Слово о полку Игоревѣ» (перев. Жуковскаго) — 612.
«Слово по походѣ Игоря, сына Святославова, внука Ольгова» — 613.
«Слово похвальное Марку Аврелію» (Тома, перев. Фонвизина) — 273.
«Смерть Ивана Выжигина» (Орловъ) — 461—462.
«Смерть Роллы» (Коцебу) — 7.
«Созданіе Красавицы» (Шевыревъ) — 107.
«Сонмище нигилистовъ. Сцены изъ литературнаго балагана» (Надеждинъ) — 153.
«Союзъ поэтовъ» (Вр-въ) — 406.

lib.pushkinskijdom.ru

«Сплетни» (Катенинъ) — 495.
«Стансы къ Элизѣ» (Олинъ) — 569.
«Станція» (Вяземскій) — 543.
«Старая быль» (Катенинъ) — 506.
«Стихи при видѣ картины, представляющей бурю во время плаванія корабля «Императрица Марія» въ 1828 г.» (Федоровъ) — 767.
«Стихотворенія Б. Дельвига» — 234.
«Страдалецъ» (Ал-въ) — 256.
«Страданія молодого Вертера» (Гёте) — 408.
«Таврида» (Батюшковъ) — 412, 414, 416.
«Таврида» (Муравьевъ, А.) — 104.
«Тарасъ Бульба» (Гоголь) — 688—689, 708.
«Тереза и Фальдони, или письма двухъ любовниковъ, жившихъ въ Ліонѣ» (Леонаръ) — 126.
«Телемакъ» (Фенелонъ) — 225, 634.
«Тилемахида» (Тредьяковскій) — 225—226, 231, 557, 563, 756.
«Титиръ» (Вергилій, пер. Рубана) — 225.
«Титиръ» (Галинковскій) — 226.
«Тлѣнность» (Жуковскій) — 110, 564.
«Торжество любви» (Шиллеръ, перев. Шевырева) — 107.
«Три повѣсти» (Павловъ) — 676, 679.
«Тристіи» (Овидій) — 818—819.
«Тристрамъ Шэнди» (Стернъ) — 653.
«Тысяча и одна ночь» — 547.
«Тѣнь друга» (Батюшковъ) — 414.
«Убійца» (Катенинъ) — 110.
«Увѣреніе» (Боратынскій) — 143—144.
«Украинскія мелодіи» (Маркевичъ) — 687, 693.
«Урокъ кокеткамъ, или Липецкія воды» (Шаховской) — 3, 5.
«Утренняя звѣзда» (Жуковскій) — 110.
«Утро въ кабинетѣ знатнаго барина» (Полевой) — 218.
«Утро дѣлового человѣка» (Гоголь) — 709.
«Фаустъ» (Гёте) — 77, 79—80, 874.
«Фелица» (Державинъ) — 283.
«Федра» (Расинъ) — 328, 334, 380, 384, 797.
«Филиппъ II» (Альфьери) — 80.
«Филоктетъ» (Софоклъ) — 384.
«Фингалъ» (Озеровъ) — 9.
«Финляндія» (Боратынскій) — 410, 412.
«Франсіада» (Ронсаръ) — 651.
«Франческо да-Римини» (Пеллико) — 825.
«Франческо Римини» (перев. Норова изъ Данте) — 104.
«Хамелеонистика» (Воейковъ) — 468, 914, 917.
«Хвастунъ» (Княжнинъ) — 562.
«Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ, или дѣти Ивана Выжигина» (Орловъ) — 445, 447.
«Хроника Русскаго въ Парижѣ» (Тургеневъ, А.) — 785—790, 806.
«Царица фей» (Спенсеръ) — 645.

lib.pushkinskijdom.ru

«Четьи Минеи» — 15.
«Чурила Пленковичъ» (Радищевъ) — 757.
«Чужой толкъ» (Дмитріевъ) — 302.
«Шильонскій Узникъ» (Байронъ) — 77.
«Шинель» (Гоголь) — 709.
«Щеголихи въ сатирической литературѣ XVIII в.» (Покровскій) — 550.
«Ѣзда на островъ любви» (Тальманъ, перев. Тредьяковскаго) — 44.
«Эда» (Боратынскій) — 402—403, 406—409, 412, 889.
«Эдипъ» (Софоклъ) — 384.
«Эдипъ въ Афинахъ» (Озеровъ) — 9.
«Электра» (Кребильонъ) — 384.
«Эмиль» (Руссо) — 144.
«Энеида» (Вергилій) — 123, 233, 549.
«Энциклопедическій Лексиконъ Плюшара и А. С. Пушкинъ» (Бычковъ) — 828.
«Эпиграмма» (Полевой) — 306.
«Эсфирь» (Расинъ) — 9.
«Юрій Милославскій, или русскіе въ 1612 г.» (Загоскинъ) — 194—196, 335, 840, 878.
«Я есмь» (Шевыревъ) — 979.
«Ятаганъ» (Павловъ) — 675, 677—682.
«Ѳракійскія элегіи» (Тепляковъ) — 817.

«L'A, B, C ou Dialogue entre A, B, C, traduit de l'Anglais de M. Huet» (Voltaire) — 950.
«A ballad, of a young man that would read unlawful books, and how he was punisched» (Southey) — 948.
«A Le Brun» (Chénier, M. J.) — 928.
«A Vision of Judgement» (Southey) — 804.
«Adolphe» (Constant) — 159—160, 277, 434, 904.
«Les amours de Psyché et de Cupidon» (La Fontaine) — 915.
«L'âne mort et la femme guillotinée» (Janin) — 778, 901—903, 905.
«Anecdotes et bons mots» (Rivarol) — 876.
«L'Anti-Machiavel» (Gentillet) — 879, 985.
«Art poétique» (Boileau) — 14, 44, 90, 383, 442, 646, 648, 651, 922, 941, 972.
«Athalie» (Racine) — 633, 654.
«L'Automne» (Lamartine) — 491.
«Les aventures de Télémaque» (Fénelon) — 557, 655—656.
«Barnave» (Janin) — 902.
«Bug-Jargal» (Hugo) — 903.
«Buovo d'Antona» — 649.
«Las caractères de Théophraste, traduits du grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle» (La Bruyère) — 469, 574.
«Caractères et anecdotes» (Chamfort) — 654.
«Carte du tendre» (Scudery) — 861.
«The Castle of Otranto» (Walpole) — 603.
«La chartreuse» (Gresset) — 818.
«Child Harold's Pilgrimage» (Byron)—76—77, 333, 668, 818, 874, 876—877, 894.

lib.pushkinskijdom.ru

«Cid» (Corneille) — 380—381, 498, 506—507.
«Cinq Mars» (Vigny) — 195, 850, 859—861, 986.
«La Confession» (Janin, J.) — 901—904.
«Les Confessions» (Rousseau, J. J.) — 657.
«Considérations sur la France» (de Maistre) — 199, 949.
«Considérations sur les principaux événements de la révolution française» (Staël) — 197, 946.
«Les Consolations» (Sainte-Beuve) — 488.
«Contes bruns» (Balzac) — 902.
«Contes drolatiques» (Balzac) — 902.
«Les contes espagnols» (Musset) — 343.
«Cours de littérature dramatique» (Schlegel, A.-W.) — 358.
«Le creux de la vallée» (Delorme) — 439.
«De arte poëtica» (Horatius) — 346—347.
«De l'esprit» (Helvetius) — 735, 753.
«De l'esprit des lois» (Montesquieu) — 567, 634.
«De litteris, syllabis, pedibus et metris» (Terentianus Maurus) — 557.
«De manumittendis per Russiam servis» (Кайсаровъ) — 74.
«De Poësi Romantica» (Надеждинъ) — 952.
«De rerum natura» (Lucretius) — 643.
«Defensio pro populo anglicano» (Milton) — 645, 856, 860.
«Defensio regia pro Carolo I» (Salmasius) — 860.
«The Deformed Transformed» (Byron) — 78—80.
«Dei doveri degli uomini» (Pellico) — 825—826.
«Le départ du poète» (Boileau) — 974.
«Le dernier chant du pèlerinage d'Harold» (Lamartine) — 487.
«Le dernier jour d'un condamné» (Hugo) — 202, 481, 903.
«Dictionnaire philosophique» (Voltaire) — 564, 869—870, 928, 930.
«Discours de réception de Scribe» — 976.
«Dix années d'exil» (Staël) — 33—34, 36, 389, 550, 559—560, 656, 928, 933—934, 966.
«Du Prince et des Lettres» (Alfieri) — 652, 866.
«Εἰκὼν βασιλική» (Gauden) — 860.
«Εἰκονοκλάστης» (Milton) — 851—852, 860.
«Elementa doctrinae metricae» (Hermann) — 235.
«L'enfant prodigue, comédie. Préface de l'éditeur de l'édition de 1738» (Voltaire) — 90.
«L'Enthousiasme» (Lamartine) — 491.
«Entretiens sur le fils naturel» (Diderot) — 921.
«Epigramme» (Pellisson) — 300.
«Epitome doctrinae metricae» (Hermann) — 235.
«Epitre à M. d'Alembert» (Voltaire) — 955.
«L'Espérance» (Lamartine) — 491.
«Essai sur la vie et les oeuvres de Shakespeare» (Guizot) — 357.
«Essai sur le despotisme» (Mirabeau) — 657.
«Essais» (Montaigne) — 482—483.
«Essais philosophiques» (Ancillon) — 932.
«Esther» (Racine) — 100.

lib.pushkinskijdom.ru

«Faliero» (Byron) — 78.
«Feuille» (Arnault) — 773—774.
«Les feuilles d'automne» (Hugo) — 439, 480, 492.
«Les Fourberies de Scapin» (Molière) — 811.
«La Gageur imprévue» (Sedaine) — 921.
«Le Gamin de Paris» — 778.
«The Genealogists» (Cornwall) — 320.
«Géorgiques» (Delille) — 99.
«Han d'Islande» (Hugo) — 903.
«Handbuch der Metrik» (Hermann) — 235.
«Harmonies poétiques et religieuses» (Lamartine) — 488.
«Hassan», v. «Namouna».
«Heaven and Earth» (Byron) — 79.
«Henriade» (Voltaire) — 971.
«L'Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux» (Nodier) — 897, 899—900.
«Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des européens dans les deux Indes» (Raynal) — 758.
«L'homme des champs» (Delille) — 100.
«L'homme du monde» (Ancelot) — 942.
«Horaces» (Corneille) — 485.
«L'Huître et les Plaideurs» (La Fontaine) — 811.
«Hymne sur l'entrée triomphale des Suisses de Chateauvieux» (Chénier, A.) — 48.
«Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris» (Chateaubriand) — 494.
«Le Jeu de Paume» (Chénier, A.) — 48.
«Jocelyn» (Lamartine) — 489.
«Journal of the Conversations of Lord Byron» (Medwin) — 668.
«Lettre à Lord *** Earl of *** sur la soirée du 25 octobre 1829 et sur un système dramatique» (Vigny) — 907.
«Letters on Demonology and Witchraft» (Scott) — 948.
«Lettres Persanes» (Montesquieu) — 483—484, 634.
«Lettres philosophiques» (Voltaire) — 862.
«Lieux communs en littérature» (Voltaire) — 564.
«Loves of the Angels» (Moore) — 79.
«Lutrin» (Boileau) — 971.
«Ma Muse» (Delorme) — 440, 962.
«Manfred» (Byron) — 77, 79—80, 489.
«Mardoche» (Musset) — 342.
«Les marrons de feu» (Musset) — 342.
«Maximes et pensées» (Chamfort) — 876.
«Le méchant» (Gresset) — 495.
«Méditations poétiques» (Lamartine) — 437, 487.
«Mémoires de Fouché» — 668.
«Mémoires pour servir à l'histoire de la Révolution française» (Sanson) — 198, 986.
«Mémoires sur la vie privée de Marie Antoinette, Reine de France et de Navarre» (Campan) — 197.

lib.pushkinskijdom.ru

«Micromégas» (Voltaire) — 19.
«Le mie prigioni» (Pellico) — 825.
«Namouna» (Musset) — 341—342.
«Nibelungen» — 629.
«Nouveaux mélanges» (Necker) — 463.
«Nouveaux Pourceaugnac» (Scribe) — 778.
«Nouvelles Méditations» (Lamartine) — 487.
«Nuits» (Young) — 484, 738.
«Ode sur l'enthousiasme» (Le Brun) — 928.
«Opinion de Frédéric Schlegel sur Lamartine» — 489.
«Les Orientales» (Hugo) — 491.
«Orlando inamorato» (Bojardo) — 649.
«Orlando furioso» (Ariosto) — 645, 649—650, 855, 862—863.
«Le Paradis Perdu, traduction nouvelle par M. de Chateaubriand; faisant suite aux Etudes historiques de M. de Chateaubriand sur la Littérature anglaise» (Низаръ) — 862.
«Paradise Lost» (Milton) — 100—101, 646, 834, 846, 852, 856—858, 860—862.
«Peau de chagrin» (Balzac) — 902.
«Pensées et souvenirs» (Necker) — 462.
«Pensées sur l'Administration publique» (Voltaire) — 567.
«Pervonte oder die Wünsche» (Wieland) — 697.
«Les Plaideurs» (Racine) — 188, 380.
«Portia» (Musset) — 342.
«Πουλάκι ξένο Κ'ἐρημωμένο...» (Инсиланти) — 775.
«La princesse de Babylone» (Voltaire) — 862.
«Le prisonnier» (Della-Maria) — 8—9.
«La Pucelle» (Voltaire) — 650, 656, 866
«La raison» (Chénier, M.) — 928.
«Recueil des discours prononcés au Parlement d'Anglettere par G. Canning» — 432.
«Réflexions critiques sur quelques passages du rhéteur Longin» (Boileau) — 942.
«Respublica Bojema» (Странскій) — 603.
«La Rime et la Raison» (Boileau) — 564.
«Le roi d'Ivetot» (Béranger) — 779.
«Royautés littéraires» (Planche) — 481.
«Russische Günstlinge» (Gelbig) — 741.
«Sardanapalus» (Byron) — 78, 95.
«Satura I» (Horatius) — 643.
«Scènes de la vie privée» (Balzac) — 902.
«M. Scribe et son vaudeville de réception» (Janin) — 778.
«She walks in beauty» (Byron) — 105.
«Siècles de Louis XIV et de Louis XV» (Voltaire) — 868, 870.
«Spectacle dans un fauteuil» (Musset) — 341.
«Sur un poète apparu en 1820» (Hugo) — 154.
«Surdum judicium» (Everaerts) — 301.
«Tables de nuit» (Musset) — 902.
«Tartufe» (Molière) — 346, 938.

lib.pushkinskijdom.ru

«To the General Cromwell» (Milton) — 860.
«Der Tod Abels» (Gessner) — 506, 608.
«Toujours je la connus pensive et sérieuse» (Delorme) — 440.
«Les trois sourds» (Pellisson) — 300.
«Les trois sourds» (Saint-Gelais) — 301.
«La veillée. A mon ami V. H.» (Delorme) — 439.
«Vérité dans le vin» (Collé, Ch.) — 487.
«Versuch einer kritischen Dichtkunst» (Gottsched) — 383.
«Vert-Vert» (Gresset) — 586, 650.
«Vie de Molière» (Voltaire) — 652.
«Le vieillard et les trois jeunes hommes» (La Fontaine) — 93.
«Vision of judgment» (Byron) — 895.
«Vita nuova» (Dante) — 440.
«Voyage en Sibérie» (Chappe d'Auteroche) — 145.
«Woodstock» (Scott) — 861—862.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ.[1]

Александръ Радищевъ — 255 — 710.
[Альманашникъ] — 54 — 135, 944.
[Анекдотъ о Байронѣ] — 419 — 893.
[Баратынскій] — 130 — 395, 956.
Вастола, или желанія — 253 — 696.
Вечера на хуторѣ близъ Диканьки — 254 — 706.
Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme. Les Consolations, poésies par Sainte Beuve — 139 — 434, 961.
Вольтеръ — 314 — 806, 980.
Всѣмъ извѣстно что французы народъ самый anti-поэтическій — 163 — 479, 965.
Въ зрѣлой словесности приходитъ время... — 45 — 108.
[Грамматическія замѣчанія] — 117 — 336, 955.
Дельвигъ — 135 — 416, 957.
Денница, альманахъ на 1830 годъ, изданный М. Максимовичемъ — 409 — 884.
Джонъ Теннеръ — 335 — 821, 981.
Дѣтская книжка — 60 — 147.
[Желѣзная маска] — 396 — 867.
[Замѣтка о статьѣ Гоголя] — 376 — 830.
[Замѣчанія на Анналы Тацита] — 23 — 52, 929.
[Замѣчанія на Пѣснь о полку Игоревѣ] — 211 — 586, 969.
Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ — 301 — 780.
Histoire du roi de Bohême et de ses sept châteaux — 423 — 897.
Иліада Гомерова — 63 — 166.
Исторія русскаго народа — 65 — 178, 945.
Кавалеристъ-дѣвица — 378 — 835.

---

[1] Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на примѣчанія.

lib.pushkinskijdom.ru

Карелія, или заточеніе Маріы Іоан<н>овны Романовой. Описательное стихотвореніе въ четырехъ частяхъ Ѳедора Глинки — 435 — 907.
Ключь къ Исторіи Государства Россійскаго Н. М. Карамзина — 380 — 838.
La confession par l'Auteur de l'Ane mort et la femme guillotinée — 430 — 901.
Критика вообще. Крит<ика> наука — 121 — 347,
[Критическія замѣтки] — 100 — 286, 954.
[Къ запискѣ: О древней и новой Россіи] — 381 — 842.
[Къ повѣсти: Носъ] — 304 — 791.
[Къ разсказу: Долина Ажитугай] — 253 — 694, 975.
[Литературное общество] — 52 — 129.
[Лордъ Байронъ] — 228 — 661.
[Мелкія замѣтки разныхъ годовъ] — 398 — 871, 982.
Мнѣніе М. Е. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной — 304 — 795, 976.
Мои замѣчанія объ русскомъ театрѣ — 2 — 5, 921.
Мои мысли о Шаховскомъ — 1 — 3.
[Мысли на дорогѣ] — 168 — 508, 965.
Новый романъ — 376 — 828.
Нѣсколько словъ о мизинцѣ г. Булгарина и о прочемъ — 156 — 465.
[О Байронѣ] — 33 — 76, 935.
[О безнравственности поэтическихъ произведеній] — 114 — 327, 955.
[О вдохновеніи и восторгѣ] — 13 — 27, 922—928.
(О выходкахъ противъ литературной аристократіи] — 90 — 261.
[О гекзаметрахъ Мерзлякова] — 85 — 225, 950.
О г-жѣ Сталь и Г. А. М-вѣ — 14 — 33, 928.
[О дворянствѣ] — 161 — 471, 964.
[О Дельвигѣ и Кирѣевскомъ] — 113 — 322.
[О драматическихъ произведеніяхъ] — 8 — 15, 921.
[О драмѣ] — 121 — 350.
[О дѣленіи Европы на классическую и романтическую] — 22 — 51.
[О журнальной критикѣ и полемикѣ] 98 — 284.
[О запискахъ Видока] — 87 — 235.
[О запискахъ Самсона] — 80 — 197, 948.
[О карикатурѣ въ Англіи и о Полевомъ] — 83 — 214.
[О книгѣ Дмитріева, И. И.: Путешествіе NN въ Парижъ и Лондонъ] — 209 — 581.
[О книгѣ Муравьева, А. Н.: Путешествіе ко св. мѣстамъ] — 164 — 492.
[О комедіи Загоскина: Недовольные] — 380 — 839.
[О лже-критикахъ] — 418 — 890.
[О литературной критикѣ] — 63 — 169.
[О личностяхъ въ критикѣ] — 88 — 253, 953.
[О Мильтонѣ и Шатобріановомъ переводѣ «Потеряннаго рая»] — 384 — 846.
О народномъ воспитаніи — 27 — 61, 933.
[О народности въ литературѣ] — 26 — 58, 931.
[О неблаговидности нападокъ на дворянство] — 89 — 257, 953.
[О некрологіи генерала отъ кавалеріи Н. Н. Раевскаго] — 62 — 156, 945.
[О переводчикахъ] — 21 — 46.

lib.pushkinskijdom.ru

[О переводѣ романа Бенжамена Констана: Адольфъ] — 62 — 159.
[О повѣстяхъ Павлова] — 232 — 673.
О предисловіи г-на Лемонте къ переводу басенъ И. А. Крылова — 16 — 40, 928.
[О приличіи въ литературѣ] — 119 — 339, 956.
[О причинахъ, замедлившихъ ходъ нашей словесности] — 11 — 20.
[О разговорѣ у княгини Халдиной, Фонвизина] — 81 — 205.
[О романахъ Вальтера Скотта] — 22 — 46, 928.
[О русской журналистикѣ въ сравненіи съ иностранной] — 138 — 425, 961.
[О русской литературѣ, съ очеркомъ французской] — 217 — 614, 969.
[О слогѣ] — 9 — 17, 921.
[О смѣлости выраженій] — 43 — 99, 942.
[О сочиненіяхъ П. А. Катенина] — 166 — 494, 965.
[О статьяхъ князя Вяземскаго] — 82 — 209, 949.
О фр⟨анцузской словесности⟩ — 8 — 12, 921.
[Объ аббатѣ Шаппѣ и его описаніи путешествія въ Сибирь] — 59 — 145, 944.
[Объ альманахѣ «Сѣверная Лира»] — 44 — 101.
[Объ Андреѣ Шенье] — 22 — 48, 929.
[Объ А. Шенье, какъ классикѣ] — 61 — 153, 944.
[Объ Исторіи поэзіи Шевырева] — 234 — 683.
Объ обязанностяхъ человѣка. Сочиненіе Сильвіо Пеллико — 371 — 825, 981.
[Объясненіе къ замѣткѣ объ Иліадѣ] — 84 — 219.
Отрывки изъ писемъ, мысли и замѣчанія — 35 — 82, 936.
[Отрывки изъ разговоровъ] — 96 — 278.
Отрывки изъ литературныхъ лѣтописей — 46 — 111, 943.
Отъ редакціи — 302 — 785.
Отъ редакціи — 377 — 832.
Отъ редакціи — 378 — 834.
Первый обожатель возбуждаетъ чувствительность женщины — 22 — 46.
Письмо къ издателю — 445 — 909.
Письмо къ издателю С⟨ына⟩ О⟨течества⟩ — 12 — 25, 922.
Послѣдній изъ свойственниковъ Іоанны д'Аркъ — 392 — 863, 981.
[Разговоръ] — 91 — 270.
[Ромео и Джюльета, Шекспира] — 53 — 133, 944.
Россійская Академія — 269 — 760, 976.
Словарь о святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви, и о нѣкоторыхъ сподвижникахъ благочестія мѣстночтимыхъ. 1836. СПб. — 373 — 827.
Собраніе сочиненій Георгія Конискаго, архіепископа Бѣлорусскаго — 235 — 686, 975.
Торжество дружбы, или оправданный Александръ Анѳимовичъ Орловъ — 148 — 443, 964.
Французская Академія — 275 — 769, 976.
[Шайлокъ, Анджело и Фальстафъ, Шекспира] — 208 — 579.
Юрій Милославскій, или русскіе въ 1612 году — 78 — 194, 947.
Ѳракійскія элегіи — 322 — 813, 980.

lib.pushkinskijdom.ru

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ*

А** — 219.
Августа Ливія 24.
Августинъ, блажен. 240.
Августъ, имп. 25 — 57, 929—931, 943.
Авзонія 438.
Агриппа Неттесгеймскій, Г.-К. 78 — 194—195, 947, 948.
Агриппа Постумъ 23 — 56, 57.
Адамъ 421.
Азиній Галлъ 24 — 53.
Аделунгъ, Ф. П. — 573.
Аксаковъ, С. Т. — 196, 197, 370, 374.
Ал-въ, М. 256.
Аладьинъ, Е. — 112, 253—254, 953.
Аламбертъ, см. D'Alembert.
Александровъ, А. А., см. Дурова.
Александръ Невскій 106.
Александръ I 15—29, 162, 169, 205, 258, 274, 275, — 74, 97, 311, 518—519, 562, 615, 728, 745—746, 766, 768—769, 834, 934.
Александръ II — 519.
Алексѣевъ, Н. А. — 95.
Алексѣй Михайловичъ, царь — 623.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ 379.
Алексѣй, бож. чел. 190.
Алкей — 586.
Алкивіадъ 420 — 894, 984.
Альфьери, Витторіо 21, 32, 119 — 45, 71, 80, 336, 558, 652, 654—655, 866, 953, 955.
Америкъ Веспуцій (Америго Веспуччи) — 234.
Анакреонъ 218 — 619, 643.
Анастасевичъ, В. Г. — 334.
Андріе 288, 293.
Андросовъ, В. П. — 791.
Анна Іоанновна 76, 77 — 473, 518.
Анна-Луиза Бурбонская — 653.
Анненковъ, П. В. 72, 76 — 3, 4, 20, 25, 27—29, 33, 40, 46, 51—52, 54, 66, 75—76, 82—83, 134, 143, 173, 178, 220, 260, 265, 270, 272, 277, 284—285, 287, 296, 300, 304, 317, 327, 336, 339—341, 348, 350, 355—356, 365, 375—379, 395, 402, 405, 416, 424, 434, 457, 471, 479, 488, 494, 498—499, 510, 538, 546—547, 579, 587, 591, 615, 617, 637—639, 660, 667, 674, 684, 686, 707, 719—720, 739, 760—762, 785, 795, 806, 813, 821—822, 825, 827—828, 835, 838, 840, 842, 846, 864, 867, 872, 875, 893—894, 909—910, 925—926, 950—951, 954, 965.
Аннибалъ, А. Н. — 261.
Ансело, см. Ancelot.
Ансильонъ, см. Ancillon.
Араповъ, П. Д. 9—12.
Аржанталь, Карлъ-Августъ — 316, 320.
Аристархъ Завѣтный, см. Бестужевъ-Рюминъ, М. А.
Аристотель 220 — 385, 621, 625, 640.
Аристофанъ 295—351.
Аріосто, Людовико 23, 26, 221, 222 — 51, 52, 60, 363, 629—630, 645, 649, 655, 855.
Д'Аркъ, І., см. D'Arc, J.
Арно, см. Arnault.
Арнолдъ 177.

* Горизонтальная жирная черта, поставленная передъ цифрами, указываетъ на примѣчанія.

lib.pushkinskijdom.ru

Арсалановъ — 202.
Арсеньевъ, — И. 678.
Арцыбашевъ — 193.

Б** — 219.
Б-у, А. — 790.
Баженовъ — 738.
Байскій, П. Б. — 255.
Байронъ, см. Byron.
Баконъ, см. Бекон.
Балабинъ, Г. М. 435.
Балланшъ, П., см. Ballanche.
Бальзакъ, см. Balzac.
Бандтке — 131.
Бантышъ-Каменскій Д. Н. — 597, 687.
Барантъ А. 68, 307 — 185, 966.
Барковъ, Д. Н. — 7.
— И. С. — 489, 555.
Баратынскій, см. Боратынскій.
Баронъ Шнапсъ фонъ Габенихтсъ, псевд. — 324.
Баррасъ 280.
Бартеневъ, П. И. — 61, 951.
Барсковъ, Я. Л. — 738.
Барсуковъ, Н. П. — 374—375, 839.
Батый — 768.
Батюшковъ, К. Н. 8, 12, 135, 436 — 13, 21, 23, 24, 33, 84, 127, 254, 258, 288, 396, 403, 412—416, 423, 503, 506, 556, 796, 876, 909, 987.
Бахтинъ, Н. И. 166 — 111, 495—496, 498, 507.
Безсоновъ, И. А. — 909.
— П. А. — 909—910.
Бейль, П., см. Bayle.
Беконъ 175 — 525.
Белли, Джемсъ 392.
Беллокъ, А., см. Belloc.
Бенедиктов, В. Г. 450.
Бенигна, см. Полевой, Н. А.
Бенкендорфъ, А. Х. — 66 — 68, 70, 241, 242, 263—265, 370, 379, 429, 465, 546, 618, 676, 694—696, 723, 725, 726, 934.
Бенсерадъ — 526.
Беранже, см. Béranger.
Бередниковъ, Я. И. — 839.
Бернардъ, см. Bernard.
Берни, Ф.-І. 289.
Бёрнсъ — 362.
Бертенсонъ, С. Л. — 499.
Бертонъ, см. Berton.
Бертранъ 295, 300.
Бестужевъ, А. А. — 14, 22—23, 29, 52, 59, 88—89, 192, 213, 268, 280, 297, 311, 403—404, 487, 497—498, 559, 643, 650, 652, 726, 929, 940.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. — 184, 193.
— М. А. 104 — 139, 142—143, 144, 175—176, 286, 290, 302—304, 306, 325, 433, 944.
— М. П. — 72.
Беттинелли, С. — 659.
Бешерель, см. Beschereile.
Бильбасовъ, В. А. — 146.
Билярскій, П. С. — 147, 554—555, 557—558.
Биргеръ, см. Бюргеръ.
Бирон, принцъ 379 — 624.
Бируковъ, А. С. — 570, 726, 728.
Бицій, Робертъ 181.
Благой, Д. — 965.
Блудовъ, Д. Н. — 119, 838.
Бобрищевъ-Пушкинъ 107.
Бобровъ, Е. А. — 548, 732—733, 751—753.
Богдановичъ, И. Ф. 8, 12, 119 — 13, 23, 705, 942.
Бодрикуръ 393 — 864.
Боккаччіо, Джіованни 117.
Бокумъ — 730—731, 734.
Болтинъ, А. И. — 910.
— И. А. — 317.
— И. Н. 59 — 146—147, 542, 566.
Бомарше, см. Beaumarchais.
Бонапартъ, см. Наполеонъ.
Бопланъ 689.
Боратынскій, Е. А. 8, 35—36, 44, 94, 130—135, 414, 419—13, 104, 138, 141—144, 161, 163, 165, 173, 215, 217, 254—255, 260, 279, 305, 332, 346, 395—396, 398—399, 402—407, 409—412, 415, 420—422, 425, 500, 515, 551, 582, 618, 876, 886, 889, 916, 956—957, 979—980.
Борецкій (Пустошкинъ), И. П. 7—11.
Борецкій, Исаакъ — 392.
Борнъ — 748.

lib.pushkinskijdom.ru

Бороздинъ, К. М. — 160, 222, 250—251.
Борхардтъ, Н. И. — 886.
Боссюэтъ, см. Bossuet.
Бофоръ, см. Beaufort.
Боэльдьэ, см. Boieldieu.
Брамбеусъ, см. Сенковскій.
Брокгаузъ — 200.
Брольи, де- — 435—436.
Броссъ, см. Brosses.
Брумъ, см. Brougham.
Брутъ 32, 71 — 65, 139, 191.
Брюлловъ, К. П. — 813.
Брюсъ, Я. А. 264, 736.
Брянскій (Григорьевъ), Я. Г. 6, 7—11.
Бугсгевденъ — 785.
Буало, см. Boileau.
Булгаковъ, А. Я. — 204, 771.
Булгарина, Е. И. — 470.
Булгаринъ, Ѳ. В. 55, 90, 97, 112, 148—153, 155—158, 160, 416, 449—15—16, 59, 92, 97, 133, 137, 145, 149, 174, 176, 177, 183, 196, 206, 212, 236—237, 239—251, 254—255, 260—262, 264—266, 268, 271, 274—276, 298, 305, 308, 313—314, 316—318, 320, 325, 331, 390, 406—407, 420, 422, 444—445, 450—459, 461—466, 468—470, 728, 787—788, 791, 800, 829—831, 833, 885, 889, 892, 896, 910, 912—915, 917, 923, 944, 975.
Бунина — 3.
Бурбоны — 204, 512, 546, 725.
Бутакова, В. И. — 938.
Бутковъ, П. Г. — 601—602.
Бутовскій, И. Г. 379—835, 837.
Бутурлины 107 — 315.
Буффлеръ, см. Boufflers.
Бычковъ, И. А. — 572.
— А. Ѳ. — 828.
— Ѳ. А. — 814.
Бѣликовъ, И. — 598, 600, 602.
Бѣлинскій, В. Г. 449 — 466, 481, 510, 660, 675, 678, 683, 686—687, 703—705, 769—770, 783—784, 792, 797, 800, 817, 835—836, 841, 842, 917.
Бѣлосельскій — 731.
Бюргеръ, Г. А. 46, 167 — 8, 111, 349, 500, 502, 504—505.
Бюронъ, Ральфъ 228.
Бюффонъ, см. Buffon.

Ваде, Ж. Ж. 45 — 109, 110.
Вальберхова, М. И. 5 — 6, 9, 10.
Вальполь, Горацій 211, 226, — 587, 603, 636, 657.
Вальтеръ — 197.
Васильчиковъ, И. В. — 934.
Вега, Лопе, см. Vega.
Вейсель 177.
Вельтманъ, А. Ѳ. 214, 217, — 587, 591—592, 594, 606—607, 609—610, 613—614, 770—771.
Веммеръ, Жоржъ — 9.
Веневитиновы — 684.
Веневитиновъ, Д. В. 409, 412 — 22, 886—887.
Венгеровъ, С. А. — 488, 683, 769, 798, 910, 980.
Вергилій 86, 191—192, 218 — 123, 229—230, 549, 599, 620, 643, 649, 659, 756.
Вермандуа, см. Vermandois.
Вернадскій, Г. В. — 737.
Верстовскій, А. Н. 49 — 125, 674.
Веселовскій, А. Н. — 668.
Вибій Серенъ — 57.
Видокъ, см. Vidocq.
Виландъ, Хр. М. 253, 254, 378 — 696—700, 704.
Вильгельмъ Завоеватель 228.
Вильеръ 146.
Вильменъ, см. Villemain.
Вильонъ, см. Villon.
Вильсонъ, см. Wilson.
Винкельманъ, см. Winckelmann.
Виньи, см. Vigny.
Висковatовъ — 390.
Витгенштейнъ — 469.
Вите, см. Vitet.
Вицманъ — 739, 745.
Владиміръ Мономахъ — 294, 602.
Владиміръ св. 42, 70, 215 — 167, 187.
Воатюръ, см. Вуатюръ.
Воейковъ, А. Ѳ. 157, 449 — 34, 213, 227, 237, 250, 254, 275, 283, 334, 463, 468, 499, 706, 800, 908, 910, 914, 917.
Волковъ, Ѳ. Г. 125 — 387.

lib.pushkinskijdom.ru

Волынскій 37 — 940.
Вольтеръ, см. Voltaire.
Вордсвортъ, см. Wordsworth.
Воронцова, Е. Р., см. Дашкова.
Воронцовъ, А. Р. 257 — 736, 744.
—— М. И. 176, 183 — 557, 558.
—— М. С. — 95, 312.
Воронцовы — 736, 738—740, 744, 759,
Востоковъ, А. Х. 193, 211 — 226—227, 565, 596—597, 766.
Вр-въ, Д. — 406.
Врасскій, Б. А. — 375.
Вронченко М. П. — 255.
Всеволодскій, В. — 9—10.
Всеволожскіе — 7.
Всеволожскій, Н. В. — 6—7.
Всеславъ, кн. — 610, 612.
Вуазенонъ 289.
Вуатюръ, Винсентъ, 8 — 14.
Вульфъ, А. Н. — 68, 96, 942.
Вье-Мезонъ, см. Vieux Maisons.
Вяземская, В. Ѳ. — 202, 778, 901—902.
Вяземскій, А. А. — 834.
—— П. А. 8, 12—13, 35, 42, 44, 51, 62—63, 82—83, 94, 97, 122, 137, 378, 398, 414, 436 — 4, 11, 13, 19, 20, 22—23, 25—27, 34, 37—40, 42—43, 50, 52, 59, 66, 72—73, 75, 89, 91, 93, 96, 104—107, 127—128, 133, 137—138, 143, 149—150, 154—155, 159—160, 161—165, 171, 173, 184—186, 192, 196, 201—202, 204—205, 208—214, 216, 224, 235, 243—244, 247, 253—255, 257, 267, 269, 271, 275, 277—278, 280—281, 283, 297, 303, 305, 308, 313—314, 337, 343, 361, 382, 388—389, 403, 405, 419—420, 422, 429, 432, 453, 465—466, 475—476, 487, 496—499, 503, 515, 543, 553, 559, 563, 565, 584, 608, 640, 649, 654, 658, 660, 677, 684, 720, 726—728, 735, 746—748, 763, 765, 771, 786—790, 792, 799, 805, 811, 826, 834, 838, 863, 876, 884 — 886, 888, 910, 916, 941, 949, 951, 953, 955, 964, 980, 982.

Г. Л., см. Lemontey.
Г-ъ, см. Гурьевъ, К.
Габбе, П. А. — 34.
Гавриленко, А. А. — 733, 753.
Гаврилова — 320.
Гагаринъ, И. С. — 677.
Гаевскій, П. И. — 112.
—— В. П. — 317, 327, 950—951, 954.
Газлиттъ, см. Hazlitt.
Галаховъ, А. Д. — 164, 225, 739.
Галилей — 927.
Галинковскій — 226.
Галичъ, А. И. — 979.
Галламъ, см. Hallam.
Галлъ Азиній, см. Азиній.
Гамлетовъ, см. Боратынскій.
Гаммеръ-Пургшталь 421 — 896.
Ганка, В. — 594, 969.
Ганнибалъ, А. П. — 263.
Ганнибалы — 312.
Гатерій 24.
Гауденъ — 860.
Гафизъ — 105.
Гебель, І. П. 46 — 110.
Геренъ 60.
Геймъ — 152.
Геллертъ, Хр. 255 — 731.
Гелмолдъ 177.
Гельбигъ — 741.
Гельвецій, К.-А. 256, 261 — 735—736, 751—755.
Гельдъ, Г. Г. — 55, 929.
Гельти, Л.-Г. 136 — 423, 959.
Генкель 178.
Геннади, Г. Н. — 510.
Генрихъ III 392 — 635.
Георгій Херобоскій 272—273.
Гердеръ — 507, 755.
Германикъ 24, 25, 53, 57.
Германъ І.-Г. 86 — 235.
Герценъ, А. И. — 741.
Гершензонъ, М. О. — 415.
Геснеръ, С. 167, 214 — 304, 506, 607—608.
Гёте, І. В. 43, 68, 110, 118, 122, 125, 130, 221, 309, 403, 409, 416 — 80, 165, 297, 363, 381—382, 396—397, 405, 500, 553, 938, 562, 646, 668, 804, 874, 881, 886, 929, 984.
Геттнеръ, Г. — 383, 423, 758.

lib.pushkinskijdom.ru

Гиббонъ, Эдуардъ 226 — 636, 657.
Гизо, см. Guizot.
Гимаръ, см. Гишаръ.
Гинтеръ — 523.
Гиффордъ, см. Gifford.
Гишаръ, см. Guichard.
Глинка, М. И. — 674, 694.
— С. Н. 50 — 114—116, 118—119, 121, 158, 214, 886.
— Ѳ. Н. 435 — 436, 442 — 138, 907—908.
Глухаревъ, А. 7 — 11.
Гнѣдичъ, Н. И. 4, 63, 84—85, 87, 97, 167, 412 — 6—9, 111, 166—169, 220—227, 230, 232—234, 495, 501—503, 506, 796, 802, 805, 892, 929, 952.
Гобгоузъ, Д.-К. 420, 422 — 80, 895.
Гоггеръ, см. Мейендорфъ.
Гоголь, Н. В. 117, 255, 304, 376 — 339, 453, 456—457, 497, 552, 674, 677, 688, 690—691, 706—708, 710, 720, 791—794, 802, 830—831, 869, 910—911, 986.
Годуновъ, Б. 39, 107, 153, 156 — 246, 248, 315, 579, 623.
Годфридъ 221 — 630.
Голенищевъ-Кутузовъ, М. И. 149 — 449.
Голицына, А. И. — 96.
Голицынъ, А. Н. — 570.
— Н. С. — 467
Головинъ 107.
Голохвастовъ, Д. П. — 680—681.
Гольбахъ — 461, 755.
Гомеръ 13, 63, 85—86, 163, 166—169, 191, 192, 212, 281, 311, 412 — 166—167, 169, 223—224, 229—230, 233, 235, 349, 437, 479, 483, 494, 507, 525, 605, 649, 849, 924, 952—953.
Гончарова, Н. Н. — 243.
Гончаровъ, И. А. — 593—594, 719, 721.
Горацій 7, 86, 120, 130, 137, 155, 163, 210, 218, 228 — 10, 30, 81, 124—125, 142, 215, 229, 332, 346—347, 464—465, 585—586, 599, 624, 643, 959—960, 978.
Гордонъ, см. Gordon.
Горленко, В. П. — 688, 690.
Готовцева, А. И. — 89, 170, 212, 216.
Готшедъ, І.-К. 122 — 382—383, 625, 977.
Гофманъ, Ф.-В. 120 — 237, 238, 247, 345.
Гофманъ, Э.-Т.-В.-А. 423 — 81, 255, 899—900.
Грамматинъ, Н. Ѳ. 404 — 587, 593—594, 613, 882.
Гратидія — 332.
Гре, см. Gray.
Грессе, см. Gresset.
Гренъ, А. — 814, 893.
Гречъ, Н. И. 12, 90, 148—151, 156—158 — 45, 92,—93, 174, 237, 239, 249, 253, 261, 268, 274, 276, 385—387, 420, 443—444, 450—451, 456, 458—459, 461, 464—468, 470, 669, 728, 828—830, 839, 885, 892.
Грибоѣдовъ, А. С. 167, 404, 416, 417 — 92, 150, 245, 349—350, 502—505, 675, 720, 829—830, 842.
Григоровичъ, Іоаннъ 235, 238, 253 — 686, 692.
Григорьевъ, см. Брянскій,
— А. А. — 153, 219, 457.
Гриммъ, Ф.-М. — 735, 934.
Гро — 745.
Гросетъ, см. Gresset.
Гротъ, Я. К. — 424, 739, 741, 768.
Грузинцовъ — 390.
Грушевскій, А. С. — 975.
Гунтеръ, см. Hunter.
Гурьевъ, К. — 525, 555.
— М. М. — 556.
Гурьяновъ, И. — 469.
Гюго, см. Hugo.

— джд —, см. Надеждинъ.
Давидъ, царь 191.
Давыдовъ, Д. В. 276 — 728, 776—778, 785.
— И. И. — 599—600, 606.
Даль, В. И. — 913.
Даниловъ, Кирша 399 — 193, 878.
Данкуръ 288.
Данте, см. Dante.
Дараганъ — 739.
Даркъ, Л. — 981.

lib.pushkinskijdom.ru

Дашкевичъ, Н. П. — 35—36.
Дашкова, Е. Р. 269 — 764.
Дашковъ, Д. В. 234 — 3, 5, 985.
—— П. Я. — 838.
Дебарро 389.
Дезожье 290.
Декартъ 138, 386—387, 389, 430, 430, 852, 860.
Делавинь, К., см. Delavigne.
Деларю — 254, 491.
Делибюрадеръ, см. Ознобишинъ.
Делиль, см. Delille.
Делла Марія, см. Della-Maria.
Делормъ, см. Delorme.
Дельвигъ, А. А. 84—86, 94, 113, 135—138, 183, 377, 401—402, 414—415 — 31—32, 54, 82, 90, 137—139, 141—142, 169, 173, 175, 215, 220—226, 230, 234, 237, 243, 245, 247—248, 254—255, 257, 260—262, 264—265, 271, 274, 285, 298, 312, 316—317, 322—325, 327, 402—404, 415, 417—424, 456, 469, 507, 551—552, 723, 727, 833, 884, 886, 890, 893, 907, 939, 950—954, 957—961, 983—984, 986.
—— А. И. — 224, 244—245, 249, 251, 257, 265, 314, 953.
Деппингъ — 238.
Державинъ, Г. Р. 8, 12, 14, 43, 64, 97, 117, 136, 154, 182, 210, 212, 228, 259, 262, 310—311, 317, 436, 450 — 14, 22—24, 29—30, 42—43, 81, 99, 142, 207, 258, 283, 288, 311, 335, 421, 553—554, 605, 711—712, 737, 739—740, 834, 909, 925—926, 959.
Дестунисъ С. Ю. — 984.
Дету 389.
Детушъ 286.
Деффанъ, см. Deffand.
Дешанъ, см. Deschamps.
Джемсъ, см. James.
Джефри, см. Jeffrey.
Джиффортъ, см. Gifford.
Джонсонъ, см. Johnson.
Дибичъ, И. И. 164, 165 — 67, 493—494.
Дидло — 7, 376.
Дидро (Дидеро), Д. 225, 226, 263 — 146, 385, 657, 714, 736, 755, 921.
Димитрій 191, 275.
Димитрій Самозванецъ 153 — 57, 241—242, 246, 247, 249, 365.
Дмитрій Ростовскій 125 — 385—386.
Дмитрій Донской 126 — 167, 375, 768.
Диринъ, С. Н. — 826.
Діогенъ 422.
Дмитріевъ, И. И. 8, 90, 117, 209, 210, 379 — 13, 22, 24, 258, 260, 302, 335, 401, 442, 497, 503, 515, 581, 584—585, 660, 668, 711, 764, 985.
—— М. А. — 25—27, 233—234, 297—298, 583—584.
Долгорукіе 162, 173—174 — 575, 624.
Долгорукій, И. М. 172 — 512—513, 550, 828.
—— М. — 315.
—— Я. — 478.
Доленга-Ходаковскій, З. Я. 211 — 605.
Дондуковъ-Корсаковъ, М. А. — 695, 786, 843—844.
Дорать, см. Dorat.
Дофъ, М., см. Дэффъ.
Дофъ, см. Duff.
Дохтуровъ — 785.
Достоевскій, Ѳ. М. — 880—881.
Дроздовъ, см. Филаретъ.
Дружининъ 178.
Дружининъ, А. В. — 559, 605.
Друзъ 25.
Дурова, М. Т. — 837.
Дурова, Н. А. 301—302, 379—380 — 780—785, 835—838.
Дуровъ, В. А. — 781—782.
Дэффъ, М. 230 — 672.
Дю-Барри, см. Barry.
Дюбеллэ, см. Dubelloy.
Дюбюртасъ 431.
Дюкло, см. Duclos.
Дюкре-Дюминиль 402 — 880.
Дюлисъ, см. Dulis.
Дюпати, Л.-Э. 301 — 780.
Дюперье 8 — 13.
Дюсисъ 292.

Евгеній, митроп. — 766.
Ежова, Е. И. — 7.

lib.pushkinskijdom.ru

Ежевскій, I. — 464.
Екатерина II 59, 77, 107, 117, 162, 171, 176, 183, 204, 226, 228, 235, 237—238, 244, 255, 257—259, 262, 264, 269, 271, 318, 379, 403 — 35,94—95, 146—147, 207—208, 263, 473, 478, 513, 518, 548—549, 554, 558, 615, 691—692, 711, 717, 719, 725, 730, 737—738, 740—743, 748, 759—761, 765, 834, 842, 844, 874, 944.
Екатерина Павловна, вел. кн. 274—275 — 760, 763, 768, 844, 846.
Елагинъ, Вл. — 237.
Елена Павловна, вел. кн. — 787. 843.
Елисавета Петровна 45, 126, 236, — 4, 43, 106—107, 518, 555, 615, 624.
Елецкій, А. — 315.
Ермолаевъ, А. И. 211 — 596 — 597, 605.
Ермоловъ, А. П. — 157.
Ефремовъ, П. А. — 225, 387, 487—488, 510, 618, 909, 950,

Жакобъ Библіофилъ,см. Лакруа, П.
Жандръ, А. А. — 205, 367, 829.
—— П. П. — 830.
Жаненъ, см. Janin.
Жанлисъ, см. Genlis.
Ждановъ, И. Н. — 207, 277, 474, 476, 478, 574, 577, 765, 964.
Женгене, см. Ginguené.
Жирарденъ — 430.
Жираръ, см. Girard.
«Житель Дѣвичьяго поля», см. Каченовскій.
Жодель 222 — 632, 651, 973.
Жоржъ (Веммеръ), М. Ж. 4 — 9.
Жофре — 124.
Жоффруа — 497.
Жуковскій, В. А. 8, 12, 35, 43, 46, 85, 135—136, 137, 200, 276, 411—412, 417, 436 — 3, 7—8, 13, 15, 21—22, 24—25, 32, 72, 84, 99, 110, 131, 158—159, 162—163, 166, 173, 177, 195, 198, 223—226, 230, 244, 254—255, 258, 288, 311, 379, 387, 396, 401, 421, 423, 499, 501, 503—505, 507, 556, 562, 564, 570, 582, 595, 607, 609, 612, 707, 728—729, 762—763, 776, 786, 792, 805, 810, 830, 845—846, 859, 885, 923, 942, 959.
Журданъ — 562.
Жюльенъ — 124.

Завадовскій, П. В. 261 — 717, 746, 750—751.
Занѣтный, Аристархъ, см. Бестужевъ-Рюминъ, М. А.
Загоскинъ, М. Н. 78—80, 380 — 195—197, 249, 796, 335, 839—842, 859, 878.
Заикинъ, А. — 464.
Закревскій, А. А. — 37—38.
Зеновичъ 236.
Зиновьевъ, В. — 730, 734.
Зонара 178.
Зотовъ, Р. М. — 921.
Зубовъ — 712.

— инъ 256.
Ивановъ, И. И. — 910.
Иванчинъ-Писаревъ, Н. Д. — 158.
Иванъ, см. Іоаннъ.
Игорь 180 — 96.
Игорь 211—213, 216—217, 220, 227 — 187.
Измайловъ 107.
—— А. Е. — 150, 227, 256, 470.
—— В. В. 50 — 116—119, 315, 960.
Изосимъ — 602.
Илличевскій, А. Д. — 424.
Ильинскій, Н. С. — 747—749.
Иннокентій IX — 880.
Ипсиланти, А. К. 276 — 774.
Ирвингъ, В. 336 — 81, 255, 824.
Исаковъ, Я. И. — 510.
Искандеръ, см. Герценъ.
Истомина, Е. И. 3 — 7, 8.

Іаковъ 403 — 79.
Іеронимъ, св. — 882.
Іисусъ Навинъ — 692.
Іоаннъ III 39, 76—77, 128—130 — 87, 182, 392—394, 622.
Іоаннъ IV 39, 76—77, 107 — 182, 315, 622—623.
Іовъ 191 — 523.
Іорнандъ 178.

lib.pushkinskijdom.ru

Кавелинъ П. П. — 143.
Казанова, см. Casanova.
Кайсаровъ, А. — 73.
Калайдовичъ, К. Ѳ. — 766.
Каласъ 319 — 806.
Каллашъ, В. В. — 219, 909.
Каллимахъ 86 — 233.
Кальдеронъ, см. Calderon.
Каменевъ, Г. П. — 500, 548.
Каменогорскій, Ф. 7 — 11.
Каменскіе — 315, 587.
Камоэнсъ, Луи 222—629, 629—630, 648.
Кампенонъ, В. — 944.
Каннингъ, Д., см. Kanning.
Кантемиръ, А. Д. 221, 228, 309 — 610, 615, 624, 675, 756, 978.
Кантъ, Иммануилъ 122 — 382, 979.
Капнистъ, В. В. — 227, 258.
Каподистрія, И. А. 379 — 834.
Карамзинъ, Н. М. 1—2, 6—8, 10—11, 21, 32, 39, 41—42, 47, 66—68, 74—75, 101, 128, 167, 176, 211 — 3—4, 13, 20, 22, 45, 65, 76, 96—97, 115, 124, 131, 142, 162, 186—187, 189—190, 192, 203, 213—214, 245, 258, 274, 312, 315, 372, 386, 392—393, 420, 497, 553, 578, 583, 594, 597, 602, 610—611, 613, 668, 725, 729, 732—733, 760—762, 764, 766, 768, 800, 838—839, 842, 844—846, 869, 890, 902, 934, 942.
Каратыгина А. Д. 6 — 11.
Карлгофъ — 256.
Карлиль, см. Carlyle.
Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Беррійскій — 203—204.
Карлъ I — 860.
Карлъ VII 284, 392—393, 395.
Карлъ X 395 — 194.
Карлъ XII 60, 284 — 310.
Каронъ, см. Beaumarchais.
Карповъ, Г. — 687.
Карцовъ, В. С. — 910.
Кастенъ, см. Castaing.
Кастера, см. Castéra.
Катенинъ, П. А. 4, 8, 46, 97, 122, 126, 166—168 — 4, 7—9, 13, 110—111, 280, 299, 381, 386, 389—391, 429, 494—500, 502—507, 763, 796, 912, 965.
Катонъ — 392.
Катуллъ, Валерій 210 — 586.
Каховскій 72.
Качановскій, М. Т. 1, 42, 46—53, 69, 97, 118, 448 — 7, 38, 96, 113—116, 118—119, 121—122, 124—131, 172, 191, 193, 213, 283, 316, 593—594, 598, 602, 610, 763, 916, 964.
Квинтиліанъ — 599.
Кейль — 645.
Кёнигъ 320.
Каннингъ, см. Kanning.
Кеппенъ, П. И. — 595—596, 611, 766, 839, 969.
Кетчеръ, Н. Х. — 466.
Кирикъ — 601.
Кирпичниковъ, А. И. — 132, 349, 499, 956.
Кирѣевскій, И. В. 103, 113, 174, 409—417 — 171—172, 177, 198, 249, 276, 309, 322—323, 325, 453, 522, 563, 884—885, 888—889, 916.
Кирѣевскій, П. В. 191.
Клементьевъ 181.
Клопштокъ Ф. Г. 136 — 738, 959.
Княжнинъ, Я. Б. 190 — 390, 530, 562.
Кобеко, Д. Ѳ. — 423—424, 548, 705.
Козицкій, Г. В. — 617.
Козловъ, И. И. 255, 487.
— **С. В.** — 94.
Козминъ, Н. К. — 375, 644, 685, 802, 880, 921, 929, 935, 944.
Козодавлевъ, О. П. — 711, 730—732, 739.
Кокошкинъ Ф. Ф. —226.
Кокъ, П. де 460.
Коласъ, см. Каласъ.
Коле, см. Collé.
Коленъ д'Арлевиль 288.
Коллини—807.
Кологривые — 215.
Колосова (Каратыгина), А. М. 3, 5, 6 — 8, 10.
Колосова, Е. И. 8 — 10.
Колумбъ 41 — 234.
Кольберъ, см. Colbert.
Кольне дю Равель, см. Colnet.
Кольриджъ, см. Coleridge.

lib.pushkinskijdom.ru

Кольцов, А. В. 450.
Конискій, Г. 235—240, 243—244, 253, 445 — 686—693, 912, 975.
Комаровъ, М. — 462.
Константинова, Е. А. 157.
Константъ, см. Constant.
Корде, см. Corday.
Корнель, см. Corneille.
Корнуоль, Б., см. Проктеръ, Б.-У.
Копіевичъ, И. Ф. 221 — 623, 644.
Коптевъ, Д. И. — 418.
Корсаковъ — 730.
Корсуновъ — 739—740.
Корфъ, М. А. — 576, 705, 934.
Костомаровъ, Н. И. — 687.
Костровъ, Е. И. 184, 191, 262, 412.
Костюшко 276 — 246.
Котляревскій, Н. А. — 887, 936.
Котовичъ, А. — 579.
Коттэнъ, М., см. Cottin.
Коцебу 34 — 127.
Кочубей — 310.
— В. П. 162 — 479.
Кошанскій, Н. Ф. 136 — 349, 424, 959.
Кошелевъ, А. И. — 265.
Краббъ, Георгъ 184—185 — 526, 559.
Кранцъ 178.
Красильникова — 423.
Красногорскій, В. П. — 910.
Красовскій, А. И. — 569—570, 729.
Креббъ, см. Краббъ.
Кребильонъ, см. Crébillon, Cl.-P. de.
Кромвель, см. Cromwell.
Кромеръ 177.
Круглый, А. О. — 798.
Кругъ, Ф. И. — 839.
Крыловъ, А. Л. — 716—718, 760, 793—798, 842—845.
— И. А. 8, 12, 16—17, 20—21, 43, 112, 417, 432, 436, 450 — 3, 11, 22—23, 40, 42—43, 45, 99, 288, 320—321, 552, 578, 650, 917.
Крюковскій, М. В. — 389.
Кузенъ, В. 60.
Кукольникъ, Н. В. 450 — 675—676.
Кулишъ, П. А. — 689—690.
Кулябка, С. — 555.
Куперъ, см. Cooper.
Кургановъ, Н. Г. 52—132.
Кутузовъ, А. М. 257 — 730, 733, 738, 742, 785.
Кухарскій, Андрей — 595, 611, 969.
Куэва Хуанъ дела — 649.
Кювье, см. Cuvier.
Кюхельбекеръ, В. К. — 12, 28, 59, 90, 367, 424, 586, 925—926, 940—941, 968—969.

Лабрюйеръ, см. La Bruyère.
Лаваль, И. С. — 787.
Лавинь, см. Delavigne.
Лагарпъ, см. La Harpe.
Лагиръ 393, 395.
Лажечниковъ, И. И. — 556.
Лакруа, П. — 868.
Лалуа — 868.
Ламартинъ, см. Lamartine.
Ламене — 857.
Лансонъ, Г. — 809.
Лапшинъ, И. И. — 755—756.
Лардье, см. Lardier.
Латримулья 393, 395.
Латушъ — 49—50.
Лафаіэтъ — 271.
Лафонтенъ, см. La Fontaine.
Лашоссе 286.
Лебренъ, см. Le Brun.
Левитскій, И. М. — 613.
Легро — 745.
Лейбницъ — 624, 752—756.
Леклеркъ — 184, 566.
Лекувреръ, А. — 653.
Лемонтэ, см. Lémontey.
Ленгъ, М. — 599.
Лене, см. Lainé.
Леонаръ, Н.-Ж. — 126, 943—944.
Леонъ Грамматикъ 178.
Лепехинъ, И. И. 274 — 767, 976.
Лермонтовъ, М. Ю. — 762, 877.
Лернеръ, Н. О. — 159, 402, 434, 478, 552, 683, 769, 799, 890, 897, 899, 901, 944, 982, 986—988.
Лесажъ, см. Le Sage.
Лессингъ, Г.-Э. 122 — 861.
Лесне — 124.
Летурнеръ, см. Letourneur.

lib.pushkinskijdom.ru

Ливенъ, К. А. — 250, 263, 838—839.
Ливій, Титъ 42, 45 — 54.
Ливія 23.
Линде — 131.
Лисенковъ — 245.
Лисицына, М. А. — 886.
Лобановъ, М. Е. 4, 274, 304—307, 309—310, 312—313 — 9, 11, 334, 551, 764, 767, 770, 779, 795—797, 799—800, 802, 831, 976—978.
Логиновъ, В. В. — 461.
Ложонъ 277.
Ломоносова, Е. А. — 555.
Ломоносовъ, М. В. 1, 8, 12, 18—19, 44—45, 61, 64, 109, 174—177, 182—185, 191, 212, 221, 228, 261—262, 270, 310, 436, — 4, 12, 21—23, 30, 42—44, 102, 105—107, 147, 191, 258, 294, 376, 388, 396, 415, 509—510, 523—525, 540, 551—555, 557—559, 618, 626, 675, 700, 732, 756—757, 800, 834, 908, 923—924, 928, 955, 965—966, 973.
Лонгиновъ, М. Н. — 101, 584—585, 731, 734, 737—738, 741, 757.
Лонгинъ — 942.
Лувель, см. Louvel.
Лувуа 396 — 867.
Лужническій пустынникъ, см. Каченовскій.
Лукрецій, Каръ 218 — 620, 643.
Любомудровъ, С. — 55.
Людовикъ XI 196 — 566—567.
Людовикъ XIII 392 — 986.
Людовикъ XIV, см. Louis XIV.
Людовикъ XV, см. Louis XV.
Людовикъ XVI 226, 286 — 198—199, 964.
Людовикъ-Филиппъ 199 — 569.
Люценко, Е. П. — 698, 705.
Лясковскій, В. — 885.

Маврокордато 422.
Магницкій — 464, 796.
Магометъ 35—36, 285.
Мазаевъ, М. Н. — 910.
Мазарини 290, 396 — 869.
Мазепа — 309—310, 337—338.
Майковъ, Л. Н. 77 — 24, 33, 66, 68, 82, 96, 134, 180, 207, 332, 341—342, 357, 365, 388—389, 391, 411, 413, 415—416, 422, 499, 508, 556, 565, 593—595, 614—615, 619, 631, 684, 688, 690—691, 694, 871, 876, 886, 909, 944, 946, 979, 982—984.
Макаровъ, М. Н. — 584.
Макинтошъ, см. Mackintoch.
Макіавелли, см. Machiavelli.
Маколей, см. Macauley.
Максимовичъ, М. А. 409 — 170, 275, 594, 613, 687—689, 884,
Макферсонъ, Д. 211—587, 598, 604, 969, 986.
Макъ-Колокъ, см. Mac Collock.
Малеинъ, А. І. 349 — 818, 929, 931.
Малербъ, см. Malherbe.
Малиновскій, А. Ѳ. 136 — 587, 597, 609, 612—613, 958.
Малиновскій, В. Ѳ. — 423.
Малитурнъ — 201.
Малышевъ, Н. Р. — 781.
Мальте-Брунъ — 238.
Мамай — 615—616.
Мамоновъ — 519.
Мансуровъ, П. Б. — 4, 7.
Маньенъ, см. Magnin.
Маратъ — 203, 267.
Маркевичъ, Н. А. — 687, 693—694.
Мармонтель, см. Marmontel.
Маро, см. Marot.
Мартиньякъ 139.
Мартосъ 74, 913.
Марѳа Посадница 127—129 — 392—393.
Маттіоли, Э.-А. — 868.
Матюша-Журналоучка, см. Полевой, Н. А.
Медвинъ (Медуинъ), см. Medwin.
Мейендорфъ, Е. В. — 789.
Мейербергъ 202 — 573.
Мейстръ, см. Maistre.
Менаръ 8 — 14.
Меньшиковъ — 256, 624.
Мерзляковъ, А. Ѳ. 85—86, 234 — 29—30, 225, 227—230, 232—235, 571—572, 684, 950—951.
Мериме, П. — 362, 683.
Местръ, Ж., см. Maistre.

lib.pushkinskijdom.ru

Метастазіо, П. 227 — 659.
Микель-Анджело 163.
Миклашевичъ, В. С. — 828—830.
Миллеръ, В. — 499.
— Г.-Ф. 59 — 146—147.
— П. И. — 456.
Мильвуа, см. Millevoye.
Мильтонъ, см. Milton.
Милюковъ, П. Н. — 753—754.
Мининъ 77, 79, 109—189, 294, 617, 955.
Мирабо, см. Mirabeau.
Мировичъ 398 — 983.
Михаилъ, князь — 602.
Михаилъ Павловичъ, вел. князь 474.
Михаилъ Ѳедоровичъ, царь 478, 512.
Мицкевичъ, А. 416 — 246, 381.
Михайловскій-Данилевскій, А. И.—837.
Міяковскій, В. В. — 733, 754.
Мнишекъ, Марина 153.
Модзалевскій, Б. Л. — 16, 18, 33, 37, 47, 49, 55, 61, 79, 91, 110, 147, 193, 197, 200, 273, 316, 345—346, 349, 357—358, 382, 340, 440, 363, 495, 699.
Моле, см. Molé.
Мольеръ 8, 43, 120, 208, 223—225, 281, 284, 288, 295, 298, 386—389 — 258, 262, 299, 313, 346, 365, 387, 634, 652, 706, 811, 852, 937—938.
Монмуфъ, герцог 397.
Монтескье, см. Montesquieu.
Монтэнь (Монтань), см. Montaigne.
Мопертюи, П. Л. 320.
Мордвиновъ — 26.
Морозовъ, П. О. — 169, 300, 386, 488, 618, 639, 684, 709, 791, 809, 909.
Москотильниковъ, С. А. — 548.
Мосхъ 86.
Мстиславъ, князь — 167.
Муравьевъ 902.
Муравьевъ, А. Н. 44, 164—165 — 101, 104, 107, 492, 494.
— М. Н. — 225, 231, 232.
— Н. М. 42 — 96.
— -Апостолъ, С. И. — 72.
Мураторій 178.
Муръ, см. Moore.
Мусинъ-Пушкинъ, А. И. 107, 211 — 315, 587, 597.
Мусинъ-Пушкинъ В. А. — 7.
Мусины-Пушкины — 315
Мухановъ, А. А. 14—16, 33, 36—38, 944.
Мэррей, см. Murray.
Мюллеръ, К. — 802.
Мюссе, см. Musset.
Мякотинъ, В. А. — 748, 752—753.
Мятлевы 107 — 315.

Н., графиня — 790.
N. N. 36 — 143. 219, 274.
NN., см. Надеждинъ.
Н. Ю. 371 — 374.
— нъ — 104, 107.
Надеждинъ, Н. И. 49, 52—53, 61, 157 — 22, 120, 123—124, 126, 130—131, 151, 153, 172, 183—184, 186, 188, 191—192, 230, 232—233, 245, 302, 309—310, 325, 332—334, 337, 370, 393, 445, 450, 453, 464—466, 468, 470, 644, 680, 685, 699, 703, 803—804, 814, 825, 841, 890—891, 952.
Надоумко, Н., см. Надеждинъ.
Наполеонъ, см. Napoléon.
Нартовъ, А. А. 271—272 — 766.
Насакинъ — 711, 730.
Нассау-Зигенъ 379 — 834.
Наталья Алексѣевна, царевна 386.
Наумовъ — 711.
Нащокинъ, П. В. — 280, 404, 727.
Невѣждинъ, см. Надеждинъ.
Недоумко, см. Надеждинъ.
Незеленовъ, А. И. 500, 511, 595, 607, 609, 881.
Неккеръ, см. Necker.
Непейцынъ, И. В. 435, 436.
Неронъ 125 — 53.
Несвицкій 730.
Несторъ 177 — 969.
Неустроевъ, А. Н. — 660.
Нибуръ, Б. Г. 60, 65—66, 307 — 184, 188, 193.
Низаръ, см. Nisard.
Никитенко, А. В. — 160, 491, 718, 830.
Николай Лѣсной, см. Гречъ.
Николай I, 32, 235, 312 — 61, 66—67, 71—72, 90, 241—242, 248, 314, 512,

lib.pushkinskijdom.ru

519—520, 546, 676, 679, 728, 838, 887, 934.
Никольскій, Б. В. — 347, 563, 868, 956.
Нимвродъ 40 — 95.
Нифонтъ, епископъ — 601.
Ноарро, Торресъ — 649.
Новиковъ, Н. И. 374, 410 — 387, 675, 888, 986.
Новосильцевъ, Н. Н. 162 — 479.
Нодье, Ш. 423—429 — 154, 430, 898—900.
Норовъ, А. С. 44 — 104.
Ньютонъ (Невтонъ) — 34, 927.

Обезьянинъ, см. Полевой, Н.
Овидій 25, 86, 324—326 — 74, 217, 402, 643, 784, 818—819, 929—931, 980.
Овлачинскій 236.
Одоевскій, А. И. — 829.
— В. Ѳ. — 159, 709, 769, 771, 815, 817.
Ожеръ — 940.
Озеровъ, В. А. 4, 122, 126 — 3, 9, 11, 61, 363, 374, 388—389.
Ознобишинъ, Д. П. 44 — 102, 104—105.
Окуловъ — 334.
Оксманъ, Ю. Г. — 911, 935.
Олегъ 69, 180 — 187.
Оленинъ, А. Н. — 261, 796.
Олинъ, В. Н. 34 — 81, 135—136, 196, 236, 306, 317, 569—570, 908, 935.
Олсуфьевъ, Д. А. — 730, 739.
Д'Ольбахъ, баронъ 395.
Ольга 70.
Ольденбургскій, П. Г. 269, 274 — 763.
Омаръ 285.
Омиръ, см. Гомеръ.
Онѣгинъ, А. Ѳ. — 61, 82, 108, 614, 846, 871, 976, 978, 983, 985.
Орлеанскій, герцогъ — 164.
Орлова, А. И. — 40—41.
Орловъ, А. А. 55, 148, 150—157, 159 — 145, 443—445, 450, 453—457, 460—462.
— А. Г. — 283.
— Г. В. 16, 21, 97 — 40—42.
— Г. Г. 183 — 558.
— М. Ѳ. 42 — 74, 97, 156.
— Н. М. — 156.
Орловскій, А. А. — 43.
Осипова, П. А. — 404, 648.
Оссіанъ 281, 292 — 81, 502, 598—599, 601, 603, 969, 982, 986.
Остолоповъ, Н. Ѳ. — 227.
Остроградскій, М. В. — 883.
Очкинъ, А. Н. — 861.

Павелъ, дьяконъ 178.
— монахъ — 730.
Павелъ I, 225—226, 717, 745.
Павелъ Петровичъ вел. князь 180, 221—226, 738.
Павлищевъ, Л. Н. — 195, 243.
Павловъ, Н. Ф. 232, 233 — 673—679, 682.
Павловъ-Сильванскій, Н. П. — 188, 742, 748, 754, 758.
Палицынъ, А. 79 — 612.
Панаевъ, В. И. 104 — 290, 304.
Панинъ, Н. И. 162, 182—243, 554, 574.
Панины — 478.
Пантелеевъ, А. Ѳ. — 710, 711.
Папавуанъ, см. Papavoine.
Парни, см. Parny.
Паскаль, см. Pascal.
Пасхалисъ, М. — 737.
Патерсонъ 230 — 664.
Паулина, жена Сенеки, 25.
Пейроне, см. Peyronnet.
Пекарскій, П. П. — 554.
Пеллико, Сильвіо 371—373 — 825—826, 866, 980.
Периклъ 280.
Перовскій, А. А. — 196, 244, 254—255.
Перро, см. Perrault.
Персій 811.
Пестель, П. И. 328 — 72, 982.
Петрарка 12, 44—45 — 24, 102, 105—107, 415, 941.
Петровъ, В. П. 379 — 834.
Петръ I 18, 28, 40, 45, 76—77, 95, 107, 162, 173, 176, 180, 182, 189, 204, 220, 221, 258, 262—95, 261, 263, 293, 310, 376, 472—475, 478, 518, 523, 546, 577, 615, 617, 523—624, 626, 644, 844, 846.
Петръ II 174 — 518.

lib.pushkinskijdom.ru

Петръ III 107, 162, 237.
Пизонъ, Люцій К. — 347.
Пикаръ 288, 300.
Пиксановъ, Н. К. — 499.
Пикте, А. — 641—642.
Пильпай — 239.
Пиндаръ 13, 14, 19, 175, 218 — 552, 619, 642, 924, 925.
Пинскій — 305.
Пиронъ — 211.
Писаревъ, А. А. 297.
Писемскій, А. Ѳ. — 795.
Питтъ, см. Pitt, W.
Пишо, А., см. Pichot.
Планшъ, см. Planck.
Платнеръ, Э. — 732—733, 752, 754—755.
Платоновъ, С. Ѳ. — 738.
Платонъ — 979.
Плетневъ, П. А. — 15, 24, 31, 141, 142, 163, 164, 167, 203, 208, 213, 248, 249, 299, 317, 321, 336, 379, 404, 412, 418—422, 434, 452, 677, 699, 707, 726, 889.
Плехановъ, Г. В. — 946.
Плиній — 168.
Плутархъ — 984.
Плюшаръ, А. А. — 828.
Поводовы 107.
Погодинъ, М. П. 127—128, 179—197, 122, 128, 139, 183, 186, 188, 192, 225, 230, 243. 254, 276, 277, 281, 302, 317, 350, 355, 356, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 374, 375, 376, 377, 379, 393, 411, 486, 488, 491, 522, 675, 676, 771, 792, 793, 798, 833, 859, 887, 905, 910, 915, 916, 935, 948, 952, 980.
Погорѣльскій, А. Н., см. А. А. Перовскій.
Пожарскій, Г. Г. 196 — 167, 587.
— Я. О. 215 — 594, 608, 609, 612.
Покровскій, В. — 550.
— М. М. — 56.
Полевой, К. А. — 151, 153, 190, 266, 299, 309, 326, 391, 454, 455, 456, 504, 505, 941.
Полевой, Н. А. 48—51, 60, 65—71, 73—75, 77, 83—84, 90, 94, 97, 157—158, 401—402 — 41, 51—52, 79, 93, 113—115, 118—119, 121—122, 124—128, 133, 149, 152—153, 163—164, 181, 183—193, 214, 216—219, 234, 253—254, 264, 266—269, 272, 274—276, 278, 298, 302, 305—306, 308, 316—317, 325, 332, 346, 390, 405, 407, 409, 412, 426, 432, 455, 466—468, 496, 508, 573, 618, 707, 714, 803, 902, 913, 916, 946—947, 951, 953—954, 972, 983.
Полевые — 309, 454, 456, 953.
Полетика, А. Г. 244.
— В. Г. — 688.
— Г. А. — 688.
Полиньякъ, см. Polignac.
Полѣновъ, В. А. 274 — 767, 976.
Пономаревъ, С. И. — 276.
Поповскій, Н. Н. 177.
Поппъ — 646.
Порта, Л. да- — 389.
Порфирій Душегрѣйкинъ, см. Булгаринъ.
Поссевинъ, см. Possevin.
Потемкинъ, Г. А. 41, 43 — 942, 945.
Прадонъ — 258.
Преторій 178.
Прованскій, графъ 279.
Прокопій 178.
Проктеръ, Б. У. — 320.
Пугачевъ, Е. 259 — 713, 767, 985.
Пустоцвѣтовъ, И., псевд. — 217.
Пустошкинъ, см. Борецкій.
Путята, Н. В. — 38.
Пушкинъ, В. Л. 210 — 3, 5, 26, 215, 283, 503, 583, 584, 585, 660, 775, 776, 886, 891, 938, 984.
— Григорій — 315.
— Г. Г. 107.
— Ив. — 315.
— Левонтій — 315.
— Л. Г. — 358.
— Л. С. — 7, 15, 167, 337, 403, 487, 547, 668, 694, 775, 797, 916.
— М. С. 107.
— Никита 162 — 478.
— Остафій — 315.
— Филиппъ — 315.
— Ѳ. А. 107.
Пыляевъ, М. И. — 550.
Пыпинъ, А. Н. — 74, 688, 737, 738, 742.
Пѣтуховъ, Е. В. — 499.
Пятковскій, А. И. — 887.

lib.pushkinskijdom.ru

Р. см. Раичъ. 102.
Рабле, см. Rabelais.
Радша или Рача 106 — 315.
Радищевъ, А. Н. 171, 175, 183, 186, 190, 193, 194, 196, 201, 202, 204—205, 255, 256, 257, 269 — 509, 525, 530—532, 536, 538—545, 548 — 549, 553, 557, 562—563, 565, 574—675, 710—719, 721—722, 725—726, 729—733, 735—759, 985.
—— Н. А. — 732, 742, 746, 757—758.
—— П. А. — 734, 736, 739—740, 742, 746—747, 757.
Радловъ, Э. Л. — 735—736, 755.
Раевская, Е. Н. — 156.
Раевскія, сестры — 134.
Раевскій, А. Н. — 156, 157, 158.
—— В. Ѳ. — 74.
—— Н. Н. 62 — 16, 37—38, 74, 78, 109, 134, 156, 157, 158.
—— Н. (младшій) — 158 — 159, 381, 489, 658, 688, 911, 915, 945.
Разинъ, Степанъ — 617.
Разумовскій, К. Г. — 554, 557, 558.
Раичъ, С. Е. 45, 97 — 102, 104—107, 122, 201, 221, 252, 253, 268, 277, 278, 863.
Раканъ 384.
Расинъ, см. Racine.
Растопчинъ, Ф. В. 379 — 204.
Растопчины — 204.
Ратонъ 295, 300.
Рафаэль Санціо 163, 387 — 813.
Рахманова 135 — 423, 957.
Рейналь (Реналь), см. Raynal.
Ремюза, см. Rémusat.
Ржига, В. Ѳ. — 36.
Ривароль, см. Rivarol.
Ризничъ, А. — 103.
Рихманъ, Г.-В. 18, 179, 182 — 44, 555.
Ричардсонъ, С. 170, 227 — 547, 658.
Ричардъ 221 — 630.
Ришелье 71, 223—225, 290, 386 — 180—181, 267, 633, 861.
Робертъ, король Неаполитанскій 45 — 105.
Робеспьеръ, М. 162 — 51, 203, 473, 713, 745.
Ровинскій, Д. — 95.
Роджерсъ, см. Rogers.
Розановъ, И. Н. — 499.
—— М. Н. 49 — 645, 823.
Розбергъ, М. П. — 185, 248, 814.
Розенкампфъ, Г. А. 69 — 190.
Розенъ, А. Е. — 729.
—— Е. Ѳ. — 317, 374, 794.
Роландъ 284.
Романова, М. І. 435—436.
Романовы (династ.) 76, 107, 169 — 312, 315, 474, 512.
Ронсаръ, см. Ronsard.
Россини 433 — 213.
Ротру 365.
Рочестеръ 383—386.
Рубановская, А. В. — 736.
—— Е. В. — 744.
Рубановскій — 730, 733, 734.
Рубанъ, В. Г. — 225—226, 834, 940.
Рудый Панько, см. Гоголь.
Руничъ, Д. П. — 464.
Руссо, см. Rousseau.
Руссовъ, С. В. — 184, 189, 302, 601, 602, 603.
Рутлендъ, см. Rutland.
Руэда, Л. де- — 649.
Рылѣевъ, оберъ-полицмейстеръ 264.
Рылѣевъ, К. Ф. — 72, 312, 413, 470, 487, 640, 650, 728, 740, 886.
Рюльеръ, см. Rulhière.
Рюрикъ 109, 180 — 187.
Рѣпнинъ, Н. В. — 688.
Рюфе, см. Ruffey.

С. А. — 464.
Саитовъ, В. И. — 487, 491, 548, 583.
Сакулинъ, П. Н. — 342, 480, 487, 488, 491, 543, 545, 722.
Саладинъ, султанъ 284.
Салаевъ, И. Г. — 206.
Салтыкова, А. И., см. Орлова.
Сальво, де- 422 — 893, 895—897.
Сальфи, Ф., см. V. Salfi.
Самойловъ, А. Н. — 158.
Самсоновъ — 227.
Сансонъ (Самсонъ), см. Sanson.
Сапожниковъ, Д. И. — 53.

lib.pushkinskijdom.ru

Сапфо (Сафо) — 586, 944.
Сарданапалъ 40 — 87, 94—95.
Саси 430.
Саувей, см. Southey.
Сахаровъ, И. И. — 595, 596.
Свибловы — 315.
Свиньинъ, П. П. 60—61, 91 — 149, 150, 151, 152, 276, 902.
Свѣчина — 790.
Святополкъ, князь 42 — 601.
Святославъ, князь 272 — 96, 167, 293, 294, 766.
Севинье, см. Sévigné.
Сегюръ — 583.
Седенъ, см. Sedaine.
Сей, см. Say.
Семевскій, В. И. — 74.
— М. И. — 268.
Семенниковъ, В. П. — 544, 545, 549, 557, 563, 574, 726, 750, 751, 759.
Семенова, Е. С. 3—6, 126 — 6, 7, 8, 9, 10, 11.
Семеновъ, Ф. А. — 153.
Семеновы — 7.
Семенъ, А. 65.
Сенанкуръ — 165.
Сенека 25 — 390, 816, 937, 938.
Сенковскій, О. И. 445—449 — 371, 594, 598, 601, 603, 606, 685, 699, 700, 702, 832, 910, 913, 916.
Сентъ-Бевъ, см. Sainte-Beuve.
Сенъ-Марсъ, см. Cinq Mars.
Сенъ-Мартенъ — 737.
Сенъ-Моръ — 940.
Сербиновичъ, К. С. — 112, 160, 789.
Сервантесъ, М. 23, 383—51, 629, 849, 858.
Сикеотъ 243.
Симеонъ Полоцкій — 756.
Сиповскій, В. В. — 660.
Сисмонди, см. Sismondi.
Сіесъ — 311.
Скавръ 24.
Скарронъ 431.
Скоттъ, см. Scott.
Скрибъ, см. Scribe.
Скромненко, см. Строевъ, С. М. — 603.
Скюдери 386, 389 — 852, 861.
Сленинъ, И. В. — 245, 321.
Смирдинъ, А. Ф. 65, 376, 409, 446 — 320—321, 379, 404, 660, 705, 913.
Смирнова, А. О. — 98, 155, 188, 195, 332, 334, 343, 357, 380—382, 389, 441, 482—483, 486—487, 489, 491, 644, 646, 708—709, 778, 787, 860—861, 898.
Снегиревъ, И. М. — 595, 680—681.
Соболевскій, С. А. 170—171 — 101, 548, 694, 703.
Современница, см. Van-Ayl de Jonghe.
Соковнинъ, С. П. 107 — 828.
Соколовъ, А. В., см. Дурова.
— П. И. — 764.
Соллогубъ, В. А. — 548.
Соловьевъ, С. М. — 687.
Соломонъ, 421.
Сомезъ, см. Salmasius.
Сомовъ, О. М. 158—59, 81, 120—121, 123, 143, 159, 176—177, 215, 248, 251—252, 255, 274, 304, 411, 434, 456, 468.
Сопиковъ, В. С. — 828.
Сорель, А, 284, 343.
Сосницкая, Е. Я. 3—4, 7—8.
Сосницкіе — 7.
Соути, см. Southey.
Софія Алексѣевна, царевна 125—386—387.
Софоклъ 311 — 384.
Спасовичъ, В. Д. — 688.
Спенсеръ, Э. 221—629, 645.
Сперанскій, М. М. 162 — 61, 73, 479, 576, 577, 934.
Срезневскій, В. И. — 922.
— И. И. — 687.
Сталь, см. Staël.
Станиславъ 237.
Стендаль, см. Stendhal.
Степановъ (типогр.) — 681, 682.
Стернъ, Л. 227 — 658, 939.
Столпянскій, П. Н. — 988.
Стороженко, Н. И. — 580, 730, 881.
Странскій, П. — 603.
Строевъ, П. М. 380 — 766, 838, 839.
— С. М. 603.
Струйскій, Д. Ю. — 468.
Стурдза, А. С. — 797, 978.
Суворовъ, А. В. 40, 109, 420 — 94, 138, 316, 617, 955.

lib.pushkinskijdom.ru

Султанъ-Казы-Гирей 253 — 694—696, 975.
Сумароковъ, А. П. 8, 19, 37, 122, 125, 126, 170, 176, 182, 183, 191, 201, 228—43, 225, 387, 388, 525, 552, 553, 554, 555, 571, 572, 617, 699, 703, 704, 705.
Сумцовъ, Н. Ѳ. — 300, 500.
Сутей, см. Southey.
Сухомлиновъ, М. И. — 62, 65, 68, 70, 112, 118, 251, 465, 542, 571, 678, 682, 716, 722, 731—732, 745—748, 758, 759, 762—763, 766, 800—801.
Сѣверина — 26.
Сѣряковъ, И. — 612.
Сѣченовъ, Д. 182 — 555.
Сю, см. Sue.

Т — 790.
Тальма, Ф.-Ж. 6 — 7 — 11, 584 — 585.
Тальманъ, см. Tallemant.
Тарасовъ, Е. И. — 738.
Тассо, Торквато 192, 222 — 629—631, 643, 649.
Татищевъ, В. Н. 69, 177 — 623, 626.
Тацитъ, Корнелій 23—25, 271—52, 54—58, 64—65, 152, 929, 931, 943.
Теннеръ, см. Tanner.
Теньеръ 256.
Теплова, Н. С. — 886.
— С. С. — 886.
Тепловъ, Г. Н. 256 — 734.
Тепляковъ, А. Г. — 817.
— В. Г. 322, 325—326, 333 — 185—186, 248, 813—815, 817—819, 893.
Теренціанъ Мавръ — 557.
Тиберій 23—25 — 53—58, 931, 943.
Тибуллъ — 643.
Тикъ 423 — 899—900.
Титовъ, В. И. — 935.
Тихонравовъ, Н. С. — 688, 793, 859.
Тиціанъ 122 — 384.
Токвиль, см. Tocqueville.
Толстой, Я. Н. — 7, 91, 132 — 133, 201.
— Ѳ. П. — 196.
Толченовъ, П. И. 7 — 11.
Тома 92 — 124.
Томашевскій, Б. В. — 550, 883, 928, 943—944, 946, 950, 963, 970, 972, 982, 986, 987.
Топпенъ, М. 868.
Трандафырь (Трандафель), см. Каченовскій.
Тредьяковскій, В. К. 8, 19, 37, 52, 183, 191—192, 213, 221, 228, 261, 448—12, 43, 44, 225, 230, 258, 304, 555—557, 606, 623, 703, 707, 756, 940, 985.
Трилунный, см. Струйскій.
Троянъ, императоръ — 168, 591, 595, 596, 610, 611, 612.
Трубецкой — 730.
Трубицынъ, Н. Н. — 585.
Трухачевъ — 749.
Тугарканъ — 601.
Туманскій, В. И. 44—103—104.
Туньеръ 802.
Тургеневъ, А. И. — 34, 164, 201, 205, 247, 654, 735, 770, 771, 780, 783, 786—792, 799, 806, 857, 858, 863, 884—885, 888, 955, 969, 982.
— И. С. — 153.
— Н. И. 30 — 67, 73, 934—935.
Тушъ 320.
Тьерри, см. Thierry.
Тютчевъ, Ѳ. И. — 412, 254, 677, 888.

Уваровъ, С. С. — 151, 227, 261, 593, 678, 679, 681, 695, 718, 763, 799, 839, 843, 844—845, 977.
Удино — 469.
Ушаковъ, М. — 730.
— Н. Д. — 730.
— Ѳ. В. 256, 257 — 711, 730, 734, 735, 753.

Ф., см. Каченовскій.
Фагэ, Э. — 778.
Файоль, см. Fayole.
Фальконетъ — 146.
Федоровъ, Б. М. 104, 274 — 290, 302, 305, 762, 764, 767, 943, 955.
Фельядъ 397.
Фенелонъ, см. Fénelon.
Ферморъ — 617.
Феронъ, дю, Лука д'Аркъ 393.

lib.pushkinskijdom.ru

Филаретъ 235, 272—691—692, 766, 790.
Филиппъ 45.
Фильдингъ, см. Fielding.
Фихте, І. Г. 60 — 148.
Фіэски, Ж. — 569.
Флешье, см. Flé chier.
Флоріанъ, маркиза — 653.
— Ж.-П., см. Florian.
Фоминъ, А. Г. — 910.
Фонвизинъ, Д. И. 43, 64, 81—82, 115, 117, 182, 202, 228, 254, 270, 379, 416—417 — 141, 144, 206, 207, 208, 273, 329, 574, 575—576, 608, 658, 760, 761, 762, 765.
Фонтанъ, см. Fontanes.
Фонтенель, Б. 10 — 18—19, 634.
Фонтенъ, де — 652.
Формей 180.
Фоссъ, І. Г. 86 — 223, 235.
Франклинъ, В. 19, 226, 259 — 265, 44, 636, 657, 743.
Францискъ I, см. François I.
Фрейгангъ, А. — 73, 83, 760.
Фрейтагъ — 813.
Фреронъ, см. Fréron.
Фридрихъ II (Фредерикъ) 226, 318, 320—321 — 652, 806, 811—813.
Фуассе, см. Foisset.
Фуке, Н. — 656.
Фуксъ, А. А. — 548.
Фуше, см. Fouché.
Фюрси — 124.

Хвостовъ, Д. И. — 312, 422.
Хемницеръ И. И. — 258.
Херасковъ, М. М. 170, 183, 191, 262 — 26, 29, 525.
Хитрово, Е. М. — 243, 244, 491, 723, 945—946, 951—952, 961, 965, 977.
Хлюстинъ, С. С. — 703.
Хмѣльницкій, Б. — 689.
— Н. И. — 7.
Ходаковскій, см. Доленга-Ходаковский.
Хомяковъ, А. С. 97, 412—254, 283, 391, 392, 494, 888.
Хохловичъ, Максимъ, см. Гречъ.
Храповицкій, А. В. 259, 264 — 740—741, 743.
Хрусталевъ, Н. — 826, 981.

Цезарь (К. Юлій) — 565, 191.
Цельтеръ, К. Ф. — 804.
Цильхъ, Генрихъ — 555.
Циммерманъ — 988.
Цицеронъ 458, 599.
Цшокке 255.
Цыклеръ 107 — 617.
Цявловскій, М. А. — 913, 944, 966.

Чаадаевъ, П. Я. 8 — 644, 807, 821.
Чавортъ, см. Chaworth.
Чанингъ — 858.
Чарторыжскій, А. А. 162 — 479.
Чаттертонъ, см. Chatterton.
Чебышевъ, А. А. — 495, 498, 499.
Челищевъ — 736, 741.
Ченстонъ — 982.
Чернова, см. Дурова.
Чернышевскій, Н. Г. — 152, 219, 457, 496, 497.
Чернышевъ, Г. И. 379 — 834.
— И. Г. 374 — 834.
— И. З., см. Чернышевъ, И. Г.
Черняевъ, П. — 55.
Чеславскій, И. Б. — 334.
Чингисъ-Ханъ — 182, 188.
Чичаговъ — 204.
Чосеръ (Чаусеръ), см. Chaucer.

Шаликовъ, П. И. — 38, 550, 776.
Шамильяръ 397.
Шамфоръ (Шанфоръ), см. Chamfort.
Шаппъ д'Отерошъ, см. Chappe d'Auteroche.
Шатобріанъ, см. Chateaubriand.
Шаховской, А. А. 1 — 3—4, 7, 9, 196, 390, 829.
Шеборъ, О. А. — 643.
Шевченко, Т. Г. — 691.
Шевыревъ, С. П. 44, 174, 234, 235, 409, 412, 418 — 107, 254, 317, 330—331, 341—342, 367, 368, 390, 391, 410, 411, 497, 507, 522, 593, 595, 651, 682—685, 791, 826, 886—887, 890, 916, 944, 979.
Шекспиръ, см. Shaekspeare.
Шелли (Шеллей), см. Shelley.
Шеллингъ, Ф.-В. 60 — 148.

lib.pushkinskijdom.ru

Шендоллэ — 49.
Шенрокъ, В. И. — 677, 792.
Шенье, см. Chénier.
Шептицкій 237.
Шереметевъ, С. Д. — 54, 61, 101, 617.
Шешковскій 265 — 741.
Шиллеръ, см. Shiller.
Шильдеръ, Н. К. — 934.
Ширинскій-Шихматовъ П. А. 274 — 762, 767, 923.
Ширяевъ 53 — 132.
Шишковъ, А. А. 234, 273—274.
— А. С. 213, 216, 234, 272 — 274, 404 — 3, 214, 497, 587, 594, 606—608, 610, 613, 762—763, 766—768, 882, 969.
Шлегель, см. Schlegel.
Шлецеръ, А. Л. 182, 211 — 376, 554, 587, 600, 605, 969.
Шляпкинъ, И. А. — 46, 178, 315, 386, 592, 614, 616, 769—770, 784, 795, 812, 830, 910.
Шольé Андреевъ, см. Вяземскій П. А.
Штелинъ, Я. Я. — 385.
Штольбергъ — 223.
Штраусъ, Д. — 807—808, 810, 812.
Шуазель, см. Choiseul.
Шуваловъ, А. П. — 944.
— И. И. 37, 174, 176, 182—184 — 551, 553, 554, 555, 557, 940.
— П. И. — 557—558.
Шуйскій, В. И. — 365.

Щебальскій, П. К. — 907.
Щегловъ, Н.П. — 160, 222—223, 263—264, 726.
Щеголевъ, П. Е. — 67, 75, 82, 101, 922, 939, 951, 969, 982.
Щениковъ, А. Г. 7 — 11.
Щепкинъ, М. С. — 709, 841.
Щербатовъ, М. — 741.
Щербина, Н. Ѳ. — 720—721.
Щукинъ, П. И. — 39.

Эврипидъ — 390.
Эйнерлингъ, И. Ѳ. — 41, 761.
Эккерманъ — 668.
д'Эпинэ, см. Epinay.
Эристовъ, Д. А. — 317, 827.
Эсхилъ — 497, 849.

Ювеналъ, Д.-Ю. 210, 218, 282, 317 — 217, 275, 586, 643, 773, 811.
Юзефовичъ — 944.
Юлія, дочь Августа 25 — 56, 929—931.
Юмъ, Д. 226 — 488, 636, 657.
Юнгъ, см. Young.
Юрій — 602.
Юрьевъ, Ѳ. Ф. 104 — 143, 305.
Юсуповъ, Н. Б. — 208, 218, 309, 658.

Яблочкина, А. Л. 6 — 6, 11.
Язвицкій, Н. И. — 613.
Языковъ — 182.
— Д. И. 269, 270, 272, 273—763, 764.
— Н. М. 191 — 254, 375, 422, 562, 563, 582, 686, 778, 886, 888.
Яковлева, Е. И. — 11.
Яковлевъ, А. С. 6—7 — 11.
Якубовичъ, Д. П. — 948, 980.
— Л. А. — 596.
Якушкинъ, В. Е. — 20, 48, 52, 76, 99, 129, 135, 272, 278, 280, 287, 322, 395, 492, 539, 543, 563, 581, 615, 673, 733, 746, 748, 754.
— Е. И. — 510, 762.
Яновъ — 730.
Янчукъ, Н. А. — 769.
Ярославъ 177 — 188.

Ѳеодоръ Іоанновичъ 39, 76, 162 — 182, 472, 478.
Ѳеокритовъ, см. Дельвигъ.
Ѳеокритъ — 49, 155, 304, 325, 419.
Ѳеофанъ Прокоповичъ(?) 178, 221—623.
Ѳома Кемпійскій — 827.
Ѳоминъ, А. А. — 884.

lib.pushkinskijdom.ru

d'Alembert 9 — 18, 33, 927—928, 955.
Alexandre (Roger) — 463.
Ancelot, J.-F. 38, 153 — 90—93, 463, 942.
Ancillon, F. — 321, 932—933.
d'Arc, J. 392—395 — 863—866, 981—982.
d'Arlincourt — 488.
Arnaud, Fr. 309 — 803.
Arnault, A.-V. 275—276, 278—283, 291—294, 309 — 135, 770, 773—774, 776—777.
Arnault, l'abbé — 848.

Bailly — 199.
Baldensperger, F. — 382, 981.
Ballanche, P.-S. 301, 307 — 780.
Balzac, H. 309 — 198, 683, 804—805, 902.
Barry, du-, Jeanne Bécu 81 — 203.
Basa — 880.
Basile, Giovan Battista — 697.
Bayle, P. — 526, 856.
Beaudoin, frères — 49.
Beaufort 397 — 871.
Beaumarchais, P.-A. 226 — 208, 487, 636, 657—658.
Belloc, Sw.-A.-L. — 78, 165, 669, 894.
Bengesco — 981.
Béranger 164, 283, 290 — 480, 485—486, 779.
Bernard 421, 422 — 896—897.
Bertin, братья — 197, 971.
Berton, J.-B. 81 — 204.
Bescherelle — 300.
Beyle, H. — 489, 949.
Birch — 490.
Boccage du- — 856.
Boieldieu, F.-A. 3 — 8.
Boileau-Despréaux 8, 120, 135, 147, 222—225, 277, 297, 397 — 14, 90, 258, 383, 441, 485, 564, 615, 627, 631—632, 634, 640, 646—647, 654, 850, 922, 940—944, 963, 971—974, 977.
Bossuet J.-B. 223, 225, 307 — 651.
Boufflé — 778.
Boufflers 20, 289 — 44.
Box — 612.
Brosses, Ch. de- 314—315 — 806—809, 811—812.
Brottier — 55.
Brougham 418 — 431, 892, 964.
Buffon, G.-L. 9, 152 — 17—19, 462—463, 927.
Burat de Gurgy, E. — 978.
Byron, G. 33—35, 37, 39—40, 43, 53, 62, 108, 110, 114, 120—121, 130, 164, 167, 210, 228—232, 322, 328, 399, 403, 416, 418—422 — 32, 76, 78—81, 93—95, 105, 127, 134, 142, 164—165, 211, 238, 262, 297, 313, 328, 333, 341—343, 345—347, 362, 397, 405, 428, 431, 487, 489—490, 492, 500, 510, 574, 641, 661—665, 667—672, 804, 874, 876—877, 881, 892—897, 902, 935—936, 956, 967—968, 984, 987.

Calderon, P. 23, 26, 44, 123, 125, 221—222 — 6, 51, 60, 78, 100, 351, 356, 363, 384, 616, 630, 638, 645, 649, 937.
Caeigula — 930.
Campan, J.-Z. Genet (Genest) 79 — 196—197.
Campbell, Th. — 430.
Canning, v Kanning.
Carlyle 231 — 430.
Carmarthen 229 — 662, 669.
Casanova, G.-J. de Seingalt 80 — 200, 948, 985.
Castaing, E.-S. 81 — 203—204.
Castéra, J. 107 — 146, 316.
Castro, G. — 380.
Chamfort, S.-R. 92, 224 — 88, 273, 654, 876.
Chappe d'Auteroche 59 — 145—147, 985.
Chateaubriand, F.-A. 22, 100, 139, 165, 307, 326, 381, 389—391 — 48—50, 165, 390, 430, 439, 461, 494, 823—824, 846, 854—858, 862—863, 980.
Chatterton, Th. 211 — 587, 603, 982.
Chaucer, G. — 629.
Chaworth 231 — 667, 671.
Chénier, A.-M. 22, 44, 61, 144 — 48—51, 75, 105, 153—155, 435, 440, 640, 929, 944—945, 963.
Chénier, M.-J. — 49, 927—928.

lib.pushkinskijdom.ru

Choiseul 238 — 147.
Cinq Mars — 382, 386, 396.
Colbert, J.-B. 270 — 765.
Collé, Ch. 164 — 486.
Coleridge, S. 45 — 109, 430.
Colletet, F. — 974.
Colnet du Ravel, Ch.-J. 120 — 345.
Conringius — 401 — 880.
Constant, B. 62, 87 — 159—160, 162—165, 904.
Cooper, J.-F. 326 — 823, 980.
Corday d'Armont, M.-Ch. 81 — 203.
Corneille, P. 20, 122—123, 163, 223, 225, 280, 386—389 — 9, 11, 13, 44, 351, 356, 380—381, 384—385, 484—485, 498, 631, 852.
Cottin, M. 309 — 803.
Courier, P.-L. — 567—568, 967.
Crébillon, Cl.-P. de- 432 — 384, 907.
Cromwell 382—386, 389 — 645, 861.
Cucheval-Clarigny, M. — 430, 433.
Cuvier — 18.

Damiron — 436.
Dante, A. 14, 20, 22, 43—44, 221, 227, 311, 382 — 51—52, 104, 363, 440, 489, 497, 506, 629—630, 644—645, 659, 849.
Dautun — 203.
Deffand, du 20 — 44.
Delavigne, C. 87 — 419—420, 640, 849.
Delille, J. 43, 382 — 99—100, 856, 858—859, 881.
Della-Maria, D. 3 — 8.
Delorme, J. (Sainte-Beuve) 119, 139—141, 143—144, 146—148, 164 — 340, 342, 434—438, 440, 488, 491, 961—964.
Delort — 868.
Deschamps, A. — 859.
— E. — 435, 970, 972.
Descloseaux — 436.
Des Granges, M. — 155, 438, 441, 486, 490—491.
Diamanté — 380.
Dix, J. — 603.
Dorat, Cl.-J. 228, 286, 295 — 660.
Dubelloy, 222 — 632, 651, 973.
Duchatel — 436.
Duclos, Ch. 92 — 273.
Duff de Fetteresso 229 — 670.
Dulis, J.-Fr. 392—393, 395 — 864—865, 981.
Dupré de Saint-Maur — 856.
Dureau de Lamalle — 55, 943.
Duvergier de Hauranne — 436.

Epinay, de 20 — 44.
Estève, E. — 489—490, 492.
Everaerts, J. (Janus Secundus) — 301.

Fayole — 49.
Fénelon, F.-S., de la Motte 183, 223, 225, 306, 371 — 525, 557, 634, 655—656.
Ferriol, comte d'Argental, Ch.-Au. — 809, 812.
Fielding, H. 160, 227 — 460, 469, 658, 706.
Fléchier, E. 225 — 655.
Florian, J.-P. 167, 228, 282, 431 — 660, 773, 858.
Foisset, Th. — 806—807, 809, 811.
Fontanes, de 278.
Fouché — 668.
Foy — 343.
François I 224, 284 — 630, 647, 651.
Fréron, E.-C. 317 — 809—811, 980.
Furne — 858.

Galland — 547.
Gay, J.-B., vicomte de Martignac — 432.
Genlis, St.-F. de 228 — 127, 660.
Genoude — 490—491.
Geoffrin, M.-Th. 395.
Gifford, W. 139 — 432—433.
Gight — 663.
Gilbert — 436.
Ginguené, P.-L. — 639, 644, 984.
Girard — 146.
Glachant, P. — 49, 154.
Gordon, duc de 229 — 670.
— C. 229—232 — 663, 669.
— George 229 — 663, 669.
Gosselin, Ch. — 858.
Gray, M. 231 — 672.
Gresset, J.-B. 210 — 495, 586, 818, 968, 980.

lib.pushkinskijdom.ru

Guichard, J.-F. 228 — 26, 660.
Guizot, F.-P. 78, 84, 307 — 183, 193, 216, 356—358, 361, 859, 980.
Gurowski, A. — 967.

Hallam, H. 307 — 430, 801.
Hamilton, W. — 430.
Hatin, E. — 430, 569.
Hazlitt, W. — 78—79.
Henri IV 79.
Hervart — 634.
Hetzel, A. — 203.
Huber — 349.
Huchon, R — 559.
Hugo, V. 80, 119, 141, 164, 301, 382, 386, 389 — 47, 154, 194, 202—203, 342, 362, 435, 439, 480, 488, 489, 491—492, 778—780, 798, 803, 850—851, 860—861, 899—900, 902, 906, 945, 949, 963, 965, 972, 978.
Humboldt, A. — 553.
Hunter, J.-D. — 823.

James, E. — 822, 824.
Janin, J.-G. 276, 309, 430—435 — 430, 526, 778, 901—906, 978.
Janus Secundus, v. Everaerts.
Jeffrey, F. 139 — 430—431, 433.
Joeffrin, m-me, см. Geoffrin.
Johnson, S. 211 — 587, 603—605, 969.
Jonghe, v. Von. Ayl.
Jordanis — 612.
Jouffroy — 436.
Jusserand, J. — 382.

Kanning, G. 139 — 432, 961, 964.
Karr, A. — 978.
Kraus, F.-X. — 659.

La Bruyère, J. de- 160, 202 — 469, 574, 967.
Lacroix, A. — 382, 881.
La Fontaine, 8, 12, 21, 117, 222—223, 225, 282, 290, 318 — 14, 23, 84, 93, 634, 650, 655—656, 700, 773—774, 811, 915, 971.
La Harpe, J.-F. de 9, 101, 120, 163, 166 — 13—14, 17, 35, 56, 142, 299, 358, 380, 384, 479, 484—485, 500.
Lainé 301 — 490, 780.
Lamartine, A. 119, 147, 164, 307 — 51, 154, 342, 435, 437—438, 480, 487—491, 640, 972.
Lardier — 200.
Larousse, P. — 198, 461.
Las-cazes 280.
La Vigne см. Delavigne.
Lavisse, E. — 868.
Lavocat — 858.
Le Brun — 927—928, 971.
Leigh — 662, 669.
Lemaitre, J. — 385.
Lémontey, P.-E. 16—20 — 22, 40—43, 45, 552.
Lerminier — 436.
Leroux — 436.
Le Sage, A.-R. 300, 307, 309 — 460, 801.
Letourneur 379 — 484, 848, 859.
Louis XIV 20, 71, 222—226, 276, 284—285, 290, 295, 308, 396—397 — 181, 351, 526, 546, 623, 625, 631, 633—634, 638, 652, 656, 772, 831, 868, 871, 978.
Louis XV 203, 224, 285—286, 290, 320 — 196, 203, 868, 871.
Louvel, L.-P. 81 — 203—204.

M. D. — 154.
Macauley 79 — 430.
Mac Culloch — 430—431.
Machiavelli, N. 401 — 54, 879—880, 984.
Mackintoch — 430—431.
Magnin, Ch — 436, 961—964.
Maigron, L. — 47, 194.
Maistre, J. de- 81 — 199—200, 949.
Malfilâtre — 436.
Malherbe, F. 8, 19, 222—223 — 13—14, 43, 441, 552, 564, 633, 651, 928, 971, 973.
Malthus — 430.
Mame — 198.
Manne, E.-D., de — 201.
Marie-Antoinette — 197.
Marmontel, J.-F. 228 — 660.
Marot, C. 221, 224 — 13, 628—631, 647—648, 652, 655.
Marsan, J. — 382, 859.
Martin, A. — 490.

lib.pushkinskijdom.ru

Martin, J. — 203.
Martont — 90.
Medwin, T. 421 — 667—669, 895—896.
Michaut, G. — 436.
Mill, J. — 430.
Millevoye — 49, 640.
Milton, J. 20, 43—44, 192, 221, 224, 227, 381—391 — 100—101, 645—646, 648, 834, 846, 850—854, 856—859, 861, 932.
Mirabeau, H.-G. 226 — 199, 311, 657, 713, 745.
Molé, L.-M. 301 — 780.
Montaigne, M. 163, 222 — 482—483, 627—630, 648, 921, 937—938, 955—956.
Montesquieu, Ch.-M. 163, 307 — 479, 483—484, 567, 634.
Moore, Th. 416, 420 — 78—79, 165, 362, 430, 659, 669, 671—672, 894—895, 936.
Mornet, D. — 981.
Murray — 78—80, 672.
Musset, A. 119—120 — 341—345, 902.

Napoléon 15—16, 25, 33, 78, 162, 188, 280, 285, 290—293 — 37, 39, 54, 80—81, 120, 30, 449, 473, 487, 584, 668, 779, 837, 936, 964.
Necker de Saussure 15 — 16, 98, 273, 462—463.
Nisard, D. 390 — 490, 862.
Normanby — 330, 335.

Osorius, H. — 880.
Osselin — 199.

Papavoine, L.-A. 81 — 203, 205.
Parny, E.-D. 8, 119, 167 — 13, 403, 412, 640, 971.
Pascal, B. 38, 223, 307 — 90, 430, 651.
Patin — 47.
Pellisson, P. — 300—301.
Périès — 879.
Perrault 431.
Pétigny, J. de- — 194.
Peyronnet, Ch.-I. 139 — 432.
Pichot, A. — 110, 490, 668.
Pitt, W. 139 — 432—433, 559.
Planard — 779.
Planche, G. — 481.
Plasschaert, J.-B. — 774.
Polignac, J.-A. 78, 93 — 194, 432.
Pontès, A.-T. — 668.
Possevin, A. 401 — 879—880, 983—984.
Poulain — 203.

Quantin, A. — 203.
Quérard, J.-M. — 198, 200, 668.

Rabelais, F. 222, 427 — 627—630, 648, 655.
Racine, J. 8, 20, 26, 43, 115, 122—123, 125—126, 163, 192, 223—225, 227, 280, 307, 311, 423, 425 — 9, 44, 60, 84, 99, 188, 258, 328, 334, 351—352, 356, 363, 379—380, 384—385, 387, 389, 484, 498, 525, 633, 654, 659, 700, 796—798, 850, 899, 932, 937—938.
Racine, L. — 654, 857.
Rall, A.-F. — 508.
Raynal, G.-Th. 263 — 755, 758—759.
Rémusat, Ch. — 362, 436, 486.
Ristaud, S., см. Cottin.
Rivarol, A. — 18—19, 876, 881, 921.
Rogers, S. 419 — 165, 892.
Ronsard, P. 143, 146, 222—223, 319, 431 — 440—441, 628—629, 632, 651, 973.
Rousseau, J.-B. 8, 164, 226, 256 — 14, 18, 484—485, 619, 945, 971.
—— J.-J. 54, 163 — 49, 84, 135, 144, 408, 568, 636, 656—657, 714, 755, 758, 823—824.
Roux-Fazillac — 868.
Rowley 211 — 982.
Ruffey, G.-G. 318 — 811—812.
Rulhière, Cl. 107 — 316.
Rutland, Ch. — 526, 559.

Saint-Amant — 974.
Saint-Elm, v. Van Ayl.
Saint-Florent — 668.
Saint-Gelais — 301.
Sainte-Beuve 139, 146—147, 164 — 434, 436—440, 480, 488, 491, 965, 973.
Saintines, X.-B. — 90.
Salfi, F. — 40—41.
Salmasius — 860.

lib.pushkinskijdom.ru

Salomon, M. — 900.
Sanson, Ch.-H. 80—81, 82 — 197—198, 200, 202, 798, 986.
Say, J.-B. — 75, 935.
Schiller, Fr. 136, 307, 311, 412, 416 — 107, 238, 802, 929, 938, 959.
Schlegel, A.-W. 60, 101, 166 — 15—16, 60, 98, 148, 298—299, 356, 358—361, 363, 500, 580—581, 639, 659, 938.
Schlegel, F. 101, 166 — 298—299, 489, 500, 639.
Schön, L.-F. — 382.
Scott, W. 22, 68, 78, 83, 115, 164, 200, 255, 383, 389, 449—450 — 46—47, 86, 127, 174, 179, 185, 194—195, 329, 362, 429, 460, 569—570, 641, 668, 850, 853, 859, 861—862, 928—929, 947—948.
Scribe, A.-E. 275—291, 299—301 — 376, 770—773, 778—779.
Séché, L. — 155.
Sedaine, M.-J. — 921.
Sévigné, M. 202 — 574.
Shakespeare 26, 33, 43, 53—54, 68, 114, 122—123, 125—126, 128, 163—164, 192, 208—209, 221, 227, 311, 382—383, 402, 416, 430, 432 — 51, 58, 60, 78, 108, 133—134, 328, 333, 351—352, 356—357, 359—366, 381—382, 384, 389, 479, 484, 489, 497—498, 579—580, 629, 638, 644, 849, 859, 937, 941, 944.
Shelley 420 — 667, 895.
Sismondi, J.-Ch. 31 — 60—61, 75, 154, 639, 644.
Souriau, M. — 803, 900.
Southey, R. 46, 100, 309 — 105, 110, 298, 804, 894—895, 948, 981.
Soutzo, A. — 775.
Staël 14—16, 79, 184 — 33—39, 197, 388, 526, 550, 559—560, 656, 668, 866, 928, 933—934, 946, 966, 970, 982.
Stendhal, v. Beyle.
Sue, E. 306 — 801, 902.
Suétone — 930.
Süpfle, T. — 382.
Tallement, P. — 44.
Talvj — 605.
Tanner, J. 335—336 — 807, 821—825.
Telleen, J.-M. — 857, 859.
Thomas, A.-L. — 273.
Thouret — 199.
Thierry, A. 68, 84, 307 — 185—186, 216.
Tocqueville, A. 337 — 822, 825.
Trahard, P. — 970.

Valentinian — 611—612.
Van-Ayl de Jonghe, E. 80 — 201.
Vega, L. 23, 26, 222 — 51, 60, 78, 363, 629, 645, 649.
Vermandois 397 — 867, 871.
Vernier — 50.
Vidocq, F.-E. 80, 87—88, 90, 103, 161 — 200—202, 235—236, 243—247, 250—253, 262, 285, 798.
Vieux Maisons — 867, 870.
Vigny, A. 164, 382, 386—387, 389 — 195, 362, 435, 439, 853, 859, 861, 902, 907, 972.
Villemain, A.-F. 270, 276, 290 — 430, 639, 646—647, 656, 765, 857.
Villon, F. 221 — 628—629, 646—648, 973.
Vitet, L. — 362, 436, 640, 642, 970.
Voltaire 8, 10, 38, 163, 192, 210, 222, 224—226, 228, 262—263, 280, 286, 314—321, 392, 394—397, 399, 402 — 11, 18—19, 30, 35, 90, 123, 180, 366, 382, 384, 479, 484—485, 564—565, 567, 572, 634—635, 640, 650, 652—653, 655—657, 659, 729, 736, 755, 806—813, 856, 862, 864—866, 868—871, 881, 905, 927—928, 939, 940, 955, 971, 981—982.

Wilson, H. 80 — 200.
Winckelmann, J. 121 — 348—349.
Wordsworth, W. 45 — 110.

Young, E. — 484, 488, 738.

Ziesing, Th. — 154, 362, 641.

lib.pushkinskijdom.ru

Замѣченныя опечатки

Сочиненія Пушкина, т. IX, ч. I.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
8	11	4 стр.	4 стр⟨оками⟩
33	27	что драмматическ⟨ая⟩	драматическ⟨ая⟩
163	8	lâche, etc.	lâche et mou
199	5	⟨Я⟩ сказалъ	Сказавъ
392	5 — 6	родственниковъ	свойственниковъ
400	26—29	для малаго числа — Сіи съ любовію	для малаго числа — У насъ послѣднее
407	—	Статьи, приписываемыя Пушкину.	Новооткрытыя пушкинскія статьи и статьи, приписываемыя Пушкину.
446	10	Литературныя	Литтературныя
»	34	литературы	литтературы
447	34	Впрочѣмъ	Впрочемъ
449	26	вы говоря	вы, говоря
»	31	зрѣлости,	зрѣлости:
450	4	замѣчено	замѣтно
»	12	басенъ	басень
»	19	французская	Французская [1]

Сочиненія Пушкина, т. IX, ч. II.

14	17	седьмой	пропущенной девятой
44	24	строфы VII—VIII	пропущенныя IX—XI строфы
51	7	стр. 151—152	стр. 151—152.—Ср. стр. 713[2], строки 30—34.
60	21	кольдероновскимъ	кальдероновскимъ
73	8	Хвал⟨илъ⟩ Т⟨ургеневъ⟩ имъ внимая	Хром⟨ой⟩ Т⟨ургеневъ⟩ имъ внималъ
»	9	рабъ неп⟨ринимая⟩	рабство нен⟨авидя⟩
90	15	строка 4	строка 3
94	23	злая и несправедливая	злая

[1] Опечатки на стр. 446—450 допущены по независящимъ отъ редактора обстоятельствамъ.

lib.pushkinskijdom.ru

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
122	14	Первопрестольной	«Первопрестольной»
143	27	Ю..... ну	Ю..... у
208	28	знаменитая	извѣстная
253	25	Московскомъ Телеграфѣ	Московскомъ Телеграфѣ 1830 г., № 3, стр. 355—359
267	24	арцстократизмомъ	аристократизмомъ
270	28	как	какъ
321	27—28	терминовъ «national» и «populaire»	термина «national»
358	23	M. Guizot	F. Guizot
441	20	VIII строфы	пропущенной IX строфы
476	14	мгновенно	Она мгновенно
»	15	понравилось	понравилась
484	11	169	163
»	16	Joung	Young
486	21	chant	chante
509	14	именемъ	именами
526	14	приводить	приводитъ
544	16	непроходимою	непроходимою....
610	27	Кантемиръ. Описаніе Молдавіи	Кантемиръ. Описаніе Молдавіи
656	16—17	Pucelle	Henriade
723	33	1827	1836
800	32	Ѳ. А. Булгарина	Ѳ. В. Булгарина
894	18	потери	потерѣ
929	2 — 3	Sch‹iller›	Sch‹akespeare›
967	30	p. 29	p. 29, и *П. Щеголев.* Пушкин и мужики. М. 1928 г., стр. 122—123.
1022	5	изъять слово: Авзонія 438	

84813

lib.pushkinskijdom.ru